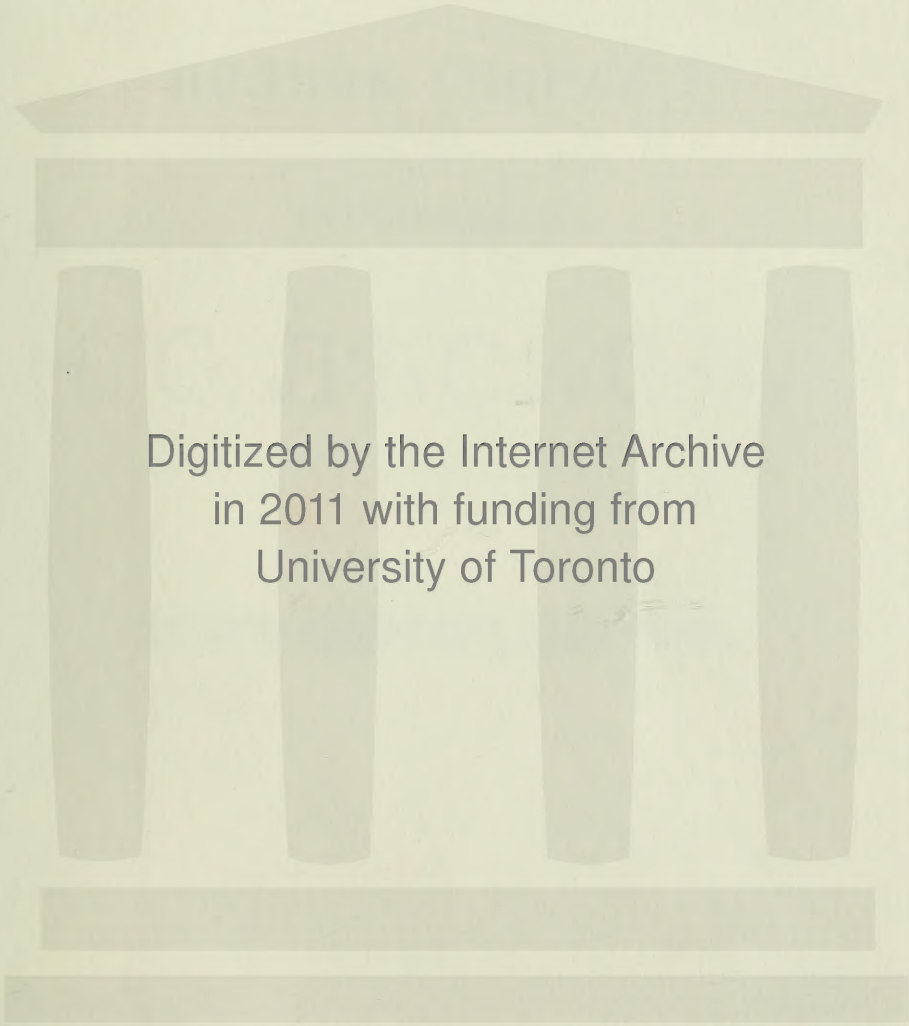
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00597057 9


Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranies11lesk

43

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

LR
L6266

Leskov, Nikolai Semenovich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. С. ЛѢСКОВА.

Polnoe sobranie sochineny

2. izd.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго, съ приложеніемъ пяти портретовъ Лѣскова и снимка съ его рабочаго кабинета, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

v. 11-12.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Часъ воли Божіей.—Полунощники.—Юдоль.—О квакереяхъ.—Импровизаторы.—Пустоплясы.—Дурачокъ.—Невинный Пруденцій.—Легендарные характеры.

541930
29.5.52

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, № 1.

ЧАСЪ ВОЛИ БОЖІЕЙ.

(СКАЗКА).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ очень древніе годы, стародавніе, былъ въ нѣкоторомъ незнатномъ царствѣ премудрый король по имени Доброхотъ. Величали его такъ за то, что онъ не любилъ воевать, а всѣмъ людямъ добра хотѣлъ. Жить онъ любилъ по-старинному и управлялъ своимъ королевствомъ съ большимъ благочестіемъ, по всѣмъ памятямъ по отцовскимъ и дѣдовскимъ, и изо всѣхъ силъ хлопоталъ и заботился, чтобы въ его землѣ правда надъ кривдою верхъ взяла и всѣмъ людямъ хорошо было у него подъ державою, но только все это дѣло у него не спорилося. Только что начнетъ Доброхотъ съ одного конца свое дѣло налаживать, какъ—глядитъ—оно у него на другомъ концѣ расплетается. Долго бился Доброхотъ всякимъ родомъ и способомъ, и умаялся въ хлопотахъ до семи потовъ, а успѣха ему все-таки нѣтъ какъ нѣтъ. И потерялъ, наконецъ, Доброхотъ всякую надежду устроиться, и взяло его отъ этого такое горе и отчаяніе, что не стали его веселить ни скоморошьи потѣхи, ни пляски, ни женины ласки умильныя; опостылѣли ему звѣриные ловы и птичья охота наскучила. Сталъ король вянуть и къ гробу посунулся.

Замѣтила это жена Доброхота-премудраго — Милолика,

королева прекрасная, и начала его обнимать и просить съ нѣжностью, чтобъ онъ пожалѣлъ себя и ее, и своихъ малыхъ дѣтушекъ, и не трудилъ бы себя долгою тяжкою заботой, а созвалъ бы скорѣе со всего королевства самыхъ сановитыхъ бояръ и велѣлъ бы имъ всю премудрость обдумать въ большой думѣ засвѣтло и подать себѣ предъ сумерки все дѣло чистое—на ладошечкѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Король Доброхотъ въ сей послѣдній разъ нѣжныхъ ласокъ своей прекрасной королевы Милолики послушался и созвалъ своихъ думныхъ бояръ со всей земли и началъ у нихъ спрашивать:

— Все ли у насъ подъ моею державой идетъ такъ, какъ слѣдуетъ?

Совѣтчики отвѣчали:

— Съ нашей руки видать, будто идетъ у насъ все какъ слѣдуетъ. Будь только ты у насъ многолѣтне здравъ, а для насъ ничего окромя сего и не надобно.

— Если всѣ вы не врете, то, пожалуй, быть-можетъ и вправду такъ,—отвѣчалъ король:—хорошо, молодцы, я для васъ постараюсь подольше жить, а только мнѣ то огорчительно, отчего у меня подъ державою не все такъ, какъ я хочу: для чего у насъ есть холодные и голодные и отчего не для всѣхъ равно все спорится и ладится?

А бояре Доброхоту отвѣтили:

— Что тебѣ этимъ пустымъ дѣломъ тревожиться! Не прогнѣвайся, посмотри вокругъ, вѣдь оно и по всей землѣ повсемѣстно такъ—не у насъ однихъ все хорошее не спорится, не ладится!

— Ну пускай повсемѣстно такъ,—отвѣчалъ король,—а мнѣ это не нравится, я хочу у себя это вывести. Учредимте примѣръ на цѣлый свѣтъ, чтобъ отъ насъ всѣмъ людямъ хорошо стало. Я затѣмъ васъ къ себѣ и потребовалъ, чтобы вы мнѣ скорѣй это дѣло обдумали. Подите-ка

сядьте честь-честью въ большой сборнѣ вдоль лавокъ за столъ, да не спите, поклавъ другъ другу головы на плечи, и обо всемъ мнѣ до сумерекъ обдумайте на-крѣпко, а сутемень придите и выложьте.

Совѣтчики засѣли совѣтъ держать и кой часъ поспали, а послѣ, проснувшись, всѣ между собою заспорили: одни стали говорить, будто всѣмъ хорошо было только въ старину стародавнюю; а для того и теперь будто надо опять изъ могилы на свѣтъ старину поднять и начать жить всѣмъ по-старинному, какъ было въ прошлое время, при дѣдахъ и при прадѣдахъ, когда будто бы снѣгъ горѣлъ, а соломой тушили. А другіе стояли за то, что и въ ту старину стародавнюю тоже не всѣмъ подъ-рядъ равно хорошо было; а что станетъ, молъ, для всѣхъ поравнѣй и порадостнѣй только въ будущемъ. А потому не надо-де нонѣшнимъ днемъ очень сильно печалиться и заниматься до устали: нонче, молъ, какъ ни прожить — это все равно, — хоть и пострадать, такъ не важно стать: нашъ народишко терпѣливый, выносливый — ему ужъ не первый снѣгъ стелетъ головы, и ему ничего отъ бѣды не подѣется; а надо намъ половчѣй учредиться на предбудущее, чтобы во вѣки-вѣковъ было наше имя прославлено.

Провели въ этихъ рѣчахъ все время засвѣтло, а въ сумерки встали съ мѣсть, запахнулися и принесли сутемень свои суды къ королю въ теремъ и все готовьемъ предъ нимъ и выложили.

Слушалъ долго король всѣ разводы совѣтчиковъ и всѣ ихъ слова ему не понравились: покачалъ онъ на нихъ головой и прогналъ ихъ всѣхъ ко своимъ дворамъ на полатяхъ спать, а самъ еще въ два раза смутнѣй закручинился.

— Мнѣ, — говоритъ, — отъ этого ихъ совѣта совсѣмъ нѣтъ ни корысти, ни радости, и сказали они несуразное, потому что не я дамъ Богу отвѣтъ за то время, когда меня не было, и не отвѣчу я и за то, что̀ послѣ меня въ свѣтѣ станется. А я хочу знать, какъ я самъ теперь дол-

женъ державствовать, чтобы сейчасъ всѣмъ людямъ стало полегостнѣй; а вотъ это-то у меня какъ разъ и не спорится, не ладится.

И началъ король одинъ въ сумеркахъ по палатѣ изъ угла въ уголъ ходить, и какъ до угла дойдетъ да повернется, то вздохнетъ глубоко изъ всей груди, такъ что вездѣ слыхать во всемъ теремѣ.

Тогда подошла къ нему тихо въ потемочкахъ старая его мамка, чуждянка, изъ чужихъ земель полоненая, и говоритъ ему по-просту:

— Ты чего, мое дитятко, все вздыхаешь да охаешь? Ты вѣдь самъ виноватъ,—для чего ты задумалъ искать на бѣдную долю совѣта и разума у своихъ у бояръ и совѣтчиковъ? Имъ вѣдь только и дѣло—особиться, а до общихъ заботъ имъ и нужды нѣтъ, потому что всѣ они только себѣ добра хотятъ, а ты повели привести къ себѣ старцевъ божьихъ, пустынничковъ, такихъ, которымъ уже свѣтъ не милъ и земля имъ давно опостылѣла. Вотъ ты ихъ спроси, — имъ врать нечего, имъ уже ничего въ этомъ свѣтѣ на надобно,—такъ они тебѣ можетъ-быть правду и выскажутъ.

Королю это слово понравилось.

— Хорошо, — онъ сказалъ, — я тебя очень послушать радъ, но только гдѣ же могу я такихъ божьихъ людей достать?

А старуха отвѣчаетъ:

— Ты объ этомъ не крушися ни малости: слово сказано, что три праведныхъ въ каждомъ царствѣ есть, и у насъ они, милый, водятся. Вотъ мнѣ помнится, что слыхала я про трехъ угодныхъ пустынниковъ, которые стоятъ уже много лѣтъ на однихъ мѣстахъ и отъ всего земного они ужъ давно отстоялися, а теперь только въ то живутъ, что втроемъ въ одинъ голосъ за твое царство молятся. Если хочешь ты, чтобы всю правду знать, то скажу тебѣ, не прогнѣвайся: можетъ-быть только по ихъ молитвамъ до сихъ поръ Господь Богъ твое царство и милуетъ.

— Хорошо,— отвѣчалъ король,— я сейчасъ хочу видѣть этихъ угодничковъ.

— Вотъ таковъ же и мой совѣтъ: пошли, чтобы ихъ сыскать и привести сюда съ бережью, и спроси у нихъ самъ, отчего у тебя ничто не спорится, не ладится: имъ все явлено, и они тебѣ всю правду, какъ солнышко, на ладоночку выложатъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Король Доброхотъ совѣта своей мамки послушался, и повелѣлъ поставить для него при пути стулъ со спинкою, да и сѣлъ на него рано утречкомъ, чтобы видѣть людей, когда они въ городъ идутъ, да у всѣхъ у калѣкъ-перехожихъ сталъ спрашивать: не видали ли гдѣ трехъ пустынниковъ, которые отбыли все земное, что имъ было назначено, а теперь только въ то и живутъ, что за одно его царство Господу молятся, и черезъ тѣ ихъ молитвы священныя держава его выше всѣхъ на землѣ стоитъ.

Калѣки-перехожіе, тѣ, что всѣ чудеса въ свѣтѣ Божіемъ видѣли, разсказали королю, что такіе праведные пустынички точно есть, но процвѣли они не въ одномъ мѣстѣ, а стоятъ они уже много лѣтъ, всѣ порознь спасаются. Одинъ, тотъ, что постарше всѣхъ, просіялъ въ самомъ дикомъ тѣсномъ лѣсу, гдѣ онъ сталъ давно на дубу на макушечкѣ, а теперь тотъ дубъ уже высоко возросъ и уперся въ поднебесье, и старца и солнце жжетъ, и буйные вѣтры бьютъ; — этотъ называется старикъ-Дубовикъ, а вѣку ему давно лѣтъ за тысячу. Другой старичокъ — этому средній братъ — процвѣлъ въ безбережной степи посреди ковыля, гдѣ и журавли и драхвы съ головами хоронятся, и верховóго латника съ копьемъ вмѣстѣ не видно; тамъ закопалъ себя старичокъ въ землю по-поясъ и терпитъ, какъ его гложетъ сыпучій червь, а самъ кушаетъ только козявочекъ, которыя сами ему въ ротъ вползутъ; — и этотъ пустынникъ называется старикъ-Полевикъ, а вѣку ему пятьсотъ годовъ.

Третій же старичокъ—этимъ обоимъ самый младшій братъ—потопилъ себя по самую шею посреди невылазныхъ рамедныхъ болотъ и живетъ тамъ съ лягушками, съ змѣями, а въ лицо его жалитъ песья муха, и пискунъ-комаръ давно изъ него уже и кровь всю выпилъ, а старикъ все стоитъ, не шевелится; — имя ему Водовикъ, а вѣкъ его триста лѣтъ безъ единаго. И всѣ эти дивные старцы теперь уже чуть живы, такъ что надо ихъ брать съ большою опаской и бережью, потому что отъ самаго малаго встрясу всѣ они могутъ разсыпаться.

И дали калѣки Доброхоту совѣтъ, чтобы послать за старичками самыхъ учтивыхъ людей, полированныхъ, и чтобы взяли послы каждый съ собою по мягкой плетушкѣ соломенной, въ какихъ носятъ гусей предъ царскимъ теремомъ на льду драться. А въ каждую плетушечку наказали калѣки настлать на донышко сѣна пахучаго и мягкаго, волокнистаго мху съ старой сосны, а сверху присыпать слегка пухомъ и драными перьями, чтобы было во что̀ закопаться пустынничкамъ. И всадить старичковъ надо вѣжливо, поучтивому, и нести во всю дорогу посмѣнно въ плетушечкахъ, потому что свои ножки у нихъ отстоялися и ходить они разучилися, а тѣла у нихъ такъ изветшились, что нести ихъ посыльнымъ нимало не тягостно.

Разослалъ король пятьдесятъ пословъ во всѣ стороны и велѣлъ, чтобы нашли, гдѣ хотятъ, старцевъ: Дубовика, Полевика и Водовика, и чтобъ сняли ихъ съ насиженныхъ мѣстъ бережно, посадили половчѣе въ плетушечки и принесли бы къ королю на закорочкахъ. И которые изъ полсотни людей не найдутъ старичковъ, а безъ пользы даромъ проходятъ, тѣмъ большого наказанія пужаться ненадобно и домой идти весело; а которые счастливы будутъ и праведныхъ старичковъ принесутъ, тѣмъ ждать себѣ большихъ почестей: тѣмъ поставятъ каждому у двора по кресту и по шесту, а наверхъ шеста вздѣнутъ цвѣтной колпакъ, чтобы всѣ, кто мимо пойдетъ, вверхъ глаза бы дралъ да имъ бы завидовалъ. А дорогой чтобы ни о чемъ старичковъ не

смѣть спрашивать, а сказать только имъ, чтобъ они не боялись для себя ни битья, ни бритья, ни горячаго укропа, потому что зоветъ ихъ самъ король къ себѣ на-очи и хочетъ узнать отъ нихъ только одно: отчего у него все не спорится и не ладится? И какъ только они ему объ этомъ скажутъ, такъ онъ ихъ ни о чемъ больше не станетъ разспрашивать, а наградитъ всѣмъ, что̀ имъ надобно, и въ какой чинъ они захотятъ — въ тотъ онъ ихъ и пожалуетъ. Если они захотятъ при королѣ чтобы быть, то онъ оставитъ ихъ жить у себя на застольщинѣ и дастъ имъ супротивъ другихъ кормы вдоволѣ; а если они, одичавши чрезъ долгій вѣкъ, не поймутъ, какъ въ столицѣ жить и какъ при какихъ церемоніяхъ надо ухмыляться иль морщиться, то король ихъ за то не сказнитъ, а опять назадъ въ свою глушь сошлетъ на тотъ манеръ, какъ самимъ имъ понравится,—хоть въ колымагахъ на тавреной, пушно̀й кошмѣ, хоть опять на мхѣ и на сѣнѣ въ плетушкахъ соломенныхъ.

Пошли послы королевскіе, какъ имъ было указано, и во всѣ концы королевства разсыпались,— въ каждый слѣдъ все по парочкѣ, для того, чтобы какъ найдутъ старичковъ, такъ нести ихъ на закоркахъ, не безъ отдыха, а другъ съ дружкою въ перемѣночку.

Шли они шли, не считая сколько дней, очень долго, и все еще безъ толку, и зашли уже на самый край королевства,— дальше чего и идти нельзя, потому что стоятъ тутъ чужіе стражники, на плечахъ песьи головы. Но чуть только три пары пословъ завернулися, вскорѣ же обрѣли всѣхъ трехъ старичковъ,— одного въ лѣсу, другого въ полѣ, а третьяго посреди рамедныхъ болотъ. Сказали имъ посланцы отъ своего короля поклонъ вѣжливо и стали звать ихъ съ собой по-учтивому; но старички имъ ничего ни въ отвѣтъ, ни въ привѣтъ не промолвили, а только какъ цыплятки начали себѣ тонкими вѣками глазки защуривать. Тогда посланцы сняли ихъ съ насиженныхъ мѣстъ и стали на нихъ грозиться и спрашивать:

— Ну-ка, вы, безсѣмянники: нѣтъ ли подъ вами на вашихъ мѣстахъ серебра или золота, или самоцвѣтныхъ камней? Лучше вы, дохлая братія, сами честью откройтеся, а то вѣдь мы вамъ не таковскіе,— запытаемъ, замучаемъ до-смерти.

Поняли старички слова ихъ или не поняли, но только опять ничего не отвѣтили, а послы ихъ за то переворотили на ловкую сторону и на обѣ корки отхлопали, и опять стали спрашивать, и опять ничего не добились,—и такъ до трехъ разъ отхлопали, а послѣ того посадили ихъ на сѣно въ плетушечки и наказали, чтобы ни одинъ не смѣлъ королю на нихъ жаловаться. Потомъ прикрыли ихъ сверху лопушинымъ листомъ, чтобы перелетныя птицы ихъ не запачкали, и понесли къ королю на закорочкахъ, другъ съ дружкою ношей мѣняючись.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сошлися всѣ три пары обрѣтшихъ пословъ въ столицу королевскую въ одинъ день на утренней зоречкѣ, когда король шелъ изъ опочивальни королевиной въ свою теплую мыленку. Посланцы, какъ несли старичковъ дорогой въ плетушечкахъ, такъ ихъ у предбанника на землю поставили, а сами въ рядъ позади становилися. Помылся король майораннымъ мыломъ и щелокомъ съ кучерявою мятой, съ душицею, расчесалъ кудри и бороду и вышелъ изъ мыльни показаться народушку, а послы тутъ за-разъ лопухи съ плетушечекъ сняли прочь и Доброхоту старичками челомъ въ землю ударили.

Король сдѣлался радостенъ: велѣлъ пословъ накормить, напоить и въ его собственной банѣ отмыть и хорошенечко выпарить, а самъ подошелъ къ старцамъ съ улыбкой привѣтною; но какъ увидалъ, какіе они сидятъ испитые, тщедушные — въ чемъ душа въ тѣлѣ держится, то отъ страха и руки врознь.

Однакоже, поглядѣвъ на нихъ окомъ благостнымъ, ко-

роль осмѣлѣлъ и сталъ надъ ихъ надъ плетушками разговарнвать, что вотъ такъ и такъ, наученъ онъ сызмлада наукамъ и мудростямъ и очень хочетъ, чтобы всѣмъ въ его королевствѣ хорошо было, а никакъ это у него не спорится, не ладится.

— Спрашивалъ, — говоритъ, — я объ этомъ моихъ мудрыхъ бояръ и совѣтчиковъ, да ничего не дошелъ отъ нихъ умнаго: или они не знаютъ, или таятся, а говорятъ все такое, что уже тридцать разъ слышано. Ну те-ка вы,— вы вотъ много лѣтъ все молчали и устремляли умы на высокое, — прошу я васъ честію: скажите вы мнѣ, отчего у меня не спорится и не ладится.

А старики какъ сидѣли, такъ и сидятъ во плетушечкахъ, и какъ молчали они много лѣтъ, такъ и теперь молчатъ и своего слова не сказываютъ.

Терпѣливъ былъ и ласковъ король, но за это разгнѣвался.

— Что же,— говоритъ, — вы молчите, какъ истуканы и чучела? Я посылалъ за вами много людей полированныхъ во всѣ стороны, а вы мнѣ и по одному слову не сказываете. Вы теперь не въ лѣсу и не въ болотѣ, а въ моемъ стольномъ городѣ: здѣсь молчать, когда спрашиваю—значитъ грубительство и за это отъ моего утвержденія по закону васъ будутъ наказывать. Смекните, что я говорю съ вами не ради забавы и прибыли, а для пользы въ великихъ дѣлахъ государственныхъ. Для чего же вы мнѣ противляетесь? Не забудьте, что вы мнѣ вѣрноподданные, и я могу повелѣть, чтобы при мнѣ васъ поломя разсѣчь, или привязать васъ къ конскимъ хвостамъ, да и размыкать васъ по полю.

Но смутился король, что если старичковъ казни предать, тогда ничего отъ нихъ не довѣдаешь, а если сдать ихъ честь-честью съ рукъ на руки палачамъ-молодцамъ и велѣть развести по застѣночкамъ да на дыбѣ потрясти да разспрашивать, то они и одной встряски не выдержатъ— всѣ разсыплются въ прахъ и разлетятся пылью по потолкамъ да по стѣночкамъ.

И опять созвалъ Доброхотъ на совѣтъ всѣхъ своихъ мудрыхъ совѣтчиковъ и спросилъ ихъ: отчего передъ нимъ справедливые старцы упрямятся и что ему съ ними надо сдѣлать, — какъ ихъ понудить, чтобъ они по одному важному слову высловили?

Вельможи отвѣчаютъ:

— Мы бы знали, что дѣлать, да ты это дѣло самъ испортилъ.

— А чѣмъ я испортилъ?—вопросилъ король.

— А испортилъ ты тѣмъ, что понизилъ высокій санъ— сталъ съ простыми людьми вровняхъ разговаривать: вотъ они черезъ это теперь и зазналися. Тебѣ, кромѣ насъ да стрѣльцовъ, ни съ кѣмъ говорить непригоже, потому что твое дѣло средь всѣхъ людей особливое. Чтобъ исправить теперь ихъ какъ слѣдуетъ, дай ихъ намъ — мы отъ нихъ всю ихъ премудрость довѣдаемъ.

Король, было, совсѣмъ согласился отдать старцевъ боярамъ; но прослышала опять объ этомъ мамка-полонянка-доилица и пришла съ клюкой къ королю, чтобъ его отговаривать.

— Не сердись,—говоритъ,—ты на бѣдныхъ пустынниковъ: вѣдь они одичали и молчатъ уже много лѣтъ. Не хотятъ они и тебѣ говорить не по грубости, потому будто дѣло твое особливое, а они—не прогнѣвайся—опростилися и тебя мнятъ не выше всѣхъ прочихъ въ созданіи, и въ особину на тебя не надѣются!

— Значитъ, глупы они,—отвѣчалъ король.—въ семъ вина тебѣ: вѣдь они сюда съ твоего совѣта и позваны.

— Нѣтъ, не глупы они, а неопытны: лгать стыдятся, а прямить боятся. Подожди, они при твоемъ дворѣ поживутъ — сполируются и тогда ухитрятся, какъ сказать про все неразберихою, — скажутъ такъ, что ничего не будетъ тебѣ и другимъ непріятнаго и все будетъ то, что твоему могуществу надобно. А только ты потерпи и не давай ихъ на допросъ своимъ боярамъ-совѣтчикамъ: видишь самъ, чай, что старички они очень слабые, — а бояре твои про-

тивъ слабыхъ усиліе творить очень усердные: они ихъ возьмутъ да съ большого усердія запытаютъ и замучаютъ до-смерти. Мой совѣтъ тебѣ—будь обходительнѣй: призови ты сейчасъ лучше всего своего гусляра Разлюляя-гудошника—онъ измигулъ-мужиченко, лядащенькій, ни на міръ, ни въ семью ничего не работаетъ, а однимъ своимъ пустобрехомъ на свѣтѣ живъ; но зато знаетъ онъ всѣ разныя хитрости и всѣ ходы съ подходами. Посмотри-ка, онъ чего занесетъ пустолайкой и въ-разъ у старичковъ правды допросится—обойдетъ ихъ если не лаской, такъ хитростью.

Доброхотъ позвалъ своего плясуна, гусляра Разлюляя-гудошника, и сказалъ ему:

— Ты лядащій мужикъ-измигулъ не работистый, только хари гнешь, да врешь ни знать что̀ пустолайкой, — здѣсь отъ тебя до сей поры никакой пользы не было, а теперь я тебя хочу поставить совсѣмъ на другую стать. Полно тебѣ въ дуракахъ ходить да ерошиться: я теперь тебѣ свое государево великое дѣло приказываю, чтобы ты, какъ умѣешь и вѣдаешь, допытался у старичковъ ихъ откровенія премудрости: отчего у насъ въ королевствѣ не спорится, не ладится.

И закончилъ король Разлюляю рѣшеніемъ:

— Узнаешь премудрость — дамъ тебѣ сто рублей, а не узнаешь—велю дать сто плетей. Помни, что мое слово королевское твердо, какъ Богъ въ небеси, — что̀ я сказалъ, то̀ и станется.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Разлюляй-измигулъ, гулевой мужиченко, шершавенькій, повсегда онъ одѣтъ въ зипунишечкѣ въ пестренькомъ,— одинъ рукавъ кармазинный, а другой лазоревый, на головѣ у него суконный колпакъ съ бубенчикомъ, штаны пестрядинные, а подпоясочка лыковая,—не жнетъ онъ и не сѣетъ, а живетъ не знамо чѣмъ, и питаетъ еще хозяйку красивую да шестерку дѣтей,—на котораго ни глянь, сразу знать

что всѣ—Разлюляевичи. Ходитъ онъ повсюду болтается и никто разобрать не можетъ: видитъ ли онъ добро въ той темнотѣ, что была до Гороха царя, или свѣтится ему лучшее въ тѣхъ смыслахъ, какіе открылися людямъ послѣ время Горохова. Никто его не чуждается, а всѣ зовутъ его «пустолайкою»; но измигулъ Разлюляй ни на чьи слова не обижается и за легкимъ тычкомъ не гоняется, а людей потѣшаетъ, и какъ устанетъ врать пустолайкою, то соловьемъ свиститъ, то лопочетъ варакушкой, на рукахъ идетъ, бокомъ катится и на всякій на разный манеръ притворяется.

Но какъ выслушалъ Разлюляй королевъ приказъ, позабылъ онъ всѣ свои забавы и шуточки, и началъ проситься отъ этого дѣла прочь,—что «не мнѣ де такое важное дѣло вѣдати»; но король топнулъ ножкой, и пошелъ Разлюляй къ старикамъ и началъ вокругъ нихъ, по обычаю, измигульничать: митусить ногами и кланяться да притворно сквозь слезы приговаривать:

— Охъ вы, гой еси старички справедливые, треблаженные, божьи молчальнички, разомкните уста свои благовѣстныя и скажите скорѣй, не потайте отъ короля отъ нашего милосерднаго батюшки, отчего у него подъ державой все добро не спорится, не ладится?

А старички какъ молчали, такъ и теперь молчатъ, только, знай себѣ, въ кошолочкахъ гнѣздятся.

Тогда Разлюляй сталъ на другой манеръ измигульничать, и началъ ихъ пробовать жалостью.

— Мнѣ нужда есть узнать это страшная: потому что если вы мнѣ скажете, отчего не спорится добро, то король обѣщалъ мнѣ дать сто рублей, а если не скажете, то онъ дастъ мнѣ тогда сто плетей. Его слово королевское крѣпко, и сбудется—не забудется. Да вамъ и самимъ, старичкамъ, для себя молчать не совѣтую, потому что король васъ тогда не отпуститъ назадъ ни въ степь, ни въ лѣсъ, ни въ болото, а велитъ васъ подвѣсить въ кошолочкахъ подъ полати въ большой избѣ, гдѣ онъ держитъ частый совѣтъ со

своими вельможами. Что тамъ по всѣ дни наслышитесь — спаси только Господи. Вотъ вы на этотъ счетъ поразду-майте, каково-то вамъ тамъ придется слушать совсѣмъ непривычныя рѣчи до самаго до-вѣку! Выручайте и меня, и себя, отцы, а то нагрѣшите вы съ ними три короба и не годитеся послѣ того ни къ стру, ни къ смотру, ни въ рай, ни въ адъ, ни въ царство небесное, а такъ и останетесь висѣть подъ полатями.

Такъ напугалъ этимъ Разлюляй старичковъ, что они стали глазами водить во всѣ стороны и изгорѣвшими устами своими начали пошевеливать, а измигулъ Разлюляй-пустобрехъ, какъ увидалъ, что успѣлъ имъ загнать во лбы загвоздку здоровую,—сейчасъ побѣжалъ къ королю и говоритъ:

— Что мнѣ отъ твоей милости сказано, я все это уже выполнилъ: старички уже теперь полируются,—стали уже губами двигать и скоро шептать начнутъ,—одѣвайся скорѣй, да иди-ка ихъ слушать, что они высловятъ, какія премудрости.

Какъ пришелъ король да нагнулся къ первой плетушечкѣ, такъ и стало слышно ему, что старикъ Дубовикъ и впрямь полируется,—объ ивовое плетеніе, какъ поросенокъ, всѣми боками трется, а самъ робко пыхтитъ и тихо покрехтываетъ.

Король его и спросилъ: «Отчего на свѣтѣ доброе не спорится и не ладится?»

Старикъ Дубовикъ прошепталъ:

— *Оттого, что люди не знаютъ: какой часъ важнѣе всѣхъ.*

Доброхотъ нагнулся къ другому, къ Полевику, и того спросилъ, а тотъ шепчетъ:

— *Оттого, что не знаютъ: какой человѣкъ нужнѣе всѣхъ.*

Нагнулся Доброхотъ и къ третьему старичку, а тотъ ему сказалъ:

— *Оттого, что не знаютъ: какое дѣло дороже всѣхъ.*

И такъ молчальникамъ трудно это было проговорить съ

отвычки, что они какъ только сказали, такъ и ослабѣли, и больше не полируются, а лежатъ, едва дышатъ, на донышкахъ. Ничего отъ нихъ король больше никакъ не могъ допытаться-довѣдаться, и еще больше разсердился, потому что сказанныя ими слова стали ему загадками, которыя понимать можно на-двое. Король же привыкъ такъ все брать, чтобы было ему все какъ на ладонкѣ положено, и оттого ему теперь еще больше досада пришла, и приказалъ онъ сдѣлать съ старичками точь-въ-точь такъ, какъ имъ Разлюляй пригрозилъ: указалъ Доброхотъ, чтобъ ихъ не носить ни въ лѣсъ, ни въ болото, а подвѣсить ихъ въ кошолкахъ въ большой совѣтной избѣ подъ полатями и держать ихъ тамъ, пока они не скажутъ: «какой самый важный часъ, кто самый нужный человѣкъ и какое дѣло дороже всѣхъ».

Отнесли старичковъ въ совѣтную избу и подвѣсили подъ полатями въ ихъ плетушечкахъ, посыпали имъ пшенной кашки, чтобъ они въ просоночкахъ зѣблили, и поставили на верхнемъ полу ведерцо воды съ мѣднымъ ковшикомъ, а сами всѣ спать пошли и разоспались до одури самымъ крѣпкимъ сномъ до самаго до свѣту.

Но однако спали не всѣ люди во всю ночь безъ просыпу,—проснулся въ первые пѣтухи сынокъ кравчаго, побѣжалъ въ избу незапертую и укралъ изъ ведра съ водой красный мѣдный ковшъ, чтобы промѣнять его на подторжьѣ на пряники. А потомъ еще не поспалось самому королю Доброхоту-премудрому: все казалось ему, будто его закожныя блошки покусываютъ. Провалялся онъ такъ безъ сна до послѣднихъ пѣтуховъ, и надоѣло ему въ постели барахтаться—безъ сна лежать, только маяться; всталъ онъ горошкомъ, распрямился, нахватилъ себѣ на плечи королевскую глубоньку и пошелъ старичковъ посмотрѣть: живы ли они и здоровы ли, и чего они черезъ ночь, полируясь, надумались?

Пришелъ король въ избу, подставилъ себѣ къ полатямъ приставную скамеечку, но только что глянулъ въ плетушечки,—такъ и ротъ раскрылъ, и завопилъ благимъ голо-

сомъ, и со скамьи на полъ навзничь треснулся. Всѣ плетушечки были пусты-пустёхоньки, и ни отъ одного старичка ничего не осталося, кромѣ смятаго мѣста да насѣдней. Разлетѣлись ли они легкою пылью по стѣнкамъ да по полу, или унесло ихъ по воздуху, но только тутъ, гдѣ они сохранялися, ничего не осталося.

Король такъ испугался, что какъ со скамьи упалъ, такъ и не становится на ноги, а катается по полу и такъ бьется, что вся земля трясется. Стало страшно ему, что когда ни есть, благимъ временемъ, уберегутъ самого его слуги вѣрные, такъ что, пожалуй, лиходѣи и его со двора сведутъ и растрясутъ гдѣ-нибудь безъ остаточка!.. Услыхали караульщики, какъ земля дрожитъ, и стали спросонья бить громкій всполохъ по чугунной доскѣ на цѣлый дворъ и кричать благимъ голосомъ: «Ай земля сотрясается—мы насилу за колышки держимся!»

Перепугались всполоха и крика королевскіе спальники и застольники и начали со страху вокругъ себя на корачкахъ ползать, а потомъ пришли и вылили королю все ведро воды за воротъ, и насилу нашли королевскаго доктора-нѣмчина, который одинъ зналъ, что сдѣлать надобно: онъ поднесъ Доброхоту подъ самый носъ стеклянную столбушечку, а въ столбушечкѣ тертый крѣпкій хрѣнъ, и защекоталъ ему перстами въ подмышечкахъ.

Отъ хрѣну и щёкота королю сразу полегчало: онъ сталъ похохатывать и въ-разъ возвратились ему всѣ его чувства нѣжныя и большія заботы о подданныхъ. Созвалъ онъ опять къ себѣ всѣхъ бояръ и совѣтчиковъ и сталъ спрашивать ихъ: гдѣ дѣлись пустынички, не извелъ ли ихъ кто какою отравой, боясь ихъ правдивыхъ словъ, или не продалъ ли ихъ съ ненасытной душою куда-нибудь въ чужое царство безбожное, гдѣ ихъ станутъ неволить въ римскій костелъ ходить и ѣсть скоромное по середамъ и по пятницамъ.

Бояре, какъ могли, постарались короля успокоивать, и стали ему доводить, что никакого тутъ зла съ умысломъ не случилось, а что просто жилъ, вѣрно, въ палатѣ подъ по-

ломъ жадный хорь, и поѣлъ этотъ жадный хорь старичковъ безъ остаточка.

И стали всѣ короля отвлекать и разсѣевать,—что убиваться ему о такой пустой пропажѣ долго не слѣдуетъ, что «старички были люди ветхіе и свой вѣкъ давно уже отжили».

— Пропоемъ о нихъ панихидочку, вспомянемъ ихъ канономъ на паперти, да у себя по домамъ блинками съ припекою, и будемъ править всѣмъ опять по-старинному, какъ было при дѣдахъ нашихъ и прадѣдахъ. А что никакъ не спорится и не ладится—про то, значитъ, и думать не слѣдуетъ: на землѣ бѣднякамъ всегда будетъ жить тяжело, да никуда они не подѣнутся: вѣдь на небо взлетѣть крыльевъ имъ не дано. Поскулятъ и на томъ успокоятся!

Королю же однако эти слова не понравились, и не повѣрилъ онъ тому, чтобы старичковъ у него въ избѣ хорь изъѣлъ,—а сказалъ онъ такъ:

— Если хорь изъѣлъ, то гдѣ же ихъ косточки? Панихиду о нихъ я согласенъ пѣть, да вѣдь надо пѣть ее надъ могилами.

Тогда приступилъ къ королю судный дьякъ, во всѣхъ дѣлахъ многоопытный, и сказалъ королю, что бояре болтаютъ негожее: не хорь изъѣлъ старичковъ, а ушли они не иначе, какъ своею колдовскою хитростью: пролили изъ ведра воду на полъ, а сами сѣли въ мѣдный ковшикъ и уплыли. Ихъ теперь нигдѣ не сыскать никакими манерами. Отъ лихихъ колдовскихъ людей таковыя дѣла не разъ были во всѣхъ земляхъ, и при всѣхъ дѣдахъ и при прадѣдахъ, и вездѣ на телячьихъ на шкурахъ записаны чертами и рѣзами, со брегами широкими, и въ самыхъ глубокихъ подвалахъ тѣ шкуры положены, чтобы хранить въ поученіе внукамъ и правнукамъ.

А король говоритъ: «хорошо, чему вѣрили дѣды и прадѣды, тому я всему съ охотою вѣрую; но вѣдь не грѣхъ и то узнать: что какъ устроено? Вотъ я хочу, чтобы вы показали мнѣ: черезъ какое подполье старцы въ мѣдномъ ковшѣ сквозь землю въ океанъ-море спустилися? Согнать

сейчасъ со всего королевства плотниковъ и чтобы взломали они въ-разъ всѣ полы во всѣхъ домахъ. Не ломать только въ моемъ теремѣ, да у сѣрыхъ сельскихъ людей, у которыхъ въ жильяхъ полы не стланы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пошли бояре не веселы: не хотѣлось имъ посылать людей, чтобы сгонять со всего королевства плотниковъ и ломать половицы въ жилыхъ домахъ, а не смѣли ослушаться короля и не знали, какъ своему горю помочь. Но на ихъ счастье узнала опять обо всемъ объ этомъ королевская мама-чуждянка-доилица, и пришла она къ королю съ прежней смѣлостью и начала говорить ему поучтивому:

— Ты прости меня, неразумную: я хоть и стара и глуха, а кое-что слышала, и могу тебѣ разсказать, куда дѣлися старчики. Ихъ не хорь изъѣлъ и не сплыли они въ мѣдномъ ковшикѣ, а настращалъ ты ихъ до смерти самъ, что велѣлъ ихъ подвѣсить къ полатямъ въ избѣ, гдѣ держишь совѣтъ свой съ своими боярами. Старчики вѣкъ сидѣть и все слушать васъ забоялись. Я не спала всю эту ночь отъ лихого отъ вереда и слышала, какъ они другъ со дружкой въ потемкахъ скликнулись. По началу всѣ они сразу чирикнули точно будто сверчки подъ загнеточкой, а потомъ зачали въ своихъ плетушечкахъ покачиваться и такъ раскачались во всѣ стороны, что въ-разъ опрокинулись и съ сѣнцомъ вмѣстѣ на полъ и выпали.

— Гдѣ же они теперь?—закричалъ король.

— А теперь ихъ и слѣдъ простылъ: уползли на корачкахъ съ твоего двора и всѣ въ буйной травѣ безъ слѣдочка и скрылися. Теперь ихъ тебѣ ни за что не найти, потому что трава у насъ этотъ годъ очень рослая; да и дѣло до нихъ ужъ теперь не касается.

— Отчего же оно не касается?

— Оттого, что приснился мнѣ вѣщій сонъ, и былъ слы-

шенъ во снѣ таковой глаголъ, что отгадать ихъ премудрость можетъ только одна чистая жалостница, которая всѣхъ равно сожалѣетъ, а сама о себѣ ничего вовсе не думаетъ. Такъ вотъ ты теперь оставь старичковъ, а посылай искать эту дѣвицу.

Король свою маму-чуждянку послушался и сейчасъ же разослалъ дворянъ и боярскихъ дѣтей дѣвицу разыскивать, а на кормы имъ повелѣлъ собрать по всѣмъ дворамъ съ каждаго дыма по шелегу.

Съ неохотой большою и съ тугою боярскія дѣти и дворяне въ подневольный отъѣздъ собиралися; перво-на-перво всѣ они взяли шелеги, а потомъ зачали у себя по домамъ печи топить и въ баняхъ париться. А потомъ долго справляли себѣ лубяныя зобёнки раскрашенныя, да укладывали въ нихъ пироги съ ветчинной начинкой, медовыя оладьи да колобки въ жиру кипяченые, да блины съ разною съ пришекой, и когда, наконецъ, напосудились, то кое-какъ съ трудомъ за ворота повыползли и поѣхали въ путь со своими стремянными. А какъ за околицу выѣхали, такъ сейчасъ взяли съ прямого пути въ стороны и разъѣхались къ роднымъ да къ пріятелямъ, и начали тамъ ѣсть до-сыта, пить до-пьяна, а напившись—кости и зернь метать, и игравъ—подрались и другъ дружкѣ подъ очи синявы намѣтили, а потомъ помирилися, на синія мѣста муки съ медомъ намазали и легли, крѣпко выспались, а какъ хмель прошелъ и синяки позаиндевѣли—послы всѣ назадъ возвратилися и почали разные страхи разсказывать про то, гдѣ будто были и что видѣли, и, предъ иконами ставъ, забожилися, что хоть много на свѣтѣ есть непонятнаго, но нѣтъ нигдѣ такой дѣвушки, которая бы всѣхъ сожалѣла, а о себѣ объ одной не заботилась.

— Къ этакой,—говорятъ,—если бъ была она, весь народъ на одинъ край свѣта сбѣжался бы, и весь свѣтъ бы тогда перекувыркнулся.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Услыхавъ такой сказъ, король такъ опечалился, какъ до сихъ поръ и не было: не сталъ онъ совсѣмъ ни ѣсть, ни пить, ни по галлереѣ гулять, дышать чистымъ воздухомъ, а залегъ какъ медвѣдь на зимовочку. И вотъ лежитъ онъ такимъ манеромъ разъ въ сумеркахъ совсѣмъ тощій, у себя въ верхней горницѣ на лежаночкѣ, и едва черезъ силу говоритъ своей бабѣ-доилицѣ:

— Неужели же я такъ и умру, не довѣдавшись: какой часъ важнѣе всѣхъ, какой человѣкъ нужнѣе всѣхъ и какое дѣло дороже всѣхъ?

А баба ему отвѣчаетъ:

— Если будешь все бояръ разсылать,—пожалуй, что такъ и не дознаешься, а попробуй пошли опять отыскать дѣвицу-разгадчицу своего Разлюляя-гудошника. Пусть онъ ее хоть и вѣкъ ищетъ, но безъ нея чтобы не шелъ назадъ. Онъ мужичонко корявый, ледащенькій, говоритъ пустолайкою, и за нимъ никакія дѣла не задержатся, а кормовъ ему отъ казны супротивъ бояръ можно дать всего одну долечку, да и то почитай, что не надобно: онъ и такъ пропитается какъ-нибудь одною своею вѣрностью. Вѣрныхъ псовъ-то добрый народушка и весь вѣкъ держитъ на безкормицѣ. Пусть и онъ при всей вѣрности свое счастье испробуетъ. Пускай высѣчетъ себѣ топоромъ въ заказномъ лѣсу хоть костыль съ клюкой, хоть дубинку здоровую, а на плечо перекинетъ пенечную обрать конскую, и довольно ему принадлежностей. Пусть идетъ, будто надо ему коней искать: «на росу, молъ, пустили, а они съ росы разбѣжалися». И пусть такъ идетъ куда знаетъ самъ, и проходитъ хоть сквозь цѣлый бѣлый свѣтъ: гдѣ жъ-нибудь на краю свѣта разыщетъ онъ дѣвицу-отгадчицу. Вѣдь сквозь таръ-тара-ры она, небось, не провалится.

— Хорошо,—отвѣчалъ король,—всѣ твои разсужденія умныя, и они мнѣ всегда очень нравятся: пошлемъ Раз-

люляя во мѣсто большихъ бояръ; а только не вздумаю, какое ему посулить за его службу жалованье?

— Обѣщай, что̀ больше, то лучше. Пусть больше зарится, а тамъ, что взаправду дашь—будетъ видно, по его по старанію. И совсѣмъ ничего не дашь—тоже стерпится: на тебя вѣдь ни въ судъ не пойдетъ просить, ни въ полицію. На тебя одинъ Богъ судья: твое дѣло совсѣмъ особливое.

— Это правда, — отвѣчалъ король, — на землѣ мы не судимся, ну, а все-таки надо и намъ межъ людей вести себя съ честностью: что королевскимъ словомъ обѣщано, то ужъ надо и выплатить, все равно какъ по бирочкѣ.

— Ну, такъ пожалуй его опять и въ этотъ разъ въ одностай противъ прежняго: если онъ исполнитъ свою службу и найдетъ дѣвицу-разгадчицу, дай ему въ тѣ поры полныхъ сто рублей, а если не исполнитъ—не сыщетъ дѣвицы, вели дать ему полностью сто плетей, да и отпусти его тогда, Богъ съ нимъ, пусть идетъ опосля къ своему двору, а ты на него больше не гнѣвайся и пожалѣй его за стараніе.

— А какъ онъ и дѣвицы не найдетъ, и сюда къ намъ со страху совсѣмъ не воротится? Онъ вѣдь пустой человѣкъ, ему вездѣ все равно—въ цѣломъ мірѣ отечество.

— Ну, про это, — сказала старуха, — я, другъ мой, не свѣдуща. Позови къ себѣ изъ приказа посольскаго судового дьяка, который посламъ ярлыки даетъ за печатями; дьякъ тебѣ это дѣло все оборудуетъ.

Пришелъ дьякъ и привелъ съ собою самаго хитраго подьячаго съ приписью и подали королю такой совѣтъ, что ярлыка Разлюляю вовсе не надобно, а какъ станетъ король отпускать Разлюляя въ послѣдній разъ, то сказать ему, что идетъ онъ посломъ не на цѣлый вѣкъ, а дается ему сроку ходить по свѣту всего три года, и если онъ къ концу третьяго года своей службы не выполнитъ, то ему самому зла не послѣдуетъ на чужой землѣ, а тутъ, дома, его дѣти съ ихъ матерью каждую недѣлю будутъ ставлены на площадь по три утра и будутъ биты въ три прута, а

при томъ битьѣ у нихъ будутъ спрашивать: знаютъ ли, гдѣ ихъ отецъ и когда передъ свѣтлыя королевскія очи воротится?

— Пригрози-ка такъ, — сказалъ дьякъ, — Разлюляй хотя и пустой человѣкъ, а дѣти всякому своя кровь: небось и онъ пожалѣетъ ребятъ и жену, и назадъ придетъ. Таковые разы уже не разъ были и на шкурѣ телячьей записаны чертами и рѣзами, со брегами широкими, и въ подвалъ подъ избой на сохрану положены.

Король молвилъ втишь, что ему самого Разлюляя жаль, но и дьякъ и подьячій съ приписью его успокоили.

— Нельзя никого сожалѣть намъ въ особину, пока все вообще еще не устроилось. До всеобщей устройки кто-нибудь пусть потерпитъ, для другихъ постарается и за то будетъ всѣмъ польза въ будущемъ, а ему это зачтется на тотъ свѣтъ душевнымъ спасеніемъ.

И изволилъ сказать король, чтобы собрать Разлюляя въ путь, а кормовъ ему присудили дать небольшимъ положеніемъ: толоконца за пазуху да узелокъ соли въ тряпочкѣ, а дальше пусть чѣмъ самъ знаетъ, тѣмъ пусть и кормится.

Сытѣе его снаряжать и не стоило, потому что дѣло, за которымъ шелъ онъ посломъ, совсѣмъ ненадежное. Весь народъ о томъ зналъ отъ бояръ сановитыхъ доподлинно. Да кромѣ того Разлюляю нигдѣ кормовъ и не надобно. Оголодаетъ, такъ можетъ либо пѣсню спѣть, либо ударить хорошенечко вприсядку, и вездѣ себѣ хлѣба онъ выпляшетъ, а не выпляшетъ, такъ и самъ возьметъ потихонечку. Вѣдь съѣстное тайно взять не грѣхъ, а благородиться Разлюляю не для чего: на немъ чина большого не кладено; ударятъ по шеѣ — согнется, а запрутъ гдѣ-нибудь — выерзнетъ подворотнею и опять пойдетъ веселехонекъ.

Измигулъ же и нетягъ Разлюляй Разлюляевичъ не дуракъ тоже былъ: не взманила его большая честь, чтобы быть въ послахъ, и началъ онъ сильно отпрашиваться, и до той поры предъ тономъ въ половицу лбомъ стучалъ,

что набѣжала у него на лбу шишка, какъ грибъ, что зовется волвянкою. Представлялъ онъ королю Доброхоту всѣ доводы, что и не уменъ, и не знатенъ онъ, и на всѣ языки не выученъ, и не съ каждыхъ вровняхъ говорить можетъ, а здѣсь безъ него дома ребятъ кормить некому и некому ихъ учить уму-разуму и разуму и почтенію королевскому.

Только просьбы его ни король, ни бояре не слушали, а сказали ему, чтобъ о дѣтяхъ своихъ нимало не плакался, потому что ихъ сошлютъ до его возвращенія къ самому королю на птичный дворъ и приставятъ утятъ стеречь, и будутъ имъ тамъ и кормъ вдоволѣ, и во всѣхъ смыслахъ наученіе; а самаго Разлюляя выпихнули за ворота, какъ онъ дома былъ, въ одномъ зипунишкѣ съ заплатами, въ рукѣ дубиночка, а на плечахъ обрать конская,—будто онъ ходитъ да сбѣглыхъ коней ищетъ.

Нечего было больше дѣлать Разлюляю, и пошелъ онъ искать дѣвицу-разгадчицу. И шелъ онъ все честь-честью самымъ смирнымъ обычаемъ, нигдѣ ничего, кромѣ съѣстного, не кралъ, и когда не давали вина—не пьянствовалъ, а все шелъ впередъ; долго ли, коротко ли, и зашелъ онъ страсть какъ далеко, на самый почти край свѣта. Встрѣчалъ онъ на своемъ пути много разныхъ людей, и звѣролововъ, и коробейниковъ, и пахарей, и у всѣхъ, кого встрѣчалъ, всѣхъ разспрашивалъ, какой часъ важнѣе всѣхъ, какой человѣкъ нужнѣе всѣхъ и какое дѣло дороже всѣхъ; но никто этого разгадать не могъ. А обратно тѣ, кого онъ разспрашивалъ, сами хотѣли знать отъ него: отчего у него на лбу выскочила шишка волвянкою? А Разлюляй говорилъ про волвянку всякому разное: то будто онъ своему королю у Бога довѣчнаго живота просилъ и все въ землю кланялся, то будто самъ за свои грѣхи каялся. Наконецъ, повстрѣчался онъ разъ съ воровскимъ цыганомъ, подъ самую Пасху великую, и тоже сталъ у того цыгана про свое дѣло спрашивать; но цыганъ ему засвисталъ и показалъ въ перстахъ загогулину и говоритъ:

— Ты мнѣ прежде самъ скажи: хорошо ли жить у васъ подъ державою и отчего у тебя на лбу вспухла шишка волвянкою?

Разлюляй ему разсказалъ, что жить у нихъ очень сладостно, а что шишка у него сдѣлалась отъ большихъ молитвъ; но цыганъ говоритъ:

— Не обманешь, братъ, я и самъ богомоленъ, и посты держу, когда нечего ѣсть, а на лбу у меня нѣтъ еще шишки волвянкою. Признавайся по истинѣ.

— А по истинѣ,—говоритъ Разлюляй,—я въ банѣ мылся да съ полка свалился.

— Что же ты за полокъ-то не уцѣпился?

— Очень угорѣвши былъ.

— Вотъ, я вижу теперь, ты говоришь мнѣ все по совѣсти: ишь какіе вы, братцы, счастливые—васъ и кормятъ, и поятъ, и спины вамъ порютъ—чего еще надобно! Теперь мнѣ съ тобою вдвоемъ ночевать не страшно,—отвѣчалъ цыганъ, зубы скалячи, и обѣщалъ ему завтра натощѣ отгадать всѣ три загадки. Такъ легли они и покрылись зипуномъ Разлюляевымъ, а въ ночи всталъ цыганъ, съѣлъ все толокно, укралъ обрать, надѣлъ зипунъ, да и былъ таковъ.

Остался Разлюляй въ однихъ порткахъ да въ рубахѣ и поплелся въ пустынный скитъ, гдѣ жилъ высокій попъ Сирахъ, у котораго была одна ряса въ дырахъ, а читалъ онъ все книгу Премудрости; но только оказалось, что Сираха попа давно уже и на свѣтѣ нѣтъ, а на его мѣстѣ живетъ новый попъ, хотя ростомъ и низокъ, да зато на немъ сорокъ ризокъ, и онъ поетъ и читаетъ молебны съ акаѳистами, а въ Сирахову книгу Премудрости не заглядываетъ. Ни откудова нѣтъ Разлюляю ни совѣта, ни помощи, только все ему бѣдства множатся, и идетъ онъ самъ подъ собой земли не видитъ и проливаетъ слезы горючія. Тутъ-то надъ нимъ наконецъ Богъ и сжалился — даровалъ ему встрѣчу желанную.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Самъ не свой Разлюляй шелъ все далѣе и зашелъ въ самый темный лѣсъ и заснулъ на мху на поляночкѣ и проспалъ съ полдня до полночи, а въ полночь прокинулся и увидѣлъ онъ тамъ при лунѣ старичка очень стараго, въ долгой рубахѣ до пяточекъ—стоитъ да съ липъ лычко деретъ, а устами поетъ тихо Спасовъ стихъ.

Разлюляй думаетъ: что это—либо сонъ снится мнѣ, либо видѣніе, или такой заправскій старикъ, которому въ ночи спать не хочется? А не лучше ли мнѣ, на всякій разъ, съ старичкомъ поздороваться?..—Взялъ и сказалъ ему по-учтивому:

— Помогай Господь тебѣ, дѣдушка!

Старикъ отвѣчаетъ:

— Будь и ты здоровъ, Какойто Какойтовичъ, и скажи, какъ тебя зовутъ иначе?

Разлюляй ему назвался.

— Хорошо,—говоритъ старичокъ, — Разлюляй—имя веселое; да скажи-ка мнѣ, Разлюляй, для чего ты здѣсь измигульничаешь, зачѣмъ у насъ по лѣсу шляешься? Или вы ужъ свои-то лѣса всѣ повывели?

Разлюляй ему отвѣчалъ, какъ лѣса свели, да притомъ разсказалъ и зачѣмъ посланъ, и что претерпѣлъ, и какъ потерялъ всѣ свои принадлежности; а старикъ ему говоритъ:

— Твое дѣло, братъ, для меня непонятное, ну а только сдается мнѣ, будто я тебѣ въ этомъ дѣлѣ помочь могу.

— Помоги, ради Господа, дѣдушка, а тебѣ Господь Богъ заплатитъ сторицей.

— Да, Господь-то, Господь, всѣмъ намъ батюшка, а по Немъ и всѣ братья мы, а ты, молодецъ, не зѣвай-ка, а полѣзай-ка вотъ этой глухою тропиночкой; теперь ужъ гораздъ ночи убыло, уже волкъ умылся и кочетокъ пропѣлъ. Да иди не борзясь, а съ терпѣніемъ, и не бранись никакъ дурнымъ словомъ, не гони отъ себя своего сохраните-

ангела. Такъ пройди ты черезъ весь долгій черный лѣсъ и придетъ тебѣ тамъ впоперекъ пути холодная балочка; ты переплынь вплавь безъ страху черезъ холодную балочку, да пройди опять весь красный сосновый боръ и увидишь прогалинку, а на ней посединѣ примѣтный калиновъ кустъ и отъ того куста поворотъ будетъ на полдень, и тамъ ты увидишь поляночку, а посреди той поляны стоитъ больной журавель окалѣченный: одно крыло у него все какъ слѣдуетъ, а другое повисши мотается, и одна нога тоже здоровая, а другая въ лубочекъ увязана. Не то его въ небѣ орелъ подшибъ, не то не знать для чего подстрѣлили княжьи охотники: они убивать и звѣрковъ и птицъ, спаси Господи, какіе досужіе! А у меня есть внучка-дѣвчурочка, тутъ въ лѣсу со мной и выросла, да такая, Богъ далъ, до всѣхъ сердобольная, что не обидитъ козявочку,—вотъ она того журавля нашла, да въ лубочекъ ему хворую ножку и повила. Ну, теперь ей заботы и прибыло: доглядаетъ его и даетъ ему зернышки, пока журавелько поправится, да дождетъ себѣ по поднебесью въ теплые краи попутчиковъ. Тамъ и сама она, моя внучка-то, отъ поляны отъ той въ стороночкѣ на сухомъ взлобкѣ нашихъ овецъ пасетъ. Ты узнаешь ее: такая дѣвица пригожая, глазомъ посмотришь—вѣкъ не забудешь, сколько свѣтитъ добра изъ ней. Она тамъ либо волну разбираетъ, либо шерсть прядетъ... Все сиротинкамъ готовить къ студеной порѣ на паглинки... Не гордись предъ ней, что ты королевскій посолъ, а спроси ее: она тебѣ можетъ все разсудить, потому что данъ ей отъ Бога свѣтлый даръ разумѣнія.

Разлюляй такъ и вскрикнулъ отъ радости.

— Боже мой!—говоритъ,—вѣдь ее-то мнѣ только и надобно! Про нее, про дѣвицу, мнѣ только и сказано; мнѣ другихъ никого бы не надо и спрашивать.

— Вѣстимо, не надобно. Кто въ суетѣ живетъ, тѣмъ развѣ могутъ быть явлены тайны сердечныя!

— А кто же еще тамъ съ твоею внучкой, какіе люди живутъ вмѣстѣ, дѣдушка?

— Господь съ ней одинъ тамъ, одинъ Господь-Батюшка. Онъ одинъ ее бережетъ, а людей съ ней никакихъ, милый, нѣтути.

— Какъ же она не боится одна въ глухой дебри жить?

Тутъ старикъ слегка понасупился.

— Полно-ка,—говоритъ,—заводить намъ про боязнь да про страхъ рѣчи негожія! Что ей за страхъ, когда она про себя совсѣмъ и не думаетъ!

— Господи! Вотъ это она и есть!—завопилъ Разлюляй.— Вотъ это ее-то одну мнѣ и надобно!

И забылъ Разлюляй про всю усталь свою, побѣжалъ шибко къ дѣвушкѣ. И на долю свою онъ больше не плачется, и на радости не свиститъ соловьемъ, и не прыгаетъ, и не лопочетъ варакушкой, а поетъ благочестный стихъ:

«Какъ шелъ по пути слабый путничекъ,
«А навстрѣчу ему Самъ Исусъ Христосъ».

Пробѣжалъ такъ Разлюляй безъ усталости весь и черный и красный лѣсъ, переплылъ безъ боязни холодную балочку, опозналъ и примѣтный калиновъ кустъ на поляночкѣ и увидѣлъ, что тамъ въ самомъ дѣлѣ стоитъ хромой журавль, одна нога въ лубочкѣ увязана, а самъ тихо поводитъ головой во всѣ стороны и глазами вверхъ на небо смотритъ и крыломъ шевелитъ, ожидаетъ попутныхъ товарищей. Но едва увидалъ журавль, что идетъ Разлюляй—чужой человѣкъ, вдругъ закурлюкалъ и замахалъ живымъ крыломъ и запрыгалъ на здоровой ногѣ ко взлобочку. А тамъ, прислонившись у дерева, стоитъ вѣтвяной шалашъ, а предъ тѣмъ шалашомъ старый пень, а на пнѣ сидитъ молодая, пригожая дѣвушка, съ большою русою косой, въ самотканной сорочкѣ, и прядетъ овечью шерсть, а лицо ея добротою все свѣтится. Вокругъ нея ходитъ небольшое стадо овецъ, а у самыхъ у ея ногъ пріютился старый, подлѣзлый заяцъ, рваныя уши мотаются, а самъ лапками, какъ котъ, умывается.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Разлюляй подошелъ къ дѣвицѣ не борзо, не съ наскоку, а сталъ смотрѣть на нее издали, и лицо ея ему черезчуръ свѣтло показалось—все добра полно и вмѣстѣ разума, и нѣтъ въ ней ни соблазна, ни страха заботнаго — точно все, что̀ для ней надобно, ею внутри себя уготовано. И вотъ видно ему, что встала она при его глазахъ съ пенушка, заткнула недопряденную шерстяную куделю за вѣточку и пошла тихо къ кустику, за которымъ стоялъ Разлюляй, тайно спрятавшись, и взяла тутъ изъ ямки мазничку дегтярную и стала мазать драный бокъ дикой козѣ, которая тутъ же лежала прикрыта за кустикомъ, такъ что до этого Разлюляй и не видалъ ея. Тутъ уже Разлюляй и не вытерпѣлъ — вышелъ онъ навстрѣчу къ дѣвушкѣ и поклонился ей по-вѣжливому и заговорилъ съ ней по-учтивому:

— Здравствуй, красная дѣвица, до другихъ до всѣхъ ласковая, до себя беззаботная. Я пришелъ къ тебѣ изъ далекихъ странъ и принесъ поклонъ отъ короля нашего батюшки: онъ меня послалъ къ тебѣ за большимъ дѣломъ, которое для всего царства надобно.

Дѣвица поглядѣла на Разлюляя чистымъ взоромъ и отвѣчала:

— Будь и тебѣ здѣсь добро у насъ. Что есть въ свѣтѣ «король»—не знаю я, и изъ какихъ ты людей — это мнѣ все равно, а за какимъ дѣломъ ко мнѣ пришелъ — не теряй время, про то дѣло прямо и сказывай.

Въ-разъ понялъ Разлюляй, что съ ней кучерявыхъ словъ сыпать не надобно, и не сталъ онъ дробить пустолайкою, а повелъ сразу рѣчь коротко и все на́-чисто.

— Такъ и такъ,—говоритъ,—вотъ что у насъ въ королевствѣ случилося: захотѣлъ нашъ король сдѣлать, чтобы всѣмъ хорошо было жить, а ничего это у насъ не спорится, не ладится, и говорятъ, будто все будетъ неладиться

до той поры, пока не откроемъ премудрости: *какой часъ важнѣе всѣхъ*, и *какой человѣкъ нужнѣе всѣхъ*, и *какое дѣло дороже всѣхъ?* Вотъ за этимъ-то дѣломъ и посланъ я: и обѣщано мнѣ королемъ моимъ ласковымъ, что если я принесу отгадку, то онъ пожалуетъ мнѣ сто рублей, а если не принесу, то не миновать мнѣ тогда счетныхъ ста плетей. Ты до всѣхъ добра и жалостна, вотъ даже и звѣрки, и птицы къ тебѣ льнутъ, какъ къ матери; пожалѣй же и меня, бѣдняка, красна-дѣвица, отгадай мнѣ премудрость, чтобы не пришлось мнѣ терпѣть на своемъ тѣлѣ сто плетей, мнѣ и безъ бойла теперь уже мочи нѣтъ.

Выслушала дѣвица Разлюляеву рѣчь и не стала его ни измигульникомъ звать, ни разспрашивать: какъ набилъ онъ себѣ на лбу волдырь волвянкою, а сорвала у своихъ ногъ придорожной травки, скрутила ее въ рукахъ и сокъ выжала, да тѣмъ сокомъ лобъ Разлюляю помазала, отчего въ ту же минуту у него во лбу жаръ прошелъ и волвянка принизилась. А потомъ дѣвица подошла опять къ своей шерстяной кудели и отвела нить пряжи длинную, и когда нить вела, замѣтно все думала, а какъ стала на веретено спускать—улыбнулась и молвила:

— Хорошо, что ты не задалъ мнѣ дѣло трудное, сверхъ моего простого понятія, а загадалъ дѣло Божіе, самое простое и легкое, на которое въ прямой душѣ отвѣтъ ясенъ, какъ солнышко. Изволь же ты меня теперь про эту простую премудрость твою по порядку разспрашивать, а я о ней по тому же порядку тебѣ и отвѣты дамъ.

Разлюляй говоритъ:

— Молви, дѣвица, какой часъ важнѣе всѣхъ?

— *Теперешній*,—отвѣчала дѣвица.

— А почему?

— А потому, что всякій человѣкъ только въ одномъ въ теперешнемъ своемъ часѣ властенъ.

— Правда! А какой человѣкъ нужнѣе всѣхъ?

— *Тотъ, съ которымъ сейчасъ дѣло имѣешь.*

— Это почему?

— Это потому, что отъ тебя сейчасъ зависитъ, какъ ему отвѣтить, чтобъ онъ радъ или печаленъ сталъ.

— А какое же дѣло дороже всѣхъ?

— *Добро, которое ты въ сей же часъ этому человѣку поспѣешь сдѣлать.* Если станете всѣ жить по этому, то все у васъ заспорится и сладится. А не захотите такъ, то и не сладите.

— Отгадала все!—вскричалъ Разлюляй, и хотѣлъ сразу въ обратный путь къ королю бѣжать, но дѣвушка его назадъ на минуточку вскликала и спросила:

— А чѣмъ ты, посолъ, увѣришь пославшаго, что отвѣтъ ему отъ меня принесъ, а не самъ собой это выдумалъ?

Разлюляй зачесалъ въ головѣ и задумался:

— Я, — говоритъ, — объ этомъ, признаться, не взгадывалъ.

А дѣвица ему говоритъ:

— Ничего, не робѣй, я тебѣ дамъ для увѣренья его доказательство.

И научила Разлюляя дѣвица такъ учредить, что когда онъ придетъ къ своему королю, то чтобы сказалъ ему смѣло все, не боясь ни лихихъ людей и не ста плетей, а когда скажетъ все, то чтобы не бралъ себѣ ста рублей, а попросилъ ихъ въ тотъ же часъ раздать на хлѣбъ сиротамъ, да вдовамъ, и всей нищей братіи, для которыхъ Христосъ просилъ милосердія. И если король кромѣ ста рублей еще что́ посулитъ или пожалуетъ, то и того чтобы тоже ничего не взялъ, а сказалъ бы ему, что «я, молъ, принесъ тебѣ свѣтлый Божій даръ — простоту разумѣнія, такъ за Божій даръ платы не надобно».

Отвѣчалъ Разлюляй:

— Хорошо; я такъ все и сдѣлаю.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Съ тѣмъ отошелъ Разлюляй отъ дѣвушки, и какъ она его научила, такъ онъ все и сдѣлалъ: пришелъ онъ и сталъ

говорить съ королемъ все по истинѣ, не боясь ни дьяка, ни бояръ, ни обѣщанныхъ ему ста плетей; а потомъ не принялъ отъ него пріобѣщанныхъ ста рублей, а сказалъ ему слово про Божій даръ разумѣнія, за который нельзя ничьей платы брать и не надобно, потому что разумѣнье дано намъ отъ Господа.

Тутъ бояре, и дьяки, и подьячіе всѣ поднялися съ свистомъ и съ хохотомъ, и всѣ въ-разъ надъ отвѣтами Разлюляя смѣялися и старалися сбить короля, чтобы онъ не вѣрилъ словамъ Разлюляевымъ, потому что скоморохъ будто самъ эти слова всѣ повыдумалъ. Но однако король Доброхотъ показалъ и свое разумѣніе и на ихъ наученья не подался. Онъ сказалъ имъ:

— Вы въ людяхъ еще различать не умѣете, а я вижу, что эти слова Разлюляй самъ не выдумалъ. Если бы самъ онъ ихъ сложилъ пустолайкою, такъ просилъ бы, чтобъ дать ему пріобѣщанныхъ сто рублей, а онъ, какъ я вижу, мнѣ вѣрный слуга: онъ не хочетъ отъ меня за свою службу ни креста, ни шеста, ни корысти, ни милости. Такихъ слугъ, какъ онъ, у меня до сихъ поръ еще не случалося. Издаю впередъ повелѣнье, чтобы по всей землѣ не смѣть звать Разлюляя измигульникомъ: онъ мнѣ лучше всѣхъ васъ старается. А вотъ васъ бы я всѣхъ распустилъ отъ себя съ большою бы радостью, да нельзя моему двору оставаться безъ челяди. Для того только вы мнѣ и надобны.

И захотѣлъ-было король Доброхотъ править по всей этой простой, явленной ему мудрости, чтобы было въ его землѣ добро каждому въ настоящій часъ, въ теперешній, безъ метанья очей въ непроглядныя отдаленности, да вступилъ ему въ мысли страхъ, что «а ну какъ другіе въ сосѣднихъ земляхъ такъ не сдѣлаютъ? Вѣдь тогда одному-то мнѣ у себя на такой манеръ не управиться посреди другихъ временителей». И рѣшилъ онъ, что лучше ему сидѣть, какъ сидѣлъ, на престолѣ своемъ по-старинному, какъ и всѣ временители, и держать въ одной рукѣ мечъ, а въ другой золотое яблоко. Разлюляю же онъ указалъ, чтобъ отъѣхать

далеко отъ стольнаго города и поселиться жить навсегда тамъ на пасѣкѣ, въ тепломъ омшаникѣ и ѣсть сотовый медъ съ огурцами и съ рѣпою, сколько похочется, а на базаръ не ходить и въ село не заглядывать, и у себя ввечеру за воротами не садиться на лавочкѣ, и про то, что́ слыхалъ отъ ласковой дѣвушки, ни встрѣчному, ни поперечному не разсказывать.

Но зато, когда сталъ Доброхотъ завѣщать свой престолъ королевичу, повелѣлъ онъ дьяку, чтобы списали всю эту исторію безъ одной безъ ошибочки золотою тростію на мѣхѣ и кожѣ, чертами и рѣзами, почертивъ строки безъ зализей, со брегами широкими во всѣ стороны, и прикладать ко былымъ словамъ въ стать письмена небылишныя, гласныя и согласныя. И указалъ Доброхотъ завернуть этотъ списокъ въ парчу и въ камку и въ холстиночку, и положить на дно въ золотой ларецъ, и убрать въ теремной въ подвалъ подъ семь замковъ и за семью же печатями: пусть лежитъ тамъ до времени, пока перейдутъ временители.

Такъ это все въ аккуратѣ и сдѣлано, и списаніе до сихъ поръ лежитъ подъ печатями, а дѣла въ королевствѣ идутъ все опять по-старинному, и все тамъ опять не спорится, не ладится, а идетъ все какъ было при дѣдахъ и прадѣдахъ. Не пришелъ еще, видно, часъ воли Божіей.

На томъ старая сказка и кончена.

ПОЛУНОЩНИКИ.

Пейзажъ и жанръ.

«Парки бабье лепетанье,
«Спящей ночи трепетанье,
«Жизни мышья бѣготня.
Пушкинъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

...Я былъ грустно настроенъ и очень скучалъ. Уѣхать изъ города на лѣто было еще рано, и мнѣ посовѣтовали сдѣлать непродолжительную прогулку съ цѣлью увидѣть новыя, непримелькавшіяся лица. Я сдался на убѣжденія моихъ друзей и поѣхалъ. Я не зналъ никакихъ порядковъ города, куда держалъ путь, ни нравовъ людей, съ которыми мнѣ тамъ придется встрѣтиться, но фортуна начала благопріятствовать мнѣ съ перваго шага. На первыхъ же порахъ во время путешествія я нашелъ услужливыхъ и опытныхъ людей, которые дѣлали это путешествіе уже не первый разъ, и они научили меня, гдѣ надо пристать и какъ себя пристойнѣе держать. Я все принялъ къ свѣдѣнію и остановился тамъ, гдѣ останавливаются всѣ, кого влечетъ сюда призванье. Учрежденіе это не отель и не гостиница, а оно совершенно частный домъ, приспособленный сообразно вкусу и надобностямъ здѣшнихъ посѣтителей, и называется онъ— «Ажидація».

Мнѣ досталась маленькая комната. Выбирать помѣщеній

здѣсь не принято, а равно не принято и претендовать на ихъ относительныя неудобства. Это все человѣкъ узнаетъ еще во время короткаго переѣзда. Всякій помѣщается здѣсь на томъ мѣстѣ, какое ему отведутъ; а что̀ кому надо отвести—это сразу опредѣляетъ проницательное око очень бойкой женщины, которую называютъ «риндательша», если же нѣтъ на мѣстѣ самой «риндательши», тогда сортировкою посѣтителей занимается состоящая при ней подручная ключница. Обѣ онѣ, повидимому, благороднаго происхожденія, или, по крайней мѣрѣ, это дамы, которыя достаточно видѣли свѣтъ и имѣютъ о немъ надлежащее понятіе. Нынѣшній солидный возрастъ обѣихъ дамъ, кажется, долженъ бы хранить ихъ отъ всякаго злоязычія, а здравый смыслъ и благочестіе начертаны на ихъ лицахъ, хотя, впрочемъ, довольно различными почерками. Ликъ «риндательши» ударяетъ въ сухой, византійскій стиль, а ключница съ дугообразными бровями принадлежитъ итальянской школѣ. Обѣ эти женщины несомнѣнно умны и относятся къ разряду тѣхъ, о которыхъ сказано: «ихъ же не оплетеши». Другъ другу онѣ улыбались какъ друзья, но въ глазахъ ихъ, казалось, свѣтились какія-то иныя чувства, совсѣмъ несхожія съ искренней дружбой. Наблюдательный человѣкъ могъ подумать, что этихъ женщинъ связываетъ какъ будто какое-то взаимное опасеніе.

Въ ихъ необыкновенномъ домѣ господствуетъ система: какъ къ нимъ «привалитъ» публика, или, какъ ее называютъ—«толпучка», дамы встрѣчаютъ гостей и тотчасъ же ихъ сортируютъ; знакомыхъ лицъ онѣ прямо размѣщаютъ по извѣстнымъ комнатамъ, а незнакомыхъ подвергаютъ предусмотрительному разбору, послѣ чего каждый ожидатель получитъ въ «Ажидаціи» такое помѣщеніе, какого онъ заслуживаетъ *).

*) Слово «Ажидація» здѣсь употребляется въ двухъ смыслахъ: а) какъ названіе учрежденія, гдѣ «ожидаютъ», и б) какъ самое дѣйствіе ожиданія. Въ одномъ случаѣ оно пишется съ прописной буквы, а въ другомъ—со строчной.

Для этого прежде всего всѣхъ ожидателей сначала «собьютъ въ уголъ къ Владычицѣ». Здѣсь «въ ажидаціи» немножко помолятся передъ большимъ образомъ, а ихъ въ это время расцѣнятъ и разсортируютъ.

Довольно большой домъ въ два этажа составляетъ одно помѣщеніе—«для ожидающихъ». Дѣло очевидно ведется очень просто, но основательно: въ особѣ ключницы сосредоточена большая экономическая сила и исполнительная полицейская власть.

Сила нравственная и политическая находится въ рукахъ самой «риндательши». Остальной домашній штатъ «Ажидаціи» состоитъ изъ услуживающихъ лицъ женскаго пола, которыя находятся почти въ постоянныхъ побѣгушкахъ. Кромѣ того есть «куфарка». Весь этотъ подборъ принадлежитъ къ служебнымъ типамъ самаго низшаго сорта. Впрочемъ, у «куфарки» есть драповая тальма, въ которой она, должно быть, служила еще «генералу»,—теперь она ее соблюдаетъ больше для важности, и показывается въ ней публикѣ, или «толпучкѣ».

Мужчинъ усматривается двое: одинъ стоитъ при дверяхъ въ нижнемъ этажѣ, а другой сидитъ у окна въ концѣ коридора за шкафикомъ.

Первый производитъ впечатлѣніе придурковатаго простачка; второй—бойкій жохъ изъ отставныхъ военныхъ.

Размѣщеніе въ «Ажидаціи» отлично приноровлено къ ожидательской цѣли. Въ обоихъ этажахъ вдоль всего зданія идетъ по срединѣ коридоръ, а по сторонамъ — стойлицы.

Это «номера для ожидателей». Здѣсь не называютъ: «пріѣзжающіе» или «прибывающіе», а «*ожидающіе*». Это солиднѣе и соотвѣтственнѣе.

Коридоры наверху и внизу просторны и свѣтлы. Въ концѣ каждаго изъ нихъ по окну. Коридоръ нижняго этажа содержится въ посредственной чистотѣ. Особенной чистоты нѣтъ,—ее здѣсь и не убережешь, потому что сюда входятъ прямо съ надворья и тутъ же раздѣваются и обти-

рают обувь. Тутъ же и печурка, гдѣ ставятъ самовары, и ходъ въ кухню, откуда пахнетъ грибнымъ и рыбнымъ. На одной изъ стѣнъ большой образъ Владычицы и рядомъ поменьше образъ, передъ нимъ лампада, аналой и на полу вытертый коврикъ, а напротивъ деревянная скамья со спинкой, изъ такъ-называемыхъ твердыхъ диванов.

Въ разныхъ мѣстахъ фотографическіе и печатные портреты одного и того же духовнаго лица.

Съ прихода всѣ ожидатели идутъ къ Владычицѣ и молятся, или, какъ говорятъ, «припадаютъ». Затѣмъ всѣхъ разводятъ въ ихъ номера.

Знакомые имѣютъ номера излюбленные, которые какъ бы всегда состоятъ за ними. Изъ нихъ нѣкоторые даже и не «припадаютъ» въ коридорѣ, а поздоровавшись съ хозяйками, прямо проходятъ въ «свои номера». Имъ только говорятъ:

—Пожалуйте.

Другихъ, «которые первенькіе, но почище», водворяютъ по усмотрѣнію въ свободныхъ номерахъ перваго и второго этажа.

Это—аристократія необыкновеннаго дома.

Они получаютъ распредѣленіе скоро. Имъ нѣтъ нужды ждать, пока размѣстятъ всѣхъ остальныхъ. Прочихъ ключница беретъ и ведетъ въ общую.

У одного изъ оконъ нижняго коридора за маленькимъ желтымъ шкафикомъ помѣщается отставной военный съ очень серьезнымъ выраженіемъ. Возлѣ него на табуретикѣ сидитъ ребенокъ, мальчикъ лѣтъ девяти, имѣющій въ чертахъ большое сходство съ военнымъ. Передъ мальчикомъ куча вскрытыхъ конвертовъ, съ которыхъ онъ смачиваетъ слюнами марки и перекленваетъ ихъ въ тетрадь. Дѣлаетъ онъ это скоро и ловко и съ замѣчательною, не дѣтскою серьезностью, которою, повидимому, очень заинтересована стоящая возлѣ него кухарка въ драповой тальмѣ.

Она долго на него смотритъ и наконецъ вздыхаетъ и говоритъ:

— Прелесть какъ ловко,—лапочки будто у мышеночка—такъ и виляютъ!

Отецъ этого прилежнаго отрока, очевидно, имѣетъ здѣсь довольно серьезное значеніе и сидитъ прочно на дебеломъ стулѣ, подъ которымъ постланъ мягкій коврикъ. Военный просматриваетъ какія-то записки и что-то выкладываетъ на маленькихъ счетахъ; но это его не вполнѣ поглощаетъ: онъ все видитъ и слышитъ; мимо него никто не пройдетъ, чтобы онъ не увидѣлъ и не повелъ на него глазомъ и усами.

Шкафикъ у него покрытъ черною, запачканною клеенкою, на которой стоитъ чернильница съ гусинымъ перомъ и лежатъ нарѣзанные листки бумаги.

Въ серединѣ въ шкафѣ есть чистыя поминальныя книжки, лампадное масло, восковыя свѣчи и ладанъ, а также какія-то брошюрки и фотографическіе портреты меньшаго и большаго размѣра.

Воинъ этотъ — человѣкъ солиднаго вѣка и, несомнѣнно, очень твердаго характера.

Прислуга дала ему прозваніе «балыкъ».

Номера нижняго этажа «Ажидаціи» всѣ немножечко съ грязцой и съ кисловатымъ запахомъ, который какъ-будто привезенъ сюда изъ разныхъ мѣстъ крѣпко запеченнымъ въ пирогахъ съ горохомъ. Всѣ «комнатки», кромѣ двухъ, имѣютъ по одному окну, съ худенькими занавѣсками, расщипанными дырками посерединѣ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ удобно можно сколоть булавками. Меблировка скудная, но, однако, въ каждомъ стойлицѣ есть кровать, вѣшалка для платья, столикъ и стулья. Въ двухъ большихъ комнатахъ, имѣющихъ по два окна, стоитъ по скверному клеенчатому дивану. Одна изъ этихъ комнатъ называется «общею», потому что въ ней пристаютъ такіе изъ ожидателей, которые не желаютъ или не могутъ брать для себя отдѣльнаго

номера. Во всѣхъ комнатахъ есть образа и портретики; въ общей комнатѣ образъ значительно большаго размѣра, чѣмъ въ отдѣльныхъ номерахъ, и передъ нимъ теплится «неугасимая». Другая неугасимая горитъ передъ Владычицей въ коридорѣ.

Передъ образами въ номерахъ тоже есть лампады, которыя. впрочемъ, зажигаются при входѣ сюда ожидателей и притомъ, безъ сомнѣнія, на ихъ счетъ, такъ какъ здѣсь же есть кружка «на масло». Лампады возжигаетъ воинъ, имѣющій свой торговый постъ у шкафика.

Нѣкоторые изъ ожидателей не довольствуются огнемъ лампадъ и еще прилѣпливаютъ передъ номерными образами восковыя свѣчки. Это имъ дозволяется и даже поощряется, но не иначе, какъ тогда, когда сами ожидатели находятся въ комнатѣ и не спятъ. При выходѣ же изъ комнаты или при отходѣ ко сну, они обязаты гасить свѣчи, но лампады у нихъ могутъ горѣть во всю ночь.

Бываютъ случаи, что нѣкоторые, помолившись и легши въ постель, оставляютъ прилѣпленныя свѣчи «догорать», но «риндательша» или ея помощница непремѣнно это замѣчаютъ и сейчасъ же постучатъ рукой въ двери и попросятъ погасить.

Наблюдаютъ онѣ за этимъ тщательно и укрыться отъ нихъ никому невозможно.

Въ верхнемъ этажѣ «Ажидаціи» все чище и лучше. Коридоръ такъ же широкъ, какъ и внизу, но несравненно свѣтлѣе. Онъ имѣетъ пріятный и даже веселый видъ и служитъ мѣстомъ бесѣдъ и прогулокъ. Въ окнахъ, которыми заканчивается коридоръ по одну и по другую сторону, стоятъ купеческіе цвѣты: герань, бальзамины, волкамерія, красный лопушокъ и мольное дерево, доказывающее здѣсь свое безсиліе противъ огромнаго изобилія моли. На одномъ окнѣ цвѣты стоятъ прямо на подоконникѣ, а у другого окна—на дешевой черной камышевой жардиньеркѣ. Вверху подъ занавѣсками—клѣтки съ птичками, изъ которыхъ одна

канарейка, а другая—чижикъ. Птички порхаютъ, стучатъ о жердочки носиками и перекликаются, а чижикъ даже поетъ. Торговыхъ приспособленій здѣсь никакихъ не видно. Напротивъ, тутъ все имѣетъ претензію казаться чинно и благородно. На стѣнѣ, приблизительно въ такомъ же разстояніи, какъ и въ нижнемъ коридорѣ, помѣщается другой Владычный образъ, тоже большого размѣра и въ бѣленомъ окладѣ съ золоченымъ вѣнцомъ. Онъ въ рамѣ за стекломъ съ отводинами, освѣщенъ лампадою въ три огня и передъ нимъ разостланъ на полу совершенно свѣжій коврикъ съ розовыми букетами и стоитъ аналой, а на немъ крестъ и книга. Книга и крестъ завернуты въ эпитрахиль на зеленой подкладкѣ.

Полъ коридора крашеный и блеститъ. Онъ, очевидно, вымытъ съ мыломъ и натирается воскомъ. Вдоль всего коридора довольно широкая джутовая «дорожка» съ цвѣтною каемкою.

Вдоль стѣнъ противъ образа поставлено одно кресло и нѣсколько легкихъ вѣнскихъ стульевъ съ тростниковыми плетенками. Въ углахъ плевательницы.

Комнаты верхнихъ номеровъ всѣ гораздо лучше омеблированы, чѣмъ внизу. Здѣсь, кромѣ кроватей и стульевъ, есть комодики и умывальники. Нѣкоторыя комнаты передѣлены ситцевыми драпировками на-двое: одна половина образуетъ спальню, другая—что-то въ родѣ гостиной. Тутъ на комодѣ туалетное зеркальце и въ углу образъ, передъ которымъ тоже можно зажигать лампаду, или, по желанію, свѣчку.

Свѣчки, однако, больше зажигаютъ «сѣрые ожидальщики», которые собственно составляютъ «толпучку» и имѣютъ остановку въ нижнихъ номерахъ, а «верхняя публика» почти всегда ограничивается однѣми лампадами.

Кислаго запаха гороховой начинки здѣсь не слышно, и только внутри комодныхъ ящиковъ пахнетъ прогорклою конторскою икрою и семгой, отъ которыхъ и остались въ изобиліи жирныя пятна.

Наверху, также какъ и внизу, есть тоже общая комната,

помѣщающаяся рядомъ съ собственнымъ покоемъ «риндательши». Эта комната имѣетъ, впрочемъ, видъ гостиной. Она уставлена мягкою мебелью и имѣетъ большую образницу, въ которой много образовъ, а передъ ними опять коверъ и аналой съ крестомъ и съ книгою въ эпитрахили. Лампада горитъ «общая», и огонь ея красиво дробится въ широкомъ стаканѣ изъ мелко ограненнаго алмазной гранью хрусталя. Возлѣ образника укрѣплена и припечатана зеленая кружка для доброхотныхъ вкладовъ.

Въ комнатѣ этой ночуютъ только въ такихъ случаяхъ, если число ожидателей бываетъ больше, чѣмъ сколько есть номеровъ. Тогда здѣсь помѣщаютъ «залишнихъ ожидателей» одного пола или какое-нибудь цѣлое семейство; въ остальное же время комната эта считается «бесѣдною» и открыта для всѣхъ прибывающихъ въ домъ ожидателей.

Послѣ ранней обѣдни здѣсь ежедневно служатъ молебенъ, за которымъ всѣ могутъ молиться и подавать свои поминанья и записки. Тѣ же, которые, кромѣ общаго моленія, желаютъ такъ устроить, чтобы еще отдѣльно за себя помолиться въ своемъ номерѣ, должны заявлять о своемъ желаніи особо. Ходатайство объ этомъ надо вести черезъ «риндательшу». Ключница за это не берется. Непосредственныя же просьбы объ этомъ часто не доходятъ.

Свѣчи, масло и все прочее, что нужно къ служенію, требуется наверхъ снизу, и завѣдующій этимъ хозяйствомъ воинъ подаетъ все это въ молчаніи и съ торжественной серьезностью.

Главный надзоръ за учрежденіемъ принадлежитъ самой «риндательшѣ», которая, какъ сказано, живетъ тутъ же на верхнемъ коридорѣ, въ маленькой комнатѣ, рядомъ съ «бесѣднымъ» покоемъ, а внизу правитъ дѣломъ помогающая ей ключница, которая присматриваетъ тоже за кухонной частью и за свѣчнымъ унтеръ-офицеромъ.

Обязанности у обѣихъ дамъ раздѣлены. «Риндательша»,

какъ собственница учрежденія, избрала себѣ часть болѣе умственную: она держитъ кормило корабля. Ей одной извѣстна ея касса и тѣ средства, которыя приходятъ въ нее ей одной открытыми путями. Она даетъ надлежащій тонъ всему своему заведенію и владѣетъ возможностью доставлять особыя душевныя утѣшенія тѣмъ, кто ихъ разумно ищетъ при ея посредствѣ.

Ея часть, такъ-сказать, генеральная, а часть ключницы, помѣщающейся внизу, болѣе обозная, узко-хозяйственная, полная мелочныхъ хлопотъ и отчасти даже непріятностей, потому что она имѣетъ дѣло съ прислугою, избранною изъ людей самаго низшаго качества, и съ ожидателями изъ того слоя общества, который называется «сѣростью». «Сѣрость», выражаемая не однимъ званіемъ и относительною бѣдностью, имѣетъ также очень грубые навыки и не всегда отличается честностью въ разсчетѣ. «Рындательша» удаляется отъ всякихъ непріятныхъ столкновеній въ денежномъ родѣ и слыветъ «доброю»; но, по словамъ прислуги, она «большая скрытница» и «ужасно» требуетъ отъ ключницы охраненія всѣхъ своихъ выгодъ и интересовъ. Ключница должна прибѣгать къ разнымъ пріемамъ, чтобы все было заплачено.

—«Сила вся въ ихъ рукахъ».—говоритъ общій голосъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я прибылъ къ нимъ безъ всякой протекціи. Я могъ бы получить рекомендаціи, но это не входило въ мои скромные и безпритязательные планы. Я искалъ облегченія отъ тоски и томленья духа и явился просто въ чинѣ ожидателя. Какъ человѣкъ средній, я былъ помѣщенъ по непосредственному усмотрѣнію дамъ въ маленькой комнатѣ верхняго этажа.

Не зная, какъ здѣсь лучше вести себя, я присматривался во всемъ къ другимъ и старался дѣлать то, что дѣлаютъ опытные люди. Только такимъ образомъ я и могъ попасть въ господствующій тонъ пріютившаго меня учре-

жденія, что́ было необходимо. Я не хотѣлъ обнаруживать никакого диссонанса въ чувствахъ и настроеніи группы необыкновенныхъ людей, по лицамъ которыхъ было видно, что всѣ они прибыли сюда съ очень большими и смѣлыми надеждами, и хотятъ, во что бы ни стало, получить что̀ кому нужно. Я «припадалъ» съ ними вездѣ, гдѣ они припадали, и держался сколь можно ближе всѣхъ ихъ обычаевъ, и скоро ощутилъ, что это невыразимо тяжело и неописуемо скучно. Притомъ мнѣ казалось, что здѣсь всѣ особенно другъ друга остерегаются и боятся, и что я пріѣхалъ очевидно напрасно, потому что пребываніе здѣсь не можетъ мнѣ представить ничего интереснаго.

Я ошибался.

Вечеромъ я погулялъ немножко въ одиночествѣ по городу, и это произвело на меня еще болѣе удручающее впечатлѣніе: изобиліе портерныхъ и кабаковъ, группы солдатъ, испитыя тѣни какой-то бродяжной рвани и множество снующихъ по тротуарамъ женщинъ извѣстной жалкой профессіи.

Я долженъ бы помнить, что благодать преобладаетъ тамъ, гдѣ презбыточествуетъ грѣхъ, но я это забылъ и возвратился домой подавленный и съ окончательно разстроенными нервами; я на́-скоро напился чаю въ «бесѣдной» и потомъ вышелъ постоять на крыльцо, но, кажется, потревожилъ кухарку въ тальмѣ. Она разговаривала съ какою-то военною особою и все повторяла: «Ну такъ что!.. А мнѣ хоть бы что́-шеньки». Чтобы не сердить ее, я ушелъ въ свой номеръ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ уснуть какъ можно крѣпче до утра, а завтра встать пораньше и уѣхать восвояси утромъ же, ничего не дожидаясь.

Усталость и скука сильно клонили меня къ изголовью довольно сносной постели, которую я, впрочемъ, на всякій случай посыпалъ порядкомъ порошкомъ персидской ромашки.

Намѣреніе хорошо спать, однако, не удалось. Сначала мнѣ все страшно казалось: нѣтъ ли въ кровати клоповъ,

съ которыми я въ моей кочевой жизни имѣлъ много непріятныхъ столкновеній на русскихъ ночлегахъ, а потомъ стало лѣзть въ голову желаніе опредѣлить себѣ: въ какую это я попалъ компанію, что это за люди—больше дурные или больше хорошіе, больше умные или больше глупые, простаки или надувалы? И никакъ я этого не могъ разобрать и не зналъ, какъ ихъ назвать и къ какой отнести категоріи. А межъ тѣмъ сонъ развѣялся, и мнѣ, вмѣсто отдыха, угрожала раздражающая тоска безсонной ночи. Но, по счастію, едва все стихло въ коридорахъ, какъ по обѣ стороны моей комнаты пошли ночные звуки. У меня оказалось разговорчивое сосѣдство, на которое я сначала сердился, а потомъ увлекся и началъ слушать.

Справа пришлись у меня сосѣди только досадительные и даже, кажется, не совсѣмъ съ чистою совѣстью. По говору слышно было, что тутъ, должно быть, помѣщены какой-то старичокъ со своею старушкою. Они все что-то перекладывали и бурчали, при чемъ старикъ употреблялъ букву *ш* вмѣсто *с* и *ж* вмѣсто *з*, а также онъ употреблялъ что-то и изъ «штакана» и называлъ это «анкоръ». У нихъ, очевидно, было какое-то безпокойное домашнее обстоятельство, которое они пріѣхали уладить и кому-то угрожать, но при этомъ они и сами ощущали какой-то большой страхъ за себя. Впрочемъ, больше безпокоилась одна старуха, которая была, очевидно, довольно трусливаго десятка, а старикъ былъ отваженъ.

— Ничего, мама, —говорилъ онъ старушкѣ:—ничего, «не робѣй, воробей». Это штарая наша кавкажская поговорка. Ты увидишь, что онъ намъ даштъ—непремѣнно даштъ... плохо-плохо, что четвертную даштъ. Меньше ѣхать не штоило.

— Хорошо, если дастъ!

— Даштъ, нельзя чтобы не далъ, я ужъ шамую задобрилъ и клюшницу тоже. Шама-то вше поняла, какъ я могу ей и вредъ, и польжу шдѣлать,—могу штаратыша вше ужнавать, и она будетъ жа нашъ штаратыша.

— Очень ты ей нуженъ!

— Нѣтъ, мамка, нуженъ. Ей надо жнать, кто шъ какими мышлями пріѣжжаетъ, а я жнаешь... я вше што ешть въ человѣкѣ—вше это могу ужнать и шкажать. Я буду чашто шуда публику шопровождать и шо вшѣми ражговаривать и отъ каждаго его прошлую жижть ужнавать, а они потомъ будутъ ихъ этимъ удивлять, что вше жнаютъ. Я имъ хорошо придумалъ. Я надобный! Ну, давай же анкоръ!

— А ты теперь какъ ей сказался?

— Какъ? Какъ мы шъ тобой рѣшили, такъ я и шкажался: ижъ благородныхъ, кавкажской арміи, брошены— непочтительный шынъ — шкажокъ начиталша... Ну, давай анкоръ!

— Что онъ Богу не молится, ты это сказалъ?

— Да, шкажалъ: шкажалъ, что и Богу не молитша, и что шлужить не жахотѣлъ, а шапоги шьетъ... и у жидовъ швѣчки поплѣ шабаша убираетъ. Я вше шкажалъ вше шкажалъ, и дай мнѣ жа это шомужки и анкоръ.

А старушка отвѣчала:

— Сёмужки на́, а анкоръ не надо.

— Отчего же не надо? Я именно хочу анкоръ.

— Такъ, нельзя анкоръ,

— Что жа такъ! что жа нельжа!.. Налей, налей мнѣ, мама, штаканчикъ! Я умно, хорошо вждумалъ,—мы теперь уштроимша.

Она налила, а онъ выпилъ и крякнулъ.

— Тише!—остерегла его старушка.

— Чего ты вше такъ боишьша?

— Всего боюсь.

— Не бойша, вше пуштаки... ничего не бойша.

— Скандалъ можетъ выйти.

— Какой шкандалъ? отчего?

— Еще спрашиваетъ: отчего? будто не знаетъ.

— Да; не жнаю.

— Вѣдь мы съ чужою рекомендаціею пріѣхали.

— Да; ну, такъ што-жъ такое?

— Тѣ, сосѣдніе жильцы. ее теперь небось вѣдь хватились,—своей рекомендаціи-то.

— Можетъ быть, и хватилишь...

— Ну, они сюда и придерутъ.

— Анъ не придерутъ.

— Почему?

— Дай анкоръ, тогда шкажу—почему.

— Пьяница!

— Шовшѣмъ нѣтъ, а я умный человѣкъ. Дай анкоръ.

— Отчего же жильцы не могутъ пріѣхать?

— Налей анкоръ, такъ шкажу.

Она налила, а онъ выпилъ. и сказалъ, что подалъ вчера «подозрѣніе» на какихъ-то своихъ сосѣднихъ жильцовъ, у которыхъ этими супругами. надо думать, была похищена какая-то блистательная рекомендація.

Старушка промолчала; очевидно, средство это показалось ей годнымъ и находчивымъ.

Черезъ минуту она спросила его: совѣтовался ли онъ съ кѣмъ-то насчетъ какого-то придуманнаго сновидѣнія, и что̀ ему сказали?

Старичокъ отвѣчалъ, что совѣтовался, и тотчасъ же понизилъ голосъ и добавилъ:

— Она меня отлично научила, какъ про шонъ говорить.

— А какъ?

— Шмотрѣть на него, какъ онъ шлушаетъ, и ешли онъ вожметъ шебѣ руку въ бокъ, то тогда шейчашъ перештать и больше не шкаживать. Ешли вжалъ руки въ бокъ по-офицершки — жначитъ шердитша. А что-жъ ты мнѣ анкоръ? Вѣдь я бежъ того не ушну.

Я закрылъ голову подушкой и пролежалъ такъ минутъ двадцать. Стало душно. Я опять раскрылъ голову и прислушался. Разговоръ не то продолжается, не то конченъ, и старички даже, кажется, спятъ. Такъ и есть: слышны два сонныя дыханія: одно какъ будто задорится вырабатывать «анкоръ», а другое пускаетъ въ отвѣтъ тоненькое: «пли-пли».

— Encore!

— Пли-пли.

Травятъ кого-то, или даже, можетъ быть, казнятъ—разстрѣливаютъ что-ли кого-то во снѣ.

Будь наше мѣсто свято!

Я тихо всталъ съ постели и поскорѣе завѣсилъ своимъ плэдомъ дверь, изъ-за которой до слуха моего доползала эта затѣя.

Жадный тарантулъ и его ехидна, обнявшіеся на супружескомъ ложѣ, для меня исчезли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Зато, чуть стихла эта сцена справа, совсѣмъ другая начала обнаруживаться за стѣною слѣва.

Говорили двѣ дамы; одна, младшая, называла старшую: Марья Мартыновна; а другая, старшая, звала эту: Аичка. (По купечеству въ Москвѣ «Аичка» дѣлаютъ въ ласкательной формѣ изъ имени *Раиса*). Онѣ говорили тихо и такъ мирно и обстоятельно, что я сразу могъ понять даже, какъ онѣ теперь размѣщены въ своей комнатѣ и какъ другъ къ другу относятся.

Старшая, то-есть Марья Мартыновна, вкрадчивымъ, медовымъ голосомъ говорила младшей, Аичкѣ:

— Вотъ, мой ангелъ, я и рада, что вы у меня улеглись на покой въ постельку. Эта комнатка своей чистотой здѣсь изъ всѣхъ выдающаяся и постелька мякенькая. И вы понѣжьтесь, моя милочка. Вы должны хорошенько отдохнуть, иначе вамъ немыслимо. Вставать вамъ ни зачѣмъ не нужно. Я ваши глазурныя очи при лампадочкѣ прекрасно вижу, и что только вы подумаете—я сейчасъ замѣчу и все вамъ подамъ на постельку.

— Нѣтъ, я сама встану и лампадъ закрою, — отвѣчала Аичка молодымъ голосомъ съ московской оттяжкой.

— Анъ вотъ же и не встанете. — вотъ я лампадъ ужъ книжкой и загородила.

— Да ужъ вы извѣстная—пожилая, да скорая.

— Да, я и не могу иначе: у меня вѣдь игла ходитъ въ тѣлѣ.

— Какая игла въ тѣлѣ?

— Самая тонкая, одиннадцатый нумеръ.

— Зачѣмъ же она вамъ въ тѣло попала?

— По моей скорости шила и въ ладонь ее воткнула— она и ушла въ тѣло. Лѣкаря ловили, да не поймали. Сказали: «сама выйдетъ», а она ужъ тридцать лѣтъ во мнѣ по всѣмъ мѣстамъ ходитъ, а вонъ не выходитъ... Вотъ теперь вашимъ глазурнымъ очамъ не больно, и я покойна, и буду здѣсь же у вашихъ ножекъ сидѣть и потихоньку васъ гладить, а сама буду что-нибудь вамъ разсказывать.

— Нѣтъ, не надо меня гладить, я это не люблю! Садитесь въ кресло и изъ кресла мнѣ что-нибудь разсказывайте,— отвѣчала Анчка.

— А я непремѣнно здѣсь хочу! Это мое самое любимое— услужить милой дамѣ, въ чемъ пріятно, и у ея ножекъ посидѣть, и помечтать съ ней о какихъ-нибудь разностяхъ! Воспоминается, какъ еще, бывало, сами мы молоденькими дѣвушками, до невѣстинья, все такъ-то по ночамъ другъ съ другомъ шу-шу про всѣ свои тайности по секрету шушукались, и такъ, бывало, расшалимся, что и заснемъ вмѣстѣ, обнявшись.

— А по-моему женщинѣ съ женщиной обнявшись ласкаться никакой и особенной радости нѣтъ, даже и мечтать не о чемъ.

Ласки, мой ангелъ, сами и мечты привлекутъ, и которыя дружныя, тѣ для того уединясь и мечтаютъ. Разумѣется, не со всякой такая дружба возможна, но если у которой есть настоящій другъ, выдающійся, то «сколько счастья, сколько муки»!... Это испытать и не позабыть!

— Ничего не понимаю.

— Удивляюсь! Но я понимаю: у меня въ дѣвушкахъ былъ такой заковычный другъ, Шура. Ахъ, какая была прелесть пріятненькая, и зато ужъ мы любили другъ друга!

Мамаша, бывало, сердится и говоритъ: «не расточайте вы, дурочки, попусту свои невинныя нѣжности—мужьямъ ласки оставьте». А мы и замужъ не хотѣли, да и что̀ еще ждетъ замужемъ-то! Я только и свѣту видѣла, что до замужества, а ужъ какъ двумъ Пентефріямъ въ жертву досталось, такъ и не обрадовалась.

— Какъ же вы это двумъ достались? Это интересно.

— Одного закопала, а за другого вышла.

— Ахъ... такъ!.. вы за одного послѣ другого вышли!

— Да, а то какъ же?

— Вы сказали, что «двумъ досталась».

— А ужъ ты подумала, что я вмѣстѣ была за двумя разомъ!

Марья Мартыновна разсмѣялась дробнымъ горошкомъ и весело проговорила:

— Ахъ, ты, шалуша, шалуша! Ты думала, что у меня одинъ мужъ былъ праздничный, а другой для будни?

— Да вѣдь это жъ тоже бываетъ.

— Бываетъ, мой другъ, бываетъ. Въ нынѣшнемъ свѣтѣ чего не бываетъ, но со мной не было.

— Иные вѣдь обманываютъ: женатый, да скроетъ про первую жену, и еще разъ женится. Ему за это достанется, а второй женщинѣ ничего.

— Да, если она отведетъ отъ себя, что не знала, то тогда ей особенно выдающагося наказанія нѣтъ, но только все-таки въ судѣ ее защитники-то процыганятъ и прокуроръ о постыдныхъ вещахъ разспрашивать будетъ.

— А какая бѣда, что спрашиваютъ? черезъ это женщина-то, когда о себѣ разскажетъ, такъ послѣ еще всѣмъ интереснѣе дѣлается; да и съ тѣмъ же, съ кѣмъ разведутъ, послѣ опять жить можно.

— Да, но только ужъ придется жить все равно какъ невѣнчанные.

— Извините-съ, настоящій разводъ предъ престоломъ нынче не дѣлаютъ, въ церкви вѣнцовъ не снимаютъ, а только и всего, что въ судѣ прочитаютъ.

— А все ужъ по отдѣльному виду надо прописываться.

— Это не важность!

— Да; по полицейскимъ правиламъ это все равно, но прислуга меньше уважаетъ.

— Платите больше, и отлично уважать будетъ.

— Все—какъ при законѣ—такъ жить нельзя.

— А при капиталѣ какъ хочешь жить можно, такъ это еще и лучше.

— Разумѣется, при твоемъ капиталѣ, какъ выдающемся. и ты молодая вдова, въ двадцать четыре года, такъ тебѣ всѣ пути не заказаны, дѣлай что хочешь. И я тебѣ совѣтъ дамъ: не губи время и дѣлай.

— Совѣтуете?

— Отъ всей моей души совѣтую. Вѣкъ молодой надо чѣмъ помянуть; тоже вѣдь за старикомъ-то ты пять лѣтъ промучилась—это не шутка.

— Не вспоминайте мнѣ про него!

— Прости, милуша, прости! Я не знала, что ты про покойниковъ вспоминать боишься.

— Я его не боюсь, а... мнѣ противно вспомнить, какъ онъ храпѣлъ ночью.

— Да, ужъ мужчина, который если храпитъ—это немыслимая гадость.

— Я, бывало, цѣлыя ночи не сплю, заверну голову одѣяломъ и сижу въ постели. да и плачу. А теперь, если приснится, какъ онъ храпѣлъ, сразу весь сонъ и пропадетъ.

— Да, кто храпитъ, имъ и не стоитъ жениться, тѣмъ больше, что это при твоей молодости, и при капиталѣ, да еще и при выдающейся красотѣ...

— Ну, вы мнѣ про мою красоту много не льстите,—я вѣдь сама себя въ зеркало видывала... Разумѣется, я такъ себѣ,—не уродъ, но аляповата.

— А чѣмъ же вы нехороши?

— Не о томъ, что нехороша, а я не люблю, если ко мнѣ

съ лестью подъѣзжаютъ. Это вѣдь не ко мнѣ, а все къ капиталу.

— Ну, мой другъ, я вѣдь у васъ сколько живу, а вы мнѣ про свой капиталъ до сихъ поръ никогда ничего не объясняли.

— И не обязана. Я и никому никогда о капиталѣ ничего не скажу. Капиталъ—дѣло скрытное.

— Я и знать не стараюсь. Я взялась быть при васъ компаньонкою и по хозяйству — въ томъ и состою, и что̀ вы хотите, я то̀ и дѣлаю: въ садъ — такъ провожаю въ садъ, въ театръ — такъ въ театръ, а сюда захотѣли ѣхать — я и здѣсь пригодна, потому что я и здѣшніе порядки знаю; а о чемъ ваше сердечное прошеніе и желаніе совершенія завтрашней успѣшной молитвы — этого я не знаю.

— И тоже и это вы никогда не узнаете. О чемъ я хочу молить—это мое одно дѣло.

— Да я и не любопытствую.

— Конечно! И если не будете любопытничать, то вамъ же спокойнѣй у меня жить будетъ. А вы мои мечты оставьте,—лучше что-нибудь про себя мнѣ разсказывайте.

— Что же, мой ангелъ?

— Что-нибудь «выдающееся».

— Ишь, шалуша, какъ мое слово охватила!

— Да, я люблю, какъ вы разсказываете.

— Нравится?

— Не то что нравится, а какъ-то... такъ, бывало, у насъ въ домѣ одна монахиня про Гришку Отрепьева разсказывала... сейчасъ смѣшно, и сейчасъ жалостно.

— Да, я говорю грамматически. Это многіе находили. Николай Ивановичъ Степеневъ, деверь вдовы, который всѣми ихъ дѣлами управляетъ, когда, бывало, боленъ послѣ гуляньевъ, всегда, бывало, проситъ меня, чтобы съ нимъ быть и разговаривать.

— А у него не было ли чего другого на умѣ-то?

— Ничего, мой другъ, кромѣ того, что шутитъ надъ

собою и надо мною: «Я, говоритъ, мужъ выпѣвающій, а ты — жена-переносица, — играй мнѣ на чей-нибудь счетъ увертюру».

— Ишь какъ разсказываетъ!

— Хорошо?

— Да что̀ вамъ допрашиваться, говорите грамматически о своей жизни,—вотъ и все.

— А у меня въ жизни, мой другъ, кромѣ горя ничего и нѣтъ выдающагося.

— Ну, вотъ, и разскажите всю эту увертюру: какого вы роду и племени и что̀ вы занапрасно терпѣли. Я люблю слушать, какъ занапрасно страдаютъ.

— А я все такъ страдала. Я вѣдь, не забудь, откупной породы и Бернадакина крестница, потому что папаша у него въ откупахъ служилъ. Большое жалованье онъ получалъ, но говорилъ, что страсть какъ много за то на себя и грѣха принялъ. Впослѣдствіи сталъ страшнаго суда бояться и все пилъ, и умеръ, ничего намъ не оставилъ. А у Бернадакина повсемѣстно много было крестниковъ и не всѣмъ даже давалось на воспитаніе, а только чьи выдающіяся родительскія заслуги. Меня опредѣлили учиться; но у меня объявилась престранная способность: ко всѣмъ рѣшительно понятіямъ развитіе очень большое, а къ наукамъ совсѣмъ никакой памяти не было. Ко всему память и соображенія хорошія, а къ ученью нѣтъ—долбицу умноженія сколько ни долбила, а какъ, бывало, зададутъ задачу на четыре правила сложенія — плюсить или минусить, или въ умѣ составить, напримѣръ, пять изъ семьи — сколько въ отставкѣ? — то я и никакихъ пустяковъ не могу отвѣчать. Тоже и по словесности—выговоръ у меня для всего былъ очень хорошій, окатистый, но постоянно отчего-то особливыя слова дѣлались, и какъ на публичномъ экзаменѣ архирей задалъ мнѣ вопросъ: кто написалъ Апокалипсъ Іоанна Богослова—я и не знала.

— Еще бы! — протянула Аичка. — Да на что это и нужно.

— Рѣшительно ни на что — только сбиваютъ. А тутъ я на шестнадцатомъ году, милуша моя, вдругъ очень выровнялась и похорошѣла, стала рослая, а личико миніатюрное и маленькая родинка у подбородка. Точно я будто француженка. И тутъ со мною самый подлый поступокъ и сдѣлали.

— Кто же въ этомъ виноватъ былъ?

— Все черезъ родныхъ.

— Это ужъ какъ разумѣется.

— А потомъ и пошли меня, бѣдную, мыкать: француженку, да скорѣй меня съ рукъ спихивать, кому попало, за русскихъ. Сейчасъ же вскорѣ мамаша стала просить о помощи и торопиться, чтобы скорѣе пять тысячъ мнѣ въ приданое назначили. Сейчасъ и жениха какого-то нашли мнѣ этакаго хвата, въ три обхвата, и животъ этакій имѣлъ,— ахъ, какой выдающійся! Представь себѣ, такъ весь огурцомъ «а-ля-пузе».

— Чортъ знаетъ, что такое! — сказала въ возбужденіи Аичка.

— Да, мой другъ, ужъ лучше бы и не вспоминать его,— отвѣчала Марья Мартыновна и продолжала:—а я-то тогда еще всего боялась; но меня вѣдь и не спрашивали. Онъ какъ пріѣхалъ, такъ тотчасъ съ мамашей поладилъ и три тысячи приданаго до вѣнца сорвалъ. Что же,—вѣдь не родительскіе, а конторскіе, — Бернадакины. Двѣ тысячи маменька еще себѣ отшибла: «мы, говоритъ, тебя воспитывали и кормили. Надо теперь и о младшей сестрѣ подумать». Я ничего и не спорила, своей пользы не понимала. Съ женихомъ обо всемъ маменька разсуждала и съ тѣмъ уговаривалась, чтобы онъ уважалъ мою сердечную невинность и никогда никакого попрека мнѣ отъ него не было, а между тѣмъ, какъ ему двѣ тысячи не додали, то онъ послѣ только и зналъ, что сталъ попрекать, и ужасно все мотивировалъ и посылалъ, чтобы я ходила просить, и дома со мной ни за что не хотѣлъ сидѣть. Даже часто ни обѣдать, ни ночевать не приходилъ, и моя эта французская

миліатюрность, и стройность, и родинка, ничего его не только не утѣшали, а даже онъ сталъ меня терпѣть не мочь, и именно за то, чѣмъ могла я понравиться, дѣлалъ мнѣ самыя обидныя колкости.

— «Что мнѣ, говоритъ, съ тобой за удовольствіе? въ кости что-ли я буду играть? я обожаю въ дамѣ полноту въ обхожденіи».

— Значитъ, вы его въ воображеніе не умѣли привести,— вставила Аичка.

— И нельзя.

— Это пустяки!

— Нѣтъ, нельзя.

— Отчего же?

— Хладнокровіе такое имѣлъ, какъ настоящій змѣй, и это, его-то испугавшись, я и иглу въ себя впустила. Онъ на меня топнулъ, а я иглу-то вмѣсто подушки въ себя воткнула. А потомъ когда я больная была, и если, бывало, почувствую гдѣ игла колетъ, и прошу, чтобы скорѣе доктора пригласить, чтобы изъ меня иглу вонъ вытащить, потому что я ее чувствую, такъ онъ и тутъ преспокойно отвѣчаетъ:

— «Для чего такая нетерпѣливость? подожди, можетъ-быть, игла изъ тебя теперь и сама гдѣ-нибудь скоро выскочитъ».

Аичка разсмѣялась и спросила:

— И что же, наконецъ, вышло?

— Наконецъ, то вышло, что у меня игла нигдѣ не вышла, а зато онъ самъ у своей полной дамы закутился и попалъ ему такой номеръ, что онъ померъ, а я тогда ему на зло взяла да сейчасъ и вышла за подлѣкаря.

— Этотъ лучше былъ?

— Еще хуже.

— Неужели опять въ три обхвата?

— Нѣтъ!.. Чего тамъ!—этотъ, напротивъ, весь былъ съ пѣтушій гребешокъ, но зато самый выдающійся язвитель. А маменька пристала: «иди, да иди». «Ты, говоритъ, на

французинку подобна, и онъ къ этой породѣ близокъ». А его всей близости только и было, что его фамилія была Померанцевъ, а лѣкаря его называли «Флёръ-д'оранжъ». А его просто лучше бы звать Антихристъ. Мнѣ даже пророчество было за него не идти.

— Ахъ, это люблю—пророчества! Что же было?

— Я только изъ воротъ къ вѣнцу съ нимъ стала выѣзжать и на передней лавочкѣ въ каретѣ завитый отрокъ съ образомъ сидѣлъ,—видно, что свадьба,—а какой-то прохожій въ воротахъ заглянулъ и говоритъ: «Вотъ кого-то везутъ наказывать».

— Вотъ удивительно! Ну, и какъ же онъ васъ наказывалъ?

— Всего, мой другъ, натерпѣлась. Прежде всего онъ былъ большой хитрецъ и притворялся, будто ему нравится моя миніатюрность, а мои деньги ему не нужны. И пришелъ свататься въ распарадѣ, какъ самый свѣтскій питомецъ: на рукѣ перстень съ брилліантомъ, и комплиментъ такой отпустилъ, что какъ онъ человѣкъ со вкусомъ, то въ женщинѣ обожаетъ гибкую худобу и легкость, а потомъ оказалось, что онъ это вралъ, а кольцо было докторово, и я ему совсѣмъ и не нравилась. Я говорю: въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вы врали и притворялись влюбленнымъ? А онъ безъ всякаго стыда отвѣчаетъ: «Золото красиво—съ нимъ намъ милой быть не диво», и объяснилось, что онъ самъ обидѣлся въ томъ, что ожидалъ получить за мною большой капиталъ, а какъ не нашелъ этого, то тоже желаетъ моею худобою пренебрегать, и дѣйствительно такъ началъ жить, что какъ будто онъ мнѣ и не мужъ.

— А за это вы могли на него его начальству жаловаться.

— Я и жаловалась. Главный докторъ его призвалъ и при мнѣ же ему сталъ говорить: «Флёръ-д'оранжъ! что же это?» а онъ началъ въ свое оправданіе объяснять: «Помилуйте, ваше превосходительство, — это немыслимо: въ ней игла ходитъ», и опять и этотъ тоже пошелъ мотивировать.

Главный докторъ даже удивился: велѣлъ мужу выйти, а мнѣ говоритъ: «Что же вы послѣ этого хотите, чтобы я какое распоряженіе сдѣлалъ? Я не могу. Если вы съ иглою, то я только и могу вамъ посовѣтовать: молитесь, чтобы изъ васъ скорѣе игла вышла».

— Ишь какая вы, Мартыновна, на мужское расположеніе къ себѣ несчастная!

— Да, Аичка, да! За что молоденькую ласкали, за эту миліатюрность и легкость, за то самое потомъ отъ мужей ничего я не видала, кромѣ холодности и оскорбленія. Особенно этотъ подлѣкарь,— онъ даже не хотѣлъ меня иначе называть, какъ «индюшка горбатая», и всякую ложь на меня сочинялъ.—«Я, говоритъ, по анатоміи могу доказать, что у тебя желудокъ и потомъ спина, и больше ничего нѣтъ». Но Господь же Богъ истинно милосерднѣйшій,— Онъ меня скоро отъ обоихъ отъ нихъ освобождалъ: сталъ и этотъ Флёръ-д'оранжъ тоже пить и пропадать, и одинъ разъ допился до того, что поѣхалъ дачу нанимать и въ саду повѣсился, а я ни съ чѣмъ осталась и въ люди жить пошла.

— Въ людяхъ жить трудно.

— Ничего, у меня характеръ хорошій: меня всѣ любятъ.

— Ну, это вы только хвалитесь.

— Нѣтъ! правда.

— А вѣдь вотъ вы долго у Степеневыхъ жили, а они васъ за что-то выгнали.

— Извините, Аичка, меня никто и ни откуда не выгонялъ.

— Ну, отпустили. Вѣдь это только такъ, для вѣжливости говорится, а все равно—выгонъ.

— И не отпускали, а я сама ушла.

— Черезъ что же вы ушли? Вѣдь ихъ домъ хорошій, какъ вы говорите—«выдающійся».

— Домъ былъ самый очень выдающійся, да черезъ одну причину началъ портиться, и къ тому же вотъ съ этимъ мѣстомъ вышло замѣшательство.

- Съ которымъ мѣстомъ?

— Вотъ, гдѣ мы съ вами теперь находимся въ нашей сегодняшней «ажидаціи».

— Ну, такъ вотъ вы про это-то теперь и разсказывайте. Да только отсядьте вы отъ меня, пожалуйста, подальше на кресло, а то и я боюсь, что въ васъ иголка.

— Вотъ какая ты мнительная! Но я, мой другъ, теперь вѣдь ужъ тѣльца на себя собрала, и тѣльце у меня — попробуй-ка — крѣпкое, просвирковатое!

— Не буду я къ вамъ касаться: я очень мнительная Подайте мнѣ тоже сюда и мою сумочку съ деньгами.

— Я ее хорошенько въ комодъ прибрала.

— Нѣтъ, дайте—я люблю деньги подъ подушкой имѣть... А теперь сказывайте: отчего вы ушли изъ степеневскаго дома?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

— Тутъ много сдѣлалъ падёжъ бумагъ.

— Вы развѣ на биржѣ обращались?

— Не я, а деверь у Степеневыхъ, у Маргариты Михайловны. У нихъ въ семьѣ вѣдь немного: всего сама она, эта Маргарита съ дочерью, съ Клавдинькой, да сестра ея, Ефросинья Михайловна — обѣ вдовы. Ефросинья-то бѣдная, а у Маргариты мужъ былъ, Родіонъ Ивановичъ, отличный фабрикантъ, но къ рабочимъ былъ строгъ до чрезвычайности, «Иродомъ» его звали, — все на штрафахъ замаривалъ; а другой его братъ, Николай Ивановичъ, къ народу былъ проще, но зато страсть какой предпріятельный: постоянно онъ въ трехъ волненіяхъ, и все спѣшитъ вездѣ постановъ вопросу дѣлать. Сначала онъ болѣе всего мимоноски строилъ, и въ это время страсть какъ распустился кутить съ морскими голованерами. Гдѣ онъ ѣдетъ, тамъ ужъ шумъ и громъ на весь свѣтъ, а домой пріѣдетъ — чтобы сейчасъ ему была такая тишина, какой невозможно. Жена у него была писаная красавица и смиренница, такъ онъ ее до того запугалъ, что она, бывало,

если и одна сидитъ да ложечкой о блюдце стукнетъ, то сейчасъ сама на себя цыкнетъ и сама себѣ пальцемъ пригрозитъ и «дуру» скажетъ. Но онъ съ нею все-таки ужасно обращался и въ гробъ ее сбилъ, а какъ овдовѣлъ, такъ и жениться въ другой разъ не захотѣлъ: сына Петю въ нѣмецкій пансіонъ отдалъ, а самъ сталъ жить съ француженками, и всѣ мимоноски туда сплавилъ. Думали: конченъ нашъ Николай Ивановичъ «выпѣвающій»; но онъ опять выплылъ: присталъ къ какимъ-то въ компанію дѣлать постановъ вопроса, и завели они подземельный банкъ, и опять сталъ таскать при себѣ денегъ видимо и невидимо и пошелъ большія количества тратить на польскую даму, Крутильду Сильверстовну. Ея имя было Клотильда, но мы Крутильдой ее называли, потому что она все, бывало, не прямо, а крутитъ, пока какое-то особенное удареніе ко всѣмъ его чувствамъ сдѣлаетъ, и тогда стоитъ ей, бывало, что-нибудь захотѣть и только на ключъ въ спальнѣ запереться, а его къ себѣ не пустить, такъ онъ тогда на что хочешь сдѣлается согласенъ, лишь бы вслѣдъ за нею достигнуть.

— Вотъ это такъ и слѣдуетъ! — замѣтила Аичка.

— Да, да; это правда. Онъ для нея и по-французски сталъ учиться, а когда сынъ свое ученье кончилъ, онъ его изъ дома прогналъ. Придрался къ тому, что Петя познакомился съ Крутильдиной племянницей, и отправилъ его съ морскими голованерами навкругъ свѣта плыть, а Крутильда свою племянницу тоже прогнала, а та была молоденькая и миліатюрная, а оказалась въ тягости, и Богъ одинъ знаетъ, какія бы ее ожидали послѣдствія. А самъ ужъ не зналъ, чѣмъ тогда своей Крутильдѣ заслужить: ходилъ постоянно завитъ, обритъ и причесанъ, раздушенъ и одѣтъ а-ля-морда, и все учился по-французски. Стоитъ, бывало, передъ зеркаломъ и по ляжкамъ хлопаетъ и поетъ: «Пожолія, пополія». А тутъ вдругъ кто-то въ ихнихъ бумагахъ въ подземельномъ банкѣ портежъ и сдѣлалъ. Страшная кучма народу толпучкой бросилась, чтобы у нихъ свои

деньги вынимать, и онъ до того не въ себѣ домой пріѣхалъ, что кричитъ:

«Запри скорѣй ножницы и принеси мнѣ калитку!»

И еще сердится, что этихъ его словъ не понимаютъ!

Мы думали, что онъ съ ума сошелъ, а онъ это испугался падежа́ бумагъ и привезъ къ намъ какіе-то пупоны стричь, да такъ все и потерялъ, и за эту стрижку подъ судъ попался, но на счастье свое несчастнымъ банкрутомъ сдѣланъ. Ну, тутъ Крутильда его, разумѣется, было-бросила, а сестра, Маргарита Михайловна, взяла его къ себѣ въ службу и всѣ дѣла ему поручила. Онъ же годъ и два простоялъ хорошо, а потомъ опять гдѣ-то съ голованерами встрѣтился и какъ разъ напосудился и такъ засточертилъ, что никакъ его нельзя было успокоить. Маленькій удержъ недѣли на двѣ сдѣлаетъ, а потомъ опять ударитъ и возвращается домой съ страшными фантазіями, — называетъ одну сестру Бланжей, а другую Мимишкой... не понимаетъ, гдѣ себя воображаетъ. А станешь просить его, чтобы онъ велъ себя степеннѣе, онъ сейчасъ: «Что́ такое? Какъ ты смѣешь? Давно ли ты на домашняго адвоката курсъ кончила? А я на этихъ увертюрахъ съ дѣтства воспитанъ!» И всегда въ это время у него со мной ссора, а потомъ послѣ ужасно поладитъ и шутитъ: «Мармартынъ, мой Мармартынъ, получай съ меня алтынъ», и опять до новой ссоры.

— А вы зачѣмъ встрѣвали?

— Для золовокъ, — золовки просили.

— Мало ли что! Развѣ можно мужчинѣ препятствовать!

— Ахъ, мой другъ, да какъ же ему не препятствовать, когда онъ въ этихъ своихъ трехъ волненіяхъ невѣдомо чего хочетъ, и ему вдругъ вздумается куда-то ѣхать, и онъ самъ не знаетъ, куда ѣхать.

— Знаетъ, небось.

— Нѣтъ, не знаетъ. «Мнѣ, — говоритъ, — три волненія надоѣли, и я хочу отъ нихъ къ самому чорту въ адъ уѣхать». Золовки пугаются и просятъ меня: «Разговори

его!» Я и говорю: «Туда дороги никто не знаетъ, — сиди дома». — Нѣтъ,—говоритъ,—Мармартынъ, нѣтъ; нужно только на антихристова извозчика попасть, у котораго шестьсотъ-шестьдесятъ-шестой нумеръ, — тотъ знаетъ дорогу къ чорту».

И пристанетъ вдругъ ко мнѣ: «Уйдемъ, Переносица, со мною потихонечку изъ дома и найдемъ шестьсотъ-шестьдесятъ-шестой нумеръ и поѣдемъ къ дьяволу! Что намъ еще здѣсь съ людьми оставаться! Повѣрь, всѣ люди подлецы! Надоѣли они!» И такъ упроситъ, что даже со слезами, и жаль его станетъ.

— И неужели вы съ нимъ ѣздили? — спросила Аичка.

— Да что, мой другъ, дѣлать. По просьбѣ золовокъ, случалось, — отвѣчала Марья Мартыновна. — Какъ своя въ домѣ у нихъ привыкла, и когда, бывало, сестры просятъ: «видишь, какой случай выдающійся, прокатись съ нимъ за городъ, досмотри его», — я и ѣздила, и всѣ его глупыя шутки и надсмѣшки терпѣла. Но только въ послѣдній разъ, когда докончальный скандалъ вышелъ, онъ меня взялъ насильно.

— Какъ же онъ могъ васъ насильно взять?

— Я въ лавкѣ себѣ сапоги покупала и очень занялась, а приказчикъ обмануть хочетъ и шабаршитъ: «Помилуйте... первый сортъ... фасонъ бамбе, а товаръ до того... даже Миллера». А онъ входитъ — и вдругъ ему увертюра московскаго воспоминанія въ лобъ вступила:

— «Я, — говоритъ, — мать-Переносица, ѣхалъ, и тебя увидалъ, и очень нужное дѣло вспомнилъ: отбери мнѣ сейчасъ шесть паръ самыхъ дорогихъ сапожковъ бамбе и поѣдемъ ихъ одной дамѣ мѣрить». Я говорю: «Ну васъ къ Богу!» а онъ говоритъ: «Я иначе на тебя сейчасъ подозрѣніе заявлю».

— Ишь какой, однако, прилипчивый!

— Ахъ, ужасный! совершенно вотъ какъ піявокъ или банная листва, — такъ и не отстанетъ. И чего ты хочешь: какъ его образумить? Во-первыхъ, кутила, а во-вто-

рыхъ, бабеляръ, и еще какой бабеляръ! Какъ только напосудится, такъ и Крутильду забылъ, и сейчасъ новое удареніе къ дамской компаніи, и опять непремѣнно не какія попало дамы, а все чтобы выдающіяся, напримѣръ, ѣздовщицы съ аренды изъ цирка или другія прочія выдающіяся сужекты своего времени. А угощать благородно не умѣлъ: въ какомъ хочешь помѣщеніи дезгардьяжъ надѣластъ, всего, чего попало, натребуетъ и закричитъ: «Лопайте шакецъ-а-гу!» Многія, бывало, обидятся и ничего не хотятъ, или еще его «свиньей» назовутъ, но ему все ничего, шумитъ;

— «Глядите, инпузоріи, въ пространство, что я могу: я не плотецъ Скопицынъ, который съ деньгами запирался, а я со всѣми увертюрами живу!» И сейчасъ и начнетъ свою первую обыкновенную увертюру: всю скатерть съ приборами на полъ, а платить—«убирайся къ чорту».

Того и гляди, что его когда-нибудь отколотятъ.

Я это и говорю его сестрамъ: «какъ хотите, а по-моему его надо молитвою избавить отъ его безстыдства», и Афросинья сейчасъ этому и обрадовалась; но онъ самъ ни за что и слышать не хотѣлъ о молитвахъ.

— «Постановъ вопроса, говоритъ, такой: что я — порченый что-ли, чтобы меня отмаливать? Я въ духовныхъ дѣлахъ самъ все знаю: я пилъ чай у преосвященнаго Макаріуса и у патріарха въ Константинополѣ рахатъ-лукумъ ѣлъ, и послѣ нихъ мнѣ теперь въ молитвахъ даже самъ Мономахъ не можетъ потрафить».

Разумѣется, надо было сразу не пощадить на самое выдающееся; но вдова Маргарита Михайловна Степенева хоть и богачка, а замялась въ неопредѣленномъ наклоненіи. Я вашего капитала, разумѣется, вполнѣ не знаю...

— Это вамъ и не надо знать, — оторвала Аичка: — вы ведите свои исторіи, а меня врасплохъ не испытывайте.

— Конечно. Я только такъ къ слову сказала, я и не любопытна, но все равно на то же вышло. У Маргариты Степеневой, какъ я вамъ сказала, есть дочь Клавдія, молодая и прекрасивая этакая дѣвица, собой видная, — кра-

соты видъ въ родѣ англичанскаго фасона, но съ буланцемъ... Воспитывалась она въ иностранномъ училищѣ для дѣвицъ женскаго пола, вмѣстѣ съ одною нѣмочкою, и сдѣлалась ея заковычнымъ другомъ, а у той былъ двоюродный ея братъ, докторъ Ферштетъ; онъ, этотъ Ферштетъ, ее и испортилъ.

— Спуталъ?—спросила живо Аичка.

— Нѣтъ,—отвѣчала Марья Мартыновна: — спутать онъ ее не могъ, потому что она безчувственная, но разныя пустыя мысли ей вперилъ.

— Про что же?

— Да вотъ, напримѣръ, насчетъ повсемѣстнаго бѣдствія людей. Самъ онъ такой неслыханный оригиналецъ былъ, что ничего ему не нужно; такъ и назывался: «безсчетный лѣкарь». Ко всѣмъ онъ шелъ, а что ему кто заплатитъ, или даже ничего не заплатитъ, это ему все равно, всѣхъ одинаково лѣчилъ и къ бѣднымъ даже еще охотнѣе ходилъ и никогда не отказывался, а если дадутъ, такъ онъ сунетъ въ карманъ и не считаетъ, чтобы не знать, кто сколько далъ. Вотъ онъ ее этимъ безразличіемъ плѣнилъ и къ такой простотѣ ее свелъ, что она обо всемъ образѣ жизни людей стала иначе думать и все она начала желать чего-то особеннаго, чего невозможно и что всѣхъ огорчаетъ.

— Непочтительная что-ли стала?

— Нельзя даже понять — какъ она, почтительная или непочтительная, но только стало ей нравиться все удивительное. Вотъ этотъ ея подругинъ братъ въ ниверситетѣ учился, и весь свой курсъ вышелъ, а служить нигдѣ не захотѣлъ. Всѣ этимъ огорчились, а ей это хорошо.

— Отчего же онъ служить не пошелъ?

— Такъ разсудилъ, что «на службѣ, говоритъ, можно получать различныя порученія, какихъ я дѣлать не хочу, надо въ пустякахъ для угожденія много время тратить, и уважать кого не стоитъ, и бояться, какъ бы съ дурной стороны не представили, — а я-де ни съ кѣмъ ни въ какую общественную исторію попадать не хочу, а хочу лучше самъ по своимъ понятіямъ людямъ услуживать». И такъ безъ

всякихъ чиновъ и остался, и всю зиму и лѣто въ одной прохладной шинелишкѣ ко всѣмъ бѣднымъ ходилъ, пока въ прошломъ году простудился и умеръ, и семью какъ есть ни съ чѣмъ оставилъ. Спасибо, нѣмцы при похоронахъ сговорились между собою и все семейство устроили. По Клавдинькиному это все и превосходно, и Клавдинька какъ только съ нимъ познакомилась, такъ сдѣлалась отъ всѣхъ своихъ семейныхъ большая скрытница и все начала евангеліе читать, и все читала, читала, а потомъ всѣ наряды прочь и начала о бѣдныхъ убиваться. Сидитъ и думаетъ. Спросишь: «что ты все думаешь? чего тебѣ недостаетъ?» А она отвѣчаетъ :«у меня все есть и даже слишкомъ больше, чѣмъ надобно, но отчего у другихъ ничего нѣтъ необходимаго?» Ей скажешь: «Что же тебѣ до этого? это отъ Бога такъ, чтобы было кому богатымъ людямъ служить и чтобы богатые имѣли кому отъ щедротъ своихъ помогать»,—а она головою замахаетъ, и опять все думаетъ и доведетъ себя до того, что начнетъ даже плакать.

— О бѣдныхъ?—воскликнула Аичка.

— Да!

— Что же они ей лучше богатыхъ что-ли?

— И я это самое ей говорила: чего? Если тебѣ жаль, поди въ церковь и подай на крыльцѣ. Отъ состраданія нечего плакать. А она отвѣчаетъ: «Я не отъ состраданія плачу, а отъ досады, что глупа и зла, и ничего придумать не могу». Ну и стала все думать, и придумала.

Аичка сказала:

— Это интересно.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Стала она такъ жить, что начала не надѣвать на себя ни золота, ни дорогихъ нарядовъ. «Для чего мнѣ это?—говоритъ:—это совсѣмъ ненужное, и нисколько не пріятно и не весело; да это даже и имѣть стыдно».

— Отчего же ей это стыдно?—спросила Аичка.

— Для чего на ней дорогія вещи будутъ, когда на другихъ и самыхъ простыхъ одеждъ нѣтъ.

— Такъ это же вѣдь нарочно такъ и дѣлаютъ, для отлички другъ отъ друга.

— Ну да! какъ же иначе и разобрать, кто котъ — кто поваръ? А для нея мать сдѣлала тальму изъ фонъ-горской козы и морской травы цвѣта плющъ покрыла, а она ее и не надѣла.

— Это почему?

— «Стыдно, говоритъ, такую роскошь носить»—простое пальто ей больше нравится. Сшила себѣ сама черное кашемировое платье и бѣлые рукавчики и воротнички и сама ихъ моетъ и гладитъ, и такъ англичанкою и ходитъ, а лѣтомъ въ свѣтленькомъ ситцѣ, а что ей мать подаритъ деньгами или шелковье, она сейчасъ пойдетъ шелковье все продастъ и всѣ деньги неизвѣстно кому отдастъ. Мать сначала, бывало, шутя спрашиваетъ:

— «Что же ты это, Клавдичка, на молитвы что-ли все раздаешь?»

— «Нѣтъ, говоритъ, маменька, зачѣмъ же мнѣ покупныя молитвы? Это долженъ всякъ для себя, а я просто такъ отдаю тѣмъ, которымъ трудно заработать сколько нужно, или нечѣмъ за ученье платить, когда ихъ дѣтей исключаютъ».

Мать ей и не перечила: — «Что же, говоритъ, отдавай, если хочешь: пусть за тебя бѣдные Бога молятъ».—Но ей никакъ не потрафишь сказать.

— «Я, говоритъ, маменька, это совсѣмъ не для того, а просто мое сердце не терпитъ, когда я вижу, какъ я счастлива, а люди живутъ бѣдственно».

— «Вотъ потому-то и нехорошо, что ты все ходишь, эту бѣдственность смотришь: ты на нихъ насмотришься и себя этимъ и разстраиваешь».

— «Все равно,—говоритъ,—мама, если я на нихъ хоть и смотрѣть не буду, такъ я знаю, что они есть и страдаютъ, и что я должна дѣлать облегченіе въ ихъ жизни».

— «Ну, поступи членомъ въ общество и ѣзди съ хорошими дамами; я тебѣ столько денегъ дамъ, что можешь больше всѣхъ графинь и княгинь сыпать».

Не захотѣла.

— «Я знаю,—говоритъ,—что̀ нужно дѣлать».

— «Такъ скажи, что̀ такое?»

Она молчитъ.

— «Отчего же ты такая грустная и такая печальная? На тебя смотрѣть больно! Отчего это?»

— «Это, мама, оттого, что я еще очень зла: я себя еще не переломила и борюсь».

— «Съ кѣмъ, мой ангелъ?»

— «Съ собою, мама. Не обращайте на меня вниманія, мнѣ скоро легче будетъ. Я какъ-нибудь перейду на свою сторону, а теперь я не на своей сторонѣ,—я себѣ противна».

Дядя Николай Ивановичъ хоть шабарша, но онъ любилъ ее и говоритъ:

— «Не приставайте къ ней: она иначе не можетъ; это въ ней все отъ рояльнаго воспитанія. Я знаю, что̀ съ ней надо сдѣлать: надо дать ей развязку на веселыхъ увертюрахъ».

Взвился и привезъ ей театральный билетъ въ ложу на «Африканскаго Мавра».

Хоть и великій постъ былъ, но для нея поѣхали. А она у нихъ въ театрѣ и разрыдалась.

— Это еще чего?

— «Я,—говоритъ,—вамъ говорила, что я не могу видѣть дикія грубости!—Въ чемъ вамъ представляется занимательность, я въ томъ же самомъ вижу ужасъ и горе».

— «Какой же ужасъ? Въ чемъ тутъ горе?»

— «Какъ же не ужасъ: такой огромный, черный мужчина душитъ слабую женщину и по какой причинѣ?»

Николай Ивановичъ говоритъ:

— «Ты этого еще не понимаешь: за любовь отъ ревности самый образованный человѣкъ долженъ изъ вашей сестры всю кровь пролить».

— «Не правда это, — говоритъ, — какой это образованный человѣкъ: это глупость, это звѣрство! Не должно это такъ быть и не будетъ,—я не хочу это видѣть!»

И уѣхали изъ театра, и такъ и пошло съ ней съ этихъ поръ во всѣхъ междометіяхъ. Благородныя удовольствія, театръ или концерты, или оперы, все это ей не нравится, а назоветъ къ себѣ безпортошныхъ ребятишекъ, дастъ имъ мармеладу и орѣховъ и на фортепіанахъ имъ заиграетъ и поетъ, какъ лягушки по дорожкѣ скачутъ, вытянувши ножки, и сама съ ними утѣшена и плачетъ, и пляшетъ. Этакая красавица, а лягушкой прыгаетъ!..

Видѣвши это, мать своего священника приходскаго на духу упросила поговорить съ ней, и онъ на Пасхѣ, когда пріѣхалъ съ крестомъ и какъ сталъ послѣ закусывать, то началъ Клавдинькѣ выговаривать:

— «Нехорошо, барышня, нехорошо, вы въ заблужденіи».—А она ему брякъ на-отрѣзъ:

— «Да, — говоритъ, — благодарю васъ, благодарю, вы правы—и мнѣ тоже кажется, что мы живемъ въ большомъ заблужденіи, но теперь я уже немножко счастливѣе».

— «Чѣмъ-же-съ?»

— «Тѣмъ, что я уже собой недовольна; я теперь уже не на своей сторонѣ; я себя осуждаю и вижу, гдѣ свѣтъ».

Онъ говоритъ:—«Не много ли вы на себя берете?»

Она замялась и отвѣчаетъ:—«Я не знаю».

А батюшка говоритъ: — «То-то и есть! А мы знаемъ, что на свѣтѣ должны быть и богатые, и бѣдные, и это такъ повсемѣстно».

Она отвѣчаетъ:—«Это, къ несчастію, правда».

— «Такъ и нечего бредить о томъ, чтобы у насъ всѣ были равны».

А она вся стынетъ и виски себѣ третъ и шопотомъ говоритъ:—«Бредятъ невольно».

А батюшка говоритъ:—«Да, бредятъ невольно, а однако и за невольный бредъ иногда далеко очутиться можно. Не идите противъ религіи».

— «Я не иду, я люблю религію».

— «А зачѣмъ противнаго желаете?»

— «Развѣ желать въ жизни простоты и чтобъ не было терзающей бѣдности противно религіи?»

— «А вы какъ думаете? Да Христосъ-то признавалъ нищихъ или нѣтъ?»

— «Признавалъ».

— «Такъ что же, вы Ему хотите возражать?»

— «Я вамъ отвѣчаю, а не Христу. Христосъ самъ жилъ какъ нищій, а мы всѣ живемъ не такъ, какъ Онъ жилъ».

Священникъ всталъ и говоритъ:

— «Такъ вотъ вы какая!»—и оборотился къ матери ея и сказалъ:

— «Маргарита Михайловна! Откровенно вамъ скажу, уважая васъ какъ добрую прихожанку, я съ вашей воспитанной дочерью поговорилъ; но, уважая себя, я нахожу, что съ нею, сударыня, не стоитъ разговаривать. Вамъ одно остается: молиться, чтобы она не погибла окончательно».

Маргарита Михайловна, вся красная и въ слезахъ, извиняется и проситъ у него прощенья, что это вышло какъ на смѣхъ.

Священникъ смягчился и отвѣчаетъ:

— «Мнѣ, разумѣется, Богъ съ нею, пусть что̀ хочетъ болтаетъ, теперь этихъ глупыхъ мечтаній въ обществѣ много, и мы къ нимъ наслышавшись; но попомните мое слово, это новое, но стоитъ стараго зла—ингилизма, и дочь ваша идетъ дурнымъ путемъ! дурнымъ! дурнымъ!»

Маргарита Михайловна ему скорѣе красненькую, но онъ не подкупился, деньги подъ большой палецъ зажалъ, а указательнымъ все грозится и свое повторяетъ:

— «Дурнымъ путемъ, дурнымъ!»

Маргарита Михайловна сама разсердилась и, какъ онъ вышелъ, говоритъ ему вслѣдъ:

— «Какой злюка сталъ!»

А Клавдинька безъ гнѣва замѣчаетъ:

— «Вы, другъ мой, мама, сами виноваты, зачѣмъ вы ихъ безпокоите. Онъ такъ и долженъ былъ говорить, какъ говорилъ».

— «А кого же мнѣ на тебя, какую власть просить?»

— «Ну, полноте, мамочка, зачѣмъ на меня власть просить, чѣмъ я вамъ непокорна?»

— «Въ очень во многомъ, въ самомъ важномъ ты непокорна: грубить ты мнѣ не грубишь, но ты не одѣваешься сообразно нашему капиталу, чтобы всѣ видѣли; не живешь, а все съ бѣдностью возишься, а богатства стыдишься, которое твой дѣдъ наживалъ и за которое отецъ столько грѣха и несправедливости сдѣлалъ».

А Клавдинька тутъ одною рукою мать за руку схватила, а другою закрыла свои вѣщія звѣницы и, какъ актриса театральная, вдругъ дрожащимъ голосомъ закричала:

— «Мамочка! мама!.. Милая! не говорите, не говорите! Ничего не будемъ объ отцѣ,—такъ страшно вспомнить!»

— «Разумѣется, — царство ему небесное, — онъ былъ аспидъ, а я тебя сама избаловала. и за то, думала, пусть хоть духовный отецъ тебя наставитъ».

— «Мама! да вы сами меня лучше всѣхъ можете наставить».

— «Нѣтъ, я не могу и не берусь!»

— «Почему?»

— «Мнѣ тебя жаль!»

— «Ну, вотъ я и наставлена. Вы меня пожалѣли и этимъ меня и наставили! Я вѣдь люблю васъ, мама, и ничего не сдѣлаю такого, что̀ можетъ огорчить мать-христіанку. А вѣдь вы, мама, христіанка?»

И глядитъ ей въ глаза, и ластитъ ее, и такъ и поладятъ. и все такъ, потихоньку, что̀ только сама она съ собой вздумаетъ, то̀ съ матерью и сдѣлаетъ. Ужъ не только на представленіе «Мавра» отклонила смотрѣть, а даже въ оперу «Губинотовъ» слушать—и то говорить: «не надо, мама; пѣсни хороши, когда ихъ поютъ отъ чувства для скорби или для веселости, а этакъ, за деньги—это пустяки, и за

такія трилюзіи стыдно деньги платить, лучше отдадимъ ихъ босымъ дѣтямъ». И мать сейчасъ съ нею въ этомъ согласна и улыбается: «На, отдавай, ты какая-то божія». А та ей съ большимъ восхищеніемъ: «О, если бы такъ! если бы я въ самомъ дѣлѣ была божія!» и вдругъ опять со смѣхомъ шутя запоетъ и запляшетъ: «Вотъ,—говоритъ,—вамъ даровой театръ отъ моей радости». А мать ужъ не знаетъ, какъ и навеселиться. И стало ужъ Клавдинькѣ такое житье, что дѣлай все, что ей угодно, у матери и позволенія не спрашивай.

— «Я, говоритъ, вѣрю, что она меня любитъ и ничего такого, что̀ меня огорчитъ, она не сдѣлаетъ».

Стала Клавдинька ходить въ искусственные классы, гдѣ разныя учебныя моды на оба пола допущены, и пристряла къ тому, чтобы изъ глины рожи лѣпить, и научилась. Всѣ, всѣ, какія только есть принадлежности, она возьметъ и вылѣпитъ, а потомъ на фарфорѣ научилась красить, и весь домъ намусорила, а въ собственную въ ея комнату хоть и не входи, да и не позволяетъ, и прислуги даже не допускаетъ. Намѣшаетъ въ тазу зеленой глины, вывалитъ все на доскѣ, какъ тѣсто, и пойдетъ пальцами вылѣпливать.

— Это однако вѣдь трудно,—замѣтила Аичка.

— Ничего не трудно, — отвѣчала нетерпѣливо Марья Мартыновна.—Обозначитъ сначала носъ и ротъ, а потомъ и всѣ остальныя принадлежности—вотъ и готово. А фарфоръ нарисуетъ, но безъ мужика обойтись не можетъ,—выжигать русскому мужику отдаетъ. А потомъ всѣ эти предметы въ магазины продавать несетъ. Мать и тетка, разумѣется, сокрушаются: ей ли такая крайность, чтобы рукодѣлье свое продавать! При такомъ капиталѣ и такія послѣдствія! А выручитъ деньги—и неизвѣстно куда ихъ отнесетъ и неизвѣстнымъ людямъ отдастъ. А тогда, знаешь, какъ разъ такое время было, что разомъ дѣйствовали и поверхностная комиссія, и политическій компотъ. Кому же она носитъ? Если бѣднымъ, то я, бѣдная женщина,

сколько лѣтъ у нихъ живу, и отъ матери и отъ тетки подарки видѣла, а отъ нея ни на грошъ. Одинъ разъ сама прямо у нея попросила: «что же, говорю, ты, Клавдичка, мнѣ отъ своихъ праведныхъ трудовъ ничего не подаришь? хоть бы купила на смѣхъ ситчику по нѣтовой землѣ пустыми травками». Такъ она и шутки даже не приняла, а твердо отрѣзала: «вамъ ничего не надобно, вы себѣ у всѣхъ выпросите». Господи помилуй! Господи помилуй! Этакое безчувствіе! Правда, что я не горжусь,—если у меня нѣтъ, я выпрошу, но какое же ей до этого дѣло! Такъ же и противъ матери: въ самые материны именины, вообрази себѣ, розовый цвѣтокъ ей сорвала и поднесла: «Другъ мой, мама!—говоритъ:—вамъ вѣдь ничего не нужно». И вообрази себѣ, та соглашается: «У меня, говоритъ, все есть, мнѣ только твое счастье нужно»,—и цѣлуетъ ее за эту розу. А Клавдинька еще разговариваетъ:

— «Мамочка! что̀ есть счастіе? Я съ вами живу и счастлива, но въ свѣтѣ есть очень много несчастныхъ».

Опять, значитъ, за свое,—даже въ именинный день! Тутъ я уже не вытерпѣла и говорю:

— «Вы, Клавдинька, хоть для дня ангела маменькинаго нынче эту заунывность можно бы оставить вспоминать, потому что въ этомъ вѣдь никакой выдающейся пріятности нѣтъ».

Но мать, представь себѣ, сама за нее заступилась и говоритъ мнѣ:

— «Оставь, Марья Мартыновна, и скажи людямъ, чтобы самоваръ отсюда убирали.—А въ это время, какъ я вышла, она даритъ Клавдинькѣ пятьсотъ рублей: «отдай, говоритъ, своей гольтепѣ-то! Кто они тамъ у тебя такіе, Господи! можетъ, страшно подумать».

— А вы какъ же это видѣли?—спросила Анчка.

— Да просто въ щелочку подсмотрѣла. Но Клавдинька вѣдь опять и изъ этихъ денегъ никому изъ домашнихъ ничего не удѣлила.

— Отчего же?

— Вотъ оттого дескать, что «здѣсь всѣ сыты».

— Что-же, она это и правильно.

— Полно, мой другъ, какъ тебѣ не стыдно!

— Ни крошечки.

— Нѣтъ, это ты меня дразнишь. Я знаю... Будто человѣку только и надо, если онъ сытъ? И потомъ сколько разъ я ни говорила: «ну, прекрасно, ну, если ты только къ чужимъ добра, зачѣмъ же такъ скрытна, что никто не долженъ знать, кому ты помогаешь?

— «Добръ,—отвѣчаетъ,—тотъ, кто не покоится, когда другіе безпокойны, а я не добра. Вы о добротѣ какъ должно не понимаете».

— «Ну, прекрасно, я о добротѣ не понимаю, но я понимаю о скрытности: для чего же ты такъ скрываешся, что никакими слѣдами тебя услѣдить нельзя, куда ты все тащишь и кому отдаешь? Развѣ это мыслимо или честными правилами требуется?

А она, вообрази, съ улыбкою отвѣчаетъ:

— «Да, это мыслимо и честными правилами требуется!»

— «Такъ просвѣти же,—говорю,—матушка: покажи, гдѣ эти правила, въ какой святой книжкѣ написаны?»

Она пошла въ свою комнату — выноситъ маленькое евангеліе.

— Все съ евангеліемъ!—перебила Аичка.

— Да, да, да! Это постоянно! У нея все сейчасъ за евангеліе и оттуда про текстъ, какого никогда и не слыхивала; а только понимать какъ должно не можетъ, а выведетъ изъ него что-нибудь совсѣмъ простое и обыкновенное, что даже и не интересно. Такъ и тутъ подаетъ мнѣ евангеліе и говоритъ:

— «Вотъ сдѣлайте себѣ пользу, почитайте тутъ», — и показываетъ мнѣ строчки—какъ надо, чтобы правая моя не знала, что̀ дѣлаетъ лѣвая моя, и что угощать надо не своего круга людей, которые могутъ за угощенье отплатить... И прочее.

Я знаю, что съ ней не переспоришь, и отвѣчаю: «Еван-

геліе—это книга церковная и премудрость ея запечатана: ее всякому нельзя понимать».

Она сейчасъ возражать: — «Нѣтъ, то-то и дѣло, что евангеліе для всѣхъ понятно».

— «Ну, а я все-таки, — говорю,—я евангеліе лучше оставлю, а у батюшки спрошу, и въ какомъ смыслѣ мнѣ священникъ про это скажетъ, такъ я только съ ними, съ духовными, и согласна».

И точно, дѣйствительно я захотѣла ее оспорить и пошла къ ихъ священнику. Я ему въ прошломъ году пахучую ерань услужила — у его матушки сѣра очень кипитъ, такъ листокъ въ ухо класть,—а теперь зашла на рынокъ и купила синицу; перевязала ее изъ клѣтки въ платочекъ и понесла ему, такъ какъ онъ приходящихъ безъ презента не любитъ и жаловался мнѣ разъ, что у нихъ во всемъ домѣ очень много клоповъ и никакъ вывести не могутъ.

— «Вотъ, — говорю, — вамъ, батюшка, синичка: она и поетъ, и клопа истребляетъ. Только, пожалуйста, не надо ее ничѣмъ кормить,—она тогда съ голоду у васъ вездѣ по всѣмъ щелямъ клоповъ выберетъ».

— Неужли это правда?—спросила Аичка.

— Что это?

— Насчетъ синицы, что она клоповъ выберетъ?

— Какъ же! всѣхъ выберетъ.

— Удивительно!

— Что ты, что ты! Это самое обыкновенное: бывало, наши откупные и духовные всегда для этого синицъ держатъ. И священникъ меня поблагодарилъ.

— «Знаю, говоритъ. Старинный способъ! Перепусти синичку въ клѣточку, а когда она оглядится, я ее по комнатѣ летать выпущу,—пусть ловитъ; а то нынче персидскій порошокъ стали продавать такой гадостный, что онъ ничего и не дѣйствуетъ. Во всемъ подмѣси».

Я сейчасъ же къ этому слову и пристала, что теперь, молъ, ужъ ничего не разберешь, что какое есть. И раз-

сказываю ему про Клавдюшины выходки съ евангеліемъ и говорю:

— «Неужто же,—говорю я,—въ евангеліи, дѣйствительно, такое правило есть, что знакомства съ значительными людьми надо оставить, а все возись только съ одной бѣдностью?»

Онъ мнѣ отвѣчаетъ:

— «А ты слушай, дубрава, что лѣсъ говоритъ; они берутся не за свое дѣло: выбираютъ сужекты, а не знаютъ, какъ ихъ понять, и выводятъ суетная и ложная».

— «А вы отчего же,—спрашиваю,—о такихъ ихнихъ ложныхъ сужектахъ никому не доводите?»

— «Доводили, — говоритъ, — матушка, и не разъ доводили».

— «Такъ какъ же они смѣютъ все-таки отъ себя разсуждать и утверждать все свое на евангеліи?»

— «Такое ужъ стало положеніе; ошибка сдѣлана: намножены книжки и всякому ни по чемъ въ руки дадены».

— «И зачѣмъ это?»

— «Ну, это долго разсказывать. Раньше негодовали, что слабо учатъ писанію, а я и тогда говорилъ: «учатъ хорошо и сколько надо для всякаго, не мечите бисеръ—попрутъ»; вотъ они его теперь и попираютъ. И вотъ, говоритъ, и пошло—и неурожай на поляхъ, и на людяхъ эта непонятная боль—виѳіемція».

Словомъ, очень хорошо говорилъ, но помощи не подалъ. Даже и побывалъ у нихъ послѣ этого, но, прощаясь съ нею, сказалъ только:

— «Пересаливаете, барышня, пересаливаете!»

А она вскоряхъ и еще лучше сдѣлала: взяла, да и пропала.

— Такъ совсѣмъ и пропала?—удивилась Аичка.

— Нѣтъ, прислала матери депешъ, что у нея одна бѣдная подруга заболѣла въ черной оспѣ и у нея престарѣлая мать и за ней никто ходить не хочетъ, такъ вотъ докторъ Ферштетъ и взялся лѣчить, а наша Клавдичка ее навѣстила и осталась при ней сестрой милосердной ухажи-

вать, а домой депешъ прислала, у матери прощенія проситъ, что боится заразу занести.

Анчка вздохнула и сказала:

— Повѣрьте, она испорчена.

— Да, все можетъ быть; а поговори съ ней, такъ у нея опять и это тоже будто по евангелію. А сколько мать перемучилась—рябая или безъ глазъ дочь вернется,—это ей ничего. И когда она благополучно вернулась, то опять просили священника съ нею поговорить, и онъ ей опять сказалъ: «Пересаливаете! жестоко пересаливаете». А она ему шутитъ:

— «Это лучше; а если соль разсолится—это хуже. Тогда чѣмъ ее сдѣлать соленою?»

Но священникъ ей на этомъ хорошо осадилъ:

— «Тексты, говоритъ, барышня, мало знать,—надо знать больше. Разсаливается соль не наша, которую всѣ нынѣ употребляютъ, а слабая соль палестинская; а наша соль елтонка крѣпкая,—она не разсаливается. А вотъ у насъ есть о соли своя пословица: что «недосолъ на столѣ, а пересолъ на спинѣ». Это бы вамъ знать надобно. Недосоленное присолить можно, а за пересолъ наказываютъ».

Но она хоть бы что, весь страхъ потеряла.

Тогда я говорю ея матери:

— «Ее простой священникъ ничего и не можетъ пристрастить, это очевидно; на нее теперь надо ужъ что-нибудь выдающееся». И упоминаю про «здѣшняго».

А сестра ея Ефросинья и себя не слышитъ отъ радости, и много стала разсказывать, что въ здѣшнемъ мѣстѣ бываетъ.

— «Попробуемъ, — говорю, — обратимся, пригласимъ, кстати и для Николая Ивановича тоже вѣдь это очень хорошо, для его воздержанія».

Но Маргарита Михайловна какъ-то замялась и что-то, вижу, утаиваетъ и неправильно отвѣчаетъ:

— «Въ моемъ горѣ,—говоритъ,—съ нею никто не поможетъ».

— «Отчего это не поможетъ?»

— «Оттого, что она вѣдь и сама все руководитъ себя по евангелію».

— «Полноте, пожалуйста,—говорю,—у васъ это въ душѣ отчаяніе, а отчаяніе—смертный грѣхъ. Другое дѣло, если вамъ жаль денегъ; такъ вѣдь ему нѣтъ положенія, сколько денегъ давать, а сколько дадите, да и то онъ себѣ вѣдь совершенно ничего не беретъ, даже ни малости, а все для добрыхъ дѣлъ,—такъ вѣдь Клавдія Родіоновна и сама добрыя дѣла обожаетъ».

— «Не о деньгахъ,—говоритъ,—а...»

— «Хлопоты что-ли?»

— «И не хлопоты, а какую же вѣру онъ у насъ встрѣтитъ?.. вотъ съ чѣмъ совѣстно: вѣдь не только Клавдинька, а и деверь Николай Ивановичъ—онъ въ церковь ктиторомъ только для ордена пошелъ, а о своемъ воздержаніи онъ молить и не захочетъ».

— «Да, голубчикъ мой, вѣдь на это же средство есть: мы ему вѣдь и не скажемъ, что о немъ молятся: мы дадимъ видъ, будто это для Клавдиньки».

— «А Клавдинька еще хуже обидится».

— «А мы и отъ нея скроемъ; ей мы скажемъ, что это для дяди».

— «Вотъ все, значитъ, такъ и начнется у насъ обманомъ, и будетъ ли это угодно?»

— «Что же такое? да, сначала будетъ будто немножко обманъ, а кончится все въ ихъ пользу».

Маргарита стала соглашаться, а я кую желѣзо пока горячо и предлагаю, что сама готова съѣздить и все въ здѣшнемъ мѣстѣ уладить.

— «Я, молъ, найду выдающихся лицъ, которыя все знаютъ, и съѣзжу, и приглашу, и въ каретѣ навстрѣчу ему выѣду. Вамъ только и хлопотъ, что мнѣ на расходъ выдать».

А она отвѣчаетъ:

— «Не о томъ рѣчь, а что если онъ дѣйствительно всѣ

принадлежности-то въ человѣкѣ насквозь видитъ, такъ я боюсь, и удивляюсь, какъ это вамъ не страшно. Или вы обѣ безгрѣшныя?»

И я, и сестра ея Ефросинья Михайловна стали ее успокоивать, что и мы не безгрѣшныя, но что этого не надо бояться, потому что онъ хоть на что ни прозритъ—все видитъ, но онъ все въ себѣ и задержитъ, а на весь свѣтъ не скажетъ. Да, наконецъ, и какіе же у васъ особенные грѣхи?

А она говоритъ:

— «Есть».

— «Что же это за грѣхъ?»

— «А я,—говоритъ,—и сама не знаю, а только всегда, когда что-нибудь противъ Клавди завожу, то это выходитъ дурно».

— «Ну, это искушеніе. А еще что-жъ?»

— «А еще вонъ деверь Николай Ивановичъ въ безбракѣ съ Крутильдой живетъ и для угожденія ей законнаго сына Петю отъ себя выгналъ. Я его жалѣю конфузить».

— «Матушка,—говорю,—да вѣдь это же онъ для женскаго угожденія! Вѣдь это же влюбленные мужчины и всѣ надъ дѣтьми своими подлости дѣлаютъ, — это такіе невыдающіеся пустяки!»

— «Нѣтъ, это,—говоритъ,—не пустяки, чтобъ свое дитя прогнать. Я постоянно того и гляжу, что у Клавдиньки съ дядею за его несправедливость съ Петей, можетъ самый горячій скандалъ выйти».

Я поняла, что она умомъ всюду вертится и боится того, чтобы не обнаружилось, что̀ въ ея дорогой Клавдинькѣ заключается; но въ этотъ разъ я на своемъ не настояла: не поспѣлъ еще тогда часъ воли Божіей.

Заботилась она опять, чтобы Клавдію развлекать: пробовала опять брать ложи на «Губинотовъ» и Бурбо̀ слушать, но изъ силъ съ нею выбилась и говоритъ мнѣ:

— «Милый другъ нашъ, Марья Мартыновна, мы тебя за

свою семьянку считаемъ и къ тебѣ прибѣгаючи: ты бы пустилась разъ подсмотрѣть, куда она ходитъ и кому свои деньги отдаетъ, и отчего удовольствій никакихъ не желаетъ».

Я говорю: «извольте, я для васъ готова».

И послѣ этого сразу же, какъ только Клавдинька со двора, и я сейчасъ за нею, какъ полицейскій аргентъ, и все издали. Она пѣшкомъ — и я пѣшкомъ, она на гонку—и я въ слѣдующемъ агонѣ, она на извозчика — и я тоже, но изъ глазъ ее не выпускаю. Разъ, два, три такимъ манеромъ за ней погонялась, и наконецъ выслѣдила, что чаще всего она проникаетъ въ бѣдный домикъ, и въ одну квартирку юркнула съ свертками. Я сейчасъ къ дворнику, дала ему на чай и стала разспрашивать: кто въ этой квартиркѣ живетъ?—Говоритъ: «одна бѣдственная старушка обитаетъ». Кто же къ ней ходитъ? — «Приходятъ, говоритъ, одна барышня, да племянникъ ейный». Молодой, спрашиваю, племянникъ? — «Молодой!»— И вмѣстѣ сходятся?—«Бываютъ и порознь, бываютъ и вмѣстѣ».

Поймала голубку!..

— Ее вы поймали, а меня не жмите; я вамъ сказала, что хоть вы и просвирковатая, а я вашей иголки боюсь,— отозвалась съ усиленной полусонной оттяжкой Аичка.

— Ахъ, ты, пріятненькая! дай мнѣ только хоть твое мармеладное плечико-то поцѣловать...

— Ни за что на свѣтѣ! мои плечи не для такихъ поцѣлуевъ созданы. Продолжайте разсказывать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Взворотилась я домой къ Степеневымъ и, какъ умѣла, все имъ передала.

— Ну, да ужъ я думаю, вы сумѣете!

— Конечно, сумѣла. Парень съ дѣвкою такой выдающейся у старухи сходятся,—что̀ тутъ еще угадывать, чѣмъ они занимаются? Я, впрочемъ,—не думай,—я не матери,

а только теткѣ Ефросиньѣ Михайловнѣ сказала, а она вспомнила, что у нихъ мать была раскольница и хоть по поведенію своему была препочтенная, но во всѣхъ книгахъ у своего же дворника «дѣвкой» писалась, то ей и стало Клавдію жалко, и она дала мнѣ тридцать рублей и просила:

— «Молчи, другъ мой Мартыновна, никому объ этомъ грандеву не разсказывай: тайно бо содѣянное — тайно и судится. Ежели это уже сдѣлалось, то пусть погуляетъ, ея фигура миліатюрная, ничего незамѣтно будетъ, а мы тѣмъ часомъ ей жениха найдемъ. Тогда ужъ она не станетъ капризничать.

Стала тетка Ефросинья Михайловна ходить по свахамъ, Клавдинькѣ жениховъ выспрашивать, и успѣхъ былъ очень порядочный, даже, можно сказать, выдающійся; но она, вообрази себѣ, кто ни посватаетъ, обо всѣхъ одинъ отвѣтъ:

— «Я не знаю его образъ мыслей; нужно, чтобы мы были другъ другу по мыслямъ».

Вотъ вѣдь у нихъ—не то, чтобы какъ слѣдуетъ человѣкъ по своему роду или капиталу подходилъ, или по наружности личности нравился, а у нихъ чтобы себѣ по мыслямъ добирать!

А потомъ вдругъ сама объявляетъ, что ей по мыслямъ пришелъ Ферштетовъ родственникъ, докторъ.

Мать-то Маргарита—полная,—какъ услышала это, такъ и брякъ съ ногъ, сѣла на полъ.

Клавдинька ее поднимать, а она приказываетъ:

— «Оставь!.. Убивай меня здѣсь! Онъ изъ нѣмцевъ?»

— «Да, мама».

— «А какой онъ вѣры?»

— «Реформаторъ».

— «Что такое еще за реформаторъ, съ кѣмъ родниться приходится?»

Дядя же Николай Ивановичъ, былъ подвыпивши и говоритъ:

— «Реформаторы, это я знаю: это тѣ самые, которыхъ вѣшаютъ».

— «Господи!»

А Клавдинька обернулась на него въ полъ-оборота и говоритъ:

— «Перестаньте, дяденька, мою мать тревожитъ и себя стыдить. Реформатская церковь есть».

Николай Ивановичъ говоритъ:

— «А это другое дѣло, но постановъ вопроса такой: я, какъ выдающійся членъ въ домѣ и петріотъ, желаю, чтобы ты выходила за правильнаго человѣка настоящей православной вѣры».

А она отвѣчаетъ:

— «Ну, полно вамъ, дядя, что́ вы за богословъ! вы такъ говорите, а сами и никакого православія отличить не можете».

— «Нѣтъ, это ты лжешь! Я старостой былъ и своему батюшкѣ даже набрюшникъ выхлопоталъ».

Тогда Клавдюшенька ласково его потрепала и говоритъ:

— «Вотъ только-то всего вы и знаете, какъ набрюшники выхлопатывать. Встаньте-ка лучше съ этого табурета да подите велите себя обчистить, а то вы всѣ глиною замарались».

Николай Ивановичъ ушелъ и все покончилось, но на другой день опять приходитъ къ ней въ высшемъ градусѣ и видитъ кругомъ рожи съ рожками да съ козлиными ножками, и опять ей началъ говорить:

— «Когда это можно было ждать, чтобы дѣвушка, наслѣдница купеческаго рода, и этакое уродство лѣпила! На что они кому-нибудь, эти болвашки?»

А она нимало не злобится и говоритъ:

— «Вы мнѣ что-нибудь другое закажите, я вамъ по вашему заказу другое сработаю».

Дядя говоритъ:

— «Я согласенъ и могу тебѣ бюстру заказать, но только божественное».

— «Закажите».

— «Сдѣлай моего ангела Николу, какъ онъ Арія въ щеку бьетъ. Я приму и заплачу».

— «Лучше сдѣлайте, какъ онъ о бѣдныхъ хлопоталъ или осужденныхъ юношей отъ казни избавилъ».

— «Нѣтъ, этого я не могу. Я самъ бѣднымъ подаю и видѣлъ, какъ казнятъ... Это тоже необходимо надобно... ихъ священникъ провожаетъ... А ты представь мнѣ, какъ святитель посреди собора Арія по щекѣ хлопнулъ».

Сейчасъ и пошелъ у нихъ новый споръ, пошелъ и о казни, и о пощечинѣ, и Клавдинька въ концѣ говоритъ:— «Я этого не могу».

— «Почему? Развѣ тебѣ не все равно?»

— «Во-первыхъ, мнѣ это не равно, потому что хорошо то̀ работать, что̀ нравится, а мнѣ это не нравится; а во-вторыхъ, слава Богу, теперь извѣстно, что этой драки совсѣмъ и не было».

Николай Ивановичъ сначала удивился, а потомъ и сталъ кричать:

— «Не смѣй этого и говорить!.. Потому что это было, да, было! Онъ его при всѣхъ запалилъ».

А Клавдія говоритъ:—«Нѣтъ!»

Дядя говоритъ:—«Ты это только для того со мной споришь, чтобы мнѣ досадить, потому что я его уважаю».

А Клавдія отвѣчаетъ:

— «А мнѣ кажется, что я его уважаю больше, чѣмъ вы, и хочу, чтобы и вы то знали, за что его уважать должно».

И чтобы споръ порѣшить, Николай Ивановичъ вздумалъ ѣхать ко всенощной, а оттуда къ какому-то профессору спрашивать у него: было ли дѣйствіе съ Аріемъ? И поѣхалъ, а на другой день говоритъ:

— «Представьте, я вчера съ профессоромъ на блеярдѣ игралъ и сдѣлалъ ему постановъ вопроса объ Аріѣ, а онъ дѣйствительно подтверждаетъ, что наша ученая правду говоритъ — угодника на этомъ соборѣ дѣйствительно совсѣмъ не было. Мнѣ это большая непріятность, со мной черезъ это страшный переломъ религіи долженъ выйти, потому что я этотъ фактъ больше всего обожалъ, и вчера

какъ заспорилъ, то этому профессору даже блеярдный шаръ въ лобъ пустилъ; теперь или онъ на меня жалобу подастъ и я долженъ за свою вѣру въ тюрьмѣ сидѣть, или надо ѣхать къ нему прощады просить. Вотъ какая мнѣ катастрофа отъ Клавдіи сдѣлана!»

Сѣлъ и зарыдалъ.

Тутъ Ефросинья Михайловна за него вступилась и говоритъ сестрѣ:

— «Какъ ты себѣ хочешь, Маргаритенька, а что же это такое въ самомъ дѣлѣ, что отъ Клавдюши уже всѣ плачутъ; теперь и мнѣ въ твоемъ домѣ жутко, хоть со двора бѣги».

— Тогда и Маргарита согласилась и ко мнѣ обращается:

— «Съѣзди,—говоритъ,—пожалуйста, Мартыновна, и пригласи».

Я отвѣчаю:

— «И давно бы такъ: благо теперь такой выдающійся случай, что окончательно всѣ принадлежности можно спутать, такъ что изъ нихъ никто и не разберетъ, для кого это дѣлается: Николай Ивановичъ будетъ думать, что это для Клавдиньки, а Клавдинька пусть думаетъ, что для Николая Ивановича».

И Маргарита, и Ефросинья меня расцѣловали.

— «Ты,—говорятъ,—у насъ умница, прокатись, милая, и все какъ должно обдѣлай, чтобы мнѣ безъ хлопотъ, только деньги выдать».

— «Извольте, но только напишите привѣтственное письмо отъ себя и отъ Николая Ивановича, какъ отъ выдающагося члена фамиліи, чтобы мнѣ было съ чѣмъ пріѣхать приглашать. Безъ этого немыслимо».

Онѣ согласились; но только вышло затрудненіе, кто это письмо напишетъ, потому что старухи пишутъ куриляшкою и своего руки подчерка совѣстятся, а у меня *те*, *ша* и *ша*, *те* всегда въ одинъ видъ сливаются, и въ другой разъ смысла не выходитъ. Да и не знаемъ, какъ ему надо под-

писывать: просто его высокопреподобію, или высоко-оберъ-преподобію.

Вздумали: позовемъ Клавдиньку,—она больше всѣхъ катехизисъ учила и должна всѣ формы духовнаго обращенія знать.

Но только попросили Клавдиньку, чтобы пришла изъ своей комнаты письмо написать, съ нею сейчасъ опять сразу же непріятность готова: пришла, сѣла и перо въ руки взяла, а какъ только узнала, къ кому, — опять перо положила и руку вытерла и встала.

Мать спрашиваетъ, что̀ это значитъ, а она извиняется:

— «Я,—говоритъ,—мама, не знаю, какъ къ этимъ господамъ писать принято, а потомъ, мнѣ кажется, что если позволите сказать вамъ мое мнѣніе, то мнѣ кажется, зачѣмъ призывать лицо изъ такой отдаленности, а своихъ ближнихъ лицъ этого званія устранять. Вѣдь они всѣ одно и то же могутъ исполнить, зачѣмъ же обижать ближнихъ?»

Старуха и задумалась.

Ну, я вижу, что это пойдетъ опять множественный разговоръ въ неопредѣленномъ наклоненіи, и скорѣй перебила.

— «Оставьте,—говорю,—я слетаю въ мѣховой магазинъ на линію, тамъ всегда ажидацію сбиваютъ, и должны знать, какъ къ нему письма писать!»—и полетѣла.

Тамъ сразу написали, и я къ Николаю Ивановичу понеслась, чтобы онъ подписалъ.

— Вотъ хлопотунья вы!—протянула Аичка.

— Да, внутри себя съ иголкой... я ужъ всегда этакая развязная и живая. Но представь ты себѣ... я не знаю, ты вѣришь или не вѣришь въ искушенія?

— Какъ же, вѣрю, а въ другой разъ не вѣрю.

— Завсегда вѣрь; я всегда вѣрю, и они какъ нарочно бываютъ, когда человѣкъ къ вѣрѣ близится. Такъ и тутъ, вообрази, что̀ случилось!..

Николая Ивановича я въ ихъ магазинѣ не застала. При-

казчики говорятъ, что онъ опять въ угарѣ и пошелъ съ галантерейными голанцами въ «Паганистанъ» завтракать и шары катать. Я въ «Паганистанъ» и посылаю съ швейцаромъ письмо, чтобы Николай Ивановичъ подписалъ, а онъ уже всѣхъ голанцевъ разогналъ и одинъ сидитъ, черный кофе съ коньякомъ пьетъ и къ себѣ меня въ кабинетъ требуетъ. Я вхожу и вижу, что у него рожа бургонская, потому что онъ не только отъ вчерашняго еще не прохладился, а на старыя дрожжи еще много и новаго усердія подбавилъ. Сталъ читать и ничего уже не разбираетъ. Держитъ листокъ и самъ спрашиваетъ меня:

— «Про что это здѣсь настрочено это къ Корифеямъ посланіе,—я ничего не понимаю».

Я говорю:—«Это въ вашемъ же желаніи, о выдающемся благочестіи, чтобы Клавдинькѣ дать полезную назидацію».

А онъ отвѣчаетъ: — «По мнѣ теперь все равно; если Арію плюхи не дано, такъ не надо никому и назидаціи».

А я и ухватилась за это.

— «Вотъ,—говорю,—мы въ этомъ же и сдѣлали политическій компотъ, чтобы ее, нашу ученую, и упровергнемъ и покажемъ ей плюху во всю щеку румянца. Такъ и такъ: я вотъ кого на нее привезть хочу и только за вами дѣло стало, чтобы вы письмо подписали и встрѣтить поѣхали. Вамъ это не трудно будетъ надѣть на себя на одинъ часъ свои принадлежности».

— «Нѣтъ,—говоритъ,—теперь такой постановъ вопроса, что я въ выдающемся родѣ разстроенъ, у меня въ подземельномъ банкѣ самыя вредныя послѣдственныя дѣла вскрываются, и если еще узнаютъ ко всему этому, что я особенное благочестіе призываю, то непремѣнно подумаютъ, что я совсѣмъ прогорѣлъ, и это мнѣ всего хуже. А вашъ женскій политическій компотъ я и знать не хочу, а поѣду, все остальное промотаю и на сестру векселей напишу».

Я вижу, что онъ въ такомъ безразсудкѣ, и домой его зову, но онъ и слышать не хочетъ.

— «Да ты,—говоритъ,—что это... давно что ли на домашняго адвоката экзаменъ сдала? такъ я тебя сейчасъ же или по домашнему побью, или такой постановъ вопроса сдѣлаю, что позову изъ общей залы политическаго аргента и тебя за компотъ подъ надзоръ отдамъ. А если хочешь всего этого избавиться, то отправимся со мною вмѣстѣ, заѣдемъ въ родительный домъ».

— «Зачѣмъ,—говорю,—батюшка, зачѣмъ въ родительный домъ?»

— «Мы тамъ захватимъ съ собою одну знакомую дежурную акушерку, Марью Амуровну».

— «Да что ты, осатанѣлъ, что-ли! мнѣ не нужно дежурную акушерку».

Но онъ вѣдь такой неотстойчивый, что какъ прицѣпится, то точно піявокъ или банная листа. Къ чему онъ затѣялъ эту акушерку, и пошелъ ее выхвалять такъ, что я даже понять не могу, на какомъ она иждивеніи.

— «Марья Амуровна,—говоритъ,—въ акушеркахъ состоитъ только для принадлежности званія, а она живетъ въ свое удовольствіе: поѣдемъ съ ней въ отель Лангетеръ и будемъ безъ всего дурного антруи клюко пить, и она будетъ одна танцовать».

— «Такъ зачѣмъ же,—говорю,—антруи ѣхать? Я не хочу, вдвоемъ поѣзжайте».

— «Нѣтъ,—говоритъ,—теперь къ женскому полу кто вдвоемъ ѣздитъ—гоненіе; Марьѣ Амуровнѣ могутъ быть непріятности, а ты будешь при насъ въ родѣ родственной дамы за ширмой торчать. Я тебѣ за это на караганчатомъ мѣху тальму дамъ».

И какъ присталъ, какъ ущемилъ меня: ѣдемъ и ѣдемъ антруи, такъ и не отпалъ какъ піявокъ, и я должна была ѣхать, и все его безобразіе видѣла; до самаго утра они короводились, а я за ширмой спала, пока акушерка дальше и больше начала съ нимъ спорить, и онъ съ нею поссорился, и она одна уѣхала. Тогда я насилу могла уговорить

его выйти и въ карету сѣсть. Но и то дорогой все назадъ рвется,—говоритъ:

— «Мнѣ еще рано, вѣдь я полунощникъ».

Я говорю:—«Какая же теперь полночь! Посмотри на часы-то на каланчѣ: вѣдь ужъ утро!»

А онъ отвѣчаетъ:—«Эти часы невѣрно стрѣлку показываютъ, а я по тому сужу, что фиміазмы слышу; это значитъ ночные фортепьянщики съ ящиками ѣдутъ,—стало быть до утра еще далеко».

И вдругъ ему показалось, будто ему въ «Лангетерѣ» чужую шляпу надѣли. Никакъ его не могу переспорить, что на немъ его собственная шляпа, которая и была.

— «Нѣтъ,—говоритъ,—я отлично помню, что у меня былъ надѣтъ круглый цимерманъ, а зачѣмъ теперь на мнѣ плоскій цилиндръ? Это, можетъ-быть, какой-нибудь вашъ политическій компотъ дѣйствуетъ, а съ меня такъ монументальную фотографію снимутъ и я потомъ долженъ буду за тебя или еще за какую-нибудь другую фибзу отвѣчать и послѣдую въ отдаленныя мѣста, даже и самимъ ангеламъ невѣдомыя... Нѣтъ, ты меня въ компотъ не запутаешь. Я тебѣ самъ политическій процессъ сдѣлаю и буду кричать:—Спаси, Господи...»

И началъ городового звать.

Чтобы его утихомирить, я уже и говорю ему:—«Чортъ съ тобою совсѣмъ, возвращайся въ «Лангетеръ», я на всѣ ваши виды согласна.

Онъ и успокоился.

— «Хорошо,—говоритъ,—вотъ это я люблю. Мы теперь и не будемъ возвращаться, а поѣдемъ съ тобою на танцовальный вечеръ. Этихъ хозяевъ осуждаютъ, для чего къ нимъ честныя дамы не ѣздятъ,—ну, вотъ я къ нимъ тебя и привезу вмѣсто честной дамы. Тамъ до поздняго утра безобразить можно... Но только смотри—дома объ этомъ типунъ... ни слова!»

— «Да ужъ, разумѣется, говорю, типунъ. Что мнѣ за

радость про свой срамъ-то разсказывать, куда ты меня, несчастную, возишь».

А онъ ласковый сдѣлался и говоритъ:

— «А ты, если хочешь покойна быть,—не думай ничего дурного: это мѣсто общественное, тутъ пальтошниковъ нѣтъ, а разная публика и при ней популярные совѣтники и интригантусы; мы здѣсь въ своей компаніи всю анкогниту видимъ и называемъ себя: «дружки». Три мускатера: Тупасъ, Тушасъ и Тулясъ, а я у нихъ командиръ. Тупасъ—это веселый голанецъ; а Тушасъ химикомъ съ завода считается, но онъ не химикъ, а вотъ именно самый популярный совѣтникъ, онъ присовѣтуетъ; а Тулясъ—интригантусъ, онъ всѣхъ и спутаетъ. Ему стоитъ чью-нибудь карточку показать—и все сдѣлаетъ, познакомится, спутаетъ и въ руки доставитъ».

— «Господи! да это насчетъ чего же?»

А онъ отвѣчаетъ:—«Насчетъ чего хочешь и не хочешь».

— «Жалованье большое вамъ идетъ?»

— Аргенту,—говоритъ,—и интригантусу идетъ, а я по своему благородному желанію изъ чести поступилъ, а теперь назадъ вонъ выйти уже невозможно.

Публика же въ этомъ ихъ обществѣ все оказались больше одни кукоты да кукотки, и кукоты всѣ неглиже какъ попало, а кукотки однѣ разодѣты въ шелковье, а нѣкоторыя скромно, будто въ траурѣ, и всѣ подходятъ къ Николаю Ивановичу, какъ знакомыя, и кричатъ: «Командиръ», «Командиръ», и меня нисколько не конфузятся, а руки подаютъ и зовутъ вѣжливо: «метеву-плясъ», то-есть значитъ: садитесь на мѣсто. А ему—вообрази, какъ только онъ увидалъ аргента и интригантуса,—опять постановъ вопроса о компотѣ въ голову лѣзетъ, и онъ мнѣ шепчетъ на ухо:

— «Ты, пожалуйста, пей и не отказывайся, а то у меня этотъ интригантусъ теперь передъ глазами вертится, и если я на тебя разсержусь, то я ему могу про компотъ разсказать, а онъ послѣ, пожалуй, и меня самого запутаетъ».

Я ни жива, ни мертва. Думаю: пьяный все сказать можетъ,—но пью по-неволѣ и не знаю, чѣмъ дѣло кончится. А компанія у нихъ ужаснѣйшая: голанецъ этотъ, какъ арбузъ комышенскій, а аргентъ и интригантусъ сами небольшіе, но съ страшными усами, а Николаю Ивановичу и всѣхъ еще мало и онъ набираетъ еще въ компанію кого попадя и мнѣ рекомендуетъ: «этотъ актеръ—я его, говоритъ, люблю: онъ въ томъ состарѣлся, что при столахъ всѣхъ смѣшитъ». И цѣлуетъ его: «Пей, мамочка!»—«Этотъ сочинитель: онъ мнѣ къ именинамъ нѣжную эпитафію напишетъ». «Этотъ—художникъ: онъ мнѣ планъ садовой керамиды Крутильдѣ на дачу сдѣлаетъ, а этотъ въ оперѣ генералъ-басъ, лучше Петрова пѣть можетъ»... А потомъ на минуту мужчинъ броситъ и къ траурнымъ кукоткамъ по-французски... да все плохо у него выходитъ,—все вставляетъ: «команъ-диръ», да «команъ-диръ», а тѣ ему—«трешепете», да «тре-журавле»,—и вѣерами его хлопаютъ, а онъ тыръ-тыръ-тыръ, и пермете муа сортиръ, и заикнется, и спятится. И опять скорѣй по-русски чего-нибудь требуетъ: все ему подавайте, что нужно и что никому не нужно, а француженки только «пасе», да «перепасе», не столько ѣдятъ, сколько ковыряютъ, а фиціанты все еще тащутъ и расковыренное назадъ уносятъ, а за буфетомъ втройнѣ счетъ приписываютъ, а онъ знай командуетъ: «клюко, корнишонъ, брадолѣсъ, цыганъ такихъ, да цыганъ этакихъ!» И все «пасе» да «перепасе», и отъ ѣды отпали, а только пьютъ, чокаются и заспорили про театральныхъ.

Актеръ сталъ генералъ-баса упровергать и говоритъ, что противъ Петрова ему никогда не спѣть, и такую Ругнѣду развели, что всѣ кукотки ушли, а маскатеры ужъ одинъ другого крошатъ какъ попало и все ни во что не считаютъ. Кто-то кричитъ уже, что про Петрова совсѣмъ и вспоминать не стоитъ. А другой перекрикиваетъ: «я Тумберлика всѣмъ предпочитаю». А третій: «я Кальцонари и Бозю слушалъ»... «А я помню еще какъ Бурбо выходила въ «Трубедурѣ», а Лавровская въ «Волшебномъ

Стрѣльцѣ». Тутъ кто-то про Лавровскую сказалъ: «А зачѣмъ она когда поетъ, то глазами моргаетъ?» А Николай Ивановичъ за нее заступился и закричалъ, что онъ всѣхъ выше одну Лавровскую обожаетъ, и сталъ ее представлять: заморгалъ вѣками и запѣлъ женскимъ голосомъ:

Мѣдный конь въ полѣ палъ!
Я пѣшкомъ прибѣжалъ!»

А одному военному это не понравилось и онъ говоритъ:

— «Лучше нашу кавказскую полковую»,—и завелъ:

«Въ долинѣ Драгестанна
Съ винцомъ въ груди
Заснулъ отрадно я».

А другіе раздѣлились и хватили подтягивать кто кому попало, и завели такую кутиню, что стало невозможности, и вдобавокъ вдругъ у Николая Ивановича съ оффиціантами возъярился споръ изъ-за цыгаръ и дѣло до страшнаго рубкопашнаго боя угрожается. Онъ спрашивалъ какое-то «Буэно-Густо», и палили, а когда ящикъ потребовалъ, то оказалась надпись «Гуэно-Бусто», или будь оно пусто, а Николай Ивановичъ взялъ всѣ цыгары разломалъ и расшвырялъ и ногами притопалъ. Это ужъ такой обыкновенный конецъ его поведенія, чтобы сдѣлать рубкопашную.

Тогда сейчасъ, чтобы этого не допустить, явился нѣмецъ или еврей изъ-за буфета и начинаетъ его стыдить по-французски, а онъ, когда до денегъ дошло, уже не хочетъ затруднять себя по-французски, а высунулъ впередъ кукишъ и по-нѣмецки спрашиваетъ:

— «Это хабензи гевидѣлъ?»

— «То-есть, значитъ, вы не хотите платить?»

— «Нѣтъ,—говоритъ:—подавай мнѣ счетъ!»

А когда подали счетъ, такъ онъ не принимаетъ: «Тутъ, говоритъ, все присчитано».

Провѣряетъ.—«Что это писано: «салатъ съ агмарами»—я это не требовалъ... «Огурцы капишоны»—не было ихъ».

Еврей ему ужъ по-русски говоритъ:

— «Помилуйте, какъ же не было! — Вѣдь этакъ можно сказать, что и ничего не было подано».

— «Нѣтъ,—говоритъ,—этакъ со мной не разговаривать! Я что̀ видѣлъ на столѣ, за то плачу. Вотъ я вижу, что на столѣ лежитъ рыба-фишъ и изволь бери за нее шишъ, я за нее плачу, а супъ братаньеръ здѣсь не былъ и ты его приписалъ, и я не плачу».

— «Да какой супъ братаньеръ?.. про него и не писано».

— «Ну, все равно, ты другое приписалъ».—И такъ заспорилъ — что̀ хочешь съ нимъ дѣлай, онъ ни гроша не платитъ.

Я говорю этому хозяину:

— «Сдѣлайте милость, теперь его оставьте... вѣдь это онъ только теперь этакъ... а завтра пришлите ему въ кладовую счетъ... онъ вообще господинъ очень хорошій».

А еврей отвѣчаетъ:

— «Мы знаемъ, что онъ вообще господинъ очень хорошій, но только зачѣмъ онъ такой дурной платитъ!»

Однако выпустили. Думаю, наконецъ, съ миромъ изыдемъ, анъ нѣтъ: въ швейцарской захотѣлъ-было что-то дать швейцару изъ мелочи и заспорилъ:

— «Не мои калоши,—говоритъ,—мнѣ подали: мои были на пятакахъ съ набалдашниками!»

Шумѣлъ, шумѣлъ и всю мелочь опять назадъ въ карманъ сунулъ и ничего не далъ, и уѣхалъ.

На воздухѣ дремать сталъ и въ просоньяхъ все крестится и твердитъ: «сан-петь, сан-петь».

Я его все потрогиваю—какъ бы онъ не умеръ—онъ и очнулся.

— «Я, говорю, испугалась, чтобы ты не умеръ».

— «И я,—говоритъ,—испугался: мнѣ показалось, что у меня тузъ и дама самъ-пикъ и король самъ-бубенъ»...

«Эге! думаю, батюшка: вонъ ты ужъ какъ залепеталъ!»

— «Высуньтесь,—говорю, вы, Николай Ивановичъ, въ окошко—вамъ свѣжесть воздуха пойдетъ».

Онъ высунулся и подышалъ, и говоритъ:

— «Да, теперь хорошо... теперь уже нѣтъ фиміазмы. Значитъ, всѣ фортепьянщики проѣхали... и вонъ мелочныя лавочки ужъ открываютъ. Утро, благослови, Господи! Теперь постановъ вопроса такой, что ты вылѣзай вонъ и ступай домой, а я одинъ за заставу въ простой трактиръ чай пить поѣду».

Я говорю:—«Отчего же не дома пить чай?»

— «Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчаетъ:—что ты за домашній адвокатъ, я за заставу хочу и буду тамъ ждать профессора: я съ нимъ теперь объ Аріи совсѣмъ другой постановъ вопроса сдѣлаю».

— «А какъ же,—говорю,—письмо подписать?

А онъ меня—къ чорту.

Я даже заплакала, потому что какъ же быть? Все, что я претерпѣла, значитъ, хинью пошло. Начинаю его упрашивать, даже руку поцѣловала, а онъ хоть бы что!

— «Не задерживай,—говоритъ,—вотъ тебѣ рубль, иди въ мелочную лавку, пускай за меня лавочникъ подпишетъ: они это дѣйствуютъ».—А самъ меня вонъ изъ кареты пихаетъ.

Я и высѣла и вошла въ лавочку. Лавочникъ крестится,—говоритъ: «первая покупательница, Господи благослови», а подписать за Николая Ивановича не согласился.—Говоритъ: «Конечно, это дѣло пустое, но мы нынче полиціи опасаемся, и даже чернилъ въ лавкѣ не держимъ». На мое счастье тутъ читальщикъ вбѣжалъ, покислѣе квасу захотѣлъ напиться, и онъ мнѣ совѣтъ далъ вскочить въ церковь къ вынимальщику, который просвиры подписываетъ. Тотъ, говоритъ, подпишетъ. Онъ и подписалъ, да на что-то, глупецъ, ненужныя слова прибавилъ: Николай Степеневъ *и всѣхъ сродниковъ ихъ*».

Я этого тогда, спасибо, и не досмотрѣла.

Довольно съ меня, намучилась, сунула письмо за лифъ и домой пришла и все поведенье его степенства сестрамъ разсказала, начиная съ Марьи Амуровны, но подъ клятвою, и говорю:

— «Теперь сами думайте, что̀ съ нимъ дѣлать».

Маргарита Михайловна, однако, еще и тутъ не рѣшалась,—все держалась наклоненія неопредѣленнаго, думала, что для нея довольно того будетъ, если она у него довѣренность назадъ отберетъ. «Но впрочемъ,—прибавила,—если Клавдинька не откажется отъ своей жизни и простоты и чтобы за реформатора замужъ идти, то я согласна: поѣзжайте и просите».

Позвали Клавдиньку.

— «Клавдія! можетъ-быть, ты ночью обдумалась и не будешь стоять на томъ, что тебѣ Ферштетовъ братъ по мыслямъ, тогда скажи, мы Марью Мартыновну и не пошлемъ».

А та со всегдашнею ловкостью отвѣчаетъ:

— «Нѣтъ, мамочка, я не могу это отдумать: онъ честный и добрый человѣкъ, и я его потому люблю, что могу съ нимъ согласно къ одной цѣли жизни идти».

— «Какая же это цѣль жизни вашей: чтобы не столько о себѣ, какъ о другихъ заботиться?»

— «Да, мама, чтобы заботиться не только о самихъ себѣ, но и о другихъ».

— «Это, значитъ, чужія крыши крыть».

Тогда Маргарита Михайловна обратилась ко мнѣ и говоритъ:

— «Въ такомъ разѣ, Марья Мартыновна, поѣзжайте».

Тутъ я въ первый разъ видѣла, какъ Клавдинька себѣ измѣнила.

Скрытница, скрытница, однако покраснѣла и твердо заговорила:

— «Мама! Если вы эту непонятную посылку дѣлаете для меня, то увѣряю васъ... это ни къ чему не поведетъ».

— «Ничего, ничего! Пусть это будетъ».

— «Да вѣдь, родная, изъ этого ровно ничего не выйдетъ!»

— «Ну, это мы еще увидимъ. У людей польза была, и намъ поможетъ. Поѣзжайте, Марья Мартыновна».

Клавдинька еще просить стала, чтобы оставить, но мать отвѣтила:

— «Наконецъ, что тебѣ за дѣло: я просто для себя желаю въ выдающемся родѣ молиться! Надѣюсь, я имѣю на это право?»

— «Ну, какъ вамъ угодно, мама!» — отвѣтила Клавдинька и ушла къ себѣ своихъ лѣсныхъ чертей лѣпить, а я отправилась творить волю пославшаго и думала все здѣсь просто обхлопотать, вотъ какъ и ты теперь смѣло надѣешься.

— Да вы про меня не безпокойтесь! — отозвалась Аичка.—Я смѣла и знаю, почему я могу быть смѣла: я капиталу не пожалѣю, такъ кого захочу, того къ себѣ, куда вздумаю, туда въ первомъ классѣ въ купэ и выпишу.

— Ну, я не знаю, сколько ты намѣрена не пожалѣть, но однако и съ капиталомъ иногда шишъ съѣшь.

— Полноте, съ капиталомъ-то... всякому можно сказать: «хабензи гевидѣлъ».

— Нѣтъ, какъ ототрутъ, такъ и не «гевидишь».

— Какъ же это меня отъ собственнаго моего капитала ототрутъ?

— Да, да, да! такъ и я тогда поѣхала, такъ и мнѣ тогда все казалось очень легко.

— А отчего же тяжело-то сдѣлалось?

— Оттого, что ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не можетъ себѣ всего представить, что̀ можетъ быть при большой ажидаціи.

— Да вы это не закидывайте, чтобы услугу свою выставлять, а разсказывайте: что же такое было съ вами самое выдающееся?

— «Хабензи» увидишь.

— Ну... послушайте... вы этакъ со мною не смѣйте... я это не люблю.

— А отчего же?

— А оттого же, что вы моихъ шутокъ не повторяйте,

а разсказывайте мнѣ: какъ вы сюда пріѣхали и что за этимъ начинается.

— Ну, начинаются басомпьеры.

— Вотъ и постойте: начинаются «басомпьеры» —что же это такое за басомпьеры?.. Вы, кажется, на меня дуетесь? такъ вы не дуйтесь и тоже и не говорите сердитымъ голосомъ: я вѣдь при своемъ капиталѣ ничего не боюсь, и я васъ не обидѣла, а баловать, кто у меня служитъ, я не люблю. Говорите же, что же это такое басомпьеры?

— Люди такъ называемые.

— Вотъ и разсказывайте.

Бѣдная Марья Мартыновна вздохнула и, затаивъ въ себѣ вздохъ на половину, продолжала повѣствованіе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

— Начались мои муки здѣсь,— заговорила снова Марья Мартыновна,—съ перваго же шага. Какъ я только высѣла и пошла,— сейчасъ мнѣ попался очень хорошій человѣкъ извозчикъ — такой смирный, но рѣчистый — очень хорошо говорилъ. И вотъ онъ видитъ, что мнѣ здѣсь мѣсто не знакомое, кланяется и говоритъ:

— «Пожелавъ вамъ всего хорошаго, осмѣлюсь спросить: вѣрно вамъ нужно къ пѣвцу или въ Ажидацію?»

Я даже не поняла и говорю:

— «Что такое за пѣвецъ, зачѣмъ мнѣ къ нему?»

— «Онъ,—говоритъ,—все аккордомъ дѣлаетъ».

И это мнѣ извозчикъ говорилъ очень полезное и хорошо, но я не поняла, что̀ значитъ: «аккордъ», и отвѣчала:

— «Мнѣ нужно просто—гдѣ собирается ажидація».

Извозчикъ тихо говоритъ:

— «Просто ничего не выйдетъ, а пѣвецъ лучше вамъ устроитъ аккордъ, такъ какъ онъ его сопровождающій и всегда у него при локтѣ».

— «Ну,—я говорю,—вѣрно это какой-нибудь аферистъ, а я съ такими не желаю, и тебя слушать не намѣрена.

— «Ну, садитесь,—говоритъ,—я васъ за двугривенный свезу въ Ажидацію».

И привезъ меня сюда честно, но мнѣ и здѣсь какъ-то дико показалось. Внизу я тогда никого не застала, кромѣ мальчика, который съ конвертовъ марки склеиваетъ. Спросила его:

— «Здѣсь ли ожидаютъ?»

Онъ шопотомъ говоритъ: — «Здѣсь».

— «А гдѣ же старшіе?»

Не знаетъ. И все, о чемъ его ни спрошу, все онъ не знаетъ: видать—школеный, ни въ чемъ не проговорится.

— «А зачѣмъ,—говорю,—столько марокъ собираешь? Это знаешь ли?»

Это знаетъ.

— «За это,—отвѣчаетъ,—въ Ерусалимѣ бутыль масла и цибикъ чаю даютъ».

Умный, думаю, мальчишка,— какой хозяйственный, но все-таки, чѣмъ его дѣтскія рѣчи здѣсь слушать, пойду-ка я лучше въ храмъ, посмотрю, не тамъ ли сбиваютъ ажидацію, а кстати и боготворной иконѣ поклонюсь.

Около храма—вижу—кучка людей, должно быть тоже съ ажидаціей, а какіе-то люди еще все подходятъ къ нимъ и отходятъ, и шушукаются,— ни дать, ни взять, какъ пальтошники на панеляхъ. Я сразу ихъ такъ и приняла за пальтошниковъ и подумала, что, можетъ быть, и здѣсь съ прохожихъ монументальныя фотографіи снимаютъ, а послѣ узнала, что это они-то и есть здѣшней породы басомпьеры. И между ними одинъ ходитъ этакой аплетическаго сложенія, и у него страшно выдающійся бугровый носъ. Онъ подходитъ ко мнѣ и съ фономъ спрашиваетъ:

— «По чьей рекомендаціи и гдѣ пристали?»

Я говорю: — «Это что за спросъ! Тебѣ что за дѣло?»

А онъ отвѣчаетъ: — «Конечно, это наше дѣло; мы всѣ при немъ отъ Моисея Картоныча».

— «Брысь! Это еще кто такой Моисей Картонычъ и что онъ значитъ?»

— «Ага!—говоритъ,— а вамъ еще неизвѣстно, что̀ онъ значитъ! Такъ узнайте: онъ въ болотѣ на цаплиныхъ яйцахъ сидитъ—живыхъ журавлей выводитъ».

Я ему сказала, что мнѣ это не интересно, и спросила: не знаетъ ли онъ, гдѣ риндательша?

Онъ качнулъ головой на церковь.

— «А скоро ли, спрашиваю, кончатъ вечерню?»

— «У насъ ноньче не вечерня, а всенощная».

— «Не можетъ быть,— говорю,— завтра нѣтъ никакого выдающагося праздника».

— «Да, это у васъ нѣтъ, а у насъ есть».

— «Какой же у васъ праздникъ?»

— «А право,—говоритъ,—въ точности не знаю: или семь спящихъ дѣвъ, или теченіе головы Потоковы».

— «Ну,— говорю,— я вижу, что хотя вы и возлѣ святыни чего-то ожидаете, а сами мерзавцы».

— «Да, да,— отвѣчаетъ,— а вамъ, пожелавъ всего хорошаго, отходи, пока не выколочена».

Я больше и говорить не стала, вошла въ храмъ и отстояла службу, но и тутъ все замѣчаю, будто шепчутъ аргенты, — и напало на меня безпокойство, что непремѣнно какъ сунутся къ боготворной иконѣ, такъ у меня вытащатъ деньги. Вышла я и возвратилась сюда и помѣстилась вотъ точно такъ же здѣсь, только въ маленькой-премаленькой комнаткѣ, за два рубля, и увидала тутъ въ коридорѣ самыхъ разныхъ людей и стала слушать. Одинъ офицеръ изъ Ташкента пріѣхалъ и оттуда жену привезъ: такъ съ нею вѣдь какое невообразимое несчастіе сдѣлалось: они по страшной жарѣ въ тарантасѣ на верблюдѣ ѣхали, а верблюдъ идетъ неплавно, все дергаетъ, а она грудного ребенка кормила, и у нея отъ колтыханья въ грудяхъ изъ молока кумысъ свертѣлся!.. Ребенокъ отъ этого кумыса умеръ, а она не хотѣла его въ песокъ закопать и получила черезъ это родъ помѣшательства. И они вотъ эти-то желали, чтобы имъ завтра получить самое первое благословеніе и побольше денегъ. То-есть, разу-

мѣется, не сама сумасшедшая этого добивалась, а ея мужъ. Этакой, правду сказать, съ виду непріятный, и съ красными глазами, такъ около всѣхъ здѣшнихъ и юлитъ, чтобы ему устроили полученіе, и всѣхъ подговариваетъ: «Старайтесь,— что̀ Богъ дастъ — все пополамъ». А его и слушать не хотятъ. Зачѣмъ дѣлить пополамъ, когда всякъ самъ себѣ все радъ получить! Ну, а я какъ денежнаго благословенія у него себѣ просить не намѣрена, то по самолюбію своему и загордячилась — думаю: что мнѣ такое?—мнѣ никто не нуженъ! Такъ все и надѣялась своимъ бабскимъ умомъ сама обхватить и достигнуть выдающейся цѣли своей ажидаціи: но въ комъ сила содержится и что̀ есть самое выдающееся, того и не поняла.

— А что же здѣсь самое выдающееся?—полюбопытствовала Аичка.

— Вотъ отгадай.

— Я не люблю отгадывать: впрочемъ, вѣрно—благословеніе?

— То-то и есть: благословеніе, но какое? Всякій говоритъ «благословеніе», а что̀ именно такое заключаетъ въ себѣ благословеніе, это не всякій понимаетъ. Ты вѣдь священную исторію, небось, учила?

— Учила, да ужъ все позабыла.

— Какъ это можно! все позабыть это немыслимо.

— Ну вотъ, а я забыла.

— Ну вспомни про Исава и Якова. Ихъ Богъ еще въ утробѣ не сравнилъ: одного возлюбилъ, а другого возненавидѣлъ.

Аичка разсмѣялась.

— Чего же ты, милушка, смѣешься?

— Да что вы какіе пустяки врете!

— Нѣтъ, извини, это не пустяки.

— Да какъ же, развѣ я не понимаю... въ утробѣ ребенокъ ничего не пьетъ и не ѣсть, а только потѣетъ. Въ чемъ же тутъ причина, за что можно ихъ одного возлюбить, а одного возненавидѣть? Это только мать можетъ

ненавидѣть, которая стыдится тяжелой быть, а Богъ за что это?

— Ну, ужъ за что возненавидѣлъ Богъ—объ этомъ ты не у меня, а у духовныхъ спроси; но первое благословеніе всегда бываетъ самое выдающееся. Яковъ надѣлъ себѣ на руки овечьи паглинки и первое выдающееся благословеніе себѣ и сцапалъ, а Исаву осталось второе. Второе благословеніе—это уже не первое. Въ здѣшнемъ мѣстѣ ужъ замѣчено, что самое выдающееся—это то, гдѣ его раньше получать. Тамъ и исполненіе будетъ и въ деньгахъ, и отъ виѳліемціи, а что̀ позже пойдетъ, то̀ все будетъ слабѣе. «Сила его исходяще и совѣщающе».

— Вотъ это я помню, что объ этомъ я гдѣ-то учила,— вставила Аичка.

— Нѣтъ, а я хотя объ этомъ и не учила, а взяла да свою записку сверху другихъ и положила, но риндательша меня оттолкнула и говоритъ: «Пожалуйста здѣсь не распоряжайтесь». Однако онъ мое письмо прочиталъ и говоритъ:

— «Вы сами, или нѣтъ, Степенева?»

— «Никакъ нѣтъ,—говорю,—я простая женщина».

Онъ перебилъ:

— «Всѣ простые, но вѣдь есть еще Ступины—или Стукины».

— «Нѣтъ,—отвѣчаю,—я не отъ тѣхъ,—я отъ Степеневыхъ. Домъ выдающійся».

— «Кто у нихъ боленъ?»

— «Никто, — отвѣчаю, — не боленъ: всѣ, слава Богу, здоровы».

— «Такъ о чемъ же вы просите?»

Отвѣчаю:—«Я по ихъ порученію: просятъ васъ къ себѣ и желаютъ на добрыя дѣла пожертвовать».

— Хорошо, — говоритъ, — я послѣ завтра буду и ожидайте».

Я благословилась и съ первымъ отходомъ ѣду назадъ съ ажидаціей. И на душѣ у меня такая побѣдная ра-

дость, что никому я не кланялась и ничего не дала ни пѣвцу, ни сѣвцу, ни риндательшѣ, а все такъ хорошо и легко обдѣлала. Всѣмъ, кто вмѣстѣ со мною возвращается, я какъ сорока болтаю: вотъ послѣ-завтра онъ у насъ первыхъ будетъ, мнѣ велѣлъ себя ждать съ каретою. Разспрашиваютъ: какъ моя счастливая фамилія? А я по своей простотѣ ничего дурного не подозрѣваю и всѣмъ, какъ дура, откровенно говорю, что моя фамилія ничтожная, а счастливая фамилія — это выдающіеся купцы Степеневы. Тутъ еще споръ вышелъ изъ-за того, что это фамилія выдающаяся или не выдающаяся. Только одинъ поваръ вступился:

— «Я,— говоритъ,— знаю фруктовщиковъ Степеневыхъ, такъ тѣ выдающіеся: я черезъ нихъ у генерала мѣста лишился за то, что они мнѣ фальшивый сыръ подвернули».

А другіе пассажиры совсѣмъ будто никакихъ Степеневыхъ не знаютъ, а я имъ сдуру и пошла все расписывать,— совсѣмъ и въ понятіи не имѣю, что̀ изъ этого при человѣческой подлости можетъ выйти.

— А что же выйдетъ?—протянула Аичка.

— Ахъ, какой фортъ ангейль вышелъ! Вдругъ на меня напалъ ташкентскій офицеръ и началъ кричать: «Замолчите вы, пустозвонка! мнѣ васъ скверно слушать, вы меня раздражаете! Я этому человѣку въ его святость совсѣмъ не вѣрю: я вотъ къ нему со своею больною двѣнадцать рублей проѣздилъ, а онъ мнѣ всего десять рублей подалъ! Это подлость! Пьетъ изъ ушата, а цѣдитъ горсточкой; а его подлокотники въ трубы трубятъ и печатаютъ. Это базаръ!»

Всѣ отъ его крика даже присмирѣли, потому что видъ у него сдѣлался очень жадный: женѣ онъ швырнулъ два баранка, какъ собаченочкѣ, а самъ ходитъ и во всѣ стороны глаза мечетъ.

Люди тихо говорятъ:—«Не отвѣчайте ему,—это петріотъ механику строитъ».

Но одинъ лавочникъ его призналъ и пояснилъ:

— «Никакой онъ, — говоритъ, — не петріотъ, а просто мошенникъ, и которую онъ несчастную женщину при себѣ за жену возитъ—она ему вовсе не жена, а съ постоялаго двора дурочка».

И точно, только-что мы пріѣхали и стали вылѣзать, къ нему сейчасъ два городовыхъ подошли и повели его въ участокъ, потому что эту женщину родные разыскиваютъ.

Повздыхали всѣ: ахъ, ахъ, ахъ! Какая низость! Какой обманъ! И подивились, какъ онъ ничего этого не прозрѣлъ! А потомъ испугались. Да и гдѣ можно все это проникать въ такой сутолокѣ! И разсыпались всѣ по своимъ домамъ.

Пріѣзжаю и я прямо къ Маргаритѣ Михайловнѣ и говорю ей: «Креститесь и радуйтесь, Богъ милость послалъ. Послѣ-завтра на нашей улицѣ праздникъ будетъ и васъ счастье осѣнитъ: я согласіе получила и утромъ мнѣ надо ѣхать встрѣчать его на ажидаціи».

Всѣ тутъ обрадовались, и Маргарита Михайловна, и Ефросинья Михайловна, и начали меня разспрашивать: «узнала ли я, чѣмъ его принимать и просить». Я говорю: я все узнала, но не надо ничего особенно выдающагося, кромѣ чаю съ простой булкой и винограду; а если откушать согласится, то надо супъ съ потрохами.

— «А можетъ-быть, какого-нибудь вина превосходнаго?»

— «Вина,—говорю,—можно подать только превосходной мадеры, но самое главное вы сейчасъ разрѣшите, кто поѣдетъ его встрѣчать на ажидацію: вы ли сами, или я, или Николай Иванычъ, если онъ въ своей памяти. По моему, всѣхъ лучше Николай Иванычъ, такъ какъ онъ мужчина и членъ въ домѣ выдающійся. Только если онъ теперь опять не съ буланцемъ».

Рѣшили, что Николай Иванычъ и я вдвоемъ поѣдемъ. Какъ-нибудь ужъ его на этотъ часъ уберечь можно. Оттуда Николай Иванычъ пусть съ нимъ вмѣстѣ въ карету усядется, а я назадъ на пролеткахъ пріѣду.

На счастіе наше, Николай Иванычъ ввечеру явился въ раскаяніи и въ забытьи: идетъ и самъ впереди себя руками водитъ и бармутитъ:

— «Дорогу, дорогу... идетъ гласъ выпивающій... уготовьте путь ему въ пустынѣ... о Господи!»

Да и застрялъ въ углу, и началъ искать чего-то у себя по карманамъ.

Я подошла и говорю: — «Чего, опять вчерашняго дня, небось, ищете? Удаляйтесь скорѣй на покой».

А онъ отвѣчаетъ:

— «Подожди... тутъ у меня въ карманѣ очень важный сужектъ былъ, и теперь нѣтъ его».

— «Какой же сужектъ?»

— «Да вотъ Твердомасковъ мнѣ съ Крутильды пробный портретъ безбилье сдѣлалъ, и я его хотѣлъ сберечь, чтобъ никому не показать, да вотъ и потерялъ. Это мнѣ непріятно, что его могутъ разсматривать. Я поѣду его разыскивать».

— «Ну ужъ, — говорю, — это нѣтъ. Попалъ домой—теперь типунъ, больше не уѣдешь»,—и мы его на всѣ два дня заперли, чтобъ опомнился.

И спала я послѣ этого у себя ночь какъ въ раю, и все вокругъ меня летали безплотные ангелы,—ликовъ не видно, а этакъ все машутъ, все машутъ!

— Какіе же они сами?—полюбопытствовала Аичка.

— А вотъ похожи какъ пѣвчіе въ формѣ и въ такихъ же халатикахъ. А какъ сонъ прошелъ и начался другой день, то начались опять и новыя мученія. Съ самаго ранняго утра стали мы хлопотать, чтобы все къ завтрему приготовить. И все уже они безъ меня и ступить боятся: мы съ Ефросиньюшкой вдвоемъ и въ курятную потроха выбирать ходили, чтобы самые выдающіеся, и Николая Иваныча наблюдали, а на послѣ-завтра, когда встрѣчѣ быть, я сама до свѣта встала и побѣжала къ Мирону-кучеру, чтобы онъ закладывалъ карету какъ можно лучше.

А онъ у нихъ престрашный грубіянъ и искусный отвѣт-

чикъ, и ни за что не любитъ женщинъ слушаться. Что ему ни скажи, на все у него колкій отвѣтъ готовъ:

— «Я самъ все формально знаю».

Я ему говорю:

— «Теперь же, нынче ты не груби, а хорошенько закладывай, нынче случай выдающійся».

А онъ отвѣчаетъ:

— «Ничего не выдающее. Мнѣ все равно: заложу какъ слѣдно по формѣ, и кончено!»

Но еще больше я безпокоилась, чтобы безъ меня Клавдинька изъ дома не ушла или какую-нибудь другую свою трилюзію не исполнила, потому что всѣ мы знали, что она безвѣрная. Твержу Маргаритѣ Михайловнѣ:

— «Смотри, мать, чтобы она не выкинула чего-нибудь выдающагося».

Маргарита Михайловна сказала ей:

— «Ты же, Клавдюша, пожалуйста нынче куда-нибудь не уйди».

Она отвѣчаетъ:—«Полноте, мама, зачѣмъ же я буду уходить, если это вамъ непріятно».

— «Да вѣдь ты ни во что не вѣришь?»

— «Кто это вамъ, мамочка, такія нелѣпости наговорилъ, и зачѣмъ вы имъ вѣрите!»

А та обрадовалась.

— «Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ты во что-нибудь вѣруешь?»

— «Конечно, мама, вѣрую».

— «Во что же ты вѣруешь?»

— «Что есть Богъ и что на землѣ жилъ Іисусъ Христосъ, и что должно жить такъ, какъ учитъ Его Евангеліе».

— «Ты это истинно вѣришь—не лжешь?»

— «Я никогда не лгу, мама».

— «А побожись!»

— «Я, мама, не божусь; Евангеліе вѣдь не позволяетъ божиться».

Я вмѣшалась и говорю:

— «Отчего же не побожиться для спокойствія матери?»

Она мнѣ ни слова; а та ее уже цѣлуетъ съ радости и твердитъ:

— «Она никогда не лжетъ, я ей и такъ вѣрю, а это вотъ вы всѣ хотите, чтобы я ей не вѣрила».

— «Что вы, что вы!—говорю я:—во что вы хотите, я во все вѣрю!»

А сама думаю: вотъ при немъ вся ея вѣра на повѣркѣ окажется. А теперь съ ней разводовъ разводить нечего, и я бросилась опять къ Мирону посмотрѣть, какъ онъ запрягаетъ, а онъ уже запрегъ и подаетъ, но самъ въ простомъ армякѣ.

Я зашумѣла:

— «Что же ты не надѣлъ армякъ съ выпухолью?»

А онъ отвѣчаетъ:

— «Садись, садись, не твое дѣло: выпухоль только зимой полагается».

Вижу его, что онъ злой-презлой.

Николай Иванычъ сѣлъ смирно со мною въ карету, а двѣ дамы дома остались, чтобы насъ встрѣтить, а между тѣмъ съ нами начались такія выдающіяся приключенія, что превзошли все, что̀ было у Исава съ Яковомъ.

— Что же это случилось?—воскликнула Аичка.

— Отхватили у насъ самое выдающееся первое благословеніе.

— Какимъ же это манеромъ?

— А вотъ это и есть Моисей Картонычъ!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Пріѣхали мы съ Николаемъ Иванычемъ въ каретѣ,—онъ со всѣми принадлежностями, съ ктиторской медалью на шеѣ и съ иностраннымъ орденомъ за шахово подношеніе, а я одѣта по обыкновенію, какъ слѣдуетъ, скромно, ничего выдающагося, но чисто и пристойно. А народу совокупилась непроходимая куча, и стоитъ нѣсколько каретъ съ

ажидаціей, и на простыхъ лошадяхъ, и на стриженыхъ,— на козлахъ брумы съ хлопальными арапниками и полицейскіе со всѣми въ рубкопашню бросаются—хотятъ всѣхъ по ранжиру ставить, но не могутъ.

Помощникъ пристава тутъ же, какъ встрепаный воробей, подпрыгиваетъ и уговариваетъ публику:

— «Господа! не безобразьте!... всѣ увидите. Для чего невоспитанность!»

Я думаю, вотъ этотъ образованный! и подхожу къ нему и прошу, чтобы велѣлъ нашу карету впереди другихъ поставить, потому что намъ назначена первая ажидація: но онъ хоть бы что́!.. на всѣ мои убѣдительныя слова и вниманія не обратилъ, а только все топорщится воробьемъ и твердитъ: «что̀ за изверги христіанства! что за свинская невоспитанность!» А я вдругъ замѣчаю, что здѣсь же въ толпучкѣ собрались всѣ мои третьёводнишніе знакомые, съ которыми я назадъ ѣхала, и особенно та благочестивая старушка, у которой весь домъ отъ виѳліемціи боленъ, и я ей все разсказывала.

— «Вотъ и вы,—говоритъ,—здѣсь?»

— «Какъ же, — отвѣчаю я, — здѣсь; къ намъ вѣдь къ первымъ обѣщано».

— «Вы вѣдь отъ Степеневыхъ, кажется?»

— «Да, отвѣчаю, — я отъ Степеневыхъ, — въ ихъ каретѣ, — Миронъ кучеръ».

— «Ахъ! — говоритъ, — Миронъ кучеръ...»

А тутъ весь народъ вдругъ вздрогнулъ и стали креститься, и ужъ какъ попрутъ, то ужъ никто другъ друга и жалѣть не сталъ, но всѣ какъ дикій табунъ толпучкою одинъ другого задавить хотятъ... Раздался такой стонъ и пискъ, что просто сказать, какъ будто бы всѣ люди озвѣрѣли и другъ друга задушить хотятъ!

Помощникъ ужъ не можетъ и кричать больше, а только стонетъ: «что за изверги христіанства! что за скоты безъ разума и безъ жалости!» А городовые пустились-было въ рубкопашную, но вдругъ протиснулись откуда-то эти та-

мошнія бургонскія рожи, — эти басомпьеры, — тѣ которые про спящихъ дѣвъ говорили,—и вразъ смяли всѣхъ, и городовыхъ, и ожидателей! Такъ и смяли! Обхватили его и прутъ прямо къ какимъ знаютъ каретамъ, и кричатъ: «сюда, сюда!» — и даже, я слышу, Степеневыхъ называютъ, а межъ тѣмъ въ чью-то не въ нашу карету его усадили и повезли.

— Я стала кричать:

— «Позвольте! вѣдь это немыслимо,—это... не отъ Степеневыхъ карета... у насъ Миронъ кучеръ называется!»

А межъ тѣмъ его обманомъ усадили въ другую карету, съ той самой старушкой, съ моей-то съ благочестивой попутчицей, у которой всѣ въ виѳліемціи, и увели къ ней!

Аичка вмѣшалась и сказала:

— Что же—это такъ и слѣдовало.

— Почему?

— У нея больные, а у васъ нѣтъ.

Мартыновна не стала спорить и продолжала:

— Я къ помощнику, говорю:

— «Помилуйте, господинъ полковникъ, что же это за безпорядокъ!»

А онъ еще на меня:

— «Вамъ, — говоритъ, — еще что̀ такое сдѣлали? Язычница! вы больше всѣхъ лѣзли. Что вамъ на любимую мозоль, что-ли, кто наступилъ? Вотъ аптека, купите себѣ пластырю».

— «Не въ аптекѣ,—говорю,—дѣло, а въ томъ, что мнѣ была назначена первая ажидація, а ея нѣтъ».

— «Чего же вы ее не ухватили,—ажидацію-то?»

— «Я бы ухватила, а отъ полиціи порядка не было — вы видѣли, что мнѣ и подойти было немысли́мо, у меня выхватили...

— «Что у васъ выхватили?»

— «Отсунули меня...»

— «А у васъ ничего не украдено?»

—«Нѣтъ, не украдено, а сдѣланъ обманъ ажидаціи».

А онъ на это рукою махнулъ.—«Экая важность!—говоритъ: — это и часто бываетъ».

И больше никакого вниманія.

— «Ну, васъ,—говоритъ,—совсѣмъ, отстаньте».

Я къ Николаю Иванычу, который въ каретѣ усѣлся. и говорю ему:—«Что же здѣсь будемъ стоять, надо за ними рѣзво гнаться, и взять хоть со второй ажидаціи».

Онъ отвѣчаетъ, что ему «все равно», а Мирошка сейчасъ же спорить:

— «Гнаться,—говоритъ,—нельзя».

— «Да вѣдь вотъ еще ихъ видно на мосту. Поѣзжай за ними, и ты ихъ сейчасъ догонишь».

— «Мнѣ нельзя гнаться».

— «Отчего это нельзя? Ты вѣдь всегдашній грубецъ и искусный отвѣтчикъ».

— «То-то и есть, — говоритъ, — что я отвѣтчикъ: я и буду въ отвѣтѣ; ты будешь въ каретѣ сидѣть, а меня за это формально съ козелъ снимутъ да въ полиціи за клинъ посадятъ. Во всю мочь гнать не позволено».

— «Отчего же за ними вонъ въ чьей-то каретѣ какъ рѣзво ѣдутъ?»

— «Оттого, что тамъ лошади не такія».

— «Ну, а наши какія? Чѣмъ хуже?»

— «Не хуже, а тѣ—аглицкіе тарабахи, а наши—тамбовскіе өетюки: это разница!»

— «Да ужъ ты извѣстный отвѣтчикъ, на все отвѣтишь, а просто ихъ кучеръ лучше умѣетъ править».

— «Отчего же ему не умѣть править, когда ему ихъ экономка при всѣхъ здѣсь цѣлый флаконъ вишневой пунцовки дала выпить, а мнѣ дома даже поклеванникъ съ чаемъ не дали допить».

— «Ступай и ты такъ поспѣшно, какъ онъ, тогда и я тебѣ дома цѣльную бутылку пунцовки дамъ».

— «Ну,—говоритъ,—въ такомъ разѣ формально садись скорѣй».

Сѣла я опять въ карету и погнали. Миронъ поспѣвалъ:

куда они на тарабахахъ, туда и мы на своихъ ѳетюкахъ, не отстаемъ; но чуть я въ окно выгляну — все мнѣ кажется, будто всѣ кареты, которыя ѣдутъ—это все съ ажидаціей. Семь каретъ я насчитала, а въ восьмой увидала—двѣ дамы сидятъ, и закричала имъ:

— «Отстаньте, пожалуйста,—это моя ажидація!»

А Николай Ивановичъ вдругъ рванулъ меня сзади изо всей силы, чтобы я сѣла, и давленнымъ, злымъ голосомъ шипитъ:

— «Не смѣйте такъ орать! мнѣ стыдно!»

Я говорю:—«Помилуйте! какой съ безстыжей толпучкой стыдъ!»

А онъ отвѣчаетъ:

— «Это не толпучка, а моя знакомая блондинка; она мнѣ можетъ черезъ одно лицо самый непріятный постановъ вопроса сдѣлать».

И опять такъ меня рванулъ, что платье затрещало, и я его съ сердцовъ по рукѣ, а по дверцамъ локтемъ, да и вышибла стекло такъ, что оно зазвонило въ дребезги.

Къ намъ сейчасъ подскочилъ городовой и говоритъ:

— «Позвольте узнать, что за насиліе? О чемъ эта дама шумятъ?»

Николай Иванычъ, спасибо, ловко нашелся:

— «Оставь,—говоритъ,—насъ,—эта дама не въ своемъ умѣ, я ее везу въ сумасшедшій домъ на свидѣтельство».

Городовой говоритъ:—«Въ такомъ разѣ прослѣдуйте!»

Опять погнались, но тутъ какъ разъ впоперекъ погребальный процессъ: какъ на зло какого-то полкового мертвеца съ парадомъ хоронить везутъ, — духовенство много выступаетъ — всѣ по парамъ другъ за другомъ въ линію, архирей позади, а потомъ гробъ везутъ; солдаты протяжно тащатся и двѣ пушки всѣмъ вслѣдъ волокутъ, точно всей публикѣ хотятъ разстрѣлъ сдѣлать, а потомъ ужъ кареть и конца нѣтъ, и по большей части всѣ пустыя. Ну, пока все это передъ своими глазами пропустили, онъ, конечно, уѣхалъ и тарабахи скрылись.

Поѣхали опять, да не знаемъ, куда ѣхать; но туть, спасибо, откуда-то взялся человѣкъ и говоритъ:

— «Прикажите мнѣ въ кучеромъ на козлы сѣсть — я сопослѣдователь и знаю, гдѣ первая ажидація».

Дали ему рубль, онъ сѣлъ и поѣхалъ, но куда ѣдемъ— опять не понимаю. Степеневыхъ домъ въ Ямской слободѣ, а мы пріѣхали на хлѣбную пристань, и тутъ дѣйствительно оказалась толпучка народу, собралась и стоитъ на ажидаціи... Смотрѣть даже ужасти, сколько людей! А самого-то его уже и не видать, какъ высѣлъ,— и говорятъ, что насилу въ домъ проводили отъ ожидателей. Теперь за нимъ и двери заключили, и два городовыхъ не пущаютъ, а которые загрубятъ, тѣхъ пожмутъ и отводятъ.

Но однако, впрочемъ, всѣ ожидатели ведутъ себя хохошо, ждутъ и о разныхъ его чудесахъ разговариваютъ,— гдѣ что имъ сдѣлано, а все больше о выигрышахъ и о виѳліемціи, а у меня мой сударь Николай Иванычъ вдругъ взбеленился.

— «Что мнѣ, говоритъ, тутъ съ вами, ханжами стоять! У меня виѳліемціи нѣтъ, а еще, пожалуй, опять за банкрута сочтутъ!.. Я не хочу больше здѣсь съ вами тереться и ждать. Оставайся здѣсь и жди съ каретою, а я лучше хоть на простой конкѣ на волю уѣду».

Я уговариваю:—«У Бога,—говорю,—всѣ равны. Вѣдь эта ажидація для Бога. Если хотите что-либо выдающееся сподобиться, то надо терпѣливо ждать».

Кое-какъ онъ насилу согласился одинъ часъ подождать и на часы отмѣтилъ.

Часъ этотъ, который мы тутъ проманежились, я весь языкъ свой отбила, чтобы Николая Иваныча уговаривать, и за этими разговорами не замѣтила, что уже сдѣлался выходъ изъ подъѣзда, и его опять въ ту же самую секунду въ другую карету запихнули и помчали на другую ажидацію. Боже мой! второе такое коварство! Какъ это снесть! Мы опять за ними слѣдомъ, и опять намъ въ тре-

тій разъ та же самая удача, потому что Николай Иванычъ съ орденами и со всѣми своими принадлежностями нейдетъ на видъ, а прячется, а меня въ моемъ простомъ видѣ всѣ прочь оттираютъ.

А въ концѣ концовъ Николай Иванычъ говоритъ:

—«Ну, ужъ теперь типунъ! я не намѣренъ больше позади всѣхъ въ свитѣ слѣдовать. Ты сиди здѣсь и ѣзди, а я не хочу».

И съ этимъ всѣ свои принадлежности снимаетъ и въ карманъ прячетъ.

Я говорю:—«Помилуйте, какъ же я одна останусь?!. это немыслимо...»

А онъ вдругъ дерзкій сталъ и отвѣчаетъ:—«А вотъ ты и размышляй о томъ, что мыслимо, а что немыслимо, а я въ трактирѣ хоть водки выпью и закушу миногой».

—«Такъ вотъ,—говорю,—и подождите же, Богу помолитесь на тощакъ, а тогда кушайте; тамъ все уже приготовлено, не только миноги, а и всякая рыба, и потроха выдающіеся, и прочія принадлежности».

Онъ меня даже къ чорту послалъ.

— «Очень мнѣ нужно!—говоритъ.—Не видалъ я, поди, твои потроха выдающіеся!»—и вмѣсто того, чтобы забѣжать въ трактиръ, сѣлъ на извозчика да и совсѣмъ уѣхалъ.

Тутъ я даже заплакала. Много я въ моей жизни низостей отъ людей видѣла, но этакой выдающейся подлости, чтобы такъ и силомъ оттирать, и обманно чужимъ именемъ къ себѣ завлекать и запихнувши въ карету увозить—этого я еще и не воображала.

Въ отчаяніи разсказала это другимъ, какъ это сдѣлано, а другіе и не удивляются, говорятъ: «вы не огорчайтесь, это съ нимъ такъ часто дѣлаютъ».

А какъ только онъ вышелъ, такъ смотрю—эти же самые, которые такъ хорошо говорили, сами же въ моихъ глазахъ какъ тигры рванулись и въ четвертый разъ подхватили его, запихнули въ карету и повезли.

Я просто залилась слезами и кричу Мирошкѣ:

—«Миронъ, батюшка, да имѣй же хоть ты Бога въ сердцѣ своемъ, бей ты своихъ ѳетюковъ безъ жалости, чтобы мнѣ хоть на пятую ажидацію шибче всѣхъ подскочить, и не давай другимъ ходу! Я тебѣ двѣ пунцовки дамъ».

Миронъ отвѣчаетъ:—«Хорошо! формально дамъ ходу!» И такъ нахлесталъ ѳетюковъ во всю силу, что они понеслись шибче тарабаховъ, и въ одномъ мѣстѣ старушонку съ ногъ сшибли, да скорѣй въ сторону, да боковымъ переулкомъ—опять догнали, и какъ передняя карета стала подворачивать, Миронъ ей на-перерѣзъ и что-то вразъ имъ и обломалъ... Такъ зацѣпилъ, что чужая карета на бокъ, а наша только завизжала.

Кучера стали ругаться.

Городовые нашихъ лошадей сгребли подъ уздицы и Мироновъ адресъ стали записывать.

А онъ ужъ опять выходитъ, но тутъ я скорѣй дверцы настежь и прямо къ нему:

—«Такъ и такъ,—говорю,—что же вы изволили намъ обѣщать къ купцамъ Степеневымъ... Они люди выдающіеся и съ самаго утра у нихъ всеобщая ажидація».

А онъ на меня смотритъ, какъ голубокъ въ усталости или въ большомъ изумленіи, и говоритъ:

— «Ну, такъ что-жъ такое? Вѣдь я уже сегодня у Степеневыхъ былъ».

— «Когда же?—говорю.—Помилуйте! Нѣтъ, вы еще не были».

Онъ вынулъ книжку, поглядѣлъ и удостовѣряется:

— «Степеневы?»

— «Да-съ».

— «Купцы?»

— «Выдающіеся купцы».

— «Да, вотъ они... выдающіеся... Они у меня и зачеркнуты... Въ книжечкѣ ихъ имя зачеркнуто. Значитъ, я у Степеневыхъ былъ».

— «Нѣтъ,—говорю,—помилуйте. Это немыслимо. Я отъ васъ ни на минуту не отстаю съ самаго утра».

— «Да я у самыхъ первыхъ у Степеневыхъ былъ. И семейство помню: старушка такая въ темномъ платочкѣ меня къ нимъ возила».

Я догадалась, кто эта старушка! Это та, передъ которой я о выдающейся фамиліи Степеневыхъ говорила.

— «Это,—говорю,—обманъ подведенъ; она не отъ Степеневыхъ, Степеневы совсѣмъ не тамъ и живутъ, гдѣ вы были».

Онъ только плечомъ воздвигнулъ и говоритъ:

— «Ну, что-жъ теперь дѣлать! Теперь еще подождите; я здѣсь справлюсь и съ вами поѣду».

Я опять осталась ждать на шестую ажидацію, и тутъ я только поняла, какіе бываютъ на свѣтѣ народы, какъ эти басомпьеры! Ихъ совокупившись цѣлая артель и со старостой, который надо мною про семь спящихъ дѣвъ-то ухмылялся—это онъ и есть, аплетическаго сложенія, съ выдающимся носомъ. Бродяжки они, гольтепа, работать не охотники, и нашли такое занятіе, что подсматриваютъ... и вдругъ скучатся толпучкой и никому сквозь ихъ не пролѣзть... Если имъ дашь, они къ той каретѣ такъ его и насунутъ, а не дашь—станутъ отодвигать... и...

— Типунъ!—пошутила Аичка.

— Типунъ. Мнѣ уже послѣ старушка одна разсказала: «Полно тебѣ, — говоритъ, — дурочкой-то во слѣдъ ѣздить. Неужли не видишь—въ комъ сила! Подзови мужчину въ зеленой чуйкѣ да дай ему за труды—онъ его къ тебѣ вразъ натиснетъ. Они вѣдь съ этого только кормятся».

Я подманила этого промыслителя и дала ему гривенникъ, но онъ малый смирный—недоволенъ моей гривной, а проситъ рубль. Дала рубль—онъ къ нашей каретѣ ходъ и открылъ, понапёръ, понапёръ и впихнулъ его въ самыя дверцы и крикнулъ:

— «Съ Богомъ!»

Получила и везу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Я было-хотѣла отдѣльно отъ него ѣхать, какъ недостойная, но онъ, препростой такой, самъ пригласилъ:

— «Садитесь, говоритъ, вмѣстѣ, ничего».

Простой-препростой, а лицо выдающееся.

Слушательница Марьи Мартыновны перебила ее и спросила:

— Чѣмъ же его лицо выдающееся?

И мнѣ, признаться, очень любопытно было это услышать, но разсказчица уклонилась отъ отвѣта и сказала:

— Вотъ завтра сама увидишь, — и затѣмъ продолжала: —Я сѣла на переднемъ сидѣньѣ и смотрю на него. Вижу, усталъ совершенно. Зѣваетъ голубчикъ и все изъ кармана письма достаетъ. Много, премного у него въ карманѣ писемъ, и онъ ихъ все вынимаетъ и раскладываетъ себѣ на колѣни, а деньги сомнетъ этакъ, какъ видно, что онѣ ему ничего не стоющія, и равнодушно въ карманъ спущаетъ и не считаетъ, потому что онъ вѣдь изъ нихъ ничего себѣ не беретъ.

— Почемъ вы это знаете?—протянула Аичка.

— Ахъ, мой другъ, да въ этомъ даже и сомнѣваться грѣшно, за это и Богъ накажетъ.

— Я и не сомнѣваюсь, а только любопытствую—у него, говорятъ, крали—кто-жъ это знаетъ?

— Не думаю... не слышала.

— А я слышала.

— Что же—онъ, вѣрно, свои доложилъ.

— То-то.

— Да вѣдь это видно. Его и занимаетъ... Распечатаетъ, прочитаетъ, а деньги въ карманъ опуститъ и крандашемъ отмѣтитъ, и опять новое письмо распечатаетъ, а между тѣмъ и шутитъ препросто.

— О чемъ же, напримѣръ, шутитъ?

— Да вотъ, напримѣръ, спрашиваетъ меня: — «Что же

это значитъ? я у Степеневыхъ, значитъ, еще не былъ?»

— «Навѣрно,—говорю,—не были».

Онъ головой покачалъ, улыбнулся и смѣется:

— «А можетъ быть, вы меня туда во второй разъ везете?»

— «Помилуйте,—говорю:—это немыслимо».

— «Съ вами,—отвѣчаетъ,—все мыслимо».

Потомъ опять читалъ, читалъ и опять говоритъ:

— «А у кого же это однако, я былъ вмѣсто Степеневыхъ? Вотъ я теперь черезъ это замѣшательство не знаю, кого мнѣ теперь въ своей книжкѣ и вычеркнуть».

Я понимаю, что ему досадно, но не знаю, что̀ и сказать.

Аичка перебила:

— Какъ же онъ такой святой, а ничего не видитъ, что̀ съ нимъ дѣлаютъ!

— Ну, видишь, онъ полагалъ такъ, что Степеневы—это тѣ первые, у которыхъ онъ былъ по обману, и они его о сынѣ просили, что сынъ у нихъ ужасный грубіянъ — познакомился съ легкомысленною женщиной и жениться хочетъ, а о другихъ невѣстахъ хорошаго рода и слышать не хочетъ.

— Отчего же такъ?—спросила Аичка.

— Долгъ, видишь, обязанность чувствуетъ воздержать ее въ степенной жизни.

— Просто, небось, въ красоту влюбился.

— Разумѣется... Что-нибудь выдающееся... Но я опять къ своему обороту; говорю, что у настоящихъ Степеневыхъ сына выдающагося нѣтъ...

— «А невыдающійся что же такое дѣлаетъ?»

Я отвѣчаю, что у нихъ и невыдающагося тоже нѣтъ.

— «Значитъ, совсѣмъ нѣтъ сына?»

— «Совсѣмъ нѣтъ».

— «Такъ зачѣмъ же вы путаете: «выдающагося», «невыдающагося?»

— «Это, извините, у меня такая поговорка. А у Степеневыхъ не сынъ, а дочь, и вотъ съ ней горе».

Онъ головой, уставши, покачалъ и спросилъ:

— «А какое горе?»

— «А такое горе, что она всему капиталу наслѣдница, и молодая, и очень красивая, но ни за что какъ слѣдуетъ жить не хочетъ».

Онъ вдругъ вслушался и что-то вспомнилъ:

— «Степеневы, говоритъ... Позвольте, вѣдь это именно ихъ братъ Ступинъ?»

Я не поняла, и онъ затруднился.

— «Вѣдь мы это теперь къ Ступинымъ?»

— «Нѣтъ, къ Степеневымъ: Ступины — это особливые, а Степеневы—особливые; вотъ ихъ и домъ и на воротахъ сигналъ: «купцовъ Степеневыхъ».

Онъ остро посмотрѣлъ, какъ будто отъ забытья прокинулся и спрашиваетъ:

— «Для чего сигналъ?»

— «Надпись, чей домъ обозначено».

— Ахъ, да, вижу, надпись.

И вдругъ всѣ остальные не распечатанные конверты собралъ и въ нутреной карманъ сунулъ и сталъ выходить у подъѣзда.

А народу на ажидацію у нашего подъѣзда собралось видимо и невидимо. Всю улицу запрудили толпучкой и еще за нами слѣдомъ четыре кареты подъѣхали съ ажидаціей.

Мы за нимъ двери въ подъѣздѣ сильно захлопнули, и тутъ случилась большая досада; одной офицершѣ, которая въ домъ насильно пролѣзть хотѣла, молодецъ два пальца на рукѣ такъ прищемилъ, что съ ней даже сдѣлалось въ родѣ обморока.

А только-что это уладили, полицейскій звонится, чтобы Мирона за задавленіе старухи и за поломъ чужого экипажа въ участокъ брать протоколъ писать. Мы скорѣй спрятали Мирона въ буфетную комнату и я ему свое обѣщанье — пунцовку — дала, а внутри въ домѣ ожидало еще больше выдающееся.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Онъ вошелъ, разумѣется, чудесно, какъ честь честью, и сказалъ: «миръ всѣмъ», и всѣхъ благословилъ, и хозяйку Маргариту Михайловну, и сестру ея Ефросинью Михайловну, и слугъ старшихъ, а какъ коснулось до Николая Иваныча, то оказывается, что его, милостивѣйшаго государя, и дома нѣтъ. Тогда маменька съ тетенькой бросились къ Клавдичкѣ, а Клавдичка хоть и дома, но, изволите видѣть, къ службѣ выходить не намѣрена.

Онъ спрашиваетъ:—«Дочка ваша гдѣ?»

А бѣдная Маргарита Михайловна, вся въ стыдѣ, отвѣчаетъ:

— «Она дома, она сейчасъ!»

А чего «сейчасъ», когда та и не думаетъ выходить!

Раньше этого была съ матерью ласкова и обнимала ее и ни слова не сказала, что не выйдетъ, а тутъ, когда мы уже пріѣхали и мать къ ней внѣ себя вскочила и стала говорить:

— «Ѣдетъ, ѣдетъ!»

Клавдичка ей преспокойно отвѣчаетъ:

— «Ну, вотъ, мама, и прекрасно; я за васъ теперь рада, что вамъ удовольствіе».

— «Такъ выди же его встрѣчать и подойди къ нему!»

Но она тихую улыбку сдѣлала, а этого исполнить не захотѣла.

Мать говоритъ:—«Значитъ, ты хочешь сдѣлать мнѣ непріятность?»

— «Вовсе нѣтъ, мама, я очень рада за васъ, что вы хотѣли его видѣть, и это ваше удовольствіе исполняется».

— «А тебѣ, стало быть, это не удовольствіе?»

— «Мнѣ, мамочка, все равно».

— «А какъ же ты говорила, что и ты въ Бога вѣришь?»

— «Конечно, мама, вѣрю, и мнѣ кромѣ Его никого и не надобно».

— «А исполнять по вѣрѣ, стало быть, тебѣ ничего и не надобно?»

— «Я, мамочка, исполняю».

— «Что же ты исполняешь?»

— «Всѣмъ повелѣнное: ѣсть хлѣбъ свой въ потѣ лица и никому зла не дѣлать».

— «Ахъ, вотъ въ чемъ теперь твоя вѣра? Такъ знай же, что ты мнѣ большое зло дѣлаешь».

— «Какое?.. Что вы, мама!.. Ну, простите меня».

— «Нѣтъ, нѣтъ! Ты меня срамишь на весь нашъ родъ и на весь городъ. Въ малярихи или въ прачки ты, что-ли, себя готовишь? Что ты это на себя напустила?»

А та стоитъ да глинку мнетъ.

— «Брось сейчасъ твое лѣпленье!»

— «Да зачѣмъ это вамъ, мама?»

— «Брось! сейчасъ брось! и сними свой фартукъ и выйди со мною, а то я съ тебя насильно фартукъ сорву и всю твою эту глиномятную антиллерію на полъ сброшу и ногами растопчу!»

— «Мамочка, — отвѣчаетъ, — все, что̀ вамъ угодно, но выходить я не могу».

— «Отчего?»

— «Оттого, что я почитаю, что все это не слѣдуетъ».

Тутъ мать уже не выдержала и—чего у нихъ никогда не было—браннымъ словомъ ее назвала:

— «Сволочь!.. гадина!»

А дочь ей съ ласковымъ укоромъ отвѣчаетъ:

— «Мамочка! мама!.. вы послѣ жалѣть будете».

— «Выходи сейчасъ!»

— «Не могу».

— «Не можешь?»

— «Не могу, мама».

А та—хлопъ ея фигуру на полъ и начала ее каблуками топтать. А какъ дочь ее захотѣла-было обнять и успокоить, то Маргарита-то Михайловна до того вспылила, что прямо ее въ лицо и ударила.

— Эту статую?—спросила Аичка.

— Нѣтъ, другъ мой, саму Клавдиньку. «Не превозносись!» Клавдинька-то такъ и ахнула и обѣими руками за свое лицо схватилась и зашаталась.

— За руки бы ее!—замѣтила Аичка.

— Нѣтъ, она этого не сдѣлала, а стала просить только:

— «Мамочка! пожалѣйте себя! Это ужасно, вѣдь вы женщина! Вы никогда еще такой не были».

А Маргарита Михайловна задыхается и говоритъ:

— «Да, я никогда такой не была, а теперь вышла. Это ты меня довела... до этого. И съ этой поры... ты мнѣ не дочь: я тебя проклинаю и въ комиссію прошеніе пошлю, чтобы тебя въ неисправимое заведеніе отдать».

И вотъ въ этакомъ-то положеніи, въ такомъ-то разстройствѣ, сейчасъ послѣ такого представленія — къ нему на встрѣчу!.. и можешь ли ты себѣ это вообразить, какое выдающееся стенаніе!

Онъ, кажется, ничего не замѣтилъ, что къ нему не всѣ вышли, и сталъ передъ образами молебенъ читать, — онъ вѣдь не поетъ, а все отъ себя прочитываетъ,—но мы никто и не молимся, а только переглядываемся. Мать взглянетъ на сестру и видъ даетъ, чтобы та еще пошла и Клавдиньку вывела, а Ефросинья сходитъ да обратный видъ подаетъ, что «не идетъ».

И во второй разъ Ефросинья Михайловна пошла, а мать опять все за ней на дверь смотритъ. И во второй разъ дверь отворяется, и опять Ефросинья Михайловна входитъ одна и опять подаетъ мину, что «не идетъ».

А мать мину дѣлаетъ: отчего?

Маргарита Михайловна мнѣ мину даетъ: иди, дескать, ты уговори.

Я—мину, что это немыслимо!

А она глазами: «пожалуйста», и на свое платье показываетъ: «дескать, платье подарю».

Я пошла.

Вхожу, а Клавдинька собираетъ глиняные оскребки своего статуя, котораго мать сшибла.

Я говорю:—«Клавдія Родіоновна, бросьте свои трелюзіи—утѣшьте мамашу-то, выйдите пожалуйста».

А она мнѣ это же мое послѣднее слово и отвѣчаетъ:

— «Выйдите пожалуйста!»

Я говорю:—«Жестокое въ васъ сердце какое! Чужихъ вамъ жаль, а мать ничего не стóитъ утѣшить, и вы не можете. Вѣдь это же можно сдѣлать и безъ всякой безъ вѣры».

— Разумѣется,—поддержала Аичка.

— Ну, кончено! Господи, вѣдь не во все же вѣришь, о чемъ утверждаютъ духовные, но не препятствуешь имъ, чтобы другіе имъ вѣрили.

Но только-что я ей эту назидацію провела, она мнѣ повелѣваетъ: «Выйдите!»—А за что? — «За то, говоритъ, что вы—воплощенная ложь и учите меня лгать и притворяться. Я не могу васъ выносить: вы мнѣ гадкое говорите.»

Я вернулась и какъ только начала объяснять миною все, что́ было, то и не замѣтила, что онъ уже читать пересталъ и подошелъ къ жардинверкѣ, сломалъ съ одного цвѣтка вѣточку и этой вѣточкой сталъ водой брызгать. И самъ всѣхъ благодаритъ и поздравляетъ, а ничего не поетъ. Все у него какъ-то особенно выдающееся.

— «Благодарю васъ,—говоритъ, — что вы со мной помолились. Но гдѣ же ваши прочіе семейные?»

Вотъ и опять лгать надо: о Николаѣ Ивановичѣ и солгали, сказали, что его къ графу въ комиссію потребовали.

— «А дочь ваша, гдѣ она?»

Ну, тутъ уже Маргарита Михайловна не выдержала и молча заплакала.

Онъ понялъ, и ее какъ ангелъ обласкалъ, и говоритъ:

— «Не огорчайтесь, не огорчайтесь! въ молодости много необдуманнаго случается, но потомъ увидятъ свою пользу и оставятъ».

Старуха говоритъ:

— «Дай Богъ! дай Богъ!»

А онъ успокаиваетъ ее:

— «Молитесь, вѣрьте и надѣйтесь, и она будетъ такая-жъ, какъ всѣ».

А та опять:

— «Дай Богъ».

— «И дастъ Богъ! По вѣрѣ вашей и будетъ вамъ. А теперь если она не хочетъ къ намъ выйти, то не могу ли я къ ней взойти?»

Маргарита Михайловна, услыхавъ это, отъ благодарности ему даже въ ноги упала, а онъ ее поднимаетъ и говоритъ:

— «Что̀ вы, что̀ вы!.. Поклоняться одному Богу прилично, а я человѣкъ».

А я и Ефросинья Михайловна тою минутою бросились обѣ въ Клавдинькину комнату и говоримъ:

— «Скорѣе, скорѣе!.. ты не хотѣла къ нему выйти, такъ онъ теперь самъ къ тебѣ желаетъ придти».

— «Ну, такъ что же такое?—отвѣчаетъ спокойно».

— «Онъ тебя спрашиваетъ, согласна ли ты его принять?»

Клавдинька отвѣчаетъ:

— «Это домъ мамашинъ; въ ея домѣ всякій можетъ идти куда ей угодно».

Я бѣгу и говорю:—«Пожалуйте».

А онъ мнѣ ласково на отвѣтъ улыбнулся, а Маргаритѣ Михайловнѣ говоритъ:

— «Я вамъ говорю, не сокрушайтесь; я чудесъ не творю, но если чудо нужно, то всегда чудеса были, и есть и будутъ. Проводите меня къ ней и на минуту насъ оставьте, мы съ ней должны говорить въ одномъ вездѣприсутствіи Божіемъ».

— «Конечно, Боже мой! развѣ мы этого не понимаемъ! Только помоги, Господи!»

— Ну, я бы не вытерпѣла, — сказала Аичка, — я бы подслушала.

— А ты погоди, не забѣгай.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Мы его въ Клавдинькину дверь впустили, а сами скорѣе обѣжали вокругъ черезъ столовую, откуда къ ней въ комнату окно есть надъ дверью, и вдвоемъ съ Ефросиньей Михайловной на столъ влѣзли, а Маргарита Михайловна, какъ грузная, на столъ лѣзть побоялась, а только къ дверному створу ухо присунула слушать.

Онъ, какъ вошелъ, сейчасъ же положилъ ей свою руку на темя и сказалъ по-духовному:

— «Здравствуй, дочь моя!»

А она его руку своею рукою взяла да тихонько съ головы и свела и просто пожала, и отвѣчаетъ ему:

— «Здравствуйте».

Онъ не обидѣлся и началъ съ ней дальше хладнокровно на «вы» говорить.

— «Могу ли я у васъ сѣсть и побесѣдовать?»

Она отвѣчаетъ:

— «Если вамъ это угодно, садитесь, только не запачкайтесь: на васъ одежда шелковая, а здѣсь есть глина».

Онъ посмотрѣлъ на стулъ и сѣлъ и не замѣтилъ, какъ рукавомъ это ея маленькое евангельице нечаянно столкнулъ, а безъ всякаго множественнаго разговора, прямо спросилъ ее:

— «Вы лѣпленіемъ занимаетесь?»

Она отвѣчаетъ: — «Да, лѣплю».

— «Конечно, вы это дѣлаете не по нуждѣ, а по желанію?»

— «Да, и по желанію, и по нуждѣ».

Онъ на нее посмотрѣлъ выразительно.

— «По какой же нуждѣ?»

— «Всякій человѣкъ имѣетъ нужду трудиться; это его назначеніе и въ этомъ для него польза».

— «Да, если это не для моды, то хорошо».

А она отвѣчаетъ:

— «Если кто и для моды сталъ заниматься трудомъ вмѣсто того, что прежде ничего не дѣлалъ, то и это тоже не плохо».

Понимаешь, вдругъ сдѣлала такой оборотъ, какъ будто не онъ, а она ему будетъ давать назидацію. Но онъ ее сталъ строже спрашивать:

— «Мнѣ кажется, вы слабы и нездоровы?»

— «Нѣтъ,—говоритъ она:—я совершенно здорова».

— «Вы, говорятъ, мяса не ѣдите?»

— «Да, не ѣмъ».

— «А отчего?»

— «Мнѣ не нравится».

— «Вамъ вкусъ не нравится?»

— «И вкусъ, и просто я не люблю видѣть передъ собою трупы».

Онъ и удивился.

— «Какіе, — спрашиваетъ, — трупы?»

Она отвѣчаетъ:—«Трупы птицъ и животныхъ. Кушанья, которыя ставятъ на столъ, вѣдь это все изъ ихъ труповъ».

— «Какъ! это жаркое или соусъ — это трупы! Какое пустомысліе! И вы дали обѣтъ соблюдать это во всю жизнь?»

— «Я не даю никакихъ обѣтовъ».

— «Животныхъ, — говоритъ, — показано употреблять въ пищу».

А она отвѣчаетъ:—«Это до меня не касается».

Онъ говоритъ:

— «Стало-быть, вы и больному не дадите мяса?»

— «Отчего же, если ему это нужно, я ему дамъ»

— «Такъ что же?»

— «Ничего».

— «А кто васъ этому научилъ?»

— «Никто».

— «Однако, какъ же вамъ это пришло въ голову?»

— «Васъ это развѣ интересуетъ?»

— «Очень! потому что эта глупость теперь у многихъ распространяется, и мы ее должны знать».

— «Въ такомъ разѣ я вамъ скажу, какъ ко мнѣ пришла эта глупость».

— «Пожалуйста!»

— «Мы жили въ деревнѣ съ няней и некому было зарѣзать цыплятъ, и мы ихъ не зарѣзали, и жили, и цыплята жили, и я ихъ кормила, и я увидала, что можно жить, никого не рѣзавши, и мнѣ это понравилось».

— «А еслибъ въ это время къ вамъ пріѣхалъ больной человѣкъ, для котораго надо зарѣзать цыпленка?»

— «Я думаю, что для больного человѣка я бы цыпленка зарѣзала».

— «Даже сама!»

— «Да, — даже сама».

— «Своими, вотъ этими, нѣжными руками!»

— «Да, — этими руками».

Онъ воздвигъ плечами и говоритъ:

— «Это ужасъ, какая у васъ непослѣдовательность!»

А она отвѣчаетъ, что для спасенія человѣка можно сдѣлать и непослѣдовательность.

— «Просто мракобѣсіе! Вы, можетъ-быть, и собственности не хотите имѣть?»

— «При какихъ обстоятельствахъ?»

— «Это все равно».

— «Нѣтъ, не равно; если у меня два платья, когда у другой нѣтъ ни одного, то я тогда не хочу имѣть два платья въ моей собственности».

— «Вотъ какъ!»

— «Да вѣдь это такъ же и слѣдуетъ, это такъ и указано!»

И съ этимъ ручку изволитъ протягивать къ тому мѣсту, гдѣ у нея всегда ея маленькое евангельице лежитъ, а его тутъ и нѣтъ, потому что онъ его нечаянно смахнулъ, и теперь онъ ее самъ остановилъ,—говоритъ:

— «Напрасно будемъ объ этомъ говорить».

— «Отчего же?»

— «Оттого, что вы только къ тому все и клоните, чтобы доказывать, что прямое криво».

— «А мнѣ кажется, какъ будто вы все только хотите показать, что кривое прямо!»

— «Это, — говоритъ, — все мракобѣсіе въ васъ, оттого что вы не несете въ семействѣ своихъ обязанностей. Отчего вы до сихъ поръ еще дѣвушка?»

— «Оттого, что я не замужемъ».

— «А почему?»

Она на него воззрилась.

— «Какъ это почему? Потому что у меня нѣтъ мужа».

— «Но вы, быть-можетъ, и бракъ отвергаете?»

— «Нѣтъ, не отвергаю».

— «Вы признаете, что самое главное призваніе женщины жить для своей семьи?»

Она отвѣчаетъ: — «Нѣтъ, я иного мнѣнія».

— «Какое же ваше мнѣніе?»

— «Я думаю, что выйти замужъ за достойнаго человѣка очень хорошо, а остаться дѣвушкою и жить для блага другихъ—еще лучше, чѣмъ выйти замужъ».

— «Почему же это?»

— «Для чего же вы меня объ этомъ спрашиваете? Вы навѣрно сами это знаете: кто женится, тотъ будетъ нести заботы, чтобы угодить семьѣ, а кто одинъ, тотъ можетъ имѣть заботы шире и выше, чѣмъ о своей семьѣ».

— «Вѣдь это фраза».

— «Какъ,—говоритъ,—фраза!»—И опять руку къ столику, а онъ ее опять остановилъ и говоритъ:

— «Не трудитесь доказывать: я знаю, гдѣ что̀ сказано, но все же надо умѣть понимать: родъ человѣческій долженъ умножаться для исполненія своего назначенія».

— «Ну такъ что-же такое?»

— «И должны рождаться дѣти».

— «И рождаются дѣти».

— «И надо, чтобы ихъ кто-нибудь любилъ и воспитывалъ».

— «Вотъ, вотъ!—это необходимо!»

— «А любить дитя и пещись о его благѣ дано одному только сердцу матери».

— «Совсѣмъ нѣтъ».

— «А кому же?»

— «Всякому сердцу, въ которомъ есть любовь Божія».

— «Вы заблуждаетесь: никакое стороннее сердце не можетъ замѣнить ребенку сердце матери».

— «Совсѣмъ нѣтъ; это очень трудно, но это возможно».

— «Но вѣдь заботиться объ общемъ благѣ можно и въ бракѣ».

— «Да, но это еще труднѣе, чѣмъ не вступать въ бракъ».

— «Итакъ, у васъ нѣтъ ничего жизнерадостнаго».

— «Нѣтъ, есть»,

— «Что же такое?»

— «Пріучаться жить не для себя».

— «Въ такомъ случаѣ, вамъ всего лучше идти въ монастырь».

— «Для чего же это?»

— «Тамъ ужъ это все приноровлено къ тому, чтобы жить не для себя».

— «Я совсѣмъ не нахожу, чтобы тамъ это такъ было приноровлено».

— «А вы развѣ знаете, какъ живутъ въ монастыряхъ?»

— «Знаю».

— «Гдѣ же вы наблюдали монастырскую жизнь?»

А она уже его перебиваетъ и говоритъ:

— «Извините меня... развѣ не довольно, что я вамъ отвѣчаю на все, о чемъ вы меня допрашиваете обо мнѣ самой, но я не имѣю обыкновенія ничего разсказывать ни о комъ другомъ», — и сама берется при немъ мять свою глину, какъ бы его тутъ и не было.

— Ишь какая, однакоже, она шустрая! — замѣтила Аичка.

— Да чѣмъ, мой другъ?

— Ну все, однако, какъ хотите — этакъ отвѣчать можетъ, и онъ ее не срѣжетъ.

— Ну нѣтъ... онъ ее срѣзалъ, и очень срѣзалъ!

— Какъ же именно?

— Онъ ей сказалъ: «Неужто вы такъ обольщены, что вамъ кажется, будто вы лучше всѣхъ понимаете о Богѣ?» А она на это отвѣчать не могла и созналась, что: «я, говоритъ, о Богѣ очень слабо понимаю и вѣрую только въ то, что̀ мнѣ нужно».—«А что вамъ нужно?»—«То, что есть Богъ, что воля Его въ томъ, чтобы мы дѣлали добро и не думали, что здѣсь наша настоящая жизнь, а готовились къ вѣчности. И вотъ, пока я объ этомъ одномъ помню, то я тогда знаю, чего во всякую минуту Богъ отъ меня требуетъ, и что̀ я должна сдѣлать; а когда я начну припоминать: какъ кому положено вѣрить? гдѣ Богъ и какой Онъ?— тогда у меня все путается и позвольте мнѣ не продолжать этого разговора: мы съ вами не сойдемся».

Онъ говоритъ:—«Да, мы не сойдемся, и я вамъ скажу— счастье ваше, что вы живете въ наше слабое время, а то вамъ бы пришлось покоптиться въ кострѣ».

А она отвѣчаетъ: — «И вы бы меня, можетъ-быть, проводили?»

И сама улыбнулась, и онъ улыбнулся и ласково ей говоритъ:

— «Послушайте, дитя мое: вашу мать такъ сокрушаетъ, что вы не устроены, а долгъ дѣтей свою мать жалѣть».

Ее все будто вдругъ погнуло и на глазахъ слезы выступили.

— «Умилосердитесь, — говоритъ:—неужто вы думаете, что я, проживши двадцать лѣтъ съ моею матерью, понимаю ее и жалѣю меньше, чѣмъ вы, пріѣхавши къ намъ сейчасъ по ея приглашенію!»

А онъ говоритъ: — «Ну и хорошо, и если вы такая добрая дочь, такъ изберите же себѣ достойнаго жениха».

— «Я его уже избрала».

— «Но этотъ выборъ не одобряетъ ваша мать».

— «Мама его не хочетъ узнать».

— «Да что-жъ ей его и узнавать, когда онъ иновѣрецъ!»

— «Онъ христіанинъ!»

— «Полноте! отчего вамъ не уступить матери и не выбрать себѣ мужа изъ своихъ людей, обстоятельныхъ и извѣстныхъ ей и вашему дядѣ?»

— «Чѣмъ же не обстоятеленъ тотъ, кого я выбрала?»

— «Иновѣрецъ».

— «Онъ христіанинъ, онъ любитъ всѣхъ людей и не различаетъ ихъ породы и вѣры».

— «А вотъ и прекрасно: если ему все равно, то пусть и приметъ нашу вѣру».

— «Для чего же это?»

— «Чтобы еще тѣснѣе соединиться во всемъ съ вами».

— «Мы и такъ соединены тѣсно».

— «Но отчего же не сдѣлать еще тѣснѣе?»

— «Оттого, что тѣснѣе того, чѣмъ мы соединены, насъ ничто больше соединить не можетъ».

Онъ посмотрѣлъ на нее внимательно и говоритъ:

— «А если вы ошибаетесь?»

А она вдругъ порывисто отвѣчаетъ:

— «Извините, я совершеннолѣтняя, и я себя чувствую и понимаю: я знаю: что я была до извѣстной поры и чѣмъ я стала теперь, когда во мнѣ зародилась новая жизнь, и я не промѣняю моего теперешняго состоянія на прежнее. Я люблю и почитаю мою мать, но... вы вѣрно знаете, что «тотъ, кто *въ насъ*, тотъ больше всѣхъ», и я принадлежу ему, и не отдамъ этого никому, ни даже матери».

Сказала это и даже задохнулась и покраснѣла.

— «Извините, — добавила, — я вамъ, кажется, отвѣтила рѣзко, но зато я больше уже ничего не могу дополнить»,— и двинула стулъ, чтобы встать.

И онъ тоже двинулся и отвѣтилъ:

— «Нѣтъ, отчего же, если вы ужъ такъ соединены... чувствуете новую жизнь...»

А она встала и строго на него посмотрѣла и говоритъ:

— «Да, мы такъ соединены, что насъ нельзя разъединить. Кажется, больше говорить не о чемъ!»

Онъ отъ нея даже откачнулся и тихо сказалъ:

— «Мнѣ кажется, вы на себя... наговариваете!»

А она ему преспокойно:

— «Нѣтъ! все, что̀ я говорю, все то̀ и есть!»

А Маргарита Михайловна въ это же самое мгновеніе— «ахъ!» да и съ ногъ долой въ обморокъ, а я, какъ самая глупая овца, забыла, что стою на концѣ гладильной доски, и спрыгнула, чтобъ помочь Маргаритѣ, а гладильная доска перетянулась, да Ефросинью Михайловну сронила и меня другимъ концомъ пониже поясницы, и всѣ трое ниспроверглись и лежимъ. Грохотъ этакой на весь домъ сдѣлался. И онъ это услыхалъ, и всталъ и весь въ волненіи сказалъ Клавдинькѣ:

— «Какія ужасныя волненія!.. И все это черезъ васъ!..»

Она ему ни словечка.

Тогда онъ вздохнулъ и говоритъ:

— «Ну, я не могу терять больше времени и ухожу».

А Клавдинька ему тихо въ отвѣтъ:

— «Прощайте».

— «Прощайте, — и ничего болѣе? Прощаясь со мною, вы не имѣете сказать мнѣ отъ души ни одного слова?»

И она, — вообрази, — вдругъ сдобрилась и подала ему обѣ руки,—и онъ радъ и взялъ ее за руки и говоритъ ей:

— «Говорите! говорите!»

А она съ ласкою ему отвѣчаетъ:

— «Пренебрегите нами, у насъ всего есть больше, чѣмъ нужно; спѣшите скорѣе къ людямъ бѣдственнымъ».

Даже изъ себя его вывела, и онъ, какъ будто задыхаясь, ей отвѣтилъ:

— «Благодарю васъ-съ, благодарю!» — и попросилъ, чтобы она и провожать его не смѣла.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

А когда онъ изъ дому на видъ показался, Клавдинька вернулась и прямо пришла въ темную, гдѣ мы лежали

повержены, двери распахнула и кинулась къ матери, а что мы съ Ефросиньей никакъ подняться не можемъ — это ей хоть бы что! Ефросиньѣ Михайловнѣ девятое ребро за ребро заскочило, а мнѣ какъ-будто самый сидѣльный хвостикъ переломился, а кромѣ того и досадно, и смѣхъ разрываетъ.

«Хороша, думаю, дѣвушка! объяснилась... и ужъ сама не скрываетъ»...

Такъ въ этакомъ-то неслыханномъ постыдномъ безпорядкѣ все и кончилось. Мы и не видали, какъ онъ сѣлъ и вся ажидація разсѣялась, и опять обманъ былъ, опять онъ въ чужую карету сѣлъ и не замѣтилъ—сталъ письма доставать. Такъ его и увезли, а наши служащіе въ домѣ всѣ ужасно были обижены, потому что все это вышло не такъ, какъ ждали, и потомъ всѣ, оказалось, слышали, какъ Клавдія сама, хозяйская дочь и наслѣдница, при всѣхъ просила: «пренебрегите нами»... Чего еще надо! Онъ и вправду, я думаю, этого никогда еще ни отъ кого не слыхивалъ. Всѣ его только просятъ и молятъ со слезами, чтобы онъ осчастливилъ, чтобы пожаловалъ, а она какъ будто гонитъ: «нами пренебрегите и ступайте къ бѣдственнымъ». Молва поднялась самая всенародная. Кучеръ Миронъ, какъ всегдашній грубіянъ, да еще двѣ пунцовки выпивши, вывелъ на дворъ своихъ ѳетюковъ, чтобы ихъ пѣтой водой попрыскать, а ѳетюки его сытые—храпятъ, кидаются и грызутся, а Миронъ старается ихъ словами унять, а въ конюшню назадъ ни за что вести не хочетъ.

— «Я, говоритъ, — слава-те, Господи! Я формально знаю, какъ и что велитъ законъ и религія: всегда первона-перво хозяевъ прыскаютъ, а потомъ на тотъ же манеръ и скотовъ».

Насилу у него лошадей отняли и спать его уложили, какъ вдругъ Николай Иванычъ пріѣзжаетъ и въ самомъ выдающемся градусѣ.

— Скверный мужчина! — отозвалась Аичка.

— Преподлецъ!—поддержала Марья Мартыновна и про-

должала: — съ этимъ опять до тѣхъ поръ безпокоились, что безъ всѣхъ силъ сдѣлались, и какъ пали въ сумерки, гдѣ кто достигъ по диванамъ, такъ тамъ и уснули. Но мнѣ и во снѣ это снилося, какъ Клавдинька отличилась съ своимъ безстыдствомъ... Николай Иванычъ на весь домъ храпитъ и Ефросинья тоже ничкомъ дышитъ, а мнѣ даже не спится, будто какъ что меня поднимаетъ, — и не даромъ. Прислушиваюсь и слышу, что Маргарита Михайловна тоже не спитъ... ходитъ...

И такъ это она меня, моя Маргарита, заинтересовала, что я лежу и присапливаю, будто сплю, а о снѣ и не думаю, а все на нее однимъ глазкомъ гляжу и слушаю, куда она пойдетъ.

А она неслышной стопою тихонечко по всѣмъ комнатамъ, у жердинверки остановилась, съ цвѣтковъ будто сухіе листики обираетъ въ руку, потомъ канарейкѣ сахарокъ въ клѣткѣ поправила, лоскуточекъ какой-то маленькій съ полу подняла, а сама, вижу, все слушаетъ, всѣ ли мы спимъ крѣпко, и потомъ воровски, потихонечку — топъ-топъ и вышла.

Я сейчасъ же вскочила на диванъ и уши навострила... Слышу, она кружнымъ путемъ черезъ залъ къ Клавдинькиной комнатѣ пошлепала.

Такъ во мнѣ сердце и заколотилось... Что у нихъ будетъ?

Горошкомъ я съ дивана спрыгнула, туфли сбросила да подъ мышку ихъ, и въ однихъ чулкахъ черезъ другой кругъ обѣжала и въ гардеробную, — оттуда тоже въ Клавдинькину комнату надъ дверью воловье око есть. Опять тамъ тихонечко все взмостила, поставила на столъ стулъ и стала на него и гляжу.

Въ комнатѣ пол-темно. Лампа горитъ, но колпакъ такъ сноровленъ, что только въ одно мѣсто свѣтъ отбиваетъ, гдѣ она руками лѣпитъ... Все это она сама себѣ всегда и зажигаетъ, и гаситъ, и на конфоркѣ воду грѣетъ — все безъ прислуги.

И теперь такъ — весь домъ въ покоѣ отдыхаетъ, а она, завистная работница, какъ ни въ чемъ не бывало, опять уже всѣ свои принадлежности расправила.

Мнетъ да приставляетъ, да чортъ знаетъ что̀ вылѣпливаетъ, и я даже на фигуру ея посмотрѣла, что она сама на себя высказала, но нѣтъ еще, — ничего не замѣтно,— вся высокая и стройная.

Мать вошла, а она не видитъ, а у меня сердце токъ-токъ-токъ! — такъ и толчется... Что будетъ? — прибьетъ ее старуха что-ли, и какъ та — съ покорностью ли это выдержитъ, или, помилуй Богъ, забудется, да и сама на мать руку подниметъ? Тогда я тутъ и нужна окажусь, потому что по крайней мѣрѣ я вскочу да схвачу ее за руки и подержу — пусть мать ее хорошенько поучитъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Все дыханіе я въ себѣ затаила.

Маргарита Михайловна постояла въ полутемнотѣ и ближе къ ней подходитъ...

Тогда госпожа Клавдинька вздрогнула и глину свою уронила.

— «Мамочка! — говоритъ — вы не спите! какъ вы меня испугали!»

Маргарита удерживаетъ себя и отвѣчаетъ:

— «Отчего же это тебѣ мать страшна сдѣлалась?»

— «Зачѣмъ вы, мама, такъ говорите: вы мнѣ вовсе не страшны! Я вамъ рада, но я занялась и ничего не слыхала... Садитесь у меня, милая мама!»

А та вдругъ обѣими руками, ладонями ея голову обхватила и всхлипнула:

— «Ахъ, Клавдичка моя! дитя ты мое, дочка моя, сокровище!»

— «Что вы, что вы, мама!.. Успокойтесь».

А старуха ея голову крѣпко зацѣловала, зацѣловала и вдругъ сама ей въ ноги сползла на колѣни и завопила:

— «Прости меня, ангелъ мой, прости, моя кроткая! я тебя обидѣла!»

Вотъ, думаю, такъ оборотъ! Она же къ ней пришла и не строгостью ее пристрастить, а еще сама же у нея прощенія проситъ.

Клавдинька ее сейчасъ подняла, въ кресло посадила, а сама передъ нею на колѣни стала и руки цѣлуетъ.

— «Я, — говоритъ, — милая мама, ничаго и не помню, что вы мнѣ осердясь сказали. Вы меня всегда любили, я весь вѣкъ мой была у васъ счастливая, вы мнѣ учиться позволили...»

— «Да, да, другъ мой, дура я была, я тебѣ учиться позволила, и вотъ что изъ этого ученья вышло-то!»

— «Ничего, мамочка, дурного не вышло».

— «Какъ же «ничего»?.. Что теперь о насъ люди скажутъ?»

— «Что, мама?.. Впрочемъ, пусть что хотятъ говорятъ... Люди, мама, вѣдь рѣдко умное говорятъ, а гораздо чаще глупое».

— «То-то «все глупое». Нѣтъ, ужъ если это случилось, то я согласна, чтобы скорѣе твой грѣхъ скрыть: выходи за него замужъ, я согласна».

Клавдія изумилась.

— «Мама! милая! вы ли это говорите?..»

— «Разумѣется, я говорю; мнѣ твое счастье дорого, только не уходи отъ меня изъ дома,—тоска мнѣ безъ тебя будетъ».

— «Да никогда мы не уйдемъ отъ васъ...»

— «Не уйдешь? Онъ тебя отъ меня не уведетъ?»

— «Да ни за что, мама!»

Старуха такъ и заклохотала:

— «Вотъ, вотъ!—вотъ, говоритъ—опять ты всегда такая добрая... А онъ добрый ли?»

— «Онъ гораздо меня добрѣе, мама!»

— «Почему же такъ?»

— «Онъ смерти не боится».

— «Ну... для чего же такъ... Пусть живетъ».

— «Вамъ жаль его?»

А та заморгала и сквозь слезы говоритъ:—«Да!»

И опять обнялись и обѣ заплакали.

Вѣришь, что даже мнѣ и то стало трогательно!

Аичка поддержала:

— Да и очень просто—растрогаютъ!

— А Клавдинька-то и пошла тутъ матери не спѣша и спокойно разсказывать: какой у него братъ былъ добрѣйшей души, и этотъ тоже,—ко всѣмъ идетъ, ни съ кѣмъ не ссорится, ничего для себя не ищетъ и всѣмъ все прощаетъ, и никого не боится, и ничего ему и не надобно.

— «Кромѣ тебя?»

А она законфузилась и отвѣчаетъ:

— «Мама!.. я его такъ уважаю... онъ меня научилъ жить... научилъ чувствовать все, что людямъ больно... научилъ любить людей и ихъ Отца... и... и вотъ я... вотъ я... счастлива на вѣки!»

— «Ну и пусть ужъ такъ... пусть. А только все-таки... зачѣмъ... ты такъ себя допустила?»

— «До чего, мама?»

— «Да ужъ не будемъ лучше говорить. Пусть только будетъ ваша свадьба скорѣй—я тогда опять успокоюсь... Я вѣдь тебѣ все простить готова... Это меня съ тобою только... люди разстраиваютъ, сестра... да эта мать-переносица Мартыниха».

—«Богъ съ ней, мама: не сердитесь на нее,—она несчастная».

— «Нѣтъ, она мерзкая выдумщица... по всѣмъ домамъ бѣгаетъ и новости затѣваетъ... я ее выгоню...»

— «Что вы, что вы, мама! Какъ можно кого-нибудь выгонять! Она безпріютная. Вы лучше дайте ей дѣло какое-нибудь, чтобы она занятіе имѣла, и не слушайте, что она о комъ-нибудь пересуживаетъ. Она вѣдь не понимаетъ, какое она зло дѣлаетъ».

—«Нѣтъ, понимаетъ; онѣ приступили ко мнѣ съ сестрой,

что ты странная, и такъ мнѣ надоѣли, что и мнѣ ты стала казаться странною. Что же дѣлать, если я такая слабая... Я повѣрила и послала ее приглашать, и отъ этой общей ажидаціи сама еще хуже разстроилась».

—«Все пройдетъ, мама».

— «Ахъ, нѣтъ, мой другъ... ужъ это, что съ тобою сдѣлалось, такъ это... не пройдетъ».

Клавдинька на нее недоумѣнно смотритъ:

— «Я васъ,—говоритъ,—не понимаю».

— «Да я и не стану говорить, если тебѣ это непріятно, но я и о томъ думаю: какъ же это онъ провидецъ, а его обманомъ въ чужую карету—обмануть можно?»

— «Ахъ, не станемъ, мама, спорить объ этомъ!»

— «Я ему хотѣла пятьсотъ рублей послать,—а теперь пошлю завтра за непріятность тысячу».

— «Посылайте больше, мама,—мнѣ жаль его».

— «Чего же его-то жаль?»

— «Какъ же, мама... какое значеніе на себя взять: какая роль!.. Люди видятъ его и теряютъ смыслъ... бѣгутъ и давятъ другъ друга какъ звѣри, и просятъ: *денегъ... денегъ*!! Не ужасно ли это?»

— «Ну, это мнѣ все равно.. только нехорошо, что теперь сплетни пойдутъ; а я не люблю, кто о тебѣ дурно говоритъ. И за то вотъ я деверя Николая Иваныча, какой онъ ни есть, и кутила, и бабеляръ, а я его уважаю, потому что онъ самъ съ тобою въ глаза спорится, а за глаза о тебѣ никому ничего позволить не хочетъ.—Сейчасъ, говоритъ, прибью за нее!»

— «Дядя добрякъ, мнѣ жаль его,—онъ во тьмѣ.»

— «И для чего это все необыкновенное затѣяли! У насъ все было весь вѣкъ по обыкновенному: свой, бывало, придетъ и попоетъ, и закуситъ, и въ карты поиграетъ, и на все скажетъ:—Господь проститъ».

— «Простое, мама, во всѣхъ случаяхъ всегда самое лучшее».

— «Да, онъ тебя крестилъ, онъ пусть и перевѣнчаетъ.

А Мартыниха пусть къ намъ и не приходитъ, чтобы никакихъ выдающихся затѣй отъ нея больше не было».

Вотъ что было-выходило мнѣ за мои хлопоты, но дѣло рѣшилось иначе, и совсѣмъ неожиданно.

— Кто же его рѣшилъ?—спросила Аичка.

— Кошка, да я немножко, — продолжала Марья Мартыновна.

Но Клавдинька, къ чести ея приписать, и въ концѣ опять за меня заступилась, стала просить, чтобы меня какою-нибудь выдающеюся прислугою въ домѣ оставили.

Старуха ей отвѣчаетъ:

— «Изволь, и хотя мнѣ это непріятно, но для тебя я ее оставлю».

Но во мнѣ уже сердце закипѣло.

«Нѣтъ ужъ, думаю я, голубушки, я и безъ васъ проживу: я птичка-невеличка, но горда, какъ самый горделивый звѣрь, и у меня кромѣ васъ по городу много знакомства есть,—я въ услуженіе лакейкой никуда не пойду»... И честное тебѣ слово даю, что я въ ту же минуту хотѣла потихоньку отъ нихъ, не прощаясь, со двора сойти, потому что я, ей Богу, какъ звѣрь горда; но вообрази же ты себѣ, что это не вышло. Ко всему этому случаю подпалъ еще другой, который и задержалъ. Пока я стояла на стулѣ и, на столѣ взгромоздившись, слушала ихъ совѣты, жирный котъ разыгрался, подхватилъ мои войлочныя туфли, которыя я на полу оставила, и началъ, мерзавецъ, швырять ихъ лапой по всему полу.

Отъ этакаго пустяка—а меня просто ужасъ обхватилъ: задѣнетъ, думаю, мерзавецъ, туфлею за какое-нибудь легкое стуло или табуретку и загремитъ, и онѣ тогда сейчасъ сюда взойдутъ, и какова я имъ покажусь на своей каланчѣ? куда мнѣ тогда и глаза дѣвать и что́ выдумать и сказать: зачѣмъ я это въ здѣшнемъ мѣстѣ, вскочивши на столъ, случилась?

Снялась я съ великимъ страхомъ, чтобъ не упасть, и стала кругомъ на полу ползать—туфли свои искать. Ползла

ползла, весь полъ выползла, а туфлей не нашла. А между тѣмъ страхъ боюсь, что теперь мать съ дочерью совсѣмъ поладили и сейчасъ выйдутъ и увидятъ, что меня нѣтъ на томъ диванѣ, гдѣ я спала. И какъ тогда мнѣ при нихъ да черезъ Николая Иваныча комнаты идти? Что подумать могутъ? Бросилась я безъ туфлей бѣжать и вернулась на свое мѣсто благополучно. Николай Иванычъ безъ воротничковъ спитъ и не храпитъ, и не ворочается; а я въ однихъ чулкахъ легла на диванъ и только-что притворилась, что будто сплю, какъ Маргарита съ дочерью и взаправду входятъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Маргарита Михайловна спокойнымъ голосомъ съ прохладою велитъ, чтобы всѣ лампы зажечь и чай подавать, и стала всѣхъ будить къ чаю, а какъ ко мнѣ подошла, я говорю:—«я сейчасъ сама встану», и начинаю туфли искать.

А она какъ на грѣхъ спрашиваетъ:—«Что ты ищешь?»

— «Туфли ищу».

— «Гдѣ же ты ихъ приставила?.

— «На мнѣ онѣ были, на ногахъ».

— «Куда же онѣ съ ногъ могли дѣться?»

— «И сама не знаю».

— «Женихъ, что-ли, приходилъ тебя разувать, — такъ вѣдь это только на святкахъ бываетъ».

— «Нѣтъ, — я говорю, — женихи ко мнѣ не ходятъ, а это, быть можетъ, надсмѣшка».

— «Ну, вотъ еще! Кто будетъ надсмѣхаться? Ищите, пожалуйста, всѣ Мартыновнины туфли!»

И что̀ это ей за неотступная забота припала искать — ужъ и не понимаю. А въ это самое время, какъ на грѣхъ, вдругъ Николай Ивановичъ выбѣгаетъ въ трехъ волненіяхъ изъ своихъ комнатъ и, должно быть, еще не проспавшись или въ испугѣ кричитъ:

— «У-е-ля хамъ? У-е-ля хамъ?»

Золовки ему отвѣчаютъ:

— «Что ты, батюшка! что ты!.. Какой Хамъ?»

А онъ даже трясется отъ злости и отвѣчаетъ:

— «Хамъ значитъ женщина!»

Маргарита Михайловна его перекрестила и говоритъ:

— «Какая женщина?»

— «Которая мнѣ гадость сдѣлала».

— «Что сдѣлала? какую гадость? Небось сказать нельзя?»

А онъ, какъ козелъ, головой замоталъ и въ самомъ повелительномъ наклоненіи:

— «Я,—говоритъ,—всѣмъ такой постановъ вопроса даю: какая это фибза меня разбудила и на постели у меня вотъ эту свою туфлю оставила?»

И показываетъ въ рукѣ мою туфель...

Ну, разумѣется, всѣмъ смѣшно стало.

А я отвѣчаю:

— «Это туфля моя, но надо знать, какъ она туда попала».

А онъ и не слушаетъ.

— «Это всякому,—говоритъ,—извѣстно, какъ попадаетъ».

А тутъ мальчишка Егорка, истопникъ, весь блѣдный, бѣжитъ и кричитъ:

— «У насъ въ ванной кто-то чѣмъ-то съ печки швыряется».

Пошли туда, а тамъ въ ванной въ водѣ другая моя туфля плаваетъ, а на печкѣ на краю проклятый котъ сидитъ.

— «Господи! — воскликнула я: — что же это! если всѣ меня выживаютъ, то мнѣ лучше самой уйти».

А Николай Иванычъ поспѣшаетъ:

— «И сдѣлай свою милость, уйди! У насъ безъ тебя согласнѣй будетъ», — и съ тѣмъ повернулъ меня лицомъ къ зеркалу и говоритъ:

— «Вѣдь ты только посмотрись на себя и сдѣлай постановъ вопроса: пристойно ли тебѣ своими туфлями загрывать!»

То-есть, чортъ его знаетъ, что онъ такое въ своей пьяной

безпамятности понималъ, а тѣ дуры такое ко мнѣ приложеніе приложили, что будто я и у него въ комнатѣ, и въ ванной вездѣ его преслѣдую.

— А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ?—протянула Аичка.

— Полно, пожалуйста! Будто же я этакъ могла сдѣлать, что вдругъ одна моя нога въ комнатѣ, а другая въ ванной!.. Вѣдь это же и немыслимо такъ растерзать себя! Но представь себѣ, что вѣдь старая дура обидѣлась и начала шептать:

— «Я,—говоритъ,—никого не осуждаю, но для чего же это... непремѣнно въ моемъ домѣ... и послѣ посѣщенія»...

Я и не вытерпѣла, и съ своей стороны фехтовальное жало ей въ грудь вонзила:

— «Полно,—говорю,—пожалуйста, что такое вашъ домъ, да еще послѣ посѣщенія!.. Проводили этакаго посѣтителя такъ, что чуть его не выгнали»,—и разсказала, какъ Клавдія его просила ихъ домомъ пренебречь, а спѣшить къ людямъ бѣдственнымъ.

А Николаю Ивановичу это и за-любо стало.

— «Такъ,—говоритъ,—и слѣдовало: чего онъ взаправду все здѣсь? Ему надо къ неурожайнымъ полямъ ѣхать и большой урожай вымолить, для умноженія хлѣбовъ. Съ нашей сытостью ему взаправду и возиться бы стыдно».

Я отвѣчаю:

— «Что же вы все мнѣ говорите про стыдное! Не я дѣлаю что-то стыдное въ вашемъ домѣ... а поищите стыднаго при себѣ ближе...»

А Николай Иванычъ, какъ всегда, любитъ срывать свое ло на комъ попало, и вдругъ кинулся на меня, какъ ястребъ на цыпленка, и началъ душить меня...

— Ахъ, Боже мой!—пожалѣла Аичка.

— Да, да, да,—продолжала Марья Мартыновна.—Золовки у него меня даже отнять не могли. Задушилъ бы, — но Клавдія вошла и сказала: «дядя, прочь!« Совершенно какъ на пуделя крикнула. Онъ и оставилъ. Тогда Маргарита выноситъ изъ спальни пятьсотъ рублей и говоритъ мнѣ:

— «Вотъ тутъ, Марья Мартыновна, пятьсотъ рублей отъ меня вамъ награжденія, и какъ вамъ угодно — хоть эти деньги за свою обиду примите, хоть на Николая Иваныча жалуйтесь, но я, Богъ съ вами, на васъ не сержусь, и если хотите проститься съ нами по-хорошему, я вамъ и еще дамъ, но уходите».

— «Я,—говорю,—жаловаться не пойду, потому что я православная».

А Николай Иванычъ зарычалъ:

— «Не потому, а ты знаешь, что, пожаловавшись, ты меньше получишь».

— «Можете,—говорю,—располагать какъ хотите, а я не желаю, чтобы на судѣ произносили священный типъ личности наравнѣ съ госпожи Клавдіи дѣвичьими секретами».

Но тутъ онъ опять какъ сорвется... а Клавдія его схватила и вывела и сама вышла, а Маргарита подаетъ мнѣ еще триста рублей и говоритъ:

— «Другъ сердечный, на, возьми это скорѣй себѣ и уходи. Хорошаго ждать теперь нечего».

— «Я,—говорю,—и не жду».

— А деньги взяли?—спросила Аичка.

— Неужли же имъ ихъ оставила!

— То-то! А то Клавдинька ихъ своимъ «бѣдственнымъ» сволокла бы!

— Разумѣется!

Помолчали.

— Такъ-то вы и называете, что простились, «по-хорошему»?—спросила Аичка.

— Да, уложила свои вещи, все забрала, а имъ сказала, ошибкою, вмѣсто «покойной ночи»—«упокой васъ Господи», да и уѣхала.

— И не жалѣете, что такъ вышло?

— И не жалѣю, да и жалѣть-то грѣхъ: они сами себя на все осудили. Каковъ отъ нихъ былъ пріемъ святой ажидаціи, таково же и имъ отъ Бога наклоненіе. Былъ домъ выдающійся въ великолѣпіи, а теперь одна катастрофія за

другою слѣдуетъ, и жительство ихъ спускается до самаго обыкновеннаго положенія. И все черезъ Клавдіи Родіоновны рояльное воспитаніе; и никто этого не останавливаетъ—такъ всѣхъ она въ свои прелюзіи и привлекаетъ.

— Неужли всѣ стали лѣпить принадлежности?—спросила Аичка.

— Пѣтъ, это она одна лѣпитъ, и ей теперь даже заказы бюстровъ заказываютъ, а она своихъ семьянъ привела гораздо въ худшія послѣдствія.

— Что же такое, напримѣръ, съ ними сдѣлалось?

— А, напримѣръ, вотъ что сдѣлалось: начать съ того, что Николай Иванычъ, возвратившись разъ изъ своего маскатерства, забылъ, про что онъ позабылъ.

— Ну!

— А это оказалось впослѣдствіи, что онъ позабылъ у себя въ карманѣ депешъ о томъ, что къ нему завтрашній день сынъ его Петруша изъ кругосвѣта возвращается. Онъ и возвратился, и пріѣхалъ утромъ на извозчикѣ, когда его никто не ждалъ, и отецъ тогда только вспомнилъ про депешъ и принялъ сына какъ нельзя хуже, и даже совсѣмъ не желалъ-было его видѣть.

— «Мнѣ,—говоритъ,—никакой заатлантическій дуракъ не нуженъ».

Но Клавдія этого Петрушу обласкала, а дядѣ только лѣвою рукою однимъ пальцемъ погрозила, а потомъ и начала Петинькой руководствовать и привела его къ тому, что онъ вдругъ, самъ безпріютный, да сталъ еще просить у отца позволенія жениться на той самой Крутильдиной племянницѣ, за которую его отецъ выслалъ. Отецъ объ этомъ, разумѣется, и слышать не хотѣлъ, да и немыслимо было это допустить, потому что у той въ это время еще одинъ проступокъ былъ,—и вотъ чего мы всѣ объ этомъ не знали, а Клавдія Родіоновна знала, потому что она, какъ оказалось, за этою особой слѣдила и отыскала ее въ напасти и содерживала у той старушки, куда я ее прослѣдовала, и тамъ ее отъ всѣхъ бѣдъ укрывала и навѣщала и навела-

таки своего двоюроднаго брата на то, что «вотъ ты предъ ней виноватъ, потому что черезъ то, что ты ее покинулъ, она еще разъ пала, и ты долженъ это загладить, и ее взять и никогда ни въ чемъ ее не укорять, потому что ты самъ всѣмъ ея бѣдамъ виновникъ». И все опять ему изъ евангелія, и что онъ будто ни на комъ другой, кромѣ этой, жениться не смѣетъ, и тѣмъ кончила, что сбила его на свое— Петька согласился. И тогда она явилась просить за нихъ дядю и стала ему доказывать, что та очень хорошаго сердца, а проступокъ ея былъ именно чрезъ то, что она была брошена.

Старикъ говоритъ:

— «Стало быть, постановъ вопроса такой, что это потвоему хорошо?»

— «Не хорошо,—отвѣчаетъ Клавдія;—но это такое, что вы должны простить, потому что все это произошло черезъ васъ; оттого, что кто безпомощную бросаетъ—тотъ и виноватъ за нее».

— «Гдѣ же это писано?»

А она сейчасъ было за евангеліе, но онъ ее за руку.

— «Оставь»,—говоритъ.

— «Нѣтъ, не оставлю, и если вы будете жестоки и потребуете, чтобы еще разъ также ее оставить, то съ нею можетъ быть худшее».

— «Что же,—спрашиваетъ,—худшее?»

Она говоритъ:

— «Вы это лучше знаете, что ожидаетъ тѣхъ, кого вы сбиваете съ честнаго пути, а потомъ бросаете. Но вы знайте, что вашъ сынъ теперь не въ вашихъ рукахъ».

— «А въ чьихъ же?»

— «Въ тѣхъ рукахъ, съ Кѣмъ вы не смѣете спорить: Петя послушаетъ не васъ, а Того, Кто не дозволилъ пускать соблазнъ въ міръ».

— «Такъ ты его бунтуешь?»

— «Я не бунтую,—говоритъ Клавдія,—а я говорю, что другъ друга бросать нельзя! Отъ этого—страданье и грѣхъ.

Послѣ этого Петрушѣ нельзя будетъ жить съ чистой совѣстью, и я его убѣдила и еще буду убѣждать, чтобы онъ почиталъ волю Небеснаго Отца выше воли отца земного. А вы если не хотите слушать, что̀ я вамъ говорю о вѣчной жизни, то вы умрете вѣчной смертью».

И заговорила, заговорила, и такъ его пристрастила и умаяла, что онъ, какъ рыба на удочкѣ, ротъ раскрылъ и отвѣчать не умѣетъ.

А тутъ и Петруша сталъ за ней то же самое повторять, что его совѣсть три года во всѣхъ мѣстахъ мучила и теперь покою не даетъ, и что онъ эту преступной дѣвушки вину на своей совѣсти почитаетъ и желаетъ ея и свою жизнь исправить.

Тутъ Николай Иванычъ сталъ губы кусать и вдругъ говоритъ:

— «А это вѣдь точно,—пожалуй, можно и умереть, мы дѣйствительно всѣ грѣшные: зришь на молодую мамзель и сейчасъ свое исполняешь, какъ бы ее такъ обратить, чтобы она завтра была уже не мамзель, а гутъ-моргенъ. Это подлость всей нашей увертюры; а Клавдя прямо идетъ!» — и благословилъ сыну подзакониться, и вдругъ даже мальчика ихъ, своего внучка, очень любить сталъ и безъ стѣсненія всѣмъ рекомендовать началъ: «вотъ это сынъ мой—европей, а это мой внукъ подъевропникъ». Но Крутильда свою гордость выдержала и этого не перенесла, взяла и за своего Альконса замужъ вышла, а на Николая Ивановича векселя подала, чтобы его въ тюремное содержаніе.

— Вотъ эта хорошій типунъ сдѣлала,—отозвалась, засмѣясь, Анчка.

— Да. Но Клавдинька дядю въ тюрьму не допустила,—у матери уйму денегъ выпросила: «это, сказала, будетъ мнѣ за приданое», и та за него заплатила, и домъ продали, а сами стали жить круглый годъ на фабрикѣ. Такъ и теперь всѣ круглый годъ живутъ въ этой щели, и Клавдинькѣ это очень нравится.

— И красота ея, стало быть, такъ тамъ и вянетъ?— спросила Аичка.

— Разумѣется, такъ у дуры все и завянетъ, но однако до сихъ поръ еще очень хороша, злодѣйка.

— А какъ же ея Ферштетъ?

— Ахъ, съ нимъ оборотъ такъ еще всего чище!

— Вышла она за него или не вышла?

— Ничего не вышла!..

— Спятился?..

— Нѣтъ, онъ не спятился, а они оба себя одинъ въ другомъ превзошли, и потомъ она его на тотъ свѣтъ и отправила.

— Какимъ же это манеромъ?

— Да никакимъ!

— Что же однако было?

— Да ничего, и не было. «Мы,—говоритъ,—нашли, что намъ не нужно на себя никакихъ обязательствъ и имѣть семью тоже ненадобно». Рѣшили остаться друзьями по своей вѣрѣ и довольно съ нихъ.

— Что за уроды!

— Оглашенные!

— А какъ же она его уморила?

— Ничего никто не зналъ. Вдругъ она приходитъ домой блѣдная и ничего не разсказываетъ, а потомъ оказалось, что онъ умеръ.

— Вотъ и разъ!

— Да. Дитя какое-то бѣдное такую заразность въ горлѣ получило, что никто его въ домѣ лѣчить не хотѣлъ, а онъ по примѣру брата пошелъ и для другихъ все о болѣзни списалъ, а самъ заразился и умеръ.

— Очень она убивалась?

— Не знаю, какъ сказать,—точно каменная. Мать говорила: «Что же, всѣ твой грѣхъ знаютъ: если ты Бога не стыдилась, такъ ужъ людей и стыдиться не стоитъ,—иди, простись съ нимъ, поцѣлуй его во гробѣ. Тебѣ легче будетъ». А она тутъ только зарыдала и на плечи матери

вскинулась и говоритъ: «Мамочка! я съ нимъ уже простилась»...

— Призналась?

— Да;—«когда, —говоритъ,—онъ уходилъ туда, я его живого поцѣловала; прости мнѣ это».

— Значитъ, всего на всего и было, что разъ одинъ поцѣловала?

— Такъ она сказала.

— Ну, а это-то... про что она раньше-то еще сознавалась?

— Что такое?

— Ну, вотъ, что̀ вы разсказывали...

— Ахъ, это про родительный въ неопредѣленномъ наклоненіи?

— Да.

— А это такъ и осталось въ неопредѣленномъ наклоненіи.

— Какъ же это такъ вышло?

— Такъ, совсѣмъ ничего не вышло.

— Значитъ, вы тогда на нее все наврали?

— И вовсе не то значитъ, а значитъ только то, что я ожидала правильно, чего слѣдуетъ по сложенію всѣхъ вѣроятностей, а у нихъ все верченное, и «новую жизнь» она въ себѣ оказывается нашла по божеству, какъ будто Христосъ ихъ соединяетъ въ однѣхъ вѣчныхъ мысляхъ. Подумай только, какъ смѣть этакое выдумать и такую святость себѣ приписывать!

Аичка не скоро процѣдила въ отвѣтъ:

— Нѣтъ, это пустяки, — а откудова только у нихъ берется терпѣніе, чтобы этакъ жить!

— Ужасть! ужасть!.. Ничѣмъ, ничѣмъ ихъ изъ себя не выведешь... Какое хочешь огорченіе и обиду — они все снесутъ, какъ будто горе земное до нихъ совершенно и не касающее!..

— Донимать ихъ, я думаю, какъ слѣдуетъ не умѣютъ.

— Это можетъ быть.

— Нѣтъ, навѣрно!

— А ты что̀ бы имъ хотѣла?

— На сковородку бы ихъ босыми ножками, да пожаривать.

— Вотъ, вотъ, вотъ! Ну, такъ, говорятъ, будто это жестокости.

Аичка ничѣмъ не отозвалась. Или она засыпала, или, можетъ-быть, стала думать о чемъ-то «въ сторону».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Марья Мартыновна встала, куда-то прошлась и опять сѣла на мѣсто.

Въ это время Аичка вздохнула и, повидимому, какъ будто ни къ тому, ни къ сему промолвила:

— Словесницы безплодныя!

Марья Мартыновна поняла, къ чему это, и подхватила:

— Да, ужъ именно! Другая какая-нибудь... этакая простой души — живетъ и втихомолочку чего только она ни дѣлаетъ и потихоньку во всемъ на духу покается, и никто ничего не знаетъ, а эти,—что ступятъ, то стукнуть, а потомъ вдругъ лишатся всякаго счастья и впослѣдствіи коротаютъ вѣкъ не для себя, а сами остаются въ неопредѣленномъ наклоненіи... Нѣтъ, ты мнѣ этотъ постановъ вопроса рѣши: что̀ съ ними дѣлать, чтобы ихъ вывести?

Но Аичка снова молчала, и Марья Мартыновна опять сама заговорила:

— Ну, пускай такъ, какъ ты говоришь, что не знаютъ, что̀ съ ними дѣлать, я съ этимъ съ тобою согласна; но отчего же они такіе особенные, что ни слезъ у нихъ нѣтъ, ни моленья и жалобы, а принимаютъ все, что надъ ними учинится, какъ будто это такъ и надобно?

— Притворяются.

— И я тоже думаю! Гдѣ же, скажи на милость, только-что вышла такая катастрофа—женихъ умеръ, а она въ тотъ же день, какъ его схоронили, сѣла работать и завела

еще школу, чтобы даромъ бѣдныхъ дѣтей учить. Но только одно хорошо, что хоть ты и говоришь, что съ ними не знаютъ, что дѣлать, но и имъ тоже повадки заводить что хотятъ не даютъ: ей школу скоро прикончили. И замѣть, она и тутъ тоже опять ничего не томилась и не жаловалась.

— Они закоренѣлые.

— То-то и есть! Что же съ ними подѣлаешь, когда они такіе безпечальные? Ей школу прикрыли, а она теперь всѣмъ людямъ, чѣмъ только можетъ, услуживаетъ, и книжки дѣтямъ раздаетъ, и сама съ ними садится гдѣ попало читать.

— И этого не надо позволять.

— И было непозволеніе, становой и изъ-за книжекъ пріѣзжалъ, чтобы всѣмъ ея книжкамъ повальный обыскъ сдѣлать, но посмотрѣлъ книжечки и всѣ ей оставилъ, да еще началъ и извиняться.

— «Я,—говоритъ,—приказаніе исполнилъ, а мнѣ самому совѣстно».

— Вонъ тебѣ какъ!

— Да еще что!—Какъ она ему отвѣтила, что не обижается, и руку свою подала, такъ онъ у нея и руку поцѣловалъ, и говоритъ:

— «Простите меня, вы праведница».

— А замужъ она, стало-быть, такъ ужъ и не пойдетъ?

— Мать ее спрашивала: не дала ли она обѣтъ, чтобы послѣ смерти перваго жениха ни за какого другого не выходить? Она отвѣчала, что «обѣта не давала». По-ихнему вѣдь тоже и обѣтъ давать будто не слѣдуетъ. Старуха добивалась, что, можетъ-быть, она въ разговорахъ покойнику обѣщалась ни за кого не выходить? И этого, говоритъ, нѣтъ.

— «Ну, такъ, можетъ-быть, еще обрадуешь меня, выйдешь замужъ?»

И на это тотъ же отвѣтъ:

— «Не знаю, мама, но только не думаю».

— «Отчего же?»

— «Со мной, мама, жить очень трудно».

Сама такъ и созналась, что съ нею жить — адъ. А потомъ въ день именинъ матери такой даръ поднесла, что говоритъ:

— «Мамочка! я ваша! я сегодня, въ вашъ день, рѣшилась и подарила себя служить вамъ и бѣднымъ людямъ. Я замужъ не пойду».

Такъ и остается, и такъ и живетъ теперь вѣковушею. Вмѣсто того, чтобы народить своихъ дѣтей, да ихъ въ ласкѣ нѣжить и имъ свой остатокъ капитала передать, она собрала опять безпортошную дѣтвору, да одѣваетъ ихъ, да поетъ имъ про лягушку на дорожкѣ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Собесѣдницы умолкли: Марья Мартыновна, вѣроятно, наслаждалась удовольствіемъ, что довела до конца сказаніе, въ которомъ ея главный врагъ, Клавдинька была опозорена; а Анчка не отзывалась,—можетъ-быть, потому, что опять куда-то перенеслась и о чемъ-то думала.

Это и подтвердилось.

Послѣ довольно продолжительной паузы она вздохнула и сказала:

— Какъ мнѣ это все-таки, однако, удивительно!

— Что такое?

— Представьте, что я у себя точно такого же дурака знаю.

— Мужчину?

— Да, и очень интересный, а вотъ и въ немъ сидитъ точно такая же глупость.

— Что же, какъ онъ въ своемъ полѣ уродуетъ?

— То же самое, какъ и эта: ничего ему не нужно— ни вкусно ѣсть, ни носить красивое платье и ничто на свѣтѣ.

— И любовь женская не нужна?

— Представьте—тоже не нужна!

— Этого никогда быть не можетъ! Это при какомъ хочешь положеніи изъ моды не выходитъ!

— Нѣтъ, то-то и есть, что выходитъ!

— Ни за что не повѣрю!

— Да какъ же вы не вѣрите, когда я васъ увѣряю!

— А я, моя дорогая, не вѣрю. Мужчину женской фигурой всегда соблазнить можно.

— А я вамъ, моя дешевая, говорю, что и не соблазните.

Марья Мартыновна какъ будто поперхнулась, но оправилась и договорила:

— Разумѣется, мое время прошло.

— Хоть бы ваше и время не прошло, и хоть бы въ васъ иголки не было, а ничего не убѣдите.

— Отчего же это?

— Оттого, что у нихъ все нечеловѣческое—они красоту совсѣмъ не обожаютъ, а ищутъ все себѣ чего-то по мысли, и потому, если изъ нихъ кого полюбить, то съ ними выйдетъ только одно неудовольствіе.

— А онъ тебѣ очень нравится?

— Почему вы знаете?

— Неужли же не видно!—Ты тѣмъ все и портишь, что свои чувства ему оказала.

— Ничего я не порчу, а я ему просто противна.

— Какъ нищему гривна?

— Нѣтъ, совсѣмъ противна.

— Какъ же этакая молодая, богатая—и противна? Что же это за дуракъ выдающійся!

— Не дуракъ, а вотъ въ этомъ же самомъ родѣ, какъ ваша Клавдинька: все тоже смотритъ въ евангеліе, и все чтобъ ему жить просто, да чтобъ работать и о гольтепѣ думать,—и въ этомъ все его пустое удовольствіе.

— И будто ужъ нельзя его всѣмъ твоимъ капиталомъ привлечь?

— Ахъ, да на что ему капиталъ, когда ему больше того, что есть, ничего не надобно! Ему вкусный кусокъ положите,

а онъ отвѣчаетъ: «не надо, я уже насытился»; за здоровье попросите выпить, а онъ отвѣчаетъ: «зачѣмъ же пить?—я не жажду».

— Ну, что это взаправду за уродство!

— Да; я такъ жить ни за что не хочу.

— Разумѣется; пусть онъ себѣ беретъ такую и жену, къ ихъ фасону подходящую.

Но Раичка, услыхавъ это, вскрикнула:

— Что-о-о!—И сейчасъ же рѣзко добавила, что она этого никогда не позволитъ.

— Лучше на столѣ подъ полотномъ его увижу, чѣмъ съ другою!

— Что же,—и это можно,—успокоила ее мирнымъ тономъ Мартыниха.

Раичка понизила голосъ.

— То-есть, что же... развѣ вы это можете?

— Подъ полотно положить?

— Да... но вѣдь за это отвѣчать можно.

— Стоитъ только ему рубашку выстирать да на ночь дать одѣть... вотъ и все.

— Ишь какая вы вредная!

— Да вѣдь я это для тебя же!—сконфуженно остановила ее Мартыниха.

— Нѣтъ, а какъ вы смѣли для меня это подумать! Рубашку вымыть!

— Ну оставь, пожалуйста: видишь, чай, что я пошутила!

— Пошутила!.. Нѣтъ вы думали, что ужъ влюбленную дуру нашли, и я вамъ дамъ такое порученіе, что въ вашихъ рукахъ буду! Я не дура!

— Да кто жъ тебѣ говоритъ, моя дорогая, что ты дура!

— То-то и есть, моя дешевая!

— Фу ты Господи!

— Да, да, да.

— Такъ какъ же ты жить хочешь?

— Чтобы онъ былъ мой мужъ и жилъ какъ я хочу, и больше ничего.

— Такъ ты бы ему лучше прямо такъ и изъяснила, что: «люблю и женись!»

— И вотъ представьте же себѣ, что я уже до этой низости дошла, что и изъяснилась.

— И что же онъ—возвеличился?

— Нимало, а только пожалъ мнѣ руку и говоритъ: «Раиса Игнатьевна, вы на этотъ счетъ ошибаетесь!» Меня даже въ истерику и въ слезы бросило, и я говорю: «Нѣтъ, я васъ люблю, и весь капиталъ вамъ отдамъ». А онъ...

Аичка вдругъ всхлипнула и заплакала.

— Полно, полно, пріятненькая, убиваться! — попросила ее Марья Мартыновна.

— Не гладьте меня, я не люблю! — скапризничала Аичка.

— Ну, хорошо, хорошо, я не буду. Что же онъ тебѣ сказалъ?

— Не вѣритъ, дуракъ.

Послышались опять слезы.

— Ну, значитъ, онъ или безчувственный, или безпонятный.—рѣшила Марья Мартыновна.

— Нѣтъ, онъ не безчувственный и даже очень понятный; а онъ говоритъ: «вы въ вашихъ чувствахъ ошибаетесь — это вы мою презрѣнную плоть любите и хотите со мною своихъ свиней пасти, а самого меня вы не любите и не можете меня полюбить, потому что мы съ вами несогласныхъ мыслей и на разныхъ хозяевъ работаемъ; а я хочу работать своему хозяину, а свиней съ вами пасти не желаю».

— Что же это такое?.. И къ чему это?.. Какихъ свиней пасти, и на какихъ разныхъ хозяевъ работать?—протянула недоумѣнно Марья Мартыновна.

— А вотъ въ томъ и дѣло, что если не понимаете, то и не спорьте! — дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ откликнулась Аичка и черезъ минуту еще сердитѣе добавила: — По-ихнему, любовью утѣшаться—это значитъ «свиней пасти».

— Тьфу!

Мартыновна громко плюнула и вскрикнула:

— Свиньи! Ей-Богу, они сами свиньи!

— Да,—отвѣчала Аичка,—и онъ еще хуже говорилъ... Онъ отвѣтитъ...

— За что, пріятная, за что? Что онъ еще... чѣмъ тебя оскорбилъ?

— Онъ меня ужасно оскорбилъ... онъ сказалъ, что я не христіанка, что со мною христіанину жить нельзя и нельзя дѣтей въ христіанствѣ воспитывать...

— Ахъ, за это отвѣтитъ!

— Да; я ему это и сказала: «Я говѣю и сообщаюсь, а вы никогда... Кто изъ насъ—христіанъ?»

— Онъ отвѣтитъ.

— А я своего характера не переломлю!

— И не ломай! Что ихъ еще баловать!

— Я ему сказала, что я ожесточусь, и лучше кому захочу, тому все богатство и отдамъ, но только я по-своему отдамъ, а не по-ихнему.

— Вотъ я теперь тебя и поняла... зачѣмъ ты сюда пріѣхала! Конечно, тебя тутъ на рукахъ носить будутъ!

— Очень мнѣ нужно ихъ ношенье! Но только вы ничего и не поняли!

— Нѣтъ, ты теперь проговорилась.

— Ни капли я не проговорилась. Я, просто, буду пробовать: вѣрно ли это, что здѣсь можно умолить, чтобъ въ немъ сердце затомилось и все стало — какъ я хочу.

Но Марья Мартыновна на этомъ Аичку перебила.

— Ангелъ мой!—воскликнула она живо:—здѣсь умолить можно все; здѣшнее мѣсто — все равно, что гора Ѳаворъ; но только должно тебѣ знать, что Богъ вѣдь на зло молящему не помогаетъ!

Аичка совсѣмъ разсердилась.

— Что вы за глупости говорите!—вскричала она:—какое же здѣсь «на зло молящее», когда я хочу его отъ безсе-

мейнаго одиночества въ законъ брака привесть и потомъ такъ сдѣлать, чтобы онъ любилъ непремѣнно все то, что всѣ люди любятъ.

— Да, то-есть, чтобы онъ не косоротился бы къ простотѣ, а искалъ бы себѣ прямо не одно душеполезное, но и тѣлополезное?

— Вотъ и только!

— Да, если только въ этомъ, то это, конечно, благословенный законъ супружества, и въ такомъ случаѣ Богъ тебѣ навѣрно поможетъ!

— Да,—а вы, пожалуйста, теперь ужъ дальше замолчите, потому что скоро будетъ разсвѣтъ, и я очень разстроилась, и буду блѣдная.

Шехерезада умолкла. Сосѣдки больше ничего не говорили и, можетъ быть, уснули; послѣдовавъ ихъ благоразумному примѣру, заснулъ передъ утромъ немножко и я, но потомъ вскорѣ снова проснулся, оставилъ на столѣ деньги за свою «ажидацію» и уѣхалъ изъ Рима, не видавъ самого папы...

А поѣздка эта все-таки принесла мнѣ пользу: стало веселѣе. Я какъ будто побогатѣлъ впечатлѣніями,—и теперь, когда мнѣ случается возвращаться ночью по купеческимъ улицамъ и видѣть теплящіяся въ ихъ домахъ разноцвѣтныя лампады, я уже не воображаю себѣ тамъ однѣхъ безстыжихъ притворщицъ или робкихъ и безнадежныхъ плаксъ «темнаго царства», а мнѣ сдается, будто тамъ уже дышетъ бодрый духъ Клавдиньки, дающій рессурсъ къ жизни во всякомъ положеніи, въ которомъ Высшей волѣ угодно усовершать въ борьбѣ со тьмою все рожденное отъ свѣта.

ЮДОЛЬ.

РАПСОДІЯ.

«Совѣща Богъ смиритися горѣ и юдоліямъ исполнитися въ равень земную».

Варухъ, V. 7.

Теперь (съ наступленіемъ весны 1892 года) мы можемъ сказать, что мы очень благополучно пережили крайне опасное положеніе, какое подготовили намъ наше плохое хозяйство и неурожай прошлаго лѣта!.. Бѣда сошла съ рукъ сравнительно легко. Страданія поселянъ, описываемыя корреспондентами современныхъ изданій, конечно были велики и, какъ говорятъ,—«вопіютъ къ Небу»; но «ужасъ» впечатлѣнія, какое эти описанія производятъ, очень слабъ въ сравненіи съ тѣмъ, что сохраняетъ въ несвязныхъ отрывкахъ память о прошлыхъ голодовкахъ, когда не было никакой гласности и никакой общественной помощи людямъ «избывавшимъ отъ глада».

О томъ, что было при историческихъ голодовкахъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ и исторіи, то болѣе или менѣе извѣстно по тѣмъ описаніямъ, но у насъ были голодовки въ позднѣйшей порѣ, которую въ литературѣ принято именовать «глухою порою»,—и онѣ не описывались, а потому воспоминанія объ этихъ голодовкахъ, хотя и не очень обстоятельныя, думается, были бы не излишни.

Сотрудникъ одной изъ нынѣшнихъ петербургскихъ газетъ, посѣтивши неурожайныя мѣстности Россіи зимою 1892 года, имѣлъ случай бесѣдовать о той порѣ съ извѣстнымъ старожиломъ Орловской губерніи, — помѣщикомъ и владѣльцемъ знаменитаго хрустальнаго завода генераломъ С. И. Мальцевымъ, и «генералъ, помнящій старинныя голодовки», въ разговорахъ съ упомянутымъ писателемъ «удивлялся, какъ мы далеко ушли впередъ». Въ удивленіи этомъ онъ отмѣчалъ то, что «теперь о голодѣ говоритъ вся Россія, и раньше всѣхъ на него указало само правительство. Не то было 40—50 лѣтъ тому назадъ. Тогда также случались неурожаи, но о нихъ могли знать лишь министры да развѣ сама голодающая масса. «Я тогда,—говорилъ генералъ Мальцевъ,—представилъ проектъ обезпеченія народнаго продовольствія. Императоръ Николай Павловичъ весьма сочувственно отнесся къ проекту, и я рѣшилъ напечатать его, но *ни одна типографія* не согласилась взять мою рукопись для набора...» Генералу «удалось напечатать свой проектъ только благодаря покровительству принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго». (См. *Недѣля* 19-го апрѣля 1892 г., № 16).

Съ такими необыкновенными усиліями могъ быть напечатанъ сорокъ лѣтъ тому назадъ «проектъ» о мѣрахъ противъ голода въ народѣ; но описаній, какъ люди переживали этотъ голодъ, совсѣмъ не могло появиться въ печати, и, что̀ еще удивительнѣе—ихъ вѣроятно никто и не писалъ, потому что они не появлялись даже и въ послѣдующіе за тѣмъ годы, когда положеніе русской печати стало сравнительно немножко свободнѣе.

Во время страшнаго по своимъ ужасамъ «голоднаго (1840) года» я былъ ребенкомъ, но однако я кое-что помню,—по крайней мѣрѣ по отношенію къ той мѣстности, гдѣ была деревенька моихъ родителей — въ Орловскомъ уѣздѣ Орловской же губерніи. Значительно болѣе того, что я помню изъ тогдашняго времени, какъ непосредственный свидѣтель событій, я слышалъ многое послѣ отъ старшихъ,

которые долго не забывали ту голодовку и часто обращались къ этому ужасному времени со своими воспоминаніями въ разсказахъ по тому или другому подходившему случаю.

Разумѣется, всѣ эти нынѣшнія *мои* воспоминанія охватываютъ одинъ небольшой районъ нашей ближайшей мѣстности (Орловскій, Мценскій и Малоархангельскій уѣзды) и отражаются въ моей памяти только въ той формѣ, въ какой они могли быть доступны «барчуку», жившему подъ родительскимъ крыломъ, въ защищенномъ отъ бѣдствія господскомъ домѣ,—и потомъ воспоминанія эти такъ неполны, безсвязны, отрывочны и поверхностны, что они отнюдь не могутъ представить многостороннюю картину народнаго бѣдствія, но въ нихъ все-таки, можетъ быть, найдется нѣчто пригодное къ тому, чтобы представить хоть кое-что изъ тѣхъ обстоятельствъ, какими сопровождалась ужасная зима въ глухой, безхлѣбной деревенькѣ сороковыхъ годовъ.

Словомъ, я рѣшился набросать на бумагу то, что уцѣлѣло въ моей памяти о давней голодовкѣ, относящейся къ той порѣ, о которой упомянулъ генералъ Мальцевъ, и, приступая къ этому, я впередъ прошу у моихъ читателей снисхожденія къ скудости и отрывочности моего описанія. Я предлагаю только то, что могу вспомнить и о чемъ теперь можно говорить безстрастно и даже съ отрадою, къ которой даетъ возможность нашъ нынѣшній благополучный выходъ изъ угрожавшей намъ бѣды.

Воспоминанія мои будутъ не столько воспоминанія объ общей голодовкѣ 1840 года, сколько частныя замѣтки о томъ, что случилось голодною зимою этого года въ нашей деревенькѣ и по сосѣдству.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первыми предвозвѣстительницами горя — какъ это ни странно—были старухи, которыя видѣли нехорошіе сны. Это началось съ половины Великаго поста. Самою страшною сновидицею была наша птичница, гордая женщина изъ

вольныхъ однодворокъ, по имени Аграфена Петровна. Я помню, какъ отецъ одинъ разъ, придя къ столу, за которымъ всѣ мы сидѣли у вечерняго чая, сказалъ матери, что сейчасъ, когда онъ распоряжался работами, староста Дементій объявилъ ему, что мужики боятся сѣять «яровые», потому что птичница Аграфена и другія старухи на деревнѣ «прорекаютъ голодъ», и поэтому страшно, что сѣмена въ землѣ пропадутъ.

— Но вѣдь это глупо!—возразила мать.

Отецъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Да; это не разумно, но я не могу однако забыть, что во время большого неурожая въ мое дѣтство у насъ объ этомъ тоже заговорили еще передъ весною и притомъ также съ бабьяго голоса, а потомъ и въ самомъ дѣлѣ вышелъ неурожай. Мужикамъ я, разумѣется, не позволю не сѣять ярового, и если они не захотятъ, то я засѣю ихъ поля собственными сѣменами и потомъ изъ будущаго урожая отберу у нихъ сѣмена назадъ. Я ужъ это объявилъ Дементію и приказалъ ему, чтобы повѣстилъ сновидящимъ старухамъ, которыя станутъ прорекать о голодномъ годѣ, что я этихъ пророчицъ отряжу на всю весну индѣятъ и утятъ отъ коршуновъ караулить. А тебѣ совѣтую о томъ же самомъ построже сказать Аграфенѣ, такъ какъ она всѣмъ этимъ пророчествамъ, говорятъ, самая главная заводчица.

Матушка была характера скораго и нетерпѣливаго: она сейчасъ же велѣла позвать къ себѣ Аграфену съ тѣмъ, чтобы вопросить ее: отчего она начала пророчествовать голодный годъ, и потомъ сказать ей, чтобы болѣе не пророчила.

А какъ я и братъ мой и старшая сестра были въ это время уже просвѣщены грамотою и знали по «ста-четыремъ священнымъ исторіямъ», что пророчество есть «свыше посылаемый даръ дивный и таинственный», то намъ, разумѣется, было въ высшей степени любопытно знать, какъ этотъ даръ спустился на нашу Аграфену, и какъ наша мать возбранитъ въ ней этому дару.

Аграфена же и сама по себѣ была личность интересная и пользовалась во дворѣ особыми правами, присвоенными ей превосходствомъ рожденія, возвышавшаго ее среди совершенно безправныхъ крѣпостныхъ людей. Аграфена, какъ сказано, была изъ людей вольныхъ и вышла замужъ за нашего крѣпостного сапожника Абрама, который вскорѣ умеръ, оставивъ ей двухъ дѣтей: сына Егорку и дочь Василису или Васёнку, которой теперь только исполнилось четыре года. Оба они, какъ рожденные отъ крѣпостного отца, были «крѣпки своему владѣльцу». Со смертью мужа Аграфена могла отъ насъ удалиться, но ради любви къ своимъ «крѣпостнымъ» дѣтямъ оставалась при нихъ и служила какъ крѣпостная, но, въ отличіе отъ крѣпостныхъ «понёвницъ», она носила красную юбку, какія въ нашемъ мѣстѣ носили однодворки, а крѣпостныя не носили. Кромѣ того Аграфена была честна и горда,—она не сносила ни малѣйшаго подозрѣнія и считала себя въ правѣ вступаться за свою честь.

Ее надо было все «гладить по головкѣ»,—иначе она грубила.

Такъ случилось и тутъ, когда матушка позвала ее не въ урочное время изъ ея жаркой птичной избы въ покои.

Аграфена пришла недовольная и нехотя отвѣчала на вопросы, предложенные ей для претекста о сколотняхъ и пахтаньѣ, а когда матушка спросила ее: «Какіе ты видишь сны?—Аграфена отвѣчала ей:

— Какіе приснятся.

— А зачѣмъ же ты голодъ пророчишь?

— А отчего же не пророчить? Вѣстимо ужъ, что когда хлѣба не будетъ, такъ голодъ будетъ.

— Да почему?.. Что тебѣ снится... что дѣлается?

— Что ни снится и что ни дѣлается, а все теперь будетъ къ голоду, и я съ дѣтьми пропаду... уйду отселева. И слава-те, Господи!—отвѣчала Аграфена и ничего болѣе не пояснила, а между тѣмъ слова ея тутъ же были поддержаны обстоятельствами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Приближалось Благовѣщеніе, когда у насъ было въ обычаѣ печь при церквахъ «черныя просвиры» изъ ржаной муки, подсѣяной на чистое сито. Муку эту приходское духовенство собирало съ прихода и за сборомъ этимъ разъѣзжалъ на своей лошади высокій, старый дьячокъ, имя котораго я теперь позабылъ, но его всѣ называли «Аллилуй». Онъ во всемъ причтѣ пользовался авторитетомъ по церковному хозяйству и обыкновенно передъ праздниками обметалъ вѣникомъ иконостасъ и собственноручно мылъ полъ въ алтарѣ и чистилъ лампады, и подъ его же надзоромъ усердныя бабы *по обѣщанію* вымывали полы въ остальной церкви; онъ же и «отстрѣливалъ голубей», которые прилетали на колокольню и марали колокола; а его дьячиха—престарѣлая «Аллилуева жена», пекла «благовѣщенскія просвиры», о которыхъ надо сказать два слова въ объясненіе.

«Благовѣщенскія просвиры»—это совсѣмъ не то же самое, что обыкновенныя просфоры, которыя изготовлялись для проскомидіи. Проскомидійныя просфоры изготовлялись изъ пшеничной муки «нарочитою просфорнею» (вдовицею) и дѣлались высокенькія, столбушками, по общепринятому образцу, и печатались «именословною печатью» на верхней коркѣ, а эти,—благовѣщенскія,—дѣлались просто «кулабушками» или «катышками» изъ «черной», сборной муки и уподоблялись настоящимъ просфорамъ только тѣмъ, что наверху у нихъ тоже оттискивалась именословная печать. Онѣ не требовались какимъ-либо церковнымъ правиломъ, а только *допускались*, или, точнѣе сказать, были терпимы во уваженіе «крѣпкой привычки народа».

Люди требовали, чтобы эти просфоры сыпали въ толпу сверху съ колокольни, и въ толпѣ ихъ ловили руками,—кто только схватитъ.

При этомъ разгуливалась сила и удаль: просвиры не «по

чести», а «силомъ» брали,—«кто сколько вырветъ», а оттого людямъ этотъ обычай нравился.

Просфорня-вдовица «благовѣщенскихъ просвиръ» печь не могла, потому что она была старушка слабенькая, и вымѣсить въ дежѣ большой растворъ была не въ состояніи. А потому она ѣздила только собирать на просвиры и приходила съ печатью ихъ «знаменить», но ставила ихъ и выдѣлывала Аллилуева жена.

Никакимъ обычаямъ и правиламъ это было не противно.

Въ этотъ годъ Аллилуй по обыкновенію объѣхалъ съ просфорнею прихожанъ и собралъ муки и промѣнялъ ее у мельника на муку одинаковаго размола (такъ какъ изъ сборной муки разнаго поля и неровнаго размола печь неудобно, потому что она неровно закисаетъ и трудно подходитъ), а затѣмъ Аллилуева жена растворила въ домѣ муку и ночью подбила тѣсто, которое всходило прекрасно, какъ слѣдуетъ, а еще послѣ затопила печь и передъ тѣмъ, какъ наступила пора разваливать тѣсто и «знаменать просвиры печатью», пошла звать учрежденную вдовицу, у которой была печать; но едва она вышла со своего двора, какъ увидала мужа, безпокойно бѣжавшаго къ дому священника, съ лицомъ до неузнаваемости измѣненнымъ отъ ужаса. Дьячиха окликнула мужа и хотѣла его разспросить, но онъ сердито замахалъ на нее обѣими руками и еще сильнѣе напрягся бѣжать къ Ипполитову дому. Но такъ какъ Аллилуева жена была родомъ изъ Сѣвскаго уѣзда, гдѣ уже есть «глуховскій духъ поведенціи», то-есть уже ощущается малороссійскій обычай женскаго господства въ семействѣ, то она забыла, зачѣмъ шла, а переняла Аллилуя на пути и сказала:

— Это еще что за новости! Или я тебѣ не законная жена? Говори, что случилось!..

Аллилуй отвѣчалъ, что случилась бѣда.

— А какая?

— А такая, что баба Дулеба стала, вымывши амвонъ,

начисто воду спускать, да раскатилась и вся до половины сквозь двери въ алтарь просунулась...

— Кто же это видѣлъ?

— Никто кромѣ меня не видалъ.

— Ну такъ и иди съ Господомъ Богомъ,—отпусти бабъ и займися самъ одинъ какимъ-нибудь дѣломъ посерьезнѣе, а на это и языкъ прикуси.

— Хорошо,—отвѣчалъ Аллилуй:—дай мнѣ чепурушечку выпить, и я взаправду послушаю тебя — прикушу языкъ.

Дьячиха налила ему чепурушечку, и Аллилуй подкрѣпился и пошелъ опять къ храму, а жена его тоже, поправясь маленькой чашечкой, вышла вмѣстѣ съ нимъ и отправилась къ учрежденной вдовицѣ,—звать ее «знаменить». Тутъ онѣ тоже между собою покалякали, и когда вышли вдвоемъ, имѣя при себѣ печать на знаменованія, то Аллилуева жена на половинѣ дороги къ дому вдругъ услыхала ни на что не похожій ударъ въ нѣсколько младшихъ колоколовъ, и тотчасъ же увидала людей, которые бѣжали къ колокольнѣ и кричали: «Аллилуй разбился!»

Несчастная женщина бросилась туда и нашла своего мужа простертымъ на землѣ и при послѣднемъ издыханіи: онъ лежалъ не дыша, съ закатившимися подъ лобъ глазами и съ окровавленнымъ ртомъ, изъ котораго торчалъ синій кусочекъ закушеннаго зубами языка.

Дѣло произошло такъ, что Аллилуй, не желая болѣе видѣть неловкихъ деревенскихъ бабъ, пошелъ исполнить другую работу и хотѣлъ очистить засиженные птицами колокола; онъ дѣлалъ это держась за веревочки и стоя сапогами на перилахъ, съ которыхъ онъ покачнулся, упалъ и разбился до смерти. Пришелъ священникъ, отецъ Ипполитъ, по фамиліи Мирдаровъ, — далъ Аллилую такъ-называемую «глухую исповѣдь», а потомъ положилъ ему въ ротъ причастіе и тутъ же сразу прочелъ ему и отходную.

Все это было дѣломъ непродолжительнымъ, но и химическій законъ въ дежѣ съ растворенною мукою тоже не медлилъ и совершалъ безостановочно свое дѣло: назначенное

для благовѣщенскихъ просфоръ тѣсто ушло изъ дежи и расползлось на полу. Въ него только ноги перепачкали люди, принесшіе Аллилуево тѣло, а просфоръ печь было не изъ чего... Весь приходъ остался безъ просфоръ, а это составляло случай въ жизни крестьянъ небывалый, потому что у насъ все были люди набожные и ни одинъ крестьянинъ не выходилъ сѣять безъ того, чтобы у него въ «сѣвалкѣ», т.-е. въ круглой лубочной коробкѣ съ зернами, не было благовѣщенской просфоры.

Теперь же первый разъ приходилось сѣять безъ просфоръ, а это добра не обѣщало. При томъ случай съ бабой-дулебой, которая просунулась въ алтарь, тоже огласился: Аллилуева жена, когда стала въ голосъ «причитать» надъ мужниной могилой, выдала всенародно всю тайну своего пагубнаго самовластія и раскричала на весь крещеный міръ, что мужъ ея Аллилуй былъ человѣкъ праведный и не хотѣлъ утаить, что «дулеба» въ алтарь просунулась, а она его отвела отъ этого, и за то Господь покаралъ ее праведно: взялъ отъ нея совсѣмъ къ себѣ на тотъ свѣтъ Аллилуя.

Тутъ, узнавъ этакую вещь отъ Аллилуевой жены, ахнуло и все приходское христіанство, и были такія мнѣнія, что бабу-дулебу надлежитъ убить за то, что она «въ елтарь сунулась»; но дулеба, къ счастію, скоро объ этомъ услыхала и хорошо собою распорядилася, потому что пристала къ бѣглымъ, проходившимъ «въ вольный Николаевъ градъ», бывшій тогда для многихъ русскихъ людей «градомъ убѣжища». Этимъ дулеба спасла людей отъ грѣха, а себя отъ преждевременной смерти. Во всякомъ же случаѣ люди были окончательно обезкуражены какъ тѣмъ, что у нихъ въ приходѣ «баба въ елтарь вскочила», такъ и тѣмъ, что послѣ этого пришлось сѣять безъ просвиръ, — даромъ это въ судьбахъ міра пройти не могло, — и предчувствія, что годъ предстоитъ «голодный», стали переходить въ увѣренность.

О томъ, что предстоящее лѣто можетъ принести хорошій

урожай, съ мужиками нельзя было и спорить: они вѣровали, что годъ будетъ голодный, и не хотѣли сѣять ни овса, ни гречи, ни проса.

— Для чего сѣять, когда все пропадетъ, и сѣмянъ не сберешь!

Въ нѣсколькихъ господскихъ имѣніяхъ такое упорство крестьянъ было строго наказано; но мужики претерпѣвали, но не сѣялись; кое-гдѣ они «скрыли сѣмена», побросавъ ихъ въ мѣшкахъ въ картофельныя ямы или овины, или спустили въ подполья избъ и въ другія скрытныя мѣста.

Мой отецъ къ крутымъ, понудительнымъ мѣрамъ не обращался, т.-е. «людей не стегалъ», какъ говорили мужики, но онъ настоялъ на томъ, что крестьяне должны были вспахать свои участки земли въ яровыхъ клинахъ и засѣяли ихъ выданными имъ заимообразными сѣменами, съ обязательствомъ возвратить сѣмена изъ урожая. Но возвращать было не изъ чего: просфорное тѣсто ушло не даромъ,—никакого урожая не было. Все посѣянное пропало.

И какъ пропало! съ какою-то злою иронiею или съ насмѣшкою, «точно шутъ сшутилъ».

Взошло все густо и сильно, всклочилось такъ, что уже на Юрьевъ день (23 апрѣля), когда скотъ выгнали первый разъ съ образами въ поле, земля была укрыта сплошною, рослою зеленью,—и зелень была такая ядреная, что ею не только наѣдались до-сыта тонкогубыя овцы, но и коровы прибавили отъ себя удоя. Къ Вознесеньеву дню грачъ въ темно-синихъ озимыхъ зеленяхъ прятался, и сообразно тому «княземъ восходилъ» брошенный «въ грязь» овесъ, и поднимались изъ земли посѣянные злаки, какъ вдругъ, въ то время, когда наступила пора разсаживать на грядахъ выращенную въ разсадникахъ капусту, стали слышаться жалобы, что «стало сушить». Разсаду и другія огородины «отливали водой», которую таскали на себѣ въ худыхъ ведрахъ бабы, а ребятишки въ кувшинчикахъ; но «было не отлиться», — сушь «лубенила землю», и послышалось ужасное слово:

— Сожгло!..

Тутъ, увидѣвъ бѣду, «ударились къ Богу», начали «звать поповъ и служить на поляхъ молебны».

Каждый день молебствовали и выносили образа, то на озимые хлѣба, то на яровые, но засуха стояла безотмѣнно.

Стали обращаться къ колдунамъ и знахарямъ—къ домороченнымъ мастерамъ черной и бѣлой магіи, изъ которыхъ одни «наводили» что-то наговорами и ворожбою на листъ глухой крапивы и дули пылью по вѣтру, а другіе выносили откуда-то свои обглоданныя избенными прусаками иконки въ лѣсъ и тамъ передъ ними шептали, обливали ихъ водою и оставляли ночевать на деревѣ,—но дождя все-таки не было и даже прекратились росы.

Бѣда становилась неминучею... Провозглашено было «покаяніе» и объявленъ запретъ на всякія удовольствія и радости.

Веревки на вислыхъ качеляхъ, на улицѣ, закинули вверхъ, чтобы не качалися; не позволяли дѣвкамъ «водить танки» и «играть (пѣть) пѣсни»; били ребятъ, которые играли въ казанки и въ свайку. Только одинъ пастухъ, «косолапый Ѳонька», имѣлъ право «вызывать на дудкѣ», но и его самодѣльная липовая дудка, вызывая коровъ, издавала слишкомъ унылые и непріятные звуки: это замѣтили, должно-быть, сами коровы и не шли на вызовъ косолапаго Ѳоньки, потому что онъ уже давно ихъ обманывалъ, и выгонялъ ихъ на поле, на которомъ имъ нечего было взять.

Въ народѣ стало усиливаться мрачное озлобленіе: мужья ни за-что и ни про-что били женъ, старики обижали ребятъ и невѣстокъ, и всѣ другъ друга укоряли хлѣбомъ и одинъ на другого все призывали «про́пасть»: — «О, нѣтъ на васъ пропасти!»

Явилась и она, явилась «пропасть» — совершилось общественное преступленіе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Пришелъ откуда-то «незнамый человѣкъ»; переночевавъ у мужичка, онъ послушалъ разсказовъ о горѣ-злосчастіи

отъ бездождія и сказалъ, что онъ это дѣло знаетъ, — что въ этой бѣдѣ попы не помогутъ, а надо выйти въ поле съ зажженной свѣчой, сдѣланной изъ сала опившагося человѣка, «схороненнаго на распутьѣ дорогъ, безъ креста и безъ пастыря».

«Незнамый человѣкъ» былъ запасливъ, и въ сумкѣ у него какъ разъ оказался огарокъ такой свѣчи, какая требовалась. Прежде она была у него длинная, но онъ ее уже «пожегъ во многихъ мѣстахъ», гдѣ было такое же бездождіе и вездѣ будто тамъ «дожди пролили».

Захожему собрали съ міра яицъ и шесть гривенъ денегъ и пошли съ нимъ «молитвить» на поле ночью.

Онъ «читалъ Отчу» и еще какую-то молитву и «махалъ навкрестъ» зажженной свѣчой изъ человѣчьяго сала, и велѣлъ къ утру ждать росы, а «со полденъ тучи»,—но только чтобы «ей не мѣшать», а то она можетъ поворотить въ другую сторону.

Затѣмъ этотъ человѣкъ тутъ же и ушелъ темной ночью.

Росы къ утру не было, но о полдняхъ небо потемнѣло и начало будто тучиться. Вскорѣ и въ самомъ дѣлѣ за Долгимъ лѣсомъ, принадлежавшимъ сосѣднему имѣнію, стало густѣть и появилась туча, но какая-то удивительная: вышла и стала на одномъ мѣстѣ и дальше не двигалась.

Три мужика, бывшіе на полѣ, долго не могли понять причину, почему туча не шла далѣе, но наконецъ—доглядѣлись и поняли.

Этому виноватъ былъ Егоръ Кожіёнъ, — шорникъ, который ходилъ по деревнямъ со своею работою. Онъ былъ хорошій мастеръ и отлично шилъ шлеи и хомуты, но человѣкъ былъ необстоятельный, и на выработанныя деньги пьянствовалъ иногда съ такимъ великимъ усердіемъ, что пропивалъ съ себя все и внутри себя утрачивалъ весь разумъ и тогда страдалъ отъ разнообразныхъ страховъ, безпокойно разыгрывавшихся въ его воспаленномъ мозгу.

Болѣе всего пьянаго Кожіёна преслѣдовалъ «черный быкъ», который обыкновенно стремился на него откуда-

то издалеча и все хотѣлъ поднять его на рога и перекинуть черезъ свою спину въ тартарары.

Увидавъ этого хронически преслѣдовавшаго врага, Егоръ Кожіёнъ сейчасъ же отъ него бѣжалъ куда глаза глядятъ но быкъ вдругъ неожиданно опять появлялся передъ нимъ впереди, и тогда Кожіёнъ останавливался въ ужасѣ, трясяся, махалъ руками и кричалъ: «Тпружи́! тпружи́!» Если ему удавалось увернуться, то онъ бросался въ противоположную сторону, а какъ и тамъ тоже появлялся тотъ же самый призракъ его больного воображенія, то шорникъ метался по полямъ изъ стороны въ сторону, до тѣхъ поръ пока гдѣ-нибудь быкъ его настигалъ, и тогда Кожіёнъ старался ужъ только о томъ, чтобы пасть ему между рогами и обхватить руками его за шею.

Это было отчаянное, но единственное средство спасенія, которое уже не разъ избавляло Кожіёна отъ смерти на рогахъ чудовища. Какъ онъ, бывало, заляжетъ у быка между рогъ, такъ тотъ его носитъ на головѣ пока измается, и тогда сброситъ его на землю, а самъ убѣжитъ, а Кожіёнъ послѣ выспится, чувствуетъ себя какъ послѣ качки на морѣ и «кунѣжится»—ищетъ, чтобы его пожалѣли: «Преставьте,—проситъ,—меня либо къ Матери Божіей—она мнѣ заступница, либо пойдемте въ кабакъ—мнѣ цѣловальникъ въ долгъ дастъ».

Его находили недостойнымъ вести къ образу и обыкновенно отводили въ кабакъ, гдѣ онъ опохмѣлялся у знакомаго цѣловальника и поправлялся.

То же самое заходило у него и теперь, когда его примѣтили въ полѣ три мужика, наблюдавшіе тучу за Долгимъ лѣсомъ. Егоръ въ ужасѣ бѣжалъ отъ своего быка и махалъ на него руками, крича: «Тпружи́! тпружи́!»

Онъ бѣжалъ теперь какъ разъ противъ тучи, и ни къ кому прямѣе, какъ къ ней, относились его отгоняющіе крики и жесты, и... его не стало.

О ту пору какъ съ Кожіёномъ это въ послѣдній разъ сдѣлалось, на томъ же полѣ, гдѣ былъ онъ и три мужика,

случились еще двѣ небольшія крестьянскія дѣвочки, которыя пришли на заросшую межу ломать полынь для вѣниковъ. Завидѣвъ скакавшаго и кричавшаго Кожіёна, дѣвочки испугались и залегли въ полынь, и видѣли, какъ Кожіёнъ упалъ на межу, и какъ къ нему тутъ же вскорѣ подошли три мужика и подняли его и старались поставить его на ноги, но онъ не становился, а плакалъ и голосилъ: «Ведите меня къ Божіей Матери!» Тогда третій мужикъ взялъ Кожіёна за ноги и всѣ втроемъ они шибко пронесли его въ лѣсъ, гдѣ есть густо заросшій оврагъ, и тамъ сразу произошло какое-то несогласіе, и Кожіёнъ навздрыхъ закричалъ: «за что меня лобáните?..» И съ тѣмъ все утихло, а потомъ мужички къ ручейку спустились и у того ручья мыться стали.

Перепуганныя же дѣвчонки все на межѣ въ полыни сидѣли до вечера, притаившись какъ зайчики, и сами себѣ не могли сказать — чего онѣ испугались; а когда солнце стало заходить за тотъ самый лѣсъ, куда унесли Кожіёна «лобáнить»,—дѣвчонкамъ сдѣлалось «еще больше ужасно», и онѣ выскочили и бросились бѣжать въ деревню безъ вѣниковъ, — за что̀ ихъ встрѣтили съ строгостью, — оттрепали за косы и пообѣщали еще выдрать крапивою», — отчего онѣ и умолкли, чтобы не навлечь на себя чего-нибудь еще худшаго.

Такъ Кожіёна быкъ забодалъ и на рогахъ забросилъ.

Съ той поры уже никто и нигдѣ не видалъ шатающагося шорника Егора,—и какъ не нуженъ былъ ему паспортъ, такъ не нужна была ему и могила; но въ память его были совершены нѣкоторыя немаловажныя дѣла.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

У насъ на чищобѣ, недалеко за гуменникомъ, стоялъ дрянной сараишко, который называли «старымъ половнемъ», хотя онъ никогда никакого «гуменнаго» назначенія не исполнялъ и даже для него не годился.

Сараишко этотъ сгородили для себя смоленскіе «копачи», или «грабари», приходившіе выкорчевывать пни отъ сведеннаго на этомъ мѣстѣ лѣса. Копачи, окончивъ свою работу, ушли, а сгороженный ими дрянной сараишко оставался неразобраннымъ, можетъ быть потому, что дрянной матеріалъ, изъ котораго онъ былъ сколоченъ, не стоилъ и разбора.

Крыша сарая давно вся сотлѣла и просѣтилась, воротища упали и висѣли на одной «пяткѣ», и никто въ этотъ сарай не ходилъ, кромѣ солдатки Наташки, которую впрочемъ велѣно было гонять отовсюду. И вдругъ въ одну ночь этотъ такъ-называемый «старый половень» *сгорѣлъ какъ свѣчка!*

Было тихо и темно, и вдругъ въ то самое время, когда мы поужинали, — значитъ, часу въ одиннадцатомъ, — небо озарилось теплымъ и очень пріятнымъ желтовато-розовымъ свѣтомъ.

Сначала всѣмъ показалось, что это будто такъ восходитъ «рыжая луна»; но оказалось, что это старый половень горитъ.

На пожаръ успѣли сбѣжаться многіе, но половня не растаскивали и не заливали, такъ какъ отецъ считалъ его ничего не стоющимъ; но хозяину, однако, былъ интересъ узнать: отчего могла загорѣться эта необитаемая и никому ненужная постройка?

Думали сначала на цыганъ, или на поляковъ, но ни цыганъ, ни поляковъ нигдѣ не видали; потомъ падала мысль на поводырей слѣпого Нефеда, которые курили трубку, но Нефедъ и его слѣпой товарищъ и ихъ поводыри, оказалось, «пѣли Лазаря», гдѣ-то далеко у Чудотворца на праздникѣ, и тогда староста Дементій—старовѣръ и врагъ куренія—подалъ мысль, что не виновенъ ли въ этомъ кто-нибудь изъ молодыхъ «трубокуровъ», и это первое подозрѣніе Дементій обобщилъ съ другими извѣстными ему подозрѣніями насчетъ маленькой солдатки Наташки, — шустрой бабенки съ огромнымъ гепотте́е всесвѣтной куртизанки, изъ-за ко-

торой въ деревнѣ было много безпорядка не только между молодыми людьми, но и между старыми.

Дементій Васильичъ непремѣнно хотѣлъ по этому случаю «кое-кого взбрызнуть» или «пострекать», до чего онъ, какъ коренной «начальникъ» стараго фасона, былъ большой любитель; но когда онъ захотѣлъ «пострекать» кучеряваго спротинку Вукола, то отколь ни возьмись появилась сама солдатка Наташка и закричала:

— Не смѣй трогать Вукошку — это не онъ... я видѣла, кто половень сжегъ.

И Наташка вдругъ, не обинуясь, назвала трехъ самыхъ обстоятельныхъ хозяевъ въ деревнѣ...

И тѣ были призваны и повинились, что они дѣйствительно были въ «старомъ половнѣ» со свѣчой *изъ Кожіенова сала*, и, вѣроятно, какъ-нибудь по неосторожности, и проч.

Дѣло было уже не въ томъ, какъ они заронили огонь въ половнѣ, а въ томъ: отчего было произнесено упоминовеніе о «свѣчѣ изъ Кожіенова сала?»

Все это сейчасъ же окуталъ густой мракъ самой тщательно скрываемой тайны: отецъ взялъ всѣхъ трехъ мужиковъ къ себѣ въ кабинетъ и заперся съ ними на ключъ вмѣстѣ со старостою Дементіемъ. И о чемъ они тамъ говорили—никто не слышалъ; но, конечно, всѣ отлично знали, въ чемъ это дѣло, и обстоятельнѣе всѣхъ изслѣдовали его именно женщины, имѣвшія смѣлость спуститься на самое дно глубокаго оврага въ Долгомъ лѣсу, и тамъ подъ хворостомъ и сухою листвою прошлогодняго листопада разсмотрѣли сильно разложившійся трупъ, который вся деревня единогласно признала за трупъ шорника Кожіёна. Изъ кожіёнаго тука все «нутреное сало» было уже «соскоблено», и изъ него, по всѣмъ вѣроятіямъ, надѣлано достаточное количество свѣчъ, сожженныхъ въ разныхъ мѣстахъ, можетъ-быть, съ подобнымъ же результатомъ, какъ случилось и у насъ въ половнѣ.

Тогда отецъ увидѣлъ, что дѣло можетъ принять очень

серьезный оборотъ и поѣхалъ къ сосѣду, которому принадлежалъ Долгій лѣсъ. Помѣщикъ этотъ, старикъ, бывшій когда-то морякъ и капитанъ 2-го ранга, жилъ нелюдимо въ сообществѣ трехъ крѣпостныхъ женщинъ, вмѣстѣ съ которыми и самъ состоялъ подъ надзоромъ четвертой, которая дирижировала весь кругъ его жизни. Событіе въ Долгомъ лѣсу вывело моряка изъ его зависимаго состоянія и подвигло къ собственной инціативѣ, по которой онъ условился съ отцомъ такъ, чтобы: есть или нѣтъ въ лѣсу убитый — о томъ имъ обоимъ благородно и чинно ничего не знать, и кто такой тамъ есть—этого не разыскивать, а для освѣженія чувства въ людяхъ, которые, очевидно, очень набожны, но только не знаютъ, что̀ имъ дѣлать,—пригласить изъ трехъ селъ трехъ священниковъ... и сдѣлать это какъ бы... при опасно больномъ консиліумъ... Отслужить соборне три молебна въ саду, на лугу и на полѣ, и быть всѣмъ вмѣстѣ, дворянамъ и мужикамъ... и потомъ — угощеніе.

Отецъ на это согласился и все предположенное къ исполненію «для освѣженія чувствъ въ народѣ» должно было происходить «на общихъ межахъ», по-сосѣдски, но «выходъ» долженъ былъ быть отъ насъ, и у насъ же быть «консиліуму» и угощенію.

— Такъ какъ у васъ,—сказалъ отцу морякъ:—есть дома законная супруга, а у меня на этотъ счетъ одно беззаконіе.

И торжество было отправлено у насъ. Приглашенъ былъ еще одинъ сосѣдъ, майоръ Алымовъ, тоже холостякъ и съ «репутаціей», но молодой по лѣтамъ, говорунъ и щеголь довольно дурного тона. Капитанъ 2-го ранга, вѣроятно, нехорошо былъ о немъ наслышанъ и не хотѣлъ съ нимъ сближаться, — ему даже непріятно было стоять рядомъ съ майоромъ за молебномъ, и Алымовъ это замѣтилъ и «начихалъ на него»: онъ отошелъ отъ горделиваго моряка и, переступя поближе къ дьячкамъ, сталъ задувать съ ними вмѣстѣ не въ тактъ, но очень громкимъ и звонкимъ голо-

сомъ: «Даждь дождь землѣ алчущей, Спасе!» Разъ отъ раза онъ все хваталъ это смѣлѣе и громче, и очень этимъ угодилъ и крестьянамъ, и духовенству, съ представителями котораго онъ еще болѣе сошелся за столомъ, гдѣ опять нѣсколько разъ поднимался и пѣлъ: «Даждь дождь землѣ алчущей, Спасе!» Этимъ Алымовъ ввелъ у насъ прошеніе о дождѣ въ такое распространеніе, что послѣ у насъ въ домѣ всѣ по цѣлымъ днямъ пѣли: «Даждь дождь землѣ, Спасе!» Но больше всѣхъ въ этомъ упражнялись мы, дѣти: мы въ своемъ молитвенномъ напряженіи даже превзошли старшихъ тѣмъ, что устроили себѣ изъ нянииыхъ фартуковъ ризы, а изъ свивальниковъ орари, и все облачались да пѣли: «Даждь дождь». Намъ это очень нравилось, но прислугѣ мы надоѣли, и служеніе наше было разстроено тѣмъ, что нянька отобрала у насъ облаченія и сказала:

— Полно дьячить! теперь уже никому и дождь не нуженъ: настала пора убирать, а убирать нечего: *голодный годъ пришелъ уже!*

Это было для насъ ужасное открытіе! Мы и не замѣтили, что *онъ уже пришелъ*. Когда же это случилось? Мы все еще просили «отвратить праведный гнѣвъ, на ны движимый», и напитать людей, «яко же птицѣми онѣми», а тутъ уже все кончено: готово созрѣвшее поле, на которомъ «стоитъ колосъ отъ колоса такъ, что не слыхать человѣческаго голоса, а сжатый снопъ отъ снопа—день ѣзды»...

Пришелъ голодный годъ! «Съѣдимъ, что зародилось, и умремъ», говорили мужики и пекли еще изъ новины лепешки и наварили къ Успенью браги, а съ Богородичнаго Рождества нѣкоторые несмѣло стали отлучаться... Спросите — куда? Сначала былъ еще стыдъ въ этомъ сознаваться—отлучки эти скрывались: люди уходили изъ села и возвращались домой въ потемочкахъ, «чтобы сумы не было видно»,—но голодъ и нужда возрастали, и къ Покрову всѣ другъ о другѣ стали знать, что всѣмъ ѣсть нечего, и что «всѣмъ надо идти побираться».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Кто хотѣлъ бы составлять себѣ представленіе о деревенскомъ голодѣ, бывшемъ въ сороковомъ году, по тѣмъ явленіямъ, какія можно было наблюдать прошлой зимою, 1892 года, когда народныя страданія были облегчаемы дружными усиліями разумныхъ и добрыхъ людей, тотъ получилъ бы очень невѣрное понятіе о томъ, какъ страдалъ народъ при тѣхъ порядкахъ безпомощія, о которыхъ вспомянулъ генералъ Мальцевъ. Такихъ заботъ, какія прилагались теперь частными лицами, чтобы помочь голодающимъ крестьянамъ по одному человѣколюбію и состраданію, тогда и въ поминѣ ни у кого не было, да никакое оказательство въ смыслѣ общей помощи было и невозможно; а само правительство, разумѣется, не могло прокормить всѣхъ голодныхъ. «Казеннымъ» или такъ-называемымъ «государственнымъ крестьянамъ» тогда дали что-то изъ «запасныхъ магазиновъ» на «обсѣмененіе полей»; но это была помощь слабая и ничтожная: «казенные» люди изъ названной категоріи на этотъ «заимобразъ» тоже не могли прокормиться. Но о томъ, чтобы кормить ихъ *до сытости*, и не считали нужнымъ заботиться: разсказывали, будто графъ Киселевъ сказалъ кому-то, что «крестьяне не солдаты», и что «до новины они могутъ *одну зиму какъ-нибудь перебиться*», и это будто бы послужило достаточнымъ успокоеніемъ чьей-то душевной тревоги. А казенные или государственные крестьяне въ то время считались за «любимыхъ дѣтей» правительства. Что же касалось людей другихъ сословій, то съ этими было еще меньше хлопотъ: о мѣщанахъ нечего было и говорить, такъ какъ они земли не пашутъ и хлѣба не сѣютъ, — стало-быть, у нихъ неурожая и не было, и притомъ о нихъ давно было сказано, что они «всѣ воры» и, какъ воры, они, стало быть, могутъ достать себѣ все, что имъ нужно; а помѣщичьи «крѣпостные» люди были въ такомъ положеніи, что о нихъ нечего было и без-

покоиться,—они со дня рожденія своего навѣки были предоставлены «попеченію владѣльцевъ», и тѣ о нихъ пеклись... Злополучные крѣпостные люди были всѣхъ другихъ несчастнѣе: они не только страдали безъ всякой помощи, но еще съ связанными руками и съ тряпицей во рту. Они даже не имѣли права отлучиться, и нерѣдко ихъ жалобы и стоны принимали за грубость, за которую наказывали. Лучшія исключенія были тамъ, гдѣ помѣщики скоро ужаснулись раскрывшагося передъ ними деревенскаго положенія и, побросавъ свои деревни, сбѣжали зимовать куда-нибудь въ города и городишки,—«все равно куда, лишь бы избавиться отъ своихъ мужиченковъ» (т.-е. чтобы не слыхать ихъ просьбъ о хлѣбѣ). Безъ господъ крестьянамъ по крайней мѣрѣ открывалась свобода брести куда глаза глядятъ и просить милостыню подъ чужими окнами. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ большихъ экономіяхъ «своимъ крестьянамъ» давали хлѣба и картофеля въ долгъ или со скидкой противъ цѣны, за которую отпускали «чужимъ людямъ», но и это все было недостаточно, такъ какъ и по удешевленной цѣнѣ покупать было не на что.

Разумѣется, я говорю только о той мѣстности, гдѣ я тогда жилъ, въ Орловской губерніи. Можетъ быть, что въ другихъ мѣстахъ было и иначе.

Я говорю *только* о томъ, что самъ видѣлъ или о чемъ слышалъ въ тогдашнее время.

Самымъ ужаснымъ тогда казалось, что люди въ нашемъ мѣстѣ были связаны крѣпостною неволею: черезъ это они не могли никуда отлучиться и ничего себѣ промыслить. Среди мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ въ Курской и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Орловской губерніи по мѣстамъ происходило такъ, что дѣти и старики «ходили въ-поборъ», а взрослые работали на барщинѣ, и работали работы неспѣшныя, какъ-то: сѣкли про запасъ хворостъ или рыли канавы,—съ чѣмъ со всѣмъ можно было подождать, а ѣли «сборное», т.-е. то, что старики или ребятишки гдѣ-нибудь «напросятъ Христа ради». Въ большихъ экономіяхъ кре-

стьянамъ было гораздо лучше, уже по тому одному, что тамъ по крайней мѣрѣ не стѣсняли людей, и мужики поползли «съ топорами» (т.-е. плотничать) въ Кіевъ, въ Харьковъ и въ Нѣжинъ, и «съ лошадёмъ» подрядились везти «лагуны» (съ саломъ) или «бунты» (съ пенькою) въ Таганрогъ и въ Одестъ. И въ первомъ, и во второмъ отходѣ заработокъ ихъ былъ самый ничтожнѣйшій, или лучше сказать — никакого. Работали они больше только «изъ одного прокорма», и то считалось еще хорошо, если работникъ прокормится и назадъ домой вернется «съ лошадёмъ», а не съ однимъ «кнутикомъ». А то случалось, что онъ придетъ да обрадуетъ домашнихъ, что «кобылу» или «мерина ободралъ въ ухабѣ». Крестьяне, которые «нашли ряду» и успѣли уѣхать ранѣе, пока лошади ихъ еще не обезсилѣли отъ изнурительной безкормицы, кое-какъ справлялись, и на дорогѣ, въ самомъ пути отъѣдались сами и откармливали лошадей: эти и возвращались благополучно; но которые не нашли рано работы, а тронулись тогда, когда давно уже сталъ санный путь и лошади давно заморены на безкормицѣ,—у этихъ все «рушилось»: лошади у нихъ запрокидывались кверху ногами въ первомъ раскатѣ и «падали». Какъ безподрѣзныя сани пойдутъ въ раскатъ и ударятъ клячу по исхудалымъ булдыжкамъ,— она тотчасъ же и упадетъ, и лежитъ. Ее «поднимаютъ» мужики, кто за хвостъ, кто за плечи. Поднимутъ, установятъ и поддерживаютъ, а потомъ тронутъ: «ну, матушка!» Но она пройдетъ нѣсколько шаговъ, и опять хлопнется, ноги вверхъ задеретъ и даже не бьется. Чуть только не проситъ, чтобы ее ужъ и не трогали, — что «мнѣ-де уже все равно какъ околѣть, лишь бы только поскорѣе».

Иногда, бывало, видишь, что какъ только лошадь поднимутъ, такъ она тутъ же сію минуту опять и падаетъ. Мужики, даже самые жестокіе, тутъ плакали какъ дѣти и жалѣли лошадей, — не били ихъ, а все, бывало, уговариваютъ лошадку: «ну, матушка! ну, кормилица!»—да сами

во всю дорогу то у одной, то у другой оглобли пыхтятъ и подсобляютъ, а сами все плачутъ.

Страшное это представляло зрѣлище, какъ они, бывало, плетутся по дорогамъ длинными вереницами, и сами взъерошенные, истощенные и ободранные, а лошади уже совсѣмъ одни скелеты, обтянутые кожей...

И не разберешь даже—кто кого жалче.

Во всякомъ случаѣ извѣстная художественная группа Рѣпина, изображающая поволжскихъ бурлаковъ, представляетъ гораздо болѣе легкое зрѣлище, чѣмъ тѣ мужичьи обозы, которые я видѣлъ въ голодный годъ, во время моего дѣтства.

Въ глубокихъ ухабахъ или подъ раскатами столбовыхъ дорогъ то-и-дѣло, бывало, валяются ободранныя «падла» и надъ ними стаями вѣются черныя птицы, высматривающія—какъ бы имъ ухватить что-нибудь изъ того, что̀ можетъ остаться послѣ зубовъ страшно освирѣпѣвшихъ отъ голода собакъ. Собаки тогда рыскали очень далеко отъ домовъ и дичали совершенно какъ волки. Крестьяне, какъ извѣстно, и въ «довольное время» не любятъ кормить своихъ сторожевыхъ собакъ, и держатся того взгляда, что «песъ самъ о себѣ промыслитель», а въ голодный годъ собакъ и нечѣмъ было кормить. На ихъ собачье счастье лошадей околѣвало множество и трупы ихъ, или, по-мужичьи, «коневое падло», валялись безъ перевода и по полямъ, и по задворкамъ. Псамъ только надо было имѣть чутье да ноги, чтобы не пропасть съ голода. Но удивительно было, какъ они далеко узнавали о каждой павшей скотинѣ! Бывало, гдѣ ни выволокутъ падло, собаки ужъ знаютъ, и черезъ часъ-два собачьи слѣды такъ и наплетутъ черезъ всѣ поля сѣть по снѣгу. Люди удивлялись этому и предполагали, что у собакъ непремѣнно есть какое-то свое имъ свойственное средство сообщать другъ другу новости о событіяхъ, совершающихся за предѣлами ихъ слуха, зрѣнія и обонянія. Въ самомъ дѣлѣ, чутье едва ли могло достигать на такія далекія разстоянія, откуда сбѣгались собаки тер-

зать падаль! Приходилось видѣть знаемыхъ деревенскихъ собакъ, прибѣгавшихъ верстъ за двѣнадцать и за пятнадцать. Въ началѣ зимы, когда лошадей дохло много, собаки такъ хорошо отъѣлись, что волки ихъ боялись, и онѣ не подпускали волковъ къ пиру; но потомъ, когда всѣ лошади переколѣли, голодъ собакъ сталъ ужасенъ, и волки пошли рвать ихъ. Впрочемъ, псамъ все-таки было лучше, чѣмъ травоядным. Коровъ своихъ крестьяне «до послѣдняго берегли» и «воспитывали крышами». Сгребутъ, бывало, съ крышъ давно почернѣвшую солому и иногда «попарятъ ее въ корчажкѣ»—вотъ и кормъ. Солить было нечѣмъ: тогда соль составляла «правительственную регалію», и была такъ дорога, что плоховатые мужики и въ «ровные»-то года часто ѣли сныть несоленую. (У Тургенева мужикъ говоритъ, что надобно осиротѣлую дѣвчонку взять. Баба отвѣчаетъ: «намъ самимъ сныть посолить нечѣмъ». А мужикъ говоритъ: «А мы ее несоленую!»—и дѣвчонку взяли). Коровъ «ходячихъ» не рѣзали. Станетъ она «падать» или «заваливаться», идучи на водопой — ее все еще поднимаютъ и ведутъ до дому, «поддерживаютъ» и опять «крышей воспитываютъ». И такъ водятся съ ней до тѣхъ поръ, пока у нея «титьки высохнутъ». Тутъ уже, значитъ, ждать отъ нея больше нечего—«воспитаніе» ея кончено и остается ей «ножъ воткнуть». Зарѣзанную полуиздохшую корову поскорѣе «требушили» и потомъ волокли «въ копоть», т.-е. разнимутъ ея трупъ на частички и повѣсятъ эти разсѣченныя части «надъ дымомъ», чтобы ихъ «прокурило» и «духъ отшибло», потому что у этого мяса даже до посмертнаго разложенія былъ какой-то особенный, вѣроятно болѣзненный, запахъ, котораго «утроба человѣческая не принимала». А потомъ, когда дымъ все это «прокуритъ»—вонь нѣсколько измѣняла свой характеръ и мясо воняло иначе,—менѣе противно: тогда его, бывало, варятъ и ѣдятъ.

Но все это еще было сравнительно благополучное время, когда было что̀ «дымить», а впереди ждало положеніе гораздо болѣе тяжкое.

Здѣсь однако мнѣ припоминается, какое горе бывало въ крестьянскомъ дворѣ, когда дѣлалась очевидною неминуемая надобность немедленно предать смерти «кормилицу».

Какъ, бывало, доходитъ послѣдній кормъ, такъ «безкормной коровѣ» отъ мужиковъ выходитъ рѣшеніе, что ее надо «приколоть»... Тогда всѣ бабы принимаются «выть», а на нихъ глядя, завоютъ всѣ дѣти, и всѣ стараются «коровушку покрыть», т.-е. увѣряютъ мужиковъ, будто она еще можетъ жить; но мужики этому не внемлютъ, и какъ замѣтятъ, что подойникъ пустъ, такъ сейчасъ же и берутся исполнять свое рѣшеніе.

Это ужасныя минуты въ крестьянской избѣ, которыхъ нѣтъ средствъ описать, а ихъ надо видѣть.

Послѣ ссоры и спора изъ-за коровы между бабами и мужиками—въ избѣ вдругъ пропадаетъ хлѣбный ножъ!..

Нѣтъ его, да и только! Бабы говорятъ: «ребята затащили»,—мужики деруть ребятъ за виски; ребята говорятъ: «мамка скрала»,—мужики мнутъ мамкѣ потылицу... Всѣмъ дѣла много, а ножъ все-таки не отыскивается.

Идутъ занимать ножъ къ сосѣду, но и у сосѣда ножъ пропалъ! Бабы рѣжутъ хлѣбъ какими попало ножевыми «аскретками», а настоящіе хлѣбные ножи всѣ «пропали». Ихъ ищутъ-ищутъ и не находятъ. Мужики понимаютъ, что̀ это значитъ, и долго не разговариваютъ, а идутъ за ножемъ на другой конецъ деревни и тамъ гдѣ-нибудь пригодный ножъ находятъ. Тутъ же дѣлаютъ и уговоръ еще о живой коровѣ: какъ дѣлить ея «тушу», кому передъ, кому задъ, кому нутро или студни. Объ этомъ уговариваются, чтобы не пропадала «убонна», и заразъ нѣсколько коровъ въ деревнѣ не рѣжутъ. Сегодня рѣжетъ одинъ сосѣдъ, а другой поджидаетъ, если есть чѣмъ издыхающую «воспитывать».

Когда мужикъ добудетъ ножъ и возвращается въ избу, онъ молча начинаетъ водить ножъ по желѣзистому кирпичу на загнеткѣ. Видъ у него тогда мрачный, и бабы начинаютъ его бояться и уже не воютъ, а тихо плачутъ;

но мужика и это выводитъ изъ терпѣнія. Къ тому же мать или другая старуха, которая не боится тукманки, гдѣ-нибудь за угломъ причитаетъ. Мужикъ спѣшитъ точить ножъ и, пощупавъ его на ладони, уходитъ звать на помощь сосѣда. Съ «уборкой» буренки надо спѣшить, потому что она того и гляди околѣетъ, и тогда выйдетъ не «убоина», а «падло».

Потомъ настаетъ въ избѣ жуткая тишина... Со двора все слышно, какъ мужики путаютъ корову возжами и потомъ бьютъ ее долбней по головѣ. Безъ этого они убить большую скотину не умѣютъ. А потомъ, когда этотъ ужасный стукъ долбни по черепу прекратится, — мужикъ перекрестится и всунетъ коровѣ ножъ въ горло... И всѣ стоятъ вокругъ въ тишинѣ и смотрятъ, какъ кровь бьетъ и зарѣзанная еще дрыгаетъ связанными ногами и смотритъ. Потомъ тишина кончена и закричатъ: «давай нòчвы!» Тутъ всему дѣлу развязка: бабы уже работаютъ спокойно; носятъ разрубленныя части своей бурёнки по избамъ и вѣшаютъ ихъ на деревянныхъ крючьяхъ и на лыковыхъ веревкахъ подъ потолками и надъ дверями черныхъ избъ (гдѣ дымъ идетъ). Тутъ это мясо коптилось или какъ будто бы коптилось. На самомъ же дѣлѣ орловскіе мужики мяса коптить не умѣли, да и негдѣ было имъ его коптить какъ надобно; а они только добивались, чтобы отъ него «не дюжо смердѣло».

Такъ пріѣли весь рогатый скотъ, и ко Срѣтенью (2 февраля) во всемъ селѣ, о которомъ разсказываю, осталась только одна корова у старосты, да двѣ у дворовыхъ; но лошадей еще оставалось на сорокъ дворовъ штукъ восемь, и то не у крестьянъ, а у однодворцевъ, которые жили въ одномъ порядкѣ съ крѣпостными. Однако всѣ эти лошади содержались на одной соломѣ и ни для какой работы не годились. Ихъ даже нельзя было гонять на водопой къ колодцу, потому что онѣ завязали въ сугробахъ и падали, и люди должны были ихъ вытаскивать и волочь домой—что было очень трудно.

Но не будемъ болѣе говорить о скотахъ, а посмотримъ что̀ случалося съ самими сынами человѣческими, отбывавшими здѣсь же безпомощно и безропотно всѣ выпавшія на ихъ долю злоключенія «голоднаго года».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Изобразить въ общихъ чертахъ состояніе духа деревенскихъ людей за все время ужасной зимы сорокового года— я не умѣю. Была и унылость, и отчаяніе, и стоны, и неимовѣрное мужество... все это «человѣкомъ» и «часомъ», т.-е. каждый человѣкъ переносилъ свое мученіе сообразно своему характеру и не во всякую минуту одинаково. Съ виду даже, пожалуй, незамѣтно было, что люди переживаютъ *особенное страданіе*: жизнь въ крестьянскихъ избахъ плелась почти такая же безотрадная, какъ и всегда. Тѣ же стоны и кряхтѣнье стариковъ, не слѣзающихъ съ остылыхъ печей; тотъ же дымъ и вонь, а часто и снѣгъ, пролѣзающій по угламъ, съ наружной стороны избъ во внутреннюю; тѣ же слабые писки голыхъ и еле живыхъ ребятъ со вспухшими животами и красными отъ дыма глазами; но зимняя картина въ орловской деревнѣ никогда и не была другою... Я ее всегда видѣлъ именно этакою. Мнѣ гораздо легче вспомнить и удобнѣе, кажется, передать нѣкоторые, *особенные случаи*, которые уцѣлѣли въ памяти и которые я изложу одинъ отъ другого въ отдѣльности.

Прежде всего вспоминается мнѣ хилая дѣвочка Васёнка, которую «Богъ взялъ», и я съ этого начну мои рапсодіи, но такъ какъ мать Васёнки жила на дворовомъ положеніи, то прежду я скажу коротко о положеніи людей дворовыхъ, которое отличалось отъ крестьянскаго. Дворовымъ людямъ, которые въ обыкновенное время почитали себя несчастнѣе крестьянъ, въ голодовку выходило лучше, чѣмъ крестьянамъ, потому что дворовыхъ, не имѣвшихъ земли и состоявшихъ на работѣ при помѣщичьихъ дворахъ, помѣщики должны были кормить и кое-какъ кормили. Въ обыкновен-

ное время имъ отпускали на мужчину 1 п. 30 ф. въ мѣсяцъ, а на женщину 1 п. 20 ф. и на дѣтей (съ 5 до 15 лѣтъ) по 20 ф. ржаной муки. Болѣе не давали ничего: приварокъ и соль они должны были припасти себѣ сами, и гдѣ-то они этимъ дѣйствительно раздобывались. Въ голодный годъ во многихъ мѣстахъ этимъ людямъ сдѣлали страшную обиду: «сняли ихъ съ мучной мѣсячины на печеный отвѣсъ», т.-е. стали давать имъ по 3 ф. хлѣба въ день на мужчину и по 2 ф. на женщину, а мальчикамъ и дѣвочкамъ по полтора фунта. Притомъ если варили щи или кашу, то въ эти дни хлѣбный отвѣсъ уменьшался на половину. Этимъ уже дворовые люди были страшно недовольны, потому что они своимъ «отвѣснымъ хлѣбомъ» дѣлились со своими родственниками, голодавшими на деревнѣ, и это составляло ихъ священное право «помогать на деревню».

Дворовымъ и комнатной прислугѣ съ Введенія (21 ноября) мѣсячину и отвѣсъ тоже стали выдавать не «чистымъ хлѣбомъ», а съ примѣсью, но съ примѣсью очень съѣдобною, по преимуществу съ картофелемъ, и только въ случаѣ недостатка картофеля, — съ конопляным жмыхомъ, который если свѣжъ и не горекъ, то вкусъ хлѣба не очень портитъ. Во всемъ хозяйствѣ теперь только намъ къ столу подавали чистый и притомъ «обрушенный» ситный хлѣбъ, муку для котораго содержали въ кади, въ кладовой подъ замкомъ, и отпускали ее въ кухню для выпечки.

Хлѣбъ этотъ былъ, конечно, гораздо лучше крестьянскаго пирога, и мы, дѣти, это знали и, ѣвши такой хлѣбъ, чувствовали что-то въ родѣ стыда по тому случаю, что мы пресыщались вкуснымъ хлѣбомъ, и даже кормили имъ нашу собачку Фиделькy, тогда какъ на деревнѣ дѣти сосали жмыхъ...

Въ дѣтскихъ сердцахъ нашихъ какъ будто раздавался голосъ Бога, вопрошающаго о братѣ...

Пекла нашъ «господскій хлѣбъ» та птичница Аграфена, изъ однодворокъ, о которой упоминалось выше,—та, кото-

рая видѣла сны и первая запророчила быть голодному году. Она — напоминаю опять — имѣла право уйти отъ насъ, но жила на положеніи крѣпостной, потому что у нея были дѣти, прижитыя съ крѣпостнымъ мужемъ, и въ числѣ ихъ была та Васёнка, которую «Богъ взялъ», о чемъ сейчасъ и будетъ предложено, какъ это случилось.

Испеченный Аграфеною ситный хлѣбъ опять принимали отъ нея по вѣсу, требуя на каждый пудъ муки опредѣленное по опыту количество припеку, на что пекарки-бабы очень жаловались и находили это требованіе несправедливымъ, потому что «всякая мука даетъ свой припекъ неровно». Но имъ не вѣрили и усчитывали ихъ на золотники, точно дѣло шло о золотѣ. И «свой братъ» и «своя сестра», такіе же дворовые и крѣпостные, поддерживали въ господахъ это недовѣріе, постоянно донося на пекарокъ, будто тѣ «отнимаютъ тѣста отъ господскихъ хлѣбовъ своимъ дѣтямъ на лепешки». По такимъ доносамъ ключницею дѣлались внезапные обыски, и одинъ разъ у птичницы Аграфены, которая имѣла четырехлѣтнюю дочь Васёнку, страдавшую «кишкою», дѣйствительно нашли «шматокъ тѣста съ ладонь», спрятанный между грязными подушками постели, на которой стонала ея больная дѣвочка. Я помню, какъ объ этомъ «довела» дѣвочка, бывшая въ «выносушкахъ», по имени Агашка, и передъ матушкою стояли разомъ эта Агашка и ключница, производившая обыскъ, и Аграфена, а на столѣ въ видѣ полѣнья лежалъ «шматокъ тѣста», которое она отняла отъ барскихъ хлѣбовъ и хотѣла спечь изъ него лепешку Васёнкѣ. Аграфену уличали Анна и Агашка, и Аграфена не отпиралась, а стояла гордая и «грубила». А грубость ея выражалась тѣмъ, что она очень страшно кляла свою дѣвочку Васёнку. Это зашло такъ далеко, что матушка забыла о дѣлѣ по существу и начала сердиться на Аграфену за то, что она проклинала дитя. Матушка говорила ей, что она не имѣетъ права такъ клясть дѣвочку и желать ея смерти! Но Аграфена этому кощунственно не вѣрила и, скребя ногтями свои локти, отвѣчала:

— Что еще за право надо, когда я ей родительница! Возьму ее да и убью!

— И судиться будешь.

— Ну такъ и что жъ такое!

— Тебя не помилуютъ.

— Да и не надобно!.. И такъ-то ужъ у васъ надоѣло!

И проговоривъ это съ дерзостью, Аграфена нетерпѣливо повернулась и ушла.

Ее не останавливали: ея однодворчество было для нея все равно, что «римское гражданство».

Матушка сказала, чтобы ей простили шматокъ тѣста и не попрекали ее этимъ, и тѣмъ дѣло о шматкѣ въ господскомъ домѣ было окончено, но въ птичной избѣ, гдѣ пекли хлѣбы, оно продолжалось и окончилось только наканунѣ Николина дня (5 декабря), когда четырехлѣтняя Васёнка была найдена надъ птичною избой возлѣ трубы, въ гнѣздильной плетушкѣ, и совершенно закоченѣвшая. А нашла Васёнку опять та же Агашка, которая въ этотъ разъ была послана ключницею наверхъ птичной избы обобрать въ покинутыхъ галочьихъ гнѣздахъ забытыя «подкладухи» (каменныя яички). Тутъ Агашка, шаря въ полутьмѣ руками подъ застрѣхою, нащупала въ заиндевѣвшемъ хворостѣ что-то такое, что̀ инстинктивно показалось ей чрезвычайно страшнымъ. Агашка вскрикнула и, не попавъ на приставную лѣстницу, свалилась прямо съ потолка избы на полъ сѣней, а когда прибѣжала въ горницу, то заговорила, что «на птичной избѣ подъ застрѣхой въ хворостинахъ, близко къ трубѣ, сидитъ что-то страшное». Тогда послали на верхъ взрослую дѣвушку съ фонаремъ — и та нашла тамъ Васёнку... Дѣвочка была въ одной рубашкѣ и босая, но ножки обвертѣла хлопочками, которые нашла въ выставленномъ сюда изъ избы плетеномъ гнѣздѣ, на которомъ въ свое время сидѣли на яйцахъ насѣдки. Васёнка подвинула одно изъ такихъ гнѣздъ подъ застрѣху, усѣлась въ него, а головкою прислонилась къ заиндевѣвшимъ хворостинным

рѣшетинамъ соломенной кровли и такъ закоченѣла, но она еще была жива, и когда ее принесли въ избу, она даже какъ будто бы смотрѣла, но только глазки у нея были «какъ сонные».

Когда ее принесли въ избу, то сейчасъ же прибѣжали въ господскій домъ сказать объ этомъ случаѣ барынѣ. Это, разумѣется, произвело смятеніе, въ которомъ всякій по-своему обнаруживалъ свою находчивость. А такъ какъ это произошло въ то время, когда мы только отпили утренній чай и матушка перемывала въ полоскательницѣ чайныя чашки, посерединѣ которыхъ стоялъ чайникъ со спитымъ чаемъ и съ двумя кусочками сахару, составлявшими «положенье» для няни и ключницы, то матушка велѣла отнести этотъ чай въ птичную и сама поспѣшила туда же, а за нею, въ общей суматохѣ, проникли туда и мы.

Тамъ мы увидѣли, что наша мать и нѣсколько женщинъ стояли вокругъ Аннушки, которая сидѣла на скамейкѣ и держала на колѣняхъ застывшую дѣвочку, а матушка, нагнувшись къ ней, старалась влить Васёнкѣ въ ротикъ съ ложечки чаю.

Стоя близко къ самому центру дѣйствія, я видѣлъ, какъ матушка достигла чего хотѣла,— она влила въ ротикъ Васёнки чайную ложечку тепловатаго чаю, и дѣвочка этотъ чай какъ будто проглотила, но вдругъ на губкахъ у дитяти что-то запѣнилось и затѣмъ все вылилось вонъ, а въ горлышкѣ что-то щелкнуло и въ животикѣ забурчало.

Аннушка ослабила руки, которыми держала ребенка, и, вскинувъ на матушку испуганными глазами, прошептала:

— Отходитъ!

Послали какъ можно скорѣе принести изъ матушкина образника плисовую шапочку угодника Митрофанія, но когда стали ее надѣвать на головку Васёнки, увидали, что она уже умерла.

Шапочку однако все-таки надѣли, и Анна въ этой же шапочкѣ положила дѣвочку на лавку подъ образъ, а возлѣ нея поставили ковшикъ съ водою, чтобы «душка ея обмылась».

Это для меня было трогательно и занимательно, потому что до этой поры я еще не былъ при разлученіи человѣческой души съ тѣломъ, и я не ожидалъ, чтобы это происходило такъ просто.

Аграфены во все это время дома не было: она ходила на деревню къ своей бѣдной сестрѣ-солдаткѣ, которая тоже умирала.

Матушка послала за Аграфеной, а сама ушла, но я притаился и остался въ птичной.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Этотъ первый случай, «какъ духъ уходилъ, и никто не видѣлъ, куда онъ идетъ», врѣзался у меня въ памяти на всю мою жизнь, и тихая «смёрточка» тихой Васёнки тогда вдругъ показалась мнѣ страшнымъ укоромъ, вставшимъ противъ самыхъ близкихъ и дорогихъ мнѣ людей, до которыхъ сердце мое не желало бы допустить никакой укоризны. Я бросился въ уголъ, гдѣ стояли гуспныя гнѣзда, и горько заплакалъ о Васёнкѣ... Я все вспоминалъ, какъ, бывало, зайдешь въ эту избу, среди дня, когда она жарко натоплена и въ ней стоитъ густой запахъ свѣже-испеченаго хлѣба,— караваи хлѣба лежатъ на столѣ, покрытые бѣлымъ закатникомъ, въ кошелкахъ гогочутъ гуси и тикаютъ цыплятки, а Аграфены нѣтъ, и только одна терпѣливая Васёнка лежитъ на грязной постели подъ грубымъ веретьемъ и смотритъ тихо и безропотно или вдругъ скажетъ:

— Мамки нѣтъ... она ушодцы!—и сама снова умолкнетъ, и опять лежитъ тихо-претихо.

Теперь она уже совсѣмъ умолкла и затихла навѣки. Ей теперь хорошо; но сколько она должна была перестрадать и перемучиться, пока застыла подъ застрѣхой! Какой ужасъ! И что такое могло ее побудить оставить постельку, на которой она всегда такъ терпѣливо лежала, и лѣзть на холодный чердакъ, чтобы тамъ закоченѣть въ страшной стужѣ?

Я былъ твердо увѣренъ, что тутъ есть какая-то тайна, которую отгадать страшно, и получилъ въ этомъ еще бо̀ль-

шее удостовѣреніе, когда въ избу съ надворья, въ облакѣ морознаго пара, вошла вдова Аграфена.

Она посмотрѣла на свою умершую дѣвочку и на всѣхъ, которые ее укладывали «подъ святые», и молча, съ совершенно безчувственнымъ лицомъ, пошла въ противуположную сторону къ печи и стала грѣть возлѣ нея руки.

Въ это время опять вошла матушка, неся въ рукахъ дѣтскую рубашечку съ голубою лентою. Увидя Аграфену, матушка тронула ее за плечо и сердито показала ей на мертваго ребенка.

Аграфена посмотрѣла и опять ни слова не отвѣчала.

— Видишь или нѣтъ?—строго спросила матушка, и только тутъ Аграфена отвѣтила ей дерзко:

— Что̀ видѣть-то?.. Ну и вижу!

— Это твой вѣдь ребенокъ?

— Ну и мой! Что жъ такое? Былъ мой, а теперь пускай будетъ Божій! Господь его принялъ, и слава Богу.

— Ты безчувственная!

— Ну такъ что-жъ такое хоть и безчувственная!.. Богъ взялъ дитя—что̀ тутъ еще чувствовать! Его воля.

Матушка покачала головою и, погрозивъ Аграфенѣ пальцемъ, вышла и унесла съ собою на груди шапочку Митрофанія; а какъ только барыня ушла—Аграфена подошла къ дѣвушкамъ и, обхвативъ ихъ всѣхъ трехъ сразу одной охапкой, толкнула къ дверямъ и сказала:

— Сгиньте, доносчицы!

Я не трогался и не шевелился.

Аграфена меня не замѣчала: она стала возлѣ Васёнки, послюнила пальцы и этими пальцами разгладила ей на лобикѣ ея льняные волоса, потомъ вдругъ икнула, опустилась на лавку, и у нея полились слезы; но это было не долго: она вытерла лицо грязной тряпкой и подошла къ стоявшей въ углу коробьѣ.

Здѣсь она увидала меня и, казалось, немного удивилась, но однако не сказала мнѣ ни слова, а, порывшись въ коробьѣ, достала оттуда конецъ полотна, нитки и наперстокъ

и пошла къ столу, чтобы что-то кроить, но въ это время въ избу вбѣжала дѣвочка Агашка и сказала, что мать моя сама пришлетъ Васёнкѣ саванъ и покровецъ.

Аграфена ничего не отвѣтила, но завернула нитки и ножницы опять въ полотно и снова все это положила въ коробью, и тутъ, нагнувшись надъ коробьею, вдругъ зарыдала.

Я робко приблизился къ ней и, самъ плачучи, обвилъ руками ея шею, но она меня отодвинула и сказала:

— Не замай! не замай! — и опять заголосила.

Мнѣ показалось страшно съ нею оставаться, и я пошелъ домой, гдѣ теперь всѣ были заняты судьбою Васёнки и притомъ всякій по-своему: матушка отрѣзала холстъ на саванъ Васёнкѣ, а дѣвушки шили эту никогда до той поры мною невиданную вещь «на живую нитку». Матушка каждой изъ нихъ напоминала, чтобы непремѣнно шить «на живую нитку».

Я очень интересовался, почему дѣвушки должны были шить на живую нитку, когда имъ въ другихъ случаяхъ такое шитье ставилось въ вину, и мнѣ объяснили, что это такое правило, что «на мертвыхъ всегда надо шить на живую нитку».

Я тогда былъ въ такомъ возрастѣ, когда дѣти «набираются впечатлѣній», и все новое меня очень интересовало.

Я давно слыхалъ слово «саванъ» и привыкъ чувствовать въ его звукѣ что-то зловѣщее, но никогда савана не видалъ, и теперь напрасно всматривался, какъ его шили, потому что ничего не могъ разобрать въ кучкѣ полотна, которая вертѣлась у швеи на колѣняхъ; но потомъ мнѣ удалось его увидать. Когда большія дѣвушки пошли обѣдать, рѣзвая дѣвчонка Роська, остававшаяся дежурной по дѣвичьей комнатѣ, наложила Васёнкинъ саванъ на себя и стала передъ отворенными дверями въ нашу дѣтскую, такъ что мы ее увидали, и сначала мнѣ показалось, будто я вижу «козу», которая ходитъ плясать съ медвѣдями, но по-

томъ я понялъ, что это и есть саванъ... Я испугался и, закричавъ отчаяннымъ голосомъ, убѣжалъ къ старшимъ.

Васёнку я не видалъ въ ея погребальномъ уборѣ, приготовленномъ для нея на живую нитку; но когда я легъ спать, то, прежде чѣмъ заснуть, мнѣ привелось услыхать разъясненіе, какъ она попала на чердакъ. Всему дѣлу виновницею оказалась ея мать, Аграфена, или, точнѣе сказать, ея «сибирный карахтеръ» (такъ доносила матушкѣ старостиха Домна). «Аграфена узгордилась, чтобы никто на нее не смѣлъ думать, что она дочкѣ шматокъ тѣста отъ господской дежки беретъ». И она будто Васёнку взяла и выгнала, чтобы та шла въ общую людскую избу, пока хлѣбъ выспится, а сама Аграфена къ сестрѣ на деревню пошла и тамъ задержалась, потому что сестрѣ горшокъ накидывала; а Васёнка побоялась идти въ людскую избу, потому что тамъ въ сѣняхъ бѣлая телка, которая бодалась, и спряталась на чердакъ въ гнѣзда и тамъ застыла.

И Васёнку схоронили, а на Аграфену не сердились, и даже, когда подходилъ Васёнкѣ девятый день, Аграфенѣ велѣли выдать полпуда муки на блины и приказали дать ей лошадь, чтобы она могла поѣхать съ сыномъ своимъ, девятилѣтнимъ Егоркою, на кладбище; но Аграфена муку взяла и отнесла ее на деревню къ сестрѣ, а на лошади не поѣхала, а пошла съ Егоркою пѣшкомъ, хотя день былъ прескверный: холодъ и метель.

Пошли они утромъ, но не возвратились засвѣтло, а метель разыгралась, и думали, что вдова съ сыномъ остались переждать погоду у кого-нибудь изъ дьячковъ. Но на другой день ее не нашли на Поповкѣ, а потомъ и ее, и сына отыскали въ овражкѣ—мать съ сыномъ сидѣли обнявшись и оба замерзли.

Повидимому, они шли домой и сбились съ дороги; но нѣкоторые думали, что Аграфена нарочно заморозила сына, чтобы его «ослобонить».

Истину въ этомъ дѣлѣ открыть было невозможно, и дьячокъ Меркурій, которому заказывали дѣлать надписи на крестахъ,

написалъ на крестѣ, покрывшемъ семейство горделивой Аграфены: «Боговинися душа».

Никто не могъ понять въ точности, что̀ такое это значило, но всѣ находили, что это «что-то значитъ».

А дьячокъ Меркурій только кивалъ значительно головою и произносилъ: «гмъ!» — а внятнѣе ничего не сказывалъ.

Смерть Васёнки, Аграфены и Егорки была первымъ трагическимъ случаемъ изъ всѣхъ событій голодной зимы въ нашей деревнѣ, но драма эта совершилась втайнѣ и «предана волѣ Божіей».

Другія событія, которыя я припоминаю, случились позже и не такъ близко, какъ это. Но здѣсь еще надо вставить отрывокъ о хитромъ помѣщикѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Хитрый помѣщикъ былъ не кто иной, какъ майоръ Алымовъ, о которомъ вскользь уже упомянуто. Его почему-то не называли по имени и отчеству, а титуловали *по чину:* «майоръ». Онъ былъ молодой, холостой, бравый, сильный, плечистый, съ огромнѣйшими черными усами «въ-розметъ» и съ бойкими, но непріятными манерами дурного тона, которыми онъ и оттолкнулъ отъ себя сосѣда-моряка при молебнѣ о дождѣ для земли алчущей.

Алымовъ служилъ въ какомъ-то полку и вышелъ въ отставку по какой-то «исторіи». Это, должно-быть, имѣло общественное значеніе, потому что при всякомъ случаѣ, когда мои родители знакомили съ кѣмъ-нибудь майора Алымова, то непремѣнно къ громко произнесенной рекомендаціи его прибавляли потише, что онъ «вышелъ по исторіи». Майоръ былъ холостъ и постоянно «лыталъ и судьбы пыталъ» или, проще сказать — искалъ выгодныхъ невѣстъ для законнаго брака, а до устройства себѣ искомаго семейнаго положенія онъ жилъ одинъ въ своей небольшой деревушкѣ, гдѣ у него былъ очень скромный до-

микъ, въ пять комнатъ, и вся усадьба, устроенная его матерью «по-однодворчески», а не по-дворянски. То-есть, домикъ у Алымова былъ построенъ однимъ фасадомъ въ садъ, гдѣ не было никакихъ иныхъ деревьевъ, кромѣ фруктовыхъ, а всѣми другими тремя сторонами этотъ домикъ выходилъ во дворъ, обнесенный всѣми хозяйственными службами, — закутами, сараями, амбарами и амбарушками.

Такой способъ постройки въ нашихъ мѣстахъ назывался «въ кольцо» и имѣлъ ту выгоду, что и люди, и животныя— всѣ были у хозяина передъ глазами; но зато кромѣ ихъ уже ничего другого видно не было.

Отъ этого на такихъ усадьбахъ не ходитъ вѣтеръ, — тепло, хозяйственно и очень скучно.

Алымовъ, по выходѣ въ отставку, уже нѣсколько лѣтъ сидѣлъ на этой усадьбѣ и велъ свое небольшое хозяйство аккуратно, почему у него было довольно всего, что только нужно въ его положеніи домовитаго холостого помѣщика и «женишка». А женишокъ этотъ, по памятному мнѣ опредѣленію моей няньки, былъ притомъ человѣкъ «довольно будто простенькій, но и довольно будто хитренькій». Онъ, напримѣръ, не подражалъ большинству помѣщиковъ, которые бывали часто очень требовательны къ своимъ людямъ и за всякую неисполнительность наказывали ихъ сурово и даже жестоко. Алымовъ хотѣлъ быть «добрымъ бариномъ»; онъ хотѣлъ «жить такъ, чтобы въ деревнѣ ему своихъ людей нечего было бояться», и «чтобы люди его хвалили». Но онъ достигъ только одной половины этой программы, т. е. онъ у себя въ домѣ своихъ людей нимало не боялся, но похвалъ себѣ отъ нихъ не дождался, а люди его говорили о немъ, что онъ «шишимора».

Алымовъ былъ очень скупъ и изъ-за скупости будто бы и не женился, а только все сватался и на жениховскомъ положеніи ѣздилъ изъ одного помѣщичьяго дома въ другой, заставляя принимавшихъ его хозяевъ кормить его, съ кучеромъ, казачкомъ «Валеткой», тройкою лоша-

дей и лягавою собакою, которая называлась «Интендантъ». Она была замѣчательна тѣмъ, что вездѣ умѣла отыскивать съѣстные припасы и вездѣ ихъ очень ловко крала.

У Алымова, также какъ и у насъ, въ этотъ годъ не уродилось въ поляхъ ничего, и надо было купить ржи, чтобы засѣять озимыя поля—свои и крестьянскія.

Это требовало большихъ расходовъ, и притомъ это была такая надобность, которой нельзя было отвести; но Алымовъ, однако, съ этимъ справился: онъ уѣхалъ изъ дома въ самый сѣвъ и возвратился домой «по грудкамъ» когда земля уже замерзла и была запорошена мелкимъ снѣгомъ. А чтобы не нести покоръ на своей душѣ, что онъ бросилъ крестьянъ на жертву безкормицы, онъ ихъ утѣшилъ:

— Братцы!—сказалъ онъ «своимъ людишкамъ» по возвращеніи:—я объ васъ хлопоталъ,—хотѣлъ найти озимыхъ сѣмянъ, да не нашелъ; но вы какъ-нибудь перебьетесь... Не правда ли? Я нашелъ отличныя сѣмена *яровой ржи* и купилъ цѣлыхъ десять четвертей. По осени ихъ везти неспособно было изъ Дмитровки, а теперь готовьтесь: какъ санный путь встанетъ—поѣзжайте на пяти подводахъ, берите по двѣ четверти на лошадь и привозите домой, ссыплемъ въ одинъ мой амбаръ, а по веснѣ, что̀ Богъ дастъ,—запашемъ и засѣемъ всѣ земли — мои и ваши, и будетъ чудесно... не правда ли?

Мужики отвѣчали:—Можетъ, и правда! А сами подумали: «Вѣрно, брешетъ, — вѣрно, что-нибудь крутитъ, шиши-мора!»—однако поѣхали и яровую рожь привезли.

А какая она такая будетъ и годится ли—то̀ имъ было не вѣдомо, и потому они дѣлали все это съ неудовольствіемъ.

Прибыли на дворъ, выпрягли лошадей и оставили рожь на санкахъ,—ссыпать было поздно.

А когда пришли ссыпать на другой день, то увидали нѣчто необыкновенное: господинъ ихъ захотѣлъ Божье зерно все перепортить.

Алымовъ начиталъ въ «Трудахъ Экономическаго Общества» что-то необыкновенное о «навозной жижѣ», въ которой рекомендовалось мочить сѣмена и потомъ ихъ высушить, и отъ посѣва такихъ сѣмянъ урожай бываетъ отмѣнный.

Шишимора сейчасъ же устроилъ у себя на скотной избѣ ящикъ, величиною въ два большихъ корыта,—навелъ тамъ жижицы на мѣшаномъ конскомъ и иномъ пометѣ и велѣлъ въ немъ «зерно макать да просушивать», и тогда только въ амбаръ ссыпать.

Затѣя эта мужикамъ очень не понравилась и показалась глупою, а оттого и руки у нихъ не поднимались, чтобы «добро не знамо въ чемъ мочить»; но дѣлать было нечего—власть господская выше, и мужики своему «шишиморѣ» повиновались, все помочили, обсушили и ссыпали,—амбаръ заперли и ключъ ему принесли и у самыхъ образовъ на стѣнку повѣсили. А шишимора сейчасъ же опять велѣлъ заложить свою тройку въ сани, взялъ казачка Валетку и собаку «Интенданта» и поѣхалъ свататься на цѣлую зиму. И выѣздъ этотъ онъ производилъ съ повсемѣстнымъ успѣхомъ, которому очень помогала его «продувная штука», «какъ онъ оплёлъ мужиковъ».

Оплетаніе же заключалось въ томъ, что яровая рожь, припасенная на сѣмя, была «припоганена» посредствомъ замачиванья ея въ навозной жижѣ, и что теперь за эту рожь уже бояться нечего, такъ какъ мужики ее, «поганую» отъ мочки въ навозѣ, на снѣдь уже не украдутъ.

— А что же они зимой будутъ ѣсть?—спрашивали майора.

— Сдѣлайте вашу милость!—отвѣчалъ Алымовъ,—объ нихъ, пожалуйста, не безпокойтесь! Они свое дѣло знаютъ. Но я ихъ, впрочемъ, *такъ* не оставляю: я имъ сказалъ: «Братцы! вѣдь это всего только до весны... вы до весны какъ-нибудь перебейтесь!» Они, не безпокойтесь: они перебьются!

И всѣмъ это казалось очень забавнымъ: люди съ воображеніемъ представляли себѣ—какъ тамъ у него мужики при-

дутъ къ амбару, гдѣ ссыпана рожь, маканная въ навозной жижѣ, и понюхаютъ они, чѣмъ пахнетъ, и увидятъ, что рожь есть, а ѣсть ее нельзя... Вотъ и смѣхъ! Не правда ли?—вотъ они и пойдутъ прочь и «какъ-нибудь перебьются».

Этого человѣка не презирали и не порицали, а напротивъ находили его шишиморскій поступокъ очень забавнымъ, и продолжали всюду принимать Алымова и кормить его. Но мы теперь оставимъ майора путешествовать изъ дома въ домъ, а сами посмотримъ, какъ обходились и что̀ выдумывали тѣ, кому было предоставлено: «какъ-нибудь перебиваться».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Передъ Рождествомъ Христовымъ прошла молва, что началось людоѣдство. Извѣстно, что и въ 1892 году въ деревняхъ объ этомъ пробовали говорить; но теперь писаря и старшины читаютъ газеты и знаютъ, что о такихъ событіяхъ пишется, а потому ложь скоро опровергается; но тогда было другое дѣло. Пришелъ кто-то откуда-то и сталъ сказывать, будто бы съ отчаянія и съ голоду люди убиваютъ другихъ людей и варятъ ихъ въ золовыхъ корчагахъ и съѣдаютъ. По преимуществу такія продѣлки приписывали матерямъ, которыя будто бы дѣлали это изъ состраданія. Глядитъ-глядитъ, будто бы, мать на своихъ дѣтей, какъ они мучатся голодомъ, и заманитъ къ себѣ чьего-нибудь чужого ребенка, и зарѣжетъ его, и сваритъ, и накормитъ своихъ дѣтей «убоиной». Указывали даже очень недалекія селенія, гдѣ, будто, навѣрное совершились всѣ такія происшествія, и описывали подробности этихъ случаевъ. Такъ, въ одномъ селѣ, которое было отъ насъ въ десяти верстахъ, одна баба будто бы долго терзалась, глядя на томленіе умиравшихъ отъ голода четырехъ дѣтей, да и говоритъ имъ съ вечера въ потемочкахъ (огня въ деревняхъ тогда многіе по-бѣдности «не свѣтили»):

— Спите, дѣтки мои, голубяточки, и если вы спать будете, то я вамъ завтра сварю убоинки.

Старшая изъ дѣтей этой бабы уже понимала нужду своего бѣднаго житья и говоритъ:

— Гдѣ же ты, мамка, возьмешь намъ убоинки?

А мать отвѣчаетъ:

— Это не ваше дѣло: вы уже только засните, а я побѣгу либо у кого-нибудь выпрошу, либо впотьмахъ у волка вырву.

Дѣвочка и раздумалась о томъ, какъ мать будетъ впотьмахъ у волка изъ зубовъ мясо вырывать, и говоритъ:

— Страшно, мамушка!

А баба отвѣчаетъ:

— Ничего не страшно: спите! Вотъ какъ вы не спите да голосите, такъ мнѣ это гораздо страшнѣе!

А было это какъ разъ въ сочельникъ.

Дѣти же у бабы были погодочки—всѣ малъ-мала-меньше: старшей дѣвочкѣ исполнилось только пять лѣтъ, а остальныя всѣ меньше, и самый младшій мальчишка былъ у нея у грудей. Этотъ ужъ едва жилъ—такъ онъ извелся, тянувши напрасно изсохшую материну грудь, въ которой отъ голода совсѣмъ и молока не было. Очевидно, что грудной ребенокъ неминуемо долженъ было скоро умереть голодною смертью, и вотъ на него-то мать и возымѣла ужасное намѣреніе, о которомъ я передамъ такъ, какъ о немъ разсказывали въ самомъ народѣ.

Какъ только баба обманомъ угомонила дѣтей и ея старшіе ребятишки уснули съ голоднымъ брюхомъ, она взяла своего грудного мальчика, дрожавшаго въ ветошкахъ, положила его къ себѣ на колѣни и дала ему въ ротикъ грудь, а возлѣ себя положила на столъ хлѣбный ножикъ. Изнуренный ребенокъ, несмотря на свою усталость, взялся за грудь, но какъ молока въ груди не было, то онъ только защелкалъ губенками и сейчасъ же опять оторвался и запищалъ... Тогда мать пощекотала у него пальцемъ подъ шейкой, чтобы онъ поднялъ головку, а другою взяла ножъ и перерѣзала ему горло.

Убивъ дитя, она будто сейчасъ же положила его въ ночвы,

а потомъ разняла на части, посовала въ горшокъ и поставила въ печку, чтобы мясо сварилось, а «утробку» на загнѣткѣ въ золѣ сожгла, и ночвы и столъ вымыла, и тогда побудила старшую дѣвочку и сказала ей:

— Вотъ тутъ въ печи стоитъ горшокъ варится... Въ немъ, гляди, для васъ полно убоины... достаньте его и все мясушко съѣшьте, ничего не оставляйте. Слышишь ли?

Дѣвочка говоритъ:

— Мамушка рòдная! ты зачѣмъ же одна въ кусочки пойдешь, когда у насъ убоинка варена! Съѣшь убоинки!

Но мать только поблѣднѣла и руками замахала:

— Нѣтъ,—говоритъ,—я не хочу—вы одни ѣшьте!—и съ этимъ толкнула дверь ногой и ушла.

А дѣвочка сейчасъ же высунула смками горшокъ изъ печи, перебудила своихъ младшихъ,—сѣли за столъ и начали ѣсть.

И всего своего братца они съѣли бы безъ остаточка, но только кому-то изъ нихъ къ концу стола попалась нераскинувшаяся въ кипяткѣ ручка или ножка ребенка, и они по этой ножкѣ или ручкѣ узнали, что ѣдятъ «человѣчину»...

Тутъ они бросились бѣжать вонъ изъ избы, но только что отворили дверь, какъ смотрятъ—мать ихъ въ сѣнцахъ виситъ удавившись, подцѣпивъ веревку за рѣшетину въ снятой крышѣ.

Въ другомъ же селѣ вышло будто дѣло еще страшнѣе: тамъ будто бы «внучки съѣли свою бабушку».

Объ эти новости принесъ въ деревню и разсказывалъ всѣмъ на удивленье и на страхъ сухорукій Ефимъ, у котораго было особенное, очень пріятное положеніе. Его называли «прощенникъ», потому что онъ когда-то, еще при прежнихъ господахъ, сдѣлалъ очень большой грѣхъ: укралъ и одинъ, ни съ кѣмъ не подѣлясь, съѣлъ цѣлый артосъ, и за это онъ былъ три года скорченъ, но потомъ госпожа ѣздила куда-то къ святынѣ и возила этого Ефима съ собой, и онъ тамъ исцѣлился. «Богъ его простилъ»: корча отъ него была отнята, но для памяти о его грѣхѣ у него рука усохла,

такъ что работать ему было невозможно. Съ тѣхъ поръ Ефимъ не жилъ осѣдло, а все ходилъ по святымъ мѣстамъ, «молился и презвищалъ». Ефимъ былъ мастеръ разсказывать, но въ основѣ его разсказовъ часто бывало много вздора и вралъ онъ ничѣмъ не стѣсняясь, какъ будто ему и не было прощенія. Точно такъ же онъ навралъ и о сваренномъ ребенкѣ, и о старухѣ, которую съѣли внучки. Но навралъ онъ не все отъ своего ума, а взялъ нѣчто и отъ другихъ людей, среди которыхъ оба эти разсказа сложились эпически, и въ основу ихъ фабулы легли нѣкоторыя дѣйствительныя происшествія, которыя въ ихъ натуральной простотѣ были гораздо болѣе ужасны, чѣмъ весь приведенный вымыселъ съ Ефимовой раскраской.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ дѣйствительности было вотъ что: довольно далеко отъ насъ, — верстъ болѣе чѣмъ за сто, — была деревня, гдѣ крестьяне такъ же голодали, какъ и у насъ, и тоже всѣ ходили побираться кто куда попало. А такъ какъ въ ближнихъ къ нимъ окрестныхъ селеніяхъ нигдѣ хлѣба не было, то многіе крестьяне отбивались отъ дома въ дальнія мѣста и разбредались цѣлыми семьями, оставляя при избѣ какую-нибудь старуху или дѣвчонку, которой «покидали на пропитаніе» ранѣе собранныхъ «кусочковъ».

Одна изъ такихъ крестьянскихъ семей, удалившись въ поборъ, оставила въ избѣ дѣвочку лѣтъ тринадцати, которую съ собою нельзя было взять, потому что она недомогала, и притомъ у нея совсѣмъ не было ни обуви, ни одежи.

Ей «покинули» сколько могли корочекъ и охапки три хворосту, чтобы она могла имъ понемножку топить избу, и оставили ее на волю Божью. Несчастная абандона коротала дни одинокая въ пустой и почти холодной избѣ, для согрѣванія которой было очень мало топлива. Она сидѣла днемъ подъ окошечкомъ, пряла какую-то посконь и

томилась и отъ голода, и отъ стужи, и отъ немощи, и отъ одиночества, и въ этомъ положеніи ее навѣщала только одна подруга,—такихъ же лѣтъ дѣвочка изъ сосѣдней избы. Разумѣется, и эта дѣвочка была такая же бѣдная, но та, первая—была тихая и покорная, а эта, вторая—очень бойкая и, какъ увидимъ, слишкомъ предпріимчивая.

Она и надѣлала бѣдъ, изъ которыхъ сложились потомъ разнообразныя легенды, ходившія по округу и еще сохраняемыя, можетъ-быть, и доселѣ.

У этой, второй дѣвочки-«озорницы» недавно умерла мать, и отецъ ея отложилъ новую женитьбу «до урожая», а пока онъ самъ уходилъ побираться съ двумя мальчиками, а «озорницу» онъ жалѣлъ таскать, потому что ей было не во что одѣться.

Ей также «покидали кусочковъ и топливца», и она оставалась «при избѣ». А какъ одной въ избѣ сидѣть скучно, то «озорница» приходила скучать къ смирной сосѣдкѣ.

Вдвоемъ имъ было веселѣе и теплѣе и дни коротать, и ночь спать.

Дѣвочки ладили между собою, несмотря на то, что рѣзвая, приходя къ тихой, не давала ей покоя и не разъ ее забижала; но это все было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что она одинъ разъ устроила.

Однажды, въ холодный и солнечный день, утромъ, когда обѣ дѣвочки встали,—хворая хозяйка начала набивать хворостомъ печь, а озорница убѣжала «свою избу провѣдать» и долго не возвращалась; но потомъ хворая слышитъ, что кто-то отворилъ дверь, которая вела съ надворья въ сѣни, и сейчасъ же въ сѣняхъ послышалось блеяніе ягненка.

Немощная дѣвочка удивилась, потому что во всемъ ихъ концѣ деревни давно уже ни ноги овечьей въ живыхъ не осталось, и ягненку взяться было неоткуда. Уцѣлѣло же нѣсколько овецъ только у двухъ «богатѣевъ», но это было въ дворахъ на противоположномъ концѣ деревни. Оттуда сюда забѣжать ягненку было далеко, да и незачѣмъ.

Но однако больной ясно было, что у нея въ сѣняхъ есть

ягненокъ, и что онъ пришелъ туда не своею охотою, а его кто-то тащитъ и въ то же время запираетъ за собою дверь съ надворья.

Больная стоитъ у печи и смотритъ на дверь, а дверь вдругъ распахнулась и съ клубомъ холоднаго облака врывается въ избу сосѣдняя озорница, а передъ собою толкаетъ маленькаго черненькаго ягненочка.

Больная спросила ее:

— Чей это баранчикъ?

А озорница ей отвѣчаетъ:

— Развѣ не видишь, что мой!?

— Нѣтъ, исправди чей?

— Да вотъ исправди и есть, что мой.

— Чего ты врешь!

— Ничего не вру: въ моихъ рукахъ, такъ стало-быть мой. Давай мнѣ, дѣвушка, поскорѣй ножъ — я его зарѣжу!

Та удивилась.

— Что ты,—говоритъ,— выдумала!.. Уйди ты!

— Ну, какъ же, такъ я сейчасъ и ушла!—поддразнила озорница, и добавила:—Мы эту барашку сейчасъ обдеремъ и спечемъ, и ѣсть будемъ.

А сама увидала въ эту минуту на столѣ хлѣбный ножъ, схватила его, зажала барашка въ колѣни и перерѣзала ему горло.

Хворая было-бросилась, чтобы отнять барашка, да уже поздно было: барашекъ трепеталъ и фыркалъ кровью.

Дѣвочки побранились, и хозяйка хотѣла выгнать гостью вонъ изъ избы вмѣстѣ съ зарѣзаннымъ ягненкомъ; но озорница ее не послушалась и не пошла вонъ, а схватила изъподъ лавки рогожу и хотѣла закрыть ею окно, чтобы никто случайно не заглянулъ въ это окно и не увидалъ, что̀ тутъ дѣлается; но едва она зацѣпила на веретено одинъ уголъ рогожи, какъ замѣтила, что къ окну снаружи прильнуло дѣтское лицо въ огромной шапкѣ, и шепелявый полудѣтскій голосъ проговорилъ:

— А я все видѣлъ, что̀ вы, сибирныя, сдѣлали!

Робкая хозяйка такъ и замерла, а бойкая виновница всего происшествія дала ей знакъ, чтобы она молчала, а сама закричала на говорившаго:

— Анъ, врешь, ты ничего и не видалъ!

— А вотъ же, убей меня Богъ, видѣлъ!—отвѣчалъ мальчикъ, въ которомъ обѣ дѣвочки теперь могли узнать картаваго хозяйскаго сына изъ того самаго двора, чьего ягненка озорница заколола.

— Ну, а если видѣлъ — такъ скажи: что же ты видѣлъ?..—переговаривалась она, продолжая держать противъ окна рогожу.

— Я видѣлъ, что вы нашего ягненка зарѣзали, — отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну вотъ ты и врешь!

— Нѣтъ, видѣлъ... я сейчасъ побѣгу и тятькѣ скажу.

Тутъ озорница не стала больше спорить, а перемѣнила тонъ:

— Нѣтъ, ты слушай... ты, хорошій мальчикъ, этого пустого не сказывай!

— Анъ, скажу... Зачѣмъ вы зарѣзали!?

— Да на посмотри,—барашекъ живъ еще.

— Не ври, не ври! Я видѣлъ, какъ ты на него верхомъ сѣла, да по горлу его полоснула!..

— Ну, а вотъ поди же, посмотри,—онъ живъ.

— А зачѣмъ онъ не кричитъ?

— А зачѣмъ ему кричать, когда ему хорошо. Бяшка! бяшка! Ишь, смотри... хвостикомъ махаетъ! Поди посмотри, какъ ему хорошо,—тебѣ и самому такъ захочется.

Мальчикъ хотѣлъ посмотрѣть въ окно, но дѣвочка не отвела рогожи, а упорно звала его въ избу.

— Поди,—говорила она,—поди сюда въ избу... Ишь ты какой молодчикъ! И чья это только на тебѣ такая шапка ухастая?

— Шапка дѣдкина.

— То-то, ты въ ней ишь... какъ купецъ пригожій. Она у тебя, гляди, въ середкѣ-то еще, должно-быть, пуховая?

— Съ перьями.

— То-то я и вижу, что изъ нея изъ середки перо куриное лѣзетъ... Поди, я тебѣ эту дырку въ шапкѣ иглой зашью.

— Ненадобно.

— Отчего жъ такъ ненадобно? Иди, дурачокъ, — я зашью.

— Свои бабы зашьютъ.

Дѣвчонка бойко его передразнила:

— «Свои бабы зашьютъ»... Легко ли радость какая въ своихъ бабахъ! Къ намъ иди—у насъ лучше.

— Ненадобно.

— Зарядилъ одно: «ненадобно»! Иди, говорю тебѣ,— увидишь, что надобно будетъ.

Мальчикъ сталъ водить по снѣгу хворостиною и, заминаясь, повторилъ:

— А что будетъ?

— Хорошо поиграемъ съ тобою... Иди скорѣе!

Мальчикъ еще больше заколебался и глухо протянулъ:

— Не надо было барана рѣзать... Зачѣмъ зарѣзала?

— Да полно тебѣ все про одно, дуракъ!.. Иди... я за тебя замужъ выйду, а она будетъ свахою, а потомъ я тебя на ней женю... Иди... хорошо поиграемся.

Маленькая сирена восторжествовала, и еще меньшій сатиръ, въ дѣдкиной шапкѣ на куриномъ перѣ, будто нехотя, поползъ къ двери избы, куда его поманили на обѣщанныя забавы, а чуть только онъ отворилъ дверь и перелѣзъ черезъ порогъ въ дѣдкиномъ треухѣ и съ огромною хворостиною, озорная дѣвочка сейчасъ же схватила его за руку и говоритъ:

— На-ка, игрунокъ, смотри-ка, гдѣ вашъ ягненокъ-то!

— А гдѣ же онъ?

— Вонъ, вонъ, гляди, онъ сигаетъ вверху на полочкѣ!

Мальчикъ этотъ былъ моложе обѣихъ дѣвочекъ, — ему всего было лѣтъ десять, но онъ понималъ, что барашекъ не птица и что ему на полицѣ быть не пристало; однако

мальчикъ поднялъ вверхъ голову, а дѣвочка въ ту же секунду нахлобучила ему шапку до подбородка, воткнула ему въ горло ножикъ и толкнула его колѣномъ въ спину такъ сильно, что онъ упалъ ницъ, и ножикъ еще глубже вонзился въ его горло.

Мальчикъ лежалъ ницъ, замирая въ тихихъ, но сильныхъ содроганіяхъ и захлебываясь собственною горячею кровью, которая лилась изъ раны прямо въ шапку и, наполняя ее, быстро задушила его черезъ ротъ и ноздри. Онъ не вскрикнулъ и даже не подалъ стона, и можно сказать—былъ убитъ мастерски, да и самъ себя велъ молодецки: придя сюда поиграть въ мужья, онъ въ самомъ дѣлѣ велъ себя мужественно—не плакалъ и не жаловался на женское предательство, а лежалъ какъ жертва коварства и любви, распластавъ руки въ-размётъ въ разныя стороны и не выпуская изъ крѣпко сжатой ладони орѣховой хворостины.

Какъ шелъ на свиданіе, такъ и умеръ во всей своей пышной представительности.

Больная дѣвочка, увидя такое происшествіе, заголосила и хотѣла выбѣжать изъ избы, но гостья погрозила и ей ножомъ и сказала:

— Чего ты боишься?.. Онъ самъ наткнулся. Хотѣлъ играть—вотъ и поигралъ... Слушай меня, а то и тебѣ то же будетъ. Пихай больше хворосту въ печь... Мы этого мальчёнку сожжемъ—и знать ничего не будутъ, а барашка спечемъ и поѣдимъ убоины.

Больная дѣвочка, дрожа отъ страха, стала исполнять распоряженія своей гостьи: онѣ съ очень большимъ трудомъ запихали убитаго мальчика въ печь, потому что растопыренныя руки ребенка и хворостина, которую дѣвочки никакъ не могли вырвать изъ окоченѣвшей руки, давали мальчику самооборону; онъ растопырился въ самомъ устьѣ печи и не хотѣлъ лѣзть, такъ что съ нимъ съ мертвымъ пришлось бороться и драться. Только послѣ многихъ трудовъ и усилій его, наконецъ, одолѣли и пропихали въ

печь, и завалили его хворостомъ, и зажгли этотъ хворостъ, а потомъ принялись свѣжевать барана; но дѣло это тоже пришлось имъ не по силамъ.

Чтобы снять кожу съ убитаго животнаго, для этого нужно извѣстное умѣнье, котораго у дѣвочекъ не было, и притомъ онѣ сдѣлали упущеніе, давъ трупу барашка закоченѣть, послѣ чего освѣжевать его стало еще труднѣе. А потому онѣ все перепортили и бросили, а откромсали кое-какъ, вмѣстѣ со шкурою, одну ляжку и принялись ее печь безъ всякой приправы и въ той же самой печи, гдѣ теперь сожигался убитый мальчикъ.

Мальчикъ горѣлъ запихнутый въ печь подальше, а баранья ляжка пеклась въ той же печи, только поближе къ устью, и у загнѣтки стояла робкая дѣвочка-хозяйка, подбивая къ огню хворостъ, а озорная гостья убирала хату, т.-е. засыпала соромъ и золою кровь, пролитую на земляной полъ, и металась, не зная куда сбыть съ глазъ долой выпущенную изъ барана утробу.

Въ концѣ она рѣшила закопать ее подъ лавкою, и принялась за это дѣло.

Простота всѣхъ побужденій и пріемовъ этого двойного и прогрессивно восходившаго преступленія двухъ малолѣтнихъ была изумительна! Обѣ дѣвочки убивали и прятали слѣды своего преступленія чисто по-дѣтски, — точно будто играючи... И пока на дворѣ былъ свѣтъ, онѣ чувствовали себя бодро; но когда короткій зимній день померкнулъ, на нихъ тотчасъ же напалъ страхъ и онѣ стали соображать, что печку пора бы закрыть и избу «укутать», но этого нельзя было сдѣлать, потому что мальчикъ еще далеко не сгорѣлъ, и казалось, что онъ будто даже и не горитъ, а словно онъ еще живъ, и въ пылавшемъ хворостѣ «ёжится». Дѣвочки старались избавиться отъ него какъ можно скорѣе и спѣшили набивать въ печь новаго топлива, и не замѣтили, какъ сожгли весь бывшій у нихъ запасъ хвороста, и печь угрожала потухнуть; а между тѣмъ въ домѣ, гдѣ пропали баранчикъ и мальчикъ, къ ночи хватились того

и другого и начали ихъ искать по дворамъ, при чемъ искавшіе пришли и въ избу, гдѣ были дѣвчонки, и преступленіе ихъ было открыто: убитаго мальчика отыскали «по гари», т.-е. по пригорѣлому запаху изъ печи.

Барашекъ былъ еще цѣлъ подъ лавкою, а въ печи подъ пепломъ нашли обгорѣлое туловище ребенка, отъ котораго даже не отпали ни голова, ни оконечности. Дѣвочки во всемъ признались и были отправлены въ острогъ, а изъ того, что онѣ сдѣлали, посредствомъ пересказа изъ устъ въ уста, составилась та басня, которую принесъ къ намъ въ деревню исцѣленный Ефимка.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Другой изъ разсказовъ Ефимки о томъ, будто «внучки живую бабку съѣли», имѣлъ въ основѣ своей иное, трогательное происшествіе: въ вольномъ селѣ Мотыляхъ доживала вѣкъ одинокая старушка, которая много лѣтъ провела въ господскихъ и купеческихъ домахъ, въ нянюшкахъ, и «нажила капиталъ»—цѣлую тысячу рублей (ассигнаціями, т.-е. на нынѣшнія деньги около 280 руб.).

Подъ старость ей стало тяжело няньчить хозяйскихъ дѣтей, и она захотѣла уйти «на покой», для чего и рѣшила уѣхать изъ города въ то село, откуда была родомъ, и гдѣ у нея оставались еще какіе-то родственники.

Опытные люди отговаривали ее отъ этого: они представляли ей давно извѣстную опасность, — что тѣмъ, кто жизнь прожилъ въ городѣ, въ старыхъ лѣтахъ возвращаться въ село не безопасно. Про такого человѣка сейчасъ прославятъ, что онъ богачъ или она «богатѣя», и тогда того и гляди, что кто-нибудь изъ родныхъ «соскучится дожидаться» и «приспѣшитъ смерти»; но старуху предупреждали напрасно — она этого дѣльнаго предостереженія не послушалась.

— Легкое ли дѣло, что у меня за богатство! — разсуждала она.—Мѣстечко у міра выпрошу, сколько-нибудь до-

негъ на вино для старичковъ испою, а потомъ избенку себѣ поставлю, да коровенку куплю,—вотъ всего ничего у меня и останется на овсяный кисель да на еловую домовину... За что меня и убить-то?.. И грѣха взять не стоитъ!

Такъ она и съѣхала изъ Орла, отъ своихъ почтенныхъ купцовъ, на деревню, пропоила старичкамъ три ведерка вина, получила мѣсто для хаты, построила избу, завела коровенку и стала жить.

Старушка была хорошая и добрая; она привѣчала всѣхъ и давала отъ своей коровки молочка безкоровнымъ ребятишкамъ, а особенно ласкала дочерей своей племянницы, изъ которыхъ одна, самая младшая, была ея любимицею.

Эту дѣвочку старушка совсѣмъ забрала къ себѣ жить и обѣщала отказать ей по смерти своей и избу, и корову, и «все богатѣйство».

А сколько было того «всего богатѣйства»,—то было не считано и «не смѣтно».

Когда насталъ голодный годъ, къ старушкѣ стало приходить такъ много ребятишекъ, что она не могла уже всѣмъ имъ дать молока отъ своей коровы. Тремъ-четыремъ дастъ, а больше и нѣтъ,—и самой похлебать ничего не оставалось. Не привыкла старушка отказывать, да дѣлать нечего—поневолѣ отказываетъ, и бѣдные ребятишки отходятъ съ пустыми плошками... А такіе они все жалкіе, испитые, даже и не плачутъ, а только глядятъ жадно... Думать о нихъ больно. И не знаетъ старушка, какъ ей быть и какъ между всѣми молочко дѣлить...

Но вдругъ все это ея затрудненіе сразу покончилось: въ одну изъ темныхъ зимнихъ ночей, передъ праздникомъ, кто-то увелъ изъ сѣней ея корову, и слѣды ея на улицѣ съ другими такими же слѣдами попутались, и стало негдѣ искать коровы.

Старуха не согласилась и явку подавать,—сказала:

— Боюся я, не поклепать бы невиннаго!

Говорили ей, будто коровка ея по частямъ разнята и

солится въ корчагахъ на большой дорогѣ у постоялаго дворика, но старуха таки выдержала себя—не жаловалась.

Щуняли ее и племянники, и попъ при встрѣчѣ ей выговаривалъ, что нехорошо не заявлять,—что «кто вору потакаетъ, тотъ самъ если и не тать, то на ту же стать»; но старушка все отвела тѣмъ, что «Богъ все знаетъ,— а она не письмённая!»

Теперь она осталась при одномъ киселѣ и не уставала киселемъ дѣлиться, но и это по тогдашней всеобщей нуждѣ много значило, и стало это безпокоить старушкину племянницу.

— Кормитъ-де она мою дѣвочку и обѣщала ей отказать избу и корову, а вотъ коровы уже и нѣтути. Того гляди, то же самое выйдетъ и со всѣмъ ея богачествомъ. Все она истравитъ на чужихъ ребятъ, а тогда мнѣ съ моими дѣтями ужъ ничего и не останется... Лучше бы она, старушка, сдѣлала, если бы теперь поскорѣй померла!.. Чего ей?.. вѣдь ужъ пожила! А то все будетъ жить да раздавать, и раздастъ все такъ, что послѣ, какъ помретъ, то и попу за похороны дать будетъ нечего, — еще съ нею съ мертвою-то тогда и наплачешься.

И стала племянницька о своей теткѣ все больше печалиться и даже начала говорить ей:

— Ты то̀ вздумай-ка, баунька, что ты вѣдь уже старъ-человѣкъ...

— Стара, дитятко!

— Гляди, ужъ тебѣ еще немного на свѣтѣ маяться.

— День мой—вѣкъ мой, касатка.

— То-то и есть, а осталось бы, на что тебя схоронить и чѣмъ помянуть.

А старуха вдругъ оказалась невозмутимо беззаботною:

— И-ихъ-ма!—говоритъ:— есть про что сгадывать! Умру, такъ похоронятъ, наверху земли валяться не оставятъ!

Такъ солдаткѣ и не удалось унять старуху отъ того, чтобы она никого чужихъ дѣтей не привѣчала, а благодѣтельствовала киселемъ только однимъ ея солдаткинымъ дѣ-

тямъ, и задумала солдатка поправить это на другой манеръ,—пришла къ старухѣ въ сумерки и стала опять плакаться:

— Ходила, — говоритъ, — я нынче весь день, — страсть какъ иззябла вся: въ трехъ деревняхъ была, а трехъ ломтей жмыховаго хлѣба не выпросила... Вездѣ говорятъ: «Богъ подастъ,—сами втроемъ въ поборъ ушли...»

— Тяжко, болѣзная! — отозвалась старушка. — Всѣмъ равно сослано нонѣ тяжко отъ Господа!

А солдатка отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, баунька, не всѣмъ равно, — вотъ у тебя еще есть!

— Да; пока еще малость есть... да ужъ теперь... осталось немножечко.

— Что это?.. Денежекъ что-ль остается-то у тебя немножечко?

— Да-а... денежекъ!.. Немножечко!

— А что же ты будешь дѣлать, когда все сойдетъ?

— Когда все сойдетъ-то, что̀ буду тогда дѣлать?

— Да.

— А не знаю еще... не думала.

— Какъ же такъ!.. Надо думать... смерть-то вѣдь за плечами!

— А знамо дѣло, что за плечами; да что думать-то... думать-то нечего! Ничего, касатка моя, не выдумаешь... Только и есть на свѣтѣ всѣхъ помогаевъ, что одинъ Господь-Батюшка... Онъ же вѣдь зато и милостивъ!.. И-и-ихъ сколь милостивъ!.. Можетъ, Онъ дастъ... по своей милости, еще и такъ со мною сотворитъ, что я еще всего и что есть, и того не доѣмъ, а Онъ и по мою по душу пошлетъ,— вотъ ничего думать тогда и не стоитъ.

— Это хорошо, бабушка, какъ помрешь!

— А то что жъ!.. Я то и говорю... Богъ съ милостью! Онъ создаетъ хорошо: помру, и ничего мнѣ не надобно!

— А если какъ все изведешь да не помрешь?

— Ну такъ что жъ такое: я тогда себѣ средство найду.

— А какое же теперь средство, когда изо всякаго двора всѣ сами въ поборъ тронулись, и не знать, у кого можно корку выпросить.

— Ну это такъ только въ деревняхъ въ однѣхъ... издыхаютъ-то!.. да!.. въ деревняхъ въ однѣхъ... А въ городахъ-то, касатка, не такъ... тамъ хлѣбъ-то есть у купцовъ... Тамъ припасено у купцовъ-то... всего... гляди-ко сколько!..

— Что жъ ты, въ городъ что ли хочешь?

— А что жъ! въ городъ сойду... Къ хозяевамъ-то къ старымъ приду, да и попрошусь на кухнѣ жить... Пустятъ!.. Неужли-таки выгонятъ?!. Чай, не выгонятъ... Проживу пока надобно.

— То-то,—отвѣчаетъ солдатка,—вотъ оттого ты такая и щедрая, что тебѣ хорошо.

— Да, — говоритъ старуха, — мнѣ, касатка, всю жизнь мою все жилось хорошо. Я не щедрая, а... хорошо мнѣ.

— А намъ-то вотъ худо, а не хорошо.

— Потерпѣть надо, касатушка! Ноньче всѣ терпятъ... Голодный годъ насталъ!

— Поди-ко ребята-то воютъ, такъ не утерпишь... и самому ѣсть хочется... въ животѣ какъ веретеномъ сучитъ... Намъ хуже собакъ... тѣ падло лопаютъ, да еще насъ за лытки рвутъ... Вонъ меня искусали всю!

— Надо съ палочкой.

Тутъ нетерпѣливая племянница на тетку и осердилась, что та все ей совѣты даетъ, когда той такъ горько жить!

— Перестань,—говоритъ,—ты мнѣ тоску отводить; черезъ эти твои слова еще хуже мнѣ; вѣдь у насъ знакомыхъ купцовъ нѣтъ, намъ идти не къ кому, а ты вонъ еще мою дѣвчонку всю избаловала.

— Ну зачѣмъ пустое говорить: чѣмъ я ее избаловала?

— Какъ же чѣмъ?.. все ее чистымъ хлѣбомъ кормила и побираться не пущала!

— Что-жъ, гдѣ ей побираться, когда она махонькая!.. А ты ее отпусти со мной: я и ее съ собой въ городъ

сведу... у меня есть тамъ хозяева добрые... мои выняньченные; они велятъ намъ съ ней и вдвоемъ жить... будемъ вдвоемъ садиться съ прислугами.

— А другія-то мои дѣтушки мнѣ, думаешь, развѣ не жалобны?—говоритъ солдатка.

Тутъ старушка и задумалась.

— Другія!—говоритъ:—Да... вотъ то-то и есть... Еще и другія есть!

Развела руки и опять задумалась, и стала сама къ себѣ втишь приговаривать:

— Охъ, охъ-охъ-охъ!.. Одни да и другія есть... да и много ихъ... Вотъ и горюшко! А что̀ сдѣлать-то?

А солдатка, не долго думая, отвѣчаетъ ей:

— А ты не знаешь, баунька, что̀ сдѣлать?

— Не знаю, касатынька.

— Вотъ то-то и оно.

— А ты развѣ знаешь что-нибудь?

— Я знаю.

— Такъ ты скажи.

Солдатка задумалась, словъ у нея не находилось для выраженія того, что̀ она придумала.

И старушка молчитъ.

Тягостно-тягостно стало въ темной избѣ, какъ будто сатана взошелъ.

Старушка вздохнула и сказала:

— Встань-ка, касатка, подойди къ печкѣ, вздуй огня.

А племянница ей грубо отвѣтила:

— А на что тебѣ огонь,—вовсе не надобно.

— Какъ же не надобно... темно совсѣмъ.

— Ну такъ что-жъ, что темно?.. Ноньче... всѣ безъ огня... Ложися спать, баунька!

— Да зачѣмъ же такъ... въ потьмахъ... Надо стать Богу помолиться.

— Ну и помолись, баунька.

Та не поняла или не разслышала и переспросила:

— Что, матушка?

— Помолись, говорю, баунька.

— Да что ты меня торопишь—придетъ часъ, такъ и помолюсь.

— Нѣтъ, баунька. часъ ужъ пришелъ — скорѣй молись.

— Да что ты пристала!.. Я стану ложиться спать — помолюсь... Ступай-ка домой, а ко мнѣ дѣвку ночевать посылай, мы съ нею станемъ ложиться спать и помолимся.

Тогда солдатка видитъ, что бабушка безтолкова, и потому ей еще менѣе причины оставаться въ живыхъ, и сказала ей на чистоту:

— Нѣтъ, ты къ себѣ мою дѣвку не жди, она не придетъ.

— Отчего не придетъ?

— А оттого, баунька, что къ тебѣ твой конецъ пришелъ. Если не хочешь молиться—такъ и такъ будь тебѣ легкая смёртушка.

Старуха стала приподниматься и спросила:

— Что?..

— Прощай, баунька! — Солдатка всхлипнула, обняла старуху, поцѣловала ее и сказала:

— Теперь помирай!

— Что ты это... я не хочу!—и старушка безсильно замахала руками.

— Нѣтъ ужъ все одно... помирай!

И съ этими словами солдатка опрокинула «бауньку» на ея же кроватку, накрыла ей лицо подушкою, да надавила своей грудью полегонечку, но потомъ сама вдругъ громко вскрикнула и начала тискать старуху безъ милосердія, а руками ее за руки держала, «чтобы трепетанія не было».

(Такъ это все съ большою подробностью сама солдатка разсказала при слѣдствіи.)

«Баунька» послѣ этого почила скоро, а убійцею сейчасъ же былъ сдѣланъ въ имуществѣ убитой самый внимательный розыскъ; но «всѣхъ денегъ» у богачихи въ шерстяномъ пагленкѣ въ коробьѣ найдено полтора рубля, и больше ничего у этой богачихи не было.

Въ этомъ и заключались ея «всѣ деньги», о которыхъ она съ обстоятельностью разсуждала за пару минутъ до опредѣленной ей «легкой смёртушки».

Но смёртушка бауньки, какъ ни старалась ее облегчить добрая племянница, — все-таки, видно, трудновата пришлась ей.

Когда разсвѣло на другой день, солдатка взяла съ собою любимую внучку покойной и пошла вмѣстѣ съ нею навѣстить бабушку, и нашли ее, разумѣется, мертвою, а лицо у нея синее и руки въ пятнахъ, а глаза выпучены и языкъ наружѣ, длиннѣй Аллилуева.

Дѣвчонка какъ увидала это, такъ сейчасъ затряслася и замерла, а мать говоритъ ей «не своимъ голосомъ»:

— Ничего не шкни... убью!.. Говори: гдѣ у нея были ножницы?

Дѣвчоночка, дрожа, показала молча ручонкою на коробью, въ которую уже вчера еще лазила солдатка за деньгами.

Теперь она опять открыла эту коробью, въ которой было все перерыто, и перебросавъ еще больше лежавшія тамъ ветошки и тряпочки, нашла на днѣ коробьи безручныя ножницы, которыми стригутъ овецъ, и, схвативъ ихъ въ дрожащія руки, подошла къ мертвой и отрѣзала у нея выдающійся конецъ языка; но отъ этого языкъ наружѣ какъ будто нимало не уменьшился, а только сталъ еще безобразнѣе.

Солдатка взглянула на свою работу, взяла за руку дѣвочку и пошла къ сотскому,—вошла тихо, помолилась на образъ и сказала:

— Вяжи мнѣ руки!

— Что тебѣ, дура, попритчилось что-ли? — спросилъ сотскій.

— Нѣтъ, вяжи руки: я бабку убила.

— Врешь на себя!

— Нѣтъ, не вру,—отвѣчала солдатка и, сѣвши на лавку, раскрыла свою грудь и сказала:—На-ко-сь, глядите-ка —

вотъ онѣ тяпочки... Это когда я ее вчера душить стала, такъ она меня зубами за титьку тяпнула.

Тогда пошли и удостовѣрились, и увидали, что солдатка говорила правду, и связали ей руки и увезли ее въ станъ, а оттуда—«куда дѣла требуютъ».

Черезъ годъ ее били кнутомъ въ Орлѣ на Ильинской площади. Она была еще молоденькая и очень хорошо сложенная. Ей дали пятнадцать ударовъ и растерзали ей до кости всѣ бока и спину, но она не потеряла чувствъ и за каждымъ ударомъ вскрикивала: «Понапрасно страдаю!» А когда ее сняли съ деревянной кобылы и она увидала на своей свиткѣ набросанныя мѣдныя деньги, то заплакала и сказала:

— Не надо мнѣ ничего, сошлите все въ деревню на церковь.

О дѣтяхъ своихъ она, можетъ-быть, позабыла.

И такихъ преступленій, поразительныхъ по несложности ихъ замысловъ и по простотѣ и холодности ихъ выполненія, было слышно очень много, и очень значительное число ихъ остались неизслѣдованными и даже неизвѣстными далѣе своего околотка. Становые пристава за всѣмъ услѣдить не могли; «корреспондентовъ» тогда еще не водилось, а въ губернскихъ вѣдомостяхъ всѣ новости состояли изъ распоряженій начальства о перемѣщеніи и увольненіи чиновниковъ и, въ видѣ особенно интересныхъ случаевъ, объ отдачѣ ихъ подъ судъ.

Особенно поразительна была холодность и какая-то легкомысленная жестокость въ дѣйствіяхъ, затѣвавшихся съ голода. Въ сосѣднемъ съ нами селѣ пастухъ Игнашка съ подпаскомъ, напримѣръ, захотѣли «ѣсть убонну», и съ этой цѣлью сами, вдвоемъ, отлучили одну исправную тѣломъ овцу отъ стада и сволокли ее въ лѣсной оврагъ, чтобы туть зарѣзать и начать ее ѣсть; а на деревнѣ сказать, что ее волкъ съѣлъ. Но, спустясь въ оврагъ, они вздумали, что всей овцы имъ за одинъ день не съѣсть, а недоѣденное мясо протухнетъ и пропадетъ даромъ. Тогда они

порѣшили овцу не зарѣзывать, а связать ее и *отрѣзать* у нея у живой столько мяса, сколько имъ на день нужно, а остальная овца пусть лежитъ и дожидается. Они такъ и начали,—отрѣзали у живой овцы «четверть», спекли ее и съѣли, а остальное оставили въ оврагѣ,—а сюда пришелъ въ самомъ дѣлѣ волкъ и прекратилъ терзательныя мученія овцы, и сволокъ и сожралъ ее всю безъ остатка, а пастухи, не найдя овцы на другой день, заподозрили другъ друга въ кражѣ, подрались и другъ друга выдали. Игнашку прозвали «живорѣзомъ».

Женскій полъ, какъ замужнія, такъ и незамужнія, продавали свои труды ни по чемъ: въ услуги или на работу поденно охотно набивались «изъ-за прокорму», но и на этихъ условіяхъ въ деревняхъ мѣста нельзя было найти. Духовенство набрало себѣ безплатныхъ батраковъ и батрачекъ, но только въ потребномъ числѣ, а предложеніе услугъ было безмѣрно. Цѣна же женскихъ издѣлій была невѣроятная: «конецъ холста» продавали за полтину мѣдью (7 аршинъ за 14 копѣекъ), «початокъ пряжи» — за мѣдную гривну (3 коп.), и фунтъ хлѣба стоилъ 3 коп. Покупали все это грабительскимъ образомъ торгаши, которыхъ называютъ «кошатниками» или «кошкодралами». Они покупаютъ кошекъ и тутъ же ихъ убиваютъ о колесную шину телѣги или о головашку саней. Цѣна кошки черной и сѣрой — гривна, а пестрой—пятакъ мѣди. Этимъ же кошкодраламъ бабы и дѣвки тогда продавали «свою дѣвичью красу», т.-е. свои волосы, и весьма часто свою женскую честь, цѣна на которую, за обиліемъ предложенія пала до того, что женщины и дѣвочки, иногда самыя молоденькія, предлагали себя сами, безъ особой приплаты, «въ придачу къ кошкѣ». Если кошатникъ не хотѣлъ брать дрянную кошку, то продавщица стонала: «купи, дяденька, хорошій мой: я къ тебѣ въ сумерки къ колодцу выйду». Но кошатники были этимъ добромъ изобильны, и не на всякую «придачу» льстились; они цинически разсказывали, что имъ теперь хорошо, потому что «кошка стоитъ грошъ *вмѣстѣ съ хозяйкою*». Ко-

шачья шкура была товаръ, а хозяйка—придачею. И этотъ взглядъ на женщину уже не обижалъ ее: обижаться было некогда; мученья голода были слишкомъ страшны. Съ этимъ же взглядомъ освоивались и подростки-дѣвочки, которыя отдавали себя въ такомъ возрастѣ, когда еще не переставали быть дѣтьми... Вообще крестьянскія женщины тогда продавали свою честь въ нашихъ мѣстахъ за всякую предложенную цѣну, начиная съ мѣдной гривны, но покупатели въ деревняхъ были рѣдки. Болѣе предпріимчивыя и приглядныя бабы уходили въ города «къ колодцамъ». И у себя въ деревняхъ молодыя бабы выходили вечерами постоять у колодцевъ,—особенно у такихъ, на которые подворачиваютъ проѣздомъ напоить коней обратные ямщики, прасолы или кошкодралы, и тутъ въ сѣрой мглѣ повторялось все то, что было и въ оны дни у колодца Лаванова. Здѣсь взаимно омрачала другъ друга и старость, и юность, и все это буквально за то, чтобы «не околѣть съ голода»... Не могу теперь ясно отвѣтить, почему сельскія женщины и въ городахъ мѣстами своихъ жертвоприношеній избирали «колодцы», у которыхъ онѣ и собирались и стояли кучками съ сумерекъ. Можетъ-быть, въ другихъ пунктахъ ихъ прогоняли горожанки. Особенно въ этомъ отношеніи въ Орлѣ прославились крытые колодцы у Михаила Архангела и Плаутинъ. Кромѣ того, множество женщинъ ютилось по пустымъ баркамъ, зазимовавшимъ во льду между Баннымъ мостомъ и мужскимъ монастыремъ и его слободкою. Срамъ это былъ открытый, но его какъ-то не вмѣняли въ преступленіе. Старшія семьянинки не только отпускали молодыхъ на вѣдомое дѣло, но еще склоняли къ тому, говоря: «чего такъ-то сидѣть: надо сойти въ городъ у колодца *раздобыться*». А молодыхъ не нужно было много уговаривать: правила ихъ всегда были шатки, а голодъ—плохой другъ добродѣтели. Молодайки уходили, мало таясь въ томъ, на что онѣ надѣются, и бойкія изъ нихъ часто прямо говорили: «чѣмъ голодать — лучше срамъ принять». Когда онѣ возвращались отъ колодцевъ, ихъ не осмѣивали

и не укоряли, а просто разсказывали: «такая-то пришла... въ городу у колодца стояла... разъѣлась—стала гладкая!»*)

Кромѣ «гладкости» или сытости тѣла, ничто другое не принималось и въ соображеніе. Всѣ высшія цѣли бытія человѣческаго словно перестали существовать.

---

*) Чтобы имѣть ясное понятіе, какъ относился къ этому «міръ», стоитъ припомнить, какъ относились къ своему «стоянію» тѣ, кто претерпѣлъ его ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ. Когда я посѣтилъ родныя мѣста года черезъ три послѣ благословеннаго дня «освобожденія», мнѣ привелось посѣтить съ однимъ изъ мировыхъ посредниковъ прекрасную сельскую больницу, въ которой «по усердію» трудилась въ чёрныхъ работахъ пожилая женщина, очень крупнаго роста, по имени Стеха. Она же ходила и на деревню «обмывать мертвыхъ», тоже не по нуждѣ и не за плату, а «по усердію». Ей было уже лѣтъ за пятьдесятъ и она была сильна, велика и смахивала немножко на мужика. У нея на деревнѣ было свое хозяйство — дворъ, скотина, земля, дѣти и внуки, и даже, кажется, правнуки. Пользовалась она у всѣхъ почетомъ,—говорили о ней: «Стеха души не убьетъ,—Стеха не совретъ,—Стеха справедливая». И всѣ знали, что она «угождаетъ больнымъ» и «покойниковъ убираетъ только для Господа, а ея душа чиста, какъ стаканъ свѣтится». А эта самая Стеха,—несомнѣнно имѣвшая всѣ тѣ добрыя качества, которыя ей приписывали,—разсказывала мнѣ о голодномъ годѣ при своей пожилой уже дочери и при взрослой дѣвушкѣ и внучкѣ, «ничего не прибавляючи и не отбавляючи», и въ этомъ разсказѣ прямо о всѣхъ своихъ сверстницахъ *и о себѣ* говорила: «всѣхъ насъ, милый, восемь бабенковъ молоденькихъ было, и всѣхъ насъ кошкодралы у колодца уговорили: «поѣдемте, говорятъ, мы васъ въ Орелъ свеземъ, тамъ у колодцевъ лучше здѣшняго».—«Мы всѣ, дуры, и повѣрили, и пошли, а хорошаго только и было, что прокормилися: ну, да вѣдь тогда большаго-то грѣхъ было и спрашивать». О нравственной сторонѣ «инцидента» Стеха будто вовсе не думала, а когда я наклонилъ вопросъ въ эту сторону и побудилъ ее выразить свое мнѣніе, — она покопала веретеномъ подъ головною повязкою и сказала: «Что говорить-то! Вѣдь голодная смерть страшнѣй сраму... Все же лучше было шкуру свою продать, чѣмъ душу».

А ужъ что она разумѣла подъ продажей души—этого я не знаю.

О достоинствѣ взглядовъ этой женщины я вообще не могу и не хочу судить, потому что боюсь какъ бы не согрѣшить передъ Стехой и другими ей подобными грѣшницами болѣе тяжело, чѣмъ вѣсятъ всѣ ихъ согрѣшенія передъ «Могущимъ спасти всѣхъ» (Іак. IV).

У насъ была молодая баба Калерка или Холерка (настоящее имя—Калерія). У нея была прегнусная свекровь, которая «ее сбила въ городъ», и она пошла «у колодцевъ стоять», но ей такъ не посчастливилось, что она ни добычи домой не принесла и сама не «послажѣла», а напротивъ «гнить стала» и сидѣла всѣмъ на ужасъ въ погожіе дни на пыльной дорогѣ, *безъ языка*, издавая страшную вонь и шипѣніе вмѣсто крика... Ей бросали корки издали, какъ злой собакѣ, и отбѣгали, закрывая себѣ носъ. А сказу о ней было только, что она «въ голодный годъ у колодца стояла». Эта Холерка наконецъ задавила себя поясомъ.

О такихъ дѣлахъ, бывало, «все доводятъ господамъ», но больше только для новости и пріятнаго развлеченія,—какъ фельетоны.

Въ большомъ напряженіи чувства мы пережили рождественскіе праздники и, зайдя за Крещеньевъ день, стали чувствовать, что нашей унылости какъ будто брезжится край. И почувствовалось это по весьма неважному и даже незначительному обстоятельству: отецъ спросилъ старосту:

— Что, Дементій, не слыхать ли чего новаго?

А староста, который давно давалъ мрачно одинъ отрицательный отвѣтъ, на этотъ разъ отвѣчалъ:

— Да вотъ на поповкѣ есть будто новость!

— А что тамъ такое случилось?

— Да вотъ Меркулъ оттуда заѣзжалъ и сказывалъ, что къ нимъ новый дьячокъ присланъ.

— Это на Аллилуево мѣсто?

— Да, во его званіе... И еще не совсѣмъ придѣленъ, а только пріукаженъ, для просмотрѣнія отъ отца Ипполита.

(Имя «Ипполитъ» для крестьянскаго произношенія было трудно, они находили удобнѣе приставлять Н.)

Отецъ спросилъ:—хорошъ ли новый дьячокъ?

А Дементій отвѣчаетъ:

— Ничего; Меркулъ сказывалъ—свистулой поетъ, но вопче, по благословію надо полагать, что не важный.

— А почему?

— Да ужъ если не сразу придѣленъ, а на время пріуказенъ, для присмотрѣнія должности, такъ стало-быть подъ владычнымъ сумлѣніемъ.

А черезъ нѣсколько дней тотъ же Дементій уже по собственному почину сообщилъ:

— Новый духовенный-то... я вамъ сказывалъ?

— Что же такое?

— Ничего не стоющій.

— Отчего?

— Совсѣмъ пустоплясъ!

— Да отчего?.. Что значитъ пустоплясъ?.. очень проворенъ что-ли?..

— Точно такъ. Пашкой звать.

— Отчего же ты его зовешь Пашкой, а не Павломъ?

— Не стоитъ онъ полнаго званія.

— Да чѣмъ же онъ такъ плохъ?

— Совсѣмъ никуда не годится.

Обстоятельство было не важное, а стало интересно, что за молодецъ къ намъ прибылъ «во мѣсто Аллилуя» и какое онъ займетъ у насъ «придѣленіе?»

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Прибывшій «во мѣсто Аллилуя» Павлушка-дьякъ былъ оригиналъ и всего менѣе человѣкъ «духовенный».—оттого онъ по свойствамъ своимъ такъ скоро и получилъ соотвѣтственное прозваніе «Пустоплясъ». Онъ былъ столь бѣденъ, что казался бѣднѣе всѣхъ людей на свѣтѣ, и по словамъ мужиковъ—пришелъ «не токма что голый, но ажно синій», и еще онъ привелъ съ собою мать, а въ рукахъ принесъ лубяной туезокъ да гармонію, на которой игралъ такъ, что у всѣхъ, кто его слушалъ—ноги сами поднимались въ плясъ.

Имущества у него не было никакого и денегъ ни гроша. Причтъ не зналъ, куда его дѣть, и помѣстили Павла и его

мать въ тѣсной сторожевой избушкѣ, вмѣстѣ со сторожемъ.

Мѣстными дознаніями было открыто, что Павлушкина мать была когда-то дьячихою, а потомъ ходила въ городѣ по стиркамъ, а иногда просила милостыни. Павелъ былъ ею воспитанъ въ тяжкой долѣ и могъ бы, кажется, постичь жизнь, но не удался,—«все клонилъ къ легкомысленности» и за то былъ исключенъ изъ третьяго класса и долго болтался «безъ придѣленія», и теперь онъ еще не былъ совсѣмъ опредѣленъ «во мѣсто Аллилуя», а пока только былъ еще *временно пріукаженъ*, что̀ выходило въ родѣ испытанія.

У насъ, впрочемъ, всѣ сразу стали увѣрять, что изъ этого пріукаженья ничего и не выйдетъ, потому что за очевидныя Пашкины малодушества отецъ Ипполитъ непремѣнно «въ отзывѣ его опорочитъ».

Павлуша и въ самомъ дѣлѣ «не потрафлялъ»: онъ читалъ скверно, невнятно и «скорохватомъ», и все «поспѣшалъ на *лукаваго*». Начнетъ «Отче нашъ» и зачаститъ такъ, что ничего нельзя разобрать, пока придетъ «отъ лукаваго». Такъ же и «Иже на всякое время» и прочее—все онъ «читалъ безъ понятія», но пѣть могъ, только гораздо охотнѣе пѣлъ свѣтское пѣніе, чѣмъ «духовное», и любилъ шутки строить надъ старшими.

На это сторожъ жаловался его матери, но та отвѣчала, что у него такой же былъ и отецъ, который былъ на хорошемъ мѣстѣ, а зашутился и пропалъ безъ вѣсти—слѣдовательно Павлу ужъ нечего и думать, чтобъ удержаться.

Павлушина мать была стара и имѣла пляску св. Витта, отчего она дергала лицомъ и при каждомъ судорожномъ движеніи издавала звукъ «фпт! фпт!».

За это ее назвали «Фаптея».

О Павлушѣ скоро дошли до насъ вѣсти, что онъ очень веселый, и вслѣдъ затѣмъ мы очень скоро убѣдились, что это правда.

Между нашею деревнею и деревнею майора Алымова (въ верстѣ отъ алымовской усадьбы) стоялъ одинокій дворъ однодворца Луки Кромсаева, или попросту Кромсая.

Кромсай этотъ подъ нѣкоторою личиною степенства и скромности былъ настоящій «шельма мужикъ» или «воръ-мужикъ»: онъ умѣлъ изъ всякаго положенія извлекать себѣ выгоды и жилъ скупо и одиноко, содержа свое семейство въ «страхѣ Божіемъ», т. е. колотилъ всѣхъ чѣмъ ни попало.

Онъ шинковалъ водочкой и бралъ подъ залогъ разныя вещи, отчего у него можно было найти кое-что такое, чего въ деревнѣ у другого не встрѣтишь. Такъ, между прочимъ, у него оказалась гитара, которая пришла къ нему давно и неизвѣстно откуда, и которую онъ давно не могъ никому «придѣлить»; но съ того момента, какъ Кромсай увидѣлъ Павла-дьячка, гитара нашла себѣ «придѣленіе».

Кромсай послушалъ игру Павла на гармоніи и сказалъ, что эта игра пристала кучерамъ, либо наемщикамъ, а что у него есть «струментъ»—гитара,—такъ вотъ это ужъ можно сказать что струментъ благородный—и притомъ онъ отдастъ его Павлу въ долгъ и за́-дешево.

Пустоплясъ сейчасъ же этимъ соблазнился—пошелъ къ Кромсаю и взялъ гитару, на которой еще уцѣлѣли четыре струны. Павлуша подстроилъ, какъ зналъ, эти четыре струны и заигралъ сначала у Кромсая, а потомъ, проходя мимо насъ, зашелъ въ людскую и тамъ привелъ всѣхъ въ восторгъ своею игрою и подпѣваньями.

Дѣвушки донесли матушкѣ, что онъ «такія штуки дѣлаетъ, что и смотрѣть нельзя».

А какъ мы тогда всѣ уже очень наскучалися, то вѣсть о веселомъ человѣкѣ показалась намъ заманчивою, и Павлуша-дьячокъ былъ приглашенъ въ комнаты, гдѣ дѣйствительно произвелъ очень значительныя вещи, которыя должны были свидѣтельствовать о его большихъ дарованіяхъ.

Онъ пѣлъ много веселаго и заунывнаго, и наконецъ далъ цѣлое представленіе во вкусѣ братьевъ Давенпортовъ, славу которыхъ онъ могъ бы упредить за цѣлыя сорокъ лѣтъ.

Павлуша, между прочимъ, представилъ у насъ съ гитарой комическую сцену, имѣвшую соотношеніе съ претерпѣваемымъ бѣдствіемъ, т. е. съ голодомъ,—и тѣмъ «заставилъ самое горе смѣяться». Для этого онъ сѣлъ въ темноватомъ концѣ комнаты на стулъ, взялъ свою гитару о четырехъ струнахъ и велѣлъ покрыть себя простынею.

И чуть только укрыли, какъ онъ требовалъ, такъ сейчасъ же изъ-подъ простыни запѣли *два* человѣка: сначала пѣла очень слабая и печальная старушка, а ей сразу бойко отвѣчалъ веселый старичокъ.

Старушка выпѣвала подъ грустный аккомпаниментъ:

«Дѣдушка-а, Си-идоръ Карпови-ичъ!
Да когда-жъ ты буде-ешь уми-рать?»

А дѣдъ превесело отвѣчалъ совсѣмъ другимъ голосомъ:

«Въ середу, бабушка,—въ середу,
Въ середу, Пахомьевна,—въ середу!

И дѣдъ не только пѣлъ, но онъ присвистывалъ и пощелкивалъ перстами, а бабка начинала хныкать и опять заводила:

«Чѣмъ тебя помина-ать?»

Дѣдъ отхватывалъ:

«Блинками, бабушка,—блинками,
Блинками, Пахомьевна,—блинками!»

И тутъ дѣдъ притопывалъ и соловьемъ свистѣлъ, а баба со слезами спрашивала:

«Гдѣ мучицы взять?»

Дѣдъ училъ:

«По-міру, бабушка,—по-міру,
По-міру, Пахомьевна,—по-міру».

И, разрѣшивъ эту задачу, дѣдъ хохоталъ и заливался, а когда старуха пропѣла съ ужасомъ, что «по міру собаки злы», то дѣдъ уже выбивалъ по гитарѣ трепака, а самъ пѣлъ:

«Съ палочкой, бабушка,—съ палочкой,
Съ палочкой, Пахомьевна,—съ палочкой!..»

Это Павлушино представленіе всѣхъ разугѣшило и сразу

же завоевало ему у насъ всеобщее благорасположеніе, въ силу котораго съ этихъ поръ въ нашемъ домѣ начали Павломъ интересоваться и угощать его.

А онъ къ намъ «на привѣтъ» заходилъ и принесъ съ собою нѣсколько веселыхъ минутъ, съ которыми мы, сидя въ сугробахъ и слыша однѣ жалобы на голодъ совсѣмъ было-разнакомились.

Павелъ принесъ первое обновленіе въ замершую жизнь, и бывалъ онъ у насъ нерѣдко, потому что съ того случая, какъ пріобрѣлъ гитару, онъ сталъ все ходить къ Кромсаю, и это моему отцу показалось нехорошо, и онъ сказалъ Павлушѣ:

— Ты Кромсая, смотри, берегись!:. Кромсай — воръ-мужикъ!

Но Павлуша за Кромсая заступался и говорилъ, что онъ его «дурному не научаетъ». И у нихъ съ Кромсаемъ завязалась тѣсная дружба, а къ тому же въ посту на Кромсая нашло благочестіе и рачительство: онъ пришелъ къ священнику и сказалъ, что вотъ у нихъ дома ни у кого хлѣба нѣтъ и муки къ Благовѣщенью собрать не у кого, и того гляди опять въ этотъ годъ придется безъ просвиръ сѣять; а потому Кромсай надумалъ — ѣхать на своей лошади къ роднымъ, въ сытыя мѣста, и тамъ муки напросить, а кстати самому въ городѣ отъ куричьей слѣпоты и отъ вередовъ лѣкарства попросить. Но какъ собирать муку на просфоры есть дѣло церковное, то Кромсай просилъ отпустить съ нимъ «во свидѣтеляхъ» дьячка Павла. Священникъ на это согласился, и они поѣхали вдвоемъ «въ сытыя мѣста» на четвертой недѣлѣ Великаго поста, но къ Благовѣщенію не возвратились. Ждали ихъ нетерпѣливо, но напрасно.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Ждали ихъ попустому до самаго праздника, но зато, какъ только отпѣли святую заутреню и попы стали въ рядъ посреди церкви съ лукошками, чтобы всѣ люди под-

ходили къ нимъ христосоваться и класть яйца, то вдругъ подошелъ съ желтымъ, въ лукѣ крашеннымъ яйцомъ и Кромсай.

— Христосъ воскресе, — говоритъ, — батюшка; держи яичко.

— Во истину воскресе!—отвѣчаетъ священникъ, и отъ радости, не выдержавъ, тутъ же сталъ его спрашивать:— Когда явился?

— А вотъ въ самую въ заутреню: когда ты звонить зачалъ, такъ я еще за лощиной былъ... Путался... Чуть, братъ, не залился.

— Ну-у! А Павелъ гдѣ-жъ?

— Ей-же ты Богу! Меринъ-то мой, насилу, братъ, выскочилъ!

— Скажи пожалуй!.. Ну, а Павелъ гдѣ-жъ?

— Его, братъ, ужъ нѣтути!

— А гдѣ же онъ?

— Онъ не пріѣхалъ.

Дальше говорить было нельзя, потому что это задерживало движеніе подходящихъ христосоваться крестьянъ, и дьяконъ, замѣтивъ непорядокъ, сказалъ: «не препятствуйте», а Кромсаю добавилъ: «Удались!» Тогда священникъ велѣлъ Кромсаю войти въ алтарь и подождать, пока онъ съ народомъ «отцѣлуется». И когда всѣ люди отцѣловались и священникъ сталъ въ алтарѣ разоблачаться, то Кромсай повѣдалъ ему, что «Павелъ въ городу остался».

— Для чего же онъ остался?

— Да вотъ... Сказалъ мнѣ: «ты, говоритъ, поѣзжай,— а я, говоритъ, останусь».

— А зачѣмъ?

— Потому, говоритъ, что мнѣ надо себѣ... другое придѣленіе.

— Ну, и ты его придѣлилъ?

— Не я, а онъ самъ придѣлился.

Священникъ подвелъ Кромсая къ окну, изъ котораго видны были могилки, и говоритъ:

— Всмотрись-ка да «помяни гро̀бы—они вѣчны до̀мы»: долго ли намъ жить-то остается?.. Куда ты Павлушку дѣлъ?

Кромсай понялъ, какое смущеніе запало въ душу священника, и отвѣчалъ ему съ широкой улыбкой:

— Что ты... Полно батя!.. Неужли ты думаешь, что я Павлуньку загубилъ? Живъ Павлунька!

— Ты подумай: у него мать Фаптея древняя. Если ей о сынѣ что-нибудь ужасное сказать—она помретъ!..

Но ужаснаго ничего не было.

Кромсай разсказалъ только слѣдующее: когда они съ Пустоплясомъ выѣхали, то Пустоплясъ будто «все на самого себя обижался». Что, говоритъ, дядя Кромсай, разсуди ты, какой я неахтительный, что никто меня очень не обожаетъ! И всего у меня средства только одна старушка есть, только къ ней къ одной у меня есть и жалость на землѣ,—такъ что ни для кого, какъ для нея, я бы даже и въ солдаты... Вѣдъ я могу на Кавказъ пойти и въ офицеры выйти». А Кромсай ему и помогъ начать всю эту карьеру; онъ свелъ его къ Николаю Андрееву Воробью, старинному орловскому маклеру, или «сводчику», а тотъ его какъ въ хороводъ завелъ и «опредѣлилъ идти по найму за бакалейщикова сына».

Священникъ, услыхавъ неожиданно такую развязку, молча присѣлъ на сундучокъ и только глаза на Кромсая выставилъ.

— Ну ты, говоритъ, братъ, жиганъ! не даромъ, видно, тебя воромъ кличутъ!

— А что же «кличутъ»!.. Кличутъ-то меня разно кличутъ, а у кого я что-нибудь укралъ? Анъ я ничего не укралъ, а живу честно и благородно. Павлунька не такъ пошелъ, а семьсотъ серебра получилъ деньгами, да что еще, братъ, гульбы было... Вотъ бы ты посмотрѣлъ!.. А онъ еще сто рублей прислалъ матери.

— Ну, лучше бы ужъ ты у него все послѣднее съ плечъ укралъ, чѣмъ этакое добро ему сдѣлалъ.

— Чего онъ хотѣлъ, то ему и сдѣлано... Чего ты на меня!..

— Ты, Кромсай, жиганъ, ты нехорошій, дурной человѣкъ!

— Что ты это?.. за что?.. Развѣ пропалъ Павлушка? Онъ пошелъ служить Богу и великому государю... Ты, сдѣлай милость, въ этомъ оставь меня!

— А сто рублей матери-то его... цѣлы у тебя?

— А ты почемъ знаешь?

— Вѣрно не цѣлы?

— Ну, если тебѣ открыто, то что же спорить... Не цѣлы!

— Вотъ вѣдь какая твоя совѣсть!

— Что же совѣсть!.. Я ихъ везъ и довезъ до самой лощины. А тутъ звонъ услыхалъ и въ зажоръ сѣлъ... Сдѣлай милость—это хоть и на тебя доведись: провались хоть и ты подъ снѣгъ, такъ небось все покинешь, а одну свою душу начнешь спасать! Меринъ биться сталъ... Я, братъ, весь растерялся: и два куля хлѣба при мнѣ были,—везъ на просвиры,—и тѣ оба тамъ въ зажорѣ погубилъ.

— Тамъ и деньги пропали?

— Все тамъ осталось. Тридцать рублей, которые везъ бумажками, тѣ какъ на крестѣ были привязаны, такъ они и уцѣлѣли, а семьдесятъ, которые были серебряными монетами: рубли и полтинники—съ сапогомъ вмѣстѣ снялись и иза-за голенища потонули.

Священникъ выслушалъ, поднялся съ мѣста и сказалъ Кромсаю:

— Ну да и подлецъ же ты!

— Хорошо, что хоть ты честный!—вздохнулъ Кромсай.

— Ну смотри же: вспомни мое слово—за это разразитъ тебя Богъ!

Это надъ Кромсаемъ очень скоро и исполнилось *).

---

*) Наемный замѣститель рекрута, которому слѣдовало идти въ службу по очереди или по жеребью, почитался въ народѣ за человѣка не только «пропащаго», но и *презрѣннаго*: о наемщикѣ никогда не говорили съ жалостью, а всегда, какъ о палачѣ, говорили съ омер-

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ никому не въ примѣту, съ какой стороны, взялась на небѣ сѣрая тучка и вдругъ начала темнѣть, расти и пучиться и расползлась страшно, принявъ такія очертанія, какъ баснословный пардъ или перуносный змѣй съ лапами, и полѣзло это чудище прямо-прямешенько на Кромсаевъ дворъ. Это всѣ видѣли. И какъ только туча надошла надъ Кромсаемъ, такъ она сейчасъ же сверкнула огнемъ и ударила прямо въ чуланъ, въ то мѣсто, гдѣ у Кромсая была примощена короватка, на ко-

---

зѣніемъ, и отъ солдатъ ему не было иной клички, какъ «продажная шкура». Имѣть общеніе съ наемщикомъ считалось такъ же противно, какъ имѣть общеніе съ палачомъ, которому, по мнѣнію простолюдиновъ, будто даже «не даютъ причастія». А какъ таково было всеобщее презрительное отношеніе къ этимъ людямъ, то, разумѣется, объ этомъ знали и сами тѣ, кто нанимался въ солдаты, и потому, за весьма рѣдкими исключеніями, это были «люди отчаянные»—зашалившіеся, загулявшіе, сбившіеся съ пути или чѣмъ-нибудь особливо несчастные, по какому-нибудь роковому стеченію семейныхъ обстоятельствъ стремившіеся къ погибели. Эти послѣдніе и составляли жалостное исключеніе, да къ ихъ числу можно еще придать «крѣпостныхъ», которые впрочемъ могли наниматься только съ согласія своихъ владѣльцевъ, и то послѣ рискованной процедуры съ освобожденіемъ ихъ на волю. Случалось, что вольный человѣкъ «выкупалъ крѣпостного» съ тѣмъ, чтобы онъ послѣ пошелъ въ рекруты за дѣтей этого капиталиста, выкупаемый крѣпостной обѣщался это исполнить, но, получивъ отпускную въ свои руки, отказывался отъ «охотничанія» и предлагалъ выкупщику отработать заплаченныя за него деньги, или—еще проще—благодарилъ его и уходилъ иногда съ обѣщаніемъ «помолить Бога», а еще чаще съ бранью и насмѣшкою. Нанявшійся же «распутникъ» съ распутства начиналъ и въ распутствѣ продолжалъ все время своего «сговора» съ хозяиномъ. Зачиналъ это въ Орлѣ пропащій парень съ того, что появлялся въ безобразномъ и всего вѣроятнѣе въ безумномъ состояніи, въ торговый день, (въ пятницу), на Ильинской площади и, остановясь у вѣсовъ, кричалъ громкимъ голосомъ: «*Жару!*». Его «схватывали *хваты*» и сейчасъ же «мчали» его въ близстоявшій «Подшиваловскій трактиръ» и сразу же «поддавали ему жару», то-есть поили его водкою и приглашали

Торой онъ спалъ, а подъ короваткой стояла у него завѣтная коробья, раскрашенная цвѣтами и подъ лакомъ. Все это такъ «феваркомъ и загорѣлося». Но при этомъ еще показалось удивительно, что изъ всего добра, которое тутъ было и которое сгорѣло,—выкинуло вверхъ только одну доску отъ цвѣтной коробьи, и когда она упала на землю и ее осмотрѣли, то увидали, что къ ней прилипло нѣсколько штукъ копѣечекъ и всѣ ихъ раскинуло треугольникомъ, а какъ разъ посединѣ угла сидѣлъ серебряный рубль,— будто глазъ глядѣлъ.

Какъ увидали это люди, то всѣ удивилися и заговорили: «Это чудо! надо это показать священнику». И показали.

для «кураженія» его подходящаго свойства женщинъ, или «короводницъ», имѣвшихъ вблизи свое становище у мостика на Перестанкѣ. Хороводницы, или «короводницы», являлись скоро и не одна, а двѣ или три, изъ самыхъ отчаянныхъ и самыхъ безстыжихъ—«согласныхъ съ охотникомъ гулять». Онѣ сейчасъ же брали пьянаго парня въ свои раздольныя объятія и, обласкавъ его «до воли», начинали его «вывозить». Обвязавъ его красными платками, его везли «катать» на извозчикѣ, при чемъ «короводницы» держали охотника на сидѣньѣ извозчичьихъ дрожекъ или саней, а сами лѣпились вокругъ него, обнимали его и громко пѣли безстыжія пѣсни и говорили въ народъ сальности, и дергались, и приплясывали; а окураженный ими охотникъ сидѣлъ осовѣлый какъ дуракъ или по временамъ безумно вскрикивалъ и вопилъ: «*еще жару*!» Такимъ образомъ парень уже былъ афишированъ на весь городъ. А въ это время, какъ одни хваты его такъ «окручивали», другіе уже пріискивали хозяина, которому наемщикъ нуженъ, и сдавали его ему съ вознагражденіемъ себя за труды и за расходы по всей первоначальной обстановкѣ дѣла. Такая безобразная гульба продолжалась все время до сдачи наемщика въ рекруты, и онъ «давалъ себя знать» своему хозяину, который вынужденъ былъ исполнять всѣ выдумки и капризы пропащаго парня, и тотчасъ же бросалъ его, когда тому забривали лобъ и онъ дѣлался «продажною шкурою», которую на службѣ очень любили «выколачивать». До этого «погибельнаго состоянія» человѣка доводили всегда при необходимомъ и неизбѣжномъ участіи женщинъ, именно сихъ выше названныхъ «короводницъ», которыя чаще всего сами и наводили слабыхъ людей «на эту путь», т.-е. научали ихъ кричать: «*жару*!». Склоннаго къ загулу дьячка Пашу очень нетрудно было провести этимъ путемъ, что Кромсай, вѣроятно, и обдѣлалъ.

А священникъ посмотрѣлъ и Кромсаю перстомъ погрозилъ.

Тогда Кромсай поблѣднѣлъ и сталъ каяться, что онъ утаилъ у Фаптеи семьдесятъ рублей и что они были цѣлы и береглись въ узелкѣ подъ подушкою, да вотъ это ихъ-то молоньей и раскинуло, и эти монетки, которыя влипли въ доску, дѣйствительно были изъ тѣхъ утаенныхъ денегъ.

А когда послѣ пожара стали разгребать пепелъ, то нашли слитокъ серебра и возлѣ него другое чудо: деньги сплавились, а возлѣ нихъ лежала остывшая «громовая стрѣла» или «чортовъ палецъ».

Кромсай отъ этого пришелъ въ такой ужасъ, что сейчасъ же сталъ жертвовать этотъ слитокъ на церковь, но священникъ недоумѣвалъ: можно ли брать эти деньги, такъ какъ «наемщикъ», или замѣститель въ солдатахъ, почитался тогда въ народѣ за что-то очень гадкое и приравнивался ко «псу продажному» (хотя псы себя никогда не продаютъ). А во Второзаконіи (23, 18) есть запрещеніе: «да не принесеши въ храмъ мзды блудничи и цѣны песіи»; но благочинный это разрѣшилъ. Онъ сказалъ, что «Второзаконіе дѣйствовало при Ветхомъ Завѣтѣ, а теперь, при Новомъ,— все новое».

Страшная гроза, спалившая Кромсаевъ дворъ, оживила нашъ воздухъ. Предчувствовалось уже въ тѣ дни, что голоду наступаетъ конецъ и близятся «времена отрады». Городскіе жители начинали вспоминать о своихъ деревенскихъ друзьяхъ и родственникахъ и посѣщать ихъ. Мы снова входили въ общеніе съ міромъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Передъ тѣмъ какъ растаять рѣчкѣ, къ намъ пріѣхала тетушка Пелагея Дмитріевна, которую, въ ранніе ея годы, въ родствѣ всѣ называли «проказница». Впрочемъ, у нея была репутація очень многосторонняя и сложная, и сообразно различнымъ ея фазисамъ и переходамъ ей давалось «новое имя».

Пелагея Дмитріевна или, по-домашнему, «тетя Полли», была княгиня и годъ тому назадъ выдала старшую дочь замужъ за очень именитаго князя.

Тетушка всегда была прекрасный человѣкъ, но въ молодости, когда на нее сердились, и потомъ, помирясь съ нею, называли ее «проказницей», — она «страдала самордаками». «Самордаки» — это такая болѣзнь, совмѣщавшая фантазію и упрямство. Своего рода «блажь». Самордаки у тети совсѣмъ никогда и не прошли, а только «переблажились». Въ голодный годъ она заблажила тѣмъ, что не продала ни пуда муки, а все искормила на дѣтскихъ мужиковъ, надъ которыми она была опекуншею, и завела такое баловство, что всѣ мужики и бабы приводили съ собою къ ней на дворъ своихъ дѣтей и всѣ у нея наѣдались.

На это двое ея сосѣдей обращали вниманіе предводителя и указывали, что она, какъ опекунша, такихъ расходовъ допускать не смѣетъ,—тѣмъ болѣе, что своимъ примѣромъ она другихъ подводитъ къ опасности; и предводитель ей дѣлалъ замѣчаніе, но «не могъ запретить». Тетя отвѣчала, что она «хочетъ идти подъ судъ».

Вообще тетя Полли была особа живая, смѣлая и интересная, и одолѣть ее—была не шутка...

Суда она не боялась, потому что держала въ своей совѣсти судъ надъ собою.

Теперь ей было уже лѣтъ за сорокъ, но она была еще очень красива: высокая, стройная, — что называется «король-баба»,—съ черными какъ смоль густыми волосами, которые вились у лба и у пробора на темени, и съ большими сѣрыми глазами, которые у нея «умѣли говорить все, что она хотѣла».

Недавно умершій Николай Антоновичъ Ратынскій, который былъ значительно меня старше и зналъ наше орловское родство, говорилъ мнѣ, будто Тургеневъ съ тети Полли нарисовалъ въ своемъ «Помѣщикѣ» ту барыню, о которой сказалъ, что она «была не вздоръ въ нашъ вѣкъ болѣзненный и хилый»

Разумѣется, описанное въ «Помѣщикѣ» лицо имѣло сходство съ тетей Полли только во внѣшности, а въ свойствахъ духа у нихъ была схожесть развѣ въ «побѣдоносности» и въ неукротимой энергіи и настойчивости.

«Побѣдоносный, свѣтлый взоръ,—
Все въ ней дышало древней силой».

Впрочемъ, какъ тетя Полли была оригинальное и характерное лицо дворянскаго круга глухой поры (тридцатыхъ годовъ) и такъ какъ ея «блажь» составляла въ голодный годъ нѣкоторое исключительное явленіе, то мнѣ кажется, что о ней стоитъ разсказать поподробнѣе.

Выше уже сказано, что она пользовалась репутаціей «проказницы», но слава ея въ этомъ родѣ была сильно раздута. Танта (какъ мы ее тоже называли) по положенію своему принадлежала къ губернской знати, но по живости своего ума и характера была лицо всесословное. Она держалась со всѣми какъ нельзя болѣе просто, «знала всѣ обстоятельства» и даже очень любила подшутить надъ родовитымъ невѣжествомъ. Первый мужъ ея былъ богатъ, скученъ и тученъ, но не именитъ, и никакимъ особеннымъ вниманіемъ и вліяніемъ не пользовался, но рокъ однако судилъ такъ, что онъ цѣлые полгода исправлялъ «по случаю» предводительскую должность и съ достоинствомъ умеръ въ этомъ почтенномъ званіи.

Тетушка овдовѣла очень молодою, она имѣла всего не болѣе двадцати трехъ или четырехъ лѣтъ и уже была матерью трехъ дочерей.

Если бы не дѣти, то очень могло статься, что тетушка пошла бы въ монастырь, такъ какъ у насъ въ Орлѣ это тогда было въ модѣ между дворянствомъ (съ чего и написана Лиза у Тургенева); но дѣти этому помѣшали. Они же дали чувствамъ тети и другое направленіе, а это послѣдовало вскорѣ послѣ смерти отца, когда всѣ дѣти вдругъ опасно заболѣли.

Болѣзнь изъ «прилипчивыхъ», и родные молодой вдовы всѣ ее покинули. Это въ благородномъ сословіи и тогда

уже было въ модѣ и практиковалось безъ зазрѣнія совѣсти. О положеніи тетушки дошла вѣсть въ Послово, гдѣ жила въ замкнутомъ одиночествѣ именитая г-жа княгиня Д*, знатная дама, занимавшая передъ тѣмъ видную «позицію», но вдругъ чѣмъ-то кому-то не угодившая и удаленная.

Говорили, будто она живетъ въ Пословѣ по-неволѣ и «пребываетъ» тутъ однимъ лишь тѣломъ, а что «душа ея не тутъ»—она живетъ «въ недосягаемыхъ сферахъ». Сама же княгиня Д* не считала себя равною ни съ кѣмъ и не допускала къ себѣ никого. У нея была собственная церковь, собственный попъ и собственный врачъ, которому она не позволяла лѣчить никого, кромѣ ея особы.

Этотъ врачъ былъ французъ, съ качествами извѣстнаго по пьесѣ Дьяченко французскаго гувернера m-r Дорси: онъ былъ и пустъ, и вѣтренъ, и хорошъ собой, и великодушенъ.

Узнавъ черезъ людей, что въ сосѣднемъ селѣ такъ безжалостно всѣми брошена молодая и притомъ очень интересная вдова съ больными дѣтьми, онъ «взбунтовался» и объявилъ своей важной дамѣ, что онъ «ѣдетъ лѣчить сосѣдкиныхъ дѣтей».

Дама объ этомъ и слышать не хотѣла, но онъ продолжалъ настаивать, и когда люди не стали ему запрягать лошадей, то онъ завязалъ шею шарфомъ, надѣлъ теплые сапоги съ мѣхомъ и пришелъ къ тетѣ по снѣгу четыре или пять верстъ пѣшкомъ.

Разумѣется, онъ былъ встрѣченъ тетей какъ ангелъ-утѣшитель и оказался вполнѣ достойнымъ такой встрѣчи.

Онъ «воскресилъ дѣтей» и тѣмъ, понятно, произвелъ неотразимое вліяніе на сердце молодой матери. Княгиня Д* была поставлена этимъ случаемъ въ очень большія затрудненія. Сначала она сердилась и три дня не обращала вниманія, а потомъ позвала управителя и велѣла ему подать объявленіе, что «пропалъ французъ»... Докторъ и тетя объ этомъ узнали и оба смѣялись... Имъ было хорошо и радостно, потому что дѣти выздоравливали, а они были поглощены такимъ увлеченіемъ, которое дѣлало для нихъ чужія

сердечныя страданія смѣшными... Это вызвало со стороны княгини Д* рядъ мѣропріятій, изъ которыхъ одно было очень рѣшительное и имѣло успѣхъ; она сначала прислала сказать доктору, чтобы онъ не смѣлъ къ ней возвращаться изъ заразнаго дома; а потомъ, когда увидала, что онъ и въ самомъ дѣлѣ не возвращается, — она прислала его звать, такъ какъ съ нею случился припадокъ какой-то жестокой болѣзни, и наконецъ, черезъ полтора мѣсяца, когда пришла весна и природа, одѣвшаяся въ зелень, выманила француза въ лѣсъ, пострѣлять куропатокъ для завтрака тети, на него внезапно напали четыре человѣка въ маскахъ, отняли у него ружье, завернули его въ коверъ и отнесли на рукахъ въ скрытую на лѣсной дорогѣ коляску и такимъ образомъ доставили его княгинѣ... Здѣсь съ нимъ было или только ему угрожало происшествіе смѣшное и тяжкое, изъ котораго онъ вышелъ благополучно только благодаря тому, что изъявилъ согласіе сію же минуту, немедленно, сочетаться съ княгинею Д* законнымъ бракомъ, что̀ и было исполнено въ ея собственной церкви, ея священникомъ и при ея людяхъ...

Тетушка узнала объ этомъ только на другой день и горько плакала—участь бѣднаго француза казалась ей необыкновенно трогательною, и она укоряла себя, зачѣмъ она сама была такъ увлечена обаятельностью своего положенія, что не оформила всего по образцу княгини. Вѣдь это было такъ просто и такъ возможно, и даже не нужно было этихъ низкихъ угрозъ, которыми и его, и себя унизила Д*... Онъ бы самъ охотно на все согласился... Но ужъ дѣло было потеряно и вдобавокъ требовался коррективъ, и тетушка, какъ думали, запылала мщеніемъ и «не снесла обиды», а отомстила княгинѣ какъ настоящая «проказница»: она, совершенно ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись и для всѣхъ неожиданно, вышла замужъ за князя С—ва, въ которомъ только то и было, что онъ былъ молодъ и холостъ, но совсѣмъ необразованъ и вдобавокъ, по совершенной бѣдности, служилъ квартальнымъ...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Mésalliance былъ самый полнѣйшій, но мщеніе все-таки было совершено: Д*—родовая княгиня — черезъ замужство съ французскимъ лѣкаришкой потеряла княжескую корону, а наша милая тетя возложила ее на себя и на свое нисходящее потомство, такъ какъ князь С—въ былъ дѣйствительный, настоящій князь, изъ «Рюриковичей», и въ гербѣ у него стояли многозначительныя слова: «*не по грамотѣ*».

Словомъ — какой это ни былъ опрометчивый поступокъ, но тетушка о немъ не сожалѣла, такъ какъ она и вообще не сожалѣла никогда о томъ, что уже случилось, а держалась того правила: «что̀ укоротишь — того не воротишь: надо съ другого конца надшивать или надвязывать».

Впрочемъ, ея князь не былъ совсѣмъ особенно плохъ: въ немъ было что-то «породистое» и самую «форму квартальнаго» онъ носилъ съ военнымъ шикомъ. Съ этой стороны онъ былъ замѣтенъ и ради того по представительности своей былъ отличенъ начальствомъ и употреблялся для сношеній съ благородными лицами города. А потому, когда представилась надобность объявить тетушкѣ бумагу, присланную изъ московскаго опекунскаго совѣта, о какихъ-то ея опекунскихъ дѣлахъ, то по распоряженію полицеймейстера къ ней былъ посланъ съ этою бумагою квартальный-князь, и онъ былъ принятъ тетушкою не такъ, какъ принимали обыкновенныхъ квартальныхъ. Тетушка велѣла позвать его къ себѣ въ залъ, гдѣ она сидѣла въ это время въ распашномъ пеньюарѣ за утреннимъ чаемъ, и, посмотрѣвъ на него, пригласила его сѣсть,—что̀ было тоже необычайностью для лицъ его сана.

Князь сѣлъ, и пока тетушка пробѣжала принесенную ей бумагу и потомъ потребовала себѣ перо и чернильницу для того, чтобы расписаться «о прочтеніи оной», она успѣла «бросить на него взглядъ ока», и сейчасъ же сообразила:

на что находящійся передъ нею человѣкъ можетъ быть годенъ и какъ за это дѣло надо взяться.

А дѣло не допускало промедленія.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

С—въ тутъ же получилъ отъ тетушки порученіе по какому-то частному ея дѣлу—по поводу какихъ-то ея хлопотъ съ принадлежащимъ ей пустопорожнимъ мѣстомъ на берегу, гдѣ производилась погрузка хлѣба на барки, — и князь исполнилъ данное ему порученіе охотно, быстро и съ блестящимъ успѣхомъ.

За это онъ былъ вознагражденъ денежнымъ подаркомъ сверхъ мѣры заслугъ и кромѣ того удостоился разговора, вхожаго въ его положеніе, которое тетушка находила несоотвѣтствовавшимъ его родовому званію, такъ какъ князья С—вы въ самомъ дѣлѣ принадлежали къ «Рюриковичамъ» и были князья «не по грамотѣ».

С—въ былъ не глупъ и не уменъ, а то, что называется «человѣкъ средній», и участіе довольно именитой и весьма интересной дамы его такъ тронуло и согрѣло, что онъ расчувствовался и осмѣлился поцѣловать поданную ему на прощанье руку. Тогда это впрочемъ было въ обычаѣ, и тетушка этимъ не обидѣлась и даже обѣщала ему принять въ немъ участіе и о немъ подумать.

Князь былъ въ восторгѣ и провелъ нѣсколько дней въ размышленіи: какъ бы настроить ее такъ, чтобы она выпросила ему у губернатора мѣсто смотрителя тюремнаго замка или гдѣ-нибудь городничаго.

Но тетушка имѣла на него гораздо болѣе важные виды: черезъ нѣсколько дней она позвала его къ себѣ и спросила, не хочетъ ли онъ «измѣнить свой карьеръ».

Князь былъ готовъ на все и несказанно обрадовался, когда услыхалъ, что тетушка желаетъ принять его къ себѣ управителемъ. Онъ сейчасъ же подалъ въ отставку, снялъ квартальницкую форму и переселился въ тетушкино имѣніе,

гдѣ пріучался къ хозяйству подъ ея непосредственнымъ руководствомъ, и для того ѣздилъ съ ней вдвоемъ въ кабріолетѣ безъ кучера, а жилъ во флигелѣ, но потомъ въ одинъ прекрасный день переведенъ въ домъ и обвѣнчанъ съ хозяйкою въ ихъ деревенской церкви, точно такъ же скромно, какъ Д* обвѣнчалась у себя съ французомъ.

Бывшая Д*, не будучи нимало знакома съ тантою, прислала ее поздравить «отъ себя и отъ мужа». Это была дерзость, но тетя была умна и не обратила на это вниманія, а въ вознагражденіе за то французъ прислалъ ей двусмысленное утѣшеніе, состоявшее изъ одной фразы: «Le nombre des sots est infini».

Тетушку и это уже не занимало: она усиленно хозяйничала, и одинъ разъ, поѣхавъ на поле, такъ растряслась по кочкамъ, что въ тотъ же день Богъ далъ ей дочь—прехорошенькую княжну. Къ счастію, ребенокъ хотя пришелъ на свѣтъ немножко и рановременно, но это ему не повредило.

Маленькая неудача сказалась въ другомъ: тихій и благопристойный Рюриковичъ, послѣ того, какъ тетушка къ нему поближе присмотрѣлась, не выдержалъ самой снисходительной критики и оказался еще скучнѣе перваго ея мужа, предводителя.

Кромѣ того, тетѣ непріятно было, что князь все болтался и ничего не дѣлалъ и вдобавокъ,—какъ она убѣдилась, — ничего и не умѣлъ дѣлать, кромѣ клеенья коробочекъ изъ картона и цвѣтной бумаги съ золотыми бордюрами.

По мнѣнію родныхъ, тетя сама была во многомъ виновата, потому что она была со своимъ княземъ *очень суха;* но потомъ это перемѣнилось, и она сдѣлалась къ нему материнскі нѣжна и неожиданно устроила его вполнѣ по его вкусу: какъ онъ когда-то мечталъ, такъ и получилъ вдругъ мѣсто городничаго въ отдаленномъ городѣ, куда отбылъ одинъ и его лѣтъ шесть не видали. Во все это время про князя никто и не говорилъ, а тетя-княгиня заперлась отъ всѣхъ и «предалась книгамъ». Дѣти, книги и хозяйство ее

поглотили, и о ней стали говорить, что она «вознеслась надъ жизнью». Но вдругъ князь потерялъ мѣсто и снова прибылъ въ деревню. Танта отвела ему помѣщеніе въ мезонинѣ, даже пожертвовала ему свой письменный столъ для кабинета, но сама осталась при дочеряхъ, изъ которыхъ старшая, Сусанна, *не княжна,* имѣла въ это время уже шестнадцать лѣтъ и смотрѣла невѣстою.

Она и двѣ ея младшія, единокровныя и единоутробныя сестры, очень любили мать и ея младшую дочку, *княжну* Ва́лю, но самого князя не могли переносить.

И въ самомъ дѣлѣ, всѣ онѣ были въ мать — «ужасныя читалки и игралки»,—т.-е. вѣчно были за книгой или за музыкальными занятіями, и ихъ занимали живые бытовые вопросы и литература, а князя не занимало ничто. Если онъ не клеилъ коробокъ, то онъ только могъ ходить да свистать, или сидѣлъ въ своихъ комнатахъ у окна и переговаривался съ проходящими мимо бабами и мужиками— и всегда о пустякахъ. Всякое обращеніе съ книгою ему было противно, и хотя онъ зналъ, что онъ невѣжда и что это нехорошо, но преодолѣть свою вражду къ книгѣ не могъ.

Онъ понималъ, что онъ своей женѣ не пара и что «попалъ въ честь по случаю», и терпѣлъ это и не нахальничалъ. Онъ только завидовалъ, что жена его, при ея запасѣ врожденнаго ума и начитанности, всегда занята и всегда ей вездѣ весело, а ему вездѣ скучно,—и единственное ему спасеніе—быть городничимъ,—ходить, свистать и покрикивать.

Въ семьѣ изъ этого ничего стройнаго не выходило, и благодаря тому, что падчерицы его не всегда умѣли скрыть, что онъ имъ непріятенъ и что онѣ страдаютъ за свою умную и образованную мать, видя ее женою такого остолопа,—князь страдалъ отъ своего положенія и даже сталъ возбуждать къ себѣ состраданіе въ сердцѣ очень чувствительной и доброй танты.

Тетя стала за него заступаться и говорила дочерямъ:

— Что онъ вамъ мѣшаетъ? Онъ очень простой человѣкъ, но что же онъ дѣлаетъ вреднаго?.. Онъ проводитъ время, какъ умѣетъ, и его можно оставить въ покоѣ. Онъ и безъ того всѣхъ избѣгаетъ и вѣчно одинъ.

И княгиня стала навѣщать бѣднаго князя въ его уединеніи, и чтобы это не имѣло видъ сентиментальности, она писала письма на письменномъ столѣ, перенесенномъ въ его кабинетъ. Такъ шли дѣла въ теченіе всей зимы, а по веснѣ Сусанна одинъ разъ окинула мать испытующимъ взглядомъ и сказала:

— Однако что же это, мама?!

— Что такое?—спросила тетя и покраснѣла.

— То-то и есть, мама... вы краснѣете!.. И должно краснѣть!

— Чего же мнѣ краснѣть!—отозвалась, оправясь, тетя.

— Того, что мы уже взрослыя, а вы... ходите письма писать... Мы перенесемъ вашъ письменный столъ въ вашу комнату.

Но дѣло было уже непоправимо, и у Сусанны съ ея сестрами явился еще маленькій братецъ. Ребенка опять всѣ любили и ласкали, кромѣ самого князя, у котораго это удовольствіе было отнято, и на этотъ разъ—увы!—навсегда. Князю снова достали соотвѣтственное городничеству мѣсто на Кавказѣ, и онъ тамъ ходилъ, куриль, свисталъ и покрикивалъ, и тамъ же и умеръ, выкупавшись послѣ жирнаго обѣда въ холодномъ Терекѣ.

Смерть мужа, взятаго точно на-прокатъ и поставленнаго ни вѣсть на какую позицію, уязвила сердце тети сознаніемъ своего грѣха передъ этимъ человѣкомъ, который былъ принесенъ ею въ жертву самымъ эгоистическимъ соображеніямъ, весьма ничтожнаго свойства. Онъ, живой человѣкъ, пришедшій въ міръ, чтобы свободно исполнить на землѣ какое-то *свое* назначеніе, былъ обращенъ ею въ метелку, которою она замахнула сорный слѣдъ своего колоброда, и потомъ смыла его съ рукъ и сбросила въ Терекъ...

Ей было ужасно стыдно и ужасно его жаль,—и она за-

перлась въ спальнѣ и плакала о немъ много и долго; и тутъ же, запершись, въ уединеніи отъ дочерей, которыя не могли сдерживать своего презрѣнія къ захудалому глуповатому «Рюриковичу», исполнявшему и глуповатую роль въ жизни, — она обдумала себя. Дѣвицъ и теперь раздражало и обижало, что мать была такъ потрясена событіемъ и относилась къ князю съ «чувствомъ»... Онѣ были въ томъ «счастливомъ» возрастѣ, который даетъ возможность разсуждать обо всемъ не только очень эгоистично, но и очень ошибочно, и имъ было *стыдно* за то, что «она, значитъ, все-таки его любила»... Имъ, для ихъ семейнаго достоинства, не хотѣлось, чтобы это было такъ; но онѣ не понимали, что это именно *такъ* и не было! Тетя Полли не оплакивала въ князѣ человѣка, котораго бы она предпочитала всѣмъ другимъ людямъ,—что̀ выражаетъ банальное требованіе такъ называемой «любви», — но она оплакивала въ немъ человѣка-брата, котораго она встрѣтила случайно, заставила его продѣлать все, что хотѣла, и къ которому не оказала благоволенія. Какіе бы доводы ей ни представляли, что она ни въ чемъ передъ нимъ не виновата, она чувствовала свою вину и хотѣла утолить ее. Тетя сдѣлала трауръ двумъ младшимъ дѣтямъ и сама надѣла черное платье,— отстояла на колѣняхъ заупокойную обѣдню и панихиду, и еще рядъ другихъ панихидъ, но утоленія не было: покой къ ней не приходилъ. Она находила, что это все не то... И вотъ она вдругъ уѣхала куда-то парою, въ маленькой бриченкѣ съ однимъ кучеренкомъ, и, возвратясь черезъ десять дней, сказала, что она была въ Оптиной пустыни у «старца», но на разспросы о томъ: что̀ тамъ такое? — съ странною разсѣянностью отвѣчала: «Опять все это не то». И подаренныя ей старцемъ маленькія книжечки она прочла разъ и болѣе ихъ не открывала: опять было «не то». Она послала къ приходскому священнику, чтобы тотъ далъ ей Библію. Но Библіи въ церковномъ обиходѣ не было. За нею послали въ Орелъ, но и въ Орлѣ продажной Библіи не нашли, а достали ее

«почитать» у семинарскаго ректора, и то съ предвареніемъ отъ своего священника, что «это книга мірская и читать ее небезпечно».

И другіе тоже пробовали отговаривать тетю, «чтобы не сошла съ ума, прочитавъ Библію»; но она была «неимовѣрная»: она таки прочитала всю Библію и, разумѣется, какъ слѣдуетъ,—сошла съ ума и начала дѣлать явныя несообразности.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Такъ, напримѣръ, окончивъ чтеніе Библіи, тетя не задала себѣ труда повторять это, какъ дѣлаютъ многіе одолѣвшіе названную книгу, а она отложила ее въ сторону разъ и навсегда и «понесла фантазіи» въ родѣ того, что «хорошихъ временъ еще не было», или что «лучшая жизнь на землѣ будетъ впереди насъ, а не та, которая осталась позади насъ»... И она въ это не только вѣрила, но говорила, что «въ такой вѣрѣ только и находитъ силу жить и трудиться для того, чтобы равнять путь лучшему, которое идетъ и непремѣнно придетъ—когда «горы и юдоли сравняются и левъ ляжетъ съ ягненкомъ и не завредитъ ему».

Эти «глупости» танты основательные люди передавали другъ другу и, весело смѣясь, называли ее лицемѣрной фантазеркой и даже дурой. Прежнее игривое наименованіе «проказницы» было уже теперь для нея слабо, такъ какъ оно не выражало опаснаго характера ея нынѣшняго настроенія, и то старое названіе было у нея отнято.

— *Была* проказница,—говорили о ней,—но тогда была зато хоть живая и преинтересная, а теперь стала Богъ знаетъ на что похожая—противная, скучная фантазерка, съ которой старикамъ нечего дѣлать, потому что она ихъ не слушаетъ, а молодежь... даже страшно оставлять съ нею!

Одинъ изъ основательныхъ дворянъ, имѣвшихъ «голосъ въ собраніи и въ обществѣ», во время выборовъ сдѣлалъ заявленіе, что слѣдовало бы обратить вниманіе на то, въ какомъ духѣ танта воспитываетъ своихъ дочерей. Но пред-

водитель, очень добрый и мягкій человѣкъ, нашелъ, что какъ у княгини всѣ ея дочери — дѣвочки, то какъ бы она ихъ ни воспитывала—это не важно.

Воспитывала же она ихъ странно—безъ учителей,—всему обучая ихъ сама, при содѣйствіи выписанной изъ Англіи *квакерши*, Гильдегарды Васильевны, которая была бы чрезвычайно красива, если бы «совершенно себя не безобразила», нося постоянно сѣрое платье въ складкахъ и лѣтомъ широкую соломенную шляпу, а зимою маленькую теплую черную шапочку «съ затылкомъ и съ ушками, безъ всякаго фасона».

Притомъ танта съ этою квакершею сдѣлались неразрывными друзьями и ни съ кѣмъ не церемонились.

Къ нимъ можно было заѣхать, и онѣ всякаго гостя встрѣчали очень привѣтливо, но всегда прямо желали узнавать: чѣмъ онѣ ему могутъ быть полезными. И затѣмъ сію же минуту дѣлали для него все, что могли, но потомъ, сдѣлавши это, тотчасъ же къ нему, или къ ней, охладѣвали и держали себя съ гостями — какъ будто «занимать» его или ее совѣмъ не ихъ обязанность. Онѣ оставляли пріѣзжихъ въ покоѣ и сами обращались къ своимъ обыденнымъ занятіямъ, въ которыхъ наблюдали строгій порядокъ, — очень противный для людей съ истинной «широкой натурой».

Кончилось это тѣмъ, что стали находить, будто у бывшей «милой проказницы» огрубѣли манеры и пропала женственность. Она стала носить безсмѣнно однообразнаго, самаго простого фасона черное шерстяное платье зимою и такое же свѣтлое ситцевое платье лѣтомъ; лѣчила у крестьянъ самыя неопрятныя болѣзни, сама своими руками обмывала ихъ раны и дѣлала кровавые разрѣзы и другія простыя операціи, и при этомъ ни за что не хотѣла поручить присмотръ за больнымъ горничнымъ дѣвушкамъ, ибо она находила, что горничныя слишкомъ деликатны и «носъ воротятъ». Вообще тетя Полли стала будто рѣзка и даже иногда употребляла «Антошины словечки». Оно такъ и

было: тетя выражалась порою немножко во вкусѣ Антона Антоновича Сквозника-Дмухановскаго, называя вещи ихъ прямыми именами, что̀, впрочемъ, въ ея устахъ не было ни плоско, ни грубо, а только прямо и о̀бразно. Такъ же рѣзки казались и ея чувства, въ которыхъ не находили самаго необходимаго—раскаянія и сожалѣнія о прошломъ,— что̀ ей очень бы и очень не мѣшало... На это даже и обращали иногда ея вниманіе, и говорили: кто хочетъ показать другимъ лучшій образъ жизни, тотъ не долженъ никогда забывать своего худшаго. «Врачу, исцѣлися самъ!»

Тетя за эти намеки нимало не сердилась и отъ нихъ не конфузилась: она, безъ сомнѣнія, понимала, во что люди мѣтили, но все слушала спокойно и, выслушавъ, отвѣчала:

— По отношенію ко мнѣ все это совершенно справедливо, и я постоянно чувствую, какъ не хорошо имѣть неопрятное прошлое,— чистыхъ не въ чемъ упрекать и на нихъ выдумываютъ, а о насъ можно говорить правду, которая тяжелѣе всякой лжи,— но то дурное, что̀ я дѣлала, я уже оставила.

Maman разъ замѣтила ей, что, «переставъ грѣшить, надо начать каяться», но тетя отвѣтила ей:

— Насчетъ раскаяній мнѣнія различны; но я не нахожу никакой пользы въ томъ, чтобы порочный человѣкъ, сознавъ свои дурныя дѣла, сидѣлъ бы и все смотрѣлъ на свой животъ, какъ это дѣлаютъ какіе-то чудаки въ Индіи. У очень многихъ людей въ ихъ прошедшемъ есть порядочное болото, но что же пользы возиться въ этомъ болотѣ? Лучше поскорѣе встать да отряхнуться и идти доброй дорогой.

Такъ она и жила, «отряхнувшись», и не хотѣла жить иначе, и несмотря на все ея «порядочное болото въ прошломъ», личность ея стала казаться свѣтлою и получила такую привлекательность, что къ ней широко запылала любовь во множествѣ сердецъ.

Ея дочери, которыя унаслѣдовали не всѣ ея свойства, напрасно боялись, что ея пассажъ со вторымъ бракомъ

повредитъ ихъ карьерѣ: одна изъ этихъ дочерей очень скоро и очень пріятно разочаровалась въ этомъ потому, что прибывшій въ ихъ мѣстность, для принятія наслѣдства, молодой сынъ именитаго вельможи, князь Z., одинъ разъ побывавъ у тети Полли, такъ полюбилъ ее и ея Гильдегарду, и все ихъ семейство, что не захотѣлъ оставаться чужимъ этой семьѣ и твердо настоялъ на томъ, чтобы ему былъ разрѣшенъ бракъ съ ея старшею дочерью, съ тою самою Сусанной, которая была груба къ матери, стыдилась ея беременности, — а потомъ еще болѣе стыдилась этой своей выходки и сдѣлалась образцомъ дочерней любви и уваженія къ матери.

Это было наградою тетѣ Полли, которая сама себя почитала «во всѣхъ статьяхъ неисправною» и никого не бралась исправлять, но до самозабвенія восторгалась, когда видѣла, что люди «ни отъ чего исправляются».

Ни отъ чего!..

Она была бы до слезъ смущена, если бы ей доказали, что это «ничто» была сама она, ушедшая «отъ своего болота».

Такъ преобразилъ ее Тотъ, Кто жалѣетъ объ утратѣ одной овцы, и, хватившись ея, оставляетъ девяносто девять овецъ, идущихъ своею дорогою, и ищетъ въ кустахъ и терніи потерявшую путь одну овцу, и находитъ ее, беретъ ее на Свои священныя руки, и несетъ, и радуется, и даетъ радость всѣмъ, кому понятна и дорога радость, что *ожилъ человѣкъ!*

Личныхъ утѣшеній тетя Полли съ тѣхъ поръ не искала, но они ее иногда находили, и одно такое прекрасное утѣшеніе освѣтило ея закатъ: ея зять, мужъ Сусанны, отличился благороднѣйшею дѣятельностью при «освободительныхъ работахъ» въ царствованіе Александра II. И тетя, при полученіи извѣстія объ этомъ, плакала радостными слезами на груди у своей Гильдегарды и сама себя перебивала словами:

— Нѣтъ, за что же?.. За что мнѣ такъ много дано, когда я такъ мало стою!

Но, увлекаясь воспоминаніями о тетѣ Полли, я отступаю отъ порядка повѣствованія, съ которымъ здѣсь пора кончить.

Возвращаюсь къ тому, когда тетушка пріѣхала къ намъ въ деревню, измученную голодомъ, которому уже былъ виденъ предѣлъ, но къ которому теперь присоединились повальныя болѣзни; онѣ сложили на землю половину живущихъ и навели уныніе и страхъ на другую половину.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Тетя Полли собственно была вызвана къ намъ отцомъ, который описалъ ей наше унылое состояніе, и она сейчасъ же пріѣхала вмѣстѣ съ Гильдегардою и привезла успокоеніе и радости.

Эта женщина всегда привозила съ собою, во-первыхъ, свою непобѣдимую и никогда ее не оставлявшую благородную веселость, а потомъ непремѣнно всѣмъ людямъ и дѣтямъ по подарку. *Дарить* — это была ея слабость и ея радость, и она имѣла удивительную способность всѣхъ помнить и всякому подобрать подарокъ, подходящій по его потребности и по вкусу.

Женщинамъ дарились головные платки, горничнымъ — ситцы на платья, лакею — «отрѣзъ на жилетъ», кучеру — «касандрійская рубаха», скотнику — рукавицы, но болѣе всего привозилось дешевыхъ алыхъ лентъ — деревенскимъ дѣвчонкамъ на «косоплетки».

Эти косоплетки, нарѣзанныя кусочками соотвѣтственнаго размѣра, тетя всегда имѣла у себя въ запасѣ въ карманѣ платья, и гдѣ бы ни встрѣтила дѣвчонку, она подзывала ее къ себѣ и дарила всегда съ шуткою:

— Дѣвки! дѣвки! подите ко мнѣ, я васъ осчастливлю!.. На-те вамъ—въ косы заплетите... Ты чернуха—тебѣ вотъ ленточка алая, а ты бѣлый тараканъ—тебѣ лучше будетъ синенькую...

«Осчастливленныя» просіявали отъ счастія и съ раз-

горѣвшимися глазенками бѣжали за тетей и просили, чтобы къ алой была прибавлена синенькая, а къ синенькой—аленькая, и тетя увлекалась радостью дѣтей и имъ не отказывала, а иногда брала дѣвочекъ и цѣловала ихъ не совсѣмъ чистыя лица, приговаривая:

— Ахъ вы, рожицы!.. Тоже щеголихи!.. На-те вамъ, чумазыя! на-те!

И ленты летѣли въ толпу, и деревня расцвѣчалась пестротою дѣвичьихъ косоплетокъ.

Видно было, что «баловница пріѣхала».

Было ли послѣ этого чему удивляться, что эта «баловница» (сколько у нея было *прозваній!..*) была въ то же время и общая любимица и что такое лицо, какъ она, въ лихую годину, сразу однимъ своимъ появленіемъ наполняла сердца людей довѣріемъ и упованіемъ, облегчающими въ значительной мѣрѣ всякое горе и «всякую язю въ людѣхъ»?!

А тетя Полли и Гильдегарда теперь и пришли къ намъ съ нарочитою цѣлью—принести облегченіе больнымъ, которыхъ было полдеревни и которые валялись и мерли въ своихъ промзглыхъ избахъ безъ всякой помощи.

Какая это была болѣзнь—я не помню, но знаю, что надъ распознаваніемъ ея по правиламъ науки никто не трудился. Уѣздные врачи (которыхъ тогда было по одному на уѣздъ) дѣлали только судебныя «вскрытія», а лѣчить больныхъ времени не имѣли; отецъ мой обладалъ «Лѣчебникомъ штабъ-доктора Егора Каменецкаго», но не имѣлъ дара лѣчить; матушка боялась заразы, а французъ-докторъ, женатый на нашей богатой сосѣдкѣ, бывшей княгинѣ Д*, еще въ самомъ началѣ голоднаго года покинулъ жену и уѣхалъ отъ снѣжныхъ сугробовъ Россіи на свою цвѣтущую родину, а оттуда въ палящія степи Африки, гдѣ охотился на львовъ вмѣстѣ съ Клодомъ Жераромъ.

Мы были совершенно безпомощны и знали о болѣзни, убивавшей крестьянъ, только такіе симптомы, что у нихъ сначала «заболитъ голова, а потомъ на нутрѣ сверлитъ,

а потомъ весь человѣкъ слабъ сдѣлается» и валяется, пока «потмится въ лицѣ и духъ вонъ».

У тетушки и у Гильдегарды Васильевны былъ талантъ къ лѣченію больныхъ крестьянъ, и имъ это было ни почемъ, такъ какъ онѣ не боялись заразиться. Болѣзнь, которою умирали наши крестьяне, началась-было на деревнѣ и у тети Полли, но тамъ ей не дали развиться. Тетя и Гильдегарда тотчасъ же отдѣляли больныхъ изъ семьи и клали ихъ въ просторную столярную мастерскую, гдѣ и лѣчили ихъ, чѣмъ знали, съ хорошимъ успѣхомъ.

Теперь у нихъ все было благополучно, и онѣ явились на помощь къ намъ во всеоружіи своей духовной мощи и знаній и съ запасомъ потребныхъ лѣкарствъ. Но болѣе всего полезенъ былъ ихъ мощный духъ, присутствіе котораго сразу измѣняло весь ходъ и настроеніе нашей жизни.

Тетя Полли не успѣла еще снять съ себя въ передней свой темнозеленый шолковый ватошникъ, какъ уже давала тонъ и направленіе.

Первыя слова ея были къ отцу:

— Ну, что это за стыдъ!.. мы проѣхали всю вашу деревню и не слыхали ни какъ гусь гогочетъ, ни какъ корова мычитъ. Здравствуй, братъ!.. Или у васъ уже совсѣмъ нѣтъ коровъ?

Отецъ поцѣловалъ у нея обѣ руки и отвѣчалъ, что на деревнѣ осталась всего одна корова у старосты.

— Ахъ, да!.. И правда!.. Я ее, должно быть, видѣла... Бурая?.. Но мнѣ показалось, что это неживое чучело.

Такой разговоръ произошелъ еще на самомъ порогѣ, и затѣмъ это такъ и продолжалось въ живомъ и энергичномъ тонѣ и съ однимъ и тѣмъ же надъ всѣмъ преобладающимъ стремленіемъ поставить все ниже заботъ о деревнѣ.

Тетя ласкала насъ—болѣе руками и взглядами—и въ то же время задавала отцу вопросы, требовавшіе немедленнаго исполненія ея просьбъ или приказаній, которыя вытекали изъ каждаго обстоятельства и шли одно за другимъ въ быстромъ, но стройномъ порядкѣ.

Тетя спрашивала: «сколько больныхъ на деревнѣ?» И видя, что отецъ затрудняется точнымъ отвѣтомъ, сейчасъ же сама за него отвѣчала:

— Ты не знаешь?.. Это не дурно для начала со стороны христіанина и помѣщика средней руки!.. А могу ли я видѣть твоего старосту или кого-нибудь, кто у тебя есть поумнѣе и у кого меньше упрямства и предразсудковъ?.. У тебя былъ, я помню, гдѣ-то за усадьбой пустой половень.

— Онъ сгорѣлъ,—отвѣчалъ отецъ.

— Вотъ какъ!.. Вѣрно отъ грозы?

— Нѣтъ,—мои дураки тамъ колдовали съ человѣчьимъ саломъ.

— Какъ это?

Отецъ разсказалъ ей извѣстную исторію со свѣчой изъ Кожіенова сала, отъ которой сгорѣлъ половень.

Тетя пила чай и слушала исторію безъ улыбки, безъ ужаса и безъ гримасъ, и только посмотрѣла въ бокъ на Гильдегарду, которая тоже окинула ее отвѣтнымъ взглядомъ, и было ясно, что имъ не надо было говорить болѣе, чтобы понимать другъ друга.

Когда былъ конченъ разсказъ о свѣчѣ и о всемъ томъ, что записано выше въ этихъ воспоминаніяхъ, тетя Полли вздохнула и сказала:

— Да!.. здѣсь юдоль плача... Голодъ ума, голодъ сердца и голодъ души. Вотъ мотокъ, въ которомъ не знаешь, за какую нить хвататься!.. Дмитрій Ростовскій, впрочемъ, говорилъ въ дворцовой церкви, что онъ извиняетъ, когда люди «за нуждою и утѣсненіями забываютъ о Высшемъ». И теперь ужъ надо помогать одной низшей, грубой нуждѣ. Лучше сдѣлаютъ когда-нибудь послѣ другіе, а не мы. Если половень сгорѣлъ, я прошу ригу и помѣщу въ ней больныхъ. Это первое дѣло,—ихъ надо сейчасъ отдѣлить. Мы уже отдохнули и теперь обойдемъ съ Гильдегардой всѣ избы и сосчитаемъ всѣхъ больныхъ—и потомъ ихъ сейчасъ же перевезть...

— Больные не пойдутъ со своихъ печей и лавокъ,— замѣтилъ отецъ.

— Ну, мы постараемся убѣдить ихъ, чтобъ они пошли, а въ крайнемъ случаѣ... мы ихъ возьмемъ и унесемъ.

— Насильно?

Тетя посмотрѣла въ глаза отцу и, помолчавъ минуту, отвѣтила:

— А хотя бы и насильно!.. Какъ странно! Развѣ ты и я—мы всѣ ими владѣемъ по ихъ доброй волѣ? Пустяки! того, кто тонетъ, берутъ за волосы и вытаскиваютъ *насильно*... Это очень грубо, но совершенно необходимо. Соломы вѣрно нѣтъ у васъ, чтобы настлать кучами постелей по всей ригѣ?.. Это очень жаль, но, можетъ быть, есть конопляная костра? Есть? Ну, вотъ и прекрасно,—обойдемся съ ней... Пока мы съ Гильдегардой будемъ на деревнѣ, возьми на себя трудъ наблюсти, чтобы здоровые натаскали въ ригу сухой костры и наклали ее для больныхъ кучками... Вели дѣлать этакъ... какъ большія котлеты, въ ростъ человѣка,—и въ головахъ—повыше, а къ ногамъ—пониже. Черезъ часъ тамъ уже будутъ больные... Твоя жена не можетъ намъ помогать?

Отецъ тихо отвѣтилъ:

— Она боится.

— Ну и не нужно ее... Кто боится, тѣмъ это и вредно. А мы сейчасъ же идемъ!

Проговоривъ это, она уже стояла и покрывала свою кучерявую голову мягкимъ платкомъ, а Гильдегарда Васильевна надѣвала свою высокую, съ широчайшими полями, соломенную шляпу.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Тетя и Гильдегарда взяли въ карманы крошечный карманный фонарикъ съ рефлекторомъ (для осмотра горла), флаконъ съ какой-то жидкостью и записную книжку и ушли.

Отецъ предлагалъ имъ провожатаго, но онѣ не взяли, и сказали, что надо зайти подъ-рядъ въ каждую избу.

— На васъ могутъ напасть собаки.

— Полно, пожалуйста! Собаки такія почтенныя животныя, — онѣ знаютъ, кто идетъ не съ дурнымъ намѣреніемъ, и будутъ съ нами вѣжливы.

И дѣйствительно, собаки повсемѣстно отнеслись къ нимъ превосходно, но все-таки экспедиція ихъ не обошлась безъ приключенія: бурая корова Дементія, которую тетя оскорбила, назвавъ ее «неживымъ чучеломъ», доказала, что она еще жива, и когда Гильдегарда, проходя мимо нея, остановилась, чтобы поощрить ее ласкою, тощая буренка немедленно подняла голову, сдернула съ англичанки ея соломенную шляпу и быстро удалилась съ нею на середину самой глубокой и непроходимой лужи, гдѣ со вкусомъ и съѣла шляпу, къ неописанному удовольствію тети Полли, которая надъ этимъ очень смѣялась, а англичанка, потерявъ шляпу, повязалась своимъ носовымъ платкомъ и окончила обходъ въ этомъ уборѣ.

До вечера было сдѣлано множество вещей: въ ригѣ было настлано двадцать семь постелей изъ сухой костры и на нихъ уложили соотвѣтственное число людей, освободивъ отъ производимаго ими смрада тѣсныя избы, въ которыхъ мѣстились ихъ семейства. При этой «эвакуаціи» насилій не было, но имѣли свое мѣсто энергія и настойчивость обѣихъ женщинъ, которыя сами при этомъ работали до изнеможенія и не пришли обѣдать до темнаго вечера.

Матушка долго и напрасно ждала ихъ и сердилась. Обѣдъ весь перестоялся и былъ испорченъ. Отецъ стыдился покинуть тетю и англичанку однѣхъ съ больными мужиками и бабами, и тоже оставался въ ригѣ: онъ помогалъ имъ раскладывать больныхъ и защищать ихъ отъ сквознаго вѣтра въ импровизированномъ для нихъ баракѣ.

Имъ тамъ было холодновато, но они тотчасъ же стали легче дышать, а въ то же время безопаснѣе и легче дышалось и тѣмъ, которые остались у себя въ избахъ.

Отецъ, тетя и Гильдегарда пришли въ домъ, когда уже былъ вечеръ, и ѣли скоро и съ аппетитомъ, а говорили мало. На лицахъ у обѣихъ женщинъ какъ будто отпечаталось то выраженіе, какое онѣ получили въ ту минуту, когда тетя проговорила:

— Это ужасно: круглый голодъ, — голодъ ума, сердца и души... И тогда уже — всякій голодъ!

Ни тетя, ни Гильдегарда не были теперь разговорчивы и даже отвѣчали суховато и какъ бы неохотно.

Мать имъ сказала:

— Извините за обѣдъ... Онъ весь перешелъ, — вы сами виноваты, что дотянули обѣдъ до звѣзды.

Гильдегарда ее, кажется, не поняла; но тетя, разумѣется, поняла, но небрежно отвѣтила:

— До звѣзды!.. Ахъ да... и ты права: мы въ самомъ дѣлѣ очень любимъ звѣзды... ихъ видѣть такъ отрадно. Тамъ вѣдь, безъ сомнѣнія, живутъ другія существа, у которыхъ, можетъ быть, нѣтъ столько грубыхъ нуждъ, какъ у насъ, и потому они должно быть противъ насъ лучше, чище... меньше самолюбивы и больше сострадательны и добры...

— Но вѣдь это фантазія, — замѣтила мама.

Тетя ей не отвѣчала.

— Притомъ, мы всѣ очень грѣшны, — зачѣмъ намъ мечтать такъ высоко! — молвила мать, конечно, безъ всякаго намека для тети.

Тетя ее слышала и произнесла тихо:

— Надо подниматься.

— Да вѣдь какъ это сказать...

Матушка, кажется, побоялась сбиться съ линіи, а тетя ничего болѣе не говорила: она озабоченно копошилась, ища что-то въ своемъ дорожномъ буалѣ, а Гильдегарда въ это время достала изъ темнаго кожанаго футляра что-то такое, что̀ я принялъ за ручную аптечку, и перешла съ этимъ къ окну, въ которое смотрѣлось небо, усѣянное звѣздами.

Мама вышла. Тетя закрыла баулъ, подошла къ столу, на которомъ горѣли двѣ свѣчки, и обѣ ихъ потушила, а потомъ подошла къ англичанкѣ и тихо ее обняла. Онѣ минуту стояли молча, и вдругъ по комнатѣ понеслись какіе-то прекрасные и до сей поры никому изъ насъ незнакомые звуки. То, что я принялъ за ручную аптечку, была концертина, въ ея тогдашней, примитивной формѣ, но звуки ея были полны и гармоничны, и подъ ихъ аккомпанементъ Гильдегарда и тетя запѣли тихую пѣснь — англичанка пѣла пустымъ контральто, а тетя Полли высокимъ фальцетомъ.

Онѣ пѣли «cantique» на текстъ «Приходящаго ко Мнѣ не изгоню вонъ» (Іоан. VI, 37), и слова ихъ пѣсни передъ звѣздами (въ русскомъ переводѣ) были таковы:

Таковъ какъ есть, — во имя крови,
За насъ пролитой на крестѣ,
За вѣрой, зрѣньемъ и прощеньемъ,
Христосъ, я прихожу къ Тебѣ».

Я былъ пораженъ и тихой гармоніей этихъ стройныхъ звуковъ, такъ неожиданно наполнившихъ домъ нашъ, а простой смыслъ дружественныхъ словъ пѣсни плѣнилъ мое пониманіе. Я почувствовалъ необыкновенно полную радость оттого, что всякій человѣкъ *сейчасъ* же, «таковъ какъ есть», можетъ вступить въ настроеніе, для котораго нѣтъ разторгающаго значенія времени и пространства. И мнѣ казалось, что какъ будто, когда *онъ* тронулись къ Нему «за вѣрой, зрѣньемъ и прощеньемъ», и *Онъ* тоже шелъ къ нимъ навстрѣчу, Онъ подавалъ имъ то, что дѣлаетъ иго Его благимъ и бремя Его легкимъ...

О, какая это была минута! я уткнулся лицомъ въ спинку мягкаго кресла и плакалъ впервые слезами невѣдомаго мнѣ до сей поры счастья, и это довело меня до такого возбужденія, что мнѣ казалось, будто комната наполняется удивительнымъ тихимъ свѣтомъ, и свѣтъ этотъ плыветъ сюда прямо со звѣздъ, пролетаетъ въ окно, у котораго поютъ двѣ пожилыя женщины, и затѣмъ озаряетъ внутри меня

мое сердце, а въ то же время всѣ мы — и голодные мужики, и вся земля — несемся куда-то навстрѣчу мірамъ..

О, если бы за всѣ скорби жизни земной еще разъ получить такую минуту при уходѣ изъ тѣла!

Этотъ вечеръ, который я вспоминаю теперь, когда голова моя значительно укрыта снѣгомъ житейской зимы, кажется, имѣлъ для меня значеніе на всю мою жизнь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

На другой день передъ обѣдомъ, когда тетя Полли и Гильдегарда, съ помощью отца и двухъ дворовыхъ, перекладывали въ ригѣ больныхъ на свѣжія подстилки изъ кострики, на которую разостлали рогожи, въ ригу неожиданно вошелъ исчезнувшій по осени съ нашего горизонта майоръ Алымовъ, а за нимъ шли его лягавый «Интендантъ» и мальчикъ съ табачнымъ кисетомъ и съ трубкой.

Я почему-то сразу понялъ, что майоръ напрасно вошелъ сюда, что ему здѣсь не мѣсто, и точно то же самое, очевидно, подумалъ мой отецъ, который, увидавъ майора, слегка покраснѣлъ, передалъ мнѣ въ руки полоскательницу съ уксусомъ и губкой, а самъ пошелъ скорымъ шагомъ навстрѣчу Алымову и, здороваясь съ нимъ одною рукою, другою далъ знакъ мальчику, чтобы онъ удалилъ отсюда собаку.

— Ахъ, да!.. здѣсь гошпиталь!—замѣтилъ Алымовъ.— Это интересно. Я еще теперь только ѣду домой... Я всю зиму леталъ и своимъ мужикамъ не мѣшалъ жить какъ имъ угодно... Вѣдь мы имъ, право, только мѣшаемъ... Они сами—чудесный народъ и всегда какъ-нибудь обойдутся... А вы представьте меня, пожалуйста, вашей сестрицѣ: я объ ней много наслышанъ.

Отецъ представилъ его обѣимъ дамамъ, но тѣ поклонились ему черезъ плечо, не отрываясь отъ своего дѣла, и отецъ увелъ его въ домъ, а одинъ изъ дворовыхъ, подавая тетѣ дегтярное мыло и воду, чтобы вымыть руки, доложилъ

ей вкратцѣ, что̀ это за человѣкъ г. Алымовъ и какую онъ штуку сдѣлалъ, вымочивъ въ навозной жижѣ рожь, чтобы сдѣлать ее несъѣдобной.

Тетя перевела это по-англійски Гильдегардѣ, а та прошептала: «O, God!» и сконфузилась какъ ребенокъ.

Алымовъ уже не могъ ожидать встрѣтить у этихъ женщинъ симпатіи и за обѣдомъ напрасно старался втянуть тетю въ разговоры: она или молчала, или говорила съ нами, т.-е. съ дѣтьми, а Гильдегарда вовсе не вышла къ столу, потому что у нея разболѣлась голова.

Новый гость могъ бесѣдовать только съ моими родителями, да и то отецъ, повидимому, не радъ былъ ни его визиту, ни говорливости, но мама въ этотъ разъ была къ нему внимательна...

Она въ душѣ не долюбливала тетю Полли, которая всегда «брала все не въ мѣру»: то была «проказница», а потомъ стала «фантазерка», и теперь развела у насъ въ домѣ близкое и опасное сношеніе съ больными людьми, чего maman никогда бы не допустила!

Maman умѣла говорить немножко «въ пику» тѣмъ, чьи «правила» ей не нравились, и присутствіе майора Алымова давало ей прекрасный поводъ поиронизировать надъ причудами и выдумками «филантропокъ», затѣи которыхъ будто нимало не полезны для нашего народа, такъ какъ нашъ народъ превосходно вѣритъ въ Бога, и Богъ спасетъ его отъ всякихъ бѣдствій.

Алымовъ былъ совершенно тѣхъ же мнѣній и при концѣ обѣда резюмировалъ разговоръ:

— Вотъ я ни во что не мѣшался... И прекрасно!.. Къ чему?.. Я знаю, что всѣхъ спасти нельзя, и нечего пробовать! Не правда ли?.. А если нельзя помочь всѣмъ, то какое право мы имѣемъ дѣлать однимъ людямъ предпочтеніе передъ другими!.. Не правда ли? Если уже спасать, то спасать *всѣхъ* людей!.. Это я понимаю... Не правда ли? Но если я этого не могу, то я не мѣшаюсь... Я отхожу въ сторону и ничего не порчу, и... по крайней мѣрѣ я не посѣ-

ваю зависти однихъ къ другимъ, какъ это на Западѣ, гдѣ все гніетъ, а не понимаютъ, отчего гніетъ? Не правда ли?.. Но у насъ этого нѣтъ... И вотъ, когда я могу сдѣлать серьезное и существенное дѣло, которое я, какъ хозяинъ, давно задумалъ, я его и дѣлаю—я возвращаюсь на мой постъ и всѣ мои крестьяне получатъ *ровно!*.. и если они не свиньи,—я оговариваюсь: если только они не свиньи,—то они навѣрно теперь поймутъ, что я для нихъ сдѣлалъ хорошее, а не дурное, и они благословятъ меня и отдадутъ мнѣ долгъ изъ новаго урожая!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Алымовъ уѣхалъ веселый и вдохновленный насквозь своимъ монологомъ, а ввечеру этого же дня къ намъ пріѣхалъ изъ Послова старикъ крѣпостной кондитеръ «бывшей княгини Д*», — очень почтенный человѣкъ, обучавшійся своему рукомеслу въ Парижѣ. Онъ желалъ быть «допущенъ на очи» къ пріѣзжимъ дамамъ и въ витіевато сложенной рѣчи изложилъ имъ, что онъ «рабъ своей госпожи, бывшей княгини Д*», и былъ за границей съ покойнымъ княземъ и служилъ «у него при дворѣ» въ Петербургѣ, а теперь прибылъ отъ своей госпожи, которая «больна мнѣніемъ»: она уже всю зиму не выходитъ изъ одной комнаты... въ другую переступить боится... а если переступить, то сейчасъ забезпокоится и говоритъ: «Я, вѣрно, что-то забыла?.. Скажите мнѣ, что я такое забыла? Боже мой!.. какая я несчастная! Отчего мнѣ никто не хочетъ напомнить?» А если сдѣластъ какое-нибудь распоряженіе, то очень странное. «Вотъ и теперь она прислала меня вамъ доложить, что̀ отъ графа пришли въ посылкѣ двѣ шкуры отъ львовъ, которыхъ онъ убилъ, и она желаетъ подарить эти шкуры бѣдственнымъ людямъ для ихъ постелей»... Поэтому его госпожа проситъ тетю и Гильдегарду, если онѣ позволятъ, привезти къ нимъ эти шкуры, и очень желали бы еще отдать что-нибудь, «что̀ можетъ годиться»...

Наши дамы выслушали этотъ докладъ обѣ вмѣстѣ, но такъ какъ Гильдегарда говорила по-русски очень дурно, то отвѣчала за себя и за нее тетя Полли.

Она сказала:

— Бѣднымъ людямъ можетъ годиться все, что имъ захотятъ дать, и даже львиныя шкуры годятся,—мы ихъ охотно возьмемъ и за нихъ очень благодаримъ, но постилать ихъ мужикамъ мы не будемъ.

— Конечно, сударыня!—съ почтительнымъ поклономъ отвѣчалъ кондитеръ.

— Да, мы ихъ отошлемъ въ городъ и продадимъ ихъ, а на эти деньги купимъ что̀ понужнѣе.

— Разумѣется, сударыня! Какъ же можно иначе-съ! Я этого говорилъ компаньонкѣ... Львиныя шкуры мужикамъ!... И много ли это... всего на двухъ человѣкъ... но вѣдь наша княгиня... онѣ... больны мнѣніемъ и,—извините,—по-русски я не смѣлъ бы сказать о своей госпожѣ, а скажу по-французски,—онѣ совсѣмъ какъ... perroquet... Отъ горя своего въ послѣдней разлукѣ съ супругомъ онѣ стали совсѣмъ въ дѣтствѣ. Если бы вы осчастливили ихъ видѣть и сказали бы имъ, что̀ надо сдѣлать... онѣ бы рады... И даже, можетъ быть, большія благодѣянія могли бы людямъ сдѣлать... Супругу ихъ мы не можемъ достаться, потому что онъ здѣшнихъ правъ не имѣетъ владѣть живыми людьми, но мы можемъ поступить послѣ ея смерти въ раздѣлъ ихъ дальнимъ родственникамъ, въ жестокія руки... Вы извините меня, что я, какъ рабъ, и при томъ смѣю такъ говорить; но ихъ племянники и племянницы пишутъ къ ихъ компаньонкѣ и къ іерею... и эти имъ отвѣчаютъ... Все это на нашу бѣду!.. Если-бъ госпожа понимала, что̀ можно сдѣлать,—онѣ бы сдѣлали... Онѣ теперь двухъ картофелинъ въ мундирахъ не докушиваютъ—одну ссылаютъ на подачку бѣдственнымъ... Я ихъ мнѣніе понимаю: онѣ алкаютъ добродѣтели... и не умѣютъ... Онѣ сказали про васъ компаньонкѣ: «Какія это дамы пріѣхали? Говорятъ, добрыя... Ахъ, когда бы были на свѣтѣ гдѣ-нибудь добрые люди!.. Я даже не вѣрю: го-

ворятъ—эти дамы всюду сами ходятъ и не боятся... Зачѣмъ я такъ не могу?..» Ихъ, вѣдь, такъ воспитали и... графъ (мы ихъ супруга называемъ для ихъ удовольствія *графомъ*—они французъ)... графъ ихъ робковатъ и онъ имъ сказалъ, что надо опасаться голодныхъ людей,—и самъ уѣхалъ,—и княгиня все боятся, и затомили себя въ одной комнатѣ въ домѣ... Но если бы кто ихъ посѣтилъ, къ кому онѣ, какъ къ вамъ, расположились своею мечтою...

И старикъ вдругъ упалъ на колѣни, воздѣлъ руки вверхъ и зашепталъ придыханьемъ, рыдая:

— Рабыни Господни!.. Умилосердитесь... Разрушьте совѣтъ нечестивыхъ!.. Придите!.. Вложите ей мысль... Она вѣдь добра... Быть можетъ, она завѣщаетъ отпустить насъ на волю!

А пока онъ рыдалъ и это высказывалъ, тетя и Гильдегарда переслались другъ съ другомъ своими говорящими глазами, и отвѣтъ ихъ былъ готовъ.

— Онъ есть тутъ лошадъ?—спросила Гильдегарда, касаясь своимъ пальцемъ до груди слуги.

Какъ квакерша, она никому не говорила «вы», и не желая говорить «ты» тѣмъ, съ кѣмъ это было неудобно, употребляла мѣстоименія въ третьемъ лицѣ, касаясь при этомъ рукою того человѣка, къ которому относились ея слова.

Кондитеръ былъ присланъ съ кучеромъ въ рессорной разсыльной телѣжкѣ, и когда Гильдегарда получила отвѣтъ, что есть на чемъ ѣхать,—она сейчасъ же встала и взяла со стола импровизированную шляпу, сшитую ей вчера тетею изъ сѣраго коленкора.

Тетя сказала ей одно только слово:

— Конечно!

— Имъ было достаточно этого слова, чтобы понять въ немъ все, что было нужно.

Но этотъ день, о которомъ я разсказываю, приводя къ концу мои воспоминанія о нашихъ домашнихъ событіяхъ при проводахъ голоднаго года,—былъ днемъ удивительныхъ сюрпризовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Гильдегарда, уѣхавшая въ сумерки, *не* возвратилась къ ночи.

Для разстоянія въ четыре или въ пять верстъ, которое отдѣляло нашу деревушку отъ богатаго села Послова, было довольно времени, чтобы съѣздить въ два конца и имѣть достаточно времени для дѣлового разговора или для перваго знакомственнаго визита, къ избалованной и одичавшей капризницѣ и недотрогѣ, какою всѣ и не безъ основанія считали «бывшую княгиню» Д*. Но Гильдегарда не возвращалась.

Отца это обезпокоило и онъ хотѣлъ непремѣнно послать за ней свои дрожки въ Послово,—даже и maman находила это необходимымъ, но тетя настойчиво потребовала, чтобы этого не дѣлали.

Тетя сказала о Гильдегардѣ:

— Она безъ надобности нигдѣ тратить время не станетъ, а если она находитъ, что ей тамъ есть дѣло, то для чего ее отрывать оттуда *по нашимъ соображеніямъ*, когда она пошла туда по волѣ Бога?

Maman было непріятно, что тетя такъ безцеремонно думаетъ, будто ихъ туда и сюда посылаетъ Богъ.

Она это ей и сказала, конечно, съ смягчающей шуткой, но та ей отвѣтила совершенно серьезно:

— Я не возьму моихъ словъ назадъ: Богъ дѣйствительно посылаетъ туда и сюда всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ вездѣ исполнить не свою волю, а послужить другимъ.

Тетя согласилась только на то, чтобы отецъ послалъ верхового—проѣхать до Послова и посмотрѣть: не случилось ли съ Гильдегардой и ея кондитеромъ что-нибудь въ дорогѣ? А негласно посланному велѣно было какъ-нибудь разузнать: отчего не возвращается англичанка?

Посланный скоро возвратился и привезъ извѣстіе, что путники доѣхали благополучно, и что англичанка у госпожи Д* и выходила съ ней на балконъ.

Тетя улыбнулась и сказала:

— Вотъ видите: она ее уже выводитъ на чистый воздухъ.

Утромъ Гильдегарда вернулась и сказала что-то тетѣ очень тихо,—въ отвѣтъ на что та покраснѣла и отвѣтила:

— Для чего ей это дѣлать? Я сама сейчасъ къ ней поѣду. Братъ! дай мнѣ лошадь въ Послово.

Такой оборотъ былъ неожиданъ и невѣроятенъ: эти двѣ женщины, соперничество которыхъ когда-то было такимъ непримиримымъ, что никто не могъ думать объ ихъ встрѣчѣ, шли нынче навстрѣчу другъ другу, и даже спѣшили одна другую предупредить въ этомъ движеніи!..

Для чего это имъ было нужно?

Но тетя уѣхала и цѣль ея поѣздки оставалась загадкою, а прежде чѣмъ она успѣла вернуться къ намъ, прискакалъ самъ на себя не похожій Алымовъ.

Онъ былъ блѣденъ, разстроенъ и растрепанъ, его кокъ упалъ и повисъ, галстухъ сбился на бокъ и венгерка разстегнута...

— А что я вамъ говорилъ!—началъ онъ, входя въ залу и ни съ кѣмъ не здороваясь.

Отецъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Я не помню, что̀ такое вы мнѣ говорили.

— Я говорилъ вамъ вчера... и вашей сестрѣ, что наши люди—это не люди, а это скоты!

— Ну, хорошо... я этого что-то не помню; но впрочемъ что жъ дальше?

— Моя яровая рожь вся тю-тю!

— Какъ?

— Тю-тю вся до послѣдняго зерна!

— Но вѣдь она была у васъ подъ замкомъ?

— Подъ большимъ американскимъ замкомъ, котораго невозможно ни отпереть безъ ключа, ни сбить, не разоривъ двери.

— Ну и что же?

— Просверлили дыры въ доскахъ въ полу и все выпустили!

— Когда же это?

— Почему же я могу это знать! Меня всю зиму не было дома... А Кромсай, подлецъ, которому я, какъ вольному человѣку, поручалъ наблюдать и обѣщалъ дать ему за это теленка, говоритъ: «должно быть, зимой помаленьку цѣдили». А куда же, спрашиваю, они ее дѣли?—«Должно быть, говоритъ, слопали»... Ну, не скоты ли!.. Вѣдь она, говорю, была вонючая!.. я ее нарочно припоганилъ! «Такъ, говоритъ, поганковатую, вѣрно, и слопали». А чего «вѣрно», когда онъ самъ же, подлецъ, ее и лопалъ!

— Почему же вы это узнали?

Алымовъ закашлялся, покраснѣвъ, и, вытащивъ изъ кармана венгерки мужичью трубку съ мѣдной крышкой, швырнулъ ее на столъ и закричалъ:

— Смотрите ее!.. Вотъ почему!.. Это его, подлеца, трубка... Не правда ли? ее подъ амбаромъ нашли... Онъ еще и всю усадьбу сжечь могъ. Я ихъ теперь всѣхъ, подлецовъ, разнесу... Я имъ сказалъ: «Я прямо поѣду къ исправнику и потребую сюда временное отдѣленіе земскаго суда... Пусть васъ всѣхъ заберутъ и заморятъ!..» А онъ еще, этотъ Кромсайка... вообразите, даетъ мнѣ въ родѣ родительскаго наставленія... «Погоди,—говоритъ,—ты еще младъ человѣкъ, тебѣ еще много вѣку надо на землѣ жить да радоваться... а ты себя укорочать хочешь... Это моя трубка, ничего что она моя... У меня ее, братъ, украли да тебѣ подкинули... Это все вороги... народъ воровской—шельмы... А ты ихъ не замай... прости... Богъ съ ними... Ты ужъ того, что̀ пропало, не воротишь, а потерпи—оно само вѣрнѣе въ другой оборотъ придетъ... А то укоротятъ тебѣ вѣку»... Вообразите, краснымъ пѣтухомъ меня пугать сталъ!.. «Спалятъ,—говоритъ,—дѣло сусѣдское: развѣ какому-нибудь жигуну огонька сунуть долго! У тебя постройка хозяйственная—весь дворъ въ кольцѣ—запылаетъ, и живой не выпрыгнешь». Стращать меня!.. Не правда ли? Но это неправда!.. Я не французъ изъ города Бордо... я

не поѣду въ Африку львовъ стрѣлять, а сейчасъ прямо къ губернатору.

Отецъ сталъ его уговаривать и увелъ къ себѣ въ кабинетъ, потому что въ это время возвратилась тетя и отецъ не хотѣлъ ей показывать Алымова, положеніе котораго было и крайне смѣшно, и жалостно.

Впрочемъ, на этотъ разъ отецъ мой имѣлъ удачу: онъ успокоилъ майора и уговорилъ его побывать у губернатора, но не сильно жаловаться, и лучше простить мужиковъ, не разыскивая, кто изъ нихъ «полопалъ» припогаженную рожь.

Губернаторъ далъ ему тотъ же самый совѣтъ, которому Алымовъ и внялъ, и смилостивился надъ мужиками,—онъ «простилъ ихъ». А за то его Богъ простилъ и пропажа его «возвратилася другимъ оборотомъ»: дивный урожай, слѣдовавшій за голоднымъ сороковымъ годомъ, — обсѣменилъ его поля самосѣвомъ, и Алымовъ «сжалъ, гдѣ не сѣялъ».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Свиданіе же тети Полли съ бывшей княгиней Д*, вѣроятно, имѣло что-то неудобопередаваемое. Тетя вернулась домой въ сумерки, когда всѣ мы, дѣти, сидѣли вокругъ Гильдегарды Васильевны въ отведенной для нихъ комнатѣ. Англичанка показывала сестрѣ моей, какъ надо дѣлать «куадратный шнурокъ» на рогулькѣ и въ то же время разсказывала всѣмъ намъ по-французски «о несчастномъ Іудѣ изъ Керіота». Мы въ первый разъ слышали, что это былъ человѣкъ, который имѣлъ разнообразныя свойства: онъ любилъ свою родину, любилъ отеческій обрядъ и испытывалъ страхъ, что все это можетъ погибнуть при перемѣнѣ понятій, и онъ сдѣлалъ ужасное дѣло «предавъ кровь неповинную».

Въ это время въ комнату вошла тетя Полли и, сказавъ всѣмъ намъ общее привѣтное слово, опустилась на стоявшее въ углу кресло.

— Что-жъ вы замолкли? — сказала она: — продолжайте говорить, о чемъ вы говорили.

Гильдегарда Васильевна мелькомъ взглянула на нее и продолжала объ Іудѣ, и закончила, что если бы онъ былъ безъ чувствъ, то онъ бы не убилъ себя, а жилъ бы какъ живутъ многіе, погубивши другого.

Тетя прошептала:—Правда.

Англичанка спустила паузу и сказала:

— Ты довольна собой или нѣтъ?

Тетя Полли хрустнула пальцами руки и отвѣчала:

— Не знаю, но... она такъ трогательна, она переноситъ на меня такія чувства, что мнѣ хочется плакать.

Въ голосѣ у нея въ самомъ дѣлѣ звучали слезы. Англичанка опять дала паузу и потомъ тихо сказала:

— Титанія...

Но тетя перебила скороговоркою:

— Ахъ, конечно, конечно!.. Титанія, доразсвѣтная Титанія, которая еще не видитъ, что она впотьмахъ цѣловала... осла!..

— Я этого не сказала, — замѣтила, смутясь, Гильдегарда.

— Ничего, мой другъ! Ничего! я знаю, ты не хочешь, чтобы я «предавалась воспоминаніямъ», ну и карай меня!

Тетя ласково кинула на плечи англичанкѣ свои руки и сказала:

— Ты Петръ, и это значитъ: «камень»; и ты блаженна,— но прости насъ, грѣшныхъ!

И она, кажется, хотѣла спуститься и стать на колѣни, только Гильдегарда успѣла схватить ее подъ плечи и воскликнула:

— Полли! Полли! Неужели я тебя оскорбила!?

— Нѣтъ,—отвѣчала тетя:—мнѣ просто... хочется плакать.

Онѣ обнялись, и тетя два раза всхлипнула, потомъ утерла слезы и, улыбнувшись, сказала:

— Вотъ когда *аминь!*

Свиданіе это имѣло также и другія разнообразныя добрыя послѣдствія, изъ числа которыхъ два были очень замѣчательны. Первое состояло въ томъ, что больныхъ въ нашей мѣстности съ этихъ поръ уже не приходилось болѣе класть на кострикѣ въ холодной ригѣ, потому что «бывшая княгиня» построила «для всей мѣстности» прекрасную больницу и обезпечила ее «на вѣчныя времена» достаточнымъ содержаніемъ; и второе: слезы кондитера, рыдавшаго и воздымавшаго руки къ «рабынямъ Господнимъ», были отерты: въ Пословѣ было написано завѣщаніе, дававшее послѣ смерти Д* «всѣмъ волю».

Это было величайшее событіе во всей губерніи, которая такого примѣра даже немножко испугалась.

А кромѣ того, въ день отъѣзда отъ насъ тети и Гильдегарды, «бывшая» Д* сама пріѣхала къ намъ, чтобы еще разъ видѣть обѣихъ этихъ женщинъ.

Я ее помню, эту «Титанію»,—какая она была «нетлѣнная и жалкая»: вся въ лиловомъ бархатномъ капотѣ на мягчайшемъ мѣху шеншелá, — дробненькая, миніатюрная, съ крошечными руками, но припухлая, и на всѣхъ смотрѣла съ какимъ-то страхомъ и недовѣріемъ. Ея лицо имѣло выраженіе совы, которую вдругъ освѣтило солнце: ей было и непріятно, и больно, и въ то же время она чувствовала, что не можетъ теперь сморгнуть въ сторону.

Мнѣ показалось, что вотъ это и есть онъ самъ—воплощенный голодъ ума, сердца, чувствъ и всѣхъ понятій.

Тетѣ некогда было съ нею теперь заниматься, потому что, узнавъ объ ихъ отъѣздѣ, пришло множество больныхъ и всѣ ожидали у балкона, на которомъ тетя и Гильдегарда ихъ осматривали, обмывали и гдѣ было необходимо — дѣлали проколы и надрѣзы.

Бывшую» Д* посадили въ кресло на этомъ же балконѣ. Она сама не хотѣла отсюда удалиться и смотрѣла съ величайшимъ вниманіемъ на все, что дѣлала тетя, и наконецъ даже сама захотѣла принять хоть какое-нибудь непосредственное участіе и сказать человѣку хоть теплое слово.

Къ этому и представился поводъ въ томъ случаѣ, который особенно поразилъ вниманіе ея голоднаго ума.

Въ числѣ женщинъ, пришедшихъ съ больными дѣтьми, стояла баба неопредѣленныхъ лѣтъ, худая, съ почернѣвшей кожей; она была беременна и имѣла при себѣ трехъ дѣтей, изъ которыхъ двое тянулись за материну юбку, а третье безпомощно пищало у ея изможденной груди.

У всѣхъ дѣтей лица были въ красныхъ отмѣткахъ наружной болѣзни, которую въ крестьянствѣ называютъ «огникъ».

Это поразило даму, и она устремила на бабу пристальный взоръ и, не умѣя соразмѣрять голоса, сказала ей строго:

— Это зачѣмъ столько!?

— Что матушка?

— Зачѣмъ столько... дѣтей?

— Да вѣдь какъ же мнѣ быть-то? замужемъ я... сударынька!

— Ну и что же такое!.. И я замужемъ... Дѣтей нѣтъ.

— Ваше дѣло иное, сударынька...

— Отчего дѣло иное? Пустяки!

— Какъ пустяки, болѣзная: вы живете въ такихъ-то широкихъ хоромахъ... Накось какое мѣсто... займаете... просторъ вамъ... разойдетесь и не сустрѣтитесь; а у насъ избы тѣсныя, все мы вмѣстяхъ да вмѣстяхъ...

— Ну и не надо!

— Да не надо, а приключается.

Тутъ сразу и баба, и дама остановились, и тетя расхохоталась, а Гильдегарда сконфузилась. Тогда и «бывшая» Д* что-то поняла и, осмотрѣвъ бабу въ лорнетъ, проговорила:

— Savez-vous: elle est maigre, mais...

Дама вдругъ вздрогнула, нѣсколько разъ перекрестилась и прошептала:

— Retire-toi, Satan!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Прощаясь съ тетей, дама еще выкинула претрогательную штуку, которая была бы въ состояніи очень сконфузить тетю, если бы та не была находчива.

Когда тетя простилась и съ этою дамою, и со всѣми нами, и перецѣловала всѣхъ окружавшихъ ее дворовыхъ женщинъ и горничныхъ дѣвушекъ, и уже занесла ногу на спускную ступеньку коляски,—«бывшая» Д* ринулась къ ней, какъ дитя къ страстно-любимой нянькѣ, и закричала:

— Arrêtez! Arrêtez!

— Что вамъ угодно, princesse?

— Вотъ именно... вотъ и объ этомъ... Если можно... я могу буду вамъ это отдать?

Она держала вынутый изъ кармана капота конвертъ.

— Что это такое?

— Мой testament... я всѣхъ на волю.

— Ахъ, это надо послать въ опекунскій совѣтъ!

— Да, вотъ, ужъ это именно вы... Я боюсь сдѣлать именно такъ, какъ не надо.

Тетя взяла конвертъ.

— И еще... мнѣ скажите, — проговорила и запнулась Д*:—что я могу буду или нѣтъ къ вамъ написать?

— Пожалуйста!

— И вы мнѣ будетъ писать отвѣтъ?

— Непремѣнно!

— Тогда... еще одно... Я могу буду васъ попросить...

— Все, что угодно.

— Не пишите мнѣ princesse, а... напишите мнѣ...

— Просто ваше имя?

— Нѣтъ!.. напишите мнѣ просто: *ты!*

Тетѣ, вѣроятно, показалось, что она ослышалась, и она недоумѣло и тихо спросила:

— Что?

А та ей робко и краснѣя прошептала: — «ты»! я хочу: «*ты*»!

Гогда тетя вдругъ вся вспыхнула, нагнулась къ ней, поцѣловала ее и сказала ей твердо и громко:

— Хорошо: я *тебѣ* напишу «ты» и буду о *тебѣ* думать съ любовью, которой «ты» стоишь.

Тутъ и произошло для финала нѣчто смутившее тетю, потому что бывшая ея соперница и «бывшая» Д* вдругъ сжала въ своихъ рукахъ и поцѣловала *ея руку*!..

Но тетя Полли, я говорю, была находчива: она успѣла взять обѣ ея руки и обѣ ихъ поцѣловала, и сказала:

— Будь счастлива—и прощай, а то я, пожалуй, при всѣхъ разревусь здѣсь, какъ дура!

. . . . . .

Подозрѣвали тогда, что въ мозгу Д* въ это время была уже такая путаница, что она не узнавала въ тетѣ Полли лицо, нѣкогда ее сильно уязвившее; но это была неправда. Компаньонка этой дамы разсказывала, что, сдѣлавъ знакомство съ тетею, Д* постоянно ею бредила и искала случая говорить о ней, и всякій разговоръ заключала словами:

— Что жъ... ее вѣдь не любить нельзя... Я *его* понимаю... Нельзя!..

А когда Д* вскорѣ послѣ этого умерла, то въ мелкихъ вещахъ, завѣщанныхъ ею разнымъ лицамъ, нашли конвертикъ, ею самою надписанный на имя тети Полли. Онъ былъ тщательно-претщательно обвязанъ шолковымъ шнурочкомъ и припечатанъ два раза, и въ немъ оказался миніатюрный портретъ «робковатаго» стрѣлка львовъ, за котораго онѣ когда-то взаимно ненавидѣли другъ друга, и потомъ, вѣроятно, обѣ почувствовали, что ненавидѣть другъ друга ни за что на свѣтѣ—не стоитъ!

Чувствительные люди, которымъ сдѣлалось извѣстно объ этомъ подаркѣ, были этимъ очень тронуты, и поняли дѣло такъ, что миніатюра подарена тетѣ Полли, безъ сомнѣнія, съ тѣмъ, чтобы она перешла княжнѣ Валѣ, которая при-

ходилась слишкомъ сродни тому, чьи черты передавала миніатюра; но тетя какъ-то всю эту тонкость проманкировала и о миніатюрѣ не осталось ни памяти, ни слѣда.

Эта Титанія, очевидно, уже не придавала никакого значенія миніатюрамъ прошлыхъ увлеченій, которыя померкли въ лучахъ озарившаго ее великаго Солнца Любви, свѣтящаго въ вѣчность...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Голодный годъ прошелъ: злаки взошли, и люди и животныя стали сыты. Хлѣбъ созрѣлъ необыкновенно рано. Въ половинѣ іюня мужики уже парили въ горшкахъ рожь и ѣли ее немолотую, а къ Петрову дню пекли «новый хлѣбъ».

Петровъ день — это былъ «нашъ престолъ» и «нашъ праздникъ». Духовенство обходило съ образами приходъ, пѣло молебны и собирало «новину». На улицѣ опять «шла гульба», было «сыто и пьяно»; высоко «подмахивали качели», и молодые люди, стѣной наступая другъ на друга, пѣли: «А мы просо сѣяли!» А другіе отвѣчали: «А мы просо вытопчемъ. Ой, дидъ Ладо, вытопчемъ!» А за ручьемъ на косогорѣ, гдѣ былъ кабакъ, разливало: «Наваримте, братцы, пива молодого»...

Пошла опять знакомая струя, но эти звуки, долетавшіе въ нашу дѣтскую, мнѣ уже не были милы. Я уже разсуждалъ, что это за «дидъ», что за «Ладо»? Зачѣмъ одни хотятъ «вытоптать» то, что «посѣяли» другіе? Я былъ тронутъ съ стараго мѣста... Я ощущалъ *голодъ* ума и мнѣ были милы тѣ звуки, которые я слышалъ, когда тетя и Гильдегарда пѣли, глядя на звѣздное небо, давшее имъ «зрѣніе», при которомъ можно все простить и все въ себѣ и въ другихъ успокоить.

О „КВАКЕРЕЯХЪ“.

(Post-scriptum къ «Юдоли».)

«Honny soit qui mal y pense».

Мои ретроспективные разсказы, напечатанные подъ заглавіемъ «*Юдоль*», вызвали у нѣкоторыхъ лицъ недоумѣнія: нѣкоторымъ изъ читателей показалось странно: откуда взялась квакерша въ русскомъ домѣ 30 — 40-хъ годовъ?! Этимъ читателямъ помнится, что тогда въ дворянскую жизнь скорѣе врѣзывалось романтическое вѣяніе римскаго католичества, къ которому покровительственно относились оберъ-прокуроръ синода кн. Голицынъ и другія вліятельныя особы тогдашней поры, но что тогда будто бы отнюдь неизвѣстно было «суровое — квакерское, религіозное резонерство». А потому упомянутымъ читателямъ думается, что эпизодъ съ выведенной у меня квакершей Гильдегардой какъ будто бы не подходитъ къ тому времени и отдаетъ свѣтомъ иной, позднѣйшей поры, наступившей послѣ появленія въ русскомъ обществѣ англичанина, лорда Редстока. Причемъ мнѣ дѣлаютъ указанія на сочиненія протоіерея Михаила Як. Морошкина и гр. Дм. Андр. Толстого о іезуитахъ, а также и на то, что писали о Редстокѣ кн. Мещерскій и другіе, «совоспитанные ему». Нѣкто же, болѣе прочихъ увѣренный въ основательности своихъ свѣдѣній по исторіи «постороннихъ религіозныхъ вліяній», утверждаетъ, будто «квакеровъ даже и не видали въ Рос-

сіи до нынѣшняго (1892) года, когда они прибыли сюда подъ именемъ *Друзей* и привезли въ Россію денежную помощь для голодныхъ».

Такія замѣчанія очень многозначительны для писателя, и на всѣ эти, съ разныхъ сторонъ доходящія до меня замѣчанія я считаю необходимостью дать читателямъ моихъ воспоминаній объясненіе.

Вначалѣ скажу, что я, конечно, читалъ и знаю, что писали о католичествѣ въ Россіи протоіерей Морошкинъ и и графъ Дм. Толстой, а о Редстокѣ есть книга, написанная мною самимъ, и за свѣдѣніями объ этомъ англичанинѣ мнѣ нѣтъ никакой надобности обращаться къ сочиненіямъ кн. Мещерскаго,—а затѣмъ перехожу къ объясненіямъ по самому существу выраженныхъ «недоумѣній».

Совершенно справедливо и въ историческихъ изысканіяхъ послѣдняго времени съ достовѣрностью доказано, что въ тридцатыхъ годахъ среди русской знати имѣло значительный успѣхъ стороннее вліяніе римскаго католичества, а не протестантство, но это отнюдь не доказываетъ, что тогда совсѣмъ не имѣли участія въ русской жизни и другія религіозныя вѣянія, исходившія отъ людей, извѣстныхъ подъ общимъ наименованіемъ «піетистовъ» (отъ pietas—благочестіе), въ числѣ которыхъ были и *квакеры*.

Такъ какъ въ «Юдоли» я сообщаю воспоминанія, касающіяся только моего родственнаго круга, то для оправданія себя лично я почелъ бы достаточнымъ сказать, что по отношенію къ протестантамъ мы въ своемъ родственномъ кругу были въ особливыхъ, сближающихъ условіяхъ, такъ какъ одна изъ моихъ тетокъ была замужемъ за англичаниномъ, и всѣ мы (тогдашняя молодежь) выросли въ уваженіи къ вѣрованіямъ и благочестію родственнаго намъ англійскаго семейства, въ которомъ наши старшіе нерѣдко ставили намъ, молодымъ, на видъ образцы дѣятельной христіанской жизни, послужившіе намъ во многомъ примѣрами. Мнѣ кажется, одной этой ссылки было бы довольно, чтобы

читателю стало ясно, какъ въ семью нашу проникалъ немножко духъ англійской религіозности, и почему живая душа тети Полли послѣ своихъ хромыхъ движеній туда и сюда— на оба колѣна — нашла облегченіе и попутный ходъ къ свѣту въ содружествѣ такой женщины, какъ описанная мною молодая и очень красивая квакерша Гильдегарда Васильевна, которую тетя Полли встрѣтила случайно, быстро ее поняла и оцѣнила, а потомъ страстно къ ней привязалась и часто называла ее своею «крестною матерью», хотя безъ всякаго сомнѣнія Гильдегарда надъ моею тетушкою воднаго крещенія не повторяла.

Московскіе старожилы, которымъ сколько-нибудь памятно англійское населеніе «Шкотовскаго дома» въ Леонтьевскомъ переулкѣ, конечно знаютъ, что тамъ, въ этомъ старомъ домѣ, пока онъ принадлежалъ г-жѣ Шкоттъ (мачихѣ мужа моей тетки), всегда былъ выборъ англичанокъ, занимавшихъ мѣста воспитательницъ. И это всегда были особы нравственныя, иногда очень образованныя и всегда строго религіозныя.

Отсюда онѣ разъѣзжались «на мѣста» по Россіи, и по преимуществу въ тѣ губерніи, гдѣ четыре сына «стараго Шкота» (Якова Яковлевича) занимались управленіемъ большими помѣщичьими *имѣніями* Нарышкиныхъ и Перовскихъ.

Сосѣди просили ихъ рекомендовать «англичанокъ» *благонадежныхъ* и получали какъ разъ такихъ, какихъ просили.

Изъ этихъ воспитательницъ очень многія «приросли» къ своимъ воспитанницамъ и остались друзьями ихъ *на всю жизнь*. А между ними бывали и методистки, и квакерки. Ни рекомендатели, ни наниматели въ этомъ никакой разницы не полагали *).

---

*) Теперь мнѣ приходитъ на память одинъ не важный, но характерный случай, дополняющій картину отношеній родственниковъ моихъ къ квакерскимъ женщинамъ. Изъ числа моихъ двоюродныхъ братьевъ одинъ овдовѣлъ въ очень молодыхъ годахъ и у него осталось трое дѣтей, съ которыми онъ не зналъ какъ управиться, и очень тосковалъ по своей прекрасной скончавшейся женѣ. Тетка

Слѣдовательно, квакеркѣ придти въ орловское дворянское семейство тогда было очень просто и она для этого не имѣла надобности прибѣгать ни къ какимъ хитростямъ. На этомъ, я думаю, можно бы и кончить, ибо ясно, что въ нашъ родственный кругъ было откуда придти квакершѣ; но такимъ образомъ выяснился бы только частный случай, касающійся нашего родства; да и въ томъ читатель долженъ бы былъ принимать мои слова на-вѣру,—чего я не желаю.

наша, бывшая за англичаниномъ, очень сожалѣла этого своего племянника, но раздѣляла его опасенія, что жениться во второй разъ очень рискованно, ибо первобрачнымъ дѣтямъ при мачихѣ будетъ худо. Они перебирали на совѣтѣ множество извѣстныхъ имъ дѣвушекъ и все находили, что «ненадежно» и «страшно»: жена можетъ выйти изрядная, а для того, чтобы вышла добрая мачиха,—ни одна этому не отвѣчала. Тогда тетка и сказала племяннику: «Развѣ вотъ что: если ты дѣйствительно честный человѣкъ и хочешь жениться для счастья семьи, а не для одной своей утѣхи, то поѣзжай въ Англію, найди тамъ себѣ расположеніе въ квакерской семьѣ и *женись на квакеркѣ*. Онѣ умѣютъ приводить миръ въ домъ». Родственникъ нашъ такъ и сдѣлалъ,—онъ уѣхалъ въ Шотландію на цѣлый годъ и возвратился оттуда съ молодою женою, которая въ первый же день своего пріѣзда въ домъ мужа собственноручно вымыла baby soap'омъ уши его дѣтямъ и повела ихъ такъ, что ничьи глупыя наученія не помѣшали ей овладѣть ихъ почтеніемъ и любовью. А когда это такъ пошло, то другой братъ этого родственника, холостой, тоже пожелалъ жениться на англичанкѣ и притомъ на такой, которую ему посовѣтуетъ взять свояченица. Та это обдумала и исполнила: она дала ему письмо въ свою родную семью, гдѣ онъ нашелъ себѣ суженую въ младшей сестрѣ жены своего брата, и не избѣгъ этой судьбы: онъ женился на ней и остался навсегда въ Англіи, въ семьѣ престарѣлаго тестя своего, а свое имѣніе въ Россіи передалъ брату и съ нимъ разсчитался. Не возвращался онъ въ Россію, какъ говорили, потому, что здѣсь бракъ двухъ братьевъ съ двумя сестрами могъ быть признанъ незаконнымъ, а также и потому, что очень полюбилъ семейство жены и не хотѣлъ огорчать ее разлукою съ ея отцомъ. Итакъ, этотъ нашъ чистосердечный родственникъ съ очень милою, поэтическою натурою навсегда отчуждился отъ родины и мы его совсѣмъ потеряли изъ вида, но слыхали, что онъ пользовался въ общинѣ прекрасною репутаціею и видѣлъ на себѣ и на семьѣ своей «благословеніе Божіе»,—что̀ по ихъ манерѣ выражаться замѣняетъ понятіе, усвояемое словомъ: онъ «былъ счастливъ»

А я хочу и долженъ основательно удостовѣрить читателя, что квакеры впервые появились въ Россіи не въ 1892 году, «съ пособіемъ», а что они были здѣсь гораздо ранѣе, не только «до Редстока», но даже и до нашего рожденія, — и что присутствіе ихъ (мужчинъ и женщинъ, и даже *особенно женщинъ*) у насъ тогда уже очень чувствовалось и даже вызывало правительственныя мѣры. Къ этому теперь и прошу вниманія.

Я не знаю, по какому случаю въ Сибирь были сосланы изъ Россіи «послѣдователи квакерской ереси: квакеры и квакереп» (sic), но въ числѣ нѣсколькихъ бумагъ о «сибирской старинѣ», подаренныхъ мнѣ покойнымъ сибирскимъ уроженцемъ,—извѣстнымъ золотопромышленникомъ и русскимъ генералъ-маіоромъ Веніаминомъ Ивановичемъ Асташевымъ, есть обстоятельная записка именно «о квакереяхъ» (т.-е. женщинахъ), и въ этой интересной запискѣ, составленной со ссылками на года и на лица, значится слѣдующее: «*Квакереями* въ преданіяхъ томскихъ старожиловъ называются *послѣдовательницы квакерской ереси*, сосланныя въ томскій дѣвичь-монастырь, въ послушаніе и тяжкія монастырскія работы. Колодницы эти, числомъ двадцать двѣ, *имѣли большое вліяніе не религіозныя понятія тогдашнихъ томскихъ обывателей*. «Осужденныя за богомерзкую ересь, эти женщины прибыли въ томскій дѣвичь-монастырь въ 1744 году и оставались въ немъ даже и тогда, когда самый монастырь былъ уже упраздненъ и церковь его обращена въ приходскую. О нихъ въ памяти томскихъ старожиловъ сохраняется много «разнообразныхъ преданій». Преданія эти довольно обширны и излагать ихъ въ подробностяхъ для нашей цѣли нѣтъ надобности, но изъ всѣхъ изъ нихъ вытекаетъ прямой выводъ, что въ Сибири о «квакереяхъ» знали и сначала судили о нихъ различно, — кто хорошо, а кто худо: одни почитали «квакерей» за добрыхъ, благочестивыхъ женщинъ и относились къ нимъ съ большимъ уваженіемъ, а другіе видѣли въ нихъ вредныхъ

«еретицъ» и пренебрегали ими. Эти послѣдніе обходились съ квакереями недружелюбно и желали вызывать противъ нихъ общее недовѣріе и строгости. Авторъ Асташевской записки (духовное лицо одной изъ сибирскихъ епархій), на основаніи извѣстныхъ ему соображеній, предполагаетъ, что не всѣ 22 томскія колодницы содержали квакерскую ересь, и что между ними были и другія сектантки: но во мнѣніи томскихъ обывателей всѣ онѣ неправильно почитались подъ одну стать «квакереями». Изъ нихъ, по разсказу этого очень обстоятельно освѣдомленнаго автора, особенно извѣстна былая нѣкая «*матерая Надёжа Григорьевна*». По описанію, это была очень дородная женщина, «огромнаго роста», которая прославилась «благочестивою жизнью», и томскіе любители благочестія ходили къ ней молиться и «совѣтоваться въ семейныхъ дѣлахъ, а особенно въ горестяхъ»; а по сосѣдству съ «матерою Надёжею Григорьевною» жилъ ея братъ «и другія *квакереи*», прожившія въ Томскѣ болѣе пятидесяти лѣтъ и оставившія по себѣ воспитанниковъ, подобныхъ по духу самой Надёжѣ Григорьевнѣ» *). Но въ чемъ именно и какъ выражался духъ «матерой квакереи Надёжи Григорьевны»—авторъ записки не разъясняетъ, но зато въ запискѣ встрѣчается отдѣльное упоминаніе о другой квакереѣ, по имени Маріи Матасовой, при которой значится, что̀ ей ставили въ вину. Изъ отмѣтки о Матасовой видно, что въ 1826 году священникъ томскаго Благовѣщенскаго собора, Никифоръ Большанинъ, сдѣлалъ въ томское духовное правленіе «доносъ», въ которомъ притомъ прописалъ и общую характеристику дѣятельности «квакерей» (Указъ тобольской консисторіи 1826 г., за № 3067). Изъ доноса видно, что названный сибирскій духовный, надо полагать, имѣлъ что-то непріязненное противъ священника того монастыря, въ которомъ

*) О братѣ Надёжи Григорьевны нѣтъ объясненія: былъ ли и онъ тоже квакеръ, и были ли съ нимъ сосланы тоже другія лица мужескаго пола, или онъ одинъ попалъ сюда при сестрѣ и другихъ квакереяхъ.

были заключены квакереи, и сочинилъ доносъ такъ, что значительная тягость помѣщенныхъ въ немъ обвиненій падала на монастырское духовенство. Соборный священникъ Большанинъ писалъ, что «хитрыя квакереи учили своихъ почитателей строго соблюдать всѣ внѣшніе обряды православія, казаться наружно православными и *задабривать, сколько возможно, приходскихъ священниковъ*, чтобы они не имѣли на нихъ никакого подозрѣнія. Эти наставленія онѣ прежде всего исполняли сами, и въ глазахъ своихъ монастырскихъ священниковъ *въ теченіе сорока лѣтъ казались строго православными,* такъ что эти священники, обязанные ежегодно доносить объ ихъ поведеніи, постоянно отзывались, что *присланныя квакерской ереси растриги-дѣвки житіемъ пребываютъ исправно и вѣру христіанскую содержатъ во всемъ, какъ христіанская должность повелѣваетъ:* до церкви святой для слушанія славословія Божія всегда ходятъ нелѣностно, у исповѣди и св. причастія бываютъ, иныя по дважды, а другія по вся посты неотмѣнно, и *прежняго за ними злодѣйства нынѣ не оказывается*» («Репорты священника Шихова 1760 г. и Дулѣпова 1775 г.»).

Изъ вышесказаннаго ясно видно, что священники, которые должны были умѣть различать духъ ересей, разумѣли «присланныхъ» за послѣдовательницъ «квакерской ереси» и исправляли ихъ отъ «прежняго злодѣйства», которое, безъ сомнѣнія, заключалось въ квакерскомъ понятіи объ обрядахъ, о власти и о прочемъ, что́ отличаетъ религіозныя мнѣнія этихъ людей, ставящихъ выше всего личное духовное возрожденіе.

Такимъ образомъ записка, сохранившаяся въ бумагахъ извѣстнаго сибиряка, генерала Асташева, даетъ несомнѣнное удостовѣреніе, что «квакереи» у насъ дѣйствительно *были*, а далѣе,—эта же записка представляетъ и любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ эти квакереи дожили вѣкъ свой въ Томскѣ.

———

Настоятель томскаго мужского монастыря, архимандритъ Лаврентій, въ «промеморіи», поданной имъ посѣтившему Сибирь исторіографу Миллеру, объяснилъ, что въ дѣвичьемъ монастырѣ, въ которомъ жили присланныя двадцать двѣ дѣвки-квакереи, «положеніе бѣдственное: церковь одна, деревянная и весьма ветхая, та такова-жь и ограда, келій шесть—вси ветхія; вкладчиковъ, служителей и крестьянъ нѣтъ и земель и угодій не имѣется». А послѣ архимандрита Лаврентія самъ причтъ монастыря, гдѣ томились квакереи, жаловался митрополиту Сильвестру, что у нихъ церковь уже «въ развалинахъ», «въ монастырѣ монахинь нѣтъ, а ссыльныя растриги *дѣвки-квакереи живутъ на мірскомъ подаяніи*» *).

Авторъ записки, дошедшей до насъ черезъ руки генерала Асташева, доискивался и того, кто были эти томскія квакереи, и пришелъ къ убѣжденію, что «это были *раскольницы, приставшія къ немногимъ подлиннымъ русскимъ квакерамъ*».

Слѣдовательно квакеры и «квакереи» были извѣстны отцамъ нашимъ.

Любопытная судьба сосланныхъ въ Сибирь квакерей,

---

*) Хотя и нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ справедливости объясненій, поданныхъ причтомъ митрополиту о томъ, что «квакереи живутъ мірскимъ подаяніемъ», но есть однако данныя, по которымъ можно предполагать, что и въ старости своей «квакереи» искали средствъ жить трудами рукъ своихъ и дѣлали что̀ могли и что умѣли. Въ числѣ тѣхъ же самыхъ бумагъ, подаренныхъ мнѣ покойнымъ генераломъ Асташевымъ, есть разрозненные листки приходныхъ и расходныхъ тетрадей, изъ которыхъ видно, что старушки жили какъ-будто общиною,—сообща покупали писчую бумагу, свѣчи, чернила и краски, и «писали заказы», т.-е. занимались *списываніемъ книгъ*, за что получали плату и вносили ее общею статьею на приходѣ. Такъ же общимъ расходомъ показываны издержки на крупу, соль, масло, холстину и проч. обиходныя вещи. Есть у меня и три листка ихъ письменныхъ работъ, совершенно схожихъ съ такими же работами инокинь старовѣрческихъ скитовъ. Письмо мелкимъ и очень красивымъ полуставомъ, и очень красивыя заставицы съ пестрою

по выпискѣ, дошедшей отъ генерала Асташева, кончилась тѣмъ, что двадцать изъ нихъ перемерли 1784 года, но двѣ—Марія Дмитріевна и Анна Васильевна—жили очень долго, и когда монастырь развалился, онѣ сдѣлались предметомъ немалыхъ заботъ для начальства. Явился вопросъ о томъ, куда ихъ пристроить. «По закрытіи томскаго монастыря», который совсѣмъ обѣднялъ и разрушился, до того, что жить въ немъ стало невозможно, — квакерей Марью Дмитрову и Анну Васильеву «слѣдовало перевесть въ енисейскій монастырь». Почему опять это такъ «слѣдовало»—изъ записки не видно, но видно, что тутъ вздумали посмотрѣть на этихъ двухъ остальныхъ квакерей: каковы онѣ были въ это время, и тутъ увидали, что время ихъ не пощадило, и что онѣ уже такъ слабы и ветхи, что ихъ совсѣмъ «нельзя переводить», и «того ради» ихъ тогда рѣшились подвести подъ манифестъ «къ освобожденію изъ содержанія». Объ этомъ началась новая переписка и «продолжалась годъ», а въ апрѣлѣ 1784 года послѣдовало распоряженіе: «такъ какъ колодницы-квакереи Марія Дмитрова и Анна Васильева находятся въ Сибири чрезъ 39 лѣтъ, и *весьма престарѣлыя*, и черезъ такіе многіе годы отъ нихъ противности церкви святой не оказывается,

---

орнаментовкою, раздѣланной лазоремъ, киноварью и золотомъ, и въ коймахъ цвѣты, птицы и травы со тщаніемъ. На одномъ листкѣ поздравительное письмо къ благодѣтельницѣ, на другомъ — отрывокъ какого-то «утѣшенія», а третій—самаго изящнаго письма и тонкаго, красиваго рисунка съ золотомъ—«Стишокъ» или «пѣснь», — весьма милая и особенно трогательная по положенію трудившихся надъ ея воспроизведеніемъ. Это «пѣснь *къ душѣ*», начинающаяся словами:

«Душа моя—странница,
Не здѣшняго міра ты,
Къ чему прилѣпляешься
И чѣмъ очаруешься?
Ты птичка залетная,
Пурхая (sic) по радостямъ,
Пришла въ дебри страшныя,
Невѣдѣнья дикаго»

то по старости ихъ, не переводя изъ онаго мѣста по отдаленности въ содержаніе, въ енисейскій штатный дѣвичь монастырь, оставить по смерть ихъ при той же въ городѣ Томскѣ церкви (гдѣ былъ монастырь), при коей онѣ нынѣ находятся *на мірскомъ подаяніи, подъ смотрѣніемъ духовнаго правленія, и приходскаго священника, и тамошняго гсродничаго*, а впередъ ихъ въ числѣ колодниковъ уже не показывать».

О смерти этихъ двухъ послѣднихъ изъ «квакерей» въ запискѣ, дошедшей ко мнѣ отъ генерала Асташева, ничего не сказано, но надо думать, что старушки-квакереи и въ послѣдніе свои дни на землѣ никакихъ «противностей» и «злодѣйствъ» не оказали и ничѣмъ не испортили той доброй репутаціи, послѣдствіемъ которой было распоряженіе не посылать ихъ въ Енисейскъ, а оставить умереть тамъ, гдѣ онѣ прожили 40 лѣтъ, не причиня никакого вреда никакимъ людямъ.

Такого же духа была и «сердечный другъ» тети Полли—англичанка Гильдегарда.

Да будетъ легка какъ пухъ надъ ихъ костьми земля русская и—«*Honny soit qui mal y pense*».

Лѣто 1892 г.
Мерекюль.

ИМПРОВИЗАТОРЫ.

(КАРТИНКА СЪ НАТУРЫ.)

Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидѣть вечеркомъ.
А. Фетъ.

«Одни пердставляли ее себѣ въ видѣ женщины, отравляющей воду, другіе—въ видѣ запятой. Врачи говорили, что надо убить запятую, а народъ думалъ, что надо убить врачей».

С. Смирнова («Нов. Вр.» 18 ноября 1892).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Остроумная писательница, изъ послѣдняго литературнаго этюда которой я выписалъ этотъ эпиграфъ, обрисовываетъ дѣло чрезвычайно вѣрно. Когда лѣтомъ 1892 г., въ самомъ концѣ девятнадцатаго вѣка, появилась въ нашей странѣ холера, немедленно же появилось и разномысліе, что̀ надо дѣлать. «Врачи говорили, что надо убить запятую, а народъ думалъ, что надо убить врачей».

Слѣдуетъ добавить, что народъ не только такъ «думалъ», но онъ пробовалъ и приводить это въ дѣйствіе. Нѣсколько врачей, старавшихся убить запятую для лучшей пользы дѣлу, были сами убиты.

Это случилось, говорятъ, оттого, что простымъ людямъ

всего своевременно и терпѣливо не объяснили и, главное, не показали имъ нигдѣ эту самую «запятую», чтобы они видѣли, какъ она имъ вредитъ. Это, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ хорошо было бы показать, но только сдѣлать это было очень трудно: запятая видима только подъ микроскопомъ, а въ слободахъ и селеніяхъ, гдѣ живетъ «народъ по преимуществу», микроскоповъ (или «мелкоскоповъ») нѣтъ. Поэтому нельзя удивляться, что народу, который впервые услыхалъ про «запятую», вѣсти о ней показались сомнительными. Народъ довольно пріученъ не вѣрить ученымъ, и онъ смекнулъ, кому эта выдумка о «запятой» могла быть выгодна, и порѣшилъ наказать лѣкарей за ихъ выдумку.

Въ столицахъ, гдѣ образованность несравненно выше, наукѣ оказано совсѣмъ иное довѣріе: здѣсь запятую видѣли увеличенную подъ микроскопомъ, засушенную и выставленную на окнѣ «въ квартирѣ извѣстнаго журналиста, живущаго на окраинѣ города». Объ этомъ было напечатано въ петербургской газетѣ, особенно слѣдящей за разнообразными явленіями столичной жизни.

«Журналистъ, проживающій на окраинѣ», демонстрировалъ «запятую» множеству людей, между которыми были особы достопримѣчательнаго положенія. Видъ козявки всѣхъ удивлялъ; большинство людей отбѣгали отъ нея въ страхѣ, и лишь немногіе поддавались успокоительнымъ увѣреніямъ журналиста, что «запятая обезврежена», и тогда брали ее въ руки.

Такъ образованнымъ жителямъ столицы не было никакого труда увѣровать въ «запятую»; но слободскимъ и деревенскимъ мужикамъ никто этого не показалъ, и они въ запятую не повѣрили и до сихъ поръ еще не вѣрятъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разсказанный случай съ «увеличенной запятою» газета объясняла такъ, что журналистъ, живущій на окраинѣ, «купилъ шутки ради курьезную японскую козявку», а когда

одинъ генералъ спросилъ его: что это такое? — онъ, по вдохновенію, сказалъ, что это «увеличенная и засушенная запятая». Генералъ этому повѣрилъ, а журналистъ сталъ пробовать: неужто и другіе образованные люди могутъ вѣрить такой очевидной нелѣпости. И оказалось, что *всѣ этому вѣрили!*

Если сопоставить то, что замѣчено г-жею Смирновою насчетъ несоотвѣтствія народныхъ взглядовъ на «запятую» съ тѣмъ, что журналистъ, живущій на окраинѣ, обнаружилъ въ людяхъ высшаго порядка, то выйдетъ, что степень легковѣрія и безразсудства на томъ и на другомъ концѣ общественной лѣстницы получается какъ бы одинаковая; но вверху дѣйствуетъ козявка засушенная, а по низамъ ползетъ что-то живое, и не заморское, а простое доморощенное.

Что же такое замѣняло и замѣняетъ засушенную «запятую» въ народѣ? Я попробую показать эту штуку такъ, какъ я ее видѣлъ.

Тургеневъ изобразилъ, какъ говоритъ съ простолюдиномъ интеллигентъ и раскольничій начетчикъ. У перваго все умно направлено къ дѣлу, а второй вертитъ «яко» да «аще», и смотришь — этого слушаютъ, а того нѣтъ. Малороссу, чтобы его растрогать, надо, чтобы ему свой братъ сказалъ: «граю и воропаю». Я самъ помню, какъ въ давнія времена въ Кіевѣ польскій актеръ Рекановскій игралъ роль въ какой-то малороссійской пьесѣ, гдѣ послѣ происшедшаго въ семьѣ горя жена начинаетъ выть, а мужъ бросаетъ ее за руку на полъ и говоритъ: «Мовчи, бо скорбь велыка!» И послѣ этихъ словъ настала пауза, и театръ замеръ, а потомъ изъ райка кто-то рыдающимъ голосомъ крикнулъ: «Эге: це не вашъ Шекспыръ!» И мнѣніе о Шекспирѣ было понижено до безконечности.

Надо сочинять что-то такое «дуже прòстое», чтобы было въ ихъ вкусѣ — съ дымкомъ и съ грязью, даже, пожалуй, съ дуринкой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Лѣтомъ 1892 года я жилъ на морскомъ берегу въ Шмецкѣ. Тяжко больной, я былъ далекъ отъ личнаго участія въ дѣлахъ, и даже равнодушно читалъ въ газетахъ энергическіе приказы генерала Баранова, но потомъ мнѣ стало интересно сравнивать ихъ съ приказами другихъ администраторовъ, которые ему подражали и блистали только отраженнымъ или заимствованнымъ свѣтомъ. Изъ этой литературы я узналъ, что появились люди, которые распускаютъ вредные слухи о болѣзни, и что нижегородскій генералъ такихъ людей сѣчетъ розгами и можетъ когда угодно повѣсить.

Мѣры генерала Баранова «въ наказаніи разговоровъ» производили въ большой публикѣ впечатлѣніе не особенно сильное и неясное; многіе не могли взять въ толкъ: отчего одного разговорщика довольно только высѣчь, а другого надо еще отдать въ санитары, а третьяго — «повѣсить» или, по простонародному выраженію, «удавить». Какое тутъ «распредѣленіе всеобщей провинности»? Многіе думали, что все это послѣдовательно будетъ сдѣлано надъ каждымъ охотникомъ разговаривать, т.-е. что разговорщика сначала высѣкутъ, потомъ опредѣлятъ «горшокъ выносить», а потомъ уже, когда онъ станетъ ни къ чему неспособенъ, тогда дадутъ ему глухую исповѣдь и удавятъ на площади. О самомъ повѣшеніи тоже разнорѣчили: одни были увѣрены, что «вѣшать будутъ только для испуга публики», а потомъ «курьера выпустятъ съ прощадою», а другіе увѣряли, что «это не для шутки, и никакой прощады не будетъ, а удавятъ какъ слѣдуетъ», отмѣна же противъ обыкновенія будетъ только въ томъ, что, «по удавленіи разговорщика, отдадутъ онаго родственникамъ для его погребенія». Возникалъ тоже вопросъ о женщинахъ: «какъ таковую сѣчь, если разговариваетъ, а сама беременна?» По множеству всѣхъ этихъ сомнѣній мы съ толку сбились

и спрашивали разъясненій у четырехъ отставныхъ губернаторовъ, которые въ это лѣто ходили у насъ по плáжу, но они были заняты своимъ положеніемъ и говорили, что ничего не понимаютъ.

Видаясь со своими сосѣдями — кузнецомъ, лавочникомъ, лѣсникомъ — и съ своими домохозяевами, я замѣтилъ, что они недоумѣваютъ: «Какія же это *вредныя слова* бываютъ?» Этого имъ никто объяснить не могъ, а имъ это было очень нужно знать.

— Вѣдь вотъ, — говорили они, — можетъ случиться что-нибудь такое умственное услышишь и не поймешь въ необъясненіи случая, и скассируютъ на-смерть! Мы не можемъ узнать агитатора!

Это такъ говорилъ лавочникъ, образованный и краснорѣчивый человѣкъ, съ ораторскими дарованіями котораго мы ниже еще познакомимся.

То, что предвидѣлъ лавочникъ, то и на самомъ дѣлѣ отчасти случилось.

Разъ, когда я шелъ домой лѣскомъ изъ Мерекюля, нагоняетъ меня няня изъ одного моего знакомаго семейства и говоритъ, что «въ Петербургѣ уже народъ отравляютъ».

Я ее отговариваю, чтобы она этому не вѣрила, и напоминаю ей про опасность отъ генерала Баранова; но она не обращаетъ на мои предостереженія никакого вниманія и говоритъ, что то, что она знаетъ, это тоже произошло отъ генерала.

— Ну, — говорю я, — если отъ генерала, то въ такомъ случаѣ разсказывайте, что вамъ извѣстно... Но только, смотрите, увѣрены ли вы, что это точно отъ генерала?

— Отъ генерала.

И она разсказала исторію, которую я здѣсь передамъ съ возможною точностью.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Живетъ у рынка отставной генералъ. Отъ команды отставленъ, но военныхъ правъ не лишенъ и ходитъ въ военномъ

образцѣ съ поперечиной. На дачу онъ не любитъ ѣздить, а остается въ Петербургѣ, потому что веселаго характера и любитъ разъѣзжать по знакомымъ, а вечеромъ на закатъ солнца смотритъ и слушаетъ, какъ поютъ француженки. Онъ пожилой, но очень веселый, и все бы ему съ дамами да съ красотками; а жена у него старушка, съ нимъ не живетъ. Прислуги у него три человѣка, мужчины: камердинеръ, поваръ и буфетчикъ, и всѣ ему вѣрные, потому что имъ жить у него прекрасно; гости часто въ карты играютъ и приходимыя красотки жалуютъ, и тогда уже ни въ чемъ нѣтъ сожалѣнія. И теперь же, на этихъ дняхъ, поѣхалъ этотъ генералъ въ «Аркадію» или «Ливадію» и пробылъ тамъ до послѣдняго времени, а потомъ поѣхалъ домой въ простомъ намѣреніи раздѣться, Божинькѣ помолиться и бай-бай заснуть; но только-что онъ хотѣлъ въ дверь свой ключъ вставлять, какъ вдругъ запятая! Сама дверь распахнулась, и на него вылетаетъ оттуда его буфетчикъ, блѣдный какъ шутъ Пьеро, и лопочетъ незнамо что.

Генералъ подумалъ, что вѣрно онъ немножко выпилъ, или тоже приходимую крошку ожидаетъ, а тотъ ему отвѣчаетъ: «Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство; а у насъ огромное несчастіе: вашего камердинера умирать увезли». Генералъ разсердился. «Какъ, безъ меня? Какъ смѣли?.. Говори скорѣй, какъ это сдѣлалось?»

Буфетчикъ дрожитъ и путается языкомъ, но разсказалъ, что камердинеръ, проводивши генерала, совсѣмъ былъ здоровъ и ходилъ на рыбный садокъ, себѣ рыбу купилъ, а потомъ пошелъ къ графу Шереметеву къ второму регента помощнику спѣвку слушать, а оттуда на возвратѣ встрѣтилъ приходимую бѣдную крошку и принялъ ее и съ нею при открытомъ окнѣ чай пилъ, а когда пошелъ ее провожать, то вдругъ сталъ себя руками за животъ брать, а дворники его тутъ же подхватили подъ руки, а городовой засвиристѣлъ — и увезли. Онъ не хотѣлъ ѣхать и не давался,—кричалъ:

— Прощайте, други!.. Ваше превосходительство, заступитесь! Но они его усадили и неизвѣстно куда увезли.

— Ахъ, несчастный!—сказалъ генералъ и, растроганный до слезъ, сейчасъ же поѣхалъ къ оберъ-полиціймейстеру. Но его тамъ не приняли; говорятъ: «Есть пріемные часы—тогда можете!» Онъ—къ приставу, и пристава нѣтъ. «Гдѣ же онъ?»—«Помилуйте,—говорятъ,—по участку ходитъ!»—«Кого же я могу видѣть?» — «А вотъ дежурный за стѣнкой». Выходитъ изъ-за стѣнки дежурный офицеръ, застегиваетъ на себѣ мундирный сюртукъ и спрашиваетъ: «Что угодно?»

Генералъ ему все и передаетъ: «Такъ и такъ, мой камердинеръ, на рукахъ котораго вещи, серебро и весь домъ, а его въ мое отсутствіе взяли и увезли безъ извѣщенія меня, какъ будто какого-нибудь учебнаго разсуждателя: Прошу мнѣ его сейчасъ возвратить».

А полицейскій говоритъ: «Я этого не могу, потому что его у насъ нѣтъ; мы его еще въ двѣнадцатомъ часу въ больницу отправили».

Генералъ обругалъ его какъ не надо хуже и вскочилъ опять на извозчика и все извозчика послѣ этого въ слѣдъ скорѣе подгоняетъ.

А извозчикъ догадался, для чего онъ ѣздитъ, и говоритъ:

— А осмѣлюсь спросить: котораго часа вашего человѣка взято?

Генералъ говоритъ: — О полуночи.

— Ну, такъ теперь,—говоритъ,—ему уже аминь.

— Что ты вздоръ говоришь!

— Помилуйте, какой же вздоръ! — Теперь они ему уже струменцію запустили.

— Ты глупости говоришь.

А извозчикъ полуоборотился и крестится рукой, а самъ шепчетъ:

— Ей-Богу, ей-Богу,—говоритъ:—вѣдь они теперь всѣхъ струменціей пробуютъ. Сначала начнутъ человѣка въ ванной шпарить и кожу долой стирать и притомъ въ ротъ

лѣкарства льютъ; а которые очень крѣпкаго сложенія и отъ лѣкарства не могутъ умереть, тѣмъ послѣднюю струменцію впустятъ—и этого ужъ никто не выдержитъ.

Генералъ же думаетъ: вретъ извозчикъ, — бросилъ ему деньги, а самъ вбѣжалъ въ больницу и вскричалъ:

— Попросить ко мнѣ старшаго доктора! Кто здѣсь старшій докторъ?

Старшій докторъ выходитъ — этакій въ заспанномъ видѣ и никакого особливаго вниманія не обращаетъ, а спрахвола спрашиваетъ:

— Что вамъ угодно?

Генералъ ему отвѣчаетъ живо и бойко и рукой простираетъ, что вотъ такъ и такъ: «Я, говоритъ, въ нынѣшнемъ лѣтѣ на дачу не переѣзжалъ и остался въ городѣ»... А лѣкарь его перебиваетъ: «Вы, говоритъ, пожалуйста, покороче, а то мнѣ изъ отдаленныхъ началъ слушать некогда»...

Генералъ немножко разсердился и говоритъ: «Я вамъ начинаю такъ, чтобы было понятно. Я вечеромъ человѣка въ цвѣточный магазинъ посылалъ за букетомъ и оставилъ его въ цвѣтущемъ видѣ, и онъ еще послѣ меня пошелъ на садокъ и спѣвку слушалъ».

Но лѣкарь опять перебиваетъ: «Ваше превосходительство, мнѣ, говоритъ, некогда! Нельзя ли въ чемъ дѣло?»

— Дѣло въ томъ,—говоритъ генералъ,—что этого человѣка взяли и увезли, и онъ у васъ, а я желаю его къ себѣ взять.

Старшій докторъ обернулся къ фельдшеру и говоритъ:

— Справься!—А тотъ справился и сразу отвѣчаетъ:

— Есть!

— Что же онъ?

— Умеръ.

Докторъ говоритъ: — Вотъ и можете получить.

Генералъ и осомлѣлъ.

— Что это такое?—говоритъ. — Я не вѣрю... Всего нѣсколько часовъ тому назадъ человѣкъ былъ полный жизни...

А докторъ говоритъ:—Это и очень часто такъ бываетъ. А впрочемъ, пожалуйте, служитель васъ проведетъ и его покажетъ!—и велѣлъ служителю:—Проводи генерала!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Служитель привелъ генерала въ мертвецкій покой; но тутъ покойниковъ нѣсколько и еще на нихъ только нумерки лежатъ, а нѣтъ никакого возванія, и по лицамъ отличать нельзя, потому что всѣ лица почернѣвшія, и руки отъ судорогъ въ перстахъ сдерганы такъ, что не то благословеніе дѣлаютъ, не то растопыркою кызю представляютъ.

Генералъ и говоритъ:—Я такъ не могу своего человѣка узнать! Мнѣ пусть покажутъ!

Служитель побѣжалъ въ контору спросить, подъ какимъ оный нумеромъ, а генералъ остался и замѣчаетъ, что сзади его кто-то вздохнулъ. Видитъ, это читальщикъ, человѣкъ степенный, въ очкахъ, въ углу стоитъ, но не читаетъ, а на него сверхъ очковъ смотритъ и, какъ генералу показалось,—съ сожалѣніемъ.

Генералъ его и спросилъ:

— Что, старина, съ сожалѣніемъ смотришь?

— Да,—говоритъ,—ваше превосходительство.

— Жутко, я думаю, и тебѣ въ этакомъ адскомъ мѣстѣ?

— Да, — говоритъ; — но главное дѣло, что мнѣ утромъ всегда пить очень хочется, а тутъ нигдѣ лавчонки нѣтъ. Въ другихъ больницахъ, которыя строены въ порядкѣ домовъ, это хорошо: тамъ сейчасъ, какъ дождешь утра, такъ и выбѣжишь: квасу или огуречнаго разсолу выпьешь, и оживетъ душа; а тутъ эта больница на площади... ни одной лавки вблизи нѣтъ... Просто, ей-Богу, даже ротъ трубкой сталъ.

Генералъ вынулъ два пятиалтынныхъ и говоритъ:

— Сходи, за моего усопшаго чайку въ трактирѣ напейся.

Читальщикъ, разумѣется, доволенъ и благодаритъ.

— Видно, — говоритъ, — вамъ дорогой человѣкъ былъ?

— Да, братецъ! Я бы ста рублей не пожалѣлъ, чтобы его поставить.

А читальщикъ ему и шепчетъ:

— Какъ же ихъ поставить! У нихъ ужъ всѣ чувства убиты и пульсы заморены, потому что вѣдь струменціюто ставятъ подъ самую мышку, а въ пяткахъ подъ щиколоткой еще и послѣ смерти пульсы бьются.

Читальщикъ это сказалъ и ушелъ, а генералъ евонный намекъ, на что онъ намекалъ — понялъ, и какъ служитель вернулся и сказалъ, подъ которымъ нумеромъ камердинеръ лежитъ,—тотъ ему говоритъ:

— Хорошо, братецъ, я надъ нимъ здѣсь останусь, а ты поди и сейчасъ мнѣ батюшку попроси,—я хочу панихиду отпѣть.

Служитель опять побѣжалъ, а генералъ зажегъ читальщикову свѣчечку да прямо покойника огнемъ подъ пятку... Тотъ врагъ и вскочилъ, а генералъ его сейчасъ на извозчика да домой, а потомъ въ баню, а другого человѣка, буфетчика, къ этимъ же докторамъ съ письмами послалъ— къ старшему и къ двумъ его главнымъ помощникамъ, — чтобы пришли къ нему его самого лѣчить.

Тѣ и рады: думаютъ, генералъ съ состояніемъ, тутъ ужъ мы хорошо попользуемся! И притомъ же они были напугавшись, куда отъ нихъ изъ мертвецкой мертвый дѣлся; весь лишній форсъ съ себя сбросили и пришли.

А генералъ велѣлъ, чтобы какъ они придутъ и сядутъ, такъ чтобы сейчасъ открыть изъ другой комнаты дверь и чтобы камердинеръ, во фракѣ, съ большимъ подносомъ чаю въ рукахъ входилъ.

Доктора какъ это увидали, такъ всѣ трое съ креселъ на полъ и упали. А генералъ выхватилъ пистолетъ и одному и другому помощникамъ груди прострѣлилъ, а старшаго доктора выступкой подкинулъ и началъ трепать его со щеки на щеку, а послѣ, какъ уморился, говоритъ: «Иди теперь, жалуйся».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

И когда няня докончила мнѣ этотъ разсказъ, она добавила съ радостью: «вотъ какъ!»—и я удивился. Она была женщина опытная, понятливая и осторожная, такъ что во всякомъ дѣлѣ обмануть ее было не легко, и неужели же этой нелѣпости она вѣрила?

Да, она вѣрила, или, если и не вѣрила, то *хотѣла, чтобы это было такъ*, потому что это ей было *во вкусъ*.

Я съ нею вступилъ въ пререканіе, приводилъ ей самыя простыя соображенія и доказательства того, что такое происшествіе совершенно невозможно. Она все слушала и со мною соглашалась, но вслѣдъ за тѣмъ съ усиленнымъ самодовольствомъ добавляла:

— Ну, однако, генералъ докторовъ все-таки угостилъ, какъ заслужили! И вотъ такъ бы и всѣхъ ихъ стóило.

— Да за что же? Какая имъ выгода морить людей?

— Вотъ, вотъ, вотъ!.. Вотъ это-то отъ нихъ и надо узнать! И узнаютъ...

Мнѣ чувствуется, что эта женщина — за-одно съ тѣми, которые думаютъ, что надо убить не «запятую», а докторовъ. Но, можетъ-быть, я ошибаюсь. Любопытствую у ея госпожи, у которой она служитъ двадцать лѣтъ и воспитала ей «гвардейцевъ». Спрашиваю: не слыхали ли, какіе няня пустяки разсказываетъ о генералѣ?

— О,—отвѣчаетъ мнѣ дама, — это она уже давно говоритъ... А впрочемъ, вѣдь это и всѣ разсказываютъ.

— Какъ всѣ?

— Да вотъ и у X, и у Y, и у Z дѣвушки говорили мнѣ то же самое, да и ваша Саша.

— Что такое—моя Саша?

— Она тоже говоритъ то же самое.

А «моя Саша» — молодая дѣвушка, восемнадцати лѣтъ, которая «тиха не по лѣтамъ» и которую всѣ зовутъ «мокрою курицей». Что же она можетъ говорить?

Но оказывается, что и она дѣйствительно знаетъ о генералѣ и его камердинерѣ, и о приходимой красоткѣ, — и сама, хоть она «мокрая курица», но очень весело сочувствуетъ тому, что «лѣкарей надо бить».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Захожу на другой день къ лавочнику посидѣть у его лавки. Лавочникъ — человѣкъ молодой, очень пріятный и обладаетъ совершенно непосредственнымъ краснорѣчіемъ. Онъ «изъ поваровъ», кротокъ, благовоспитанъ и благоувѣтливъ; имѣетъ нѣжное сердце, за которое и претерпѣваетъ. Онъ «прибылъ къ здѣшней предмѣстности» тоже при генералѣ, у котораго ему было «хорошо наживать», но влюбился въ «этой предмѣстности» въ красивую эстонскую дѣвушку, и они «подзаконились». Отсюда начался «переломъ его жизни»: у нихъ вдвоемъ было пятьдесятъ рублей капитала, и на этотъ капиталъ они повели разностороннюю дѣятельность: онъ снялъ сельскую лавчонку, а она стала заниматься стиркою бѣлья. Съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько лѣтъ, и они во все это время неутомимо старались устроиться, и кое-чего достигли: у нихъ уже трое дѣтей и всѣ прехорошенькія, но весь основной капиталъ ушелъ въ предпріятія. Теперь они живутъ только однимъ оборотомъ и, кажется, сами удивляются: какъ до сихъ поръ ихъ отсюда не выгнали, или они не умерли съ голоду? Но ихъ любовь и нѣжное и страстное «другъ ко другу стремленіе» не охладѣваютъ, и потому лица ихъ, равно какъ и личики ихъ дѣтей, всегда веселы и пріятны. Видѣть эти счастливыя лица—удовольствіе.

Спрашиваю я этого коммерсанта: не слыхалъ ли онъ исторіи о воскресшемъ генеральскомъ камердинерѣ, о которомъ будто бы всѣ говорятъ? Лавочникъ подумалъ и отвѣчаетъ:

— Кажется, будто что-то слышалъ.

— Да вѣдь это же, — говорю,—нисколько не похоже на правду.

— Не знаю, какъ вамъ изъяснить въ опредѣленіи факта; но мнѣ, впрочемъ, это и ни къ чему... Ну ихъ!

А во мнѣ уже разыгрывается подозрительность, что и этотъ мой собесѣдникъ тоже не чистосердеченъ и что онъ тоже не за докторовъ, а за запятую; но поговорили мы дальше, и на душѣ становится яснѣе: лавочникъ оказывается человѣкомъ совершенно объективнымъ, и даже самъ называетъ уже «исторію» *глупостью* и припоминаетъ, что «эта глупость пошла словно съ тѣхъ поръ, какъ сталъ ходить *порціонный мужикъ*».

Слово это касается въ первый разъ моего слуха, и я спрашиваю: что это такое—порціонный мужикъ?

— А это,—отвѣчаетъ,—я такъ его прозвалъ.

— За что же?

— Да ужъ малъ онъ очень, совершенно цыпленокъ или порціонная стерлядка, которую дѣлить нельзя, а надо всю сразу съѣсть... Амкнулъ—и нѣтъ его... Да неужели вы его не видали?

— Не видалъ.

— Да вонъ онъ!

И тутъ я его увидѣлъ въ первый разъ, и вѣроятно съ тѣмъ, чтобы никогда его не забыть; но такъ какъ это видѣніе стоитъ того, чтобы передать его въ точности, то я долженъ обрисовать и рамку, въ которой оно мнѣ показалось.

Шмецкъ—это длинная береговая линія домиковъ, соединяющая Устье-Наровы, или Гунгербургъ, съ мерекюльскимъ лѣсомъ, за которымъ непосредственно начинается и самъ знаменитый нѣкогда Мерекюль,—нынѣ довольно демократизованный или «опрощенный».

Мѣстоположеніе такое: море, за нимъ полоса плотно уложеннаго песку (plage), за плажемъ береговая опушка изъ кустовъ и деревьевъ, и тутъ построены дачи или домики, а мимо нихъ пролегаетъ шоссированная дорога и за нею лѣсъ, довольно сырой и довольно грязный.

Лавчонки, такъ же какъ и домики, построены лицомъ къ дорогѣ, за которою начинается лѣсъ. А потому, когда ла-

лочникъ, разсказывавшій мнѣ о «порціонномъ мужикѣ», заключилъ свои слова указаніемъ: «вонъ онъ!» — я прежде всего взглянулъ прямо передъ собою на лѣсъ, и первое, что мнѣ представилось, навело меня не на ближайшую дѣйствительность, а на отдаленное воспоминаніе о годахъ, когда я жилъ также противъ лѣса и, бывало, смотрю на этотъ лѣсъ долго и все вижу одни деревья, и вдругъ сидитъ заяцъ, подгорюнился и ушки ставитъ, а у меня сейчасъ, бывало, является охотницкая забота: чѣмъ бы его убить? И въ это время что-то около себя хватаешь, а опять взглянулъ—зайца ужъ и нѣтъ!

Теперешнее видѣніе было совершенно въ этомъ родѣ: на сѣро-зеленомъ, туманномъ фонѣ стояло что-то маленькое и грязно-розовое; но прежде, чѣмъ я могъ хорошо разсмотрѣть, что это такое, оно уже и сникло.

— Боится,—проговорилъ лавочникъ.

— Чего же онъ боится?

— Запуганъ, знаете... бѣдность... Смотрите, смотрите! Вонъ онъ гдѣ, ниже на дорожку выходитъ.

И съ этимъ лавочникъ заложилъ себѣ за губу два пальца и пронзительно свистнулъ.

Порціонный мужикъ вздрогнулъ и оглянулся.

— Иди-ка сюда, Лишенный! — позвалъ его лавочникъ.

«Лишенный» къ порціонному мужику прилагалось въ родѣ обозначенія званія: такъ теперь зовутъ административно «высланныхъ» или «лишенныхъ столицы»,

Мужиченко молча вернулся и пошелъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ ближе къ намъ подходилъ, я могъ яснѣе его разсматривать. Лѣтъ его нельзя было опредѣлить съ точностью; у него такое лицо, что ему можетъ быть между 20 и 50. Ростъ крошечный, какъ ростъ пятнадцатилѣтняго мальчика; худъ точно скелетъ, но обтянутый не кожею, а вылинявшею и вывѣтренной набойкой; губъ нѣтъ вовсе, — открыты два ряда превосходныхъ бѣлыхъ зубовъ; носъ тоненькій и свернувшійся какъ корешокъ у сухой фиги; два глаза небольшіе, круглые, какъ у птицы, и оба разнаго

цвѣта, какъ у знаменитаго Анастасія Дирахита: въ одномъ глазѣ зрачокъ чистый, голубой, а въ другомъ весь испещренъ темными штрихами и крапинами, и оттого кажется коричневымъ; бороденка и волосы на головѣ — это все какіе-то клочья. На головѣ шапки нѣтъ, босъ и почти-что нагъ, потому что весь уборъ его состоитъ изъ портокъ и рубашки: портки изъ набойки, изношенныя до лепестковъ; они спускаются только немножечко ниже колѣнъ и оканчиваются «бахмарою». Рубашка была когда-то изъ розовой пестряди, но теперь это одна розовая грязь.

Гейне видѣлъ въ Пиренеяхъ надъ бездно́ю нищаго-испанца, который былъ покрытъ лохмотьями, и «у него глядѣлась бѣдность въ каждую прорѣху; изъ очей глядѣла бѣдность», но «исхудалыми перстами онъ щипалъ свою гитару» *). И описаніе этой бѣдности разрывало душу людей чувствительныхъ и добрыхъ, а испанецъ все-таки былъ «въ лохмотьяхъ» въ тепломъ климатѣ, и у него была еще «своя гитара»...

Западные писатели совсѣмъ не знаютъ самыхъ совершенныхъ людей въ этомъ родѣ. Порціонный мужикъ былъ бы моделью получше испанца съ гитарой. Это былъ не человѣкъ, а какое-то движущееся ничто. Это сухой листъ, который оторванъ гдѣ-то отъ какого-то ледащаго дерева, и его теперь гонитъ и кружитъ по вѣтру, и мочитъ его, и сушитъ, и все это опять для того, чтобы гнать и метать куда-то далѣе...

И видишь его, и не разумѣешь: въ чемъ же есть смыслъ этого существованія?

«Господи! что сей самъ или родители его согрѣшили, и какъ проявятся въ немъ дѣла Божіи?!» Неужели если бы птицы исклевали его въ зернѣ, или если бы камень жерновый утопилъ его въ дѣтствѣ — ему тогда было бы хуже?

Конечно, «вѣсть Господь, чего ради изнеможда́етъ плоть

*) «Атта-Троль».

сыновъ человѣческихъ», но человѣку все-таки будетъ «страшно за человѣка»!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Онъ подошелъ и сталъ, и никому не сказалъ ни слова... Босыя ноги его всѣ въ болотинѣ, волоса шевелятся... Я близорукъ, но я вижу, что̀ тамъ дѣлается. Руки его висятъ вдоль реберъ, и онъ большими перстами запнулъ ихъ за веревочку, которою подпоясанъ. Какія бѣдныя, несчастныя руки! Онѣ не могли бы щипать гитару... Нѣтъ, это какія-то увядшія плети тыквы, которую никто не поливалъ въ засуху. Глаза круглые, унылые и разнаго цвѣта — они не глядятъ ни на что въ особенности, а замѣтно, что они все видятъ, но ему ничто не интересно. За щеками во рту онъ что-то двигаетъ; это ходитъ у него за скулою какъ орѣхъ у бѣлки.

Съ этого и началась бесѣда.

Лавочникъ спросилъ у него:

— Что ты, Лишенный, во рту сосешь?

Онъ плюнулъ на ладонь и молча показалъ мѣдный грошъ, и сейчасъ же опять взялъ его въ ротъ вмѣстѣ съ слюнями.

— Хлѣба купить желаешь?

Порціонный отрицательно покачалъ головою.

Лавочникъ въ его же присутствіи на́скоро пъяснилъ о немъ, что онъ «изъ-за Москвы», — «оголѣлъ съ голоду»: чей-то скотъ пригналъ въ Петербургъ и хотѣлъ тамъ остаться дрова катать, чтобы домой денегъ послать, но у него въ ночлежномъ пріютѣ какой-то странникъ укралъ пятнадцать рублей и скрылся, а онъ съ горя ходилъ безъ ума и взятъ и высланъ «съ лишеньемъ столицы», но не вытерпѣлъ и опять назадъ прибѣжалъ, чтобы свои пятнадцать рублей отыскивать.

И когда разсказъ дошелъ до этого, порціонный отозвался; онъ опять выплюнулъ на руку грошъ и сказалъ:

— Теперь уже не надо.

Голосъ у него тоненькій и жалостный, какъ у больныхъ дѣвочекъ, когда онѣ обмогаются.

— Отчего же не надо?

— Дѣтки померли...

— Развѣ ты письмо получилъ?

— Нѣтъ; журавли летѣли да пѣли.

— А гдѣ же твоя жена?

— Къ слѣпымъ пошла. Слѣпымъ-то вѣдь хорошо жить: имъ подаютъ... имъ надо стряпать...

Мы всѣ замолчали, — кажется, мы всѣ страдали, а *онъ*, безъ сомнѣнія, всѣхъ больше; но лицо его не выражало *ничего*!

— Убитый человѣкъ! — прошепталъ нищій-лавочникъ, — въ разсудкѣ рѣшается, — и подалъ ему булку.

Тотъ ее взялъ, не поблагодаривъ, сунулъ за локоть, и опять опустилъ руки вдоль реберъ.

— Съѣшь! — сказалъ лавочникъ.

Мужикъ не отвѣчалъ, но взялъ булку въ руку, подержалъ и даже что-то съ нея хотѣлъ счистить и опять туда же сунулъ, за локоть.

— Не хочешь ѣсть?

— Не хочу... дѣтямъ снесу.

— Да дѣти вѣдь померли!

— Ну такъ что жъ... Имъ тамъ дадутъ, въ раю, по яблочку.

— Ну, да; а ты булку самъ съѣшь.

Мужикъ опять взялъ булку въ руки, опять снялъ съ нея то, что ненадлежаще явилось, и затѣмъ вздохнулъ и тихо сказалъ:

— Нѣтъ; все-таки пущай лучше дѣтямъ.

Лавочникъ посмотрѣлъ на него, — вздвигнулъ плечами и прошепталъ:

— Господи! тоже и родитель еще называется!

Мужикъ это услыхалъ и повторилъ:

— Родители.

— И всѣ чувства къ семьѣ имѣешь?

— А то какъ же!

— А какое твое впередъ стремленіе?

— Не знаю.

— Разскажи барину, какъ генералъ докторовъ билъ. Баринъ тебѣ тоже на хлѣбъ дастъ: можетъ-быть, въ Нарву съѣздишь, а тамъ какую-нибудь работу найдешь.

И порціонный сейчасъ же началъ сразу ровнымъ, тихимъ голосомъ всю ту исторію, которую я передалъ уже со словъ своей знакомой няни, но только порціонъ ее излагалъ въ самомъ сильномъ конкретѣ: «Жилъ возлѣ рынка генералъ... имѣлъ вѣрнаго слугу-камердинера. Отлучился въ кіятеръ, а вѣрный камердинеръ къ себѣ приходимую кралю принялъ чай пить... какъ вдругъ ему рѣзь живота... Взяли и его стали надъ нимъ опытъ струментой пробовать, всѣ чувствія угасили, но въ подщиколкѣ еще пульсъ билъ. Генералъ его восхитилъ—и въ баню; потомъ позвалъ докторовъ въ гости, а камердинеру велѣлъ войти и чай подать... Тѣ и попадали... А генералъ двухъ разстрѣлялъ, а третьяго въ морду набилъ и сказалъ: «ступай, жалуйся!»

Этимъ все и кончилось.

Я далъ мужику два двугривенныхъ и хотѣлъ ему собрать завтра между знакомыми всѣ пятнадцать рублей, которые у него странникъ укралъ. Онъ мои двугривенные кинулъ себѣ въ ротъ (кармановъ у него, какъ у настоящаго праведника, не было). И затѣмъ онъ ушелъ и болѣе уже въ нашихъ мѣстахъ не показывался. Я ужъ думалъ, не повлекъ ли его рокъ въ Нижній за краткой развязкою?..

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

А тѣмъ временемъ пріѣзжаетъ съ кѣмъ-то извозчикъ изъ Нарвы и говоритъ, что къ нимъ ждутъ генерала Баранова и полкъ артиллеріи.

— Для чего же?

— Да на фабрикахъ,—говоритъ,—очень живой разговоръ пошелъ.

— О чемъ?

— Все объ струментѣ.

А дальше разсказываетъ, что у нихъ дѣло будто уже и разыгралось такимъ образомъ: пошелъ будто у нихъ какой-то докторъ на Нарову купаться, раздѣлся и сталъ при всѣхъ глупость дѣлать: спустилъ на шнуркѣ съ мостка въ воду трубку и болтаетъ ее и взадъ, и впередъ водитъ. Пополоскаетъ-пополоскаетъ и опять вытянетъ, поглядитъ и опять запуститъ... Люди увидали это и нѣсколько человѣкъ остановились, а потомъ вскричали ему: «Докторъ, молъ, докторъ! Слышь-ко, оставь, молъ, лучше эту... струментацыю-то! Полно тебѣ ее полоскать!.. Оставь же, молъ; а то нехорошо будетъ!» А онъ не послушался и еще разъ закинулъ. Ну, ужъ тутъ его одинъ по голой плоти хворостиной и дернулъ. И стали приставать. «Подай инструментъ, мы его отнесемъ узнать: что̀ тамъ насажено». А онъ первой же хворостины испугался и бѣжать, и инструментъ съ собой... Ну, тогда, разумѣется, за нимъ ужъ и многіе рушили, и кои догоняли, тѣ били его; но, слава Богу, что онъ рѣзво бѣжалъ, а если бы онъ на грѣхъ споткнулся, либо упалъ—такъ на̀ смерть бы убить могли. Докторъ успѣлъ вспрыгнуть на извозчика и въ полицію голый такъ и вскочилъ... Тутъ послѣ и пошли по всѣмъ сходнымъ мѣстамъ и трактирамъ сходиться всѣ фабричные и ихъ эти тоже приходимыя красотки и пошли говорить по-русски и по-эстонски, для чего же полиція могла скрыть такого человѣка, который не постыдился при всѣхъ въ водѣ черезъ инструментъ микробу впускать... И теперь безпокойства, и ждутъ, что съ одной стороны выѣдетъ губернаторъ изъ Ревеля, а съ другой вступитъ графъ Барановъ—и начнетъ всѣмъ публиковать свои правила.

«Инструментъ» и «приходимыя красотки»—это прямо отдавало тѣмъ самымъ источникомъ, изъ котораго были почерпнуты первые матеріалы для легенды, получившей свое развитіе у насъ на plage. Вѣтеръ или вода, значитъ, занесли «запятую» прежде всего туда, въ наше фешене-

бельное мѣсто; но тамъ, на plage, «запятой» «среда не благопріятствовала», и запятая не принялась, или, культивируясь, вырождалась во что-то мало схожее и постороннее: а вотъ тутъ, когда она попала въ среду ей вполнѣ благопріятную, она «развила свои разведенія».

А что это была именно она, та самая «запятая», которую мы видѣли и не узнали, а еще сунули ей въ зубы хлѣбъ и два двугривенныхъ, то это вдругъ сообразили и я, и лавочникъ. И лавочникъ къ тому имѣлъ еще и «подтвержденіе на фактѣ», такъ какъ онъ самъ ѣздилъ на лошади въ Нарву за товаромъ, и когда назадъ возвращался, то порціонный мужикъ самъ явился ему за городомъ: онъ совершенно неожиданно поднялся къ нему изъ мокрой канавки и закричалъ: «Журавли летятъ! Журавли! Аллилуія!» Но только лавочникъ на этотъ разъ былъ уже умнѣе: онъ теперь зналъ, что порціонный мужикъ—человѣкъ опасный: лавочникъ поскорѣе хлестнулъ лошадь и хлѣба ему не кинулъ, а кнутомъ ему погрозилъ да прикрикнулъ:

— Вонъ графъ Абрамовъ наступаетъ съ публикацыей—онъ тебя удовольствуетъ!

А на «порцыонѣ» какъ разъ, кстати, теперь уже и рваныхъ портъ совсѣмъ не было, такъ что и легко было его «удовольствовать»... Но сумасшедшій домъ, однако, могъ бы безъ грѣха укрыть его отъ этого «удовольствія».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вотъ и весь сказъ о запятой. Тутъ на-лицо все: какая у нея видимость и умственность, что̀ у нея за характеръ и какова она въ словахъ и въ разсужденіи своего вліянія на мозгъ человѣческій. Кажется, ничто особенно хитро не задумано и не слажено: что̀ есть, то̀ все взято безъ всякой пропорціи, не на вѣсъ, а на глазомѣръ или, еще проще—сколько влѣзло. Во всякомъ случаѣ, всего менѣе попало сюда злого намѣренія и расчета. Этого снадобья тутъ не болѣе, чѣмъ поэзіи Фета, которая участвуетъ въ

составѣ преступленія «запятой» только однимъ стихомъ: «Приходи, моя милая крошка». Такимъ образомъ муза поэта, ненавидѣвшаго народныя несуразности, изловлена гдѣ-то въ то время, какъ она гуляла въ ароматномъ цвѣтникѣ или неслась надъ деревнею по воздуху, слетѣвъ съ устъ пѣвицы, «запузыривавшей» за фортепіаномъ въ дворянскомъ домѣ. Аѳ. Аѳ. Фетъ вѣрно былъ бы недоволенъ тѣмъ, что сѣрый народъ безъ толку тормошитъ его «милую крошку», но вины Фета въ томъ нѣтъ. Столько же виновата и вся дѣйствительность. Вѣтеръ листъ сухой гоняетъ и треплетъ, и онъ то летитъ, то катится, то гніетъ въ грязи и потомъ опять сохнетъ, и опять изъ темныхъ мѣстъ поднимается. Вотъ это самое дѣйствительное и несомнѣнное; все остальное—зыбь поднебесная, марево, буддійская ка́рма, которая всѣмъ точно снится... Никакого перваго заводчика пѣсни и сочинителя легенды нѣтъ! Порціонный мужикъ, конечно, не сочинялъ «бѣдную крошку». Гдѣ ему! Онъ получилъ ее уже готовую и за горемъ своимъ онъ развивалъ ее гораздо слабѣе, чѣмъ всѣ другіе импровизаторы... За что же его такъ участь жестока?

О, Господи! сжалься надъ нимъ да сошли и намъ просвѣщающую вѣру вмѣсто суевѣрія!

Изъ всѣхъ «запятыхъ» самыя ужасныя тѣ, которыя скрываются во тьмѣ суевѣрій.

ПУСТОПЛЯСЫ.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

На одномъ дорожномъ ночлегѣ по старому тракту сбилось такъ много людей, что всѣ мѣста въ просторной избѣ были заняты. Случились тутъ люди и конные, и пѣшіе, и швецы, и жнецы, и удалые разносчики, и чернорабочіе, которые ходили дорогу чистить. На дворѣ было студено и всѣ, съ надворья входя, лѣзли погрѣться у припечка, а потомъ раскладывались, гдѣ кто мѣсто засталъ, и начали разговаривать. Сначала поболтали про такія дѣла, какъ неурожай да подати, а потомъ дошли и до «судьбы божества». Стали говорить — отчего это Богъ Іосифу за семь лѣтъ открылъ, что въ Египтѣ «неурожай сойдетъ», а вотъ теперь такъ не дѣлаетъ: теперь живутъ люди и бѣды надъ собою не ожидаютъ, а она тутъ и вотъ она! И начали говорить объ этомъ всякій по-своему, но только одинъ кто-то съ печки откликнулся и сразу всѣхъ занялъ; онъ такъ сказалъ:

— А вы думаете, что если бы намъ было явлено, когда бѣда придетъ, такъ развѣ бы мы отвели бѣду?

— А разумѣется.

— Ну, напрасно! Мало что ли у всѣхъ въ виду самаго яснаго, чего отвести надо, а однако не отводимъ.

— А что, напримѣръ?

— Да вотъ, напримѣръ, чего еще яснѣй того, что бѣдныхъ и несчастныхъ людей есть великое множество, и что пока ихъ такъ много, до тѣхъ поръ никому спокойно жить нельзя; а вѣдь вотъ про это никто и не думаетъ.

— Вотъ то-то и есть! А если бъ предвѣщеніе объ этомъ было—небось бы поправились.

А тотъ съ печи отвѣчаетъ:

— Ничего бъ не поправились: не въ предвѣщеніи дѣло, а въ хорошемъ разумѣ. А разума-то и не слушаютъ; ну а какъ предвѣщенія придутъ, такъ они не обрадуютъ.

Его и стали просить разсказать про какой-нибудь такой примѣръ предвѣщенія, и онъ началъ сразу сказывать.

— Я вѣдь уже старикъ, мнѣ седьмой десятокъ идетъ. Первый большой голодъ я помню за шесть лѣтъ передъ тѣмъ, какъ наши на венгра шли, и вышла тогда у насъ въ селѣ удивительность.

Тутъ его перебили излишнимъ вопросомъ: откуда онъ?

Разсказчикъ быстро, но нехотя оторвалъ:

— Изъ села Пустоплясова. Знаешь, что ль?

— И не слышали.

— Ну, такъ услышишь, что у насъ въ Пустоплясахъ случилось-то; смотри, чтобы и у васъ въ своемъ селѣ чего-нибудь на такой манеръ не состроилось. А теперь помолчите, пока я докончу вамъ: моя сказка не длинная.

Стало въ томъ у насъ удивительно, что вокругъ насъ у всѣхъ хлѣба совсѣмъ не родило, а у насъ поле какъ-то такъ островкомъ вышло задачное, — урожай Богъ далъ средственный. Люди плачутъ, а мы Бога благодаримъ, — говоримъ: слава тебѣ, Господи! А что намъ отъ сосѣдей тѣснота придетъ, о томъ понимать не хочемъ. А сосѣди намъ всѣ завидуютъ; такъ и говорятъ про насъ: «Божьи любимчики: мы у Господа въ наказаніи, а вы въ милости». «И какимъ-де вы святителямъ молились и которымъ чудотворцамъ обѣщались?» А наши ужъ и чванятся, что въ

самомъ дѣлѣ они въ любови у Господа: убираемъ, жнемъ, копны домой возимъ и снопы на овины сажаемъ да на токахъ молотимъ... Такая трескотня идетъ, что люба-два! И сейчасъ послѣ этого сряду пошло баловство: накололи убоины, свезли попамъ новины, наварили бражки, а потомъ мужики норовятъ винца попить, а бабы съ утра затѣваютъ: «аль натирушковъ натирить! аль лепешечекъ спечь!» И ѣдимъ да пьемъ во вредъ себѣ больше, чѣмъ надобно. По другимъ деревнямъ вокругъ мякиною и жмыхомъ давятся, а мы въ утѣху себѣ говоримъ: вѣдь мы не причинны въ томъ, что у другихъ голодно. Мы вѣдь имъ вреда на поляхъ не дѣлали и даже вмѣстѣ съ ними повеснѣ на поляхъ молитвовали, а вотъ нашу молитву Господь услыхалъ и намъ урожай сослалъ, а имъ не пожаловалъ. Все въ Его волѣ: Господь праведенъ; а мы своихъ сосѣдовъ не покидаемъ и передъ ними не горжаемся: мы имъ помогаемъ кусочками. А сосѣди-то къ намъ и взаправду повадились кажиденъ да и безпереч, и все идутъ да идутъ и что дальше, то больше, и стали они намъ очень надокучисты. Такъ пришло, что не токмо не кажись на улицѣ, а и въ избѣ-то стало посидѣть нельзя, потому что слышно, какъ все тянутъ голодные свою скорбинку: «Б-о-ж-ь-и л-ю-б-и-м-ч-и-к-и! сотворите святую милостыньку Христа ради!» Ну, разъ дашь, и два дашь, а потомъ ужъ дальше постучишь въ окно да скажешь: «Богъ подастъ, милые! Не прогнѣвайся!» Что же дѣлать-то! Хорошо, что мы «Божьи любимчики», а имъ хоть и пять ковригъ изрѣжь, ихъ все равно не накормишь всѣхъ! А когда отошлешь его отъ окошка, — другая бѣда: самому стыдно дѣлается себѣ хлѣбъ рѣзать... То-есть ясно, какъ не надо яснѣе, Господь тебѣ въ сердце кладетъ, что надо не отсылать, а надо иначе сдѣлать, а пока чего должно не сдѣлаешь — нельзя и надѣяться жить во спокойствіи.

И надо бы, кажется, это понять, а вотъ однако не поняли; тогда и превозвѣстникъ пришелъ,—его прогнали.

— Тутъ по избѣ шепоткомъ пронеслось:

— Слушайте, братцы, слушайте!

Запечный гость продолжалъ:

— Такъ доняли насъ голодные сосѣди, что намъ совсѣмъ стало жить нельзя, а какъ помочь бѣдѣ — не вѣдаемъ. А у насъ лѣсникъ былъ Ѳедосъ Ивановъ, большой грамотникъ, и умѣлъ хорошо всѣ дѣла разбирать. Онъ и сталъ говорить:

— А вѣдь это не хорошо, братцы, что мы живемъ какъ безчувственные! Что ни суди, а живемъ мы всѣ при жестокости: бѣдственнымъ людямъ норовимъ корочку бросить,—нечто это добродѣтель есть? — а сами для себя все вѣдь съ затѣями: то лепешечекъ намъ, то натирушковъ. Ахъ, не такъ-то совсѣмъ бы надо по-Божьи жить! Ахъ, по-Божьи-то надо бы намъ жить теперь въ строгости, чтобы себѣ какъ можно меньше известь, а больше дать бѣдственнымъ. Тогда, можетъ-быть, легкость бы въ душѣ освѣтилася, а то прямо сказать — продыханья нѣтъ! Въ безразсудкѣ-то омраченіе, а чуть станешь думать и въ свѣтъ себя приводить — такое предстанетъ терзательство, что не знаешь, гдѣ легче мучиться, и готовъ молить: убей меня, Господи, отъ разу!

Ѳедосъ, говорю, начитавшись былъ и бралъ ото всего къ размышленію человѣчнему, какъ, то-есть, что человѣку показано... въ обществѣ... То-есть, какъ вотъ одинъ перстъ болитъ—и все тѣло неспокойно. Но не нравилось это Ѳедосово слово игрунамъ и забавникамъ во всемъ Пустоплясовѣ. Онъ, бывало, говоритъ:

— Вы, почтенные старички, и вы, молодой народъ, на мои слова не сердитеся: мои слова — это не самъ я выдумалъ, а отъ другого взялъ; сами думайте: эти люди, которые хотятъ веселиться, когда за порогомъ другіе люди бѣдствуютъ, они напрасно такъ думаютъ, будто помѣхи не дѣлаютъ, — они сѣютъ зависть и тѣмъ суть Богу противники. Теперь, братцы, надо со страдающими пострадать, а не праздновать — не вино пить да лепешкой закусывать.

Старики за это на Ѳедоса кривилися, а молодые ему стрекотали въ отвѣтъ:

— Чего ты тутъ, дядя Ѳедосъ, очень развякался! что ты попъ, что-ли, какой непостриженый? Намъ и попъ такихъ рѣчей не уставливалъ. Если намъ Богъ милость сослалъ, что намъ есть что̀ ѣсть, то отчего намъ и не радоваться? Пьемъ-ѣдимъ тоже вѣдь все въ славу Божію: съѣдимъ и запьемъ и отойдемъ—перекрестимся: слава-те, Господи! А тебѣ-то что надобно?

Ѳедосъ не сердился, а только зналъ, что̀ отвѣтить.

— Несмысленные! что тутъ за слава? Никакой славы нѣтъ, что вы будете лепешки жевать до отвалу, когда люди кожурой давятся! А вы вотъ такую славу вознесите Христу, чтобы видѣли всѣ, что вы у Него въ послушаніи... Вѣдь Его же есть слово къ намъ: «пусть знаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если имѣете любовь между собою»!

Но только ничего Ѳедосъ не успѣвалъ, и всѣ ему наотрѣзъ грубили, и особенно ему перечила своя его собственная внучка Маврутка,—одна только она у него и осталась отъ всего поколѣнія, и онъ съ нею съ одною и жилъ въ избѣ, а была она съ нимъ несогласная: такая-то была вертеница и Ѳедоса не слушалась, и даже озорничала съ нимъ.

— Ты,—бывало, скажетъ,—очень ужъ старъ сталъ, такъ вотъ и нужаешь всѣхъ и нѣтъ совсѣмъ при тебѣ никакой веселости. Чего ты пристаешь ко всѣмъ: «Богъ» да «Богъ»! Это мы и въ церкви слышали, и крестились, и кланялись, а теперь надо веселаго!

Онъ ей, бывало, скажетъ:—«Эй, нехорошо, Мавра! Бога надо постоянно видѣть передъ собою, на всѣхъ мѣстахъ ходящаго и къ тебѣ понятно глаголющаго, что̀ тебѣ хорошо, а чего ненадобѣ».—А дѣвка на эти слова отъ себя зачаститъ-зачаститъ и всякій разъ кончитъ тѣмъ, что:—«Ты простой мужикъ, а не попъ, и я не хочу тебя слушаться.

А онъ ей:

— Я простой мужикъ—я въ попы и не суюся, а ты не суди, кто я такой, а суди только мое слово: оно вѣдь идетъ на добро и отъ жалости.

А внучка отвѣчаетъ:

— Ну, ладно: въ молодомъ-то вѣку не до жалости; въ молодомъ вѣку надо счастье попробовать.

А Ѳедосъ ей и сказалъ:

— Ну, что дѣлать—испробуешь, только вѣдь не насытишься.

И такъ, гдѣ, бывало, съ дѣдомъ Ѳедосомъ люди ни сойдутся—сейчасъ всѣ противъ него; а онъ все толкуетъ, что надо жить въ тихости, безъ шума и грохота, да только никакъ съ людьми не столкуется, и съ Мавруткою къ празднику нелады у него по домашеству; пристаетъ она:

— Дай, дѣдко, мучицы просѣять, спечь лепешечекъ!

А онъ этого не хочетъ, говоритъ:

— Ѣшь рѣшотный хлѣбъ, отъ другихъ не отличай себя.

Мавра и злится:—«Насъ,—говоритъ, — Богъ отличилъ, а ты морить хочешь!»

Ѳедосъ отвѣчаетъ:—Эхъ, глупая! еще невѣдомо, для чего вы отличены; можетъ быть, и не для радости, а въ поученіе.

И когда разъ одинъ Маврутка такъ на Ѳедоса разсердилась, такъ взяла да и сказала ему:

— Не дай Богъ съ тобой долго жить, хоть бы померъ ты.

Но Ѳедосъ и тутъ не разсердился.—«Что же такое!.. Ничего! погоди, вотъ скоро похороните; можетъ-быть, потомъ поминать станете.

А молодые-то и расхохоталися:

— Еще, молъ, чего! тебя, стараго ворчуна, вспоминать будемъ!

Да и старички-то, которыхъ звалъ онъ «почкенные», не на его сторонѣ становилися, а тоже, бывало, говорятъ:—Что онъ презвышается—лучше всѣхъ хочетъ быть

во всемъ въ Пустоплясовѣ! Довольно знаемъ мы всѣ его: вмѣстѣ и водку съ нимъ пили, и съ бабами пѣсни играли—чего великатится!

Молодые это слышатъ и рады, и иной озорной подойдетъ къ нему и говоритъ:

— Дѣдъ Ѳедосъ!

— А что тако?

— А вонъ что про тебя старики-то сказываютъ!

— Да! Ну-ка, давай, послухаемъ.

— Говорятъ... будто ты... Стыдно сказывать!

— Ну что?.. ну что? Не тебѣ это стыдно-то!

— Когда молодой-то былъ...

— У, былъ пакостникъ!.. Школы намъ, братцы, не было! Бойло было, а школы не было.

— Говорятъ, ты солдаткѣ въ половень гостинцы носилъ!

— Да и хуже того, братцы мои, дѣлывалъ. Слава Богу, многое уже позабылося... Видно, Богъ простилъ, а вотъ... людямъ-то все еще помнится. Не живите, братцы, какъ я прожилъ, живите по-лучшему, чтобъ худого про васъ людямъ вспоминать было нечего.

—

А мы, разъ отъ раза больше все ошибаючись, попали братцы, передъ святками въ такое безстыжество, что мало намъ стало натируховъ да лепешекъ, а захотѣли мы завести забавы и игрища. Сговорилися мы, потаймя отъ своихъ стариковъ, нарядиться какъ можно чуднѣе, медвѣдями да чертями, а дѣвки—цыганками, и махнуть за рѣку на постоялый дворъ шутки шутить. А Ѳедосъ какъ-то узналъ про это и пошелъ ворчать:

— Ахъ вы,—говоритъ,—безстыжіе! Это вы мимо голодныхъ-то, дразнить ихъ пойдете, что-ли, съ пѣснями? Слушай, Мавра, нѣтъ тебѣ моего позволенія!

Мы всѣ ее у Ѳедоса отпрашиваемъ:

— Пусти, молъ, ее, Ѳедосъ Ивановичъ, что тебѣ ея вѣкъ томить!

А онъ отвѣчаетъ:

— Пошли вы, пустошни! Какое въ этомъ утомленіе, чтобы не пустить человѣка изъ себя дурака строить!

— Ну, да ты, молъ, ужъ всегда такой: ото всѣхъ все премудрости требуешь!

— Не премудрости,—говоритъ,—а требую, что Господь велитъ,—на ближнія разумѣнія: ближній въ скорбѣхъ, и ты не попрыгивай.

— Да развѣ ближнему-то хуже отъ этого?

— А разумѣется,—не вводи его въ искушеніе, а въ себѣ не погубляй доброту ума.

— Ну, вотъ, молъ, ты опять все про вумственность! Это надокучило! Небось, когда молодъ былъ самъ, такъ не разсуживалъ, а игралъ, какъ и прочіе.

— Ну, и что же такое,—отвѣчаетъ дѣдъ Ѳедосъ.—Я вѣдь ужъ не разъ сознавался вамъ, что въ молодыхъ годахъ я много худого дѣлалъ, такъ неужели же и вамъ теперь долженъ тоже совѣтовать дѣлать худое, а не доброе! Эхъ, неразумные! Съ пьянымъ-то, чай, вѣдь надо говорить не тогда, когда онъ пьянъ, а когда выспится. Молодой я пьянъ былъ всякой хмелиною, а теперь, слава Богу, повыспался. А если бы я былъ человѣкъ не грѣшный, а праведный, такъ я бы и говорилъ-то съ вами совсѣмъ на другой манеръ: я бы вамъ, можетъ, прямо сказалъ: Богъ это вамъ запрещаетъ, и можетъ за это придти на васъ наказаніе!

Тутъ за это слово всѣ на Ѳедоса поднялись.

— Нѣтъ, нѣтъ! — закричали, — что ты, какъ воронъ, все каркаешь! Это все ты самъ повыдумывалъ! Веселье и въ церквахъ поминается. Давыдъ-царь и игралъ, и плясалъ, и на свадьбѣ-то мало ли вина было попито. Ты своего не уставляй,—это намъ не запретное. Если бы похотѣлъ Господь, чтобы поворотить народъ на другую путь, Онъ бы не тебя послалъ, а особаго посла-благовѣстника.

Ѳедосъ имъ желалъ внушить, что не намъ судить, какого посла куда посылаетъ Богъ, а что слово Господне—духовное и черезъ кого оно доходитъ, черезъ того все

равно и засѣменяется: кто въ божьихъ смыслахъ говоритъ, того и послушайся, а нарочныхъ пословъ не жди. Нарочный-то, бываетъ, такъ придетъ, что и не поймешь его.

Ну, а все же хоть и всѣ съ дѣдомъ спорили, а въ открытость супротивъ его дѣлать стыдилися, потому что когда вспомянется намъ то, что старики про половень говорили, мы Ѳедоса будто и не уважаемъ, а потомъ вздумаемъ, что онъ давно уже человѣкъ справедливый сталъ, а тѣ, «почкенные»-то, все еще вокругъ половня ходятъ — намъ Ѳедоса и совѣстно. Грѣшникъ-то онъ, правда, что грѣшникъ былъ, да вѣдь онъ отстоялся ужъ и повернулъ себя на хорошее! Свое-то намъ справить хочется, а его все-таки стыдно. И стали мы съ своими намѣреньями крыться и сдѣлали уговоръ вечеромъ на рожествинъ день собираться всѣ въ ригу и ждать другъ дружку въ углу, въ колосѣ, а потомъ идти всей гурьбой переряженнымъ къ дворнику. А мы знали, что у дворника праздникъ какъ слѣдуетъ: быка залобанили, трехъ свиней зарѣзали и двѣ бочки браги наварено. Пойдемъ, молъ, налопаемся, а на обратномъ пути дѣвки пусть себѣ гдѣ знаютъ хоронятся.

Такія зашли затѣи хорошія!

— —

Пошли у насъ хлопоты: разныя мы одежи припасаемъ да прячемъ въ потайныхъ мѣстахъ. Боимся только, чтобы не подсмотрѣли за нами сосѣди неимущіе да наши похоронки не украли бы.

Мы имъ до сочельника все подавали кусочки, а подъ сочельникъ бабы и дѣвки сказали имъ:

— Слушайте, вы, неимущіе! вы чтобы завтра не смѣть приходить сюда, потому что мы завтра будемъ сами въ печкахъ мыться и топорами лавки скресть. Завтра намъ не до васъ. Обходитесь какъ знаете.

Маврутка захотѣла свои уборы вынесть въ ригу, когда дѣдъ Ѳедосъ въ лѣсъ пойдетъ, и вотъ, когда все, что̀ надо было, у себя въ избѣ отмыла и отскребла, да поглядѣла

въ окно, а на улицѣ, видитъ,—мятель и сиверка, такъ что дышать трудно. Маврутка думаетъ: «дай скорѣй сомчу, а то дѣдъ воротится!» и только что отворила дверь, какъ сдушило ее сиверкой, а передъ самымъ ея лицомъ на жерновомъ камнѣ у порожка нищенское дитя стоитъ, и какое-то будто особенное: обликъ нѣжный, а одежи на немъ только одна рваная свиточка и въ той на обоихъ плечахъ дыры, соломкой заправлены, будто крылышки сломаны да въ соломку завернуты и тутъ же приткнуты.

Маврутка на него осердилася.

— Чего тебѣ,—говоритъ,—для чего въ такой день пришелъ! Ишь ты, нѣтъ на васъ пропасти!

А дитя стоитъ и на нее большими очами смотритъ.

Дѣвка говоритъ:—«Что же ты бѣльма выпучилъ! Прочь пошелъ!»

А онъ и еще стоитъ.

Маврутка его поворотила и сунула:

— Пошелъ въ болото!

А сама побѣжала, и никакого ей безпокоя на душѣ не было, потому что вѣдь сказано всѣмъ имъ было, чтобы не ходить въ этотъ день—чего же таскается!

Прибѣжала Мавра въ ригу да прямо въ дальній уголъ и тамъ въ сухомъ колосѣ все свое убранье и закопала, а когда восклонилася, чтобы назадъ идти—видитъ, что этотъ лупоглазый ребенокъ въ воротахъ стоитъ.

Маврутка на него опалилася.

— Ты, шелудивый, — говоритъ, — подслѣжаешь меня, чтобы скрасть мое доброе! Такъ я отучу тебя! — Да и швырнула въ него тяжелый цѣпъ, а цѣпъ-то такой былъ, что дитя убить сразу могъ, да Богъ далъ—она промахнулася, и съ того еще больше осердилась, и погналася за нимъ. А онъ не то за уголъ забѣжалъ, не то со страху въ какой-нибудь овинъ нырнулъ, только Мавра не нашла его и домой пошла, и поспѣшаетъ, чтобы придти прежде, чѣмъ дѣдъ Осдосъ воротится изъ лѣсу, а на самое на нее

сталъ страхъ нападать, будто какъ какая-то бѣда впереди ея стоитъ или позади вслѣдъ за ней гонится.

И все чѣмъ она шибче бѣжитъ, тѣмъ сильнѣе въ ней духъ занимается, а тутъ еще видитъ, что у нихъ на заваленкѣ будто кто-то сидитъ...

Маврутка вдругъ стала смотрѣть: что это, неужели опять лупоглазый тамъ?..

Дѣвка-ровесница съ ведромъ шла и спрашиваетъ:

— Что у тебя, нога что-ли подвихнулася?

А Маврутка машетъ ей и говоритъ:—«Послушай-ка, что тебѣ нашу избу видно?»

Та отвѣчаетъ:—«Видно».

— А что это такое тамъ у насъ подъ окномъ на заваленкѣ?

— Это твой дѣдъ Ѳедосъ сидитъ...

— У тебя, можетъ-быть, курья слѣпота въ глазахъ?

— Чего еще! Ярко его вижу, вонъ руки въ рукавицахъ онъ на костыль положилъ, а нѣдромъ носитъ. Тяжело его удушье бьетъ...

— А робенка лупоглазаго не видишь тамъ?

— Лупоглазое дитя-то нонѣ по всему селу ходило, а теперь его нѣтути...

А Маврутка ей говоритъ, что она сейчасъ лупоглазое дитя видѣла и что онъ подсмотрѣлъ, гдѣ она свой уборъ закопала.

— Теперь, — говоритъ, — то и думаю, что онъ, стылый, откопаетъ да и выкрадетъ.

— Пойди перепрячь скорѣй!

— И то сбѣгаю!

А сама чуетъ, что теперь ужъ ей въ ригѣ было бы боязно.

И тутъ Мавра съ дѣдомъ опять не въ ладъ сдѣлала, такъ что онъ сказалъ ей:

— Ты, должно-быть, задумала что-нибудь на своемъ поставить. Смотри, бѣды бъ не вышло!

Она отвѣчаетъ:—«Не удержишь меня!»

— Чего силомъ держать... и ненадобно... А тебѣ, слышь, чего же тамъ понравилось?.. Назадъ-то пойдете, ребята чтобъ васъ не обидѣли.

— Закаркалъ, закаркалъ опять! Никого не боимся мы, а тамъ праздникъ какъ слѣдуетъ, — тамъ били бычка и трехъ свиней, и съ солодомъ брага варена...

Вона что̀ наготовлено изступленія! И пьяно, и убоисто...

— А тебѣ и свиней-то жаль!

— Воробья-то мнѣ и того-то жаль, и о его-то головенкѣ вѣдь есть вышнее усмотрѣніе...

— О воробьиной головкѣ-то?

— Да!

— Усмотрѣніе?

— Да!

— Тьфу!

Мавра въ-раскатъ громко плюнула.

Дѣдъ сказалъ:—«Чего-жъ плюешься?»

— На слова твои плюнула.

— На мои-то наплюй,—не груби только Хозяину.

Онъ мнѣ и ненадобенъ.

— Вона какъ!

— Разумѣется!.. Пусть его нелюбымъ конямъ гривы мнетъ.

— Что городишь-то, неразумная! Я тебѣ говорю про Того, Кому мы всѣ работать должны.

— Ну, а я не разумѣю и не хочу.

— Что это,—работать-то?

— Да.

— Поработаешь. Не всѣ вѣдь вольною волей работаютъ,— другіе неволею. И ты поработаешь.

Мавра черезъ гнѣвъ просмѣялася и говоритъ:

— Полно тебѣ, дѣдъ, въ самомъ дѣлѣ, видно, правда, что ты съ ума сошелъ!

А дѣдъ посмотрѣлъ и отвѣтилъ ей:

— Господь съ тобой, умная! — и самъ на печь полѣзъ.

а она схватила подъ полу его фонарь со свѣчой и побѣжала въ ригу свой нарядъ перепрятывать.

А въ ригѣ-то уже темно, и страхъ на нее тутъ такъ и налетѣлъ со всѣхъ сторонъ вмѣстѣ съ ужастью: такъ ее и за плечо беретъ, и ноги ей путаетъ. Думаетъ: «дай скорѣй огонь зажгу—смѣлѣй станетъ». Чиркнула спичкою разъ и два — что-то у самаго лица будто пролетѣло. Она зажгла фонарь и перекрестилась, а только зашла въ уголъ къ колосу, какъ вдругъ съ одной стороны къ ней пташка, а съ другой другая,—точно не хотятъ допустить ее!

И видитъ она, что это ей не кажется, а взаправду есть: откуда-то слетѣли воробушки и пали на колосъ въ свѣтъ и сидятъ-глядятъ на нее натопорщившись...

«Давай скорѣе выхвачу да и убѣгу», — думаетъ Мавра, и стала скорѣй руками колосъ разворашивать, а тамъ подъ рукой у нея что-то двигнулось и закопалося... Она — цапъ посильнѣй, а ей откуда ни спади еще воробей, и трепещется, и чирикаетъ... «Тьфу, молъ, что̀ тебѣ надобно? Проклятый ты!» Взяла его да и сорвала ему головеночку, а сама не замѣтила, какъ съ сердцемъ въ злости фонарь бросила и отъ него въ разъ солома вся всполыхнула; а оттудова-то, изъ кучи-то—что̀ вы скажете!—возстаетъ оное дитя лупоглазое и на челушкѣ у него роситъ кровь.

Тутъ ужъ Мавра забыла все и бросилась бѣжать, а огонь потекъ съ бурею въ повсемѣстности и истлилъ за единый часъ все, чѣмъ мы жили и куражились...

И стало намъ хуже всѣхъ тѣхъ, которые докучали намъ, потому что нѐ только у насъ весь хлѣбъ погорѣлъ, а и жить-то не въ чемъ было, и пошли мы всѣ къ своимъ нищимъ проситься пожить у нихъ до теплыхъ дней.

А дѣдъ-то Ѳедосъ на пожарѣ опекся весь и вставать не сталъ; ну, а все ладилъ въ ту же стать и говорилъ другимъ съ утѣшеніемъ:

— Ничего,—говоритъ,—хорошо все отъ Господа посылается. Вотъ какъ жили мы въ божьихъ въ любимчикахъ—

совсѣмъ, было, мы позабылись,—хотѣли все справлять свои дурости, а теперь Господь опять насъ наставитъ на лучшее.

Такъ и померъ съ тѣмъ,—съ этой вѣрой-то!

А какое это было дитя, и откудова, и куда оно въ пожаръ дѣлося — такъ никогда потомъ и не дознался, а только стали говорить, будто это былъ ангелъ и за нечувствительность нашу къ нему мы будто были наказаны.

— Все равно, — говорилъ Ѳедосъ, — кто бы ни былъ онъ,—бѣдное дитя всегда «божій посолъ»: черезъ него Господь наше сердце пробуетъ... Вы всѣ стерегитеся, потому что съ каждымъ вѣдь такой посолъ можетъ встрѣтиться!

ДУРАЧОКЪ.

(РАЗСКАЗЪ.)

Кого надо считатать дуракомъ? Кажется, будто это всякій знаетъ, а если начать свѣрять, какъ кто это понимаетъ, то и выйдетъ, что всѣ понимаютъ о дуракѣ неодинаково. По академическому словарю, гдѣ каждое слово растолковано въ его значеніи, изъяснено такъ, что «дуракъ—слабоумный, человѣкъ, глупый, лишенный разсудка, безумный, шутъ»... Въ подкрѣпленіе такого толкованія приведенъ словесный примѣръ: «Онъ былъ и будетъ дуракъ-дуракомъ». «Дурачокъ—смягченіе слова дуракъ». Ученѣе этого объясненія уже и искать нечего, а между тѣмъ въ жизни случается встрѣчать такихъ дураковъ или дурачковъ, которымъ эта кличка дана, но они, между тѣмъ, не безумны, не глупы и ничего шутовского изъ себя не представляютъ... Это люди любопытные, и про одного такого я здѣсь и разскажу.

Былъ у насъ въ деревнѣ безродный крѣпостной мальчикъ Панька. Росъ онъ при господскомъ дворѣ, ходилъ въ томъ, что̀ ему давали, а ѣлъ на застольщинѣ вмѣстѣ съ коровницею и съ ея дѣтями. Должность у него была такая, чтобы «всѣмъ помогать»; это значило, что всѣ должностные люди въ усадьбѣ имѣли право заставлять Паньку дѣлать за нихъ всякую работу, и онъ, бывало, безпрестанно работаетъ. Какъ сейчасъ его помню: бывало, зимою, — у

насъ зимы бываютъ лютыя, — когда мы встанемъ и подбѣжимъ къ окнамъ, Панька уже везетъ на себѣ, изогнувшись, большія салазки съ вязанками сѣна, соломы и съ плетушками колоса и другого мелкаго корма для скотины и птицъ. Мы встаемъ, а онъ уже наработался, и рѣдко увидишь его, что онъ присядетъ въ скотной избѣ и ѣстъ краюшку хлѣбца, а запиваетъ водою изъ деревяннаго ковшика.

Спросишь его, бывало:

— Что ты, Паня, одинъ сухой хлѣбъ жуешь?

А онъ шутя отвѣчаетъ:

Какъ такъ «съ ухой»?—онъ, гляди-ко, съ чистой водицею.

— А ты бы еще чего-нибудь попросилъ: капустки, огурца или картошечки!

А Паня головой мотнетъ и отвѣчаетъ:

- Ну вотъ еще чего!.. Я и такъ наѣлся, — слава-те, Господи!

Подпоясается и опять на дворъ идетъ таскать то одно, то другое. Работа у него никогда не переводилася, потому что всѣ его заставляли помогать себѣ. Онъ и конюшни, и хлѣва чистилъ, и скоту кормъ задавалъ, и овецъ на водопой гонялъ, а вечеромъ, бывало, еще себѣ и другимъ лапти плететъ, и ложился онъ, бывало, позже всѣхъ, а вставалъ раньше всѣхъ до́-свѣта и одѣтъ былъ всегда очень плохо и скаредно. И его, бывало, никто и не жалѣетъ, а всѣ говорятъ:

— Ему вѣдь ничего,—онъ дурачокъ.

— А чѣмъ же онъ дурачокъ?

— Да всѣмъ...

— А напримѣръ?

— Да что за примѣръ!—вонъ коровница-то всѣ огурцы и картошки своимъ дѣтямъ отдаетъ, а онъ, хоть бы что̀ ему... и не проспитъ у нихъ, и на нихъ не жалуется. Дуракъ!

Мы, дѣти, не могли хорошо въ этомъ разобраться, и хоть глупостей отъ Паньки не слыхали, и даже видѣли отъ него ласку, потому что онъ дѣлалъ намъ игрушечныя мельницы и туезочки изъ бересты,—однако и мы, какъ всѣ въ домѣ, одинаково говорили, что Панька дурачокъ, и никто противъ этого не спорилъ, а скоро вышелъ такой случай, что объ этомъ уже и нельзя стало спорить

Былъ у насъ нанятъ строгій-престрогій управитель, и любилъ онъ за всякую вину человѣка наказывать. Ѣдетъ, бывало, на бѣговыхъ дрожкахъ и по всѣмъ сторонамъ смотритъ: нѣтъ ли гдѣ какой неисправности? И если замѣтитъ что-нибудь въ безпорядкѣ—сейчасъ же остановится, подзоветъ виноватаго и приказываетъ:

— Ступай сейчасъ въ контору и скажи моимъ именемъ старостѣ, чтобы дали тебѣ двадцать-пять розогъ; а если слукавишь—я тебѣ вечеромъ при себѣ велю вдвое дать.

Прощенья у него ужъ и не смѣли просить, потому что онъ этого терпѣть не могъ и еще прибавлялъ наказаніе.

Вотъ разъ, лѣтомъ, ѣдетъ этотъ управляющій и видитъ, что въ молодыхъ хлѣбахъ жеребята ходятъ и не столько зелени рвутъ, сколько ее топчутъ и копытами съ корнями выколупываютъ...

Управитель и расшумѣлся.

А жеребятъ въ этотъ годъ былъ приставленъ стеречь мальчикъ Петруша,—сынъ той самой Арины-коровницы, которая Панькѣ картошекъ жалѣла, а все своимъ дѣтямъ отдавала. Петруша этотъ имѣлъ въ ту пору лѣтъ двѣнадцать и былъ тѣломъ много помельче Паньки и понѣжнѣе, за это его и дразнили «творожничкомъ»—словомъ, онъ былъ мальчикъ у матери избалованный и на работу слабый, а на расправу жидкій. Выгналъ онъ жеребятъ рано утромъ «на-росу», и стало его знобить, а онъ сѣлъ да укрылся свиткою, и какъ согрѣлся, то на него нашелъ сонъ—онъ и заснулъ, а жеребятки въ это время въ хлѣбъ и взошли.

Управитель, какъ увидалъ это, такъ сейчасъ стегнулъ Петю и говоритъ:

— Пусть Панька пока и за своимъ, и за твоимъ дѣломъ посмотритъ, а ты сейчасъ иди въ разрядную контору и скажи выборному, чтобы онъ тебѣ двадцать розогъ далъ; а если это до моего возвращенья домой не исполнишь, то я при себѣ тогда тебѣ вдвое дамъ.

Сказалъ это и уѣхалъ.

А Петруша такъ и залился слезами. Весь трясется, потому что никогда его еще розгами не наказывали, и говоритъ онъ Панькѣ:

— Братъ милый, Пàнюшка, очень страшно мнѣ... скажи, какъ мнѣ быть?

А Панька его по головкѣ погладилъ и говоритъ:

— И мнѣ тоже страшно было... Что̀ съ этимъ дѣлать-то... Христа били.

А Петруша еще горче плачетъ и говоритъ:

— Боюсь я идти и боюсь не идти... Лучше я въ воду кинуся.

А Панька его уговаривалъ-уговаривалъ, а потомъ сказалъ:

— Ну постой же ты: оставайся здѣсь и смотри за моимъ и за своимъ дѣломъ, а я скорѣй сбѣгаю, за тебя постараюся,—авось тебя Богъ помилуетъ. Видишь, ты трусъ какой.

Петруша спрашиваетъ:

— А какъ же ты, Пáнюшка, постараешься?

— Да ужъ я штуку выдумалъ—постараюся!

И побѣжалъ Панька черезъ поле къ усадьбѣ рѣзвенько, а черезъ часъ назадъ идетъ, улыбается.

— Не робѣй,—говоритъ, — Петька, все сдѣлано; и не ходи никуда—съ тебя наказанье избавлено.

Петька думаетъ:

«Все равно: надо вѣрить ему», — и не пошелъ; а вечеромъ управляющій спрашиваетъ у выборнаго въ разрядной избѣ:

— Что, пастушонокъ утромъ приходилъ сѣчься?

— Какъ же, — говоритъ, — приходилъ, ваша милость.

— Взбрызнули его?

— Да, — говоритъ, — взбрызнули.

— И хорошо?

— Хорошо, — постаралися.

Дѣло и успокоилось, а потомъ узнали, что высѣкли-то пастушонка, да не того, котораго было назначено, не Петра, а Паньку, и пошло это по усадьбѣ и по деревнѣ, и всѣ надъ Панькой смѣялись, а Петю уже не стали сѣчь.

— Что же, — говорили, — уже если дуракъ его выручилъ, — нехорошо двухъ за одну вину разомъ наказывать.

Ну не дуракъ ли взаправду нашъ Панька былъ?

И такъ онъ все и дальше жилъ.

Сдѣлалась черезъ нѣсколько лѣтъ въ Крымѣ война и начали набирать рекрутъ. Плачъ по деревнѣ пошелъ: никому на войнѣ страдать-то не хочется. Особенно матери о сыновьяхъ убиваются — всякой своего сына жалко.

А Панькѣ въ это время уже совершенные годы исполнились, и онъ вдругъ приходитъ къ помѣщику и самъ просится:

— Велите, — говоритъ, — меня отвести въ городъ — въ солдаты отдать.

— Что же тебѣ за охота?

— Да такъ, — отвѣчаетъ, — очень мнѣ вдругъ охота пришла.

— Да отчего? Ты обдумайся.

— Нѣтъ, — говоритъ, — некогда думать-то.

— Отчего некогда?

— Да нешто не слышно вамъ, что вокругъ плачутъ, а я вѣдь любимый у Господа, — обо мнѣ плакать некому,— я и хочу идти.

Его отговаривали.

— Посмотри-ка, молъ, какой ты неуклюжій-то: надъ тобой на войнѣ-то, пожалуй, всѣ расхохочутся.

А онъ отвѣчаетъ:

— То и радостнѣй: хохотать-то вѣдь веселѣе, чѣмъ ссориться; если всѣмъ весело станетъ, такъ тогда всѣ и замирятся.

Еще разъ сказали ему:

— Утѣшай-ка лучше самъ себя да живи дома!

Но онъ на своемъ твердо стоялъ.

— Нѣтъ, мнѣ,—говоритъ,—это будетъ утѣшнѣе.

Его и утѣшили, — отвезли въ городъ и отдали въ рекруты, а когда сдатчики возвратились,—съ любопытствомъ ихъ стали разспрашивать:

— Ну, какъ нашъ дуракъ остался тамъ? Не видали ли вы его послѣ сдачи-то?

— Какъ же, — говорятъ, — видѣли.

— Небось, смѣются всѣ надъ нимъ, — какой увалень?

— Да,—говорятъ,—на самыхъ первыхъ порахъ-то было смѣялися, да онъ на всѣ на два рубля, которые мы дали ему награжденія, на базарѣ цѣлыя ночвы пироговъ съ горохомъ и съ кашей купилъ и всѣмъ по одному роздалъ, а себя позабылъ... Всѣ стали головами качать и стали ломать ему по половиночкѣ. А онъ застыдился и говоритъ:

— Что вы, братцы, я вѣдь безъ хитрости! Кушайте.

Рекрута его стали дружно похлопывать:

— Какой, молъ, ты ласковый!

А на утро онъ раньше всѣхъ въ казармѣ всталъ, да все убралъ и старымъ солдатамъ всѣмъ сапоги вычистилъ. Стали хвалить его и старики у насъ спрашивали: «что онъ у васъ дурачокъ, что-ли?»

Сдатчики отвѣчали:

— Не дуракъ, а... малость сроду такъ.

Такъ Панька и пошелъ служить со своимъ дурачествомъ и провелъ всю войну въ «профосахъ» — за всѣми позади рвы копалъ да накость закапывалъ, а какъ вышелъ въ отставку, такъ, по привычкѣ къ пастушеству, нанялся у степныхъ татаръ конскіе табуны пасти.

Отправился онъ къ татарамъ изъ Пензы и не бывалъ

назадъ много лѣтъ, а скитался, гоняя коней, гдѣ-то вдали, около безводныхъ Рынъ-Песковъ, гдѣ тогда кочевалъ большой мѣстный богачъ Ханъ-Джангаръ. А Ханъ-Джангаръ, когда пріѣзжалъ на Суру лошадей продавать, то на тотъ часъ держалъ себя будто и покорно, но у себя въ степи что̀ хотѣлъ, то̀ и дѣлалъ; кого хотѣлъ — казнилъ, кого хотѣлъ — того миловалъ.

За отдаленностью дикой пустыни слѣдить за нимъ было невозможно, и онъ какъ хотѣлъ, такъ и своевольничалъ. Но расправлялся онъ такъ не одинъ: находились и другіе такіе же самоуправцы, и въ числѣ ихъ появился одинъ лихой воръ, по имени Хабибула, и сталъ онъ угонять у Хана-Джангара много самыхъ лучшихъ лошадей, и долго никакъ его не могли поймать. Но вотъ разъ сдѣлалась у однихъ и другихъ татаръ свалка, и Хабибулу ранили и схватили. А время было такое, что Ханъ-Джангаръ спѣшилъ въ Пензу, и ему никакъ нельзя было остановиться и сдѣлать надъ Хабибулою судъ и казнить его такою страшною казнью, чтобы навести страхъ и ужасъ на другихъ воровъ.

Чтобы не опоздать въ Пензу на ярмарку и не показаться съ Хабибулой въ такихъ мѣстахъ, гдѣ русскія власти есть, Ханъ-Джангаръ и рѣшилъ оставить при маломъ и скудномъ источникѣ Паньку съ однимъ конемъ и раненаго Хабибулу, окованнаго въ конскихъ желѣзахъ. И оставилъ имъ пшена и бурдюкъ воды и наказалъ Панькѣ настрого:

— Береги этого человѣка какъ свою душу! Понялъ?

Панька говоритъ:

— Чего жъ не понять-то! Вполнѣ понялъ, и какъ ты сказалъ, я такъ точно и сдѣлаю.

Ханъ-Джангаръ со всей своей ордой и уѣхалъ, а Панька сталъ говорить Хабибулѣ:

— Вотъ до чего тебя твое воровство довело! Такой ты

большой молодецъ, а все твое молодечество не къ добру, а ко злу. Ты бы лучше исправился.

А Хабибула ему отвѣчаетъ:

— Если я до сихъ поръ не исправился, такъ теперь ужъ и некогда.

— Какъ это «некогда»! Только въ томъ вѣдь и дѣло все, чтобы хорошо захотѣть человѣку исправиться, а остальное все само придетъ... Въ тебѣ вѣдь душа такая же, какъ и во всѣхъ людяхъ: брось дурное, а Богъ тебѣ сейчасъ зачнетъ помогать дѣлать хорошее, вотъ и пойдетъ все хорошее.

А Хабибула слушаетъ и вздыхаетъ.

— Нѣтъ, — говоритъ, — уже про это некстати и думать теперь!

— Да отчего же некстати-то?

— Да оттого, что я окованъ и смерти жду.

— А я тебя возьму да и выпущу.

Хабибула ушамъ своимъ не повѣрилъ, а Панька ему улыбается ласково и говоритъ:

— Я тебѣ не шучу, а правду говорю. Ханъ мнѣ сказалъ, чтобы я тебя «какъ свою душу берегъ», а вѣдь знаешь ли, какъ надо сберечь душу-то? Надо, братъ, ее не жалѣть, а пусть ее за другого пострадаетъ — вотъ мнѣ теперь это и надобно, потому что я терпѣть не могу, когда другихъ мучаютъ. Я тебя раскую и на коня посажу и ступай, спасай себя, гдѣ надѣешься, а если станешь опять зло творить — ну ужъ тогда не меня обманешь, а Господа.

И съ этимъ присѣлъ и сломалъ на Хабибулѣ конскія желѣзныя путы, и посадилъ его на коня и сказалъ:

— Ступай съ миромъ на всѣ стороны.

А самъ остался ожидать здѣсь возвращенія Хана-Джангара, — и ждалъ его очень долго, пока ручеекъ высохъ и въ бурдюкѣ воды осталось очень немножечко.

Тогда и прибылъ Ханъ-Джангаръ со своей свитой.

Осмотрѣлся Ханъ и спрашиваетъ:

— А гдѣ Хабибула?

Панька отвѣчаетъ:

— Я отпустилъ его.

— Какъ отпустилъ? Что ты такое разсказываешь?

— Я тебѣ говорю то, что взправду сдѣлалъ по твоему велѣнію и по своему хотѣнію. Ты мнѣ велѣлъ беречь его какъ свою душу, а я свою душу такъ берегу, что желаю пустить ее помучиться за ближняго... Ты вѣдь хотѣлъ замучить Хабибулу, а я терпѣть не могу, чтобы другихъ мучили,—вотъ возьми меня и вели меня вмѣсто его мучить,—пусть моя душа будетъ счастливая и отъ всѣхъ страховъ свободная, потому что вѣдь я ни тебя, ни другихъ никого не боюся ни капельки.

Тутъ Ханъ-Джангаръ сталъ водить глаза во всѣ стороны, а потомъ на головѣ тюбетейку поправилъ и говоритъ своимъ:

— Подойдите-ка всѣ поближе ко мнѣ, я вамъ скажу, что̀ мнѣ кажется.

Татары вокругъ Хана-Джангара стѣснилися. А онъ сказалъ имъ потихонечку:

— А вѣдь Паньку, сдается, нельзя казнить, потому что въ душѣ его, можетъ быть, ангелъ былъ...

— Да,—отвѣчали татары всѣ однимъ тихимъ голосомъ:—нельзя намъ ему вредить: мы его не поняли за много лѣтъ, а теперь онъ въ одно мгновенье всѣмъ намъ ясенъ сталъ: онъ вѣдь, можетъ быть, праведный.

НЕВИННЫЙ ПРУДЕНЦІЙ.

(ЛЕГЕНДА).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ первыхъ вѣкахъ христіанства въ одномъ изъ торговыхъ поселковъ на берегу Средиземнаго моря жили два купца, которыхъ звали Алкей и Гифасъ. Оба они ходили въ море на одномъ небольшомъ кораблѣ, который теперь назвали бы ладьею. Они вели торговлю вмѣстѣ, а иногда также вмѣстѣ нападали на небольшія суда и грабили ихъ. Послѣднее свое занятіе. то-есть разбойничество, Алкей и Гифасъ скрывали, но оно было прибыльнѣе торговли. Отъ такого двойного промысла оба купца сдѣлались богаты и жили въ достаткѣ. У нихъ были самые лучшіе дома во всемъ поселеніи, и при домахъ сады и теплыя бани.

Гифасъ былъ старше Алкея и имѣлъ жену Ефросину, тоже уже пожилую женщину, и сына Пруденція, а Алкей былъ моложе Гифаса на десять лѣтъ и недавно женился на молодой и очень красивой, доброй и разсудительной дѣвушкѣ, которую звали Мелита.

Мелита приходилась племянницею женѣ Гифаса, Ефросинѣ, и жила съ нею въ такой же дружбѣ, какъ Гифасъ съ Алкеемъ, а сынъ Гифаса, миловидный отрокъ Пруденцій, былъ любимцемъ обѣихъ семей—своей собственной и семьи Алкея. Пруденцій жилъ въ обоихъ домахъ, какъ у себя,

пользуясь заботами матери своей Ефросины и полезными внушеніями Алкеевой жены, молодой и прекрасной гречанки Мелиты.

Когда Алкей и Гифасъ по условіямъ своего промысла ходили надолго въ море, — жены ихъ, пожилая Ефросина и молодая Мелита, хозяйничали дома и проводили вмѣстѣ все свободное время, какое имъ оставалось отъ ихъ ручного труда и необходимыхъ заботъ по хозяйству.

Ефросина была очень домовитая женщина, стараго языческаго воспитанія, и заботилась только объ одномъ житейскомъ: она не умѣла грамотѣ, но зато лучше Мелиты заготовляла копченое мясо, фрукты и рыбы; а Мелита пришла сюда изъ города, гдѣ занималась науками и нѣжными работами, требующими искусства и вкуса для ихъ производства. Поэтому Ефросинѣ не разъ приходилось подавать Мелитѣ полезные совѣты и оказывать помощь въ хозяйствѣ, а благородная Мелита, въ благодарность за это, старалась оказывать взаимныя услуги Ефросинѣ. Она вышивала головные покровы для самой Ефросины и дѣлала узорочныя коймы къ легкимъ, эѳирнымъ туникамъ, въ которыя Ефросина любила одѣвать свое единственное и долгожданное дитя, отрока Пруденція, отличавшагося замѣчательною стройностью и красотою.

Пруденцій былъ статенъ и смуглъ, съ горячимъ матовымъ цвѣтомъ лица, съ большими черными глазами, глядѣвшими изъ-подъ черныхъ рѣсницъ, при черныхъ бровяхъ и густыхъ кудряхъ цвѣта орѣха.

Онъ былъ очень нѣженъ и ловокъ въ движеньяхъ, застѣнчивъ, страстенъ и скроменъ,—и чрезъ это онъ каждому казался пріятнымъ и милымъ.

Самое лучшее, чѣмъ Мелита могла заслужить Ефросинѣ,— это было обучить Пруденція грамотѣ и тѣмъ изъ извѣстныхъ Мелитѣ искусствъ, которыя шли къ полу мальчика по условіямъ тогдашняго быта.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Мелита научила Пруденція читать и писать, пѣть и играть на цѣвницѣ, шибко бѣгать и бросать въ цѣль металлическіе кружки и кольца.

Такъ какъ Гифасъ и Алкей прожили вѣкъ въ своемъ полудикомъ, не столько торговомъ, сколько разбойничьемъ поселкѣ, то они не знали никакихъ подобныхъ изящныхъ упражненій и развили свои силы прямо въ суровой борьбѣ съ моремъ; но Ефросинѣ нравилось, чтобы Пруденцій былъ воспитанъ нѣжнѣе и ближе къ тогдашней модѣ.

Въ упражненіяхъ Пруденція въ силѣ и ловкости съ нимъ состязалась сама его учительница, прекрасная Мелита, и ея молодая черная рабыня-финикіянка Марема, которую тоже звали короче Мармэ.

Когда Мелита начала заниматься воспитаніемъ Пруденція, ему тогда исполнилось всего двѣнадцать лѣтъ, но онъ былъ такъ крупенъ и строенъ, что походилъ уже на мальчика лѣтъ пятнадцати; а Мелита, которой шелъ въ это время семнадцатый годъ, была столь моложава, что ее можно было принять за пятнадцатилѣтнюю невѣсту. Довольная и въ то же время воздержная жизнь и умѣренность во всѣхъ наслажденіяхъ при свободѣ отъ болѣзней дѣторожденія, такъ сберегли прекрасное тѣло юной Мелиты, что при встрѣчѣ съ нею всякій незнакомецъ легче всего почелъ бы ее за юную дѣвушку, а не за молодую жену пожилого человѣка, каковъ былъ ея мужъ, косой и въ обхожденіи грубый Алкей.

Такъ же дѣвственно чистъ, и безпеченъ, и веселъ былъ ея живой, острый умъ, жившій въ ладу съ добрымъ сердцемъ и прекраснымъ, твердымъ и ровнымъ характеромъ.

Научая Пруденція бѣгать по правиламъ бѣга, легкая Мелита сама становилась съ нимъ рядомъ на мѣту и бѣжала, нерѣдко обгоняя его и приходя первой на противоположную мѣту, гдѣ становилась, оборачиваясь къ нему лицомъ и собирая тонкими пальцами черныя кудри, разсыпавшіяся по бѣлому лбу, орошенному потомъ.

Такъ же вмѣстѣ они метали и диски, и кольца, а судьею ихъ была темнолицая рабыня Мармэ, которую Мелита содержала не какъ служанку, въ подобострастьѣ, а какъ подругу—въ любви, и сама находила ее пріятной по душевнымъ качествамъ и прекрасной по тѣлу, отличавшемуся гармоничною стройностью и ровнымъ агатовымъ блескомъ.

Такъ занималась Мелита Пруденціемъ цѣлыхъ два года, а въ концѣ третьяго года въ средѣ этихъ людей случилось несчастіе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ дней, проведенныхъ Алкеемъ и Гифасомъ въ морѣ,—Алкей возвратился одинъ на своей ладьѣ.

Это было вечеромъ, когда всѣ жители въ селеніи спали.

Алкей вошелъ въ свой домъ, двери котораго ему открыла Марема и испугалась, замѣтивъ на лицѣ своего господина страшное выраженіе. Алкей тотчасъ же приказалъ служанкѣ удалиться, а самъ вошелъ къ женѣ и открылъ ей, что Гифасъ погибъ въ морѣ.

Эта новость поразила и въ то же время удивила Мелиту, которая имѣла нѣкоторыя понятія объ условіяхъ морского быта, и она стала разспрашивать мужа: какъ могло случиться, что судно сохранилось въ цѣлости и самъ Алкей сохранилъ себя въ безопасности, а Гифасъ погибъ?

— Это было такъ,—отвѣчалъ Алкей,—что на насъ напали двѣ ладьи грабителей, и мы долго отъ нихъ оборонялись, но я былъ сильнѣе и могъ защититься, а Гифасъ не успѣлъ уклониться отъ одного удара въ голову и упалъ въ воду съ раздробленнымъ черепомъ.

— А какъ же ты могъ спастись?

— Я увидалъ, что мнѣ одному уже нельзя защищаться, и бросился въ воду, чтобы меня тоже почли убитымъ. Въ водѣ я схватился руками за киль и держался до тѣхъ поръ, пока грабители, опустошивъ нашу лодку, кинули ее на произволъ вѣтра. Тогда я снова вскарабкался въ лодку, по-

ставилъ порванные паруса и, взявъ руль, достигъ кое-какъ до нашего берега.

Мелита выслушала разсказъ мужа и ничего ему болѣе не возражала; но Алкей замѣтилъ по лицу жены, что она какъ-будто сомнѣвается въ его разсказѣ, и, отведя свои глаза отъ ея взора, добавилъ:

— Я не могу теперь говорить тебѣ въ подробностяхъ, какъ все это случилось, да ты и не могла бы всего понять, потому что это совсѣмъ не то, что твоя музыка, или твои вышиванья, а я тебя попрошу лучше, чтобы ты оказала мнѣ необходимую помощь: облегчи мнѣ чрезвычайно тяжелое дѣло.

— О, сдѣлай милость: я готова сдѣлать все, что́ въ силахъ,—отвѣчала Мелита.

Тогда Алкей ей открылся, что онъ, человѣкъ неустрашимый въ борьбѣ съ моремъ и разбойниками, очень боится видѣть женское горе и слушать стенанія и вопли, и для того онъ проситъ Мелиту, чтобы она пошла къ Ефросинѣ и открыла ей ужасную новость о смерти ея мужа и о погибели значительной доли ихъ состоянія, бывшаго въ лодкѣ.

Мелита сказала, что она это сдѣлаетъ, и, поручивши Мармэ позаботиться о томъ, чтобы вытопить баню для мужа, сама одѣлась и пошла тихо къ вдовѣ Ефросинѣ.

Вдова Ефросина, получивъ отъ Мелиты печальную вѣсть о смерти Гифаса, предалась обычному плачу и стенаньямъ, а потомъ надѣла одежды вдовства и, покрывъ голову платомъ съ неподрубленнымъ краемъ, сказала Мелитѣ:

— Теперь я не могу спать во всю ночь, и, обнявшись съ сыномъ, мы до утра будемъ плакать съ нимъ о Гифасѣ; а утромъ рано я пошлю Пруденція обойти все наше селеніе и позвать всѣхъ на берегъ моря на то самое мѣсто, съ котораго мужъ мой Гифасъ въ послѣдній разъ отплылъ вмѣстѣ съ Алкеемъ. Ты же Алкею скажи, чтобы онъ въ тотъ же часъ пришелъ на то мѣсто и всѣмъ разсказалъ, какъ все это случилось, что мужъ мой погибъ, а Алкей одинъ живымъ возвратился. Я теперь въ такомъ огорченіи,

что ничего сама понять не могу, и не въ силахъ придумать, что̀ мнѣ дѣлать съ судномъ, въ которомъ есть половинная доля Гифаса, и только другая половина принадлежитъ Алкею. Пусть весь народъ изъ селенія сберется, пусть всѣ люди услышатъ печальную повѣсть, какъ ее Алкей намъ разскажетъ, и затѣмъ пускай люди обсудятъ, какъ намъ жить дальше или какъ намъ удобнѣе разсчитаться и раздѣлиться съ Алкеемъ.

Мелита нашла желаніе вдовы Ефросины совершенно основательнымъ и, возвратившись домой, извѣстила объ этомъ Алкея. Онъ принялъ это спокойно, какъ человѣкъ, у котораго совѣсть чиста, и которому нечего опасаться разсказать передъ всѣми о томъ, что случилось.

Онъ поблагодарилъ жену за то, что̀ она приняла на себя тяжесть объявленія горя вдовѣ Ефросинѣ, и уснулъ крѣпкимъ сномъ, въ объятіяхъ Мелиты. Но его крѣпкій сонъ, однако, не разъ прерывался какой-то тревогой, и дремотный голосъ Алкея прямо на ухо Мелитѣ называлъ имя Пруденція.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Люди селенія собрались у пристани и сѣли одни на желтомъ пескѣ, а другіе на сѣрыхъ камняхъ, а вдову Ефросину посадили на опрокинутую лодку, и тутъ же у ногъ ея сѣлъ красивый сынъ ея, невинный Пруденцій. И мать, и сынъ были босы и въ печальныхъ одеждахъ съ неподрубленнымъ краемъ.

По серединѣ круга, который образовали собою люди, усѣвшіеся передъ опрокинутой лодкой, на которой помѣстили Ефросину, стоялъ Алкей и разсказывалъ, какъ было дѣло, что напали на нихъ въ морѣ неизвѣстные люди и одолѣли ихъ и товаръ ихъ заграбили, а Гифаса убили и бросили въ море.

Словомъ, Алкей сказалъ людямъ то же самое, что раньше сказалъ онъ женѣ, и разсказъ его на всѣхъ произвелъ такъ же неясное впечатлѣніе, какъ на Мелиту. И когда

рѣчь Алкея была кончена, всѣ мужчины остались на время въ молчаніи, а потомъ одинъ изъ нихъ, самый старѣйшій въ селеніи, молвилъ:

— Я бы такъ разсудилъ, что въ морѣ бываютъ всякія бѣды, и что случилось съ Гифасомъ, того уже теперь не поправить, а надобно думать о вдовѣ Ефросинѣ и объ отрокѣ, сынѣ Гифаса, которые остались въ живыхъ, и которыхъ здѣсь видимъ всѣ передъ собою, босыхъ и въ печальныхъ одеждахъ, съ неподрубленнымъ краемъ. Пусть, находясь нынче въ царствѣ тѣней, Гифасъ не будетъ смущаться за то, что̀ здѣсь будетъ съ ними и съ ихъ достояніемъ, котораго намъ нельзя раздѣлить безобидно между Алкеемъ и сыномъ Гифаса. Пусть все, что̀ у нихъ вмѣстное было тамъ, и останется общимъ, пока отрокъ Пруденцій достигнетъ возраста мужа, и тогда они сами раздѣлятся съ Алкеемъ, а до тѣхъ поръ пусть все по старому останется вмѣстѣ, и кораблецъ, и товары, гдѣ они что̀ помѣстили на время на пристаняхъ дальнихъ.

Въ людяхъ прокатило рокотомъ тихимъ:

— Да, это самое лучшее. Всѣ такъ согласны и пусть такъ и будетъ, ежели только вдова Ефросина на это согласна.

Вдова сидѣла съ поникшей головою и отвѣчала:

— Я горемъ убита и полагаюсь на общее мнѣніе.

Тогда всѣ рѣшили, что Алкей долженъ взять къ себѣ въ дѣло Пруденція и обучить его торговлѣ и всей морской жизни, а когда Пруденцій придетъ въ возрастъ, тогда съ нимъ раздѣлить все, что̀ нажито вмѣстѣ съ Гифасомъ и что̀ впередъ имъ придется еще къ нажитому прибавить.

Противъ этого только вдова Ефросина замѣтила, что сынъ ея еще очень молодъ, чтобы ввѣрить его морю и обрекать на всѣ случайности; но Пруденцій едва это услышалъ, какъ самъ сталъ проситься, чтобы мать его отпустила съ Алкеемъ, и вдова Ефросина согласилась его отпустить, а Алкей не имѣлъ никакихъ основаній для того, чтобы уклониться отъ пріема Пруденція, подалъ ему руку и сказалъ:

— Клянуся богами, я радъ, что люди рѣшили, чтобы ты сталъ мнѣ товарищемъ вмѣсто своего отца. А тебѣ, госпожа Ефросина, я здѣсь обѣщаю предъ всѣми людьми и предъ небомъ, что я всегда буду помнить, какъ тебѣ дорогъ твоей единственный сынъ, и стану жалѣть и беречь его юныя силы. Ты же не бойся: и море не всегда вѣдь сурово, — оно часто даже хранитъ отъ золъ человѣка, особенно юность, въ пору которой скоро вступитъ Пруденцій; воздухъ и море дадутъ ему крѣпость мышцъ и смѣлость духа, и, что̀ не меньше того драгоцѣнно—они сохранятъ его цѣлымъ отъ раннихъ соблазновъ любви, разслабляющихъ тѣло и душу. А затѣмъ онъ увидитъ много иноземныхъ чудесъ, искусится въ познаньѣ людей, усвоитъ себѣ познанья въ торговлѣ, и тебѣ будетъ отрадно видѣть, какъ черезъ него въ домъ твой снова польются достатки, и когда онъ въ свободное время присядетъ у твоего очага, ты сама, поворачивая надъ углями вертелъ съ дымящимся мясомъ, насладишься тѣмъ, какъ будутъ всѣ Пруденція слушать.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ефросина болѣе не возражала, и Пруденцій ушелъ въ море съ Алкеемъ, и съ этой поры мореходство стало для него постояннымъ занятіемъ, въ которомъ онъ въ самомъ дѣлѣ скоро окрѣпъ, такъ что въ пятнадцать лѣтъ былъ похожъ на семнадцатилѣтняго юношу, а въ семнадцать совсѣмъ смотрѣлъ взрослымъ мужчиной, и былъ онъ красивъ на удивленье, и при этомъ стыдливъ и совсѣмъ цѣломудренъ.

Алкею не было выгоды выхаживать Пруденція, и онъ втайнѣ очень бы радъ былъ отъ него избавиться, чтобы сокрыть всѣ свои пути и мѣста, гдѣ у него были въ чужихъ портахъ склады, но онъ не хотѣлъ, чтобы Пруденцій исчезъ такъ же, какъ исчезнулъ Гифасъ, потому что одинакіе случаи два раза кряду могли повести къ подозрѣнію, и судъ простыхъ рыбаковъ родного поселка могъ быть

слишкомъ суровъ для Алкея; но Алкей сдѣлалъ все, что только могъ, чтобы растлить душу Пруденція, и когда они заходили въ чужіе порты, Алкей его поощрялъ пить вино и оставлялъ въ сообществѣ соблазнительныхъ женщинъ, которымъ обѣщалъ хорошую цѣну за то, чтобы отогнать отъ Пруденція скромность и увлечь его въ порочную страстность. Но все это было напрасно: какой-то хранительный геній до того неприкосновенно охранялъ юношу отъ всѣхъ соблазновъ и поползновеній, свойственныхъ его возрасту, что сами соблазнительницы, которымъ Алкей предавалъ цѣломудреннаго юношу, дали ему названіе «Невинный Пруденцій».

Но отчего же онъ, при всей своей юности и красотѣ, поражавшей множество женщинъ, былъ такъ недоступенъ никакимъ ихъ соблазнамъ?

Женская влюбленность въ Пруденція доходила до такихъ безумныхъ проявленій, что разъ, когда ему и Алкею случилось пристать на мысѣ, у города Книда, самая красивая дѣвушка этого городка кинула въ Пруденція изъ-за скалы острымъ бронзовымъ осколкомъ и, не попавъ въ голову, такъ тяжело ранила его въ плечо, что онъ упалъ, обливаясь кровью, а она въ это же время бросилась въ море.

Рана, нанесенная безумною книдянкою, была очень тяжела и такъ долго не заживала, что Алкей привезъ Пруденція къ вдовѣ Ефросинѣ больного, въ перевязкахъ, и случай этотъ, огласившись въ цѣломъ поселкѣ, возстановилъ въ памяти многихъ случай съ Гифасомъ, и далъ поводъ нехорошо говорить объ Алкеѣ.

Разговоры въ такомъ родѣ распространялись быстро и прежде всего дошли до слуха темнолицой невольницы Мармэ, которая, какъ сказано выше, была молодая и въ своемъ родѣ тоже очень красивая дѣвушка, и очень любила Мелиту.

— Госпожа! — сказала она, находясь вдвоемъ вечеромъ въ банѣ съ Мелитой: — въ народѣ разносятъ очень странныя рѣчи; мой долгъ предупредить тебя о томъ, что въ

этихъ рѣчахъ, кромѣ сына вдовы Ефросины, много такого, что касается тоже тебя и твоего мужа, а моего господина, Алкея.

— Что же это такое?

— Вотъ что: всѣ знаютъ, что красивый Пруденцій пришелъ уже въ самый расцвѣтъ своей красоты и здоровья, а межъ тѣмъ онъ до сихъ поръ остается невиннѣй ребенка...

— Да, быть можетъ, это и такъ, но вѣдь это меня нимало не касается, и я думаю, мнѣ объ этомъ совсѣмъ лишнее знать...

— О, нѣтъ, это не лишнее для тебя, госпожа!

— А я могу тебя увѣрить, усердная Марема, что это до меня совершенно не касается и даже нимало меня не занимаетъ.

— Это тебя должно занимать!

— Почему?

— Неужели ты не понимаешь?

— Не понимаю, и откровенно скажу, это мнѣ совсѣмъ непріятно... Для чего мнѣ знать эти вѣсти о томъ, какъ себя держитъ Пруденцій? Для чего всѣ вы стараетесь сдѣлать мнѣ все это извѣстнымъ?

— Кто же всѣ, госпожа?

— Напримѣръ, вдова Ефросина.

— Ага! это понятно. А еще кто, госпожа, говорилъ съ тобою объ образѣ жизни стыдливаго сына Гифаса?

— Представь, мнѣ говорилъ это мужъ мой Алкей.

— Самъ Алкей?

— Да.

— Онъ тоже имѣетъ причины.

— Онъ мнѣ ихъ не сказалъ.

— И это понятно.

— А мнѣ ничто не понятно, — отвѣчала Мелита и тотчасъ же добавила съ доброй улыбкой: — а если Мармэ извѣстно болѣе, чѣмъ ея госпожѣ, то это потому, что тутъ вѣрно есть что-нибудь, что касается больше Мармэ, чѣмъ Мелиты.

— О, совсѣмъ наоборотъ, — также съ улыбкой отвѣчала Марема:—не я, а ты, моя госпожа, живешь въ цѣломудренномъ сердцѣ невиннаго Пруденція.

— Что говоришь ты!.. Опомнись, что̀ ты сказала, Марема!

— Я сказала только то, что для меня очевидно и что какъ разъ такъ и есть, какъ я сказала. И повѣрь мнѣ, госпожа, что это не мнѣ одной кажется такъ.

— Кто же еще смѣетъ такъ думать?

— Смѣетъ!.. Ты смѣшно говоришь: для чего тутъ особая смѣлость? Всякій даже противъ желанія долженъ подумать о томъ, что̀ передъ нимъ является съ такой же очевидностью, какъ страстная влюбленность въ тебя невиннаго Пруденція.

— Ты клевещешь разомъ на всѣхъ насъ, Мармэ, и я бы хотѣла, чтобы ты выпустила это изъ своей головы и никогда болѣе къ подобному разговору не возвращалась.

— Запретить говорить мнѣ ты можешь, и я буду тебѣ повиноваться, но «выпустить изъ головы»... Нѣтъ, ты требуешь невозможнаго дѣла!.. И притомъ, если я буду молчать, я не открою тебѣ всего, что̀ угрожаетъ...

— Кому?

— Кому? Странный вопросъ! Всѣмъ, кто тебѣ дорогъ: Алкею, Мелитѣ, вдовѣ Ефросинѣ и самому невинному Пруденцію, который не можетъ жить долго безъ перелома въ душѣ его, если не произойдетъ отвлеченія его мыслей куда-нибудь вдаль отъ всего, что̀ слилось для него въ одномъ сладостномъ звукѣ твоего имени. О, госпожа! Или ты въ самомъ дѣлѣ дитя, несмотря на довольно долгіе годы замужества съ Алкеемъ, или же ты самая большая и искусная притворщица въ свѣтѣ!.. Развѣ не видишь ты, какъ онъ глядитъ на тебя, такъ, что всякому видно, что онъ постоянно весь полонъ тобою...

— Я этого не вижу.

— Ты не видишь, но вижу я и видитъ мать его, вдова Ефросина, у которой онъ спитъ, положивъ голову ей на колѣни,

а уста его въ тихомъ бреду произносятъ шопотомъ сладчайшее слово: «Мелита»... Вдова Ефросина тоже вѣдь женщина, и она не можетъ не догадаться, что̀ это значитъ... Я думаю, что если бы твой мужъ, засыпая у тебя на колѣняхъ, сталъ тихо шептать имя посторонней женщины, то хотя бы это имя значило не болѣе чѣмъ имя Маремы,— ты бы догадалась, что господинъ мой зоветъ меня не для такихъ услугъ, которыя я обязана исполнить ему всѣ при твоемъ лицезрѣньѣ.

— Право, я никогда объ этомъ не думаю.

— Вѣрю! И зачѣмъ бы ты стала думать, когда твое сердце нимало не уязвлено страстью...

— Что ты хочешь сказать?—перебила Мелита:—или, по твоему, я не люблю своего мужа?

— Нѣтъ ты любишь Алкея, какъ мужа, и на мужнину долю этого чувства довольно; но Алкей вѣдь не даромъ имѣетъ такіе глаза, которые могутъ сразу въ разныя стороны видѣть... Зачѣмъ онъ тебѣ разсказалъ про стыдливость этого юноши, который пламенѣетъ къ тебѣ первою страстью?.. О, я не была при томъ, какъ вы объ этомъ говорили, но я будто слышу вкрадчивый тонъ Алкеева голоса; я знаю навѣрно, какъ онъ съ шуткой мѣшалъ ядъ своихъ подозрѣній...

— Алкей это все разсказалъ мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, смѣясь.

— И ты приняла его смѣхъ за веселость!.. Ты вѣрила ему, что онъ шутитъ?!

— Почему же не вѣрить?

— О, это забавно! Однако это сохранило тебя отъ большей опасности; но она все-таки придетъ: я вижу мрачный огонь въ разлетѣ скошенныхъ зрачковъ твоего мужа, и, не какъ твоя рабыня, а какъ другъ твой, у котораго всѣ благополучія сопряжены съ твоею жизнью, — я заклинаю тебя Мелита: сними повязку съ твоихъ прекрасныхъ глазъ,— вглядись въ то, что̀ произошло, съ отвагой женщины, понимающей опасность, и обдумаемъ, что̀ намъ дѣлать, чтобы не произошло бѣдствія

— Въ какомъ родѣ бѣды ты ожидаешь, Марема?

— Въ томъ самомъ родѣ, въ какомъ кончилось дѣло жизни Гифаса.

— О справедливое Небо! Неужто и ты, Мармэ, подозрѣваешь...

— Что ты, что ты, моя госпожа! Я столько же склонна что-нибудь подозрѣвать, сколько желаю быть продана отъ тебя въ каменоломни на скалы; но я тебѣ указываю въ ту сторону, гдѣ небо краснѣетъ и откуда слышится приближеніе бури... Будь осторожна... не выдай себя Алкею ни звукомъ, ни взглядомъ.

— Да мнѣ нечего и скрывать... Я учила Пруденція — правда, по дружбѣ моей къ вдовѣ Ефросинѣ, и ласкала его тогда какъ ребенка, но я не сказала ему шопотомъ ни одного слова, никогда я не обвела его взоромъ нѣжнѣе, чѣмъ должна смотрѣть дружба, и я увѣрена, что если вдова Ефросина спроситъ Пруденція, то и онъ ей не скажетъ, чтобы я была виновата въ тѣхъ чувствахъ, о которыхъ ты мнѣ теперь разсказала... Я же при встрѣчѣ скажу ему, чтобы онъ пересталъ обо мнѣ думать, что это тяжело мнѣ... обидно... и... если только все правда, что ты говорила, то онъ будетъ напрасно тратить свои лучшіе годы...

— Отчего?

— Какъ отчего?

— Ты развѣ не женщина?

— Да, я женщина... но что же слѣдуетъ дальше?

Марема улыбнулась и сквозь улыбку сказала:

— Мы всѣ чутки сердцемъ... а ты такъ сострадательна...

— Ну, и мнѣ его жалко!

Марема махнула рукою и отвѣтила скоро:

— Ахъ, госпожа моя! — только и нужно: сожалѣнье къ мужчинѣ насъ отдаетъ въ его руки!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Мелита не сразу отвѣтила на послѣднія слова Маремы: она вѣроятно чувствовала, что въ нихъ есть доля правды; но потомъ она привела свои чувства въ порядокъ и сказала:

— Опаснаго много на свѣтѣ: можетъ быть, что и сожалѣнье ведетъ насъ къ дурному; но я не боюсь этого.

— Что же ты развѣ зачарована?

Теперь улыбнулась Мелита и отвѣтила:

— Да!

— Какія же чары тебя защищаютъ?

— Я христіанка... я неспособна къ обманамъ и знаю, что нѣтъ и не можетъ быть счастья во лжи.

— Конечно, конечно!.. Ну, а если бы боги аида призвали къ себѣ моего господина...

— Что̀ ты опять говоришь мнѣ, Мармэ! Въ какомъ ты безстыдномъ теперь настроеніи!

— Нѣтъ, ты скажи: въ какомъ настроеніи ты чувствовала бы себя, оставшись свободною, молодою вдовою, когда нѣжная страсть такого красавца-юноши, какъ Пруденцій, не казалась бы тебѣ тѣмъ, чѣмъ кажется нынче? Ахъ, я увѣрена, что вы съ нимъ скоро пришли бы сжечь жертву вашихъ сердецъ у алтаря Гименея.

— Никогда!

— Почему, моя госпожа?

— Во-первыхъ, потому, что я христіанка.

— Я очень плохо понимаю различія въ вѣрахъ! Для меня всѣ религіи сходны въ одномъ: всѣ мѣшаютъ любить столько, сколько бы хотѣлось!

Но эти слова привели Мелиту въ такое сильное разстройство, что она стала еще больше укорять Мармэ за вольности въ ея разсужденіяхъ.

— Ты говоришь мнѣ про пріязнь, которую ты ко мнѣ будто чувствуешь,—сказала Мелита,—а высказываешь такія

мысли, которыя пристали бы развѣ коварной смутьянкѣ, желающей сбить замужнюю женщину съ пути ея долга. Но этого, я надѣюсь, со мной никогда не случится: отъ этого меня сохранитъ именно то святое ученіе, въ постиженіи котораго я стараюсь найти смыслъ жизни. Не улыбайся, Мармэ. Христіанское ученіе открываетъ человѣку, въ чемъ смыслъ жизни, и научаетъ его управлять своими страстями. Ты не разъ говорила мнѣ, что я облегчила тебѣ твою долю тѣмъ, что обращаюсь съ тобою не какъ съ рабыней, а какъ съ равной мнѣ женщиной; а вѣдь это произошло оттого, что нашъ Учитель велѣлъ намъ въ каждомъ человѣкѣ видѣть нашего брата, и потому мнѣ отрадно и сладко называть тебя моею «сестрою» и устроить тебѣ покой и довольство. Но дальше согласіе наше идти не можетъ, потому что ты почитаешь себя въ правѣ брать у жизни все, что только возможно схватить, а я разсуждаю иначе.

— О, конечно, схватить все, что можно! — перебила Мармэ.—Для чего упускать свое счастіе?

— Счастіе!.. Это неясное слово, Марема. Кто можетъ сказать: въ чемъ счастье?.. Для тебя это, быть можетъ, достиженье того, что̀ тебѣ сейчасъ нравится, а для... другой...

— Ты хочешь сказать, для христіанки?

— Можетъ быть, да. Для нея лучшая радость—вовсе не въ томъ, чтобы вырвать у жизни сейчасъ все, что возможно, а въ томъ, чтобы идти въ тишинѣ къ тому, что можетъ создать общую радость.

Мармэ засмѣялась и, отмахиваясь ладонями, молвила:

— Эге-ге! Это все старыя пѣсни! Ты оттого такъ разсуждаешь, что ты слишкомъ спокойно любишь мужа и не имѣешь отъ него дѣтей. Когда бы Алкей былъ способенъ внушить тебѣ болѣе жаркія чувства, или бы ты имѣла дѣтей, то повѣрь, что ты бы на все посмотрѣла иначе и стала желать *своего,* а не общаго счастья.

И Мармэ живо разсказала Мелитѣ, какъ живительно дѣйствуетъ счастье быть любимымъ тѣмъ, кого любишь, и какъ естественно заботиться о своихъ дѣтяхъ. Она представила

эту заботу такой жаркой, съ которою совсѣмъ невозможно сравнить ровнаго участія всеобщей любви безразлично ко всѣмъ людямъ цѣлаго міра.

Но Мелита стояла на своемъ и снова ей возразила, что она не имѣетъ нужды въ особенныхъ чувствахъ къ людямъ, роднымъ ей только по крови, и что для нея гораздо желательнѣе имѣть благоволеніе *ко всѣмъ людямъ*, какъ это внушено въ ученіи, сдѣлавшемъ ее христіанкою. Тогда Мармэ пожала съ улыбкой своими смуглыми плечами и сказала:

— Споръ нашъ, я вижу, ни къ чему не приведетъ. Оставимъ все это времени, а теперь покуда помни лишь то, что̀ я тебѣ сообщала: мужъ твой ревнуетъ тебя къ сыну вдовы Ефросины, и ты должна это знать и отстранить съ пути своего все, что можетъ усилить тревогу.

— «Усилить тревогу!» Тревога ни изъ-за чего!.. Тревога, въ которой я ничѣмъ не виновата, но которой, тѣмъ не менѣе, должна я бояться!.. И вотъ это-то всѣ вы называете жизнью! Нѣтъ. жизнь совершенно въ иномъ, и я не перестану искать ее гдѣ надо.

— Ищи! — отвѣчала, кончая бесѣду, Мармэ: — но еще лучше будь готова встрѣтить то, что она можетъ бросить тебѣ на твой путь совсѣмъ неожиданнаго.

— Пускай будетъ такъ. Я терпѣливо выслушала все, что̀ ты мнѣ сказала отъ добраго сердца, и теперь я строже стану насторожѐ у моихъ чувствъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Эта бесѣда съ Мармэ глубоко врѣзалась въ сердце Мелиты и заставила ее передумать о вещахъ, на которыхъ она до сихъ поръ не останавливалась. По живости своего молодого темперамента и чистотѣ своихъ помысловъ она никакъ не могла допустить, чтобы Пруденціи, который былъ моложе ея на пять лѣтъ и съ которымъ она всегда обходилась какъ съ милымъ ребенкомъ, незамѣтно для нея загорѣлся къ ней такою неукротимою страстной любовью, для

которой въ ихъ положеніи не могло быть никакого исхода. И вотъ теперь ей говорятъ, что это однако свершилось... До сихъ поръ Мелита этого не замѣчала, но теперь, послѣ указаній Мармэ, она сама стала припоминать глубокіе вздохи невиннаго Пруденція и его долгіе взгляды, которые онъ устремлялъ на нее, забывая обо всемъ окружающемъ, при чемъ иногда не слышалъ, какъ его зоветъ мать или кличутъ другіе.

Противъ воли своей Мелита начала вѣрить, что она имѣла несчастіе внушить страсть юношѣ, и что если это не пройдетъ, то возможно, что Пруденцій совсѣмъ не захочетъ жениться, и тогда домъ его матери останется пустъ и вдова Ефросина станетъ укорять Мелиту въ увлеченіи сына,—въ чемъ она нисколько не виновата.

И въ самомъ дѣлѣ вдова Ефросина уже начала глядѣть на Мелиту не прежними глазами, и когда, послѣ разсказанной выше бесѣды, Алкей и Пруденцій отправились надолго въ море,—вдова Ефросина не стала болѣе скрывать своего неудовольствія на Мелиту и однажды сказала ей:

— Ты однако изсушила сердце моего ребенка.

— Боже! — отвѣчала Мелита: — неужто ты, Ефросина, склонна вѣрить, что мнѣ доставило бы удовольствіе путать смыслъ твоего сына!

— Я не вѣрю ничьимъ словамъ, но я сама вижу его терзанія, и сама за него терзаюсь.

— Но что я могу сдѣлать для того, чтобы не было этихъ терзаній?

Ефросина покачала головою и, наморщивъ лобъ, проговорила:

— Да; я знаю, ты ничего не можешь сдѣлать въ его пользу, но... но я все-таки страдаю, Мелита, и мнѣ тяжело тебя видѣть.

Съ этимъ вдова Ефросина ушла, а Мелита возвратилась къ себѣ, раздосадованная на роковое стеченіе обстоятельствъ, и не находила въ себѣ никакой вины: она не увлекала Пруденція въ сѣти своей красоты. Она провѣ-

ряла также свои собственныя чувства къ юношѣ и вполнѣ убѣдилась, что Пруденцій не составляетъ для нея никакой исключительности,—что онъ ей милъ и жалокъ не болѣе какъ многіе другіе, для которыхъ она готова бы сдѣлать всякую посильную услугу и радостью которыхъ могла бы радоваться. Но ни для кого въ свѣтѣ не хочетъ она нарушить вѣрности мужу. Нельзя же этимъ служить для утѣшенія вдовы Ефросины!

И при такихъ разсужденіяхъ Мелитѣ постоянно представлялось, что въ жизни,—чтобы прожить такъ, какъ должно,—надо имѣть со многими людьми нелады и борьбу, а при такомъ положеніи нѣтъ ни покоя, ни счастія. Стоитъ ли вводить себя въ такую борьбу для того, чтобы захватить чего-нибудь пріятнаго немножко побольше, чѣмъ есть у другихъ. Все это вѣдь на очень короткое время быстро минующей жизни. Нѣтъ; это не стоитъ. Безъ сравненія лучше жить борясь съ собою,—надо себя исправлять, освобождая себя отъ такихъ страстей, которыя влекутъ къ разладу съ милосердіемъ и человѣколюбіемъ... Мелита стала вспоминать одну изъ подругъ своего дѣтства, бѣлокурую Эрминію, которая была всѣхъ изящнѣе и красивѣе среди сверстницъ, а выбрала себѣ самую суровую долю: она такъ настроила свой духъ дошедшимъ до нихъ «галилейскимъ ученіемъ», что заботы о своемъ личномъ счастіи показались ей совсѣмъ недостойными никакого труда, и она отказалась отъ замужества и пошла служить больнымъ въ одной общинѣ въ Лидѣ.

Нравственный обликъ этой Эрминіи и серьезный путь ею для себя избранной жизни теперь безпрестанно приходили на мысли печальной Мелитѣ и мирили ее съ жизнью. Она соображала тотъ и другой путь, которымъ возможно идти, и находила, что на всѣхъ этихъ путяхъ нужно вести битвы за все и со всѣми, и что спокоенъ и тихъ тотъ только путь, на который люди не лѣзутъ толпою и гдѣ никого не надо ронять съ ногъ, чтобы самому завладѣть чьей-нибудь долею такъ называемыхъ радостей жизни... Это

онъ-то и есть путь «Галилейскаго Пророка» и путь тѣхъ, кто вѣритъ въ истинность Его ученія... Вотъ что̀ Мелита и предпочла бы всему, что̀ имѣетъ.—Это путь отреченія отъ личныхъ радостей, — путь жизни, преданной благу другихъ...

И когда Мелита, обойдя мысленно все, что ей представлялось въ жизни, доходила опять до того, что́ избрала вспоминаемая ею подруга, она всегда чувствовала въ себѣ наитіе мира и покоя,—она ничего не боялась и смотрѣла смѣло впередъ и вѣрила, что въ этомъ одномъ настроеніи человѣкъ ближе всего къ истинной цѣли своего воплощенія.

Если бы какія-нибудь перемѣны въ жизни Мелиты были возможны и если бы онѣ зависѣли отъ ея выбора, то она бы всему предпочла не быстро преходящую любовь съ избранникомъ сердца, а она сейчасъ бы встала и пошла бы искать свою подругу Эрминію и стала бы съ нею дѣлить ея служеніе немощнымъ старикамъ и покинутымъ дѣтямъ въ той же Лидѣ или въ другой мѣстности міра, гдѣ люди также все бьются другъ съ другомъ изъ-за личнаго счастья и оставляютъ безъ вниманія тѣхъ, которые ослабѣли и искалѣчились въ этой ужасной борьбѣ.

Гдѣ бы было возможно принести себя въ такую жертву, чтобы облегчить людское горе и положить начало новому направленію жизни, Мелита сейчасъ же бы встала и ушла туда... И тогда съ ней неразлучно была бы та совершенная радость, которую она и теперь уже ощущала, но которой въ нынѣшнемъ ея положеніи мѣшала неодолимая боязнь, что вдругъ подвернется такой или другой случай, и удалитъ ее отъ избраннаго вѣрнаго настроенія, и начнетъ переполнять душу ея тревогою, страхомъ и подозрѣніями...

О, эти подозрѣнія! Мелита знала имъ цѣну: когда еще живъ былъ Гифасъ, ей мимо воли случилось услыхать одинъ разговоръ ихъ съ Алкеемъ объ островкѣ, гдѣ у нихъ есть имъ однимъ только извѣстная пещера и въ ней хранятся ихъ сокровища и ихъ преступныя тайны... Съ этихъ поръ Мелита всегда подозрѣвала, что они не только товарищи

по торговлѣ, но что они оба—грабители и убійцы... И это сдѣлалось источникомъ вѣчнаго страха и терзаній Мелиты, — она съ этихъ поръ подозрѣвала, что и всѣ другіе люди въ поселкѣ думаютъ о Гифасѣ и о ея мужѣ Алкеѣ какъ о разбойникахъ, а смерть Гифаса и общій приговоръ взять въ дѣло Пруденція еще болѣе утвердили Мелиту въ подозрѣніи, что всѣмъ уже извѣстенъ преступный родъ жизни Алкея, и что всѣ къ этому такъ равнодушны только потому, что и сами они въ нравственной жизни недалеко отошли отъ Алкея съ Гифасомъ... И теперь, конечно, этимъ же недостойнымъ путемъ будетъ проходить свою жизнь невинный Пруденцій... Вѣдь Алкей, конечно, ведетъ себя и при немъ такъ же, какъ велъ при Гифасѣ, и Пруденцій, безъ сомнѣнія, знаетъ уже, что у нихъ гдѣ-то въ группѣ прибрежныхъ скалъ есть островокъ съ пещерой... и тамъ какія-то сокровища, и еще что-то, о чемъ Мелита сама не имѣла точныхъ понятій... Она никогда не спрашивала объ этой тайнѣ мужа и не говорила о своихъ догадкахъ Маремѣ, потому что Мелитѣ стыдно было признаться, что она подозрѣваетъ своего мужа въ разбойничествѣ, а Марема... Ахъ, Марема, несмотря на свою преданность Мелитѣ, сама гораздо больше близка душою къ тѣмъ, чьи поступки и страсти такъ ужасаютъ Мелиту...

И оттого еще ужаснѣе горе Мелиты, что ей не съ кѣмъ облегчить свою душу, которая вдругъ начала тяжко томиться—точно она будто чуяла вблизи предстоящее новое горе. Все это надобно было скрывать, и Мелита скрывала. Чтобы думать въ тиши или плакать, не боясь пустыхъ замѣчаній о томъ, что «стыдно грустить», Мелита начала часто уходить на обрывистый берегъ моря и подолгу сидѣла тамъ, охвативъ руками колѣни и глядя въ безконечную даль, откуда она точно вызывала на сцену дѣйствія послѣднее искушеніе, которое и не умедлило своимъ приходомъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Разъ, когда Мелита сидѣла надъ облюбованнымъ ею обрывомъ морского берега, изъ-за столпившихся вдалекѣ темныхъ скалъ показалась лодка, съ которой были убраны всѣ паруса, кромѣ одного стараго, на которомъ она едва подвигалась. Вмѣсто флажка, наверху мачты былъ надѣтъ головной колпакъ изъ чернаго войлока.

Если бы Мелита не была слишкомъ сильно погружена въ свои размышленія, уводившія ее къ желанію рѣзкаго перелома въ своей жизни, то она бы непремѣнно замѣтила эту лодку, и по ея печальной оснасткѣ она поняла бы, что на этомъ суднѣ случилось какое-то большое несчастіе. Но Мелита видѣла лодку, и ея грязный парусъ, и войлочный черный колпакъ наверху ея мачты, и всему этому не придала никакого значенія.

Она должна бы замѣтить и то, что лодка, бывшая, конечно, въ далекомъ плаваніи, входила въ пристань въ необычное время и держала курсъ своей не прямо къ поселку, а нарочно проходила между скалами и пристала у одной изъ нихъ, завязавъ канатъ у торчащаго рогомъ обломка утеса.

Съ лодки сошелъ кто-то, покрытый коричневымъ полотномъ, и, ничего не взявъ съ судна, скрылся гдѣ-то подъ берегомъ, а потомъ, черезъ часъ или нѣсколько больше, опять возвратился къ лодкѣ вдвоемъ съ закутанной женщиной, которая едва лишь ступила на лодку, какъ страшно вскрикнула и, отпихнувъ отъ себя сопровождавшаго ее мужчину, упала въ море, но сейчасъ же выплыла на берегъ и убѣжала.

Это Мелита уже замѣтила потому, что женскій крикъ былъ слишкомъ громокъ и страшенъ, но она тотчасъ же потеряла изъ вида эту фигуру, и зато тѣмъ болѣе была поражена, когда черезъ малое время эта же самая фигура, въ томъ же мокромъ платьѣ, но въ лицѣ Маремы, подбѣ-

жала къ Мелитѣ и, упавъ передъ ней съ сжатыми руками, завопила сквозь слезы:

— О, моя бѣдная госпожа! Прокляни и продай меня какъ злую вѣстницу въ жестокія руки! я достойна этого за то горе, какое мнѣ суждено тебѣ возвѣстить.

При первыхъ же словахъ Маремы сердце Мелиты переполнилось предчувствіемъ жесточайшаго несчастія, и она ей сказала:

— Умоляю тебя, говори мнѣ скорѣй, что̀ случилось, и не бойся моего гнѣва—моя вѣра не даетъ мѣста гнѣву.

— О, да, — отвѣчала Марема, — теперь тебѣ наступилъ часъ показать твоей бѣдной и темной рабѣ, сколько свѣта и силы можетъ дать человѣку твоя вѣра!

— Я постараюсь, чтобы ты не получила о ней черезъ меня дурного понятія; говори, что̀ должна я узнать!

— Твой мужъ... вонъ, видишь, тамъ, у скалы... это лодка его... моего господина Алкея, и... въ ней на днѣ около мачты, на вершинѣ которой поднятъ черный колпакъ, лежитъ, покрытое парусомъ... бездыханное тѣло.

— Пруденція! — воскликнула громко Мелита и сейчасъ же заломила надъ головою руки и стала повторять сквозь рыданія:—Бѣдное дитя! Неужели Алкей убилъ его въ ревности! О, злополучный невинный Пруденцій!

Но Марема, давъ нѣсколько времени проплакать Мелитѣ и какъ бы освоиться съ горемъ, взяла ее тихо за руки и переводя ихъ къ своему сердцу, сказала:

— Нѣтъ, Мелита! Ты напрасно плачешь о юношѣ, ты должна оборотить къ себѣ горе другой стороною: погибъ не Пруденцій, а тотъ, чья смерть тебя оставляетъ вдовою.

Мелита вдругъ воздержала свои слезы и остановила сухой огненный взглядъ на Маремѣ.

— Умеръ мужъ мой, Алкей?!

— Да, госпожа.

— И тамъ, внизу, у скалы его тѣло?

— Да, оно въ лодкѣ... тѣло Алкея... Я его видѣла и прокляла рокъ, судившій мнѣ возвѣстить тебѣ это несчастіе.

— Оставь говорить о проклятіяхъ и веди меня скорѣй къ лодкѣ!

Марема положила себѣ на плечо руку Мелиты, и обѣ женщины пошли спѣшной походкою къ морю и скоро стали у лодки, на которой не было никакого груза, а только у основанія мачты лежалъ небрежно брошенный парусъ.

— Вотъ это здѣсь,—тихо сказала Марема и затѣмъ съ участіемъ спросила:—если ты можешь видѣть и прикажешь открыть...

Но Мелита, вмѣсто отвѣта, сама нагнулась и едва приподняла уголъ сѣраго полотна съ синей каймою, какъ увидала мертвое лицо Алкея съ выдавшимися косыми глазами и тремя страшными колотыми ранами въ черепѣ... Раны были посреди темени, всѣ три кругловатыя, каждая величиною въ вишню, и всѣ рядомъ, одна отъ другой на разстояніи пальца... Ихъ не нужно было ощупывать, чтобы сказать, что всѣ онѣ равномѣрно глубоки и всѣ три смертельны.

Мелита склонилась къ головѣ мужа и долго смотрѣла въ его глаза, а потомъ, когда подняла лицо свое, увидала, что прямо передъ нею, по другую сторону паруса, стоялъ, въ печальномъ платьѣ и съ печальнымъ лицомъ, невинный Пруденцій.

Увидя его открытое лицо, хранившее до сихъ поръ на себѣ слѣды цѣломудрія и духовной чистоты, Мелита вздохнула и тихо промолвила:

— Ты знаешь, конечно, что о тебѣ скажутъ люди, когда увидятъ несчастное тѣло Алкея?

— Да, знаю,—отвѣтилъ Пруденцій,—люди скажутъ, что это я нанесъ смертельныя раны Алкею.

— И что же ты имъ отвѣтишь въ свое оправданіе? Я, вѣдь, не знаю, какъ ты искусенъ во лжи. Или, быть можетъ, ты для того и привезъ сюда тѣло Алкея, чтобы предъ всѣми признаться въ убійствѣ и разсказать, для чего это сдѣлалъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ ей невинный Пруденцій. — Я не

для того привезъ сюда тѣло Алкея, чтобы изощряться во лжи или дѣлать надъ нимъ признанія въ убійствѣ. Я привезъ его для того, чтобы ты могла видѣть хоть мертваго мужа и могла его оплакать и схоронить какъ жена. А когда меня спросятъ о смерти Алкея, я безо лжи разскажу о ней всю сущую правду.

Слушая эти слова, Мелита смотрѣла острымъ и пристальнымъ взглядомъ въ глаза Пруденція и получила въ глубинѣ своего духа безотчетное удостовѣреніе, что Пруденцій ничѣмъ не повиненъ въ смерти Алкея...

Это ей было отрадно, и душа ея успокоилась, насколько это было возможно въ теперешнемъ случаѣ.

— Если ты правъ,—отвѣчала она,—то и спѣши скорѣй принести свое оправданье: я и Марема останемся здѣсь у мертваго тѣла Алкея. Ты же иди поскорѣе въ селеніе, позови свою мать, вдову Ефросину, и вызови всѣхъ старыхъ и молодыхъ людей на берегъ моря, на то мѣсто, гдѣ Алкей говорилъ предъ людьми о кончинѣ отца твоего, Гифаса. Я и Марема приведемъ туда лодку съ тѣломъ, а вы всѣ наломайте вѣтвей, на которыхъ можно поднять и нести тѣло Алкея, и когда оно будетъ поднято, ты передъ всѣми долженъ сказать, какъ случилась гибель Алкея и кто нанесъ ему три равномѣрныя раны.

Пруденцій ей тихо кивнулъ головою и, скоро достигнувъ селенья, снялъ рожокъ, который висѣлъ на сукѣ стараго дуба, и протрубилъ для всѣхъ три призыванья, чтобы всѣ шли скорѣй на собранье.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Услышавъ рожокъ, люди тотчасъ же стали выходить изъ домовъ и, поправляя одежды, стали направляться къ тому мѣсту, гдѣ еще такъ недавно всѣ выслушивали повѣсть Алкея о смерти Гифаса. Здѣсь и теперь, такъ, какъ и тогда, стояла на пескѣ опрокинутая килемъ вверхъ старая лодка.

Все это было на полперелета стрѣлы отъ стараго дуба,

подъ которымъ теперь стоялъ Пруденцій. И онъ продолжалъ здѣсь стоять, пока на берегу около лодки собрались почти всѣ взрослые люди селенія, а изъ-за загиба пологаго мыса показалась на морѣ лодка, которую гнали на веслахъ Мелита съ Маремой.

Пруденцій, который ожидалъ появленія на морѣ этой лодки, прежде всѣхъ ее и замѣтилъ: и онъ тотчасъ же снялъ съ дерева рогъ, висѣвшій на скрученномъ лыкѣ, и надулъ его такъ, что рогъ за разъ издалъ, кромѣ общаго призывного звука, еще особый сигналъ, который могъ имѣть условное значеніе для друзей трубача или его семейныхъ.

Собравшіеся люди не упустили замѣтить этотъ сигналъ, и одинъ молвилъ другому:

— Пруденцій навѣрно хочетъ сказать что-то необыкновенное.

— Почему ты такъ думаешь?

— Онъ кому-то даетъ сигналъ на священномъ рожкѣ.

— Это онъ зоветъ сюда свою мать.

— О, да! Вонъ она и выходитъ—вдова Ефросина.

— Значитъ, они еще не видались?

— Такъ надо думать.

— Любопытно! Пруденцій, конечно, желаетъ, чтобы мать его была здѣсь при томъ, для чего онъ сзываетъ селенье; но что это такое онъ хочетъ сказать?

— Услышимъ.

— Ужъ конечно услышимъ. Вонъ къ берегу тянется лодка... Эге! Да это знакомая лодка Алкея. Ее, еще года нѣтъ, снаряжалъ и опять недавно раскрасилъ Гифасъ, а теперь... смотри, что такое?.. Лодку ведутъ на веслахъ двѣ женщины... Ахъ, вѣдь это Мелита съ своею рабыней, сидонянкой Маремой... Ну, у этой руки изъ бронзы, но все-таки женщинамъ не пристать сюда близко... Здѣсь вязкая тина и внизу въ разныхъ мѣстахъ, не на одной глубинѣ, острые камни... Ага! вотъ хорошо догадался Пруденцій: онъ сбѣжалъ къ морю и вошелъ въ воду... Ну, немножко измокнетъ, а зато онъ взялъ лодку за канатъ и подведетъ ее къ

берегу... Ишь, какъ онъ весь изогнулся подъ лямкой!

— И зато какой чудный станъ!..

— Да, ужъ Пруденцій, извѣстно, совершенный красавецъ. Говори что̀ кто хочетъ, а имъ вѣдь недаромъ гордится наше селеніе, и я думаю, если бы боги не имѣли зависти къ красотѣ смертныхъ, то нельзя было бы ни понять и ничѣмъ объяснить, какъ они могли допустить соединеніе Мелиты съ раскосымъ Алкеемъ, послѣ чего Мелита остается безплодной, тогда какъ ее слѣдовало бы соединить съ Пруденціемъ...

— Ага! это правда.

— Да ужъ тогда было бы можно ручаться, что Мелита не тосковала бы и не осталась бы безплодной, а взору человѣческому былъ бы данъ для услады самый красивый ребенокъ.

— Да; я думаю тоже, что если бы Мелита была помоложе и была бы свободна,—она не сочла бы для себя за большое обремененіе ласки Пруденція, и тогда-то, пожалуй, ты правъ, что второй Купидонъ могъ бы родиться гдѣ-нибудь въ нашемъ незнатномъ селеніи; но вѣдь Мелита постарше Пруденція, и мужъ ея, косоглазый Алкей, долговѣченъ: всѣ его предки всегда достигали маститаго вѣка...

Но въ это мгновенье у лодки, подвинутой къ берегу, раздался голосъ Пруденція:

— Почтенные люди и ты, о, нѣжно любимая мать моя, вдова Ефросина! Еще въ очень недавнее время отсюда отплыли вдвоемъ: отецъ мой, отважный Гифасъ, съ безстрашнымъ Алкеемъ. Такъ они много разъ отправлялись вмѣстѣ вдвоемъ и всегда вмѣстѣ вдвоемъ возвращались, но въ этотъ послѣдній разъ случилось иначе: въ этотъ разъ возвратился одинъ только смѣлый Алкей и открылъ здѣсь, на этомъ же мѣстѣ, всѣмъ вамъ и мнѣ, сыну Гифаса, и вдовѣ отца моего Ефросинѣ, что отецъ мой сдѣлался жертвою моря.

Всѣ люди слушали это вступленіе о вещахъ, всѣмъ имъ извѣстныхъ, и напряженно смотрѣли на Пруденція и на

Мелиту съ Маремой, стоявшихъ попрежнему въ лодкѣ. Въ толпѣ проносилось:

— Что онъ хочетъ сказать?.. Для чего въ лодкѣ стоятъ Мелита съ служанкой?.. Пруденцій, быть можетъ, узналъ что-нибудь и задумалъ теперь обвинить въ преступленьѣ Алкея?

А Пруденцій, вмѣсто того, вдругъ зарыдалъ и, рыдая, воскликнулъ:

— Посмотрите же, что нынче сталось съ самимъ безстрашнымъ Алкеемъ!

Пруденцій сдвинулъ лежащій на днѣ лодки парусъ и, приподнявъ трупъ Алкея, добавилъ:

— Вотъ онъ, Алкей! Онъ убитъ. Подходите и смотрите: на его темени рядомъ три одинакія ранки. Отъ каждой изъ нихъ человѣкъ долженъ былъ умереть непремѣнно, а Алкей получилъ всѣ три раны въ одно мгновеніе ока.

— Гдѣ и какъ онъ могъ получить ихъ?—зашумѣли, толпясь на берегу и отчасти входя въ воду, люди.

— Ты долженъ все объяснить,—кричали другіе.

— Да; ты за него отвѣчаешь.

— И ты можешь быть въ подозрѣніи: ты мстилъ ему за Гифаса!

— Или завидовалъ красотѣ несравненной Мелиты!

— О, воздержитесь! — воскликнулъ Пруденцій. — Вы не опоздаете оскорблять меня обвиненіями и послѣ того, когда я все изложу вамъ, какъ было дѣло. Дѣло же въ томъ, что Алкей и, упредившій его на пути въ царство тѣней, отецъ мой Гифасъ не только занимались торговлей, но они... они тоже нападали на другія суда и грабили ихъ и топили...

На всю массу слушателей это не произвело особенно сильнаго впечатлѣнія, и даже, кажется, никого не удивило, кромѣ одной Мелиты, которая вскрикнула: «Мой мужъ былъ разбойникъ!» и, поднявъ кверху руки, упала головою на плечо Маремы.

Пруденцій же продолжалъ говорить и разсказалъ, что онъ не вѣритъ словамъ Алкея, какъ погибъ Гифасъ, что это

навѣрное было какъ-то иначе, но что онъ никогда не думалъ мстить за это Алкею, а самъ Алкей получилъ свои раны отъ гвоздей, предательски вбитыхъ въ днище плывшей византійской триремы, подъ которую Алкей поднырнулъ съ тѣмъ, чтобы тихо взобраться на ея бортъ и задушить соннаго кормщика, а остальныхъ сонныхъ людей сбросить въ море; но эта трирема была для нихъ проклятой ловушкой: когда они встрѣтились съ ней предъ разсвѣтомъ, люди на ней только притворялись спящими, а вовсе не спали; а дно самой триремы было утыкано острыми спицами, изъ которыхъ три сразу же вонзились въ темя Алкея, такъ что бѣлый гребень набѣжавшей волны въ то же мгновенье и сразу весь окрасился Алкеевой кровью...

Затѣмъ слѣдовалъ разсказъ о томъ, какъ притворно спавшіе на триремѣ византійскіе греки злорадно захохотали и, оттолкнувъ отъ себя шестомъ тѣло Алкея, уплыли въ море, а осиротѣлый Пруденцій остался одинъ и съ трудомъ изловилъ Алкеево тѣло, втащилъ его въ ладью и привезъ сюда, чтобы оно было предано погребенію и чтобы видѣли всѣ, что ему нѣтъ нужды ничего скрывать въ этомъ несчастномъ дѣлѣ, полагающемъ конецъ торговому товариществу двухъ ихъ домовъ.

Пруденцій закончилъ словами:

— Кто-то сказалъ, что на меня есть подозрѣніе!.. Что же, судите меня! Я не боюсь ничего, я приготовился къ смерти, но я невиненъ въ смерти Алкея.

Народъ, выслушавъ все это, оставался въ недоумѣніи и обнаруживалъ разногласіе: однимъ казалось, что Пруденцій дѣйствительно не виноватъ въ смерти Алкея, а другіе думали, что Алкей убитъ его рукою, именно изъ мести за отца или, быть можетъ, и отъ любви къ Мелитѣ. И тогда постановили: опять положить тѣло Алкея въ лодку и туда же помѣстить Пруденція, и въ сопровожденіи двухъ молодыхъ людей и двухъ старцевъ, послать трупъ и подозрѣваемаго къ прорицательницѣ, жившей на отдаленномъ островѣ. Тамъ поручалось старцамъ вопросить прорицатель-

нищу надъ головою Алкея: виновенъ ли Пруденцій въ его убійствѣ? И если вѣщая дѣва скажетъ, что Пруденцій виновенъ, то тогда старцы, отблагодаривъ прорицательницу, снова войдутъ въ ладью вмѣстѣ съ Пруденціемъ, и когда удалятся настолько, что берегъ сдѣлается невиденъ, тогда старцы велятъ юношамъ завернуть Пруденція вмѣстѣ съ трупомъ Алкея въ парусъ и потомъ обмотать ихъ бичевою и бросить ихъ вмѣстѣ въ море.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Нельзя описать, какой страшный плачъ сдѣлала вдова Ефросина, когда услыхала такое рѣшеніе. И она не одна плакала, — съ нею стонали и другія женщины, потому что многимъ жаль было невиннаго Пруденція. Стонала и рвалась также и Марема, но Мелита не стонала и не рвала на себѣ ни волосъ, ни платья, а только поблѣднѣла и долго стояла въ молчаніи на одномъ мѣстѣ; но потомъ, когда ладья съ тѣломъ Алкея, съ Пруденціемъ и съ сопровождающими ихъ двумя старцами и двумя юношами отвалила отъ берега, Мелита подошла къ Ефросинѣ и сказала ей:

— Наши вопли и слезы ничему не помогутъ; вмѣсто того, чтобы здѣсь изнурять свои силы, сядемъ скорѣе въ другую ладью и поѣдемъ слѣдомъ за ними. Можетъ быть, прорицательница, увидя твое материнское горе, склонитъ къ нему свой слухъ и дастъ старцамъ отвѣтъ, который послужитъ къ тому, что люди признаютъ невинность Пруденція.

Ефросина на это легко согласилась и черезъ самое малое время послѣ того, какъ ладья съ тѣломъ Алкея скрылась изъ глазъ, отъ той же пристани отошла другая ладья, нанятая Мелитою у нѣмого Тромеда, и на этой ладьѣ, у кормила которой стоялъ самъ Тромедъ, помѣщались Ефросина и Мелита съ своей вѣрной Маремой.

И прошло всего двое сутокъ, какъ на третій день къ

вечеру жители селенія увидали, что обѣ ладьи опять возвращались и ладья нѣмого Тромеда опережала большую ладью, принадлежавшую прежде Алкею съ Гифасомъ. На передней ладьѣ, рулемъ которой правилъ Тромедъ, а парусами Марема, посерединѣ сидѣлъ юный Пруденцій, а съ двухъ сторонъ его — Ефросина и Мелита.

Съ берега видѣли ясно, что Ефросина внушала что-то сыну съ большимъ увлеченіемъ, а онъ ее радостно слушалъ и съ видимымъ счастіемъ сжималъ своими руками ея обѣ руки, а Мелита сидѣла въ раздумьѣ и, опустивъ руку за бортъ, держала въ ней камышинку, листья которой играли съ дробившейся волною. Въ лодкѣ Алкея оба юноши и оба старца были спокойны: на всѣхъ на нихъ нынче были надѣты вѣнки изъ бѣлыхъ пупавокъ въ знакъ того, что ихъ головы свободны отъ гнета всякой тягостной мысли, и на ихъ мачтѣ не было уже болѣе чернаго войлочнаго колпака, а вмѣсто него красовалась зеленая вѣтка оливы.

Ясно было, что вѣщая дѣва объявила невиннымъ Пруденція и что трупъ Алкея, какъ ненужный болѣе ни для какихъ разслѣдованій, спущенъ былъ въ море, и теперь всѣ возвращаются въ покоѣ и въ мирѣ.

Всѣ догадались, что сейчасъ наступаетъ веселый, радостный вечеръ, что вдова Ефросина навѣрно не станетъ скупиться, а жарко растопитъ очагъ въ своемъ домѣ и угоститъ всѣхъ такъ изобильно, какъ она можетъ. О, она не поскупится справить веселый праздникъ за спасеніе сына.

Такъ это и сдѣлалось: лодки пристали, старцы и юноши объявили, что Пруденцій невиненъ и что при этомъ случилось еще одно пречудесное дѣло... Вышло такъ, что когда вдова Ефросина вмѣстѣ съ Мелитой хотѣли поднять Пруденція отъ ногъ прорицательницы, то вѣщая дѣва вдругъ какъ будто проснулась, — лицо ея озарилось улыбкой, и она, взявъ за руки Мелиту и Пруденція, вложила одну въ другую ихъ руки...

Тутъ всѣ, кто это слушалъ, заплескали руками и запѣли: «Эвое! Эвое!» и начали обнимать и цѣловать и Ме-

литу, и Пруденція и поздравлять вдову Ефросину и радоваться, что союзъ Мелиты съ Пруденціемъ исполнитъ ихъ счастіемъ и устранитъ всякій вопросъ о раздѣлѣ имущества, такъ какъ съ этихъ поръ все равно, что Пруденціево, что Мелитино. И всѣ, распивая вино, которое выставила Ефросина, и обоняя запахъ мяса и рыбъ, которыя жарились на вертелахъ, и сладостный паръ черносливныхъ поливъ, кипѣвшихъ въ огромныхъ сосудахъ, — всѣ безъ уговора стали считать себя въ правѣ смотрѣть на Пруденція и на Мелиту какъ на супруговъ, для соединенія которыхъ все рѣшено самою судьбою и теперь только потребно какое-то недолгое время, чтобы бракъ ихъ признать совершеннымъ.

Невинный Пруденцій былъ наверху своего счастія и еще усугубилъ свою всегдашнюю почтительную скромность передъ Мелитой, а вдова Ефросина даже терялась отъ радости и изливалась въ привѣтахъ и ласкахъ ко всѣмъ, кто подходилъ къ ея очагу, чтобы брать мясо, и рыбу, и похлебки; въ радостномъ духѣ была и Марема, которая помогала Ефросинѣ въ угощеніи и, нося на плечѣ кувшины съ виномъ, наполняла имъ чаши. Одна лишь Мелита не измѣняла своей задумчивости и не отвѣчала ни на какіе намеки, а какъ бы витала теперь гдѣ-то далеко отсюда, и когда гости, замѣтивъ на небѣ признакъ приближающагося утра, начали расходиться, Мелита вздрогнула и, взглянувъ въ знакомыя лица Маремы и вдовы Ефросины, сказала:

— О, кто бы вы ни были! — отведите меня куда-нибудь въ тихое мѣсто!

Такое обращеніе къ Маремѣ и Ефросинѣ, какъ къ незнакомымъ, очень удивило обѣихъ женщинъ, и онѣ, переглянувшись другъ съ другомъ, подумали: не выпила ли Мелита съ жажды ошибкою цѣльнаго вина, или не потеряла ли она разсудка при морскомъ переѣздѣ на лодкѣ или при быстромъ охлажденіи воздуха.

Марема попробовала руки Мелиты и, чувствуя, что онѣ холодны, окутала ея голову и станъ покрываломъ вдовы

Ефросины и, обвивъ ея станъ своею рукою, повела ее къ дому.

Какъ провожая Мелиту, такъ и укладывая ее дома въ постель, Марема все время была въ полной увѣренности, что госпожа ея недомогаетъ отъ множества смѣшанныхъ чувствъ, надъ которыми забираетъ самое высшее положеніе и самую большую силу любовь ея къ прекрасному и невинному Пруденцію; а потому, чтобы сказать Мелитѣ что-нибудь самое радостное и способное вызвать въ ней оживленіе, — Марема, покрывши Мелиту ночнымъ одѣяломъ, нагнулась къ ея лицу и, поцѣловавъ ее въ лобъ, прошептала ей на ухо:

— Спи и пусть тебѣ снится тотъ, къ кому рвется съ любовью твое разрѣшенное отъ клятвъ сердце!..

А когда Мелита промолчала, то потомъ Марема распрямилась и ласково спросила ее:

— Скажи мнѣ, ты не сердишься за то, что я позволяю себѣ немножко читать въ твоемъ сердцѣ?

— Нѣтъ, — отвѣчала Мелита, — я не сержусь.

— Значитъ, я угадала...

— Нѣтъ, это не значитъ, что ты угадала. Я не сержусь на тебя, потому что ни на кого не должно сердиться, а сердце мое дѣйствительно неспокойно и дѣйствительно оно съ каждымъ днемъ все становится болѣе полно любви, но это любовь совсѣмъ не къ тому, о комъ ты помышляешь...

— Какъ, развѣ невинный Пруденцій не одинъ... Неужто же онъ долженъ будетъ отнимать у кого-нибудь свое мѣсто въ сердцѣ Мелиты?

А Мелита ей отвѣтила:

— Успокойся, Марема! И ты, и невинный Пруденцій имѣете свое мѣсто въ сердцѣ Мелиты...

— О, я не говорю о себѣ!—перебила Марема.

— Дай мнѣ докончить! И ты, какъ и онъ, живете и будете жить въ моемъ сердцѣ, потому что я люблю васъ обоихъ, какъ стремлюсь и желаю любить всѣхъ людей въ

мірѣ. Изъ васъ никому не нужно ни у кого отнимать ваше мѣсто въ моемъ сердцѣ, но *владѣть* имъ, — *повелѣвать* моему сердцу и *править имъ* съ властительной силой и властью будетъ только одинъ...

— Кто же это такой? Я его знаю или не знаю?

Мелита ласково ей улыбнулась и сказала:

— И знаешь, и нѣтъ.

— Кто же это такой?

— Іисусъ Галилейскій.

Марема положила большіе пальцы обѣихъ рукъ себѣ на уши и, закрывъ остальными перстами свои глаза, затрясла головою въ знакъ того, что она ничего въ этомъ не понимаетъ ни однимъ изъ своихъ чувствъ. Но Мелита привлекла ее къ себѣ, уложила рядомъ съ собою въ постель, и, лаская ее, стала ей говорить: что жизнь на землѣ ей не представляется цѣлью достойною заботъ и стараній; что всѣ радости жизни слишкомъ быстротечны и оставляютъ послѣ себя одну пустоту и страданье; что «союзъ сердецъ», который воспѣваютъ пѣвцы,—нимало не надеженъ, если онъ основанъ на влеченіяхъ страсти; что какъ бы ни укрѣпляли такой союзъ, онъ никогда и ни отъ чего не получитъ всегдашней прочности, а истиненъ и крѣпокъ одинъ лишь союзъ—это союзъ тѣхъ людей, которые сопрягаютъ себя подъ одно иго по схожести мыслей и по согласію въ разумѣніи жизни...

— И вотъ,—добавила Мелита, послѣ долгаго развитія своихъ соображеній въ этомъ духѣ, — вотъ тотъ союзъ, о которомъ можно говорить какъ о прочномъ благѣ—объ исполненіи закона жизни земной, учрежденной для приготовленія насъ къ какой-то другой, высшей цѣли, намъ неизвѣстной. Но кто же изъ насъ всѣхъ такъ единомысленъ и такъ схоже настроенъ, чтобы слиться другъ съ другомъ? Я надѣюсь, что это не я и не невинный Пруденцій. Развѣ ему міръ и назначеніе въ немъ человѣка представляется тѣмъ же, чѣмъ мнѣ?

— О, это было бы страшно, Мелита!

— Быть можетъ. А мнѣ кажется страшно другое... страшно

соединиться на одномъ ложѣ съ человѣкомъ, съ которымъ меня ничто не соединяетъ духовно, а развѣ только одно бунтованье плоти и крови... О, какъ ужасно и страшно должно быть проснуться послѣ этой опьяняющей ночи, что вы называете вашей «любовью»!... Какъ надо будетъ дрожать, чтобы плодомъ этихъ объятій не явилися дѣти, о наученіи которыхъ мать должна будетъ спорить съ ихъ же отцомъ!

— Зачѣмъ же все спорить, Мелита?

— Затѣмъ, что нельзя съ равнодушьемъ глядѣть, если дѣтей ведутъ не къ тому, что серьезно и свято,—что воспитываетъ духъ въ человѣкѣ и «ставитъ его господиномъ надъ звѣремъ, живущимъ въ самомъ человѣкѣ...» О, какъ это страшно! какъ это страшно!

— Однако же ты вѣдь была женою Алкея и могла бы не разъ сдѣлаться матерью рожденныхъ тобою дѣтей.

Мелита вздохнула и отвѣчала:

— Могла!.. Ты права: я была женою человѣка, съ которымъ у меня не было ничего общаго въ мысляхъ. Я стала женою Алкея ребенкомъ, когда сама не имѣла тѣхъ мыслей о жизни, какія имѣю теперь. И не хочешь ли ты меня укорить за то, что я съ нимъ жила и не бѣжала изъ его дома и не раздражала его гнѣва уклоненіемъ отъ его ласкъ и объятій, которыя я должна была принимать, разъ назвавшись женою! Да; я все это снесла, и все это было мнѣ тяжело; но я понимала, что Алкей не виноватъ въ томъ, что въ его глазахъ свѣтъ свѣтился иначе, чѣмъ онъ засвѣтился въ моемъ взглядѣ! Когда намъ пѣли брачные гимны, я его не могла предупредить объ этомъ и такъ же точно не должна была его оставить, пока онъ могъ быть моимъ мужемъ... Но теперь, когда не по моей волѣ все это минуло, — теперь, когда я свободна и вижу ясную цѣль въ моей жизни, я не хочу утомлять духъ мой въ обязательствахъ брака съ мужчиной... Я не считаю призваньемъ и долгомъ вызвать нѣсколько новыхъ дѣтей, чтобы было кому собирать ракушки и камни на берегу моря... Напрасно вы

думаете, что я соглашусь связать съ кѣмъ-нибудь мое право отдать себя съ этимъ тѣломъ и кровью на пользу вѣчнаго духа, жизнь котораго я въ себѣ ощущаю... О, какія вы дѣти! О, какія вы несмысленныя, бѣдныя дѣти!.. Встань, о Марема,—встань другъ мой!.. Ты уже другъ мой, а не рабыня — рабство беззаконно, я тебя отпускаю и... я постараюсь, чтобы ты получила все то, въ чемъ ты видишь счастье... Цѣлуй меня просто, какъ друга, и, если любишь меня, сослужи сама мнѣ еще одну величайшую службу... Встань,—о Марема!—спѣши ко вдовѣ Ефросинѣ... говори ей... проси... убѣждай... что Мелита не можетъ... она не годится быть подругой Пруденція... Иди!

И Марема дѣйствительно встала и вышла,—но она была въ сильномъ волненіи и побѣжала ко вдовѣ Ефросинѣ, а когда разбудила вдову, то сказала ей съ замирающимъ сердцемъ:

— Случилось еще очень большое несчастье!

— Домъ вашъ сгорѣлъ?

— Нѣтъ; но Мелита, моя госпожа... помрачилась въ разсудкѣ.

— О боги! о боги! Зачѣмъ такъ всесильна надъ нами любовь!

— Ужасно!

— Скажи же скорѣе, что она говоритъ?.. Она не дождется Пруденція?.. Да? Говори же!

— Она говоритъ... совсѣмъ противъ брака.

— Съ Пруденціемъ?

— Съ кѣмъ бы то ни было.

Ефросина вскричала:

— О, боги, какое безумье! Но это минуетъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Такъ несродно было пониманію вдовы Ефросины и юной Маремы все то, что имъ сказала молодая христіанка Мелита. Обѣ женщины не могли допустить, чтобы человѣкъ,

сохраняющій здравый разсудокъ въ своей головѣ, могъ имѣть о значеніи жизни и о главномъ назначеніи женщины такія, по ихъ мнѣнію, безумныя понятія, какія начала высказывать высоко настроенная Мелита... И изъ того, что это случилось такъ неожиданно, вдругъ, вскорѣ послѣ того, какъ молодая вдова Алкея пережила столько внезапныхъ потрясеній, опытная въ жизни мать Пруденція, пожилая вдова Ефросина, имѣла вполнѣ достаточныя, по ея мнѣнію, основанія вывесть, что въ Мелитѣ произошла не твердая и ясно обдуманная перемѣна въ образѣ мыслей, а просто забурлилъ на время какой-то бурный порывъ, дающій ея мыслямъ болѣзненное и безпорядочное направленіе.

А какъ Мелита очень нравилась вдовѣ Ефросинѣ за ея красоту, добрый нравъ и изящную домовитость, и Ефросина знала, что ея сынъ, юный Пруденцій, давно страстно любитъ Мелиту и уста его, на яву и въ сонной дремотѣ, только и шепчутъ драгоцѣнное юношѣ имя Мелиты, то извѣстіе, принесенное Маремою, все-таки сильно встревожило вдову Ефросину и она просила Марсму никому болѣе въ селеніи не разсказывать о томъ, что она слышала отъ находившейся въ особенномъ, возбужденномъ состояніи Мелиты.

— Для чего ее подвергать общимъ насмѣшкамъ и осужденію? Пусть лучше это пройдетъ и позабудется, какъ забываются многія молодыя грезы... Большой опасности нѣтъ. Слава богамъ, въ селеніи не завелось еще другихъ людей, опоенныхъ этимъ мечтательнымъ ученіемъ, которое принесли какіе-то жиды изъ какой-то своей далекой и никому ненужной Галилеи. Мелита одна гдѣ-то наслышалась объ этомъ ученіи отъ своей какой-то подруги, и вотъ теперь бредитъ... Эта жизнь будто только и стоитъ вниманія, какъ воспитаніе себя въ какой-то иной жизни, о которой мы не можемъ судить, потому что она такъ несхожа съ тѣмъ, что видимъ, какъ непохожъ жолудь на дубъ, который можетъ изъ жолудя выйти... Но вѣдь все это вздоръ, и Мелита не удержится въ этомъ настроеніи, и оно скоро за-

мѣнится другимъ, болѣе жизненнымъ и болѣе свойственнымъ молодой красавицѣ, къ которой горитъ нѣжною страстью такой совершенный красавецъ, какъ невинный Пруденцій!.. Вѣдь она давно о немъ думаетъ!.. Не она ли, Мелита, научила его многимъ знаніямъ; она развила въ немъ ловкость и силу, и часто сама любовалась имъ и сама съ нимъ состязалась и въ бѣгѣ, и въ другихъ упражненіяхъ... И развѣ не она виновата, что въ немъ зародилась любовь къ ней, какъ къ женщинѣ, и сердце Пруденція давно ужъ горитъ страстнымъ огнемъ, который, безъ сомнѣнія вспыхнетъ еще сильнѣе теперь, когда Алкей удалился въ область Аида... Вѣдь не даромъ же тамъ, предъ послами народа, вѣщая дѣва соединила ихъ руки надъ тѣломъ Алкея!.. Развѣ можетъ же быть, чтобы теперь Мелита сама все это пожелала разрушить? Развѣ возможно молодой и столь красивой вдовѣ, бывшей женою суроваго мужа, каковъ былъ мореходецъ Алкей, отказаться отъ страстныхъ ласкъ и объятій такого нѣжнаго юноши, какъ невинный Пруденцій?..

Вѣдь онъ такъ изященъ, такъ нѣженъ, что одинъ отказъ Мелиты принять его къ себѣ мужемъ навѣрное и безъ малѣйшаго сомнѣнія убьетъ его!.. Да; убьетъ его, самаго стройнаго и красиваго, самаго добраго и достаточнаго юношу на всемъ побережьѣ! Неужто это—то, совсѣмъ отвлеченное и мало понятное?.. Неужто есть такая странная вѣра, которая можетъ побудить женщину отвергнуть влюбленнаго въ нее молодого красавца, какъ невинный Пруденцій? Нѣтъ; это все пустяки! нужно только скорѣе дѣло свести къ поцѣлуямъ! Скорѣе украсить цвѣтами алтарь бога любви, скорѣе заставить Мелиту принести жертву Гимену.

Всѣми такими соображеніями и надеждами вдова Ефросина вдохновила пылкую душу темнокожей Маремы, дѣвушки, возрастъ которой достигъ самой огневой поры, и Ефросина вдругъ увидѣла, какъ этотъ огонь всюду свѣтитъ во всемъ тѣлѣ Маремы, разливаясь прямо изъ-подъ черныхъ волнистыхъ волосъ на ея гладкій лобъ, брови, пол-

ные нѣги глаза, на шею, на дрожащія плечи и грудь, которая волной заходила подъ легкимъ покровомъ.

Ефросина теперь точно въ первый разъ увидала Марему, и только теперь почувствовала, что эта темнолицая дѣвушка тоже прекрасна, и хотя красота ея совсѣмъ не такова, какъ красота Мелиты, но зато... здѣсь духъ не поведетъ распри съ плотью и кровью... Эта навѣрно не станетъ укорять природу за однообразіе общихъ всѣмъ людямъ желаній!

И вдова Ефросина сама не услѣдила за собою, какъ она увлеклась страстной красотою Маремы: она коснулась слегка обѣими руками ея плечъ, и потомъ улыбнулась и, быстро отодвинувъ ее отъ себя, воскликнула:

— Ну, что это, право, какъ ты красива, Марема! Вообрази, что до этой минуты я тебя будто совсѣмъ не видала!

— Вотъ какъ! — отозвалась шутливо Марема. — У насъ въ Финикіи, откуда я родомъ, есть много красавицъ; быть можетъ, и мать моя тоже была изъ красивыхъ.

— А ты ее не видала?

Марема, молча, отрицательно покачала головою.

— И вовсе не знаешь ее?

— И вовсе не знаю. Иначе бы я не была продана сюда въ рабство.

— Да, да, да! — молвила, точно будто къ себѣ самой Ефросина. — И знаешь ли, другъ мой Марема, ты ужъ слишкомъ хороша для рабыни... Мелита, можетъ-быть, и не дѣлала ошибки, что держала тебя, пока она была замужемъ за Алкеемъ. Къ нему она была равнодушна, и ты не могла возбуждать въ ней ревности; но когда мужемъ ея станетъ сынъ мой Пруденцій... Вотъ ужъ тогда я ей не посовѣтую этого... Ты не безопасна... Подъ одной крышей съ тобой всякой женѣ должно быть тревожно... Ты опьяняешь... отъ тебя чѣмъ-то вѣетъ... Я боюсь — это, быть можетъ, одуряющій запахъ заколдованнаго корня...

Марема расхохоталась, а Ефросина въ серьезъ продолжала ворчать:

— Нѣтъ, право... Бѣдный Пруденцій!.. не гляди на него этими жгучими глазами, Марема!.. Я постараюсь тебѣ найти добрую госпожу, которая заплатитъ за тебя Мелитѣ хорошую цѣну и будетъ съ тобой хорошо обращаться.

— А развѣ у той госпожи нѣтъ мужа?

— Есть, но онъ уже очень старъ.

— Это тѣмъ лучше: тѣмъ онъ скорѣе возненавидитъ свою старую жену и станетъ гнуться къ колѣнамъ красивой невольницы... И тогда эта добрая госпожа, къ которой ты хочешь меня устроить, исцарапаетъ ногтями лицо Маремы и продастъ меня еще худшей мегерѣ. Такъ-то вотъ трудно устроить со мною. Но ты, о, вдова Ефросина, не безпокойся: знай, что я не невольница больше... Марема свободна. Мелита подарила мнѣ волю.

— Давно ли?

— Сегодня жа ночью, когда ей казались такъ скучны всѣ повторенія въ супружеской жизни. Тутъ она захотѣла, чтобы и для меня не повторялись терзанья неволи. Да; я свободна, вдова Ефросина, и считаю земную любовь разнополыхъ людей высочайшей усладою жизни... Я могла бы... и даже хотѣла бы принести мое тѣло въ жертву при храмѣ Изиды, или могу дать внучатъ матери красиваго и сильнаго юноши, но... ты знаешь... и во мнѣ есть смущенье...

— Чѣмъ же ты смущена?

— А вотъ тѣмъ самымъ, что̀ происходитъ съ Мелитой...

— Что жъ тебѣ кажется?

Марема двинула своимъ смуглымъ плечомъ и, взявши за обѣ руки вдову Ефросину, пригнулась къ ея лицу и сказала ей тихо и внятно:

— Мнѣ иногда тоже кажется... что *Онъ* гдѣ-то есть...

— Кто?

— Тотъ, Кто научилъ ее знать что-то такое, чего мы не знаемъ.

— Такъ пусть она это покажетъ.

— Она еще не нашла... а все хочетъ искать, чего мы не ищемъ...

— Кто Онъ, Который дастъ ей эту силу терпѣть все, что̀ посылается въ жизни, и отказываться отъ всего, что̀ привязываетъ къ этой жизни... Зачѣмъ она налагаетъ на себя узы, а меня одаряетъ свободой?.. О, Ефросина! Что если Мелита правѣй насъ!.. Что если мы не всѣ цѣликомъ здѣсь на землѣ начались и не здѣсь кончимся! что если взаправду здѣсь только школа или гостиница!.. Какъ тогда стыдно!.. Какъ тогда страшно! Я хочу когда-нибудь это проникнуть... хочу это понять... И я все, что мнѣ нужно, пойму... Не вѣрь, вдова Ефросина, что одни только старцы подъ длинными тогами могутъ понять, въ чемъ настоящій смыслъ жизни... Въ то же время, когда я слышу своими ушами, какъ шумитъ моя кровь и стучитъ мое сердце, я слышу и что-то другое... что-то такое, что, вѣроятно, еще явственнѣй слышала моя госпожа и что ее сдѣлало...

— Сумасшедшей на время, ты хочешь сказать?

— Да!.. Я впрочемъ не знаю... я не знаю, что̀ хочу я сказать. Мнѣ кажется, и я будто брежу.

Ефросина погладила Марему по плечу и сказала:

— И впрямь обѣ вы очень молоды, и обѣимъ вамъ что-то представляется, чего вовсе нѣтъ... Вы очень долго жили однѣ, безъ супружескихъ ласкъ... Все это намъ, старухамъ, знакомо. Поусердствуйте браку, нарожайте побольше дѣтей да хорошенько вскормите ихъ молокомъ вашей груди— вотъ вамъ и будетъ настоящій смыслъ жизни. А теперь иди, Марема, къ Мелитѣ и скажи ей, что къ ней скоро приду и принесу ей вкусную рыбу. Мы съ ней сегодня же кончимъ о бракѣ... Бѣдный Пруденцій и безъ того ожидалъ ея ласкъ слишкомъ долго и слишкомъ тяжко томится.

Въ это мгновеніе до слуха женщинъ какъ нарочно достигъ изъ-за толстаго занавѣса томительный бредъ Пруденція:

— О, не удаляйся... не удаляйся, Мелита!... Яви мнѣ милосердіе... стань твоею ногою на этотъ листъ, который растетъ у тропинки... Коснися его твоею ногою, чтобы бѣдный Пруденцій могъ лобызать его послѣ... Сдѣлай, чтобъ я получилъ облегченіе въ моихъ тягостныхъ мукахъ! Я

возьму этотъ листъ и покрою его лобзаніями... я оботру имъ мои слезы, которыми плачу о тебѣ днемъ и ночью, скрывая отъ всѣхъ, о чемъ я дѣйствительно плачу, и... затѣмъ... я положу этотъ листъ на мое сердце... чтобы оно перестало биться... перестало жить... потому что жизнь безъ тебя для меня исполнена муки и на свѣтѣ нѣтъ никого, кто бы для меня что-нибудь значилъ... Я ухожу... я... исчезаю, Мелита!

— Каково это слышать матери! — воскликнула вдова Ефросина.

— Даже и не матери это слышать ужасно! — отвѣтила, вся въ волненьи, Марема, и обѣ онѣ разошлись въ разныя стороны: Ефросина къ базару, гдѣ продавали рыбу, а Марема—къ дому Мелиты.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Вдова Ефросина явилась къ Мелитѣ, какъ обѣщалась,—скоро и съ вкуснымъ блюдомъ изъ рыбы, и, какъ только пришла, такъ сразу же начала съ ней разговоры, клонящіеся къ тому, чтобы получить отъ Мелиты согласіе на бракъ съ Пруденціемъ. Она хотѣла кончить съ этимъ какъ можно скорѣе и думала, что Мелита не станетъ упорствовать; но Ефросина ошиблась въ своихъ соображеніяхъ.

Напрасно вдова Ефросина подводила, что теперь у нихъ въ двухъ домахъ, связанныхъ старинною дружбою, остался только одинъ мужчина, молодой и невинный Пруденцій,—что онѣ обѣ, т.-е. Ефросина и Мелита, должны его поберечь, такъ какъ онъ нуженъ имъ обѣимъ. И что самое лучшее имъ всѣмъ соединиться и жить однимъ общимъ хозяйствомъ. Пусть Пруденцій возьметъ себѣ кормщика въ долю и уходитъ въ море и снова возвращается, а онѣ будутъ его ждать и сдѣлаютъ для него возвращенье домой радостнымъ и счастливымъ.

— А недостатковъ бояться не надо,—продолжала говорить Ефросина:—Пруденцій уже знаетъ всѣ мѣста, гдѣ что

покупали и что продавали Гифасъ и Алкей, и поведетъ дѣло, какъ оно шло. Я ужъ стара и мнѣ не нужны ни запястья, ни кольца, ни цѣпи, — я всѣ ихъ отдамъ тебѣ съ радостью, чтобы ты ихъ прибрала вмѣстѣ съ твоими и надѣвала, когда что захочешь. А кромѣ того... Кромѣ того (Ефросина понизила голосъ), правда иль нѣтъ, но была молва въ людяхъ, будто бъ Гифасъ и Алкей въ самомъ дѣлѣ иногда разбивали чужія ладьи и овладѣвали насильно чужимъ имуществомъ. И что они отнимали, то все отвозили на маленькій островокъ, а островокъ этотъ гдѣ-то затертъ среди скалъ и никому, кромѣ ихъ, неизвѣстенъ. До островка этого, говорятъ, очень трудно добраться среди острыхъ камней и бурныхъ протоковъ; но самъ по себѣ островъ будто пригоденъ для жизни — покрытъ зеленью, имѣетъ источникъ сладкой воды, бѣгущей сверху изъ камня, и въ серединѣ одна надъ другой двѣ пещеры,—одна съ такимъ входомъ, что вровень съ землею, а въ другую влѣзть очень трудно... Въ верхней пещерѣ у нихъ издавна устроено уютное жилище, въ которомъ Алкей и Гифасъ жили и скрывались, высматривая въ морѣ добычу. Отсюда они выплывали, нападали и грабили и потомъ вдругъ исчезали съ награбленнымъ. Пещеры эти не рытыя, а онѣ сами образовались, и та изъ нихъ, которая была въ самомъ верху на обрывѣ высокой скалы, была такъ тщательно скрыта, что ее ни за что не откроетъ ничей посторонній глазъ, а пробраться въ нее можно только приставивши жердь, скрытую въ потаеннѣйшемъ мѣстѣ на днѣ темнаго ущелья. Стоитъ же только принять и убрать эту жердь, и эта верхняя пещера дѣлается недоступною. Но зато она не велика въ сравненіи съ нижней, въ которой, за много лѣтъ совмѣстныхъ трудовъ Алкея съ Гифасомъ, собрано много добра,— много запасовъ пшена, и фруктовъ сушеныхъ, и рыбы сушеной, и боченковъ съ разными винами и оливковымъ и орѣховымъ масломъ; но, кромѣ того, есть и тюки, и цѣлыя скрыни съ одеждой и утварью, есть и кожи, и пурпуръ, и все, о чемъ только можно подумать

— Да; и все это чужое... и на всемъ этомъ слезы и кровь тѣхъ, у кого это отняли,—перебила Мелита.

— Ну, да; разумѣется, тѣ, у кого это было отнято—они, можетъ быть... и плакали... да вѣдь ужъ это все было давно...

— А все-таки было.

— Ну было, конечно.

— А ихъ не жалѣли и грабили... да и жизни лишили ихъ...

— Можетъ быть.

— Нѣтъ,—«не быть можетъ», а это навѣрное такъ было! А ихъ матери, и жены, и дѣти, конечно, ихъ ждали... толпились, рыдали и проклинали злодѣйство... нашихъ мужей... Алкея съ Гифасомъ!

— Ну, вотъ ты опять куда все повернула, Мелита!

— Я не знаю, какъ можно сюда не сворачивать... Не виновата я, что мой духъ все туда глядитъ, куда вы не хотите смотрѣть. Я смотрю, что со смерти Гифаса прошло ужъ три года, и въ это время Алкей ходилъ въ море съ твоимъ сыномъ... Бѣдный Пруденцій! бѣдный, невинный Пруденцій... Онъ молчитъ, онъ скрываетъ, но, конечно, и онъ все это же самое дѣлалъ, что дѣлалъ Алкей, — онъ помогалъ настигать людей въ морѣ, отнимать у нихъ вино, фрукты, хлѣбъ и другіе товары, а самихъ людей топить въ волнахъ... и бить ихъ весломъ, если они выплываютъ...

— Ахъ, Мелита,—вѣдь и все такъ и въ жизни, какъ въ морѣ,—одинъ бьетъ и топитъ другого!

— Это правда! И вотъ это у васъ называется «жить»!.. Вѣчно слѣдить другъ за другомъ, гнаться, отнимать и присвоивать все, что только можно перебить изъ рукъ другъ у друга, и все это прятать въ недоступныхъ мѣстахъ... Для кого?.. для чего?.. Нѣтъ, я не спорю, что такова вся наша жизнь—на водѣ и на сушѣ,—но я не годна къ ней, я ея не хочу... Я не стану бороться за бо́льшую долю чего бы то ни было въ жизни. И теперь я могу все это сдѣлать, потому что кончина Алкея меня разрѣшила отъ всѣхъ обѣщаній.

Тогда вдова Ефросина обняла ее и прямо сказала ей, что она пришла къ ней для того, чтобы просить ее согласиться на новый бракъ съ страстно влюбленнымъ въ нее Пруденціемъ; но Мелита воскликнула:

— Какъ! опять бракъ!.. Опять снова обѣты и снова заботы объ ихъ исполненіи? О, никогда и ни за что на свѣтѣ!

— Но чѣмъ же противенъ тебѣ сынъ мой Пруденцій?

— Твой сынъ мнѣ ничѣмъ не противенъ, но мнѣ противны обязательства новаго брака.

— Почему же?

— Я не считаю за лучшее въ жизни думать всегда объ угожденіяхъ мужу.

— Что же можетъ быть лучше этого?

— Что лучше этого?.. Жить для общаго блага, а особливо тѣхъ, кому трудно живется на свѣтѣ. Въ этомъ есть воля Отца нашего Бога.

— Боги желаютъ, чтобы люди жили и размножались.

Мелита молчала.

— Въ самомъ дѣлѣ, что превзойдетъ воспитаніе честныхъ гражданъ въ своихъ дѣтяхъ?

— Помощь всѣмъ дѣтямъ чужимъ вырастать при меньшихъ страданіяхъ.

— Ты говоришь непонятныя и непріятныя мысли, Мелита!

— Я говорю простыя самыя мысли.

— Ты хочешь остаться одна?

— Зачѣмъ же? Я буду при тѣхъ, кому могу сдѣлать услугу или пользу.

— Такъ вотъ и начни: сдѣлай услугу; проникнись сожалѣньемъ къ тоскѣ и страданіямъ страстно влюбленнаго въ тебя моего сына! Тронься стенаніями невиннаго Пруденція, который такъ много терпитъ, потому что весь женскій родъ для него воплощается въ одной только Мелитѣ...

— Ахъ, оставь это, вдова Ефросина! Кто жаждетъ того, чего жаждетъ сынъ твой, тотъ не изсохнетъ отъ жажды.

— Да,—продолжала вдова:—вотъ какъ Мелита жестока! Мелита не внемлетъ ему и даже не чувствуетъ никакого состраданья къ слезамъ, которыя текутъ по сморщеннымъ щекамъ ея тетки и матери Пруденція, бѣдной вдовы Ефросины.

Мелита взглянула на Ефросину, и увидала, что въ самомъ дѣлѣ все лицо ея мокро и по щекамъ быстро бѣгутъ потоками слезы.

— Это жестоко со стороны васъ обоихъ,—сказала Мелита.

Но Ефросина закачала головою и сказала:

— И это ты же говоришь о жестокости!

— Да; это я говорю о вашей жестокости и не укоряю васъ, но только хочу, чтобы вы меня поняли. Вотъ теперь я скажу, въ чемъ вы жестоки: я вѣрю, что людямъ дано средство жить вѣки вѣковъ, и что отъ человѣка зависитъ войти въ эту вѣчную жизнь, или угаснуть въ предѣлахъ короткаго часа, пока наша свѣча горитъ здѣсь на землѣ. Вотъ такъ мнѣ дано, что духъ мой проснулся отъ природнаго сна, и, проснувшись, онъ слышитъ голосъ, который его громко заветъ и велитъ ему бросать долой съ себя всякія путы... Мой духъ хочетъ бѣжать туда, откуда слышенъ ему зовъ, а вы опять хотите мнѣ спутать ноги страстными привязанностями и навязывать мнѣ обѣты, которыхъ я давать не могу, потому что... я не могу никому обѣщаться...

— Неужели же ты чувствуешь себя такою непостоянною?

— Да что ты пристаешь ко мнѣ съ постоянствомъ! Въ чемъ надо застыть... въ какомъ постоянствѣ? Я сегодня такая какъ есть, а быть можетъ завтра же духъ мой увидитъ еще что-нибудь шире, и, когда подрастутъ его крылья, онъ устремится куда-нибудь выше и дальше... въ вѣчность!..

— Чего же и лучше! — перебила ее Ефросина:—вотъ и пожертвуй собою — соверши счастье Пруденція, который такъ страстно влюбленъ въ тебя и такъ ужасно страдаетъ, что теряетъ различіе между тѣмъ, что̀ видитъ въ явѣ, и

что̀ ему грезится въ мучительныхъ снахъ. Бѣдный ребенокъ! воображенье его съ тобою не разстается ни на минуту, а уста его постоянно шепчутъ имя Мелиты. Бѣдный Пруденцій! сгарая огнемъ юныхъ желаній, уста его лобзаютъ воздухъ, въ которомъ онъ чувствуетъ тебя сквозь стѣны и скалы... О, сжалься! сжалься надъ нимъ! Сжалься надъ обоими нами, Мелита!

Такъ окончила свой разговоръ страстной просьбой вдова Ефросина и, обливаясь слезами, съ простертыми руками, бросилась на землю передъ ногами Мелиты.

Положеніе Мелиты было очень тягостно, но она однако не склонилась къ просьбамъ вдовы Ефросины, и хотя старалась показать ей свое сожалѣніе и участіе, но не подавала никакихъ надеждъ къ согласію на бракъ.

— Какъ! — воскликнула тогда Ефросина. — Неужто ты желаешь быть непреклонна даже въ томъ случаѣ, если Пруденцій умретъ или утратитъ разсудокъ?

— Для чего говорить о томъ, чего еще не случилось?— отвѣчала съ подавляемымъ въ себѣ нетерпѣньемъ Мелита.

— Развѣ ты почитаешь за невозможное, чтобы человѣкъ утратилъ разсудокъ отъ мученій любви?.. Вѣдь это бываетъ.

— О, бываетъ конечно!—отвѣчала Мелита:—но бываетъ потому, что люди сами отдаютъ себя въ жертву своимъ грубымъ желаніямъ и не хотятъ имъ противиться.

— А ты думаешь, это этимъ желаніямъ можно противиться?

— О, еще бы!.. Конечно...

Но въ это самое время до слуха обѣихъ женщинъ достигли громкіе крики Маремы, которая бѣжала къ дому и кричала издали:

— Госпожа Ефросина! Госпожа Ефросина! спѣши скорѣй къ дому... у тебя случилось большое несчастіе! Пруденцій сталъ умываться и вдругъ ударился объ полъ, и теперь катается съ пѣной у рта и рыкаетъ, какъ львенокъ... Мы его впятеромъ насилу держали, а горшечникъ Агавъ

обложилъ ему голову мокрою глиной; но спѣши, госпожа,— это все едва-ли поможетъ... Бѣдный Пруденцій! бѣдный Пруденцій! онъ едва-ли воротится къ жизни.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Услышавъ о такомъ жесточайшемъ страданіи сына, вдова Ефросина только молча бросила взглядъ, полный укора, Мелитѣ и, позабывъ свои годы, побѣжала домой, гдѣ терзался Пруденцій; а Марема, межъ тѣмъ, разсказала Мелитѣ подробнѣе, какъ все это случилось. Она повторила ей все то, что уже знаемъ, и потомъ прибавила тихо:

— Напрасно скрывать, что онъ все это терпитъ отъ томленья жестокаго чувства, которымъ весь къ тебѣ полонъ. Ты, какъ природа, властвуешь надъ всѣмъ его существомъ... Шесть человѣкъ насъ съ Агавомъ, который подоспѣлъ къ намъ, были не въ состояніи сладить съ демономъ, который напрягъ мышцы юноши и вспѣнилъ въ немъ кровь до того, что всѣ уста его облились розовой пѣной; но едва я закрыла его помутившіеся глаза твоимъ покрываломъ, которое несла на плечахъ, чтобы вымыть его у источника, Пруденцій вдругъ стихъ и зашепталъ:

«Мелита!.. близко Мелита!.. боги!.. пусть я умру прежде, чѣмъ она удалится!..

— И прости меня, госпожа, — заключила Марема:—онъ такъ страдалъ, что я не могла взять у него твое покрывало... Пусть ему будетъ немножечко легче... Онъ обмоталъ въ него свои руки и прижалъ его къ сердцу и мало-помалу въ немъ судороги стихли... онъ, можетъ быть, даже... уснетъ или...

— Что?

— Перейдетъ безъ новыхъ страданій въ царство тѣней.

Мелита поднялась съ мѣста и сказала:

— Пойдемъ туда вмѣстѣ!

— Какъ!.. ты хочешь идти туда... въ домъ Ефросины, гдѣ лежитъ несчастный Пруденцій, съ головой, горящей въ огнѣ и обложенной мокрою глиной?

— Ну, да, конечно!

— Зачѣмъ же пойдешь ты туда?

— Зачѣмъ?.. Тамъ страдаетъ человѣкъ, и я хочу идти туда.

— Конечно, не съ тѣмъ, чтобы усилить его страданіе?.. Ты не отнимешь у него свое покрывало? Ты не гнѣваешься на меня, что я тамъ оставила эту ткань?

Мелита отвѣчала, что она нимало не сердится на Марему, а напротивъ, даже рада, что та оставила покрывало, сдѣлавшее какое-то удовольствіе капризу больного Пруденція, и добавила, что ей все равно, что̀ объ ней станутъ говорить или думать въ селеніи, — что все это не стоитъ одной минуты человѣческаго страданія, если ему есть средство помочь.

— О, госпожа моя! — радостно вскричала Марема. — Идемъ же скорѣе, скорѣе спѣшимъ въ этотъ домъ плача! Ты властна въ цѣлой природѣ милаго юноши и одного звука твоего голоса, одного твоего приближенія будетъ довольно, чтобы воззвать Пруденція къ жизни, если только мы успѣемъ вбѣжать подъ кровъ Ефросины ранѣе, чѣмъ совсѣмъ остановится движеніе сердца въ груди ея сына.

— Поспѣшимъ!

— Поспѣшимъ! поспѣшимъ!

И онѣ обѣ схватились за руки и обѣ ровно и шибко побѣжали, — одна ясная, какъ день, — другая темная, какъ южная ночь... Ихъ волосы вѣялись въ воздухѣ и за ними тихо разстилалось дыханіе жизни.

— О, ты спасешь его!.. ты спасешь! — шептала, сжимая на бѣгу руку Мелиты, Марема...

— Можетъ быть... — отвѣчала ей съ тихимъ пожатьемъ Мелита.

И что же случилось?

Прежде чѣмъ быстрыя ноги Мелиты и Маремы достигли жилища вдовы Ефросины, — ужасный припадокъ оставилъ Пруденція: онъ спокойно вздохнулъ, сѣлъ среди пола, на которомъ лежалъ, улыбнулся счастливой улыбкой, и, протянувъ впередъ руки, воскликнулъ:

— Боги! хвала вамъ во вѣки... Сердце Мелиты исполнилось жалости... Мелита встала... Мелита спѣшитъ, чтобы капнуть росинкой участья на мое сгорѣвшее сердце... Вотъ она, вотъ! Откройте скорѣе завѣсу!

И какъ голосъ Пруденція звучалъ увѣренностью и силой, то желанье его тотчасъ же исполнили, а когда завѣса была распахнута, тогда всѣ увидали передъ нею раскраснѣвшуюся отъ быстрой ходьбы прекрасную Мелиту, а за нею не менѣе красивую въ своемъ родѣ Марему.

— Вмѣсто одной облегчительницы — къ тебѣ спѣшатъ двѣ, — прошептали сторонніе женщины, стоявшія возлѣ Пруденція.

Онъ же теперь похожъ былъ больше всего на ребенка, у котораго только-что унялись жестокія муки, отъ воспоминанія о которыхъ ему въ одно время и сладко, и больно.

Пруденцій сидѣлъ и смотрѣлъ въ лица пришедшихъ и повторялъ, какъ дитя, улыбаясь:

— Вотъ и она... Мелита... Марема!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Вдова Ефросина была несказанно рада, что Мелита пришла къ ней и сама во-очію могла убѣдиться, какъ тяжко страдаетъ Пруденцій и какъ облегченіе его мукъ прямо зависитъ отъ Мелиты, и Мелита все это видѣла, не спорила съ нею. Доказательства были слишкомъ очевидны, и Мелитѣ сдѣлалось ясно, что ей не оставалося никакой возможности жить въ своемъ домѣ въ одномъ и томъ же селеніи, гдѣ былъ домъ вдовы Ефросины. Здѣсь она будетъ постоянно встрѣчать Пруденція, и это станетъ усиливать его мучительную страсть, которой она отвѣчать не желаетъ. Каждый человѣкъ въ этомъ селеніи непремѣнно станетъ укорять ее за жестокость и будетъ говорить о ея глупомъ упрямствѣ, такъ какъ заботу о сохраненіи въ себѣ ничѣмъ не плѣненнаго духа во всѣ времена люди желали считать за «упрямство». А притомъ до безумія достигшая страсть

Пруденція заставляла бояться, какъ бы онъ въ одинъ изъ подобныхъ порывовъ не посягнулъ на свою жизнь, и тогда горю осиротѣлой вдовы Ефросины не будетъ предѣла, а доброй Мелитѣ не снесть вида всѣхъ этихъ бѣдствій, въ которыхъ всѣ непремѣнно станутъ ее считать виноватой. Еще оставалось ей развѣ одно: тайно покинуть домъ и селеніе, и скрыться на вѣки... Мелита на это была бы готова, она бы устроилась жить съ единомысленною ей подругою дѣтства, христіанкой Эрминіей; но вѣдь Пруденцій могъ ее всюду преслѣдовать и вездѣ нарушалъ бы ея покой и продолжалъ бы губить свою жизнь. Надо было отыскать иной, болѣе удобный для всѣхъ выходъ изъ этого положенія, и Мелита рѣшилась непремѣнно выдумать что-нибудь болѣе удовлетворительное и, обдумавъ, привести свое рѣшеніе въ дѣйствіе, какія бы оно ни представляло трудности.

Въ такомъ настроеніи она предстала предъ влюбленными глазами изступленнаго Пруденція, и когда удостовѣрилась, что онъ успокоился и можетъ ее понимать, она подала ему руку и спокойно сказала:

— Не предавайся отчаянію, добрый Пруденцій. Ты не будешь вѣчно томиться такъ, какъ до сихъ поръ томился. Съ этой поры я не буду тебя избѣгать и стану думать, какъ сдѣлать тебя счастливымъ, а тебя умоляю: имѣй ко мнѣ вѣру и немножко терпѣнья. Я тоже сильно взволнована, и духъ мой нуждается въ отдыхѣ и покоѣ. Дай мнѣ побыть въ тишинѣ съ самою собою только три дня, а на четвертый день приходи передъ вечеромъ на берегъ моря, гдѣ стоитъ наша лодка, и тамъ я скажу тебѣ, какое придетъ мнѣ рѣшеніе, и оно будетъ твердо настолько, что ты можешь на него положиться. Пока же, на три дня, яви мнѣ пріязнь—будь покоенъ.

— О, не три дня, а три года я готовъ ждать твоего слова,—отвѣтилъ, оживившись, Пруденцій. — Лишь бы ты меня не отвергла... лишь бы мнѣ было чего ожидать.

— Ну, три года — слишкомъ долгое время. Черезъ три года ты самъ меня можешь отвергнуть, такъ какъ я тебя

старше... Нѣтъ, ты три дня подожди, и это будетъ довольно.

— Я отвергну тебя! О, боги! о, разразите меня, справедливые боги, если это возможно, чтобы въ сердцѣ моемъ кто-нибудь замѣнилъ образъ Мелиты!..

— Не клянися, Пруденцій, ничѣмъ, и не зови во свидѣтели боговъ, о природѣ которыхъ тебѣ ничего не извѣстно. Пусть лучше время само покажетъ намъ, каковы мы и чего мы достойны.

— Согласенъ, согласенъ, — воскликнулъ Пруденцій. — Цѣлая вѣчность докажетъ тебѣ, что ты для меня всего дороже на свѣтѣ, и что нѣтъ ничего, что я предпочелъ бы тебѣ на минуту.

— Ну, жди же!

И она дружески простилась съ нимъ и съ матерью вдовой Ефросиной, и ушла къ себѣ въ домъ свой съ Маремой, оставивъ вдову и Пруденція успокоенными и готовыми ожидать черезъ три дня ея рѣшенія.

Рѣшенія этого стали ждать съ любопытствомъ и всѣ прочіе люди въ селеньѣ, потому что всѣмъ было любопытно: не хитритъ ли Мелита, притворяясь, будто она не желаетъ взять себѣ мужемъ несравненной красоты юношу, который страстно влюбленъ въ нее и моложе ея на три года.

— Что-то измыслитъ Мелита? Каковъ ея умъ и въ чемъ ея хитрость?

Три дня пролетѣли для всѣхъ въ любопытномъ ожиданіи: въ эти три дня Мелита была безвыходно дома, а Пруденцій поправился отъ своихъ жестокихъ припадковъ и на четвертый день передъ вечеромъ вышелъ на берегъ моря и увидалъ, что здѣсь его ожидаютъ Мелита съ Маремой.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Когда они свидѣлись, Мелита сказала Пруденцію:

— Все идетъ хорошо: мы теперь быстро приблизимся къ цѣли осуществленія нашихъ желаній.

— Я не помню себя отъ счастія, что желанія наши согласны! — воскликнулъ весь озарившійся счастьемъ Пруденцій.

— Я сказала не такъ,—отвѣчала Мелита,—но все равно: то, что ты почитаешь за высшее счастье, все будетъ зависѣть отъ тебя самого...

— Значитъ, оно все равно, что достигнуто.

— Нѣтъ еще,—раньше чѣмъ ты будешь моимъ мужемъ, ты долженъ исполнить три мои просьбы.

— Я готовъ исполнить ихъ безконечное множество.

— Нѣтъ, всего только три. Прежде всего я не хочу быть здѣсь предметомъ вниманья для всѣхъ, ни теперь, когда ты станешь выполнять мои просьбы, ни послѣ, когда можетъ случиться, что я должна буду выполнить твою волю и заплатить мой долгъ за твое послушаніе моими услугами и женскою лаской.

— О, говори только скорѣе, что̀ нужно! Если ты хочешь скрыться отсюда... если желаешь уйти отъ всѣхъ глазъ...

— Да, почти что отъ всѣхъ... Пусть съ нами будетъ только Марема, но чтобъ не было даже вдовы Ефросины... Ея безпокойная нѣжность можетъ испортить все, что должно совершиться въ тишинѣ уединенiи и покоя.

— Хорошо! Я обѣщаю тебѣ это за мать: она такъ меня любитъ, что на все согласится. А что касается до самой возможности скрыться отъ всѣхъ, въ никому неизвѣстное и недоступное мѣсто, то я владѣю для этого такою возможностью, лучше которой нельзя услыхать въ самой затѣйливой сказкѣ.

И влюбленный Пруденцій самъ, безъ разспросовъ Мелиты, разсказалъ ей о цвѣтущемъ ущельѣ въ скалѣ, сокрытой среди другихъ неприступныхъ скалъ, гдѣ у нихъ есть двѣ пещеры, богатые склады запасовъ для жизни, ручей сладкой воды, стадо козъ и хохлатыя куры.

— Туда никто не можетъ придти, — добавилъ Пруденцій,—кромѣ двухъ тѣхъ, которые оставили насъ и живутъ нынче въ темномъ царствѣ тѣней; одинъ только я знаю

небезопасный и узкій проливъ, которымъ можно пробраться къ этой скалѣ и отыскать въ ней наше ущелье. Если ты хочешь самаго неприкосновеннаго уединенія...

— Съ тобой и Маремой!—перебила Мелита, тихо кладя свою руку въ руку Пруденція.

— О, ты меня исполняешь восторгомъ! И такъ, если ты довѣряешься мнѣ и не боишься проплыть на ладьѣ узкимъ и бурнымъ протокомъ, въ которомъ я знаю каждый камень, то стоитъ тебѣ сказать, когда ты желаешь отплыть, и—все будетъ готово.

— Прекрасно. — пусть это будетъ готово завтра, какъ сядетъ солнце. Но прежде ты возвратись сегодня домой и разскажи своей матери, на что мы рѣшились. Я хочу знать, что она на все это согласна, и хочу поручить ей свой домъ и хозяйство, такъ какъ Марема уѣдетъ со мной въ ваше ущелье и домъ мой останется пустъ. Потомъ позови завтра утромъ глиномята Агава и самъ приходи съ нимъ, и перенесите изъ дома въ ладью мою кровать и постель, и скрыни съ уборами и прочую утварь, и съѣстные запасы, которые здѣсь будутъ ненужны, а тамъ пригодятся... Я все хочу взять и увезть, чтобы это все пошло тамъ на пользу, такъ какъ мы, можетъ быть, проживемъ тамъ очень долгое время...

Пруденцій слушалъ все это въ величайшемъ восторгѣ и съ совершеннымъ вниманьемъ, а при послѣднихъ словахъ прижалъ страстно къ груди руки Мелиты и прошепталъ однимъ придыханьемъ:

— О, я увѣренъ, что никто никогда не умѣлъ пролить однимъ словомъ столько восторговъ, сколько ты проливаешь ихъ въ мое сердце!

Она посмотрѣла на него благостнымъ взглядомъ, какъ мать на ребенка, и тихо ему улыбнулась и отвѣчала:

— О, мой невинный Пруденцій! Не хвали меня много, мнѣ трудно слушать твои похвалы. Будемъ болѣе дѣлать... станемъ спѣшить... не будемъ терять ни минуты. Я сейчасъ возвращусь съ Маремой домой и стану спѣшить, чтобъ

уложить всѣ мои вещи, а ты иди къ матери, разскажи ей, что мы рѣшились уѣхать отсюда и тамъ вдалекѣ отъ людей совершить то, что должно совершиться. Скажи отъ меня вдовѣ Ефросинѣ, что духъ мой полонъ участія къ ней и къ тебѣ и что я ничего такъ еще не желала, какъ желаю того, чтобы увидѣть всѣхъ васъ въ томъ положеніи, къ которому всѣ вы теперь наиболѣе сродны.

Сказавъ это, Мелита встала и пошла къ селенію, держа одною рукою за руку Пруденція, а другою Марему, и такъ они дошли до того мѣста, гдѣ тропы къ домамъ ихъ раздѣлялись.

Здѣсь Мелита опустила руку Пруденція; еще разъ сказала ему, какъ онъ долженъ говорить съ своей матерью, и сама удалилась къ себѣ вмѣстѣ съ Маремой, и дѣйствительно обѣ женщины вмѣстѣ всю ночь провели въ томъ, что уложили въ мѣшки и въ укладки все, что было цѣннаго въ домѣ Алкея. Всѣ запасы были тоже упакованы въ корзины, а изъ прохладныхъ ямъ достали мѣха съ виномъ и сыры, и все это также приготовили къ отправкѣ. Къ разсвѣту все было готово, и на стѣнѣ большого покоя остался висѣть на острой рыбьей кости одинъ только широкій поясъ Алкея, убранный золотою чеканкою и драгоцѣнными камнями, да простая тростниковая дудка, въ которую Мелита всунула свернутый туго въ трубку папирусъ, на которомъ предъ самымъ разсвѣтомъ успѣла начертать нѣсколько строкъ.

Въ этихъ строкахъ было сказано: «Я получила свободу и не хочу потерять ее снова, но меня посѣтило испытанье, котораго я не могу избѣжать. Я надѣюсь, однако, что духъ мой сохранитъ свою силу и что любовную страсть, которая зажглася въ другомъ противъ моего желанія, мнѣ удастся смирить въ немъ съ помощью той же грубой природы, которой онъ подчиняетъ свой духъ. Если я надъ всѣмъ этимъ восторжествую, я отыщу путь къ тебѣ и приду къ тебѣ, чтобы окончить свой срокъ на землѣ вмѣстѣ съ тобою, позабывъ о себѣ и служа вмѣстѣ съ тобою другимъ, но ве-

лѣнью Того, чье священное слово зажгло въ насъ свѣтъ разумѣнья и вѣру въ вѣчную жизнь нашего духа».

Когда же Мелита вложила папирусъ въ полый тростникъ, она залѣпила концы его воскомъ и повѣсила дудку на стѣну у драгоцѣннаго пояса, и тотчасъ же, обернувшись, увидала, что у дверей, съ перстами на устахъ, стоячла Марема.

— Ты за мною слѣдишь и подсматриваешь, — съ тихой улыбкой сказала Мелита.

— Нѣтъ,—отвѣчала Марема: — я не слѣжу за тобою и не стану никому тебя выдавать, но я по всему замѣчаю, что ты задумала какую-то хитрость, которая поведетъ дѣло совсѣмъ не къ тому, что ты обѣщаешь Пруденцію.

— А разскажи-ка мнѣ, если ты знаешь,—что я ему обѣщала?

— Ты обѣщала, что нынѣшней ночью ты, онъ и я уѣдемъ отсюда на дикую скалу въ неизвѣстномъ ущельѣ, въ которой сокроемся надолго...

— Это все такъ и будетъ: вечернія звѣзды увидятъ насъ на ладьѣ нашей въ морѣ.

— Тогда я смущена еще больше... тогда въ умѣ у тебя есть что-то такое, чего я ужъ вовсе не въ силахъ понять, если ты мнѣ не скажешь.

— Ахъ, другъ мой Марема, — ты отгадала! До времени я тебѣ не скажу ничего и беру съ тебя слово, что ты не станешь ни о чемъ меня болѣе спрашивать. Это будетъ мнѣ отъ тебя самою лучшею расплатой. Не любопытствуй, Марема, ни о чемъ: все, что должно случиться—изъ всѣхъ постороннихъ одна ты только увидишь, но не здѣсь, не теперь и не сразу. Я ничего никому злого не мыслю, и Пруденцій приметъ на долю свою то, что самъ для себя предпочтетъ. Я отдаюсь въ его волю.. Но ты отгадала, — онъ долженъ будетъ мнѣ доказать, что въ самомъ дѣлѣ влеченье, которое онъ ко мнѣ чувствуетъ, сильнѣе всего и никакимъ болѣе грубымъ влеченіемъ замѣнено быть не можетъ. Въ этомъ онъ долженъ меня убѣдить такъ, чтобы во мнѣ не

было мѣста никакому сомнѣнью, и ты, добрый другъ мой Марема, должна мнѣ въ этомъ помочь, потому что это для меня имѣетъ слишкомъ большое значеніе. Не откажи мнѣ, Марема!

— О!—отвѣчала съ чувствомъ Марема:—можешь ли ты во мнѣ сомнѣваться, Мелита! Я такъ хорошо знаю твой разумъ и доброе сердце, что мнѣ не нужно бороться съ собою, чтобы дать тебѣ самыя страшныя клятвы послужить тебѣ всѣмъ, чѣмъ ты захочешь. Я знаю, что ты никому не сдѣлаешь зла, какъ не дѣлала его мнѣ во все время, пока я была твоею рабыней. Что бы ты ни сказала — Марема сдѣлаетъ все, не поддаваясь никакимъ своимъ собственнымъ чувствамъ... Клянусь...

— Довольно! — перебила Мелита: — не клянися ничѣмъ: клясться нельзя, потому что всѣ мы во власти всемогущаго Бога. Я тебѣ вѣрю безъ клятвъ и не скрываюсь больше, что въ умѣ моемъ есть замыселъ, о которомъ до времени не хочу сказать никому и исполнить который могу только при твоей помощи.

— Вѣрь же, что помощь моя тебѣ принадлежитъ безъ-завѣтно и...

— И довольно! довольно, Марема!—воскликнула Мелита, и бывшая госпожа и рабыня обняли другъ друга и остались такъ на мгновенье. Такъ ихъ и застала тихо вошедшая къ нимъ вдова Ефросина, за которою сзади входили Пруденцій и горшечникъ Агавъ съ длинными жердями, изъ которыхъ должно было сдѣлать носилки для переноса имущества Мелиты въ ладью.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Вслѣдъ за этимъ сейчасъ же сдѣлали носилки и начали переносить вещи въ ладью. Дѣло это справляли Пруденцій съ Агавомъ-горшечникомъ, а имъ помогала Марема, которая для этого часто отлучалась къ лодкѣ. Въ домѣ же оставались вдвоемъ вдова Ефросина съ Мелитой, изъ которыхъ

послѣдняя приготовляла у очага обѣдъ для работающихъ при нагрузкѣ ладьи, а мать Пруденція ей помогала и въ промежуткахъ между занятіями говорила съ ней о томъ, какъ она понимаетъ затѣянное Мелитою дѣло.

Вдовѣ Ефросинѣ казалось, что Мелита уѣзжаетъ съ ея сыномъ потому, что Пруденцій ей милъ, но она очень стыдлива и ужъ слишкомъ высоко подняла свою цѣломудренную славу; теперь ей не хочется здѣсь передъ всѣми показать свою склонность, но тамъ она, ни кѣмъ не стѣсняемая, отдастся любви на свободѣ и со всѣмъ пыломъ долго сдержанной страсти. И будучи въ этомъ убѣждена, вдова Ефросина смотрѣла на сборы совершенно спокойно. Мелита же ей не говорила ничего положительнаго, но не разъ просила ее сохранять это спокойствіе постоянно, даже тогда, если отъ нихъ очень долго не будетъ извѣстій.

— Пусть ихъ не будетъ хоть годъ! — отвѣчала вдова Ефросина,—я такъ истерзалась, видя долго мученія сына, что готова снести на себѣ всѣ томленія долгой безвѣстности, лишь бы могла быть увѣрена, что такихъ безнадежныхъ терзаній, какія онъ снесъ, впередъ онъ сносить ужъ не будетъ.

— На этотъ счетъ будь вполнѣ увѣрена: такими терзаніями, какими томился Пруденцій, онъ больше томиться не будетъ,—отвѣчала Мелита.

— Въ одномъ только этомъ я и хочу быть увѣрена.

— Такъ это и будетъ; но ты сказала, что готова пробыть безъ вѣстей цѣлый годъ.

— Я это сказала... И что же, ежели тебѣ это нужно...

— Да, это именно можетъ быть нужно...

Вдова Ефросина погрозила пальцемъ Мелитѣ и сказала съ улыбкою:

— Знаю...

— Что же ты знаешь?

— Черезъ годъ... я, быть можетъ, увижу прелестнаго внука!.. Что же, это прекрасно... Тогда и конецъ всѣмъ людскимъ разговорамъ о твоемъ прежнемъ мужѣ Алкеѣ...

Я тебя понимаю: такія, какъ ты, всегда любятъ сильно, но скромно. Боги вамъ въ помощь, сожгите одни тамъ цвѣты Гименею на камнѣ, и пусть свидѣтельницею вашихъ брачныхъ обѣтовъ будетъ Марема... А потомъ, годъ пройдетъ, я обниму васъ и внука, и тогда поплачемся мы и о Маремѣ... Добрая дѣвушка, она стоитъ добраго мужа.

— И навѣрно найдетъ его,—подсказала Мелита.

— Я тоже думаю. Мы на нее до сихъ поръ всѣ какъ-то глядѣли совсѣмъ безъ вниманья, а вчера, когда я съ ней говорила, мнѣ вдругъ показалось, что Марема вѣдь очень красива.

— Еще бы, еще бы она не красива! И умна, и добра, и красива, и имѣетъ горячее сердце... И при томъ, что за силы и какое здоровье!.. О, она стоитъ превосходнаго мужа, и то, что ты получила о ней хорошее мнѣніе, приноситъ мнѣ огромное счастье. Я рада, что отправляюсь отсюда въ полномъ согласьѣ съ тобою.

И въ такихъ-то согласныхъ бесѣдахъ у нихъ прошелъ цѣлый день; всѣ были веселы, съѣли вмѣстѣ вкусный обѣдъ, и передъ вечеромъ Пруденцій и Марема понесли изъ дома къ ладьѣ послѣднюю ношу, а Мелита осталась съ глиномятомъ Агавомъ, чтобы закрыть входы, и тутъ-то Мелита сняла со стѣны широкій поясъ Алкея, усыпанный камнями, и тростниковую дудку, и, показавъ поясъ Агаву, сказала:

— Способенъ ли ты оцѣнить, чего можетъ стоить эта вещь, если ее отнести въ большой городъ и продать тамъ, гдѣ есть богатые люди?

Агавъ отвѣчалъ:

— Оцѣнить такую драгоцѣнную вещь я не могу, но знаю, что если бы я триста лѣтъ кряду мялъ глину и надѣлалъ горшковъ цѣлую гору, то все это не составило бы и половины цѣны каждаго изъ этихъ свѣтящихъ камней.

— Такъ вотъ же, тебѣ вовсе не надо триста лѣтъ мять твою глину и надѣлывать гору горшковъ: исполни одно порученье, которое я хочу тебѣ дать, и этотъ поясъ пусть будетъ твоею наградой. А что въ словахъ моихъ нѣтъ ни

обмана, ни шутки, такъ бери эту вещь сію же минуту и спрячь ее у себя подъ одеждой. А кстати нихни вмѣстѣ съ нею туда эту дудку, и когда мы уѣдемъ, ты брось свою глину,—горшковъ вѣдь у всѣхъ здѣсь довольно въ селеньѣ.

— О, слишкомъ довольно! — отвѣчалъ, засмѣявшись, Агавъ: — я ужъ не знаю, кому продавать и то, что имѣю въ запасѣ.

— Такъ и оставь ихъ. Пускай жена твоя продаетъ дома горшки тѣмъ, у кого свои перебьются, а ты пойди къ Клазомену, и тамъ въ этомъ городѣ отыщи подругу моихъ дѣтскихъ лѣтъ, имя которой Эрминія, и отдай ей эту дудку.

— Хорошо; а потомъ что я еще долженъ сдѣлать?

— Только всего.

— Отыскать госпожу Эрминію и отдать ей эту дудку, и только всего?

— И только всего.

— Что же, она должна заиграть на этой дудкѣ?

Мелита улыбнулась на шутку Агава и отвѣчала такъ же шутливо:

— Дудка сама заиграетъ, что нужно. Впрочемъ, можешь сказать Эрминіи, что ты меня видѣлъ, и при какихъ обстоятельствахъ, какъ мы разстались. И за это возьми себѣ поясъ и продай его, гдѣ тебѣ это удастся, а потомъ возвращайся домой и доживай свои старые годы, не терзаясь нуждою.

— Что же, въ самомъ дѣлѣ, я это сдѣлаю! Клянусь богами, я сдѣлаю это! — воскликнулъ горшечникъ. — Я отыщу госпожу Эрминію и разскажу ей, какъ было все дѣло. Пусть-ка она тогда заиграетъ объ этомъ на дудкѣ.

И съ этимъ горшечникъ Агавъ спряталъ поясъ и дудку, и они оба съ Мелитою вышли изъ опустѣвшаго дома Алкея; а когда они приблизились къ лодкѣ, то уже застали, что Марема сидѣла на веслахъ, обнаживъ до плечей свои крѣпкія руки, а Пруденцій, вырвавшись изъ долгихъ объятій вдовы Ефросины, распускалъ косой длинный парусъ на реѣ.

Мелита тоже скоро простилась съ вдовой Ефросиной и спрыгнула съ берега въ лодку.

Марема шевельнула веслами, — нагруженная ладья слегка зашуршала днищемъ по песку, а потомъ, достигши свободной волны, покачнулась, вѣтеръ надулъ паруса, и между отъѣзжавшими и остающеюся Ефросиной и Агавомъ вдругъ удлиннилось разстояніе...

Переговариваться съ лодки на берегъ стало невозможно, но зато до слуха вдовы и Агава теперь доносилось стройное пѣніе: это была пѣснь любви, которой слова и напѣвъ ея тотчасъ узнали и вдова, и горшечникъ... Пѣли стройно два голоса, Пруденцій съ Маремой.

И пѣсня ихъ тоже стихала и замирала въ пространствѣ; но вотъ, обойдя острый мысъ и пологую отмель, ладья переставила парусъ и будто подвинулась ближе, и съ нея опять на мгновеніе донеслись звуки пѣнія, но совершенно иного, котораго ни слова, ни напѣвъ не были знакомы вдовѣ Ефросиѣ. Пѣлъ одинъ ровный и торжественный голосъ.

— Это голосъ Мелиты! — сказала вдова Ефросина.

— Да, и мнѣ кажется тоже, — отвѣчалъ Агавъ,

— Что же это за незнакомая пѣсня?

— Это?.. Мнѣ кажется... Это будто похоже на гимнъ, который я слышалъ однажды, когда мы бросали со скалы на каменья тѣхъ забавныхъ людей, которые насъ увѣряли, будто тотъ не умретъ, кто станетъ жить на землѣ такъ, какъ училъ жить ихъ пророкъ галилейскій.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Всю ночь ярко свѣтила луна и дулъ благопріятный для пловцовъ вѣтеръ. Хорошо знавшій всѣ морскія примѣты, Пруденцій смѣло и ловко правилъ ладьею, которая, такимъ образомъ, держала прямой путь къ тому таинственному пункту, куда Пруденцій увозилъ Мелиту и Марему для того, чтобы тамъ, по прихоти первой изъ нихъ, исполнить ея испытанія и заслужить себѣ ея любовь.

Отъ селенія, гдѣ жили Алкей и Гифасъ, до скалы, гдѣ имъ пришлось отыскивать скрытый пріютъ для склада своихъ хищеній, при попутномъ вѣтрѣ было полторы сутокъ ходу. Путь во все время держали такой, что не теряли изъ вида береговъ, хотя шли то ближе къ землѣ, то отдаляясь въ море тамъ, гдѣ было много камней и плыть вблизи береговъ было опасно.

Среди второй ночи пловцы достигли пролива, за которымъ, какъ лѣсъ, возвышались сѣрыя каменистыя скалы, не имѣвшія, повидимому, ни растительности, ни обитателей. Онѣ сначала были меньше и начинались камнями, которые невысоко возвышались надъ водой, но потомъ толпились и возвышались что дальше, то выше, и нѣкоторыя изъ этихъ скалъ казались довольно большими и сложными по очертанію.

Проходъ между ними былъ чрезвычайно опасенъ, и его могъ предпринять только такой человѣкъ, кому путь этотъ хорошо извѣстенъ и кто обладаетъ большой ловкостью и силой.

Пруденцій всѣмъ этимъ обладалъ въ совершенствѣ, и обѣ женщины могли имъ любоваться, какъ онъ, почти обнаженный, стоя на кормѣ, проводилъ ладью между рѣжущихъ камней, то подпираясь длиннымъ шестомъ, то вонзая багоръ въ расщелины или хватаясь имъ за уступы. Но наконецъ были два мѣста, гдѣ плыть казалось совсѣмъ невозможно, потому что ни упереться, ни ухватиться было не за что, а страшная быстрота крутила ладью и уносила ее на острыя скалы, но тутъ Пруденцій вдругъ нырнулъ въ воду и черезъ одно мгновеніе снова выплылъ наверхъ, держа въ рукахъ скользкій и опутанный водорослями канатъ. Перебирая этотъ канатъ, онъ ловко перетянулъ ладью черезъ стремнину, которую никакъ бы нельзя было перейти ни подъ вѣтромъ, ни на веслахъ. Такъ же точно прошли и вторую стремнину, за которою недалеко была и самая цѣль мореходцевъ.

Тутъ въ очень стѣсненной группѣ скалъ была одна

такая, которая съ перваго взгляда ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ, но на самомъ дѣлѣ она имѣла существенную разницу по странной игрѣ природы, устроившей въ этой скалѣ одну подъ другой три террасы, обращенныя къ полдню, и на средней изъ нихъ — обширную расщелину, за которою на полянѣ, поросшей кустами, были двѣ пещеры, одна внизу, а другая на значительной высотѣ, такъ что въ нее можно было взойти только приставляя длинную суковатую жердь, замѣнявшую лѣстницу, которую, по миновании надобности, опять отнимали и клали въ купы зеленаго діорита, гдѣ она и лежала такъ, что была незамѣтна. Съ той стороны, куда выходила площадка и входы обѣихъ пещеръ, больше не было скалъ и открывалось безбрежное море. У подошвы скалы была маленькая, но очень удобная бухточка, въ формѣ сандалій. Ладья заходила въ нее легко и помѣщалася въ ней удобно и совсѣмъ незамѣтно.

Пруденцій пристalъ въ эту бухту и, высадивъ Мелиту съ Маремой, повелъ ихъ наверхъ, гдѣ были пещеры.

Въ нижней пещерѣ было большое жилье, раздѣленное натуральными столбами скалы на нѣсколько удобныхъ покоевъ, изъ которыхъ два были убраны коврами и кожами и представляли во всѣхъ отношеніяхъ здоровое и удобное помѣщеніе.

Эту нижнюю пещеру Пруденцій предоставилъ въ распоряженіе Мелиты и Маремы, а самъ началъ жить въ верхней пещерѣ, которая была потѣснѣе нижней и представляла собственно разбойничій тайникъ, но однако и въ ней былъ здоровый, чистый воздухъ и хорошая постель изъ цыновокъ.

Запасовъ же и разной утвари въ нижней пещерѣ было накоплено столько, что пять человѣкъ смѣло могли продовольствоваться здѣсь цѣлый годъ.

Мелита и Марема благодарили Пруденція за доставленное имъ удобство въ помѣщеніи и, утомленныя длиннымъ морскимъ переходомъ, тотчасъ же легли спать и проспали очень долго, а проснувшись, когда солнце уже высоко

взошло и играло по сверкающей зыби моря, были въ восхищеніи отъ свѣжести воздуха и обширнаго вида на море. А межъ тѣмъ недалеко въ сторонѣ отъ входа въ ихъ пещеру былъ уже разведенъ огонь, возлѣ него положена коза съ полуснятою кожей и сосудъ со свѣжей водою.

Все это, безъ сомнѣнія, приготовилъ Пруденцій.

Увидѣвъ это, женщины стали смотрѣть: гдѣ же находится теперь самъ Пруденцій, котораго онѣ желали поблагодарить за его заботы о нихъ, но Пруденція не было видно. Тогда Мелита съ Маремой принялись хозяйничать около очага, и только-что сняли кожу съ козы и, распластавъ ея мясо, стали однѣ части варить, а другія втыкали на прутья, чтобъ жарить, какъ вдругъ появился Пруденцій. Онъ шелъ, обливаясь потомъ и таща на себѣ по кручѣ отъ моря съ ладьи тяжелую ношу.

— Ну что ты за милый хозяинъ!—увидѣвъ его, закричала Марема.

— И я скажу тоже,—поддержала Марему Мелита.

Пруденцій улыбался счастливой улыбкой и, опустивъ ношу, подошелъ къ женщинамъ, чтобы сказать имъ утреннее привѣтствіе.

Потомъ они стали обѣдать, а послѣ пошли осмотрѣть скалу и нашли на ней, кромѣ двухъ пещеръ, помѣщенныхъ одна надъ другою, и открытое пространство, покрытое зеленью, съ возвышеніями, по которымъ пощипывали травку прирученныя козы. Здѣсь съ высоты каскадомъ падалъ прозрачный ручей.

— Это прекрасное мѣсто!—восклицала Марема, рѣзвясь какъ ребенокъ.—Я не хотѣла бы никогда удаляться отсюда.

При этомъ она наклонилась къ уху Мелиты и добавила:

— Особенно въ томъ случаѣ, еслибы я могла здѣсь жить не одна, а съ такимъ человѣкомъ, который бы... мнѣ... нравился что-ли... и котораго любовь моя могла бы дѣлать счастливымъ.

Мелита пожала ей руку и отвѣчала:

— Что же!.. Все это можетъ случиться...

— Откуда жъ!

— Не унывай: въ природѣ возможно многое, что по взгляду кажется труднымъ и даже совсѣмъ невозможнымъ.

Но Марема расхохоталась и сказала:

— Ну, я знаю, однако, одно, что̀ совсѣмъ невозможно.

— Что же это такое?

— Невозможно, чтобы смуглая кожа Маремы могла затмить лилейную бѣлизну чудеснаго тѣла Мелиты.

— О, если только дѣло за этимъ, то это очень возможно, и въ такой возможности ты, можетъ быть, удостовѣришься гораздо скорѣе, чѣмъ ты могла бы подумать.

А какъ эта перемолвка произошла между женщинами съ уха на ухо, то она не могла не возбудить любопытство въ Пруденціи, что̀ Мелита тотчасъ же замѣтила и сказала ему:

— Не удивляюсь я, добрый Пруденцій, что тебѣ интересно, о чемъ мы между собою разсуждаемъ съ Маремой, и думаю, что тебѣ будетъ еще любопытнѣе, когда ты узнаешь, что все, о чемъ мы говорили, касается до тебя. Скажи намъ, каково твое мнѣніе: хотѣлъ ли бы ты, чтобы цѣлую жизнь остаться на этой скалѣ, и какъ бы ты хотѣлъ проводить свою жизнь?

Пруденцій отвѣтилъ, что онъ считалъ бы за самое лучшее счастіе остаться здѣсь навсегда съ тою женщиной, которую любитъ, и желалъ бы проводить жизнь только въ томъ, чтобы наслаждаться ея любовью, забывъ обо всемъ остальномъ на свѣтѣ.

Мелита улыбнулась и сказала ему:

— У меня и Маремы несхожія мнѣнія, и то, которое ты теперь высказалъ, ближе всего ко мнѣнью Маремы, а со мною совсѣмъ несогласно.

Пруденцій, вмѣстѣ съ Маремою, стали просить ее, чтобы она сказала имъ свое мнѣніе, а она имъ отвѣчала:

— Здѣшнее мѣсто прекрасно; но такая любовь, которая отдѣляетъ двухъ человѣкъ отъ всѣхъ прочихъ людей и погружаетъ ихъ въ одни наслажденья другъ другомъ, мнѣ совершенно противна. Я даже вовсе не понимаю: какое въ

такой любви можетъ быть счастіе? Я думаю, что это совсѣмъ не стоитъ имени любви,—что это совсѣмъ что-то другое, на чемъ невозможно воспитать духъ свой и прожить жизнь въ мирѣ съ своей совѣстью. Я бы хотѣла, чтобы съ нами здѣсь были другіе, и чтобы всѣ мы могли быть другъ другу полезны: я думаю, въ этомъ долженъ быть смыслъ человѣческой жизни, а не въ томъ, чего могутъ достичь и низшія твари, не владѣющія человѣческимъ разсудкомъ.

И между ними начался разговоръ, въ которомъ они всѣ трое, сидя надъ моремъ въ зелени діоритовъ, приняли оживленное участіе и незамѣтно трое раздѣлились на два мнѣнія: Мелита оставалась при своемъ, развивая мысль о необходимости общей любви ко всѣмъ людямъ, при которой нельзя отрѣшаться отъ общенья съ другими, а Марема и Пруденцій, увлекаясь идеями личнаго счастья, уходили въ этомъ настроеніи все дальше и дошли наконецъ до того, что сказали, что нѣтъ и не можетъ быть высшей любви, какъ та, которая довольна своимъ избраннымъ предметомъ,—однимъ имъ согрѣта и занята и до другихъ ни до кого нѣтъ ей дѣла.

Когда разговоръ дошелъ до этого, Мелита улыбнулась, не стала болѣе спорить, а шутливо свела руку Пруденція съ рукою Маремы и сказала имъ:

— Я очень рада, что вы другъ съ другомъ согласны.

Пруденцій и Марема этимъ смутились, и въ одинъ изъ послѣдовавшихъ затѣмъ дней, когда Марема помогала Пруденцію разгружать внизу лодку, а онъ взносилъ тяжести наверхъ къ пещерамъ, у которыхъ Мелита готовила на очагѣ обѣдъ, Пруденцій, опустивъ на землю ношу, промолвилъ Мелитѣ:

— Я до сихъ поръ все не перестаю думать о бывшемъ у насъ въ первый день разговорѣ... Онъ какъ будто отстраняетъ меня отъ тебя, къ которой влечетъ меня сердце и отъ одного приближенья къ которой вся кровь во мнѣ пылаетъ какъ пламя.

— Кровь!.. Ты все о крови, Пруденцій. Бунтованіе крови проходитъ... Гораздо надежнѣе то, что можетъ жить вѣчно и не остынетъ отъ времени.

— Что же это Мелита?

— Сродство нашего духа... согласье въ желаніяхъ, одинаковость окончательной цѣли!

Но Пруденцій покачалъ головой и сказалъ съ укоризной:

— Мелита! Мелита! что тебѣ за охота говорить все такія мудреныя вещи? Не будетъ ли проще, если насъ свяжетъ не духъ, а то, чѣмъ обыкновенно мужчину и женщину соединяетъ природа?

— Нѣтъ,—отвѣчала Мелита,—это слишкомъ ужъ просто.

— О, довѣримся ей... Отдайся, Мелита, всесильной природѣ, она никогда не обманетъ.

— Нѣтъ, она-то скорѣе всего и обманетъ.

— Природа обманетъ?

— Ну, да!

— Никогда.

— Ну. не станемъ перекидывать наши слова безъ средствъ доказать ихъ. Ты помнишь, конечно, нашъ уговоръ: «три дня испытанія».

— Безъ сомнѣнія, помню, и заранѣе торжествую побѣду любви моей надъ упрямствомъ капризной Мелиты.

— Прекрасно! Но воздержись,—не спѣши съ торжествомъ. Я у тебя не отнимаю надежды, но впереди будутъ три дня испытанія... *Три только дня!..* Но зато въ эти три дня ты долженъ мнѣ повиноваться во всемъ.

— Очень радъ... только однако когда же начнешь ты свои испытанія?.. Я желаю, чтобы это было скорѣе.

— Сейчасъ, если хочешь.

— Я замираю въ восторгѣ.

— Прекрасно: теперь вечеретъ, а черезъ три дня въ эту же пору я буду твоею женою... или...

— Кончай же!

— Или я ею не буду.

— Въ какомъ же то случаѣ?

— Въ томъ случаѣ, если ты самъ отъ меня откажешься и что-нибудь предпочтешь моимъ ласкамъ.

— О, сдѣлай милость! Это одно, чего я никогда для тебя не сдѣлаю, хотя бы на меня возстали всѣ демоны ада и всѣ «силы природы».

— Ну, вотъ ужъ: «*всѣ силы природы*»! Зачѣмъ такой смѣлый вызовъ! Быть-можетъ, и одной «силы природы» будетъ довольно.

— Начинай испытанье! Говори, что̀ я сейчасъ долженъ дѣлать.

— Во-первыхъ, ты отъ меня удалишься сію же минуту въ свое помѣщенье въ верхней пещерѣ.

— Ну, и что мнѣ тамъ дѣлать?

— Пока ничего.

— Какъ это пока?

— Пока тебѣ станетъ хотѣться думать болѣе о самомъ себѣ, чѣмъ обо мнѣ.

— Ну, оставь это!.. Никогда этого не будетъ.

— Всходи же въ пещеру.

— Ну, хорошо,—я всхожу.

Пруденцій сталъ подниматься по лѣстницѣ и, достигнувъ до входа въ свою верхнюю пещеру, обернулся и съ веселою улыбкою вскрикнулъ:

— Эвое! Я уже началъ мое испытаніе и на одинъ мигъ сталъ ближе къ обладанью Мелитой.

— Обладай же сначала собою,—отвѣчала Мелита, отнимая лѣстницу и спуская ее по откосу на вторую площадку.

— Я запертъ!—смѣялся Пруденцій.

— Теперь жди, пока я тебя позову, стоя въ ожиданьѣ тебя у брачнаго ложа.

И съ этимъ Мелита скрылась въ своей нижней пещерѣ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Вскорѣ послѣ того, какъ скрылась Мелита, по тропинкѣ отъ моря стала подниматься Марема. Пруденцій издали ее замѣтилъ и сталъ говорить ей:

— Ахъ, порадуйся за меня, Марема! Мелита уже начала мое испытаніе, и черезъ три дня она должна будетъ сдержать свое слово—она сдѣлается мое женою.

— Это славная вещь! А въ чемъ же будетъ состоять твое испытаніе?

— А вотъ въ точности я этого до сихъ поръ не знаю, право; до сихъ поръ она мнѣ ничего не сказала, кромѣ того, чтобы я думалъ о ней и ожидалъ терпѣливо какого-то ея слова; а ужъ какое это будетъ слово,—не знаю.

«Что за затѣи у этой Мелиты?» — подумала, покачавъ головою, Марема и, войдя въ пещеру, тотчасъ же хотѣла разспросить Мелиту: что далѣе будетъ? Но Мелита лежала закрывши глаза и спала или притворилась спящей, и Марема будить ее не рѣшилась; а когда она снова вышла, чтобы взять нѣсколько хвойныхъ вѣтокъ и выкурить ихъ дымомъ насѣкомыхъ, она увидала, что Пруденцій стоялъ наверху во входѣ своей пещеры и на него свѣтила луна, а онъ улыбался и сказалъ ей:

— Скажи привѣтъ мой Мелитѣ, Марема.

А Маремѣ не хотѣлось ему отвѣчать,—такъ ей сдѣлалось его жалко и грустно видѣть его какъ птицу въ клѣткѣ.

До полуночи Марема не могла сомкнуть глазъ, а за полночь она слышала, какъ Мелита вышла и возвратилась не скоро, а когда возвратилась, то прежде, чѣмъ лечь, подошла и нагнулась надъ изголовьемъ Маремы, и увидавъ, что Марема не спитъ, откинулась вновь и сказала сурово и твердо:

— Ни во что не мѣшайся и ни о чемъ меня не разспрашивай... Повѣрь мнѣ, что я не жестокая женщина и не хочу ничьихъ напрасныхъ мученій, а я дѣлаю то, что нужно для нашего общаго счастія. Умоляю тебя: вѣрь мнѣ, какъ вѣрила, и ни о чемъ не разспрашивай больше.

— Пусть будетъ такъ, какъ ты хочешь.

И едва забрезжился свѣтъ, Мелита разбудила Марему и позвала ее вмѣстѣ съ нею идти, чтобы докончить выгрузку лодки; а когда онѣ туда сошли, то Марема увидѣла, что

Мелита одна здѣсь работала ночью, а теперь онѣ взялись за дѣло вдвоемъ и трудились такъ безотступно, что къ вечеру все, что привезено было въ лодкѣ, было втащено на берегъ, и облегченная ладья поднялась и закачалась въ своей маленькой бухтѣ.

Во весь день Мелита съ Маремою не возвращались въ пещеру, и когда стало темнѣть, онѣ еще оставались у моря. Марема не разъ порывалась уйти, но Мелита ее удерживала, и онѣ стали подниматься наверхъ только тогда, когда луна утонула за скалы и вокругъ сдѣлалось темно.

Тогда онѣ тихо проникли въ свою пещеру, незамѣченныя Пруденціемъ, и не зажигали огня, чтобы выгонять насѣкомыхъ, а улеглись каждая на своемъ мѣстѣ впотьмахъ... и Мелита, казалось, сейчасъ же заснула, но Марема начала что-то искать и потомъ стала ѣсть, и, сдѣлавши нѣсколько глотковъ, вдругъ вскрикнула, какъ бы приняла что-то пронзительное или острое.

Тогда оказалось, что и Мелита не спала, потому что она живо вскочила и спросила въ испугѣ:

— Что съ тобою случилось?

Марема сразу ничего не отвѣчала, но когда Мелита повторила вопросъ, та ей отвѣтила какъ бы изъ какого-то отдаленья:

— Со мной ничего не случилось... но я не хочу болѣе ѣсть, потому... что... я все теперь поняла... Пруденцій безъ пищи!..

Мелита ей не отвѣчала ни слова.

Ночь прошла безпокойно въ прерывистыхъ грезахъ. Обѣимъ женщинамъ казалось, какъ будто онѣ видятъ Пруденція и слышатъ его шаги, и вотъ онъ весь исхудалъ, глаза его округлились... онъ глядитъ безпокойно... Мелита! Мелита! скорѣй задавай ему дѣло!

А оно уже было задано.

Утромъ на третьи сутки Мелита вовсе не вышла. Изъ пещеры показалась одна только Марема, и Пруденцій сторожилъ ея появленіе.

— Здравствуй! Здравствуй, Марема! — закричалъ онъ ей пострадавшимъ, но еще веселымъ голосомъ.—Прошли уже двѣ ночи и день, какъ я ожидаю здѣсь своего заслуженнаго права прижать къ моему вѣрному сердцу милую Мелиту. Теперь уже недолго осталось мнѣ ждать; но зачѣмъ она медлитъ? зачѣмъ до сихъ поръ мнѣ не скажетъ: въ чемъ я долженъ выдержать мое испытанье? Или ты, можетъ-быть, съ тѣмъ теперь вышла, чтобы сказать мнѣ, что я долженъ сдѣлать? Говори же скорѣе: я утомился здѣсь ожидать приказанья Мелиты...

— Мелита мнѣ ничего не сказала,—отвѣчала Марема, стараясь не глядѣть на Пруденція, который при самомъ бѣгломъ взглядѣ на него показался ей изнуреннымъ и страшнымъ.

— Куда же идешь ты?

— Я иду... чтобы поймать удою рыбу и поискать въ расщелинахъ птичьихъ яицъ... Завтра вѣдь къ вечеру Мелита готовитъ свадебный пиръ...

— Ахъ, она ужъ готовитъ! Прекрасно, прекрасно... Иди же скорѣй, лови рыбу... и яйца есть по утесамъ... А Мелита, вѣрно, выйдетъ сама и скажетъ мнѣ, что долженъ я сдѣлать... Мнѣ кстати очень хочется ѣсть.

— Я ворочусь и скажу ей, что ты хочешь ѣсть.

— Нѣтъ, не надо, Марема. Я ей далъ слово, что не буду ее ни о чемъ просить, пока она меня кликнетъ... Уходи, куда ты идешь... мнѣ нужно терпѣнье.

И Марема ушла, а Пруденцій остался одинъ и снова весь цѣлый день протомился въ затворѣ; онъ то поджидалъ Мелиту, то ее кликалъ, но все это было напрасно, — Мелита не показалась ему ни на мгновеніе ока. Она цѣлый день безустанно разбирала всѣ перенесенныя съ ладьи вещи и съ такимъ вкусомъ убрала пещеру, что ее можно было принять за очень благоустроенное жилище человѣка со вкусомъ. Въ переднемъ, большомъ помѣщеніи былъ накрытъ большой столъ, уставленный множествомъ дорогой и прекрасной посуды, а вдали, за столбомъ, обвитымъ цвѣт-

ными тканями, возвышалось пышно убранное ложе подъ голубою завѣсой и съ лампами у изголовья.

Все это требовало много искусства и вкуса, и трудно было произвести такое превращеніе въ одинъ день; но Мелита не жалѣла труда, и онъ одинъ, вѣроятно, помогъ ей не слыхать жалобныхъ стоновъ Пруденція, который съ полудня уже утратилъ терпѣніе и звалъ Мелиту, крича ей, что онъ чувствуетъ мучительный голодъ.

— Мелита!—кричалъ онъ, — Мелита! для чего ты забываешь, что я человѣкъ и что голодъ желудка даетъ знать о себѣ безпрестанно... Говори мнѣ скорѣе, какое я тебѣ долженъ дать доказательство, что я ни съ чѣмъ не сравню твою любовь... или я здѣсь умру отъ голода.

Но Мелита все убирала покои и не пришла къ нему на его зовъ, и Пруденцій такъ протомился до вечера, когда увидалъ возвращающуюся Марему и закричалъ ей:

— Мои мученія превзошли уже всякую мѣру...

— Ты старайся не думать...

— Ахъ, не могу, не могу я не думать—голодъ жесточе всевозможныхъ мученій... Я боюсь, что я не доживу до утра...

— Старайся уснуть... пусть во снѣ тебѣ снится Мелита.

— Ахъ, я уже пробовалъ спать... и во снѣ то же самое снится... Ѣсть хочу, ѣсть хочу! Страшно, Марема, мнѣ, страшно! У тебя тамъ гдѣ-нибудь вѣрно есть птичьи яйца—брось мнѣ одно изъ нихъ, я умираю.

— Не смѣю, — отвѣчала Марема и скоро скользнула въ пещеру, которая была освѣщена многими огнями и поразила Марему своимъ неожиданнымъ великолѣпіемъ.

— Что это будетъ?—спросила Марема.

— Завтра здѣсь будетъ свадебный пиръ, — отвѣчала Мелита.

— Свадебный пиръ!.. О, Мелита! остерегись, чтобы это не былъ похоронный обѣдъ.

И сказавъ это, Марема присѣла и, опустивъ руки и голову, зарыдала.

— О чемъ ты такъ плачешь?—спросила Мелита.

— Я сейчасъ видѣла Пруденція и слышала его стоны... Его мучаетъ голодъ, и онъ умираетъ.

— Но вѣдь его раньше мучилъ еще иной голодъ...

— Нѣтъ, голодъ желудка страшнѣе всякаго другого томленья.

— Полно, Марема. Вѣдь и я тоже не ѣмъ.

Марема достала изъ-за туники яйцо морской птицы и сказала:

— Я цѣлый день провела безуспѣшно и насилу достала всего два яйца. Одно,—признаюсь тебѣ, — съѣла сырое, и оно мнѣ отъ голода показалося вкусно. Съѣшь ты это другое. Его просилъ у меня Пруденцій, но я не дала ему.

— И мнѣ оно тоже ненужно: я терплю то же, что терпитъ Пруденцій! — и съ этимъ словомъ Мелита взяла изъ рукъ Маремы яйцо и бросила его объ полъ.

— Здѣсь есть много съѣстного, — добавила она, — но я ничего не касалась. Я по себѣ размѣряю, что онъ можетъ снести безъ вреда для его жизни. Лягъ и усни, а завтра съ утра станемъ готовить обѣдъ и ввечеру разрѣшится все, что такъ долго и мучительно длилось.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

И вотъ прошла ужасная ночь, которая всѣмъ показалась долга безконечно и всѣхъ истомила. Настало тяжелое утро. Обѣ женщины рано проснулись, и Марема тотчасъ же выбѣжала, чтобы взглянуть на Пруденція. Юноша измѣнился въ эту послѣднюю ночь сильнѣе, чѣмъ во все протекшее время: лицо его сдѣлалось сѣрое и маленькое, оба глаза ввалились и казались совершенно круглыми, а губы почернѣли, и изъ-за нихъ виднѣлись два ряда бѣлыхъ зубовъ, какъ будто ослабнувшихъ въ деснахъ, и воспаленный языкъ и гортань... Голодъ его догрызалъ, — Пруденцій уже не имѣлъ силъ и стонать; онъ сидѣлъ, прислонясь ко входу, и тихо качался, придавливая исхудалыми руками опустошенный животъ.

Напрасно Марема хотѣла его утѣшить и говорила ему о близости счастья въ обладаньѣ Мелитою,—Пруденцій не отвѣчалъ ей ни слова.

Когда же Марема сказала объ этомъ Мелитѣ, та отвѣчала:

— Это такъ должно быть! Когда зло не хотятъ побѣдить разсудкомъ, то оно побѣждается страданіями. Но не будемъ говорить объ этомъ, а давай скорѣе приготовлять всѣ лучшія кушанья, какія умѣемъ.

И онѣ отобрали изъ всѣхъ запасовъ все, что было лучшаго, и стали готовить всѣ блюда, какія умѣли. Это требовало не мало трудовъ, и приготовленія еще не были совсѣмъ кончены, когда солнце стало спускаться за скалы. Тогда Мелита сказала Маремѣ:

— Оставимъ на время мяса́ и плоды,—пусть хорошенько томятся на угляхъ, а мы пойдемъ подъ ручей, — омоемся свѣжей струею воды и одѣнемъ лучшія наши одежды.

Марема пошла съ нею и удивилась, что когда онѣ вышли изъ-подъ обливанья, то Мелита открыла принесенную склянницу драгоцѣнныхъ духовъ и неожиданно вылила всю ее по-ровну на свои волосы и на волосы Маремы, и при этомъ сказала:

— Я хочу сдѣлать такъ, чтобы мы обѣ имѣли видъ невѣстъ.

И затѣмъ, возвратившись въ пещеру, Мелита стала спѣшить уборкой стола, — разставила кувшины съ разноцвѣтнымъ виномъ; разложила фрукты на листьяхъ, и подливы къ мясамъ, и загородки изъ тѣста въ глиняныхъ блюдахъ; а потомъ засвѣтила огни, открыла постель, и стала между ней и столомъ, одѣтая въ самыя пышныя платья, а Маремѣ сказала:

— Приставь скорѣй лѣстницу и поди и скажи Пруденцію, что я его приглашаю сойти.

Марема исполнила это въ одно мгновеніе; но когда она вошла въ верхнюю пещеру къ Пруденцію, то увидала его въ ужасномъ изнуреніи,—онъ уже не сидѣлъ, а лежалъ и на вопросы могъ отвѣчать очень нескоро и очень невнятно.

Онъ только тихо махалъ рукою и давалъ чувствовать, что для него ничто не важно, кромѣ голода, которымъ онъ истомился.

Долгоожидаемое приглашеніе Мелиты нимало его не оживило и не обрадовало.

— Вѣдь это насталъ часъ твоей радости!—говорила ему Марема; но онъ только отмахнулся рукою и, обратясь въ сторону, прошепталъ:

— Куда... же... ты дѣла... яйцо... морской чайки?

— Что тебѣ теперь до яйца чайки... тебя ожидаетъ роскошнѣйшій столъ и... еще больше роскошныя ласки Мелиты!.. Встань скорѣе на ноги — я помогу тебѣ сойти съ лѣстницы.

Онъ сталъ подниматься, но закачался, упалъ и сказалъ:

— Я не въ силахъ.

Тогда живая Марема схватила Пруденція, какъ дитя, на свои сильныя руки, снесла его съ лѣстницы, опустила на землю и, давъ ему оправиться, подвела его подъ руки ко входу въ освѣщенную пещеру, гдѣ въ сіяньѣ огней стояла блестящая красотой и уборомъ Мелита. Она встрѣтила Пруденція съ ласковой улыбкой и сказала ему ласковымъ голосомъ:

— Привѣтъ мой тебѣ, господинъ мой Пруденцій! Входи и будь здѣсь властелиномъ всего, что ты видишь. Ты перенесъ испытанье, и за то я даю тебѣ надо мною всякое право... Пиръ изготовленъ... послѣднія блюда скоро поспѣютъ на тихомъ огнѣ, и брачное ложе готово... и я жду моего господина!

При этомъ Мелита протянула обѣ руки къ Пруденцію; но онъ отвернулся отъ нея и, поведя вкругъ какъ бы утратившими зоркость глазами, нетерпѣливо воскликнулъ:

— Подожди!.. и скажи мнѣ: гдѣ же это яйцо дикой птицы?

— Я разбила его, — отвѣчала Мелита. — Поди отдохни, господинъ мой, на ложѣ... Вѣдь я сама его стлала для тебя, моего господина... А послѣ ты будешь ѣсть самыя вкусныя кушанья.

— Ахъ, это все пустяки!.. Подавай мнѣ сейчасъ все, что тамъ кипитъ или печется!

— Кушанье все еще не готово.

— А это же что здѣсь такое дымится въ глиняномъ блюдѣ?

— Это подлива къ бобамъ и загородки изъ тѣста для разваренаго мяса...

— Вотъ я и съѣмъ сейчасъ всю эту подливу и всѣ загородки изъ тѣста...

И онъ потянулъ къ себѣ блюдо съ подливой и началъ лакать ее и грызть загородки, не обращая никакого вниманія на Мелиту, которая этимъ временемъ все удалялась тихо назадъ и наконецъ вовсе исчезла, такъ что съ этой поры Пруденцій и Марема напрасно искали ее на утесѣ. Съ нею вмѣстѣ ушла и ладья, которая была спрятана въ бухтѣ, и теперь Пруденцій съ Маремой были отрѣзаны отъ всего остального міра.

Они напрасно обѣгали со всѣхъ сторонъ скалу и искали Мелиту,—она, безъ сомнѣнія, оставила ихъ и скрылась, а они остались вдвоемъ и не видѣли никого третьяго до тѣхъ поръ, пока возлѣ Маремы сразу раздались два голоса двухъ новорожденныхъ ею близнецовъ... Въ этотъ день Пруденцій, сошедшій внизъ съ сверткомъ бѣлья, которое онъ долженъ былъ вымыть для своихъ двухъ близнецовъ и для Маремы,—замѣтилъ на морѣ точку, которая какъ будто перемѣняла свое мѣсто... А еще черезъ нѣсколько дней Пруденцій увидалъ, что на глинѣ скалы надъ самою бухтою было начертано чѣмъ-то острымъ: «Мелита привѣтствуетъ Пруденція и Марему съ дѣтьми ихъ и желаетъ имъ согласія и добродѣтельной жизни». Еще же черезъ мѣсяцъ Пруденцій увидѣлъ ладью еще ближе, и видѣлъ, что на ней были двѣ женщины, и что къ ней изъ-за скалъ подошла другая ладья и на эту перешла одна изъ двухъ женщинъ, и теперь та лодка, на которой сидѣли двѣ женщины, стала удаляться, а та, на которой осталась одна,—приближалась къ утесу.

Пруденцій скоро узналъ по окраскѣ, что эта лодка его и Алкея, которая исчезла съ той ночи, какъ удалилась Мелита... Пруденцій сказалъ объ этомъ Маремѣ, которая сидѣла тутъ же возлѣ него на берегу моря и держала на каждомъ изъ своихъ колѣнъ по здоровому, смуглому ребенку, изъ которыхъ каждый завладѣлъ одной грудью своей матери и такъ жадно сосалъ, что молоко выбѣгало у него обратно изъ устъ и крупными, бѣлыми каплями скользило по смуглой груди Маремы... Но Марема теперь этого не замѣчала, потому что она слѣдила за лодкой, и вдругъ вскричала:

— Радуйся, милый Пруденцій!.. Къ намъ приближается мать твоя, вдова Ефросина... Мы не останемся одни здѣсь и наши дѣти не будутъ жить дикарями.

— Да,—отвѣчалъ ей Пруденцій,—и я теперь вижу: это мать моя, вдова Ефросина!.. Кто передалъ ей нашу ладью и кто указалъ ей путь къ намъ?

— Конечно, Мелита. Это она удалилась на другой ладьѣ съ своимъ другомъ Эрминіей... Онѣ христіанки.

Пруденцій задумался и, слѣдя за приближеніемъ лодки, которою, несмотря на свои годы, хорошо еще правила вдова Ефросина, сказалъ, склоняясь къ Маремѣ:

— Вотъ всѣ, кто страстно любитъ наслажденія жизни, всегда разсуждаютъ, что будто галилейское ученіе не годится для жизни... А припомни-ка все, что было съ нами, и выйдетъ, что впередъ дальше всѣхъ видѣла одна Мелита. Я передъ нею такъ малодушенъ, что не могъ бы идти съ нею рядомъ. Какъ хорошо, что она не связала себя узами брака съ такимъ посредственнымъ человѣкомъ, какъ я!.. При разности взглядовъ и мыслей мы не нашли бы въ союзѣ согласья и мира, а съ тобой мы счастливы... Ея духъ слишкомъ высокъ и серьезенъ — онъ слишкомъ безпощадно побѣждаетъ плоть. Ты же и я... мы смотримъ проще... Я не знаю, какъ это случилось, какъ я все любилъ такъ сильно Мелиту, и теперь вижу, что она несродна мнѣ, а ты мнѣ гораздо милѣе Мелиты... Я хотѣлъ скры-

ваться здѣсь вѣчно съ Мелитой,—потомъ мнѣ такъ хорошо было здѣсь же съ тобой, и теперь... я однако же радуюсь, что мать моя насъ разыскала и мы не останемся въ вѣчной разлукѣ съ людьми... Весь кругъ мыслей во мнѣ перешелъ,—все передѣлалось съ нами именно такъ, какъ говорила Мелита. Вѣрно надо ей вѣрить во всемъ.

— Да, она умная женщина.

— Надо считать духъ, а не плоть владыкою жизни, и жить не для тѣхъ чувствъ, которыя научаютъ насъ особиться отъ всѣхъ прочихъ людей...

— Правда, Пруденцій.

— Пусть такъ и будетъ, и когда мы уклонимся отъ этого... пусть мы сами не будемъ на своей сторонѣ. Если мы погрѣшимъ, то не станемъ извинять себя и дѣлать себѣ пояса изъ листьевъ, потому что прятаться—это хуже, чѣмъ несть порицаніе, котораго заслуживаешь.

— Я согласна, — отвѣчала Марема.

— Да, всегда мы съ тобою согласны! Какое это счастіе для обоихъ насъ!..

— И для нашихъ обоихъ дѣтей, — показала Марема на близнятъ, которыхъ ужъ издали увидала бабушка ихъ, вдова Ефросина, и начала улыбаться всѣмъ и въ концѣ, бросивъ весло, закричала:

— Вотъ такъ ребята! Этакихъ я еще не встрѣчала.

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ХАРАКТЕРЫ.

Опытъ систематическаго обозрѣнія *).

«Народъ непремѣнно долженъ имѣть ясное понятіе о литературныхъ памятникахъ и источникахъ, которые вліяли на образованіе его идей и представленій».

Чт. въ Общ. Люб. Древн. Россійскихъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Тридцать лѣтъ назадъ, когда у насъ много писали о женскомъ вопросѣ, не разъ было упоминаемо, будто въ Россіи репутаціи женщинъ былъ нанесенъ большой вредъ житійными сказаніями, которымъ вѣрили наши предки. Тамъ будто женщины постоянно выставляются соблазнительницами, стремившимися удалить мужчинъ отъ возвышенныхъ задачъ жизни и погрузить ихъ въ жизнь чувственную и безразсудную. Нѣкоторыми, болѣе горячими, чѣмъ основательными

---

*) Обозрѣніе это составлено по *древле-печатному, переводному* Прологу, редакція котораго не сотвѣтствуетъ тому, который издается послѣ Петра Великаго. Древле-печатный, переводный Прологъ, содержащій въ себѣ приводимые здѣсь «прилоги», не входитъ въ кругъ церковныхъ книгъ и не только не пользуется церковнымъ авторитетомъ, но представляетъ книгу «отреченную», и сказанья его, по выраженію Ѳеофана Прокоповича, относятся къ разряду «*пустыхъ и смьху достойныхъ басенъ*». Интересъ, имъ представляемый, есть собственно интересъ литературный и историческій.

друзьями женскаго вопроса было выхвачено нѣсколько примѣровъ въ этомъ родѣ, и тѣ примѣры, принятые безъ критики, до сей поры остаются въ непререкаемомъ значеніи убѣдительныхъ фактовъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, *это есть ложь*, и въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто пожелаетъ познакомиться съ женскими типами Пролога.

Это здѣсь и предлагается.

Разбирая Прологъ, какъ повѣствовательный источникъ, я нашелъ въ немъ ровно *сто* темъ или «прилоговъ», которые даютъ болѣе или менѣе пригодный матеріалъ для воспроизведенія въ повѣствовательномъ или пластическомъ искусствѣ, а изъ этихъ ста исторій—въ тридцати пяти участвуютъ женщины.

Годъ по Прологу начинался съ 1 сентября, и первое соблазнительное дѣло описано подъ 5-мъ числомъ сентября.

1) «По діаволю злохитрству, впаде въ блудъ нѣкій епископъ». Объ этомъ никто не зналъ въ его паствѣ; но епископъ былъ человѣкъ искренній и самъ не могъ снести своего грѣха; онъ пришелъ въ церковь, снялъ съ себя омофоръ и, ставъ предо всѣми на колѣни, началъ каяться, «глаголя: отселѣ не могу быти вамъ епископъ».

Словомъ—онъ принесъ публичное покаяніе въ блудномъ грѣхѣ, послѣ чего его надо было «извергнуть»; но какъ этотъ епископъ былъ человѣкъ очень добрый и люди его любили, то имъ стало жаль потерять его, и потому «возопиша вси люди съ плачемъ: грѣхъ твой на насъ буди».

Епископъ отговаривался, но народъ настаивалъ на своемъ. Тогда растроганный епископъ, заливаясь слезами, потребовалъ себѣ отъ людей наказанія, а тѣ на это согласились, лишь бы онъ у нихъ остался. Но вотъ епископъ легъ на полъ у дверного порога и просилъ, чтобы каждый мірянинъ, выходя изъ церкви, толкнулъ его презрительно ногой. Люди его послушались и стали его толкать, и когда послѣдній человѣкъ, выходя изъ церкви, наступилъ на согрѣшившаго архіерея, тогда только епископъ всталъ, поклонился вышедшимъ чрезъ двери людямъ и остался служить у нихъ епи-

скопомъ, и люди не чувствовали въ этомъ смущенія, ибо всѣ были увѣрены, что грѣхъ его прощенъ ради его искренности и смиренія. «Зане запну его ногой своею» и та, которая была его соучастницей въ грѣхѣ.

2) *Сентября 15.* Одного молодого пустынника страшно мучили любовныя мечтанія. Онъ пошелъ къ старцу Пахому и просилъ у него совѣта: какъ ему отъ этого избавиться. «Онъ же (то-есть старецъ) рече: не дивися дѣлу сему: азъ бо многажды обрѣтахся въ сицевыхъ. Се бо видяши мя человѣка уже стара суща и дряхла, яко уже четыредесять лѣтъ сижу въ хижинѣ и токмо и пекуся о единомъ своемъ спасеніи, и уже тольми ветхъ сый, а и до днешняго дне еще не свободенъ».

3) *Октября 29.* Старецъ Авраамій «сочетался съ женой», но потомъ, когда вникъ въ семейную жизнь, то она ему не понравилась—онъ нашелъ, что домомъ жить очень хлопотно и безпокойно, и вообще это гораздо труднѣе отшельничества, къ которому онъ уже привыкъ. Тогда Авраамій опять оставилъ жену и, «отшедъ, затворился въ малѣ хлевинѣ». Теперь ему не о комъ было заботиться; но когда Авраамій просидѣлъ въ затворѣ девять лѣтъ, умеръ его братъ и оставилъ семилѣтнюю дочку. Волей-неволей Авраамію пришлось взять племянницу на свое попеченіе. Авраамій вышелъ изъ «хлевины», сдѣлалъ тутъ же рядомъ другую такую же «хлевинку» и замуровалъ туда дитя. Дѣвочка прожила замурованная въ затворѣ на глазахъ у дяди тринадцать лѣтъ и никакихъ дурныхъ примѣровъ не видала, но когда пошелъ ей двадцатый годъ, «она завистію бѣсовскою впала въ паденіе». Неизвѣстно, какъ она, замурованная, чрезъ оконце «познакомилась съ блудницами», выкарабкалась изъ затвора и ушла съ этими своими знакомками въ такую «гостиницу», гдѣ собирались въ досужное время военные люди. Военные же люди въ той странѣ такъ любили женское общество, что вездѣ подманивали къ себѣ дѣвицъ, а обратно получить отъ нихъ дѣвушку было уже очень трудно. Они отпускали женщину развѣ только тогда, когда она

имъ надокучитъ и они сами ее прогонятъ. Старецъ ихъ усовѣщивалъ, и кричалъ на нихъ, и угрожалъ имъ изъ своего затвора; но военные смѣялись, и его молоденькой затворницы ему не отдали, а увели ее и не возвращали. Зная это, старецъ Авраамій обратился къ хитрости, которою и достигъ желаннаго успѣха. Въ одинъ день онъ самъ вышелъ изъ своего затвора, досталъ себѣ верхового коня, добылъ воинскіе доспѣхи, «во образъ воинскій оболкся» и поѣхалъ верхомъ въ ту же самую гостиницу, гдѣ веселились съ женщинами военные, къ которымъ ушла изъ затвора его племянница. Переодѣтый воиномъ, затворникъ держалъ себя въ гостиницѣ такъ искусно, что никто его не узналъ, и даже не заподозрилъ, что это затворникъ, а всѣ сочли его за настоящаго военнаго. Даже и племянница его не узнала, а онъ, увидя это, самъ притворился разбитнымъ гулякой и сталъ звать неузнающую его дѣвушку, чтобъ она шла съ нимъ отсюда препроводить дальнѣйшее время, за что Авраамій обѣщалъ ей дать по обычаю «даръ». Молодая дѣвушка, еще недавно только пустившаяся въ гулевую жизнь, ничего хитростнаго не подозрѣвала и ушла съ Авраміемъ изъ гостиницы, въ полномъ убѣжденіи, что ей сопутствуетъ настоящій воинъ. А когда они остались вдвоемъ, тогда Авраамій ей себя обнаружилъ и укорилъ ее, и ужъ на свободу не выпустилъ, а посадилъ опять «въ малу хлевину», гдѣ она, послѣ долгихъ стенаній и плача, «покаялась, а послѣжди, чудеса творяше, скоро почила».

4) *Октября 29.* Была женщина Анна, которой хотѣлось спасти себя, живучи въ мужскихъ монастыряхъ. Она назвала себя Ефимьяномъ и стала жить съ монахами. Бороды у нея не росло, но это никого не соблазняло: монахи все думали, что Ефимьянъ — скопецъ, и нимало этимъ не смущались. Но одинъ изъ монаховъ того монастыря на свое несчастіе былъ «воображенникъ». Ему непремѣнно хотѣлось дознаться: отчего у Ефимьяна не растетъ борода? Къ этому еще прибавилось и искушеніе: невдалекѣ отъ ихъ монастыря жила женщина, которая знала тайну Ефимьяна

и притомъ была болтлива; она сказала «воображеннику»:

— Это не скопецъ, а *жена-безстрастница*!

(Сказавшая сама сейчасъ же и исчезла).

А «воображеннику» съ этой поры вступило въ голову во что бы то ни было «подсмотрѣть Ефимьяна».

Онъ объ этомъ и началъ стараться, «тщашася низринути Ефимьяна» и «сотвори сіе, но бысть божественною силой до полу-сухъ». Анна же «бѣжаше отъ соблазненія, имѣя съ собой точію два монаха».

5) *Февраля 9.* Братъ нѣкій жилъ въ скитѣ, не видя ни одной женщины, но врагъ «вложи ему въ память нѣкія жены прекрасны». Воспоминаніе о женской красотѣ ужасно безпокоило скитника. Одинъ разъ пришелъ къ нему другой братъ и началъ разсказывать, что̀ случилось въ мірѣ новаго, и упомянулъ, что красавица, которая нравилась брату, умерла. Тогда этотъ несчастный, какъ дождался ночи, взялъ свой «лентій» и побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ, по разсказу, похоронили красавицу. Тутъ онъ разрылъ ея могилу, открылъ гробъ и «потре гной ея лентіемъ и возвратися, имѣя при себѣ смрадъ той». И это его исцѣлило. Когда ему приходило на умъ, какъ эта женщина была прекрасна, онъ доставалъ этотъ «смрадъ» и, «полагая его предъ собой», говорилъ: «вотъ то, что отъ всякой красоты остается».

6) *Марта 18.* Данило Египтянинъ исцѣлялъ женщинъ отъ неплодства. Одинъ молодой мужъ пришелъ къ нему съ просьбой, чтобъ онъ посѣтилъ его домъ и помолился надъ его женой, которая не рождаетъ. Старецъ пошелъ по приглашенію мужа, и съ того случая молодая женщина «Богу изволившу зачатъ во чревѣ». Мужъ былъ очень радъ и доволенъ, но сосѣди стали смѣяться ему и говорить, будто все чудо въ томъ заключается, что жена его естественно затяжелѣла отъ старца Данилы. Когда это дошло до Данилы, онъ позвалъ къ себѣ смущеннаго молодого супруга и сказалъ ему: «когда у тебя родится дитя, собери всѣхъ родственниковъ на обѣдъ, и я тогда тоже приду къ тебѣ, и все дѣло разъяснится». Молодой человѣкъ

такъ и сдѣлалъ, какъ сказалъ ему помогательный старецъ: на двадцатый день по разрѣшеніи беременности его жены, онъ собралъ къ себѣ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Пришелъ и Даніилъ, и когда всѣ сѣли за столъ, старецъ взялъ на руки новорожденное дитя и спросилъ его: «кто твой отецъ?» Двадцатидневное дитя протянуло ручку и, указывая пальчикомъ на молодого супруга, проговорило: «вотъ кто».

7) *Марта 17.* Два брата жили въ пустынѣ и, сильно между собою подружившись, дали обѣтъ никогда не оставлять другъ друга, «не точію въ жизни, но и по смерти».

Но вдругъ одинъ изъ нихъ «нача ратоваться отъ бѣса». Бѣсъ навелъ на него такую неодолимую скуку, что обуеваемый «не возмогъ стерпѣть» и сказалъ брату своему: «Отпусти меня въ людное мѣсто; я не могу здѣсь терпѣть — хочу жить, какъ всѣ, и веселиться».

Благоразумный братъ употребилъ всѣ усилія уговорить несчастнаго, чтобъ онъ возобладалъ надъ страстью и не губилъ столькихъ лѣтъ прожитой въ чистотѣ жизни; но тотъ никакъ не могъ совладать съ собою и стоялъ на своемъ, что ему надо уйти веселиться.

— Но какъ же мнѣ быть въ такомъ случаѣ?—спросилъ благоразумный братъ. — Вѣдь вотъ ты помнишь, я далъ обѣтъ никогда съ тобою не разставаться!.. Какъ же мнѣ быть теперь, когда ты стремишься къ распутству, въ которое я себя допустить не желаю?

— А ужъ мнѣ до этого теперь никакой заботы нѣтъ,— отвѣчалъ страстью уязвленный братъ. — Поступай, какъ знаешь, но я ни для чего остановиться не могу: я, какъ сказалъ, такъ и пойду искать утѣшительной жизни, а ты оставайся въ пустынѣ; но, впрочемъ,—добавилъ онъ,—если ты хочешь при мнѣ быть, то, пожалуй, иди со мною въ городъ и повеселимся вмѣстѣ. А можетъ-быть, мнѣ тамъ и недолго понравится, и я скоро очувствуюсь—тогда, можетъ-быть, я и возвращусь съ тобою опять сюда же.

Благоразумный братъ подумалъ: «что за несчастіе съ человѣкомъ содѣялось? Совсѣмъ омраченъ онъ, и можно ли от-

пустить его одного въ такомъ омраченіи? Одинъ онъ непремѣнно попадетъ въ компанію распутниковъ, сродную нынѣшнему его одержимому настроенію, и онъ къ нимъ такъ прилѣпится, что погибнетъ невозвратно, а надо лучше не выпускать его изъ глазъ и ждать въ немъ перемѣны отъ времени».

«Да, — разсудилъ благоразумный, — пусть лучше я самъ приближусь къ соблазну, но не оставлю человѣка совсѣмъ ослабѣвшаго. Нѣтъ, не покину его,—пойду съ нимъ и буду ждать, когда умъ и чувства его опять придутъ въ свѣтлое состояніе».

Всталъ благоразумный братъ и пошелъ въ городъ вмѣстѣ съ страстнымъ братомъ.

Идти имъ было трудно, ибо путь былъ не малъ, а страстный «бѣжа скоро», и какъ пришелъ въ городъ, — сейчасъ же «скочи въ огражденіе садовное», откуда неслися «плесканья и пѣсни», и видѣлись женскія лица и плещи. А благоразумный братъ сѣлъ на пыльной дорожкѣ предъ этимъ «огражденіемъ», набралъ горстями земляной пыли, зарыдалъ и сталъ насыпать себѣ пыль на голову.

Люди, проходя, спрашивали его: о чемъ онъ плачетъ? А онъ имъ отвѣчалъ по правдѣ: «Любимый братъ мой, долго жившій чистою жизнью, вошелъ вотъ туда, въ садовное огражденіе». Люди надъ нимъ смѣялись, говорили: «Что же тебѣ? Иди и ты туда же и повеселись тамъ вмѣстѣ со всѣми съ нами». И сами туда же входили, а благоразумный братъ все сидѣлъ въ пыли и все плакалъ.

Такъ прошла цѣлая ночь, а братъ, «вскочившій въ огражденіе», все еще не выходилъ оттуда, пока на небѣ засвѣтился новый день, и тогда вывалила изъ «огражденія» большая толпа мужчинъ и всѣ шумѣли и ссорились, и въ ихъ-то безпорядочномъ обществѣ находился страстный братъ, съ блѣднымъ лицомъ, помятыми волосами и угасшимъ взоромъ. И чуть только страстный братъ вышелъ,—благоразумный братъ вскочилъ и бросился къ нему съ радостію и заговорилъ:

— Для чего ты такъ долго тамъ оставался! насилу я тебя дождался! хорошо, что ты наконецъ вышелъ: конечно, ты видишь теперь, какъ это гадко и можетъ тебя погубить. Пойдемъ скорѣе отсюда назадъ въ нашу пустыню!

— Ахъ, отстань ты, пожалуйста! — отвѣчалъ страстный братъ.—Это совсѣмъ не такъ гадко, какъ ты воображаешь. Мнѣ тамъ, напротивъ, очень понравилось, и я ни за что теперь не пойду въ пустыню, а ты, если хочешь, уходи. Я тебѣ не препятствую.

Какъ благоразумный братъ ни уговаривалъ страстнаго—все оказалось безуспѣшно: страстному такъ понравилось въ «огражденіи садовнѣмъ», что онъ совсѣмъ пришелъ въ изступленіе и уже не боялся ни суда Божія, ни вѣчныхъ мукъ, и ни за что не хотѣлъ возвращаться съ благоразумнымъ въ пустыню. Онъ слушалъ благоразумнаго молча, а самъ въ себѣ только и помышлялъ о томъ, чтобы какъ-нибудь поскорѣе скоротать день, а потомъ опять попасть въ огражденіе, объ удовольствіяхъ котораго онъ чѣмъ больше думалъ, тѣмъ бо̀льшую къ нимъ чувствовалъ несытость.

Видя такое страшное изступленіе несчастнаго, благоразумный братъ пересталъ его и уговаривать идти въ пустыню, но опять сталъ вопрошать самого себя: можно ли ему оставить друга и брата въ такомъ неистовствѣ? и, обдумавъ дѣло съ разныхъ сторонъ, благоразумный братъ увидалъ, что тотъ безъ него тутъ и погибнетъ въ безпутствѣ, и рѣшилъ самъ съ нимъ оставаться, пока надъ тѣмъ пройдетъ это «обладаніе».

Но чтобы жить въ городѣ и при томъ еще веселиться въ «огражденіи», надо было имѣть деньги, а у пустынныхъ братьевъ запасныхъ денегъ не было, и вотъ они стали оба наниматься на работы. И оба работали во всю силу, какъ благоразумный, такъ и страстный, а вечеромъ страстный братъ забиралъ себѣ свой заработокъ, и заработокъ своего благоразумнаго брата, и ночью все это истрачивалъ на свои удовольствія въ «огражденіи». Благоразумный же братъ не жалѣлъ этого и о деньгахъ своихъ со страстнымъ

не спорилъ; но онъ жалѣлъ его, что тотъ такъ нравственно палъ и всякій день все глубже и глубже погружается въ смрадное болото порока, о которомъ благоразумный братъ самъ не имѣлъ никакого познанія и изумлялся силѣ грѣха, такъ страшно возобладавшаго надъ братомъ. Но при всемъ этомъ онъ вѣрилъ, что любовь его какъ-нибудь спасетъ одержимаго, и когда страстный входилъ въ «огражденіе», благоразумный садился при дорожкѣ противъ этого «ограженія», насыпалъ себѣ на голову дорожной пыли и горестно плакалъ. Страстный это видѣлъ, но не останавливался и скорой стопою уходилъ внутрь «огражденія».

Такъ каждую ночь—одинъ гулялъ, а другой оплакивалъ его безуміе.

Днемъ братья между собою уже не говорили, а становились на работу молча и уходили молча, и благоразумный братъ никогда болѣе не укорялъ страстнаго. И это, наконецъ, такъ тронуло страстника, что тотъ однажды бросился благоразумному въ ноги и воскликнулъ:

— Братъ мой любимый! Ты уязвилъ своимъ терпѣніемъ душу мою! возьми меня въ свою власть и сдѣлай со мною, что хочешь! Я не хочу оставаться такимъ, какимъ сдѣлался, но не могу собой править.

Тогда благоразумный братъ сейчасъ же поступилъ какъ почиталъ за лучшее: онъ взялъ страстнаго прямо отъ воротъ «ограженія», гдѣ съ тѣмъ произошелъ спасительный переломъ, и увелъ его изъ города въ пустыню и «тако пріобрѣлъ себѣ брата своего».

Видѣвъ же безумную страстность несчастнаго, благоразумный братъ и въ пустынѣ не оставилъ его на жертву его собственной волѣ, а заключилъ его въ тѣсную пещерку, гдѣ тотъ черезъ малое время много преуспѣлъ и скончался».

8) *Апрѣля 15.* Два монаха, живя вмѣстѣ, вдругъ оба наскучили одиночествомъ и пошли въ городъ. Тамъ они сейчасъ же взяли себѣ двухъ женщинъ и устроились такъ, чтобы жить съ этими подружіями, а обѣты свои оставили.

Но скоро они увидали, что жить съ женщинами совсѣмъ не такъ легко, какъ они ожидали, а что это довольно хлопотливо, что женщины требуютъ себѣ того и другого, и по добру хорошихъ внушеній не слушаются, а надо ихъ много усовѣщивать и понуждать къ покорности, а черезъ то отъ совмѣстнаго сожительства съ ними получается не столько удовольствія и радостей, сколько безпрестанныхъ досажденій. Монахи нашли, что имъ не совладать съ семейнымъ житьемъ, и опять сговорились другъ съ другомъ покинуть взятыхъ женщинъ и убѣжали отъ нихъ назадъ въ монастырь, и тамъ разсказали про все, что съ ними было во время ихъ блужденія, и принесли покаяніе. Старшіе ихъ приняли и посадили въ затворъ и оставили каяться, а когда минуло время ихъ наказанія, то пришли на нихъ посмотрѣть, и увидѣли, что заключеніе оказало на нихъ совершенно различное вліяніе: одинъ согрѣшившій монахъ весь исхудалъ и истомился, а другой, напротивъ, былъ тѣломъ бодръ и лицомъ веселъ. Спросили исхудавшаго: «что тебѣ быть?» Онъ отвѣчалъ: «Кость моя прильпе къ гортани, егда вспоминаю, что̀ сотворихъ». Тогда спросили о томъ же бодраго, а тотъ отвѣчалъ: «я все радуюсь, отъ какой бѣды меня Господь спасъ».

Старцы обсудили оба отвѣта и нашли, что «оба брата пришли равно въ хорошее понятіе».

9) *Мая 1.* Два брата, живучи въ скитѣ, занимались искуснымъ рукодѣліемъ, и одинъ разъ, наготовивъ работъ, пошли оба въ городъ, чтобы продать свои произведенія. Тутъ они, какъ только вступили въ городскія ворота, сейчасъ же и разошлись въ разныя стороны: одинъ пошелъ въ улицу, которая шла отъ воротъ направо, а другой—въ улицу, которая шла влѣво. И весь день они другъ друга не видѣли. Когда же настало уговоренное время, чтобъ имъ сойтись въ условленномъ мѣстѣ и идти назадъ въ скитъ, братъ, пошедшій влѣво, сказалъ другому, пошедшему вправо:

— Знаешь ли, со мною случилось нѣчто такое, послѣ чего я уже не могу идти назадъ въ скитъ.

— Что же это такое съ тобою случилось? — вопросилъ второй братъ.

— А то, что когда мы съ тобою разстались, то я встрѣтилъ очень красивую женщину и поддался соблазнительному влеченію, и вотъ мой обѣтъ цѣломудрія мною нарушенъ.

— Это очень дурно,—отвѣчалъ другой братъ,—но ужъ если это случилось, то тѣмъ скорѣе должно тебѣ спѣшить отсюда въ нашу пустыню.

— Нѣтъ, братъ возлюбленный,—отвѣчалъ падшій: — я уже не рѣшусь теперь оскорбить наше чистое жилище своимъ присутствіемъ.

Братъ же, ходившій въ улицу направо, еще настойчивѣе звалъ его скорѣе идти въ пустыню и самъ тянулъ его за руку; но падшій не шелъ и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, тебѣ самому будетъ тяжело со мною. Ты — чистый.

Тогда второй братъ «помысли мало и отвѣща»:

— Не сокрушайся о томъ, что мнѣ будетъ тяжело въ твоемъ присутствіи, ибо когда мы съ тобою сегодня разстались и ты пошелъ налѣво, а я понесъ свои рукодѣлья направо, то со мною въ правой сторонѣ города случилось какъ разъ то же самое, что̀ случилось съ тобой въ лѣвой.

Тогда первый братъ ободрился и воскликнулъ:

— Значитъ, мы равны!

— Да, оба мы равны, ибо оба пали.

— Что же мы теперь сотворимъ далѣе?

— Пойдемъ оба, какъ равные, вмѣстѣ въ свой скитъ и оба вмѣстѣ покаемся старцамъ.

— А что же намъ будетъ отъ старцевъ?

— А ужъ что̀ будетъ, то будетъ одинаково, что одному, то и другому. Не робѣй—перенесемъ вмѣстѣ по заслугамъ нашимъ, а какъ я старше тебя, то вѣрно мнѣ сдѣлаютъ наказаніе строжайшее, а тебя, младшаго, — накажутъ полегче.

Братъ, ходившій влѣво, «умилился» и пошелъ въ скитъ. Тамъ съ ними вышло, какъ говорилъ второй братъ, кото-

рый собственно не былъ грѣшенъ, но только сказалъ на себя грѣхъ для того, чтобы поддержать духъ падшаго брата, и тѣмъ не допустилъ его до отчаянія.

10) *Мая 21.* Одинъ братъ вышелъ изъ скита на рѣку, чтобы почерпнуть воды, и вдругъ замѣтилъ тамъ на берегу «жену перущу ризы», то-есть прачку, моющую одежды, и «прилучися брату пàсти съ нею». По совершеніи же этого грѣха, братъ зачерпнулъ воды и понесъ водоносъ въ скитъ свой; но его облѣпили бѣсы и стали кричать ему въ уши: «Чего идешь въ скитъ! Тебѣ тамъ теперь ужъ не мѣсто; оставайся теперь съ прачкой!»

Братъ этимъ очень смутился, но сейчасъ же понялъ, что бѣсы этакъ хотятъ совсѣмъ отбить его отъ пути спасенія, и сказалъ:

— Чего вы ко мнѣ вяжетесь и для чего мнѣ досаждаете! Я не хочу отчаяваться.

И съ тѣмъ онъ пришелъ въ свою келью и «безмолвствовалъ», но согрѣшеніе его открылось одному старцу. Тогда братъ покаялся и разсказалъ, что онъ скрывалъ свой грѣхъ, боясь, какъ бы не впасть въ отчаяніе.—Старецъ похвалилъ его «разсужденіе».

11) *Мая 24.* Одинъ старецъ, проведя всю жизнь въ скитѣ, пошелъ разъ въ Александрію продать свое рукодѣліе и тамъ увидѣлъ, какъ одинъ монахъ входитъ въ корчму. Пустынникъ сѣлъ противъ двери, въ которую вошелъ александрійскій монахъ, и сталъ дожидаться, пока тотъ выйдетъ. Когда же монахъ черезъ нѣкоторое время показался на порогѣ, скитникъ бросился къ нему, обхватилъ его руками и, удерживая его, сталъ говорить:

— Что̀ ты, несчастный, дѣлаешь? Или ты не вѣдаешь, что носишь ангельскій чинъ? Зачѣмъ же ты лѣзешь во вражьи сѣти, для чего входишь въ корчемницу, гдѣ сходятся неподобные мужи и женщины? Молю тебя, бѣги къ намъ въ пустыню, — тамъ ты спасешься.

Молодой же городской монахъ отвелъ руки скитника и сказалъ ему:

— Иди себѣ, калугере, — Богъ ничего не ищетъ кромѣ чистаго сердца.

Старецъ «воздвигъ руки къ небу» и сказалъ:

«— Я въ пустынѣ не стяжалъ чистаго сердца, а сей ходящій въ корчемницы стяжалъ».

12) *Іюня 3.* Встрѣтилъ отецъ Пафнутій въ пустынѣ нагого человѣка, закрывавшагося своими волосами, и сталъ его разспрашивать объ его прежнемъ житьѣ. Нагой человѣкъ сказалъ, что онъ жилъ сначала въ монастырѣ и былъ ткачомъ, но наконецъ ему не понравилось жить въ монастырѣ, а вздумалось, что лучше жить одному: «я такъ и сдѣлалъ, и сталъ работать и жить очень хорошо»; но это шло только «пока позавидовалъ мнѣ дьяволъ. Попросила меня одна черноризица устроить ей полотно. Я сдѣлалъ. Она попросила устроить другое. Я сдѣлалъ и другое, и яко уже свычай ми бысть съ нею и часъ съ часу дерзновеніе большое, то она зачемши родила беззаконіе». Тогда нашло на него раскаяніе, и онъ, бросивъ черноризицу, бѣжалъ въ пустыню, гдѣ Пафнутій и встрѣтилъ его нагого.

Пафнутій съ нимъ разговорился и спросилъ:

— Что же, я думаю, сначала-то тебѣ здѣсь и тяжело было?

— «Вельми изнемогахъ, — отвѣчалъ нагой, — и лежахъ въ пещерѣ въ тузѣ и въ страсти». Опять хотѣлось ему возвратиться «къ черноризицѣ», но «пришелъ нѣкій мужъ, какъ бы ножомъ изрѣзалъ всю мою утробу, очистилъ ее и опять вложилъ, и руками замазалъ,—и съ той поры туга и страсть остависта мя».

13) *Іюня 20.* Жилъ въ дальней пустынѣ одинъ благочестивый старецъ и имѣлъ близкую родственницу, оставшуюся въ мірѣ. Долго они не видались, но вдругъ этой женщинѣ какъ-то соскучилось и захотѣлось сходить навѣстить своего родственника. При этомъ женщина не имѣла никакого дурного умысла, а только хотѣла узнать чисто по родственному: живъ ли пустынникъ, или онъ уже умеръ; если же онъ живъ, то она хотѣла побесѣдовать съ нимъ о

божественномъ и чѣмъ-нибудь послужить ему по силамъ своимъ. Плутала она долго по пустынѣ, пока встрѣтила «камиларя», или пастуха, который пасъ верблюдовъ. Женщина разсказала ему, кого она ищетъ. Пастухъ верблюжій зналъ пустынника и показалъ ей, какъ найти его пещерку, которая была тутъ же неподалеку. Женщина разыскала своего родственника. Онъ ее уже не могъ узнать, но она сказала ему, что «сродница твоя есмь». Тогда пустынникъ ее принялъ. Потомъ они стали съ нимъ бесѣдовать; но «егда пріиде ночь», то старецъ «преступи съ ней свой обѣтъ цѣломудрія». Это сейчасъ сдѣлалось извѣстно необычайнымъ случаемъ. Въ этой же самой пустынѣ, на нѣкоторомъ разстояніи, жилъ другой старецъ, который нимало не интересовался тѣмъ, что́ произошло у сосѣдняго старца; но онъ пошелъ почерпнуть воды, и только-что погрузилъ свою чашу въ воду, какъ «чаша перевернулась». Старецъ удивился, потому что до этого случая чаша у него никогда не переворачивалась. Онъ второй разъ зачерпнулъ чашу, но чуть ее поставилъ, какъ она опять перевернулась.

Тогда пустынникъ подумалъ:

«Вѣрно это по усмотрѣнію Божію».

А такъ какъ онъ въ одиночествѣ никакъ не могъ себѣ разъяснить, къ чему ему давалось такое знаменіе, то онъ, не теряя времени, пошелъ къ другому пустыннику, спасавшемуся въ той же пустынѣ, но въ другомъ мѣстѣ.

«Пойду и разскажу ему, — думалъ старецъ, — и вдвоемъ съ нимъ мы это лучше обсудимъ».

А старецъ, къ которому онъ собирался идти, какъ разъ и былъ тотъ самый, у котораго въ это время гостила родственница.

Пошелъ къ нему пустынникъ на совѣщаніе, но въ одинъ день не дошелъ, а заночевалъ дорогой подъ стѣнами идольскаго капища и тутъ обо всемъ узналъ. Случилось такъ, что въ этомъ капищѣ именно въ ту ночь собрались бѣсы и въ чрезвычайной радости завели шумное торжество, и

стали хвастать, что соблазнили одного извѣстнаго и опытнаго пустынника, при чемъ не разъ называли соблазненнаго и по имени.

Это былъ какъ разъ тотъ, къ кому шелъ путешествующій. Но путникъ хотя и смутился этимъ, однако все-таки пришелъ къ тому, который палъ во грѣхъ съ родственницей, и, поздоровавшись, спросилъ у него:

«— Что̀ убо сотворю, отче,—егда наполню чашу мою водой и она во время снѣденія превращается?»

А тотъ посмотрѣлъ на него и вмѣсто отвѣта самъ предложилъ вопросъ:

«— А что́ убо азъ сотворю, яко азъ впадохъ въ блудъ?»

— Да, я это уже знаю, — отвѣчалъ гость: — я слышалъ объ этомъ «въ церкви идольстей».

Тогда преступившій обѣдъ цѣломудрія старецъ, какъ только услыхалъ, что о немъ даже дьяволы говорятъ, вскочилъ и отчаянно закричалъ:

— Ну, если это такъ, то тогда ужъ все равно — я брошу пустыню и пойду въ міръ!

Но тотъ братъ, у котораго чаша переворачивалась, отговорилъ его отъ этого, а присовѣтовалъ прогнать только отъ себя родственницу.

«Старецъ послушался и исправилъ житіе свое».

14) *Іюня 27.* Отцы Даніилъ и Палладій, придя въ Александрію, встрѣтили молодого монаха, выходящаго изъ бань. Имъ это показалось подозрительно и непристойно, и они ему это сказали, а тотъ, вмѣсто того, чтобы покаяться, отвѣчалъ имъ: «не судите и не судимы будете» Старцы попросили у него прощенія, но скорбѣли о немъ, потому что видѣли, какъ около него вертятся два мурина. Спустя же нѣкоторое время они узнали, что этотъ молодой красавецъ-монахъ пришелъ въ Александрію изъ Константинополя и вступилъ въ связь съ «женой эпарха», а слуги эпарха изловили его и, желая сдѣлать евнухомъ, такъ его изуродовали, что онъ чрезъ три дня умеръ, «и бысть всѣмъ мнихомъ поруганіе и урокъ».

15) *Іюля 22.* Жилъ въ одномъ скитѣ многолѣтній старецъ и ослабѣлъ силами. Трудъ, который онъ до сего времени исполнялъ, пришлось разложить на другихъ. Это старика очень стѣсняло, и чтобы не ѣсть даромъ хлѣба, онъ рѣшился уйти въ Египетъ. Тамъ же жилъ съ нимъ въ скитѣ другой старецъ, Моисей, который ранѣе бывалъ въ Египтѣ и вообще былъ человѣкъ очень опытный; онъ сказалъ старцу: «не ходи въ Египетъ,—тамъ много женщинъ, и ты соблазнишься».

А старецъ этому не повѣрилъ и даже обидѣлся.

— Что ты мнѣ несообразное говоришь!—возразилъ онъ Моисею.—Ты бы долженъ постыдиться даже вспоминать мнѣ объ этомъ! Или ты не видишь, какъ я старъ, и все тѣло мое уже одряхлѣло и умерло!

Моисей же все стоялъ на своемъ и говорилъ, что какъ человѣкъ ни будь старъ, но, пока онъ живъ, ему, все равно, не безопасно побывать въ Египтѣ.

Старецъ такъ разсердился, что назвалъ Моисея нескромнымъ и соблазнительнымъ, а самъ сейчасъ же всталъ и ушелъ отъ него въ Египетъ. Слава же этого старца была столь велика, что его уже и въ Египтѣ знали, и объ его замѣчательной жизни разсказывали другъ другу. А потому, какъ только старецъ появился въ Египтѣ, такъ и стали приходить къ нему разные люди за духовными наставленіями и исцѣленіями. И сначала все шло очень хорошо, но одинъ разъ «пріиде также по вѣрѣ Божіи послужити ему и нѣкая дѣва». Она была чѣмъ-то неисцѣлимо больна, «но по лѣтѣ единемъ старецъ исцѣли ее и впадъ съ нею въ грѣхъ и она явися непраздна». Люди, приходящіе къ старцу, стали замѣчать особенное положеніе дѣвушки и начали говорить объ этомъ различно. «А простая же чадь прямо вопроси ее: откуда се имаши?» Дѣвушка отвѣчала имъ: «отъ старца». Одни ей вѣрили, а другіе не вѣрили, ибо «бѣ той старецъ вельми многолѣтенъ». Но старецъ, услыхавъ эти разногласія, самъ подтвердилъ слова дѣвушки. Онъ сказалъ: «се азъ сотворихъ сіе, и вы сохра-

ните отроча рождающееся». «И ради просьбы его бысть родшееся отроча отдоено». Спустя же нѣкоторое время въ скитѣ былъ праздникъ и собралось много народа, и тогда посреди толпы вдругъ появился оный старецъ, «нося на рамѣ своемъ отроча отдоенное», и вошелъ въ церковь и, оборотясь къ скитникамъ, сказалъ: «Видите ли это дитя? Это есть плодъ моего непослушанія. Берегите себя отъ этого, потому что ежели такое дѣло могло случиться со мною, при моей старости, то тѣмъ легче это можетъ случиться со всякимъ въ молодости».

«И видѣвшіе это всѣ заплакали».

16) *Іюля 25.* Въ одномъ египетскомъ монастырѣ былъ знаменитый «славный» дьяконъ. Случилось, что мѣстный князь той страны преслѣдовалъ одного простолюдина, у котораго была очень красивая жена. Преслѣдуемый, укрываясь отъ князя, прибѣжалъ съ семьей въ монастырь, чтобы здѣсь сохранили его жену отъ страстныхъ преслѣдованій неистоваго князя. Монахи пріютили супруговъ, но мужъ отъ этого ничего не выигралъ, ибо тутъ «удариста во дьякона непріязненныя силы вражія», и съ женой простолюдина таки-случилось то самое, чѣмъ угрожало ей неистовство князя. Дьяконъ, замѣнившій князя, былъ изобличенъ и пристыженъ, и его опредѣлили «погребсти живаго въ темницу», и такъ и сдѣлали. Дьяконъ долго оставался замурованный; но въ краѣ томъ настала продолжительная засуха, и сколько ни молились о ниспосланіи съ неба дождя,—дождя все не было. Тогда явлено было одному старцу, что надо «извести наружу и поставить къ служенію сокрытаго славнаго дьякона». Сдѣлали по этому внушенію, и когда размуровали затворъ «и дьяконъ, изшедъ и вземши санъ свой», началъ молебствовать—«сошелъ дождь на землю».

17) *Августа 12.* Въ царствованіе Леона, царя константинопольскаго, жилъ одинъ очень славный и богатый человѣкъ, который при томъ былъ и чрезвычайно добръ, но въ то же время былъ и большой грѣшникъ. Онъ имѣлъ неодо-

лимое влеченіе къ красѣ женщинъ и находился въ постоянномъ съ ними обращеніи, и такъ къ этому привыкъ, что каковъ былъ съ смолоду—точно такимъ же оставался и въ старости, — «занеже устарѣся въ немъ той злой обычай». Въ такомъ страстномъ обдержаніи этотъ именитый и добрый человѣкъ и умеръ. При погребеніи его, у патріарха Гермогена и епископовъ, а также и у мірскихъ знатныхъ лицъ въ Византіи, возникло огромное недоумѣніе: какъ почитать этого усопшаго, за праведника или за грѣшника, и въ какомъ мѣстѣ онъ долженъ быть помѣщенъ послѣ смерти, то-есть въ раю ли съ праведниками,—чего онъ былъ достоинъ по свойствамъ своей доброй души, или въ аду съ грѣшниками, куда ему слѣдовало идти за свой любострастный «обычай». Долго объ этомъ разсуждали важнѣйшіе духовные люди въ Византіи и никакъ не могли придти къ рѣшенію. Тогда захотѣли вопросить Небо, и патріархъ Гермогенъ повелѣлъ всѣмъ монастырямъ и затворникамъ молиться, чтобы «явлено было о человѣкѣ семъ пользы ради человѣческія». И Небо отвѣтило: открыто было нѣкоторому затворнику слѣдующее: «видѣлъ онъ *мѣсто нѣкое*, имущее одесную рай, а ошую езеро огненное, и между ближняго рая и страшнаго пламени стояше привязанъ умершій мужъ и злѣ стенаше, позирая на рай. А ангелъ Господень говорилъ ему: «напрасно, человѣче, стонеши, ибо ради милосердія твоего избавленъ еси отъ муки,—за скверну же любострастія лишенъ рая».

Прослѣдованное нами въ семнадцати «прилогахъ» ясно показываетъ, что изъ тридцати пяти случаевъ, гдѣ имѣетъ мѣсто любовный соблазнъ, — въ семнадцати случаяхъ женщины Пролога не обнаруживаютъ никакого обольстительнаго коварства для совращенія мужчинъ, а напротивъ, мужчины сами увлекаются въ эту сторону съ чрезвычайною неразборчивостью и легкостью.

Этимъ кончается первая категорія женскихъ лицъ, за которою слѣдуютъ другія, представляющія собою характеры болѣе сложные и болѣе интересные.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прямыми соблазнительницами женщины Пролога являются въ слѣдующихъ исторіяхъ:

18) (1) *Октября 7.* Въ Александріи былъ славный художникъ, дѣлавшій необыкновенно изящныя вещи изъ серебра и золота. Его звали Зенонъ (въ Прологѣ онъ называется «златокѹзнецъ»). Онъ былъ потаенный христіанинъ. По художеству его ему нигдѣ не было равнаго. Самыя именитыя женщины роскошнаго города наперебой непремѣнно хотѣли имѣть украшенія, сдѣланныя этимъ искуснымъ мастеромъ, а Зенонъ не успѣвалъ исполнять всѣхъ дѣлаемыхъ ему заказовъ. Богатыя щеголихи Александріи шли наперебой одна передъ другой и платили очень дорого, чтобы перещеголять другъ друга, но только и это не помогало. Тогда въ Александрію пріѣхала изъ Антіохіи одна молодая красавица, необычайно своенравнаго и настойчиваго характера. Она имѣла привычку ни предъ чѣмъ не останавливаться для достиженія своей самомалѣйшей цѣли, а цѣль ея въ Александріи была превзойти здѣсь своею пышностью всѣхъ александрійскихъ женщинъ. Имя ея было Нефорисъ или Нефора. Вся Антіохія знала ее, какъ самую первую красавицу, затмевавшую собою всѣхъ иныхъ въ рощѣ Дафны. Она захотѣла во что бы то ни стало имѣть «головную утварь на красоту своего тѣла» и не послала звать къ себѣ художника, потому что знала, что Зенонъ откажется, а она взяла золото и драгоцѣнные камни и сама пошла къ нему и стала его «умолять»—сдѣлать для нея такое головное украшеніе, которое какъ можно болѣе шло бы къ ней и еще сильнѣе возвысило «красоту ея изящнаго тѣла».

Зенонъ, удаляясь отъ шума, жилъ за городомъ въ красивой мѣстности, до которой было довольно далеко. Нефора шла сначала тѣнистою аллеей, по которой ей встрѣчались рабы, несшіе въ паланкинахъ женщинъ, и съ грохотомъ

проѣзжали колесницы на коняхъ съ подстриженными гривами; потомъ путь становился безлюднѣе и тише. Отъ аллеи начинались мелкіе свертки по тропинкамъ въ удолья, утонувшія въ рощахъ. У одного изъ этихъ сверстковъ подъ вѣтвистымъ деревомъ сидѣлъ старикъ и кормилъ своего верблюда. Нефора спросила его, гдѣ живетъ Зенонъ златокузнецъ. Онъ ей указалъ на поляну, гдѣ зрѣли ароматныя дыни, межъ сирени, жасминовъ и розъ, а сзади катился ручей и за нимъ въ чащѣ кустовъ стоялъ бѣлый домикъ. Вокругъ было тихо—только черные дрозды сидѣли на бѣломъ карнизѣ и пѣли. Дверей не было видно. Нефора ударила три раза въ стѣну—и передъ ней раздвинулась панель и ее встрѣтилъ Зенонъ.

Онъ былъ пораженъ и недоволенъ ея посѣщеніемъ, но принялъ ее въ свою мастерскую. Это была большая квадратная комната безъ оконъ,—свѣтъ проникалъ въ нее черезъ потолокъ, сквозь фіолетовую слюду, отчего всѣ вещи казались обвитыми какою-то тонкою дымкой. Посерединѣ комнаты стоялъ бронзовый ибисъ и изъ его клюва струилась свѣжая вода; въ углахъ помѣщались обширные тазы, въ которыхъ росъ златоглавый мускусъ и напоялъ всю атмосферу своимъ запахомъ. Всѣ стѣны были покрыты художественными произведеніями искусства. Здѣсь были и Аписъ, и фараоновы кони, и шесты, и посуда.

Застигнутый дома врасплохъ, «златокузнецъ» не могъ отдѣлаться отъ этой бойкой и настойчивой гостьи и сталъ съ ней разговаривать, невольно замѣчая, что она чрезвычайно красива и одѣта къ лицу, такъ что красота ея выдается еще ярче. Чернокудрая голова ея была покрыта широкимъ и тонкимъ полосатымъ кефье, мягкія складки котораго облегали, какъ воздухъ, ея черносинія кудри. Кефье перевязано было желтымъ шнуромъ. Ея уши, руки и пальцы были украшены серьгами, кольцами и браслетами, а на шеѣ было золотое ожерелье изъ множества тонкихъ цѣпочекъ и на концѣ каждой изъ нихъ дрожали жемчужные перлы. Рѣсницы ея были подведены, а концы паль-

цевъ подрумянены и тонкіе ногти отливали радужнымъ перламутромъ. На поясѣ ея, который обхватывалъ пріятнаго сѣраго цвѣта тунику съ красною каймой, висѣло маленькое зеркальце и такой же маленькій сосудъ съ пахучею индійскою эссенціей.

Она сѣла, не ожидая приглашенія хозяина, поглядѣлась въ свое зеркало, прыснула на себя и передъ собою духами и пригласила художника, чтобъ онъ помогъ ей обсуждать: какъ ей можно еще «пріумножить ея красоту». И когда увидала, что онъ растерялся, то дабы не дать ему опомниться и сразу преклонить его на свою сторону и получить отъ него такую изящную «утварь», какой нѣтъ ни у какой другой именитой женщины во всей Александріи, она стала прельщать его своею красотой, съ намѣреніемъ довести это до крайняго результата. «Тогда, — думала она, — онъ, какъ любовницѣ своей, сдѣлаетъ для меня уборъ всѣхъ лучше, а вреда моей чести отъ этого никакого не будетъ, ибо никто даже и не подумаетъ, что я, будучи столь знатна и богата, согласилась бы такою цѣною златокузню его купить». Подходы щеголихи были такъ ясны, что художникъ не могъ ихъ не понять; но она еще ихъ усилила,— она сказала ему:

— Здѣсь жарко, и ты долженъ видѣть тѣло мое безъ посторонннхъ прикрасъ: сѣрый и красный цвѣтъ оттѣняютъ цвѣтъ моей кожи. Я должна сбросить тунику. — И она ее сбросила, и въ это же время вилась передъ нимъ, перемѣняя прически, а онъ примѣривалъ къ ея лицу и головѣ то тѣ, то другія снизи и пронизи и безпрестанно имѣлъ въ своихъ объятіяхъ ея тѣло, покрытое одною сорочкой, которая держалась застежкой на правомъ плечѣ и шла внизъ подъ лѣвую руку, такъ что въ глаза ему била прелесть ея тѣла, и это его туманило... Художникъ «блазняшася на нію», а она ему «подаяше помизаніе очима и неподобенъ смѣхъ». Онъ опускалъ свои вѣки, чтобъ ея не видѣть, но она, смѣясь, насильно открывала ихъ своими тонкими пальцами, — онъ опять ее видѣлъ и душа его играла и пры-

гала, какъ молодая лань въ горахъ или какъ горный потокъ въ стремнинахъ Ливана. Зенонъ просилъ ее удалиться. Нефора смѣялась и тихо шептала: «зачѣмъ?»

— Я хочу быть царемъ моей совѣсти!

— Э! оставь это! Повѣрь, веселѣе быть червемъ, гложужимъ тутовый листъ въ рощѣ Дафны, чѣмъ томиться въ царственной скукѣ. Дай мнѣ вина и лобзанье въ память нагого ребенка!

Зенонъ ей подалъ фіалъ; она отпила половину, а другую половину, смѣясь, влила ему во уста и держала его все это время въ своихъ объятіяхъ, а потомъ, бросивъ пустой фіалъ, поцѣловала Зенона въ честь Вакха...

Страсть, какъ темная гора, покрыла сердце Зенона.

Случай могъ быть чрезвычайно опаснымъ для обоихъ, но златокузнецъ александрійскій былъ тайный христіанинъ, и это спасло обоихъ. Въ самую безумную минуту, «егда устремися уже грѣху, — помянуся художному мужу слово евангельское: аще соблазняетъ тебя рука твоя или нога— отсѣцы ее, или око—изботи е». И онъ, возрѣвъ на жену, рече: «мало ми отступи» (отойди немножко) и иземъ ножъ удари ся въ око десное и рече: «Виждь, Господи, яко сохранитель заповѣди Твоя есмь,—да егда и азъ востребую помощи отъ Тебя — Ты не удалися». Соблазнительница ужаснулась и убѣжала.

Вскорѣ въ Александріи случилось гоненіе на христіанъ. Гонитель ихъ былъ человѣкъ не только жестокій, но и насмѣшливый, — онъ хотѣлъ издѣваться надъ христіанами и, призвавъ ихъ епископа, сказалъ ему: «Не нахожу въ вашей вѣрѣ ничего основательнаго и твердаго, да не вѣрю, чтобы вы и сами могли вѣрить въ то, о чемъ разсказываете. Вотъ я задамъ вамъ рѣшительное испытаніе: если вы его выдержите, то вы останетесь цѣлы, и все, что у васъ есть,—ваше будетъ; а если не выдержите, тогда я поступлю съ вами, какъ съ обманщиками, и оберу у васъ все, что вы имѣете, на государя. Испытаніе же вѣрѣ вашей назначаю вамъ по вашимъ книгамъ; тамъ написано: *если кто имѣетъ вѣру*

и скажетъ горѣ — «стронься съ мѣста и иди въ воду», то будто гора непремѣнно тронется и пойдетъ. Вонъ, видите, тамъ недалеко отъ берега Нила есть гора Адеръ. Она стоитъ тамъ много лѣтъ, огнемъ земнымъ выдвинутая еще въ началѣ созданія земли, когда не было ни пирамидъ, ни сфинксовъ, ни праотцевъ нашихъ, трудившихся надъ этими постройками. Выберите изъ себя такого истинно вѣрующаго, который могъ бы сдѣлать надъ Адеромъ то, что̀ представляется за возможное въ вашихъ книгахъ; если гора Адеръ стронется съ мѣста и пойдетъ, то я повѣрю, что въ вашихъ книгахъ писана правда, а если вы ничего этого не сдѣлаете, то вы тѣмъ докажете, что всѣ вы лгуны, и тогда я поступлю съ вами какъ съ недостойными уваженія обманщиками, а всѣ ваши имущества возьму у васъ на государя.

Христіане пришли въ ужасъ. Они знали, что ихъ правитель жестокъ и пощады имъ отъ него не будетъ: если гора Адеръ не тронется съ своего мѣста и не пойдетъ въ Нилъ, тогда всѣмъ имъ доведется погибнуть съ позоромъ, а все добро, которое они собрали трудами въ теченіе всей своей жизни, будетъ расхватано или поверстано въ казну, а дѣти ихъ останутся нищими и съ осмѣянною религіей и безъ руководства родителей перейдутъ въ вѣру торжествующихъ отцовскихъ мучителей...

Въ такомъ ужасномъ положеніи всѣ христіане, жившіе въ сосѣдствѣ горы Адера, надѣли на себя неподрубленныя одежды печали, постились, молились и плакали, а между тѣмъ время шло и приближался уже срокъ, назначенный правителемъ. Никто,—ни одинъ изъ христіанъ не чувствовалъ въ себѣ той увѣренности, чтобы сказать горѣ при людяхъ: «стронься съ мѣста и иди въ воду».

Скорбь христіанъ сдѣлалась извѣстна и иновѣрнымъ людямъ въ городѣ, и тогда къ христіанскому епископу пришла тайно та самая египетская красавица, которая ранѣе приходила соблазнять «златокузнеца», и она сказала епископу:

— Я узнала о вашемъ горѣ и мнѣ васъ жалко; но вы,

можетъ быть, напрасно приходите въ отчаяніе, ибо если только вѣрѣ все возможно, то у васъ есть такой человѣкъ, который имѣетъ настоящую вѣру, и его вѣра можетъ выдержать всякое испытаніе.

— Какъ! — воскликнулъ епископъ: — неужели ты, нехристіанка, увѣрена, что гора можетъ сдвинуться?

— Да, я вѣрю въ это потому, что я видѣла вѣру, которая преодолѣла законы естества; но меня очень удивляетъ, что этого-то одного человѣка я и не вижу между тѣми, которыми ты себя здѣсь окружаешь и съ которыми совѣтуешься!

— Скажи же скорѣе, сострадательная госпожа,—кто онъ такой?

— Онъ златокузнецъ, художникъ.

— Неужто Зенонъ окривѣлый, который дѣлаетъ кумиры и утварь для женскихъ уборовъ?

— Да, это Зенонъ.

— Помилуй!—воскликнулъ христіанскій епископъ: — ты говоришь невозможную вещь.

— Почему?

— Зенонъ искусный художникъ, ни слова объ этомъ; но онъ въ вѣрѣ нашей не крѣпокъ, онъ въ постоянномъ общеньѣ съ людьми разныхъ вѣръ, и ты имя его можешь увидѣть на исподахъ различныхъ кумировъ, — крокодиловъ мерзостныхъ, страстнаго ибиса и быка съ чернымъ пятномъ и коней фараона; притомъ Зенонъ часто бываетъ лѣнивъ: онъ не поспѣваетъ къ общей со всѣми молитвѣ, въ день недѣльный; когда много заказовъ, онъ одинаково трудится, будто какъ въ будень; онъ живетъ безъ жены и нимало не занятъ тою мыслію, чтобъ учредить себѣ семью или удалиться въ пустыню, а онъ охотно разговариваетъ съ посторонними женщинами, которымъ онъ нуженъ, и угождаетъ ихъ суетности.

— Можетъ быть, все это правда,—отвѣчала гостья,—но быть можетъ и то, что все это не такъ важно, какъ тебѣ кажется.

— Ахъ, нѣтъ, госпожа,—что ужъ касается степени важности въ вѣрѣ, то ты повѣрь, что намъ это ближе извѣстно.

— Я и не спорю,—отвѣчала Нефорисъ:—такъ и должно быть, чтобы вамъ все было лучше извѣстно; но услышите и то, что̀ я знаю о вѣрѣ Зенона.

— Что же тебѣ стало извѣстно?

— Мнѣ извѣстно, что Зенонъ покорилъ себя волѣ Учителя вашего, котораго всѣ вы зовете Сыномъ вашего Бога, и при мнѣ показалъ такую силу любви къ Его слову, какой, можетъ быть, никто изъ васъ не видѣлъ.

Епископъ попросилъ ее, чтобъ она разсказала, что̀ такое она видѣла, и Нефорисъ съ полною откровенностью разсказала ему всю соблазнительную сцену, которую она устроила художнику изъ желанія имѣть отъ него искусный уборъ на голову.

Старецъ всплеснулъ руками. Ему было извѣстно, что златокузнецъ недавно окривѣлъ на одинъ глазъ; но онъ не зналъ, отчего это случилось съ Зенономъ. Услыхавъ разсказъ красивой Нефоры, епископъ понялъ всю трудность борьбы, которую одолѣлъ художникъ, и далъ цѣну его поступку. Онъ благодарилъ гостью и сказалъ ей:

— Вѣрь, прекрасная госпожа, это никогда не позабудется въ нашемъ народѣ, что ты пожалѣла о насъ и не скрыла этого происшествія, которое при совершеннѣйшей красотѣ твоей для всякаго должно быть удивительно, и я согласенъ съ тобой, что Зенонъ доказалъ свою вѣру своимъ послушаніемъ: я сейчасъ пошлю звать его, чтобъ онъ сдвинулъ гору.

Въ тотъ же часъ отъ епископа пошли за Зенономъ послы, чтобы онъ немедленно явился, а антіохійская модница, разсказавъ свою тайну и тайну Зенона, ушла, чтобы съ нимъ тутъ не встрѣтиться. Ни епископъ, ни бывшіе при немъ люди не уразумѣли настоящихъ намѣреній гостьи. Египтянка Нефора, растлившая умъ свой въ Антіохіи на безумныхъ пирахъ въ рощѣ Дафны, не знакома была съ состраданіемъ, но мстила Зенону за его равнодушіе и на-

рочно выставляла его на самую отвѣтственную роль, въ которой онъ долженъ быть народомъ осмѣянъ.

Кривой златокузнецъ не скоро пришелъ изъ своего загороднаго дома, а когда пришелъ и епископъ разсказалъ ему, что отъ него требуется, чтобъ онъ сдвинулъ гору, то онъ этому очень удивился и отвѣчалъ:

— Господи, Боже мой! Что только я слышу! Или вы это это вздумали въ шутку, чтобы посмѣяться надо мной!

— Какъ!—отвѣчали ему:– да ты развѣ не знаешь, какое надъ нами случилось бѣдствіе?

— Скажите скорѣе! я живу далеко и отъ молвы городской въ сторонѣ, и ничего не знаю.

— Нашъ правитель велѣлъ намъ для испытанія вѣры нашей, чтобы мы сдвинули съ мѣста гору Адеръ.

— О, Боже великій! кто жъ это долженъ исполнить?

На это всѣ вдругъ ему отвѣтили:

— Ты!

Художникъ подумалъ, что онъ ослышался, и воскликнулъ:

— Что? Я не слышу, что вы сказали?

Но народъ еще громче вскричалъ въ одно слово:

— Ты, Зенонъ, ты сдвинешь гору!

Зенонъ закрылъ себѣ ладонями уши и стоялъ въ молчаніи минуту, а когда открылъ слухъ,—опять оглушилъ его тотъ же самый крикъ:

— Ты, Зенонъ, сдвинешь гору!

— Такъ это не въ шутку на меня возложили?

— Да, Зенонъ, да! Ты это сдѣлай. Мы всѣ тебя просимъ.

Зенонъ покачалъ головой и сказалъ:

— Кто научилъ васъ задавать мнѣ такую задачу? Неужели я во всей общинѣ всѣхъ лучше вѣрю, и нѣтъ человѣка, котораго смѣлѣе можно бы выставить на такое великое дѣло—испытаніе вѣры.

А епископъ ему отвѣчалъ:

— Напрасно, Зенонъ, ты стараешься спрятаться за свое смиреніе! Мы сами считали тебя въ вѣрѣ некрѣпкимъ, но узнали одну твою тайну и теперь перемѣнили свое мнѣніе.

Ты напрасно будешь отговариваться: ты одинъ можешь сдвинуть гору.

— Но объясните мнѣ... о какой такой моей тайнѣ вы говорите?

— А отчего ты потерялъ глазъ?

— Глазъ?

— Да!

Зенонъ смутился и поникъ головой.

— То-то и дѣло, — сказалъ ему, ударяя его по плечу рукой, епископъ:—сюда приходила красивая госпожа и все про тебя разсказала. Въ тебѣ природа повинуется Богу. Мы знаемъ теперь, какъ ты освободилъ себя отъ соблазновъ, входившихъ въ сердце твое черезъ глазъ: ты его выкололъ. Не марай себя ложью, скажи намъ: такъ это было?

— Такъ,—уронилъ тихо Зенонъ.

— Я старъ, но не даромъ я избранъ въ епископы: я понимаю, какое ты сильное одолѣлъ искушеніе. Вѣрѣ твоей больше нельзя да и не должно таиться; какъ старшій въ общинѣ нашей, я совлекаю съ тебя темный хитонъ твоего смиренія. Отселѣ ты, Зенонъ, долженъ просіять всему міру и спасти насъ передъ издѣвающимся гонителемъ.

Кривой художникъ очень долго отказывался; но епископъ не освобождалъ его отъ труднаго послушанія, а видя его непреклонность, сказалъ людямъ, чтобы всѣ люди Зенона просили, и тѣ всѣ стали плакать, бить себя въ груди и громко кричать:

— Или ты, строя крокодиловъ изъ золота, и самъ уже сталъ крокодилъ, а не человѣкъ, и не имѣешь состраданія? Отчего же ты умѣлъ спасти себя одного, а теперь все множество людей хочешь оставить въ жесточайшемъ бѣдствіи? Устыдись своего жестокосердія, испробуй свою вѣру, повели горѣ Адеру двинуться и идти въ воду, чтобы всѣ мы остались цѣлы въ нашихъ жилищахъ!

Такого общаго жалостнаго вопля художникъ не выдержалъ.

— Братья мои, — сказалъ онъ: — не укоряйте меня въ

томъ, что я мастерствомъ моимъ произвожу изъ камней и изъ золота подобія созданныхъ въ природѣ твореній. Отъ этого нѣтъ никакого зла, и самъ я не сдѣлался черезъ то ни камнемъ, ни золотомъ, и скорбь ваша жжетъ мое сердце. Повѣрьте, что если бы для спасенія вашего нужно вамъ было, чтобъ я выкололъ себѣ второй глазъ, то я бы это сдѣлалъ сейчасъ же и не искалъ бы себѣ за то ни возмездья, ни славы; но повелѣть горѣ, чтобъ она двинулась съ мѣста и поверглась въ Нилъ—я не могу, потому что я не вѣрю, чтобы слабая вѣра моя на это годилась. Не себѣ, а всѣмъ вамъ, всѣмъ христіанамъ, я боюсь сдѣлать укоръ и ученію Христа постыженье, ибо не мнѣ ту вмѣнятъ неудачу, а Его станутъ укорять безразсудно.

А тѣ отвѣчали:

— Оставь, Зенонъ, оставь! И мы, и епископъ, всѣ тебѣ вѣримъ, что крѣпка твоя вѣра, и потому не медли, спѣши прославить всеобщее упованіе на вѣру твою: помолись и повели горѣ идти съ мѣста!

Кривой златокузнецъ воздвигнулъ плечами и воскликнулъ:

— Всемогущій и Вѣчный Отецъ! Ты видишь скорби этихъ людей, которымъ Ты далъ уразумѣть Тебя черезъ Іисуса, Отрока Твоего! Передъ Тобою открыта безконечность вселенной и всѣ глубины бездны, но Ты же видишь и терзаніе моего сердца, которое не можетъ сносить слезъ моихъ братьевъ. Прости мнѣ, что смѣю Тебя умолять,—не постыди насъ всѣхъ, оживившихся вѣрою, и соверши невозможное, какъ возможное, ибо Твоя есть сила и слава во вѣки!

Всѣ александрійскіе христіане повторили эту краткую молитву кривого художника и всѣ сразу, поднявшись, запѣли псаломъ и пошли изъ города въ смиреньѣ толпой къ горѣ Адеру, а впереди ихъ шелъ, тихо молясь, ихъ епископъ.

О движеніи христіанъ въ тотъ же часъ дали знать градоправителю, у котораго въ ту пору было много именитыхъ

гостей, и онъ и всѣ его гости захотѣли поѣхать къ горѣ, гдѣ надѣялись видѣть, какъ будутъ смѣшны христіане. Градоправитель, въ пурпуровой съ золотомъ тогѣ, ѣхалъ впереди всѣхъ въ колесницѣ, выложенной серебромъ и слоновою костью, съ львиными головами на гайкахъ, гдѣ колеса были привернуты къ оси. Вороные кони его были прямые потомки коней фараона; ихъ челки и остриженныя гривы покрыты золотою тяжелою сѣткой работы Зенона, поводья изъ золотистаго желтаго шолка съ золотой бахромою. Въ другихъ колесницахъ также парадно ѣхали гости. Къ нимъ приставали по пути прохожіе на убранныхъ ослахъ и дорого стоившихъ бѣлыхъ верблюдахъ съ пушистою шерстью. Пѣшіе люди въ большомъ изобиліи ихъ окружали несмѣтной толпою. Явились крестьянки съ кувшинами свѣжей воды и съ корзинами фруктовъ. Толпа становилась все больше и больше, и всѣ шутили и смѣялись, ожидая, что когда гора не пойдетъ, то правитель дастъ знакъ отряду слѣдовавшихъ за ними воиновъ, и они сгонятъ христіанъ къ Нилу и всѣхъ ихъ помечутъ съ берега въ воду. Появились на старыхъ ослахъ и закладчики съ мѣшками монеть и съ таблицами, на которыхъ писали заклады. Никто ни секина не хотѣлъ держать за то, что гора сдвинется, но держали за то: всѣхъ ли утопитъ правитель, или только немногихъ, а другихъ отдастъ въ рабство.

Между тѣмъ христіане съ епископомъ, не спѣша, подошли къ подошвѣ горы, опять помолились и пошли обходить гору вокругъ. Со смиренной молитвой они обошли «все основанье горы», и когда возвратились на то мѣсто, откуда начали обходъ, то епископъ сказалъ кривому художнику, чтобъ онъ еще помолился. И чуть художникъ преклонилъ колѣно, какъ подъ землей послышался гулъ, и гора Адеръ колыхнулась, какъ шапка на сонномъ феллахѣ.

Толпа горожанъ, забывъ смѣхъ и заклады, шарахнулась назадъ и испугала коней и верблюдовъ; вышло смятеніе, колесницы одна зацѣпляла другую, верблюды зафыркали и подняли шеи, а ослы закричали и начали биться...

Напрасно трубили въ рожокъ и напрасно кричалъ градоправитель: «Уймитесь, безумцы! Это не больше, какъ грохотъ колесъ, или простой гулъ отъ волнъ Нила!»

Всякій чувствовалъ, что земля подъ нимъ колебалась, и замѣтили всѣ, какъ кремнистыя ребра горы впали, потомъ вдругъ напряглись, вышли наружу и стали крошиться. Осколки острыхъ кремней и песокъ сыпались внизъ, и порой, какъ изъ пращи, разлетались въ стороны съ трескомъ; внизу же необъятнымъ пластомъ ползли оползни глины... Казалось, какъ будто разрушалось созданье горы, а разстояніе, которое отдѣляло Адеръ отъ Нила, на виду у всѣхъ начало убавляться съ обѣихъ сторонъ, ибо вода въ рѣкѣ также шумѣла, билась на берегъ и затопляла пространство...

Тутъ не только тѣ, которые были на мѣстѣ, но всѣ, кто оставался въ Александріи, такъ испугались, что потеряли всякое обладанье собой; всѣ бросились скорѣе вонъ изъ своихъ колебавшихся домовъ и устремились бѣгомъ къ подножію Адера. Среди нихъ, то мѣшаясь въ толпѣ, то выдвигаясь впередъ, шла въ волненіи Нефорисъ и говорила всѣмъ о своемъ поведеніи, и о стыдѣ, и о страхѣ, которые испытывала она у Зенона, и этотъ Зенонъ теперь по ея винѣ погибаетъ. На нее смотрѣли какъ на сумасшедшую. Гдѣ спокойно стояли одни христіане со своимъ епископомъ и кривымъ художникомъ,—всѣ тѣ, которые пришли сюда съ торжествомъ и насмѣшками, метались, рыдали и, хватаясь одинъ за другого, другъ друга отталкивали, чтобы не стать тяжелѣй отъ того, что другой человѣкъ держится, и не провалиться съ нимъ вмѣстѣ въ трещины, которыя, къ вящшему ужасу, стали обозначаться подъ осѣдавшею глиной.

Тогда прибѣжавшіе александрійцы издали закричали христіанамъ:

— Безчинные люди! вотъ до чего довело насъ милосердіе, съ которымъ мы васъ терпѣли! Что вамъ за польза дѣлать намъ зло? Для чего вы ведете недвижную Адеръ-гору съ ея вѣковѣчнаго мѣста? Для чего хотите завалить нашу рѣку? Нилъ орошаетъ всѣ наши поля и дынныя

гряды; черезъ его мѣрный разливъ земля всѣхъ насъ кормитъ, а вы хотите сдѣлать такъ, чтобы гора запрудила сразу всю воду и чтобы Нилъ выступилъ вдругъ и началось по всѣмъ полямъ и по дынным грядамъ потопленіе! О проклятый народъ! о жестокіе люди! И вы еще смѣете уничтожать крокодиловъ! Нѣтъ людей хуже васъ во вселенной! Вы злѣй гальскихъ друидовъ и вашъ Богъ—Аримана персидскаго злѣе!

Тогда христіанскій епископъ поднялъ руку и отвѣчалъ александрійцамъ:

— Богъ христіанскій проститъ и въ вину не поставитъ вамъ то, что вы, не зная Его, о немъ говорите. Онъ есть Отецъ всѣхъ и Отецъ милосердія. Вы въ заблужденіи. Не мы, христіане, хотѣли, чтобы нарушенъ былъ священный покой мірозданія. Если же гору ведемъ, то не своею мы это дѣлаемъ волей.

— Кто же могъ вамъ это велѣть?

— Спросите о томъ своего градоправителя: это онъ повелѣлъ намъ, а мы, христіане, повинуемся власти.

Въ это время проносили въ носилкахъ градоправителя, которому въ суматохѣ переѣхало колесницею ноги, и онъ услыхалъ это и, тяжко стоная отъ мучительной боли, воскликнулъ:

— О, какъ я наказанъ, и какъ о безумствѣ моемъ сожалѣю! Но довольно! я вѣрю вамъ, вѣрю, великъ Богъ христіанскій, и я не хочу впередъ съ Нимъ состязаться! Если вы въ самомъ дѣлѣ не противитесь власти, то теперь я повелѣваю вамъ сейчасъ же остановить гору!

— Господинъ, отвѣчалъ ему христіанскій епископъ!—мы власти покорны, но мы не знаемъ, можемъ ли мы исполнить второе твое повелѣніе. Ты вѣдь самъ перечиталъ наши книги и ихъ знаешь: тамъ точно сказано, что можно велѣть горѣ *двинуться* и *идти въ воду;* но припомни — тамъ вѣдь ничего нѣтъ о томъ, можно ли остановить гору, когда она уже тронулась и пошла со своего мѣста.

Земли же между горою и Ниломъ въ это время все

убавлялось; ползучая глина тѣснила народъ съ одной стороны, а вода хлестала съ другой, и песокъ въ промежуткѣ засыпалъ людей по колѣно.

— Земля поглощаетъ насъ!—воскликнули люди. — Проклятіе правителю! Смерть ему ненавистнику! Великъ Богъ христіанскій!

Тогда правитель остановилъ носилки и сталъ просить александрійцевъ простить ему его дерзость; но тѣ его не слушали. а сами упали предъ христіанами на колѣни и завопили:

— Святая вѣра ваша, и всѣ мы хотимъ принять эту вѣру. Возьмите нашего правителя; мы отдаемъ вамъ его и даже сами сейчасъ бросимъ его въ Нилъ предъ вами, только спасите насъ,—пусть гора станетъ.

Епископъ сказалъ имъ:

— Нѣтъ. Вы не знаете, какого мы духа. Намъ нежеланна погибель ничья. Богъ не хочетъ смерти грѣшныхъ. Со смертью кончается путь къ исправленію. Всякій же здѣсь себя обязанъ исправить. И правитель нашъ тоже жизнь имѣетъ отъ Бога. Пусть живетъ, пока дни его совершатся. Злое отвергши, въ сердцѣ съ одною любовью воскликнемъ всѣ безъ различія:

— Помилуй, Владыко!

— Помилуй! помилуй!—прокатило въ народѣ, и всѣ пали лицами въ землю.

Все стало стихать; вѣтеръ умчался, осыпи крѣпли, сухіе камни перестали лопаться и крошиться, влажные оползни огустѣвали и твердѣли. Епископъ все тихо молился. Порядокъ возстановился. Гора, которая *двинулась* по вѣрѣ художника, стала на своемъ мѣстѣ по молитвѣ епископа. Люди и животныя какъ бы пробуждались отъ сна. Всѣ наслаждались покоемъ, кони трясли головами, а верблюды лежали, поджавъ подъ себя широко-копытныя лапы и жевали свою безконечную жвачку. На деревьяхъ показались глиноцвѣтные голуби и заворковали. Нефорисъ благовѣство-

вала: она незамѣтно подошла тихо къ Зенону и, держа его за руку, говорила:

— О, если бы ты зналъ, какъ мнѣ тебя жаль, и какъ я чту и люблю твоего Бога и какъ укоряю себя!

— Въ чемъ ты себя укоряешь?

— Око... твое гдѣ, твое око, бѣдный Зенонъ!

— Оставь это. Зенонъ блаженъ, а не бѣденъ. Я счастливъ, Нефора, что вижу въ тебѣ однимъ окомъ теперь тихую мысль христіанки, и ты сама мнѣ милѣй, чѣмъ тогда... когда я въ два глаза смотрѣлъ, какъ лицо твое рдѣло безстыдствомъ порока.

— О, замолчи!.. Я призналась во всемъ передъ всѣми...

— Ты очень достойно поступила, Нефора.

— Да, теперь я удаляюсь... въ пустыню.

— Въ пустыню!.. Помедли, на тебѣ есть мой долгъ.

— Долгъ мой!.. Чѣмъ должна я тебѣ?—удивилась Нефора.

— Чтобы исполнить совѣтъ моего Учителя, я отдалъ мой глазъ; ты была въ этомъ отчасти причинна; но когда ты не пожалѣла себя и обнажила передъ людьми свой сокровенный грѣхъ —ты себя исправила и привлекла меня къ себѣ. Мы теперь одного духа и можемъ быть подпорой другъ другу... Для чего намъ теперь разставаться? Нефора! будь ты женою Зенона!

И они сдѣлались супругами.

Отсюда видимъ, что соблазнъ, устроенный художнику модницей III вѣка, не имѣлъ успѣха. Египетская красавица не только не могла соблазнить нравственнаго человѣка, но еще сама была поражена твердостью христіанскихъ правилъ, и вся эта исторія послужила къ обращенію въ христіанство множества людей, не признававшихъ до тѣхъ поръ ничего выше соблазновъ чувственности.

Кривой художникъ «сдвинулъ» эту гору *).

*) Нельзя не подивиться, какъ это сказаніе могло оставаться до сихъ поръ незамѣченнымъ тѣми, оторые держатся буквальнаго пониманія словъ: «отсѣки и брось!»

Второй случай соблазна.

19) (2) *Декабря 24.* Былъ монахъ Никола, который прежде служилъ въ войскѣ. Когда при Никифорѣ царѣ случилась война, онъ не утерпѣлъ, чтобы оставаться при мирныхъ занятіяхъ въ монастырѣ, и опять пошелъ воевать.

Никола былъ родомъ грекъ и находился въ цвѣтущей порѣ возраста. Онъ былъ высокій ростомъ, статный, сильный и красивый и съ молодецкою, военною выправкой.

Когда Никола проходилъ по Болгаріи, на него постоянно обращали вниманіе женщины, а онъ не замѣчалъ ихъ; но вотъ случилось ему разъ зайти переночевать въ одну болгарскую гостиницу, и тутъ случилось съ нимъ нѣчто опасное.

Пока онъ ходилъ, вечерялъ и потомъ укладывался спать, «примѣтила его юная болгарыня, дѣвица вельми младая, дочь гостинника болгарскаго, и плѣнилась его красотой». Инокъ же, воинственный Никола, ничего этого не подозрѣвалъ: онъ спокойно поужиналъ, помолился Богу и легъ спать, и какъ онъ отъ дороги очень усталъ, то сейчасъ же и заснулъ очень крѣпко. Но только-что онъ разоспался «ко второй стражѣ нощи», неожиданно почувствствовалъ, что его кто-то тихо, но неотступно потрогиваетъ. Монахъ простеръ руки и ощутилъ горячее человѣческое тѣло и встрѣтилъ молодыя, тонкія руки, которыя страстно сплелись съ его руками, и въ то же время чьи-то страстныя уста во тьмѣ стали покрывать лицо его поцѣлуями. А при этомъ всѣ прочіе люди, ночевавшіе въ гостиницѣ, спали крѣпкимъ сномъ и никто не могъ бы помѣшать страстной сценѣ, но инокъ самъ освободился отъ искушенія.

Никола «воспряну», отстранилъ отъ себя ласкающую его прелестницу и «вопроси ее: кто еси и чесо хощеши?»

«Она же отвѣща ему: дщерь есмь гостинникова,—раченіемъ любви къ тебѣ уязвленна и притекоша влекущися страсти ради неисцѣльныя».

Монахъ началъ останавливать страстную болгарку, и напомнилъ ей, какъ она еще молода, и что ей должно ста-

раться соблюсти свою дѣвичью чистоту, чтобы вступить честно въ бракъ или сдѣлаться инокиней; но дѣвушка такъ имъ увлеклась, что не слушала его нравственныхъ увѣщаній и совѣтовъ, а обратилась къ хитростямъ, чтобы выиграть время и опять напасть на него, не надѣлавъ шума. Она «отползла отъ него», улеглась потихоньку на своей постели и притворилась—какъ будто заснула, но «къ третьей стражѣ нощи паки припаде къ нему влекущи». Тогда Никола опять заговорилъ съ нею уже строго и притомъ громко. Этого дѣвушка испугалась, чтобы другіе отъ ихъ переговоровъ не проснулись, и она «сего ради отступи мало» отъ Николы, но тяжело дышала и «клегцающе», какъ клегчатъ въ гнѣздахъ молодыя орлицы, опять кинулась цѣловать Николу. Это уже переполнило «мѣру терпѣнія инока». Монахъ Никола плюнулъ, сказалъ: «ты бѣсъ, а не дѣвушка»,— и, вставъ, ушелъ ночью изъ гостиницы. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Слѣдовательно и вторая соблазнительница тоже не могла соблазнить нравственнаго мужчину. Теперь увидимъ, какой успѣхъ ждалъ третью, — женщину самую смѣлую и самую настойчивую въ искусствѣ соблазна.

---

20) (3) *Декабря 27.* Въ одной нижне-египетской пустынѣ жилъ очень воздержный отшельникъ, о которомъ разсказывали много необычайнаго, и особенно хвалили его за то, что онъ не поддается никакимъ соблазнамъ. Соблазнить его считалось невозможнымъ. Одни этому вѣрили, а другіе нѣтъ. Разъ знатные люди, пировавшіе съ городскими гетерами, переходя отъ одного соблазнительнаго разговора къ другому, заговорили объ этомъ пустынникѣ, и кто-то изъ нихъ—шутникъ и затѣйникъ—сказалъ одной изъ самыхъ славныхъ гетеръ:

— Вотъ этотъ человѣкъ — не то, что̀ мы, — онъ васъ, женщинъ, презираетъ и никакая красавица его не соблазнитъ.

Гетера же отвѣчала:

— Это пустяки: я никогда не повѣрю, чтобы какой-нибудь мужчина могъ устоять передъ женщиной, если она хороша изъ себя и хочетъ его привлечь къ своимъ ласкамъ.

Съ этихъ словъ завязался оживленный разговоръ, въ которомъ приняли участіе всѣ пировавшія вмѣстѣ гетеры и угощавшія ихъ знатныя лица, и, будучи распалены виномъ и взаимнымъ сближеніемъ половъ, всѣ они стали спорить: возможно или нѣтъ, чтобы мужчина, хоть и благочестивый и постникъ, устоялъ передъ соблазномъ, который поставитъ ему красивая женщина, если она рѣшится ни передъ чѣмъ не останавливаться для достиженія своей цѣли. И гетеры, и знатные богачи высказывали на этотъ счетъ разныя предположенія, и спору ихъ не предвидѣлось конца; но тогда одна самая красивая изо всѣхъ тутъ бывшихъ гетеръ сказала: «Чтобы намъ не толковать объ этомъ долго безъ доказательствъ, я предлагаю вамъ рѣшить споръ нашъ опытомъ; положимъ сейчасъ же закладъ: могу ли я соблазнить вашего отшельника или нѣтъ. Это больше докажетъ, чѣмъ споръ на словахъ, и будетъ гораздо интереснѣе. А потомъ я пойду и попробую силу моей красоты надъ его благочестіемъ, и мы увидимъ на дѣлѣ, кто изъ насъ правѣе: вы ли, которые думаете, что на свѣтѣ есть твердые мужи, недоступные силѣ женской красоты, или правы мы, женщины, которыя стояли за силу нашей власти надъ природой мужчины? Но только я не стану дѣлать этого задаромъ: я хочу знать, что́ вы мнѣ за это дадите болѣе противъ того заклада, какой я сама за себя положу вамъ?

Пировавшіе же друзья пообѣщали дать ей «очень дорогую вещь».

— Хорошо,—сказала гетера:—я увѣрена, что низложу вашего старца, и, не теряя времени, сейчасъ къ нему отправлюсь въ пустыню, а вы вставайте завтра утромъ раньше передъ тѣмъ, когда изъ-за горъ поднимется солнце; возьмите съ собою цвѣтовъ и вѣтвей со смолистыми шишками кедра, пусть за вами несутъ корзинцы съ сочными гроздями

и пусть будетъ все какъ надо идти къ новобрачнымъ, а подъ одежды себѣ сокройте свирѣль и пектиду; когда же придете къ пустынной пещерѣ, то приближайтесь безъ шума и тихо туда черезъ тынъ загляните: я вамъ ручаюсь, что анахоретъ вашъ въ утомленіи страсти будетъ лежать въ крѣпкомъ снѣ, преклонясь къ моимъ ногамъ, — и вотъ это будетъ отвѣтъ вамъ на всѣ ваши споры со мною!

Собесѣдники весело согласились такъ сдѣлать. Тогда гетера безъ малѣйшаго промедленія переодѣлась въ сѣрую одежду съ неподрубленными краями и, имѣя видъ скромной странницы, вышла изъ города, а къ вечеру дошла до пещеры отшельника. Придя же къ самой двери отшельника, она притворилась утомленною до совершеннаго изнеможенія и стала просить, чтобъ онъ пустилъ ее къ себѣ переночевать. Старецъ былъ остороженъ и ни за что не хотѣлъ и слышать о томъ, чтобы пустить къ себѣ женщину: онъ отгонялъ ее прочь всякій разъ, какъ она къ нему «вопіяла»; но она не отставала и была очень искусна въ притворствѣ. Послѣ того, какъ старецъ отгонялъ ее нѣсколько разъ, она начала прежалобно плакать и представлять ему, какимъ страшнымъ опасностямъ она вскорѣ подвергнется, если онъ не пуститъ ее хоть за ограду, окружающую его пещерку, и она должна будетъ остаться на всю ночь въ неогражденномъ мѣстѣ.

— Разсуди, отче, — говорила она:—вѣдь и я человѣкъ, подобный тебѣ...

— Въ томъ-то и дѣло, что—«подобный»,—отвѣчалъ тихо, какъ бы про себя старецъ.

— Такъ куда же мнѣ дѣться?

— А развѣ мала пустыня и нѣтъ въ ней пещерокъ? Иди и поищи себѣ пріюта.

Но переодѣтая притворщица отвѣчала:

— Ахъ, я не знаю, гдѣ искать, и къ тому же я сегодня такъ много прошла, что мои ноги болѣе уже не носятъ моего усталаго тѣла: я не могу дальше идти и бродить впотьмахъ въ пустынѣ.

Старецъ молчалъ.

Гетера выдержала нѣсколько минутъ и продолжала со скорбною рѣшимостью.

— Ну, пусть будетъ такъ: если ты не открываешь мнѣ двери, такъ я, все равно, лягу здѣсь на голыхъ камняхъ, у кольевъ твоей загородки, и тутъ наскочатъ на меня тигръ или левъ, и пусть они здѣсь же меня растерзаютъ.

Старецъ опять не отвѣчалъ, а она продолжала:

— Вотъ пусть здѣсь и найдутъ мои кости у пещеры христіанскаго отшельника. Это будетъ тебѣ похвала за то, какъ ты соблюдалъ свою славу, что согласился, чтобы женщину разорвали у твоего порога, лишь бы о тебѣ какой-нибудь болтунъ не сказалъ пустого слова въ корчмѣ или на торжищѣ, или не посмѣялись бы надъ тобой глупыя бабы, полоская бѣлье у запруды.

Старца начало уязвлять это, но онъ все-таки не подавалъ голоса, а та еще продолжала:

— Муки и смерть моя навсегда останутся тебѣ укоризной. Оставляй меня на съѣденіе звѣрю—и будешь самъ одного достоинства со звѣремъ.

Рѣчь эта тронула пустынника. Онъ слушалъ ее, держась рукою за подножье деревяннаго распятія, которое было у него въ пещерѣ во впадинкѣ, и все сильнѣе и сильнѣе сжималъ его въ рукахъ своихъ; но когда женщина представила въ словахъ, какъ звѣри будутъ терзать ее за его частоколомъ, сердце старца стало смягчаться состраданіемъ, руки, ослабѣвая, освобождались и самъ онъ, обращаясь понемногу лицомъ къ двери, чрезъ которую у нихъ шелъ разговоръ, сказалъ пришедшей:

— Окаянница! Что́ за напасть ты мнѣ несешь, и откуда ты мнѣ навязалась?

— О, старче Божій! — отвѣчала искусительница. — Не все ли это равно для тебя, откуда я пришла? Стыдись объ этомъ вопрошать! «Аще богобоенъ и человѣколюбивъ еси», то довольно съ тебя того, что я человѣкъ, что я изнемогаю и что жизнь моя въ смертной опасности; а ты можешь из-

бавить меня отъ этой опасности и ничего не дѣлаешь, да даже, кажется, еще думаешь угодить своимъ безчувствіемъ Богу, Который создалъ людей и слышитъ всѣ ихъ стоны и жалобы. О! какъ ты удаляешь себя отъ Бога! Бѣдственно теперешнее мое положеніе, но, знай, я ни за что не согласилась бы промѣнять его на твое! Оставайся въ затворѣ, жестокій старикъ! — я не хочу болѣе отягчать мученіями твою совѣсть, я не хочу, чтобы люди укоряли тебя за твою жестокость. Пусть никто, кромѣ Бога и меня, не знаетъ, какое у тебя безсострадательное сердце, — я удаляюсь въ пустыню, и пусть звѣри меня растерзаютъ.

Пустыннику сдѣлалось жалко ее, сердце его сжалось отъ представленія объ ожидающемъ ее ужасѣ и онъ воскликнулъ:

— Не уходи, окаянница,—такъ и быть, я впущу тебя.

— Ну, я благодарю Бога, что Онъ послалъ состраданіе ко мнѣ въ твое сердце,—скромно отозвалась гетера.

— Да; но только я все-таки не введу тебя въ мою пещерку, а впущу тебя только войти въ огородочку.

— Все равно,—для меня будетъ довольно и этого: лишь бы не съѣли меня звѣри.

Пустынникъ вытащилъ изъ частокола двѣ плахи и, открывъ лазъ, впустилъ гетеру, не глядя въ лицо ей, и опять задвинулъ лазъ плахами, а ей сказалъ, чтобъ она пріютилась тутъ въ этой загородкѣ и не просилась бы далѣе въ самую пещеру.

Гетера согласилась и дала ему обѣщаніе болѣе его не безпокоить до утра; но едва прошло малое время и старецъ сталъ на ночную молитву, какъ она начала потихоньку постукивать въ его дверь тонкимъ пальчикомъ, а голосомъ нѣжно жаловалась, что ея одежды слишкомъ легки, а ночь становится будто очень холодна, и вотъ она сильно зябнетъ.

Старецъ выбросилъ ей черезъ оконце свое ветхое рубище и сказалъ:

— Вотъ тебѣ, окаянница, все, что у меня есть! Возьми это себѣ и помни, что больше теперь уже ничего для тебя

нѣтъ! Укрой этимъ свою смрадную плоть и не мѣшай мнѣ молиться.

Гетера его благодарила, и отбросивъ отъ себя прочь рубище пустынника, которое казалось ей столь же смраднымъ, какъ тому была смрадна ея плоть,—обѣщала быть спокойною и ничѣмъ болѣе не нарушать его моленій.

Но обѣщаніе это, разумѣется, опять было неискренно, и спустя небольшое время, какъ только старецъ, начавшій продолжать прерванную молитву, «устремилъ свой умъ на высокая», безпокойная гетера опять начала къ нему тихо стучаться и царапаться, напирая легкимъ тѣломъ своимъ на узкую дверку его пещеры.

Старецъ смутился, потому что дверка, сколоченная его неискусными руками, была непрочна и во многихъ мѣстахъ сквозилась.

— Что же еще нужно тебѣ, окаянница? — спросилъ старецъ.

— Ахъ, я ужасно претерпѣваю! — отозвалась гетера.— Здѣсь на меня прыгаютъ съ земли аспиды! Ахъ, я несчастная! Это ужасно!

— Не бойся ихъ: я помолюсь за тебя, и аспиды тебѣ ничего не сдѣлаютъ.

Но гетера горько расплакалась и говорила, что уже теперь страшно страдаетъ, чувствуя опасный зудъ отъ уязвленій, сдѣланныхъ ей аспидами.

— Я буду молиться и объ этомъ,—сказалъ старецъ; но она, какъ бы не внимая сему, или не довѣряя таинственной силѣ молитвъ, вскричала съ болью и гнѣвомъ:

— Нѣтъ, ты мнѣ не то говоришь!.. Ты злой и гордый старикъ, или ты трусъ, надъ которымъ насмѣется врагъ твой, дьяволъ, за то, что ты боишься бѣдной, слабой женщины и не хочешь прикоснуться своею святою рукой къ моему страждущему тѣлу и исцѣлить меня отъ укушенія аспидовъ!

Старецъ ей отвѣтилъ:

— Не прикоснуся! и вложивъ въ уши свои персты, началъ качать головой и громко молиться.

Но какъ только гетера увидала, что онъ заткнулъ уши, то она такъ сильно застучала въ дверь, что «все всколебалось», и старецъ невольно обратился къ ней съ вопросомъ:

— Теперь еще что тебѣ, окаянница?

— Я слышу, какъ ползутъ огромныя змѣи; вотъ онѣ шуршатъ по травѣ, — вотъ изгибаются, чтобы проникнуть межъ кольевъ, — сейчасъ онѣ меня уязвятъ и обольютъ смертоноснымъ ядомъ.

— О, если бы ты, окаянная, знала, колико ты сама для меня хуже всякой змѣи! но вотъ на тебѣ мой посохъ,— онъ изъ такого дерева, котораго змѣи боятся. Возьми его и положи возлѣ себя и спи. Когда посохъ мой будетъ возлѣ тебя, змѣи отъ тебя удалятся.

И подумалъ старецъ, что теперь уже всѣ опасности для ночующей въ оградѣ женщины предотвращены, и хозяину, и гостьѣ, обоимъ можно мирно уснуть, каждому на своемъ мѣстѣ.

Онъ уже хотѣлъ загасить мерцавшій предъ нимъ свѣтильникъ и лечь на свое жесткое, тростниковое ложе, какъ женщина вдругъ бросилась на его дверь съ страшнымъ воплемъ и въ неописуемомъ ужасѣ закричала:

— О старецъ! старецъ! впусти меня скорѣе къ себѣ! Я погибаю!

— Да что же еще тебѣ приключилось?—вскричалъ разгнѣванный старецъ.

— Ахъ, неужели же ты столько глухъ, сколь и жестокосердъ, что не слышалъ, какъ страшные звѣри рыщутъ вокругъ твоей огорожи!

— Я ничего особеннаго не слышу, — отвѣчалъ старецъ.

— Это оттого, что ты затворилъ свое сердце, и вотъ затворяется слухъ твой и скоро затворятся очи. Но отпирай мнѣ сейчасъ!—вотъ уже одинъ левъ съ палящею пастью поднялся на лапы, вотъ онъ бьетъ себя хвостомъ по бо-

камъ и уже перевѣсилъ сюда голову... О, скорѣй, скорѣй!— вотъ онъ уже трогаетъ мое тѣло своимъ языкомъ... Твои ветхіе колья сейчасъ обломятся, и кости мои затрещатъ въ его пасти...

Пустынникъ отодвинулъ трепещущею отъ страха рукой задвижку двери, чтобъ удостовѣриться въ томъ, справедливо ли сказывала ему лукавая женщина, а она не дала ему опомниться и сейчасъ же «впала» къ нему «въ его затворецъ». и съ тѣмъ вмѣстѣ и дверь за собою захлопнула и вырвала изъ рукъ старца деревянный ключъ и бросила за оконце...

— А-га, окаянница, такъ вотъ ты вскочила!—произнесъ, увидя себя обманутымъ, старецъ.

Она же посмотрѣла «безстудно» и отвѣтила:

— Да, ты теперь въ моей власти!

И затѣмъ она сейчасъ же сѣла въ уголъ и, глядя съ безстыдною улыбкой на старца, начала снимать съ себя одежды одну за другою, и съ страшною быстротой сняла съ себя все, даже до послѣднихъ покрововъ...

Цѣломудренный отшельникъ былъ такъ пораженъ этимъ, что не успѣлъ ничѣмъ помѣшать поступку своей наглой гостьи; но, увидя ее уже раздѣтою, всплеснулъ руками и бросился лицомъ ницъ на землю, стеня и моля гетеру:

— О жестокая! о окаянная! О пощади меня... Скройся!

Она же ему отвѣтила:

— Что тебѣ до меня? Я тебя и не касаюсь! Ты во власти у Бога, и обладаешь собой, а я вольна надъ собой; мнѣ тяжелы мои ризы, и для того я сняла ихъ.

Пустынникъ ей что-то хотѣлъ отвѣчать, но вдругъ ощутилъ, что въ немъ побѣжало «адово пламя», и впало ему въ мысль «повлектись» къ этой женщинѣ. И тутъ онъ одолѣлъ и себя, и ее, и любителя всякой нечистоты — діавола. Онъ вскочилъ съ земли, быстро расправилъ огонь въ своемъ свѣтильникѣ какъ можно пылче, и, вложивъ въ пламя свою руку, началъ жечь ее...

Кожа его затрещала и по пещерѣ поползъ острый смрадъ горящаго тѣла.

Гетера ужаснулась и хотѣла вырвать у него фитиль, но онъ не далъ и оттолкнулъ ее. Тогда она отошла отъ него и заговорила:

— Оставь это безумство!—я лучше уйду отъ тебя, ибо мнѣ противно обонять запахъ твоего горящаго тѣла!

Но, увы, ей выйти изъ пещеры было невозможно, потому что двери ея же хитростію были заперты и поневолѣ она и пустынникъ должны были ночевать вмѣстѣ. И напрасно она во всю ночь молила его перестать жечь себя—пустынникъ оставался непреклоненъ и все продолжалъ свою муку, а самъ смотрѣлъ въ сторону, ибо и при терзаніи себя огнемъ онъ все-таки еще боялся смотрѣть на обнаженную соблазнительницу, а она, оцѣпенѣвъ отъ страха, не могла собрать свои платья и оставалась нагою.

Такъ прошла цѣлая ночь, и къ утру рука у пустынника была вся обуглена, а гетера «окаменѣла отъ ужаса».

Когда стала заниматься заря, то по условію между гетерой и ея пріятелями къ пещерѣ пришли юноши и съ ними подруги этой несчастной, которая взялась соблазнить отшельника; всѣ они были еще въ пьяномъ загулѣ и приближались къ пещерѣ съ виноградными гроздями и жаренымъ мясомъ и мѣхомъ вина, а также съ пахучими шишками смолистыхъ деревъ, и, ставъ у дверей частокола, заиграли на своихъ свирѣляхъ, но гетера имъ не отвѣчала. Тогда они поднялись и заглянули черезъ оконце въ пещеру и увидали, что отшельникъ продолжаетъ жечь себя на огнѣ, а обнаженная гетера сидитъ, окаменѣвши отъ ужаса.

Тутъ они выломали дверь и вынесли на свѣжій воздухъ свою лишившуюся чувствъ сообщницу, и когда она пришла въ чувство, то созналась, что не могла соблазнить старца, и горько въ своемъ намѣреніи каялась.

Такимъ образомъ выходитъ, что и третья соблазнительница тоже не имѣла успѣха, какъ и двѣ первыя, напавшія на такихъ людей, которые не искали любовныхъ забавъ.

Теперь остается четвертая, которую приходится ставить въ эту группу.

21) (4) *Апрѣля 1.* Житіе преподобной Маріи Египетской въ первомъ періодѣ ея жизни описываетъ цѣлый рядъ грѣхопаденій все противъ одной и той же заповѣди о цѣломудріи. Эта, дѣйствительно, успѣвала въ соблазнѣ молодыхъ людей; но какъ она причислена къ лику святыхъ, и притомъ житіе ея весьма общеизвѣстно, то здѣсь никакихъ извлеченій изъ него дѣлать не будемъ. Но для своихъ систематическихъ выводовъ замѣтимъ однако, что въ первомъ періодѣ жизни Маріи Египтянки соблазнительное поведеніе составляло ея профессію, такъ что и она тоже отнюдь не прилагала заботъ къ тому, чтобы соблазнять людей цѣломудренныхъ и удалявшихся отъ сближенія съ непостоянными женщинами, а она обращалась съ безпорядочными и развратными мужчинами просто потому, что жила въ такомъ кругу, гдѣ она иначе и не могла жить, пока ей открылось, что такая жизнь унижаетъ человѣка, и она.—опять къ чести ея женской природы,—сама эту позорную жизнь оставила.

Соблазнительницъ или прелестницъ на 35 женщинъ, описанныхъ въ древнемъ, отреченномъ Прологѣ, оказывается *всего три*, и то изъ нихъ одна гетера, для которой это дѣло было ея ремесломъ. Стало-быть, отъ нея никакой высшей нравственности невозможно и требовать. Другая соблазнительница, пристававшая ночью къ монаху Николѣ въ болгарской гостинницѣ, несовершеннолѣтняя дѣвочка, была очевидно больная, всего вѣроятнѣе нервно-разстроенная. И затѣмъ, значитъ, въ настоящей, соблазнительной роли остается *только одна*, египетская щеголиха, употребившая чары своей красоты на то, чтобы соблазнить художника, дѣлавшаго красивые женскіе уборы. Эта красавица изъ высшаго круга александрійскихъ горожанокъ дѣйствовала какъ настоящая соблазнительница изъ-за того, что хотѣла пріобрѣсти себѣ цѣной своей красоты уборъ на голову.

Слѣдовательно, по разсмотрѣніи всей этой галлереи мы находимъ всего только *одну* соблазнительницу на тридцать пять женщинъ... Надо признаться, что эта доля чрезвычайно малая, но притомъ и эта изящная женщина, равно какъ и истерическая болгарская дѣвчонка и гетера—всѣ въ своихъ искательствахъ на мужчинъ не имѣли успѣха...

Послѣ этого позволительно спросить: изъ чего же можно вывесть, будто житійная литература представляетъ женщинъ въ особенно худомъ видѣ сравнительно съ мужчинами? Систематическое обозрѣніе нашего источника не показываетъ основаній для такого вывода.

Продолжая нашъ обзоръ, увидимъ нѣчто еще болѣе интересное и еще сильнѣе противорѣчащее старому повѣрью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

22) *Сентября 29.* «Былъ монахъ Кононъ—попъ саномъ и устроенъ бѣ на крещеніе». Когда онъ крестилъ дѣтей или мужчинъ, все дѣло шло у него благополучно; но когда Кононъ приходилось крестить взрослыхъ женщинъ—ему были искушенія: «егда мазаша жены—люте соблазняшеся». Какъ ни старался попъ Кононъ возобладать надъ этимъ искушеніемъ—оно отъ него не отступало, и, терзаясь такимъ образомъ при всякой новокрещенницѣ, попъ Кононъ рѣшился оставить свое соблазнительное послушаніе и бѣжать изъ монастыря. Онъ уже и привелъ свое намѣреніе въ исполненіе, то-есть вышелъ изъ монастыря и пошелъ куда глаза глядятъ, только чтобъ удалиться отъ монастыря и никогда болѣе не крестить взрослыхъ женщинъ; но не успѣлъ Кононъ далеко отойти изъ монастыря, какъ ему въ степи «явился Іоаннъ Креститель» и сказалъ ему: «не ходи,—я тебя облегчу отъ этой брани». Попъ Кононъ повѣрилъ словамъ Крестителя и воротился опять къ своему дѣлу въ монастырь. И нѣкоторое время не жалѣлъ объ этомъ. Теперь попу Кононъ въ самомъ дѣлѣ какъ будто было сноснѣе, такъ что онъ уже могъ помазывать новокрещенницъ безъ особеннаго для себя мученія; но вдругъ отъ

одного незначительнаго, повидимому, случая все испортилось. Пришла въ монастырь креститься одна молодая персіянка, и Кононъ ее окрестилъ въ водѣ, но никакъ не могъ помазать своими руками тѣло ея освященнымъ масломъ,— «бѣ бо толико красна лицемъ персіяныня, яко не мощи попови помазати ногу ея». Дѣлалось съ нимъ что-то такое, что̀ передо всѣми обнаруживало въ немъ большое страданіе, котораго онъ ни скрыть, ни преодолѣть не могъ. Что такое именно было съ Конономъ и какими припадками выражалось—въ древнемъ сказаніи не объяснено. Цѣлый день мучился съ этимъ искушеніемъ попъ Кононъ и все-таки никакъ не могъ помазать персіянку. О происшествіи этомъ сообщили епископу Петру,—и епископъ велѣлъ сейчасъ же привести персіянку къ себѣ; но отъ этого сдѣлалось не лучше, а хуже, ибо и самъ епископъ Петръ, «увидавъ персіянку, удивися добродію ея и восхоте пояти ее къ себѣ за діакона». Молодая же персіянка, хотя еще и мало была наставлена въ истинахъ христіанской вѣры и даже была еще не совсѣмъ докрещена, однако она не захотѣла согласиться на предложеніе епископа Петра,—чтобы жить при немъ подъ видомъ діакона, и, несмотря на всѣ убѣжденія епископа, «не сотвори сего». Такъ она и осталась съ непомазанными ногами, потому что когда персіянку повели къ епископу, попъ Кононъ «разгнѣвася, вземъ ризы своя и отъиде въ горы». Теперь онъ уже ни за что не хотѣлъ идти назадъ въ монастырь и муропомазывать персіянку. Но когда попъ Кононъ, разсердясь на своего епископа, блуждалъ по пустынѣ, его опять встрѣтилъ Іоаннъ Креститель и сказалъ ему: «возвратися, попе, въ монастырь, уже азъ облегчу тебя теперь отъ брани».

«Тогда Кононъ рече съ гнѣвомъ: не обращуся, многажды бо обѣщался облегчити ми и не сотвори».

«Емъ же его св. Іоаннъ посади и откры ризы его и знаменіемъ крестнымъ перекрести и глаголя: хотѣлъ, дабы ты имѣлъ мзду брани, но понеже не хощеши, се уже облегчихъ тя, но мзды уже не имаши отъ вещи сея».

«И возвратися въ монастырь пресвитеръ, на утро же крестивъ помаза персіянку, даже яко бы не разумѣвъ яко жена есть естествомъ».

Вниманіе читателя не должно проскользнуть безъ замѣчанія мимо того, что оба мужчины, то-есть попъ Кононъ и епископъ Петръ, страдали, и Кононъ даже не могъ справиться съ собой безъ особаго чуда со стороны Іоанна Крестителя, а персіянка, дѣвушка, безъ особыхъ усилій охраняла себя и воздержала отъ паденія обоихъ священнослужителей *).

23) *Апрѣля 29.* Нѣкоторый монахъ, жившій въ недостаточномъ монастырѣ, былъ посланъ во время рабочей поры въ міръ, чтобы поработалъ на людей и, прокормивъ себя, принесъ бы также что-нибудь въ обитель. Монахъ этотъ зналъ одного очень честнаго и довѣрчиваго поселянина и пришелъ къ нему предложить свои услуги. Поселянинъ принялъ его съ полнымъ довѣріемъ и, встрѣтивъ надобность отлучиться изъ дома, оставилъ монаха на хозяйствѣ «домоглядѣльцемъ», поручивъ ему также свою

---

*) Въ тѣ времена къ которымъ относится разсказъ, крестильныя обязанности соединены были для крещающаго съ довольно значительными трудами. Въ знаменитомъ «Ученіи двѣнадцати апостоловъ», открытомъ Бріеніемъ, встрѣчаемъ слѣдующее (см. переводъ журнала *Дѣтская Помощь*, М. 1885 г., № 8): «Что касается до омовенія (по кіевскому переводу «крещенія»), то омывайте (кіевск. «крестите») такъ: напередъ скажите тому, кого вы омываете, все, что тутъ сказано (о пути жизни и о пути смерти) и *потомъ омывайте* во имя Отца и Сына и Св. Духа, въ водѣ проточной. Если же не имѣешь проточной воды, то омывай въ другой водѣ; если нѣтъ ни той, ни другой, то облей три раза водой голову. Предъ омовеніемъ же пусть постится *тотъ, котораго будутъ омывать, и тотъ, который будетъ омывать, и другіе, если могутъ*». «Попъ, учрежденный на крещеніе», прежде чѣмъ омывать крещаемую, имѣлъ обязанность поститься съ ней и внушать ей: «берегись тѣлесныхъ и мірскихъ побужденій, не прелюбодѣйствуй, не распутничай, не умерщвляй младенца въ утробѣ и рожденнаго не убивай, не сквернословь, не скверномысли и не озирайся на то, чего тебѣ не надо видѣть—это ведетъ къ распутству» (стр. 426).

очень молодую дочь, которая была замужемъ всего только одинъ годъ и овдовѣла.

Судя по тому, въ какіе ранніе годы выдавали тогда дѣвочекъ замужъ на Востокѣ, надо полагать, что эта молодая вдовица, съ которою монахъ остался «домоглядѣльцемъ», имѣла что-нибудь около 12—13 лѣтъ, то-есть, по нашимъ нынѣшнимъ представленіямъ, она сама была еще почти дитя.

Оставшись съ этою юницей, монахъ, которому было поручено охранять ее, вдругъ самъ началъ чувствовать, что «онъ побѣждается ею». Не сказано, какъ «побѣждаемый» боролся; но сказано, что онъ сразу же сталъ вести себя такъ странно, что и побѣдительница его стала это замѣчать, и побѣда ея надъ нимъ была ей нежелательною. Она испугалась своего положенія, которое и въ самомъ дѣлѣ было небезопасно, такъ какъ она оставалась съ монахомъ съ глаза на глазъ одна, и даже возлѣ дома ихъ не было близко сосѣдей, которые могли бы ей подать помощь. Молодая женщина все это сообразила и поняла, что она ни откуда не могла надѣяться получить себѣ защиту въ томъ случаѣ, если «побѣждаемый ею» монахъ совсѣмъ побѣдится и, утративъ самообладаніе, обратится къ дерзкимъ мѣрамъ насилія. Она не могла разсчитывать на свою силу, чтобы отразить его. А къ несчастію, скоро въ этомъ оказалась надобность. Монахъ однажды, «пришедъ по обычаю, нача смущатися и къ ней подвизатися». Приступъ его былъ столь рѣшителенъ, что молодицѣ казалось уже невозможно въ этотъ разъ спастись отъ него; но она, однако, отыскала средство къ спасенію. «Бывъ смышлена и благоразсудна», молодица не стала сопротивляться иноку силой и даже не подняла никакого безполезнаго шума, такъ какъ она понимала, что при всякомъ сопротивленіи «побѣжденному» перевѣсъ оказался бы не на ея побѣдной сторонѣ, и вотъ она не захотѣла сопротивляться ему какъ животному, а отважилась повліять на лучшую сторону его духовной природы,— не на его взбунтовавшіяся физическія силы, а на его совѣстливость.

— О, отче!—сказала она монаху:—для чего ты такъ усиленно на меня нападаешь! Развѣ я и безъ того не въ твоей власти! Мы съ тобой вдвоемъ въ цѣломъ домѣ, и я слишкомъ слаба, чтобы тебѣ сопротивляться. Не загораживай же напрасно всѣ двери и окна: я не птица и не муха и не могу отсюда ни улетѣть, ни выйти. Сейчасъ я буду вся въ твоей власти, но только оставь мнѣ покуда еще одно малое мгновеніе, чтобъ я могла сдѣлать то, что̀ желаю.

Монахъ сказалъ:—Сдѣлай!

А она попросила, чтобъ и онъ, «аще милосердъ», сдѣлалъ то же самое, что̀ она будетъ дѣлать.

«—Что же ты хочешь сотворить?»—спросилъ монахъ.

«—Хощу рещи глаголъ нѣкій Богу»,—отвѣчала молодица,—а такъ какъ сіе и твое дѣло, то потому давай оба вмѣстѣ помолимся, и потомъ ты, помолясь Богу, поступай со мной какъ пожелаешь.

Монахъ нашелъ, что это ему совершенно нежелательно, и не только не сталъ молиться, а еще болѣе «побѣждался, мятошася отъ брани». Тогда молодица стала умолять его, чтобъ онъ хоть ей далъ время помолиться. На это монахъ согласился, и она сейчасъ же начала молиться и молилась вслухъ, выражая въ словахъ, относимыхъ къ Богу, свою беззащитность и свою покорность предъ несчастіемъ, которое можетъ надъ ней совершиться; а притомъ излила и свое горячее сожалѣніе о несчастномъ человѣкѣ, который хочетъ оскорбить ея чистоту, и просила простить ему грѣхъ его, потому что онъ далъ надъ собой такую власть страсти, что сталъ хуже всякаго животнаго, ибо посягаетъ на цѣломудріе женщины, которая сама довѣрилась его защитѣ... Монахъ все ее слушалъ—и совѣсть его стала пробуждаться, и, наконецъ, дѣло дошло до того, что онъ прослезился, и вдругъ увидалъ, что молящуюся женщину окружаютъ какіе-то свѣтлые духи, и онъ испугался и убѣжалъ отъ нея.

Можно подумать, что этотъ легендарный случай былъ

извѣстенъ Мильтону и что онъ вызвалъ у него прекрасныя строфы:

«Такъ свято предъ очами неба дѣвство,
Что если искренно душа блюдетъ его завѣты—
Тьмы ангеловъ на службу ей готовы».

Послѣ такихъ юныхъ, нѣжныхъ и граціозныхъ женскихъ лицъ, какъ эта молодица и персіянка, встрѣчаемъ опять цѣломудренную и энергическую женщину степеннаго возраста, которая, сообразно своей житейской опытности, не только себя оберегла отъ соблазна, но еще дала прекрасный урокъ соблазнителю. Эта степенная женщина тоже обрезонниваетъ и спасаетъ монаха, но совсѣмъ инымъ пріемомъ.

24) *Іюня 13.* «Братъ нѣкій посланъ бысть изъ монастыря по службѣ» и, идучи дорогою, «пришелъ на мѣсто нѣкое, имущее воду». Здѣсь ему понравилось положеніе, и онъ присѣлъ, чтобъ отдохнуть и подкрѣпить себя пищей; но едва расположился, какъ примѣтилъ женщину, которая, стоя на берегу, мыла «платно». Разстояніе мѣшало брату опредѣлить возрастъ и разсмотрѣть черты лица женщины, но тѣмъ не менѣе братъ засмотрѣлся, какъ она моетъ и нагибается, и на него сейчасъ же «прінде брань»: братъ былъ неопытный и не могъ долго бороться; онъ сейчасъ же подошелъ къ этой женщинѣ близко и, не стѣсняясь тѣмъ, что женщина была значительно старше его, сдѣлалъ ей предложеніе, чтобъ она раздѣлила съ нимъ удовольствіе загорѣвшейся въ немъ страсти.

А женщина, надо полагать, была разсудительная и спокойная: она посмотрѣла на взволнованнаго инока безо всякаго страха и отвѣчала ему съ ироніей:

— Мнѣ нетрудно тебя послушаться, но только смотри, не пришла бы тебѣ послѣ отъ этого скорбь?

— А какая мнѣ можетъ быть скорбь?

— Не стала бы тебя мучить совѣсть и не впалъ бы ты въ отчаяніе?

— Нѣтъ. я этого ничего не боюсь,—отвѣчалъ монахъ.

— Ну, смотри: многіе послѣ каются.

— Да нѣтъ, ужъ я себя знаю.

— Нѣтъ, ты хорошенько подумай: не сталъ бы ты сильно жалѣть!

— Да нѣтъ же, не безпокойся: ни о чемъ я жалѣть не буду!

— А ты сколько лѣтъ прожилъ уже въ монастырѣ?

— Семнадцать.

— И неужели тебѣ не жаль ихъ?

— Нимало.

— А ты знаешь ли еще («имаши ли искусъ»,—то-есть испыталъ ли?), что̀ есть жена?

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну такъ какъ же ты, не зная, *что есть*, соглашаешься бросить за это невѣдомое то, въ чемъ наставленъ и чего добивался цѣлыхъ семнадцать лѣтъ? Ты знай, что взять женщину—это значитъ взять на себя большое обязательство. Я, изволь, соглашусь, на что̀ ты манишь меня, и пусть это будетъ по-твоему; но помни, что потомъ я отъ тебя не отстану, и можетъ случиться, что тебѣ придется принять на себя еще и бо̀льшую тягость.

— Какую же еще бо́льшую тягость?

— А такую, что есть ли у тебя гдѣ содержать меня и дѣтей, и чѣмъ кормить насъ?

— Нѣтъ, у меня жилья нѣтъ и кормить васъ нечѣмъ.

— Такъ какъ же ты смѣешь меня звать?

— Я объ этомъ не думалъ.

— Ты, вѣрно, думалъ, что послѣ можешь удалиться?

— Да, я вотъ именно такъ намѣревался.

— Ну, такъ ты очень глупъ, а ты впередъ знай, что женщины не для того только созданы, чтобъ угашать въ васъ огонь вашей страсти, а что онѣ имѣютъ стыдъ и любовь къ дѣтямъ, и себя и своихъ дѣтей оберегаютъ и за виновникомъ ихъ рожденія всюду готовы слѣдовать. Осмѣлься-ка, тронь меня, я посмотрю, куда ты отъ меня

дѣнешься? Я пойду къ твоему аввѣ и скажу: авва! не давай ему ни хлѣба, ни сочива и прогони его вонъ: я черезъ него стала тяжелою и не могу больше гнуться, — пусть онъ идетъ со мною и кормитъ меня, и вмѣстѣ со мною питаетъ и дитя, которое имѣетъ родиться. Авва твой тебя и выгонитъ, а я тогда заставлю тебя полоскать вмѣсто меня въ водѣ портомойню.

— Ты меня вельми просвѣтила,—отвѣчалъ монахъ.

— То-то и есть. Образумься. Если ты ужъ посвятился въ монахи, то иди скорѣй въ свой монастырь, а не стой по такимъ мѣстамъ, гдѣ женщины моютъ на рѣчкѣ.

Братъ почувствовалъ себя пристыженнымъ и, испугавшись того, чѣмъ пристрашила его прачка, возвратился бѣгомъ въ монастырь и никогда больше не засматривался на женщинъ, ибо всегда помнилъ эту прачку и со встрѣчи съ нею питалъ опасеніе къ рѣшительности женскихъ характеровъ.

Трогательны и способны вызывать живое сочувствіе выведенные вслѣдъ за симъ типы профессіональныхъ «блудницъ» и «блудницъ нищеты ради уготованныхъ».

25) *Августа 3.* Въ городъ Тиръ пришли разъ два черноризца, и когда они проходили по уединенному мѣсту гдѣ притаивались городскія блудницы, то одна изъ этихъ несчастныхъ женщинъ, по имени Порфирія, томимая голодомъ, бросилась къ одному изъ братій и, рыдая, воскликала: «Отче! спаси меня, какъ Христосъ спасъ блудницу!» Тутъ же были проходящіе люди и все это видѣли.

Черноризецъ зналъ, что тогдашніе люди имѣли самое невысокое мнѣніе о монашескомъ цѣломудріи и теперь, увидя его съ блудницей, навѣрное станутъ смѣяться надъ нимъ и осуждать его, — особенно если онъ исполнитъ просьбу блудницы и станетъ о ней заботиться; но съ другой стороны онъ разсудилъ, — что же важнѣе: снести ли напрасное осужденіе отъ толпы, или явно отвергнутъ человѣка, который умоляетъ «спасти» его во имя Христово? Выбрать правильное рѣшеніе, разумѣется, было нетрудно.

и черноризецъ отвѣтилъ блудницѣ: «иди за мною» и, «взявъ ее за руки, повелъ ее сквозь народъ изъ города».

Тогда по всему городу и по окрестностямъ быстро распространилась молва, что «черноризецъ поялъ себѣ блудницу Порфирію», и всѣ видѣли въ этомъ большой соблазнъ; но ни черноризецъ, ни его игуменъ не обращали на это никакого вниманія, а спасенная отъ позорнаго промысла блудница Порфирія, отдохнувъ и поправясь у брата, обнаружила въ себѣ большую сердечную доброту и нѣжность. Она нашла у какого-то уединеннаго бѣднаго храма брошенное дитя и, исполнившись къ нему жалости, взяла его и стала его воспитывать. «По лѣтѣ же единемъ простая чадь (то-есть простолюдины) изъ Тира» пришли для молитвенныхъ цѣлей въ обитель, куда укрыта была Порфирія, и узнали ее, а увидавъ при ней годовое дитя, заговорили: «добре чернище-черничища еси породила!» Люди эти разсказали въ Тирѣ, что видѣли у черноризца Порфирію и при ней годового ребенка, какъ разъ будто похожаго на того брата, который взялъ ее и провелъ съ собою черезъ весь городъ. Черноризецъ слышалъ объ этомъ и семь лѣтъ молчалъ, а въ это время пріемышъ Порфиріи выросъ, а она сама сдѣлалась монахиней. Тогда чернецъ, чувствуя приближеніе смерти, взялъ эту женщину и ея пріемыша и пошли всѣ трое вмѣстѣ въ Тиръ. Здѣсь инокъ собралъ въ одно мѣсто сто человѣкъ и велѣлъ принести полную кадильницу жарко горящихъ угольевъ, и при всѣхъ ссыпалъ эти пламенѣющіе уголья въ свой стихарь. Стихарь не загорѣлся и даже не чадилъ. Всѣ это видѣли и удивлялись, а черноризецъ сказалъ:—«Вотъ и смотрите: въ этомъ есть знаменіе, что я отъ рожденія своего никогда не зналъ грѣха женскаго». Раздѣлявшая же съ нимъ напраслину Порфирія, прежде бывшая тирская блудница, а потомъ благочестивая отшельница, посвятила остатокъ своей жизни спасенію другихъ женщинъ, переносившихъ въ Тирѣ такое же самое унизительное положеніе, изъ котораго она вырвалась при состраданіи монаха, котораго она никогда

не склоняла къ любовному сближенію съ собою, а хранила къ нему только высокое чувство благодарности и уваженія.

Другая блудница къ самому паденію своему приводится такимъ трогательнымъ путемъ, какому не представляетъ равнаго никакой художественный вымыселъ.

26) *Апрѣля 8.* Въ Александріи жила одна очень молодая и очень красивая дѣвушка, египтянка. Она была круглая сирота. Родители ея умерли едва только она вышла изъ дѣтства и оставили ей хорошій достатокъ. Дѣвица имѣла благоустроенный домъ и обширный виноградный садъ по скату къ рѣкѣ Нилу. Наслѣдства, которое она получила, достаточно было бы, чтобъ ей прожить цѣлую жизнь въ довольствѣ; но молодая египтянка была чрезвычайно участлива ко всякому человѣческому горю и ничего не жалѣла для того, чтобы помочь людямъ, впадающимъ въ бѣдствіе. Черезъ это съ нею произошелъ слѣдующій роковой случай.

Разъ передъ вечеромъ, когда схлынулъ палящій египетскій жаръ, египтянка пошла со своими служанками купаться къ Нилу. Она выкупалась и, освѣженная, покрывшись легкимъ покрываломъ, тихо возвращалась къ себѣ назадъ черезъ свой виноградникъ. Служанки ея этимъ временемъ оставались еще на рѣкѣ, чтобъ убрать купальныя вещи.

Вечеръ послѣ знойнаго дня былъ прелестный; работники, окончивъ свое дѣло, ушли и виноградникъ былъ пустъ. Египтянка могла быть увѣрена, что она одна въ своемъ саду; но вдругъ, къ удивленію своему, она замѣтила въ одной куртинѣ присутствіе какого-то незнакомаго ей человѣка. Онъ какъ-будто скрывался и въ то же время торопливо дѣлалъ что-то у одного плодовитаго дерева. Можетъ-быть, онъ рвалъ плоды и оглядывался, боясь, что его поймаютъ вертоградари.

Египтянкѣ пришло на мысль подойти ближе къ незнакомцу съ тѣмъ, чтобы помочь ему скорѣе нарвать больше плодовъ и потомъ тихо проводить его черезъ ходъ, выво-

дившій на берегъ Нила, къ купальнѣ. Съ этою цѣлью она и пошла къ незнакомцу.

Но когда египтянка подошла ближе, то она увидала, что этотъ незнакомецъ не срывалъ плоды, а дѣлалъ что-то совсѣмъ другое: онъ закрѣплялъ для чего-то шнуръ къ суку стараго дерева. Это показалось ей непонятно, и она притаилась, чтобы видѣть, что̀ будетъ дальше, а незнакомецъ сдѣлалъ изъ шнура петлю и вложилъ въ нее свою голову... Еще одно мгновеніе — и онъ удавился бы въ этой петлѣ, изъ которой слабой дѣвушкѣ не по силамъ было бы его вынуть. а пока она успѣла бы позвать на помощь людей, удавленникъ успѣлъ бы умереть... Надо было помѣшать этому немедленно.

Египтянка закричала: «остановись!» и, бросаясь къ самоубійцѣ, схватилась руками за петлю веревки.

Незнакомецъ былъ пожилой человѣкъ, эллинъ, съ печальнымъ лицомъ и въ печальной одеждѣ, съ неподрубленнымъ краемъ. Увидавъ египтянку, онъ не столько испугался, сколько пришелъ въ досаду, и сказалъ ей:

— Какое несчастіе! Злой демонъ, что ли, выслалъ тебя сюда, чтобъ остановить мою рѣшимость?

— Для чего ты хочешь умереть, когда жизнь такъ прекрасна? — отвѣчала ему египтянка.

— Можетъ-быть, жизнь и прекрасна для тебя и для подобныхъ тебѣ, которыя живутъ въ полномъ довольствѣ. Раньше и я находилъ въ ней хорошее, но нынче судьба отъ меня отвернулась и жизнь моя составляетъ мнѣ несносное бремя: ты не права, что мѣшаешь мнѣ умереть. Иди отсюда своею дорогою и оставь мнѣ возможность вылѣзть по моей веревкѣ вонъ изъ этой житейской ямы, гдѣ я не хочу болѣе терзаться между грязью и каленными угольями.

Дѣвушка не соглашалась его оставить и сказала:

— Я не позволю тебѣ удавиться: я закричу—и сейчасъ прибѣгутъ мои люди. Лучше возьми свой шнурокъ подъ одежду и поди за мною въ мой домъ: разскажи мнѣ тамъ

твое горе, и если есть возможность облегчить его, то я это сдѣлаю, а если оно въ самомъ дѣлѣ такъ безпомощно, какъ ты думаешь, тогда... выходи отъ меня со своимъ шнуромъ куда хочешь: я тебѣ ни въ чемъ не помѣшаю, и ты еще не опоздаешь тогда повиснуть на деревѣ.

— Хорошо, — отвѣчалъ незнакомецъ, — и какъ мнѣ ни тяжело медлить на землѣ, но ты мнѣ кажешься такою участливою, въ глазахъ твоихъ столька ума, а въ голосѣ ласки, что я тебѣ хочу повиноваться. Вотъ уже шнуръ мой спрятанъ подъ моею одеждой и я готовъ идти за тобою.

Египтянка привела отчаяннаго въ свой благоустроенный домъ, приказала служанкѣ подать фрукты и прохладительное питье и, усадивъ гостя среди мягкихъ подушекъ на пышномъ коврѣ, вышла, чтобы перемѣнить свое купальное платье на другое. Когда же она возвратилась, то сѣла тутъ же рядомъ съ гостемъ, а за ними стали двѣ черныя служанки и легкимъ движеніемъ шелковыхъ кистей начали приводить въ колебаніе спускавшееся съ потолка огромное, напитанное ароматами, опахало изъ большихъ пестрыхъ перьевъ.

Египтянка желала какъ можно скорѣе узнать горестную исторію незнакомца, что̀ онъ и исполнилъ. Разсказъ его былъ простъ и немногосложенъ. Покусившійся на самоубійство эллинъ недавно еще имѣлъ большое состояніе, но потерпѣлъ неудачи въ дѣлахъ и до того задолжалъ, что не могъ разсчитаться со своимъ заимодавцемъ. Въ этомъ затрудненіи онъ прибѣгнулъ къ его состраданію; но это было напрасно: богачъ соглашался оказать ему снисхожденіе, но не иначе, какъ на одномъ ужасномъ условіи.

— Въ чемъ же заключается это условіе? — спросила египтянка.

— Я не могу сказать тебѣ этого при твоихъ слугахъ.

Она велѣла служанкамъ удалиться.

— У меня есть дочь, дѣвушка твоихъ лѣтъ. Она такъ же, какъ ты, стройна станомъ и прекрасна лицомъ, а о

сердцѣ ея суди какъ можешь по слѣдующему. Заимодавецъ мой, большой и безнравственный сластолюбецъ, сказалъ мнѣ: «отдай мнѣ твою дочь на ложе, и тогда я освобожу тебя отъ темницы; иначе ты задохнешься въ колодкѣ». Я оскорбился и не хотѣлъ слышать объ этомъ. Это было мнѣ тѣмъ болѣе тяжко, что у моей бѣдной дочери есть женихъ. Онъ бѣденъ, но имѣетъ возвышенный умъ, и дочь моя горячо любитъ его съ самаго дѣтства; кромѣ того, и жена моя не снесетъ такого безчестья, чтобы дочь наша стала наложницей. Но бѣда настигаетъ бѣду: представь себѣ новое горе: дочь моя все это узнала и сегодня сказала мнѣ тихо:

«— Отецъ, я все знаю... я уже не ребенокъ.. я рѣшилась, отецъ... Чтобы на твою старую шею не набили колодку... Прости мнѣ, отецъ... я рѣшилась...»

Она зарыдала, и я вмѣстѣ съ нею рыдалъ еще больше и сталъ ее отговаривать, но она отвѣчала:

«— Любовь къ тебѣ и къ матери, которая не снесетъ твоего униженія, во мнѣ теперь говоритъ сильнѣе любви къ моему жениху: онъ молодъ, — продолжала она, глотая бѣжавшія слезы, — онъ полюбитъ другую и съ ней пусть узнаетъ счастье супружеской жизни; а я... я твоя дочь... я дочь моей матери... вы меня воспитали... вы стары... Не говори мнѣ больше ни слова, отецъ, потому что я твердо рѣшилась».

Притомъ она пригрозила, что если я буду ей противорѣчить, то она не станетъ ждать завтрашняго дня, когда заимодавецъ назначилъ мнѣ срокъ, а уйдетъ къ нему сію же минуту.

Незнакомецъ отеръ набѣжавшія на лицо его слезы и кончилъ:

— Что еще скажу тебѣ дальше? Моя дочь имѣетъ рѣшительный нравъ и нѣжно насъ съ матерью любитъ... Что она порѣшила, противъ того напрасно съ ней спорить... Я упросилъ ее только подождать до завтра, и солгалъ ей, будто имѣю еще на кого-то надежду... День цѣлый я хо-

дилъ какъ безумный, потомъ возвратился домой, обнялъ жену и дочь и оставилъ ихъ вмѣстѣ, а самъ взялъ тихонько шнурокъ и побѣжалъ искать уединеннаго мѣста, гдѣ могъ бы окончить мои страданія. Ты мнѣ помѣшала, но зато облегчила горе мое своимъ сердобольнымъ участіемъ. Мнѣ мило видѣть лицо твое, прекрасное и доброе, какъ лицо моей дочери. Пусть благословитъ тебя Небо, а теперь прощай и не мѣшай мнѣ: я пойду и окончу съ собой. Когда я не буду въ живыхъ, дочь моя не станетъ бояться колодки, которую могутъ набить на шею отцу, и она выйдетъ замужъ за своего жениха, а не продастъ себя, ради отца, богачу на безчестное ложе.

Египтянка внимательно выслушала весь разсказъ незнакомца, а потомъ сказала, глядя ему твердо въ лицо:

— Я понимаю во всемъ твою милую дочь—она добрая дѣвушка.

— Тѣмъ это тяжелѣй для меня,—отвѣчалъ незнакомецъ.

— Я понимаю и это; но скажи мнѣ—сколько ты долженъ заимодавцу?

— О, очень много, — отвѣчалъ незнакомецъ и назвалъ очень знатную сумму.

Это равнялось всему состоянію египтянки.

— Приди ко мнѣ завтра—я дамъ тебѣ эту сумму.

Незнакомецъ изумился: онъ и радовался, и не могъ вѣрить тому, что слышитъ, а потомъ сталъ ей говорить, что онъ даже не смѣетъ принять отъ нея такую великую помощь. Онъ напомнилъ ей, что долгъ его составляетъ слишкомъ значительную сумму, и просилъ ее подумать, не подвергаетъ ли она себя слишкомъ большой жертвѣ, которой онъ даже не въ состояніи и обѣщать возвратить ей.

— Это не твое дѣло,—отвѣчала египтянка.

— Притомъ же,—сказалъ онъ,—припомни и то, что я изъ другого народа—я эллинъ, и другой съ тобой вѣры.

Египтянка опустила рѣсницы своихъ длинныхъ, какъ миндалины, глазъ и отвѣчала ему:

— Я не знаю, въ чемъ твоя вѣра: это касается нашихъ

жрецовъ; но я вѣрю, что грязь такъ же маратъ ногу гречанки, какъ и ноги всякой иной, и одинаково каждую жжетъ уголь каленый. Не смущай меня, грекъ; твоя дочь покорила себѣ мое сердце,—иди, обними твою дочь и жену и приди ко мнѣ завтра.

А когда незнакомецъ ушелъ, дѣвушка тотчасъ же опять взяла свое покрывало и пошла къ богатому ростовщику. Она заложила ему за высокую цѣну все свое имущество и взятое золото отдала на другой день незнакомцу.

Черезъ малое же время, когда прошелъ срокъ сдѣланнаго заклада, ростовщикъ пришелъ съ закладной и взялъ за себя все имущество египтянки, а она должна была оставить свой домъ и виноградникъ и выйти въ одномъ бѣдномъ носильномъ платьѣ. Теперь у нея не было ни средствъ, ни пріюта.

Скоро увидѣли ее въ этомъ положеніи прежніе знакомые ея родителей и стали говорить ей:

— Ты, безумная дѣвушка и сама виновата въ томъ, до чего тебя довела твоя безразсудная доброта!

Она же имъ отвѣчала, что ея доброта не была безразсудна, потому что теперь она лишь одна потерпитъ несчастье, а безъ этого погибало цѣлое семейство. Она разсказала имъ все о несчастьѣ эллина.

— Такъ ты вдвое безумна, если сдѣлала это все для людей чужой вѣры!

— Да вѣдь не порода и вѣра страдали, а *люди*,—отвѣтила она.

Услыхавъ такой отвѣтъ, знакомые почувствовали противъ нея еще бо̀льшее раздраженіе.

— Ты хочешь блистать своей добротою къ чужевѣрнымъ пришельцамъ, — ну, такъ живи же, какъ знаешь! — и всѣ предоставили ее судьбѣ, а судьба приготовила ей жестокое испытаніе.

Великодушная дѣвушка не могла избѣжать тяжкихъ бѣдствій по причинамъ, которыя крылись въ ея воспитаніи: она совсѣмъ не была приготовлена къ тому, чтобы добы-

вать себѣ средства своими трудами. Она имѣла молодость, красоту и свѣтлый, даже проницающій умъ и возвышенную душу, но не была обучена никакому ремеслу. Прелестное, дѣвственное тѣло ея было слабо для того, чтобъ исполнять грубыя работы—береговыя поденщицы ее отгоняли; она не могла носить ни корзины съ плодами, ни кирпичи на постройки, и когда она хотѣла мыть бѣлье на рѣкѣ, то зола изъ сгорѣвшаго нильскаго тростника разъѣдала ея нѣжныя руки, а текучая вода производила у нея головокруженіе, такъ что она упала въ воду и ее, полуживую, безъ чувствъ вытащили изъ Нила.

Она очутилась въ отчаянномъ положеніи: въ мокромъ платьѣ и голодная. Съ ней подѣлилась сухою ячменною лепешкой береговая блудница,—одна изъ тѣхъ, которыя во множествѣ бродили по берегу Нила, поджидая проходившихъ здѣсь вечеромъ чужеземныхъ матросовъ (навклировъ); одна эта женщина подѣлилась съ нею и на ночь своею циновкой, она же прикрыла ее и отъ стужи ночной своею сухою одеждой, а потомъ... прекрасная египтянка стала такою же, какъ эта, прибрежной блудницею.

Всѣ знавшіе Азу отъ нея отвратились — она погибала. Иногда она приходила въ свой бывшій виноградникъ, подъ то самое дерево, на вѣтвяхъ котораго хотѣлъ удавиться избавленный ею незнакомецъ, и вспоминала его разсказъ, и всегда находила, что не могла поступить иначе, какъ поступила: пусть страдаетъ она, но другіе спасены!.. Это радовало египтянку и давало ей силу терпѣть ея униженіе; но случались минуты слабости, когда она была близка къ отчаянію и готова была броситься въ Нилъ. Тогда она садилась надъ кручей на красномъ, какъ сгустѣлый комъ крови, песчаномъ холмѣ и размышляла о томъ: неизбѣжно ли такъ должно быть, чтобы добрый всегда былъ между грязью и каленными угольями?

Или будь безучастенъ къ горю людскому, или утони въ горѣ самъ? Третій выборъ—плетись между грязью и углемъ. Для чего же тогда нашимъ сердцамъ дано знать сострада-

ніе? Или небо жестоко? Зачѣмъ оттуда никто не сойдетъ и не укажетъ—какъ людямъ сдѣлать жизнь свою лучше, чтобъ отверженныхъ не было, и чтобы не было гордыхъ, пресыщенныхъ и нищихъ? О, если бы снизошелъ оттуда такой великій учитель, если бы былъ такой человѣкъ,—какъ бы она хотѣла рыдать у его ногъ и во всю жизнь исполнять все, что онъ ей прикажетъ!

Въ такомъ настроеніи она однажды тихо брела вдоль берега Нила, по уединенному мѣсту, и не встрѣчала въ этотъ день даже буйныхъ мореходцевъ. Она уже два дня не ѣла и чувствовала мучительный голодъ. Въ глазахъ у нея мутилось. Она подошла къ рѣкѣ и нагнулась, чтобы напиться, но сейчасъ же отскочила въ испугѣ: такъ самой ей показалось страшно ея изнуренное лицо съ померкнувшимъ взглядомъ. А такъ недавно еще ее всѣ называли «прекрасной».

— О, я понимаю теперь, что̀ это значитъ. Я уже больше не «прекрасная»,—я страшна даже самымъ потерянным людямъ!.. Голодъ приблизился, мучительный голодъ... но я не ропщу... Я посылаю послѣдній привѣтъ мой Небу, которое внушило мнѣ рѣшенье любить другихъ больше себя, и съ тѣмъ умираю!

Она бросилась къ рѣкѣ, чтобъ утонуть, и непремѣнно бы исполнила это, но ее неожиданно кто-то удержалъ за плечо, и она, оглянувшись, увидала передъ собой пожилого человѣка скромнаго вида и въ чужестранной одеждѣ.

Египтянка приняла его за одного изъ чужестранцевъ, приходящихъ на это мѣсто съ цѣлями, о которыхъ ей было извѣстно, и сказала ему:

— Оставь меня въ покоѣ: я не хочу идти сегодня съ тобой.

Но чужеземецъ не отошелъ, а взглянулъ на нее ласково и сказалъ ей:

— Напрасно думаешь, сестра моя, что я былъ намѣренъ сказать тебѣ что-либо дурное. Мнѣ показалось, что ты въ какомъ-то бореньѣ съ собой.

— Да; я вынимаю ноги мои изъ грязи и хочу ступить на горячіе уголья. Это требуетъ силы.

— Ты очень слаба.

— Я два дня не ѣла.

— Такъ ѣшь же скорѣе: со мной есть хлѣбъ и печеная рыба.

Чужеземецъ поспѣшно перебросилъ изъ-за спины холщевую сумку и подалъ дѣвушкѣ рыбу и хлѣбъ и флягу воды съ виномъ.

Египтянка стала ѣсть, запивая глотками воды, а когда первый мучительный голодъ ея былъ утоленъ, она повела глазами на незнакомца и тихо сказала:

— Нехорошо, что я ѣмъ твою пищу: ты путешествуешь и тебѣ нуженъ запасъ для себя.

— Не безпокойся, сестра, — я могу потерпѣть, и повѣрь, что терпѣть гораздо отраднѣй, чѣмъ видѣть терпящихъ.

Египтянка вздрогнула.

— Чужестранецъ! — сказала она, — ты меня накормилъ и хорошо говоришь... но зачѣмъ ты два раза уже назвалъ меня своею *сестрой?* Развѣ не понимаешь ты, кто я такая?

— Ты такое же созданіе Бога, какъ я, и сестра мнѣ. Какое мнѣ дѣло, чѣмъ житейское горе и жестокость людей тебя теперь сдѣлали.

Дѣвушка вперила въ него свои глаза, опять засверкавшіе бывалымъ огнемъ, и вскричала:

— Ты жжешь меня своими словами! Ты, быть-можетъ, посланникъ боговъ?

— Нѣтъ, я такой же, какъ ты, простой человѣкъ.

— Но кто научилъ тебя такъ говорить, что сердце мое горитъ и трепещетъ?

— Сядемъ здѣсь вмѣстѣ, и я разскажу тебѣ, кто научилъ меня такъ говорить.

Несчастная еще больше смутилась.

— Какъ, — сказала она, — ты хочешь сидѣть со мной

рядомъ! Тебя могутъ увидѣть съ блудницей почтенные люди, и что̀ ты имъ скажешь тогда въ свое оправданіе?

— Я скажу имъ, что Тотъ, Кто всѣхъ ихъ почтеннѣе, не гнушался такою, о какой ты вспоминаешь.

— Кто жъ это былъ *онъ?*.. Я о такомъ не слыхала... но ты о немъ говоришь, и слова твои льютъ новую жизнь въ мое сердце... Можетъ-быть, онъ-то и есть твой учитель?!

— Ты не ошиблась. Это *Онъ* — мой Учитель.

Египтянка заплакала.

— Какъ ты счастливъ, какъ ты счастливъ, чужестранецъ! Гдѣ же онъ, гдѣ этотъ небесный посланникъ?!

— Онъ съ нами.

— Съ нами!.. со мной!.. Не смѣйся надъ бѣдною блудницей!.. я несчастна... Скажи мнѣ, гдѣ онъ, и я побѣгу... Я стану его умолять... быть-можетъ. и мнѣ онъ дастъ новую жизнь!

Чужеземецъ самъ взволновался.

— Успокойся, — сказалъ онъ. — ты ее будешь имѣть — новую жизнь, — развяжись только со старой, — развяжись скорѣй съ тѣмъ, что гнететъ тебя въ прошломъ.

— Слушай же, кто я такая! — воскликнула съ оживленіемъ дѣвушка, и разсказала все, что̀ съ ней было, и когда повѣсть ея была кончена, она добавила въ свое оправданіе:

— Говорятъ, будто мнѣ надлежало иначе размыслить, но я не могла: мое сердце тогда одолѣло разсудокъ.

— Кто кладетъ руку на плугъ и самъ озирается вспять, тотъ не пахарь. Не жалѣй о томъ, какъ ты поступила.

Она потупила взоръ и сказала:

— Я не о томъ сожалѣю... но мнѣ тягостно думать о томъ, что̀ было послѣ...

— Послѣ того, когда ты совершила святѣйшее дѣло любви, — прервалъ ее чужестранецъ, — послѣ того, когда ты позабыла себя для спасенія другихъ... Оставь сокрушенія эти!.. Когда каленое уголье жжетъ ноги, ноги ползутъ

въ холодную грязь, но любовь покрываетъ много грѣховъ и багровыя пятна бѣлитъ, какъ волну на ягненкѣ... Подними лицо твое вверхъ... Прими отъ меня привѣтъ христіанскій и знай, что *Онъ*, къ Кому душа твоя рвется, перстомъ на сыпучемъ пескѣ твой грѣхъ написалъ и оставилъ смести его вѣтру.

Египтянка подняла лицо свое и плакала, а христіанинъ глядѣлъ на нее, колѣни его незамѣтно согнулись, онъ поклонился ей въ ноги и тихо промолвилъ:

— Ты была мертвая и стала живая!

Утѣшеніе совершилось, — пришла новая жизнь въ смущенную душу египтянки. Христіанинъ разсказалъ ей, въ чемъ состоитъ ученіе Христово, и египтянка непремѣнно захотѣла узнать: есть ли люди, которые живутъ по этому ученію, по взаимной любви, и у которыхъ нѣтъ ни осужденія, ни зла, ни нищеты.

— Они были. — отвѣчалъ христіанинъ.

— Отчего же не всѣ таковы и теперь?

— Это трудно, сестра.

— Въ чемъ же тутъ трудность?

Слушай, какъ они жили.

Христіанинъ прочелъ ей на память мѣсто изъ *Дѣяній:*

«У множества увѣровавшихъ въ спасительность Его ученія было одно сердце и одна душа. — никто изъ имѣнія своего ничего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее и все, что у нихъ было, они раздѣляли по нуждѣ каждаго и каждый день собирались вмѣстѣ и вмѣстѣ принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца» (Дѣян. IV. 32).

— Такъ вѣдь это прекрасно! — воскликнула Аза.

— Но для иныхъ это трудно!

«Такъ Іоссія, прозванный отъ апостоловъ Варнавою, что значитъ «сынъ утѣшенія» — левитъ, родомъ изъ Кипра, у котораго было свое помѣстье, продалъ его и принесъ деньги къ ногамъ апостоловъ» (37).

Послѣ многихъ сумрачныхъ дней лицо египтянки освѣ-

тилось отрадной улыбкою: Варнава отдалъ помѣстье, и назвали его: «сынъ утѣшенія»...

Она выше подняла лицо и сказала:

— Это вовсе не трудно. Это только *такъ должно!*

— Такъ иди же отсюда, куда я тебя научу, и разскажи тѣмъ людямъ, къ которымъ придешь, все, что ты мнѣ разсказала.

Чужеземецъ назвалъ ей мѣсто, гдѣ сходятся христіане Александріи и кто ихъ епископъ.

Египтянка, ни минуты не медля, встала и пошла по его указанію.

Когда она пришла, ее сейчасъ же узналъ одинъ клирикъ и сказалъ ей:

— Красотка! мнѣ очень знакомо твое лицо: ты похожа на блудницу, которая часто ходила по берегу Нила.

— Я сама и есть та блудница,—отвѣчала египтянка,— но то уже кончено: я хочу быть христіанкой.

— Ну, это не сразу: ты должна прежде очистить себя постомъ и раскаяніемъ.

— Я все готова исполнить, что̀ нужно.

Ей сказали, какъ надо поститься; она пошла и долго постилась, питаясь тѣмъ, что ей давали изъ состраданія. Наконецъ, она изнемогла и пришла снова съ просьбой, чтобы ее крестили и приняли со всѣми въ общенье. Клирики сказали ей: «Ты такъ мерзко жила у всѣхъ на виду, что должна принести при всѣхъ покаяніе».

— Да, я затѣмъ и пришла, чтобы сказать всѣмъ, какъ дурна моя жизнь, но я изнемогаю и боюсь, что скоро умру. Прошу васъ: скажите епископу, что я прошу скорѣе принять меня въ общеніе.

Клирики сказали епископу, и тотъ скоро велѣлъ назначить ей катихизатора, который долженъ былъ протолковать ей символъ и всѣ догматы вѣры и потомъ удостовѣрить ея познанія, и тогда египтянку положили крестить.

Но она этого не дождалась; нетерпѣливое желаніе ея получить христіанское имя и жить съ христіанами вмѣстѣ

снѣдало ее; она жаловалась и плакала, «а всѣ пренебрегали ею».

Тогда совершилось чудо: когда отверженная египтянка лежала больная «въ малой хлевинѣ», туда къ ней среди ночи вошли «два свѣтлые мужа» и одѣли ее въ бѣлыя, «крестильныя ризы». Въ нихъ и осталось на землѣ ея мертвое тѣло, а живой духъ ея отлетѣлъ въ обитель живыхъ.

Кончина египтянки, одѣтой въ крестильныя ризы, сдѣлала затрудненіе клирикамъ: они недоумѣвали, по какому обряду надо похоронить эту женщину, но неожиданно пришелъ тотъ чужестранецъ, который говорилъ съ усопшею у берега Нила. Онъ былъ философъ и пресвитеръ сирійскій, другъ Исаака-Сирійца, — онъ вернулся сюда съ дороги по внушенію духа. Онъ наклонился къ усопшей и сталъ читать христіанскія молитвы, а пока онъ молился, тѣло ея зарыли въ землю, но сиріецъ еще долго стоялъ и смотрѣлъ вдаль — онъ что-то думалъ, онъ былъ въ восторгѣ и двигалъ устами.

Его спросили:

— Вѣрно ты видишь чудное что-нибудь?

— Да, — отвѣчалъ онъ, — я вижу какъ будто бы небо отверсто... и туда... кто-то входитъ...

— Неужто блудница?

— О, нѣтъ!.. блудницу вы закопали въ грязи: я вижу... какъ легкая струйка съ каленаго угля сливается съ свѣтомъ; мнѣ кажется, это восходитъ *дочь утѣшенія*.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Слѣдующее женское лицо является въ иной, но не менѣе трогательной обстановкѣ, также ярко рисующей и общую картину нравовъ V вѣка.

27) *Іюня 14.* Евсевій изъ Аскалона разсказывалъ, что у нихъ въ городѣ былъ купецъ, имѣвшій свои корабли, на которыхъ онъ возилъ дорогіе товары въ Африку. Разъ сдѣлалось

кораблекрушеніе, и купецъ этотъ сразу обѣднѣлъ: корабли его потонули, а выкинутые на берегъ товары были расхищены. Тогда заимодавцы посадили этого купца въ тюрьму, а его молодая и очень красивая жена ходила на поденщину и что̀ успѣвала зарабатывать, на то приготовляла пищу и приносила ее мужу въ темницу. При этихъ посѣщеніяхъ она иногда долго засиживалась съ заключеннымъ, стараясь облегчить его несносное томленіе. Въ Аскалонѣ же у знатныхъ людей было обыкновеніе, чтобы по особливымъ днямъ ходить посѣщать содержащихся въ тюрьмахъ и подавать имъ милостыню. Одинъ изъ такихъ знатныхъ людей пришелъ разъ въ темницу, когда жена разорившагося купца сидѣла у своего мужа, и какъ только взглянулъ на нее, такъ и плѣнился ею. «Уязвися вельможа сердцемъ, видя красоту ея, бѣ бо по истинѣ красна зѣло». Вельможа сейчасъ же «подосла къ ней нѣкоего странника», чтобъ она подошла къ нему «пріяти милостыню».

Женщина, не подозрѣвая ничего дурного со стороны вельможи, встала и подошла къ нему, чтобы «пріять его милосердіе», а онъ сталъ ее спрашивать: за что̀ она сидитъ въ темницѣ? Женщина отвѣчала, что заключенъ здѣсь ея мужъ, а она только приходитъ посѣщать его и остается съ нимъ по любви и состраданію, чтобъ облегчать его участь. Тогда вельможа сказалъ ей прямо: «я тебѣ помогу: приходи нынче вечеромъ и пробудь со мной ночь, а я завтра выкуплю твоего мужа изъ темницы».

Женщина не обнаружила ни гнѣва, ни досады и не стала устыжать вельможу за то, какъ онъ пользуется затрудненіями бѣдности, а сказала ему:

— Я должна спросить объ этомъ своего мужа, и какъ онъ скажетъ, такъ я и сдѣлаю. Хочешь — я пойду и спрошу его?

Вельможа не стѣснялся и отвѣтилъ ей: «Спроси».

Она подошла къ мужу и передала ему съ совершенною простотой предложеніе, сдѣланное ей вельможей.

Купецъ заплакалъ и, глубоко вздохнувши, сказалъ:

— Да, не даромъ сказано: «не надѣйтесь на князи и сыны человѣческіе». Пусть проститъ ему Богъ обиду, которою онъ хотѣлъ насъ унизить еще болѣе, чѣмъ мы унижены. Подойди къ нему и скажи, что мы не хотимъ купить свободу такою цѣной.

Жена подошла и въ той же самой простотѣ передала слова мужа вельможѣ. Вельможа разсердился и вышелъ. Сидѣлъ же тутъ неподалеку отъ купца въ другомъ углѣ темницы одинъ дорожный разбойникъ, который все это видѣлъ и слышалъ. Взаимная любовь и вѣрность супруговъ его тронули, и онъ «поману къ себѣ жену и рече ей: азъ умилихся, видя цѣломудріе ваше. Азъ разбойникъ есмь и имамъ злато сокровенно въ зиданіи граднѣмъ. Иди на мѣсто, имя рекъ, раскопай и возьми злато тамъ сокровенное на воздаяніе долга мужа твоего и иныя потребы ваши».

Женщина пошла и нашла золото и искупила мужа милосердіемъ разбойника.

За симъ наступаетъ типъ возвышеннѣйшей деликатности.

28) *Мая 30.* Блаженный отецъ Маркъ плылъ однажды на кораблѣ въ Константинополь, но поднялась буря и загнала его «кораблецъ» къ «нѣкоторому пустынному острову». Пока корабельщики справлялись съ поврежденными снастями, блаженный Маркъ сошелъ походить на безлюдный островъ и къ удивленію своему вдругъ замѣтилъ на пескѣ слѣдъ ноги человѣческой. Онъ пошелъ дальше по этому слѣду и вскорѣ увидѣлъ въ отдаленіи человѣка, который впрочемъ былъ въ очень странномъ и непонятномъ видѣ и, замѣтивъ Марка, видимо старался отъ него скрыться. Блаженный Маркъ, заинтересованный неожиданной встрѣчей, погнался за удалявшимся жильцомъ необитаемаго острова и скоро сталъ его настигать. Тогда преслѣдуемый имъ дикій или полудикій человѣкъ, видя, что ему уже не скрыться отъ настигающаго пришельца, сталъ передъ нимъ «присѣдать», сгибаясь къ землѣ, и что-то говорилъ ему неразборчивымъ и жалобнымъ голосомъ. Бл. Маркъ, слыша этотъ

жалкій и слабый стонъ или мольбы, пріостановился и сказалъ:

— Не убѣгай отъ меня: я христіанинъ и не намѣренъ сдѣлать тебѣ никакого зла.

А присѣдавшій дикарь еще ниже пригнулся и отвѣчаетъ:

— Я не боюсь тебя; но стыжусь, ибо я нагая женщина, а ты мужъ, и потому я ухожу отъ твоего взгляда. Если же ты милостивъ и хочешь со мной говорить, — то брось мнѣ что-нибудь изъ твоей одежды, чтобъ я могла хоть немножко закрыться, — тогда я стану къ тебѣ лицомъ, и мы можемъ поговорить.

Бл. Маркъ имѣлъ на себѣ въ ту пору двѣ ризы. Одну онъ оставилъ на себѣ, а другую свернулъ комкомъ и бросилъ нагой женщинѣ, а самъ отворотился. Женщина подхватила одежду, покрылась ею и подошла къ бл. Марку. Они сѣли, и когда разговорились, то бл. Маркъ узналъ отъ нея слѣдующее: женщина эта родилась въ простомъ и бѣдномъ семействѣ и притомъ родители ея скоро умерли, а она осталась совершенно безпомощною сиротой. Попалась она какъ-то разъ на глаза одному именитому и богатому человѣку, который тронулся ея положеніемъ, изъ жалости взялъ ее къ себѣ въ домъ и сталъ воспитывать вмѣстѣ со своими дѣтьми. У него она выросла и стала красива, и обнаружила умъ и добрый характеръ, и этимъ нашла себѣ такое благорасположеніе у своего воспитателя, что онъ не хотѣлъ искать для своего сына лучшей жены, какъ эта сиротка. Молодой человѣкъ тоже любилъ ее и тоже не хотѣлъ себѣ иной невѣсты. но женщины-родственницы съ материной стороны жениха имѣли непремѣнное намѣреніе женить «наслѣдника всего имѣнія» на дѣвушкѣ богатой и знатнаго рода. Это повело къ большимъ семейнымъ непріятностямъ, отъ которыхъ молодой человѣкъ много страдалъ и, наконецъ, сильно заболѣлъ, но и лежа въ огнѣ болѣзни все одно повторялъ: «люба ми есть та, еже воспиталъ мой отецъ». Тогда, чтобъ онъ не

лишился жизни, — ихъ соединили. Молодые супруги были вполнѣ счастливы,—особенно мужъ, который и послѣ свадьбы все еще повторялъ; «люба ми есть, еже дахъ мой отецъ!»— но мать его и ея родственницы постоянно старались сѣять раздоръ въ домѣ и поносили молодого человѣка за его любовь къ женѣ, избранной имъ изъ бѣднаго и низкаго круга. Тогда эта молодая женщина, видя, что семейныя смуты въ домѣ и страданія любимаго ею мужа не прекратятся, пока ее видятъ въ домѣ,—рѣшилась пожертвовать собою и, для водворенія семейнаго спокойствія, бѣжала изъ дома. Сначала она шла, куда глаза глядятъ, а потомъ плыла на кораблѣ, но корабль разбило, и ее выбросило на этотъ самый безлюдный островъ, гдѣ нашелъ ее блаженный Маркъ. Здѣсь она испытала холодъ, голодъ и безпріютность и вдобавокъ ощутила въ себѣ младенца, котораго и родила, воспитала и живетъ съ нимъ уже тридцатый годъ, не видя лица человѣческаго. Блаженный Маркъ видѣлъ и сына этой великодушной женщины: совсѣмъ нагой, онъ прятался въ пещерѣ и былъ пораженъ ужасомъ и удивленіемъ при видѣ третьяго человѣка, притомъ покрытаго одеждами.

Слѣдующій очеркъ представляетъ женскій типъ и очень энергическій, и не лишенный своеобразной ироніи, напоминающей русскую княгиню Ольгу въ ея дѣлѣ съ древлянами.

29) *Августа 14.* Въ одномъ прибрежномъ торговомъ мѣстѣ жили въ большой дружбѣ два купца: одинъ женатый, а другой холостой. У женатаго жена была очень красивая, а притомъ очень умная и цѣломудренная, но супружеское счастье ихъ не было продолжительно: мужъ внезапно умеръ, а красавица-жена его осталась вдовой, и какъ она очень любила своего мужа, то не хотѣла вступать во второй бракъ, а желала посвятить остальную жизнь служенію добрымъ дѣламъ. Между тѣмъ ея красота и извѣстная скромность ея въ сожительствѣ съ первымъ мужемъ влекли къ ней многихъ жениховъ, которымъ она всѣмъ спокойно отказывала, совѣтуя имъ брать себѣ въ жены дѣвушекъ. Многихъ она

такъ отводила; но явился одинъ такой пылкій соискатель, съ которымъ ей нелегко было раздѣлаться. Это былъ тотъ самый искренній другъ ея перваго мужа, въ которомъ она и не подозрѣвала, что и онъ увлеченъ ея красотой, а онъ такъ «уязвился къ ней страстію неисцѣльною, что мало не изгибе».

Тогда эта красавица, какъ женщина уже опытная и не разъ видавшая передъ собою влюбленныхъ, замѣтила томленія друга своего покойнаго мужа и безъ ошибки разгадала, какого они свойства. Она признала за лучшее вывесть дѣло на чистоту и потомъ оказать этому человѣку помощь.

— Друже!—сказала она ему,—я вижу, что ты самъ не въ себѣ, когда говоришь со мною. Не должна ли я изъ этого заключить, что ты вѣрно имѣешь ко мнѣ что-нибудь особенное, но стѣсняешься сказать это. Прошу тебя, не продолжай далѣе такого для тебя вреднаго, да и для меня безпокойнаго состоянія, потому что я не хочу видѣть тебя страдающимъ. Скажи мнѣ, что тебѣ отъ меня надобно, и будь увѣренъ, что я сдѣлаю все какъ могу лучше, и надъ твоимъ признаніемъ не посмѣюся.

Онъ же, услыхавъ такое поощреніе, очень обрадовался и съ откровенностію ей сказалъ, что плѣненъ ея красотой, почитаетъ извѣстныя ему ея душевныя качества и желаетъ взять ее себѣ въ жены.

Разсудительная вдова поблагодарила его за уваженіе, но отвѣчала ему, что, испытавъ радости брака съ мужемъ любимымъ, она уже не желаетъ второй разъ испытывать того же самаго съ другимъ человѣкомъ, ибо думаетъ, что лучшее время жизни уже не повторится, а худшее родитъ только сожалѣнья о прежнемъ и не составитъ ни для той, ни для другой стороны счастія. А потому она предпочитаетъ не вступать въ новый союзъ ни съ кѣмъ, а будетъ жить для дѣтей и для общественныхъ заботъ, которыя всегда достойны вниманія и поглощаютъ досугъ съ пользой для ближняго. Молодому же человѣку она указывала на молодыхъ, только дошедшихъ до брачнаго возраста дѣву-

шекъ, съ которыми и совѣтовала ему вступить въ бракъ, ибо съ такою онъ можетъ жить въ любви, свободной отъ воспоминаній о прошломъ.

Но молодой человѣкъ «толико уязвился любовью ко вдовицѣ, иже вся иныя ни за что вмѣняя»,—онъ не слушалъ никакихъ доводовъ и указаній на дѣвушекъ, а нетерпѣливо «припадалъ ко вдовѣ и молилъ ее быть его женой», при чемъ онъ «люте истаевалъ», былъ унылъ и «ко гробу склоняся, ходилъ неистовъ яко бы бѣсенъ».

Такая докучная неотвязчивость и непріятное приставаніе нестерпимо надоѣли вдовицѣ, которая разсуждала такъ, что не можетъ же она «ради влеченія его исполнить все, елико онъ хощетъ»!.. И тогда, чтобы покончить съ нимъ, она ему сказала:

— Что ты терзаешь себя и меня? долго ли это еще будетъ?

Онъ же отвѣчалъ ей:

— Такъ будетъ до вѣку, пока я или ты живемъ на свѣтѣ, потому что душа моя и сердце все стремятся къ тебѣ, и ты напрасно говоришь мнѣ о юныхъ дѣвахъ. Я ихъ видя не вижу и онѣ чужды желаніямъ моего сердца, а по тебѣ истаеваютъ всѣ силы моего тѣла и мозгъ костей моихъ сворачивается. Исцѣли меня, уязвленнаго твоею красотой: стань женой моею, или я иначе умру.

— Горе мнѣ съ тобою! — отвѣчала вдова и, замысливъ нѣчто въ умѣ своемъ, сказала:—Да не обманываешься ли еще ты, будто такъ меня любишь, что и жить не можешь? Неужели въ самомъ дѣлѣ для счастья твоего нѣтъ ничего драгоцѣннѣе моей взаимности?

Купецъ клялся въ этомъ, а она ему отвѣчала какъ бы въ недовѣріи:

— Остановись клясться предо мною, такъ какъ я уже не дѣвица и страстнымъ мужскимъ словамъ не довѣряю. Всѣ вы таковы, что когда плѣняетесь женщиной, то становитесь безразсудны, и въ ту пору уста у васъ черезъ мѣру полны восхищеній, но послѣ бываетъ иное. Я потребую отъ

тебя доказательствъ, что для твоего счастія всего потребнѣе обладаніе мною и ничто иное тебя привлечь къ себѣ не можетъ.

Купецъ съ радостію воскликнулъ:

— «О, я вельми готовъ, и аще мнѣ міръ весь предложатъ—не взгляну на него, а къ тебѣ устремлюся».

Вдова улыбнулась и отвѣчала:

— Міръ весь не нашъ, а Божій, и такой великой области для искушенія твоего я предложить не могу, но я поставлю тебѣ нѣчто меньшее и увидимъ: не устремишься ли къ этому неважному, а меня столь тебѣ необходимую отринешь.

— Никогда этого не случится!—воскликнулъ влюбленный.

— Иди же сейчасъ отсюда домой, затворись въ своей верхней комнатѣ, выкинь мнѣ ключъ въ окно и оставайся тамъ, пока я пришлю за тобой. Обѣщаешь ли мнѣ это исполнить?

— О, что говорить о такихъ пустякахъ!

— Хорошо, и если потомъ твое стремленіе будетъ все то же, то я даю тебѣ слово, что перестану вспоминать объ умершемъ мужѣ и отдамъ себя въ твое угожденіе. Теперь, съ этой минуты, все, чему быть и чему не быть—отъ тебя зависитъ.

Купецъ побѣжалъ домой весело, потому что почиталъ свое дѣло выиграннымъ. Онъ взошелъ въ домъ свой и веселою рукой затворился у себя въ верхней горницѣ, а ключъ выбросилъ въ окно и велѣлъ отнести его вдовѣ въ доказательство, что онъ свой урокъ уже началъ. Вдова же приняла ключъ, но ничего больше жениху не заказала.

Купецъ пробылъ въ горницѣ день, провожая часы ожиданія въ любовныхъ мечтаніяхъ и ожидая, въ чемъ будетъ дальше его испытаніе; но сутки прошли, а вдова ни о чемъ новомъ ему не сообщала. На другой день онъ опять думалъ о вдовѣ, но вспомнилъ также нѣсколько разъ и о своемъ желудкѣ, который былъ пустъ и требовалъ пищи,

а на третій день голодъ сталъ такъ напоминать ему о себѣ, что купецъ не обращался въ сладкихъ мечтахъ ко вдовѣ, а гнѣвался на нее и все думалъ о пищѣ, а въ ночи онъ не могъ спать, потому что и сонъ его наполнялся уже не видѣніями обольстительной вдовы, а запахомъ яствъ. Утро же четвертаго дня купецъ встрѣтилъ въ мучительныхъ болѣхъ желудка и послалъ преданнаго ему человѣка ко вдовѣ спросить: не забыла ли она о немъ? Вдова отвѣчала, что она не забыла.

— Но онъ умираетъ!—сказалъ ей посланецъ.

— Не пугай меня этимъ, — отвѣчала вдова сквозь улыбку,—до смерти еще далеко. Но, впрочемъ, я не хочу томить его дольше. Пусть онъ одѣвается въ гостиное платье, я за нимъ скоро пришлю и онъ получитъ все, чего пожелаетъ.

Въ предобѣденный же часъ въ домъ купца пришла довѣренная отъ вдовы и, имѣя ключъ отъ жениховой двери, открыла ее и сказала:

— Радуйся, господинъ! ты вполнѣ сдержалъ свое обѣщаніе, иди же теперь къ моей госпожѣ: она тебя ожидаетъ и, со своей стороны, свое обѣщаніе сдержитъ.

Но купецъ, одѣтый въ гостиное платье, смотрѣлъ на посланницу впавшими глазами и уныло, слабымъ голосомъ, отвѣчалъ, что готовъ за ней слѣдовать. Онъ былъ такъ изнуренъ, что надо было позвать людей, которые взяли его подъ руки и помогли ему идти.

Вдова встрѣтила гостя въ дверяхъ своего жилища. Она была во всемъ блескѣ своей красоты, ибо и она тоже смѣнила одежду вдовства и надѣла легкотканную одежду, державшуюся на ея плечахъ самоцвѣтными стяжками и открывавшую шею и руки, съ которыхъ неслось благоуханіе амбры.

Принявъ входившаго гостя подъ руки, вдова ввела его въ большую горницу, которая была раздѣлена на-двое повѣшеннымъ на кольцахъ ковромъ. Въ одной половинѣ, ближайшей ко входу, былъ накрытъ столъ, установленный

прозрачными кувшинами съ искрометнымъ питьемъ и блюдами, изъ которыхъ одно было покрыто; а на другой половинѣ возвышалось пышное ложе съ двойнымъ изголовьемъ.

— Ты теперь господинъ въ моемъ домѣ,—сказала вдова,— и я тебѣ повинуюсь. Вотъ здѣсь трапеза, здѣсь ложе. Избирай, что̀ ты хочешь; я готова раздѣлить съ тобой то и другое.

Купецъ же отвѣчалъ ей:

— Ахъ, помилуй меня, — «азъ вельми истощахъ, дай мнѣ впередъ насытиться»!—и онъ потянулся къ столу и возлегъ, озирая посуду.

— Мы имѣемъ достаточно время, такъ какъ яства въ приспѣшнѣ еще не поспѣли, — сказала вдова.

— А это здѣсь что же покрыто на блюдѣ?

— Это пшено, — оно безвкусно, пока къ нему не поспѣетъ облива.

— Мнѣ все теперь вкусно! — воскликнулъ купецъ и, открывъ блюдо, сталъ насыщаться пшеномъ, безъ обливы, а вдова сказала ему:

— Вотъ ты теперь видишь: потреба потребѣ есть рознь: безъ одного жить человѣку нельзя, а безъ другого жить можно!—и съ этимъ она велѣла подавать кушанья и опустила коверъ, который навсегда закрылъ отъ купца ея ложе.

30) *Апрѣля 5.* Стремясь возвышаться надъ силой страстей, женщины Пролога представляютъ еще одинъ такой высокій характеръ, которому удачи и безмятежное счастье были даже въ тягость.

Одинъ изъ александрійскихъ отцовъ увидѣлъ разъ женщину, которая чрезвычайно усердно молилась и притомъ горько плакала. Это его тронуло, и онъ спросилъ молившуюся: какое у нея горе? Она же отвѣчала ему: «ахъ, я очень счастлива, и у меня нѣтъ никакого горя, но я живу среди людей и вижу много огорченныхъ, и теперь молю Бога, чтобъ Онъ отдѣлилъ на мою долю часть ихъ страданія, дабы я не пристрастилась къ здѣшней жизни». Але-

ксандрійскій отецъ подивился этой благоразумной женщинѣ, которая лучше многихъ знала, въ чемъ заключается высшая опасность для человѣка.

Этимъ оканчивается группа женскихъ лицъ, которыя то удивляютъ мужчинъ высотой своихъ порывовъ, то исправляютъ ихъ, отвлекая отъ чувственной грубости, то прямо спасаютъ людей съ полнымъ самоотверженіемъ и потомъ безъ малѣйшаго ропота сами несутъ отверженіе, нищету и всевозможныя униженія. Въ такомъ санѣ превосходной чистоты мы насчитываемъ по Прологу *девять* женщинъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Систематическая схема наша являетъ намъ теперь такую пропорцію: изъ 35 женщинъ, составляющихъ цѣлую треть лицъ, представляющихъ интересъ въ повѣствовательномъ родѣ, 17 не соблазняли мужчинъ, а пострадали отъ ихъ соблазновъ и насилій; 4 соблазняли — одна съ успѣхомъ, а три безъ успѣха, при чемъ изъ нихъ безъ успѣха остались: одна свѣтская дама изъ Александріи, одна гетера, нанятая знатными богачами, и одна припадочная болгарская дѣвчонка. Успѣвала въ своихъ намѣреніяхъ только Марія изъ Египта, но и она, впрочемъ, держала себя какъ простая «блудница», какою она была до возвышеннаго поворота во второй половинѣ ея жизни. Девять же не только останавливали мужчинъ отъ ихъ грубыхъ страстей, но даже научили ихъ обуздывать свою природу и жить для болѣе возвышенныхъ цѣлей.

Въ дурномъ видѣ Прологъ представляетъ только *двухъ* женщинъ, изъ которыхъ одна обнаруживаетъ жестокое сердце, омраченное страстью къ мужчинѣ, а исторія другой такъ мало понятна, что ее, слѣдуя опредѣленію Ѳеофана Прокоповича, очевидно, остается только отнести къ разряду «пустыхъ басенъ».

31) *Марта 19.* Молодая вдова, по имени Марія, имѣя

двухъ маленькихъ дѣтей, влюбилась въ одного «воина» и захотѣла выйти за него замужъ. Воинъ же, хотя и былъ близокъ съ ней, но не хотѣлъ брать ее въ замужство. Онъ нагло выставлялъ на видъ свой эгоизмъ и отказывался тѣмъ, что не желаетъ «пещися о дѣтяхъ перваго мужа». Тогда влюбленная Марія, подъ напоромъ страсти, «заколола обоихъ дѣтей и послала вѣсть воину, что у нея уже нѣтъ дѣтей». Воинъ, когда получилъ эту «вѣсть», тотчасъ же догадался, въ чемъ дѣло, и поправился на другой ладъ: онъ «поклялся не брать дѣтоубійцы». Онъ остался правъ, а женщина погибла. Случаи въ этомъ родѣ, съ замѣчательнымъ тождествомъ мотивовъ и частностей, повторяются въ изобиліи даже и до сего дня.

32) *Мая 5.* Одна «постница» тщательно берегла себя: она много постилась и молилась и избѣгала всякаго сообщества мірскихъ людей, а держалась только съ клирками, но и тутъ по неосторожности сблизилась съ однимъ пѣвчимъ, который, по сказанію, самъ не былъ ни въ чемъ повиненъ передъ ней, а она сама «растлилась и зачала». Увидѣвъ такое серьезное и, какъ видно, нежеланное послѣдствіе отъ своего сближенія, постница опять обратилась къ Богу и начала пламенно молиться, «чтобы зачатое ею въ беззаконіи *родилось мертво*», и это такъ и случилось.

Два эти сейчасъ приведенные случая (31 и 32) представляютъ самое худшее, что̀ есть въ ряду всѣхъ исторій съ женщинами, описанными въ Прологѣ; но если и на эти два самые худшіе «прилога» смотрѣть безпристрастно, что̀ отъ критики безусловно и требуется, то нельзя не видѣть, что обѣ здѣсь представленныя женщины тоже отнюдь не являютъ собою особеннаго коварства къ погубленію мужчинъ, а напротивъ, онѣ по своему безразсудству и страстности губятъ только себя и своихъ дѣтей.

Слѣдуетъ также замѣтить и то, что у всѣхъ прологовыхъ женщинъ высшаго настроенія, при большой примитивности ихъ пріемовъ, постоянно видна ясность въ ихъ цѣляхъ и отчетливость въ дѣйствіяхъ, чего нѣтъ въ описаніяхъ, изоб-

ражающихъ мужчинъ, желавшихъ исправлять женщинъ. У женщинъ (кромѣ двухъ дѣтоубійцъ) *совсѣмъ нѣтъ грубости*, а у мужчинъ безъ нея не обходится никакое дѣло.

33) Нѣкто Виталій изъ Каира послужилъ при кельѣ старца Спиридона шестьдесятъ лѣтъ и ушелъ въ Александрію, потому что не захотѣлъ болѣе аскетической славы, а «нача жить на соблазнъ», то-есть юродовать. Самое соблазнительное въ юродствѣ этого старика, которому не могло быть менѣе какъ лѣтъ семьдесятъ, было то, что Виталій всякую ночь шелъ туда, гдѣ собирались блудницы. Онъ это затѣялъ, какъ ниже увидимъ, не съ дурною, а съ доброю цѣлью, и это ему стоило не мало хлопотъ и трудовъ, ибо для такого рода жизни нужно было постоянно имѣть съ собой изрядныя деньги. Виталій и старался доставать нужныя ему средства: онъ вставалъ рано утромъ, выходилъ на поденщину и цѣлый день работалъ, получая серебренникъ за день, а пошабашивъ, тотчасъ же несъ этотъ серебренникъ въ блудный домъ, нанималъ себѣ за эту цѣну блудницу, и когда оставался съ нею наединѣ, то передавалъ ей серебренникъ и говорилъ: «вотъ, дочь моя, я за эту монету цѣлый день проработалъ, а ты теперь возьми ее себѣ и цѣлую ночь за нее проспи спокойно».

Женщина, которой Виталій, такимъ образомъ, покупалъ возможность спокойно провести ночь, ложилась и спала, а Виталій становился тамъ же возлѣ нея, какъ возлѣ ребенка, и не смущаясь ни ея присутствіемъ, ни тѣмъ, что достигало до его слуха изъ-за утлыхъ перегородокъ и завѣсъ переполненнаго буйными гостями блудилища, возносилъ въ молитвахъ за міръ духъ свой къ Богу, а утромъ опять поспѣшалъ на работу. И такъ юродивый Виталій дѣлалъ всякій день, при чемъ онъ всегда упрашивалъ бывшихъ съ нимъ женщинъ, чтобъ онѣ никому не разсказывали, какъ онъ съ ними обходится, а говорили бы, что онъ точно такой же блудникъ, какъ и всѣ другіе, вхожіе въ ихъ жилище. Многія женщины такъ и говорили, и тайна Виталія долго оставалась неизвѣстною; но вдругъ одна изъ жен-

щинъ разсказала, что она любитъ Виталія за то, что онъ, оставаясь съ нею, не безпокоитъ ее, а только молится во всю ночь. Другія же женщины оспаривали эту свою подругу и говорили какъ научилъ ихъ Виталій, то-есть, что онъ бываетъ у нихъ за тѣмъ же самымъ, за чѣмъ и всѣ прочіе ихъ посѣщающіе мужчины.

Услыхалъ объ этомъ спорѣ Виталій и огорчился, что одна женщина выдала тайну его юродства, — тогда онъ «помолился и женщина взбѣсилась». Это отвѣчало дальнѣйшимъ цѣлямъ юродиваго Виталія, потому что слова «бѣшеной» уже не пользовались ничьимъ довѣріемъ, а онъ хотѣлъ, чтобъ о добродѣтели его не знали, а считали бы его блудникомъ.

Такъ цѣлая группа открыто промышлявшихъ собой блудницъ оберегали тайну юродиваго, оказывавшаго имъ трогательное участіе.

34 и 35) Въ заключеніе видимъ сразу двухъ женщинъ: мать и дочь — въ ужасномъ положеніи. У одной матери было двое дѣтей, — сынъ и дочь. Сынъ не захотѣлъ работать для поддержанія жизни матери и сестры, а покинулъ ихъ и ушелъ въ монахи. Онъ постригся и сталъ жить въ монастырѣ очень строго. Старуха же осталась на рукахъ одинокой дочери, которая никакъ не могла честнымъ трудомъ заработать столько, чтобы прокормить и одѣть себя и старуху. «Отъ нищеты она поползнулася и впала въ напасть во огражденіи баннѣмъ» (то-есть на банномъ дворѣ). Въ странѣ той, гдѣ это было, женщинъ строго карали за распутство, и эту дѣвушку «взялъ князь» и «по закону хотяше убить ю». По строгости такого рѣшенія надо думать, что «напасть во огражденіи баннѣмъ» заключалась въ какомъ-нибудь особенномъ развратномъ дѣяніи, за которое «по закону» полагалось убивать для устрашенія другихъ. Такіе случаи бывали, но разсказывать о нихъ неудобно. Мать осужденной на смерть дѣвушки пришла къ князю и просила его не казнить ея дочь, потому что послѣ этого не будетъ кому напоить ее, старуху, водой. А если

уже дочь за ея беззаконіе нельзя помиловать, то старуха умолила князя, чтобы повелѣлъ и ее самоё тоже убить одновременно вмѣстѣ съ дочерью. Князь спросилъ: «Развѣ у тебя нѣтъ больше дѣтей?»

— У меня есть сынъ,—отвѣчала старуха,—но онъ монахъ и не живетъ съ нами.

— Пусть придетъ ко мнѣ этотъ монахъ и поговоритъ о сестрѣ,—сказалъ князь.

Старуха отправилась въ монастырь къ сыну, но она потрудилась напрасно: монахъ не пошелъ къ князю говорить о сестрѣ, а сказалъ еще:

«— Вѣру ими ми, мати, аще и тебя побіютъ съ нею — азъ и о томъ орудія не имамъ. Умрохъ бо міру».

Старуха пересказала это князю, и князь помиловалъ дочь старухи безъ разговора съ монахомъ.

Этими тридцатью пятью женскими лицами представлено полное обозрѣніе женскихъ типовъ Пролога, какъ древняго житійнаго источника, отреченнаго церковною критикой, но до сихъ поръ уважаемаго русскимъ простонародіемъ. Держась самой сжатой краткости, мы имѣли цѣлью показать, что въ этомъ житійномъ сборникѣ женщины представлены отнюдь не такъ дурно, какъ это думаютъ и утверждаютъ люди, не потрудившіеся обозрѣвать подобные сборники обстоятельно и безпристрастно. Если мы этого хоть мало достигли, то весьма тому радуемся.

Оглавленіе XI тома.

	стр.
Часъ воли Божіей. Сказка	1
Полунощники. Пейзажъ и жанръ	32
Юдоль. Рапсодія	149
О квакерсяхъ. Post-scriptum къ «Юдоли»	259
Импровизаторы. Картинка съ натуры	269
Пустоплясы. Святочный разсказъ	290
Дурачокъ. Разсказъ	304
Невинный Пруденцій. Легенда	313
Легендарные характеры. Опытъ систематическаго обозрѣнія	390

Грав. у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ

Рабочій кабинетъ Н. С. Лѣскова

Дозволено Цензурою. СПб.

Печ. въ Артист. зав. А. Ф. Маркса въ СПБ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго, съ приложеніемъ пяти портретовъ Лѣскова и снимка съ его рабочаго кабинета, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Зимній день.—Разсказы кстати: 1) Дама и Фефела. 2) Загонъ.— Продуктъ природы.— Сибирскія картинки XVIII-го вѣка. — Вдохновенные бродяги.— Некрещеный попъ. — Владычный судъ. — Язвительный. — Домашняя челядь.—Сошествіе во адъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, № 1.

ЗИМНІЙ ДЕНЬ.

(ПЕЙЗАЖЪ И ЖАНРЪ).

«Днемъ они срѣтаютъ тьму и въ полдень ходятъ ощупью, какъ ночью».
Іов. V, 14.

«У Спаса бьютъ, у Николы звонятъ, у стараго Егорья часы говорятъ». *В. Даль* (присловіе).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Зимній, сѣверный день съ небольшою оттепелью. Два часа. Разсвѣтъ не успѣлъ оглядѣться и опять смеркается.

Въ гостиной второй руки сидятъ за столомъ хозяйка и гостья. Хозяйка стара, и видъ ея можно бы назвать почтеннымъ, если бы на лицѣ ея не отпечатлѣлось слишкомъ много заботливости и искательности. Она зрѣла когда-то лучшіе дни и еще не потеряла надежды ихъ возвратить, но она не знаетъ, что для этого надо сдѣлать. Чтобы ничего не упустить, она готова быть всѣмъ на свѣтѣ: это «сосудъ», сформованный «въ честь» и служащій нынѣ «сосудомъ въ поношеніе». Гостья, которую застаемъ у этой хозяйки, тоже не молода. Во всякомъ случаѣ, она уже дожила до тѣхъ лѣтъ, когда можно отказаться отъ игры и чувства, но она, кажется, отъ этого еще не отказалась. Эта женщина, безъ сомнѣнія, была замѣчательно

хороша собою, но теперь, когда она отцвѣла, отъ прежнихъ красотъ остались только «бороздки»; фигура ея, однако, еще гибка и черты лица сохраняютъ правильность, а въ выраженіи преобладаетъ замѣчательная смѣшанность: то она смотритъ тихою ланью, то вдругъ эта лань взметнется брыкливою козой.

Безкорыстно увлекаться этою дамой уже нельзя, но, быть-можетъ, что-нибудь въ этомъ родѣ еще возможно, если она поставитъ вопросъ иначе. Въ своей манерѣ держаться по отношенію къ солидной хозяйкѣ гостья оттѣняетъ что-то особенно теплое и почтительное, даже какъ бы дочернее, но эти дамы вовсе не родственницы. Ихъ соединяетъ дружба, основанная не на одномъ согласіи ихъ вкусовъ, но и на единствѣ цѣлей: ихъ объединяетъ «métier».

Теперь онѣ пьютъ чай, который поданъ на гарáховскомъ сервизѣ, покрытомъ вязанымъ одѣяльцемъ, и гостья сообщаетъ хозяйкѣ о томъ, что́ случилось замѣчательнаго, и о томъ, что̀ «говорятъ». Говорятъ о соперничествѣ двухъ какихъ-то чудотворцевъ, а случилось нѣчто еще болѣе интересное и достойное вниманія: вчера совершенно неожиданно пріѣхала изъ-за границы кузина Олимпія. Это извѣстная особа, она съ давнихъ поръ посвятила себя «вопросамъ» и постоянно живетъ въ чужихъ краяхъ; но когда она пріѣзжаетъ сюда, она привозитъ съ собою кучу новостей и «дѣлаетъ оживленіе». Ея жизнь есть нѣчто удивительное: она не богата. О, совсѣмъ не богата! Она даже не имѣетъ рѣшительно никакихъ средствъ, но при всемъ томъ она ни у кого не занимаетъ и не жалуется на свое положеніе, а еще приноситъ своей странѣ очень много пользы.

Такихъ дамъ теперь, слава Богу, есть нѣсколько, но Олимпія занимаетъ между ними самое видное мѣсто. У нея большое и прекрасное родство. Она родственница и тѣмъ двумъ дамамъ, которыя здѣсь о ней разговариваютъ. Во всѣхъ глазахъ Олимпія — величина очень большая, и всѣ

ей вѣрятъ, несмотря на предостереженіе, которое Диккенсъ дѣлалъ противъ всѣхъ лицъ, живущихъ неизвѣстными средствами.

Домой, на родину, Олимпія навертывается всегда внезапно и на короткое время: пріѣдетъ, броситъ взглядъ, съ однимъ, съ другимъ повидается, «освѣжитъ рессурсы» и уѣдетъ снова. Многіе говорятъ, что она очень талантлива, но, что еще важнѣе всего, она совершенно необходима.

Хозяйка на нее немножко недовольна и обращаетъ вниманіе на то, какъ дуетъ въ окна. Кромѣ того, она сообщаетъ, что Викторъ Густавычъ сожалѣетъ еще, что Олимпія не хочетъ «ладить». Иначе она непремѣнно стала бы очень необходима.

— Впрочемъ, это нимало не мѣшаетъ Олимпіи отлично себя держать,—заключаетъ хозяйка,—такъ какъ Викторъ Густавычъ самъ ни въ чемъ не увѣренъ. Это не мало значитъ.

Гостья глядитъ глазами лани и этимъ взглядомъ отвѣчаетъ, что она согласна, при чемъ дѣлаетъ маленькое движеніе брыкливой козы и взглядываетъ на шез-лонгъ, помѣщающійся передъ каминомъ между трельяжемъ и экраномъ.

Въ сторонѣ отъ дамъ, въ очень глубокомъ креслѣ, за трельяжемъ, полулежитъ, скрестивъ на груди руки и закрывъ глаза, миловидная дѣвушка лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ. Она, повидимому, совсѣмъ не интересуется тѣмъ, о чемъ говорятъ дамы: она устала и отдыхаетъ, а можетъ-быть она даже спитъ. Эта дѣвушка — племянница хозяйки; родные называютъ ее просто Лидія, а чужіе — Лидія Павловна. Она не любима въ своей семьѣ, потому что ведетъ себя не такъ, какъ хочется матери и братьямъ. Братья ея — блестящіе офицеры, и одинъ изъ нихъ уже дрался на дуэли. Лидія не въ фаворѣ тоже и у тетки, которую она зашла теперь навѣстить въ кои-то вѣки, но и то не скрыла, что чувствуетъ себя здѣсь не на своемъ мѣстѣ.

Хозяйка посмотрѣла на Лидію и сказала:

— Она спитъ. Впрочемъ,—добавила она,—если бъ она и не спала, это ей все равно: она нимало не интересуется обществомъ. Что̀ не касается ихъ курсовъ, того ей и не надо. Но Олимпія, въ которой я не отрицаю ея ума и связей, все-таки, очень шлепнулась съ тѣхъ поръ, какъ она въ свой прошлый пріѣздъ хотѣла развести исторію съ этими высѣченными болгарами. Помните, какая тогда съ этимъ было вышла чепуха. Они тогда прознали, что она ѣдетъ, и сами наѣхали сюда въ большомъ множествѣ, и всѣ разсказывали, что у нихъ будто бы уже всѣхъ сѣкутъ, и что ихъ самихъ будто тоже всѣхъ высѣкли. Олимпія хотѣла этимъ воспользоваться, но увлеклась, и когда съ ней спорили, что они хвастаются, то она увѣряла, что ихъ будто здѣсь осматривали въ какой-то редакціи, и потомъ, чтобы поднять ихъ значеніе, она хотѣла нарочно открыть съ ними балъ; но тогда стали говорить, что иностранки, пожалуй, не пойдутъ, потому что, знаете, съ сѣченными вѣдь нѣкоторые не танцуютъ.

— Я помню это. И, какъ хотите, танцовать съ сѣченными... Это... это очень необыкновенно!

— Ну, да!—продолжала хозяйка,—а послѣ кто-то провѣдалъ, что это даже и затѣвать не надобно, потому что эти господа будто сами себя здѣсь сѣкутъ въ какомъ-то переулкѣ, для того, чтобы имъ удобнѣе было привлечь вниманіе... Говорили, что Олимпія будто это и знала... Это Богъ вѣсть что̀ такое!.. А потомъ опять оказалось, будто и это неправда, потому что въ переулкѣ ихъ хоть и сѣкли, но совсѣмъ не для этого, а ихъ такъ лѣчилъ какой-то ихъ компатріотъ въ родѣ массажа... Богъ ужъ ихъ знаетъ, какъ и разобрать, что̀ правда и что̀ неправда.

— Да, это вышла какая-то путаница, въ которой нельзя было ничего разобрать, кромѣ того, что ихъ сѣкли тамъ и сѣкли здѣсь.

— Вотъ именно—разгордьяжъ! И это повело къ большой потерѣ, потому что братъ Лука разсердился и не только

пересталъ давать денегъ на славянство, а даже не захотѣлъ и слушать. Онъ, вѣдь, знаете, какъ оселъ упрямъ, и прямо сказалъ: «Все обманъ!»—и не велѣлъ пускать къ себѣ не только славянъ, а и самоё Олимпію, и послалъ ей въ насмѣшку перо.

— Какое перо?

— Не знаю какое, — говорили, будто сорочье перо, въ шапочку.

— Да развѣ?

— Конечно! Вотъ, дескать, тебѣ, сорока, летай, и теперь никого не принимаетъ.

— На какомъ это основаніи Лука Семенычъ такъ дорого цѣнитъ свои пріемы?

— Богатъ и ни у кого ничего не ищетъ, — вотъ и можетъ не принимать кого не хочетъ видѣть.

— Но вѣдь у него никакого другого вліянія и нѣтъ?

— Никакого. Но всѣ боятся, что онъ ихъ не приметъ.

Гостья понизила тонъ и спросила:

— Вы у него этой зимой были?

Хозяйка сдѣлала отрицательный знакъ и проговорила:

— Онъ слишкомъ колокъ.

— И Аркадій тоже, кажется, у него не бываетъ?

— Ни Аркадій, ни Валерій: онъ моихъ обоихъ сыновей ненавидитъ.

— Сварливый старикъ! Кого же онъ, однако, теперь принимаетъ?

— Изъ всѣхъ родныхъ къ нему теперь вхожи только двое: братъ Захаръ и вотъ она—Лида.

Гостья кивнула головой на трельяжъ и улыбнулась.

— Что онъ принимаетъ Лидію Павловну—это я понимаю. Не принимать людей съ вѣсомъ и значеніемъ и ласкать племянницу-фельдшерицу, которая идетъ наперекоръ общественнымъ традиціямъ.—это въ его вкусѣ. Такъ Лука Семенычъ манкируетъ тѣмъ, кто желалъ бы быть у него принятъ. Но почему изъ всѣхъ родныхъ второе исключеніе

предоставлено Захару Семенычу? Нашъ милый генералъ такой же, какъ и всѣ мы, бѣдный грѣшникъ.

— Старикъ Захарушку щадитъ: «онъ,—говоритъ,—нашъ братъ Захаръ, наказанъ въ сытость за якшательство съ дурными людьми. Пусть Богъ проститъ, что онъ себѣ устроилъ»

— Ахъ, вотъ что!

Дѣвушка за трельяжемъ пошевелилась. Дамы это замѣтили, и гостья, улыбнувшись, промолвила тихо:

— Неужели она опять уснетъ?

— Навѣрное, — отвѣчала хозяйка. — Она такъ повсемѣстно: придетъ, поспитъ и побѣжитъ въ свою вонючку «совершать свое дѣло—потрошить чье-то мертвое тѣло». Но, однако, надо сказать, что Бертенсонъ ихъ отлично держитъ въ рукахъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онѣ его огорчили.

— Но вѣдь и онъ ихъ потомъ проучилъ...

— Это правда, но онѣ все-таки отъ него много терпятъ.

— Но отчего же Лидіи Павловнѣ дома не спать?

— Хаосъ въ семьѣ, всѣ другъ другу не нравятся; ей непріятно слышать, что̀ говорятъ ея братья о гиппическихъ конкурсахъ и дуэляхъ, а тѣмъ непріятно что она потрошитъ мертвое тѣло, да и матери непріятно слышать, чѣмъ она занята,—вотъ и идетъ весь домъ—кто въ лѣсъ, кто по дрова... Но зато братъ Лука ее очень ласкаетъ и даже посылаетъ ей цвѣты въ вонючку.

Гостья кивнула на спящую и тихо спросила:

— Она вѣдь скоро кончитъ и будетъ фельдшеричка?

— Да.

— Мнѣ помнится, она еще давно какъ будто бы училась перевязкамъ?

— Ахъ, ея ученьямъ нѣсть конца: и гимназіи, и педагогіи, и высшіе курсы,—все пройдено, и серги изъ ушей вынуты, и корсетъ снятъ, и ходитъ дѣвица во всей простотѣ.

— По-толстовски?

— Мм... Ну, къ Толстому, знаете... молодежь къ нему теперь уже совсѣмъ охладѣваетъ. Я говорила всегда, что

это такъ и будетъ, и нечего бояться: «не такъ страшенъ чортъ, какъ его малютки».

Гостья улыбнулась и замѣтила:

— Это правда: онъ надоѣлъ своею моралью; но вѣдь было время, что вы не держались этой пословицы, а раньше и сами къ нему были пристрастны.

— Я? Да, я перемѣнилась, и я этого и не скрываю. Я всегда очень любила чтеніе и тогда во всѣхъ отношеніяхъ была за Толстого. Его Наташа, напримѣръ! Да развѣ это не прелесть? Это былъ мой идолъ и мое божество! И это такъ увлекательно, что я не замѣтила, гдѣ тамъ излитъ этотъ весь его крайній реализмъ,—про эти пеленки съ дѣтскими пятнами. Что же такое? Дѣти мараются. Безъ этого имъ нельзя, и это не производило на меня ничего отвратительнаго, какъ на прочихъ. Или вспомните потомъ, какъ у него описанъ этотъ Александръ Первый.

— Какъ же! Онъ одѣвается?

— Да. Помните, какъ онъ пристегиваетъ помочи?

— Ахъ, это божественно!

— Да; но развѣ тамъ только однѣ помочи? Вѣдь онъ передъ вами тутъ же весь, какъ живой!.. Я его вижу, я его чувствую!...

— Тоже очень хорошъ и Наполеонъ съ его темными глазами.

— У Наполеона были сѣрые глаза.

— Но они давали такое впечатлѣніе...

— Объ этомъ не спорю; въ этомъ во всемъ Толстой несравненъ. Тутъ нѣтъ и спора; но когда онъ заумничался, бросилъ свое дѣло и сталъ писать глупости, въ родѣ того, чтобы запрещать людямъ ѣсть мясо и чтобы никто не женился, а дѣвушки чтобы зашивались по шею и не выходили замужъ, то я сразу же прямо сказала: «это вздоръ!» Тогда лучше всѣхъ свесть къ скопцамъ и конецъ; но я, какъ православная, я не хочу быть на его сторонѣ.

Тутъ гостья тихо замѣтила, что Толстой *собственно* ни-

когда никому не *запрещалъ* ѣсть мясо и, кажется, говорилъ, что инымъ даже надо жениться.

— Да, я знаю, что *собственно* онъ еще ничего не запрещалъ, но, *однако*, для чего онъ объ этомъ писалъ такъ сильно-державно?

— Да, онъ, конечно, писалъ очень смѣло, но собственно онъ, слава Богу, у насъ еще даже не имѣетъ и права ничего запретить.

— Конечно, слава Богу! Но для чего онъ все это одно только и твердитъ? Вотъ это зачѣмъ? Онъ убѣждаетъ, что безъ вѣры нельзя служить, и все это очень мило, но вдругъ сорвется и опять начинаетъ писать глупости: напримѣръ, зачѣмъ мыло? Ну, скажите на милость: онъ не знаетъ, зачѣмъ мыло! Позвольте, но какъ же безъ мыла: какъ мыть руки, голову и, наконецъ, бѣлье? Въ золѣ его, что ли, золить? Но, однако, я бы ему еще и это простила за его прежнее. По совѣсти говоря, всѣ мужчины глупы, когда берутся не за свое дѣло; но мало ли что̀ говорится! Не всякое же лыко въ строку: вольному воля, а спаси насъ рай. То же и о мясѣ. Кто любитъ рыбное или мучное, пусть и не ѣсть мяса. Какая форма правленія ни будь, а къ этому нигдѣ и никто никого не принуждаетъ... Сдѣлайте милость! Еще, можетъ-быть, отъ этого для насъ филейная вырѣзка дешевле будетъ. Не правда ли?

— Конечно.

— Ну, то-то и есть! Все равно и тѣ, кто не хочетъ жениться или ко́торыя не хотятъ замужъ выходить, — они пусть такъ и остаются, какъ имъ угодно. Вѣдь о нихъ и въ Евангеліи сказано: «суть скопцы...» Понимаете, это безумцы!

Гостья сдѣлала согласный знакъ головой.

— У моихъ сыновей, когда они были мальчики, — продолжала хозяйка, — былъ репетиторъ изъ академистовъ, очень честолюбивый, но смѣшной, и все собирался въ монахи, а когда мы ему говорили: «Вы, monsieur, лучше же-

нитесь!»—такъ онъ на это прямо отвѣчалъ: «Не вижу надобности».

Дама слегка полуоборотилась къ трельяжу и сказала:

— Лидія, ты проснулась, или спишь еще?

— Да, ma tante,—отвѣтилъ полусонный контральто.

— То-есть, что же это значитъ: ты выспалась, или ты еще спишь?

— Вы, ma tante, вѣроятно, хотите говорить о чемъ-нибудь, чего я не должна понимать, и хотите, чтобъ я вышла?

— Я хотѣла бы, чтобы ты вышла, но только не изъ комнаты, а вышла бы, наконецъ, замужъ.

— А я тоже спрошу васъ, какъ вашъ семинаристъ: «для какой надобности?»

— А вотъ хотя бы для той надобности, чтобы при тебѣ можно было обо всемъ говорить, не стѣсняясь твоимъ присутствіемъ.

— Да мнѣ кажется, вы и такъ не стѣсняетесь.

— Ну, нѣтъ!

— Значитъ, я еще мало знаю; но считайте, что я замужемъ, и знаю все, что вамъ извѣстно.

— Послушайте, пожалуйста, что она говоритъ на себя! Но я вамъ что-то хотѣла сказать... Ахъ, да!.. Вы вѣдь, навѣрное, слышали, что всѣ разсказывали о томъ, какъ къ графу пріѣхалъ будто одинъ родной, какой-то гусаръ, въ своей формѣ, все въ обтяжку, а онъ будто взялъ и подвязалъ ему нянькинъ фартукъ, а иначе онъ не хотѣлъ его пустить въ салонъ.

— Да, объ этомъ говорили... и, говорятъ, это правда.

— Ну, да! И если хотите, по-моему, гусарская форма, въ самомъ дѣлѣ... не совсѣмъ скромно.

— Да, но очень красиво!

— Красиво—да. Но и этотъ фартукъ, вѣдь это тоже дерзость! Гусаръ—и въ фартукѣ! Но вотъ чего ему еще больше нельзя простить,—это его несносная проницательность. Отъ нея общественный вредъ.

— Вотъ, вотъ! Конечно, вредъ обществу нельзя позволить. Я слушаю, въ чемъ вы видите это дѣло?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— А дѣло въ томъ, что по какому праву господинъ графъ портитъ нашу прислугу? Если онъ себя пріучилъ, чтобы все за собою прибирать, то это для него и преудобно; но мы къ этому пока еще вѣдь не стремимся. Не такъ ли?

— Конечно.

— Такъ для чего же онъ навязываетъ намъ невозможную жизнь панибратства съ прислугою, которая и груба, и порочна?

— Это глупо.

— Конечно, глупо. Я внушила Аркадію, чтобъ онъ сдѣлалъ это въ смѣшные стихи и прочиталъ. Вы знаете, его талантъ въ свѣтѣ вѣдь очень многимъ нравится.

— Да, это всѣ говорятъ, и онъ такой искательный... О, онъ пойдетъ!

— Можетъ-быть, и даже вѣроятно; но о будущемъ нельзя такъ судить: будущее, какъ говорятъ, «въ рукахъ всемогущаго Бога». Только, конечно, ему въ его успѣхѣ очень много помогаетъ его симпатичный талантъ. Второй мой сынъ, Валерій, совсѣмъ иной: это практикъ!

— О, разумѣется!—отвѣчала, немного смутившись, гостья и торопливо повернула вопросъ въ другую сторону. — Въ чемъ же именно Толстой портитъ съ прислугою? — спросила она.

— Извольте!—отвѣчала хозяйка.—Мы будемъ говорить о прислугѣ, какъ настоящія чиновницы; но это не пустой вопросъ: о прислугѣ говоритъ Шопенгауэръ. Прислуга можетъ васъ успокоить и можетъ разстроить. Я вамъ не буду приводить всѣхъ толстовскихъ рацей о прислугѣ, а прямо дамъ вамъ готовую иллюстрацію, какъ это отражается. У меня вышло разстройство съ моею камерист-

кой... Лидія мѣшаетъ вамъ *все* разсказать, но я не могу утерпѣть и кое-что разскажу.

— Пожалуйста, ma tante, говорите все, что хотите!— отозвалась дѣвушка.—Я сейчасъ вотъ досплю послѣдній кусочекъ и уйду.

— Коротко скажу,—продолжала хозяйка,—пришлось передъ праздникомъ негодницу выгнать. Ну, а передъ праздниками, вы знаете, каковъ нашъ народъ и какъ трудно найти хорошую смѣну. Всѣ жадны, всѣ ждутъ подарковъ, а любви къ господамъ у нихъ никакой. На русскій народъ очень хорошо смотрѣть издали, особенно, когда онъ молится и вѣритъ. Вотъ, напримѣръ, у Рѣпина, въ *Крестномъ ходѣ*, гдѣ, помните, изображено, какъ собрались всѣ эти сословные старосты...

— Да, или акварель Петра Соколова...

— Да, но тутъ немножко много синей краски.

— Это правда: онъ переложилъ.

— Наши художники вообще не знаютъ мѣры.

— Да, но вѣдь все дѣло въ впечатлѣніи... А у меня,—вы знаете ее,—есть одна знакомая: мы всѣ зовемъ ее «апостолица». Навѣрное, знаете!

— Конечно, знаю: вы говорите о Marie?

— О ней. Теперь есть нѣсколько подобныхъ ей печальницъ, но эту я съ другими не сравню. Эта на другихъ не похожа, и, притомъ, она уже относится къ доисторическимъ временамъ, когда еще всѣ мы говорили по-французски и не было въ модѣ ни Засѣцкой, ни Пейкеръ, и даже еще самъ Редстокъ не пріѣзжалъ... Ухъ, какая старина! Василій Пашковъ былъ еще въ военномъ, а Модестъ Корфъ обѣими руками крестился и при всѣхъ въ соборѣ молебны служилъ въ камергерскомъ мундирѣ. А что́ до Алексѣя Павловича Бобринскаго, такъ онъ тогда былъ еще совсѣмъ воинъ галицкій и такъ кричалъ, что окна въ министерствѣ дрожали. Сережа Кушелевъ даже очень мило нарисовалъ все это въ каррикатурѣ и возилъ всѣмъ показывать, и всѣ очень смѣялись.

— Я все это помню.

— Да, это вѣдь несправедливость, что будто Толстой завелъ моду ходить пѣшкомъ и трудиться: Marie это раньше всѣхъ, первая стала дѣлать. Она и полы сама мыла, и выносила все за больными до гадости. Даже она нѣсколько разъ ходила съ Николаемъ Андреевичемъ въ портерныя, хотѣла спасать тамъ какихъ-то несчастныхъ дѣвчонокъ, которыя ихъ же и просмѣяли... Конечно, нельзя же ихъ всѣхъ спасать—это глупость: онѣ необходимы; но все-таки со стороны Marie было доброе желаніе... а какъ въ полиціи тогда былъ Анненковъ, то онъ все уладилъ и скандала не вышло.

— Я помню: это смѣшно разсказывали.

— О, это было преинтересно, но все равно Marie и теперь такая же осталась: «Мать Софья и о всѣхъ сохнетъ». Она ни Редстока не ревновала къ Богу, ни Пашкова, и Толстого теперь не ревнуетъ: ей какъ будто они всѣ сродни, а о самой о ней иначе нельзя сказать, какъ то, что хотя она и сектантка, и заблудшая овца, а все-таки въ ней очень много доброты и жалости къ людямъ. Это лучше всей ея вѣры.

— Ахъ, кажется, это такъ!

— Конечно, что же ихъ вѣра? Вѣдь очень многія эти дѣвочки совершенно жалки: мужчины ихъ сманятъ съ собой и бросятъ... Помните, какъ это сдѣлалъ Бертонъ? Увезъ, бросилъ и живи какъ хочешь; а Marie проводитъ всю жизнь въ заботахъ о комъ-нибудь. Если хотите найти сердечнаго человѣка, идите къ ней: у нея всегда есть запасъ людей «униженныхъ и оскорбленныхъ». Я къ ней и обратилась съ просьбой порекомендовать мнѣ скромную и правдивую дѣвушку, чтобы не было въ домѣ дурного примѣра и фальши. Главное, чтобы не было фальши, такъ какъ я фальшь ненавижу. А Marie даже обрадовалась. «Ахъ, какъ мнѣ пріятно слышать,—говоритъ,—ваше разсужденіе! Ложь—это порокъ, которымъ сатана началъ порчу человѣка. Онъ вѣдь *обманулъ* Еву?» Да, да, да, думаю; ты очень начи-

тана, но ты это далеко берешь о прародителяхъ и о сатанѣ, а я тебя просто прошу о горничной дѣвушкѣ.

«— Ну, да, есть и такая! — отвѣчаетъ Marie. — У меня теперь пріютилась въ ожиданіи мѣста какъ разъ такая превосходная дѣвушка.

«— Не притворщица и не побѣгушка?

«— О, какъ можно! Она христіанка!

«— Да вѣдь у насъ всѣ крещеные и даже православные, но нравы и правила у всѣхъ ужасные.

«— Нѣтъ, что вы: у христіанъ прекрасныя правила! Притомъ, это дѣвушка, которая всегда занята, работаетъ и читаетъ «посредственныя книжки».

«— Ага, значитъ, она толстовка! Ну, ничего: я всякія утопіи ненавижу, но прислугѣ вперять непротивленіе злу, по-моему, даже прекрасно. Давайте мнѣ вашу непротивленку! Я ее буду отпускать къ моленью. Гдѣ они собираются молиться? Или они совсѣмъ не молятся?

«— Не знаю,—говоритъ:—это дѣло совѣсти, объ этомъ не надо спрашивать.

«— Конечно, мнѣ Богъ съ ней, какъ она хочетъ. Но какъ ее звать?

«— Ѳедо́рушка.

«— Ай, какое неблагозвучное имя!

«— Отчего же? Очень хорошо! Вы зовите ее Ѳеодора, или даже Theodora. Чего же лучше?

«— Нѣтъ, это театрально, я буду звать ее Катя.

«— Зачѣмъ же?

«— Ну, это,—говорю,—у меня такой порядокъ».

Marie не стала возражать и прислала мнѣ свою непротивленку, и вообразите, дѣвушка мнѣ очень понравилась, и я ее наняла.

— Почемъ?—спросила гостья.

— Семь рублей въ мѣсяцъ.

— Какъ очень дешево.

— Да. Но она больше и не требовала. Она сама даже совсѣмъ ничего не просила, а сказала: «сколько буду стоить,

столько и положите». Я и назначила. Но позвольте, это вѣдь не въ томъ дѣло; а она мнѣ тогда очень понравилась, потому что, дѣйствительно, она выглядѣла этакая опрятная и скромная! А я, признаться, когда услыхала, что она непротивленка, то я опасалась за ея опрятность, такъ какъ въ ихнихъ книжкахъ вѣдь есть противъ мыла, и я помню, няня читала, какъ на одну святую бросился безстыжій муринъ, но какъ она никогда мыломъ не мылась, то этотъ фоблазъ отъ нея такъ и отскочилъ.

— Это ужасно!

— Да, всѣ другія подверглись, а она нѣтъ; но я рѣшительно не понимаю, неужели Толстой изъ-за этого противъ мыла?

— Ахъ, нѣтъ же! Вы развѣ забыли, изъ чего мыло сгущаютъ?

— Изъ мясного сока.

— Ну, вотъ и разгадка.

— Тетя! — отозвалась изъ-за трельяжа дѣвушка. — Ну, какъ вамъ не стыдно говорить такіе вздоры!

— А что такое?

— Изъ мяса мыла не варятъ и, притомъ, очень много мыла дѣлаютъ не изъ животныхъ, а изъ растительныхъ жировъ. Наконецъ, есть яичное мыло, которое вы и покупаете.

— Ахъ, правда, правда! Точно, есть яичное мыло. Это въ Казани, гдѣ былъ губернаторъ Скарятинъ; но я его теперь не покупаю. Долго покупала и очень имъ мылась, но съ тѣхъ поръ, когда былъ шахъ персидскій, и я узнала, что онъ этимъ мыломъ себѣ ноги моетъ, мнѣ стало непріятно, и я его больше не покупаю.

— Охота была вамъ объ этомъ и знать!

— Ну, отчего? Насъ въ институтахъ такой гордости не учили. И по-моему лучше интересоваться такими особами, чѣмъ неумойками. Я вѣдь помню, когда Аркадій оканчивалъ курсъ, тогда его посѣщали разные, и приходили и эти непротивленыши, и всѣ они были въ этой въ ихней формѣ, тусклые и въ нечищенныхъ сапогахъ.

— Ужасныя «малютки!»—сказала гостья.

— Да, какіе-то они... все съ курдючками. Подпоясшутся и сзади непремѣнно у нихъ дѣлается курдючокъ, а лапки безъ калошъ—и натопчутъ. Это неопрятность! Но дѣвушка-непротивленка ко мнѣ пришла совсѣмъ въ опрятномъ видѣ и работала превосходно, но въ практической жизни все-таки она оказалась невозможна.

— Почему же?

— Да, да, да! Въ практической жизни много сторонъ, и она мнѣ оказалась хуже всѣхъ противленокъ!

— Появился какой-нибудь непротивленышъ?

— Куда тамъ! Нѣтъ! просто не отгадаете!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— Начну хоть съ пустяковъ: пробѣгаю я ея паспортъ и наталкиваюсь опять на то, что тамъ стоитъ имя Ѳедо̀ра. Я говорю ей:

— Моя милая, мнѣ твое имя не нравится (я не люблю говорить людямъ *вы*), я буду звать тебя Катею. И она сразу же отвѣчаетъ разсужденіемъ: «Если вамъ такъ угодно, чтобы въ вашемъ домѣ служанка называлась иначе, то мнѣ это все равно: *это обычаи человѣческіе*!»

— Какъ это смѣшно!

— Ужасно смѣшно. «Обычаи человѣческіе...» А то еще у нихъ есть «непосредственныя обязанности къ Богу». Но я сама изъ деревенскихъ барышень и люблю иногда съ прислугой поразговаривать. Я и говорю: «Я буду звать тебя Катей, и ты должна откликаться». Отвѣчаетъ: «Слушаю-съ!» И еще,—говорю,—я тебѣ забыла сказать, что къ твоимъ обязанностямъ тоже должно относиться, чтобы ты помогала кухаркѣ убирать посуду и подтирала мокрою тряпкой крашеные полы въ дальныхъ комнатахъ. Но что же-съ, полы она подтирала, и мнѣ на мой зовъ «Катею» откликалась, а если кто изъ моихъ знакомыхъ ее спроситъ, какъ ея имя, она всѣмъ упорно отвѣчаетъ: «Ѳедо̀ра». Я

ей говорю: «Послушай, милая! Вѣдь тебѣ же сказано, и ты должна помнить, что ты теперь Катя! Зачѣмъ же ты противорѣчишь?» А она начинаетъ резонировать! «Я,—говоритъ,—сударыня, на ваше приказаніе откликаюсь, такъ какъ вы сказали, что это такой порядокъ въ вашемъ домѣ, и мнѣ это не вредитъ; но сама я лгать *не могу*»... Что̀ за вздоръ! «Нѣтъ,—говоритъ,—я лгать не могу, — мнѣ это вредитъ».

— Какова штучка! — воскликнула гостья. — Она себѣ вредить не желаетъ!

— О, не желаетъ!.. Да вѣдь еще и какъ!.. Это что-то пунктуальное, что-то узкое и упрямое, какъ самъ Мартынъ Иванычъ Лютеръ. Ахъ, какъ я не люблю это сухое лютеранство! И какъ хорошо что теперь за нихъ у насъ взялись. Я спрашиваю: «Какой тебѣ вредъ? Животъ, что ли, у тебя заболитъ или голова?»

«— Нѣтъ,—говоритъ,—животъ, можетъ-быть, не заболитъ, но есть вещи, которыя важнѣе живота и головы.

«— Что же это именно?

«— Душа человѣка. Я желаю имѣть мою совѣсть всегда въ порядкѣ».

— Вѣдь, это шпилька-съ!

— Это прямо дерзость!

— Да; но, какъ братъ Захаръ говоритъ, «хотя это и непріятно, но послѣ благословеннаго девятнадцатаго февраля — это неизбѣжно».

— Да, послѣ этого февраля мы у нихъ въ рукахъ.

— Особенно передъ самымъ праздникомъ. Нельзя же самимъ стать у своихъ дверей и объявлять визитёрамъ, что насъ дома нѣтъ. До этого еще вообще не дошло, но, между тѣмъ, непротивленская малютка это-то именно у меня и устроила.

— Да что вы?

— Фактъ-съ!

— Право, вся надежда на градоначальника.

— Да, онъ ихъ возьметъ — «руки назадъ». Въ празд-

никъ я ей толкомъ растолковала: «Катя, будутъ гости, ты должна всѣмъ говорить, что я дома и принимаю». И она принимала; но потомъ пріѣхалъ Викторъ Густавычъ. Вы знаете, человѣкъ съ его положеніемъ и въ его силѣ, а у меня два сына, и оба несходнаго характера: Аркадій — это совершенная рохля, а Валерій, вы его знаете, — живчикъ. Очень понятно, что я о нихъ забочусь, и я хотѣла съ нимъ немножко поговорить о Валеріи, который не попалъ за Аркадіемъ, а попалъ въ этотъ... университетъ и въ будущемъ году кончитъ безъ связей и безъ ничего...

Гостья сдѣлала едва замѣтное движеніе.

— И вотъ я посадила Виктора Густавыча, подбѣгаю къ ней и говорю: «Катя, а теперь если кто пріѣдетъ, ты должна говорить: *я уѣхала* и что *меня нѣтъ дома*». Кажется, всякая дура можетъ это понять и исполнить!

— Что же тутъ не исполнить!

— Да, самое обыкновенное. А она, вообразите, всѣмъ такъ и говорила, что «я ей *приказала говорить*, что я уѣхала и меня дома нѣтъ»!

— Ахъ, ты, Боже мой! — воскликнула гостья и расхохоталась!

— Но вы представьте себѣ, что и всѣ точно такъ же, какъ вы, на это только смѣялись, а никто не обидѣлся, потому что вѣдь всѣ же прекрасно знаютъ, что всегда въ этихъ случаяхъ лгутъ... Это такъ принято... Но молодежь стала мнѣ говорить: «Ma tante, ваша непротивленка, кажется, очень большая дура». Но я вѣрно поняла, что это дѣйствуетъ ея вѣра, и я разъяснила всѣмъ, что это изъ нея торчитъ графъ Толстой и сильно-державно показываетъ всѣмъ образованнымъ людямъ свой огромный шишъ. «Никакихъ-де визитовъ не надо! Все это глупости: лошадямъ хвосты трепать не для чего, а когда вамъ нуженъ моціонъ — мойте полы».

— Безъ мыла?

— Да, совершенно такъ просто!

— Но какъ же вы послѣ этого сдѣлали съ непротивленкой?

— Я съ ней объяснилась; я ей сказала: «Ты обдумай, тебя мнѣ рекомендовали, какъ очень хорошую дѣвушку и христіанку, а ты очень хитрая и упорная натура. Что это за выходка съ твоей стороны, чтобы выдать меня за лгунью?» А она простодушно извиняется:

«— Я не могла сказать иначе.

«— Отчего-о-о? Бѣдная ты, помраченная голова! Отчего-о ты не могла сказать иначе?

«— Потому что вы были дома.

«— Ну, такъ и что за бѣда?

«— Я бы солгала.

«— Ну, что же такое, если бы ты немножко и солгала?

«— Я нисколько лгать не могу.

«— Нисколько?

«— Нисколько.

«— Но вѣдь ты *служишь!* Ты нанимаешься, ты получаешь жалованье!.. Для чего ты съ такими фантазіями нанимаешься на мѣста?

«— Я нанимаюсь дѣлать работу, а не лгать: лгать я не могу».

Съ какихъ сторонъ съ ней ни заговори, она все дойдетъ до своего «я лгать не могу» и станетъ.

— Какая узость, узость!

— Страшно! «Да вѣдь надо же,—говорю,—умѣть отличать, что есть такая ложь, какой нельзя, а есть такая, которую сказать можно. Спроси у всякаго батюшки».

«— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — отвѣчаетъ, — я не хочу этого различать: Богъ съ ними, я не буду ихъ и спрашивать. Въ Евангеліи объ этомъ ничего не сказано, чтобъ отличать. Что неправда, то все ложь, — христіане ничего не должны лгать».

— Вотъ я тутъ и вспомнила, что, когда я ее нанимала, я думала, что въ прислугѣ и вообще въ низшемъ классѣ «непротивленіе» годится и не мѣшаетъ, и даже, можетъ-быть, имъ оно и полезно, но и это вышло совсѣмъ не такъ!

Вышло, что и здѣсь оно не годится и что этому вездѣ надо противодѣйствовать!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Хозяйка сдвинула серьезно брови и сказала, что она говорила о такой «заносчивости» съ батюшкой, и тотъ ей разъяснилъ, что это «плодъ свободнаго, *личнаго* пониманія».

— Да, но какая же свобода, когда это все ужасно узко? — вставила съ ученымъ видомъ гостья.

— Я съ вами и согласна, и, кромѣ того, не все для всѣхъ хорошо.

Хозяйка постучала съ угрозою по столу рукой, на пальцахъ которой запрыгали кольца съ бирюзой, и продолжала:

— Я вѣдь очень помню, когда были въ славѣ Европеусъ и Унковскій. Это было совсѣмъ не нынѣшнее время, и тогда случилось разъ, что мы вмѣстѣ въ одномъ домѣ ужинали и туда кто-то привелъ Шевченку... Помните, хохолъ... онъ что-то нашалилъ и много вытерпѣлъ; и онъ тутъ вдругъ выпилъ вина и хватилъ за ужиномъ такой экспромптъ, что никто не зналъ, куда дѣть глаза. Насилу кто-то прекрасно нашелся и сказалъ: «Повѣрьте, что̀ хорошо для немногихъ, то совсѣмъ можетъ не годиться для всѣхъ». И это всѣхъ спасло, хотя послѣ узнали, что это еще раньше сказалъ Пушкинъ, которому Шевченко совсѣмъ не чета.

— Ну, еще бы сталъ говорить этакъ Пушкинъ!..

— Конечно, онъ бы не сталъ, — перебила хозяйка, — онъ жилъ въ обществѣ, и декабристы знали, что съ нимъ нельзя затѣвать. А Шевченко со всѣми якшался, и Богъ его знаетъ, если даже и правда, что Перовскій самъ велѣлъ наказать его по-военному, то вѣдь тогда же было такое время: онъ былъ солдатъ — его и высѣкли, и это такъ слѣдовало. А Пушкинъ умѣлъ и это оттѣнить, когда

сказалъ: «что прекрасно для Лондона, то не годится въ Москвѣ». И какъ онъ сказалъ, такъ это и остается: «въ Лондонѣ хорошо, а въ Москвѣ не годится».

— Въ Москвѣ теперь уже никого и нѣтъ... Катковъ умеръ.

За трельяжемъ послышался сдержанный смѣхъ.

— Что вамъ смѣшно, Лида?

— «Катковъ умеръ». Вы это сказали такъ, какъ будто хотѣли сказать: «умеръ великій Панъ».

— А вы на это «сверкнули», какъ Діана.

— Я не помню, какъ сверкала Діана.

— А это такъ красиво!

— Не знаю ужъ, куда и дѣться отъ всякой красоты! Я впрочемъ помню, что Діана покровительствовала плебеямъ и рабамъ, и что у нея жрецомъ былъ бѣглый рабъ, убившій жреца, а сама она была дѣвушка, но помогала другимъ въ родахъ. Это прекрасно.

— Прекрасно!

А хозяйка покачала головою и замѣтила:

— Ты совершенно безъ стыда.

— Со стыдомъ, ma tante.

— Такъ что жъ ты говоришь! Чего жъ ты хочешь?

— Хочу, чтобъ дѣвушки не скучали въ своемъ дѣвичествѣ отъ бездѣлья и помогали тѣмъ, кому тяжело.

— Но для чего же въ родахъ?

— Да именно и въ родахъ, потому что это ужасно, и множество женщинъ мучатся безъ всякой помощи, а барышни играютъ глазками. Пусть онѣ помогаютъ другимъ и сами насмотрятся, что́ ихъ ожидаетъ, когда онѣ перестанутъ блюсти себя какъ Діаны.

— Позвольте,—вмѣшалась гостья:—я не о той совсѣмъ Діанѣ: я о той, которая сверкнула въ лѣсу на островѣ, у котораго слышали съ корабля, что «умеръ великій Панъ». Кажется, вѣдь это такъ у Тургенева?

— Я позабыла, какъ это у Тургенева.

Хозяйка продолжала:

— Теперь опять забываютъ хорошее, а причитаютъ то, что говорятъ «посредственныя книжки».

— А вы не обращали на эти книжки вниманія Виктора Густавыча? — спросила гостья.

— О, онъ ихъ презираетъ; но, знаете, онъ вѣдь лютеранъ, и по его мнѣнію, если гдѣ есть о добрѣ, то это все хорошо.

— Но, однако, ваша непротивленка въ самомъ-то дѣлѣ вѣдь и не была добра?

— Ну, такъ прямо я этого сказать не могу. Злою она ни съ кѣмъ не была, но когда ей долго возражаешь, то я замѣчала, что и у нея тоже что-то мелькало въ глазахъ.

— Да что вы?

— Я васъ увѣряю. Знаете, если шутя подтрунишь, такъ глазенки этакъ заискрятся... и... какое-то пламя.

— Боже мой! И для чего вы ее еще держали?

— Да, да! Я тоже разъ подумала: «эге-ге, — думаю себѣ,—да ты съ огонькомъ», и отпустила. Но, разумѣется, я прежде хотѣла знать, что̀ можно отъ такихъ людей ждать, я ее пощупала.

— Это интересно.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

— Я спросила ее такъ: «Что же это, моя милая, стало-быть, если бы при тебѣ въ домѣ случилось что-нибудь такое, что должно быть тайной, что отъ всѣхъ надо скрыть, стало-быть, ты и тогда не согласилась бы покрыть чей-нибудь стыдъ или грѣхъ?» Она сконфузилась и стала лепетать: «Я объ этомъ еще не думала... Я не знаю!» Я воспользовалась этимъ и говорю: «А если бы тебя призвали и стали спрашивать о твоихъ хозяевахъ, вѣдь ты должна же... Вѣдь какіе встарину были хорошіе и вѣрные слуги, а и тѣ, когда приходило круто, говорили, что̀ отъ нихъ хотѣли». Вообразите же, что она отвѣтила:

«— Это тотъ виноватъ, кто ихъ до этого доводилъ.

«— А если это дѣлалось по приказу?

«— Это все равно».

— Какова!

— Да-съ! Я говорю: «за это можно страдать». А она отвѣчаетъ:

«— Лучше пострадать, чѣмъ испортить свой путь жизни».

— Каково непротивленіе!

— Ну, вотъ, какъ видите!

— Впрочемъ, если смотрѣть по-ихнему и держаться Евангелія, то она не совсѣмъ и не права...

— Да, она даже очень права; но вѣдь общество не такъ устроено, чтобы все по Евангелію, и нельзя отъ насъ разомъ всего этого требовать.

— Да, это очень печально; но если вы это сломаете, а потомъ исковеркаете, то что же вы новое поставите на это мѣсто?

— Нигилисты говорили: *ничего*!

Хозяйка промолчала и сучила въ пальцахъ полоску бумаги, а умомъ какъ будто облетала что-то давно минувшее и потомъ молвила:

— Да, *ничего*, они только и умѣли сбивать съ толку женщинъ и обучать ихъ, не стыдясь, втроемъ чай пить.

— А какъ эта непротивленка вела себя въ этихъ отношеніяхъ?

— Вы, вѣрно, хотите спросить о тѣхъ отношеніяхъ, о которыхъ не говорятъ при Лидѣ...

Но отдыхавшая за трельяжемъ Лидія къ этому времени, вѣрно, совсѣмъ подкрѣпилась и сама вмѣшалась въ разговоръ уже не сонною рѣчью.

— О такой женщинѣ, какъ Ѳедо̀рушка, можно при всѣхъ и все говорить,—сказала Лида.—И, притомъ, когда же вы, ma tante, привыкнете, что я вѣдь не ребенокъ и лучше васъ знаю не только изъ чего варится мыло, но и какъ рождается ребенокъ?

— Лида! — замѣтила съ укоризной хозяйка.

— Да, конечно, ma tante, я это знаю.

— Господи!.. Какъ ты можешь это знать?

— Вотъ удивленіе! Мнѣ двадцать пятый годъ. Я живу, читаю и, наконецъ, я должна быть фельдшерицей. Что же я буду притворяться глупою дѣвчонкой, которая лжетъ, будто она вѣритъ, что дѣтей людямъ приносятъ аисты въ носу?

Хозяйка обратилась къ гостьѣ и внушительно сказала:

— Вотъ вамъ Іона-циникъ въ женской формѣ. И, притомъ, она Діана, она пуританка, квакерка, она читаетъ и уважаетъ Толстого, но она не раздѣляетъ множества и его мнѣній и ни съ кѣмъ у нея нѣтъ ладу.

— Я, кажется, не часто ссорюсь.

— Зато и тѣсно не дружишь ни съ кѣмъ.

— Вы ошибаетесь, ma tante, у меня есть друзья.

— Но ты ихъ бросила. Вѣдь тоже и непротивленыши пользовались у тебя фаворомъ, а теперь ты къ нимъ охладѣла.

— Съ ними нечего дѣлать.

— Но ты, однако, любила ихъ слушать.

— Да, я ихъ слушала.

— И наслушалась до тошноты, вѣрно?

— Нѣтъ, отчего же? Я и теперь готова послушать, что̀ у нихъ хорошо обдумано.

— Прежде ты за нихъ заступалась до слезъ.

— Заступалась, когда ваши сыновья, а мои кузены, собирали ихъ и вышучивали. Я не могу переносить, когда надъ людьми издѣваются.

Хозяйка засмѣялась и сказала:

— Смѣяться не грѣшно надъ тѣмъ, что смѣшно.

— Нѣтъ, грѣшно, ma tante, и мнѣ ихъ было всегда ужасно жаль... Они сами добрые и хотятъ добра, и я о нихъ плакала...

— А потомъ сама на нихъ разсердилась.

— Не разсердилась, а увидала, что они все говорятъ, говорятъ и говорятъ, а дѣла съ воробьиный носъ не дѣлаютъ. Это очень скучно. Если противны дѣлались тѣ, ко-

торые все собирались «работать надъ Боклемъ», то противны и эти, когда видишь, что они умѣютъ только палочкой ручьи ковырять. Одни и другіе роняютъ то, къ чему поучаютъ относиться съ почтеніемъ.

— Нѣтъ, тебя уязвило то, что они идутъ противъ наукъ!

— Да, и это меня уязвляетъ.

— А я тутъ за нихъ! Для чего ты, въ самомъ дѣлѣ, продолжаешь столько лѣтъ все учиться и стоишь на своемъ, когда очевидно, что все твое ученье кончится тѣмъ, что ты будешь подначальной у какого-нибудь лѣкаришки, и онъ поставитъ тебя въ уголъ?

— Ma tante, вѣдь это опять вздоръ!

— Ну, онъ тебя въ передней посадитъ. Самъ пойдетъ въ комнаты пирогъ ѣсть, а тебѣ скажетъ: «Останьтесь, милая, въ передней».

— И этого не будетъ.

— А если это такъ случится, что же ты сдѣлаешь?

— Я пожалѣю о человѣкѣ, который такъ грубо обойдется со мной за то. что я не имѣю лучшихъ правъ, и только потому, что мнѣ ихъ не дали.

— И тебѣ не будетъ обидно?

— За чужую глупость? Конечно, не будетъ.

— А не лучше ли выйти замужъ, какъ всѣ?

— Для меня—нѣтъ!

— А отчего?

— Мнѣ не хочется замужъ.

— Ты, однако, престранно выражаешься. Это законъ природы.

— Ну, такъ онъ, вѣрно, еще не дошелъ до меня.

— И религія того же требуетъ.

— Моя религія этого не требуетъ.

— Христосъ былъ, однако, за бракъ.

— Не читала объ этомъ.

— А для чего же Онъ благословлялъ жениха и невѣсту?

— Не знаю, когда это было.

— Читай въ Евангеліи.

— Тамъ этого нѣтъ.

— Какъ нѣтъ!

— Просто нѣтъ, да и конецъ!

— Господи! да что же это... вы все, значитъ, ужъ вымарали!

Дѣвушка тихо засмѣялась.

— Нечего хихикать: я знаю, что объ этомъ было, а если не въ Евангеліи, то въ премудрости Павлочтеніи. Во всякомъ случаѣ Онъ былъ въ Канѣ Галилейской

— Ну, и что же изъ этого?

— Значитъ, Онъ одобрялъ бракъ.

— А Онъ тоже былъ и у мытаря?

— Да.

— И говорилъ съ блудницей? Неужто это значитъ, что Онъ одобрялъ и то, что̀ они дѣлали?

— Ты ужасная спорщица.

— Я только отвѣчаю вамъ.

— А теща Петрова! Вѣдь Христосъ ее, однако, вылѣчилъ!

— А вы развѣ думаете, что если бъ она не была чьею-нибудь тещей, такъ Онъ бы ее не вылѣчилъ?

— У тебя самый пренепріятный умъ.

— Да. Это многіе говорятъ, ma tante, и это всего больше убѣждаетъ меня, что мнѣ нельзя выходить замужъ.

— Вѣдь вотъ ты рѣшительно и совершенно какъ змѣя вьешься такъ, что тебя нельзя притиснуть.

— Ma tante, да зачѣмъ же непремѣнно надо меня притиснуть?

— Мнѣ очень хочется!..

— Мой другъ, да что же дѣлать? Нельзя все устроить такъ, какъ вамъ хочется.

— Нѣтъ, я вѣдь не про то: я хотѣла бы знать, какой у васъ законоучитель, и какъ онъ не видитъ, что вы всѣ безбожницы?

— Мы получаемъ у него всѣ по пяти балловъ.

— Извольте! За что же онъ вамъ ставитъ по пяти балловъ?

— Онъ не можетъ иначе: мы всѣ отлично учимся.

— Вотъ вѣдь назрѣли какіе характеры!

— Полноте, ma tante, что̀ это еще за характеры! Характеры идутъ, характеры зрѣютъ,—они впереди и мы имъ въ подметки не годимся. И они придутъ, придутъ! «Придетъ весенній шумъ, веселый шумъ!» Здоровый умъ придетъ, ma tante! Придетъ! Мы живы этою вѣрой! Живите ею и вы и... вамъ будетъ хорошо, всегда хорошо, что̀ бы съ вами ни дѣлали!

— Спасибо, милая!

— Не сердитесь, ma tante,—и Лидія Павловна вдругъ оборотилась къ теткиной гостьѣ и сказала ей: — А вы хотѣли знать, былъ ли у Ѳедо̀ры романъ? Я вамъ объ этомъ могу разсказать. У нея былъ женихъ часовщикъ; но Ѳедо̀рушка ему отказала, потому что у нея была сестра, которая «мирилась съ жизнью». У нея были «панье», брошь и серьги, и двое дѣтей. Она серьги и брошь берегла, а дѣтей хотѣла стащить въ воспитательный домъ; но Ѳедо̀ра надъ ними сжалилась и платила за нихъ почти все, что̀ получала.

— А собственнаго увлеченія у нея не было?

— Вотъ это-то и было ея собственное увлеченіе!

— Да, но ей будетъ трудно платить: съ такимъ характеромъ и такими правилами, какъ у нея, она нигдѣ себѣ мѣста не нагрѣетъ.

— Другіе помогутъ.

— Видите!.. Настоящія сектантки, у нихъ все *міромъ*,— отозвалась хозяйка.—Гоните ихъ—онѣ не боятся и даже радуются.

— Вѣдь такъ и слѣдуетъ,—поддержала дѣвушка.

— Фантазіи!

— Однако, такъ сказано: надо радоваться, когда терпимъ гоненіе за правду, и, въ самомъ дѣлѣ, это очень помогаетъ распространенію идей. Насъ гонятъ, а мы идемъ дальше и все говоримъ про хорошее все новымъ и новымъ людямъ...

— Ну, ты, послушай, однако, сама: какая же, наконецъ, у самой тебя вѣра?

— А это такой деликатный вопросъ, ma tante, котораго я никому не позволю касаться.

— Вонъ какъ ужъ у насъ стали отвѣчать о вѣрѣ! Это, кажется, совсѣмъ не по-нашенски.

— Да, это не по-вашенски, — разсмѣявшись, отвѣтила Лидія. — По-вашенски, «подобаетъ вопросити входящаго: рцы, чадо, како вѣруеши?»

Хозяйка постучала по столу вѣеромъ и погрозила племянницѣ:

— Лида! Въ этотъ разъ... что́ ты сказала здѣсь, это еще ничего, пусть это такъ и пройдетъ, но впредь помни, что у тебя есть мать и ты не должна быть помѣхой своимъ братьямъ въ карьерѣ!

— Этого, ma tante, не забудешь!

— Ну, такъ и нечего либеральничать.

— А «како вѣруеши»—это развѣ либеральность?

— Это не по сезону.

— Ну, ma tante, извините: жизнь, въ самомъ дѣлѣ, дается всего одинъ разъ, и очень неразсчетливо ее приноравливать къ какому бы то ни было сезону... Это скоро мѣняется.

Сказавъ это, дѣвушка встала изъ-за трельяжа и вышла на середину комнаты. Теперь можно было видѣть, что она очень красива. У нея стройная, удивительной силы и ловкости фигура, въ самомъ дѣлѣ напоминающая статуэтку Діаны изъ Танагры, и милое цѣломудренное выраженіе лица съ умными и смѣлыми глазами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Тетка на нее посмотрѣла и на лицѣ ея выразилось артистическое удовольствіе; она просіяла и тихо замѣтила:

— Желала бы я знать, гдѣ глаза у людей, которые смѣютъ что-нибудь говорить противъ породы? Лида, неужели ты безъ корсета?

— Я хожу такъ постоянно!

— И стройна, какъ богиня. Но Валеріанъ говорилъ мнѣ, что у васъ очень много уро̀дихъ, и *всѣ* теперь сняли кольца и рѣшили не носить ни серегъ и никакихъ другихъ украшеній.

— Ему какая забота?

— Отчего же, его интересуетъ все. Но развѣ это въ самомъ дѣлѣ правда?

— Правда.

— И вотъ вы увидите, что, навѣрное, многія не выдержатъ.

— Очень можетъ быть.

— Которой серьги къ лицу, та и не выдержитъ — надѣнетъ.

— Что же, если и не выдержитъ, то, по крайней мѣрѣ, поучится выдерживать, и это что-нибудь сто̀итъ. Прощайте, ma tante.

— И у кого пребезобразная фигура, той лучше корсетъ.

— Ma tante, ну, что̀ намъ за дѣло до такихъ пустяковъ! До свиданія.

— До свиданія. Красота ты, моя красота! Я только все не могу быть покойна, что ты кончишь тѣмъ, что уйдешь жить съ какимъ-нибудь непротивленышемъ.

Лидія холодно, но ласково улыбнулась и молвила:

— Ma tante, какъ можно знать, что̀ съ кѣмъ будетъ? Ну, зато я не сбѣгу съ опернымъ пѣвцомъ.

— Нѣтъ! Бога ради, нѣтъ! Лучше кто хочешь, но только чтобъ не непротивленышъ. Эти «малютки» и ихъ курдючки... это всего противнѣе.

— Ахъ, ma tante, я ужъ и не знаю, что́ не противно!

— Ну, пусть лучше будетъ все противно, но только не такъ, какъ эти, которые учатъ, чтобъ не вѣнчаться и не крестить. Обвѣнчайся и потомъ пусть Богъ тебя хранитъ какъ Ему угодно.

И тетка встала и начала ее крестить, а потомъ проводила ее въ переднюю и тутъ ей шепнула:

— Не осуждай меня, что я была съ тобой рѣзка. Я такъ должна при этой женщинѣ, да и тебѣ впередъ совѣтую при ней быть осторожной.

— О, пустяки, ma tante! Я никого не боюсь.

— Не боишься?.. Не говори о томъ, чего не знаешь.

— Ахъ, ma tante, я не хочу и знать: мнѣ *нечего бояться.*

Сказавъ это, дѣвушка заметалась, отыскивая рукою ручку двери, и вышла на лѣстницу смущенная, съ пылающимъ лицомъ, на которомъ разомъ отражались стыдъ, гнѣвъ и сожалѣніе.

Проходя мимо швейцара, она опустила вуалетку, но зоркій, наблюдательный взоръ швейцара все-таки видѣлъ, что она плакала.

— Эту тутъ завсегда пробираютъ!—сказалъ онъ стоявшему у воротъ дворнику.

— Да, ей видать, что попало!—отвѣтилъ не менѣе наблюдательный дворникъ.

А хозяйка, между тѣмъ, возвратилась въ свой «салонъ» и спросила:

— Какъ вамъ нравится этотъ экземплярецъ?

Гостья только опустила глаза кроткой лани и отвѣтила:

— Все уловить нельзя, но вездѣ и во всемъ сквозитъ живая красная нитка.

— О, да, сегодня она еще очень тиха, а въ прошлый разъ дѣло чуть не дошло до скандала. Кто-то вспомнилъ наше доброе время и сказалъ, какіе тогда бывали сваты, которымъ никто не смѣлъ отказать. Такъ она прямо отвѣтила: «Какъ хорошо, что теперь хоть это не дѣлается!»

— Онѣ, изъ гимназій, такъ реальны, что совсѣмъ не понимаютъ институтской теплоты.

— Нисколько! Я ее тогда прямо спросила, неужто ты бы не была тронута, если бы тебѣ подвели жениха?—такъ она даже вспыхнула и оторвала: «Я не крѣпостная дѣвка!»

— Я говорю вамъ, вездѣ красная нить. И какая за-

носчивость, съ какою она самоувѣренностью говоритъ о личномъ увлеченіи несчастной сестры этой Ѳедóры!

— Она очень сострадательна къ дѣтямъ.

— Но чтó же дѣлать, когда дѣти не наполняютъ женщинѣ всей ея жизни?

— Ахъ, съ дѣтьми очень много хлопотъ!

— Да, и даже простые, самые грубые люди при дѣтяхъ еще ищутъ забыться въ любви. У меня въ прачкахъ семь лѣтъ живетъ прекрасная женщина и всегда съ собой борется, а въ результатѣ все-таки всякій годъ посылаетъ новаго жильца въ воспитательный домъ. А анонимный авторъ все продолжаетъ, безъ подписи, и ничего знать не хочетъ: придетъ, отколотитъ ее, и что есть, все оберетъ. И таковы они всѣ. Альфонсизмъ въ нашихъ нравахъ. А когда я ей сказала: «Брось ихъ всѣхъ вонъ или обратись къ религіи: это поможетъ»,—она меня послушала и поѣхала въ Кронштадтъ, но оттуда на обратномъ пути купила выборгскихъ кренделей и заѣхала къ мерзавцу вмѣстѣ чай пить, и теперь опять съ коробкомъ ходитъ и очень счастлива. Чтó же тутъ сдѣлать? «Не могу,—говоритъ,—бѣсъ сильнѣе». Когда женщина сознаетъ свою слабость, то съ этимъ миришься.

— Да, миришься, потому что это наше простое, родное, русское.

— Вотъ, вотъ, вотъ! Это она, наша бѣдная русская бабья плоть, а не то, что эти, какія-то куклы изъ аглицкой клеенки. Чисты, но холодны.

— О, какъ холодны! Вѣдь она вотъ стоитъ за дѣтей, но она и ихъ, замѣтьте, не любитъ.

— Да что вы?

— Я васъ увѣряю, она вообще о дѣтяхъ заботится, но никогда ими не восхищается и даже ихъ не цѣлуетъ.

— Что не цѣлуетъ—это прекрасно.

— Положимъ, конечно, это, говорятъ, нездорово, но она это не любитъ!

— Неужели?.. Вѣдь это всѣмъ женщинамъ врожденно нѣжить дѣтей.

— Нѣжить, нѣтъ! Она допускаетъ только заботливость, а любить, по ея разсужденію, должно только того, кто самъ имѣетъ любовь къ людямъ. А дѣти къ тому не способны.

— Да развѣ извѣстно, что̀ изъ маленькаго выйдетъ?

— Такъ и она говоритъ: «Я не люблю *неизвѣстныхъ* величинъ, я люблю то, что̀ мнѣ извѣстно и понятно».

— Какое резонерство!

— Я и говорю: это отдаетъ не сердцемъ, а математикой. Она даже не вѣритъ, что другіе любятъ дѣтей... «Иначе,— говоритъ,—не было бы такихъ негодяевъ, черезъ которыхъ русское имя въ посмѣяньи у умныхъ людей». Нашу славу и могущество они вѣдь не высоко ставятъ. И вообразите, они утверждаютъ это на Майковѣ:

«Величіе народа въ томъ,
Что̀ носитъ въ сердцѣ онъ своемъ».

Хозяйка и гостья обѣ переглянулись и сразу же обѣ задумались, и лица ихъ приняли не-женское, офиціальное выраженіе. У гостьи и это прошло прежде, и она замѣтила:

— Въ то время, какъ мы, русскія женщины, подписываемъ адресъ madame Adan, не худо бы, чтобы мы протестовали противъ учрежденій, гдѣ не внушаютъ уваженія къ русскимъ началамъ.

Хозяйка стала нервно сучить въ рукахъ бумажку и, сдвинувъ брови, прошептала въ раздумьи:

— Кто же это, однако, начнетъ?

— Не все ли равно кто?

— Но, однако... Бывало, братъ мой Лука... Онъ независимъ, и никогда не былъ либераломъ, и ему нечего за себя бояться... Онъ, бывало, заговоритъ о чемъ угодно, но теперь онъ ни за что-съ! Онъ самымъ серьезнымъ образомъ отвернулся отъ насъ и благоволитъ къ Лидіи, и это ужасно,

потому что у него все состояніе благопріобрѣтенное и онъ можетъ отдать его кому хочетъ.

— Неужто все это можетъ достаться Лидіи Павловнѣ?

— Всего легче! Братъ Лука къ моимъ сыновьямъ не благоволитъ, а брата Захарика считаетъ мотомъ и «провальною ямой». Онъ содержитъ его семейство, но ему онъ ничего не оставитъ.

Гостья встала и отошла къ открытому піанино и черезъ минуту спросила:

— А гдѣ теперь супруга и дочери Захара Семеныча?

— Его жена... не знаю въ точности... она въ Италіи или во Франціи.

— Ее держало что-то въ Вѣнѣ.

— Ахъ, это ужъ давно прошло! Такихъ державъ у нея не перечесть до вечера. Но съ ней теперь вѣдь только три дочери: вѣдь Нина, младшая, ужъ годъ, какъ вышла замужъ за графа Z. Богатъ ужасно.

— И ужасно старъ?

— Конечно, ему за семьдесятъ лѣтъ, а говорятъ, и больше, а ей лѣтъ двадцать. Много вѣдь ихъ, четыре дѣвки. А графъ, старикъ, женился на зло своимъ роднымъ. Надѣется еще имѣть дѣтей. Мы ѣздили просить ему благословеніе.

— Пусть Богъ поможетъ!

— Да. На свадьбѣ братъ Захаръ сказалъ ему: «Пью за ваше здоровье бокалъ, а когда моя дочь подаритъ вамъ рога, я тогда за ея здоровье цѣлую бутылку выпью».

Въ отвѣтъ на это гостья оборотилась отъ піанино лицомъ къ хозяйкѣ, и лицо ея уже не дышало милою кротостью лани, а имѣло выраженіе брыкливой козы, и она, повидимому, некстати, но, въ сущности, очень сообразительно сказала:

— Очевидно, что дѣло начать надо вамъ.

— Но Лидія мнѣ родная!

— Потому-то это и нужно: это покажетъ ваше безпри-

страстіе и готовность все принести въ жертву общественной пользѣ, а она будетъ устранена отъ наслѣдства.

Хозяйка смотрѣла на гостью околдованнымъ взглядомъ. Дѣло соображено было вѣрно, но въ душѣ у старухи что-то болталось туда и сюда, и она опять покрутила бумажку и шепнула:

— Не знаю... Дайте подумать. Я спрошу батюшку.

— Конечно, его и спросите.

— Хорошо, я спрошу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ это время распахнулась дверь и вошелъ сѣдой, бодрый и кругленькій генералъ съ ученымъ значкомъ и съ веселыми, сѣрыми, проницательными глазами на большомъ гладкомъ лицѣ, способномъ принимать разнообразныя выраженія.

Это и былъ братъ Захаръ.

Хозяйка протянула ему руку и сказала:

— Ты очень легокъ на поминѣ: мы сейчасъ о тебѣ говорили.

— За что же именно?—спросилъ генералъ, садясь и довольно сухо здороваясь съ гостьей.

— Какъ *за что?* Просто о тебѣ говорили.

— У насъ просто о людяхъ никогда не говорятъ, а всегда ихъ за что-нибудь ругаютъ.

— Но бываютъ и исключенія.

— Два только: это père Jean и père Onthon.

— Ты настаиваешь на томъ, что это надо произносить не Antoine, а *Onthon?*

— Такъ произносятъ тѣ, которые на этотъ счетъ больше меня знаютъ и теплѣе моего вѣруютъ. Я самъ вѣдь въ вѣрѣ слабъ.

— Это стыдно.

— Что-жъ дѣлать, когда ничего не вѣрится!

— Это огорчало нашу мать.

— Помню и повиновался, а притворяться не могъ. Она, бывало, скажетъ: «ангелъ-хранитель съ тобою»,—и я всюду ходилъ съ ангеломъ-хранителемъ, вотъ и все!

— Олимпія пріѣхала.

— Мнѣ всегда казалось, что ее зовутъ Олимпіада. Впрочемъ, я ею особенно не интересуюсь.

— У нея много новостей и нѣкоторыя касаются тебя. Твоя дочь, графиня Нина, беременна.

— Да, да! Разбойница, навѣрное, осуществляетъ «Волшебное дерево» изъ Бокаччіо. Я, однако, выпью сегодня бутылку шампанскаго и пошлю поздравительную телеграмму графу. Кстати, я встрѣтилъ на-дняхъ одного товарища своего зятя и узналъ, что онъ старше меня всего только на четырнадцать лѣтъ.

— Какія же подробности объ ихъ житьѣ?

— Я ничего не знаю.

— Ты развѣ не былъ еще у Олимпіи?

— Я? Нѣтъ, мой ангелъ-хранитель меня туда не завелъ. Я видѣлъ, что какая-то дама мчалась въ коляскѣ и передъ нею у кучера надъ турнюромъ сзади часы. Я подумалъ: что это еще за пошлая баба тутъ появилась? И вдругъ догадался, что это она. А она сразу же устроила мнѣ непріятность: я хотѣлъ отъ нея спастись и прямо попалъ навстрѣчу еврею, которому долженъ чортову пропасть.

— Бѣдный Захарикъ!

— Но, слава Богу, что мой хранитель бдѣлъ надо мной и что это случилось противъ собора: я сейчасъ же бросился въ церковь и сталъ къ амвону, а жидъ оробѣлъ и не пошелъ дальше дверей. Но только какія теперь въ церквахъ удивительно неудобныя правила! Представь, они открываютъ всего только одну дверь, а другія закрыты. Для чего закрывать? Въ Парижѣ всѣ храмы весь день открыты.

— У насъ, другъ мой, часто крадутъ... Было нѣсколько кражъ.

— Какіе проказники! А я черезъ это, вообразите, нѣсколько молебновъ подъ рядъ отстоялъ, но жида, все-таки,

надулъ. Онъ ждалъ меня у общей двери, а я съ знакомымъ батюшкой утёкъ черезъ святой алтарь и, кстати, встрѣтилъ Лиду. Она была разстроена, и я, чтобъ ее развеселить, все разсказалъ ей, какъ попался Олимпіи, а потомъ жидамъ и, наконецъ, насилу спасся черезъ храмъ убѣжища. Она развеселилась и зашла со мою выпить чашку шоколаду.

— Это ты старался ее утѣшить? Что за милый дядя!

— Да, но тутъ еще и другой былъ умыселъ. Тамъ была одна... балерина, которой никогда не удается изобразить богиню... Я ей показалъ Лиду и сказалъ: «Смотри, дура, вотъ богиня!» Но кто и гдѣ обидѣлъ Лиду?

— Вотъ не берусь тебѣ отвѣтить. Вѣрно, «нашла коса на камень»; но она, впрочемъ, сама здѣсь говорила, что ее будто даже и «*нельзя* обидѣть».

— Ахъ, это ничего болѣе какъ всѣмъ противныя толстовскія бетизы! Увѣряю васъ, что всѣми этими глупостями это все ихъ Левъ Толстой путаетъ! «Da ist der Hund begraben!» Рѣшительно не понимаю, чего этотъ старикъ хочетъ? Кричатъ ему со всѣхъ концовъ свѣта, что онъ первый мудрецъ, вотъ онъ и помѣшался. А я рѣшительно не нахожу, что́ такое въ самомъ въ немъ находятъ мудрецовскаго.

— И я тоже.

— Да и никто не находитъ, а это все за границей. Мы съ нимъ когда-то разъ даже жили на одной улицѣ, и я ничего премудраго въ немъ не замѣчалъ. И помню, онъ былъ разъ и въ театрѣ, а потомъ у общихъ знакомыхъ, и когда всѣмъ подали чай, онъ сказалъ человѣку: «подай мнѣ, братецъ, рюмку водки».

— И выпилъ?

— Да, выпилъ и закусилъ, не помню, баранкой или корочкой хлѣба. И все это было самое обыкновенное, а потомъ вдругъ зачудилъ и въ мудрецы попалъ!.. Удача! Но я хотя и не раздѣляю его христіанства, которое несетъ смерть культурѣ, но самого его я уважаю.

— За что же?

— Конечно, не за его премудрости! Это пустяки! Но я этихъ его непротивленышей люблю, съ ними такъ хорошо поговорить за кофе.

— Я этого не нахожу.

— Ну, нѣтъ!.. На многое они оригинально смотрятъ. Я не признаю, чтобы это что-нибудь изъ ихъ фантазій было можно осуществить. Теперь не тотъ вѣкъ, но отчего не поболтать? Вѣдь, Бисмаркъ же любилъ поговорить съ соціалистами. «Малютки» же эти идутъ наперекоръ соціалистамъ.

— Какъ это наперекоръ?

— А такъ: непротивленыши вѣдь отказываются отъ наслѣдствъ всегда въ пользу родныхъ... Это то самое, чего Петръ Первый хотѣлъ достичь черезъ майораты... Это надо поощрять, чтобы не дробились состоянія. А самъ Толстой только чертовски самолюбивъ, но зато съ большимъ характеромъ. Это у насъ рѣдкость. Его нельзя согнуть въ бараній рогъ и заставить за какую-нибудь бляшку блеять по-бараньи: бя-я-я!

Генералъ потравилъ себя пальцами за горло и издалъ звуки, очень разсмѣшившіе хозяйку и гостью.

— Но зачѣмъ же у него эта несносная проницательность, и для чего онъ такъ толкуетъ, что будто ничего не нужно?

— А это скверность, но я успокоиваю себя твоею русскою пословицей: «не такъ страшенъ чортъ, какъ его малютки».

— И я это говорю всегда: онъ тамъ я не знаю гдѣ, а эти Figaro çi—Figaro là разбрелись, какъ цыплята.

— Вотъ именно цыплята... Отчего это у нихъ такъ топорщится, какъ будто хвосты перятся?

— А ужъ это надо ихъ осмотрѣть и удостовѣриться.

— Ну, какъ можно ихъ смущать!

— А они не церемонятся смущать вѣру.

— Мою вѣру смутить нельзя: въ разсужденіи вѣры я

байронисть; я ѣмъ устрицъ и пью вино, а кто ихъ создалъ: Юпитеръ, Панъ или Нептунъ—это мнѣ все равно! И я объ этомъ и не богохульствую, но его несносная на нашъ счетъ проницательность — это скверно. И потомъ для чего онъ увѣряетъ, будто «не мечите бисера передъ свиньями» сказано не для того, чтобы предостеречь людей, чтобъ они не со всякою скотиной обо всемъ болтали—это глупость. Есть люди—ангелы, а есть и свиньи.

— Но только эти милыя животныя, надѣюсь, находятся въ своихъ мѣстечкахъ, гдѣ имъ надо быть.

— Да; имъ бы всѣмъ надо быть въ своихъ закутахъ, но случается и иначе: бываетъ, что свиньи садятся въ гостиныхъ.

— О, Господи! какіе ужасы!

— О, да! Есть много ужасовъ.

— Но, а есть ли зато гдѣ-нибудь ангелы?

— А есть... Вотъ, напримѣръ, хоть такіе, какъ наша Лида!

— Не нахожу: дѣвчонки, которыя не знаютъ, что̀ онѣ такое.

— Вы, господа, пребезбожно ихъ мучите и, можно сказать, истязаете!

— Какимъ это образомъ?

— Вы къ нимъ пристаете, ихъ злите, а когда бѣдныя дѣвочки въ нетерпѣніи что-нибудь вамъ брякнутъ, вы это разглашаете и имъ вредите. По правдѣ сказать, это подлость!

— Ни о чемъ такомъ не слыхала.

— А я, представь, слышалъ. Говорятъ, будто, когда Лида пришла къ тебѣ на балъ въ закрытомъ лифѣ, ты ей сдѣлала колкость.

— Нимало!

— Ты надъ ней обидно пошутила: ты сказала, что она, вѣроятно, когда будетъ дамой, то и своему будущему Адаму покажетъ себя «кармелиткой», въ двойномъ капюшонѣ, а она тебѣ будто отвѣчала, что къ *своему* Адаму она, мо-

жетъ-быть, придетъ даже «Евой», а постороннимъ на балу не хочетъ свои плечи показывать.

— И представь, это правда, она такъ и сказала!

— Сказала, потому что не надо было къ ней приставать. Байронъ прекрасно замѣтилъ, что «и кляча брыкается, если сбруя рѣжетъ ей тѣло», а вѣдь Лида не кляча, а молодая, смѣлая и прекрасная дѣвушка. Для этакой Евы, чортъ бы меня взялъ, очень стоитъ отдать всѣ свои преимущества и идти снова въ студенты.

— Ты за ней просто волочишься?

— Я не очень, а ты-бъ послушала, какого мнѣнія о ней нашъ старшій братъ Лука! Онъ говоритъ, что «провелъ съ нею самое счастливѣйшее лѣто въ своей жизни». А вѣдь ему скоро пойдетъ восьмой десятокъ. И въ самомъ дѣлѣ, какихъ она тамъ у него въ прошломъ году чудесъ надѣлала! Мужикъ у него есть Симка, медвѣдей все обходилъ. Человѣкъ сорока восьми лѣтъ и ишіасомъ заболѣлъ. Распотѣлъ и посидѣлъ на промерзломъ камнѣ, — вотъ и ишіасъ... болѣзнь сѣдалищнаго нерва... Понимаете, приходится въ какомъ мѣстѣ?

— Ты безъ подробностей.

— Такъ вотъ его три года врачи лѣчили, а братъ платилъ; и по разнымъ мѣстамъ цѣлители его исцѣляли, и тоже не исцѣлили, а только деньги на молитвы брали. И вся огромнѣйшая семья богатыря въ раззоръ пришла. А Лидія пріѣхала къ дядѣ гостить и говоритъ: «Этому можно попробовать помочь, только надо это съ терпѣніемъ».

— Ну, этого ей, дѣйствительно, не занимать стать! — замѣтила съ сдержанною ироніей хозяйка.

— Да, она и начала класть этого мужичищу мордой внизъ, да по два раза въ день его подъ поясницей разминала!.. Понимаете вы? Этакими-то ея удивительными античными руками, да по энтакому-то мужичьему мѣсту! Я посмотрѣлъ и говорю: «Какъ же теперь послѣ этого твою руку цѣловать?» Она говоритъ: «Руки даны не для того, чтобъ ихъ цѣловать, а для того, чтобъ онѣ служили лю-

дямъ на пользу». А братъ Лука... онъ вѣдь сталъ старикъ нѣжный и нервный: онъ какъ увидалъ это, такъ и зарыдалъ... Попъ приходилъ къ нему дровъ просить, такъ онъ схватилъ его и потащилъ, и показываетъ попу: «Смотри!— говоритъ, — видишь ли?» Тотъ отвѣчаетъ: «Вижу, ваше высокопревосходительство!»

«— А разумѣешь ли?

«— Разумѣю,—говоритъ,—ваше высокопревосходительство! Маловѣрны только и ко храму лѣностны, но по дѣламъ очень изрядны.

«— То-то вотъ и есть «очень изрядны»! А ты, вотъ, и молись за нихъ въ храмѣ-то. Это твое дѣло. А я тебѣ велю за это дровъ дать.

«— Слушаю, — говоритъ, — ваше высокопревосходительство! Буду стараться!»

— И ничего, небось, не старался?

— Ну, разумѣется: дуракъ онъ, что ли, что будетъ стараться, когда дрова уже выданы? А только Симка-то теперь ходитъ и опять дѣтей своихъ кормитъ, а Лиду какъ увидитъ, сейчасъ плачетъ и пищитъ: «Не помирай, барышня! Лучше пусть я за тебя поколѣю... Ты намъ матка!» Нѣтъ, что̀ вы ни говорите, эти дѣвушки прелесть!

— Только съ ними человѣческій родъ прекратится.

— Отчего это?

— Не идутъ замужъ.

— Какой вздоръ! Посватается такой, какого имъ надо, и пойдутъ. А, впрочемъ, это бы еще и лучше, потому что, по правдѣ сказать, нашъ братъ мужчинишки-то стали такая по̀гань, что и не сто́итъ за нихъ и выходить путной дѣвушкѣ.

— Пусть и сидятъ въ дѣвкахъ.

— И что за бѣда?

— Старыя дѣвки всѣ злы дѣлаются.

— Это только тѣ, которымъ очень хотѣлось замужъ и ихъ темпераментъ безпокоитъ.

— Дѣло совсѣмъ не въ темпераментѣ, а на старую дѣвушку смотрятъ, какъ на бракованную.

— Такъ смотрятъ дураки, а умные люди, наоборотъ, даже съ уваженіемъ смотрятъ на пожилую дѣвушку, которая не захотѣла замужъ. Да вѣдь дѣвство, кажется, одобряетъ и церковь. Или я ошибаюсь? Можетъ-быть, это не такъ?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Хозяйка улыбнулась и отвѣчала:

— Нѣтъ, это такъ; но всего любопытнѣе, что за дѣвство вступаешься *ты*, мой грѣшный Захарикъ.

— А что, сестрица, дѣлать? Теперь и я уже не тотъ, и въ шестьдесятъ пять лѣтъ и ко мнѣ, вмѣсто жизнерадостной гризетки, порою забѣгаетъ мысль о смерти и заставляетъ задумываться. Ты не смѣйся надъ этимъ. Когда и самъ дьяволъ постарѣетъ, онъ сдѣлается пустынникомъ. Посмотри-ка на нашихъ старовѣровъ, не здѣсь, а въ захолустьяхъ! Всѣ вѣдь живутъ и согрѣшаютъ, а вонъ какая у нихъ есть отличная манера: какъ старичку стукнетъ шестьдесятъ лѣтъ, онъ отъ сожительницы изъ чулана прочь, и даже часто выселяется совсѣмъ изъ дому. Построитъ себѣ на огородѣ «хижину», подъ видомъ баньки, и поселяется тамъ съ нарочитымъ отрокомъ, своего рода «Гіезіемъ», и живетъ, читаетъ Богословца или *Ключъ разумѣнія*, а въ деньгахъ и въ дѣлахъ уже не участвуетъ, вообще не мотрошится на глазахъ у молодыхъ, которымъ надо еще въ жизни свой чередъ отвести. Я это, право, хвалю. Пускай тамъ и говорятъ, будто отшельнички-старички разъ въ недѣльку, въ субботу, по старой памяти, къ своимъ старушкамъ въ чуланъ заходятъ, но я вѣрю, что это они только приходятъ чистое бѣльецо взять... Милые старички и старушечки! Какъ имъ зато хорошо будетъ въ вѣчности!

— Бѣдный Захарикъ! Можетъ-быть, и ты такъ хотѣлъ бы?

— О, безъ сомнѣнія! Но только куда намъ, безвѣрнымъ! А кстати, что это я замѣтилъ: у твоего Аркадія, кажется, опять новый отрокъ?

Хозяйка сдвинула брови и отвѣчала:

— Не понимаю, съ какой стати это тебя занимаетъ?

— Не занимаетъ, а я спросилъ къ слову о Гіезіи, а если объ этомъ нельзя говорить, то перейдемъ къ другому: какъ Валерій, благополучно ли дошибаетъ свой университетъ?

— А почему же онъ его «дошибаетъ»?

— Ну, да, кончаетъ, что ли! Будто не все равно? Не укусила ли его какая-нибудь якобинская бацилла?

— Мой сынъ воспитанъ на здоровой пищѣ и бациллъ не боится.

— Не возлагай на это излишнихъ надеждъ: домашнее воспитаніе все равно, что домашняя температура. Чѣмъ было въ комнатѣ теплѣе, тѣмъ опаснѣе, что дѣти простудятся, когда ихъ охватитъ.

— Типунъ тебѣ на языкъ. Но я за Валерія не боюсь: его Богъ бережетъ.

— Ахъ, да, да, да, вѣдь онъ «тепло-вѣрующій»!

— Такими вещами не шутятъ. Мы, русскіе, всѣ тепло вѣримъ.

— Да, мы теплые ребята! Но постойте, господа, я видѣлъ картину Ге!

— Опять яичница?

— Нѣтъ. Это просто *бойня!* Это ужасно видѣть-съ!

— Очень рада, что его прогоняютъ съ выставокъ. Мнѣ его самого показывали... Господи! Что̀ это за панталоны и что̀ за пальто!

— Пальто поглотило много лучей солнца, но это еще не серьезно.

— А ты находишь, что его мазня—это серьезно?

— Я говорю не о мазнѣ, а о фракѣ.

— Что за вздоръ!

— Это не вздоръ. Онъ долженъ былъ представиться

и не могъ, потому что подарилъ свой фракъ знакомому лакею.

— Но почему это узнали?

— Онъ самъ такъ сказалъ.

— Какъ это глупо!

— И дерзко!—поддержала гостья.

А генералъ заключилъ:

— Это *замѣчательно*! Теперь просто говорятъ: «замѣчательно»!

— А почему замѣчательно?

— А потому замѣчательно, что эти,—какъ вы ихъ кличете,—«непротивленыши» или «малютки» все чему-то противятся, а мы, которые думаемъ, что мы *сопротивленцы* и взрослые, — мы, на самомъ дѣлѣ, ни на чорта не годны, кромѣ какъ съ тарелокъ подачки лизать.

— Ну,—пошутила хозяйка,— онъ опять договорится до того, что кого-нибудь зацѣпитъ!

И, проговоривъ это, она снисходительно вздохнула и вышла какъ бы по хозяйству..

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ гостиной остались вдвоемъ генералъ и гостья, и тонъ бесѣды сразу же измѣнился.

Генералъ сдвинулъ брови и началъ отрывистую рѣчь къ гостьѣ:

— Я предпочелъ видѣться съ вами здѣсь, потому что вашъ больной мужъ вчера приходилъ ко мнѣ и былъ неотступенъ. Это съ вашей стороны, позвольте вамъ сказать, сверхъ всякой мѣры жестоко—разсылать больного старика по такимъ дѣламъ!

— По какимъ «такимъ дѣламъ»?

— Которымъ на языкѣ порядочныхъ людей нѣтъ имени.

— Я ничего не понимаю, но я писала вамъ письмо, а вы, какъ неаккуратный человѣкъ, на него не отвѣчали.

— Позвольте. но чтобы прислать вамъ удовлетворитель-

ный отвѣтъ на ваше письмо, надо было доставить вамъ тысячу рублей?

— Да.

— Вотъ то и есть! А я не шахъ персидскій, которому стоитъ зацѣпить горсть брильянтовъ и дѣло готово.

Дама позеленѣла и, сверкая злобой, спросила:

— Что это значитъ? Къ чему здѣсь при мнѣ второй разъ вспоминаютъ персидскаго шаха?

— А я почему могу знать, отчего его при васъ вспоминаютъ? Мнѣ только кажется, что есть люди, которымъ я уже давно сдѣлалъ все, что я могъ, и даже то, чего не могъ и чего ни за что не сталъ бы дѣлать, еслибъ это грозило непріятностями только одному мнѣ, а не другимъ людямъ.

Генералъ, видимо, сердился и говорилъ запальчиво.

— Минуло двадцать лѣтъ, какъ вашъ мужъ такъ удивительно узналъ, когда я былъ у васъ и... Я спасся и спасъ васъ, да не спасъ мою памятную книжку, и вотъ я берегу людей...

— О! вы все еще возитесь съ этою жалобною сказкой?

— Позвольте: я вожусь! Я не подлецъ и потому я вожусь и дѣлаю для васъ подлости, чтобы только перетерпѣть все на себѣ самомъ. Прошу за васъ особъ, съ которыми я не хотѣлъ бы знаться, но вамъ все *мало*. Скажите же, когда вамъ будетъ, наконецъ, довольно?

— Другіе получаютъ больше!

— Ахъ, вотъ зачѣмъ другіе больше? Ну, ужъ это вы меня простите! Я этихъ дѣлъ не знаю, за что кого и по скольку у васъ одѣляютъ. Можетъ-быть, другіе искуснѣе васъ... или они усерднѣе и оказываютъ больше услугъ.

— Пустое! Никто ничѣмъ не можетъ услужить! Ухў нельзя сварить безъ рыбы...

— Ну, я не знаю!... «Безъ рыбы»! Господи! Неужто ужъ совсѣмъ не стало рыбы?

— Вообразите, да! Безрыбье!

— Ну, я теперь не знаю, что заведете дѣлать!.. Я вамъ

сказалъ, что этихъ вашихъ дѣлъ рѣшительно не знаю! Всѣмъ грѣшенъ, всѣмъ, но этою мерзостью не занимался!

Генералъ высоко поднялъ руку и истово перекрестился.

— Вотъ! — сказалъ онъ, нервно доставая изъ кармана конвертъ и подавая его дамѣ. — Вотъ-съ! Возьмите, пожалуйста, скорѣй! Здѣсь ровно тысяча рублей. Я бѣдный, прогорѣлый человѣкъ, но ничего изъ чужихъ денегъ не краду. Тысяча рублей. Это для васъ пособіе, которое я выпрашиваю второй разъ въ году. Только, пожалуйста, пожалуйста, не благодарите меня! Я дѣлаю это съ величайшимъ отвращеніемъ и прошу васъ...

Дама хотѣла что-то сказать, но онъ ее перебилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Прошу васъ, не присылайте больше ко мнѣ своего несчастнаго мужа! Увѣряю васъ, что у меня есть нервы и кое-какой остатокъ совѣсти. Мы его съ вами когда-то подло обманывали, но это было давно, и тогда я это могъ, потому что тогда онъ и самъ въ свой чередъ обманывалъ другихъ. Но теперь?.. Этотъ его рамолитическій видъ, эти его трясущіяся колѣни... О, Господи, избавьте! Бога ради избавьте! Иначе я самъ когда-нибудь брошусь передъ нимъ на колѣни и во всемъ ему признаюсь.

Дама разсмѣялась и сказала:

— Я увѣрена, что вы такой глупости никогда не сдѣлаете.

— Нѣтъ, сдѣлаю!

— Ну, такъ я ея не боюсь.

По лицу генерала скользнула улыбка, которую онъ, однако, удержалъ и молвилъ:

— Ага! значитъ, это для него не было бы новостью! О, Господи! Разрази насъ, пожалуйста, чтобы былъ край нашему проклятому безпутству!

— А вы, въ самомъ дѣлѣ, болтунъ!

Улыбка опять проступила на лицѣ генерала, и онъ, вставъ, отвѣтилъ:

— Да, да, я большой болтунъ, это «замѣчательно»!

Онъ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ къ гостьѣ на-

дѣлъ въ комнатѣ фуражку и вышелъ, едва удостоивъ собесѣдницу чуть замѣтнаго кивка головою.

Въ передней къ его услугамъ выступила горничная съ китайскимъ разрѣзомъ глазъ и съ фигурою фарфоровой куклы; она ему тихо кивнула и подала пальто.

— Мерси, сердечный другъ! — сказалъ ей генералъ. — Доложите моей сестрѣ, что я не могъ ее ожидать, потому что... я сегодня принялъ лѣкарство. А это,—добавилъ онъ шопотомъ,—это вы возьмите себѣ на память.

И онъ опустилъ свернутый трубочкою десятирублевый билетъ дѣвушкѣ за лифъ ея платья, а когда она изогнулась, чтобы удержать бумажку, онъ поцѣловалъ ее въ шею и тихо молвилъ:

— Я старъ и не позволяю себѣ цѣловать женщинъ въ губки.

Съ этимъ онъ пожалъ ей руку, и она ему тоже.

Внизу у подъѣзда онъ надѣлъ калоши и, покопавшись въ карманѣ, досталъ оттуда два двугривенныхъ и подалъ швейцару.

— Возьми, братецъ.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство!— благодарилъ швейцаръ, держа по-военному руку у козырька своего кокошника.

— Настоящіе, братецъ... Не на Пескахъ дѣланы... Смѣло можешь отнести ихъ въ лавочку и потребовать себѣ за нихъ фунтъ травленаго кофе. Но будь остороженъ: онъ портитъ желудочный сокъ!

— Слушаю, ваше превосходительство!—отвѣчалъ швейцаръ, застегивая генерала полостью извозчичьихъ саней. Но генералъ, пока такъ весело шутилъ, въ то же время, дѣлалъ руками вокругъ себя «повальный обыскъ» и убѣдился, что у него нигдѣ нѣтъ ни гроша. Тогда онъ быстро остановилъ извозчика, выпрыгнулъ изъ саней и пошелъ пѣшкомъ.

— Пройдусь, — сказалъ онъ швейцару, — теперь прекрасно!

— Замѣчательно, ваше превосходительство!

— Именно, братецъ, «замѣчательно»! Считай за мной рубль въ долгу за остроуміе!

Онъ закрылся подъѣденнымъ молью бобромъ и завернулъ на своихъ усталыхъ и отслужившихся ногахъ за уголъ улицы.

Когда онъ скрылся, швейцаръ махнулъ вслѣдъ ему головою и сказалъ дворнику:

— Третій мѣсяцъ занялъ два рубля на извозчика и все забываетъ.

— Прòтерть горькая! — отвѣчалъ, почесывая спину, дворникъ.

— Ничего... Когда есть, онъ во всѣ карманы разсуетъ.

— Тогда и взыщи.

— Безпримѣнно!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Гостья, какъ только осталась одна, сейчасъ же открыла свой бархатный мѣшокъ и, вытащивъ оттуда спѣшно сунутыя деньги, стала считать ихъ. Тысяча рублей была сполна. Дама сложила билеты поаккуратнѣе, и уже хотѣла снова закрыть мѣшокъ, какъ ее кто-то схватилъ за руку.

Она не замѣтила, какъ въ комнату неслышными шагами вошелъ хорошо упитанный, розовый молодой человѣкъ съ играющимъ кадыкомъ подъ шеей и съ откровенною улыбкой на устахъ. Онъ прямо ловкою хваткой положилъ руку на бронзовый замокъ бархатной сумки и сказалъ:

— Это арестовано!

Гостья сначала вздрогнула, но мгновенный испугъ сейчасъ же пропалъ и уступилъ мѣсто другому чувству. Она освѣтилась радостью и тихо произнесла:

— Valerian! Гдѣ былъ ты? Боже!

— Я? Какъ всегда: вездѣ и нигдѣ. Впрочемъ, теперь я прямо съ неба, для того, чтобы убрать къ себѣ вотъ этотъ мѣшочекъ земной грязи.

Дама хотѣла ему что-то сказать, но онъ показалъ ей пальцемъ на закрытую дверь смежной комнаты, взялъ у нея изъ рукъ мѣшокъ и, вынувъ оттуда всѣ деньги, положилъ ихъ себѣ въ карманъ.

Гостья всего этого точно не замѣчала. Глядя на нее, приходилось бы думать, что такое обхожденіе ей давно въ привычку и что это ей даже пріятно. Она не выпускала изъ своихъ рукъ свободной руки Валеріана и, глядя ему въ лицо, тихо стонала:

— О, если бы ты зналъ!.. Если бы ты зналъ, какъ я истерзалась! Я не видала тебя трое сутокъ!.. Онѣ мнѣ показались за вѣчность!

— А-а! что дѣлать? Я этихъ деньковъ тоже не скоро забуду! Куда только я ни метался, чтобы достать эту глупую тысячу рублей! Нѣтъ, теперь я убѣжденъ, что самое вѣрное средство брать со всѣхъ деньги, это посвятить себя благодѣтельствованію бѣдныхъ! Еще милость Господня, что есть на землѣ дураки въ родѣ oncle Zacharie.

— Оставь о немъ!

— Э, нѣтъ! Я благодаренъ: онъ уже во второй разъ даетъ намъ передышку.

— Но не доведи себя до этого, мой милый, въ третій.

— Если я такъ же глупо проиграюсь еще разъ, то я удавлюсь.

— Какой вздоръ ты говоришь!

— Отчего же? Это, говорятъ, очень пріятная смерть. Что-то въ родѣ чего-то... Смотрите, вотъ у меня про всякій случай при себѣ въ карманѣ и сахарная бечевка. Я пробовалъ: она выдержитъ.

— О, Боже! Что ты говоришь!—и, понизивъ голосъ, она прошептала:—Avancez une chaise!..

Молодой человѣкъ сдѣлалъ комическую гримасу и опять молча показалъ на завѣшенную дверь.

Дама сморщила брови и спросила шопотомъ:

— Что?

Молодой человѣкъ приложилъ ко рту ладони и отвѣтилъ въ трубку:

— Maman здѣсь подслушиваетъ!

— И все это неправда! Ты очень часто клевещешь на свою мать!

Валеріанъ перекрестился и тихо увѣрилъ:

— Ей-Богу, правда: она всегда подслушиваетъ.

— Какъ тебѣ не стыдно!

— Нѣтъ, напротивъ, мнѣ за нее очень стыдно, но я ее и не осуждаю, а только предупреждаю другихъ. Я знаю, что она дѣлаетъ это изъ отличныхъ побужденій... Святыя чувства матери...

— Approchez vous de moi, милый!

— Значитъ, вы не вѣрите, что она слышитъ?.. Ну, я ее сейчасъ кликну...

— Пожалуйста, безъ этихъ опытовъ!

— Лучше поѣзжайте скорѣе домой и черезъ двадцать минутъ...

— Ты будешь?

Онъ согласно кивнулъ головой.

Она сжала его руку и спросила:

— Это не ложь?

— Это правда, но не надо царапать ногтями мою руку.

— Когда же я не могу!

— Пустяки!

— Поцѣлуй меня хоть одинъ разъ!

— Еще что!

— Но отчего же!

— Ну, хорошо!

Молодой человѣкъ поцѣловалъ ее и всталъ съ мѣста: онъ очень хотѣлъ бы, чтобы его дама сейчасъ же встала и ушла, но она не поднималась и еще что-то шептала. Ея дальнѣйшее присутствіе здѣсь было ему мучительно, и это выразилось на его искаженномъ злостью лицѣ. И зато онъ взялъ ея руку и, приложивъ ее къ своимъ губамъ, сказалъ:

— Lilas de perse—это мило: я люблю этотъ запахъ!

Дама вспрыгнула и, сжавъ рукой лобъ, покачнулась.

— Что съ вами?—спросилъ ее Валеріанъ.—Спѣшите на воздухъ!

Она взглянула на него исподлобья и прошипѣла:

— Это низко!.. это подло!.. это безчестно!.. Послѣ того когда я тебѣ это откровенно объяснила... ты не имѣешь права... не имѣешь пра... ва... пра... ва...

— Бога ради только безъ истерики!.. Вамъ нужно скорѣе на воздухъ!

— Воздухъ... Пустяки... Я все это должна была выполнить...

— Ну да... и выполнила... Поѣзжай скорѣй домой и все будетъ прекрасно.

При этомъ обрадованіи она опять взяла его руку и прошептала:

— Ну да... О, Боже! Но если жъ я тебѣ уже все разсказала, для чего это такъ было нужно, то для чего жъ говорить: «lilas de perse»! Вѣдь это низко!.. Я всѣмъ скажу... вотъ именно... какъ это низко... А я отсюда не уйду...

— Да, да! Пожалуйста останьтесь: maman сейчасъ придетъ.

И онъ всталъ съ мѣста, но она его удержала.

— Я вѣрно схожу съ ума! — произнесла она, приложивъ къ бьющимся вискамъ тыльную сторону своихъ стынущихъ пальцевъ, и повторила: — Помогите! Я, право, схожу съ ума!

Валеріанъ испугался страдальческаго выраженія ея лица и началъ ее крестить. Она съ негодованіемъ его оттолкнула и прошептала:

— Креститель!

— Что жъ тебѣ надо?

— Мнѣ? Униженія и новыхъ обидъ! Мнѣ нужно, чтобы ты былъ со мною!

— Но я же съ тобою!

— О-о, конечно, не здѣсь!

— Ну, и поѣзжай скорѣе домой, и я сейчасъ буду, и тамъ падай, какъ хочешь.

— Какъ я хочу... Меня сто́итъ убить!..

Она хотѣла сказать что-то еще, но, вмѣсто того, поцѣловала его руку, а онъ съ своей стороны нагнулся къ ней и прикоснулся губами къ вьющейся на ея шеѣ косичкѣ

Искаженное лицо женщины озарилось румянцемъ чувственнаго экстаза, и она поспѣшно закрыла себя вуалью и вышла. По ея щекамъ текли крупныя, истерическія слезы, и ея глаза померкли, а губы и носъ покраснѣли и выпятились, и все лицо стало напоминать вытянутую морду ошалѣвшей отъ страсти собаки.

Она догадалась, что она гадка, и закрылась вуалемъ.

Когда она проходила мимо швейцара, тотъ молча подалъ ей, хранившееся у него за обшлагомъ ливреи, письмо съ адресомъ «живчика», а она бросила ему трехрублевый билетъ и сѣла въ сани, тронувъ молча кучера пальцемъ.

— Инда земли не видитъ отъ слезъ!— замѣтилъ своему собесѣднику швейцаръ.—А ему хоть бы что!

— Да, нонче себя мужской полъ не теряютъ напрасно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Молодой Валеріанъ собственноручно заперъ дверь за дамою и, возвратясь въ гостиную, вынулъ изъ кармана панталонъ скомканныя деньги и началъ ихъ считать.

Изъ-за двери, на которую Валеріанъ указалъ гостьѣ, въ самомъ дѣлѣ послышался голосъ его матери. Она спросила:

— Ты что-то дѣлаешь?

— Да я ужъ сдѣлалъ.

— Ты можешь купить «промышленные»: всѣ увѣряютъ, что они къ веснѣ сыграютъ вдвое.

— Маman, я знаю кое-что повыгоднѣе.

— А что такое, напримѣръ?

— Ну, мало ли! Теперь вѣдь посыпаютъ персидскимъ порошкомъ ростовщиковъ и даже нашъ «взаимный другъ» Michel окочурился... Въ ихъ мѣсто нужно же нѣчто новоее.

— Вотъ то и есть, но что же именно?

— Ахъ, maman! Это возможно только тому, кого, какъ меня, считаютъ беззаботнымъ мотомъ, у котораго нѣтъ ничего за душою.

За дверью что-то рѣзали и положили ножницы.

— Вы, maman, что-нибудь шьете?

— Да, мой сынъ, я зашиваю свои дыры, я чинюсь... подшиваю лохмотья, которыхъ не хочу показать моей горничной.

— Это, maman, очень благоразумно и благородно.

— Но непріятно.

Юноша хотѣлъ что-то отвѣтить, но промолчалъ, и только кадыкъ у него ходилъ клубясь яблокомъ.

За дверью опять послышалось, какъ что-то отрѣзали ножницами и снова положили ихъ на мѣсто, и, въ то же время, хозяйка сказала:

— Я думаю, что ты гораздо больше бы выигралъ, если бы помогъ дядѣ Захару поправить увлеченія его молодости. Лука это навѣрное бы оцѣнилъ и сталъ бы принимать насъ.

— Очень можетъ быть, maman, но я вѣдь не самолюбивъ и не падокъ на то, чтобы хвалиться, гдѣ меня принимаютъ.

— Но онъ бы тебѣ просто далъ много денегъ.

— Что-жъ, я очень радъ, но только какъ это сдѣлать?

— Надо взять бумагу, которой боится дядя Захаръ.

— То-есть, милая мама, ее вѣдь надо *украсть!*

— У тебя такая грубость, что съ тобой нельзя говорить.

— Maman, я ничего не грублю, а я только договариваю то, что надо сдѣлать.

— Неправда. Эта женщина сама все тебѣ сдѣлаетъ.

— Э-э! ошибаетесь! Эта женщина есть превосходный агентъ и превосходный математикъ, но ея же не оплетеши.

— Однакоже, она считаетъ тебя игрокомъ и мотомъ.

— Да, maman, но я употребляю очень большія усилія, чтобы устроить себѣ такую репутацію, только изъ-за того, что это должно сослужить мнѣ службу при новомъ курсѣ.

— Сказать по совѣсти, я ничего не понимаю, для чего это нужно.

— А кажется, что̀ проще! Всѣ уже вкусили «добляго» житія, и оно, наконецъ, надоѣло... Что дѣлать? Родъ людской неблагодаренъ и злонравенъ... Felicitas temporum откланивается... Нуженъ реваншъ... есть потребность въ реакціи...

— И что же будетъ въ реакціи?

— Это, maman, еще не ясно, но извѣстно всѣмъ, что явленія не повторяются, а послѣ дождичка бываетъ вёдро, и потому прослыть мотомъ и кутилой теперь, все-таки, выгодно—это значитъ обнаружить въ себѣ извѣстную благонадежность, которая пригодится очень скоро.

— А вы уже на все готовы!

— Какъ же вы хотите иначе? Вѣдь мы же такъ и натасканы, чтобъ быть на все готовыми.

— Скажи, однако, какъ не мудрена ваша мудрость!

— Ахъ, maman, что̀ такое намъ мудрость? Ужъ фельетонисты, и тѣ гдѣ-то вычитали и повторяютъ, что «блага́ мудрость съ наслѣдіемъ», а вѣдь вы съ папашею намъ наслѣдія не уготовили.

— Христіанскіе родители и не обязаны снабжать васъ наслѣдіемъ.

— Нѣтъ-съ; извините-съ, обязаны!

— Гдѣ же это сказано?

— А вотъ въ «премудрости Павла чтеніе», на которое любятъ ссылаться; тамъ это и сказано: «не дѣти *должны собирать* имѣніе для родителей, но родители для дѣтей».

— Это что-нибудь изъ толстовскаго, въ простомъ этого нѣтъ!

— Извините-съ! Не угодно ли посмотрѣть въ самомъ въ простомъ второе посланіе къ коринѳянамъ, двѣнадцатая глава?

— Откуда ты все это знаешь, гдѣ и какая глава?

— Га! Я интересуюсь-съ! Я хочу этимъ побить Толстого!

— Такъ и бей! Это прекрасно тебя выставитъ.

— Позвольте-съ,—придетъ время.

— Какого еще надо время: онъ надоѣлъ.

— Прекрасно-съ, но ничего не надо дѣлать даромъ... Изъ ихъ похвалъ не шубу шить. Съ тѣхъ поръ какъ изобрѣтены денежные знаки, за всякія услуги надо платить: я изъ руки выпускаю услугу, а ты клади объ это самое мѣсто денежный знакъ.

— Но ты бы могъ и получить наслѣдіе.

— Ахъ, вамъ все не идетъ изъ головы дядя Лука!

— Именно не идетъ.

— Ну, я васъ успокою: съ наслѣдствомъ этимъ все кончено: «оставь надежду навсегда!»

— Ты этого не можешь знать.

— Нѣтъ, знаю. Я это купилъ, родная, у нотаріальнаго писаря. Все отдано на «питательныя учрежденія» и «открытое наученіе».

— Ты шутишь!

— Нисколько-съ.

— А Лидія?

— Ей не нужно; она не хочетъ возбуждать зависти и ссоръ, и отказалась.

— Вотъ дура!

— И вредная! не отдала роднымъ!

— Но этого нельзя допустить!

— Не надо бы-съ!

— Что жъ дѣлать?

— Надобно спасаться, чѣмъ знаете, хоть даже чудомъ!

— Теперь ты вѣришь въ чудо?

— О, да, maman!.. Я вѣрю во все, во что угодно: я жить хочу.

И жить, я чувствую, я буду!
Хоть чудомъ,—о, я вѣрю чуду!

Я вамъ даже нѣчто и больше скажу, но это между нами.

— Пожалуйста.

— Надо проводить новаго чудотворца.

— Какіе пустяки!

— Нѣтъ-съ: это надо. И у меня такой есть!

— Но что же онъ можетъ дѣлать?

— Не безпокойтесь!.. маленькія вещицы онъ уже дѣлаетъ, и очень не дурно, но надо его хорошо вывесть и хорошо рекомендовать. О, я знаю что надо въ жизни!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Мать и сынъ умолкли. Казалось, они оба вдругъ устали отъ всѣхъ перебранныхъ ими впечатлѣній и тяжести такого рѣшенія, послѣ котораго каждымъ изъ нихъ ощущалась потребность въ какомъ-нибудь внѣшнемъ толчкѣ и отвлеченіи, и за этимъ дѣло не стало. Въ эти самыя минуты, когда мать и сынъ оставались въ молчаніи и ужасѣ отъ того, на что они рѣшились, съ улицы все надвигался сгущавшійся шумъ, который вдругъ перешелъ въ неистовый ревъ и отогналъ отъ нихъ муки сознанія. Валерій все еще былъ погруженъ въ соображенія, но хозяйка встревожилась и оживилась: она выбѣжала въ безпорядочномъ туалетѣ въ гостиную, бросилась къ окну и закричала:

— Смотри, какая толпа!

Валеріанъ лѣниво потянулся, какъ бы спросонья, и отвѣчалъ сквозь зубы:

— Нелѣпая толпа, maman, не стоитъ и смотрѣть!

— Да, но, однако, это трогательно!

— А я такъ думаю—нимало.

— Но да, но, все-таки, вѣдь это вѣра!

— Не знаю, право!

— А вообрази, нашъ швейцаръ: онъ, должно-быть, совершенный нигилистъ.

— Онъ, кажется, когда-то славился другимъ.

— А именно!

— Онъ помогалъ переводить нигилистовъ. О немъ знаетъ вашъ генералъ.

— Но какъ же,—я его спрашиваю,—что̀ это значитъ? А онъ отвѣчаетъ: «Необстоятельный народъ-съ мечется, а не знаетъ чего».

— Онъ, однако, умно вамъ отвѣтилъ.

— Ну, полно, пожалуйста! Но что за глупые, вправду, чего они всѣ разомъ хотятъ?

— Вѣроятно, они хотятъ, чтобъ ихъ вытолкали и побили.

— И какіе гадкіе: испитые, оборванные!

— Ну, да, труждающіеся и обремененные. Тутъ, вѣрно, гдѣ-нибудь Jean или Onthon.

— Гляди, пожалуйста: вотъ и эта бойкая женщина, на которую жалуются. Взаправду, смотри, какъ она ихъ царапаетъ!

Валеріанъ всталъ и оживился.

— А-а! — сказалъ онъ, улыбаясь, — вотъ къ этой я неравнодушенъ. Это личность съ характеромъ, ее зовутъ какъ-то въ родѣ Елизаветъ Воробей, она вывозитъ знаменитость въ свѣтъ, и бьетъ, и царапаетъ ту самую публику, которая сдѣлала имъ всю ихнюю славу. По-моему, она да Мещерскій только двое и постигли, что̀ нужно людямъ, которые не знаютъ, чего хотятъ. Пойду смотрѣть, какъ она этихъ олуховъ лущитъ!

Valerian вышелъ въ переднюю, гдѣ было темно, но у лампы возилась со спичками та самая красивая горничная съ китайскими глазками, которая нѣсколько времени назадъ ласково позволяла генералу цѣловать ее въ шейку. Увидавъ ее, Valerian поморщился и сталъ надѣвать перчатки.

Дѣвушка бросила спички и хотѣла уйти, но опять остановилась. Она была неспокойна и лицо ея разгоралось и принимало дерзкое выраженіе.

Молодой человѣкъ это замѣтилъ и, вскинувъ на голову фуражку, сталъ самъ надѣвать, безъ помощи, свое пальто.

Дѣвушка посмотрѣла на него искоса и рѣшилась ему помочь. Она взяла у него изъ рукъ пальто, но едва лишь онъ началъ вздѣвать его въ рукава, какъ она бросила

пальто на полъ и исчезла за вѣшалкой, гдѣ была маленькая дверь въ каютку, служившую ей помѣщеніемъ. Изъ этой каютки на парадную лѣстницу выходило маленькое зеркальное окошечко, затянутое голубою тафтой.

— Свинья!—прошепталъ вслѣдъ ей Валеріанъ и, поднявъ съ полу пальто, отряхнулъ и надѣлъ его безъ посторонней помощи, а потомъ, выйдя на лѣстницу, торопливо побѣжалъ внизъ по ступенямъ. Но быстрота его не спасла и вслѣдъ ему изъ окна раздалось:

— Ишь, сгорбилъ какъ виноватую спину! Думаетъ, не знаю, куда поспѣшаетъ! Драть бы васъ съ вашимъ старухамъ-то!

Но Валеріанъ убѣгалъ и старался не слушать о томъ, чего, надо думать, онъ заслужилъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Внизу лѣстницы встрѣтились два брата: Аркадій и Валерій, «рохля» и «живчикъ». Аркадій (рохля) былъ старше Валерія (живчика) лѣтъ на шесть и гораздо его солиднѣе. Онъ былъ тоже породистый «полукровокъ»: какъ Валерій, пухлый и съ кадыкомъ, но какъ будто уже присѣлъ на ноги. Съ лица онъ походилъ разомъ на одутловатое дитя и на дрессированнаго волка. Отъ него пахло необыкновенными духами, напоминавшими ароматъ яблочныхъ зеренъ.

Дверь материной квартиры рохля нашелъ не закрытою. Такъ она оставалась послѣ недавняго выхода Валеріана. Аркадій презрительнымъ тономъ обратилъ на это материно вниманіе. Та пожала плечами и сказала:

— Что-жъ дѣлать? Мы, вѣдь, даже не вольны въ нашей прислугѣ. Принять и отпустить человѣка—цѣлая процедура, и люди это знаютъ и не боятся, а позволяютъ себѣ все, что угодно.

Аркадій перебилъ:

— Надо, чтобы Валеріанъ не ставилъ себя въ такое положеніе, чтобы зависѣть отъ женщины!

Мать махнула рукой и сказала:

— Ахъ, ужъ оставь говорить противъ женщинъ!

Изъ комнатки за вѣшалкой какъ бы въ отвѣтъ на это слышалось тихое истерическое всхлипываніе.

Хозяйка встала и заперла эту дверь и снова сѣла.

— Я всегда буду говорить, что женская прислуга никуда не годится,—произнесъ тихо Аркадій.

— Она дешевѣе и полезнѣе,—отвѣчала мать.

— Зато вотъ и терпите ея выходки.

— Ахъ, я ужъ и не знаю, отъ какихъ выходокъ хуже! Мнѣ кажется, отъ всѣхъ этихъ впечатлѣній можно сойти съ ума.

— Это всегдашняя ваша пѣсня, maman... Но зачѣмъ вы за мной посылали?

— У меня былъ братъ Захаръ... Когда жъ это кончится?

— Да что такое? Дядя вѣчно болтаетъ... Онъ извѣстный болтунъ!

— Пусть онъ болтунъ, но ты не порть свою карьеру. Я за тебя дрожу!

— Да нечего вамъ дрожать, maman! То время, когда шантажъ былъ развитъ, прошло. Теперь всѣ въ низшемъ классѣ знаютъ, что за шантажъ есть наказаніе, и, къ тому же, я и самъ не хочу здѣсь больше оставаться, гдѣ этотъ fabulator elegantissimus не вѣсть что обо всѣхъ сочиняетъ. Тетя Олимпія сама взялась мнѣ уладить это съ Густавычемъ. Его зятя переведутъ на Западъ, а я получу самостоятельное назначеніе на Востокѣ.

— О, пусть бы она хоть этимъ загладила свой грѣхъ передо мной!

— Какой же это грѣхъ?

— Грѣхъ? Несчастье всей моей жизни.

— Ахъ, это что-нибудь такое, чего мы, какъ дѣти, не должны знать!

— Вы не знаете ничего, кромѣ того, что̀ васъ самихъ касается. Но когда же она тебя устроитъ?

— Сегодня... можетъ-быть, сейчасъ! Если я получу на-

значеніе, то танта Олимпія сюда заѣдетъ... Да вотъ и она, — добавилъ онъ, взглянувъ въ окно на улицу: — я вижу, у подъѣзда ея коляска и кучеръ съ часами на поясницѣ.

Рохля пошелъ въ переднюю и открылъ дверь на лѣстницу, по которой поднималась пожилая, очень массивная дама въ тальмѣ дипломатическаго фасона, который, впрочемъ, очень любятъ и наши кухарки. Подъ мѣховою тальмой, представляющей какъ бы рыцарскую мантію, на могучей груди дамы сверкала бисерная кираса. Дама немножко тяжело дышала, но поднималась бодро и говорила, улыбаясь, «рохлѣ»:

— Смотри, мнѣ скоро шестьдесятъ пять лѣтъ, а мое сердце работаетъ еще какъ добрый кузнецъ.

При этомъ она взяла руку племянника и приложила ее къ своей кирасѣ, а потомъ, войдя въ переднюю, подставила хозяйкѣ свою щеку для поцѣлуя и продолжала:

— Прости, я къ вамъ на минуту: взойду, но не раздѣнусь. Я лишь затѣмъ, чтобы васъ обрадовать: Аркадій, ты назначенъ! Ступай, сейчасъ ступай благодари! Это его свяжетъ и отрѣжетъ ему путь къ отступленію.

— Сейчасъ, ma tante,—отвѣчалъ Аркадій и сталъ искать свое пальто.

Изъ-за вѣшалки показалась оправившаяся горничная, но Аркадій судорожно отъ нея уклонился и спѣшно вышелъ.

Олимпія это замѣтила и, входя въ гостиную, сказала съ улыбкой:

— Онъ все еще попрежнему... такой же шутъ... боится женщинъ!

— Ахъ!

Хозяйка махнула рукой.

— Э, милая, не стоитъ думать!.. Это теперь совсѣмъ не такъ необыкновенно! Но хорошо, однако, что il ne met plus de manchettes... Теперь онъ, все-таки, похожъ какъ всѣ люди. Но, однако, adieu! Я къ тебѣ, можетъ-быть, еще за-

верну поговорить по душѣ, а пока у меня милліонъ дѣлъ. Вы всѣ вѣдь здѣсь уснули! Такъ нельзя! Вы просто *дрыхнете*, какъ это говорятъ, и, притомъ, жуете онучъ... Васъ надо будить! Куда ни заглянешь, вездѣ всѣхъ надо будить. Вашъ сонъ ужасно затрудняетъ все славянство. Святая Русь есть сила міра, и это будетъ ея имя: *Silamira!* Но это еще пока спящая сила! Современемъ это будетъ не такъ! Тогда не надо будетъ приходить съ Запада и толкать васъ, какъ теперь, когда вы начинаете очень скандально сопѣть и храпѣть...

— Да, но у насъ теперь всѣ вѣруютъ!

— А по-моему, вы даже плохо и вѣруете: вы вѣруете все какъ-то сонно... точно во снѣ... точно вы насилу плывете и насилу вѣруете, и, того и гляди, сейчасъ куда-то опуститесь и все позабудете... Прощай! До свиданія!.. Ты, разумѣется, уже слышала, что́ сдѣлала Нина, Захарова дочь?

— Говорятъ, будто она... будетъ матерью.

— Чего тамъ: «говорятъ»! Это фактъ! Конечно! она будетъ матерью... Но какъ это случилось?.. Вѣдь графъ такъ старъ и такъ глупъ, что онъ женился только на зло своимъ дочерямъ Гонерильѣ и Реганѣ...

— Какая безнравственность!

— Нѣтъ, да ты, вѣроятно, еще не все знаешь? C'est un inceste!.. Ей поручили отвезти племянника, который еще до сихъ поръ кадетъ или что-то подобное...

— О Боже! Боже!

— Да, именно ужъ это настоящій creminal conversation de Byzance!

И она замотала руками и головой и пошла къ двери, но хозяйка удержала ее у порога и сказала:

— Ты много сдѣлала, что устроила опять Аркадія, но я боюсь, что̀ если онъ взаправду сумасшедшій?

— Оставь и будь спокойна,—отвѣтила Олимпія,—помни, что̀ говорилъ Оксенштіерна: «не великъ умъ надо, чтобы дѣлать политику».

Олимпія прижала ладони къ своей кирасѣ и добавила:

— Это совсѣмъ не наша обязанность, чтобы поставлять умы для всего свѣта, а наше métier совсѣмъ иное, и оно все въ томъ, чтобы насыпать соли на хвостъ всѣмъ, кто рвется впередъ.

Объяснивъ свое призваніе, дама еще разъ щелкнула себя по кирасѣ и, встряхнувъ руку хозяйки аглицкою встряской, сошла внизъ, сѣла въ коляску наискось противъ часовъ, торчавшихъ на поясницѣ кучера, и понеслась jouer un tour de son métier.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Хозяйка осталась одна и сейчасъ же спросила себѣ пальто и калоши, взяла въ карманъ флаконъ съ нюхательною солью и ушла изъ дома, сказавъ, что хочетъ сдѣлать покупки въ «бракованной лавкѣ».

Она чувствовала ту ужасную усталость, о какой можетъ имѣть понятіе только актриса, исполняющая роль, которая не спускаетъ ее цѣлый актъ со сцены.

Она была очень утомлена, почти измучена, но въ ней еще много силы для такихъ же бореній. Она скоро оправится на воздухѣ и будетъ въ состояніи дать наилучшій отчетъ на своемъ мѣстѣ.

А пока кошка въ отсутствіи, безъ нея начинаютъ шалить домашнія мыши.

По уходѣ хозяйки, горничная съ китайскими глазами и фигуркой фарфоровой куклы прошла по всѣмъ комнатамъ и вездѣ открыла форточки, а потомъ отдернула портьеру и отворила дверь изъ гостиной въ будуаръ, который служилъ тоже хозяйкѣ и ея кабинетомъ, и тайникомъ. Здѣсь дѣвушка убрала безпорядокъ, потомъ вынула изъ кармана подобранный ключикъ, открыла имъ столъ и, доставъ оттуда надушенный листокъ слоновой бумаги, зажгла свѣчи и начала выводить:

«Если предложенія ваши обстоятельны, то хотя ваши

лѣта и не сходны, но за вѣжливость вашу я согласна имѣть для васъ полныя чувства, только никакъ не въ вашемъ собственномъ домѣ и не при вашихъ людевъ».

Она перечитала написанное и внизу послѣ своей подписи еще приписала:

«Только пожалуста съ отвѣтомъ по почтѣ».

Написавъ это письмо, дѣвушка достала изъ бювара своей госпожи конвертъ и начала тщательно выводить адресъ. Въ это время портьера раскрылась съ другой стороны будуара и въ комнату, выпятивъ зобъ, какъ гусыня, вошла рослая, бѣлая женщина лѣтъ сорока пяти, съ большимъ ртомъ и двухъэтажнымъ подбородкомъ. Это была домовая кухарка.

— Достань-ка мнѣ у нея пару папиросокъ,—сказала она горничной.

— Возьми сама,—отвѣчала дѣвушка и продолжала надписывать конвертъ.

Кухарка взяла изъ сердоликовой коробочки нѣсколько папиросъ, закурила одну изъ нихъ, и сѣвши на шелковомъ пуфѣ передъ зеркаломъ, начала выдавливать ногтями прыщикъ на подбородкѣ, а потомъ она запудрила это мѣсто барыниной пуховкой и сказала:

— Мочи нѣтъ, какъ прыщи одолѣли!

— Не лакай чернаго пива.

— И то ужъ не пью.

— Ну, такъ не тискай мальчонковъ, которые приносятъ покупки.

— Ты, что ли, это видала?

— Еще бы! Зеленщикова мальчонку вчера, думала, ты, какъ русалка, совсѣмъ защекочешь.

— Онъ ребенокъ, еще совсѣмъ безъ понятьевъ.

— Такъ ты и станешь дожидаться евонныхъ понятьевъ!

— Нѣтъ, я вѣдь, ей-Богу, я только всего и люблю баловать, да помять ихъ, красивыхъ дѣтишковъ. У меня крестникъ ужъ былъ шестнадцати лѣтъ, да вотъ померъ,—

я и скучаю. А ты это на кого еще грѣхъ новый наводишь: кому это пишешь?

Дѣвушка не отвѣтила.

— Думаешь, я не знаю? А я знаю!

Китаянка опять промолчала.

— Хочешь, скажу?

— Ну, говори!

— Генерала ты путаешь, вотъ что!

— Ну, такъ и знай, что его самого!

Она стала наклеивать марку.

— Вотъ ты надо мною смѣешься, что я ласкаю дѣтишковъ, а сама хуже попалась.

— Ничего не попалась.

— А отчего жъ ты ревешь и некрасивая стала?

— Реву о томъ, что дура была,—въ вѣрности жить полагала.

— Вотъ то-то и есть; а теперь и видать—непорожня.

— И врешь, ничего еще пока не видать.

— Отчего же, когда батюшка былъ, онъ меня поблагословилъ и попить мнѣ чайку далъ съ своего блюдца, а тебѣ нѣтъ?

— У меня на лбу пѣтушки были натрёпаны: онъ не любитъ. Да и не надо: не все то и сбывается, что̀ онъ говоритъ.

Кухарка покачала головой и, вздохнувши, сказала поучительнымъ тономъ:

— Да, ужъ это неизвѣстно, почему такъ онъ по купечеству много отмаливаетъ, а въ разныхъ званьяхъ не можетъ.

— Не потрафляетъ!

— Не надо, дружокъ, такъ говорить, потому что хотя онъ и не потрафляетъ, и не все пусть не сбывается, ну, а все мы должны вѣрить въ Божье посланье, хотя я и сама... этой драчихѣ, которая царапаетъ, такъ бы ей всѣ космы выдрала!

— И отвели бы тебя подъ судъ, — сказала дѣвушка, у

которой нравъ былъ шкодливый, но робкій. Но кухарка, женщина опытная, смѣло ей отвѣчала:

— Ничего не значитъ: «нарушеніе тишины безпорядка! Восемь дней на казачьемъ парадѣ!» Ей-Богу, вздую!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Въ это время внезапно раздался звонокъ. Кухарка и горничная обѣ быстро вскочили: дѣвушка проворно опустила письмо въ карманъ и побѣжала отворить парадный входъ, а кухарка прошла въ коридоръ, соединяющій переднюю съ кухней, и притаилась у двери.

Вошелъ Валеріанъ и негромко спросилъ:

— Кто у насъ?

— Никого — отвѣтила дѣвушка.

— А мама?

— Вышли.

— Не вышелъ ли, кстати, и изъ тебя твой дурацкій капризъ?

— Какъ не дурацкой! Скажите, пожалуйста... нечего мнѣ капризничать?

— Дѣвушка забирала самую бранчивую ноту.

— Возьми, пожалуйста, вотъ это себѣ и не дуйся, какъ дама женскаго пола.

— Что это такое?

— Серьги.

— Мнѣ не серьги нужны, а добудь мнѣ средство.

— Послѣ, добуду.

— Нѣтъ, вы меня обманываете! Я вамъ не дура!

— Бери пока это!

— Не надо.

— Что за глупость! Кому же я ихъ отдамъ?

— Мнѣ что за дѣло? Я не хочу! Ничего отъ васъ не хочу, потому что вы не благородный господинъ и студентъ, а самый низкій и подлый мужчина!

Валерій хотѣлъ ее остановить какою-то грубостью, но она дернулась и сказала:

— Смѣй-ка, посмѣй!—и ушла въ свою каютку.

Молодой человѣкъ юркнулъ туда же за нею и заговорилъ съ лаской:

— Послушай... Вѣдь ты же хотѣла... ты просила сережки... Бери же теперь, когда куплено!

— Куплено!.. Гдѣ?.. Въ чьемъ магазинѣ? Или, быть можетъ, сдернулъ шутя у Савки на лавкѣ?

— Зачѣмъ ты этакія пошлости говоришь?

— А какъ же не спросить? Быть-можетъ, ихъ и носить нельзя?

— Это еще что за глупость?

— А, можетъ-быть, эта жимолость увидитъ и съ ушами оторветъ.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ.

— Какая «жимолость»?—вскричалъ онъ.

— Да старуха-то эта... ваша Камчатка... Вѣдь она... жимолостная...

— Какая Камчатка!

— Не знаешь!

— Разумѣется не знаю!

— Полно дурака-то валять!

— Я тебѣ говорю, что не знаю: что̀ такое Камчатка и почему Камчатка!

— Такъ ты у нея спроси, что это она сама Камчатка или за нее другихъ посылаютъ въ Камчатку, а только я ея не боюсь и говорю, что она самая преподлая-подлая и ужъ давно бы ей бы пора умирать, а не ребятъ нанимать, которые хуже самой болтущей дѣвчонки.

— Однако, ты дѣйствительно невыносимо забываешься!

— Что-же? Мнѣ еще можно. Зато, когда старухой сдѣлаюсь, не позабудусь.

Валеріанъ бросилъ свой подарокъ на комодикъ дѣвицы и, сжавъ ея руку, прошепталъ:

— Я тебя ненавижу!

— Чего благороднѣе, какъ теперь ненавидѣть!

— Ты сама довела, что мнѣ стала противна.

— А противна, такъ зачѣмъ ты сюда пришелъ?

— Я только и хотѣлъ тебѣ это сказать, что ты скверна!

— Ну, да! Сдѣлайте одолженіе!.. Непремѣнно скверна!.. Для кого-нибудь не скверна, а ты сказалъ и уходи. Совсѣмъ напрасно ваши пульсы бьются...

— Ты врешь, мои пульсы не бьются?

— Ну, да!.. оно и видно!

— Ну, такъ я тебѣ это сейчасъ объясню, для чего они бьются.

— Э, нѣтъ, братъ, нѣтъ, нѣтъ! Я ужъ отъ этихъ вашихъ объясненьевъ-то вонъ какимъ уродомъ стала, что даже всѣ замѣчаютъ.

Онъ что-то сказалъ, но она отвѣчала: «нѣтъ», потомъ опять «нѣтъ» и потомъ еще:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Что-о?.. Ага!.. Нѣтъ!.. Подаренье мнѣ — это въ составъ не входитъ, а ты виноватъ и прощенья проси.

— И еще попроси!

— И еще!

— Ну, вотъ такъ! А то ступай вонъ... Вашего брата надо пробирать!

Подслушивавшая кухарка отъ этихъ послѣднихъ словъ пришла въ восторгъ и, озарившись радостной улыбкой, плюнула и прошептала:

— Ахъ, ты шельма! давно ли изъ деревни, а какъ умѣетъ! Это она опять на колѣни его поставила! Тьфу! Ей-Богу въ ее чортъ ложку меду кладетъ!

И кухарка еще сильнѣе затаила дыханіе, чтобы наблюдать, что̀ будетъ, но дальнѣйшей проборки уже не было слышно, потому что дверь маленькой каютки закрылась, а съ другого конца коридора, гдѣ своимъ чередомъ совершалась забота о пищѣ, поползъ невыносимый чадъ.

Кухарка бросилась къ своему бурливому алтарю и застала на плитѣ самый полный безпорядокъ: одно перекипѣло и било черезъ край, другое перегорѣло, пережари-

лось и все наполняло смрадомъ помѣщеніе, съ потолка и до пола.

Кухарка разсердилась и закричала:

— О, чортъ бы васъ взялъ, съ вашими пульсами и съ вашею проборкой! Всѣ, дьяволы, будете нынче безъ жратвы!

Съ этимъ, полная гнѣва, она вскочила на столъ, открыла форточку и размахнула настежь дверь съ чернаго хода; но едва она это сдѣлала, какъ вся просіяла; на ея концѣ улицы тоже заходилъ праздникъ: у самаго порога стоялъ румяный лавочный мальчикъ съ корзиною на головѣ и не рѣшался перешагнуть.

— А-а! — привѣтствовала его весело бѣлая баба: — то-то я, братцы, слышу: кто это съ такою великолѣпною гордостью ползетъ и катится, а это ты шишь-пыжь — лавочная мышь? Здорово, Петрунька!

Мальчикъ дулся и молчалъ, а кучерявая бабелина разсмѣялась и, потянувъ его за фартукъ въ кухню, бойко продолжала:

— Полно дуть губу!.. Дуракъ! Вѣдь живъ, чай, остался!

— Только и есть, что живъ вамъ достался! — отвѣтилъ плаксиво розовый мальчикъ и вразъ измѣнилъ голосъ, крикнувъ: — Принимай, что ли, скорѣе корзинку! Мнѣ не время!

— А мнѣ что за дѣло? Тутъ не снимай!.. Видишь, здѣсь чадно! Неси вонъ туда, въ мою комнату.

Мальчикъ съ корзинкою тронулся и опять въ нерѣшительности остановился; но кухарка втолкнула его въ комнату, и оттуда сейчасъ же послышался жалостный писк.

Вечеръ густѣетъ. Все тихо.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Въ кухнѣ прочистилось; чадъ унесло; изъ кухаркиной комнаты, озираясь, вышелъ робко лавочный мальчикъ; у него на головѣ опрокинута опорожненная корзина. Она за-

крываетъ ему все лицо, и въ этомъ для него, повидимому, есть удобство. Кухарка его провожаетъ и удерживаетъ еще на минуту у порога; она молча грозитъ ему пальцемъ, потомъ сыплетъ ему горсть сухого господскаго компота, и, наконецъ, приподнимаетъ у него надъ головою корзинку, беретъ руками за алыя щеки и цѣлуетъ въ губы. При этомъ оба цѣлующіеся смѣются.

Мальчикъ уже сбросилъ съ себя свою дѣтскую робость, а она ему шепчетъ:

— На гулянье пойдемъ вмѣстѣ. Гляди тамъ какое веселье!.. Я тебѣ къ празднику голубую рубашку сошью. Прибѣги только завтра примѣрить.

— Прибѣгу,—отвѣчаетъ мальчишка.

Она его еще обняла и, прижавъ къ груди его головенку, сказала ему съ материнскою нѣжностью:

— А когда тебя пошлютъ къ прачкѣ въ заведеніе, ты съ ея гладильщицами не разговаривай... Слышишь?.. Онѣ дѣвчонки вѣтреныя. Можешь пропасть...

— Нѣ-ѣтъ! — отвѣчалъ мальчикъ. — Мнѣ и такъ всѣхъ стыдно!

— Вотъ то-то и есть! Да всѣ, милка, ничего и не значитъ... А я всѣхъ дворниковъ подкуплю и мнѣ сейчасъ все и донесутъ.

Онъ посвистываетъ и спускается съ лѣстницы, обнаруживая въ самомъ дѣлѣ «великолѣпную гордость».

Дворницкій работникъ встрѣчаетъ его съ вязанкою дровъ и говоритъ:

— Пётра, сколько ты прожилъ лѣтъ?

— Тринадцать.

— Ишь, старикъ! А жить хорошо?

— Ничего.

— Ожидай, значитъ, лучшаго!

Пётра благодаритъ и уходитъ въ ожиданіи лучшаго.

Онъ будетъ на гуляньѣ, она ему подаритъ рубашку. Современемъ онъ попроситъ ее купить ему часы. А то ну ее къ чорту!

Въ передней и въ кухнѣ засвѣтились хорошо протертыя лампы. На плитѣ въ кастрюляхъ все подлито и подправлено, буря прошумѣла и отхлынула, наступаетъ снова чистота и порядокъ, какъ требуется. Надо и себя примундирить.

Кухарка повернула кранъ и спустила надъ раковиной воду до холодной струи. Этой воды она налила полный жестяной уполовникъ и всю ее выпила. Она пьетъ съ жадностью, какъ горячая лошадь, у которой за всякимъ глоткомъ даже уши прыгаютъ. Прежде чѣмъ она кончила свое умыванье, въ кухню входитъ тоже и горничная, и эта точно такъ же молча взяла уполовникъ, и такъ же налила его холодной водой, и такъ же пьетъ съ жадностью, и красныя уши ея вздрагиваютъ за каждымъ глоткомъ.

Затѣмъ и эта умылась холодною водой надъ тою же самою раковиной и замахала надъ головой мокрыми руками, потому что забыла взять съ собой утиральникъ.

Говорить ей не хочется.

Кухарка ее поняла, кинула ей чистый конецъ своего полотенца и, поклонившись ей наподобіе реверанса, сказала:

— Поздравляю съ пріятнымъ бонжуромъ!

Горничная сдѣлала шутливую гримасу и отвѣтила:

— И васъ съ тѣми же дѣлами!

Онѣ, кажется, признавали за настоящія «дѣла»—только одни дѣла природы, которая множитъ жизнь, не заботясь о томъ, въ чемъ ея смыслъ и значеніе.

РАЗСКАЗЫ КСТАТИ.

(ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ).

ДАМА и ФЕФЁЛА.

«Ученикъ вопросилъ мудраго: не знаю, жениться мнѣ или нѣтъ?

«Мудрецъ ему отвѣтствовалъ: поступай какъ знаешь,—все равно будешь раскаиваться».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Весною 1894 г. одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ писателей высказалъ нѣсколько смѣлыхъ мыслей о томъ, какія «подруги жизни» лучше для литератора,—образованныя или необразованныя. Разбиралось и то, какія удобства и неудобства представляются литератору въ сожительствѣ съ женщиною образованною, и что онъ можетъ встрѣтить съ простою женщиной малаго развитія. Предложенные вопросы, можетъ-быть, и не серьезны, но они не лишены своего интереса. Къ сожалѣнію, возбудившій ихъ авторъ почему-то, однако, не развилъ своихъ положеній и не доказалъ ихъ основательности. Въ другомъ бойкомъ органѣ ему возражали и смѣшно, и ехидно, но тоже не сказали ничего выясняющаго дѣло. Вѣрно это такъ и должно быть, «чтобы всегда оставалось сказать о женщинахъ нѣчто новое» (Boufflers). Я тоже не имѣю ни малѣйшей претензіи свести любопыт-

ный споръ къ какому-нибудь рѣшительному заключенію, но я хочу дать кстати подходящія иллюстраціи, которыя беру изъ моихъ воспоминаній о литераторской жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Незадолго передъ переходомъ *Отечественныхъ Записокъ* изъ рукъ Дудышкина и Краевскаго подъ редакцію Некрасова и Салтыкова, въ этомъ журналѣ работалъ одинъ писатель, котораго въ нынѣшнемъ случаѣ неудобно было бы называть по имени. Въ данномъ случаѣ его имя и не важно, такъ какъ интересъ представляетъ само положеніе лица и характеръ двухъ его подругъ, изъ которыхъ одна была «дама», а другая «фефёла». Дама была его «законная половина», а фефёла — его «беззаконница». Обѣ онѣ имѣли для упоминаемаго писателя очень серьезное значеніе во время его жизни и различно исполнили свое призваніе къ его потомству.

Я зазналъ этого человѣка въ 1865 году, когда Дудышкинъ напечаталъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* одну его статью, которая въ публикѣ многимъ понравилась и привлекла автору благорасположеніе обоихъ редакторовъ, т.-е. Ст. Сем. Дудышкина и А. А. Краевскаго. Писателю назначили плату по 80 рублей «за статью», и это его повело къ худу: онъ былъ совершенно счастливъ и до того увлекся литературнымъ успѣхомъ, что сталъ пренебрегать своими служебными обязанностями. Служба у него по его спеціальности была довольно сносная, и хотя она оплачивалась не щедро, а все-таки она обезпечивала его вѣрнѣе, чѣмъ литература. Но съ этихъ поръ онъ службою не дорожилъ, а занятіямъ литературою предавался съ неудержимою страстью. Къ деньгамъ вообще онъ былъ не только не жаденъ, но даже почти равнодушенъ, и въ употребленіи ихъ безразсчетливъ. Къ тому же, онъ былъ очень нетребователенъ и спартански простъ въ своихъ привычкахъ. Какъ ни ѣсть и гдѣ ни жить — это для него было все равно, лишь бы только у него не была отнята возможность

высказывать то, о чемъ онъ думалъ и что признавалъ за нужное и полезное для общества. Каковъ бы онъ ни былъ по его значенію въ литературѣ, но по *характеру* это былъ настоящій литераторъ, которому, кромѣ того, что дѣлается въ литературѣ, все трынъ-трава. И его нельзя было ни отманить, ни отбить отъ литературы, хотя бы ему при ней пришлось умереть съ голода. Такіе люди тогда между писателями встрѣчались не въ рѣдкость: нѣкоторые изъ нихъ такъ вѣрили въ высокое значеніе своего литературнаго призванія, что не считали за важное потерпѣть ради идеи не только лишенія, но даже и муки... Вдобавокъ къ этому настроенію писателя, его осѣтило еще другое искушеніе: къ нему начали писать сочувственныя письма разныя незнакомки, и женскія письма расшевелили въ немъ влюбчивость и фантазіи. Словомъ, успѣхъ совсѣмъ вскружилъ ему голову, а дамскія письма даже начали портить его характеръ и мѣшали ему исполнять всѣ его обязанности, — служебныя, литературныя и супружескія, такъ какъ писатель, на его несчастіе, тогда уже былъ женатъ, и супруга у него была съ характеромъ. Женился онъ, кажется, еще студентомъ и, во всякомъ случаѣ, гораздо ранѣе, чѣмъ прославился въ писательствѣ, а поставилъ онъ себя дома такъ неудачно, что жена считала себя очень умною, а его называла «глупымъ» и никакъ не хотѣла вѣрить тому, что онъ можетъ «сочинить» что-нибудь стоящее вниманія. Это его сердило и оскорбляло, и онъ старался измѣнить въ женѣ такой неблагопріятный для него взглядъ, но достичь этого не могъ. Болѣе всего женѣ писателя казалось невѣроятнымъ, что онъ можетъ что-нибудь понимать о супружескихъ обязанностяхъ, а вниманіе постороннихъ дамъ къ ея мужу ее раздражало и довело ее до такой ярости, что она отъ оскорбленій на словахъ перешла къ обиднымъ дѣйствіямъ и явилась къ А. А. Краевскому возвѣстить ему свою побѣду и выразить журналу порицаніе за то, что черезъ его посредство у ея мужа «начались шашни съ дамами».

А. А. Краевскій выслушалъ ее, помычалъ и направилъ ее къ Дудышкину, но самъ встревожился, пробурчалъ нѣсколько разъ «Богъ съ ней» и распорядился, чтобъ ее къ нему впередъ не пускали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Писатель былъ человѣкъ лѣтъ тридцати или тридцати двухъ, бѣлокурый, маленькаго роста, очень слабый и нервный, съ небольшими голубыми глазками и вихрястою шевелюрой. Нравъ онъ имѣлъ добрый, но мелочный, раздражительный и, что называется, «пѣтушливый». Бракосочетался онъ «по состраданію». Тогда такія благородныя вещи тоже были въ модѣ и на нихъ очень многіе попались. Пріятель мой былъ изъ числа этихъ счастливцевъ и очень горько расплачивался за свое великодушіе. Супруга его имѣла надъ нимъ самыя разностороннія преимущества: по ея словамъ, она была старше его только на пять лѣтъ, но по виду надо было думать, что разница была гораздо серьезнѣе, а притомъ она была крѣпкая, сильная, очень предпріимчивая и обладала счастливѣйшимъ женскимъ талантомъ—не бояться никакихъ скандаловъ. Обладая такими боевыми свойствами, дама, притомъ, была также чрезвычайно неутомима какъ въ натискѣ, такъ и въ преслѣдованіи. Мужъ съ женою едва ли не съ первыхъ же дней брака не поладили, и съ тѣхъ поръ они постоянно жили очень дурно, а по переѣздѣ ихъ въ Петербургъ жена постаралась устроить такъ, что это скоро сдѣлалось извѣстно всѣмъ въ редакціи. Пріемъ, для этого употреблявшійся, былъ простой: дама, съ виду очень образованная, сама приходила въ редакцію или въ контору и жаловалась на мужа всѣмъ: Дудышкину, Краевскому и т. д. до конторщика Боголюбова, который выдавалъ деньги. Дама дѣлала это не только безъ малѣйшей застѣнчивости, но и безъ всякой нужды, просто какъ бы по влеченію души. Впрочемъ, можетъ-быть, она имѣла какую-нибудь цѣль понизить акціи

своего мужа, представляя его смѣшнымъ и пошлымъ. Скромность она не уважала и безъ всякаго стыда разсказывала самыя ужасныя вещи о томъ, какъ грубо и безцеремонно она обращается съ мужемъ.

— Онъ хочетъ меня остановить жалкими словами,—говорила она.—Mais c'est drôle! Какъ же онъ можетъ на это надѣяться, когда я ему уже давно сказала, что я никакого скандала не боюсь? Je sais ce que j'ai faire!

Она, однакоже, скоро всѣмъ надоѣла, и Дудышкинъ пересталъ ее принимать, такъ же какъ и Краевскій; но въ контору она еще являлась и срамила мужа какъ только находила возможнымъ. Ей, конечно, не вѣрили, но, однако, все-таки она повредила мужу ужъ однимъ тѣмъ, что сдѣлала его смѣшнымъ. Вдобавокъ, она вооружила противъ него Краевскаго, котораго она подстерегла разъ на его пути отъ дома къ Гимнастическому павильону и засыпала его претензіями, а когда онъ сталъ отъ нея убѣгать, повторяя: «Ей-Богу, ей-Богу, я боленъ и ничего не могу!»—она, не получивъ отъ него желаемаго сочувствія, сказала ему вслухъ: «Quel vieux idiot!»—и бросилась въ открытыя двери Симеоновской церкви, закричавъ съ крыльца, что «проклянетъ его передъ образомъ». Краевскій, впрочемъ, на нее не сердился и не обробѣлъ отъ проклятія, а говорилъ вечеромъ: «Бабы! я ихъ знаю!» И онъ, кажется, дѣйствительно «зналъ бабъ», и потому въ редакціи дѣло писателя облаживалось хорошо, но не такъ это выходило въ очахъ служебнаго начальства, къ которому предпріимчивая супруга тоже являлась и говорила тамъ, что ея «pique-assiettes» не вѣритъ въ Бога и непочтительно говоритъ о такихъ и такихъ особахъ, чего-де она, какъ институтка, не можетъ сносить, и «доведетъ до свѣдѣнія», потому что у нея есть дитя, которое надо воспитывать въ добрыхъ правилахъ.

— Да! Je ne suis pas seul!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Чего хотѣла достичь эта супруга, того она, кажется, и сама не знала. Опредѣленно, она стремилась только «получать его жалованье». Это она заимствовала гдѣ-то у женъ фабричныхъ рабочихъ, у которыхъ мужья пропиваютъ заработки. Хорошій примѣръ понравился ей: тогда любили «народное». Правда, ея мужъ не пропивалъ заработка, ну, а все-таки...

— Je ne suis pas seul! Сдѣлайте милость!

Краевскій приказалъ:

— Отдайте, отдайте!

Онъ зналъ женщинъ.

Мужъ какъ услыхалъ объ этихъ извѣтахъ, такъ и заболѣлъ; больной онъ остался совершенно безпомощенъ при своей безпощадной тиранкѣ. Мы жили тогда неподалеку другъ отъ друга у Таврическаго сада, гдѣ я живу тридцать лѣтъ, и я два раза навѣстилъ больного и видѣлъ его въ ужасной обстановкѣ: разъ я засталъ его въ комнатѣ, напитанной самымъ невыносимымъ зловоніемъ, а въ другой разъ въ комнатѣ было открыто окно и на больного страшно дуло.

Я спросилъ его, для чего открыто окно въ этотъ холодный день?

А онъ покачалъ головою и отвѣчалъ мнѣ:

— Ахъ, знаете, я боюсь отгадать, что для того, чтобъ я скорѣе умеръ!

Я всталъ и закрылъ окно, а какъ это произвело соотвѣтственный звукъ, который былъ слышенъ за стѣною, то оттуда изъ другой комнаты послышался гадкій сдержанный смѣхъ. Затѣмъ я ушелъ, а больной вскорѣ поправился и, какъ ни въ чемъ не бывало, пришелъ на редакціонный вечеръ, который мнѣ остался памятнымъ, по дебатированнымъ тогда роковымъ вопросамъ о русскомъ искусствѣ. Это было вскорѣ послѣ достопамятной лекціи, прочитанной въ быв-

шемъ художественномъ клубѣ г-жею Якоби, которая тогда только что возвратилась въ отечество и много сообщала о гарибалдійскомъ движеніи, въ которомъ она принимала живое участіе и пользовалась пріязнью итальянскаго героя. Теперь, когда послѣ этого прошло около тридцати пяти лѣтъ, очень трудно передать то оживленіе и симпатіи, которыя вызвала эта лекція, произнесенная женщиной, о которой тогда говорили очень много интереснаго. Художники не только аплодировали г-жѣ Якоби, какъ дамѣ, но и выражали настоящее удовольствіе по поводу ея сужденій о художественныхъ вопросахъ. Тогда помощи для русскаго искусства искали повсюду и говорили то о профессорѣ Якоби, то о Микѣшинѣ, которые тогда были въ модѣ и навѣрняка могли «спасти русское искусство», а заурядъ вспоминали и Петра Соколова, и Зичи, и Сверчкова, и Клевера. И, несмотря на то, что всѣ эти уважаемыя лица были напоены однимъ духомъ художниковъ Александра и Дмитрія, о которыхъ упоминается въ книгѣ «Дѣяній Апостольскихъ», тогда, однако, находились удивительные люди, которые умѣли что-то различать въ нихъ. Но нашлись, впрочемъ, и такіе, которымъ лекція г-жи Якоби не понравилась, — не нравилась она и нашему писателю, которому было противно видѣть вызванное ею возбужденіе, и онъ захотѣлъ подвергнуть и лекцію и восторгъ слушателей критикѣ. Статья о лекціи въ Троицкомъ переулкѣ должна была явиться въ той книжкѣ, которая уже набиралась, но она не явилась вовсе, и авторъ ея едва уцѣлѣлъ.

Въ семействѣ критика произошли ужасныя событія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Черезъ два или три дня послѣ лекціи, поздно вечеромъ, когда въ Таврическомъ саду свистали соловьи и у частокола, ограждавшаго садъ, стояли въ молчаніи и слушали пѣвцовъ нѣсколько любителей соловьинаго пѣнія, я увидалъ здѣсь воспоминаемаго литератора. Онъ былъ чрезвычайно унылъ

и, вдобавокъ, все его изнеможенное болѣзнью лицо было исцарапано и испачкано, а платье его было въ сору и въ пуху: очевидно, онъ былъ въ большой передѣлкѣ.

Я его тогда все-таки еще мало зналъ и заподозрилъ, не выпивши ли онъ, но это было напрасно. Жалостливый видъ, въ которомъ онъ слушалъ соловьевъ у частокола, былъ результатомъ того, что онъ въ это время особенно сильно пострадалъ за свое пристрастіе къ литературнымъ занятіямъ, и, притомъ, все въ этотъ разъ имъ написанное *было уничтожено,* а именно, статья о лекціи въ Троицкомъ переулкѣ была изорвана супругою писателя въ клочки, а самъ онъ оцарапанъ, облитъ чернилами, отлученъ отъ домашняго очага и изгнанъ изъ дома съ отобраніемъ отъ него часовъ и денегъ. Затѣмъ жена пригрозила ему, что она поѣдетъ къ институтскому начальству и разскажетъ, какія у ея мужа дурныя понятія о самыхъ священныхъ предметахъ... А ужъ затѣмъ, разумѣется, «ему покажутъ!»

Я пригласилъ его къ себѣ переночевать, и онъ это принялъ, такъ какъ ему рѣшительно нельзя было иначе устроиться. Онъ прозябъ и былъ голоденъ, и потому съ аппетитомъ кушалъ мой чай съ булками и при этомъ разсказалъ мнѣ длинную исторію своихъ многостороннихъ страданій отъ жены, и въ этотъ разъ онъ сообщилъ мнѣ и нѣкоторыя подробности о ея происхожденіи: она была дворянка изъ южнаго края и окончила курсъ въ одномъ изъ институтовъ, потомъ поссорилась съ матерью и жила въ Швейцаріи и чему-то училась; послѣ была гувернанткою, потомъ переводчицею и актрисою, — нигдѣ не прижилась. На несчастіе моего товарища, она показалась ему очень несчастною и онъ на ней женился, а она потомъ въ минуту нѣжности призналась ему, что «хотѣла въ его лицѣ отмстить всѣмъ мужчинамъ за угнетеніе женщинъ». А въ доказательство того, что это было серьезно, она немедленно же начала исполнять свою программу съ такою послѣдовательностью, что у бѣдняка отшибло память на очень важные случаи ихъ семейной жизни. Она его такъ огорошила,

что онъ все позабылъ и пренаивно говорилъ о своемъ ребенкѣ:

— Знаете, откуда онъ у насъ взялся, — я этого, право, даже не могу себѣ представить.

Но возвратимся къ порядку событій.

Пострадавшій въ эту пору былъ очень разстроенъ и не хотѣлъ возвращаться къ своей мучительницѣ, а собирался жить отъ нея особо. Я по его просьбѣ ходилъ на слѣдующій день къ его женѣ для переговоровъ, не согласится ли она облегчить ему его домашнее положеніе, или не признаетъ ли за лучшее отпустить его на свободу за посильное вознагражденіе? Въ особѣ этой я увидѣлъ женщину очень некрасивую и пожилую, но смѣлую и бойкую и, безъ сомнѣнія, способную на большія нахальства. Въ пріемахъ у нея оставался какой-то слѣдъ «гостинности», но перемѣшанный съ самою рѣзкою вульгарностью или, лучше сказать, хамствомъ. Художникъ могъ бы взять ее за модель для изображенія русской ассамблейной боярыни, которую культивируетъ императоръ Петръ Первый и съ образовательною цѣлью напоилъ вполпьяна и пустилъ срамословить. Кое-какъ, хоть клочками, я припоминаю нашу бесѣду.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Дама встрѣтила меня очень веселая, безъ малѣйшей застѣнчивости, и сама заговорила со мной, пересыпая русскія слова французскими:

— Пожалуйста, пожалуйста! Dieu vous bénisse: я очень рада примирителю. Вы вѣдь пришли насъ мирить? Садитесь, но помирить со мною кого бы то ни было очень трудно: я не изъ добрыхъ и особенно — извините! — я не люблю мужчинъ.

И, заявивъ о своей ненависти къ мужчинамъ, она сейчасъ же упомянула и о томъ, что «передъ нею за всѣхъ за нихъ отвѣчаетъ ея мужъ». Она весело расхохоталась и затѣмъ все время потѣшалась надъ своимъ му-

жемъ, разсказывая о немъ дрянной и неприличный вздоръ, послѣ чего тотчасъ же начинала злословить дамъ, писавшихъ ему литературныя письма, и называла ихъ именами своего изобрѣтенія, какъ-то: «маркиза Дешкурансъ», «баронесса Шлюхманъ» и леди «Кис-ме-квикъ», да двѣ русскія помѣщицы «Обнимайкина» и «Цѣловалкина», которыхъ она «всѣхъ презирала», а сводила она все это къ тому, что «всѣ онѣ дуры, и мужъ ея смѣшонъ и рѣшительно ни на что не годенъ, особливо «vis-à-vis d'une femme». Для нея это, впрочемъ, tant mieux, потому что у нея другая натура и она находитъ, что женщина должна быть выше природы, потому что «природа — свинья».

— Кто любитъ свинство, тотъ и можетъ признавать надъ собою власть природы, но для меня все это противно. Вы понимаете?

Я не понималъ и она поясняла:

— Всѣ эти взгляды, и мины, и вздохи, и положенія... словомъ, все это, и прочее, что воспѣваютъ поэты, — это отвратъ, все это c'est archibête!

Поэтому я надѣялся, что она довольно легко согласится разъѣхаться со своимъ супругомъ; но она, однако, требовала, чтобъ ей за это дать какъ можно больше денегъ.

— Потому что у меня есть дитя. Вы понимаете? Je ne suis pas seul!

Мы поторговались, и она согласилась «получить» и *послѣ того*, не иначе, она поѣдетъ на югъ,— на милый, теплый югъ съ этого противнаго, холоднаго сѣвера.

— Le diable! я даже давно этого хотѣла и теперь очень этому рада.

— Казалось, все было улажено, и дама даже сказала мнѣ: «le bon Dieu vous bénisse», и сейчасъ же перемѣнилась: окончивъ дѣловой разговоръ, она призвала своего двухлѣтняго сына, много разъ его повернула передо мною и начала его снаряжать на прогулку.

Тутъ я могъ его разглядѣть: это былъ болѣзненный, ра-

хитическій мальчикъ, съ большими, почти безцвѣтными глазами, въ которыхъ выражался постоянный испугъ, возбуждавшій къ нему сожалѣніе. Его держала на рукахъ свѣжая, бѣлолиценькая и румяная дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, съ очень большими, какъ-будто даже непропорціонально большими сѣрыми глазами и пристальнымъ и добрымъ, но очень твердымъ взглядомъ (я описываю эту молодую «фефёлу» потому, что она не пройдетъ предъ нами мелькомъ, а у нея есть роль въ моемъ воспоминаніи). Дѣвушка, вѣроятно, недавно пришла изъ села и была очень застѣнчива, а дама находила удовольствіе смущать ея стыдливость. Она подсмѣивалась надъ ея свѣжестью и при мнѣ нашла случай назвать ее нѣсколько разъ то «орлеанскою дѣвственницей», то деревенскою «фефёлой», при чемъ дама такъ разрѣзвилась, что повернула дѣвушку передъ собою и стала ее рекомендовать тономъ французскаго панорамщика:

— Voilà Jeanne Darc, surnomée la Pucelle d'Orleans, héroïne. Extrêmement pieuse, il lui semblait entendre des voix, qui lui ordonnaient d'aller sauver.,. son maître.—Дама разсмѣялась и продолжала: — Безъ шутокъ, безъ шутокъ, эта дѣвица очень одухотворена и она видитъ вѣщіе сны... да, да, да! И она часто плачетъ и даже иногда рыдаетъ во снѣ... о моемъ супругѣ, а я ее бужу и посылаю на вѣтеръ... C'est bien comique! Потомъ я высылаю туда же этого дурака, которому данъ дивный даръ трогать и располагать къ себѣ сердца дуръ, изъ коихъ вотъ первая... La voilà, фефёла и Pucelle!

Названіе, выраженное по-французски, очевидно, очень обижало дѣвушку, и она, зардѣвшись, какъ вишня на солнцѣ, сказала:

— Фефёла я — это точно, я простая дѣвушка и никакихъ примѣровъ не получила, а что другое вы меня называете, то это я совсѣмъ не понимаю.

Дама расхохоталась и передразнила:

— «Примѣровъ не получи-ла», такъ иди съ Богомъ.

И, перекрестивъ нѣсколько разъ своего ребенка, сидѣвшаго на лѣвой рукѣ дѣвушки, дама подала ей въ правую руку дождевой зонтикъ и пропѣла:

«Voici qu'à bien tourne la guerre
Quand Pucelle porte bannière!»

Затѣмъ она взяла дѣвушку за плечи, повернула и, воскликнувъ: «Peste!»—выставила ее за дверь.

Дѣвушка эта на видъ была ни хороша, ни дурна и не казалась ни умною, ни глупою, и какова она была на самомъ дѣлѣ, это увидимъ ниже.

Звали ее Прашею.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Супруги «разъѣхались». Совершилось это почти такъ, какъ часто дѣлается, т.-е. «не безъ непріятностевъ», — ни смиренство мужа, ни французскіе ритурнели жены не устранили ссоры, и при самомъ послѣднемъ «adieux» дѣло не обошлось безъ участія «народныхъ представителей» въ лицѣ двухъ дворниковъ, которые при этомъ обнаружили непосредственное народное міросозерцаніе. «Непріятность» поднялась-было изъ-за маленькой книжной этажерки, которую тянули въ двѣ противуположныя стороны до тѣхъ поръ, пока она съ трескомъ распалась на свои составныя части, и тогда тѣ части, которыя остались въ рукахъ дамы, полетѣли въ лицо мужу.

Одинъ изъ народныхъ представителей былъ противъ этого и говорилъ, что «не надо шкандалить, а надо разойтись чинно и благородно»; но другой, напротивъ, находилъ, что это такъ и слѣдуетъ, и сказалъ: «Если не ссориться, такъ тогда зачѣмъ и расходиться?» Мнѣ это показалось оригинально, и я послѣ побесѣдовалъ съ этимъ мыслителемъ, по выводамъ котораго «въ развратъ идти» (т. е. разлучаться) можно только «до того поругамшись, когда уже терпѣть нельзя. Тогда и разводись. И тогда — поскандалить очень пріятно, потому что впередъ лучше и знаться не захочешь».

Это разсужденіе осталось у меня въ памяти, и я не разъ въ жизни видѣлъ, что въ немъ есть основательность.

Но, какъ бы то ни было, супруги разлучились такимъ образомъ, что взволнованный и огорченный мужъ прошипѣлъ на порогѣ:

— Желаю вамъ всего лучшаго!

А жена ему отвѣтила:

— Diable t'emporte—и заперла за нимъ дверь.

Ребенокъ остался при матери и съ ними же осталась и Праша. Съ недѣлю ее всякій день можно было встрѣчать въ Таврическомъ саду, гдѣ она возила въ колясочкѣ писательское дитя. Она хорошо берегла ребенка и очень сожалительно говорила объ изгнанномъ хозяинѣ.

— Очень простой и смирно́й, добрый баринъ!—говорила она и сама краснѣла, задумывалась и однажды даже заплакала.

— Вотъ это хорошо, что вы такая добрая дѣвушка, сказалъ я.—Хорошо, что вы жалѣете человѣка. Но, впрочемъ, надо жалѣть и барыню. У нея какой-то несчастный характеръ.

— Ахъ, это точно, что жалѣть надо всякаго, но она смѣлищая, а онъ ужасно какой смирно́й. Ему и на волѣ тоже мало будетъ хорошаго.

И вскорѣ послѣ этого такой пассажъ, что съ дѣтскою колясочкой въ Таврическомъ саду появилась сама мать, съ зонтикомъ и съ книгой въ рукахъ, а Праши уже не было.

Что́ у нихъ случилось?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Помню сѣрый, холодноватый день. Мать сидитъ и держитъ въ рукѣ волюмчикъ Таухницкаго изданія. Но чтеніе, повидимому, плохо ее занимаетъ: она роняетъ книгу и опять ее поднимаетъ, кладетъ ее на колѣни и хочетъ рѣзать листы головною шпилькой, но листы рвутся, и книга па-

даетъ. Она хочетъ ее поймать и попадаетъ себѣ въ лицо зонтикомъ, который держитъ въ рукѣ, вмѣсто того, чтобы положить его возлѣ себя и сдѣлать что нужно обѣими руками. Ребенку наскучило смотрѣть на это неуклюжество, и онъ сталъ плакать. Тогда дама бросила книгу и стала поправлять дитя, но у нея ничего не выходило. Она нагнулась пребезобразно надъ коляской ребенка и оцарапала ему булавкой лицо; онъ заревѣлъ. Она ему погрозила, потомъ выхватила его и перевернула, опустивъ его внизъ головою, и, разсердясь на себя, прибила его рукой справа и слѣва. Ребенокъ вытянулся и зашелся въ рыданіяхъ. Двѣ близко сидѣвшія дамы, въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ, замѣтили матери, что ребенокъ испугался и что отъ этого можетъ случиться припадокъ. Она отвѣчала имъ, что это «не ихъ дѣло», что она «сама мать», и, быстро вставъ съ мѣста, она повезла колясочку къ выходу изъ сада, но на виду у всѣхъ попала въ колесо зонтикомъ и за одинъ пріемъ переломила въ зонтикѣ ручку и опрокинула коляску. Это ее такъ взбѣсило, что она бросила и коляску, и ребенка, и со всѣхъ ногъ упала ницъ въ траву куртины и истерически зарыдала.

Дитя, видя безуміе матери, стихло.

Нѣсколько дамъ кинулись къ ней, чтобъ ей помогать, но она на нихъ навела ужасъ своими судорогами, и дамы отступились.

Пришли садовый сторожъ и солдатъ и стали ее поднимать; но она вскрикнула: «Peste!»—и ударила ихъ обоихъ по рукамъ обломкомъ зонтика, а потомъ встала сама, посадила дитя и повезла сбоченившуюся коляску, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ребенка, который теперь, однако, молчалъ, какъ-будто онъ понялъ, что его дѣло не шутка.

Произошло вотъ что: Праша узнала, что ея «смирный» и «простой» баринъ заболѣлъ и валяется безъ присмотра и безъ помощи, такъ что и «воды подать некому». Внутренній жаръ и истома недуга ей были знакомы, и она знала, что тутъ нужна помощь. Больше ей соображать было

нечего, и она сейчасъ же бросила ребенка матери на руки и ушла служить больному. Какъ простолюдинка, она начала съ того, что она его «убрала», т.-е. освѣжила его постель, вытерла самого его водой съ уксусомъ, обласкала утѣшительными словами и сварила ему бульонъ, а потомъ, когда онъ «пошелъ на поправку», онъ ощутилъ близость ея женственнаго присутствія и отблагодарилъ ее своимъ мужскимъ вниманіемъ. Это вѣдь такъ обыкновенно... Но, можетъ быть, это ему надо поставить въ вину, особенно если онъ не придавалъ этому серьезнаго значенія; но *она*... она «вся ему предалась» и ни о чемъ болѣе вовсе и не разсуждала.

— Я,—разсказывала она:—только и хотѣла, чтобъ онъ зналъ, что онъ теперь не одинъ, а у него есть *раба*.

Такое сердце и такія понятія!

Но не пренебрегите пока этимъ рабскимъ сердцемъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Изъ своихъ новыхъ отношеній къ «господину» Праша не дѣлала никакого секрета, но и не бравировала ими, что́ со стороны «фефёлы»—рѣдкость. Все въ домѣ у нихъ шло такъ тихо и благопристойно, какъ будто связи и не существуетъ. Пріятельскому кружку, однако, скоро стало извѣстно, что между ними установилась любовь. Узнала это и его жена, и оттого-то она и каталась по травѣ, оттого у нея все падало изъ рукъ и ломалось. И какъ она его ни порицала, «особенно vis-à-vis d'une femme», но измѣны она ни мужу, ни Прашѣ не подарила и вызывала ихъ обоихъ къ мировому, гдѣ былъ какой-то инцидентъ съ истерикой, и потомъ все успокоилось. Супруга взяла еще, что̀ могла, съ оброчнаго мужа и сникла съ нашихъ глазъ, а у Праши къ году родился ребенокъ, котораго она сама кормила, а при этомъ, конечно, все мыла, шила и варила. Жили они на очень маленькія средства, и Праша тряслась за всякій грошъ, чтобы было изъ чего жить и «*посылать барынѣ*». Скучать ей было некогда, а если ей случалось оставаться

одной и поджидать поздно ночью своего господина, то она чувствовала «жуть» и тоже нашла чѣмъ помочь въ этомъ горѣ: она брала изъ пачки писательскихъ фотографій карточку Александра Дюма съ его страшно кучерявою шевелюрой и начинала ее разсматривать: «тогда ей тотчасъ же становилось смѣшно» и жуткость проходила.

Съ переходомъ *Отечественныхъ Записокъ* къ Некрасову писатель остался безъ работы, и у нихъ было худо; но потомъ онъ скоро былъ приглашенъ во *Всемірный Трудъ* къ доктору Хану, гдѣ работы было много, и дѣла поправились. Праша близко въ это вникала и отлично поняла, что̀ нужно человѣку при «спѣшкѣ». Она ему все приспособила для занятій въ ихъ маленькой квартиркѣ, состоявшей всего изъ двухъ крошечныхъ комнатокъ въ надворномъ деревянномъ флигелѣ.

Она сдѣлала все, что̀ позволяла ей возможность, а онъ былъ такъ не избалованъ и такъ не требователенъ, что не желалъ бо̀льшаго.

— Чего же-съ мнѣ еще надобно?—говорилъ онъ, чрезвычайно довольный своимъ положеніемъ. — Я теперь могу работать спокойно и дни, и ночи: мнѣ никто не мѣшаетъ, и я докажу, что̀ значитъ эстетика!

У него «былъ задуманъ рядъ статей», но онѣ написаны не были. Не прошло полугода послѣ этого, какъ Гр. П. Данилевскій навѣстилъ его и нашелъ «заработавшимся до безчувствія». Данилевскій уговорилъ его немножко прогуляться, — провезъ его въ коляскѣ по островамъ, угостилъ на воздухѣ ужиномъ и отвезъ домой, сдавъ на руки ожидавшей его Прашѣ. Данилевскій былъ пораженъ худобою и усталымъ видомъ писателя и тѣмъ, что онъ какъ будто не замѣчалъ ничего окружающаго и могъ говорить только о рядѣ задуманныхъ имъ статей. Прашѣ сказали, чтобы она его непремѣнно выпроваживала гулять, и она объ этомъ очень заботилась: звала его «въ садъ, смотрѣть звѣрушекъ», которыхъ ей будто очень хочется видѣть, но онъ не слушался и даже сердился. Зимой, продолжая такой-же «без-

отходительный» образъ жизни, онъ ослабѣлъ, закашлялъ и расхворался, а великимъ постомъ умеръ. Праша испытала неожиданный ужасъ: она оставалась одна, съ ребенкомъ и безъ всякихъ средствъ. «Законная вдова» усопшаго сближала случай смерти мужа съ тѣмъ, что Данилевскій передъ этимъ угостилъ его ужиномъ, и добивалась узнать, какъ онъ возвратился домой: «sur les deux pattes ou sur toutes les quatre?—и въ то же время она вступила во всѣ свои законныя права и получила все, что́ могло быть усвоено ей и ея законному ребенку. А «беззаконницѣ» Прашѣ и ея ребенку не досталось *ничего*. Власть, обезпечивавшая имущество покойнаго, т.-е. его дрянную мебелишку и черняки недописанныхъ статей, опечатала помѣщеніе, гдѣ жилъ литераторъ, а Прашу, какъ прислугу, «вывели» и никому до нея не было никакого дѣла. О бѣдной Прашѣ рѣшительно никто не подумалъ; но она и въ изгнаніи не оробѣла, а провожала гробъ и показалась у могилы съ твердымъ видомъ.

Такъ, пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ: мать, имѣющая дитя, *должна жить*... и она должна хорошо жить, *честно!*

Посмотримъ, какъ она это выполнитъ?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

На другой же день послѣ похоронъ литератора Праша пришла ко мнѣ, съ ребенкомъ на рукахъ, и сказала:

— Не обижайтесь на меня, что я съ ребенкомъ пришла. Не на кого его оставить. Посовѣтуйте: какъ мнѣ быть?

Она меня сконфузила: я видѣлъ, что мы не сдѣлали послѣ смерти товарища самаго важнаго дѣла: мы не подумали объ этой женщинѣ и объ ея ребенкѣ, и къ этой оплошности я прибавилъ другую, еще худшую и даже достойную строгаго осужденія: я заговорилъ о томъ, чтобъ отдать ребенка, а Праша, которая стояла передо мною, отъ этого такъ страшно поблѣднѣла, что я упросилъ ее сѣсть, и тогда она сейчасъ же заговорила:

— Отдать дитя навсегда... ни за что!.. Словъ нѣтъ, я сама виновата, — ну, все же я могу о немъ и обдумать. Въ этомъ домѣ, гдѣ я вчера уголъ взяла, и мы тамъ ночевали, тамъ бабы живутъ и ходятъ шить мѣшки. И я могу шить мѣшки, но его туда съ собой нельзя брать.

Она прижала къ себѣ ребенка и залилась слезами.

У меня въ тогдашнее время не было никакихъ запасовъ, которыми я могъ бы подѣлиться, и все, что я могъ дать бѣдной Прашѣ, это было пять рублей. Я просилъ ее взять это пособіе и идти пожить на квартирѣ два-три дня, пока я испробую, нѣтъ ли возможности устроить для нея съ ребенкомъ какую-нибудь новую складчину. Она, не ломаясь, взяла деньги, шопотомъ сказала:

— Благодарю васъ, постарайтесь! — и ушла.

Но стараться тогда было мудрено, и многаго въ нашемъ положеніи сдѣлать было невозможно. Тогда еще не было такихъ хорошихъ литературныхъ заработковъ, какими нынче похваляются нынѣшніе молодые писатели, между которыми есть уже и капиталисты, и даже сибариты. Мы тогда работали очень много и очень старательно, но получали мы мало, а часто и вовсе ничего не получали. Сами бѣдняки, мы нерѣдко сотрудничали «изъ чести» у очень необезпеченныхъ издателей, которымъ, однако, мы считали за обязанность помогать «по сочувствію къ хорошему направленію». Нѣкоторые изъ этихъ благородныхъ предпринимателей скоро сообразили, что изъ наивнаго настроенія искреннихъ писателей можно извлечь выгоды, и они этимъ воспользовались (кто хочетъ лучше съ этимъ познакомиться, пусть прочтетъ переписку Д. И. Писарева съ Г. Е. Благосвѣтловымъ).

Гончаровъ называлъ это время «грубымъ періодомъ въ литературѣ». Оно и дѣйствительно было грубовато и очень несправедливо; но тогда въ литературной средѣ встрѣчались характеры до такой степени цѣльные и строго относившіеся къ призванію писателя, что теперь даже не вѣрится, вправду ли это было, а если было, то отчего же это

такъ скоро прошло? А это было! Люди бѣдствовали при своихъ ничтожнѣйшихъ заработкахъ, которыхъ, притомъ, еще часто нельзя было получить изъ тощихъ кассъ редакцій, и частенько эти люди другъ съ другомъ ссорились, но выгодъ отъ перехода къ «чужому направленію» они не искали. Измѣнить своему знамени и перейти подъ чужое тогда почиталось за дѣло вполнѣ безчестное, и то, что теперь въ этомъ родѣ дѣлается безпрестанно, тогда происходило чрезвычайно рѣдко.

Благородная строгость стала ослабѣвать послѣ того, какъ «софисты XIX вѣка» замололи о томъ, что все на свѣтѣ можно защищать безъ стѣсненія, и сами стали показывать примѣръ слишкомъ «широкой жизни». Литераторы не захотѣли отстать и стали манкировать литературною независимостью.

(Тогда же начали пренебрегать и внѣшнимъ времяпровожденіемъ, и въ литературныхъ домахъ стали раскрывать ломберные столы и начали играть въ карты, чего ранѣе почти всѣ стыдились).

Но возвратимся къ осиротѣлой Прашѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Съ огромнымъ усиліемъ собралъ я для этихъ сиротъ двѣсти рублей. Послѣ смерти А. И. Пальма я собралъ и передалъ въ литературный фондъ слишкомъ двѣ тысячи рублей, но это было легче сдѣлать, чѣмъ въ прежнее время собрать двѣ сотни. Зато дамы даромъ дали совѣтъ помѣстить ребенка «на молоко» къ почтамтскимъ сторожамъ, а матери идти служить въ прачки или въ горничныя.

Дамы обѣщали также похлопотать о ней, и такъ какъ имъ хотѣлось видѣть Прашу, то онѣ просили прислать ее на смотръ къ нимъ.

Я позвалъ Прашу и сказалъ ей, что въ моихъ рукахъ есть для ея ребенка двѣсти рублей и что ей остается те-

перь помѣстить дитя въ почтамтъ, а самой идти на мѣсто, о которомъ для нея постараются дамы. Я это объявилъ ей съ апломбомъ, потому что мнѣ представлялось, будто мы съ дамами превосходно обдумали ея положеніе. Праша выслушала меня со вниманіемъ и не противорѣчила, а немедленно же пошла въ почтамтъ. Но только мнѣ показалось, что она «собирала лобъ» и какъ-будто была чѣмъ-то недовольна, когда я ей изъяснялъ свои соображенія.

Вечеромъ въ этотъ же день она возвратилась и спокойно объявила, что въ почтамтѣ дѣйствительно дѣтей берутъ по пяти рублей въ мѣсяцъ и что, можетъ быть, между тѣми, которые берутъ, есть люди и очень добрые.

— Кого же вы выбрали?

— Пока никого... Есть тамъ двое, — отвѣчала она, глядя внизъ и покапывая по полу кончикомъ зонтика, и вдругъ заплакала.

Я ее укорилъ за то, что она отнимаетъ у себя бодрость.

— Именно, — сказала она: — но только какъ я этихъ примѣровъ еще не видала, то... я дура, фефёла... — и она хотѣла улыбнуться, но вмѣсто того еще горче заплакала.

— Ну, и довольно!.. Больше не буду!

— И прекрасно!

— Да, не буду!

— Вотъ же вамъ десять рублей за первые два мѣсяца, а остальныя ваши деньги я положу въ сохранную казну и вы будете ихъ брать и платить за ребенка.

Тогда она взяла десять рублей и завязала ихъ въ уголокъ платка, а мнѣ отвѣтила:

— Очень вамъ благодарна и словъ нѣтъ, что такъ насъ устроили, но позвольте, притомъ, вамъ сказать, что изъ этого очень хорошаго ничего быть не можетъ.

Мнѣ показалось, что у нея перемѣнился тонъ и голосъ, и даже самая манера говорить стала иная: дѣвочки Праши уже не было, а была молодая мать, которая увидала себя

въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и вся насторожилась, чтобы найти выходъ.

— Не обижайтесь, что я скажу, — продолжала она: — я вѣдь никакихъ примѣровъ воспитанія не получила, но я не безъ понятіевъ. Позвольте сказать вамъ: два дня назадъ я думала, что я съ дитемъ совсѣмъ пропала и очень хотѣла кинуться съ нимъ за одинъ разъ въ рѣку, а теперь, когда добрые люди намъ помогли, я уже какъ оса ожила и начинаю думать, какъ неблагодарная.. Дамы, конечно, очень добры, но онѣ тоже всѣ примѣры не постигаютъ.

— Пожалуйста, объясните, Праша, что̀ вы хотите?

— Вотъ, я за ребенка буду платить пять рублей въ мѣсяцъ. Это, скажемъ, шестьдесятъ рублей въ годъ?

— Да, шестьдесятъ въ годъ.

— Въ два года сто двадцать рублей, въ четыре—двѣсти сорокъ, ну, вотъ и всѣ... А ему будетъ всего еще пятый годъ...

— Да, вашъ разсчетъ вѣренъ.

— И тогда я могу его взять къ себѣ?

— Да, можете взять.

— А кто же тогда меня съ нимъ вмѣстѣ возьметъ?

Вопросъ этотъ мнѣ показался несерьезнымъ, и я далъ ей почувствовать, что я понимаю дѣло: я сказалъ, что съ грудным ребенкомъ ей трудно было бы устроиться, а когда онъ будетъ по пятому году, тогда это не трудно: съ такими дѣтьми берутъ.

— Да, берутъ,—отвѣчала Праша:—словъ нѣтъ, берутъ, только за самую дешевую цѣну. Вотъ и выйдетъ такой примѣръ, что черезъ пять лѣтъ у меня не будетъ ни копѣйки денегъ и будетъ ребенокъ на рукахъ, съ которымъ мнѣ нельзя будетъ найти мѣсто съ цѣною. И я его ни во что настоящее не произведу.

— Такъ что же, какой примѣръ надо сдѣлать, по-вашему?

— Это примѣръ вовсе не глупый. Конечно, я еще мо-

лода и уже такой вредный поступокъ сдѣлала... Но я еще раньше, чѣмъ сюда въ городъ пріѣхала, я съ дяденькой на пароходѣ по Волгѣ плавала... Дяденька содержали буфетъ, а я у нихъ салфетки стирала... И я это очень хорошо умѣю и вамъ вѣрно говорю, что я отличная прачка. Противъ меня даже не всякая потрафитъ отмыть красное вино или вредный соусъ, а я умѣю, и если бы деньги, которыя вы собирали, вы бы мнѣ бы довѣрили,—вотъ вы бы тогда увидали, что́ я сдѣлаю!

— А что́ бы вы сдѣлали?

— А вотъ у меня здѣсь другой мой дяденька въ трактирѣ вторымъ поваромъ служитъ и у нихъ салфеточная часть огромная. И я у него уже была и поговорила, и онъ съ буфетчикомъ поговорилъ и говоритъ: «Старайся, отдадимъ тебѣ».

— Что же надо постараться?

— Квартиренку надо изъ мусорныхъ и посуду... Я зашла уже и посмотрѣла: квартира есть въ подвальномъ этажѣ и съ большою комнатой. Самое чудесное для прачечной, а въ другой, маленькой, можно жить съ дѣвушкой и съ ребенкомъ. Я бы взяла двухъ дѣвчонокъ, да сама третья стала, и всѣ бы мы пропитались, и ребенку путь показала бы.

— Не ошибитесь-ка вы, Праша!

— Нѣтъ-съ. Я вѣдь какихъ примѣровъ не знаю, о тѣхъ не говорю, а это я вѣрно знаю, да еще я, вѣдь, секретъ умѣю, какъ красное вино можно отмыть безъ фиміи... И я свое дитя тогда никому бы за глаза не отдала, а сама бы его возрастила и произвела къ дѣлу. Отчего же не такъ?.. Но, впрочемъ, я это такъ говорю, а вамъ какъ угодно.

И она показалась мнѣ такою искреннею и честною, такою толковою, серьезною и надежною, что я сдѣлалъ такъ, какъ она хотѣла, то-есть я отдалъ ей всѣ деньги и сказалъ ей съ шуткою:

— Нате, Праша, и дѣлайте свои хорошіе примѣры!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Черезъ мѣсяцъ Праша пришла звать меня къ себѣ на новоселье. Я пошелъ съ другимъ моимъ, литературнымъ товарищемъ, теперь уже умершимъ (изъ всей нашей тогдашней компаніи теперь въ живыхъ остаются только трое: Тимирязевъ, Всев. Крестовскій и я). Праша устроилась хорошо: у нея была одна дѣйствительно очень большая комната, въ которой у нея стояла ея кровать и деревянная колыбелька писательскаго сына.

Въ большой комнатѣ была прачечная съ новымъ инвентаремъ, пріобрѣтеннымъ и разставленнымъ съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла.

Тутъ, какъ слѣдуетъ, было сыро и пахло мокрою еловою клепкой и мыломъ. Въ прачечной ужъ, разумѣется, какъ въ прачечной, но въ жилой комнаткѣ было и сухо, и пріютно. Мы пили чай съ тремя мастерицами и Прашиным дяденькой, вторымъ палкинскимъ поваромъ, который привелъ съ собою еще другого второго повара изъ Балабинскаго трактира, памятнаго тѣмъ, что тамъ въ воспоминаемое время былъ особенный «литературный столикъ», за которымъ ежедневно садились пить чай Н. И. Костомаровъ, книгопродавецъ Кожанчиковъ и другіе солидные и дѣловитые литературные люди, при которыхъ мы, тогдашняя молодежь, держали себя почтительно и скромно.

Повара пришли къ Прашѣ раньше насъ и выпили все имъ предложенное разсчетливою хозяйкой, надымили скверными папиросками и ушли. Праша была ими очень недовольна, потому что балабинскій поваръ, узнавъ, что Праша завела свое хозяйство, нашелъ это достойнымъ своего вниманія и пришелъ съ дяденькою не просто, а съ тѣмъ, чтобы Прашу смотрѣть и потомъ ее посватать и на ней жениться. Это Прашу обидѣло, и она сразу отказалась отъ жениха и очень обрадовалась, когда повара ушли, оставивъ насъ съ однѣми фефёлами. А изъ этихъ фефёлъ одна

была, въ своемъ родѣ, прелюбопытная. Это была женщина лѣтъ тридцати двухъ, которая, что называется, *всѣмъ взяла*: ростомъ, дородствомъ и красотою, а также и простотою, которою одною только и можно было объяснить полунищенское положеніе этой женщины, обладавшей большою и яркою красотой. Сообразно великолѣпной наружности, у нея было и великолѣпное имя: звали ее Зинаида Павловна, а по фамиліи она была Потемкина. Знатностью породы она, впрочемъ, не отличалась: Зинаида Павловна была мѣщанка изъ подгородней слободы того самаго города, откуда была родомъ и Праша, которой Зинаида Павловна приходилась теткой и была старше ея лѣтъ на двѣнадцать, такъ что въ это время, когда Прашѣ было лѣтъ двадцать, Зинаидѣ Павловнѣ уже перевалило за тридцать. «Природы» онѣ были различной: Праша была кругленькая, боченочкомъ и поспѣшливая, а Зинаида Павловна—медлительная, величественная и авантажная; фигура у нея была чрезвычайно стройная и мощная, а лицо тонкой и яркой, но замѣчательно скромной красоты, напоминающей нѣсколько обликъ Поппеи-Сабины. По уму и душевнымъ своимъ свойствамъ обѣ женщины тоже совсѣмъ были не похожи одна на другую: Праша еще не созрѣла умомъ, но все замѣчала и во все вдумывалась, тогда какъ Зинаида Павловна ни о чемъ не думала. На красивомъ лицѣ всегда отражалось самое полное и самое невинное дѣтское простодушіе, граничащее даже съ умственною бѣдностью. При этомъ Праша была скромница, а Зинаида Павловна—болтушка, которая всегда неудержимо стремилась говорить какъ можно болѣе и въ молчаньи скучала. Словоохотливость ея была такъ велика, что она не ограничивалась произнесеніемъ одного только настоящаго имени даннаго лица, а еще сама присочиняла всякому еще нѣсколько именъ. Такъ, напримѣръ, она звала: «Праша — Пахита-Пашенція! Пашокъ—мой дружокъ!» Въ другой разъ она еще варьировала и говорила: «Прасковья Пахитосовна! Прашенька! Зайнька бѣленькій, хвостикъ горѣлень-

кій! Сядь, обопрись на меня лапочкой, закроемся тряпочкой, да пошепчемся!» И во всѣхъ ея словахъ, во всей манерѣ и во всей окружающей ее атмосферѣ вѣялось что-то ласковое и несчастное, доброе и безпутное.

Въ этой исторіи Зинаида Павловна должна имѣть свое мѣсто съ своею вводною исторіей, которая интересна и сама по себѣ, и потому вліянію, какое она могла имѣть на Прашу.

Введемъ къ одной фефёлѣ еще другую, иного склада и иного лада: ея краткая исторія представляетъ въ своемъ родѣ бытовую картинку.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Я выше сказалъ, что Зинаида Павловна была уроженка подгородной слободы. Мать ея была солдатка и занималась плетеніемъ кружевъ на клюшкахъ, а отцомъ случилось быть усатому поляку, офицеру гусарскаго полка, стоявшаго въ городѣ постоемъ. Отъ этого случайнаго союза родилась писаная и несчастная красавица Зинка, которую пятнадцати лѣтъ, въ ужасный голодный годъ, тяжкая домашняя нужда, а, можетъ-быть, и материнская подлость, продали купцу-мукомолу. Купецъ, заплативъ за дѣвчонку деньги, взялъ съ нея, что хотѣлъ, а «остальную часть» бросилъ. Остальное это было вся ея душа и все тѣло, доставшіяся теперь на посмѣяніе людямъ.

Такъ Зинка начала страдать и пряталась отъ всѣхъ и покрывала платкомъ косу, боясь, чтобы нравственные сосѣди не вымазали ночью дегтемъ воротъ у ея матери. Ея почти никто не видалъ; но если кто видѣлъ, тотъ замѣчалъ, что она «ужасно красива», и почиталъ себя въ правѣ мануть ее на грѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни глодало ее горе, она все хорошѣла и, наконецъ, попала на глаза пожилому сапожнику, который такъ ею плѣнился, что прямо спросилъ ее:

— Пойдешь или нѣтъ за меня, если посватаю?

Дѣвушка отвѣчала:

— На мнѣ былъ грѣхъ.

— Знаю, да ничего не сдѣлать: надо помиловать. Если ты согласна, я посватою.

Она отвѣчала:

— Я пойду.

Ей было все равно, лишь бы перестать косой трепать; но сапожникъ былъ парень смѣтливый, онъ любилъ женскую красоту, да умѣлъ и дѣла дѣлать; онъ явился къ купцу и сказалъ:

— Ваше степенство! Такъ и такъ, былъ такой грѣхъ, разумѣется, не въ укоръ вашей чести, потому она дѣвушка бѣднаго званія, но я теперь хочу ее за себя взять, съ жалости, чтобы покрыть ея грѣхъ, такъ какъ ей отъ людей проходу нѣтъ, то вотъ она меня послала къ вамъ— благословить ее проситъ. Не обезсудьте, ваше степенство!

Купецъ былъ въ хорошемъ расположеніи и отвѣчалъ, что «ликъ Божій» ему надо Зинаидой «держать зазорно», а онъ такъ просто даетъ ей сто рублей на приданое.

Сапожникъ поклонился въ ноги и, получая деньги, поцѣловалъ руку, а затѣмъ женился на Зинаидѣ, разумѣется, ни слова не сказавъ ей о подаренномъ ей отъ купца приданомъ. Въ бракѣ съ сапожникомъ Зинаида пробыла три года. Родила трехъ дѣтей, сначала дочь, а потомъ двухъ мальчиковъ. Мужъ ея былъ человѣкъ аккуратный и чудесный мастеръ, и прошлымъ ее не урекалъ, но до того былъ ревнивъ, что даже не позволялъ ей разговаривать ни съ однимъ мужчиной. По словамъ Зинаиды Павловны, онъ ее ревновалъ даже «къ деревянной ногѣ» и много разъ этою же самою ногой ее билъ. Разъ она претерпѣла отъ него такое наставленіе, что ее даже сочли мертвою, и это ей досталось за то, что она похристосовалась съ своимъ роднымъ дядей.

— Но, однако, — говорила Зинаида Павловна, — билъ онъ меня не даромъ, потому что я ужасно его ненавидѣла.

Когда же этотъ самый драчунъ-мужъ заболѣлъ и приступилъ умирать, то онъ сталъ такъ ужасно тосковать, что Зинаида Павловна надъ нимъ разжалобилась, и когда онъ сталъ ее просить, чтобъ она «сняла образъ Курской Заступницы и поклялась, что послѣ него не пойдетъ ни за кого замужъ, то она сняла Заступницу и заклялась».

Сапожникъ умеръ, а оставшаяся подъ клятвою бѣдная красавица его вдова начала оберегать свои обѣты, и хотя ее сватали нѣсколько человѣкъ, но она ни за кого замужъ не пошла, а какъ покойникъ ей ничего на дѣтей своихъ не оставилъ, то она для ихъ воспитанія *«три раза въ мамкахъ служила»*.

Каждый изъ этихъ трехъ эпизодовъ былъ неотвратимъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Начались эти приключенія у самой могилы сапожника. Прежде чѣмъ гробъ успѣли засыпать, тутъ случился французъ-живописецъ, который видѣлъ, какъ молодая вдова стояла и плакала, держа въ растерянности одного ребенка у груди, а двухъ прижимала къ себѣ другой рукой. Французъ имѣлъ живое воображеніе и доброе сердце: онъ подалъ женщинѣ десять рублей и велѣлъ ей придти къ себѣ вмѣстѣ съ дѣтьми, и чтобы всѣ они были въ этомъ же самомъ платьѣ. Они такъ и пошли, да у нихъ и не было ничего другого, чтобы надѣть на себя. Такъ французъ ихъ и «отрисовалъ» на картинѣ, совсѣмъ какъ живыхъ, и велѣлъ еще и еще приходить, и всякій разъ давалъ за это по три рубля. Зинаида Павловна этимъ очень поправилась, и боялась только, что доходъ ея прекратится, какъ только кончится «рисовка». Однако, опасеніе ея было напрасно,— «рисовка» кончилась, а благополучное соотношеніе не прекратилось, но только лишь перемѣнилось. Какъ скоро французъ кончилъ одну картину, онъ «дѣтей отставилъ», а матери сказалъ: «Теперь chère ami, мы будемъ дѣлать другую фигуру». И онъ велѣлъ ей приходить одной и пере-

одѣваться у него въ очень нарядный крестьянскій уборъ, послѣ чего она должна была брать въ руки снопъ соломы, путаные васильки и серпъ, и такъ она стояла, пока онъ произвелъ еще одну картину, которая стояла на одной изъ парижскихъ художественныхъ выставокъ съ надписью: «Devouschka krapivouscou jala». Но и послѣ этого французъ продолжалъ ее поддерживать и доставлялъ ей съ дѣтьми, что̀ имъ было нужно, но зато она была беременна... и Богъ вѣсть для какой надобности. Къ счастію, однако, Богъ далъ, что это вышло прекрасно: у живописца ее часто видѣлъ одинъ генералъ, большой любитель всего хорошаго, и онъ уже давно сталъ ей подмигивать глазки, но тогда французъ его остановилъ и сказалъ:

— Chacun à son tour, mon général! Chacun à son tour!

И когда пришелъ его «tour», генералъ сказалъ Зинаидѣ Павловнѣ, чтобы она не робѣла, что его жена тоже въ такомъ же положеніи, и если Зинаида пожелаетъ, ее охотно могутъ взять въ мамки, при чемъ генералъ обѣщалъ тоже размѣстить въ пріюты ея дѣтей, которыхъ теперь было уже четверо.

Зинаида Павловна пошла въ генеральскій домъ мамкою, а французъ пошелъ съ свободными руками.

— En attendant vive l'amour et vive la bagatelle!

Генералъ по добротѣ и простотѣ тоже былъ не хуже француза, но, кромѣ того, онъ былъ и человѣкъ могущественный и устроилъ всѣхъ четырехъ ребятишекъ Зинаиды Павловны, а зато и его дитя было прекрасно выкормлено, но незадолго передъ тѣмъ временемъ, когда ребенка надо было отнимать отъ груди, генеральша уѣхала въ Ниццу къ больному отцу, а генералъ самъ наблюдалъ за порядкомъ въ дѣтской, и результатомъ этого вышло, что бѣдная Зинаида Павловна опять пострадала, подпавъ своей ужасной судьбѣ, которая не хотѣла дозволить, чтобы ей хоть что-нибудь сошло безъ послѣдствій. Генералъ, впрочемъ, тоже ее «не оставлялъ», а она, дождавшись своего времени, поступила въ мамки на третье мѣсто, гдѣ опять, на ея несчастіе, по

субботамъ брали въ отпускъ кадетика. И тогда Зинаида Павловна на себя разсердилась и въ четвертый разъ въ мамки уже не пошла, потому что, по ея соображеніямъ, «въ семейныхъ домахъ жить невозможно». А въ это самое время осиротѣла ея племянница Праша и стала заводить себѣ прачечную. Зинаида Павловна пришла къ ней и предложила жить вмѣстѣ.

— А то со мною просто ужасти что случается!

Праша ей отвѣтила:

— И лучше!

И вотъ мы увидали ихъ вмѣстѣ, бокастинькую, дѣловитую Прашу хозяйкою, а вальяжную и величественную Зинаиду Павловну ея правою рукой.

Что эти женщины могутъ управить «прачечное заведеніе», въ этомъ можно было не сомнѣваться, но какъ онѣ станутъ управлять сами собой—объ этомъ можно было гадать надвое. Но, однако, прошелъ годъ и онѣ обѣ держали себя въ порядкѣ. Изрѣдка я встрѣчалъ Прашу на улицѣ, но чаще видѣлъ ее въ окно, какъ она гладила съ мокрымъ отъ пота лбомъ и простиралась по гладильной доскѣ не только обѣими руками, но даже взбиралась на нее и колѣномъ. Видъ она всегда имѣла дѣловой, бодрый и озабоченный.

Зинаида Павловна работала спрохвала: она не любила каленаго утюга, а больше «прыскала да складывала».

Одинъ разъ въ теченіе перваго года ихъ хозяйства я заходилъ посмотрѣть на литераторскаго наслѣдника и засталъ его въ отличномъ положеніи: онъ ползалъ по полу настоящимъ санкюлотомъ, съ заткнутымъ за поясъ подоломъ, и махалъ деревянною ложкой, а неподалеку отъ него катался горшокъ съ пшенною кашей. Всякъ ли еще имѣлъ въ дѣтствѣ такое благополучіе!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Прошло два и три года. Дѣло у Праши приняло значительные размѣры и жилось имъ всѣмъ хорошо: стирали и «салфеточное», и всякое другое бѣлье уже на нѣсколько гости-

нищъ, и всѣ ими были довольны. Особенно славилась ихъ блестящая выводка пятенъ «безъ фиміи». Секрета своего противъ пятенъ краснаго вина Праша никому не открывала. Онъ, очевидно, былъ очень важенъ, хотя, по ея словамъ, онъ состоялъ «изъ самыхъ послѣднихъ пустяковъ».

Хорошо или дурно быть такою секретницей, объ этомъ она не думала, да ей это «съ тѣмъ было и открыто, чтобы другимъ не говорить». Это надо соблюсти, иначе никому не будетъ дѣйствовать.

Упомянутое достопримѣчательное средство «показала» ей одна бѣдная барынька на пароходѣ: она была изъ бѣдныхъ полячекъ и ѣхала къ мужу въ Сибирь, а мужъ у нея, до ссылки его, содержалъ трактиръ, и удивительно въ чемъ провинился: къ нему пришли бунтари и говорятъ:

— Мы, братъ, голодны, давай ѣсть, а то повѣсимъ.

Онъ имъ не сталъ подавать, а они сами взяли, поѣли и ушли. Тогда пришли наши и спрашиваютъ:

— У тебя ѣли?

Онъ говоритъ:

— Да,—все взяли и съѣли!

Наши его побили и посудили, и въ Сибирь сослали. Ему и тамъ хорошо.

Полячка на пароходной палубѣ стыла съ своими ребятами.

Праша надъ нею сжалилась и услужила ей кипяткомъ, просушила ихъ обувь и платьишко и «простирнула» дѣтское бѣльишко, а полячка ей за это и сказала секретъ. Вотъ онъ ей теперь и пригодился.

Одно одолѣвало Прашу, что она безграмотна; за это она укоряла своихъ родителей:

— Зародятъ насъ, да такъ безграмотными фефёлами и пустятъ: вотъ мнѣ теперь надо много счетовъ, а писать не кому.

Появился какой-то писарь, человѣкъ среднихъ лѣтъ, по имени Апрѣль Иванычъ. Онъ былъ полякъ, но состоялъ счетчикомъ въ русской артели, гдѣ его имя «Аврелій» передѣлали по-русски въ «Апрѣль». Онъ былъ человѣкъ трез-

вый, разсудительный и чрезвычайно учтивый. Держалъ онъ себя съ большимъ достоинствомъ: не унижался и не лѣзъ на фамильярность. Праша его приговорила приходить къ ней и писать ей «счета́, а онъ былъ тронутъ ея скромностью и не хотѣлъ съ нея ничего брать за эти занятія, но Праша этого не приняла. Она знала, что женщинамъ даромъ ничего не дѣлаютъ, и примѣръ въ этомъ была у нея Зинаида Павловна, которую теперь безпокоили дѣти, начавшія выходить изъ пріютовъ. Француза и генерала уже и слѣдъ простылъ.

Черезъ годъ ея старшую дѣвочку шестнадцати лѣтъ уже выдали замужъ за молодого артельщика, съ которымъ ихъ сосваталъ Апрѣль Иванычъ. Что за милый человѣкъ! Зинаида Павловна была очень ему благодарна и называла его Апрѣль Мартычемъ, а дочери своей дала въ благословеніе всѣ образа, какіе у нея были, оставивъ себѣ всего только одну Курскую Заступницу. Кромѣ того, она сдѣлала ей нѣсколько соотвѣтствующихъ случаю совѣтовъ и особенно велѣла ей первой ступить на подножье и топнуть ногой, когда будетъ идти «Павла чтеніе». Собирала невѣсту и выдавала ее Праша, которая тоже хвалила Апрѣля Иваныча за его «учливость» и особенно за то, что онъ «о сиротѣ позаботился». Такъ нравился онъ и другимъ женщинамъ, съ которыми ласково говорилъ и въ свободное время читалъ всѣмъ *Телемака*.

Праша думала, что онъ «къ нимъ привьется», и именно насчетъ Зинаиды Павловны, которая всѣмъ нравилась. Правда, что она не работница, но, вѣдь, зато какъ хороша! Пусть женится: она имъ поможетъ, вмѣстѣ жить будутъ. Но вдругъ все это повернулось иначе, и Праша пришла ко мнѣ въ неодолимомъ смущеніи и истерическимъ тономъ заговорила:

— Я, право, не знаю... такое обрѣтеніе... Апрѣль Иванычъ меня замужъ проситъ.

И какъ это сказала, такъ сѣла и заплакала.

— Что же вы, идете или нѣтъ?

— Да я и не знаю.

— Стало-быть, идете.

— Нѣтъ, не знаю, а, во-первыхъ, онъ такой учливый, и сироту-дѣвушку устроилъ, а, во-вторыхъ, моего мальчика любитъ и имъ *Пеленака* читаетъ, да, подите-ка, еще сколько у него и другихъ книжекъ, и самъ онъ безсчастный, потому что, вѣдь, никакой у него близкой души нѣтъ. Это же правда истинная! Я долго не вѣрила и другія мнѣ тоже говорили: «Повѣрь, это онъ къ тебѣ подлещается, потому что у тебя свое хозяйство, а всѣ поляки льстивые»; но это же, вѣдь, глупость, и я этому никогда ни за что не повѣрю, потому что есть всякіе люди въ каждомъ народѣ; но когда по веснѣ мой мальчикъ заболѣлъ при смерти, такъ Апрѣль Иванычъ надъ нимъ ночей не спалъ, и теперь дитя его, можно сказать, больше меня любитъ.

— Это васъ къ нему и расположило?

Праша хотѣла сказать что-то коротко и откровенно, но вмѣсто того опять заморгала со слезами и истерично отвѣчала:

— Я этого не понимаю... не знаю, что̀ именно! А только онъ же одинъ понялъ, что дитя такого отца, что надо ему открыть всѣ понятія. Вотъ я его за это... не знаю, какъ уважаю!

И она хотѣла еще что-то изъяснить, но опять заплакала.

— Такъ и прекрасно,—говорю,—вы, Прашенька, и выходите.

— Вы совѣтуете?

— Да что же! Отчего нѣтъ?

Она помолчала, потупивъ глаза внизъ, и, покраснѣвши, прошептала:

— Отчего же мнѣ это... какъ будто стыдно?

— Вы развѣ обѣщали не выходить?

Она покачала головою и отвѣчала:

— Покойникъ объ этомъ никогда не говорилъ.

Она остановилась, вздохнула и добавила:

— Вѣдь это тогда... все только я его обожала и себя не помнила за это счастіе, а онъ только такъ...

— И Курской Заступницѣ вы не клялись?

— Нѣтъ,—отвѣчала она съ тихою улыбкой и сейчасъ же опять вздохнула и еще сквозь слезы добавила: — Я вѣдь ничего не утаила, я сказала: «Апрѣль Иванычъ! словъ нѣтъ, что я очень вами за все благодарна и могу слѣдовать; но только съ кѣмъ я это дитя получила, то у меня тотъ человѣкъ посейчасъ въ сердцѣ, и я послѣ него ни для кого уже особенныхъ чувствъ не нахожу». А онъ мнѣ отвѣтилъ: «Значитъ, если и я помру, хорошо дѣлавши, то вы и обо мнѣ хорошо вспомните». Тутъ ужъ я взволновалась и говорю: «Что же вы это такъ себя сокрушаете: сами сватаетесь и сами себя хороните?» А онъ говоритъ: «Смерти никогда забывать не слѣдуетъ». А я говорю: «Ну, ужъ это нѣтъ... Послушайте, это такъ вовсе не надо... Станьте рядомъ, да давайте скорѣе лучше помолимся, вы по своей вѣрѣ, а я по своей: пусть что̀ намъ Богъ дастъ, то и будетъ».

И когда они помолились, то Богъ имъ далъ то, что они сдѣлались мужемъ и женою.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Апрѣль Иванычъ оказался прекраснымъ человѣкомъ: онъ нѣжно любилъ скромненькую Прашу и удивительно заботился о «писательскомъ сынѣ». Онъ завелъ въ домѣ вечерній кружокъ у чайнаго стола и всѣмъ здѣсь читалъ *Телемака*, поясняя изъ него, что люди живутъ вовсе не такъ, какъ бы надобно жить. Къ этому же у него служили *Павелъ и Виргинія*, а самъ для себя онъ читалъ еще болѣе забористыя вещи, какъ-то: *Оправданіе Сократово* и *Слово похвальное Марку Аврелію*. А затѣмъ въ жизни со всѣми былъ ласковъ, и простъ, и любезенъ.

У Праши съ Апрѣлемъ родилось еще двое дѣтей: мальчикъ Абрамчикъ и дѣвочка Пелагенчка. Зато изъ домаш-

няго штата Праши стала выбиваться Зинаида Павловна, съ которою опять начались «туры», и причиною ихъ были дѣти и жасмины. Выше было сказано, что дѣти удивили Зинаиду Павловну тѣмъ, что они начали подрастать одно вслѣдъ за другимъ, чего мать ихъ совсѣмъ не ожидала и совершенно растерялась отъ этой неожиданности. Она дѣлала все, что могла: плакала и молилась на колѣняхъ, но дѣти все-таки оставались «безъ предѣла», а у самой Зинаиды на заплаканныхъ глазахъ, которымъ, кажется, надо бы померкнуть и ввалиться, вмѣсто того выскакивали ужасные ячмени или, какъ она ихъ называла, «жасмины». Чтобъ избавиться разомъ отъ жасминовъ и отъ дѣтей, Зинаида Павловна готова была выпить самую злую отраву и даже разъ выпила пузырекъ нашатырнаго спирта и произвела въ домѣ дворовый скандалъ: въ прачечную набѣжали жильцы, въ числѣ которыхъ былъ длинный нѣмецъ «аплетонъ», занимавшійся починкою плетеной мебели, и гимназистъ, который занимался передъ окномъ выпиловкою и потому назывался «пропилей». Они оба приняли участіе и бѣгали въ аптеку, а потомъ все стали попадаться Прашѣ на глаза и, наконецъ, подрались на лѣстницѣ. На другой день сухая и жилистая жена «аплетона» нагло заглянула въ окна прачечной и сказала: «шлюхи». А бабушка «пропилея», встрѣтивъ Прашу, сообщила ей, что она «своего» будетъ запирать, а вы-де «свою» обуздайте.

Апрѣль Иванычъ не вмѣшивался, но его стали тревожить ночами движенія у двери, и разъ онъ тамъ нашелъ Зинаиду Павловну, которая ему прямо, но странно сказала:

— Что, Апрѣль Мартычъ? Очень мнѣ, другъ милый, чего-то скучно!

И она такъ сжала ему руку, что точно хотѣла его куда-то увлечь за собою.

Отъ Праши это осталось скрытымъ, и Зинаида Павловна изрѣдка только посматривала за двери и говорила, что ей какъ-то все «кошкой пахнетъ».

Праша смотрѣла на нее и отвѣчала:
— Смотри, у тебя это болѣзнь.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Задавались чрезвычайно безпокойныя ночи, когда коты совсѣмъ не знали покоя сами и не хотѣли позволять спать людямъ: они мяукали, скреблись, прыгали, падали съ высотъ внизъ и опять царапались вверхъ и, настигая другъ друга, дрались такъ, что сыпалась шерсть, и затѣмъ вновь паденіе и вновь бѣготня. Эта возня такъ безпокоила жильцовъ, обитавшихъ въ квартирахъ, имѣвшихъ одинъ выходъ, что то изъ одного, то изъ другого жилья среди ночи отворялись двери и оттуда или кто-нибудь манулъ домой своего кота, или же чья-нибудь негодующая рука швыряла что попало, чтобы испугать и разогнать полунощниковъ. Такъ было и въ тотъ разъ, когда Апрѣль Иванычъ, придя изъ бани, легъ поранѣе и хотѣлъ уснуть покрѣпче, а вмѣсто того онъ и совсѣмъ не могъ заснуть отъ повторявшагося за дверями шума. Онъ всталъ и при свѣтѣ лампадки увидѣлъ, что былъ второй часъ ночи, но на лѣстницѣ за дверью нѣтъ-нѣтъ и опять раздавалось движеніе.

«Что̀ за наглые негодяи!»—подумалъ Апрѣль и, сунувъ ноги въ туфли, схватилъ лучинную корзинку съ остатками мелкихъ углей и подкрался къ двери съ тѣмъ, чтобы быстро ее растворить и швырнуть корзинкой въ котовъ, какъ только они зашевелятся ближе.

Ему и не пришлось долго ждать, потому что немедленно же учинился шумъ и съ лѣстницы внизъ что-то слетѣло и замѣшалось у двери. Апрѣль Иванычъ сію же секунду быстро толкнулъ дверь, но какъ она оказалась едва притворенною, то онъ не соразмѣрилъ силы съ сопротивленіемъ, самъ выпалъ наружу и очутился съ своею корзинкой на грязномъ полу въ кучѣ съ «Пропилеемъ» и «Аплетономъ», которые извивались, тормоша одинъ другого за кудри, между тѣмъ какъ чья-то свободная нога наступила на са-

мого Апрѣля и въ открытую дверь его квартиры скользнула женская фигура.

Апрѣль Иванычъ догадался, что это была Зинаида, и возвратился домой очень сконфуженный, испачканный углемъ и съ порядочнымъ ушибомъ въ колѣнѣ.

Онъ покачалъ головою, вздохнулъ, обтерся и легъ, не сказавъ ни слова женѣ ни въ первую минуту, ни тогда, когда Праша черезъ полчаса встала съ кровати, надѣла юбку и кофту и прилегла на коротенькомъ диванчикѣ. Еще черезъ нѣкоторое время она тихонько встала и неслышными шагами пошла къ той же двери, отъ которой отошелъ ея мужъ. Но Праша была осторожнѣе Апрѣля Иваныча: она ощупала крючокъ двери и нашла, что онъ откинутъ, тогда она тихо отодвинула дверь и сейчасъ же ухватила своею рукою руку Зинаиды Павловны и потащила ее къ себѣ, но та сдѣлала движеніе, чтобъ освободиться, и на этотъ шумъ съ верхней площадки сразу слетѣли двѣ фигуры и сразу схватились другъ съ другомъ. Это опять были они: Аплетонъ и Пропилей.

Праша отлично ихъ узнала и еще рѣшительнѣе вцѣпилась въ Зинаиду и втащила ее назадъ, а на дверь наложила крючокъ.

Теперь Зинаида шла безъ сопротивленія и, придя въ свою комнатку, тихо сѣла на кровать и закрыла лицо руками.

Праша хотѣла тотчасъ же выйти, но Зинаида Павловна сама ее удержала.

— Что же ты уходишь?—спросила она.—Лучше теперь и ругай, ужъ кстати!

— Да какъ ты это выходишь, что тебя даже вовсе не слышно?.. Этакъ насъ обокрадутъ.

— Ну, и что-жъ дѣлать?

Зинаида ткнулась лицомъ въ подушку и заплакала.

— О чемъ же ты плачешь?

— О томъ, что мнѣ тебя стыдно.

— Что жъ, я тебѣ не мать и не сестра, а племянница...

— Это все равно... Зачѣмъ ты замужъ пошла? Пока ты не выходила, и я жила прелестно, а теперь вотъ... поползло и поѣхало.

— Что же, я тебѣ помѣшала жить?

— Скучно стало.

— Отчего?

— Сама не знаю: погляжу на васъ — и скучно, а лягу—спать не могу.

— Отчего же это?

— Не знаю. Сначала дремота, и спать хочу, а потомъ вдругъ какъ котъ... и отъ кота буркòта...

— Молилась бы на ночь.

— Извольте!.. Еще какъ и молюсь! И батюшкѣ все говорила, и онъ все, все, все мнѣ разъяснилъ, какъ это и называется, что блюдъ и что преблюдѣяніе, но все это ничего не значитъ! Встань, пожалуйста, на стулъ—задерни занавѣской Заступницу.

— Не хочу.

— Нѣтъ, сдѣлай милость, закрой Ее!

Праша встала и задернула образъ ситцевой занавѣской.

Тогда Зинаида Павловна ее попросила:

— Возьми, пожалуйста, достань тамъ стекляночку...

— Неужели еще пить станешь?

— Да нѣтъ, что̀ за глупости!.. Тамъ богоявленская вода... Сбрызни меня скорѣе, сбрызни!

— Не хочу! — отвѣчала Праша и, махнувъ рукой, спрыгнула со стула, чтобы уйти, но Зинаида Павловна схватила своею рукой ея руку и удержала.

— Что это съ тобой?—спросила сконфуженно Праша

— Вотъ сдѣлала такъ и ничего болѣе... Не пущу!

— А я съ тобой говорить не хочу.

— Отчего? Послушай!.. Отчего?

— Для чего ты двухъ держишь!

— Кто ихъ держитъ! Проклятые!.. одинъ другому шагу ступить не даютъ.

— Да ужъ остановись на чемъ-нибудь!

— Да какъ же я могу на одномъ остановиться, когда я ихъ только и вижу, какъ они вдвоемъ другъ съ дружкой сражаются!

— За что сражаются?

— Ну, что разспрашивать!

— Нѣтъ, окромя всякихъ шутковъ?

Но Зинаида плакала, и вмѣсто разъясняющаго отвѣта, поцѣловала племянницыну руку и опять проговорила:

— Вотъ и ничего болѣе!

— Ну, и прощай!

— Да, и прощай, Пахита, прощай!

А когда Праша подошла къ двери, она ее окликнула и еще разъ сказала:

— Прощай же, Пахита, прощай!

Праша не придала этому прощанію никакого особеннаго значенія, а такое значеніе здѣсь было, потому что на другой день Зинаида Павловна, никѣмъ не замѣченная, исчезла изъ дома племянницы и уже никогда болѣе къ ней не возвратилась.

Дѣтей своихъ она поручала Апрѣлю Иванычу, который и въ самомъ дѣлѣ устроилъ, что требовалось. Зинаида Павловна отозвалась Прашѣ изъ Кіева: «Не думай, будто я отъ своихъ дѣтей убѣжала, — писала она, — это несправедливо; но меня обидѣлъ фершелъ, который давалъ не того лѣкарства отъ жасминовъ, и я не захотѣла оказать себя при замужней дочери, чтобъ ей не было стыдно».

Прашу и замужнюю дочь Зинаиды Павловны это извѣстіе очень разсердило. Дочь говорила: «пусть къ намъ и не возвращается»; но Апрѣль Иванычъ заступался за «слабую женщину», и это познакомило Прашу съ подозрительностью и ревностью, подъ вліяніемъ которыхъ она находила большое утѣшеніе въ томъ, что такая «слабая женщина» отъ нихъ отъѣхала.

Съ этихъ поръ прошло пять лѣтъ жизни тихой и совершенно счастливой, и когда писательскій сынъ былъ уже въ третьемъ классѣ гимназіи, Апрѣль Иванычъ вдругъ

сталъ сбираться къ роднымъ въ свою «поляцкую сторону» и, несмотря на многія неудобства, уѣхалъ туда грустный, а возвратился еще грустнѣе, и какъ разъ въ это самое время пришло ужасное письмо отъ Зинаиды Павловны, возвѣщавшей Прашѣ, что она живетъ тѣмъ, что чиститъ ягоды для варенья, и что Богъ тогда же давно далъ ей «двойку заразъ, мальчика и дѣвочку».

Прашѣ показалось, что это что-то сверхъестественное и не къ добру.

— Какъ это... женщина уже за сорокъ лѣтъ, и столько уже было дѣтей, и потомъ еще вдругъ сразу рождается пара! Это къ несчастью!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Праша поскорѣе послала въ Кіевъ «на зубокъ» десять рублей, но не написала родственницѣ никакого письма. Ей было не до того: Апрѣль Иванычъ возвратился въ Петербургъ изъ своей стороны какой-то разстроенный и съ такою скрытною скорбью, что Праша въ этомъ не могла разобраться и понять: въ чемъ дѣло зависитъ. Одно время она подумала, не получилъ ли онъ какихъ-нибудь невыгодныхъ для нея сравненій, и сейчасъ же подумала, чего ей можетъ въ его глазахъ недоставать, и нашла это. Разъ, утромъ, когда Апрѣль Иванычъ, по своему обычаю, внимательно осмотрѣлъ и пристегнулъ ранецъ къ плечамъ уходившаго въ гимназію писательскаго сына, Праша походила за мужемъ съ мѣста на мѣсто и наконецъ сказала:

— Апрѣль Иванычъ! вы не думайте, что я другой вѣры... я за вами послѣдую.

Онъ растрогался и поцѣловалъ у нея руку, и сказалъ, что ничто такое не нужно, и ничего безпокойнаго нѣтъ.

— Ну, а на всякій случай,—продолжала Праша,—вы это знайте... Мы нигдѣ не пропадемъ.

Но Апрѣль Иванычъ опять увѣрилъ ее, что ничего нѣтъ. Праша успокоилась и отвѣчала:

— Значитъ и слава Богу. Только руки моей, пожалуйста, никогда не цѣлуйте.

— Отчего?

— Я этого не стою.

— Не стоите!.. Вы сами не знаете, чего вы стоите!

— Ну, оставимъ это!.. Я не привыкла... Право, голубчикъ, не надобно... Я устыждаюсь... Я лучше васъ просто такъ поцѣлую... потому что я васъ теперь вѣдь люблю... Что вы съ недовѣріемъ смотрите?! Нѣтъ, это вѣрно, вѣрно! Я не солгу, ни за что не солгу... Вотъ когда вы со мною женились, я васъ тогда еще не любила, я вамъ такъ и сказала, что «уважать васъ я уважаю, но особенно не люблю», потому что тогда еще другой человѣкъ у меня всѣмъ моимъ сердцемъ командовалъ, а теперь...

— Неужли вы его позабыли?

— Нѣтъ!.. Ахъ, нѣтъ, другъ мой! Нѣтъ! А только, извините жъ меня, вѣдь если мы объ этомъ заговорили, то я должна правду сказать: теперь я ни о немъ, ни о васъ порознь не думаю, а оба вы вмѣстѣ для меня какъ будто въ одно слились... Право это правда, правда, истинная правда! Онъ, вы, я — это будто совсѣмъ все одно, и это что было тогда, и что сейчасъ есть, и что дѣти рождаются—это какъ-то какъ будто мимо уплываетъ.

Апрѣль все ее благодарилъ и успокоивалъ, но она видѣла, что онъ самъ не спокоенъ, и она спрашивала его про родину: гдѣ живетъ его сестра? Нельзя ли послать ей пять фунтовъ кофею? Правда ли это была, будто у нихъ наши взыскивали съ тѣхъ, кто своихъ покормитъ?

Апрѣль Иванычъ отвѣчалъ женѣ «будто какъ изъ-подъ неволи», и вдругъ забредилъ о какой-то огромной артельной растратѣ, которую будто онъ сдѣлалъ не по своей волѣ. Но никакой артельной растраты не было, а Апрѣля Иваныча пришлось отвезти въ сумасшедшій домъ. Пасынокъ о немъ страшно скорбѣлъ, и скорбь его перешла въ страданіе, когда его превосходный вотчимъ вскорѣ же умеръ, истерзанный мучительною тревогой.

Вотъ вамъ и Зинаида Павловна и ея «двоешка»!

И съ какой стати, и для чего ей было нужно писать о всѣхъ такихъ происшествіяхъ въ Петербургѣ? Чистила бы себѣ въ Кіевѣ ягоды—и кончено! Да и Прашѣ некогда и нѣтъ никакой надобности разсуждать о пустякахъ. У нея теперь уже не одинъ сынъ, а *трое дѣтей*, а кормилица у нихъ опять одна она, безграмотная фефёла, и начальство ей не поможетъ.

Въ тотъ же день, какъ схоронили Апрѣля Иваныча, литераторскій сынъ сталъ писать для матери ея прачечные счета́ и наблюдалъ, ка́къ читаютъ мальчикъ Абрамчикъ и дѣвочка Пелагеичка.

Дѣла у Праши были опять по-старому: черезъ годъ еще пошли въ школу и Абрамчикъ съ Пелагеичкой, а когда они тамъ подучились, ихъ отвели: Абрамчика къ дядѣ повару, а дѣвочку Пелагеичку поставили крахмалить и гладить. Другой карьеры имъ не намѣчалось, но старшій ихъ братъ, «литераторскій сынъ», все еще учился и достигъ того, что «вышелъ на лѣкаря». Мать преисполнилась восторгомъ, что это *она вывела*, и не знала, что́ бы такое сдѣлать, чтобы дать ходъ своему сердцу. Она вспомнила о Зинандѣ и рѣшила съѣздить въ Кіевъ «отблагодарить Бога» и посмотрѣть, что́ тамъ дѣлаетъ Зинаида. Можетъ-быть, ей худо и она стыдится придти назадъ. Надо ее обласкать и увезти къ себѣ и жить съ нею вмѣстѣ... И надо это поскорѣе: нельзя откладывать примиренія, — смерть такъ и ходитъ.

Праша отправилась въ Кіевъ, ощущая въ себѣ приливъ теплаго и нѣжнаго чувства; переѣзжая Днѣпръ, она любовалась видомъ и плакала, а на другой день пошла въ пещеры и, какъ прачка, замѣтила, что вездѣ бы все надо помыть. Въ тотъ же день она пошла искать по Кіеву Зинаиду Павловну, но не могла ее найти: ни въ одномъ конфектномъ заведеніи ее не знали. Прашѣ только случайно удалось напасть на слѣдъ Зинаиды Павловны черезъ посредство послушниковъ монастырской гостиницы, которые

всѣ ее знали; но путь къ ней былъ не простъ. Послушники указали Прашѣ на двухъ лицъ, имѣвшихъ въ томъ мѣстѣ значительное положеніе. Это были два такъ-называемые старца, которые сидѣли на сходахъ лѣстницы съ чашками, прося подаянія. Одинъ изъ нихъ былъ слѣпецъ Ереней, а другой кривоустый Игнаша. Они просили милостыню, но были люди очень достаточные и даже имѣли въ городѣ домъ. Зинаида была у нихъ «за хозяйку».

Праша своимъ ушамъ не вѣрила, но это была правда: она пошла разыскивать Зинаиду и нашла ее, ибо она дѣйствительно находилась въ хозяйкахъ у двухъ старцевъ, изъ которыхъ только одинъ могъ видѣть благообразіе ея лица, именно Игнатъ «кривоустый», а «слѣпецъ» Ереней могъ цѣнить лишь другія ея достоинства.

На хлѣбахъ у старцевъ Зинаида Павловна еще раздобрѣла и потерпѣла отъ лѣтъ только въ томъ отношеніи, что у нея выпало много волосъ и она облысѣла; но зато она теперь обвязала себѣ голову яркимъ, полосатымъ платкомъ и ходила, какъ святочная туркиня, что́ опять ей было очень къ лицу и дѣлало ее интересною.

Если бъ ее увидалъ въ этомъ уборѣ давній ея обожатель, французъ, то въ немъ, навѣрное, опять могла бы заиграть его художественная фантазія, и онъ могъ бы выпустить новое произведеніе, достойное и его, и Зинаиды Павловны.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Обѣ фефёлы встрѣтились на порогѣ и были такъ изумлены, что обѣ сначала молчали дольше, чѣмъ было пристойно друзьямъ, а потомъ хотя и заговорили, но ихъ разговоръ оказался безъ толка.

Хозяйка спросила гостью:

— Ахъ, это ты?.. Ну, скажите, пожалуйста! Праша, Прашенція!.. Всходи же скорѣе!

Праша вошла и тотчасъ же сѣла. «Туркиня», повя-

занная фуляромъ, ей не нравилась. А та продолжала спрашивать:

— Какъ же ты поживаешь? Апрѣль Иванычъ померъ?.. Что, братъ, подѣлаешь! Я за него подавала на часточку. Хотя онъ и не нашей вѣры, но это можно. Раздѣвайся, Прашенція!

А Праша слушала Зинаиду Павловну и смотрѣла на нее, а сама удивлялась, отчего у нея до сихъ поръ все такая же пышная и бѣлая шея, и Праша сказала:

— А что у тебя теперь твои ячмени уже не бываютъ?

— Бываютъ!—отвѣчала Зинаида Павловна.—А ты стала совсѣмъ пожилая!

— Еще бы! Сынъ уже на лѣкаря вышелъ. Твои дѣти тебѣ кланяются.

— Охъ, не говори мнѣ про дѣтей!

— Отчего?.. Все хорошо.

— Все равно... Какая я мать!

— Ничего. Богъ дастъ, будетъ инàче.

— Нѣтъ, ужъ поздно!

Праша очень хотѣла продолжать разговоръ, но имъ не о чемъ было болѣе говорить и никакого примѣненія для тѣхъ нѣжныхъ чувствъ, съ которыми ѣхала Праша, не оказывалось. Зинаида Павловна потчивала Прашу тѣмъ и другимъ и водила ее по дому, показывала, гдѣ спитъ слѣпой и гдѣ кривоустый. Домъ былъ не маленькій, и у всѣхъ свои помѣщенія. У слѣпого было немножко грязновато, но онъ вѣдь ничего не видитъ, а у кривоустаго все было совсѣмъ какъ у хорошаго купца: и образникъ, и конторка. Спальня Зинаиды Павловны была вся застлана тюменьскимъ ковромъ и въ ней стоялъ пребольшой образникъ, въ которомъ серединное мѣсто занимала ея Курская Заступница. Передъ этою образницей горѣли три лампады, а напротивъ въ углу за пологомъ взбита большущая перина, уложенная на такой высокой двуспальной кровати, что для входа на нее приставлена была у ногъ скамейка. Кровать

была крѣпкая, но оляповато выкрашенная темно-зеленою масляною краской съ розами на столбикахъ.

Зинаида Павловна стала показывать гостьѣ свое мастерство, котораго она прежде не знала.

Праша увидала глубокія тростниковыя корзины, полныя разноцвѣтныхъ лоскутьевъ плису, манчестеру и иныхъ матерій. Изъ всего этого Зинаида Павловна съ дѣвочкой шили шапочки, которыя старцы продавали. Зинаида Павловна стала перечислять, какъ это выгодно. «Мнѣ, — говорила она, — лоскутки носятъ жидовки, а онѣ берутъ отъ шитвицъ, а гдѣ тѣ достаютъ, я ужъ того дѣла не знаю».

— Крадутъ,—сказала Праша.

— Не знаю; но только я у нихъ на полтину куплю, а нашью шапочекъ на пятьдесятъ рублей...

Разговаривая такимъ образомъ, Зинаида Павловна водила Прашу по дому, показывая ей то за одною, то за другою дверью боковуши, чуланцы и кладовушечки, а сама участливо ее разспрашивала:

— Ну, а какъ же ты сама, моя милая Пашенція, въ разсужденіи того прочаго?.. Или еще въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ все вдовѣешь по-настоящему?

— Ну, а то какъ же еще!.. Разумѣется, вдовѣю.

— Ахъ, мой другъ, въ «разумѣется» еще иногда что-нибудь «под»—разумѣвается.

Праша услыхала въ этихъ словахъ что-то «несвойственное» и застѣнчиво сказала: «Еще что выдумай побезстыжѣе!»

А какъ Зинаида Павловна въ отвѣтъ на это захохотала, то Праша метнулась отъ нея въ сторону и налегла рукою на какую-то дверь, которая легко растворилась и открыла небольшую свѣтлую комнату съ широкимъ мягкимъ диваномъ, на которомъ сидѣлъ по-турецки, заложивъ нога на ногу, здоровеннѣйшій мужчина съ косматою головою, въ длинномъ, черномъ одѣяніи, перетянутомъ широкимъ ремнемъ по здоровому чреву.

Передъ нимъ на столѣ стояли графины, бутылки, тарелки, табакъ и папиросныя гильзы, а въ рукѣ у него была гитара, и когда Праша его увидала, ей показалось, что онъ одновременно, заразъ пользовался всѣми своими способностями, т.-е. пилъ, жевалъ, курилъ и игралъ на гитарѣ, а вдобавокъ, увидавъ обѣихъ женщинъ, простеръ къ нимъ свои радушныя объятія и весело крикнулъ:

— Ходите обѣ до купы!

Праша метнулась назадъ и съ гнѣвомъ отшвырнула Зинаиду Павловну, которая какъ будто хотѣла отрѣзать ей отступленіе, — и она задрожала и спутала у себя въ головѣ всѣ соображенія, кромѣ того, что тутъ ужасно и опасно. А Зинаида Павловна, какъ всегда равнодушная къ тому, что къ массѣ ея грѣховъ обнаружился еще одинъ грѣхъ, доброжелательно убѣждала свою вдовствующую племянницу:

— Брось-ка ты свои лоханки, Прашенція, и оставайся здѣсь, я тебя съ душеполезнымъ монахомъ познакомлю. Но этого Праша такъ испугалась, что сейчасъ же начала прощаться, а когда Зинаида еще хотѣла ей что-то показывать, она отвѣтила:

— Нѣтъ, пусти скорѣй, мнѣ у тебя страшно.

— Да чего-о?

— Не знаю... я испугалась,—и она ушла, такъ нелѣпо простившись, что ничего не сказала о дѣтяхъ и не жалѣла, что не говорила ни о чемъ дѣльномъ.

— Я почему-то вдругъ поняла, — говорила она, — что чѣмъ говорить о томъ, о чемъ нельзя говорить, лучше молчать.

Она осталась только еще на одинъ день, чтобы посмотрѣть, «какъ Владиміра памятнику церемонію дѣлаютъ», и, увидавъ, какъ въ престрашный жаръ нѣсколько солдатъ въ мундирахъ упали замертво на мостовую, совсѣмъ разстроилась и уѣхала на сѣверъ. По дорогѣ въ вагонахъ успокоилась и стала размышлять, что ей еще нельзя быть въ толпѣ, что она человѣкъ тихій и ей нужна

тишина. Дѣти ея на ногахъ и у всѣхъ у нихъ есть свой умъ и рукомесло; ей уже можно теперь пожить для себя.

— А какъ для себя хорошо пожить! Я этого, вообразите, во всю жизнь никогда не думала, а тутъ вдругъ какъ будто кто-то точно стоитъ въ потемочкахъ въ уголкѣ вагона и мнѣ напоминаетъ, что хотя я прожила въ большомъ счастьи, но я вѣдь мужа съ женой разлучила, что объ этомъ забывать худо, а лучше думать объ этомъ!

И это ей сдѣлало пользу.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Одинъ великій человѣкъ сравниваетъ нашу жизнь на землѣ съ положеніемъ пассажировъ, ѣдущихъ на кораблѣ, который совершаетъ далекое плаваніе. Кормчій пускаетъ ихъ погулять по острову, къ которому пристало судно, но даетъ всѣмъ наставленіе не отходить далеко и спѣшить назадъ на корабль по первому звуку призывной трубы. Кто ходитъ недалеко и помнитъ о своемъ кормчемъ, тотъ не прозѣваетъ его сигнала и поспѣетъ въ свое время, и поплыветъ далѣе, а кто заберется далеко и тамъ расположится, какъ дома, тотъ или совсѣмъ сигнала не услышитъ, или если и услышитъ, то не успѣетъ прибѣжать на корабль, а останется на этапномъ островѣ, гдѣ ему казалось, что тутъ его настоящее жительство, и тогда такъ и придется ему оставаться на островѣ съ дикарями, которые готовы поѣсть другъ друга.

Праша, очевидно, ходила не дальше того, откуда она могла услыхать то, что ей надо было услышать, чтобы не жить съ дикарями.

Первою примѣтой, что до слуха Праши долетѣлъ отзывающій звукъ, было то, что она стала равнодушна къ такимъ вещамъ, на которыя ранѣе всегда обращала вниманіе. Она всегда любила быть въ аккуратѣ, и вдругъ начала выходить на улицу въ пальто, надѣтомъ въ одинъ рукавъ, или вовсе въ накидку, «по-генеральски».

Это замѣтили лавочники и дворники и говорили:

— Предивительно, никогда такъ не ходила; всегда, бывало, идетъ въ аккуратѣ, а теперь одну руку въ одинъ рукавъ всунетъ, а другую забудетъ и еще локоть подопретъ,—совершенно старый генералъ ползетъ.

Ей объ этомъ шутя говорили, но она какъ будто не понимала даже, о чемъ рѣчь, и продолжала «ходить по-генеральски», а потомъ стали замѣчать, что она перестала возражать и спорить, и на многое старалась «смотрѣть мимо», и потомъ вдругъ перестала бояться крысъ, мертвыхъ и грозы и ничего рѣшительно не желала, кромѣ тихаго уединенія, котораго ищутъ околѣвающія животныя.

Она сдала свое заведеніе и на вырученныя маленькія деньги купила себѣ маленькое хозяйство въ Финляндіи, гдѣ обмывала и обшивала выкармливаемыхъ крестьянами подкидышей воспитательнаго дома.

Отъ здѣшней ли тишины, или отъ чего другого, въ умѣ Праши стали проявляться понятія, какихъ прежде не было: сообразно перемѣнѣ понятій, она измѣняла и свои отношенія къ тому, до чего это касалось. Такъ, напримѣръ, она не только не хотѣла говорить что-либо во вредъ людей того края, гдѣ стала жить, — это дѣлаютъ и другіе, кому законность и порядокъ пріятнѣе произвола и безпорядка,— но она утратила всякій вкусъ къ похвальбѣ и неохотно пріѣзжала изъ своей избы въ Петербургъ. Зато она имѣла то, чего разумно искала: покой.

Одной неугомонной Зинаидѣ Павловнѣ суждено было дѣлать послѣднія испытанія духовнаго и умственнаго роста Праши. Престарѣлая красавица была угнетаема потребностью дѣлиться своими успѣхами въ свѣтѣ и неожиданно прислала неграмотной Прашѣ письмо, въ которомъ извѣщала ее, что изъ двухъ кіевскихъ старцевъ Зинаиды Павловны одинъ, слѣпой, вышелъ изъ ихъ компаніи и, найдя себѣ въ Кіевѣ племянницу, уѣхалъ съ нею жить въ Воронежъ, а зато другой старецъ, «кривоустый», такъ Зинаидѣ

покорился, что «поженился на ней законнымъ бракомъ». Зинаида Павловна, съ одной стороны, была очень рада, что теперь она опять замужняя, а съ другой—она боится, какъ бы ей не было наказанія отъ Бога за то, что она поклялась не выходить замужъ послѣ своего перваго мужа.

Праша не хотѣла ей отвѣчать на это.

— Если бъ я сама умѣла писать, я бы ей написала, что уже какъ мнѣ теперь сорокъ лѣтъ, то мнѣ въ это время всѣ источники жизни должны затвориться.

Сосѣднія сироты-дѣти и чухны Прашу скоро узнали и полюбили, и она ихъ тоже.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Изъ чухонъ у Праши даже завелся одинъ пріятель: это былъ бѣднѣйшій старикъ Авель. Онъ жилъ, какъ гномъ, въ какой-то земляной норѣ, и Праша его сперваначалу даже немножко пугалась. Низенькій, кривоногій и косматый и, притомъ, очень старый, но черноволосый, безъ сѣдины; одѣтъ всегда въ овечьей курткѣ черной шерстью вверхъ, а штаны изъ кожи. Днемъ онъ сидѣлъ надъ своею ямкой и плелъ кошели, а самъ пѣлъ, все что-то пѣлъ, а ночью опять выползалъ и долго-долго бродилъ между большими каменьями, а потомъ взлѣзалъ на камень и дремалъ. Праша скоро узнала, что старый Авель человѣкъ не страшный, и перестала его бояться. А потомъ спросила его: что онъ поетъ?

Онъ отвѣчалъ:

— Сальми.

— А зачѣмъ сидишь наружѣ ночью?

— Лушаю.

— Что же ты слушаешь?

— Чехо усами услыхать нельзя.

«Должно-быть, онъ помѣшанный»,—подумала Праша, а выходить изъ избушки и сидѣть наружѣ и ей понравилось.—«Сидишь въ тишинѣ и до того утихнешь, что вдругъ

что-то слышишь: точно какъ будто Апрѣль Ивановичъ *Пеленака* читаетъ».

— Авель! — говоритъ Праша: — я у васъ научилась сидѣть на дворѣ ночью.

— Хоросо... сити!

— А для чего вы, Авель, вокругъ камня ходите?

Авель не понялъ и замоталъ головою.

— Для чего вы на другую сторону все смотрите?

Авель понялъ, какъ хотѣлъ, и отвѣчалъ:

— И ты смотри на другую сторону!

И Прашѣ понравилось, что Авель говоритъ о небесномъ: какъ смотрѣть «на другую сторону жизни».

Ей стало пріятно смотрѣть, какъ чухонскій лохматый Авель старается услыхать слухомъ неслышное и заглянуть на сторону невидимую, и она стала выходить ночью и подолгу сидѣть съ Авелемъ здѣсь между камнями. Сурово, строго и свѣжо какъ въ воздухѣ, такъ и на душѣ. И капитанская труба съ судна нѣтъ-нѣтъ да и раздастся разъ отъ разу зычнѣе.

Наконецъ, была даже Прашѣ наивысшая радость: отъ нея совсѣмъ отступилъ блѣднолицый страхъ смерти. Но жизнь иногда еще трогала.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Разъ Праша получила письмо; она отгадала, что это отъ Зинаиды Павловны, и спрятала его до свиданія со мною. Письма Зинаиды Павловны Праша понимала за небезопасное по своему содержанію, соблазнительное чтеніе, которое могло смущать неопытныя души. И то, которое находилось теперь въ ея рукахъ, было такое же: отцвѣтшая красавица начала его привѣтомъ «Пашѣ-Прашѣ-Пашенціи», а потомъ извѣщала, что, Богъ далъ, она овдовѣла, и теперь уже «по батюшкиному благословенію опредѣлилась въ монастырь», гдѣ начальницею та самая дама, у которой Праша «мужа отбила».

Праша поблѣднѣла и вздрогнула. Я хотѣлъ прочесть далѣе про себя, но она оправилась и просила читать вслухъ.

Зинаида описывала, какъ эта дама стала теперь «жизни высокой» и можетъ обо всемъ говорить по-христіански, и сынъ у нея грубіянъ, живетъ съ актерами, но она его простила и Прашу простила. Но тутъ Праша перебила и сказала:

— Ну, вотъ, и я ее простила.

— Это хорошо.

— Я ее давно простила. Она тогда мнѣ за три мѣсяца жалованья не отдала. Это бы намъ на хлѣбъ годилось, но я это-то ей и простила, но только не стоило бы намъ съ нею объ этомъ вспоминать нынче.

Кромѣ начальницы, Зинаида писала, что «есть у нихъ въ обители много разныхъ святынь, но много и искушеній», такъ что Зинаида Павловна «днемъ молится, а ночью иногда котомку шьетъ и бѣжать хочетъ; но какъ только ударяютъ къ заутренѣ, дьяволъ отъ нея отлетаетъ», а «скоро она уже приметъ ангельскій чинъ, и тогда ей уже нѣтъ и не будетъ возврата въ міръ земной, гдѣ все искушеніе». Но хотя сама Зинаида и спаслась, но она еще не спокойна за нее, Прашу, и по любви своей къ ней увѣщаетъ ее, чтобы она скорѣе одумалась и, отложивъ всѣ заботы, укрылась въ обитель. «Здѣсь станемъ жить съ тобою въ одной кельѣ и вмѣстѣ умолять Всевышняго за весь грѣшный родъ человѣческій».

— Ня! — воскликнула Праша и еще сильнѣе поблѣднѣла.

— Что вы хотите сказать?

— Не читайте больше.

Но тутъ старушка Праша живо взяла изъ моей руки письмо красавицы, разорвала его на мельчайшія части и бросила ихъ въ топившуюся печку. Потомъ мы просидѣли нѣсколько минутъ тихо, и послѣ я ей сказалъ:

— Не надо сердиться.

— Я и не сержусь, — отвѣчала Праша: — а то она мнѣ

совѣтуетъ замужъ, то къ монаху, то самой въ монахини. Какой безпокой! А мнѣ хорошо.

И она сама разсказала мнѣ, какъ она ходитъ въ темнотѣ между камнями и говоритъ съ Авелемъ или читаетъ одна «Отче нашъ». Теперь уже она вовсе не боится смерти и всегда чувствуетъ одну радость.

Авель ей натолковалъ:

— Ты нецего-та не пойса-та!.. Онъ-то тебя посоветъ-та!... Дѣ тэбѣ нато-то, ты тамъ-то и будесъ!

— И знаете,—закончила Праша, — я такъ и чувствую, что я тамъ, гдѣ мнѣ надо.

Она ласково улыбалась и какъ бы ждала, чтобы я ей что-нибудь возразилъ, но я молчалъ.

Вскорѣ послѣ этого Праша и совсѣмъ «ушла въ другое мѣсто». Разъ утромъ нашли дверь ея избушки широко открытою, а тѣло хозяйки лежало на камнѣ, и на устахъ у нея было нѣсколько капель крови, съ которою жизнь улетала изъ ея разорвавшагося сердца.

Такъ кончила свой воспитательный курсъ на землѣ эта фефёла, которая мнѣ кажется довольно обыкновенною русскою женщиной, которая никого не погубила и себя усовершила въ земной жизни, но въ этомъ ей ничего не помогъ ни литераторъ, котораго *она любила*, ни простой человѣкъ, который *ее любилъ*. Но она была хороша для всѣхъ, ибо каждому могла подать сокровища своего благого сердца. Если бы писатель жилъ долго, я думаю, что онъ бы ею наскучилъ, и она окончила бы свою жизнь гораздо хуже.

ЗАГОНЪ.

«Disciplina arcani существуетъ въ полной силѣ: цѣль ея — предоставить ближнимъ удобство мирно копаться въ свиныхъ корытахъ суевѣрій, предразсудковъ и низменныхъ идеаловъ». Дж. Морлей («О компромиссѣ»).

«За ослушаніе истинѣ — вѣрятъ лжи и заблужденіямъ» (2 Θес. II. 10—11).

Въ одномъ произведеніи Достоевскаго выведенъ офицерскій денщикъ, который раздѣлялъ свѣтъ на двѣ неравныя половины: къ одной онъ причислялъ «себя и своего барина, а къ другой всю остальную сволочь». Несмотря на то, что такое раздѣленіе смѣшно и глупо, въ нашемъ обществѣ никогда не переводились охотники подражать офицерскому денщику и притомъ въ гораздо болѣе широкой сферѣ. Въ послѣднее время выходки въ этомъ родѣ стали какъ будто маніею. Въ концѣ сентября 1893 года, въ засѣданіи Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, одинъ ораторъ прямо заговорилъ, что «Россія должна обособиться, забыть существованіе другихъ западноевропейскихъ государствъ, *отдѣлиться отъ нихъ китайскою стѣною*».

Такое стремленіе отгораживаться отъ свѣта стѣною намъ не ново, но послѣдствія этого всегда были для насъ невыгодны, какъ это доказано еще въ «твореніи» Тюнена

«Der isolirte Staat» (1826 г.), которое въ 1857 году у насъ считали нужнымъ «приспособить для русскихъ читателей», для чего это твореніе и было переведено и напечатано въ томъ же 1857 году въ Карлсруэ, въ придворной типографіи, а въ Россіи оно распространялось съ разрѣшенія петербургскаго цензурнаго комитета *).

Одновременно съ тѣмъ, какъ у насъ читали приспособленную для насъ часть «творенія» Тюнена, въ качествѣ художественной иллюстраціи къ этой книгѣ обращалась печатная картинка, на которой былъ изображенъ темный загонъ, окруженный стѣною, въ которой кое-гдѣ пробивались трещинки, и черезъ нихъ въ сплошную тьму сквозили къ намъ слабые лучи свѣта.

Такимъ «загономъ» представлялось «уединенное государство», въ которомъ всѣ хотѣли узнавать Россію, и для тѣхъ, кто такъ думалъ, казалось, что намъ нельзя оставаться при нашей замкнутости, а надо вступать въ широкое международное общеніе съ міромъ. Отсталость русскихъ тогда безбоязненно сознавали во всемъ; но всего болѣе были удивлены тѣмъ, что мы отстали отъ западныхъ людей даже въ искусствѣ обработывать землю. Мы имѣли твердую увѣренность, что у насъ «житница Европы», и вдругъ въ этомъ пришлось усомниться. Люди яснаго ума указывали намъ, что русское полеводство изъ рукъ вонъ плохо и что если оно не будетъ улучшено, то это скоро можетъ угрожать Россіи бѣдствіемъ. Причину этого видѣли въ томъ, что наши крестьяне обработываютъ землю очень старыми и дурными орудіями и ни съ чѣмъ лучшимъ по дикости своей и необразованности обращаться не умѣютъ, а если дать имъ хорошія вещи, то они сдѣлаютъ съ ними то,

*) «Уединенное государство въ отношеніи къ общественной экономіи, изъ творенія З. Г. фонъ-Тюнена, мекленбургскаго эконома, извлечено и приспособлено для русскихъ читателей Матвѣемъ Волковымъ. Карлсруэ, въ придворной типографіи Б. Госнера. Печ. позв. 7 февр. 1857 г. Цензоръ Б. Бекетовъ».

что дѣлали съ бисеромъ упомянутыя въ Евангеліи свиньи (Мѳ. VII, 3).

Я позволю себѣ предложить здѣсь кое-что изъ того, что мнѣ привелось видѣть въ этомъ родѣ.

Это касается крестьянъ и некрестьянъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Тяготѣніе къ жолудю и къ корыту.

Въ моихъ отрывочныхъ воспоминаніяхъ я не разъ говорилъ о нѣкоторыхъ лицахъ англійской семьи Шкотъ. Ихъ отецъ и три сына управляли огромными имѣніями Нарышкиныхъ и Перовскихъ и слыли въ свое время за честныхъ людей и за хорошихъ хозяевъ. Теперь здѣсь опять нужно упомянуть о двухъ изъ этихъ Шкотовъ.

Александръ Яковлевичъ Шкотъ,—сынъ «стараго Шкота» (Джемса), послѣ котораго у Перовскаго служили Веригинъ и извѣстный «аболяціонистъ» Журавскій,—многократно разсказывалъ, какія хлопоты перенесъ его отецъ, желая научить русскихъ мужиковъ пахать землю какъ слѣдуетъ, и отъ какихъ, повидимому, неважныхъ и пустыхъ причинъ всѣ эти хлопоты не только пропали безъ всякой пользы, но еще едва не сдѣлали его виноватымъ въ преступленіи, о которомъ онъ никогда не думалъ.

Старый Шкотъ какъ пріѣхалъ въ Россію, такъ увидѣлъ, что русскіе мужики пашутъ скверно, и что если они не станутъ пахать лучше, то земля скоро выпашется и обезсилѣетъ. Это предсказаніе было сдѣлано не только для орловскаго неглубокаго чернозема, но и для дѣвственной почвы степей, которыя теперь заноситъ песками *). Предвидя это огромное и неминуемое бѣдствіе, Шкотъ захотѣлъ вывести изъ употребленія дрянныя русскія сохи и бороны и замѣнить ихъ лучшими орудіями. Онъ надѣялся, что когда это удастся ему въ имѣніяхъ Перовскаго, тогда Пе-

*) См. статью Вл. Соловьева «Бѣда съ востока».

ровскій не откажется ввести улучшеніе во всѣхъ подвѣдомыхъ ему удѣльныхъ имѣніяхъ, и дѣло получитъ всеобщее примѣненіе.

Перовскій, кажется, говорилъ объ этомъ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и въ очень хорошемъ расположеніи духа, прощаясь въ Москвѣ со Шкотомъ, сказалъ:

— Поѣзжайте съ Богомъ и начинайте!

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

По переселеніи орловскихъ крестьянъ съ выпаханныхъ ими земель на дѣвственный черноземъ въ нижнемъ Поволжьѣ, Шкотъ рѣшился здѣсь отнять у нихъ ихъ «Гостомысловы ковырялки» или сохи и пріучить пахать легкими пароконными плужками Смайля; но крестьяне такой перемѣны ни за что не захотѣли и крѣпко стояли за свою «ковырялку» и за бороны съ деревянными клещами. Крестьяне, выведенные сюда же изъ малороссійской Украйны, умѣли пахать лучше орловцевъ; но тяжелые малороссійскіе плуги требовали много упряжныхъ воловъ, которыхъ налицо не было, потому что ихъ истребилъ падежъ.

Тогда Шкотъ выписалъ три пароконные плужка Смайля, и чтобы ознакомить съ ними пахарей, взялся за одинъ изъ нихъ самъ, къ другому поставилъ сына своего Александра, а къ третьему—ловкаго и смышленаго крестьянскаго парня. Всѣ они стали разомъ на равныхъ постатяхъ, и дѣло пошло прекрасно. Крестьянскій парень, пахавшій третьимъ плугомъ, какъ человѣкъ молодой и сильный, сразу же опахалъ обоихъ англичанъ—отца и сына, и получилъ награжденіе и *снасть одобрилъ*. Затѣмъ къ плужкамъ поперемѣнно допускались разные люди, и всѣ находили, что «снасть способна». Къ году на этомъ участкѣ пришелъ хорошій урожай, и случилось такъ, что въ этомъ же году представилась возможность показать все дѣло Перовскому, который «слѣдовалъ» куда-то въ сопровожденіи какихъ-то особъ.

Извѣстно, что графъ былъ человѣкъ просвѣщенный и

имѣлъ характеръ благородный. За это за нимъ было усвоено прозваніе «рыцарь».

Шкотъ, встрѣтивъ владѣльца, вывелъ предъ лицо его пахарей и поставилъ рядомъ русскую соху-«ковырялку», тяжелый малороссійскій плугъ, запряженный въ «пять супруговъ воловъ», и легкій «способный» смайлевскій плугъ на парѣ обыкновенныхъ крестьянскихъ лошадокъ. Стали немедленно дѣлать пробу пашни.

Пробныя борозды самымъ наглядным образомъ показали многостороннія преимущества смайлевскаго плужка не только передъ великорусскою «ковырялкою», но и передъ тяжелымъ малороссійскимъ плугомъ. Перовскій былъ очень доволенъ, пожалъ не одинъ разъ руку Шкоту и сказалъ ему:

— Сохѣ сегодня конецъ: я употреблю всѣ усилія, чтобы немедленно же замѣнить ее плужками во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ.

А чтобы еще болѣе поддержать авторитетъ своего англичанина, онъ, развеселясь, обратился къ «хозяевамъ» и спросилъ, хорошо ли плужокъ пашетъ.

Крестьяне отвѣтили:

— Это какъ твоей милости угодно.

— Знаю я это; но я хочу знать *ваше мнѣніе:* хорошо или нѣтъ такимъ плужкомъ пахать?

Тогда изъ середины толпы вылѣзъ какой-то плѣшивый старикъ малороссійской породы и спросилъ:

— Гдѣ сими плужками пашутъ (или орутъ)?

Графъ ему разсказалъ, что пашутъ «сими плужками» въ чужихъ краяхъ, въ Англіи, за границею.

— То значится въ німцахъ?

— Ну, въ нѣмцахъ!

Старикъ продолжалъ:

— Это вотъ значится у тѣхъ, що у насъ хлѣбъ купуютъ?

— Ну да,—пожалуй, у тѣхъ.

— То добре!.. А тильки якъ мы станемъ сими плужками пахать, то гдѣ тогда мы будемъ себѣ хлѣбъ покупать?

Вышло «табло», и просвѣщенный умъ Перовскаго не зналъ, какъ отшутить мужику его шутку. И всѣ бывшія при этомъ случайныя особы схватили этотъ «замысловатый отвѣтъ крестьянина» и, къ несчастью, не забыли его до Петербурга; а въ Петербургѣ онъ получилъ огласку и надоѣлъ Перовскому до того, что когда императоръ по какому-то случаю спросилъ:—«А у тебя все еще англичанинъ управляетъ?» то Перовскій подумалъ, что дѣло опять дойдетъ до «остроумнаго отвѣта», и на всякій случай предпочелъ сказать, что англичанинъ у него болѣе уже не управляетъ.

Государь на это замѣтилъ: «то-то!» и болѣе объ этомъ не говорилъ; а Перовскій, возвратясь домой, написалъ Шкоту, что онъ долженъ оставить степи, и предложилъ устроить его иначе.

Честный англичанинъ обидѣлся; забралъ съ собой плужки, чтобы они не стояли на счету экономіи, и уѣхалъ.

Дѣло «ковырялки» было выиграно и въ такомъ положеніи остается до сего дня.

Смайлевскіе плужки, которыми старый Шкотъ хотѣлъ научить пришедшихъ съ выпаханныхъ полей переселенцевъ «воздымать» тучныя земли ихъ новаго поселенія на заволжскомъ просторѣ, я видѣлъ въ пятидесятыхъ годахъ въ пустомъ каменномъ сараѣ села Райскаго, перешедшаго къ Александру Шкоту отъ Ник. Ал. Всеволожскаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Шутъ Севацкой.

Всеволожскій тоже интересный человѣкъ своего времени. Для большинства его современниковъ онъ былъ знаменитъ только какъ безумный мотъ, который прожилъ въ короткое время огромное состояніе; но въ немъ было и другое, за что его можно помянуть добромъ.

Онъ жилъ какъ будто въ какомъ-то изступленіи или въ чаду, который у него не проходилъ до тѣхъ поръ, пока

онъ не преобразился изъ милліонера въ нищаго. Личная роскошь Всеволожскаго была чрезвычайна. Онъ не только выписывалъ себѣ и своей супругѣ (урожденной Клушиной) всѣ туалетныя вещи и платья «прямо изъ Парижа», но къ нему оттуда же должны были спѣшно являться въ Пензу французскіе рыбы и деликатесы, которыми онъ угощалъ кого попало. Онъ одинаково кормилъ деликатесами и тогдашняго пензенскаго губернатора Панчулидзева («меломана и звѣря»), и приказныхъ его канцеляріи, и дворянскихъ сошекъ, изъ которыхъ многіе не умѣли положить себѣ на тарелки то, что имъ подносили. Пожилой буфетчикъ Всеволожскаго, служившій послѣ его разоренія у другихъ такихъ же, какъ Всеволожскій, обстоятельныхъ людей (Данилевскаго и Савинскаго) говорилъ:

— Бывало, подаешь засѣдателю Б. французскій паштетъ, а у самого слезы на рукавъ фрака падаютъ. Видѣть стыдно, какъ онъ все расковыряетъ, а взять не умѣетъ. И шепнешь ему, бывало:—«Ваше высокородіе! Не угодно ли я вамъ лучше икорки подамъ? А онъ и самъ радъ: «Сдѣлай милость,—говоритъ,—я икру обожаю!»

Гостей этого рода часто нарочно спаивали, связывали, раздѣвали, живыхъ въ гробы укладывали и нагихъ бабъ надъ ними стоять ставили, а потомъ кидали имъ что-нибудь въ награду и изгоняли. Это дѣлали всѣ или почти всѣ, и Всеволожскій грѣшенъ такими забавами, можетъ-быть, даже меньше, чѣмъ другіе. Но Всеволожскій ввелъ ересь: онъ сталъ заботиться, чтобы его крестьянамъ въ селѣ Райскомъ было лучше жить, чѣмъ они жили въ Орловской губерніи, откуда ихъ вывели. Всеволожскій приготовилъ къ ихъ приходу на новое мѣсто цѣлую «каменную деревню».

О такихъ чистыхъ и удобныхъ помѣщеніяхъ и помышлять не могли орловскіе крестьяне, всегда живущіе въ безтрубныхъ избахъ. Всѣ дома, приготовленные для крестьянъ въ новой деревнѣ, были одинаковой величины и сложены изъ хорошаго прожженаго кирпича, съ печами,

трубами и полами, подъ высокими черепичными крышами. Выведенъ былъ этотъ «порядокъ» въ линію на горномъ берегу быстраго ручья, за которымъ шелъ дремучій боръ съ заповѣдными и «клейменными» въ петровское время «мачтовыми» деревьями изумительной чистоты, прямизны и роста. Въ этомъ бору было такое множество дичи и звѣрья и такое изобиліе всякой ягоды и бѣлыхъ грибовъ, что казалось, будто всего этого вѣкъ ѣсть и не переѣсть. Но орловскіе крестьяне, пришедшіе въ это раздолье изъ своей тѣсноты, гдѣ «курицу и тае выпустить некуда», какъ увидали «каменную деревню», такъ и уперлись, чтобы не жить въ ней.

— Это, молъ, что за выдумка! И дѣды наши не жили въ камени, и мы не станемъ

Забраковали новые дома и тотчасъ же придумали, какъ имъ устроиться въ своемъ вкусѣ.

Благодаря чрезвычайной дешевизнѣ строевого лѣса, здѣсь платили тогда за избяной срубъ отъ 5 до 11 рублей. «Переведенцы» сейчасъ же «изъ послѣднихъ силъ» купили себѣ самые дешевенькіе срубцы, приткнули ихъ гдѣ попало, «на задахъ», за каменными жильями, и стали въ нихъ жить безъ трубъ, въ тѣснотѣ и копоти, а свои просторные каменные дома опредѣлили «ходить до вѣтру», что̀ и исполняли.

Не прошло одного мѣсяца, какъ всѣ домики прекрасной постройки были загажены, и новая деревня воняла такъ, что по ней нельзя было проѣхать безъ крайняго отвращенія. Во всѣхъ окнахъ стекла были повыбиты, и оттуда валилъ смрадъ.

По учрежденіи такого порядка, на всѣхъ подторжьяхъ и ярмаркахъ люди сообщали другъ другу съ радостью, что «райскіе мужики своему барину каменную деревню всю запакостили».

Всѣ отвѣчали:—Такъ ему и надо!

— Шутъ этакой: что выдумалъ!

— Вали, вали ему на голову; вали!

За что они на него злобствовали,—этого, я думаю, они и сами себѣ объяснить не могли; но только они какъ ощетинились, такъ и не приняли себѣ ни одного его благодѣянія. Онъ, напримѣръ, построилъ имъ въ селѣ общую баню, въ которую всѣмъ можно было ходить мыться, и завелъ школу, въ которой хотѣлъ обучать грамотѣ мальчиковъ и дѣвочекъ; но крестьяне въ баню не стали ходить, находя, что въ ней будто «ноги стынутъ», а о школѣ шумѣли: зачѣмъ нашимъ дѣтямъ умнѣе отцовъ быть?

— Мы-ли-де своимъ дѣтямъ не родители: наши ли сыновья не пьяницы!

Дворяне этому радовались, потому что если бы райскіе крестьяне приняли благодѣянія своего помѣщика иначе, то это могло послужить вреднымъ примѣромъ для другихъ, которые продолжали жить какъ обры и дулѣбы, «образомъ звѣринымъ».

Такого соблазнительнаго примѣра, разумѣется, надо было остерегаться.

Когда «райскій баринъ» промотался и сбѣжалъ, его каменное село перешло съ аукціоннаго торга къ двумъ владѣльцамъ, изъ которыхъ, по волѣ судьбы, одинъ былъ Александръ Шкотъ—сынъ того самаго Джемса Шкота, который хотѣлъ научить пахать землю хорошими орудіями *). Переходъ этотъ состоялся въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Тогда мужики въ Райскомъ все «севацкое» уже «обгадили на отдѣлку», а сами задыхались и слѣпли въ «куренкахъ». Ѳ. Селиванов въ своей части села Райскаго оставилъ мужиковъ въ куренкахъ, но Шкотъ не могъ этого переносить. Онъ не былъ филантропъ и смотрѣлъ на крестьянъ прямо какъ на «рабочую силу»; но онъ берегъ эту силу и сразу же учелъ, что потворствовать мужичьей прихоти нельзя, что множество слѣпыхъ и удушныхъ приносятъ ему большой экономическій ущербъ. Шкотъ сталъ уго-

*) Другая половина Райскаго была пріобрѣтена Ѳед. Ив. Селивановымъ.

варивать мужиковъ, чтобы они обчистили каменные дома и перешли въ нихъ жить; но мужики взъерошились и объявили, что въ тѣхъ домахъ жить нельзя. Имъ указали на дворовыхъ, которые жили въ каменныхъ домахъ.

— Мало ли что подневольно дѣлается,— отвѣчали крестьяне,— а мы не хотимъ. Въ каменномъ жить, это все равно что острогъ. Захотѣлъ перегонять, такъ ужъ лучше пусть прямо въ острогъ и сгонитъ: мы всѣ и пойдемъ въ острогъ...

Отъ убѣжденій перешли къ наказаніямъ и кого-то высѣкли, но и это не помогло; а Шкоту черезъ исправника Мура (тоже изъ англичанъ) было сдѣлано отъ Панчулидзева предупрежденіе, чтобы онъ не раздражалъ крестьянъ.

Шкотъ осердился и поѣхалъ къ губернатору объясняться, съ желаніемъ доказать, что онъ старался сдѣлать людямъ не злое, а доброе, и если наказалъ одного или двухъ человѣкъ, то «безъ жестокости», тогда какъ всѣ безъ исключенія наказываютъ безъ милосердія; но Панчулидзевъ держалъ голову высоко и не дозволялъ себѣ ничего объяснять. Съ Шкотомъ онъ былъ «знакомъ по музыкѣ», такъ какъ Шкотъ хорошо игралъ на віолончели и участвовалъ въ губернаторскихъ симфоническихъ концертахъ; но тутъ онъ его даже не принялъ.

Шкотъ написалъ Панчулидзеву дерзкое письмо, котораго тотъ не могъ никому показать, такъ какъ въ немъ упоминалось о прежнихъ сношеніяхъ автора по должности главноуправляющаго имѣніями министра, перечислялись «дары» и указывались такія дѣла, «за которыя человѣку надо бы не губерніей править, а сидѣть въ острогѣ». И Панчулидзевъ снесъ это письмо и ничего на него не отвѣтилъ. Письмо содержало въ себѣ много правды и послужило матеріаломъ для борьбы Зарина, окончившейся смѣщеніемъ Панчулидзева съ губернаторства. Но тогда еще въ Загонѣ не вѣрили, что что-нибудь подобное можетъ случиться и расшевелитъ застоявшееся болото.

Смѣлѣе прочихъ сторону губернатора поддерживалъ дво-

рянскій предводитель, генералъ Араповъ, о которомъ тоже упоминалось въ письмѣ, какъ о нестершимомъ самочинцѣ. А генералъ Араповъ, въ свою очередь, былъ славенъ и жилъ широко; въ его домѣ на Лѣкарской улицѣ былъ «открытый столъ» и самыя злыя собаки, а при столѣ были свои писатели и поэты. Отсюда на Шкота пошли пасквили, а вслѣдъ затѣмъ въ Пензѣ была получена брошюра о томъ, какъ у насъ въ Россіи все хорошо и просто и все сообразно нашему климату и вкусамъ и привычкамъ нашего добраго народа. И народъ это понимаетъ и цѣнитъ и ничего лучшаго себѣ не желаетъ; но есть пустые люди, которые этого не видятъ и не понимаютъ и выдумываютъ не-знать для чего самыя глупыя и смѣшныя выдумки. Въ примѣръ была взята курная изба и показаны ея разнообразныя удобства: кажется, какъ будто она и не очень хороша, а на самомъ дѣлѣ, если вникнуть, то она и прекрасна, и жить въ ней гораздо лучше, чѣмъ въ бѣлой, а особенно ее совсѣмъ нельзя сравнить съ избой каменной. Это вотъ гадость ужъ во всѣхъ отношеніяхъ! Въ куренкѣ топлива идетъ мало, а тепло какъ у Христа за пазухой. А въ воздухѣ чувствуется легкость; на широкой печи въ ней способно и спать, и отогрѣться, и онучи и лапти высушить, и веретье оттаять, и нечисть изъ курной избы бѣжитъ, да и что̀ теленокъ съ овцой насмердятъ,—во время топки все опять дверью вонъ вытянетъ. Гдѣ же и какъ можно все это сдѣлать въ чистой горницѣ? А главное, что̀ въ курной избѣ хорошо — это *сажа!* Ни въ какомъ другомъ краю теперь уже нѣтъ «черной, лоснящейся сажи» на стѣнахъ крестьянскаго жилища,— вездѣ «это потеряно», а у насъ еще есть! А отъ сажи не только никакая мелкая гадь въ стѣнѣ не водится, но эта сажа имѣетъ очень важныя врачебныя свойства, и «наши добрые мужички съ великою пользою могутъ пить ее, смѣшивая съ нашимъ простымъ, добрымъ русскимъ виномъ».

Словомъ—въ курной избѣ, по словамъ брошюры, было цѣлое угодье.

«Русская партія» торжествовала побѣду; ничего новаго

не надо: надо жить по-старинѣ,—въ куренкѣ и лѣчиться сажею.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Пѣченье сажей.

Англичанинъ смѣялся.

— Мало имъ, что люди въ этой сажѣ живутъ и слѣпнутъ,—они еще хотятъ обучить ихъ пить ее съ водкою! Это преступленіе!

Шкотъ самъ умѣлъ стряпать брошюры,—это ихъ англичанская страсть,—и онъ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы напечатать, что крестьяне слѣпнутъ и наживаютъ удушье отъ курныхъ избъ; но напечатать свою брошюру о томъ, что крестьяне слѣпнутъ, ему не удалось, а противная партія, случайно или нѣтъ, была поддержана въ листкѣ, который выходилъ въ Петербургѣ «подъ гербомъ» и за подписью редактора Бурнашова *).

Раченіемъ Бурнашова почти одновременно вышли двѣ хозяйственныя брошюры: одна «О благотворномъ врачебномъ дѣйствіи коры и молодыхъ побѣговъ ясенева дерева», а другая «О цѣлебныхъ свойствахъ лоснящейся сажи». Исправники и благочинные должны были содѣйствовать распространенію этихъ полезныхъ брошюръ.

Въ брошюрѣ о ясени сообщалось, что этимъ деревомъ можно обезопасить себя отъ ядовитыхъ отравъ и укушеній гадами. Стоило только имѣть при себѣ ясеневую палочку—и можно легко узнавать, гдѣ есть въ землѣ хорошая вода; щелокомъ изъ ясеневой коры стоитъ вымыть ошелудивѣвшихъ дѣтей, и они очистятся; золою хорошо парить за-

*) Владиміръ Петр. Бурнашовъ скончался недавно въ Маріинской больницѣ, въ Петербургѣ, въ возрастѣ очень преклонномъ. Въ послѣдніе годы жизни сотрудничалъ въ изданіяхъ гг. Каткова и Комарова. Оставилъ много автобіографическихъ замѣтокъ, изъ которыхъ было напечатано извлеченіе въ «Историческомъ Вѣстникѣ». По словамъ его, вращаясь въ литературныхъ кружкахъ, онъ иногда служилъ и не однѣмъ литературнымъ потребностямъ.

чесы въ хвостахъ у лошадей. Овцамъ въ овчарню надо было только ставить вѣтку ясеня, и овцы ягнились гораздо плодущѣе, чѣмъ безъ ясеня. Бабамъ ясень унималъ кровотокъ и еще дѣлалъ много другихъ вещей, про которыя черезъ столько лѣтъ трудно вспомнить. Но избяная «лоснящаяся сажа» превозносилась еще выше.

Въ брошюрѣ о сажѣ, которая была гораздо объемистѣе брошюры о ясени, утвердительно говорилось, что ею, при благословеніи Божіемъ, можно излѣчивать почти всѣ человѣческія болѣзни, а особенно «болѣзни женскаго пола». Нужна была только при этомъ сноровка, какъ согребать сажу, т.-е. скрести ее сверху внизъ или снизу вверхъ. Отъ этого измѣнялись ея медицинскія свойства: собранная въ одномъ направленіи, она поднимала опавшее, а взятая иначе, она опускала то, что надо понизить. А получать ее можно было только въ русскихъ курныхъ избахъ и нигдѣ иначе, такъ какъ нужна была сажа *лоснящаяся*, которая есть только въ русскихъ избахъ, на стѣнахъ, натертыхъ мужичьими потными загорбками. Пушистая же или лохматая сажа цѣлебныхъ свойствъ не имѣла. На Западѣ такого добра уже нѣтъ, и Западъ придетъ къ намъ въ Загонъ за нашею сажею, и отъ насъ будетъ зависѣть дать имъ нашей копоти или не давать; а цѣну, понятно, можемъ спросить какую захотимъ. Конкурентовъ намъ не будетъ.

Это говорилось въ серьезъ, и сажа наша прямо приравнивалась къ ревеню и калганному корню, съ которыми она станетъ соперничать, а потомъ убьетъ ихъ и сдѣлается славой Россіи во всемъ мірѣ.

Загонъ былъ доволенъ: осатанѣлые и утратившіе стыдъ и смыслъ люди стали расписывать, какъ лѣчиться сажею. «Лоснящуюся сажу» рекомендовалось разводить въ винѣ и въ водѣ и принимать ее внутрь людямъ всѣхъ возрастовъ, а особенно дѣтямъ и женщинамъ. И кто можетъ отважиться сказать: сколькимъ людямъ это стоило жизни? Но тѣмъ не менѣе брошюра о сажѣ имѣла распространеніе.

Радовались, что не послушались затѣйниковъ и уберегли

свои избы; а затѣйниковъ бранили и порочили и припоминали ихъ въ большомъ числѣ, перемѣшивая умныхъ съ безумными: Сперанскаго съ Всеволожскимъ.

— Помилуй Богъ, если бы имъ тогда волю дали! Что бы они надѣлали!

На губернскихъ балахъ той самой баснословной пензенской знати, которая столь обмелѣла, что кичилась своею «арановщиной», — между безстыжими выходками всякой пошлости прославляли «умъ и чуткость русскаго земледѣльца», который не захотѣлъ жить въ *чистомъ домѣ*. При этомъ разоренный и отсутствующій Всеволожскій всякій разъ былъ осмѣиваемъ, и ни одному изъ благородныхъ людей, ѣвшихъ его деликатесы, не пришло въ голову отыскать его на мостовой, для которой онъ билъ камни, и отдать ему хоть частицу тѣхъ денегъ, которыя у него были заняты.

Но его еще хотѣли сдѣлать посмѣшищемъ на вѣчныя времена.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Всевозможные бетизы.

Нѣкто С., ничтожный «человѣкъ высокаго происхожденія по боковой линіи», замѣчательный удивительнымъ сходствомъ съ Ноздревымъ и также членъ и душа общества, напившись предводительскаго вина, подалъ мысль собрать «музей бетизовъ» Всеволожскаго, чтобы всѣ видѣли, «*чего въ Россіи не нужно*».

Бетрищеву это понравилось, и онъ хохоталъ и обѣщалъ не пожалѣть тысячи рублей, чтобы такой «музей бетизовъ» былъ устроенъ.

Тысячъ у него было много!

Вспомнили все, что надо почитать за «бетизы». Набиралось много: Всеволожскій не только построилъ каменныя жилыя помѣщенія для крестьянъ, но онъ выписалъ для нихъ плуги, жнеи, вѣялки и молотилки отъ Бутенопа; онъ завелъ школу и больницу, кирпичедѣлательную машину и

первый мѣдный ректификаторъ Шварца на винномъ заводѣ. Съ ректификаторомъ еще пошли осложненія: крестьяне въ этомъ ректификаторѣ забили трубки, и въ пріемникъ полилась вонючая и теплая муть вмѣсто спирта, а на кордѣ рабочіе быки, пригнанные хохлами для выкормки ихъ бардою, пришли въ бѣшенство, оттого что они напились пьяны, задрали хвосты, бодались и перекалѣчили другъ друга почти наполовину.

Всеволожскій заплатилъ хохламъ за погибшихъ отъ опойства и драки быковъ, и еще приплатилъ, чтобы не говорили о происшедшемъ у него на заводѣ скандалѣ.

Этого нельзя было «скупить» и выставить, но это положили заказать написать на картинѣ живописцу Петру Соколову: «онъ, правда, беретъ дорого, но онъ свой братъ дворянинъ и съ нимъ можно поторговаться»

«Бетизы» Ноздревъ обѣщалъ свезти въ Пензу; но, выѣхавъ съ генеральскими деньгами въ Райское, Ноздревъ остановился перемѣнить лошадей у мордвина въ с. Чемодановкѣ, которая тогда принадлежала сыну знаменитаго военнаго историка Михайловскаго-Данилевскаго, Леониду, а этотъ дворянинъ имѣлъ обыкновеніе приглашать къ себѣ проѣзжающихъ, угощалъ ихъ и игралъ съ ними въ карты. И Ноздревъ въ силу этого обычая тоже былъ приглашенъ черезъ верхового посланца къ чемодановскому барину и тамъ «потерялъ деньги» и уже ни въ Райское не поѣхалъ, ни въ Пензу не возвратился, а отбылъ домой, пока дѣло о бетизахъ придетъ въ забвеніе.

«Бетизы» долежались въ Райскомъ до Шкота. Онъ мнѣ ихъ показывалъ, и я ихъ видѣлъ, и это было грустное и глубоко терзающее позорище!.. Все это были хорошія, полезныя и крайне нужныя вещи, и онѣ не принесли никакой пользы, а только сокрушили тѣхъ, кто ихъ припасъ здѣсь. И къ нимъ, къ «севацкимъ бетизамъ», Шкотъ придвинулъ свои и отцовскія— «улучшенныя орудія» и, трясясь отъ старости, тихо шамкалъ:

— Все это не годится въ Россіи.

— Вы шутите, дядя!

— Нѣтъ, не шучу. Здѣсь ничто хорошее не годится, потому что здѣсь живетъ народъ, который дикъ и золъ.

— Не золъ, дядя!

— Нѣтъ, золъ. Ты русскій, и тебѣ это, можетъ-быть, непріятно; но я сторонній человѣкъ и я могу судить свободно: этотъ народъ *золъ*; но и это еще ничего, а всего-то хуже то, что ему говорятъ ложь и внушаютъ ему, что дурное хорошо, а хорошее дурно. Вспомни мои слова: за это придетъ наказаніе, когда его не будете ждать!

Въ этой Пензѣ, представлявшей одно изъ самыхъ темныхъ отдѣленій Загона, люди дошли до того, что хотѣли учредить у себя все навыворотъ: улицы содержали въ состояніи болотъ, а тротуары для пѣшеходовъ устроили такъ, что по нимъ *никто* не отваживался ходить. Тротуары эти были дощатые, а подъ досками были рвы съ водою. Гвозди, которыми приколачивали доски, выскакивали, и доски спускали прохожаго въ клоаку, гдѣ онъ и находилъ смерть. Полицейскіе чины грабили людей на площади; предводительскія собаки терзали людей на Лѣкарской улицѣ въ виду самого генерала съ одной стороны и исправника Фролова— съ другой; а губернаторъ собственноручно билъ людей на улицѣ нагайкою; ходили ужасныя и достовѣрныя сказанія о насиліи надъ женщинами, которыхъ приглашали обманомъ на вечера въ дома лицъ благороднѣйшаго сословія... Словомъ, это былъ уже не городъ, а какое-то разбойное становище. И увидѣлъ Богъ, что злы здѣсь дѣла всѣхъ, и, не обрѣтя ни одного праведнаго, наслалъ на нихъ Ефима Ѳедоровича Зарина, вызвавшаго сенаторскую ревизію.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Интервалъ.

Сдѣлаемъ шагъ въ сторону, гдѣ больше свѣта.

Въ Европѣ намъ оказали непочтительность; мы увидѣли

надобность взять въ руки оружіе. Сценой дѣйствія сдѣлался нашъ Крымъ. Регулярные полки и ратники ополченія тащились на ногахъ черезъ Кіевъ, гдѣ ихъ встрѣчалъ поэтъ изъ птенцовъ кіевской духовной академіи Аскоченскій и командовалъ: «На молитву здѣсь, друзья! Кіевъ передъ вами!» А къ другимъ онъ оборачивался и грозилъ: «Не хвались, идя на рать, а идучи съ...» *).

Скоро оказалось, что тѣ, которыхъ мы уговарпваемъ «не хвалиться», на самомъ дѣлѣ гораздо меньше насъ хвалятся, но, къ совершенной неожиданности, оказываются во всемъ насъ успѣшнѣе. Къ тому же вкралось много воровства, и дѣла у насъ пошли худо. Все это извѣстно и переизвѣстно, но, къ несчастію, кажется, уже позабыто. Но много любопытнаго осталось въ непзвѣстности до сихъ поръ. Въ числѣ анекдотовъ и казусовъ этого времени припоминаю, какъ въ Пензу были присланы два взятые въ плѣнъ англійскіе военные инженера, изъ которыхъ одинъ назывался Миллеръ. Говорили, будто онъ отличался знаніемъ строительнаго искусства и большимъ безстрашіемъ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ на лучшемъ счету у Непира. А у насъ онъ осрамилъ себя сразу и окончательно! Какъ только этого Миллера привезли—Шкотъ пошелъ навѣстить его. Сдѣлалъ онъ это, какъ землякъ, и ему это въ вину не поставилось. Онъ просидѣлъ у плѣннаго вечеръ, а на другой день англійскій инженеръ пошелъ отдать ему визитъ, но былъ такъ глупъ, что думалъ, будто надо идти по тротуару, а не посреди улицы, которая, впрочемъ, была покрыта жидкою грязью по колѣно.

Миллеръ пошелъ по пензенскимъ тротуарамъ, по которымъ въ Пензѣ *не ходили.*

И Шкотъ не сказалъ ему этого.

За это тротуарная доска спустила англійскаго инженера однимъ концомъ въ клоаку, а другимъ прихлопнула его по темени, и дѣло съ нимъ было кончено.

*) 15-го сентября 1893 г. этотъ стихъ полностію воспроизведенъ въ весьма извѣстной русской газетѣ.

Это было смѣшно! Не знали только, какъ съ этимъ поступить: стыдиться или хвалиться? Въ Крыму уцѣлѣлъ отъ всѣхъ пушекъ, а въ Пензѣ доской прихлопнуло. Забавно!

А виноватъ былъ Шкотъ: онъ долженъ былъ его сразу же предупредить, что по тротуарамъ не ходятъ. Но онъ англичанинъ... онъ хитрый человѣкъ, онъ нарочно хотѣлъ создать исторію...

Старикъ Шкотъ вышелъ изъ себя и послалъ вызовъ на дуэль генералу Аранову, въ домѣ котораго это говорили.

Генералъ не отвѣчалъ, но сталъ ѣздить въ закрытой каретѣ.

Шло что-то новое: бахвальства смѣнились картинами «Изнанки крымской войны» и «Параллелями» Палимпсестова. «Параллели» особенно смутили Загонъ, такъ какъ тамъ просто, но обстоятельно было собрано на видъ, что̀ есть у насъ и что̀ въ соотвѣтствіе нашему убожеству представляетъ жизнь за окружающею нашъ Загонъ стѣною. По рукамъ у насъ пошла печатная картина, гдѣ нашъ «Загонъ» изображенъ былъ темнымъ и безотраднымъ, но крѣпко огражденнымъ китайскою стѣною. Со внѣшней стороны разные безпокойные люди старались проломать къ намъ ходы и щелочки и образовали трещины, въ которыя скользили лучи свѣта. Лучи эти кое-что освѣщали, и то, что можно было разсмотрѣть—было ужасно. Но всѣ понимали, что это далеко не все, что̀ надо было освѣтить, и сразу же пошла борьба: свѣтить больше или совсѣмъ задуть свѣточъ? Являлись заботы о томъ, чтобы забить трещины, черезъ которыя къ намъ пробивался свѣтъ. Оттуда пробивали, а отсюда затыкали хламомъ, и среди затыкавшихъ выдѣлялась одна голова съ чертами знаменитаго тогдашняго современника. На картинкѣ онъ говорилъ: «Оставьте: если это отъ людей, то это исчезнетъ, а если отъ Бога, то вы свѣта остановить не можете». Почти тѣ же самыя, или по крайней мѣрѣ въ этомъ духѣ и родѣ, велъ онъ бесѣды и на самомъ дѣлѣ. Это былъ любимецъ и настоящій герой самыхъ прекрас-

ныхъ дней въ Россіи: это былъ Пироговъ. О немъ говорили, что «онъ во время войны рѣзалъ руки и ноги, а послѣ войны приставляетъ головы». Всѣ понимали одно, что Пироговъ хотѣлъ «воспитать человѣка» и что намъ это всего нужнѣе, такъ какъ мы очень невоспитанны.

Такое чистосердечное сознаніе въ своемъ грѣхѣ свидѣтельствовало, разумѣется, о счастливой способности націи къ быстрому улучшенію. Пироговскіе «Вопросы жизни» были напечатаны въ «Морскомъ Сборникѣ» по приказанію великаго князя Константина Николаевича. Пирогову довѣрялись и его хвалили не только взрослые и умные люди, но даже «дѣти» и, кажется, «камни». Въ февралѣ 1859 года въ Одессѣ былъ выпущенъ «Новороссійскій литературный сборникъ», издателемъ котораго былъ очень мало значащій въ литературѣ человѣкъ, А. Георгіевскій, но и онъ посвятилъ свой сборникъ «имени Н. И. Пирогова». По словамъ этого г. А. Георгіевскаго, на Пирогова «Россія должна смотрѣть съ гордостью, ибо его дѣятельность обѣщала много добра впереди». А. Георгіевскій особенно указывалъ на старанія Пирогова «вызвать въ краѣ умственную дѣятельность, главнымъ поприщемъ для которой служитъ литература» (Предисл. II). По разъясненію г. А. Георгіевскаго, это должно было идти такъ, что «дѣло самосознанія каждая мѣстность должна совершить собственными средствами, чрезъ посредство своей мѣстной литературы: ибо централизація умственной дѣятельности есть явленіе ненормальное и вредное, которое парализуетъ жизнь остальныхъ частей, стягивая всѣ силы къ одному пункту» (ibid. III). Въ сборникѣ главною статьею былъ отрывокъ Пирогова, подъ заглавіемъ «Чего мы желаемъ?» Здѣсь разсматривался вопросъ о высшемъ образованіи въ независимости отъ «одной только ближайшей цѣли» (185). Пироговъ выяснялъ, что, «преслѣдуя одно ближайшее, мы незамѣтно попадемъ въ лабиринтъ, изъ котораго трудно будетъ выбраться» (186). А «по закону противодѣйствія можетъ начаться на другой улицѣ праздникъ». Но мы такъ полны

были радостей, что ничего не опасались, и, ходя по тропинкѣ бѣдствій, не ожидали послѣдствій. Удаль и бахвальство шибали въ другую сторону: на проводы Пирогова собрались «тьмы». Это дѣйствительно былъ «излюбленный человѣкъ», съ которымъ людямъ было больно и тяжело разстаться. Прощаясь съ нимъ, плакали, и одна молоденькая институтка, вскочивъ на столъ съ поломанной ножкой, громко вскрикнула: «Будьте нашимъ президентомъ!» — и сама упала вмѣстѣ со столомъ... Нѣсколько человѣкъ ее подхватили. Она была внѣ себя и все кричала «президентъ!» и жаловалась на боль въ колѣнкѣ.

Въ числѣ лицъ, суетившихся вокругъ этой юной особы, были флотскій докторъ, мичманъ и штабъ-офицеръ въ голубой формѣ. Послѣдній желалъ у нея о чемъ-то освѣдомиться, но флотскій докторъ сурово отстранилъ его и сказалъ:

— Развѣ вы не видите, что дѣвушка въ истерикѣ!

А другіе ему закричали:

— Стыдно, полковникъ, стыдно!

И полковникъ уступилъ и только спросилъ у какого-то простолюдина:

— Что такое она тутъ чекотала?

А тотъ ему «неглежа» отвѣтилъ:

— Чекотала чечотка, видно чечета звала.

— Ага!—сказалъ, не обижаясь, полковникъ,—пѣтушка кличетъ!

— Разумѣется.

И въ самомъ дѣлѣ, явился пѣтушокъ, съ которымъ чечотку обвѣнчали съ удивительною поспѣшностью.

А важное дѣло образованія, которое такъ широко понималъ Пироговъ, было рѣшено «въ тонѣ полумѣръ», которыхъ всего болѣе Пироговъ опасался... Потомъ и самъ Пироговъ подпалъ осмѣянію въ передовомъ изъ тогдашнихъ журналовъ и былъ не только удаленъ отъ воспитательнаго дѣла, но, по словамъ, сказаннымъ имъ на его юбилеѣ, онъ еще «былъ оклеветанъ», и даже г. А. Георгіевскій уже не защищалъ его...

Затѣмъ Катковъ открылъ въ правительствѣ безсиліе и слабость, и сталъ пугать, что насъ «скоро отмежуютъ отъ Европы на Нарву», и что наши петербургскія генеральши будутъ этому очень рады, «потому что имъ станетъ близко ѣздить за границу». Отъ дамъ чего не станется! Опять бы имъ надвинуть на уши новойники да и разсадить ихъ по теремамъ.

Появилась и книжка съ такимъ направленіемъ, напечатанная въ Петербургѣ, а изъ Москвы и на всѣхъ вообще раздался окрикъ: «Назадъ! Домой!»

И это уже не казалось дико, а стало моднымъ словомъ.

Интервалъ проходилъ.

Появились знаменитости, какихъ нѣтъ на Западѣ и которымъ Западъ долженъ былъ позавидовать. Прослылъ въ *ученыхъ* Маклай, сочиненій котораго въ Россіи до сихъ поръ не читали; а потомъ г. Катковъ отыскалъ и проявилъ въ свѣтъ *вопителя* Аршинова, «вольнаго казака», который, по мнѣнію г. Каткова, внушалъ полное довѣріе. Его поддерживали другіе знаменитые люди: Вис. Комаровъ, Вас. Аристовъ, свящ. Наумовичъ и другіе, имена которыхъ останутся навсегда связанными съ этимъ «историческимъ явленіемъ». Я его помню въ одной торжественной обстановкѣ, среди именитыхъ лицъ: рыжій, коренастый, съ круглыми, бѣгающими глазами и куцупыми руками, покрытыми веснушками... Онъ былъ превосходенъ въ своемъ родѣ. Его ассистировали Комаровъ, Аристовъ и Наумовичъ, и еще одинъ русскій поэтъ изъ чиновниковъ, и три «только что высѣченные дома болгарина...» Его надо было оберегать, потому что ему угрожала Англія. Для этого онъ не пилъ ничего изъ бокаловъ, которые ему подавали, а хлебалъ «изъ сусѣдскаго»... Все это казалось «просто и мило». И затѣмъ уже пошла такая знаменитость, которой уже никто и не угрожалъ: выѣхалъ верхомъ казакъ и поѣхалъ, и (по отчету одного дѣтскаго журнала) только разъ одинъ ему «пришлось купить вазелину», а между тѣмъ не только ему, но и его «сивому мерину» были оказаны всѣ знаки почтенія. Если редакторъ «Petersburger Zeitung»

удивилъ нѣкогда людей, съѣздивъ въ Берлинъ для того, чтобы видѣть Бисмарка и «поцѣловать рыжую кобылу», на которой тотъ былъ въ битвѣ, то наши дамы не уступали этому редактору въ чувствѣ достоинства, и... сивый меринъ тоже дождался такой же ласки, и притомъ не отъ мужчины... Вредныхъ тяготѣній къ чужеземщинѣ, которыхъ ожидалъ Катковъ, со стороны дамъ не встрѣчалось, а наоборотъ, имъ стало нравиться все простое, не попорченное цивилизаціей, даже прямо *дикое*.

Огромное множество людей вдругъ почувствовали, что они были неосторожны и напрасно позволили духу времени увлечь себя слишкомъ далеко: имъ было неловко, что они какъ будто выпятились впередъ за черту, указанную благоразуміемъ... Имъ стало стыдно и дико: что они, взаправду, за европейцы!

Кто-то припомнилъ, что и Катковъ нѣкогда говорилъ, что «нельзя насыпать на хвостъ соли Европѣ», но теперь уже ничто подобное не казалось убѣдительно. Нельзя насыпать соли—и не нужно; и пошли повороты на попятный дворъ по всѣмъ линіямъ.

И тутъ случилось въ спѣшкѣ и суматохѣ, что кое-кого напрасно сбили съ ногъ и позабыли то, чего не надо бы забывать. Забыли, какими мы явились въ Крыму неготовыми во всѣхъ отношеніяхъ и какимъ очистительнымъ огнемъ прошла вся слѣдовавшая затѣмъ «полоса покаянія»; забыли, въ виду какихъ соображеній императоръ Александръ II торопилъ и побуждалъ дворянъ дѣлать «освобожденіе рабовъ *сверху*»; забыли даже кривосудъ старыхъ, закрытыхъ судовъ, отъ котораго страдали и стенали всѣ. Забыли все такъ скоро и основательно, какъ никакой другой народъ на свѣтѣ не забывалъ своего горя, и еще насмѣялись надъ всѣми лучшими порядками, назвавъ ихъ «припадкомъ сумасшествія».

Настало здравомысліе, въ которомъ мы ощутили, что намъ нужна опять «стѣна» и внутри ея—загонъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ произошелъ этотъ кратко мною очерченный послѣдній оборотъ, я уже не бывалъ ни въ орловскихъ, ни въ пензенскихъ, ни въ украинскихъ деревняхъ, а вертѣлся по балтійскому побережью. Пожилъ я здѣсь въ разныхъ мѣстахъ, начиная отъ Нарвы до Полангена, и не нашелъ ничего лучше, какъ Меррекюль, выдерживающій свою старинную и почетную репутацію. Это именно тотъ первый пунктъ за Нарвою, гдѣ, по расчету Каткова, русскія генеральши захотятъ сдѣлать для себя «заграничное мѣсто». Здѣсь хорошо жить, потому что въ Меррекюлѣ очень красивое приморское положеніе, есть порядокъ, чистота, тихій образъ жизни, множество разнообразныхъ прогулокъ и изобиліе русскихъ генеральшъ. Очень любопытно видѣть, что такое учреждаютъ здѣсь теперь эти почтенныя дамы, тяготѣвшія къ чужимъ краямъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Возвышенные порывы.

О Меррекюлѣ говорятъ, будто тутъ «чопорно»; но это, можетъ-быть, такъ было прежде, когда въ русскомъ обществѣ преобладала какая ни есть родовая знать. Тогда тутъ живали лѣтомъ богатые люди изъ «знати», и они «тонировали». А теперь тутъ живутъ генералы и «крупные приказные», да немножко нѣмцевъ и англичанъ, и тонъ Меррекюля сталъ мѣшанный и мутный.

Меррекюльскіе генералы, которые еще не вышли въ тиражъ, находятся бо̀льшею частью въ составѣ какихъ-нибудь сильно дѣйствующихъ центральныхъ учрежденій, и потому они обыкновенно присутствуютъ шесть дней въ столицѣ, а въ Меррекюль пріѣзжаютъ только по субботамъ. Въ теченіе шести будничъ дней въ Меррекюлѣ можно видѣть только самыхъ старыхъ генераловъ, въ которыхъ столица уже не ощущаетъ лѣтомъ надобности, но они не дѣлаютъ лѣта и въ Меррекюлѣ. Украшаютъ и оживляютъ мѣсто однѣ генеральши и ихъ потомство,—дѣти и

внуки, которыхъ онѣ учатъ утирать носы, дѣлать реверансы и молиться рукою. Между генеральшами одна напоминаетъ мнѣ преблагословенное время юности, когда у нея не было еще ни дѣтей, ни внучатъ, и сама она была легкомысленная чечотка. Да! Здѣсь она, которая когда-то крикнула «президента» и упала подъ столъ.

Ея давній «пѣтушокъ» теперь достигъ уже всего, чего онъ могъ достичь, и въ нынѣшнемъ году выходитъ въ тиражъ. Будущимъ лѣтомъ они уже не будутъ жить въ Меррекюлѣ.

Мы едва узнали другъ друга и, конечно, не много говорили о прошломъ. Мы чувствуемъ, что мы стары и намъ некстати вспоминать, какіе мы были въ то время, когда она упала подъ столъ. Генеральша, повидимому, желаетъ поддерживать со мною знакомство, но такъ вѣжлива, что старается говорить всегда о такихъ вещахъ, которыя мнѣ не интересны. Впрочемъ, иногда она говоритъ со мною о Толстомъ, котораго она «похоронила для себя послѣ Анны Карениной». Какъ онъ «пошелъ косить»—она ему сказала: «прощай, батюшка!» Она на него, однако, «не нападаетъ, какъ другіе».—«Зачѣмъ, нѣтъ! Пускай онъ себѣ думаетъ что̀ хочетъ, но зачѣмъ, онъ хочетъ это распространять. Это не его дѣло. Суворинъ его отлично... Онъ его почитаетъ и обожаетъ, а на предисловіе къ сонатѣ отлично... Не за свое дѣло и не берись. Родъ человѣческій кончаться не можетъ... Суворинъ отлично!..» На эту тему генеральша неистощима и всегда сама себѣ равна: Суворина она ставитъ высоко: «il a une bonne tête», а Толстой «геніальный умъ, но ce n'est pas sérieux, vous savez. Толстому, по-моему, одного нельзя простить, что онъ прислугу и мужчинъ портитъ. Это разстраиваетъ жизнь. У меня была честная, вѣрная служанка — и вдругъ проситъ: «пожалуйста, не приказывайте мнѣ никому говорить, что васъ дома нѣтъ, когда вы дома: я этого не могу». — Что за вздоръ такой!— «Нѣтъ-съ, говоритъ, это ложь — я лгать не хочу». И такъ и уперлась. Чтобы не давать дурного примѣра

другимъ, я должна была ее отпустить, и только тогда узнала, что эта дурочка все «посредственныя книжки» читала. Но зато теперь у меня служанка охъ какая лгунья! Каждое слово лжетъ и кофе крадетъ; но надо ихъ почаще мѣнять и тогда онѣ лучше. Другое дѣло мужчины: это самый безпутный и глупый народъ на свѣтѣ, и главное, что съ ними нельзя такъ часто мѣнять, какъ съ прислугой. У нихъ на умѣ то же самое, что было у нигилистовъ,—чтобы не давать содержанія семейству; но это въ такомъ родѣ не будетъ: все останется какъ мы хотимъ».

Не знаетъ она основательно ничего или, точнѣе сказать, знаетъ только однѣ родословныя и мастерски слѣдитъ за тѣмъ, кто изъ извѣстныхъ лицъ гдѣ живетъ и въ какихъ съ кѣмъ находится короткостяхъ. Она считаетъ себя благочестивой, и ее занимаетъ распространеніе православія среди инородцевъ. Меррекюль чрезвычайно удобенъ для этого рода занятій: здѣсь есть православный храмъ, «маленькій, какъ игрушечка», много чухонъ или эстовъ, которые совсѣмъ не имѣютъ настоящихъ понятій о вѣрѣ. Среди нихъ возможны большіе успѣхи.

Прежде тутъ была только лютеранская каплица, построенная въ лѣсу. Она и теперь на своемъ мѣстѣ. Ее называютъ Waldkapelle. Она вся изъ бревенъ и крыта лучиною; въ ней есть органъ и распятіе, да на вышкѣ небольшой колоколъ. Ни внутри, ни снаружи нѣтъ никакихъ портативныхъ драгоцѣнностей. Передъ капеллою расчищена полянка, посрединѣ которой пріютилась маленькая колонка. Это памятникъ Генту; а вокругъ, подъ большими великолѣпными соснами, стоятъ скамейки, на которыхъ любятъ сидѣть охотники до поэтической тишины. Здѣсь прелестно читать, и этимъ пользуются немногіе любители чтенія, какіе кое-гдѣ еще остаются. Хорошо здѣсь играть и въ крокетъ, но это не позволяется. На дорожкахъ, ведущихъ къ капеллѣ, есть столбы съ надписями: «просятъ не играть въ крокетъ у капеллы». По мнѣнію нѣмцевъ, домъ молитвы надо удалить отъ шума: ему пристойна тишина.

Няньки этимъ недовольны и приводятъ сюда генеральскихъ дѣтей, которыя тщательно брыкаютъ ногами въ памятникъ покойнаго владѣльца Меррекюля и стараются оборвать окружающія цоколь цѣпи. Люди бурныхъ инстинктовъ не найдутъ это мѣсто веселымъ; но многіе говорятъ, что здѣсь имъ «хотѣлось молиться».

Лѣтъ двадцать или больше назадъ сюда по нѣкоторымъ особаго рода обстоятельствамъ прибылъ изъ Петербурга православный священникъ Александръ Гумилевскій. Онъ былъ человѣкъ молодой, горячій и мягкосердечный, съ любовью къ добру, но безъ большой выдержанности и послѣдовательности. Онъ началъ проповѣдывать и такъ увлекся своимъ маленькимъ успѣхомъ, что счелъ себя за Боссюэта и позабылъ объ Аскоченскомъ, который тогда дѣйствовалъ въ духѣ и силѣ нынѣшняго Мещерскаго. За это неосторожный бѣднякъ былъ смѣщенъ изъ Петербурга въ Нарву, гдѣ все чрезвычайно не нравилось и ему, и его домашнимъ.

Думали, однако, что онъ еще дешево отдѣлался и что ему могло бы достаться гораздо хуже; но митрополитъ Исидоръ не любилъ портить жизнь людямъ.

Вина же Гумилевскаго состояла въ томъ, что онъ «увлекся духомъ христіанина» и вообще былъ родственъ по мыслямъ архимандриту Ѳедору Бухареву, который все хотѣлъ примирить «православіе съ современностью» и достигъ только того, что его стали называть «enfant terrible православія». Аскоченскій, какъ жрецъ, «заклалъ» его и «обонялъ воню его крови». Но архимандритъ Бухаревъ былъ умнѣе и характернѣе Гумилевскаго, и притомъ онъ былъ одинокъ въ то время, когда Аскоченскій вонзилъ ему въ грудь свой жертвенный ножъ и «бѣгалъ по стогнамъ съ окровавленной мордой». Одиночество для борца—большое удобство!

Въ Нарвѣ Гумилевскому приходилось терпѣть и отъ своихъ, и отъ чужихъ; а главное, здѣсь ему не передъ кѣмъ было говорить свои экспромты. Русская публика въ Нарвѣ

къ этому не пріучена, и жаждавшій дѣятельности молодой и дѣйствительно добрый человѣкъ почувствовалъ себя лишеннымъ самаго дорогого и пріятнаго занятія и началъ было заниматься инымъ дѣломъ, но остановился. Въ Меррекюлѣ онъ встрѣтилъ знакомыхъ петербургскихъ генеральшъ и задумалъ съ ними построить здѣсь «маленькую, но хорошенькую православную церковь». Въ ней добрый священникъ надѣялся опять «расширить уста своя», такъ какъ онъ могъ надѣяться, что идоложертвенный Аскоченскій имѣетъ на кого метаться въ Петербургѣ, и, что̀ будетъ сказано за Нарвою — онъ того не услышитъ. Можно будетъ говорить самыя смѣлыя вещи, въ родѣ того, что всѣ люди на свѣтѣ имѣютъ одного общаго Отца; что ни одна національность не имѣетъ основанія и права унижать и обижать людей другой національности; что нельзя молиться о мирѣ, не почитая жизни въ мирѣ со всѣми народами за долгъ и обязанность передъ Богомъ и т. д., и т. д. Все это Гумилевскій любилъ развивать въ петербургскомъ рождественскомъ приходѣ и хотѣлъ пустить генеральшамъ въ Меррекюлѣ, что̀ и было бы кстати.

Выборъ мѣста для русской церкви въ Меррекюлѣ былъ обдуманъ «съ русской точки зрѣнія». Церковь не хотѣли прятать, какъ вальдъ-капеллу, а напротивъ — находили, что нужно «*выдвинуть* ее на видъ». И потому ее построили при большой дорогѣ, по которой ѣздятъ въ Нарву на базаръ и къ бойнямъ, гдѣ рѣжутъ животныхъ на мясо. Церковь должна всѣмъ бросаться въ глаза: черезъ это кое-что можетъ перепадать въ кружку отъ прохожихъ и проѣзжихъ (послѣднее, однако, не оправдалось, но, можетъ-быть, только потому, что чухны очень расчетливы и скупы). Во внѣшней отдѣлкѣ русская церковь тоже превзошла Waldkapelle. Та хотя и привлекаетъ своимъ Gemüthlichkeit'омъ, но лишена всякаго блеска и въ ней даже украсть нечего. Нашу церковь покрыли бѣлою жестью и раззолотили по кантамъ. «Золото заиграло на солнцѣ», а ночью къ алтарю храма протянулъ свою дерзкую руку воръ и унесъ кое-

какія цѣнности, которыя ему попались подъ руку. Потомъ это повторилось и еще разъ, а проповѣди, въ томъ духѣ, какъ предполагалъ Гумилевскій, въ этой «маленькой, но хорошенькой» церкви не послѣдовало. Гумилевскому, который надѣялся направлять курсъ новаго корабля по-своему, не пришлось этого выполнить. Его пожалѣли и возвратили въ Петербургъ въ больничную церковь «напутствовать умирающихъ», которымъ онъ могъ говорить что угодно, а они могли узнавать о пользѣ его внушеній только въ новомъ существованіи. О проповѣди въ Меррекюлѣ болѣе не заботились. Меррекюльскую церковь приписали къ собору въ Нарвѣ, откуда и до сихъ поръ пріѣзжаютъ сюда священникъ и дьяконъ, служатъ вечерню и всенощную въ субботу, а на другой день обѣдню, и опять уѣзжаютъ въ Нарву.

Проповѣди не бываетъ, но хлопотъ все-таки много, и все это стоитъ порядочныхъ денегъ для ктиторской кассы крошечной церкви. Казалось, что доходъ малъ оттого, что ко всенощнымъ мало ходятъ, потому что въ это время ходятъ гулять и слушать музыку. Позаботились, чтобы подъ праздникъ на Визѣ не играла музыка; но однако это нѣмцамъ помѣшало, а церкви не помогло: гуляютъ и безъ музыки. Попробовали показать великолѣпіе и учредили крестные ходы изъ храма на Казанскую и на Спаса. Это произвело впечатлѣніе, такъ какъ такихъ религіозныхъ церемоній здѣсь еще не видали; но эстамъ не разъяснили значенія этихъ процессій, и они до сихъ поръ называютъ это тоже «гуляньемъ». Ношеніе блестящихъ на солнцѣ вещей изъ русскаго храма сдѣлало только церковь предметомъ вниманія воровъ, которые все думаютъ, что тамъ «гибель денегъ».

Явилась необходимость нанимать постояннаго сторожа на цѣлый годъ; но и при сторожѣ воры опять приходили. Чтобы спасать соблазняющее ихъ богатство, драгоцѣнности стали увозить на зиму частью въ Нарву въ соборъ, частью къ старостѣ, что тоже рискованно и не совсѣмъ законно.

Но всего болѣе изнуряетъ «доставка духовенства» къ каждой службѣ, и чтобы избѣжать этого, нашли нужнымъ построить въ Меррекюлѣ *лѣтнюю поповку.*

Предпріятіе въ этомъ родѣ показываетъ, что дѣла за Нарвой шли совсѣмъ не въ томъ направленіи, какое предсказывалъ Катковъ, и впереди это будетъ доказано еще ярче.

Постройка лѣтней поповки въ Меррекюлѣ представляла затрудненія: опасались, что свои собственныя власти найдутъ это, пожалуй, излишнимъ и не велятъ строить; но можно построить домъ для *школы*, такъ, чтобы она была меньше школою, чѣмъ поповкою и сторожкою. Это сдѣлали. Построили домъ, вмѣстимостью не меньше храма, покрыли его желѣзомъ; даже загородили проходившую тутъ проѣзжую дорожку, чтобы ни конный, ни пѣшій не мѣшали дѣлать что нужно, и вотъ что придумали: завести въ этой русской школѣ такого учителя, чтобы онъ за одну учительскую плату былъ тоже церковнымъ сторожемъ, а кстати также былъ бы лѣтомъ звонаремъ, подметалъ бы церковь и ходилъ у дьякона, у батюшекъ и у старосты на посылкахъ...

Такого учителя выражали желаніе достать для русской школы въ Меррекюлѣ, чѣмъ надѣялись и достичь большой экономіи, и пристыдить чухонъ; но прежде чѣмъ успѣли въ этомъ, пришелъ въ «собраніе прихожанъ» мясникъ Волковъ и заговорилъ для всѣхъ неучтиво и неласково, будто при постройкѣ дома для меррекюльской поповки исконный врагъ нашъ дьяволъ смутилъ строителя такъ, что онъ не могъ хорошо различать своего отъ церковнаго; словомъ, возглашено знакомое слово «воръ», и... пошло дѣло объ обидѣ...

Сказались мы и здѣсь опять въ своемъ видѣ и въ своихъ правилахъ.

Но это еще дѣло провинціальныхъ аборигеновъ: пріѣзжія генеральши сдѣлали для пропаганды гораздо больше.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Апоѳеозъ.

Побережный житель Финскаго залива хотя и суевѣренъ, но у него не тотъ жанръ въ суевѣріи, какъ у настоящаго «твердо-земного» русскаго человѣка. Здѣшнимъ много чего не дохватываетъ. У насъ, напримѣръ, есть блаженные и юродивые, а у здѣшнихъ этого нѣтъ, и они даже считаютъ людей подходящаго къ этому сорта за плутовъ или дураковъ. Отсюда совсѣмъ разныя отношенія къ людямъ, и что у насъ готовы признать за святость, — за то здѣсь гонятъ со двора. Въ Меррекюлѣ, какъ онъ просіялъ на свѣтѣ, никогда святыхъ не было; однако дамы наши нашли здѣсь очень замѣчательнаго человѣка и дали ему славу.

Человѣка, о которомъ наступаетъ рѣчь, знали здѣсь съ самаго дня его рожденія. Теперь ему было около 66-ти или 67-ми лѣтъ. Имя его Ефимъ Дмитріевичъ, а фамилія Волковъ. Онъ тутъ родился и здѣсь же въ Меррекюлѣ умеръ по закончаніи лѣтняго сезона 1893 года. Всю свою жизнь онъ пьянствовалъ и разсказывалъ о себѣ и о другихъ разные вздоры. За это онъ пользовался репутаціею человѣка «пустого». Мѣстные жители не ставили его ни въ грошъ и называли самыми дрянными именами.

О прошломъ его приходилось слышать слѣдующее. Лѣтъ до двадцати онъ висѣлъ на шеѣ у родныхъ и ничего не хотѣлъ работать; его сдали въ пастухи, — онъ растерялъ или пропилъ овецъ; его представили барону, тотъ его наказалъ по праву вотчинника и оставилъ при дворѣ. Ефимъ снискалъ себѣ расположеніе домоправителя, которому сумѣлъ подслужиться, и быстро овладѣлъ секретомъ незамѣтно уносить и обратно вѣшать ключи отъ баронскаго погреба. Тутъ Ефимъ или, какъ его эсты называли, «Мифимъ», перепробовалъ много дорогихъ винъ. Занимался онъ этимъ комфортабельно: проводилъ цѣлыя ночи въ погребахъ, а утромъ выходилъ, дополнивъ отпитыя бутылки чѣмъ могъ.

На этомъ дѣлѣ онъ и былъ взятъ на мѣстѣ преступленія и отданъ въ солдаты; но здѣсь «притворился безумнымъ», отлично «выдержалъ испытаніе на сумасшедшаго» и явился въ Нарву. Сдѣлавшись свободнымъ человѣкомъ, Мифимъ сначала является въ одномъ мѣстномъ учрежденіи въ должности «вышибайлы», но повелъ себя двусмысленно, и какой-то австралійскій «кептенъ» сокрушилъ его такъ, что онъ сталъ хворать и не могъ больше служить вышибайломъ. Тогда онъ началъ ходить по городу и питался Христовымъ именемъ.

Съ устройствомъ православной церкви въ Меррекюлѣ Мифимъ усмотрѣлъ въ этомъ поводъ занять здѣсь «привилегію нищенства» и «переѣхалъ на дачу». Сначала онъ обтекалъ всю линію: посѣщалъ дачниковъ Гунгербурга, Шмецка и Меррекюля; знакомился, располагалъ къ себѣ сердца состраданіемъ, какъ къ герою изъ-подъ Плевны. Онъ приставалъ къ кому попало, и тѣ, кто нравомъ помягче, давали ему двугривенные и гривенники, которые онъ тотчасъ же неукоснительно пропивалъ. Гардеробъ его всегда былъ самый нищенскій: онъ всегда былъ полу-босъ, безъ бѣлья и одѣтъ въ лохмотья. Репутаціей скромнаго нищаго онъ не дорожилъ, а предоставлялъ это другому русскому спеціалисту, Серегѣ. Мифимъ, напротивъ, бравировалъ своимъ дерзновеніемъ и любилъ держать себя «примѣнительно къ человѣку». Молодымъ людямъ онъ предлагалъ услуги, пригодныя для образованія мимолетныхъ знакомствъ; другимъ переносилъ вѣсти, а третьимъ ворожилъ и «предсказывалъ будущность». Кромѣ того, Мифимъ лѣчилъ отъ порчи скотъ; но скоро прошелъ слухъ, что, прежде чѣмъ вылѣчить животное, онъ самъ будто его портитъ. По этому поводу съ Мифимомъ въ лѣсу случилась непріятность, отъ которой онъ хромалъ и переселился въ Шмецкъ. Здѣсь онъ нанялъ за шесть рублей въ лѣто развалившуюся баню у кузнеца Карла Шмецкэ и жилъ тамъ тихо и «на спокоѣ кашлялъ»... Но едва Богъ помогъ ему поправиться, онъ сейчасъ же опять дѣлается полезнымъ человѣкомъ и начи-

наетъ указывать крестьянамъ, гдѣ они должны отыскивать уходящихъ съ пастбища коней. Лошадь уйдетъ и ее не могутъ найти, а Мифимъ погадаетъ и говоритъ:

— Я ее вижу: она вотъ гдѣ!

Поведетъ хозяевъ черезъ лѣсъ въ болото и покажетъ, что ихъ пропащая животина въ самомъ дѣлѣ «сидитъ» въ топи и дожидается, чтобы ее вытащили.

Скотину вытащатъ, а Мифимкѣ дадутъ за колдовство. Заработка отъ этихъ статей было бы достаточно; но крестьяне стали подозрѣвать, что Мифимъ не честно живетъ,—что онъ сначала самъ загоняетъ скотину въ болото, а потомъ приходитъ и отгадываетъ. И вотъ ему не только не стали давать обѣщанныхъ за розыскъ денегъ, а погрозили его прибить. Четыре года тому назадъ, когда Мифимъ жилъ въ Шмецкѣ у кузнеца Карла Ивановича, подозрѣнія противъ него ожесточились. У кузнеца была вувермановская (бѣлая) лошадь съ удивительно густымъ, пушистымъ хвостомъ. Звали ее «Талька». Лошадка была сытая, статная и удалой ухватки. Она ходила утромъ, по росѣ, въ кустахъ близъ дома, вмѣстѣ съ другою лошадкою, съ которою была очень дружна, и вдругъ, когда ободняло и люди встали, — рыжая лошадка ходила въ кустахъ, а вувермановской «Тальки» не было.

Увести ее не могли, — это было бы слишкомъ дерзко; убѣжать она *одна* не могла, такъ какъ обѣ лошади были дружны... Всего вѣроятнѣе казалось, что «Тальку» кто-нибудь *угналъ*.

Но куда? И гдѣ ее теперь держатъ?

Мифимъ взялся угадать, гдѣ лошадь, и потребовалъ за это три рубля; но ему денегъ не дали, а отправились въ лѣсную глушь, въ которой на-дняхъ кто-то встрѣчалъ Мифима,—и «Талька» была здѣсь отыскана, затопленная въ болото по самую шею... Животное совсѣмъ уже выбилось изъ силъ: голова лошади вся была облѣпена комарами и глаза заплыли отъ укусовъ; однако бѣдная «Талька» еще дышала и, услыхавъ знакомые голоса людей, отвѣчала ржа-

ніемъ. Наложили доски и лошадь вытащили, а Мифимъ увидалъ, что это ему чѣмъ-то грозитъ, и сдѣлалъ диверсію: онъ съѣхалъ отъ кузнеца и повернулъ все свое направленіе на другую стать.

До сихъ поръ онъ держался «военной линіи» и разсказывалъ о себѣ по секрету, что онъ черезъ какое-то особенное дѣло сталъ въ родѣ французской «Желѣзной маски» или византійскаго «Вылѣзарія», а послѣ исторіи съ «Талькой» онъ началъ набожно вздыхать, креститься и полушопотомъ спрашивать: «Позвольте узнать, что нынче въ газетахъ стоитъ про отца Іоанна и гдѣ посѣщаетъ теперь протосвятитель арміи—Флотовъ?»

Особенно ему всегда нужно было знать: «гдѣ протосвятитель Флотовъ?» Но цѣль своей надобности онъ скрывалъ.

— Такъ, нуженъ онъ мнѣ вотъ-вотъ всего на одну на минуточку, чтобы онъ на меня взглянулъ и я могъ ему произнесть всего одно слово, и тогда увидали бы, что я не Ефимъ, а можетъ-быть,—*Эфиръ*.

Моя знакомая генеральша подала поводъ къ тому, что Мифимъ получилъ возможность причислять себя къ «церковному штату».

Когда за генеральшею въ церковь прошла ея собака, и потомъ такой случай еще разъ повторился, Мифимка предложилъ старостѣ свои услуги, чтобы ему стоять у дверей и «не пускать собакъ господъ», а староста за это чтобы платилъ полтинникъ въ мѣсяцъ.

Предложеніе было принято, и Мифимъ пришелъ съ хворостиною и прежде всего прогналъ отъ храма трехъ нищихъ старухъ и сталъ у дверей. Такимъ образомъ онъ захватилъ себѣ «привилегію нищенства».

Съ этихъ поръ онъ началъ считать себя «членомъ штата» и сталъ оказывать приходу большія услуги.

Здѣсь водится такой обычай, что передъ тѣмъ, какъ духовенство хочетъ идти со святыней, по дачамъ посылаютъ

«брандера», чтобы не получать отказовъ, а заблаговременно узнать: кто приметъ, а кто не приметъ?

Мифимъ «пошелъ брандеромъ» и, идучи путемъ-дорогою, достигъ къ моей генеральшѣ, и здѣсь его такъ развезло, что онъ открылся ей, будто онъ православный священникъ, который находится подъ ужаснымъ несчастьемъ за то, что не своею волею повѣнчалъ совсѣмъ особенную свадьбу.

Генеральша какъ услыхала объ этой свадьбѣ, такъ и ахнула. То, о чемъ она узнала, еще никому не было извѣстно.

Генеральша задыхалась отъ смѣшанныхъ чувствъ, которыя подняло въ ней это открытіе. И страхъ, и радость, и любопытство... все вмѣстѣ ее совсѣмъ одурманило; и чтобы что-нибудь сдѣлать, она бросилась къ Мифимкѣ съ раскрытыми пригоршнями и завопила:

— Батюшка, благословите!

Мифимъ сумѣлъ ее благословить, а она поцѣловала его руку.

Чтобы не оставаться одинокою при такомъ открытіи, одна генеральша сообщила свой секретъ другой, и дамы узнали, что Мифимъ есть самый удивительный «вѣнчальный батюшка». Такой человѣкъ долженъ имѣть даръ помогать. А брачныхъ надобностей такъ много.

У второй генеральши три взрослыя дочери, и ни одна изъ нихъ не выходитъ замужъ, потому что всѣ мужчины «подлецы» и «не женятся».

Вторая генеральша нашла, что Мифимово благословеніе можетъ быть имъ полезно; но Мифимъ обнаружилъ осторожность и не захотѣлъ благословлять дѣвицъ въ домѣ, при прислугѣ, а велѣлъ вывести ихъ въ лѣсъ, къ сѣннымъ стогамъ, и у стоговъ благословилъ ихъ и далъ облобызать свои руки.

И что же? Въ слѣдующую же зиму одна изъ этихъ генеральскихъ дочерей неожиданно вышла замужъ! Число охотницъ цѣловать Мифимкину руку послѣ этого умножилось; къ нему выводили дѣвицъ, и онъ ихъ благословлялъ.

Но вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ благословенія въ лѣсу изъ-за стоговъ подглядѣли чухны и не поняли, что̀ это такое дамы дѣлаютъ съ Мифимкой, и начали разсказывать:

— Тамы-то на него рестятся и ку ему риклятаются, а онъ таитъ та на ныхъ міется *).

Поблагословивъ дамъ прошлаго сезона, Мифимъ въ послѣднихъ числахъ августа 1893 года пошелъ въ винный погребъ негоціанта Звонкова и испивъ, «до воли», закряхтѣлъ и переселился въ вѣчность...

Одному лицу, которое съ любопытствомъ наблюдало духовную практику Мифимки, казалось, будто онъ не только благословляетъ дамъ и ихъ дочерей, которымъ «Богъ долго судьбы не даетъ», но что онъ будто бы тоже исповѣдывалъ ихъ у стоговъ и въ бортищахъ; но самъ Мифимъ энергически опровергалъ это, и я вѣрю его отрицательству. Онъ былъ человѣкъ смѣлый и даже дерзкій, но осторожный и расчетливый: называться таинственнымъ священникомъ «временъ Лориса» и благословлять—это онъ могъ, и я утвердительно могу говорить, что это онъ дѣлалъ и считалъ это за неважное, потому что «не заѣдалъ чужого хлѣба»; но исповѣдь совсѣмъ иная статья: это могло повредить Мифиму. Словомъ, хотя объ этомъ говорили, но я увѣренъ, что это неправда. Но, кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Мифимъ оказывалъ дамамъ другія услуги, благопріятныя для ихъ видовъ.

Мнѣ припоминается еще одна генеральша, большая, дебелая, тоже южной породы, съ безгранично-любящимъ материнскимъ сердцемъ и съ неукротимымъ воображеніемъ. У нея «блекла дочь», и мать виноватила въ этомъ ея мужа, еще довольно молодого и, кажется, очень порядочнаго человѣка.

— Вообразите,—говорила она,—всего четыре года какъ онъ женатъ на моей дочери, а уже манкируетъ женѣ.

---

*) «Дамы на него крестятся и къ нему прикладываются, а онъ этотъ да на нихъ смѣется».

Я ей отвѣтилъ, что это, кажется, иногда и лучше.

Генеральша отвергла.

— Ну, нѣтъ, извините! — воскликнула она. — Если вы это, можетъ-быть, по Толстому, то это такъ; но онъ напрасно расписывается за всѣхъ женщинъ. Можетъ-быть, такія и есть, какъ онъ высказываетъ, но для этого ихъ надо было особеннымъ образомъ изуродовать съ дѣтства. А моя дочь, какъ вы видите, это живая и полная жизни женщина, а не толстовка. О, она не толстовка! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ—не толстовка! Ею манкировать нельзя, потому что она блекнетъ. Вы видите какая она!.. Она и сама не понимаетъ, что̀ съ нею дѣлается, но она была цвѣтокъ!.. Я это и понимаю, но что же я могу сдѣлать? Ничего! Мужъ къ ней невнимателенъ и баста! И цѣлая вещь! Такихъ негодяевъ теперь довольно много. Теперь, говорятъ, даже въ природѣ что-то такое распространяется къ тому, чтобы ничего не надо, и явилась такая порода мужчинъ, въ блузочкахъ, и ножками стучатъ и сопятъ... Тогда и видно; но вѣдь человѣка, который одѣтъ какъ всѣ, нельзя раньше знать! Неправда ли?

— Да.

— А какіе-то ученые утверждаютъ, что еще хуже будетъ. У образованныхъ мужчинъ скоро совсѣмъ ужъ не будетъ дѣтей. Переутомленіе. Вотъ ужасъ! Понимаете? Цѣлую недѣлю онъ остается въ Петербургѣ, а мы здѣсь, и онъ ничего не испытываетъ, а въ субботу ѣдетъ сюда и везетъ, болванъ, съ собою въ карманѣ новую книжку... Какое остолопство! Такіе не должны жениться. Одна моя знакомая, которая была за учеными мужьями, и всѣ они были дрянь, а теперь она вышла за казака, и говоритъ: «Повѣрьте, что настоящіе мужья—это только казаки! Пусть всѣ это знаютъ!» Я и вѣрю, потому что казакъ — это дичокъ, онъ еще не подвергался въ школѣ переутомленію и онъ всегда просто ѣстъ; у него желудокъ все варитъ, даже, прости Господи, хоть сальную свѣчку, и онъ верхомъ, въ движеньи,—и ему хочется жить, и вотъ онъ цѣнитъ при-

сутствіе женщины... А эти еще по своей развращенности отъ служебныхъ дѣлъ ѣдутъ въ шато-кабаки и пялятъ глаза на испанокъ и цыганокъ... Но тогда зачѣмъ жена?

Генеральша ударила себя обѣими ладонями по выступамъ своего корсета и повторила:

— Забываютъ-съ, что молодая жена *хочетъ жить!* Понимаете: она *имѣетъ* право! Да; что вашъ Толстой ни говори, а она имѣетъ это право. И потому, когда мой зять вынимаетъ изъ своего кармана волюмъ Sola или Bourget, я дѣлаю надъ собою огромное усиліе, чтобы не закатить ему плюху. Дуракъ и подлецъ! При цыганкахъ, небось, не читаетъ, а при женѣ читать!.. Свинья! Это только для того, чтобы не оставаться съ глазу-на-глазъ съ совѣстью. А отъ этого блѣдность, отъ этого вялость и малокровіе, и суженъ, совсѣмъ уничтоженъ весь интересъ къ жизни... Это надо кончить! Зачѣмъ на бѣдныхъ женщинъ кричать adultère? Этого слова до Толстого не произносили! Если нельзя развода, то нуженъ revanche.

— Берегитесь, это можетъ услышать ваша дочь.

— И я желаю... Я ей это и говорю... Но она глупа... Или она, можетъ-быть, меня стѣсняется... Или она не понимаетъ... не говоритъ!.. О, если бы эту мысль ей вложилъ человѣкъ... который могъ бы ее успокоить, что это неважно... неважно... Потому что это неважно!..

И вотъ тутъ, можетъ-быть, Мифимъ кому-нибудь и помогъ... Онъ былъ не строгъ и могъ все *разрѣшить.*

По крайней мѣрѣ, одной дамѣ, которая имѣла къ нему вѣру и «блекла отъ невниманія», Мифимъ сообщилъ рѣшимость, воспоминаніе о которой вызывало розы на ея ланиты; а ея maman любовалась ею и шептала ей Дерулѣдово слово:

— «Nitchevo!»

Генеральши про Мифима, вѣроятно, скоро забудутъ и найдутъ себѣ иного тавматурга; но чухны, которые хорошо знали, что за человѣкъ былъ ихъ меррекюльскій Мифимъ, «мiются».

ПРОДУКТЪ ПРИРОДЫ.

«Сравнительно съ народною толпою мало явленій заслуживаетъ бо́льшаго изученія. Она настоящій продуктъ природы: все прочее только гримасы, а здѣсь искренность и дѣйствительность. Смотри на народную толпу, если хочешь, съ трепетомъ, но смотри внимательно: то, что она сдѣлаетъ, никому неизвѣстно и еще менѣе ей самой».

Карлейль.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ теченіе моей жизни мнѣ привелось видѣть, какъ двигаются съ мѣста на мѣсто переселенцы, и что̀ съ ними при этомъ иногда происходитъ. Разскажу здѣсь одинъ маленькій случай, который остался у меня на всю жизнь въ памяти. Дѣло было не задолго до уничтоженія крѣпостного права. Ходили уже надежные слухи объ «освобожденіи», но тѣмъ не менѣе купля и продажа людей еще производилась свободно. Пользуясь этимъ, нѣкоторыя именитыя лица совершали тогда большія заселенія принадлежавшихъ имъ степныхъ мѣстъ крестьянами, купленными на выводъ изъ серединныхъ губерній.

У меня былъ родственникъ, мужъ моей тетки, обрусѣлый англичанинъ. Онъ былъ человѣкъ недюжинный и въ одномъ отношеніи предупредилъ даже на сорокъ лѣтъ этику «Крейце-

ровой Сонаты». Опасаясь, чтобы на него при выборѣ жены не подѣйствовали подкупающимъ образомъ «луна, джерси и нашлёпка», онъ отважился выбирать себѣ невѣсту въ будничной простотѣ, и для того объѣхалъ сосѣдніе дворянскіе дома, нарядившись «молодцомъ» при разносчикѣ. Такимъ образомъ онъ увидалъ всѣхъ барышень въ ихъ будничномъ уборѣ и, собравъ о нихъ свѣдѣнія отъ прислуги, сдѣлалъ брачное предложеніе моей тетушкѣ, которая имѣла прелестный характеръ. Вообще о немъ говорили, что онъ—*практикъ*. Онъ управлялъ огромными имѣніями очень важнаго лица и, между прочимъ, имѣлъ своею обязанностью заселять степи: образовывать на нихъ новыя деревни и заводить тамъ правильное полевое хозяйство. Людей, которыхъ вели сюда, скупали на выводъ у разныхъ помѣщиковъ въ губерніяхъ Орловской и Курской, отчего «сводные люди» дѣлились на два народа: «народъ орловскій» и «народъ курскій». «Орловскій народъ» считался «пошельмоватѣе», а куряне—«вѣдомые кметы» подразумѣвались яко бы «по-дурасливѣе».

Переселяли людей въ степи тогда большими партіями. Сколько я помню въ мои дѣтскіе годы, въ нашихъ мѣстахъ «сбивали народъ», то-есть совокупляли партіи людей на выводъ два раза и въ оба эти раза по деревнямъ стоялъ стонъ, а на выводныхъ людей жалко было смотрѣть, хотя между ними не мало было и такихъ, которые не унывали, а говорили будто имъ «все равно—хуже не будетъ». Въ сводныхъ дворахъ шла распродажа овецъ, тёлокъ, сохъ, боронъ и саней,—при чемъ между бабами сцены «навѣчной разлуки» были раздирающія.

Одинъ разъ изъ нашего городишка было отправлено на подводахъ, кажется, около двухсотъ душъ, и многіе изъ выведенныхъ мужиковъ вскорѣ же прибѣжали назадъ и стали прятаться въ пустыхъ овинахъ и въ конопляникахъ. Когда ихъ ловили—они разсказывали, что «ушли отъ вши и отъ вредныхъ водъ». Ихъ отсылали въ станъ и сѣкли. Кромѣ отбѣгателей многіе въ дорогѣ заболѣвали: ихъ нѣко-

торое время тащили на подводахъ, а потомъ «отставляли», гдѣ попало; худыя заморенныя клячи въ обозахъ падали, сбруя рвалась, колеса ломались и вообще было много несчастья. Второй разъ выводъ людей изъ нашихъ мѣстъ былъ еще неудачнѣе: между ними начался страшный «гнетучій поносъ» или «жиленье животами»,—заболѣвшихъ пришлось держать по дорогѣ на квартирахъ и въ землянкахъ цѣлую зиму. Половина людей перемерла и убытки были большіе, а потому въ третій разъ, о которомъ я буду разсказывать, придумали отправить партію на судахъ или, какъ тогда говорили, на «стругахъ» по Окѣ и Волгѣ.

Партія была сборная съ разныхъ мѣстъ Орловской и Курской губерній, все отъ дворянъ мелкопомѣстныхъ. Въ числѣ переселяемыхъ крестьянъ были и дворовые, и деревенскіе мужики. У дворовыхъ не было ни скота, ни собственныхъ телѣгъ. Они были довезены до пристани какимъ-то мнѣ неизвѣстнымъ способомъ и тамъ посажены на барки. Съ нѣкоторыми крестьянами были телѣги и сохи: все это было погружено или, лучше сказать, нагромождено на барки, и семьи помѣщались и на телѣгахъ, и подъ телѣгами. Съ нѣкоторыми, мнѣ помнится, были куры и на одной баркѣ двѣ или три овцы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я тогда былъ еще очень молодой мальчикъ и не зналъ, къ чему себя опредѣлить. То мнѣ хотѣлось учиться наукамъ, то живописи, а родные желали, чтобы я шелъ служить. По ихъ мнѣнію, это выходило «всего надежнѣе». Мнѣ и хотѣлось, и не хотѣлось служить: я зналъ, что на службѣ хорошо, но былъ уже немножко подпорченъ фантазіями; я читалъ «Горе отъ ума», и всѣ военные мнѣ представлялись Скалозубами, а штатскіе—Молчалиными, и ни тѣ, ни другіе мнѣ не нравились. По характеру моему мнѣ нравилось какое-нибудь живое дѣло, и я разсказалъ это моей теткѣ, а та передала своему мужу. Англичанинъ сталъ мнѣ со-

вѣтовать, чтобы я не начиналъ никакой казенной службы, а лучше приспособилъ бы себя къ хозяйственнымъ дѣламъ. Для того же, чтобы заохотить меня къ этому, онъ сказалъ мнѣ:

— Вотъ мы теперь переселяемъ партію крестьянъ, а графъ недоволенъ тѣмъ, какъ ихъ водятъ. Люди, которые водятъ нашихъ переселенцевъ, по мнѣнію графа (его принципала), всѣ очень грубы, и я съ нимъ отчасти согласенъ. Это непрактично. Пускай—это *продуктъ природы*, но вѣдь и природа можетъ мстить за себя: ожесточать народъ и доводить его до ужаса и уныніи никогда не надо, хотя однако совсѣмъ добрые и мягкосердые вожди тоже не годятся. Это уже доказано опытомъ: мягкосердому мужикъ сейчасъ на шею сядетъ и лаптемъ его толкать начнетъ. Нужны Пизарро, и у меня есть такой Пизарро, какого *мнѣ* надобно. При нихъ командиромъ идетъ очень надежный человѣкъ, изъ здѣшнихъ орловскихъ, называется Петръ Семеновъ: умный мужикъ, но тиранъ. Съ нимъ сынъ его, тоже преспособный, и тоже аспидъ: мужичонки у нихъ пищатъ. Безъ такихъ, какъ Петръ Семеновъ, однако нельзя: вѣдь идетъ цѣлая орда, а съ ордою и надо мѣры ордынскія; но вѣкъ такой, что надо немножко и цивилизаціи подпустить,—надо одною рукою карать, а другою—миловать. Вотъ я и хотѣлъ бы испробовать этакую маленькую конституціонную затѣю, чтобы одинъ казнилъ, а другой миловалъ. Отправляйся-ка ты съ ними и вникай, и Петру распоряжаться не мѣшай, но облегчай, что̀ возможно. Я тебѣ дамъ главную довѣренность съ правомъ дѣлать всякія амнистіи.

Я согласился.

— Вотъ и прекрасно! Официальное значеніе твое будетъ высоко надъ Петромъ, но ты, однако, смотри—не испорть дѣло: царствуй, но не управляй. Пусть на Петра жалуются, а ты *только милуй*.

Въ Орлѣ я познакомился съ нашимъ Пизарро. Это былъ черный кудрявый мужикъ, лѣтъ сорока восьми или

пятидесяти, мускулистый, сильный, живой, съ черными огненными глазами, черными сросшимися надъ носомъ бровями, курносымъ носомъ и маленькой черной окладистой бородой. Выраженіе лица у него было сильное, смѣлое, рѣшительное и довольно жестокое. При немъ находился въ помощникахъ сынъ его Дороша — молодецъ лѣтъ двадцати двухъ или трехъ, чрезвычайно похожій на своего отца.

Дядя мой отрекомендовалъ меня Петру Семенову и просилъ его учить меня, а мнѣ сказалъ, чтобы я жилъ съ нимъ въ ладахъ и чтобы мы довели благополучно порученный намъ «продуктъ природы».

Дядя былъ въ прекрасномъ настроеніи и говорилъ пріятныя слова, на которыя Пизарро отвѣчалъ въ ласковомъ тонѣ, но съ неуловимымъ букетомъ иронiи и вѣроломства. Дядя разсуждалъ, что русскій мужикъ—самый выносливый продуктъ природы, что онъ не избалованъ и путина его не можетъ замучить.

— Пусть только было бы чѣмъ ему напихать брюхо, чтобы въ пустомъ брюхѣ не щелкало, а то онъ тысячи верстъ отмахаетъ, какъ котильонъ протанцуетъ.

И Петру Семенову это слово понравилось: онъ улыбнулся одними углами рта и подтвердилъ:

— Такъ-съ точно: котыльономъ и докатимся.

— Катитесь,—отвѣчалъ дядя,—катитесь!

И въ излишнемъ, можетъ-быть, умиленіи онъ не замѣтилъ злобы Пизарро и, внѣ своего обычая, поблагословилъ насъ рукою.

— Оберегайте продуктъ, и катитесь котыльономъ!

Перевозимые крестьяне въ это время уже были «посажены на струга» и самой тяжелой процессіи,— посадки, я не видѣлъ. Разсказывали мнѣ, будто происходили раздирающія сцены,—особенно когда выведенные крестьяне прощались со сватами и сосѣдями: многіе будто бы «хотѣли бунтовать», но Петръ Семеновъ предупредилъ бунтъ: онъ послалъ Дорошу въ полицію и оттуда подоспѣли «три по-

лицейскіе казака съ пикою» и все кончилось: «продуктъ природы» былъ погруженъ и барку тотчасъ же отчалили отъ берега и остановили посрединѣ рѣки.

Тѣмъ прощанье «продукта» и кончилось.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Петръ Семеновъ возилъ меня показывать, какъ «народы помѣщались» на баркахъ. На двухъ были «шельмоватые» народы орловскіе, а на третьей «дурасливые» куряне. Надъ каждымъ изъ этихъ народовъ были приставленные изъ своего народа «старосты». Надъ орловскими старостою былъ телѣжникъ Ѳефёлъ, о которомъ Петръ сообщилъ мнѣ, что онъ былъ человѣкъ дорогой, но не задолго передъ этимъ убилъ оглоблей человѣка, который пришелъ звать его ужинать. Это скрыли, а про всякій случай Ѳефёла поскорѣе дешево продали.

— Надъ орловскими шельмецами такой именно и нуженъ,—говорилъ Пизарро.

Курскими людьми завѣдывалъ орловскій мужикъ Михайло, человѣкъ добрый и степенный.

— Курскій народъ—что̀ цыплята!

Помню, какъ я первый разъ увидалъ эти «народы» и ихъ вождей.

Изъ дома мы отправились къ Окѣ въ телѣжкѣ, которою правилъ Дороша. Мы съ Петромъ Семеновымъ сидѣли на лавочкѣ. Барки стояли за пять верстъ за городомъ. Когда мы пріѣхали, Петръ Семеновъ сталъ свистѣть и отъ берега отвалила лодочка, въ которой помѣщался Михайло, начальникъ курскихъ народовъ; онъ насъ привезъ на барки, и мы прошли между народомъ, причемъ я не замѣтилъ ничего особенно горькаго или угнетающаго. Сидѣли люди босые, полураздѣтые,—словомъ, такіе жалкіе и обездоленные, какъ ихъ обыкновенно видишь въ русской деревнѣ. Я тогда думалъ еще, что крестьяне и вездѣ должны быть только къ такомъ видѣ, какъ мы ихъ привыкли ви-

дѣть въ Россіи. Смиреніе ихъ тоже было обычное въ ихъ положеніи. Петръ Семеновъ обращался съ ними грубо, какъ съ «продуктомъ», не стоящимъ хорошаго обхожденія, а они относились къ нему съ подобострастіемъ: величали его батюшкой Петромъ Семеновичемъ и излагали ему разныя просьбы, на которыя онъ отвѣчалъ рѣзко, скоро, но, по правдѣ сказать, всегда очень дѣловито. Воспользоваться моимъ высокимъ правомъ помилованія я не имѣлъ никакого повода и не торопился съ этимъ; я былъ увѣренъ, что такой случай еще придетъ во время путины,—и вотъ тогда я пущу въ ходъ мои милостивыя полномочія, и народы благословятъ мое милосердіе!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Когда мы перешли съ одной барки на другую, то Петръ Семеновъ показалъ мнѣ въ кормѣ свою каютку. Это была тесовая каморка, въ которой помѣщались двѣ кроватки: его и Дорошина, маленькій шкапикъ съ чайнымъ приборомъ, желтый сундучокъ, деревянные счеты, расходная книга и въ углу образокъ съ лампадой. Комната эта запиралась на замокъ, ключъ отъ котораго держалъ у себя староста Ѳефёлъ. Такую же точно комнату Петръ Семеновичъ предполагалъ сдѣлать и мнѣ на одной изъ барокъ.

О томъ, какъ мы выплыли и какъ шли, я разсказывать не буду, потому что это потребовало бы много времени, да и не все теперь вспомнишь. Вообще же говоря, дни тянулись одинъ за другимъ одинаково скучно, сѣро, безъ всякой дѣятельности. Самымъ любимымъ занятіемъ у всѣхъ было «*искаться*» *). Это было что-то въ родѣ спорта. Мужики, бабы, дѣти — всѣ постоянно искались, и

*) Пишутъ, что это же самое составляло главное занятіе русскихъ поселенцевъ, которыхъ перевезли въ 1892 году на океанскомъ пароходѣ изъ Одессы во Владивостокъ. Впрочемъ, этихъ, кромѣ «вшей», занимали еще *карты*, которыхъ у насъ не было.

занятіе это было не только препровожденіемъ времени, но оно было вызвано и настоятельною необходимостью, потому что вошь ѣла «народы» безпощадно.

Я не знаю, что̀ такое называютъ вшивой болѣзнью, но думаю, что она не должна быть страшнѣе того, что̀ я видѣлъ на переселенческихъ баркахъ. Никакія усилія очиститься отъ насѣкомыхъ не помогали. Несмотря на то, что крестьяне очень не взыскательны насчетъ опрятности, тутъ они взвыли:

— Съѣла вошь!.. Жалуйте—милуйте!.. въ глаза лѣзетъ: зракъ хочетъ выпить!

По баркамъ было непріятно и страшно ходить. Особенно ночью или въ жаркую пору дня, когда истома размаривала людей и они хотѣли спать, но не могли крѣпко заснуть отъ зуда, который производили насѣкомыя. Въ нѣмомъ изступленіи всѣ скреблись ногтями и ерзали на одномъ мѣстѣ, или катались на пядь въ одну сторону и на пядь въ другую, и потомъ вдругъ вскакивали, сидѣли, поводя вокругъ осовѣвшими глазами, — иногда плакали и всегда непремѣнно всѣ «чухались». И это какъ только начнется въ одномъ мѣстѣ, такъ и «пойдетъ котильономъ» повсемѣстно.

Своей скверной и ужасающей нечистоты люди не стыдились нимало, да и до того ли имъ было, чтобы стыдиться, когда они отъ этого такъ ужасно страдали! Петра Семенова они боялись, но мнѣ прямо совали покрытыхъ вшами дѣтей съ отвратительными расчесами и кричали:

— Смотри-ка крестьянъ-то грапскихъ, смотри! Отпиши ему: вотъ, молъ, вши-то младенца-то божьяго совсѣмъ источили.

Средствъ отъ этого не было никакихъ, и ни Петръ, ни его сынъ, ни колесникъ съ Михайлой ничего для облегченія людей не дѣлали.

Бани нѣтъ, прудить (т. е. калить бѣлье) передъ костромъ—нельзя, потому что на баркахъ невозможно развести такое обширное пламя, передъ которымъ всѣ народы

обнаготились бы, и остается терпѣть. Но этого изо дня въ день *нельзя терпѣть*!

Орловскіе и курскіе мужики моются рѣдко и плохо, потому что бань для этого они и дома не имѣютъ, но дома они хоть парились изрѣдка въ тѣхъ самыхъ печахъ, гдѣ пекли свой хлѣбъ, а на баркахъ и этого сдѣлать невозможно.

— Пропадаемъ! — кричали они съ отчаянными рыданіями:—вошь заточила до смерти!

А мы все-таки ничего не могли для нихъ сдѣлать.

Правда, имъ было дозволено съ барокъ купаться, но «народы» этого не хотѣли.

Крестьяне смотрятъ на купанье такъ, что это хорошо только для «прохлаженья», но мыться въ негрѣтой водѣ нельзя, и это мытье, хотя бы и съ мыломъ, ни къ чему, будто бы, не ведетъ.

— Да и мыться при баркахъ негдѣ: мужики будутъ глядѣть на бабъ... Только стыдъ одинъ; а кромѣ того вошь отъ холодной воды еще пуще множится.

Словомъ, они купаться въ рѣкѣ не хотѣли. Тогда Петръ съ сыномъ рѣшили ихъ «поневолить», но они не захотѣли раздѣваться, и мужики говорили, что ихъ, будто, «лихоманка бьетъ», а бабы сказывали, что онѣ «на себѣ имѣютъ», и тому подобное.

Петръ Семеновъ тотчасъ же обратилъ на это мое вниманіе и сказалъ:

— Вы должны это остановить: развѣ не слышите, что они всѣ въ одно слово кричатъ?.. Въ одно слово кричать нельзя!

Послѣ этого Петръ Семеновъ сталъ употреблять мѣры понужденія въ видѣ толчковъ и затрещинъ, а я положилъ пустить свое заступничество и сдѣлалъ это, всячески охраняя самолюбивый престижъ распорядителя.

Онъ выслушалъ и, поблѣднѣвъ, отвѣтилъ спокойно:

— Ахъ, значитъ, вы желаете, чтобы этотъ «продуктъ» не побуждать больше!

— Не такъ побуждать?

— А какъ же?

А я не зналъ какъ...

Но людей я, однако, защитилъ, и они это поняли и оцѣнили.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Такъ мы вышли изъ Оки въ Волгу и въ Нижнемъ у насъ вшивые народы опять заволновались: они вдругъ приступили къ Петру Семенову съ «неслыханной» просьбой, чтобы онъ сводилъ ихъ въ баню! Онъ, разумѣется, ихъ не повелъ, а тогда оба народа, курскіе и орловскіе, стали кричать, шумѣть, и я опять былъ призванъ для ихъ устрашенія и опять не умѣлъ исполнить этого какъ должно. А когда я сказалъ, что мнѣ людей жалко, то Петръ Семеновъ отвѣтилъ:

— Кому, сударь, людей жалко, тому не нужно браться народъ на сводъ водить.

И онъ отъ меня отвернулся.

Я чувствовалъ, что онъ сказалъ мнѣ правду, и мнѣ въ самомъ дѣлѣ стало совѣстно.

Чтобы облегчить нѣсколько свою душу. я купилъ пудъ мыла, разрѣзалъ его съ Михайлою на кусочки и роздалъ бабамъ-ребятницамъ. Бабы за это мнѣ были очень благодарны и вскорѣ объявили, что «вошь все одно», потому что «надо щелоку», а печей нѣтъ и щелоку нѣтъ!

Въ слѣдующемъ городѣ я купилъ уже два пуда мыла и опять роздалъ его бабамъ съ дѣтьми, но Петръ Семеновъ и за это на меня злился: онъ находилъ, что ежели мыло давать, то надо давать и другое многое, безъ чего обходиться нельзя, а тогда нельзя и конецъ положить надобностямъ.

Я начиналъ чувствовать, что я какъ будто порчу дѣло, и что Петръ Семеновъ, того и гляди, какимъ-то извѣстнымъ ему образомъ, отъ меня освободится и уйдетъ одинъ вождемъ всего «котильона».

Предчувствія эти и оправдались.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Черезъ два или три дня послѣ того, какъ Пизарро сказалъ мнѣ свои дерзости, у насъ на орловской баркѣ обнаружилось оригинальное и дерзкое покушеніе противъ власти: въ стѣнкѣ каюты Петра Семенова была просверлена дырочка и въ нее «вправлена соломинка». Приспособленіе это сдѣлалъ какой-то «орловскій шельма» для того, чтобы перепускать черезъ соломинку вшей.

Петръ и Дороѳей этимъ страшно оскорбились и захотѣли во что бы то ни стало «отыскать виновныхъ», а какъ никто въ этой винѣ не признавался, то стали грозить «перестегать съ пятаго на десятаго», но я этому воспротивился, и тогда къ слѣдующему же утру въ стѣнахъ горенки было открыто уже три пропускныхъ дырки.

Петръ еще сильнѣе требовалъ «перелущовать» всѣхъ, а я не давалъ, и при такихъ взаимныхъ неудовольствіяхъ мы спустились къ посаду, гдѣ стали на якорь и гдѣ произошло съ нами невѣроятное и удивительное событіе.

Это было вечеромъ подъ какой-то праздникъ, но подъ какой именно, я теперь не припомню. Былъ это праздникъ большой, и Петръ Семеновъ, которому надо было сдѣлать продовольственные запасы, боялся, что завтра онъ ихъ не найдетъ на базарѣ, а потому онъ сейчасъ же отправился на берегъ вмѣстѣ съ сыномъ и съ тремя мужиками, я остался на баркахъ и тутъ-то «народы», не видя между мною и собою никакого средостѣнія, окружили меня и начали мнѣ открывать свои обиды на Петра, который не додавалъ будто имъ и хлѣба и соли, напрасно стѣснялъ ихъ свободу и напрасно же обвинялъ ихъ въ томъ, что они будто просверлили дырки и пускали нечисть.

— Все, молъ, это напраслины, а дырки просверлилъ не кто иной, какъ Петровъ сынъ, Дорошка, по злобѣ на мужика, къ женѣ котораго Дорошка «ластился».

И тотчасъ же вслѣдъ за этимъ я услыхалъ изъ среды

«народовъ» вопль единодушный и ужасный: эти люди, братья мои, рыдая, вопили, чтобы я сжалился надъ ихъ страданіемъ и пустилъ ихъ на берегъ въ баню, смыть изъязвляющую ихъ нечисть... Они томились, рвались и галлюцинировали «банькой».

Долженъ или не долженъ былъ я внять этой истомѣ и этому моленію моихъ обовшивѣвшихъ братьевъ?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Не могу сказать, дѣйствительно ли на берегу топились бани или народамъ такъ хотѣлось мыться, что они галлюцинировали, но они увѣряли меня, что тамъ топятся бани на берегу и что въ бани пускаютъ нынче по грошу и что если ихъ пустятъ, они всѣ вымоются и черезъ часъ назадъ будутъ. Тогда пустить другихъ. Я смотрѣлъ на телѣжника и на Михайлу. Телѣжникъ по своему обыкновенію только улыбался, а Михайло молчалъ, а вопль былъ несносенъ и, въ самомъ дѣлѣ, могъ достигать до Господа. Въ довершеніе картины и для бо̀льшаго мученія моихъ чувствъ выскочилъ какой-то мужичонко и началъ тыкать мнѣ въ глаза маленькаго умирающаго мальчика, у котораго во всѣхъ складкахъ тѣла, какъ живой бисеръ, переливали насѣкомыя.

— Вотъ! — кричалъ мужикъ, — вотъ, смотри это! — а потомъ онъ швырнулъ ребенка на полъ, какъ полѣно, и обнажилъ свои покрытыя лохмотьями ребра, и тутъ я увидалъ, что у него подъ мышками и между его запавшими ребрами нѣчто такое, чего не могу изобразить и чего тогда я не могъ стерпѣть, и сказалъ:

— Хорошо!.. На мнѣ будетъ отвѣтъ за васъ, но я вамъ дамъ денегъ на баню: устройтесь какъ надо и ступайте на берегъ, вымойтесь.

Посадили мы сорокъ человѣкъ на лодки и пустили ихъ на берегъ въ бани подъ надежной командой добраго Михайлы, который долженъ былъ этихъ людей высадить и прислать намъ лодки обратно съ гребцами.

На берегу все еще звонили къ вечернѣ или ко всенощной, и какъ всѣмъ намъ казалось—оттуда вѣтеркомъ доносило запахъ пара и баннаго вѣника.

Я стоялъ на баркѣ и смотрѣлъ, какъ наши лодки доплыли до берега и видѣлъ, какъ люди стали изъ нихъ выходить, — шибко-шибко, одинъ за другимъ, какъ воробьи, выпрыгнули съ живостью, которой трудно было ожидать отъ ихъ неуклюжества, и затѣмъ... лодки стоятъ у берега и назадъ не возвращаются... И намъ туда послать не на чемъ и нѣтъ намъ оттуда ни гласа, ни послушанія...

Это стало удивительно!

Ждемъ полчаса, часъ, наконецъ, становится темно, — никого нѣтъ, а вдругъ въ темнотѣ плескъ веселъ и... является какъ сатана злой и надменный Петръ Семеновъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Я чувствовалъ, что случилось что-то дурное, и не ошибся случилось вотъ что: отпущенные мною въ баню многострадальные люди, завѣривъ меня, что я за нихъ «не отвѣчу», совсѣмъ не пошли въ баню, а какъ выпрыгнули на берегъ, такъ и *пошли въ Орловскую губернію.*

— Они намъ—вшивая братія—хорошо поусердствовали, и вы ихъ хорошо пожалѣли! — заключилъ Петръ Семенычъ, и сейчасъ же, перейдя съ шутливаго тона въ самый серьезный, добавилъ:—Ну-съ, ждать нельзя! извольте брать съ собою довѣренность и поѣдемте на берегъ: я уже упредилъ начальника и онъ готовъ: сейчасъ надо ихъ догнать! Эта баня экономіи дорого обойдется!

Дѣло приняло такой оборотъ, что всѣ были виноваты, а правъ одинъ Петръ Семеновъ, и потому весь преферансъ былъ на его сторонѣ и надо было ему повиноваться, и повиноваться скоро и безъ разсужденій. Пизарро меня побѣдилъ и уже начиналъ торжествовать свою побѣду. Когда мы проходили къ лодкѣ, онъ шелъ впереди меня съ

фонаремъ и, остановясь возлѣ одной молодой женщины, кормившей грудью ребенка, съ безстыжею наглостью освѣтилъ ея раскрытую грудь своимъ фонаремъ. По груди что-то сѣрѣло, точно тюль, и эта тюль двигалась, смѣшиваясь у соска съ каплями синяго молока, отъ котораго отпалъ ребенокъ.

Уста Пизарро искривила презрительная улыбка и онъ отхватилъ фонарь и проговорилъ:

— Какъ не повѣрить, что мой сынъ на этакую прелесть польстится!

Мы плыли въ гордомъ молчаніи, но какъ только вышли на берегъ, Петръ сейчасъ же настойчиво спросилъ у меня мою довѣренность и требовалъ, чтобы я самъ въ дѣло не мѣшался, а подождалъ его въ трактирѣ. Теперь онъ прямо говорилъ мнѣ, что я могу испортить все дѣло.

Я ему повѣрилъ, и онъ поѣхалъ къ чиновнику, урядъ котораго былъ мнѣ не ясенъ: Петръ называлъ его то исправникомъ, то просто начальникомъ, и вскорѣ же съ нимъ и съ его тремя казаками они погнались за бѣглецами, которыхъ безъ труда догнали на пятой верстѣ, оборотили ихъ и погнали назадъ подъ прикрытіемъ тѣхъ же трехъ полицейскихъ казаковъ, изъ которыхъ опять, какъ и въ Орлѣ, только у одного была пика.

Несмотря на ночной сумракъ, я видѣлъ какъ ихъ «гнали». Передъ этимъ шелъ дождь, а почва была глинистая, и было смѣшно и жалко смотрѣть, какъ они шлепали и какъ ноги ихъ волоклись и расползались по мокрой глинѣ, при чемъ гдѣ скользила и падала одна передняя пара — то же самое продѣлывали и всѣ другіе, точно въ самомъ дѣлѣ вели котильонъ съ повтореніемъ фигуръ.

Петръ Семеновъ возвращался съ исправникомъ на дрожкахъ и держалъ себя съ нимъ съ большимъ достоинствомъ. Меня онъ ему отрекомендовалъ короткой фразой:

— Вотъ это на ихъ имя довѣренность — и больше не сказалъ ни слова.

А завернутый въ шинель исправникъ послѣ этого нагнулся и прошепталъ мнѣ на ухо:

— Прошу васъ поспѣшить ко мнѣ въ домъ... мы должны съ вами говорить. Пожалуйста, сію минуту!

Онъ опять запахнулся, и я замѣтилъ, что у него была какая-то звѣзда подъ капюшономъ шинели. Онъ поѣхалъ, и я прошелъ къ нему и ждалъ его довольно долго и въ самомъ противномъ душевномъ настроеніи.

«Господи!—думалъ я,—какъ я дурно сдѣлалъ! но могъ ли я ожидать, что эти взрослые люди будутъ такъ безразсудны, что они покинутъ женъ и дѣтей и станутъ убѣгать куда-то, при ясной очевидности, что имъ убѣжать невозможно! Ручного барсука смѣло пускаютъ въ лѣсъ на охоту, оставляя взаперти его самку съ дѣтьми, и барсукъ не убѣгаетъ, а возвращается въ неволю къ своей самкѣ!.. А это вѣдь все-таки люди!»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

У меня было время подумать и о томъ, какъ имъ будетъ стыдно, когда ихъ опять посадятъ на барки... Да, и мнѣ завтра будетъ стыдно на нихъ глядѣть... А исправника все еще нѣтъ, какъ нѣтъ... и мнѣ очень скучно въ его кабинетѣ, а уйти неловко, да притомъ оказалось, что мнѣ и нельзя уйти, потому что солдатъ, проводившій меня сюда, ушелъ и дверь за собою заперъ, такъ что я остался подъ арестомъ.

Въ такомъ непріятномъ положеніи я старался развлечь себя чѣмъ могъ. Къ моему счастію, здѣсь были книги и притомъ такія, которыми въ тогдашнее время интересовались,—напримѣръ, лекціи московскихъ профессоровъ: Кудрявцева, Грановскаго, Геймана и Рулье «О городской ласточкѣ», «Письма» Герцена, «Объ изученіи природы» съ достопамятнымъ вступленіемъ, «Во славу Цереры, Помоны и ихъ сродниковъ» и русская Библія съ казенною сургучною печатью на переплетѣ.

Эта, очевидно, попала сюда по какому-нибудь особому случаю и жила въ исправницкой библіотекѣ не «въ родѣ арестанта».

Такъ какъ эта книга была тогда большою рѣдкостью, то я началъ ее просматривать и не замѣтилъ, какъ явился домой хозяинъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Исправникъ или, какъ оказалось, *неисправникъ* этотъ былъ молодой человѣкъ и, повидимому, принадлежалъ къ числу «образованныхъ дворянъ».

Когда я его видѣлъ на дрожкахъ, завернутымъ въ шинель съ страннымъ орденомъ, сверкавшимъ изъ-подъ капюшона, онъ мнѣ казался человѣкомъ солиднымъ, какъ и надлежитъ быть исправнику, а теперь, когда онъ снялъ шинель, передо мною явилась просто «фитюлька», и вдобавокъ фитюлька эта вела себя чрезвычайно неосновательно. Во-первыхъ, этотъ молодецъ вбѣжалъ къ себѣ запыхавшись и напѣвая: «Услышь меня — полюби меня!»; а во-вторыхъ, онъ удивился моему здѣсь присутствію, а потомъ началъ извиняться и хохотать.

— Что прикажете дѣлать? — заговорилъ онъ, — дѣлаешь то, что можешь, и позабудешься, но за то, слава Богу, все кончено: я всѣхъ выпоролъ!

— Кого выпороли?

— Этихъ вашихъ сорокъ бунтарей... Надо бы, конечно, отобрать зачинщиковъ, да вашъ старикъ такъ просилъ, чтобы не отбирать, а лучше «всѣхъ», да и что въ самомъ дѣлѣ ихъ разбирать!

— Но позвольте... вѣдь это какое-то недоразумѣніе!.. всѣ сорокъ человѣкъ... Куда они побѣжали и такъ безропотно опять вернулись сюда...

Молодой человѣкъ расхохотался.

— О, да! и не говорите! Болваны! Я вамъ откровенно скажу, наши люди—это болваны!.. Представьте вы въ моемъ положеніи англичанина! — вѣдь онъ бы, я увѣренъ, расте-

рялся, но мнѣ настоящее знаніе этого народа дастъ на него настоящія средства. И это почему-съ? потому что я здѣсь родился и выросъ! Когда вашъ мужикъ пришелъ и говоритъ: «помогите — сорокъ человѣкъ убѣжало», я подумалъ: что дѣлать? Мой начальникъ въ отъѣздѣ, а я самъ вѣдь ничего не значу и не имѣю никакихъ правъ: вѣдь я простой приказный, я секретарь, не болѣе того, но я знаю этотъ народъ; и потому я взялъ трехъ калѣкъ, надѣлъ шинель съ пристегнутой къ ней большой пряжкой, догналъ бѣглецовъ, скомандовалъ имъ: «сволочь, назадъ!» и всѣхъ ихъ привелъ назадъ и перепоролъ. Моя пряжка дѣйствуетъ удивительно: я гоню ихъ назадъ, какъ Фараонъ, привожу и всѣхъ ихъ сѣку; и не забудьте: сѣку ихъ при ихъ же собственномъ великодушномъ и благосклонномъ содѣйствіи: они другъ друга держатъ за ноги и за руки, и сидятъ другъ у друга на головахъ, и потомъ я ихъ отправлю на барку, и все кончено. Они отплываютъ, а я стою на берегу и думаю: «Ахъ, вы, соръ славянскій! Ахъ, вы, дрянь родная!» Пусть бы кто-нибудь самъ-третей продѣлалъ этакую штуку надъ сорока французами!.. Чорта-съ два! А тутъ все прекрасно... И это еще, не забудьте, съ моей простой пряжкой; но если бы у меня былъ настоящій орденъ!.. О, если бы у меня былъ орденъ! Съ настоящимъ орденомъ я бы одинъ цѣлую Россію выпоролъ! А ваши вещи всѣ на пристани... Тамъ ваше все... Васъ нельзя было оставить съ переселенцами... Вашъ Петръ говоритъ, что онъ иначе не отвѣчаетъ за спокойствіе, и я это понимаю: это справедливо; онъ и довѣренность вашу увезъ съ собой, и прекрасно сдѣлалъ, а то надо было бы о васъ доносить.

— Что же такое надо бы обо мнѣ доносить?

— Да вотъ, что вы дѣлали всеобщее возмущеніе.

И тутъ онъ объяснилъ мнѣ, что спущенная мною на сушу группа взбунтовавшихся крестьянъ могла вызвать движеніе, за которое, можетъ-быть, пришлось бы множество людей сослать, а теперь, благодаря его находчивости, все

окончилось только тѣмъ, что онъ сорокъ человѣкъ перепоролъ и меня оставилъ...

Мнѣ оставалось его поблагодарить.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Съ тѣхъ поръ, какъ происходило описанное приключеніе, уплыло много лѣтъ и многое измѣнилось. Кое-что даже и серьезно улучшилось, но слухи, доходящіе до столицъ о движеніи переселенцевъ, приносятъ однако все старыя, давно знакомыя вѣсти, изъ которыхъ приходится заключать, что тутъ два стимула остаются неизмѣнными: 1) «народы» поднимаются, не зная куда, и возвращаются, не зная зачѣмъ, и 2) «народы», во все время своего слѣдованія, все еще «чухаются» и «ищутся», потому что ихъ «пожираетъ вошь». Послѣднее отвратительно до такой степени, что объ этомъ никто не рѣшается серьезно говорить, а только упоминаютъ вскользь. И вотъ именно поэтому-то, можетъ-быть, дѣло съ «исканіемъ» все и остается въ своемъ прежнемъ, ужасномъ положеніи; а это есть большое народное бѣдствіе, которое промалчивать въ печати стыдно и жестоко. Нечистота противна, пѣсни объ этомъ, за фортепіаномъ сидя, не споешь и баллады на эту тему не напишешь, но надо отложить брезгливость въ сторону и настойчиво говорить о нечисти, чтобы ее уничтожить. Это настоящая *египетская казнь!* Партія переселенцевъ, плывшая въ 1892 г. во Владивостокъ, «обчесалась» въ виду Коломбо, но ей въ этомъ ничѣмъ не помогли и люди такъ поплыли чесаться далѣе!.. Пусть знаютъ нашихъ, каковы мы въ гости ѣдемъ! А въ собраніи Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ въ Петербургѣ, 14-го марта 1893 года, читали и говорили, что средствъ для помощи переселенцамъ мало, что ихъ недостаетъ «на самыя вопіющія нужды», и что «крайнее скопленіе переселенцевъ развиваетъ болѣзни», а вслѣдствіе того «они заражаютъ бараки, въ которыхъ ихъ помѣщаютъ». По этому поводу общество взы-

вастъ къ «участію земствъ». А я считаю умѣстнымъ разсказать здѣсь въ «Переселенческомъ сборникѣ» то, что я видѣлъ на переселенческой баркѣ, чтобы напомнить покровителямъ странныхъ, что *самое большее бѣдствіе для переселенцевъ это есть поѣдающая ихъ нечисть*. Отчего ничье милосердіе не встрѣчаетъ ихъ по дорогѣ и не моетъ ихъ въ баняхъ! Вѣдь они все заразятъ, гдѣ ни приткнутся! Гейне былъ правъ, говоря, что «кто любитъ народъ, тотъ долженъ сводить его въ баню». И это первое, за что надо взяться повсемѣстно, какъ только «продуктъ природы» надвигается.

бопытство, возбужденное появленіемъ статьи въ московскомъ журналѣ, не было однако вполнѣ удовлетворено, потому что изъ всего изслѣдованія въ «Русскомъ Вѣстникѣ» напечатано только три главы, а остальное обѣщано впредь, но продолженія не было. Не было продолженія этой статьи и ни въ какомъ другомъ изданіи, а въ законченномъ въ 1892 году трудѣ В. И. Межова: «Сибирская библіографія» (№ 6972), «Исповѣдный штрафъ» Вакха Гурьева прямо показанъ неоконченнымъ *).

Свѣдѣніе это надо считать наиобстоятельнѣйшимъ, для котораго излишни были бы повѣрки, но и онѣ были сдѣланы и принесли тѣ же самые результаты: большая исторія, описаніе коей было начато по документамъ и живымъ, устнымъ разсказамъ и повѣстямъ, остается въ зачаточномъ положеніи, безъ развитія и безъ конца, а потому и не приводитъ читателя ни къ какому опредѣлительному выводу и заключенію.

Была ли рукопись этого изслѣдованія доведена Вакхомъ Гурьевымъ до конца—неизвѣстно, равно какъ неизвѣстна и причина, по которой печатаніе «Исповѣднаго штрафа» было въ «Русскомъ Вѣстникѣ» прервано и неокончено. Можетъ быть, это зависѣло отъ неблагопріятныхъ для литературной работы условій въ положеніи самого автора, который въ это время перемѣнилъ мѣсто и, перейдя на службу въ Царство Польское, умеръ въ Калишѣ 24 іюля 1890 г.

Случай даетъ теперь возможность изложить это дѣло во всей его полнотѣ и законченности, хотя и безъ тѣхъ частностей, которыми располагалъ Вакхъ Гурьевъ, знавшій Сибирь по личнымъ наблюденіямъ и пользовавшійся разсказами другихъ старожиловъ.

Случай же этотъ заключается въ слѣдующемъ. Въ С.-Петербургѣ жилъ и здѣсь же не такъ давно скончался извѣстный сибирскій золотопромышленникъ, генералъ-маіоръ

*) «Сибирская Библіографія», Вл. Изм. Межова (Изданіе И. М. Сибирякова, Спб. 1892 г.), содержащая въ себѣ «Указатель книгъ и статей о Сибири».

Вениам. Ив. Асташевъ, съ которымъ я былъ знакомъ, и отъ котораго подарены мнѣ нѣсколько копій съ дѣловыхъ бумагъ, касающихся сибирской жизни. Довольно долгое время бумаги эти лежали у меня неразобранными, а когда я сталъ ихъ просматривать лѣтомъ прошедшаго года, то увидалъ, что въ нихъ есть очень значительная доля того матеріала, который встрѣчается въ обработанномъ видѣ въ изслѣдованіи Вакха Гурьева объ «исповѣдномъ штрафѣ XVIII-го вѣка», и что матеріалъ этотъ не ограничивается тѣмъ, что̀ попало уже въ начало изслѣдованія Гурьева, а идетъ дальше сплошною и неразрывною цѣпью событій до тѣхъ поръ, пока дѣло кончается въ тридцатыхъ годахъ истекающаго нынѣшняго столѣтія. Матеріалъ даетъ возможность закончить недоконченное изслѣдованіе объ «исповѣдномъ штрафѣ», который находчивостью сибирскихъ дѣятелей переходитъ въ другое дѣло — «о небытіи», потомъ въ дѣло «о скверноядствѣ», и наконецъ—«о простотѣ», въ которой все и «тонетъ въ тундрахъ Сибири».

Крайне заинтересованный этимъ оригинальнымъ дѣломъ, я рѣшился изложить его въ нижеслѣдующемъ разсказѣ, причемъ—дабы сохранить изложенію цѣльность — долженъ былъ вкратцѣ сказать опять и о томъ, что̀ уже разсказано въ трехъ главахъ повѣствованія В. Гурьева въ «Русскомъ Вѣстникѣ», съ тою, однако, разницею, что какъ я не знаю мѣстныхъ преданій о всей этой исторіи, то я ихъ и не касаюсь, а веду весь разсказъ гораздо кратче и уже, чѣмъ разсказъ Гурьева, пущенный въ первыхъ трехъ главахъ широко—до чрезвычайности.

Я держусь въ моемъ изложеніи дѣла однѣхъ бумагъ, и притомъ, — какъ я имѣю основаніе думать, — именно тѣхъ самыхъ бумагъ, которыми пользовался для своего начатаго и недоконченнаго труда Вакхъ Гурьевъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Среди явленій русской жизни въ Сибири чрезвычайно характернымъ и любопытнымъ представляется борьба свѣт-

скихъ и духовныхъ властей съ крещеными сибирскими инородцами и другими людьми, которые не понимали важности принятыхъ ими на себя обязанностей. Особенно много заботъ было о томъ, чтобы они не уклонялись отъ исповѣди.

Архивы сибирскихъ консисторій, духовныхъ правленій и губернскихъ и воеводскихъ канцелярій хранятъ до сихъ поръ множество дѣлъ «о небытіи», «о скверноядствѣ» и «о злоупотребленіи простотою», изъ которыхъ рачителемъ сибирской старины сдѣланы были нѣкоторыя выписки, приведенныя здѣсь нами въ порядокъ.

Дѣло, о которомъ будетъ рѣчь, сначала получило названіе «о небытіи», подъ которымъ и упоминалось въ бумагахъ. Началось оно при Петрѣ Великомъ и, какъ думаютъ нѣкоторые, — по его мысли, а во всякомъ случаѣ по его указу 14-го февраля 1716 года (т.-е. за девять лѣтъ до его кончины). Въ указѣ томъ «великій государь велѣлъ всякаго чина людямъ у отцовъ духовныхъ повсегодно исповѣдываться, а ежели кто не исповѣдуется, на таковыхъ попамъ подавать росписи архіереямъ, а имъ тѣ росписи отсылать губернаторамъ, а губернаторамъ и лантратамъ класть на тѣхъ людей штрафъ, противъ дохода съ него втрое, а потомъ имъ ту исповѣдь исполнять. А которые прежде податей не платили и явятся виновными, тѣхъ обложить, примѣняясь къ тому же, а съ дѣвокъ и вдовъ противъ онаго вполы. Раскольниковъ же положить противъ настоящаго платежа».

Такимъ образомъ, денежный штрафъ за «небытіе» (т.-е. у исповѣди) былъ наложенъ этимъ указомъ одновременно какъ на раскольниковъ, такъ и на церковныхъ людей, которые въ очень большомъ количествѣ не являлись для исповѣди къ своимъ духовнымъ отцамъ.

Отсюда началось это дѣло; а далѣе сейчасъ мы будемъ видѣть, какъ этотъ источникъ потёкъ по азіатской окраинѣ, гдѣ рѣдкое и бѣдное кочевое населеніе живетъ въ обширномъ разсѣяніи и притомъ «пребываетъ въ состояніи природной простоты и совершенной дикости».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Наложеніе штрафа за неявку къ исповѣди сначала поручалось *свѣтскимъ властямъ*, «губернаторамъ и лантратамъ», а по скольку налагать на каждаго человѣка, неявившагося къ исповѣди — на это искали опредѣленія въ указѣ, гдѣ сказано, что надо «класть штрафъ противъ доходовъ съ него (отбѣгальщика) *втрое*». Лантраты поняли такъ, что раскольниковъ нужно «записать въ *двойной* окладъ (платимыхъ ими податей)», а церковныхъ, не явившихся къ исповѣди, слѣдуетъ оштрафовать *втрое*. И многіе такъ и сдѣлали, а чрезъ это вышло, что раскольники, заплатившіе двойной окладъ, «отводили исповѣдную повинность» дешевле, чѣмъ православные, которыхъ лантраты обложили штрафомъ «втрое противъ доходовъ съ нихъ». Православные, увидавъ изъ этого, что имъ гораздо выгоднѣе совсѣмъ «записаться по двойному окладу», объявили себя раскольниками. Они стали являться къ свѣтскимъ властямъ и просили «записать ихъ въ двойной окладъ», а тѣ это исполняли, и расколъ возросталъ въ своей численности.

Другіе же люди, которые не хотѣли зачислять себя въ раскольники, «по двойному окладу», стали обращаться къ «приходскимъ попамъ» съ подкупами, чтобы «попы показывали ихъ *бывшими*». Попы брали за это «посулы» и показывали небытейщиковъ «бывшими», и такимъ образомъ реестрація вмѣсто того, чтобы выяснить дѣло, повела къ усиленной лжи. А какъ «посулы» за фальшивыя отмѣтки небытейщиковъ «бывшими» брали одни попы и не дѣлились этими доходами съ причетниками, то среди сихъ послѣднихъ запылала всеобщая зависть противъ настоятелей и пошли на нихъ доносы.

Доносовъ было множество, и представители духовной власти ихъ не скрывали, а напротивъ, охотно направляли ихъ на видъ высшаго начальства, чтобы показать, что свѣтскіе чины не могутъ хорошо вести это дѣло и только

портятъ духовенство, предоставляя ему возможность покрывать виновныхъ въ уклоненіи отъ исповѣди.

Изъ-за этого между свѣтскими чиновниками и приходскимъ духовенствомъ начались споры и «подвохи». Духовное вѣдомство, по убѣжденію, что свѣтскіе неподлежаще записали въ раскольничій окладъ не-раскольниковъ, «посылало *своихъ фискаловъ* для розыска, а свѣтскія власти, потакавшія раскольщикамъ, схватывали посланцевъ духовнаго вѣдомства и сажали ихъ скованныхъ въ тюрьмы и держали подъ крѣпкимъ карауломъ и оному изслѣдованію о раскольникахъ и духовныхъ дѣлахъ чинили тѣмъ сущую остановку» *). Свѣтскія же власти въ отпоръ этимъ укоризнамъ со стороны лицъ духовныхъ вывели на видъ, что «многіе священники въ поданныхъ ими духовныхъ росписяхъ за 1716 и 1717 годы (самые первые послѣ указа) многихъ дѣтей своихъ духовныхъ неисповѣдавшихся написали исповѣдавшимися, *а дѣйствительно бывшихъ у исповѣди* по злобѣ своей на нихъ *записали небывшими*».

О злоупотребленіяхъ въ подобномъ родѣ завелось множество дѣлъ, шли безконечные допросы, сыски и очныя ставки, а между духовными и свѣтскими чиновниками поднялась такая ожесточенная распря, что высшее правительство увидало необходимость быстро и энергично вмѣшаться въ это дѣло и дать ему другое направленіе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Десятаго и семнадцатаго марта 1718 года послѣдовали высочайшіе указы, которыми (10 марта 1718) категорически опредѣлялось: «по сколько именно надлежитъ брать штрафа съ разнаго званія людей, отбѣгающихъ исповѣди».

Назначено брать «съ разночинцевъ и посадскихъ въ первый годъ по одному рублю, во второй — по два, а въ третій—по три, а съ поселянъ въ первый разъ по десяти

*) Указъ св. синода 29-го марта 1721 г.

денегъ, во второй — по гривнѣ, а въ третій — по пяти алтынъ». А чтобы штрафъ за небытіе взыскивался безъ попустительства и безъ пререканій между особами свѣтскаго и духовнаго чина,—все это дѣло передавалось въ завѣдываніе лицъ одного духовнаго вѣдомства,—а прежнимъ взимателямъ штрафа изъ особъ свѣтскаго званія настоящими указами предоставлялось только наказаніе виновныхъ. Заниматься взысканіемъ было, разумѣется, гораздо прибыльнѣе, чѣмъ наказывать несостоятельныхъ плательщиковъ, и потому свѣтскія власти описанною перемѣною были недовольны и стали дѣлать духовенству помѣхи.

Духовенству же съ «набытіемъ правъ» по сбору штрафовъ за небытіе прибыло и «страхованія», и «страхованія» эти были не шуточныя. Въ указѣ читаемъ: «А буде о тѣхъ, кто у исповѣди не будетъ, а священникъ о томъ не донесетъ и за такую его манў (sic) взять на немъ штрафъ первое пять рублевъ, второй—десять, а третій—пятнадцать рублевъ. А ежели по тѣмъ (т.-е. и послѣ третьяго штрафа) явится въ такой же манѣ и зато изверженъ будетъ священства».

И еще это «страхованіе» было усилено тѣмъ, что повелѣно было «по изверженіи» священниковъ «взять ихъ имѣніе», а самихъ ихъ «отсылать для наказанія къ гражданскому суду и въ каторжную работу».

Извѣстясь о такихъ указахъ, особы духовнаго чина не сразу разобрали: «пришло ли къ нимъ торжество или горечь». Дѣло оштрафованія «небытейщиковъ» обѣщало, конечно, хорошія выгоды, но и «страхованія» съ изверженіемъ и отъятіемъ, а наипаче съ преданіемъ въ руки свѣтскихъ приказныхъ наводило на духовныхъ ужасъ, который тѣмъ легче понять, что «свѣтскіе» питали зло на духовенство за передачу въ ихъ руки самой выгодной части дѣла, и теперь приказные, по всѣмъ вѣроятіямъ, не дадутъ спуску тѣмъ изъ духовныхъ, которые попадутся въ ихъ руки.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Особы свѣтскаго чина и дѣйствительно начали держать себя гордо и не уступали духовенству ни одного шага безъ непріятностей. Даже въ самомъ началѣ приказные манкировали требованіемъ духовенства. Съ 1718 по 1721 годъ духовное вѣдомство даже не добилось епце, чтобы свѣтскіе сообщили ему списки небытейцевъ. Губернаторы, камериры и лантраты относились столь небрежно къ требованіямъ представителей церковной власти, что часто вовсе не отвѣчали на бумаги архіереевъ и тѣ только «съ безнадежностью» доносили объ этомъ московскому приказу церковныхъ дѣлъ. Однообразія въ дѣйствіяхъ не было, а повсемѣстно дѣло шло гдѣ какъ попало: въ одномъ мѣстѣ «небытейщиковъ» штрафовали священники, въ другомъ—приказные, и тѣ и другіе по своему безсудили однихъ и мирволили другимъ, а взысканныя деньги «представляли по своей командѣ», или даже вовсе не представляли. Шла вообще полная безурядица, съ которою московскій церковный приказъ уже не могъ найти накакого толку, и тогда за дѣло это взялось новое высшее церковное учрежденіе—св. правительствующій синодъ.

Только-что учрежденный тогда синодъ тотчасъ же оцѣнилъ значеніе дѣла о «небытейщикахъ» и указами отъ 20-го и 21-го чиселъ марта 1721 года сообщилъ въ сенатъ «вѣденіе», а епархіальнымъ архіереямъ послалъ указы, «чтобы впредь собираемые съ раскольниковъ и съ небывшихъ у исповѣди штрафы, опричь онаго святѣйшаго правительств. синода, въ другія мѣста не отсылать и опредѣленному въ Москвѣ камериру тѣхъ штрафныхъ денегъ и объ нихъ вѣдомостей не отдавать *)».

Такимъ энергическимъ и твердымъ мѣропріятіемъ св. синода былъ положенъ конецъ нахальному непослушанію

*) Указы св. синода 20-го и 29-го марта 1721 года.

приказныхъ свѣтскаго званія, но за то возникли теперь недоразумѣнія въ самомъ московскомъ приказѣ церковныхъ дѣлъ, которыми въ это время управлялъ архимандритъ Златоустовскаго монастыря Антоній.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Подъ пригрозою св. синода свѣтскіе приказные сдали въ духовныя правленія «свѣденія и отписки» о небытейцахъ, но дѣла эти были въ такомъ видѣ, что въ нихъ нельзя было доискаться толку.

Златоустовскому архимадриту Антонію поручено было разобрать и привести въ ясность всѣ безпорядочно сунутыя съ рукъ приказными бумаги, а когда онъ разобрался, то увидалъ, что сами правительственныя указанія о тѣхъ, кого надо штрафовать, до сихъ поръ еще не ясны. Такъ наприм., архимадритъ недоумѣвалъ: «какой штрафъ наложить и требовать съ людей, которые не подходили ни къ купеческому, ни къ крестьянскому сословію, и изъ числа коихъ являлись *многіе сирые и убогіе*, именно: солдаты, драгуны, ямщики и жены ихъ, зеленщики, каменьщики, ученики латинской и математической школы, оружейники, столяры, *сторожа церковные*, *звонари соборные*, приказные сторожа и *приставы*, люди боярскіе, сокольники и ихъ работники и работницы, шляпнаго и суконнаго дворовъ ученики и работники, *дому государева нижніе чины и дворовые люди*, хлѣбники, калашники, блинники, харчевники, масленники, печатнаго двора батыйщики и тередорщики и работные люди, кожевенники; портные мастеры, сапожники, канатчики, свѣчники, плотники, швальчики, пивовары и богадѣленные нищіе мужеска и женска полу».

Внимательный златоустовскій архимандритъ основательнымъ изученіемъ дѣла обнаружилъ такое положеніе, которое еще не было въ виду правительства, но которое, однако, вполнѣ соотвѣтствовало живописанію Посошкова, въ его «изъявленіи очевидности лицемудрія», гдѣ онъ писалъ, что

у насъ «аще подкрѣпленія (указами) не будетъ, то и впредь вси по прежнему въ церковь ходить не будутъ» *). Небытейщиковъ приходилось забирать и штрафовать не въ отдаленныхъ дебряхъ и пустыняхъ, а въ покровительствуемыхъ императоромъ новоучрежденныхъ школахъ, при собственномъ государевомъ дворѣ и, наконецъ, даже при самыхъ приходскихъ церквахъ и соборахъ, гдѣ сторожа и звонари упрямо не хотѣли «отбывать исповѣдь», а въ то же время эти упрямцы были такъ «сиры и бѣдны», что въ штрафъ съ нихъ нечего было взять ни въ первый разъ, ни во второй, ни въ третій.

Архимандритъ, обнаруживъ такое удивительное состояніе въ церковномъ благоустройствѣ, не испрашивалъ въ виду этого новыхъ попечительныхъ мѣропріятій, которыя, можетъ быть, теперь были бы умѣстны, а только представилъ вопросъ: «съ вышеозначенныхъ разночинцовъ скудныхъ и бѣдныхъ рублевый ли штрафъ или за скудость *по усмотрѣнію и обыску* умалять — поселенскій ли или противо купечества штрафъ имать?» Далѣе онъ спрашивалъ: «какъ поступать съ тѣми, которые въ податныхъ книгахъ написаны неисповѣдавшимися, а послѣ той переписи и поданія книгъ померли?» Или—«съ тѣми, кои временно проживали въ домахъ на квартирѣ или въ работникахъ и при переписке записаны въ этихъ домахъ, а когда наступило время взысканія съ нихъ штрафа, они въ тѣхъ домахъ уже не оказались». Архимандритъ Антоній спрашивалъ у св. синода разрѣшенія, съ кого въ таковыхъ случаяхъ взыскивать штрафъ: «съ хозяевъ ли тѣхъ домовъ, или велѣть имъ тѣхъ людей отыскивать».

Такихъ осмотрительныхъ и осторожныхъ людей, какъ глава московскаго приказа церковныхъ дѣлъ, архимандритъ Антоній, оказалось довольно много. Въ виду «страхованія» и «пригрозъ», послѣдовавшихъ изъ синода, исполнительныя лица духовнаго вѣдомства старались дѣйствовать какъ

*) См. Сочиненія Посошкова, стр. 10.

можно осмотрительнѣе и, не принимая на себя ничего, что̀ имъ могло казаться хотя маломальски сомнительнымъ, съ разныхъ сторонъ слали въ синодъ свои многочисленные вопросы и «ожидали на нихъ въ разъсненіе указовъ».

Въ синодѣ скоро образовалось огромное скопленіе бумагъ этого рода, изъ которыхъ каждая требовала «наставленій, указаній и точныхъ и явныхъ опредѣленій». Синодъ былъ обремененъ этими бумагами и по многимъ изъ нихъ сносился съ сенатомъ, а сенатъ требовалъ свѣдѣній отъ губернаторовъ,—синодъ дѣлалъ замѣчанія архіереямъ, а архіереи своимъ подначальнымъ администраторамъ, и все это при медлительности тогдашнихъ сношеній и при умышленномъ «препирательствѣ» и «отпискахъ» со стороны представителей разныхъ вѣдомствъ страшно увеличивало громадность дѣлъ, заведенныхъ о «небытіи», изъ котораго въ результатѣ не выходило *ничего!*

Но здѣсь, въ Европейской Россіи, съ розысками «небытейщиковъ» все-таки не встрѣчалось такихъ достойныхъ памяти затрудненій, какія обнаружились въ Сибири, гдѣ разстоянія огромны, полу-кочевое народонаселеніе рѣдко и дико, а духовенство было въ тогдашнее время совершенно необразованно и имѣло за себя такихъ «крѣпкихъ» представителей, какъ Арсеній Мацѣевичъ, Павелъ Конюшкевичъ и другіе, любившіе постоять за свою власть. Тутъ нашлись настоящіе борцы для борьбы съ «свѣтскими властителями», и раченія ихъ достойны долгой памяти въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ Сибирь вопросъ о сыскѣ людей, не бывающихъ у исповѣди, пришелъ не сразу, но зато здѣсь онъ получилъ серьезную постановку. Первые «строжайшіе указы» о сыскѣ виновныхъ въ небытіи и о взысканіи съ нихъ штрафа пришли при митрополитѣ сибирскомъ Филоѳеѣ Лещинскомъ, который былъ настроенія аскетическаго и шум-

ныхъ дѣлъ мірского характера не любилъ *), и потому, несмотря на всю строгость указовъ, повелѣвавшихъ немедленно начать безконечное дѣло «о небытіи», онъ не обратилъ на эти указы никакого вниманія. Или онъ былъ добръ и не хотѣлъ тѣснить людей, или, хорошо зная условія жизни сибирскихъ дикарей и полудикарей, онъ понималъ, что тамъ требуемое дѣло сдѣлать нельзя, а что отъ возни съ нимъ придетъ только порча на тѣхъ, кто начнетъ съ нимъ справляться. Дѣло тронулось только послѣ того, какъ Филоѳей отошелъ, въ 1721 году, на покой и на мѣсто его былъ сдѣланъ сибирскимъ митрополитомъ черниговскій архіерей Антоній Стаховскій. Съ этихъ поръ дѣло «о небытейцахъ» получаетъ движеніе и все возвышается строгая о немъ требовательность, а съ тѣмъ вмѣстѣ разыгрывается и полнѣйшая невозможность выполнить надъ небытейщиками все то, что̀ требовалось. Новый сибирскій іерархъ **) распорядился, чтобы сибирскіе священники въ концѣ церковныхъ богослуженій по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ «читали бы *всѣ преждесостоявшіеся* высочайшіе указы о хожденіи къ церквамъ и *о бытіи наипаче* (курсивъ подлин.) у исповѣди», но на этой почвѣ дѣло не шло, и новый іерархъ (третій послѣ полученія указовъ «о небытіи») ***) Варлаамъ Петровъ (другъ губернатора), черезъ пятнадцать лѣтъ повелѣлъ сибирскому духовенству смотрѣть на «взысканіе штрафа за небытіе» какъ на «само-

*) Сибирскій митрополитъ Филоѳей Лещинскій правилъ митрополіею *будучи въ слѣпотѣ*. Онъ былъ на митрополіи съ 1702 года, и въ 1711 году принялъ въ тюменьскомъ монастырѣ схиму съ именемъ Ѳеодора; но «по указу» въ 1715 году опять былъ назначенъ къ управленію каѳедрою, и какъ разъ попалъ подъ нетерпѣливыя настоянія о взысканіяхъ за «небытіе». Отошелъ на покой въ 1721 г. и почилъ 1727 г.

**) Митрополитъ сибирскій Антоній Стаховскій съ 1721 года. — † 7-го марта 1740 г. (изъ малороссіянъ). См. указъ его отъ 29-го апрѣля 1737 года.

***) Варлаамъ Петровъ (хирот. 1768 † 1802), архіепископъ тобольскій.

нужнѣйшее *государственное дѣло*» *). И съ этихъ поръ въ нисходящихъ и восходящихъ бумагахъ по духовному вѣдомству въ Сибири начинаютъ писать объ «исповѣдной повинности» и объ «исповѣдныхъ недоимкахъ».

Дѣло стало трактоваться не какъ религіозное, а какъ *государственная повинность*, которую духовенство должно собирать и доставлять казнѣ. «А наипаче не запускать недоимокъ».

Интересы высшаго и правящаго духовенства въ дѣлѣ этомъ расходились съ интересомъ приходскаго духовенства, которое представляло тутъ изъ себя инстанцію исполнительную, функціи которой на мѣстахъ «скитанія небытейщиковъ» были, однако, очень затруднительны. Для архіереевъ и ихъ консисторій было интересно, чтобы «оклады» за «небытіе» достигали цифръ какъ можно болѣе значительныхъ, а приходскіе іереи, которымъ надо было ѣздить да «сыскивать», встрѣчались съ такими практическими трудностями, которыя преодолѣвать было очень трудно, и поэтому священникамъ хотѣлось, чтобы «сыску» было какъ можно менѣе. Поэтому священники находили для себя удобнѣе и выгоднѣе не умножать числа «небытейцевъ», но чтобы это не сходило «небытейцамъ» съ рукъ даромъ,—съ нихъ брали «поминки», которыми и откупались отъ требовальности консисторскихъ приказныхъ, и такимъ образомъ завели по Сибири въ огромныхъ размѣрахъ правильно организованное «попустительство».

Объ этомъ узнали архіереи, и противъ поповъ призваны были дѣйствовать мѣстные агенты духовной администраціи и такъ-называемые «закащики» **), «десятильники» и «члены духовныхъ правленій», которые всѣ должны были наблюдать, чтобы «сыскъ виновныхъ въ небытіи производился неослабно, какъ самонужнѣйшее государственное дѣло», и чтобы приходское духовенство не мирволило небытейцамъ.

Но когда епископы пригрозили «закащикамъ»—эти по-

*) 10-го іюля 1786 г. (Дѣл. арх. томск. дух. консист.).

**) «Закащиками» въ Сибири называли «благочинныхъ».

слѣдніе напугались и въ огражденіе себя отъ отвѣтственности стали увѣрять, что «самонужнѣйшаго дѣла» въ Сибири совсѣмъ невозможно исполнить, и на этотъ счетъ были представлены объясненія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Закащики объясняли, что многимъ крещенымъ людямъ въ Сибири «невозможно отбыть исповѣдную повинность, потому что вблизи ихъ жительства на весьма далекое разстояніе нѣтъ вовсе церквей, а нѣкоторыя церкви хотя постройками и окончены, но еще не освящены и не снабжены утварью, а при другихъ, находящихся въ зѣло бѣдственномъ состояніи, издавна нѣтъ священниковъ, а гдѣ есть и священники, то у тѣхъ въ говѣйной порѣ не бываетъ ладану и вина, и совершать евхаристію не на чемъ и невозможно». «А люди хотя и окрещены, но остались въ первобытной дикости, и кочуютъ и скитаются въ мѣстахъ недоступныхъ» *).

Донесенія «закащиковъ» были, конечно, не голословныя, а подкрѣплялись точными указаніями, которыхъ невозможно да и нѣтъ никакой нужды воспроизводить здѣсь во всей подробности, но для образца можно отмѣтить, что въ самой тобольской епархіи, которою управлялъ еп. Варлаамъ (Петровъ), сдѣлавшій штрафъ за небытіе «государственнымъ дѣломъ», прихожане «цѣлыхъ многолюдныхъ селеній и деревень оставались безъ исповѣди въ теченіе 1758, 1759, 1760 и другихъ годовъ *единственно за неосвященіемъ церквей*». А сколь эти села и деревни были многолюдны — открывается изъ подробныхъ росписей **), изъ коихъ видно, напримѣръ, что въ слободѣ Бѣлоярской, въ томскомъ и барнаульскомъ заказахъ не исповѣдывались

*) См. дѣла и духовныя росписи за обозначенные годы, хранимыя въ архивѣ, помѣщающемся въ колокольнѣ томскаго Алексѣевскаго монастыря.

**) При тѣхъ же дѣлахъ подъ колокольнею.

2 тыс. человѣкъ, въ берскомъ острогѣ — 3.155 человѣкъ, въ селѣ Тальменскомъ — 1.645 чел., въ селѣ Легостаевскомъ—1.306 чел., въ селѣ Чингисскомъ—1.300, въ селѣ Кособоковскомъ — 1.805, въ с. Космалинскомъ — 1.874, а всего въ этой одной мѣстности тобольской епархіи 13.170 человѣкъ, и хотя всѣ они «не отбыли исповѣдной повинности *единственно* за неосвященіемъ церквей», и стало-быть отнюдь не по уклончивости, а безъ всякой съ ихъ стороны вины, но тѣмъ не менѣе «всѣ эти 13.170 человѣкъ *подверглись штрафу за небытіе*» *). И въ такомъ положеніи были застигнуты жители многихъ мѣстностей сибирскаго края, и вездѣ съ нихъ точно такъ же взыскивали штрафы и *повторяли* эти взысканія во второй разъ и въ третій, и напрасно штрафуемые хотя «не видали своей вины», но «свыклись и обошлись съ положеніемъ, пріемля оное какъ бы за переводъ натуральной повинности въ денежную».

Если бы кому-нибудь похотѣлось избавить себя отъ платежа денегъ и отбыть исповѣдную повинность натурою, то ему для этого оставалось одно средство: ѣхать въ городъ или въ такое село чужого прихода, гдѣ все церковное благочиніе было въ порядкѣ, т.-е. гдѣ былъ освященный храмъ, и при немъ священникъ и причтъ, церковная утварь, ладанъ и вино, и тутъ надо было стать постоемъ на постояломъ дворѣ и ходить къ службамъ церковнымъ, а потомъ отъисповѣдываться и взять въ томъ отписку для предъявленія своему закащику; но это было сопряжено съ такими большими хлопотами и съ такою затратою времени и денегъ, что не представляло крестьянину никакихъ выгодъ, а, напротивъ, большіе убытки въ сравненіи съ уплатою штрафа.

Притомъ же еще и нельзя было разсчитывать, что если поѣдешь исповѣдаться въ отдаленный чужой приходъ, то все это тамъ и отбудешь. Это не всегда удавалось. Изъ дѣлъ видно, что люди, пытавшіеся запастись исповѣдными

*) Дѣло въ архивѣ колокольни томскаго монастыря.

отписками отъ священниковъ чужихъ селъ, «ѣздили въ эти отдаленные приходы напрасно, ибо когда они пріѣзжали туда во время великаго поста, то не заставали тамъ поповъ при своей должности, поелику они были въ то время вытребованы въ заказы и содержались тамъ для объясненій въ теченіе нѣсколькихъ недѣль».

Вызовы же священниковъ въ заказы, какъ видно изъ тѣхъ же дѣлъ, даже «нарочито совпадали со днями постовъ» и были обыкновенно «послѣдствіемъ доносовъ, посылаемыхъ въ заказы отъ дьяконовъ и причетниковъ, съ очевиднымъ разсчетомъ сдѣлать зло священнику, оторвавъ его отъ прихода въ говѣйные дни, когда люди отбываютъ исповѣдную повинность».

Слѣдовательно, сибирякамъ платить штрафъ за небытіе было удобнѣе и выгоднѣе, чѣмъ исполнять требу, и это получило развитіе, а начальство начало смотрѣть на это не только снисходительно, но даже и благосклонно, какъ на оборотъ весьма небезвыгодный для государства.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

При такомъ взглядѣ народились и умерли три поколѣнія, и приростъ небытейщиковъ былъ, конечно, огромнымъ. Такъ напримѣръ, по духовнымъ росписямъ барнаульскаго заказа за 1758 годъ, въ слободѣ Малышевской всѣхъ жителей считалось 3.191, а когда стали вмѣсто исповѣди брать деньги, то вдругъ, черезъ четыре только года, тамъ объявилось уже 6.949 душъ (увеличилось на 3.758), въ с. Чингисскомъ было 1.307, а въ 1762 г. стало уже 3.901 (болѣе на 2.594). Въ Змѣиногорскомъ рудникѣ въ 1758 г. было всего 715 чел., а въ 1762 показано уже 2.294 (болѣе на 1.579) и т. д.

Естественнымъ образомъ такой приростъ населенія въ четыре года, конечно, былъ невозможенъ; но такъ какъ онъ фактически былъ налицо, то его остается объяснить тѣмъ, что при денежной повинности явились тѣ люди, которые

ранѣе, при требованіи отъ нихъ натуральной исповѣди, укрывались.

Такимъ образомъ, какъ финансовое мѣропріятіе, обложеніе «небытія» денежнымъ штрафомъ въ самомъ дѣлѣ принесло пользу. Надо только было умѣть собирать съ этихъ людей доходы, отъ платежа которыхъ они не отбѣгали, но сборы, однако, производились неаккуратно и правительство стало обезпокоиваться огромною недоимкою. Въ дѣлахъ есть указъ тобольской духовной консисторіи, отъ 10-го іюля 1786 года, изъ котораго видно, что «въ одномъ заказѣ черезъ пять лѣтъ небывшихъ накоплено 75.102 души, съ коихъ и запущено сбору 100.000 рублей. А какъ священники и закащики не имѣли средствъ какъ «донять» небытейцевъ, то дѣло опять стало клониться къ тому, чтобы раздѣлить операцію между агентами свѣтскаго и духовнаго чина, такъ что духовное вѣдомство должно было «доставлять своевременно самыя вѣрныя свѣденія о числѣ небывшихъ у исповѣди, а свѣтскія власти—распоряжаться наложеніемъ и взысканіемъ штрафа».

Съ этимъ распоряженіемъ ни одинъ энергическій дѣятель въ духовной средѣ сначала не хотѣлъ помириться: духовнымъ вовсе не интересно было исполнять подготовительныя работы для «приказныхъ» и предавать имъ живыхъ людей, которые умѣли цѣнить оказываемыя имъ благодѣянія и выгоды, но практика показала, что духовенство не теряло своего значенія для мірянъ, такъ какъ отъ нихъ зависѣло: выдать небытейца или покрыть его небытіе.

Услѣдить за тѣмъ, что станутъ дѣлать теперь въ Сибири съ небытейцами, было невозможно; а чтобы понять эту невозможность, припомнимъ себѣ на-скоро и вкратцѣ: что такое представляло въ тѣ годы церковное благоустройство въ Сибири и какого духа она имѣла тогда іерарховъ и свѣтскихъ сановниковъ, бывшихъ съ тѣми іерархами въ ладахъ или въ контрахъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ началѣ XVIII вѣка, когда начался сыскъ небывающихъ у исповѣди людей, въ Сибири была одна епархія, которая именовалась (до 1768 года) «Сибирскою и Тобольскою». Пространство, занимаемое этою епархіею, было такъ велико, что одному архіерею, какъ бы онъ ни былъ энергиченъ, хорошо править ею, было невозможно. Область этой эпархіи обнимала собою все пространство отъ Уральскаго хребта до Берингова пролива и отъ Ледовитаго океана до сѣверной границы Китая и степей, гдѣ кочуютъ киргизы. Вдоль епархія простиралась на десять тысячъ верстъ, а поперекъ—болѣе чѣмъ на три съ половиною тысячи. И на всемъ этомъ страшномъ пространствѣ архіерей долженъ былъ все окинуть своимъ административнымъ взглядомъ и все въ церковномъ управленіи упорядочить, и «небытейщиковъ сыскать», и обложить ихъ «за небытіе» штрафомъ, и даже произвести самое взысканіе.

Трудность этого управленія увеличивалась еще тѣмъ, что число крещеныхъ людей, подлежащихъ архіерейскому попеченію на всемъ огромномъ пространствѣ Сибири, было невелико, и они не сидѣли на землѣ всплошь къ одному мѣсту, а разметались по обширной странѣ враздробь, гдѣ кому казалось сподручнѣе и выгоднѣе. По ревизіи 1709 года въ Сибири насчитано, кромѣ инородцевъ, немного болѣе 230.000 душъ *), и эти христіане жили по городамъ и селеніямъ, а въ Сибири и города, и селенія разметаны другъ отъ друга на большія разстоянія, начиная отъ 200 и доходя до 500 верстъ и даже болѣе. Пути сообщенія, соединявшіе эти удаленные одинъ отъ другого пункты заселенія, ужасны и понынѣ **). Тогда они были «непроѣздными дорогами» въ настоящемъ, а не фигуральномъ смыслѣ этого слова; а притомъ и эти отчаянныя дороги про-

*) См. «Историческое обозрѣніе Сибири», Словцова, стр. 323.

**) См. письма Антона Чехова.

легали главнымъ образомъ по теченію огромныхъ сибирскихъ рѣкъ: Оби, Иртыша, Енисея и Лены; а вдаль отъ береговъ этихъ рѣкъ и такихъ дорогъ не было.

Церквей на всю Сибирь было тогда числомъ 160, и изъ нихъ *половина* приходилась на городъ Тобольскъ и на селенія, ближайшія къ этому городу, въ которомъ жилъ іерархъ Сибири. Здѣсь онъ и могъ видѣть на извѣстное разстояніе вокругъ своего каѳедральнаго города нѣкоторое церковное благоустройство. Другая же половина всего числа сибирскихъ церквей (составлявшая число около 80-ти) приходилась на всю остальную Сибирь, съ ея разстояніемъ около 10 т. верстъ въ длину и болѣе 3 т. в. въ ширину,— т.-е. онѣ были разбросаны отъ Оби до Амура, и значительнѣйшее число ихъ опять и здѣсь приходилось на города, а въ селеніяхъ церкви были такъ рѣдки, что приходы, къ нимъ приписанные, тянулись отъ 200 до 500 верстъ *). Отсюда ясно, что церковному причту «сыскать» всѣхъ своихъ прихожанъ и объѣхать ихъ во благовременіи съ требами было *невозможно*! Церкви же въ сибирскихъ селеніяхъ того времени всѣ были деревянныя, холодныя и бѣдныя, нерѣдко безъ утвари, а иногда и безъ богослужебныхъ книгъ, а также въ нихъ не было ни ладану, ни краснаго вина, ни муки для просфоръ. А безъ этихъ вещей православной обѣдни служить нельзя и причащать людей нечѣмъ. Запасы всего нужнаго для служенія литургіи приходили сначала «въ каѳедру», т.-е. въ Тобольскъ, а отсюда уже неспѣшно развозились по непроѣзднымъ путямъ отдаленныхъ пунктовъ, достигая къ мѣстамъ назначенія очень нескоро. А потому нерѣдко бывало, что во многихъ церквахъ не служили по полугоду и болѣе, а иныя и вовсе стояли безъ служителей. Такъ напр., томскаго округа въ селѣ Тутольскомъ храмъ оставался безъ священника съ 1779 года по 1801, т.-е. слишкомъ въ теченіе двадцати

*) Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ. 1854 г., м. мартъ, отдѣлъ V, стр. 40.

лѣтъ *), а въ чардатской волости того же округа священника не было съ 1725 г. по 1784, т.-е. въ продолженіе шестидесяти лѣтъ!!.. Здѣсь даже причетники перевелись, такъ что между здѣшними обывателями успѣли народиться и свѣковать люди, совсѣмъ не видавшіе лицъ духовнаго сана... **).

И это не было явленіемъ исключительнымъ: «закащики» и изъ другихъ мѣстъ доносили о такихъ же положеніяхъ, а въ 1801 году одинъ «закащикъ» рапортовалъ архіерею Варлааму, что «уѣздныя церкви почти всѣ находятся въ самомъ бѣдственномъ состояніи, а индѣ и во вовсе службу божію оставляютъ».

Духовныя правленія представляли, что въ такомъ положеніи «дѣло о небытіи» нельзя справить такъ, какъ хочетъ начальство; но духовенству поблажки не дано: приходы, въ которыхъ не было священниковъ, приписали на бумагѣ къ сосѣднимъ храмамъ, имѣвшимъ священниковъ, и велѣли продолжать исправлять «небытейцевъ»

А приходы, «соединенные» такимъ образомъ на бумагѣ, въ натурѣ представляли цѣлыя области, «раскидывавшіяся на *нѣсколько сотъ верстъ*». Для образца можно указать, что, напримѣръ, въ приходѣ Ирменской церкви томскаго округа деревня Крутихина остояла отъ церкви на 105 верстъ въ одну сторону, а деревня Панкрушихина — 157 верстъ въ другую ***).

О книжномъ наученіи или о духовномъ назиданіи прихожанъ, конечно, нечего было и думать. «Люди оставались въ первобытной дикости».

Священникъ села Зыряновскаго *въ теченіе 20 лѣтъ* завѣдывалъ приходомъ села Тутомскаго, до котораго отъ его храма было 180 верстъ, а до самой отдаленной деревни этого «соединеннаго прихода» было 300 верстъ.

---

*) Указъ тобольск. д. консист. 9-го ноября 1779 г. и журн. томск. дух. правл. на 12 генв. 1801 г.

**) Указъ тоб. д. консисторіи 11-го мая 1784 года.

***) Ук. тоб. консист., 1766 г.

Понятно, что жители селеній, находившихся въ такихъ отношеніяхъ къ своему приходу, были очень затруднены «исполненіемъ исповѣдной повинности» натурою и имъ было гораздо удобнѣе платить штрафъ за свое «небытіе», къ чему они и стремились.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Но и въ тѣхъ сибирскихъ селеніяхъ, въ приходѣ у которыхъ были налицо священники и облаченія, и богослужебныя книги съ ладаномъ, виномъ и мукой для просфоръ и воскомъ, положеніе поселянъ въ отношеніи къ «отбыванію требъ» было не лучше, чѣмъ то, какое выше описано. Такъ, напримѣръ, въ самомъ концѣ XVIII в. жители Мелецкаго острога жаловались архіерею, что «хотя они усердіе ко святой церкви имѣютъ и святыхъ таинъ причащаться желаютъ, но священникъ ихъ, Василій Хавовъ, мертвыхъ не погребаетъ, младенцевъ не креститъ, родильницамъ молитвъ не читаетъ и св. таинъ не пріобщаетъ, а когда жъ прибудетъ въ годъ однажды черезъ почты съ колокольцемъ, съ мертвыхъ тѣлъ за погребеніе беретъ *сполна деньгами* и случится *коньми*, а погребенія нѣтъ *)».

Изъ жалобы этой трудно понять: какъ при такомъ священникѣ жители обходились съ мертвыми, т.-е. сберегали ли они трупы до пріѣзда священника, или хоронили безъ него, а онъ по прибытіи своемъ только «бралъ за погребеніе сполна деньги», или «коньми», а самаго погребенія не пѣлъ и опять отъѣзжалъ съ почтою?

Исканіе лучшихъ людей, болѣе соотвѣтствующихъ исполненію священническихъ должностей, не представляло никакого успѣха. Священники въ Сибири были столь необразованны, что «отъ простого мужика-поселянина отличались только одною букварною грамотою». Большею частію они «только умѣли *читать* церковно-славянскую грамоту, и *умѣнье писать признавалось высшею степенью образованія.*

*) Указъ тобольск. д. консист., 5-го мая 1785 г.

(Обстоятельство это надлежитъ особенно замѣтить, такъ какъ «умѣнье священника писать» имѣетъ большое значеніе въ достовѣрности отмѣтокъ о «небытіи», до которыхъ сейчасъ дойдетъ дѣло). Когда въ концѣ XVIII в. въ г. Красноярскѣ основывалась школа, для которой потребовался законоучитель, то во всемъ составѣ духовенства этого города не оказалось ни одного священника, который могъ бы учить дѣтей священной исторіи и начаткамъ православнаго ученія вѣры. Тогда стали искать такого способнаго человѣка въ духовенствѣ «енисейскаго и другихъ округовъ», но результатъ былъ тотъ же. Тогда, нужды ради, «съ разрѣшенія духовнаго и свѣтскаго начальства учителемъ былъ опредѣленъ сосланный на заводы поселенецъ изъ россійскихъ діаконовъ, нѣкто Полянскій»... Это былъ какой-то отчаянный гуляка, которому «нужды ради» выпала доля положить начало русской школѣ въ краѣ, но порочныя привычки ссыльнаго дьякона были причиною, что «черезъ годъ онъ оказался совершенно неспособнымъ по неумѣренному винопитію», и тогда онъ отъ учительства былъ устраненъ, а на его мѣсто опредѣленъ способный человѣкъ, разысканный въ томскомъ заказѣ. Это былъ понамарь Сусловъ, котораго красноярское духовное правленіе аттестовало такъ: «онъ, Сусловъ, въ чтеніи исправенъ, и письмоумѣющъ, и ариѳметики первую часть нынѣ доучиваетъ въ твердости, — чему и священно-церковно-служительскихъ дѣтей обучать со временемъ можетъ» *). Изъ всѣхъ учителей того времени въ Сибири никакой другой не былъ такъ хорошо аттестованъ, какъ этотъ Сусловъ, а объ остальныхъ учителяхъ духовныхъ школъ тобольская духовная консисторія сдѣлала общій отзывъ, что «изъ нихъ не всѣ и писать умѣютъ, или умножать по ариѳметикѣ» **).

Такія трудности приходилось преодолѣвать сибирскимъ архіереямъ съ обученіемъ нарождавшагося въ XVIII вѣкѣ

*) Ук. тобольск. консист. 15-го іюля 1790 г., № 118, и донесеніе красноярск. дух. правленія 14-го іюня 1791 г.

**) Ук. тобольск. консист. 5-го апр. 1791 г.

поколѣнія молодыхъ духовныхъ, но еще труднѣе было сладить съ замѣчательною безнравственностью взрослыхъ, при содѣйствіи которыхъ надлежало немедленно привлечь къ церкви упорныхъ въ своихъ заблужденіяхъ раскольниковъ и содѣйствовать «самонужнѣйшему государственному дѣлу».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Митрополитъ сибирскій Павелъ Конюскевичъ *) прибылъ на каѳедру съ обязательствомъ энергически вести дѣло «о небытіи», и онъ имѣлъ уже передъ собою всю описанную нами старую практику этого дѣла, и могъ видѣть, что исполнить все то, что̀ отъ него требовалось, здѣсь не съ кѣмъ. И вмѣсто того, чтобы скрывать настоящее положеніе и проводить время въ «страхованіяхъ» да въ отпискахъ, онъ далъ дѣлу *новое*, довольно смѣлое направленіе: послѣ многихъ безплодныхъ усилій (съ 1758 года по 1764 г.) онъ разослалъ по Сибири слѣдующій любопытный «циркуляръ», который современники почитали за «наилучшее изображеніе состоянія сибирскаго духовенства». Въ этомъ митрополичьемъ циркулярѣ изображено слѣдующее:

«Понеже по производимымъ въ канцеляріи тобольской духовной консисторіи дѣламъ оказуется, что здѣшней тобольской епархіи разныхъ мѣстъ священно-церковно-служители *безмѣрно въ пьянственныхъ случаяхъ* и въ *противонеблагообразныхъ* и не приличныхъ званію своему поступкахъ, въ противность св. отецъ правилъ и духовнаго регламента житіе свое препровождаютъ, и въ *ярыжствахъ* обращаются, и *валяются* и *спятъ по улицамъ пьяны*, и въ *воровствахъ*, и въ *ложныхъ* подзаводскими крестьянами, яко бы объ отказѣ ихъ отъ заводовъ, *указовъ объявленіяхъ* обличаются,—отчего *въ народѣ чинятъ не малое смущеніе и соблазнъ раскольни-*

*) Павелъ Конюскевичъ, изъ малороссіянъ, хиротонисанъ 23-го мая 1758 г. изъ архимандритовъ Юрьева монастыря. Уволенъ въ 1768 г. изъ Сибири «по обѣщанію» въ Кіево-Печ. лавру, гдѣ и теперь тѣло его находится подъ правымъ придѣломъ «Великой церкви».

камъ, изъ копхъ,—какъ по дѣламъ значитъ, хотя бы нѣкоторые отъ раскольническаго своего злопагубнаго заблужденія и обратиться желали, но что означенные священники *безмѣрно упиваются* и въ пьянствѣ своемъ многія чинятъ—между людьми и *въ церквахъ сквернословныя ругательства и драки,* и потому подобныя безчинія, тѣмъ претыкаясь отъ того своего проклятаго раскола не отстаютъ, и въ томъ они, священники, отъ нихъ, раскольниковъ, не малое повреждені̀е и укоризненное посмѣяніе на себя и *всему духовному сану поношеніе наводятъ*»...

Выводъ получался такой, что люди, которые должны были исправить мірянъ, сами «наводятъ всему духовному сану поношеніе»...

Митрополитъ Павелъ это сказалъ, и, по замѣчанію одного изъ нашихъ церковныхъ историковъ, «убоялся вести свой корабль съ *пьяными матросами*». Онъ сталъ просить синодъ отпустить его для поклоненія святынямъ Кіева, и отправился туда на богомолье въ 1764 году и тамъ и умеръ *).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Понять «обѣщаніе» митроп. Павла весьма легко, такъ какъ переносить жизнь среди такихъ людей, какіе описаны въ приведенномъ циркулярѣ, было ужасно. А если такова была «соль», которою должна была земля осоляться, то что̀ же представляла собою вся страна? Нравственное состояніе Сибири въ XVIII в. дѣйствительно представляетъ какой-то адъ! Всѣ ученые и путешественники, побывавшіе въ XVIII вѣкѣ въ Сибири (Мюллеръ, Фишеръ, Гмелинъ и др.), въ одномъ духѣ описывали въ сибирскихъ жителяхъ страшную и отвратительную безнравственность. Духовные іерархи должны были объ этомъ знать, да и не могли не знать, потому что свѣтскія власти имъ на это указывали. Генералъ губернаторъ Кашкинъ «неоднократно вынужденъ былъ обра-

*) Тѣло Павла тобольскаго, лежащее во гробѣ подъ церковью Кіево-Печерской лавры, до недавняго времени можно было видѣть.

щаться къ еп. Варлааму (Петрову), *) прося побудить сибирское духовенство къ принятію надлежащихъ духовныхъ мѣръ къ истребленію въ народѣ *жестокости* и дерзновенія ко вчиненію *звѣроподобнаго свирѣпства и скотоподражательнаго разврата*».

Но сибирскіе іерархи не имѣли средствъ подѣйствовать такъ, какъ просилъ ихъ генералъ-губернаторъ. Лучшимъ средствомъ въ тогдашнее время считалось «личное воздѣйствіе на пасомыхъ». Тогда думали, будто «велелѣпіе архіерейскаго сана» производило на народъ благотворнѣйшее вліяніе; но паства сибирскихъ архіереевъ жила въ такомъ разсѣяніи, что іерархамъ очень трудно было навѣстить всѣхъ своихъ «пасомыхъ» и почти совсѣмъ невозможно показать большинству изъ нихъ велелѣпіе архіерейскаго служенія. Притомъ же обстоятельства показали, что даже и результатъ полезности архіерейскихъ объѣздовъ сомнителенъ, ибо пока архіерей кочевалъ для нравственнаго оздоровленія своихъ пасомыхъ, которые отличались «жестокостью и звѣроподобнымъ свирѣпствомъ и скотоподобнымъ развратомъ», безъ него въ его каѳедральномъ управленіи начинались ужасающіе безпорядки. Онъ не помогалъ одному и губилъ другое. Такъ, напримѣръ, когда упоминаемый въ началѣ этого разсказа сибирскій митрополитъ Филоѳей (Лещинскій) *первый* изъ всѣхъ сибирскихъ іерарховъ тронулся изъ своего каѳедральнаго города въ объѣздъ своей епархіи, то онъ провелъ въ этомъ путешествіи кряду *два года* (1718 и 1719), и хотя онъ окрестилъ въ это время 40.000 инородцевъ, но зато, лично посмотрѣвъ на своихъ подчиненныхъ, пришелъ къ такимъ взглядамъ, что по возвращеніи въ Тобольскъ не сталъ исполнять указовъ о штрафованіи за «небытіе», а «отошелъ на покой» и вскорѣ умеръ (1727 г., мая 31-го). А въ то время, пока онъ былъ въ отлучкѣ и крестилъ 40.000 инородцевъ, у него въ управленіи старокрещенными

*) Ук. тоб. д. конс. 26-го іюля 1782 г. Варлаамъ Петровъ тогда былъ еще епископомъ. Въ архіеп. произвед. въ 1792 г.

людьми завелись такіе непорядки, что это пошло въ примѣръ и пословицу. «Духовенство укрѣпилось въ мысляхъ, что надъ нимъ нѣтъ начальства, а надъ его дѣйствіями нѣтъ контроля, и при невѣжествѣ своемъ развило въ себѣ духъ своеволія, непокорства, самаго грубаго и безчестнаго произвола; даже тѣ, кому была поручена часть архіерейской власти и попеченіе и надзоръ за другими—игумены, закащики, десятинники — явились по своему безстрашію архіерейскія воли ослушниками, огурниками (sic) и продерзателями». А главное — за это время накопилось огромное количество нерѣшенныхъ дѣлъ и очень большое число «ставленниковъ» и «просителей», которые два года ожидали возвращенія архіерея. А епархіальный судъ въ это время совершилъ рядъ такихъ чудесъ, что схимнику Филоѳею показалось «нѣлѣть и слышать».

Таковы были результаты долговременной отлучки архіерея «въ объѣздѣ», а скоро совершить «объѣздъ» было невозможно, и вотъ то, что̀ съ одной стороны представлялось желательнымъ и «благополезнымъ», то съ другихъ сторонъ оказывалось неудобнымъ и даже совершенно вреднымъ. Сорокъ тысячъ дикарей, не разумѣвшихъ языка крестителя, были окрещены, но зато среди паствы, составлявшей коренную основу епархіи, все само себя позабыло...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

«Свѣтскія власти» видѣли, какъ многостороннее дѣло проповѣди, назиданій и взысканій за небытіе и особенно судъ у «духовныхъ властей», что называется, «ни въ коробъ не лѣзетъ, ни изъ короба не идетъ», и иронически относились къ умѣнью духовныхъ дѣятелей вести эти дѣла.

Особенно сильный поводъ къ критикѣ подавали судебные приговоры духовныхъ властей, на которые свѣтскіе должностные люди указывали какъ на очевидные образчики неспособности судей.

Духовный судъ въ самомъ дѣлѣ постановлялъ приговоры

невѣроятные. Былъ, напримѣръ, въ Сибири нѣкто мичманъ Хмѣлевскій и онъ жилъ въ связи съ «крестьянскою женкою Екатериною». По какому-то случаю это открылось и дошло до митрополита Сильвестра*), и тотъ опредѣлилъ мичману такую эпитимію: «въ праздничный день стоять ему среди церкви во время литургіи на колѣняхъ съ возженною свѣчею, а когда время выходу изъ церкви народу приспѣетъ, тогда положить его (мичмана) на прагъ въ трапезѣ ницъ и лежать (ему) потолѣ, пока черезъ его весь народъ изъ церкви пройдетъ, въ которое время просить ему проходящихъ черезъ него, да помолятся Господу Богу о отпущеніи грѣховъ его; а по исполненіи сего отослать въ воинскую команду для наказанія, чему достоинъ по воинскимъ артикуламъ. А женку *Екатерину, кромѣ такой же епитиміи, на страхъ другимъ, наказать кошками*» **).

Другой случай: въ Сибирь слѣдовала изъ Россіи по этапу женщина Ефросинья Михайлова, которая до высылки ея была уже замужемъ за тремя мужьями. По дорогѣ она имѣла несчастіе понравиться отбывавшему вмѣстѣ съ нею путину ссыльному Захару Ѳедорову, но Захаръ Ѳедоровъ Ефросиньѣ не понравился и она не хотѣла отвѣчать его любовнымъ искательствамъ. Да притомъ же Ефросинья была богобоязлива и уважала церковный бракъ, а «прелюбодѣянія не хотѣла». Тогда ссыльный Захаръ обратился съ своею незадачею къ партіонному сержанту Логгинову, и тотъ за небольшую мзду уладилъ дѣло. Онъ, во-первыхъ, нѣсколько разъ «нещадно» билъ Ефросинью Михайлову «батожьемъ», чтобы она была сговорчивѣе, и когда та, изнурясь отъ жестокаго боя, стала подаваться и отпиралась уже только тѣмъ, что «боится блуднаго грѣха», то сержантъ сказалъ, что «за этимъ дѣло не станетъ», и, приведя партію въ село

*) Сильвестръ Гловатскій, митрополитъ сибирскій, изъ архимандритовъ свіяжскаго монастыря, 1749, іюля 6-го. Перевед. въ Суздаль 9-го окт. 1755 г.

**) Указъ тоб. д. консист. 3-го сент. 1752 г.

Абалоцкое, близъ Тобольска, обвѣнчалъ ее «по принужденію *четвертымъ* бракомъ».

Нещадно избитая батожьемъ, Ефросинья покорилась «принужденію» и сдѣлалась женою ненавистнаго ей поселенца Ѳедорова, и пока шла въ партіи, она, подъ страхомъ батожья, исполняла для его желанія супружескія обязанности; но, придя на мѣсто поселенія — въ Колыонскую волость Томскаго округа, подала жалобу въ томское духовное правленіе, и въ той жалобѣ разъясняла всю свою нестерпимую обиду и доводила, что «какъ бракъ ея съ поселенцемъ Ѳедоровымъ есть *насильственный* и *четвертый* (для нея), а потому, стало быть, очевидно незаконный, то онъ по существу своему совсѣмъ не есть бракъ, а прелюбодѣйная связь, и она этого прелюбодѣянія продолжать не допуститъ».

Духовное правленіе разлучило временно этихъ супруговъ и донесло о событіи тобольской духовной консисторіи, которая «съ докладу его преосвященству*) опредѣлила: женку Ефросинью Михайлову *оставить въ замужествѣ* при поселенцѣ Захарѣ Ѳедоровѣ, *впредь до разсмотрѣнія*, а о состояніи ея *взять отъ онаго мужа ея извѣстіе*»**)... Какъ должна была чувствовать себя эта несчастная женщина, опять насильно отданная консисторіею поселенцу на подержаніе, да еще «съ докладу его преосвященству»!... И въ чемъ отъ этого поселенца «о состояніи ея» требовалось «извѣстіе» — изъ дѣла этого не видно; но что Ефросинья была призвана исполнять супружескія обязанности и въ четвертомъ бракѣ, обвѣнчанномъ подъ батогами, это закрѣплено самымъ документальнымъ образомъ.

И эта женщина жила и терпѣла!

Въ самомъ распорядкѣ съ духовенствомъ одна крайность

---

*) По книгѣ Юрія Толстого въ сибирской епархіи съ 1768 значится Варлаамъ Петровъ, а съ 1803 — Антоній Знаменскій. Варлаамъ — это тотъ, который постановилъ дѣло о «небытіи» на степень «самонужнѣйшаго и государственнаго».

**) Ук. тоб. дух. к. 3-го сент 1752 г.

переходила въ другую чрезвычайность: при митрополитѣ Варлаамѣ въ Амышевской крѣпости священникъ Сѣдачевъ былъ изобличенъ «въ пьянствѣ и шумствѣ, и въ дракахъ, и въ прочихъ чинимыхъ мірскими людями соблазнахъ». Митрополитъ Варлаамъ опредѣлилъ за все это «перевесть Сѣдачева въ Уртамскій острогъ, съ подпискою объ исправленіи (себя)» *). А митрополитъ Павелъ такимъ «исправленіямъ себя» не вѣрилъ, и когда при немъ былъ «обличенъ многажды въ пьянствѣ и дракахъ священникъ градотобольской Срѣтенской церкви Топорковъ», то навели о немъ справку, и оказалось, что онъ уже имѣлъ время и случай для «исправленія», ибо «не единожды битіемъ плетьми былъ наказанъ и для памяти въ работахъ содержанъ, но по ожесточенію своему во исправленіе не пришелъ, а еще въ горшая падалъ», и потому митроп. Павелъ (указъ 27-го апр. 1764 г.) опредѣлилъ: «дабы священникъ Топорковъ впредь никакихъ продерзостей чинить не могъ, отъ священнослуженія его удержать, а для лучшей ему памяти и страха Божія при собраніи всѣхъ священнослужителей градо-тобольскихъ *каждый изъ нихъ* по десяти ударовъ шелепомъ ему, Топоркову, *и себѣ въ наставленіе* отправилъ».

И священнослужители привлекались къ тому, чтобы бить собственноручно своихъ товарищей не въ этомъ только единственно случаѣ, а и въ другихъ таковыхъ же. Указомъ отъ 27-го апр. митрополитъ Павелъ разрѣшалъ и всѣмъ закащикамъ (т.-е. благочиннымъ) поступать съ провинившимися точно такъ же, но только съ такимъ «разсмотрѣніемъ», что «гдѣ число священнослужителей», участвующихъ въ наказаніи собрата своего шелепами — «не велико, то тамъ (число ударовъ отъ каждаго) и пріумножить можно» **).

Дѣло же о «небытіи» во все это время «волоклось» и

---

*) Ук. тоб. дух. к. 18-го ноября 1777 г., № 1044.

**) Ук. тоб. дух. к. 27-го апр. 1764 г.

взысканіе денежныхъ штрафовъ съ небытейщиковъ производилось съ такою неаккуратностью и медленностью, которыя, наконецъ, возбудили въ Петербургѣ негодованіе какъ разъ послѣ того, какъ 14-го апрѣля 1763 года былъ лишенъ сана и сосланъ въ Ревель митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Извѣстный своею добротою и религіозностью московскій сенаторъ И. В. Лопухинъ въ одномъ мѣстѣ своихъ интересныхъ записокъ говоритъ: «Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ», но ежели осмѣлиться сказать, то Онъ еще дивнѣе въ грѣшникахъ *). Это замѣчаніе получитъ себѣ не одно подтвержденіе въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ дальнѣйшее теченіе дѣла «о небытіи», которое развилось давно и закончилось еще давнѣе.

«Фаворъ», которымъ духовенство пользовалось при Елизаветѣ Петровнѣ, прекратился съ воцареніемъ Екатерины II, и тогда же рѣзко перемѣнилась «долго сдерживаемая политика свѣтскихъ правителей».

Бывшій въ то время въ Сибири губернаторомъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, «пылкій грѣшникъ, пользовавшійся неограниченною властью», рѣзче всѣхъ обнаружилъ «нетерпѣливое самовластіе» и началъ усмирять распущенное сибирское духовенство. Для того, чтобы взяться за это, Денисъ Ивановичъ имѣлъ поводъ, поданный дѣломъ «о небытіи».

По веснѣ 1767 года онъ получилъ изъ Петербурга «выговоръ» за то, что штрафныя деньги «за небытіе» у исповѣди собираются неуспѣшно. Чичеринъ вникъ въ дѣло и пришелъ въ негодованіе на то, какъ безуспѣшно вело это дѣло духовенство, и сразу же «вынужденнымъ нашелся

*) См. *Русскій Архивъ*, 1884 № 1, стр. 32. «Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйств. тайн. совѣтн. сенатора И. В. Лопухина, сочин. имъ самимъ».

сдѣлать распоряженіе *), чтобы сельскіе *старосты* и *сотскіе* во время постовъ *сами вели подробные и обстоятельные списки о бывшихъ и небывшихъ у исповѣди и доносили бы въ канцелярію* **) для того, чтобы по полученіи росписей духовныхъ можно было ихъ повѣрить».

Такое распоряженіе Чичерина было не только въ высшей степени безцеремонно и грубо, но оно даже и не основывалось ни на какомъ правѣ, такъ какъ дѣло о штрафованіи за «небытіе» лежало на отвѣтственности духовнаго вѣдомства. Арсеній Мацѣевичъ, вѣроятно, отвѣтилъ бы на эту дерзость еще большею дерзостью, но архіерей Варлаамъ (Петровъ) снесъ это.

Сельскіе старосты и сотскіе исполнили порученное имъ губернаторомъ церковное дѣло и представили составленные ими списки Чичерину; но тогда приходскіе священники, увидѣвши, что справа о небытіи ускользаетъ изъ ихъ рукъ, обнаружили свою дѣеспособность и сами тоже составили списки и прислали ихъ въ консисторію. Отъ этого избытка, однако, добра не вышло, а произошла только большая путаница, которую сначала приняли за случайность, а потомъ стали приписывать хитрому и дальнозоркому разсчету духовныхъ, доставившихъ отъ себя списки небытейцамъ, кромѣ тѣхъ, которые составили старосты. Когда дошло до наложенія штрафовъ и привелось свѣрять списки, присланные сотскими къ губернатору, со списками, полученными въ консисторіяхъ отъ священниковъ, то оказалось, что между одними и другими огромная разница, которой согласить невозможно. Кто записанъ въ «небытіи» у сотскихъ и старостъ, тотъ отмѣченъ «бывшимъ» у священниковъ — и наоборотъ. Поднялась страшная кутерьма: Чичеринъ принималъ сторону своихъ подчиненныхъ, а архіерей отстаивалъ своихъ, и пока успѣли что-нибудь выяснить, Чиче-

*) Указъ 11-го мая 1767 года.

**) Очевидно, «въ канцелярію губернатора».

ринъ въ 1771 году получилъ уже «высочайшій выговоръ и страшно ожесточился» *).

Должностныя лица въ Сибири были этимъ очень удивлены, такъ какъ губернаторы до сихъ поръ никогда еще не подвергались отвѣтственности за дѣла церковнаго управленія, а Чичеринъ, «пользовавшійся неограниченною властію», былъ такъ сконфуженъ!.. Всѣ знали, что онъ самолюбивъ безмѣрно, и всѣ сразу сказали, что «Чичеринъ этого не стерпитъ».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Чичеринъ и дѣйствительно не стерпѣлъ, и началъ ожесточенную «войну съ попами»: онъ тотчасъ же самъ «выѣхалъ въ губернію на ревизію» и самъ ревизовалъ «*почти въ каждомъ селѣ* церковные документы и *неисправныхъ священниковъ бралъ подъ стражу, сажалъ въ холодную*, а нѣкоторыхъ подъ карауломъ отсылалъ въ Тобольскъ, въ свою канцелярію, гдѣ ихъ заставлялъ составлять или исправлять невѣрно ими составленные документы». Но какъ ни энергиченъ былъ Чичеринъ, онъ однако немного успѣлъ въ своей «войнѣ съ попами», потому что обревизовать Сибирь такимъ образомъ, какъ онъ началъ, ему не удалось бы даже въ теченіе многихъ лѣтъ, а къ тому же и представители сибирскаго приходскаго духовенства сдѣлали для него успѣхъ ревизіи совсѣмъ невозможнымъ. Священники, слѣдя за маршрутомъ губернатора, устраивали Чичерину такую подготовку, что какъ только онъ наѣзжалъ на одно храмовое селеніе и начиналъ тамъ смотрѣть церковные документы, такъ объ этомъ быстро узнавали духовные сосѣднихъ приходовъ, и сейчасъ же всѣ батюшки «уѣзжали къ боли». Въ домахъ же поповскихъ оставались однѣ попадьи да дѣти, и можетъ-быть еще какой-нибудь безотвѣтный дьячокъ, который ничего не зналъ въ «небытейскихъ

*) Въ указѣ отъ 15-го сент. 1771 г. сказано, что высочайшій выговоръ послѣдовалъ въ тому году, 24-го августа.

книгахъ». На разспросы же губернатора о попѣ — «отвѣчали, что попъ отъѣхалъ въ приходъ, а когда назадъ будетъ—невѣдомо. А послать за нимъ для сыску нельзя, потому что поѣхалъ онъ не въ одно мѣсто, а приходы пространствомъ безмѣрные, во всѣ стороны».

Губернатору оставалось развѣ самому садиться у попа и ждать его возвращенія.

Нетерпѣливый и гнѣвный Чичеринъ увидалъ себя одураченнымъ и возвратился въ Тобольскъ, «скрежеща зубами и искій кого поглотити».

Тѣ попы, которые не успѣли бѣжать «къ боли» и были забраны къ Чичерину въ канцелярію, за всѣхъ пострадали и отвѣтили. Чичеринъ съ ними не церемонился и сорвалъ на нихъ свой пылкій гнѣвъ; но какъ онъ былъ вспыльчивъ и непостояненъ, то ему надоѣло съ ними возиться и лучше показалось свалить опять все на руки епархіальнаго вѣдомства, которое тоже поступилось и не хотѣло болѣе контрпровать съ губернаторомъ: теперь архіерей самъ просилъ Чичерина, чтобы полицейскіе агенты помогали духовнымъ.

Такомъ образомъ, архіерей и губернаторъ заключили унію и взялись вести «государственное дѣло» строго: духовный ли, свѣтскій ли «агентъ» попадется въ винѣ — ни одному не давать поблажки.

Первый попался «нижне-тунгузскій попъ съ причтомъ» *).

Тобольская консисторія предписала туруханскому заказщику (благочинному), «истребуя отъ тамошняго городничаго, или земскаго суда, двухъ нарочныхъ сыскать нижне-тунгузскаго погоста попа съ причтомъ въ духовное правленіе и тутъ ихъ, доколѣ они за 1789 годъ росписей не исправятъ, *держать безъ выпуску въ цѣпяхъ подъ карауломъ и денно-нощно ихъ къ тому принуждать*».

Однако и это ни къ чему не повело: и тунгузскій попъ убѣжалъ, да и вообще попы «разбѣгались», а тѣ, которыхъ

*) Указъ консисторіи 20 августа 1790 г.

ловили и сажали на цѣпь, «сидѣли безъ выпуску», но проку отъ этого не выходило, потому что списковъ они составить не могли, ибо неисправность была уже слишкомъ долго запущена.

А какъ «сунодъ требовалъ списка *неотступно*», то несчастная консисторія вынуждена была сознаться, что она «ничего не можетъ сдѣлать, понеже духовныя правленія и священноцерковнослужители *по безстрашію ихъ* о государственномъ дѣлѣ не брегутъ».

Дойдя до откровеній о своей несостоятельности, консисторія уже не стѣснялась и выкладывала всю правду: въ іюлѣ 1786 года она доносила, что у нея совсѣмъ не на кого положиться, потому что и закащики, и члены духовныхъ правленій—всѣ «ослушники, огурники, супротивники и коварники». Вся соль осолилась! Утрата дисциплины и повиновенія была полная, но однако во многихъ случаяхъ трудно было и ждать исполнительности и повиновенія. Закащики вытребовали «поповъ» изъ-за сотенъ и даже изъза тысячъ верстъ, «для вчиненія рукоприкладствъ» и другихъ неважныхъ дѣлъ, безъ чего было можно обойтись, и «держали ихъ въ заказахъ долго, по нѣскольку недѣль и даже мѣсяцевъ, а отъ такихъ сыскиваній происходили для сельскихъ причтовъ великіе убытки въ переѣздахъ, поминкахъ и подаркахъ, а въ приходахъ остановка въ исполненіи духовныхъ требъ».

Тобольская консисторія поповъ не жалѣла и стала «просить губернаторовъ, чтобы они приказали городничимъ и исправникамъ давать сыщиковъ», которые должны «приводить неисправныхъ священниковъ въ духовныя правленія и держать тамъ подъ карауломъ до окончанія росписей»; но черезъ мѣсяцъ консисторія сдѣлала еще болѣе: она совсѣмъ уже передала «свою команду» мірскимъ командирамъ и «*съ дозволенія губернаторовъ*» прямо сама отъ себя предписала всѣмъ исправникамъ и городничимъ «держать подъ стражею безвыпускно и самихъ закащиковъ (благочинныхъ) и всѣхъ членовъ духовныхъ правленій, поколѣ

они всѣхъ росписей не исправятъ и не отошлютъ къ его преосвященству» *).

Такимъ образомъ, все тогдашнее непослушное «безстрашное» и «огурное» духовенство Сибири, выведя изъ терпѣнія свое начальство, было имъ «предано во власть мірскихъ человѣковъ», т.-е. губернаторскихъ чиновниковъ, которые «со дней митрополита Арсенія точили на нихъ зубы, но только не смѣли на оныхъ въ дѣйствіяхъ покуситься», а теперь эти приказные получили право всѣхъ мало-мальски неаккуратныхъ священноцерковнослужителей «хватать яко неблагопокорныхъ», и лишить ихъ свободы, и держать безвыпускно... Чиновники постарались показать свое усердіе и такъ «хватали», что Сибирь во многихъ мѣстахъ осталась безъ требоисправителей, но «батюшка Денисъ Ивановичъ» объ этомъ не безпокоился и «истязалъ поповъ такъ, что даже кожа на нихъ трещала. А объ отвѣтѣ не унывалъ, мня яко въ потребный часъ вся покрыетъ своею орденскою мантіею».

Тутъ сибирскіе требоисправители, лишенные свободы и доходовъ, потеряли свое «огурство» и, «впавъ въ руцѣ Чичерина, явились благопослушны»: они написали списки.

Чичеринъ хвалился: «Я сказалъ, что я свое возьму, и вотъ я взялъ!» А вышколенные имъ попы, отъѣзжая изъ его канцеляріи, говорили себѣ: «Похвальбишка! Ну, взялъ—такъ и взялъ, а подожди хвалиться-то!»

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Въ 1794 году росписи пришли и изъ всѣхъ сибирскихъ заказовъ, ибо «до всѣхъ дошло вѣдѣніе яко вси преданы Чичерину», и въ Тобольскѣ консисторскіе подьячіе сдѣлали изъ тѣхъ росписей «экстрактъ», который и былъ представленъ въ сунодъ **). Требованіе начальства этимъ было

*) Ук. 17-го апр. № 1414.

**) Ук. 24-го февр. 1794, № 234.

выполнено: вся «скала небытія» обозначилась на виду, и все оформлено и приведено въ надлежащій порядокъ, такъ что можно было составить смѣту: сколько придетъ дохода отъ небытія; но на мѣстахъ, при самомъ обложеніи денежною платою за «небытіе», начали вновь обнаруживаться невѣроятныя вещи, черезъ которыя опять должна была происходить несусвѣтимая путаница. При повѣркѣ на мѣстахъ оказалось, что «въ числѣ показанныхъ (по спискамъ) небывшими нерѣдко попадали *давно умершіе* или (находившіеся) по нѣскольку лѣтъ въ бѣгахъ, въ ссылкѣ или переселенные куда-нибудь въ Иркутскую или въ Якутскую области. Напротивъ, истые раскольники, записанные свѣтскими властями въ двойной окладъ, оказывались отмѣченными въ числѣ *бывшихъ* у исповѣди и притомъ за нѣсколько лѣтъ кряду»...

Отчего же и какъ могла произойти такая неисправность при всей наличности внѣшняго рачительства и порядка со стороны «тѣсно ущемленнаго Чичеринымъ духовенства», и что̀ еще можно было теперь измыслить: кому еще во второй разъ «предать» духовенство и какъ его «защемить», чтобы добиться отъ него точно обозначенной «скалы небытія»? И вотъ тутъ, въ эту-то пору, въ самой канцеляріи у Чичерина явилось убѣжденіе, что въ такомъ огромномъ и дикомъ краѣ, какъ Сибирь, рѣшительно нельзя услѣдить за всѣми, кто исповѣдуется, а кто не исповѣдуется, и что потому правильное обложеніе налогомъ за «небытіе» есть вещь невозможная. А то, чего сунодъ достигъ послѣ множества усиленныхъ и неотступныхъ требованій, была просто фикція, которую продѣлали надъ Чичеринымъ «преданные ему и имъ тѣсно ущемленные попы», и надъ другимъ начальствомъ «подьячіе духовныхъ правленій и консисторій», которые, будучи «нуждою и страхомъ гонимы и побуждаемы», всѣ писали въ спискахъ «что̀ попало».

Казалось бы, что такой велемощный сановникъ, какъ Денисъ Ив. Чичеринъ, увидавъ дѣло какъ есть такъ и долженъ былъ донести о немъ въ Петербургъ, чтобы тамъ

знали настоящее положеніе и не требовали того, что̀ невозможно исполнить,—но Чичеринъ этого не сдѣлалъ. Можетъ-быть, онъ не хотѣлъ понизить статью въ смѣтѣ ожидаемыхъ доходовъ, которую все-таки желали собрать, а можетъ-быть весь его большой будто бы характеръ выходилъ на кипяченіе и озорство, съ кѣмъ это было удобно, а для правдиваго представленія о дѣлахъ ввѣреннаго ему края духа у него недоставало...

Приходскіе же священники кромѣ того, что они не могли, но они и не умѣли составить вѣрныхъ отмѣтокъ «о небытіи» *). И они это поняли и увидали, что̀ имъ надо дѣлать. Такъ какъ не доставлять списковъ стало нельзя,— потому что за это «можно впасть въ руцѣ Чичерина», а если составить «списки сочиненные», то можно попасть въ руки подьячихъ, — то малописьменные попы исхитрились такъ, что стали поручать составленіе отмѣтокъ «о небытіи» самимъ же подьячимъ, служившимъ въ тѣхъ самыхъ духовныхъ правленіяхъ, куда надо было представлять списки, а на то, чтобы вознаградить этихъ подьячихъ за трудъ ихъ, завели со всѣхъ своихъ прихожанъ обоего пола новый «безобидный *сборъ за уволоку* отъ исповѣди по 5 копѣекъ съ души» **).

Устроивши такимъ манеромъ экономическую сторону дѣла, сибирскіе священники еще лучше устроили техническую сторону операціи: они захотѣли сдѣлать такъ, чтобы требовательное начальство получало для своего удовольствія списки о небытейцахъ, но чтобы списковъ этихъ въ при-

*) Въ числѣ сибирскихъ священниковъ того времени было много малограмотныхъ, «едва умѣвшихъ только читать церковное». Религіозная образованность ихъ была такая, что даже одинъ «градскій священникъ» г. Кузнецка, по фамиліи Ломшаковъ, на вопросъ протоіерея Комарова: «какъ читается седьмая заповѣдь?» — отвѣчалъ: «Помилуй мя, Боже», а на вопросъ: «сколько таинствъ и какая ихъ сущность?» далъ отвѣтъ: «таинствъ есть *десять*, а сущность ихъ непостижима» (Указ. тоб. дух. консист. 27-го апр. 1770 г.).

**) Дѣло томск. дух. консистор. въ «Колокольномъ Архивѣ» Алексѣевскаго монастыря.

ходахъ не писать, такъ какъ отъ этого только двойная работа: пусть кто эти списки ревизуетъ—тотъ самъ же ихъ и *сочиняетъ*. На этомъ священники уговорились съ консисторскими приказными и стали присылать этимъ подьячимъ «бѣлые листы съ своею подписью да хлопотныя деньги по количеству», и подьячіе брали деньги, а на бѣлыхъ листахъ писали въ списки что̀ знали, «по примѣру прошлыхъ лѣтъ», и пригоняли текстъ списковъ «какъ прилично къ сдѣланнымъ заранѣе подписямъ», и, разумѣется, списки, составленные такимъ образомъ, подьячіе уже не браковали и не возвращали, а направляли дѣло выше, гдѣ оно веселило ожидавшихъ результатовъ, которые должны были «оправдать предначертанія». И пошло бы это, вѣроятно, на многія лѣта; но вмѣшался врагъ и все дѣло испортилъ: священники, собирая по пятаку за уволоку, не все отдавали подьячимъ и не хотѣли ничего удѣлять своимъ причетникамъ, которые разсердились и о всемъ донесли и на поповъ, и на приказныхъ. Неумѣренная жадность поповъ разрушила такую удобную организацію, и оба начальства—свѣтское и духовное — явились другъ передъ другомъ въ недостойномъ ихъ, смѣшномъ видѣ.

Но надо было, разумѣется, доказать, что списки небытейщикамъ сочиняютъ приказные, и за этимъ дѣло не стало: не только между причетниками, но даже и между приказными нашелся предатель: одинъ приказный обидѣлся, что попъ, съ которымъ они состояли въ компаніи, прислалъ ему мало денегъ. Подьячій навелъ справку: сколько попъ собралъ, и сравнивъ съ тѣмъ, сколько онъ ему доставилъ, увидалъ, что онъ удержалъ у себя львиную долю; и это приказному не понравилось и показалось обидно. А какъ и другіе подьячіе имѣли подозрѣніе на другихъ поповъ, что они передаютъ не все, что̀ собираютъ «за уволоку», то мстивый подьячій рѣшился наказать всѣхъ поповъ за ихъ жадность и отправилъ въ консисторію, какъ будто бы по ошибкѣ... вмѣсто списковъ—одни пустые листы бумаги, съ поповскими подписями!..

Неопровержимая улика была налицо, и отъ этого людямъ стало не лучше, а еще хуже: теперь, когда консисторскіе подьячіе знали плутню правленскихъ и, посмотрѣвъ многія сохраняемыя росписи, увидали, что всѣ онѣ писаны одною рукою подьячаго,—консисторскіе потребовали себѣ части отъ правленскихъ, а тѣ отъ поповъ, а попы должны были увеличить сборъ съ мірянъ. И такъ дѣло опять уладилось.

Вмѣсто прежняго «повальнаго положенія», при которомъ «попъ собиралъ за уволоку по 5 к. съ души», теперь плата повысилась.

Все это теперь происходило явно, и священникъ непремѣнно долженъ былъ дѣлать эти поборы, потому что иначе онъ своими списками никогда бы подьячимъ не угодилъ и его замучили бы «истязаніями».

Но и въ этомъ усовершенномъ порядкѣ опять обнаружились свои недостатки, которымъ начальство не нашлось какъ помочь, а оборотистое сибирское духовенство опять само изъ нихъ выбилось.

Когда старыми сборами «за уволоку» пришлось дѣлиться съ бо̀льшимъ числомъ участниковъ, тогда приходскіе священники ввели еще одинъ поборъ «за скверноядство».

Это статья очень любопытная, но она требуетъ отступленія и объясненій.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Еще въ началѣ XVII столѣтія казаки, «простираясь къ сѣвернымъ предѣламъ Сибири, подбивали подъ власть свою вогуловъ, остяковъ, тунгусовъ, юроковъ, якутовъ и другихъ народцевъ, кочевавшихъ въ своихъ сѣверныхъ предѣлахъ Сибири». Когда оканчивалось покореніе или «подбитіе», тотчасъ же начинались заботы о введеніи новыхъ порядковъ: «о сборѣ ясака и о просвѣщеніи свѣтомъ истинной вѣры».

Для этого казаки узнавали пункты, гдѣ «народцы» въ извѣстные сроки сходятся другъ съ дружкою, чтобы обмѣняться добычею своихъ лововъ и иныхъ промысловъ. Тутъ казаки сейчасъ же и завели «постройки», которыя назвались «острожками», или «острогами», или «крѣпостями», а впослѣдствіи «городами».

Такимъ образомъ возникъ Березовъ, Обдорскъ, Сургутъ, Нарымъ, Туруханскъ, Якутскъ и другіе нынѣшніе города. Первоначальное заведеніе здѣшнихъ городовъ обыкновенно шло такъ: сначала строили первую избу для воеводы, вторую для попа и третью, общую, для «служилыхъ людей», а насупротивъ ихъ — ссыпной амбаръ для хлѣба, погребъ для пороху и церковь. Церковь была «та же изба, только съ крестомъ на крышѣ».

Заводили осѣдлости на такихъ мѣстахъ, гдѣ кочевники имѣли обычай сходится для мѣны; тутъ ихъ разсчитывали «осѣтить и обрать съ нихъ ясакъ». Придумано было хорошо, и казаки, указавъ заводчикамъ, какъ собирать ясакъ, указали и слѣдовавшимъ за ними священно-церковнослужителямъ средства, какъ «просвѣщать язычниковъ святою вѣрою и чѣмъ отъ нихъ кормиться». «Просвѣщать же язычниковъ» — это было цѣлью прибытія духовныхъ въ сибирскую глушь, а «кормиться» отъ своей паствы имъ было необходимо, такъ какъ отъ казны имъ на все прожитье было «пожаловано въ годъ на попа по 28 руб., а на причетника по 18 рублей на ассигнацію» (=8 р. и 5 р. 30 к.). «Паства», которую только-что накрестили, вся состояла изъ кочевниковъ, которыхъ цѣлый годъ не увидишь—только разъ въ годъ, въ обычное время они сближаются къ извѣстнымъ мѣстностямъ для взаимнаго торговаго размѣна, и тутъ-то надо около нихъ сдѣлать все, что̀ нужно, т.-е. и «осѣтить, обрать ясакъ и научить святой вѣрѣ». Когда воеводы со своими служилыми людьми хлопочутъ собирать съ народовъ ясакъ въ казну, тутъ же и священнику одно только время научить язычниковъ христіанству и исполнить для нихъ заднимъ числомъ всѣ

церковныя требы для живыхъ и мертвыхъ, и получить съ нихъ за это требоисправленіе побольше шкуръ въ свою пользу.

Въ церкви, или какъ сами казаки называли ихъ — «въ церквищѣ»—въ теченіе года бывали только воевода да его служилые люди, а «ясашныхъ» прихожанъ никогда не бывало. Молились ли они, и какъ и кому молились въ теченіе всего года — объ этомъ священникъ не могъ знать, и церкви, и попа они боялись; но зато, когда они сходились, чтобы отдать ясакъ воеводѣ, казаки «имали ихъ и загоняли на требы къ попу», и «народцы» одинаково считали «ясакомъ» какъ то, что̀ они платили воеводскимъ служилымъ людямъ, такъ и то, что̀ платили попу. Такъ они и говорили, что должны плáтить «два ясака: одинъ воеводѣ, а другой попу» *). Оба ясака взимались съ большимъ произволомъ: служилые люди «донимали» съ дикарей вдвое и болѣе противъ положеннаго, угрожая за недодачу лишеніемъ драгоцѣнной всякому свободы, а духовенство «правило свой ясакъ по количеству», т.-е. по числу душъ, которое дикари сами показывали въ своихъ семействахъ «съ удивительною простотою». Попъ спрашивалъ дикаря. «кто въ семьѣ народился, и кои померли, и кои жить поимались нà-ново какъ мужъ съ женою», а дикарь, достаточно уже умудренный опытомъ, что ему отъ этихъ разспросовъ выйдетъ вредъ, все-таки всегда давалъ откровенный и справедливый отвѣтъ «съ врожденною простотою». По его же показаніямъ попъ его и «облагалъ, *какъ повелось* по правиламъ: за крещеніе новорожденнаго дитя 10 либо 15 бѣлокъ, за «очищеніе» (?) 5 бѣлокъ, за женитву— 2 соболя или 5 песцовъ». Иногда надъ дикарями заднимъ числомъ исполняли какіе-нибудь обряды, но бо̀льшею частію дѣло ограничивалось только сборомъ ясака, а наличностью производилась только одна исповѣдь,—при чемъ за разрѣшеніе грѣховъ всей семьи расплачивался съ попомъ

*) См. «Сибирскій лѣтописецъ» о ясакѣ.

старшій въ родѣ, и тутъ приходилось торговаться. Съ обыкновеннаго грѣшника брали отъ пяти до десяти бѣлокъ, но съ такого, у котораго было больше, священникъ требовалъ и ясакъ побольше, а въ общей сложности для отца семейства или главы рода это составляло расчетъ, противъ котораго онъ спорилъ. Исповѣдный ясакъ иногда доходилъ до двухсотъ бѣлокъ на семейство, и дикари этимъ очень тяготились, но «по простотѣ своей» своихъ грѣховъ все-таки не скрывали, а только спѣшили скорѣе «очиститься и бѣжать». Обыкновенно они «убѣгали» тотчасъ же послѣ исповѣди и не дожидались причастія, о важности котораго не имѣли понятія.

Сибирскіе священники распоряжались наложеніемъ ясака по всей своей волѣ. Свѣтскія власти въ это не вмѣшивались, за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ «бироновщины», когда «духовнаго чина людямъ началось отъ свѣтскихъ командировъ и еретиковъ притѣсненіе и туга», но они «черезъ это время отстоялись и скоро достигли лучшаго вѣка Елизаветы». Однакоже какъ и въ Елизаветино время духовнымъ большого жалованья не дали, то духовные прибавили къ ясаку *«подать за скверноядство»*.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Что̀ значитъ «скверноядство»? Это то, если человѣкъ ѣстъ что-нибудь «скверное», т.-е. «непоказанное ему для употребленія въ пищу». Скверное это не у всѣхъ одно и то же: въ старой Руси сквернымъ почиталась телятина и теперь многими почитается за «скверно»—угорь, налимъ, минога, раки и устрицы, мясо козы, зайца, голубя и черепахи и т. д. Въ Сибири на огромныхъ пространствахъ, гдѣ кочуютъ «народцы», нѣтъ ни посѣвовъ, ни убойнаго скота, имѣющаго раздвоенныя копыта и отрыгающаго жвачку, а потому кочевники употребляютъ въ пищу все, что̀ можно съѣсть, и между прочимъ мяса «животныхъ, не показанныхъ» по требнику, а именно: «медвѣжью говядину, соболей и бѣлокъ».

Дикари ѣли эту пищу всегда, съ тѣхъ поръ какъ живутъ, и пока они не были окрещены Иннокентіемъ Кульчицкимъ, имъ и не представлялось, что это «скверно». Впрочемъ, и св. Иннокентій, зная мѣстныя условія жизни, взысканій за эту «скверность» не налагалъ. Но теперь настала пора извлечь изъ этого выгоду.

Сибирскіе духовные положили очищать «скверноядущихъ» дикарей особою молитвою, а за прочтеніе ея наложили «новый ясакъ» съ таксаціею: 1) за яденіе медвѣжьей говядины—одна цѣна, 2) за яденіе лисьяго и собольяго мяса—другая, и 3) за бѣлокъ и иныхъ меньшихъ звѣрковъ—третья.

За все это пошли сборы очень прибыльные, но и хлопотливые, такъ какъ надо было «слѣдить за скверноядцами и настигать ихъ», и тутъ ихъ «обкладывать и очищать молитвою», чтобы они потомъ вновь начинали «скверно ѣсть» нà-ново *).

Духовные отъѣзжали въ поля для «настиганія и сбора», при чемъ полевали не всегда тихо, и случалось, что народцы на нихъ плакались, и свѣтскія власти пробовали защищать «народцы»; но тутъ въ сибирскомъ краѣ получилъ могучее значеніе Арсеній Мацѣевичъ, который имѣлъ «не-

---

*) По требнику, какой нынѣ находится въ употребленіи, нѣтъ раздѣленія разныхъ видовъ «скверноядства». «Молитва о скверноядныхъ» читается такъ: «Владыка Господи Боже нашъ, иже съ вышнихъ живый и на смиренныя призираяй: приклони ухо Твое и услыши насъ молящихся Тебѣ, и подаждь прощеніе Твоему рабу, имя рекъ, скверно-ядшему, и вкусшему мясъ или каковыхъ любо (sic) брашенъ нечистыхъ, ихъ же снѣди отреклъ еси въ законѣ святѣмъ Твоемъ,—сихъ же неволю причастившагося прости и сподоби его неосужденно причаститься страшныхъ таинствъ честнаго тѣла же и крове Христа Твоего, яко да избавится прочее всякаго нечистаго воспріятія и дѣянія, яко напитаваяся божественными Твоими таинствы и наслаждаяся святыя Твоя и тайныя трапезы и безсмертныхъ таинствъ и сохраняемый съ нами во св. Твоей церкви восхвалитъ и прославитъ имя Твое вышнее во вся дни живота своего» (Требникъ, гл. 52).

побѣдимую дерзость» и стоялъ горой за духовныхъ *). Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Сибирь, когда Бирономъ и «еретики» были уже «свержены», и могъ знать Сибирь превосходно, такъ какъ въ 1734 году онъ находился въ экспедиціи, посланной для открытія морского пути въ Камчатку, и пробылъ въ Сибири до 1736 года, когда «по секретному дѣлу» былъ привезенъ изъ Пустозерска въ Адмиралтействъ-Коллегію, «но признанъ невиннымъ». Онъ былъ угрюмъ и дерзокъ отъ природы; питалъ нерасположеніе къ «свѣтскимъ властямъ» и всегда готовъ былъ дать имъ себя почувствовать. А потому, когда онъ достигъ, въ 1741 г., сана сибирскаго митрополита, онъ тотчасъ же издалъ «циркуляръ» **), «чтобы священно-церковнослужители отнюдь не смѣли обращаться въ свѣтскіе суды помимо своего епископа, подъ опасеніемъ низверженія по 11 правилу Антіохійскаго собора», а черезъ четыре мѣсяца совсѣмъ освободилъ духовенство отъ подчиненія свѣтскимъ властямъ и «узаконилъ непослушаніе онымъ». Въ іюлѣ 1742 года митрополитъ Арсеній «повелѣлъ, чтобы никто изъ духовныхъ лицъ безъ позволенія своей духовной команды никакихъ отъ свѣтской команды присылаемыхъ указовъ *не слушали*, и ежели кто отъ свѣтскихъ командировъ безъ сношенія съ духовною командою *дерзнетъ* кого изъ духовныхъ лицъ насильно къ суду своему привлекать, или *въ свидѣтельствѣ какомъ спрашивать*, или указы какіе безъ сношенія съ духовною командою духовнымъ лицамъ отъ себя посылать, то таковымъ присылать обстоятельные письменные протесты въ скорости».

Сибирское духовенство тогдашняго времени, и безъ того дерзкое и непокорное, увидало въ этомъ циркулярѣ Арсенія «законъ непокорности свѣтскимъ властямъ» и, «опираясь на него, упорно отказывалось отъ всякихъ сношеній

---

*) Изъ «синодальныхъ іеромонаховъ», хирот. 26-го марта 1741 г. во еписк. сибирскаго и тобольскаго; 1742, мая 13, митроп. ростовскій.

**) 28-го февр. 1742 г.

съ свѣтскими судами и администраторами». Духъ же, возобладавшій тогда въ правительствѣ, заставлялъ администратора «признать мнимую законодательную силу указа митрополита Арсенія».

При такихъ обстоятельствахъ, какія бы жалобы ни доходили отъ обывателей до «свѣтскихъ командировъ» на «нестерпимые поборы» со стороны духовенства,—командиры эти никакой защиты «претерпѣвающимъ» оказать не могли.

Арсеній однако здѣсь пробылъ не долго: заведя порядки въ Сибири, онъ былъ отозванъ на ростовскую каѳедру, а на мѣсто его стали другіе: Антоній Нарожницкій (1742—1748), а потомъ Селиверстъ Гловатскій (1749—1755). Это были люди не такіе крутые, какъ Мацѣевичъ, но «законъ Арсенія стоялъ въ своей силѣ» и духовенство постоянно оказывало «непокорность» свѣтскимъ правителямъ. Бывали въ этомъ родѣ случаи, которымъ даже трудно вѣрить.

Въ 1751 году (при Селиверстѣ Гловатскомъ) проживавшій въ г. Томскѣ коллежскій ассесоръ Костюринъ убилъ принадлежавшую ему крѣпостную дѣвку, а потомъ велѣлъ ее одѣть и «положить подъ святые» и позвать священника, чтобы отправить по ней панихиду. Пришелъ священникъ «градо-богоявленской церкви съ причетомъ», и когда стали пѣть панихиду, то «*причетъ* усмотрѣлъ на покойницѣ боевые знаки и тотчасъ же, по выходѣ изъ дома Костюрина, подалъ о томъ вѣдѣніе въ воеводскую канцелярію». Воеводская канцелярія сразу же, «немедленно» послала своихъ полицейскихъ или, по-тогдашнему, «дѣтей боярскихъ», чтобы тѣ освидѣтельствовали тѣло усопшей, и по этому осмотру оказалось, что «причетъ» не ошибся: «на тѣлѣ умершей были найдены боевые знаки, которые и были признаны *смертельными*».

Воеводская канцелярія тотчасъ же начала слѣдствіе, но «по силѣ указа митрополита Арсенія, отъ 22 іюля 1742 года», не сочла себя въ правѣ отобрать формальное показаніе отъ «причета». Надо было испросить на это разрѣшеніе

у «закащика» (благочиннаго), а «закащикъ былъ въ отлучкѣ по своему заказу и скораго возвращенія онаго нечаятельно». Томская воеводская канцелярія, 28 ноября 1751 года, донесла о своемъ затрудненіи въ губернскую канцелярію, а та, 8 апрѣля 1752 г. (черезъ пять мѣсяцевъ послѣ убійства), «заглушала» это донесеніе, а 19 августа (черезъ девять мѣсяцевъ) сообщила тобольской духовной консисторіи, которая «свѣтскимъ командирамъ» людей своей команды спрашивать не дала, а ровно черезъ годъ послѣ убійства, въ ноябрѣ 1752 года, послала въ Томскъ указъ своему «закащику», и этимъ указомъ *) «съ резолюціи митрополита Селиверста» предписано заказчику «самому отобрать нужныя по этому дѣлу показанія отъ причта градобогоявленской церкви и доставить оныя не въ томскую воеводскую канцелярію», которая ожидала этихъ свѣдѣній, а «на архипастырское благоусмотрѣніе его преосвященства».

При такихъ проволочкахъ всѣ слѣды совершеннаго убійства, разумѣется, исчезли, и дѣло «предано волѣ Божіей», а въ новомъ указѣ м. Селиверста (отъ 22 ноября 1752 г.) сибирское духовенство получило еще «наикрѣпчайшее подкрѣпленіе неподчиненности своей, узаконенное м. Арсеніемъ въ указѣ 22 іюля 1742 года». Сибирское духовенство «подкрѣплялось» и заняло такую позицію, что общее правосудіе для него ничего не значило.

Такъ и продолжалось до 1762 года, когда Екатерина II назначила въ Сибирь губернаторомъ бригадира Чичерина, котораго одни съ любовью величали «батюшкой», а другіе съ ужасомъ называли «бѣшенымъ конемъ».

Тутъ пошло другое.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Денисъ Ивановичъ Чичеринъ былъ человѣкъ не злой и даже, можетъ-быть, добрый, но гордый, заносчивый и

*) Указъ тоб. д. консист. 22-го ноября 1752 г.

пылкій: спорить съ нимъ было не легко, да и духъ правительства въ это время перемѣнился и не давалъ болѣе преферанса «духовнымъ командирамъ надъ свѣтскими» *). Чичеринъ могъ остановить дерзость и находилъ въ этомъ свое удовольствіе: онъ пріѣхалъ въ Тобольскъ «съ превеликою пышностію», и засталъ здѣсь на митрополичьей каѳедрѣ Павла Конюскевича **).

О Чичеринѣ въ Сибири, разумѣется, знали, и чиновные люди ожидали его «съ притрепетомъ» и говорили, что онъ «ужасно себя покажетъ»; но духовные «не брегли, уповая на законы Арсеніевы». Знатоки жизни обращали вниманіе на то, что Чичеринъ передъ этимъ былъ въ немилости и «долго находился въ бездѣйствіи», а между тѣмъ очень любилъ властвовать, и потому, какъ бы взалкавъ, теперь «скоро себя вознаградитъ за все терпѣніе». При этомъ увѣряли, будто онъ получилъ отъ монархини безмѣрныя полномочія и «воленъ на всѣхъ въ жизни и смерти». Разсказывали также чудеса о его великомъ богатствѣ и царственной щедрости: «кто ему угодитъ, онъ того въ дворяне произведетъ и золотомъ засыплетъ». А Денисъ Ивановичъ зналъ, что ему предшествуетъ такая выгодная молва, и сдѣлалъ такъ, что превзошелъ всѣ слухи, предшествовавшіе его прибытію въ Тобольскъ. Онъ поразилъ Сибирь своимъ вступленіемъ въ ея предѣлы. Одной прислуги съ нимъ пріѣхало полтораста человѣкъ, въ числѣ которыхъ были гайдуки, скороходы, конюхи и повара. Самъ онъ въѣхалъ въ богатѣйшей каретѣ, за которою слѣдовалъ «штатъ», состоявшій изъ лицъ военныхъ и гражданскихъ,

---

*) Денисъ Ив. Чичеринъ, капитанъ сем. полка; при восшествіи имп. Петра III «отставленъ премьеръ-майоромъ, но недолго находился въ бездѣйствіи: имп. Екатерина II, переименовавъ его въ бригадиры, опредѣлила губернаторомъ въ Сибирь. Пользовался особеннымъ довѣріемъ монархини» (Слов. достоп. люд. р. з., т. V).

**) Павелъ Конюскевичъ былъ митрополитомъ въ Тобольскѣ съ 1758 по 1768 г. Вмѣстѣ съ Чичеринымъ служилъ въ Тобольскѣ шесть лѣтъ (съ 1762 по 1768).

и, вступивъ въ домъ, никого изъ духовныхъ особъ къ себѣ не позвалъ и самъ *къ митрополиту не поѣхалъ* и даже объявилъ, что «не желаетъ имѣть съ нимъ знакомства». Съ перваго же дня своего пріѣзда Чичеринъ сталъ приглашать къ своему столу «ежедневно не менѣе какъ по тридцати стороннихъ особъ изъ разныхъ сословій, а въ нарочитые дни и болѣе», но ни разу не позвалъ митрополита или кого-нибудь изъ духовенства. Въ обхожденіи со всѣми онъ тоже былъ простъ и обо всѣхъ участливо узнавалъ, кому какъ живется, но объ одномъ митрополитѣ ничего не хотѣлъ знать. Митрополитъ Павелъ почувствовалъ обиду отъ этого пренебреженія, но еще не сробѣлъ и надѣялся дать Чичерину урокъ и заставить его понять, что духовное величіе выше плотского: митрополитъ скрылъ обиду на сердцѣ своемъ, терпѣлъ до «торжественнаго именитаго дня Александра Невскаго» и въ тотъ день собрался служить съ великою пышностью, чтобы напомянуть людямъ и о своемъ величіи. Говорили, будто бы онъ намѣревался даже чѣмъ-то «уловить Чичерина въ несоблюденіи» и хотѣлъ произнесть ему обличеніе; но всѣ эти намѣренія митрополита остались невыполненными, а Чичеринъ страшно восторжествовалъ. Дѣло было въ томъ, что это разсчитанное столкновеніе произошло въ *орденскій день* того самаго ордена, котораго Чичеринъ былъ кавалеромъ и «имѣлъ его одѣяніе». А потому едва митрополитъ началъ свое торжественное служеніе, незамѣтно чѣмъ превосходящее обыкновенное архіерейское служеніе, какъ на площади Тобольска открылось никогда еще здѣсь невиданное и поразительное зрѣлище: это было шествіе, которое совершалъ самъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, «облеченный въ орденскую *мантію*» (которую простой народъ называлъ «мантилісй»). Онъ шествовалъ въ соборъ въ семъ величественномъ и никѣмъ до сей поры невиданномъ одѣяніи, сопутствуемый военными и гражданскими чиновниками въ расшитыхъ мундирахъ, а за ними все множество людей, которые успѣли собраться и слѣдовали за великолѣпнымъ выходомъ Чи-

черпна. Въ городѣ всѣ побѣжали смотрѣть на губернатора, и смятеніе, сдѣлавшееся по этому случаю, проникло даже въ храмъ, гдѣ служилъ архіерей, и здѣсь, какъ заслышали, что по улицѣ идетъ губернаторъ «въ мантильѣ», всѣ выскочили изъ церкви и гурьбою повалили встрѣчать и сопровождать Чичерина въ мантіи... Митрополитъ остался въ храмѣ съ одними своими сослужащими, да и изъ тѣхъ нашлись легкомысленники, которые бросились къ окнамъ и все позабыли, смотря на Чичерина, который казался имъ «совсѣмъ какъ карточный король». Зрѣлище это имѣло какое-то ошеломляющее вліяніе на тобольцевъ. Говорятъ, что когда «Чичеринъ въ мантиліи» и со свитою изъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ прошелъ уже весь путь отъ своего дома до собора и поднимался на всходы храма, то растерявшіеся звонари, не зная, какъ имъ поступать, подняли трезвонъ, а народъ вопрошалъ: «неужели еще Соломонъ болѣе сего былъ въ славѣ своей?» И въ храмѣ люди будто уже «ни пѣнія, ни молитвъ не слыхали, а единственно только великолѣпію вельможи дивились». По окончаніи же службы, когда Чичеринъ обратился къ выходу, «не удостоивъ говорить со владыкою», то всѣ люди опять и устремились за своимъ пестрымъ «карточнымъ королемъ», и не ожидали владыческаго благословенія. Такъ всѣхъ плѣнило и увлекало показанное Чичеринымъ великолѣпіе, передъ которымъ благочестіе города Тобольска не устояло, и люди обнаружили всю свою суетность!

«Народъ рукоплеща» проводилъ батюшку Діонисія Ивановича до его губернаторскаго дома или «дворца», и по пути многіе, «ловя, лобызали его руки, кои онъ простиралъ имъ изъ мантіи» *). Потомъ же Чичеринъ «давалъ обѣдъ

*) Объ этой «мантіи» или «мантиліи», въ которой Чичеринъ сдѣлалъ «орденское шествіе», разсчитанное на то, чтобы импонировать тобольскому митрополиту Павлу Конюскевичу, упомянуто у Бантыша-Каменскаго; но указаніе, кажется, не обстоятельно и сбивчиво. Чичеринъ пріѣхалъ въ Сибирь въ 1762 г., а въ 1765 г. получилъ орденъ св. Анны, тогда еще голштинскій; орденъ же Александра Нев-

при громѣ музыки, орудій и неумолкаемой ружейной стрѣльбѣ».

Митрополитъ Павелъ увидалъ, что ему съ такимъ противникомъ не справиться: онъ болѣе на Чичерина и не пошелъ, а сталъ говорить о своемъ желаніи ѣхать въ Кіевъ на богомолье. Губернаторъ же забиралъ ретиво, и управленіе его многимъ нравилось; это было управленіе во вкусѣ Гарунъ-аль-Рашида: Чичеринъ вставалъ съ постели въ четыре часа утра и допускалъ къ себѣ всѣхъ просителей безъ доклада, и рѣшалъ самъ дѣла всякаго рода безъ исключенія. Такое судбище у насъ до сихъ поръ имѣетъ своихъ приверженцевъ. Чичеринъ выслушивалъ жалобщика и сейчасъ же посылалъ за отвѣтчикомъ, а иногда и прямо сразу опредѣлялъ кто правъ, а кто виноватъ, и «правымъ оказывалъ скорѣе удовлетвореніе, а ябедниковъ наказывалъ въ то же время». Наказанія онъ часто производилъ «отечески», т. е. собственноручно или черезъ «ближайшую особу». Это тоже нравилось; говорили: «отца родного не надо какъ Діонисъ Иванычъ: поучитъ, а несчастнымъ не сдѣлаетъ». «Такъ поступалъ онъ и съ подчиненными своими, впадавшими въ проступки; но за гнѣвомъ немедленно слѣдовали милости, а если то было напрасно, то и извиненія». «Вспыльчивость и горячность его не долго продолжались», и когда гнѣвъ съ него сходилъ, онъ «старался оказывать каждому услуги» и слылъ за человѣка «добраго сердца». «Въ занятіяхъ былъ *неутомимъ*» и легко переходилъ отъ одного дѣла къ другому. Онъ не

ского данъ ему въ 1785 г. Митрополитъ же Павелъ «спассовалъ» передъ Чичеринымъ и «уволился въ Кіевъ по обѣщанію въ 1768 году». Слѣдовательно, демонстративное «шествіе», въ видѣ короля, Чичеринъ могъ произвесть не ранѣе 1765 года и, вѣроятно, былъ при томъ въ «орденскомъ одѣяніи» или въ мантіи св. Анны, а не Александра Невскаго, красная бархатная мантія котораго на бѣломъ подбоѣ установлена только въ 1797 году императоромъ Павломъ, при «улучшеніи одѣянія» этого ордена. Чичеринъ тогда уже не жилъ († 1785 г.).

только былъ высшій правитель «обширнѣйшаго края», но не пренебрегалъ и низшими обязанностями полицеймейстера: вставалъ ночами, бралъ съ собою гусаровъ и вдругъ наѣзжалъ въ такія мѣста, гдѣ могли быть темныя сборища и безпорядки, и сейчасъ же самъ возстановлялъ здѣсь порядки... Даже самое увеселеніе собранныхъ имъ къ себѣ гостей не удаляло Чичерина отъ страсти къ быстрой расправѣ. «Если до него доходили какія-либо происшествія во время съѣздовъ (т. е. при гостяхъ), то онъ безъ малѣйшей перемѣны въ лицѣ переходилъ изъ гостиныхъ покоевъ въ канцелярію, допрашивалъ здѣсь прикосновенныхъ и виновныхъ наказывалъ, а потомъ возвращался къ дамамъ съ пріятностью, не объявляя никому о томъ, что̀ дѣлалъ». Только особенно близкія персоны знали, что̀ значитъ такое удаленіе. Получивъ во время бала извѣстіе о томъ, что у него показались пугачовскія шайки, Чичеринъ вышелъ изъ залы, оставивъ гостей веселиться, а «когда надлежало гостямъ разъѣзжаться, онъ роздалъ повеселѣвшимъ чиновникамъ запечатанные конверты и отдалъ приказъ выступить двумъ ротамъ, съ тѣмъ, чтобы врученныя бумаги были вскрыты не позже, какъ по прибытіи ихъ въ назначенныя мѣста». Отъ этого въ Тобольскѣ получился большой эффектъ; но тамъ, куда выступившіе пришли, ихъ встрѣтили неудачи, зависѣвшія отъ того, что скорое распоряженіе, послѣдовавшее подъ звуки бальной музыки, оказалось очень неудобнымъ при встрѣчахъ съ разбойниками. Впрочемъ, къ удовольствію Чичерина, посланные имъ «экспромту» войска хотя и пострадали и самыхъ важныхъ людей упустили, но все-таки изловили нѣсколько «бунтовщиковъ, вспомоществовавшихъ Пугачеву», и Чичеринъ сейчасъ же четверыхъ изъ нихъ повѣсилъ въ Тобольскѣ. Это почиталось достаточнымъ, въ смыслѣ благопріятнаго впечатлѣнія...

Чичеринъ видѣлъ, конечно, и всѣ дурныя стороны мѣстнаго церковнаго управленія и не прочь былъ сдѣлать что-нибудь лучшее; но, по его мнѣнію, ему «не съ кѣмъ было

объ этомъ говорить»; митрополитъ Павелъ, котораго онъ засталъ въ Тобольскѣ, былъ ему неугоденъ, а митрополитъ тоже говорилъ, что «не желаетъ имати въ немъ тивуна или судью духовныхъ дѣлъ, по примѣру тивуна Манолова, исправлявшаго чинъ церковной оправы» *). На этихъ ихъ «контрахъ» застряли и сборы за «небытіе», и безпрепятственно совершалось «дониманіе за сквернодѣйство». Чтобы улучшить что-нибудь въ церковномъ управленіи, Чичерину казалось необходимымъ сбыть съ рукъ Павла и посадить на его мѣсто другого человѣка, болѣе съ нимъ согласнаго. Но Павелъ просился на богомолье, а пока все-таки не уступалъ и старался платить Чичерину око за око и зубъ за зубъ. Наконецъ, онъ до того разсердилъ Чичерина, что тотъ (какъ повѣствуетъ «Тобольскій Лѣтописецъ») «во время гулянья на масляницѣ приказалъ своимъ прислужникамъ нарядиться въ монашеское платье и въ такомъ видѣ заѣзжать въ городскіе кабаки и развратные дома; а митрополитъ въ свою очередь, въ отплату Чичерину, приказалъ (sic) въ одной градской церкви на картинѣ страшнаго суда изобразить на первомъ планѣ Чичерина, котораго тянутъ крюкомъ за животъ въ пекло рогатые бѣсы» **).

Чичеринъ этого будто не устыдился, а только смѣялся надъ этимъ. Онъ ужъ такъ «усилился», что сталъ «давать около Тобольска чиновникамъ заимки и производить ихъ въ сибирскіе дворяне», и митрополитъ, видя его усиліе, опять началъ проситься у Синода въ Кіевъ на богомолье, гдѣ и умеръ, а на его мѣсто въ Сибирь былъ назначенъ Варлаамъ (Петровъ), «братъ славнаго новгородскаго митрополита, съ которымъ Чичеринъ находился въ дружескихъ связяхъ» ***).

Варлаамъ дѣлалъ все угодное губернатору: онъ назвалъ «сборъ за небытіе» «самонужнѣйшимъ государственнымъ

*) Упоминается въ Стоглавѣ, № 525.

**) Выписано изъ «Тобольск. Лѣтописца».

***) Слов. дост. люд., т. V, стр. 279.

дѣломъ» и не мѣшалъ Чичерину «быть тивуномъ» на самомъ дѣлѣ: при немъ Денисъ Ивановичъ ѣздилъ ревизовать духовенство и забралъ къ себѣ нѣсколько поповъ въ канцелярію, куда имѣлъ обычай заходить иногда по-домашнему — въ бешметѣ и съ арапникомъ въ рукѣ.

Однако, все это сокрушило только тѣхъ, которые попались «тивуну», а остальные продолжали всѣ свои безчинства и «гонялись за очищеніемъ сквернодѣйства». Съ этой послѣдней заботой здѣсь дошли до такого изступленія, что въ постоянныхъ охотахъ «попы даже дни позабыли», что̀ и послужило этому дѣлу *какъ бы* къ окончанію.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Въ 1780 году Чичеринъ, произведенный въ чинъ генералъ-поручика, оставилъ Сибирь. Духовенство пріободрилось и повело дѣло по-старинѣ, въ духѣ «Арсеніевой независимости». «Народцы» терпѣли въ молчаніи. Надъ Европой пронеслись величайшія событія, именуемыя французскою революціею; въ Москвѣ побывали дванадесять языкъ; облеченные довѣріемъ государя, сенаторы Лопухинъ и Нелединскій, увидавъ расправу съ молоканами въ Харьковѣ, дѣлали представленія въ духѣ терпимости, и всѣмъ было извѣстно желаніе императора «воздержать начальниковъ въ предѣлахъ ихъ власти» («Р. Арх.», стр. 104), а въ сибирскихъ тундрахъ съ крещеными «народцами» дѣлали все, что̀ хотѣли, и это необузданное безчинство дошло до того, что наконецъ сами просвѣтители потеряли память и разучились различать дни въ недѣлѣ.

Въ 1819 году поѣхалъ по Сибири какой-то «именитый путешественникъ». Прибывъ на рѣку Тазъ, онъ пожелалъ присутствовать при богослуженіи въ тамошней церкви, «въ чемъ, однако, не могъ получить себѣ удовлетворенія» *). Почему именно богомольный путешественникъ «не полу-

*) Предложеніе министра духовн. дѣлъ, получ. архіеп. тобольскимъ Амвросіемъ Келембетомъ 16-го апрѣля 1820 г.

чилъ удовлетворенія»—изъ матеріаловъ, дошедшихъ ко мнѣ отъ генерала Асташева, не видно; видно одно, что «сіе было въ *четвертокъ*, но мѣстный священникъ доказывалъ путешественнику, что *день тотъ былъ пятокъ*, и такимъ образомъ (выходитъ, что) *вмѣсто воскреснаго дня священникъ отправлялъ службу въ субботу*, а воскресный день оставлялъ безъ литургіи».

Путешественникъ написалъ объ этомъ въ Петербургъ князю Николаю Александровичу Голицыну. Князь Голицынъ тогда имѣлъ обширную власть: онъ былъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія *), а сверхъ того **) управлялъ еще министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и именовался главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ. Онъ могъ сдѣлать очень много и вообще «эту эпоху дѣятельной жизни своей ознаменовалъ подвигами, достойными перейти въ потомство» ***). Его уже называли: «другъ царя и человѣчества» ****), и онъ дѣйствительно нерѣдко успѣвалъ быть «доступенъ голосу обидимыхъ несправедливостью» и «не любилъ нетерпимость, а уважалъ чистое христіанское благочестіе».

Письмо, написанное путешественникомъ съ Таза, пришло къ князю Голицыну одновременно съ «извѣстіемъ изъ Туруханска, что священники тамошняго края заражены корыстолюбіемъ и сильно притѣсняютъ ясашныхъ инородцевъ».

Оба извѣстія, кажется, послѣдовали изъ одного и того же источника, т. е. отъ путешественника, который увидалъ безпорядки и злоупотребленія сибирскаго духовенства и находилъ себя въ благопріятныхъ условіяхъ для того, чтобы обратить на это непосредственное вниманіе «высокомощнаго друга человѣчества» *****).

---

*) Съ 16-го ноября 1817 г.

**) Въ 1819 г.

***) Слов. достопамятн. людей. Т. I, стр. 418

****) Ibidem.

*****) Такой образъ дѣйствій тогда не считался за дерзкое вмѣша-

Голицынъ немедленно же далъ ходъ этому дѣлу, направя его «по вѣдомству духовныхъ дѣль». Архіепископъ тобольскій Амвросій (1-й) Келембетъ *), 16-го апрѣля 1820 г., получилъ отъ князя Голицына «строжайшее предписаніе произвесть немедленное и самострожайшее слѣдствіе», какъ о священникахъ, «сильно притѣсняющихъ ясашныхъ инородцевъ», такъ и о тазовскомъ священникѣ, который помѣшалъ дни.

Дѣла эти, показавшіяся Голицыну за что-то необычайное, въ Тобольскѣ никого не удивили: здѣсь всѣ знали, что ясакъ собирается съ дикарей духовными искони и постоянно и всегда въ произвольномъ размѣрѣ; священники же, странствуя въ отдаленныхъ мѣстахъ, «путаютъ дни», а потому за это даже нельзя было строго и взыскивать, такъ какъ у священниковъ «часовъ численныхъ не было и въ разъѣздахъ ихъ дни у нихъ нерѣдко приходили въ забвеніе».

Архіепископъ Амвросій доставилъ объясненіе, что «на притѣсненія ясашныхъ священниками» жалобы дѣйствительно иногда бывали, но что дѣла эти были несерьезны и «или прекращались сами собою, за давностію времени, или оканчивались взаимнымъ примиреніемъ; а если дикари могли представить несомнѣнныя доказательства, что ихъ «обираютъ», тогда причту «былъ выговоръ».

Князю Голицыну, однако, разсказали, что въ Сибири всѣ изслѣдованія о разорительныхъ поборахъ духовенства производитъ обыкновенно «одинъ сосѣдній священникъ

тельство «непризваннаго самозванства«, и всѣ знали, что откровенныя мнѣнія сенатора Лопухина о русской набожности были приняты государемъ какъ умное и правдивое слово, а Лопухинъ смотрѣлъ такъ, что «хотя у насъ въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ: «люби Бога, люби ближняго», но не воспитываютъ той натуры, коей любовь свойственна; а это все равно какъ бы разслабленнаго больного, не вылѣчивъ и не укрѣпивъ, заставить ходить» («Р. Арх.» 84 г., стр. 17).

*) Еп. тоб. съ 1806 по 1822 г. (уволенъ 22-го дек. 1822 г.). См. Юр. Толстой.

надъ другимъ таковымъ же», и потому они другъ друга покрываютъ и лгутъ, и на ихъ изслѣдованія полагаться нельзя. Голицынъ поблагодарилъ за указаніе и принялъ противъ сибирской поповской взаимщины такія мѣры, которыя, по мнѣнію этого высокопоставленнаго вельможи, должны были положить конецъ злоупотребленію слѣдователей, а вмѣсто того сдѣлали невозможнымъ даже самое начало слѣдствія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія назначилъ слѣдствіе надъ «тазовскимъ забвенникомъ» и надъ притѣснителями дикихъ скверноядцевъ, предписавъ, чтобы слѣдствіе это производилось «съ прикомандированіемъ депутата со свѣтской стороны». Депутатъ съ свѣтской стороны еще могъ быть допущенъ по уголовному дѣлу, въ которомъ вмѣшаны міряне и клирики, но по дѣлу чисто церковному, каково есть по своему существу недоразумѣніе между прихожанами и духовникомъ, — депутатъ съ свѣтской стороны представлялся лицомъ неумѣстнымъ, излишнимъ и крайне нежелательнымъ. А потому въ Тобольскѣ думали, что архіерей Амвросій Келембетъ «не подчинится» и не допуститъ свѣтскаго депутата къ слѣдствію между прихожанами и ихъ духовникомъ, но Амвросій не только подчинился, а даже засуетился и заспѣшилъ. Онъ призвалъ къ себѣ секретаря консисторіи и «повелѣлъ ему въ два дня сдѣлать все, какъ указано». Тобольская консисторія разсудила, что ужъ если спѣшить, такъ спѣшить, и дѣйствительно въ два дня провела все: докладъ, журналъ, особый протоколъ и исполненіе,—и все въ томъ духѣ, какъ угодно было «другу людей». По предложенію или предписанію, полученному тобольскимъ архіереемъ только 16-го апрѣля, 19-го апрѣля уже былъ посланъ «самонужнѣйшій указъ» консисторіи въ туруханское духовное управленіе «о самонаистрожайшемъ производствѣ слѣдствія, по пунктамъ, указаннымъ въ *предписаніи* министра».

Указъ этотъ скакалъ до Туруханска два мѣсяца, — и зато, какъ только духовное правленіе его распечатало, такъ сейчасъ же отнеслось въ тамошній земскій судъ о «самонемедленнѣйшемъ командированіи депутата».

Тутъ Голицынское строгое предписаніе и стерли въ порошокъ.

Весь личный составъ туруханскаго земскаго суда состоялъ въ эту пору *изъ одного секретаря*, который самъ себя командировать не могъ. Исправникъ же и дворянскій засѣдатель (въ Туруханскѣ!!) были «въ отлучкахъ по обширному краю, и судъ не могъ дать свѣденій: гдѣ они въ данное время находятся».

Ихъ ждали до октября мѣсяца, а въ это время духовное правленіе, чтобы показать свою дѣятельность, «еженедѣльно писало въ земскій судъ повторенія о командированіи депутата, а секретарь земскаго суда тоже еженедѣльно отвѣчалъ, что командировать некого, ибо всѣ члены въ расходѣ».

Наконецъ, секретарю земскаго суда надоѣло, что духовное правленіе такъ щеголяетъ своею исполнительностью и настояніями, и онъ, перейдя изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, самъ «запросилъ правленіе: на какія средства долженъ отправиться депутатъ по обширному краю», такъ какъ Сперанскій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы и «чиновники даромъ не ѣздили, а тоже платили бы прогоны».

Правленіе не нашлось, что́ отвѣчать, и сдѣлало представленіе въ консисторію, а консисторія отнеслась въ губернское правленіе, а губернское правленіе потребовало справокъ отъ туруханскаго земскаго суда (вѣроятно, о разстояніяхъ), и *прошелъ годъ*, а слѣдователи изъ Туруханска еще не выѣхали и справы о «небытіи» и о «сквернодействѣ» все шли по-старому, своимъ удивительнымъ порядкомъ.

Но вотъ въ декабрѣ 1820 года въ Туруханскъ возвратился изъ долгаго объѣзда исправникъ Воскобойниковъ, и ему сейчасъ же объяснили, что онъ опять долженъ немедленно ѣхать по важному дѣлу, указанному министромъ.

Воскобойниковъ не сталъ ждать разрѣшенія вопроса о прогонахъ и готовъ былъ сейчасъ выѣхать, но въ это самое время пріѣхалъ засѣдатель Монголевъ и сообщилъ, что «ясачные по рѣкамъ Тазу и Туруханy всѣ разъѣхались по своимъ промысламъ и собрать ихъ для слѣдствія теперь нельзя».

Надо было ждать весны 1821 года. Дождались. Депутатъ былъ готовъ и долженъ былъ выѣхать вмѣстѣ съ слѣдователемъ, а слѣдователемъ былъ назначенъ второй членъ туруханскаго духовнаго правленія священникъ Александръ Верещагинъ,—родной братъ того «тазовскаго забвенника», который «перебилъ дни» и надъ которымъ надо было производить строжайшее слѣдствіе. Каково бы ни вышло это слѣдствіе, производимое братомъ надъ братомъ, но и оно, однако, не состоялось, потому что священникъ Александръ Верещагинъ передъ выѣздомъ изъ Туруханска умеръ. Во всемъ городѣ теперь оставался только одинъ священникъ, протоіерей Куртуковъ, но онъ не могъ командировать самого себя, да и не могъ оставить городъ безъ требоисправителя.

Все какъ будто издѣвалось надъ «другомъ людей».

Когда донесли объ этомъ, весною 1820 года, консисторіи, она уже не приняла дѣла съ прежнею горячностью и сама протянула съ отвѣтомъ до осени, а осенью послала въ Туруханскъ такое предписаніе, которое «удивило всѣхъ, какъ духовныхъ, такъ же и свѣтскихъ». А именно: тобольская духовная консисторія, какъ будто на смѣхъ надъ предписаніемъ министра, назначила слѣдователемъ «содержавшагося въ туруханскомъ монастырѣ штрафного попа Чемесова», который былъ присланъ въ туруханскій монастырь изъ Томска «за безмѣрное пьянство и буйство и за неудобь-описуемые поступки».

Назначеніе это такъ смутило туруханскаго исправника Воскобойникова, что онъ отмѣнилъ свое намѣреніе — самому ѣхать депутатомъ съ свѣтской стороны, и послалъ къ Чемесову вмѣсто себя смотрителя поселенцевъ Данилова.

Но пока и эти неавантажные слѣдователи собрались вы-

ѣзжать, кочевники ихъ не стали дожидаться и разсѣялись по своимъ промысламъ.

Опять начинаются ожиданія до весны 1822 года, и на этотъ разъ «штрафной попъ» Чемесовъ выѣхалъ «для всчатія дѣла» и, выѣхавши, сдѣлалъ для начала кое-что такъ хорошо, какъ нельзя отъ него было и надѣяться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Прежде всего Чемесовъ принялся за «тазовскаго забвенника», какъ за лицо, допустившее «анекдотъ», оскорбившій особу именитаго путешественника.

Забвенникъ повинился, что онъ дѣйствительно «помѣшался въ счетѣ дней», и что случилось это, вѣроятно, въ ноябрѣ или въ декабрѣ, когда въ ихъ мѣстахъ солнце почти не показывается и весь край освѣщается одними сѣвернымн сіяніями, а потому не разберешь иногда: когда надо ложиться и когда вставать, и въ это темное время не съ нимъ однимъ бываетъ, что днями ошибаются и путаются.

— «Въ этомъ каюсь».

Слѣдователь донесъ какъ дѣло было, а самъ отправился «сыскивать», какъ обижаютъ «небытейщиковъ и сквернодѣевъ», и опять, кажется, имѣлъ намѣреніе показать правду, — по крайней мѣрѣ то, о чемъ донесъ Чемесовъ, было не противъ обидимыхъ, а *за нихъ*, и противъ обидчиковъ; но тутъ бѣдный Чемесовъ спутался и встрѣтилъ множество препятствій для окончанія слѣдствія.

Между тѣмъ открытія Чемесова все-таки драгоцѣнны: онъ отыскалъ такихъ небытейцевъ, которымъ нельзя было и явиться «бытейцами», такъ какъ это были люди, которые совсѣмъ не считали себя христіанами. Они откровенно и прямо говорили, что не знаютъ, отчего ихъ называютъ крещеными, и что они никогда не бывали у исповѣди, да и родители ихъ и дѣды тоже никогда не бывали, а платить штрафъ за небытіе они согласны, потому что пусть это такъ идетъ, какъ издавна повелось, лишь бы ихъ «не гоняли», но отчего такъ повелось—они тоже не знаютъ. Объ

обидахъ, какія потерпѣли «скверноядцы», дознавать было очень трудно, такъ какъ со времени заявленія объ этомъ путешественникомъ уже прошло два года, въ теченіе которыхъ кочевники не разъ перемѣнились мѣстами, а тѣ, которые не измѣнили мѣстъ, все-таки не искали случая свидѣться съ слѣдователемъ, а напротивъ, «удалялись за рѣки». Чемесовъ, однако, все-таки кое-кого изъ этихъ людишекъ настигъ и дозналъ отъ нихъ, что поборы за скверноядство были большіе и никогда не кончались. Приходы ясашные были велики,—верстъ на тысячу и даже на полторы *), и прихожане тутъ осѣдло не живутъ, но Чемесовъ кое-кого достигалъ, и въ Имбацкомъ приходѣ узналъ, что дѣйствительно ихній священникъ, по фамиліи Кайдаловъ, «наложилъ на нихъ ясакъ *за скверноядство*» и бралъ за прочтеніе разрѣшительной молитвы отъ скверноядѣнія за каждаго человѣка въ большой семьѣ по 20 бѣлокъ, а въ маломъ семействѣ по 30 бѣлокъ съ души, и что платежъ этотъ очень тягостенъ, такъ какъ «скверно ѣсть» дикарямъ приходится постоянно и постоянно же надо за это платить духовенству, а «хорошей ѣды» достать негдѣ. Кромѣ того, Чемесовъ разслѣдовалъ, что ясашные Имбацкаго прихода платили священнику Кайдалову по 20 бѣлокъ въ годъ за скверноядство, да по 30 бѣлокъ за житье съ невѣнчанною женою, и по 20 бѣлокъ «за дѣтеныша», а кто «отбѣгалъ» отъ этого ясака, съ тѣхъ Кайдаловъ «донималъ еще дороже: такъ, напримѣръ, остяки Сѣрковъ и Тайковъ не являлись два года очищаться отъ скверноядѣнія», и Кайдаловъ, прослѣдивъ это, требовалъ съ нихъ по два соболя, а когда они не признавались на исповѣди, то онъ тутъ же въ церкви таскалъ ихъ за волосы и ругалъ всячески, а какъ Сѣрковъ еще не зналъ наизусть молитвъ, то Кайдаловъ, заперъ его въ холодной церкви и морилъ тамъ въ холодѣ двое сутокъ голодомъ, но тотъ все-таки молитвы не выучилъ, а «подалъ ему двухъ соболей». Съ остяка Ивана Ортюгина, который

*) Напримѣръ, тазовскій приходъ—900 верстъ, хантайскій—1.200, и хатаганскій—1.350 верстъ.

питался одною медвѣжьей говядиной, священникъ «взялъ ясака за молитву два соболя да тридцать бѣлокъ». И такихъ случаевъ, гдѣ священникъ Кайдаловъ ясно уличался въ злоупотребленіяхъ указаннаго рода, Чемесовъ ввелъ въ дѣло «больше сотни».

Тогда увидали, что на смѣхъ назначенный въ слѣдователи «штрафной попъ» и пропойца Чемесовъ ведетъ дѣло какъ энергическій и справедливый человѣкъ, и попъ Чемесовъ исчезаетъ и о немъ больше не упоминается, а небезуспѣшно начатое имъ дѣло тянулось многіе годы и, дошедши опять до тобольской консисторіи, получило себѣ тамъ очень умиротворяющее заглавіе, а именно, его наименовали здѣсь: «Туруханское дѣло *о злоупотребленіи природною простотою жителей*».

Болѣе удачнаго тона для смягченія некрасивой сущности этого дѣла, кажется, трудно было придумать; но однако священникъ Кайдаловъ и этимъ еще остался недоволенъ и когда ему дали «вопросные пункты», — между прочимъ, не употреблялъ ли онъ во зло простоту мѣстныхъ природныхъ жителей? — то онъ обидѣлся и отвѣчалъ: «я никакой простоты въ ясашныхъ не знаю, и даже никогда не подозрѣвалъ, что они просты».

Такіе наглые отвѣты Кайдаловъ давалъ въ 1824 году, зная, что князь А. Н. Голицынъ уже охладѣлъ къ письму именитаго путешественника и не слѣдилъ за этимъ грубымъ дѣломъ, такъ какъ вниманіемъ его послѣ пользовались иныя дѣла, на которыя «смотрѣла Европа»: въ 1820 г. «въ Одессѣ и Кишиневѣ появилось до десяти тысячъ греческихъ выходцевъ, удалившихся изъ Константинополя, и многіе изъ сихъ несчастныхъ единовѣрцевъ нашихъ были ввержены въ нищету». Голицынъ старался «на нихъ обратить вниманіе императора Александра I-го и исходатайствовалъ позволеніе открыть въ ихъ пользу подписку, которою и собралъ 900.000 рублей», а потомъ сейчасъ же «приступилъ къ сбору для хіосцевъ и критянъ, и умѣлъ и на этотъ предметъ собрать до 750.000», а въ 1824 г.,

когда Кайдаловъ нахальничалъ, давая отвѣты, Голицынъ былъ уже уволенъ отъ званія министра духовныхъ дѣлъ, и опасаться его было нечего. Такъ это дѣло и протянули; а затѣмъ наступилъ 1825 годъ, — годъ кончины императора Александра I-го и другихъ, послѣдовавшихъ за тѣмъ, событій, измѣнившихъ духъ и направленіе въ управленіи всѣми дѣлами.

Это же повліяло и на судьбу всѣхъ дѣлъ о «небытіи» и о «скверноядствѣ», соединенныхъ въ одно дѣло, получившее общее заглавіе: «о туруханской простотѣ».

Но и теперь это дѣло еще не сразу забросили (что̀ было бы лучше), а пошли «смѣшить имъ людей», и стали «разыскивать и вызывать въ туруханское духовное правленіе къ слѣдствію тунгусовъ и остяковъ, кочевавшихъ въ Сургутскомъ и Обдорскомъ краѣ, около Обской губы, т.-е. слишкомъ за двѣ тысячи верстъ». А тѣ «кочевали въ мѣстахъ недоступныхъ за тундрами, зимой уже отходили промышлять звѣря, такъ что и найти ихъ было невозможно». *Нѣсколько лѣтъ* еще ѣздили за ними отъ Оби до Лены, чтобы собрать этихъ прихожанъ, и убѣдились, что «невозможно не только собрать ихъ, но нельзя получить свѣденій: гдѣ ихъ искать». Тогда ужъ не было ни побужденій, ни выгодъ — что-нибудь придумывать еще, а настало время бросить дѣло, которое лучше было бы и не начинать.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Послѣдній актъ величайшій подьяческой продерзости и смѣлости заключался въ томъ, что когда «бумажное дѣлопроизводство» «о злоупотребленіи простотою» сдѣлалось «чрезмѣрно велико» и его неудобно стало ни возить съ собою, ни пересылать по почтѣ, тогда нашли нужнымъ посадить за это дѣло подьячихъ, чтобы они составили изъ него «экстрактъ».

Подьячіе въ туруханскомъ духовномъ правленіи были «лядащіе», малотолковитые, и «въ сочиненіи не искусные», а при томъ «были подавлены тяжкими обстоятельствами

при самоничтожнѣйшемъ жалованіи». Они жили «даяніями» и «вымоганіями», которыя могли собирать съ дѣлъ, по которымъ былъ налицо живой проситель, а по необъятному дѣлу «о злоупотребленіи простотою» некому было ни ходить, ни приносить поминки, и потому оно подьячихъ не интересовало. Но и кромѣ того они не могли бы разобраться въ этомъ дѣлѣ при его страшномъ объемѣ и при той путаницѣ, которой оно было преисполнено; однако они все-таки «экстрактъ» сдѣлали, и притомъ очень замѣчательный; а когда туруханское духовное правленіе захотѣло проредактировать это произведеніе, то оказалось, что въ немъ нельзя ничего понять!.. Довольно бы, кажется, но нѣтъ! — духовное правленіе послало отношеніе въ туруханскій земскій судъ, прося его: «*выслать* въ оное правленіе *всѣхъ* прикосновенныхъ къ дѣлу, для подтвержденія ихъ первоначальныхъ показаній и для *рукоприкладства подъ экстрактомъ*».

Такъ какъ это происходило уже въ тридцатыхъ годахъ нынѣ уже истекающаго XIX-го столѣтія, то тутъ только этому дѣлу «о злоупотребленіи простотою» наступилъ конецъ; туруханскій земскій судъ, увидавъ, что отъ него требуютъ нѣчто чудовищное, — чтобы онъ собралъ и «выслалъ въ Туруханскъ всѣхъ дикарей, кочующихъ по сѣверной Сибири отъ Чукотскаго носа до Урала», то онъ и призналъ за самое лучшее — ничего не дѣлать.

Такимъ образомъ, только черезъ такое благоразумное отношеніе къ этому дѣлу оно и получило конецъ — слишкомъ послѣ столѣтняго производства. Можетъ-быть, что акта о зачисленіи его конченнымъ и о сдачѣ въ архивъ и до сихъ поръ нѣтъ, но тѣмъ не менѣе съ тридцатыхъ годовъ истекающаго столѣтія о дѣлѣ этомъ больше нигдѣ не упоминается, и оно теперь не имѣетъ уже никакого значенія для канцелярій, а представляетъ собою только цѣнный матеріалъ лишь для бытовой исторіи Сибири прошедшаго вѣка.

ВДОХНОВЕННЫЕ БРОДЯГИ.

(Удалецкія «скаски»).

Величіе народа въ томъ.
Что носитъ въ сердце онъ своемъ.
А. Майковъ.

«И ложные слухи въ народѣ показываютъ стремленіе этого народа къ извѣстной цѣли».

Еписк. *Порфирій Успенскій.* (См. «Книга бытія моего», т. I, стр. 357).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Скасками» назывались въ Россіи сообщенія, которыя «бывалые» люди, по возвращеніи изъ своихъ удалыхъ прогулокъ, подавали своимъ милостивцамъ или правителямъ, а иногда и самимъ государямъ. Въ «скаскахъ» удальцы обыкновенно повѣствовали о своихъ странствіяхъ и приключеніяхъ, объ удали въ бояхъ и о страданіяхъ въ плѣну у чужеземцевъ, которые всегда старались нашихъ удальцовъ отклонить отъ любви къ родинѣ и привлечь богатыми дарами въ свое подданство; но только наши люди обыкновенно оставались непоколебимо вѣрны своему царю и отечеству и всѣ соблазны чужихъ людей отвергали и постыждали, а потомъ этимъ вдохновенно хвастались. Болѣе или менѣе интересное сочетаніе былей съ небылицами въ этомъ родѣ составляетъ главное содержаніе всѣхъ «скасокъ», а

характерныя черты ихъ бродяжныхъ героевъ—это отвага, терпѣнье и вѣрность. За эти добродѣтели скасочники просили себѣ награды, и «скаска» затѣмъ и подавалась. «Скаскамъ», которыя сочиняли о себѣ вдохновенные бродяги, у насъ легко вѣрили, ихъ читали замѣсто путешествій, и онѣ доставляли удовольствіе высокимъ лицамъ, которыя не читали ничего лучшаго, а составители «скасокъ» получали черезъ это славу отъ соотчичей и награды за удальство отъ правителей и государей.

Разумѣется, до полныхъ результатовъ въ этомъ родѣ достигали не всѣ «скаски», а только такія, которыя были сложены особенно хорошо, то-есть любопытно и «лестно» въ патріотическомъ смыслѣ. Такимъ милостивцы давали «высшій ходъ» и сочиненія эти доходили до царскихъ палатъ и теремовъ, откуда вдохновеннымъ сочинителямъ исходило «царское жалованье». И кромѣ того, послѣ къ нимъ уже никто не смѣлъ вязаться съ требованіемъ отвѣта, за «шатательство» и за какія бы то ни было старыя неисправности, такъ-какъ «кого царь пожаловалъ, того и Богъ простилъ».

При императорѣ Петрѣ I, съ измѣненіемъ, происшедшимъ въ пониманіи русскихъ людей, «скаски» вдохновенныхъ бродягъ потеряли свое значеніе въ обществѣ: невѣжественные люди ими еще интересовались, но петровскіе грамотеи, ознакомившіеся съ лучшими произведеніями, перестали интересоваться «бродяжными баснями». А главное, дѣловитый царь не любилъ потворствовать глупостямъ, и «скасочниковъ» прямо стали называть неучтиво «бродягами» и бить батогами.

Такая суровость не давала вдохновенію бродягъ простора, и «скаски» ихъ было перевелись или оставались только въ сферѣ преданій, жившихъ въ «мѣстахъ заключенія». Это была устная, «острожная словесность», но нынче вспомнили и о «скаскахъ» и дали недавно русскому обществу любопытный и будто бы послѣдній образчикъ такого произведенія, которое очень понравилось самой сильной

современной русской газетѣ, которая указала на это, какъ на прекрасную и достойную вниманія вещь. Но на самомъ дѣлѣ «скаски» въ добросовѣстной литературѣ не могутъ получить похвалы, а должны получить прежде всего *разъясненіе* ихъ достоинствъ.

Настоящій очеркъ долженъ быть опытомъ въ этомъ родѣ

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ истекающемъ 1894 году, въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Россіи» напечатаны двѣ челобитныя со «скасками», поданныя въ 1643 г. царю Михаилу Ѳеодоровичу «турскими полонениками», калужскимъ стрѣльцомъ Иваномъ Семеновымъ Мошкинымъ и московскимъ посадскимъ человѣкомъ Якимомъ Васильевичемъ Быковымъ.

Редакція большой и самой вліятельной теперь петербургской газеты заинтересовалась этимъ документомъ и воспроизвела «скаску» съ полнымъ довѣріемъ ко всему, что̀ тамъ сказано. Она прямо назвала «скаску» Мошкина и Быкова «достовѣрнымъ источникомъ, который обстоятельно рисуетъ бытъ чужихъ странъ и предпріимчивость, безкорыстіе и патріотизмъ русскихъ людей».

Думается, что если бы газета знала, какими людьми и съ какими цѣлями составлялись такія «челобитныя со скасками», то она навѣрно предпочла бы просто перепечатать «скаску», какъ любопытный образчикъ этого рода письменности, и не стала бы завѣрять «достовѣрность этого источника», явная лживость котораго до того очевидна, что, несмотря на давность событій и отдаленность мѣста описанныхъ происшествій, а также на полное отсутствіе провѣрочныхъ свѣдѣній—лживость «скаски» все-таки легко доказать изъ нея же самой, что мы сейчасъ же и попробуемъ сдѣлать.

Главнымъ сюжетомъ «скаски», приведенной въ «Чтеніи Общества Исторіи и Древностей», служитъ отважный побѣгъ нѣкоего Мошкина, вмѣстѣ съ 280 русскихъ «поло-

невольниковъ», томившихся болѣе семи лѣтъ на турецкой каторгѣ. Побѣгъ былъ устроенъ изъ Царьграда по заранѣе обдуманному плану съ судна «каторги», которое принадлежало Апты-пашѣ Марьеву.

На суднѣ, по словамъ Мошкина, было «250» турокъ и «280» русскихъ невольниковъ,—значитъ, почти на каждаго русскаго невольника приходилось по одному турку. Пропорція ужасная для устройства побѣга, но тѣмъ занимательнѣе: какъ это сдѣлается.

Мошкинъ подъ Азовомъ укралъ у турокъ сорокъ фунтовъ пороху и спряталъ ихъ у себя на «каторгѣ», гдѣ ихъ содержали такъ слабо и довѣрчиво, что они никому не попались съ своей кражей. Мошкинъ рѣшился взорвать «каторгу» въ морѣ и, когда произойдетъ взрывъ, уйти съ судна со всѣми своими товарищами, 280 русскими полоняниками. Съ этою цѣлью одинъ разъ ночью Мошкинъ пробрался въ капитанскую каюту, захвативъ съ собою весь украденный пудъ пороха, и заложилъ весь этотъ зарядъ цѣликомъ около того мѣста, гдѣ спалъ Апты-паша, и подстроилъ подъ порохъ горящую головню; порохъ вспыхнулъ и произошелъ взрывъ, и «двадцать турокъ побросало въ море»; но и самъ Мошкинъ «обгорѣлъ по поясъ». Паша, однако, остался невредимъ, такъ какъ онъ спалъ на «упокойномъ мѣстѣ», и, проснувшись, поднялъ тревогу. Мошкинъ «учалъ ему говорить спорно», а потомъ бросился на пашу и прокололъ ему «брюхо». Началась схватка, послѣ которой 210 турокъ были побиты, а 40 живыхъ закованы въ желѣзо, а изъ русскихъ 20 ранены и 1 убитъ *). Самъ Мошкинъ былъ раненъ стрѣлой въ голову, правую руку и саблею—въ голову и брюхо. Послѣ побѣды русскіе подъ предводительствомъ Мошкина «пошли на суднѣ». Идучи Средиземнымъ моремъ, они побывали въ «7 земляхъ» и въ Россію вер-

*) Турокъ было всего 250 человѣкъ. [illegible]ь нихъ сброшено въ море 20, побито 210 и осталось 40 человѣкъ, что составляетъ всего 270 человѣкъ. Значитъ, послѣ катастрофы на двадцать человѣкъ стало больше. Газета даже и этого не замѣтила.

нулись черезъ Римъ, Венецію, Вѣну и Варшаву. Они приставали и высаживались во многихъ городахъ и вездѣ обращали на себя вниманіе и зависть иностранцевъ: вездѣ «королевскіе ближніе люди перезывали ихъ въ свои земли на службу и многіе гроши давали». Такія богатыя дѣлали имъ предложенія, какихъ, они знали, что въ родной землѣ имъ ожидать себѣ невозможно, но они все не соблазнялись и плыли, и, заболтавшись по морю, попали въ испанскій городъ Мессину, гдѣ испанскій генералъ увидалъ Мошкина и сталъ предлагать ему «по 20 р. въ мѣсяцъ», а всѣмъ прочимъ «давалъ гроши и платья и жалованья». Но Мошкинъ и всѣ другіе русскіе люди не польстились на выгодныя предложенія чужихъ правительствъ и «не подумали остаться въ Европѣ».

Воздержались они отъ этого соблазна, «помня Бога, православную вѣру, свою русскую природу и государеву милость».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Испанскій генералъ и прочіе вельможи, увидавъ, что русскіе люди такъ вѣрны, что не приняли сдѣланныхъ имъ выгодныхъ предложеній, разсердились на нихъ и перемѣнили съ ними обхожденіе, и вмѣсто прежнихъ ласкъ и соблазновъ начали ихъ донимать утѣсненіемъ и скорбями. Начали они это съ того, что, по приказанію своего воеводы, «отняли каторгу (судно), со всѣми животы» (т. е. имуществомъ), а также отняли у нихъ и сорокъ человѣкъ турокъ, которыхъ освободившіеся русскіе сами содержали теперь у себя въ плѣну и надѣялись притащить ихъ взаперти къ себѣ «ко дворамъ» или продать гдѣ-нибудь въ неволю, а при опасности, конечно, не затруднились бы сбросить и за бортъ. Но испанцы досмотрѣли, что̀ везли на суднѣ, и все это дѣло разстроили: они не только отобрали турокъ и выпустили ихъ на свободу, но еще изъ самихъ русскихъ взяли семь человѣкъ подъ арестъ, вѣроятно для того, чтобы узнать, что̀ они за люди и по ка-

кому праву держали у себя запертыми на «каторгѣ» турецкихъ людей. Въ «скаскѣ» ничего не говорится о причинѣ, для чего ихъ придержали, но видно, что произошло что-то серьезное, послѣ чего русскіе пошли отъ испанцевъ «наги, босы и голодны». И такое бѣдствіе они терпѣли до самаго Рима. Въ Римѣ одинъ изъ товарищей Мошкина, воронежскій крестьянинъ Григорій Карѣевъ, заболѣлъ и лежалъ при смерти 2 мѣсяца. А болѣзнь ему приключилась отъ ранъ, полученныхъ на «каторгѣ» (т. е. при стычкѣ съ турками); въ Римѣ и «копье (т. е. наконечникъ стрѣлы) вынули у него изъ раны у папы римскаго». «У папы они пріимали сакраментъ» (противъ этого мѣста въ скаскѣ думный дьякъ Иванъ Гавреневъ сдѣлалъ помѣту: «отослать ихъ подначало къ патріарху для исправленія»). Изъ Рима удальцы пошли на Венецію, Вѣну и Варшаву (sic) и вездѣ «разговаривали съ цезарями» и «всѣ имъ были рады» и всѣ ихъ звали къ себѣ на службу, но Мошкинъ и его товарищи чужимъ цезарямъ служить не захотѣли.

И такъ, во всѣхъ тяжелыхъ и соблазнительныхъ положеніяхъ своего плѣна, Мошкинъ показалъ себя человѣкомъ мужественнымъ, неподкупнымъ и беззавѣтно преданнымъ православной вѣрѣ и русскому царю. Такимъ онъ, нимало не обинуясь, выставляетъ себя самъ въ челобитной со скаскою, и такъ же представляютъ его личность современные комментаторы челобитной; но я опять говорю, что человѣкъ, сохраняющій въ себѣ здравый смыслъ, не можетъ принять все разсказанное въ этой «скаскѣ».

Обратимъ вниманіе на явныя очевидности, которыя кидаются въ глаза и говорятъ, что въ «скаскѣ» Мошкина есть много неправды, послѣ чего трудно вѣрить и остальному.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1) Возможно ли, чтобы судно, при взрывѣ на немъ цѣлаго пуда пороха, встряхнулось такъ, что нѣкоторыхъ не-

подходящихъ людей скинуло въ воду, а затѣмъ всѣ свои люди уцѣлѣли и самое судно сейчасъ же было годно для дальнѣйшаго плаванія?

Намъ думается, что это невозможно и что невозможность эта очевидна.

2) Вѣроятно ли, что Мошкинъ, опаленный огнемъ до пояса, сейчасъ же могъ еще «спорно» разговаривать и, вставши, биться на сабляхъ и проколоть брюхо совершенно здоровому пашѣ?

По-нашему это невѣроятно.

3) Отчего изъ 250 человѣкъ турокъ, которые плыли на суднѣ, послѣ взрыва насчитывается 270 турокъ? (20 сброшено въ море, 210 убито русскими и 40 осталось у нихъ, итого 270)?

Если это ошибка, то не странно ли, что она не замѣчена ни дьякомъ Гавреневымъ, ни Московскимъ Обществомъ Истор. и Древн., ни редакціею газеты, которая нашла весь этотъ разсказъ «достовѣрнымъ и обстоятельнымъ»?

4) Какъ могло быть, что Мошкинъ, раненый въ голову и въ животъ, сейчасъ же могъ принять команду судномъ и повелъ его далѣе?

5) Какъ могло случиться, что крестьянинъ Григорій Карѣевъ, получившій тяжелыя раны при взрывѣ судна, продолжалъ длинное путешествіе морями и сушей и удальцы изъ-за него нигдѣ не останавливались, а когда они уже много спустя плыли изъ Испаніи, послѣ того, какъ у нихъ тамъ отобрали полоненныхъ турокъ, то этотъ Григорій Карѣевъ сталъ болѣть отъ ранъ, полученныхъ въ началѣ ихъ одиссеи; а когда они пришли въ Римъ, то Карѣевъ у нихъ такъ разболѣлся, что они дальше не могли плыть и простояли тутъ ради Карѣева цѣлые два мѣсяца, и тогда только «вынули изъ него копье»? Неужто имъ не проще было помѣстить больного въ госпиталь, а самимъ идти далѣе, а не харчиться въ чужомъ мѣстѣ, да еще вдобавокъ въ католической столицѣ, гдѣ ихъ могла настичь и

дѣйствительно настигла напасть духовная. Пока одинъ больной исцѣлялся тѣломъ, всѣ ожидавшіе его выздоровленія захирѣли духомъ и «приняли католицкій сакраментъ»?

Что̀ довело этихъ православныхъ людей до такого поступка? Или они не знали постановленія, что лучше умереть безъ всякаго «сакремента», чѣмъ принять его изъ руки инославной, или не влекла ли ихъ къ этому надежда на папу, что онъ заступится за нихъ, если они будутъ католики, и повелитъ испанцамъ возвратить имъ отобранныхъ у нихъ мусульманскихъ невольниковъ?

Вообще, какой интересъ могли имѣть иностранцы въ томъ, чтобы имъ заманивать къ себѣ: простыхъ, ничему не наученныхъ и ни въ чемъ не искусныхъ русскихъ людей, когда по свѣдѣніямъ, бывшимъ уже тогда въ Россіи, «въ чужихъ земляхъ было весьма многолюдно, а хлѣба не обильно». Что̀ могли отнимать у невольниковъ испанцы? Неужто кому-нибудь нужны были ихъ невольничьи лохмотья?

Нѣтъ! Все это не могло быть такъ, какъ писано въ скаскѣ, а не проще ли думать, что сами русскіе пришли въ Римъ о чемъ-то стараться, и, усердно стараючись, «приняли и римскій сакраментъ», но ошиблись въ соображеніяхъ и это имъ не помогло въ томъ, чего они добивались. Тогда они увидали свою ошибку и разореніе, и поняли, что они въ чужихъ краяхъ никому не надобны. Это сознаніе безъ сомнѣнія и привело ихъ на родину, гдѣ Мошкинъ вдохновился и, приложивъ къ былямъ безъ счета небылицъ, сочинилъ свою «скаску» и подалъ ее царю съ просьбою: «пожалуй меня, холопа своего, съ моими товарищи, за наши службишки и за полонское нужное терпѣніе своимъ жалованьемъ, чѣмъ тебѣ объ насъ Богъ извѣститъ...»

Такъ это дѣлалось въ 1643 году, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, и тогда, судя по помѣтѣ дьяка Гавренева, вся эта несуразная «скаска» была принята за серьезное

дѣло. По крайней мѣрѣ ей повѣрили въ томъ, что Мошкинъ говорилъ о сакраментѣ, и за это его наказали. Затѣмъ, черезъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, редакція современной русской газеты любуется этимъ документомъ и, нимало не стѣсняясь помѣщенными въ ней нелѣпостями, называетъ всю эту чепуху «достовѣрнымъ источникомъ, обстоятельно рисующимъ бытъ чужихъ странъ и предпріимчивость, безкорыстіе и патріотизмъ русскихъ людей». Тысячи читателей газеты не замѣчаютъ, какую имъ предлагаютъ глупость, и многіе изъ нихъ вѣрятъ, что «скаски» составляли справедливые и отважные патріоты, которымъ надо вѣрить и имъ подражать.

Но, можетъ-быть, указанное стремленіе газеты внушить обществу невѣрное понятіе объ одномъ изъ видовъ нашей «письменности» происходитъ отъ того, что редакція, воспроизведшая «скаску» Мошкина, не знаетъ, что есть «скаска», точно такого же «сложенія», сочиненная сто лѣтъ позже, именно въ 1794 году, и достопримѣчательная тѣмъ, что она получила *народную* оцѣнку, а сочинитель ея признанъ *бродягою*.

Пусть посмотрятъ, какъ это разбираетъ *народъ*.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ послѣдней четверти восемнадцатаго столѣтія проживалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ мѣщанинъ Василій Баранщиковъ. Онъ былъ человѣкъ маленькій, но предпріимчивый, и трудиться не любилъ, а желалъ разбогатѣть какъ-нибудь сразу. На несчастье это Баранщикову не удавалось: онъ запутался въ долги разнымъ частнымъ людямъ и накопилъ на себѣ недоимку въ общественныхъ платежахъ. Дѣло было худо, но Баранщиковъ не сробѣлъ и съ веселымъ духомъ переписался изъ мѣщанъ въ купцы, чтобы ему болѣе вѣрили; набралъ у людей въ долгъ кожевеннаго товара, выправилъ въ январѣ 1780 года изъ нижегородскаго городового магистрата паспортъ и уѣхалъ на ярмарку, которая

собирается на второй недѣлѣ великаго поста въ Ростовѣ. Съ этой ярмарки почтенный Баранщиковъ домой уже не вернулся и оставилъ тамъ на власть Божію и на людское попеченіе свою купеческую жену и дѣтей безъ всякаго пропитанія. И купецъ, и товаръ—все пропало безслѣдно и въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ не было объ этомъ удальцѣ никакихъ слуховъ, какъ вдругъ на восьмой годъ «нужа пригнала его къ лужѣ» и онъ появился въ Россіи, представляясь различнымъ вельможамъ и всѣхъ ихъ прекрасно обманывалъ, пока попался своимъ общественнымъ людямъ, которые сейчасъ же разобрали дѣла Баранщикова въ тонкость и «Лазарю», котораго онъ распѣвалъ, не повѣрили, а потянули его къ расправѣ. Тогда Баранщиковъ обратился къ старинному средству «снискать себѣ счастье въ особину» и составилъ о своемъ бродяжествѣ скаску съ тѣмъ, чтобы поднесли ее особамъ и царицѣ въ видѣ печатанной книжки подъ заглавіемъ: «Несчастныя приключенія Василія Баранщикова, мѣщанина Нижняго-Новгорода, въ трехъ частяхъ свѣта: въ Америкѣ, Азіи и Европѣ съ 1780 по 1787 годъ». (С.-Петербургъ, 1787 г.).

Изъ этой рѣдкой нынче книжки, представляющей экземпляръ «скаски» екатерининскаго вѣка, мы возьмемъ только самое существенное, что повѣствовалъ о себѣ Баранщиковъ. Онъ продалъ будто весь «свой товаръ» въ Ростовѣ и выручилъ за него денегъ 175 рублей. Изъ этихъ денегъ онъ хотѣлъ заплатить что слѣдовало за товаръ тѣмъ, кто оказалъ ему довѣріе, но деньги у него сейчасъ же украли ростовскіе мошенники. Баранщиковъ остался безъ всякихъ средствъ, такъ что ему не на что было и лошадей покормить. Тогда онъ, «не желая сидѣть безъ дѣла, продалъ въ Ростовѣ за 40 рублей двухъ своихъ лошадей и отправился попытать счастья въ Петербургъ».

По прибытіи въ Петербургъ, онъ нанялся матросомъ на корабль генерала Михаила Савича Бороздина и коллежскаго совѣтника Василія Петровича Головцына съ платою по 10 рублей въ мѣсяцъ и въ половинѣ сентября

вышелъ въ море. Корабль былъ нагруженъ мачтовымъ лѣсомъ, а курсъ они держали «изъ Кронштадта въ Бордо и Гавръ-де-Грасъ». Однако, на этомъ кораблѣ Баранщиковъ дошелъ только до Копенгагена, гдѣ онъ опять сдѣлался жертвою злоумышленниковъ. И отсюда справки о немъ уже стали невозможными, а приходилось вѣрить ему во всемъ на слово. «Скаска» же Баранщикова становится съ этого шага все болѣе интересною и менѣе вѣроятною.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Случилось такъ, что когда корабль Бороздина и Головцына пришелъ въ Копенгагенъ, то Баранщиковъ «былъ спущенъ на берегъ, для покупки нужныхъ припасовъ, и зашелъ въ питейный домъ, *какъ свойственно русскому человѣку, выпить пива*». Тутъ онъ встрѣтилъ датчанъ, которые показались ему очень привѣтливыми и чрезвычайно ему понравились. «Не понимая ихъ языка, но видя ихъ благорасположеніе, онъ знаками показалъ имъ, что ему надо спѣшить на корабль». А датчане тогда «сейчасъ же догадались, что онъ русскій, и указали ему на водку и пиво».

Баранщиковъ, «какъ свойственно русскому человѣку», не устоялъ противъ водки и пива, и обязанности свои отложилъ, воспользовался приглашеніемъ и началъ съ датчанами пить. «Черезъ полчаса ихъ пріятная компанія увеличилась и къ нимъ присоединился какой-то «нарядный плутъ». Этотъ внесъ оживленіе въ бесѣду тѣмъ, что сталъ объясняться по-русски въ такомъ родѣ: «здравствуй, братъ! здорово ли ты живешь? откуда и куда плывете?» Себя же этотъ «нарядный плутъ» назвалъ русскимъ изъ Риги, пріѣхавшимъ на галіотѣ рижскаго купца Венедикта Ивановича Хватова, и плутъ угощалъ компанію водкою и пивомъ. Пили усердно всѣ четверо, а «нарядный плутъ» во все время выхвалялъ датчанъ, какіе они хорошіе люди, и какое у нихъ славное житье, а потомъ сталъ склонять Ба-

ранщикова, чтобы онъ пошелъ на датскій корабль ночевать. Баранщиковъ никакъ не могъ придумать: для чего это датчанамъ хочется, и онъ сначала ни за что на это не соглашался, но потомъ, «совершенно обласканный внимательными чужестранцами и особенно полагаясь на слова своего земляка, согласился».

И вотъ Баранщиковъ не сопротивляется соблазну и прямо изъ питейнаго дома идетъ съ датчанами на пристань, а здѣсь садятся на лодку и переправляются на датскій корабль. Такъ онъ избѣжалъ объясненій съ лицомъ, которое послало его за покупками, но зато сразу же былъ удивленъ очень непріятною перемѣною въ обращеніи своихъ датскихъ друзей: они «тотчасъ свели гостя въ интрюмъ и приковали за ногу къ стѣнѣ корабля». Тутъ Баранщиковъ смекнулъ, что онъ обманутъ, и сталъ просить датчанъ «угрозами и ласкою» отпустить его на русскій корабль. Но датчане уже не обращали никакого вниманія на его просьбы, а только прислали къ нему того «нарядnаго плута», который въ кабачкѣ выдавалъ себя за русскаго, а теперь успокоивалъ и «улещалъ» Баранщикова обѣщаніемъ, что его скоро раскуютъ и свезутъ въ Америку, гдѣ «житье доброе и много алмазовъ и яхонтовъ». Онъ, «какъ свойственно русскому человѣку», глупости повѣрилъ и пересталъ хныкать, а датчане, за то, что онъ утихъ, принесли французской водки и пуншу, накормили Баранщикова кашею и напоили водкой и пуншемъ, и онъ пришелъ въ такое расположеніе, что опять «добровольно захотѣлъ остаться на кораблѣ». Кромѣ Баранщикова, тутъ точно въ такомъ же положеніи оказались еще и другія лица не русской національности, а именно, одинъ шведъ и пятеро нѣмцевъ, и всѣ они были заманены на судно и здѣсь удержаны и закованы.

Утѣшительное обѣщаніе «нарядnаго плута Матіаса», что ихъ раскуютъ, исполнилось вѣрно. Какъ только датскій корабль миновалъ брантъ-вахты Гелсинъ-Нордъ и Гелсинъ-Броъ, Баранщикова и съ нимъ одного шведа и пятерыхъ

нѣмцевъ датчане сейчасъ же расковали и велѣли всѣмъ имъ «одѣть матросское платье», и «приставили ихъ къ матросскому дѣлу», которое они и исполняли въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, до прибытія въ іюнѣ 1781 г. въ Америку, на богатый островъ св. Ѳомы. На островѣ же св. Ѳомы началось другое: Баранщикова здѣсь высадили, но сейчасъ же «поверстали въ солдаты» и привели къ присягѣ. Такъ какъ онъ былъ вѣренъ православію и чухонскаго Евангелія поцѣловать не могъ, то вмѣсто евангелія онъ цѣловалъ корабельный флагъ Христіана VII съ изображеніемъ Креста Господня. Потомъ ему положили солдатское жалованье, «по 12 штиверовъ въ сутки, т. е. 24 коп., да по фунту печенаго хлѣба изъ банана» и дали ему тутъ новое имя «Мишель Николаевъ»,—такъ какъ «слово *Василій* начальники не могли понять».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Солдатъ изъ Баранщикова вышелъ никуда не годный, и штиверы и банановый хлѣбъ отслуживалъ онъ плохо. Онъ «былъ непонятенъ въ ученіи ружьемъ и не могъ пріобыкнуть къ нѣмецкому языку». Датчане, много съ нимъ побившись, нашли болѣе выгоднымъ исключить его изъ строя и промѣнять на двухъ негровъ. Такъ и сдѣлали. По промѣну, Баранщиковъ достался испанскому генералу съ острова Порторико, куда его и отправили. Въ Порторико Баранщикова привели въ присутственное мѣсто и «заклеймили на лѣвой рукѣ». Клеймъ на немъ выставили нѣсколько и всѣ очень характерныя. На лѣвой рукѣ Баранщикова были воспроизведены нижеслѣдующія изображенія: «1) Святая Дѣва Марія, держащая въ правой рукѣ розу, а въ лѣвой тюльпанъ; 2) корабль съ опущеннымъ якоремъ на канатѣ въ воду; 3) сіяющее солнце; 4) сѣверная звѣзда; 5) полумѣсяцъ; 6) четыре маленькія сѣверныя звѣзды; 7) на кисти той же лѣвой руки былъ изображенъ осьмиугольникъ, а еще ниже 8) «1783 годъ», и еще ниже 9) буквы «М. Н.», т.-е. Мишель Николаевъ (стр. 16 и 17).

Испанскій генералъ, вымѣнявшій себѣ Баранщикова за двухъ негровъ, опредѣлилъ его къ себѣ на кухню и поручилъ ему: рубить дрова, чистить кастрюли и котлы, носить воду и исправлять всякія другія кухонныя работы.

Обязанности кухоннаго мужика показались Баранщикову гораздо больше по душѣ, чѣмъ безпокойная солдатская служба, и притомъ Баранщиковъ былъ у генерала «доволенъ пищею» и обхожденіемъ, и онъ началъ стараться, чтобы не попасть куда-нибудь хуже, и скоро выучился «понимать по-испански», и могъ уже говорить съ генеральшею, которая была очень добра и жалостлива, и вотъ ей стало жалко Баранщикова, что онъ оторванъ отъ семейства и живетъ въ неволѣ, и она черезъ полтора года упросила мужа отпустить Баранщикова на свободу.

Испанскій генералъ выдалъ ему печатный испанскій паспортъ съ наименованіемъ его: «Московитянинъ Мишель Николаевъ», наградилъ его десятью песодорами (около 13 рублей) и отпустилъ на волю.

Баранщиковъ сейчасъ же сталъ заботиться, какъ ему возвратиться на родину, и для этого нанялся матросомъ на итальянскій корабль, который долженъ былъ вскорѣ отойти въ Генуа; но въ морѣ судно подверглось роковой случайности, которая еще болѣе отягчила участь Баранщикова.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Итальянскій корабль, шедшій въ Генуа, въ январѣ 1784 года былъ захваченъ въ плѣнъ «тунизскими разбойниками или мисирскими турками, живущими въ Африкѣ». Баранщиковъ сдѣлался рабомъ разбойниковъ, которые безъ всякихъ разговоровъ «обрѣзали его въ магометанскую вѣру». Было или нѣтъ на это собственное согласіе Баранщикова, онъ умалчиваетъ, но извѣстно, что магометане никакого человѣка безъ согласія его не обрѣзываютъ. Омусульманивъ Баранщикова, дали ему имя Ислямъ, а потомъ стали его клеймить наново, и клеймили его «солнцемъ» на правой рукѣ и отдали корабельному капитану Магомету. Магометъ

его полюбилъ и отвезъ его въ Виолеемъ и тамъ «сдѣлалъ своимъ *кафишенкомъ*», т.-е. заставилъ его варить кофе. Баранщиковъ жилъ у Магомета годъ и восемь мѣсяцевъ, и житье ему было не худое, но онъ очень наскучилъ своею должностью кофешенка, потому что ему каждый день приходилось варить кофе разъ до пятнадцати. Это ему очень надоѣло. Кромѣ приготовленія кофе, Баранщиковъ имѣлъ только одно развлеченіе: онъ развеселялъ и смѣшилъ четырехъ магометановыхъ женъ, которымъ тоже было довольно скучно. Баранщиковъ развлекалъ ихъ «скасками» о перенесенныхъ имъ несчастіяхъ и о своей русской женѣ и о дѣтяхъ, оставленныхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Турецкія дамы очень всѣмъ интересовались и стали съ Барабанщиковымъ «откровенны и жалостливы», а онъ, «примѣтя ихъ слабость», придумывалъ какъ бы еще усерднѣе ихъ утѣшать, и затѣялъ показывать имъ смѣшное и по ихъ пониманію «чудное», т.-е. сверхъестественное дѣло, котораго никто, кромѣ русскаго человѣка, сдѣлать не могъ бы.

Это касалось невѣроятности аппетита и еще болѣе невѣроятной силы и крѣпости желудка.

Однажды, «во небытность Магомета» дома, Баранщиковъ, оставшійся одинъ при четырехъ турецкихъ дамахъ, «насыпалъ цѣлый глиняный» горшокъ сарацинскимъ пшеномъ и, сваривъ изъ этого кашу, положилъ въ нее тюленьяго жиру, отчего «каша разопрѣла и горшокъ треснулъ». Смотрѣвшія на все это турецкія дамы ужаснулись, что̀ это такое состряпано и куда оно годно теперь, послѣ порчи каши отвратительнымъ тюленьимъ жиромъ. Тогда Баранщиковъ, видя ихъ смѣшной ужасъ и непонятливость, сказалъ имъ: «вотъ посмотрите, сударыни, какъ я по россійски стану кушать кашу! И онъ преблагополучно съѣлъ весь горшокъ и всталъ будто голоденъ».

Турецкія дамы глазамъ своимъ не хотѣли вѣрить, что «Московъ все это съѣлъ, и какъ только мужъ ихъ возвратился, онѣ всѣ къ нему подлетѣли и наперерывъ другъ передъ дружкою спѣшили разсказать о кашѣ съ тюленьимъ

жиромъ, отъ которой горшокъ лопнулъ, а брюхо Баранщикова осталось въ цѣлости.

Магометъ не повѣрилъ женамъ, будто человѣкъ можетъ съѣсть такое количество каши съ тюленьимъ жиромъ и, призвавъ Баранщикова, сталъ его допрашивать по-турецки: «Ислямъ Баша! нероды чокъ Екмель?» то-есть: «какъ ты кашу ѣлъ? Если горшокъ треснулъ—отчего твое брюхо не треснуло?» А Баранщиковъ весело отвѣчалъ пашѣ: «что это не важно, а что онъ еще два горшка съѣстъ». Магометъ совсѣмъ изумился и сказалъ: «Ну, россіяне! Вотъ такъ народъ! Не даромъ они сожгли въ Чесмѣ турецкій флотъ, разбили корабли и умертвили храбрыхъ турецкихъ витязей! Но скажи пожалуйста—отчего вы такіе сильные?» На такое любопытство Магомета, Баранщиковъ отвѣчалъ «хорошую ложь» (sic). Онъ сказалъ такъ:

«— Наши солдаты презираютъ смерть: у насъ есть трава, растущая въ болотахъ, и когда нашъ янычаръ (т.-е. солдатъ) идетъ на войну, лишь бы только ее укусилъ, то не подумайте, чтобы одинъ человѣкъ не напустилъ на двѣсти вашихъ турокъ, т.-е. ики Юсъ Адамъ (sic). Такъ и я такой же, меня не подумай удержать; я тебѣ служу годъ и два мѣсяца, а ты, Магометъ, долженъ, по повелѣнію великаго нашего пророка Магомета, черезъ семь лѣтъ отпустить меня на свободу и дать мнѣ награжденіе и тогда я куда хочу туда и пойду» (стр. 21—23).

«Совѣсть Магомета изобличила» и онъ сдѣлалъ Баранщикова «на нѣкоторое время счастливымъ». Содержалъ его въ родѣ домашняго артиста и началъ часто приглашать къ себѣ гостей, заставляя Баранщикова приготовлять и ѣсть при нихъ разопрѣлую кашу съ тюленьимъ жиромъ, а потомъ разсказывать при всѣхъ «хорошую ложь», т.-е. хвастать про ту траву, растущую въ болотахъ, вкусивши которой, русскіе становятся неодолимо мощны. Гости съ постояннымъ удивленіемъ смотрѣли на обжорство Баранщикова, а потомъ, когда слушали его хвастовство, то качали головами и давали ему «понемножечку денегъ». Баранщи-

ковъ же думалъ, что теперь онъ ужъ сталъ настоящая «душа общества» и не ждалъ конца этому пріятному положенію.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Дурацкія представленія, которыя давалъ Баранщиковъ, разумѣется, скоро наскучили, и публика не съѣзжалась больше смотрѣть на его обжорство. Баранщиковъ лишился артистическаго фавора и опять «почувствовалъ печаль о своемъ отечествѣ и о христіанской вѣрѣ, о женѣ и о троихъ дѣтяхъ». Тогда онъ рѣшился воспользоваться тѣмъ, что его никто не стерегъ, и онъ убѣжалъ отъ своего господина, но какъ онъ ранѣе не разузналъ дорогу въ Россію, то не зналъ куда идти, и его опять поймали и привели къ Магомету, а Магометъ велѣлъ «бить его по пятамъ палками шамшитоваго дерева до болѣзни».

Послѣ такого наказанія Баранщиковъ долго провалялся, а когда поправился, то сейчасъ же принялся искать средствъ такъ убѣжать, чтобы его уже не поймали и не били. Баранщиковъ пошелъ на корабельную пристань и сталъ тамъ толкаться между корабельщиками, отыскивая «добродѣтельнаго» человѣка христіанской вѣры, который бы его выручилъ изъ плѣна. Судьба ему поблагопріятствовала и онъ нашелъ грека Христофора и попросился на его корабль. Христоформъ согласился его взять, но предварительно «учинилъ ему увѣщаніе». Онъ сказалъ: «какъ ты живешь у богатаго господина, то смотри, ты ничего изъ его дому не укради» (стр. 25).

Баранщиковъ далъ слово, что красть не будетъ.

Въ условленный день Баранщиковъ явился на корабль Христофора, и они отправились въ Константинополь. По пути они заходили въ Яффу, Венецію, Микулу и Смирну.

Изъ Яффы Баранщиковъ съ Христоформъ и двадцатью христіанами ходили въ Іерусалимъ на поклоненіе святынямъ.

Грекъ Христоформъ, придя въ Іерусалимъ, свелъ Баран-

щикова съ греческимъ священникамъ и разсказалъ имъ о его злополучной участи и о невольномъ (будто бы) магометанствѣ. Іерусалимскіе, греческіе священники отнеслись къ магометанству Баранщикова очень снисходительно, такъ какъ въ ихъ народѣ, при совмѣстномъ житьѣ съ турками, переходы въ магометанство и назадъ бываютъ не рѣдко. Греческіе духовные сейчасъ же разрѣшили Баранщикова и, въ знакъ освобожденія его отъ магометанской вѣры, «приказали сторожу заклеймить его на правой рукѣ образомъ распятія Господня. Клеймо это большое, устроено все изъ иголъ, усаженныхъ въ крѣпкой доскѣ желѣзной, натертой порохомъ» (sic). Баранщикову было очень больно, когда его этимъ заштемпелевали, но зато теперь онъ сталъ опять православный христіанинъ, каковъ былъ ранѣе до плѣненія его разбойниками.

Въ Венеціи Баранщиковъ предъявлялъ свой старый испанскій паспортъ и получилъ отъ мѣстнаго управленія другой печатный паспортъ съ изображеніемъ на ономъ почивающаго въ Венеціи святого апостола и евангелиста Марка.

Въ Микулѣ Баранщиковъ ходилъ къ россійскому консулу изъ славанцевъ Кантжуану, который отнесся къ нему очень участливо и велѣлъ ему явиться въ Царьградѣ къ русскому министру Якову Ивановичу Булгакову *).

Когда корабль пришелъ въ *Константинополь*, Христофоръ поблагодарилъ Баранщикова за службу и, снабдивъ его греческой одеждой, разстался съ нимъ, но денегъ ему не далъ ни копейки, и Баранщиковъ всю свою надежду теперь возложилъ на русскаго министра Булгакова.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

На другой же день Баранщиковъ пошелъ въ Перу, гдѣ жилъ россійскій министръ. Самого Булгакова Баранщиковъ

*) Як. Ив. Булгаковъ былъ назначенъ русскимъ министромъ въ Константинополь въ 1781 г., и занималъ эту должность семь лѣтъ.

не видалъ, потому что, по случаю моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Царьградѣ, Булгаковъ выѣхалъ изъ города на мызу. Тогда Баранщиковъ обратился къ домоправителю Булгакова и «изъяснилъ ему всѣ свои обстоятельства«. Но «г. домоправитель не подвигнулся примѣромъ добродушнаго грека Христофора» — и мало далъ вѣры разсказамъ Баранщикова и на паспорты его не обратилъ вниманія, а «приказалъ, чтобы онъ никогда въ домъ императорскаго министра не ходилъ, претя отдачею, буди пріидетъ, подъ турецкую стражу, сказавъ при томъ съ негодованіемъ: какъ бы то ни было, что ты магометанскій законъ самовольно или принужденно принялъ, нужды нѣтъ вступаться его превосходительству, *много васъ такихъ бродягъ*, вы всѣ сказываете, что нуждою огорчали» (стр. 36 и 37).

И вотъ Баранщикову при русскихъ стало хуже, чѣмъ у чужаковъ, и пришлось ему добывать себѣ пропитаніе поденной работой на корабельной пристани. Плата была изрядная: по два левка въ день, т.-е. по 1 р. 20 к., но жить было дорого, и денегъ едва хватало. Въ свободное отъ работы время Баранщиковъ не разъ ходилъ въ бѣдномъ греческомъ платьѣ въ россійскій гостиный дворъ и искалъ покровительства у пріѣзжавшихъ туда русскихъ купцовъ. Но всѣ русскіе купцы были тоже народъ тертый и, какъ Булгаковскій домоправитель, совсѣмъ не вѣрили «скаскамъ» Баранщикова и помощи ему не оказали. Въ этомъ горестномъ положеніи, оставленный неимовѣрными русскими, Баранщиковъ обратился опять къ легковѣрнымъ туркамъ и среди ихъ случайно встрѣтилъ близъ гостинаго россійскаго двора двухъ, съ которыми сошелся и опять надолго отвлекся отъ осуществленія своего страстнаго стремленія возвратиться на родину и соединиться съ любимою семьею и съ истинною святою, православною вѣрою.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Новые знакомые, которыхъ Баранщиковъ встрѣтилъ у гостинаго двора, «весьма изрядно» говорили по-русски и

называли себя сапожниками изъ Арзамаса. Одинъ изъ нихъ, по имени Гусманъ, пригласилъ Баранщикова къ себѣ на домъ, «обѣщая счастіе». Баранщиковъ пошелъ и сразу же убѣдился, что опять попалъ къ магометанину. Гусманъ имѣлъ трехъ женъ и увѣщевалъ Баранщикова позабыть про свое отечество и принять магометанство. А когда Баранщиковъ «изъ простодушія» и въ предотвращеніе какой-либо бѣды, открылся, что онъ давно уже магометанинъ и хорошо знаетъ весь законъ Магомета, то Гусманъ пригрозилъ ему и сказалъ: «для чего же ты, будучи въ магометовомъ законѣ, носишь одежду греческую? Ты знаешь ли, что за сіе смерть опредѣлена?» Баранщиковъ испугался, «палъ ему въ ноги и просилъ пощады». Гусманъ оказался человѣкъ не злой, вмѣсто того, чтобы вызвать противъ Баранщикова свирѣпое турецкое звѣрство за то, что онъ перекидывается то въ христіанскую вѣру, то въ магометанскую, выдумалъ очень благочестивую штуку. Гусманъ наказалъ Баранщикову скрыть, что онъ уже потурченъ, съ тѣмъ, чтобы еще одинъ разъ произвести надъ нимъ воссоединеніе къ магометанству,—за что тамъ набожные магометане подавали новосоединеннымъ пособія и награды. Баранщиковъ видѣлъ, что Гусманъ хочетъ сдѣлать изъ него прибыльную статью, и ему не сопротивлялся. А Гусманъ тотчасъ же побѣжалъ къ имаму, «т.-е. попу» и купилъ у него за 20 левковъ такую записку: «Россіянинъ Василій пришедъ въ Стамбулъ, т.-е. Царьградъ, добровольно принялъ магометовъ законъ, наученъ молитвамъ и нареченъ именемъ Исляма». При этомъ имамъ Ибрагимъ выучилъ Баранщикова одной магометовой молитвѣ (42 и 43 ст.).

Гусманъ же строго наказалъ Баранщикову, чтобы онъ дѣлалъ видъ, будто ничего не знаетъ по турецки, кромѣ одной той молитвы, которой его научилъ имамъ. Такъ Баранщиковъ и началъ выдавать себя за новопріявшаго магометанскій законъ, а Гусманъ началъ этимъ аферировать.

Этотъ магометанскій пройдоха прежде всего повелъ Баранщикова къ великому визирю, который за принятіе ма-

гометовой вѣры повелѣлъ выдать Баранщикову сто левковъ и опредѣлилъ его въ янычары съ жалованіемъ по 15 паръ (22½ коп.) въ сутки. Отъ визиря оба плута пошли по другимъ турецкимъ господамъ и богатымъ купцамъ, которыхъ Гусманъ зналъ, какъ людей благочестивыхъ и неравнодушныхъ къ вѣрѣ. Всѣхъ ихъ они надули. Гусманъ имъ разсказывалъ, какъ Баранщиковъ проклялъ свою прежнюю вѣру и посвятился магометанству, и теперь его надо поддержать, чтобы онъ могъ жить не боясь своихъ прежнихъ христіанскихъ единовѣрцевъ, а турки-купцы и знатныя особы всѣ повѣрили этимъ разсказамъ и давали имъ деньги. «Такимъ притворствомъ святости и посредствомъ хожденія въ мечети насбирали они черезъ одну недѣлю 400 левковъ (240 руб.)». Сумма для двухъ негодяевъ очень хорошая, но съ раздѣломъ ея вышла непріятность. Баранщиковъ разсчитывалъ всѣ эти деньги взять на молитвы себѣ, такъ какъ онѣ были подарены мусульманами для поддержанія его благочестія, но Гусманъ захотѣлъ получить себѣ долю изъ сбора за то, что водилъ Баранщикова къ благодѣтелямъ, а какъ Баранщиковъ не видѣлъ надобности съ нимъ дѣлиться, то у нихъ изъ-за этого произошла непріятность, и Гусманъ прибѣгъ къ угрозѣ, что онъ разскажетъ о притворствѣ Баранщикова и «добьется для него смертной казни». Тутъ Баранщиковъ увидалъ, что дѣло опасно, и, чтобы развязаться съ дурнымъ товарищемъ, далъ Гусману половину (200 левковъ) изъ того, что они собрали, и Гусманъ этимъ удовольствовался.

Поправивъ свои денежныя обстоятельства, Баранщиковъ опять надолго успокоился насчетъ православія и своего семейства и не спѣшилъ возвращеніемъ на родину, а служилъ янычаромъ и жилъ въ казармахъ «подъ командой чиновника, по ихъ названію югъ-баши». Ему опять было очень не худо: онъ получалъ полное содержаніе, жалованье и табакъ и, прижившись, задумалъ жениться по-турецки, потому-что «не обшить, не обмыть его было некому». И вотъ, чтобы получить себѣ швачку и прачку, Баранщиковъ

обратился за помощью опять къ тому же Гусману, съ которымъ они было поссорились за деньги, собранныя ихъ совмѣстнымъ плутовствомъ. И они сейчасъ же опять сошлись на новое хорошее дѣло.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Гусманъ не только укрѣпилъ Баранщикова въ намѣреніи жениться, но сейчасъ же нашелъ ему и невѣсту: онъ посовѣтовалъ ему взять себѣ въ жены восемнадцатилѣтнюю Ахмедуду, сестру одной изъ трехъ женъ самого Гусмана. Баранщикову было все равно: «кто бы ни была, лишь бы баба», и онъ сразу же согласился жениться на молоденькой Ахмедудѣ—и переселился изъ казармъ въ домъ Гусманова и своего тестя, по имени Магомета. Свадьба его съ Ахмедудою была совершена «по ихъ обрядамъ въ мечети» и положено условіе: въ случаѣ жена будетъ не люба, «заплатить 50 левковъ (30 р.) пени и отпустить ее». Съ полученною такимъ образомъ молодою женою Баранщиковъ жилъ болѣе восьми мѣсяцевъ и жить ему было хорошо. Турки очень довѣрчивы и тесть Баранщикова, Магометъ, такъ его поставилъ, что Баранщиковъ былъ въ его домѣ полнымъ господиномъ и распоряжался всѣмъ хозяйствомъ. Тесть былъ имъ доволенъ и «хвалилъ всѣмъ почтеніе, отдаваемое всякій день зятемъ Ислямомъ».

Но Ахмедудѣ онъ сталъ непріятенъ, и она начала сомнѣваться въ томъ, что онъ истинно держится мусульманской вѣры, «замѣчая въ немъ *неумовеніе*» (48 и 49 стр.), что для нея, какъ для мусульманки, было невыносимо. Черезъ это Ахмедуда стала къ нему не только неласкова, а потомъ даже сдѣлалась «свирѣпая».

Но если Баранщиковъ утратилъ расположеніе у молодой Ахмедуды, то «Имамъ (попъ)» сталъ его убѣждать, чтобы онъ взялъ себѣ еще одну жену, кромѣ чистюли Ахмедуды. Однако «всемогущій Богъ устроилъ жизнь его инако».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Однажды, стоя на часахъ, Баранщиковъ увидалъ голову преступника, выставленную напоказъ и въ поученіе всему народу. Это Баранщикова возмутило. Въ другой разъ онъ встрѣтилъ на улицѣ одного хлѣбника, у котораго недоставало на рукѣ трехъ пальцевъ; Баранщиковъ спросилъ: отчего это у него недостаетъ пальцевъ, а тотъ отвѣчаетъ, что пальцы у него отрѣзаны за обмѣриваніе и обвѣшиваніе покупателей. Баранщиковъ опять ужаснулся, какъ турецкія власти строго за всѣмъ смотрятъ, и узналъ, что полиція даже нерѣдко подсылаетъ такихъ разузнавщиковъ, которые все подсматриваютъ и подслушиваютъ: какъ мусульманинъ ведетъ себя въ людяхъ и дома, и нѣтъ ли въ комъ чего беззаконнаго и утаеннаго, и если что-либо таковое окажется, то тогда тому нѣтъ пощады. И за несоблюденіе себя съ женщиной тоже могутъ наказать очень строго. Баранщикову это показалось ужасно недостойно и придирчиво, и онъ вспомнилъ, какое отвращеніе внушилъ къ себѣ молодой женѣ своей Ахмедудѣ, и опять затосковалъ о родинѣ и сейчасъ же ощутилъ непреодолимое желаніе вернуться въ Россію (53—54).

Баранщиковъ такъ струсилъ, что не сталъ отлагать своего намѣренія нисколько, а немедленно пошелъ въ Галату и разыскалъ тамъ русскаго казеннаго курьера, пріѣхавшаго изъ Петербурга съ бумагами къ послу. Баранщиковъ разспросилъ у курьера, какъ и черезъ какіе города надо ѣхать до россійской границы. Другого источника онъ для этой справки не придумалъ. Время же тогда приближалось къ магометанскому Рамазану, и Баранщиковъ, какъ турецкій солдатъ, долженъ былъ идти на смотръ къ великому визарю и получить жалованье.

Тесть его, довѣрчивый и добрый старикъ Магометъ, заботясь о немъ, какъ о родномъ сынѣ, принялся его наряжать, и прибралъ зятя очень щеголевато: онъ далъ

ему богатый шелковый кушакъ, перетканный золотомъ, кинжалъ, оправленный жемчугомъ, красными и зелеными яхонтами, и два пистолета съ золотою насѣчкою (58 стр.).

Баранщиковъ позволилъ, чтобы добрый старикъ все это на него надѣлъ, а самъ захватилъ съ собою два паспорта и запряталъ ихъ подъ платье. Тесть и жена замѣтили это и полюбопытствовали, что это за листы, а Баранщиковъ солгалъ имъ, что «это русскія деньги, которыя онъ хочетъ размѣнять». Потомъ онъ явился къ визирю и получилъ отъ него похвалу и 60 левковъ (36 р.) жалованья; а къ тестю и къ женѣ назадъ уже не вернулся.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Вмѣсто того, чтобы возвратиться домой, Баранщиковъ пошелъ со смотра въ Галату къ знакомому греку Спиридону, у котораго переодѣлся въ бѣдный греческій костюмъ, и оставилъ Спиридону турецкую чалму, красные сапоги, кушакъ, кинжалъ и два пистолета. Очевидно, что этому греку онъ всѣ тестевы вещи продалъ, а деньгамъ нашелъ употребленіе, «какъ свойственно русскому человѣку», и затѣмъ, 29 іюня 1785 года, онъ отправился въ свое отечество, «презирая всѣ мученія, даже и самую смерть, если случится, что пойманъ будетъ».

Черезъ пять недѣль, а именно четвертаго августа, Баранщиковъ былъ уже на Дунаѣ и встрѣтилъ тутъ запорожскихъ казаковъ. Они его привѣтили, и онъ проживалъ у нихъ нѣкоторое время, въ разныхъ домахъ, «у кого дня два, три и четыре».

Запорожцы оставляли его у себя совсѣмъ, но Баранщиковъ не захотѣлъ якшаться съ такими буйными и непокорными передъ властью людьми, а наоборотъ, онъ еще имъ внушалъ, чтобы они покорились и вернулись въ Россію. Но огрубѣвшіе казаки его не послушались и отвѣчали: «что мы тамъ (въ Россіи) позабыли? Поди туда ты, если хочешь, а мы не хотимъ, да и ты пойдешь, добра не найдешь» (62 стр.).

Разумѣется, запорожцы не сбили Баранщикова и не уклонили его отъ предначертаннаго имъ себѣ пути: онъ ушелъ отъ нихъ и, питаясь подаяніемъ, прошелъ черезъ Молдавію и черезъ Польшу и пришелъ наконецъ въ Васильковскій форпостъ. Здѣсь съ него русскіе сейчасъ же сняли допросъ, а паспорты отобрали и отослали его въ кіевское намѣстническое правленіе.

Изъ кіевскаго намѣстничества Баранщиковъ получилъ указъ, чтобы явиться въ Нижнемъ-Новгородѣ властямъ, при чемъ правитель кіевскаго намѣстничества генералъ-поручикъ и кавалеръ Ширковъ отнесся къ Баранщикову очень милостиво, пожаловалъ ему пять рублей на дорогу, а два паспорта отправилъ по почтѣ въ нижегородское намѣстническое правленіе. Баранщиковъ же пошелъ черезъ города Нѣжинъ, Глуховъ, Сѣвскъ, Орелъ, Бѣлевъ, Калугу, Москву, Владиміръ и Муромъ и вездѣ разсказывалъ свою «скаску» и находилъ охотниковъ ее слушать, послѣ чего его кое-какъ вознаграждали за его злострадания.

Наконецъ, 23 февраля 1786 г. Баранщиковъ, послѣ семи лѣтъ отсутствія, вступилъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ положеніе его представляло большія осложненія, такъ какъ Баранщикову дѣло шло не только о томъ, чтобы здѣсь водвориться, но чтобы ему сбросили съ костей всѣ его долги... Да, онъ хотѣлъ, чтобы съ него не взыскивали ни старыхъ долговъ, ни податныхъ недоимокъ, ни денегъ за кожевенный товаръ, который онъ взялъ въ долгъ и не привезъ за него изъ Ростова никакой выручки.

Надо было сдѣлать такъ, чтобы все это ему было «прощено», и онъ на это надѣялся, и въ этомъ-то случаѣ ему и должна была сослужить службу та «скаска», которую онъ о себѣ разскажетъ. Но мы увидимъ, какъ это различно дѣйствовало на тѣхъ, кто можетъ прощать, и на тѣхъ, которымъ надо платить за прощенника.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Нищенствовавшая семь лѣтъ въ Нижнемъ жена Баранщикова не узнала своего мужа, такъ какъ онъ былъ «бритый и въ странномъ платьѣ». Онъ долженъ былъ разсказать своей Пенелопѣ бывшія съ нимъ приключенія, на первый случай, можетъ-быть, умолчавъ только объ Ахмедудѣ. Тогда жена повѣрила, что это ея пропадавшій мужъ и «обрадовалась». Домъ и все хозяйство Баранщиковъ нашелъ въ полномъ разореніи и узналъ, что семья его уже давно нищенствуетъ, чего какъ будто онъ не ожидалъ, покинувъ ихъ безъ всего и на произволъ судьбы. Но всего хуже было то, что Баранщиковъ многимъ здѣсь долженъ, и что нижегородцамъ не заговоришь зубы, какъ онъ заговаривалъ ихъ довѣрчивымъ туркамъ, а иногда и грекамъ. Баранщиковъ сообразилъ, что самое надежное, на что онъ теперь можетъ разсчитывать — это найти благоволеніе у начальства и самое лучшее имѣть на своей сторонѣ высшаго администратора въ краѣ.

Генералъ-губернаторомъ въ Нижнемъ о ту пору былъ генералъ-поручикъ Иванъ Михайловичъ Ребиндеръ, который слылъ за человѣка очень добраго, но очень недалекаго. Баранщиковъ сейчасъ же ему явился и обошелъ его не хуже, чѣмъ турецкаго пашу.

Ребиндеръ, выслушавъ сказку Баранщикова о его странствованіяхъ и несчастныхъ приключеніяхъ, не разобралъ, сколько тутъ лжи и сколько непохвальныхъ поступковъ есть въ правдѣ, и пожаловалъ проходимцу 15 рублей да сказалъ ему: «я тебѣ во всемъ помощникомъ буду, но не знаю, какъ гражданское общество въ разсужденіи за шесть лѣтъ податей службы и тягости съ тобой поступитъ; ты прочитай новаго городового положенія статью 7, я городовому магистрату приказать платить за тебя не могу» (66 и 67 стр.).

Это Баранщикову не понравилось: онъ былъ того мнѣнія, что генералъ-губернаторъ можетъ всѣмъ и все прика-

зать и именно того только и хотѣлъ, чтобы подати за него заплатили міромъ, а частные долги простили ему. Съ «закономъ же положеній гражданскаго общества» онъ не хотѣлъ и справляться. Разъ, что генералъ-губернаторъ толкуетъ свои права такъ ограниченно, Баранщикову нечего копаться въ законахъ, а лучше прямо искать сочувствія и снисхожденія у гражданъ Нижняго-Новгорода, которые его знали и помнили, и платили за него его недоимки.

Но граждане совсѣмъ «не вняли голосу человѣколюбія» и, несмотря на то, что Баранщиковъ показалъ имъ себя всего испещреннаго разными штемпелями и клеймами, а потомъ, стоя передъ членами магистрата, вдругъ залопоталъ на какомъ-то никому непонятномъ языкѣ, они объявили его *бродягою* и предъявили къ нему отъ общества платежныя требованія. Нижегородцы насчитали на него за шесть лѣтъ бродяжества 120 рублей гильдейныхъ, а какъ Баранщиковъ денегъ этихъ заплатить не хотѣлъ, то они его посадили въ тюрьму.

Добродушный Ребиндеръ оказалъ-было въ защиту Баранщикова какое-то давленіе и бродягу за общественную недоимку изъ-подъ ареста выпустили, но сейчасъ же на него были предъявлены отъ частныхъ лицъ счеты и векселя болѣе чѣмъ на 230 рублей, и Баранщикова, по требованію этихъ кредиторовъ, опять посадили подъ стражу.

Тутъ онъ увидалъ разницу между невѣрными турками и своими единовѣрными нижегородцами и сразу понялъ, что ему отъ этихъ не отвертѣться; сразу же, въ удовлетвореніе его долговъ кредиторамъ, былъ проданъ съ торговъ его домъ, который былъ такъ ничтоженъ, что пошелъ всего за 45 рублей. Послѣ этого Баранщиковъ былъ на время выпущенъ изъ тюрьмы, но теперь семья его лишилась даже пріюта, котораго у нея не отнимали, пока отецъ странствовалъ, ѣлъ кашу, служилъ въ янычарахъ и, опротивѣвъ одной женѣ, подумывалъ взять себѣ еще одну, новую.

Но и этого мало: Баранщиковъ надѣялся, что теперь, когда домъ его уже продали, самъ онъ, какъ ничего болѣе не имѣющій и вполнѣ несостоятельный должникъ, останется на свободѣ. Тогда онъ опять куда-нибудь сойдетъ и что-нибудь для себя промыслитъ; но и это вышло не такъ: къ ужасу Баранщикова, нижегородцы измыслили для него страшное дѣло. Такъ какъ Баранщиковъ былъ еще не старъ и притомъ здоровъ, то магистратъ разсудилъ, что ему не для чего болтаться безъ дѣла, и постановилъ — «взять Баранщикова и за неуплату остальныхъ 305 рублей (185 долговыхъ и 120 гильдейныхъ) отослать его въ казенную работу на соляныя варницы въ г. Балахну по 24 рубля на годъ» (68 стр.).

Вотъ когда Баранщиковъ вспомянулъ предсказаніе, которое ему дѣлали зарубежные запорожцы, которыхъ онъ хотѣлъ исправить, звалъ возвратиться въ Россію, а они ему отвѣчали: «иди ты самъ, а когда и пойдешь, то добра не найдешь...» Вотъ оно все это теперь и сбывалося!.. Что еще могло быть хуже, какъ попасть изъ кофишенковъ да въ соляныя варницы съ отработкою по двадцать четыре рубля въ годъ! За триста пять рублей ему тамъ пришлось бы провести лѣтъ семь...

Отъ этого онъ непремѣнно хотѣлъ увернуться, а какъ генералъ-губернаторъ наблюдаетъ законы и не требуетъ своею властью ихъ нарушенія, то Баранщиковъ въ крайнемъ отчаяніи обратился къ вѣрѣ и къ ея представителямъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Баранщиковъ бросился искать помощи у нижегородскаго духовенства, которое, по его мнѣнію, могло его защитить и даже обязано было задержать его высылку въ Балахну, потому что его слѣдовало еще исправить, какъ потурченнаго. Онъ хотѣлъ говѣть и исповѣдаться во всемъ на духу и получить прощеніе въ своихъ грѣхахъ; но русское духовенство совсѣмъ не было такъ великодушно, какъ грече-

ское, которое вразъ исправило его въ Іерусалимѣ и приштемпелевало. Нижегородскіе священники или были неопытны въ этой практикѣ, или же держали сторону общества, и совсѣмъ не захотѣли принимать Баранщикова на исповѣдь, потому что онъ былъ обрѣзанъ и жилъ съ женою въ магометанскомъ законѣ. Но все-таки по этому поводу возникъ вопросъ, а пока объ этомъ разсуждали, отправка Баранщикова въ Балахну, на соляныя варницы, замедлилась, а ему это и было нужно.

Священники отослали его къ нижегородскому архіерею, который выслушалъ его милостиво, но вопроса о причащеніи его не рѣшилъ и, въ свою очередь, препроводилъ Баранщикова къ митрополиту новгородскому и с.-петербургскому Гавріилу.

Вотъ это Баранщикову и было нужно: онъ того и хотѣлъ, чтобы попасть въ столицу, гдѣ онъ надѣялся найти жалостливыхъ покровителей, черезъ которыхъ можетъ довести свое дѣло до самой Екатерины. Повели нашего странника въ Петербургъ и представили его тамъ Гавріилу.

Митрополитъ Гавріилъ (Петровъ) былъ мужъ «острый и резонабельный». Такъ по крайней мѣрѣ аттестовала его Екатерина II, посвятившая ему книжку о Велизаріи съ такими словами, что онъ «добродѣтелью съ Велизаріемъ сходенъ». Митрополитъ, сходный съ Велизаріемъ, дѣйствовалъ въ духѣ времени, и безъ затрудненія разрѣшилъ сомнѣніе нижегородскаго духовенства: онъ велѣлъ Баранщикова въ Петербургѣ отъисповѣдывать и причастить. Такимъ образомъ Баранщиковъ, возсоединенный уже съ православіемъ благодатію священниковъ греческихъ, теперь былъ закрѣпленъ въ этомъ русскою благодатію и получилъ въ этомъ доказательство, удостовѣрявшее, что въ столицѣ самыя высшія особы свѣтскаго и духовнаго чина приняли его сторону и отнеслись къ нему совсѣмъ не такъ, какъ нижегородская сѣрость.

Въ удостовѣреніе означенныхъ счастливыхъ событій, Ба-

ранщиковъ выправилъ себѣ изъ с.-петербургской духовной консисторіи «билетъ» и, подъ защитою этого документа, вернулся обратно въ Нижній. Теперь онъ былъ уже не «отурченокъ», а чистый православный христіанинъ и притомъ человѣкъ извѣстный многимъ вельможамъ Екатерины. Послѣ этого можно было надѣяться, что нижегородцы уже не посмѣютъ теперь выбирать съ него свои долги и не погонятъ его въ Балахну на варницы, но нижегородцы ничѣмъ этимъ не прельстились: они продолжали видѣть въ Баранщиковѣ «бродягу», за котораго другіе рабочіе люди должны платить подати, да еще терпѣть его мошенническіе обманы, и потому они остались непреклонными и опять приступили съ своими требованіями, чтобы послать его въ Балахну на варницы. Баранщиковъ этого никакъ не ожидалъ и очень удивился, какъ простые купцы и мѣщане смѣютъ умышлять надъ нимъ этакую грубость! Теперь онъ уже не робѣлъ, какъ было до представленія его митрополиту, а писалъ въ негодующемъ тонѣ: «Какъ! Это то самое общество, которое, по призыву Минина-Сухорукова, готово было заложить женъ и дѣтей и охотно ввѣрило Минину свои имѣнія, чтобы онъ съ Пожарскимъ «очистилъ Москву отъ поляковъ»? (72 стр.). И вотъ это оно-то самое общество, «не слѣдуя ни примѣру благотворительнаго купца Кузьмы Сухорукова, ни указу Ея Императорскаго Величества о банкрутахъ и проторговавшихся купцахъ», безпокоитъ его, Баранщикова, который «остается по претерпѣніи злоключеній и несчастій въ Америкѣ, Азіи и Европѣ, и въ своемъ отечествѣ» (72 стр.).

Ну, такъ онъ имъ себя покажетъ!

Баранщиковъ составилъ о себѣ «скаску» и отпечаталъ ее въ Петербургѣ книжкою, изъ которой мы и взяли большинство поданныхъ имъ о себѣ свѣдѣній. Книжка вышла въ 1787 году, и изданіе ея сдѣлано для тогдашняго времени очень опрятное и должно было стоить значительныхъ денегъ. Слѣдовательно, у Баранщикова были какіе-то состоятельные друзья, которые помогали ему издать его глу-

пую и лживую «скаску», вмѣсто того, чтобы заплатить его долги тѣмъ людямъ, которыхъ онъ разорилъ своимъ безпутствомъ.

Знатныя лица и самый пошлый проныра и плутъ, проштемпелеванный всякими знаками во свидѣтельство его измѣнъ вѣрѣ, объединяются въ одномъ дѣйствѣ, лишь бы создать положеніе «наперекоръ положенію закона гражданскаго»...

Это говоритъ много.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Литературная выходка Баранщикова до сей поры не обратила на себя вниманія историческихъ обозрѣвателей нашей письменности, а она этого стоитъ, ибо это едва ли не первый опытъ «импонировать» обществу посредствомъ печати. Въ то же время это есть и первый опытъ шантажа книгою. Во всякомъ случаѣ, скаска Баранщикова представляетъ собою очень характерное явленіе, которое показываетъ, какъ русское общество выросло за сто лѣтъ со времени скаски, поданной Мошкинымъ царю Михаилу, а въ симпатіяхъ къ бродягамъ и въ недружелюбіи къ «положеніямъ закона гражданскаго» не измѣнилось. По существу и по цѣлямъ составленія, обѣ показанныя скаски совершенно одинаковы: та же манера бѣдниться, канючить и выставлять на видъ свою удаль, хвалить вѣрность, благочестіе и свои страданія. Даже необдуманность и неискусство въ сочиненіи, и согласованіе очевидной лжи съ такою дѣйствительностью, которой бы надо стыдиться и промолчать о ней хоть изъ скромности, — все одно и то же, какъ въ «скаскѣ», поданной Мошкинымъ въ 1643 году, такъ и въ «скаскѣ» Баранщикова, *напечатанной* въ 1787 году. Баранщиковъ точно такъ же лжетъ о томъ, какъ онъ неумышленно съѣхалъ въ Ростовъ съ чужимъ товаромъ и попалъ ненарокомъ на датскій корабль въ Кронштадтѣ, а потомъ не знаетъ для чего самъ себя клеймилъ то хри-

стіанскими символами, то мусульманскими, и наконецъ сдѣлался кофишенкомъ у турка и занималъ общество своимъ обжорствомъ, а потомъ плутовалъ, обиралъ турокъ и обокралъ тестя и ушелъ, и паки воспріялъ свою вѣру, и тѣмъ спасся, и долговъ не заплатилъ, и не попалъ на варницы...

Нравственное достоинство обоихъ этихъ памятниковъ бродяжной письменности одинаково, но изученія «быта чужихъ странъ» у Баранщикова уже больше, чѣмъ у Мошкина, и манера описаній у Баранщикова художественнѣе и вѣроподобнѣе. У Мошкина нѣтъ ни одной такой безстыжей, но яркой подробности, какъ поѣданіе каши съ тюленьимъ жиромъ или негодованіе молодой Ахмедуды на мужнино неряшество. Тутъ свои и чужіе люди являются въ положеніяхъ очень живыхъ и удобныхъ для сравненія, чего нѣтъ въ скаскѣ Мошкина, но кромѣ того скаска Баранщикова гораздо опредѣлительнѣе скаски Мошкина показываетъ, къ какимъ занятіямъ иностранцы употребляли у себя тѣхъ русскихъ людей, которые къ нимъ приставали. Мошкинъ только хвалился, что его манили, но онъ еще не зналъ, къ чему бы его съ товарищами приставили, а Баранщиковъ уже испыталъ все это на дѣлѣ и убѣдился, что русскими помыкали, и они даже у турокъ употреблялись только на самыя простыя услуги. Даже и въ азіатскомъ Виѳлеемѣ Баранщиковъ не могъ показать ничего умнѣе, какъ только ѣлъ страшное количество каши съ ворванью... Очевидно, что и Мошкину съ товарищами выпало бы что-нибудь не лучше этого, но онъ, какъ человѣкъ необразованный, почиталъ себя за что-то очень рѣдкостное и драгоцѣнное, или же онъ прямо хвасталъ въ надеждѣ, что слушатели его скаски еще невѣжественнѣе, чѣмъ онъ самъ, и не сумѣютъ его хвастни отличить отъ истины. На этомъ его холопью душу можно понять и простить, но какъ быть съ газетою, которая распространяла и нахваливала эту надутую и вредную ложь въ концѣ XIX вѣка?.. Газета не могла же не знать, что люди, писавшіе скаски, всегда хвастали, и что трудолюбивые люди въ народѣ обыкно-

венно понимали ихъ, *какъ бродягъ*, и ихъ *бродяжнымъ скаскамъ* не вѣрили, чему и служитъ живымъ доказательствомъ отношеніе нижегородскихъ гражданъ къ «скаскѣ», поданной въ 1793 году мѣщаниномъ Баранщиковымъ. Газета, безъ сомнѣнія, могла найти надобность въ воспроизведеніи «скаски» Мошкина, какъ *любопытнаго* документа, но для чего же она стала увѣрять читателей въ томъ, что эта скаска представляетъ «достовѣрный источникъ» и что такіе неосновательные лгуны и хвастуны должны, будто бы, представлять собою «предпріимчивость, безкорыстіе и патріотизмъ русскихъ людей?..»

Пусть сохранитъ Господь всякую страну отъ такихъ патріотовъ и... отъ такой печати, которая ихъ хвалитъ!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Вмѣсто того, чтобы увѣрять общество въ столь явномъ и очевидномъ вздорѣ и такими увѣреніями портить понятіе людей о безкорыстіи и патріотизмѣ, вліятельная газета поступила бы гораздо лучше, если бы, при большомъ изобиліи ея средствъ, она произвела сравненія «скаски» 1643 года съ «скаскою» 1793 года, которая сдѣлалась извѣстною раньше мошкинской скаски. Въ этомъ сравненіи газета, безъ сомнѣнія, могла бы указать своимъ многочисленнымъ читателямъ интересное сходство, и еще болѣе интересную разницу въ подходахъ къ тому, какъ получить «жалованье чѣмъ Господь извѣститъ». И всѣ бы видѣли, какъ наивенъ былъ Мошкинъ, который составлялъ свою «скаску» въ 1643 году только съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать непосредственно на жалобливость царя Михаила, и какъ дальше мѣтилъ и шире захватывалъ уже Баранщиковъ, жившій столѣтіемъ позже; дрянной человѣкъ задумалъ взять себѣ въ помогу печать и, издавъ книгу, обмануть ею все русское общество и особенно властныхъ людей, которые находили удовольствіе помочь ему идти *«наперекоръ положенія закона гражданскаго»*.

Такимъ раскрытіемъ правды понятія читателей были бы направлены къ тому, чтобы уважать лучшее, а не худшее,— именно трудолюбіе земледѣльцевъ, а не попрошайничество бродягъ, которые указывали примѣръ другимъ, какъ уклоняться отъ исполненія общественныхъ обязанностей, взваливая ихъ на скромныхъ и трудолюбивыхъ людей, не освобождаемыхъ отъ исполненія всѣхъ «положеній закона гражданскаго». А такіе люди стоятъ самаго теплаго участія, которое просвѣщенная и честная печать должна и привлекать къ нимъ.

А что потворства происканъ проходимцевъ со стороны печати не только увеличиваютъ наглость и дерзость людей этого сорта, но даже прямо накликаютъ ихъ въ страну на ея стыдъ и несчастіе—мы это покажемъ изъ наступающаго третьяго очерка, герой котораго протрубилъ о себѣ скаску черезъ лейбъ-газету, и тѣмъ пріуготовилъ себѣ успѣхъ, какого не могъ бы ожидать никакой иной штукарь, не заручившійся союзничествомъ съ газетчикомъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Появленіе Ашинова и вся его блестящая и быстрая карьера въ Россіи съ трескучимъ финаломъ въ Обокѣ есть дѣло вчерашняго дня, но тѣмъ не менѣе все это однако настоящая «скаска».

Несмотря на то, что Баранщиковъ появился сто лѣтъ послѣ Мошкина, а Ашиновъ сто лѣтъ послѣ Баранщикова, они всѣ трое, по духу и доблестямъ, люди одного и того же сорта, но въ похожденіяхъ каждаго изъ нихъ духъ времени отражается по-своему и заставляетъ ихъ избирать иные пріемы къ тому, какъ добывать «пессадоры» и «штиверы» въ чужихъ краяхъ, а потомъ у себя дома просить «милостивое жалованье за службишку». Мошкинъ, Баранщиковъ и Ашиновъ всѣ не любятъ «положеній закона гражданскаго» и идутъ къ своимъ цѣлямъ обходами, при чемъ однако слѣдятъ за практикуемыми

въ данное время пріемами, и сами способны выбирать, что̀ подходитъ по времени. Мошкинъ въ 1643 году едва голосъ поднималъ и канючилъ: «пожалуй меня холопа съ товарищи» и дьякъ Гавреневъ распоряжался надъ нимъ «рукою властною». Пока дѣло дошло до того, чѣмъ этого «холопа помилуютъ», Гавреневъ уже «помѣтилъ» наказать его за то, что принялъ отъ папы сакраментъ. Баранщиковъ, появившійся въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, въ литературный вѣкъ Екатерины II, уже начинаетъ прямо съ генералъ-губернаторовъ и доходитъ до митрополита, а свое «гражданское общество» и мѣстное приходское духовенство онъ отстраняетъ и постыждаетъ, и обо всемъ этомъ подаетъ уже не писаную «скаску», которой «вся дорога отъ печи и до порога», а онъ *выпускаетъ печатную книгу* и въ ней шантажируетъ своихъ общественныхъ нижегородскихъ людей, которые, надокучивъ за него платить, сказали ему: «много васъ такихъ бродягъ!» Этотъ уже не боится, что его дьякъ «помѣтитъ» къ отвѣту за «сакраментъ». Несмотря на то, что Баранщиковъ сдѣлалъ гораздо бо̀льшую вину, чѣмъ принятіе католическаго сакрамента, ибо онъ не только разъ, но нѣсколько разъ принималъ изъ-за выгодъ магометанскую вѣру, собиралъ себѣ за это по дворамъ «ризки» и потомъ женился на турчанкѣ Ахмедудѣ и хотѣлъ взять еще другую жену, но все это не помѣшало Баранщикову поставить себя во мнѣніи властныхъ особъ въ Петербургѣ такъ, что «нижегородскіе попы и граждане ничего ему не смѣли сдѣлать». Но этого еще мало: Баранщиковъ не только отвергъ обязанность платить свои долги и подати, онъ направилъ въ укоръ нижегородцевъ такой шантажный рожонъ: «Какъ!.. Это то самое общество, которое, по призыву Минина-Сухорукова, готово было заложить женъ и дѣтей и охотно ввѣрило Минину всѣ имѣнія, чтобы онъ очистилъ съ Пожарскимъ Москву отъ поляковъ» (стр. 72). Издавъ съ чьей-то помощью дрянную книжонку въ Петербургѣ, бродяга Баранщиковъ уже издѣвается надъ обществомъ, озабочен-

нымъ «исполненіемъ положеній закона гражданскаго», и выводя себя на одну линію съ Мининымъ, набрасываетъ на общественныхъ людей обвиненіе въ патріотической измѣнѣ...

Попы и мѣщане должны были смириться и стерпѣть наглости этого выжиги.

Просіявшій же въ концѣ XIX вѣка Ашиновъ уже и знать не хотѣлъ о такой средѣ, какъ попы или мѣщане, а онъ прямо протянулъ откуда-то свою куцапую, бородавчатую руку Каткову и пошелъ фертомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Въ одинъ достопамятный день редакторъ Катковъ, находившійся въ оппозиціи ко всѣмъ «положеніямъ закона гражданскаго», за которыя стоялъ ранѣе, возвѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что въ какомъ-то царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, совокупилась рать, состоящая изъ «вольныхъ казаковъ», и разные державцы, а особенно Англія, манятъ ихъ къ себѣ на службу, но атаманъ новообрѣтенныхъ вольныхъ казаковъ, тоже «вольный казакъ Николай Ивановичъ Ашиновъ», къ счастью для насъ, очень любитъ Россію, и онъ удерживаетъ своихъ товарищей, чтобы они не шли служить никому, кромѣ насъ, за что, конечно, имъ нужно дать жалованье. Катковъ сразу же почувствовалъ къ этому атаману симпатію и довѣріе, рекомендовалъ Россіи этимъ не манкировать, а воспользоваться названнымъ кавалеромъ, такъ какъ онъ можетъ оказать службу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русскимъ самимъ появляться неудобно.

Первое катковское заявленіе объ этомъ было встрѣчено съ удивленіемъ и недовѣріемъ: въ Петербургѣ думали, что «злой московскій старикъ» что-то юродствуетъ. Люди говорили: «На кой намъ прахъ еще нужна какая-то шайка бродячей сволочи!» Но Катковъ продолжалъ свою «лейбъ-агитацію» и печаталъ въ своей «лейбъ-газетѣ» то подлин-

ныя письма сносившагося съ нимъ Ашинова, то сообщенія о томъ, что могутъ сдѣлать въ пользу Россіи вооруженные товарищи этого атамана, укрывавшіеся въ это время гдѣ-то не въ нашемъ государствѣ въ камышахъ и заводяхъ. «Вольные казаки» не знали: идти-ли имъ за насъ, или «за англичанку», которая будто бы уже дала имъ заказъ, что̀ имъ надо для нея сдѣлать, и прислала человѣка заплатить имъ деньги за ихъ службишку. Тогда самые простые люди, имѣющіе понятіе объ устройствѣ европейскихъ государствъ и о бытѣ народа, сочли все это за совершенно пустую и глупую выдумку и знали, что ничего такого быть не можетъ, но Катковъ все свое твердилъ, что вольные казаки могутъ уйти у насъ изъ рукъ; что они уже и деньги отъ англичанкинаго посла взяли, но что все-таки ихъ еще можно остановить и направить къ тому, чтобы они пошли и подбили кого-то не подъ англичанку, а подъ насъ.

Это становилось смѣшно и никто не могъ понять: какую надобность можетъ имѣть «англичанка» въ томъ, чтобы разыскивать и нанимать къ себѣ на службу подобную шушеру,—не понимали и кого еще намъ надо подъ себя подбить? Но тогда Катковъ разсерчалъ и объявилъ, что относиться къ Ашинову съ недостаткомъ довѣрія есть измѣна!

Стало даже неудобно и разузнавать: кто онъ такой въ самомъ дѣлѣ и откуда взялся?

Но вдругъ тамъ же, въ Москвѣ, нашелся безстрашный человѣкъ и сталъ спорить съ Катковымъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Отважный московскій гражданинъ былъ другой газетный редакторъ, Алексѣй Алексѣевичъ Гатцукъ, издававшій «Крестный календарь» и отъ своего имени иллюстрированную газету. У Гатцука были въ разныхъ городахъ корреспонденты, и одинъ изъ нихъ зналъ объ Ашиновѣ и сообщилъ въ «Газету Гатцука», что Николай Ивановичъ Ашиновъ вовсе не «вольный казакъ», какового нѣтъ и на-

званія, а что онъ пензенскій мѣщанинъ, учился въ тамошней гимназіи и исключенъ оттуда изъ младшихъ классовъ за нехорошіе поступки. Потомъ онъ бродилъ и съякшался съ какими-то темными побродягами и скитался съ ними гдѣ попало, находясь всегда въ сторонѣ отъ спокойныхъ людей, исполняющихъ положенія гражданскаго закона. Гатцукъ съ радостью напечаталъ это извѣстіе, чтобы «открыть обществу глаза» и не допустить его до глупости носиться съ человѣкомъ, который вовсе не то, за кого онъ себя выдаетъ и кѣмъ онъ *быть не можетъ*, такъ какъ никакихъ «вольныхъ казаковъ» въ Россіи нѣтъ. Но несмотря на точность свѣдѣній Гатцука, которыя ничего не стоило провѣрить въ каждую минуту, и не стѣсняясь тѣмъ, что «вольныхъ казаковъ» въ самомъ дѣлѣ нигдѣ нѣтъ, очевидная ложь, выдуманная какимъ-то выжигою, при поддержкѣ Каткова, стала за истину и заставила людей довольно почтенныхъ играть передъ цѣлымъ свѣтомъ унизительныя и жалкія роли.

Говорили: «—Да!.. чортъ возьми!.. Оно кажется... что-то того... Что-то не чисто пахнетъ, но вѣдь если подумать... Если вспомнить, кто былъ Ермакъ... такъ и надо потерпѣть...

«—Ну да,—возражали имъ,—но вѣдь Ермакъ «поклонился Сибирью», а этотъ чѣмъ же будетъ кланяться?»

«— А вотъ у него ужъ что-то есть!..»

И вдругъ называли Египетъ и Индію.

И что же! «Все повинулось суетѣ», «мудрые объюродѣша» и «за ослушаніе истины вѣрили лжи» (2 Ѳс. II, 11—12).

И не прошла еще вся эта болтовня, какъ явился персонально самъ Ашиновъ и сразу пошелъ изъ двора во дворъ, съ рукъ на руки, находя вездѣ «преданность и уваженіе и уваженіе и преданность». А про Гатцука Катковъ напечаталъ, что «въ Москвѣ были большіе жары, и съ Ал. Ал. Гатцукомъ что-то сдѣлалось». Этого было довольно, да, пожалуй, можно было обойтись и безъ этого... А Ашиновъ въ это время уже ходилъ по Петербургу и «разбирался» тутъ съ привезенными имъ заморскими птицами, чернома-

зымъ мальчикомъ и неизвѣстною дѣвицею, въ званіи «принцессы» и дочери дружественнаго царя Менелика, которая по пути уже изрядно подучилась по-русски... Ее привѣчали дамы, а Ашиновъ самъ былъ вездѣ нарасхватъ: его всѣ желали видѣть и нѣкоторые редакторы сами за нимъ слѣдовали, а ихъ газеты провозвѣщали о вечерахъ и собраніяхъ, которые Ашиновъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ. Коренастый, вихрястый, рыжій, съ бѣгающими глазами, онъ ходилъ въ казачьемъ уборѣ и появлялся въ собраніяхъ въ сопровожденіи такихъ извѣстныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, Аристовъ, редакторъ Комаровъ, священникъ Наумовичъ, г. Ределя и одинъ, а иногда даже два поэта, изъ которыхъ одинъ, старикъ Розенгеймъ, обкуривалъ его мариландскою папироской, а другой нарочито искательный мелодикъ втягивалъ въ себя даже собственныя черевы *). Гдѣ сопровождаемый свитою, гдѣ одинъ, Ашиновъ показывался у людей съ большимъ вѣсомъ, и день-ото-дня все смѣлѣе претендовалъ на предоставленіе ему еще большей представительности. И какъ это ему нужно было очень скоро, то онъ торопилъ своихъ покровителей, попугивая ихъ, что промедленіе опасно, такъ какъ оно можетъ вывесть изъ терпѣнія его товарищей, которымъ уже принадоѣло сидѣть въ камышахъ и они могутъ кликнуть «айда», и тогда всѣ наши выгоды предоставятъ «англичанкѣ». Такой несчастный оборотъ могъ случиться ежеминутно (и зачѣмъ онъ не случился!), а Ашиновъ становился нетерпѣливъ и очень дерзокъ. Какъ человѣкъ совсѣмъ невоспитанный и наглый, онъ не стѣснялся бранить кого попало, а иногда смѣло врывался въ дома нѣкоторыхъ сановниковъ, хваталъ ихъ за руки и

*) Въ разсказахъ Ашинова было не мало темъ для поэзіи въ оссіановскомъ родѣ: такъ, я помню, какъ онъ однажды разсказывалъ объ англичанинѣ, который имъ будто привезъ «деньги отъ англичанки» и требовалъ, чтобы они ѣхали *съ нимъ*, а они «деньги приняли», а поѣхали *въ свою сторону*, а англичанина повезли *за собою* и на остановкахъ его «драли», пока онъ «не стерпѣлъ болѣе» и они его «тамъ и закопали».

даже кричалъ угрозы. Генералъ Грессеръ не могъ слышать имени этого претендента, но терпѣлъ его, считая его за своего рода «табу», котораго нельзя призвать къ порядку. А тотъ пользовался этимъ съ безуміемъ настоящаго дикаря и довелъ свою азартность до того, что началъ метаться на своихъ, какъ на чужихъ, и даже на мертвыхъ. Въ семъ послѣднемъ родѣ, напримѣръ, извѣстенъ былъ такой случай, что когда въ одномъ домѣ были вмѣстѣ Ашиновъ и Розенгеймъ, и судьбѣ было угодно, чтобы генералъ Розенгеймъ тутъ же внезапно умеръ, то онъ упалъ со стула прямо къ ногамъ Ашинова, а этотъ вспрыгнулъ съ своего мѣста и, щелкнувъ покойнаго рукой, вскричалъ:

— «Эхъ, ты! Нашелъ гдѣ умирать, дурашка!..»

И Петербургъ все это слушалъ и смотрѣлъ и... даже ужъ не удивлялся...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

То, что здѣсь изложено,—это не только «фактъ», какъ любятъ заключать свои сообщенія газетные репортеры, но это «даже настоящее событіе», какъ говоритъ одинъ изъ значительныхъ петербургскихъ ораторовъ. Ашиновъ достигъ самаго полнаго преобладанія надъ всѣми «исполнителями положеній закона гражданскаго» потому, что его вывелъ въ свѣтъ редакторъ, не уважавшій «гражданскихъ постановленій». Такой соучастникъ такъ важенъ, что Ашиновъ началъ свою карьеру съ того, о чемъ Мошкинъ (XVII в.) не смѣлъ бы и думать, а Баранщиковъ (въ XVIII в.) дошелъ только въ концѣ своихъ подвиговъ, и то въ слабой степени. Ашиновъ прямо сразу пошелъ на разореніе «положеній закона гражданскаго», потому что онъ былъ хорошо освѣдомленъ о томъ, кто въ періодической печати столь ненавидитъ законность, что не погнушается идти противъ нея заодно съ кѣмъ попало... И когда эти два дѣятеля соединили свои имена и свою ярость—вышло то, что унизительный инцидентъ Ашинова никакими клещами не можетъ быть отодранъ отъ исторической фигуры Каткова...

Если соотвѣтственные элементы будутъ въ наличности и въ XX вѣкѣ, то возможно, что явленіе повторится, и тотъ вѣкъ тоже выставитъ своего продолжателя Мошкину, Баранщикову и Ашинову, но вдохновенный таковскимъ духомъ молодецъ въ двадцатомъ вѣкѣ долженъ имѣть бо̀льшій успѣхъ, а именно—онъ долженъ начать съ того, чѣмъ кончилъ Ашиновъ, когда сталъ въ гордой позѣ надъ тѣломъ послѣдняго славянофильскаго поэта, лежавшаго у его ногъ въ генеральской унпформѣ.

Печать же должна показать, насколько «скасочники» стоятъ ниже людей, «исполняющихъ положенія гражданскаго порядка», такъ какъ только святой трудъ этихъ людей даетъ средства на всѣ дѣйствительныя нужды страны, а также и на удовлетвореніе многихъ ненужностей.

НЕКРЕЩЕНЫЙ ПОПЪ.

НЕВѢРОЯТНОЕ СОБЫТІЕ.

(Легендарный случай).

Разсказъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ своемъ пріятельскомъ кружкѣ мы остановились надъ слѣдующимъ газетнымъ извѣстіемъ:

«Въ одномъ селѣ священникъ выдавалъ замужъ дочь. Разумѣется, пиръ былъ на славу, всѣ подпили порядкомъ и веселились по-сельскому, по-домашнему. Между прочимъ, мѣстный діаконъ оказался любителемъ хореграфическаго искусства и, празднуя веселье, «веселыми ногами», въ одушевленіи, отхваталъ передъ гостями *трепака*, чѣмъ всѣхъ привелъ въ немалый восторгъ. На бѣду на томъ же пиру былъ благочинный, которому такое дѣяніе діакона показалось весьма оскорбительнымъ, заслуживающимъ высшей мѣры взысканія, и въ ревности своей благочинный настрочилъ доносъ архіерею о томъ, какъ діаконъ на свадьбѣ у священника «ударилъ трепака». Архіепископъ Игнатій, получивъ доносъ, написалъ такую резолюцію:

«Діаконъ N *„ударилъ трепака“*...
Но *трепакъ* не проситъ;
Зачѣмъ же благочинный доноситъ?
Вызвать благочиннаго въ консисторію и допросить».

«Дѣло окончилось тѣмъ, что доноситель, проѣхавъ полтораста верстъ и немало израсходовавъ денегъ на поѣздку, возвратился домой съ внушеніемъ, что благочинному слѣдовало бы на мѣстѣ, словесно, сдѣлать внушеніе діакону, а не заводить кляузъ изъ-за *одного* — и притомъ исключительнаго случая».

Когда это было прочитано, всѣ единогласно поспѣшили выразить полное сочувствіе оригинальной резолюціи пр. Игнатія, но одинъ изъ насъ, большой знатокъ клироваго быта, имѣющій всегда въ своей памяти богатый запасъ анекдотовъ изъ этой своеобычной среды, вставилъ:

— Хорошо-то это, господа, пускай и хорошо: благочинному дѣйствительно не слѣдовало «заводить кляузъ изъ-за *одного*, и притомъ исключительнаго случая»; но случай случаю рознь, и то, что мы сейчасъ прочитали, приводитъ мнѣ на память другой случай, донося о которомъ благочинный поставилъ своего архіерея въ гораздо бо̀льшее затрудненіе, но однако и тамъ дѣло сошло съ рукъ.

Мы, разумѣется, попросили своего собесѣдника разсказать намъ его затруднительный случай, и услыхали отъ него слѣдующее.

Дѣло, о которомъ по вашей просьбѣ надо вамъ разсказывать, началось въ первые годы царствованія императора Николая Павловича, а разыгралось уже при концѣ его царствованія, въ самые суматошные дни нашихъ крымскихъ неудачъ. За тогдашними, большой важности событіями, которыя такъ естественно овладѣли всеобщимъ вниманіемъ въ Россіи, казусное дѣло о «некрещеномъ попѣ» свертѣлось подъ шумокъ и хранится теперь только въ памяти остающихся до сихъ поръ въ живыхъ лицъ этой замысловатой исторіи, получившей уже характеръ занимательной легенды новѣйшаго происхожденія.

Такъ какъ дѣло это въ своемъ мѣстѣ весьма многимъ извѣстно, и главное лицо, въ немъ участвующее, до сихъ поръ благополучно здравствуетъ, то вы должны меня извинить, что я не буду указывать мѣсто дѣйствія съ большою

точностію и стану избѣгать называть лица ихъ настоящими именами. Скажу вамъ только, что это было на югѣ Россіи, среди малороссійскаго населенія, и касается некрещенаго попа, отца Саввы, весьма хорошаго, благочестиваго человѣка, который и до сихъ поръ благополучно здравствуетъ и священствуетъ и весьма любимъ и начальствомъ, и своимъ мирнымъ сельскимъ приходомъ.

Кромѣ собственнаго имени отца Саввы, которому я не вижу нужды давать псевдонимъ, всѣ другія имена лицъ и мѣстъ я буду ставить иныя, а не дѣйствительныя.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

И такъ, въ одномъ малороссійскомъ казачьемъ селѣ, которое мы, пожалуй, назовемъ хоть Парипсами, жилъ богатый казакъ Петро Захаровичъ, по прозвищу Дукачъ. Человѣкъ онъ былъ уже въ лѣтахъ, очень богатый, бездѣтный и грозный-прегрозный. Не былъ онъ *міроѣдомъ*, въ великорусскомъ смыслѣ этого слова, потому что въ малороссійскихъ селахъ міроѣдство на великорусскій ладъ неизвѣстно, а былъ, что называется, *дукачъ* — человѣкъ тяжелый, сварливый и дерзкій. Всѣ его боялись и при встрѣчѣ съ нимъ открещивались, поспѣшно переходили на другую сторону, чтобы Дукачъ не обругалъ, а при случаѣ, если его сила возьметъ, даже и не побилъ. Родовое его имя, какъ это нерѣдко въ селахъ бываетъ, всѣми, самымъ капитальнымъ образомъ, было позабыто и замѣнено уличною кличкою или прозвищемъ — «Дукачъ», что выражало его непріятныя житейскія свойства. Эта обидная кличка, конечно, не содѣйствовала смягченію нрава Петра Захарыча, а напротивъ, еще болѣе его раздражала и доводила до такого состоянія, въ которомъ онъ, будучи отъ природы весьма умнымъ человѣкомъ, терялъ самообладаніе и весь разсудокъ и метался на людей какъ бѣсноватый.

Стоило завидѣвшимъ его гдѣ-нибудь играющимъ дѣтямъ въ перепугѣ броситься врозсыпь, съ крикомъ: «ой, лы-

шенько, старый Дукачъ иде», какъ уже этотъ перепугъ оказывался не напраснымъ: старый Дукачъ бросался въ погоню за разбѣгающимися ребятишками со своею длинною палкою, какую приличествуетъ имѣть въ рукахъ настоящему степенному малороссійскому казаку, или съ случайно сорванною съ дерева хворостиною. Дукача, впрочемъ, боялись и не одни дѣти: его, какъ я сказалъ, старались подальше обходить и взрослые, — «абы до чего не прычепывся». Такой это былъ человѣкъ. Дукача никто не любилъ и никто ему не сулилъ ни въ глаза, ни за глаза никакихъ благожеланій, напротивъ, всѣ думали, что Небо только по непонятному упущенію коснитъ давно разразить сварливаго казака вдребезги такъ, чтобы и потроха его не осталось, и всякій, кто какъ могъ, охотно бы постарался поправить это упущеніе Промысла, если бы Дукачу, какъ на зло, отвсюду незримо «не перло счастье». Во всемъ ему была удача, — все точно само шло въ его желѣзныя руки: огромныя стада его овецъ плодились какъ стада Лавановы при досмотрѣ Іакова. Для нихъ уже вблизи и степей не доставало; половые, круторогіе волы Дукача сильны, рослы и тоже чуть не сотнями паръ ходили въ новыхъ возахъ то въ Москву, то въ Крымъ, то въ Нѣжинъ; а пчелиная пасѣка въ своемъ липнякѣ, въ теплой запуши была такая, что колодки надо было считать сотнями. Словомъ, богатство по казачьему званію—несмѣтное. И за что все это Богъ далъ Дукачу? Люди только удивлялись и успокоивали себя тѣмъ, что все это не къ добру, что Богъ, навѣрное, этакъ «манитъ» Дукача, чтобы онъ больше возвеличался, а потомъ его и «стукнетъ», да ужъ такъ стукнетъ, что на всю околицу слышно будетъ.

Ждали добрые люди этой расправы надъ лихимъ казакомъ съ нетерпѣніемъ, но годы шли за годами, а Богъ Дукача не стукалъ. Казакъ все богатѣлъ и кичился, и ни откуда ничто ему достойное его лютовства не угрожало. Общественная совѣсть была сильно смущена этимъ. Тѣмъ болѣе, что о Дукачѣ нельзя было сказать, что ему отпла-

тится на дѣтяхъ: дѣтей у него не было. Но вотъ вдругъ старая Дукачиха стала чего-то избѣгать людей, — она конфузилась или, по-мѣстному, «соромылась»,—не выходила на улицу, и вслѣдъ затѣмъ по околицѣ разнеслась новость, что Дукачиха «непорожня».

Умы встрепенулись и языки заговорили: давно утомленная ожиданіемъ общественная совѣсть ждала себѣ близкаго удовлетворенія.

— Що-то буде за дитына! що-то буде за дитына антихристова? И чи воно родыться, чи такъ и пропаде въ жывоти, щобъ ему не бачыть билаго свиту!

Ждали этого всѣ съ нетерпѣніемъ и, наконецъ, дождались: въ одну морозную декабрьскую ночь, въ просторной хатѣ Дукача, въ священныхъ мукахъ родового страданія, явился ребенокъ.

Новый жилецъ этого міра былъ мальчикъ и, притомъ, безъ всякаго звѣровиднаго уродства, какъ хотѣлось всѣмъ добрымъ людямъ; а напротивъ, необыкновенно чистенькій и красивый, съ черною головкою и большими голубыми глазками.

Бабку Керасиху, которая первая вынесла эту новость на улицу и клялась, что у ребенка нѣтъ ни рожковъ, ни хвостика, оплевали и хотѣли побить, а дитя все-таки осталось хорошенькое-прехорошенькое и къ тому же еще удивительно смирное: дышало себѣ потихонечку, а кричать точно стыдилось.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Когда Богъ даровалъ этого мальчика, Дукачъ, какъ выше сказано, былъ уже близокъ къ своему закату. Лѣтъ ему въ ту пору было, можетъ-быть, болѣе пятидесяти. Извѣстно, что пожилые отцы горячо принимаютъ такую новость, какъ рожденіе перваго ребенка, да еще сына, наслѣдника имени и богатства. И Дукачъ былъ этимъ событіемъ очень обрадованъ,—но выражалъ это, какъ позволяла ему его суровая натура. Прежде всего, онъ призвалъ къ себѣ жившаго

у него бездомнаго племянника, по имени Агапа, и объявилъ ему, чтобы онъ теперь уже не дулъ губу на дядино наслѣдство, потому что теперь уже Богъ послалъ къ его «худоби» настоящаго наслѣдника, а потомъ приказалъ этому Агапу, чтобы онъ сейчасъ же снарядился въ новый чепанъ и шапку и готовился, чуть забрезжитъ заря, идти съ посыломъ до заѣзжаго судейскаго паныча и до молодой поповны,—звать ихъ въ кумовья.

Агапу тоже уже было лѣтъ подъ сорокъ, но онъ былъ человѣкъ загнанный и смотрѣлъ съ виду цыпленкомъ съ зачичкавшеюся головенкою, на которой у него сбоку была пресмѣшная лысина, тоже дѣло руки Дукача.

Когда Агапъ въ отрочествѣ осиротѣлъ и былъ взятъ въ Дукачевъ домъ, онъ былъ живой и даже шустрый ребенокъ, и представлялъ для дяди ту выгоду, что зналъ грамотѣ. Чтобы не кормить даромъ племянника, Дукачъ съ перваго же года сталъ посылать его со своими чумаками въ Одессу. И когда Агапъ, одинъ разъ возвратясь домой, сдалъ дядѣ отчетъ и показалъ расходъ на новую шапку, Дукачъ осердился, что тотъ смѣлъ самовольно сдѣлать такую покупку, и такъ жестоко побилъ парня по шеѣ, что она у него очень долго болѣла и потомъ навсегда немножко скособочилась; а шапку Дукачъ отобралъ и повѣсилъ на гвоздь, пока ее моль съѣстъ. Кривошей-Агапъ ходилъ годъ безъ шапки и былъ у всѣхъ добрыхъ людей «посміхачемъ». Въ это время онъ много и горько плакалъ, и имѣлъ досугъ надуматься, какъ помочь своей нуждѣ. Самъ онъ уже давно отупѣлъ отъ гоненій, но люди наговорили ему, что онъ могъ бы съ своимъ дядькомъ справиться, только не такъ просто, черезъ прямоту, а черезъ «полытыку». И именно черезъ такую политику, тонкую, чтобы шапку купить, а расходъ на нее не показывать, а такъ «расписать» тѣ деньги гдѣ-нибудь понемножечку, по другимъ статьямъ. А ко всему этому, на всякій случай, идучи къ дядѣ, взять самое длинное полотенце, да въ нѣсколько разъ обмотать имъ себѣ шею, чтобы, если Дукачъ станетъ драться, то не

было бы очень больно. Агапъ взялъ себѣ на умъ эту науку, и вотъ черезъ годъ, когда дядя погналъ его опять въ Нѣжинъ, онъ ушелъ безъ шапки, а вернулся и съ отчетомъ, и съ шапкою, которой ни въ какихъ расходахъ не значилось. Дукачъ сперьоначала этого и не замѣтилъ, и даже было похвалилъ племянника, сказавъ ему: «Треба-бъ тебе побиты, да ни за що» Но тутъ бѣсъ и дернулъ Агапа показать дядьку, какъ несправедлива на свѣтѣ человѣческая правда! Онъ попробовалъ, хорошо ли у него намотано на шеѣ длинное полотенце, которое должно было служить для его политическихъ соображеній, и, найдя его въ добромъ порядкѣ, молвилъ дядѣ:

— Эге, дядьку, добре! ни за що биты! Ось така-то правда на свити!

— А яка-жъ правда?

— А ось яка правда: выбачайте дядьку. — И Агапъ, щелкнувъ по бумажкѣ, сказалъ:—нема тутъ шапки?

— Ну, нема,— отвѣчалъ Дукачъ.

— А отъ же и есть шапка, — похвалился Агапъ и насадилъ набекрень свою новую франтовскую шапку изъ рѣшетиловскихъ смушекъ.

Дукачъ посмотрѣлъ и говоритъ:

— Добра шапка. А ну дай и мени помирять.

Надѣлъ на себя шапку, подошелъ къ осколку зеркальца, вправленному въ досточку, оклеенную яркою пестрою бумажкою, тряхнулъ сѣдою головою и опять говоритъ:

— А до лиха, бачь и справди така добрая шапка, що хочь бы и мени, то було бъ добре въ иі ходыти.

— А ничего соби, добре бъ було.

— И де ты иі, вражій сынъ, укравъ?

— Що вы, дядьку, на що я буду красты! — отвѣчалъ Агапъ:—нехай отъ сего Богъ бороныть, я зроду не кравъ.

— А де жъ ты иі ухопывъ?

Но Агапъ отвѣтилъ, что онъ совсѣмъ шапки не хапалъ, а такъ себѣ, просто ее досталъ черезъ полытыку.

Дукачу это показалось такъ смѣшно и невѣроятно, что онъ разсмѣялся и сказалъ:

— Да ну годи вже тебѣ дурню: де таки тоби робыть полытыку?

— А отъ же и сробывъ.

— Ну мовчи.

— Ей-Богу удѣлалъ.

Дукачъ только молча погрозилъ ему пальцемъ; но тотъ стоитъ на своемъ, что онъ «полытыку удѣлалъ».

— И де въ чорта, та пыха у тебя взялась въ голови,—заговорилъ Дукачъ:—де же сему дилу буть, щобы ты, такій сельскій квакъ, да въ Нѣжинѣ могъ полытыку дѣлать?

Но Агапъ стоялъ на своемъ, что онъ дѣйствительно удѣлалъ полытыку.

Дукачъ велѣлъ Агапу сѣсть и все какъ есть про сдѣланную имъ политику разсказывать, а самъ налилъ себѣ въ плошку сливяной наливки, запалилъ люльку и приготовился долго слушать. Но долго слушать было нечего. Агапъ повторилъ дядѣ весь свой отчетъ и говоритъ:

— Нэма тутъ шапки?

— Ну, нэма, — отвѣчалъ Дукачъ.

— А вотъ же тутъ и есть шапка!

И онъ открылъ, что̀ именно, сколько копѣекъ и къ какой расходной статьѣ имъ присчитано, и говорилъ онъ все это весело, съ открытою душою и съ полною надеждою на туго намотанное на шеѣ полотенце; но тутъ-то и случилась самая непредвидѣнная неожиданность: Дукачъ, вмѣсто того, чтобы побить племянника по шеѣ, сказалъ:

— Ишь ты и справди якый полытыкъ: укравъ, да и шию закрутывъ, щобъ не больно було. Ну, такъ я же тоби дамъ другую полытыку, — и съ этимъ онъ дернулъ клокъ волосъ, замершій у него въ рукѣ.

Такъ кончилась эта политическая игра дяди съ племянникомъ и, сдѣлавшись извѣстной на селѣ, укрѣпила за Дукачемъ еще болѣе твердую репутацію, что этотъ чело-

вѣкъ «якъ каминь» — ничѣмъ его не возьмешь: ни прямотою, ни политикою.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дукачъ всегда жилъ одиноко: онъ ни къ кому не ходилъ, да и съ нимъ никто не хотѣлъ близко знаться. Но Дукачъ объ этомъ, повидимому, нимало и не скорбѣлъ. Можетъ-быть, ему это даже нравилось. По крайней мѣрѣ, онъ не безъ удовольствія говаривалъ, что въ жизнь свою никому не кланялся и не поклонится,— и случая такого не чаялъ, который могъ бы заставить его поклониться. Да и въ самомъ дѣлѣ и изъ-за чего онъ сталъ бы кого-нибудь заискивать? Воловъ и всякой худобы много; а если этимъ Богъ накажетъ, — волы попадаютъ или что пожаромъ сгоритъ, такъ у него вволю и земли, и луговъ, — все въ порядкѣ, все опять снова уродится, и онъ снова разбогатѣетъ. А хоть бы и не такъ, то онъ хорошо зналъ въ дальнемъ лѣсу одинъ примѣтный дубъ, подъ которымъ закопанъ добрый казанокъ съ старыми рублевиками. Стоитъ его достать оттуда, такъ и безъ всякихъ хлопотъ можно цѣлый вѣкъ жить, и то не прожить. Что же значили ему люди? Дѣтей что ли ему съ ними крестить,—но у него дѣтей не было. Или для того, чтобы утѣшить свою Дукачиху, которая по бабьей прихоти приставала:

— Что, молъ, насъ всѣ боятся, да намъ завидуютъ, — лучше бы сдѣлать, чтобы насъ кто-нибудь любить сталъ.

Но стоило ли это бабье нытье казачьяго вниманія.

И вотъ шли года за годами, пронося надъ головою Дукача безвредно всякія житейскія случайности и невзгоды, а случай, который могъ заставить его поклониться людямъ, все-таки его не облетѣлъ мимо: теперь люди ему понадобились, чтобы дитя крестить.

Всякому иному, не такому гордому человѣку какъ Дукачъ, это разумѣется ничего бы не составляло, но Дукачу ходить, звать, да еще упрашивать было не подъ стать.

Да еще кого звать и кого «упрашивать»? — Ужъ разумѣется не кого-нибудь, а самыхъ первыхъ людей: молодую поповну-щеголиху, которая ходила въ деревнѣ въ полтавскихъ шляпкахъ, да судового паныча, что гостилъ объ эту пору у отца дьякона. Положимъ, это компанія хорошая, но что-то страшно: ну какъ они откажутъ? Дукачъ помнилъ, что вѣдь не обращалъ вниманія онъ не только на простыхъ людей, но не уважалъ и отцу Якову, а съ дьякономъ прямо одинъ разъ на греблѣ «бился» за то, что тотъ, ѣдучи ему навстрѣчу, не хотѣлъ съ дороги въ грязь своротить. Чего добраго, и они этого не позабыли и теперь, — когда гордому казаку пришла въ нихъ нужда, — они ему это, пожалуй, и вспомнятъ. Дѣлать однако было нечего. Дукачъ поднялся на хитрость: избѣгая самолично встрѣтить отказъ, онъ послалъ звать кумовьевъ Агапа. А чтобы и тому было повадиѣе, снабдилъ его званными дарами деревенскаго припасенія, которые вынулъ изъ завѣтной скрыни: панночкѣ высокій черепаховый гребень «съ огородомъ», а панычу золоченую склянку пѣтухомъ съ нѣмецкою подписью. Но все это вышло напрасно: кумовья отказались и даровъ не приняли; да еще, по словамъ Агапа, и въ глаза ему насмѣялись: что, дескать, чего Дукачъ и заботится: развѣ дѣтей такихъ злодѣевъ, какъ онъ, можно крестить? А когда Агапъ замѣтилъ, что неужто дитя цѣлую недѣлю останется не крещено, то будто самъ попъ— отецъ Яковъ—прямо пророковалъ: что не недѣлю, а цѣлый вѣкъ ему оставаться некрещенымъ.

Услыхавъ это, Дукачъ сложилъ правою рукою дулю, сунулъ ее племяннику въ носъ и велѣлъ поднести это за пророчество отцу Якову. А чтобы Агапу веселѣе было идти, — повернулъ его другою рукою и выпроводилъ по потылицѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Агапъ, разумѣется, не считалъ этого за самый худшій исходъ, какого онъ могъ ожидать за свое неудачное посоль-

ство, и, закатясь съ дядиныхъ глазъ въ корчму, успѣлъ разсказать бывшее такъ хорошо, что черезъ полчаса объ этомъ знало все селеніе, и всѣ, отъ мала до велика, радовались тому, что отецъ Яковъ «въ книгахъ вычиталъ, якъ Дукаченку на роду писано остаться некрещенымъ». И если бы теперь старый Дукачъ забылъ всю свою важность и сталъ звать послѣдняго изъ послѣднихъ на селѣ, то онъ навѣрно бы никого не дозвался, но Дукачъ это зналъ; — онъ зналъ, что находился въ положеніи того волка, который всѣмъ чѣмъ-нибудь нагадилъ, и что ему потому некуда дѣться и не отъ кого искать защиты. Онъ пошелъ напроломъ: сунувъ къ носу Агапа дулю, адресованную отцу Якову, онъ рѣшилъ обойтись не только безъ содѣйствія всѣхъ своихъ односельчанъ, но и безъ услугъ самого отца Якова.

На зло всѣмъ, но, можетъ-быть, особенно отцу Якову, Дукачъ рѣшилъ окрестить сына въ чужомъ приходѣ, въ селѣ Перегудахъ, которое отстояло отъ Парипсъ не болѣе какъ на семь или на восемь верстъ. А чтобы не откладывать спѣшнаго дѣла въ долгій ящикъ, — окрестить сына немедленно, а именно нынче же,—чтобы завтра объ этомъ и разговоровъ не было; а напротивъ, чтобы завтра же всѣ знали, что Дукачъ настоящій казакъ, который никому въ насмѣшку не дается и можетъ безъ всѣхъ обойтись. Кумъ у него уже былъ избранъ, — самый неожиданный, — это Агапъ. Правда, что такой выборъ многихъ могъ удивить, но на то у Дукача былъ отводъ: онъ бралъ простыхъ кумовьевъ, — «встрѣчныхъ», какъ на то есть повѣрье, что такихъ Богъ посылаетъ. Агапъ и взаправду былъ первый «встрѣчникъ», на котораго богатый казакъ на перваго взглянулъ при извѣстіи о новорожденномъ; а первая «встрѣчница» была бабка Керасивна. Ее взять въ кумы было немножко неловко, потому что Керасивна имѣла несовсѣмъ стройную репутацію: она была самая несомнѣнная вѣдьма, — столь несомнѣнная, что этого не отрицалъ даже самъ ея мужъ, очень ревнивый казакъ Керасенко, изъ ко-

тораго эта хитрая жинка весь духъ и всю его нестерпимую ревность выбила. Обратя его въ самаго битаго дурня, жила она на всей своей вольной волѣ,—немножко шинкуя, немножко промышляя то повитушествомъ, то продажею паляницъ, то, наконецъ, просто «срывая цвѣты удовольствій».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вѣдьмовство ея знали и старъ и малъ, — потому что случай, обнаружившій это, былъ самый гласный и скандальный. Керасивна еще въ дивчинахъ была безстрашная самовольница, — жила въ городахъ и имѣла какую-то мудренаго вида скляницу съ рогатымъ чортомъ, которую ей подарилъ рогачевскій дворянинъ съ Покоти, отливавшій такія чертовщины въ сосѣдней гутѣ. И Керасивна пила себѣ на здоровье изъ этой скляницы и была здорова. И, наконецъ, мало всего этого, — она показала самую невозможную отвагу, добровольно согласясь выйти замужъ за Керасенка. Этого никто не могъ сдѣлать кромѣ женщины, которая ничего не боится, потому что Керасенко, завѣдомо, уже уморилъ своею ревностью двухъ женъ, и когда нигдѣ въ окрестности не могъ найти себѣ третьей, то тогда эта окаянная Христя сама ему набилась и вышла за него, только такое условіе сдѣлала, что онъ ей всегда будетъ вѣрить. Керасенко на это согласился, а самъ думалъ:

«Дура баба: такъ я тебѣ и стану вѣрить!—дай женюсь,—я тебя и на шагъ отъ себя не отпущу».

Всякая бы на мѣстѣ Христи это предвидѣла, но эта шустрая дивчина словно оглупѣла: и не только ничего не побоялась и вышла за ревниваго вдовца, да еще взяла и совсѣмъ его передѣлала, такъ что онъ вовсе пересталъ ее ревновать и далъ ей жить на всей ея вольной волѣ. Вотъ это-то и было устроено самымъ коварнымъ вѣдьмовствомъ и при несомнѣнномъ участіи чорта, котораго сосѣдка Керасивны, Пиднебесная, сама видѣла въ образѣ человѣческомъ.

Это было вскорѣ же послѣ того, какъ Керасенко женился на бойкой Христѣ, и хоть тому теперь прошелъ уже добрый десятокъ лѣтъ, однако бѣдный казакъ, конечно, и о сю пору хорошо помнилъ этотъ чертовскій случай. Было это зимою, подъ вечеръ на праздникахъ, когда никакому казаку, хоть бы и самому ревнивому, не вмочь усидѣть дома. А Керасенко и самъ «нудилъ свитомъ» и жену никуда не пускалъ, и произошла у нихъ изъ-за этого баталія, при которой Керасивна сказала мужу:

— Ну, якъ ты выйшовъ на своемъ словѣ невірный, то я же тебѣ зроблю лихо.

— Якъ лихо! якъ ты мени лихо зробишь?—заговорилъ Керасенко.

— А зроблю да и усе тутъ буде.

— А якъ я тебе зъ очей не выпущу?

— А я на тебе мару напущу.

— Якъ мару?—хиба ты видьма?

— А отъ побачишь чи я видьма, чи я ни видьма.

— Добре.

— Отъ побачишь, дивись на мене, держись за мене, а я свое зроблю.

И еще срокъ назначила:

— Три дня,—говоритъ, не пройдетъ,—какъ сдѣлаю.

Казакъ сидитъ день, сидитъ два, просидѣлъ и третій до самаго до вечера и думаетъ: «срокъ кончился, а щобъ мене сто чортіевъ сразу взяли, якъ дома скучно... а Пиднебеснихинъ шинокъ якъ разъ противъ моей хаты, изъ оконъ въ окна:—мині звідтиль все видно будетъ, якъ кто-нибудь пойдетъ ко мнѣ въ хату. А я тѣмъ часомъ тамъ выпью двѣ-три або четыре чвертки... послухаю, що люди гомонятъ, що въ городу чуть... и потанцюю,—позабавлюся».

И онъ пошелъ,—пошелъ и сѣлъ, какъ думалъ, у окна, такъ что ему видно всю свою хату, видно, какъ огонь горитъ; видно, какъ жинка тамъ и сямъ мотается. Чудесно! И Керасенко сѣлъ себѣ, да попиваетъ, а самъ все на свою хату посматриваетъ; но откуда ни возьмись сама вдова

Поднебесная замѣтила эту его продѣлку, да и ну надъ нимъ подтрунивать: эхъ, молъ, такой-сякой, ты глупый казакъ,—чего ты смотришь,—въ жизнь того не усмотришь.

— Ну добре,—ще побачимъ!

— Нічого и бачить,—де за нами жинками больше смотрять, тамъ намъ жинкамъ самъ бисъ помогае.

— Говори-ка, говори себѣ,—отвѣчалъ казакъ,—а якъ я самъ на жинку дивитимусь, то коло ии и чортъ ничего не зробыть.

Тутъ всѣ и закпвали головами.

— Ахъ, нехорошо такъ, Керасенко, ахъ нехорошо!—или ты некрещеный человѣкъ, или ты до того осатанѣлъ, что и въ самого бѣса не вѣруешь.

И всѣ этимъ такъ возмутились, что даже кто-то изъ толпы крикнулъ:

— Да що еще на него смотрѣть: дать ему такого прочухана, щобъ вінъ тричі перевернувся и на добру виру ставъ.

И его дѣйствительно чуть не побили, къ чему, какъ онъ замѣтилъ, особенное стремленіе имѣлъ какой-то чужой человѣкъ, о которомъ Керасенку вдругъ ни съ того, ни съ сего вздумалось, что это не кто иной, какъ тотъ самый рогачевскій дворянинъ, который подарилъ его женѣ склянку съ чортомъ и изъ-за котораго у нихъ съ женою передъ самою свадьбою было объясненіе, окончившееся условіемъ, чтобы объ этомъ человѣкѣ больше уже не разговаривать.

Условіе было заключено страшной клятвой, что если Керасенко хоть разъ вспомнитъ про дворянина, то будетъ онъ тогда за это у чорта въ зубахъ. И Керасенко это условіе помнилъ. Но только теперь онъ былъ пьянъ и не могъ снесть своего замѣшательства: зачѣмъ тутъ явился рогачевскій дворянинъ? И онъ поспѣшилъ домой, но дома не засталъ жены, и это ему показалось еще несообразнѣе.

«Не вспоминать-то,—думалъ онъ,—это точно мы условились о немъ не вспоминать, а на что же онъ тутъ вертится,—и зачѣмъ моей жены дома нѣтъ»?

И когда Керасенко находился въ такихъ размышленіяхъ, ему вдругъ показалось, что у него въ сѣняхъ за дверью кто-то поцѣловался. Онъ встрепенулся и сталъ прислушиваться... слышитъ, еще поцѣлуй и еще, и шопотъ, и опять поцѣлуй. И все какъ разъ у самой двери...

— Э, до ста чертей,—сказалъ себѣ Керасенко,—или это я съ отвычки горилки такъ славно наугощался у Пиднебеснихи, что мнѣ чортъ знаетъ что показывается;—или это моя жинка пронюхала, что я про рогачевскаго шляхтича съ нею хочу спорить и вже успѣла на меня мару напустить? Люди мнѣ уже не разъ прежде говорили, что она у меня вѣдьма, да только я этого доглядѣться не успѣлъ, а теперь... ишь опять цѣлуются, о... о... о... вотъ опять и опять... А, стой же я тебя подкараулю!

Казакъ спустился съ лавки, подползъ тихо къ двери и, припавъ ухомъ къ пазу, сталъ слушать: цѣлуются, несомнѣнно, цѣлуются,—такъ губами и чмокаютъ... А вотъ и разговоръ, и это живой голосъ его жены; онъ слышитъ, какъ она говоритъ:

— Що тоби мой мужъ, такій-сякій поганецъ: я его прожену, а тебе въ хату пущу.

«Ого!—подумалъ Керасенко,—это она еще меня хвалится выгнать, а въ мою хату кого-то впустить хочетъ... Ну ужъ этого не будетъ».

И онъ поднялся, чтобы сильнымъ толчкомъ распахнуть дверь, но дверь сама растворилась и на порогѣ предстала Керасивна,—такая хорошая, спокойная, только немножко будто красная, и сразу же принялась ссориться, какъ пристойно настоящей малороссійской жинкѣ. Назвала она его чортовымъ сыномъ, и пьянщей, и собакой, и многими другими именами, а въ заключеніе напомнила ему объ ихъ условіи, чтобы Керасенко и думать не смѣлъ ее ревновать. А въ доказательство своего къ ней довѣрія сейчасъ же пустилъ бы ее на вечерницы. Иначе она ему такую штуку устроитъ, что онъ будетъ вѣкъ помнить. Но Керасенко былъ малый не промахъ, пустить на вечерницы сейчасъ

послѣ того, какъ онъ своими глазами видѣлъ у Пиднебесныхи рогачевскаго дворянина и сейчасъ слышалъ, какъ его жена съ кѣмъ-то цѣловалась и сговаривалась кого-то пустить въ хату... Это ему, разумѣется, представилось уже слишкомъ очевидною глупостью.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—ты поищи такого дурня въ другомъ мѣстѣ. а я хочу лучше тебя дома припереть да спать лечь. Такъ оно надежнѣе будетъ: тогда я и твоей мары не испугаюсь.

Красивна, услыхавъ эти слова, даже поблѣднѣла; мужъ съ нею первый разъ заговорилъ въ такомъ тонѣ и она понимала, что это насталъ въ ея супружеской политикѣ самый рѣшительный моментъ, который, во что бы то ни стало, надо выиграть: или все, что она вела до сихъ поръ съ такою ловкостью и настойчивостью,—пропало безслѣдно и, пожалуй, еще обратится на ея же голову.

И она вспрянула,—вспрянула во весь свой ростъ, ткнула казаку въ носъ самую оскорбительную дулю и хотѣла, не долго думая, махнуть за дверь, но тотъ отгадалъ ея намѣреніе и предупредилъ его, замкнувъ дверь на цѣпочку, и, опустивъ ключъ въ безконечный карманъ своихъ широчайшихъ шароваръ, съ возмутительнымъ спокойствіемъ сказалъ:

— Вотъ тебѣ и вся твоя дорога, отъ печи да до порога.

Положеніе Красивны обозначилось еще рѣшительнѣе: она приняла вызовъ мужа и впала въ такое неописанное и страшное экстатическое состояніе, что Керасенко даже испугался. Христя долго стояла на одномъ мѣстѣ, вся вздрагивая и вытягиваясь какъ змѣя, при чемъ руки ея корчились, кулаки были крѣпко сжаты, а въ горлѣ что-то щелкало и по лицу ходили то бѣлыя, то багровыя пятна. межъ тѣмъ какъ устремленные въ упоръ на мужа глаза становились острѣе ножей и вдругъ заиграли совсѣмъ краснымъ пламенемъ.

Это показалось казаку такъ страшно, что онъ, не желая видѣть жены въ этомъ бѣшенствѣ, крикнулъ:

— Цуръ тоби, проклятая видьма!—и, дунувъ на огонь, сразу погасилъ свѣтло.

Керасивна только топнула впотьмахъ и прошипѣла:

— Такъ будешь же ты знать мене видьму!—И потомъ вдругъ какъ кошка прыгнула къ печкѣ и звонко-презвонко крикнула въ трубу:

— У-г-у-у! души его свинью!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Казакъ, правда, еще больше струсилъ отъ этого новаго непстовства, но чтобы не упустить жену, которая очевидно была вѣдьма и имѣла прямое намѣреніе летѣть въ трубу, онъ изловилъ ее и, сильно обхвативъ ее руками, бросилъ на кровать къ стѣнкѣ и тотчасъ же самъ прилегъ съ краю.

Керасивна, къ удивленію мужа, нимало не сопротивлялась,—напротивъ, она была тиха какъ смирный ребенокъ и даже не бранилась. Керасенко былъ этому очень радъ и, зажавъ одною рукою спрятанный въ карманъ ключъ, а другою взявъ жену за рукавъ рубахи, заснулъ глубокимъ сномъ.

Но недолго длилось это его блаженное состояніе: только что онъ отхваталъ половину перваго сна, въ которомъ переполненный винныхъ паровъ мозгъ его размякъ и утратилъ ясность представленій, какъ вдругъ онъ получилъ толчокъ въ ребра.

«Что такое?» подумалъ казакъ, и, почувствовавъ еще новые толчки, пробормоталъ:—Чего ты жинка толкаешься?

— А то якъ же не толкаться: слухай-ко, что на дворѣ робиться?

— Что тамъ робиться?

— А вотъ ты слухай!

Керасенко поднялъ голову и слышитъ, что у него на дворѣ что-то страшно визгнуло.

— Эге,—сказалъ онъ,—а вѣдь это пожалуй кто-то нашу свинью волокетъ.

— А разумѣется, такъ. Пусти меня скорѣе, я пойду посмотрю: хорошо ли она заперта?

— Тебя пустить?.. Гм... гм...

— Ну дай же ключъ, а то украдутъ свинью и будемъ мы сидѣть всѣ святки и безъ ковбасъ, и безъ сала. Всѣ добрые люди будутъ ковбасы ѣсть, а мы будемъ только посматривать... Ого-го-го... слушай, слушай: чуешь, якъ ее волокутъ... Ажъ мнѣ его жаль, какъ оно бѣдное порося завизжало!.. Ну пусти меня скорѣе: я пойду ее отниму.

— Ну да, такъ я тебя и пущу! Гдѣ это видано, чтобы баба на такое дѣло ходила—свинью отнимать?—отвѣчалъ козакъ,—лучше я встану и самъ пойду отниму.

А на самомъ дѣлѣ ему лѣнь было вставать и страхъ не хотѣлось идти на морозъ изъ теплой хаты; но только и свинью ему было жалко, и вотъ онъ всталъ, накинулъ свиту и вышелъ за двери. Но тутъ и произошло то неразгаданное событіе, которое несомнѣннѣйшими доказательствами укрѣпило за Керасивною такую вѣдьмовскую славу, что съ сей поры всякъ боялся Керасивну у себя въ домѣ видѣть, а не только въ кумы ее звать, какъ это сдѣлалъ надменный Дукачъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Не успѣлъ осторожно шагавшій казакъ Керасенко отворить хлѣвъ, гдѣ горестно завывала недовольная причиняемымъ ей безпокойствомъ свинья, какъ на него изъ непроглядной темноты упало что-то широкое да мягкое, точно возовая дерюга, и въ ту же минуту казака что-то стукнуло въ загорбокъ, такъ что онъ упалъ на землю и насилу выпростался. Удостовѣрившись, что свинья цѣла и лежитъ на своемъ мѣстѣ, Керасенко приперъ ее покрѣпче и пошелъ къ хатѣ досыпать ночь.

Но не тутъ-то было: не только самая хата, но и сѣни его оказались заперты. Онъ туда, онъ сюда,—все заперто. Что за лихо? Стучалъ онъ, стучалъ-звалъ, звалъ жинку:

— Жинка! Христя!—отопри скорѣе.

Керасивна не откликалась.

— Тпфу ты, лихая баба: чего это она вздумала запереться и такъ скоро заснула! Христя! ей! жинка! Отчини!

Ничего не было: словно все замерло; даже и свинья спитъ, и та не хрюкаетъ.

«Вотъ такъ штука! — подумалъ Керасенко, — ишь какъ заснула! Ну да я вылѣзу черезъ тынъ на улицу, да подойду къ окну: она близко у окна спитъ и сейчасъ меня услышитъ».

Онъ такъ и сдѣлалъ: подошелъ къ окну, и ну стучать, но только что же онъ слышитъ?—жена его говоритъ:

— Спи, человиче, спи: не зважай на то, що стучитъ:— се чертяка у насъ ходытъ!

Казакъ сталъ сильнѣе стучать и покрикивать:

— Сейчасъ отчини, или я окно разобью.

Но тутъ Христя разсердилась и отозвалась:

— Кто это смѣетъ въ такую пору къ честнымъ людямъ стучаться?

— Да это я, твой мужъ.

— Какой мой мужъ?

— Извѣстно какой твой мужъ,—Керасенко.

— Мой мужъ дома,—иди себѣ, иди, кто ты тамъ есть, не буди насъ: мы съ мужемъ вмѣстѣ обнявшись спимъ.

«Что это такое?—подумалъ Керасенко:—неужели я все сплю и во снѣ вижу, или это взаправду дѣется?»

И онъ опять застучалъ и началъ звать:

— Христя, а Христя!—да отопри на Божію милость.

И все пристаетъ, все пристаетъ съ этимъ; а та долго молчитъ,—ничего не отвѣчаетъ, и потомъ опять отзовется:

— Да провались ты совсѣмъ,—кто такой привязался;— говорю тебѣ, мой мужъ дома, со мною рядомъ обнявшись лежитъ,—вотъ онъ.

— Это тебѣ, Христя, може показывается?

— Эге! — спасиби тебѣ на томъ! Що же, хиба я така дурна, чи совсѣмъ нечувствительна, що ни въ чемъ толку не знаю? Нѣтъ мнѣ это лучше знать що показывается, а

що не показывается. Вотъ онъ, вотъ, мой чоловикъ у меня совсѣмъ близенько... вотъ я его и перекрещу: Господи Iисусе, а вотъ и поцѣлую: и обниму и опять поцѣлую... Такъ добре намъ вмѣстѣ, а ты, недобрый потаскунъ, иди себѣ самъ до своей жинки,—не мѣшай намъ спать и цѣловаться. Добра-ничь,—иди съ Богомъ.

— Фу ты, сто чортовъ твоему батькови: что это за притча!—пожимая плечами, разсуждалъ Керасенко. — Чего добраго, я, перелѣзши черезъ тынъ, не обознался ли хатою.—Только нѣтъ: это моя хата.

Онъ отошелъ на другую сторону широкой деревенской улицы и сталъ считать отъ колодца съ высокимъ журавлемъ.

— Первая, вторая, третья, пятая, седьмая, девятая... Вотъ это и есть моя девятая.

Пришелъ: опять стучитъ, опять зоветъ, и опять та же исторія: нѣтъ-нѣтъ, отзовется женскій голосъ и все разъ отъ раза съ большимъ неудовольствіемъ, и все въ одномъ и томъ же смыслѣ.

— Иди прочь: мой мужъ со мною.

А голосъ Христи,—несомнѣнно ея голосъ.

— А ну, если твой чоловикъ съ тобою,—пусть онъ заговоритъ.

— Чего ему со мною говорить, якъ мы уже все обговорили.

— Да я хочу послушать: есть ли тамъ у тебя чоловикъ?

— А вже же есть: вотъ ты слухай, якъ мы станемъ цѣловаться.

— Тифу, пропасти на нихъ нѣтъ: въ самомъ дѣлѣ цѣлуются, а меня увѣряютъ, что я—не я и куда-то совсѣмъ прочь домой посылаютъ. Но погоди же: я не совсѣмъ глупый — я пойду соберу людей и пусть люди скажутъ: мой это домъ или нѣтъ, и я или кто другой мужъ моей жинки.— Слушай, Христя: я пойду людей будить.

— Да иди, иди, — отвѣчаетъ голосъ, — только отъ насъ отчѣпись: мы вотъ двоечко нацѣловались и смирненько об-

нявшись лежимъ и хорошо намъ. А до другихъ ни до кого и дѣла нѣтъ.

Вдругъ и другой, несомнѣнно мужской, голосъ то же самое утверждаетъ:

— Мы двоечко нацѣловались и теперь смирненько обнявшись лежимъ, а ты ступай къ чорту!

Ничего больше не оставалось дѣлать: Керасенко убѣдился, что въ его званіи подъ бокъ къ Христѣ подкатился кто-то другой, и онъ пошелъ будить сосѣдей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Долго или коротко это шло, пока очумѣвшій Керасенко успѣлъ добудиться и собрать къ своему дому десятка два казаковъ и добровольно послѣдовавшихъ за мужьями любопытныхъ казачекъ, — а Керасивна оставалась въ своемъ положеніи и все увѣряла всѣхъ, что со всѣми съ ними мара, а что ея мужъ съ нею дома, лежитъ у нея на рукѣ, и въ доказательство не разъ заставляла всѣхъ слушать, какъ она его цѣлуетъ. И всѣ казаки и казачки это внимали и находили, что это никакъ не можетъ быть фальшь, потому что поцѣлуи были настоящіе и притомъ изъ-за окна, хотя не особенно внятно, а все-таки хорошо слышался мужской голосъ, который, по увѣренію Керасивны, принадлежалъ ея мужу. И всѣ слышали, какъ этотъ голосъ одинъ разъ приблизился къ самому окну и оттуда, всѣхъ ужасая, сказалъ:

— Що вы, дурни, за марою ходите? — я дома лежу со своею жинкою; а это васъ мара водитъ. Дайте ей всякій по одному доброму прочухану наотмашь,—она вразъ и разсыпится.

Казаки перекрестились, и кто изъ нихъ ближе стоялъ къ Керасенку, тотъ первый и съѣздилъ его изо всей силы по потылицѣ,—но самъ тотчасъ же далъ тягу; а его примѣру послѣдовали другіе. И Керасенко, получивъ отъ каждаго по тумаку наотмашь, въ одну минуту былъ жестоко иско-

лоченъ и безжалостно брошенъ у порога своей заколдованной хаты, гдѣ какой-то коварный демонъ такъ усердно замѣщалъ его на супружескомъ ложѣ. Онъ болѣе уже не пытался облегчить своего горя, а только, сидя на снѣжку, горько плакалъ, какъ совсѣмъ бы казаку и не пристало, и все какъ будто слышалъ, что его Керасивна цѣлуется. Но, къ счастью, всѣ мученія человѣческія имѣютъ конецъ,—и это терзаніе Керасенка кончилось, — онъ заснулъ и ему снилось, будто его жена взяла его за шиворотъ и перенесла на хорошо ему знакомую теплую постель, а когда онъ проснулся, въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ себя на своей постели, въ своей хатѣ, а передъ нимъ у припечки хлопотала, стряпая клецки съ сыромъ, его молодцоватая Керасивна. Словомъ, все какъ слѣдуетъ, — точно ничего необыкновеннаго и не случилось: ни про поросенка, ни про мару и помина не было. Керасенко же, хотя и очень желалъ объ этомъ заговорить, но не зналъ, какъ за это взяться?

Казакъ на все только рукою махнулъ и съ тѣхъ поръ жилъ съ своею Керасивною въ мирѣ и согласіи, оставляя ее на всей ея волѣ и просторѣ, которыми она и пользовалась какъ знала. Она и торговала, и ѣздила, куда хотѣла, и домашнее счастье ея отъ этого не страдало, а благосостояніе и опытность увеличивались. Но зато въ общественномъ мнѣніи Керасивна была потеряна: всѣ знали, что она вѣдьма. Хитрая казачка противъ этого никогда не спорила, такъ какъ это давало ей своего рода апломбъ: ея боялись, чествовали и, приходя къ ней за совѣтами, приносили ей либо копу яицъ, либо какой другой пригодный въ хозяйствѣ подарокъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Зналъ Керасивну и Дукачъ, и зналъ ее, разумѣется, за женщину умную, съ которою, окромя ея вѣдовства, во всякомъ причинномъ случаѣ посовѣтоваться нелишнее. И какъ

Дукачъ самъ былъ человѣкъ нелюбимый, то онъ Керасивною не очень-то и брезговалъ. Люди говорили, будто не разъ видали ихъ стоявшими вдвоемъ подъ густою вербою, которая росла заплетенная въ плетень, раздѣлявшій ихъ огороды. Иные даже думали, что тутъ было немножко и какого-то грѣха, но это, разумѣется, были сплетни. Просто Дукачъ и Керасивна, имѣвшіе въ своей репутаціи нѣчто общее, были знакомы и находили о чемъ поговорить другъ съ другомъ.

Такъ и теперь, въ томъ досадительномъ случаѣ, который послѣдовалъ по поводу неудачнаго позыва кумовьевъ, Дукачъ вспомнилъ о Керасивнѣ и, призвавъ ее на совѣтъ, разсказалъ ей причиненную ему всѣми людьми досаду.

Выслушавъ это, Керасивна мало подумала и, тряхнувъ головою, прямо отрѣзала:

— А що же, пане Дукачъ, зовить меня кумою!

— Тебя кумою звать?—повторилъ въ раздумьѣ Дукачъ.

— Да, или вы вѣрите, що я видьма?

— Гм!.. говорятъ, будто ты видьма, а я у тебя хвоста не бачивъ.

— Да и не побачите.

— Гм! тебя кумою... а що на то всѣ люди скажутъ?

— Се якіе люди?.. тѣ, що вамъ въ хату и плюнуть не хотятъ идти?

— Правда, а що моя Дукачиха заговоритъ? Вѣдь она вѣритъ, що ты видьма.

— А вы ее боитесь?

— Боюсь!.. Я не такой дурень, якъ твой мужъ: я бабъ не боюсь, и никого не боюсь: а тилько... ты вправду не видьма?

— Э, да я бачу вы, пане Дукачъ, такій же дурень! Ну такъ зовите же кого хотите.

— Гм! ну стой, стой, не сердись: будь ты взаправду кумою. Только смотри, станетъ ли съ тобою перегудинскій попъ крестить?

— А отчего не станетъ?

— Да Богъ его знаетъ: онъ якій-сь такій ученый, — все отъ писанія начинаетъ, — скажетъ: не моего прихода.

— Не бойтесь, — не скажетъ: онъ хоть ученый, а жинокъ добре слухае... Начнетъ отъ писанія, а кончитъ, якъ всѣ люди, — на томъ, що жинка укажетъ. Добре его знаю и была съ нимъ въ компаніи, гдѣ онъ ничего пить не хотѣлъ. Говоритъ: «въ писаніи сказано: «не упивайтеся виномъ, — въ немъ бо есть блудъ». А я говорю: «блудъ таки блудомъ, а вы чарочку выпейте», — онъ и выпилъ.

— Выпилъ?

— Выпилъ.

— Ну такъ се добре: только смотри, щобы винъ намъ, выпивши, не испортилъ хлопца, — не назвалъ бы его Иваномъ, або Николою.

— Ну вотъ! такъ я ему и дамъ, щобъ христіанское дитя да Николай назвать! Хиба я не знаю, что это московське имя.

— То-то и есть: Никола самый москаль.

Дѣло стояло еще за тѣмъ, что у Керасивны не было такой теплой и просторной шубы, чтобы везти дитя до Перегудъ, а день былъ очень студеный, — настоящее «варварское время», но зато у Дукачихи была чудная шуба, крытая синею нанкою. Дукачъ ее досталь и отдалъ безъ спроса жены Керасивнѣ.

— На,—говоритъ,—одѣнь и совсѣмъ ее себѣ возьми, только долго не копайся, щобы люди не говорили, що у Дукача три дня было дитя не хрещено.

Керасивна насчетъ шубы немножко поломалась, но, однако, взяла ее. Она завернула далеко вверхъ подбитые заячьимъ мѣхомъ рукава, и всѣ въ хуторѣ видѣли, какъ вѣдьма, задорно заломивъ на затылокъ пестрый очипокъ, усѣлась рядомъ съ Агапомъ въ сани, запряженныя парою крѣпкихъ Дукачевыхъ коней, и отправилась до попа Еремы въ село Перегуды, до котораго было съ небольшимъ восемь верстъ. Когда Керасивна съ Агапомъ отъѣзжали, любопыт-

ные люди видѣли, что и кумъ, и кума были достаточно трезвы. Что хотя у Агапа, который правилъ лошадьми, была видна въ колѣняхъ круглая барилочка съ наливкою, но это, очевидно, назначалось для угощенія причта. У Красивны же за пазухою просторной синей заячьей шубы лежало дитя, съ крещеніемъ котораго долженъ былъ произойти самый странный случай, — что̀, впрочемъ, многіе опытные люди живо предчувствовали. Они знали, что Богъ не допуститъ, чтобы сынъ такого недобраго человѣка, какъ Дукачъ, былъ крещенъ, да еще черезъ извѣстную всѣмъ вѣдьму. Хороша бы послѣ этого вышла и вся крещеная вѣра!

Нѣтъ, Богъ справедливъ: Онъ этого не можетъ допустить и не допуститъ.

Того же самаго мнѣнія была и Дукачиха. Она горько оплакивала ужасное самочинство своего мужа, избравшаго единственному, долгожданному дитяти воспріемницею завѣдомую вѣдьму.

При такихъ обстоятельствахъ и предсказаніяхъ произошелъ отъѣздъ Агапа и Красивны съ Дукачевымъ ребенкомъ изъ села Парипсъ въ Перегуды, къ попу Еремѣ.

Это происходило въ декабрѣ, за два дня до Николы, часа за два до обѣда, при довольно свѣжей погодѣ съ забористымъ «московьскимъ» вѣтромъ, который тотчасъ же послѣ выѣзда Агапа съ Красивною изъ хутора началъ разыгрываться и превратился въ жестокую бурю. Небо сверху заволокло свинцомъ; по-низу завѣялась снѣжистая пыль и пошла лютая метель.

Всѣ люди, желавшіе зла Дукачеву ребенку, видя это, набожно перекрестились и чувствовали себя удовлетворенными: теперь уже не было никакого сомнѣнія, что Богъ на ихъ сторонѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Предчувствія говорили недоброе и самому Дукачу; какъ онъ ни былъ крѣпокъ, а все-таки былъ доступенъ суевѣр-

ному страху и — трусплъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ того ли или не съ того сталося, а буря, угрожавшая теперь кумовьямъ и ребенку, точно съ цѣпи сорвалась, какъ разъ въ то время, когда они выѣзжали за околицу. Но еще досаднѣе было, что Дукачиха, которая весь свой вѣкъ провела въ раболѣпномъ безмолвіи передъ мужемъ, вдругъ разомкнула свои молчаливыя уста и заговорила:

— На старость намъ, въ мое утѣшенье, Богъ намъ дытину далъ, а ты его съѣлъ.

— Это еще що? — остановилъ Дукачъ. — Какъ я съѣлъ дитя?

— А такъ, що отдалъ его видьмѣ. Гдѣ это по всему христіанскому казачеству слыхано, чтобы видьми давали дитя крестить?

— А вотъ же она его и перекреститъ.

— Никогда того не было, да и не будетъ, чтобы Господь припустилъ до своей христіанской купели лиходѣйскую видьму.

— Да кто тебѣ сказалъ, що Керасивна видьма?

— Всѣ это знаютъ.

— Мало чего всѣ говорятъ, да никто у нея хвоста не видѣлъ.

— Хвоста не видѣли, а видѣли, какъ она мужа оборачивала.

— Отчего же такого дурня и не оборачивать?

— И отъ Пиднебеснихи всѣхъ отворотила, чтобы у нея паляницъ не покупали.

— Оттого, что Пиднебесная спитъ мягко и ночью тѣсто не бьетъ, у нея паляницы хуже.

— Да вѣдь съ вами не сговоришь, а вы кого хотите, всѣхъ добрыхъ людей спросите—и всѣ добрые люди вамъ одно скажутъ, что Керасиха видьма.

— На что намъ другихъ добрыхъ людей пытать, когда я самъ добрый человѣкъ.

Дукачиха вскинула на мужа глаза и говоритъ:

— Какъ это... Это вы-то добрый человѣкъ?

— Да; а что же по-твоему, я развѣ не добрый человѣкъ?

— Разумѣется, не добрый.

— Да кто тебѣ это сказалъ?

— А вамъ кто сказалъ, что вы добрый?

— А кто сказалъ, что я не добрый?

— А кому же вы какое-нибудь добро сдѣлали?

— Какое я кому добро сдѣлалъ?

— Да.

«А сто чертей... и правда, что же это я никакъ не могу припомнить: кому я сдѣлалъ какое-нибудь добро?»— подумалъ непривычный къ возраженіямъ Дукачъ, и чтобы не слышать продолженія этого непріятнаго для него разговора, сказалъ:

— Вотъ того только и недоставало, чтобы я съ тобою, съ бабою, сталъ разговаривать.

И съ этимъ, чтобы не быть болѣе съ женою съ-глаза-на-глазъ въ одной хатѣ, онъ снялъ съ полка отнятую нѣкогда у Агапа смушковую шапку и пошелъ гулять по свѣту.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Вѣроятно на душѣ у Дукача было уже очень тяжело. когда онъ могъ пробыть подъ открытымъ небомъ болѣе двухъ часовъ, потому что на дворѣ стоялъ настоящій адъ: буря сильно бушевала, и въ сплошной снѣжной массѣ, которая тряслась и вѣялась, невозможно было перевести дыханіе.

Если таково было близъ жилья, въ затишьѣ, то что должно было происходить въ открытой степи, въ которой весь этотъ ужасъ долженъ былъ застать кумовьевъ и ребенка? Если это такъ невыносимо взрослому человѣку, то много ли надо было, чтобы задушить этимъ дитя?

Дукачъ все это понималъ и, вѣроятно, не мало объ этомъ думалъ, потому что онъ не для удовольствія же пролѣзъ черезъ страшные сугробы къ тянувшейся за селомъ греблѣ

и сидѣлъ тамъ въ сумракѣ метели долго-долго, — очевидно, съ большимъ нетерпѣніемъ поджидая чего-то тамъ, гдѣ ничего нельзя было разсмотрѣть. Сколько Дукачъ ни стоялъ до самой темноты посрединѣ гребли,—его никто не толкнулъ ни спереди, ни сбоку, и онъ никого не видалъ, кромѣ какихъ-то длинныхъ-предлинныхъ привидѣній, которыя точно хороводъ водили вверху надъ его головою и сыпали на него снѣгомъ. Наконецъ, это ему надоѣло, и когда быстро наступившія сумерки увеличили темноту, онъ крякнулъ, выпуталъ ноги изъ засыпавшаго ихъ сугроба и побрелъ домой.

Тяжело и долго путаясь по снѣгу, онъ не разъ останавливался, терялъ дорогу и снова ее находилъ. Опять шелъ-шелъ и на что-то наткнулся, ощупалъ руками и убѣдился, что то былъ деревянный крестъ,—высокій-высокій деревянный крестъ, какіе въ Малороссіи ставятъ при дорогахъ.

«Эге, — это я, значитъ, вышелъ изъ села! Надо же мнѣ взять назадъ»,—подумалъ Дукачъ, и повернулъ въ другую сторону, но не сдѣлалъ онъ и трехъ шаговъ, какъ крестъ былъ опять передъ нимъ.

Казакъ постоялъ, перевелъ духъ и, оправясь, пошелъ на другую руку, но и здѣсь крестъ опять загородилъ ему дорогу.

— Что онъ движется, что ли, передо мною, или еще что творится?— и онъ началъ разводить руками и опять нащупалъ крестъ, и еще одинъ и другой возлѣ.

— Ага! вотъ теперь понимаю гдѣ я: это я попалъ на кладбище. Вотъ и огонекъ у нашего попа. Не хотѣлъ ледачій пустить ко мнѣ свою поповну окрестить дѣтину. Да и не надо; только гдѣ же тутъ, у чорта, долженъ быть сторожъ Матвѣйко?

И Дукачъ было-пошелъ отыскивать сторожку, но вдругъ скатился въ какую-то яму и такъ треснулся обо что-то твердое, что долго оставался безъ чувствъ. Когда же онъ пришелъ въ себя, то увидалъ, что вокругъ него совершенно тихо, а надъ нимъ синѣетъ небо и стоитъ звѣзда

Дукачъ понялъ, что онъ въ могилѣ, и заработалъ руками и ногами; но выбраться было трудно, и онъ добрый часъ провозился прежде, чѣмъ выкарабкался наружу, и съ ожесточеніемъ плюнулъ.

Времени должно быть прошло добрая часина,—буря замѣтно утихла и на небѣ вызвѣздило.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Дукачъ пошелъ домой, и очень удивился, что ни у него, ни у кого изъ сосѣдей, ни въ одной хатѣ уже не было огня. Очевидно, что ночи уже ушло много. Неужели же и о сю пору Агапъ и Керасивна съ ребенкомъ еще не вернулись?

Дукачъ почувствовалъ въ сердцѣ давно ему незнакомое сжатіе и отворилъ дверь нетвердою рукою.

Въ избѣ было темно, но въ глухомъ углу за печкою слышалось жалобное всхлипываніе.

Это плакала Дукачиха. Казакъ понялъ въ чемъ дѣло, но не выдержалъ и таки спросилъ:

— А неужели же до сихъ поръ...

— Да, до сихъ поръ вѣдьма еще ѣстъ мою дытину, перебила Дукачиха.

— Ты глупая баба,—отрѣзалъ Дукачъ.

— Да, это вы меня такою глупою сдѣлали; а я хоть и глупая, а все-таки не отдавала видьми свою дытину.

— Да провались ты со своею вѣдьмою: я чуть шею не сломалъ, попалъ въ могилу.

— Ага, въ могилу... ну то она же и васъ навела въ могилу. Идите лучше теперь кого-нибудь убейте.

— Кого убить? Что ты мелешь?

— Подите, хоть овцу убейте,—а то не даромъ на васъ могила зинула, — умрете скоро. Да и дай Богъ: что уже намъ такимъ, про которыхъ всѣ люди будутъ говорить, что мы свое дитя видьми отдали.

И она пошла опять вслухъ мечтать на эту тему, межъ

тѣмъ какъ Дукачъ все думалъ: гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, Агапъ? Куда онъ дѣлся? Если они успѣли доѣхать до Перегудъ прежде, чѣмъ разыгралась метель, то, конечно, они тамъ переждали, пока метель улеглась; но, въ такомъ случаѣ, они должны были выѣхать, какъ только разъяснило и до сихъ поръ могли быть дома.

Развѣ не хлебнулъ ли Агапъ лишняго изъ барилочки?

Эта мысль показалась Дукачу статочною, и онъ поспѣшилъ сообщить ее Дукачихѣ, но та еще лише застонала:

— Что тутъ угадывать: не видать намъ свое дитя: заѣла его видьма Красивна, и она напустила на свѣтъ эту погоду, а сама теперь летаетъ съ нимъ по горамъ и пьетъ его алую кровку.

И досадила этимъ Дукачиха мужу до того, что онъ, обругавъ ее, взялъ опять съ одного полка свою шапку, а съ другого ружье и вышелъ, чтобы убить зайца и бросить его въ ту могилу, въ которую незадолго передъ этимъ свалился, а жена его осталась выплакивать свое горе за припечкомъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Огорченный и, непривычнымъ образомъ, взволнованный казакъ въ самомъ дѣлѣ не зналъ, куда ему дѣться, но какъ у него уже сорвалось съ языка про зайца, то онъ болѣе машинально, чѣмъ сознательно, очутился на гумнѣ, куда бѣгали шкодливые зайцы; сѣлъ подъ овсянымъ скирдомъ и задумался.

Предчувствія томили его и горе кралось въ его душу, и шевелили въ ней терзающія воспоминанія. Какъ ни непріятны были ему женины слова, но онъ сознавалъ, что она права. Дѣйствительно, онъ во всю свою жизнь не сдѣлалъ никому никакого добра, а между тѣмъ многимъ причинилъ много горя. И вотъ у него, изъ-за его же упрямства, гибнетъ единственное, долго жданное дитя, и самъ онъ падаетъ въ могилу, что̀, по общему повѣрью, неминучій злой знакъ. Завтра будутъ обо всемъ этомъ знать всѣ

люди, а всѣ люди—это его враги... Но... можетъ быть, дитя еще найдется, а онъ, чтобы не скучать ночью, подсидитъ и убьетъ зайца, и тѣмъ отведетъ отъ своей головы угрожающую ему могилу.

И Дукачъ вздохнулъ и сталъ всматриваться, не прыгаетъ ли гдѣ-нибудь по полю или не теребитъ ли подъ скирдами заяцъ.

Оно такъ и было: заяцъ ждалъ его, какъ баранъ ждалъ Авраама: у крайняго скирда, на занесенномъ снѣгомъ вровень съ вершиною плетнѣ сидѣлъ матерый русакъ. Онъ, очевидно, высматривалъ мѣстность и занималъ самую безподобную позицію для прицѣла.

Дукачъ былъ старый и опытный охотникъ, онъ видалъ много всякихъ охотничьихъ видовъ, но такой ловкой подставки подъ выстрѣлъ не видывалъ и, чтобы не упустить ея, онъ, не долго же думая, приложился и выпалилъ.

Выстрѣлъ покатился и одновременно съ нимъ въ воздухѣ пронесся какой-то слабый стонъ; но Дукачу некогда было раздумывать,—онъ побѣжалъ, чтобы поскорѣй затоптать дымящійся пыжъ, и, наступивъ на него, остановился въ самомъ безпокойномъ изумленіи: заяцъ, до котораго Дукачъ не добѣжалъ нѣсколько шаговъ, продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ и не трогался.

Дукачъ опять струхнулъ: вправду не шутитъ ли надъ нимъ дьяволъ: не оборотень ли это предъ нимъ? И Дукачъ свалялъ комъ снѣга и бросилъ имъ въ зайца. Комъ попалъ по назначенію и разсыпался, но заяцъ не трогался,—только въ воздухѣ опять что-то простонало. Что за лихо такое? подумалъ Дукачъ, и, перекрестясь, осторожно подошелъ къ тому, что онъ принималъ за зайца, но что никогда зайцемъ не было, а была просто-на-просто смушковая шапка, которая торчала изъ снѣга. Дукачъ схватилъ эту шапку и при свѣтѣ звѣздъ увидалъ мертвенное лицо племянника, облитое чѣмъ-то темнымъ, липкимъ, съ сырымъ запахомъ. Это была кровь.

Дукачъ задрожалъ, бросилъ свою рушницу и пошелъ на

село, гдѣ разбудилъ всѣхъ,—всѣмъ разсказалъ свое злочинство; передъ всѣми каялся, говоря, правъ Господь, меня наказуя,—идите, откопайте ихъ всѣхъ изъ-подъ снѣгу, а меня свяжите и везите на судъ.

Просьбу Дукача удовлетворили; его связали и посадили въ чужой хатѣ, а на гуменникъ пошли всѣ міромъ откапывать Агапа.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Подъ бѣлымъ ворохомъ снѣга, покрывавшаго сани, были найдены окровавленный Агапъ и невредимая, хотя застывшая Красивна, а на груди у нея совершенно благополучно спавшій ребенокъ. Лошади стояли тутъ же, по брюхо въ снѣгу, опустивъ понурыя головы за плетень.

Едва ихъ немножечко поосвободили отъ замета, какъ онѣ тронулись и повезли застывшихъ кумовьевъ и ребенка на хуторъ. Дукачиха не знала, что̀ ей дѣлать: грустить ли о несчастіи мужа или болѣе радоваться о спасеніи ребенка? Взявъ мальчика на руки и поднеся его къ огню, она увидала на немъ крестъ и тотчасъ радостно заплакала, а потомъ подняла его къ иконѣ и съ горячимъ восторгомъ, глубоко растроганнымъ голосомъ, сказала:

— Господи! за то, что Ты его спасъ и взялъ подъ Свой крестъ, и я не забуду Твоей ласки, я воскормлю дитя, и отдамъ его Тебѣ: пусть будетъ Твоимъ слугою.

Такъ данъ былъ обѣтъ, который имѣетъ большое значеніе въ нашей исторіи, гдѣ до сихъ поръ еще не видать ничего касающагося «некрещенаго попа», межъ тѣмъ какъ онъ уже есть тутъ точно «шапка», которая была у Агапа, когда казалось, что ея будто и нѣтъ.

Но продолжаю исторію: дитя было здорово; нехитрыми крестьянскими средствами скоро привели въ себя и Красивну, которая однако изъ всего вокругъ нея происходившаго ничего не понимала и твердила только одно:

— Дытына крещена,—и зовите его Савкою.

Этого было довольно для такого суматошнаго случая, да

и имя къ тому же было всѣмъ по вкусу. Даже разстроенный Дукачъ и тотъ его одобрилъ и сказалъ:

— Спасибо Перегудинскому попу, що винъ не испортилъ хлопца и не назвалъ его Николою.

Тутъ Красивна уже совсѣмъ оправилась и заговорила, что попъ было хотѣлъ назвать дитя Николою;—такъ, говоритъ, по церковной книгѣ идетъ, только она его переспорила: я сказала, да Богъ съ ними, сіи церковныя книги: на що воны намъ сдалися; а это не можно, чтобы казачье дитя по московьски Николою звалось.

— Ты умная казачка, — похвалилъ ее Дукачъ, и наказалъ женѣ подарить ей корову, а самъ обѣщалъ, если уцѣлѣетъ, и еще чѣмъ-нибудь не забыть ея услуги.

На этомъ пока и покончилось крестное дѣло, и наступила долгая и мрачная пора похоронная. Агапъ такъ и не пришелъ въ себя: его густымъ столбомъ дроби разстрѣленная голова почернѣла, прежде чѣмъ ее успѣли обмыть, и къ вечеру наступившаго дня онъ отдалъ Богу свою многострадавшую душу. Этимъ же вечеромъ три казака, вооруженные длинными палками, отвели стараго Дукача въ городъ и сдали его тамъ начальству, которое помѣстило его, какъ убійцу, въ острогъ.

Агапа схоронили, Дукачъ судился, дитя росло, а Красивна, хотя и поправилась, но все не «сдужала» и сильно измѣнилась,—все она ходила какъ не своя.—Она стала тиха, грустна и часто задумывалась, и совсѣмъ не ссорилась со своимъ Керасенко, который понять не могъ: что такое подѣялось съ его жинкою? Жизнь его, до сихъ поръ столь зависимая отъ ея настойчивости и своенравія, стала самою безмятежною: онъ не слыхалъ отъ жены ни въ чемъ ни возраженія, ни попрека и, не видя болѣе ни во снѣ, ни на яву Рогачевскаго дворянина, не зналъ какъ своимъ счастьемъ нахвастаться. Эту удивительную перемѣну въ характерѣ Красивны долго и тщетно обсуждали и на торгу въ мѣстечкѣ: сами подруги ея, горластыя перекупки, говорили, что она «вся здобрилась». И впрямь, теперь не только

одного, а даже хоть двухъ покупщиковъ отъ ея лотка съ палянишами отбей, она бывало даже ни одного чорта не посулитъ ни отцу, ни матери, ни другимъ сродникамъ. Про Рогачевскаго же дворянина былъ даже такой слухъ, что онъ будто два раза показывался въ Парипсахъ; но Красивна на него и смотрѣть не хотѣла. Сама соперница ея, пекарша Пиднебесная, и та, не хотя губить своей души, говорила, что слышала, будто одинъ разъ этотъ панычъ, подойдя къ Красивнѣ купить паляницу, получилъ отъ нея такой отвѣтъ:

— Иди отъ меня, щобы мои очи тебя никогда не бачили. Нѣтъ у меня для тебя больше ничего, ни дарового, ни продажнаго.

А когда панычъ ее спросилъ: что такое ей приключилось? то она отвѣчала:

— Такъ,—тяжко: бо маю тайну велыкую.

Перевернуло это дѣло и стараго Дукача, котораго, при добрыхъ старыхъ порядкахъ, цѣлые три года судили и томили въ тюрьмѣ по подозрѣнію, что онъ умышленно убилъ племянника, а потомъ, какъ неодобреннаго въ поведеніи односельцами, чуть не сослали на поселеніе. Но дѣло кончилось тѣмъ, что односельцы смиловались и согласились его принять, какъ только онъ отбудетъ въ монастырѣ назначенное ему церковное покаяніе.

Дукачъ оставался на родинѣ только по снисхожденію тѣхъ самыхъ людей, которыхъ онъ презиралъ и ненавидѣлъ всю жизнь... Это былъ ему ужасный урокъ, и Дукачъ его отлично принялъ. Отбывъ свое формальное покаяніе, онъ, послѣ пяти лѣтъ отсутствія изъ дому, пришелъ въ Парипсы, очень добрымъ старикомъ, всѣмъ повинился въ своей гордости, у всѣхъ испросилъ себѣ прощеніе и опять ушелъ въ тотъ монастырь, гдѣ каялся по судебному рѣшенію, и туда же снесъ свой казанокъ съ рублевиками на молитвы «за три души». Какія это были три души—того Дукачъ и самъ не зналъ; но такъ говорила ему Красивна, что чрезъ его ужасный характеръ пропалъ не одинъ Агапъ, а еще двѣ

душп, про которыя знаетъ Богъ, да она—Керасивна, но только сказать этого никому не можетъ.

Такъ это и осталось загадкою, за которую въ монастырѣ отвѣчалъ казанокъ, полный толстыхъ старинныхъ рублевиковъ.

Межъ тѣмъ, дитя, котораго появленіе на свѣтъ и крещеніе сопровождалось описанными событіями, подросло. Воспитанное матерью, простою, но очень доброю и нѣжною женщиною, оно и само радовало ее нѣжностью и добротою. Напоминаю вамъ, что когда это дитя было подано матерью съ груди Керасивны, то Дукачиха «обрекла его Богу». Такіе «оброки» водились въ Малороссіи относительно еще въ весьма недавнюю пору и исполнялись точно, особенно, если сами «оброчныя дѣти» тому не противились. Впрочемъ, случаи противленія если и бывали, то не часто, вѣроятно, потому, что «оброчныя дѣти» съ самаго измальства уже такъ и воспитывались, чтобы ихъ духъ и характеръ раскрывались въ приспособительномъ настроеніи. Достигая въ такомъ направленіи извѣстнаго возраста, дитя не только не противорѣчило родительскому «оброку», но даже само стремилось къ выполненію оброка съ тѣмъ благоговѣйнымъ чувствомъ покорности, которое доступно только живой вѣрѣ и любви. Савва Дукачевъ былъ воспитанъ именно по такому рецепту, и рано обнаружилъ склонность къ исполненію данныхъ матерью за него обѣтовъ. Еще въ самомъ дѣтскомъ возрастѣ, при нѣсколько нѣжномъ и слабомъ сложеніи, онъ отличался богобоязненностью. Онъ не только никогда не разорялъ гнѣздъ, не душилъ котятъ, не сѣкъ хворостиной лягушекъ, но всѣ слабыя существа имѣли въ немъ своего защитника. Слово нѣжной матери было для него законъ, — сколько священный, столь же и пріятный,—потому что онъ во всемъ согласовался съ потребностями собственнаго нѣжнаго сердца ребенка. Любить Бога было для него потребностью и высшимъ удовольствіемъ, и онъ любилъ Его во всемъ, что отражаетъ въ себѣ Бога и дѣлаетъ Его и понятнымъ, и

неоцѣненнымъ для того, къ кому Онъ пришелъ и у кого сотворилъ Себѣ обитель. Вся обстановка у ребенка была религіозная: мать его была благочестива и богомольна; отецъ его даже жилъ въ монастырѣ и въ чемъ-то каялся. Ребенокъ изъ немногихъ полунамековъ зналъ, что съ его рожденіемъ связано что-то такое, что измѣнило весь ихъ домашній бытъ, — и все это получало въ его глазахъ мистическій характеръ. Онъ росъ подъ кровомъ Бога, и зналъ, что изъ рукъ Его его никто не возьметъ. Въ восемь лѣтъ его отдали учить къ брату Пиднебеснихи, Охриму Пиднебесному, который жилъ въ Парипсахъ, въ закоулочкѣ за сестринымъ шинкомъ, но не имѣлъ къ этому заведенію никакого касательства, а велъ жизнь необыкновенную.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Охримъ Пиднебесный принадлежалъ къ новому, очень интересному малороссійскому типу, который началъ обозначаться и формироваться въ заднѣпровскихъ селеніяхъ едва ли не съ первой четверти текущаго столѣтія. Типъ этотъ къ настоящему времени уже совсѣмъ опредѣлился и отчетливо выразился своимъ сильнымъ вліяніемъ на религіозное настроеніе мѣстнаго населенія. Поистинѣ удивительно, что наши народовѣды и народолюбцы, копавшіеся во всѣхъ мелочахъ народной жизни, просмотрѣли или не сочли достойными своего вниманія малороссійскихъ простолюдиновъ, которые пустили совершенно новую струю въ религіозный обиходъ южно-русскаго народа. Здѣсь это сдѣлать некогда, да и мнѣ не по силамъ; я вамъ только коротко скажу, что это были какіе-то *отшельники въ міру*: они строили себѣ маленькія хаточки при своихъ родныхъ домахъ, гдѣ-нибудь въ закоулочкѣ, жили чисто и опрятно, какъ душевно, такъ и во внѣшности. Они никого не избѣгали и не чуждались, — трудились и работали вмѣстѣ съ семейными и даже были образцами трудолюбія и домовитости, не уклонялись и отъ бесѣды, но во все вносили свой

немножко пуританскій характеръ. Они очень уважали «наученность и каждый изъ нихъ непремѣнно былъ грамотенъ; а грамотность эта, самымъ главнымъ образомъ, употреблялась для изученія слова Божія, за которое они принимались съ пламенною ревностью и благоговѣніемъ, а также съ предубѣжденіемъ, что оно сохранилось въ чистотѣ только въ одной книгѣ новаго завѣта, а въ «преданіяхъ человѣческихъ», которымъ слѣдуетъ духовенство,—все извращено и перепорчено. Говорятъ, будто такія мысли внушены имъ нѣмецкими колонистами; но, по-моему, все равно, кѣмъ это внушено, я знаю только одно, что изъ этого потомъ вышла такъ называемая «*штунда*».

Холостой братъ Пиднебеснихи, казакъ Охримъ, былъ изъ людей этого сорта: онъ самъ научился грамотѣ и писанію и считалъ своею обязанностью научить всему этому и другихъ. Училъ онъ кого только могъ, и всегда задаромъ, ожидая за свой трудъ той платы, которая обѣщана каждому, «кто научитъ и наставитъ». Учительство это обыкновенно ослабѣвало лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, но зато усиливалось съ осени и шло неослабно во всю зиму, до весенней пашни. Дѣти учились днемъ, а по вечерамъ у Пиднебеснаго собирались «вечерницы», — рабочія посидѣлки,—такъ, какъ и у прочихъ людей. Только у Охрима не пѣли пустыхъ пѣсенъ и не вели празднословія, а дивчата пряли ленъ и волну, а самъ Охримъ, выставивъ на столъ тарелку меду и тарелку орѣховъ для угощенія «во имя Христово», просилъ за это потчиваніе позволить ему «поговорить о Христѣ». Молодой народъ это ему дозволялъ, и Охримъ услаждалъ добрыя души медомъ, орѣхами и евангельскою бесѣдою и скоро такъ ихъ къ этому пріохотилъ, что ни одна дѣвица и ни одинъ парень не хотѣли и идти на вечерницы въ другое мѣсто. Бесѣды пошли даже и безъ меду и безъ орѣховъ.

На Охримовыхъ вечерницахъ также происходили и сближенія, послѣдствіемъ которыхъ являлись браки; но тутъ тоже была замѣчена очень странная особенность, необык-

новенно послужившая въ пользу Охримовой репутаціи: всѣ молодые люди, полюбившіеся между собою на вечерницахъ Охрима и потомъ сдѣлавшіеся супругами, были, какъ на подборъ, счастливы другъ съ другомъ. Конечно, это всего вѣроятнѣе происходило оттого, что ихъ сближеніе происходило въ мирной атмосферѣ духовности, а не въ мятежѣ разгульной страстности, когда выборомъ руководитъ желанье крови, а не чуткое влеченіе сердца. Словомъ, велось по писанію: «Господь вселялъ въ домъ единомысленныя, а не преогорчевающія». Такъ все шло въ пользу репутаціи Пиднебеснаго, который, несмотря на всю простоту и непритязательность, сталъ въ Парипсахъ въ самое почетное положеніе — человѣка богоугоднаго. Къ нему не ходили на судъ только потому, что онъ никого не судилъ, а научиться у него желали всѣ, «ожидавшіе воскресенія».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Такихъ людей, какъ Охримъ Пиднебесный, въ Малороссіи въ то время обозначилось нѣсколько, но всѣ они крылись безъ шуму и долго оставались незамѣченными для всѣхъ, кромѣ крестьянскаго міра.

Спустя цѣлую четверть столѣтія эти люди сами сказались, явясь въ обширномъ и тѣсно сплоченномъ религіозномъ союзѣ, который называется «штундою». Я очень хорошо зналъ одного изъ такихъ вожаковъ: это былъ привѣтливый, добрый, холостой казакъ-дѣвственникъ. Какъ большинство его товарищей, онъ научился грамотѣ самоучкою и обучилъ одинъ всѣхъ окрестныхъ ребятъ и дѣвушекъ. Послѣднихъ онъ училъ на вечерницахъ, или по великорусскому на «посидѣлкахъ», на которыя онѣ собирались къ нему съ работою. Дѣвушки пряли и шили, а онъ разсказывалъ о Христѣ.

Толкованія его были самыя простыя, совсѣмъ чуждыя всякой догматики и богослужебныхъ установленій, а имѣющія почти исключительно цѣли нравственнаго воспитанія

человѣка по идеямъ Іисуса. Мой знакомый казакъ-проповѣдникъ жилъ однако *на лѣвой* сторонѣ Днѣпра, въ мѣстности, гдѣ еще нѣтъ штунды.

Впрочемъ, въ то время, къ которому относится разсказъ, ученіе это еще не имѣло ничего сформированнаго и по правому днѣпровскому берегу.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Хлопца Дукачева Савку отдали учить грамотѣ къ Пиднебесному, а тотъ, замѣтивъ съ одной стороны быстрыя способности ребенка, а съ другой его горячую религіозность, очень его полюбилъ. Савва платилъ своему чистосердечному учителю тѣмъ же. Такъ между ними образовалась связь, которая оказалась до такой степени крѣпкою и нѣжною, что когда старый Дукачъ взялъ сына въ монастырь, чтобы тамъ посвятить его по материнскому обѣту на служеніе Богу, то мальчикъ затосковалъ невыносимо, не столько по матери, сколько о своемъ простодушномъ учителѣ. И эта тоска такъ повліяла на слабую организацію нѣжнаго ребенка, что онъ скоро заболѣлъ, слегъ и навѣрно бы умеръ, если бы его неожиданно не навѣстилъ Пиднебесный.

Онъ понялъ причину недуга своего маленькаго друга и, вернувшись въ Парипсы, сумѣлъ внушить Дукачихѣ, что жертва Богу не должна быть дѣтоубійствомъ. А потому совѣтовалъ не томить болѣе дитя въ монастырѣ, а устроить его въ «*живую жертву*». Пиднебесный указывалъ путь не совсѣмъ чуждый и незнакомый малороссійскому казачеству: онъ совѣтовалъ отдать Савву въ духовное училище, откуда онъ потомъ можетъ перейти въ семинарію, и можетъ сдѣлаться сельскимъ священникомъ, а всякій сельскій священникъ можетъ сдѣлать много добра бѣднымъ и темнымъ людямъ и стать черезъ это другомъ Христовымъ и другомъ Божіимъ.

Дукачиха убѣдилась доводами Охрима, и отрокъ Савка

былъ взятъ изъ монастыря и отвезенъ въ духовное училище. Это всѣ одобряли, кромѣ одной Керасивны, въ которую, вѣроятно за ея старые грѣхи, вселился какой-то сумрачный духъ противорѣчія, сказывавшійся весьма неистовыми выходками, когда дѣло касалось ея крестника. Она его какъ будто и любила, и жалѣла, а между тѣмъ, Богъ знаетъ, какъ на его счетъ смущала.

Это началось еще съ самаго младенчества: понесутъ, бывало, Савку причащать, — Керасивна кричитъ:

— Що вы робите! не надо; — не носить его... се така дытына... неможна его причащать.

Не послушаютъ ея,—она вся позеленѣетъ и либо смѣется, либо проситъ народъ въ церкви:

— Пустите меня скорѣе вонъ, щобъ мои очи не бачили, якъ ему будутъ Христовой крови давать.

На вопросы: что это ее такъ смущаетъ? — она отвѣчала:

— Такъ, мени тяжко! — изъ чего всѣ и заключили, что съ тѣхъ поръ, какъ она поисправилась въ своей жизни и больше не колдуетъ, чортъ нашелъ въ ея душѣ убранную хороминку и вернулся туда, приведя съ собою еще нѣсколько другихъ «*бисовъ*», которые не любятъ ребенка Савку.

И впрямь, «*бисы*» жестоко расхлопотались, когда Савку повезли въ монастырь: они такъ поджигали Керасивну, что та больше трехъ верстъ гналась за санями, крича:

— Не губите свою душу, не везите его въ монастырь, бо оно къ сему не сдатное.

Но ея, разумѣется, не послушали; теперь же, когда пошла рѣчь объ опредѣленіи мальчика въ училище, «откуда въ попы выходятъ», съ Керасивною сдѣлалась бѣда: ее ударилъ параличъ и она надолго потеряла даръ слова, который возвратился къ ней, когда дитя уже было опредѣлено.

Правда, что при опредѣленіи Савки явилось-было и еще одно маленькое препятствіе, которое состояло въ томъ, что никакъ не могли найти его записаннымъ въ метрическія

книги Перегудинской церкви; но это ужасное обстоятельство для школъ гражданскихъ, въ духовныхъ училищахъ принимается нѣсколько мягче. Въ духовныхъ училищахъ знаютъ, что духовенство часто позабываетъ вписывать *своихъ* дѣтей въ метрики. Окрестивши, хорошенько подвыпьютъ, — боятся писать, что руки трясутся; назавтра похмеляются; на третій день ходятъ безъ памяти, а потомъ такъ и забудутъ вписать. Случаи такіе извѣстны, и, конечно, такъ это было и здѣсь, и потому хотя смотритель ругнулъ причетъ пьяницами, но мальчика принялъ, какъ онъ записанъ по исповѣднымъ росписямъ. А въ исповѣдныхъ росписяхъ Савва былъ записанъ прекрасно: точно и даже не по одному разу въ годъ.

Этимъ все дѣло и исправили,—и пошелъ хорошій мальчикъ Савва отлично учиться, окончилъ училище, окончилъ семинарію и былъ назначенъ въ академію, но неожиданно для всѣхъ отказался и объявилъ желаніе быть простымъ священникомъ и то непремѣнно въ сельскомъ приходѣ. Отецъ молодого богослова, старый Дукачъ, къ этому времени уже умеръ; но мать его старушка еще жила въ тѣхъ же Парипсахъ, гдѣ какъ разъ объ эту пору скончался священникъ и открылась ваканція. Молодой человѣкъ и попалъ на это мѣсто. Неожиданная вѣсть о такомъ назначеніи очень обрадовала парипсянскихъ казаковъ, но зато совершенно лишила смысла остарѣвшую Красивну.

Услышавъ, что ея крестникъ Савва становится въ попы, она безъ стыда разорвала на себѣ плахту и намисто, пала на кучу перегноя и выла:

— Ой, земля, земля! возьми насъ обоихъ! Но потомъ, когда этотъ духъ ее немножко поосвободилъ, она встала, начала креститься и ушла къ себѣ въ хату. А черезъ часъ ее видѣли, какъ она вся въ темномъ уборчикѣ и съ палочкой въ рукахъ шла большимъ шляхомъ въ губернскій городъ, гдѣ должно было происходить поставленіе Саввы Дукачева въ священники.

Нѣсколько человѣкъ встрѣтили на этомъ шляхѣ Красивну и видѣли, что она шла очень поспѣшаючи, — ни отдыхать не садилась и ни о чемъ не разговаривала, а имѣла такой видъ, какъ бы на смерть шла: все вверхъ глядѣла и шопотомъ что-то шептала, вѣрно Богу молилась. Но Богъ и тутъ не внялъ ея молитвѣ. Хотя она и попала въ соборъ въ ту самую минуту, когда дьяконы, наяривая ставленника въ шею, крикнули «повелите», но никто не внялъ тому, что изъ толпы одна сельская баба крикнула: «Ой, не велю жъ, не велю!» Ставленника постригли, а бабу выпхали и отпустили, продержавъ дней десять въ полиціи, пока она перестирала приставу все бѣлье и нарубила двѣ кади капусты. Красивна объ одномъ только интересовалась: «чи вже Савка попъ?» И узнавъ, что онъ попъ, она пала на колѣни, и такъ *на колѣняхъ* и проползла восемьдесятъ верстъ до своихъ Парипсъ, куда этими днями уже прибылъ и новый «попъ Савка».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Парипсянскіе казаки, какъ сказано, были очень рады, что имъ назначили пана-отца изъ ихъ же казачьяго рода, и встрѣтили попа Савву съ большимъ радушіемъ. Особенно ихъ расположило къ нему еще то, что онъ былъ очень почтителенъ съ старой матерью, и сейчасъ же, какъ пріѣхалъ, спросилъ про свою «крестную», хотя навѣрно слыхалъ, что она была и такая, и сякая, и вѣдьма. Онъ ничѣмъ этимъ не погнушался. Вообще, всѣмъ показалось, что человѣкъ этотъ обѣщалъ быть очень добрымъ священникомъ, и онъ такимъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Всѣ его полюбили, и даже Красивна ничего противъ него не говорила, а только порою супила брови да вздыхала шепча:

— Усе бы добре, да якъ бы въ сей юшкѣ рыбка была.

Но рыбки въ ухѣ, по ея мнѣнію, не было, а безъ рыбы нѣтъ и ухи. Стало-быть, какъ ни хорошъ попъ Савва, а

онъ ничего не стоитъ, и это непремѣнно должно обнаружиться.

И впрямь, въ немъ начали замѣчаться странности: во-первыхъ, онъ былъ бѣденъ, но совершенно равнодушенъ къ деньгамъ. Во-вторыхъ, вскорѣ овдовѣвъ, онъ не вылъ и не бралъ себѣ молодой наймычки; въ-третьихъ, когда нѣсколько женщинъ пришли ему сказать, что идутъ по обѣту въ Кіевъ, то онъ совѣтовалъ замѣнить ихъ походъ обѣтомъ послужить больнымъ и бѣднымъ, а прежде всего успокоить семью заботами о доброй жизни; а что касается даннаго обѣта,—онъ оказалъ неслыханную дерзость,—вызвался разрѣшить его и взять отвѣтъ на себя. «Разрѣшить обѣтъ, данный угодникамъ...» Это многимъ показалось такимъ богохульствомъ, которое едва ли возможно для человѣка крещенаго. Но и на этомъ дѣло не остановилось, — попъ Савва вскорѣ же далъ противу себя еще бо́льшія сомнѣнія: въ первый же великій постъ, когда всѣ прихожане перебывали у него на духу, оказалось, что онъ ни одному человѣку не запретилъ ѣсть, что ему Богъ послалъ, и никому не назначилъ эпитимныхъ поклоновъ, а если и были отъ него кому-нибудь эпитимныя назначенія, то они показывали новыя странности. Такъ, напримѣръ, мельнику Гаврилкѣ, который завѣдомо бралъ за помолъ очень глубокимъ ковшомъ, отецъ Савва настоятельно наказалъ сейчасъ же послѣ исповѣди состругнуть въ этомъ ковшѣ края, чтобы не брать лишняго зерна. Иначе не хотѣлъ дать ему причастія—и привелъ ему на то доводы отъ писанія, что неправая мѣра Бога гнѣваетъ и можетъ навлечь наказаніе. Мельникъ послушался, и всѣ перестали имъ обижаться, и повалилъ на его мельницу помолъ безъ перерыва. Онъ всенародно признался, что такъ съ нимъ Саввина эпитимія сдѣлала. Молодая, очень горячая бабенка, бывшая за вторымъ мужемъ, лютовала надъ первобрачными дѣтьми. Отецъ Савва и въ это дѣло вмѣшался, и послѣ перваго же своего говѣнья у него молодая мачиха какъ переродилась и стала добра къ падчерицамъ и къ пасынкамъ. Жертвы за грѣхи онъ хотя

и принималъ, — но не на ладанъ и не на свѣчи, а для двухъ бездомныхъ и безпріютныхъ сиротокъ Михалки и Потапки, которые жили у попа Саввы въ землянкѣ подъ колокольней.

— Да,—скажетъ бывало попъ Савва бабѣ или дѣвушкѣ:— дай Богъ, чтобы тебѣ это было прощено и чтобы ты впередъ не согрѣшала, а ты для того поусердствуй: послужи Господу.

— Радымъ-рада, батечку, тильки не знаю: чимъ Ему услуговать... хиба сходить у Кыевъ.

— Нѣтъ, никуда далеко ходить не надо,—дома трудись и не дѣлай того, что дѣлала, а теперь сейчасъ пойди смѣряй Божіихъ дѣтокъ Михалку да Потапку и сшей имъ по порточкамъ, хоть по коротенькимъ, да по сорочкѣ. А то велики стали,—стыдятся голые пузеня людямъ казать.

Грѣшницы охотно несли и эту эпитимію, и Михалко съ Потапкой жили подъ опекою отца Саввы, какъ у самого Христа за пазушкой, — и не только «*голыхъ пузеней*» не показывали, но и всего своего сиротства почти не замѣчали.

И подобныя эпитиміи о. Саввы были не только всѣмъ подъ силу, но и многимъ очень по сердцу,— даже утѣшительны. Только, наконецъ, о. Савва выкинулъ такую штуку, которая ему обошлась дорого. Стали къ нему, въ его маленькую церковку, ходить окольные люди изъ Перегудинскаго прихода, гдѣ онъ былъ крещенъ, и гдѣ теперь былъ уже другой попъ,—не тотъ, съ которымъ выпивала въ своей молодости Керасивна и къ которому она возила по знакомству крестить Дукачева Савку. Это положило начало недружеству со стороны перегудинскаго попа къ о. Саввѣ, а тутъ произошелъ другой вредный случай: умеръ перегудинскій прихожанинъ, богатый казакъ Оселедецъ, и, умирая, хотѣлъ завѣщать «кону рублей на велыкій дзвинъ», т.-е. на покупку большого колокола; но вдругъ, поговоривъ передъ самою смертью съ отцомъ Саввою, круто отмѣнилъ свое намѣреніе и ничего не назначилъ на велыкій дзвинъ, а призвалъ трехъ хорошихъ хозяевъ и объявилъ, что отдаетъ

имъ эту копу грошей съ завѣщаніемъ употребить ихъ на ту «Божу потребу, яку скаже панъ-отецъ Савва».—Казакъ Оселедецъ умеръ, а панъ-отецъ Савва указалъ построить за его копу грошей свѣтлую хату съ растворчатыми окнами, и сталъ собирать въ нее ребятъ, да учить ихъ грамотѣ и слову Божію.

Казаки думали, что это, пожалуй, дѣло хорошее, но не знали: богоугодное ли оно дѣло; а Перегудинскій попъ это имъ вытолковалъ такъ, что дѣло выходитъ не богоугодно. Про то онъ обѣщалъ и доносъ писать, и написалъ. Отца Савву звали къ архіерею, но отпустили съ миромъ, и онъ продолжалъ свое дѣло: служилъ и училъ, и въ школѣ, и дома, и на полѣ, и въ своей малой деревянной церковкѣ. Времени прошло нѣсколько лѣтъ. Перегудинскій попъ, соревнуя отцу Саввѣ, этою порою отстроилъ каменную церковь, не въ примѣръ лучше Парипсянской, и богатый образъ досталъ, отъ котораго людямъ разныя чудеса сказывалъ; но попъ Савва и его чудесамъ не завидовалъ, а все велъ свое тихое дѣло по-своему. Онъ въ той же деревянной, маленькой церкви молился и Божіе слово читалъ, и его маленькая церковка ему съ людьми хоть порою тѣсна была, да зато перегудинскому попу въ его каменномъ храмѣ такъ было просторно, что онъ чуть ли не самъ-другъ съ пономаремъ по всей церкви расхаживалъ и смотрѣлъ, какъ смѣло на амвонъ церковная мышь выбѣгала и опять подъ амвонъ пряталась. И стало это перегудинскому попу, наконецъ, очень досадно; но онъ могъ лютовать на своего парипсянскаго сосѣда, отца Савву, сколько хотѣлъ, а вреда ему никакого сдѣлать не могъ, потому что нечѣмъ ему было подъ отца Савву подкопаться, да и архіерей стоялъ за Савву до того, что оправдалъ его даже въ той великой винѣ, что онъ перемѣнилъ настроеніе казака Оселедца, копа грошей котораго пошла не на дзвинъ, а на школу. Долго перегудинскій попъ это терпѣлъ, довольствуясь только тѣмъ, что сочинялъ на Савву какія-нибудь нескладицы, въ родѣ того, что онъ чародѣй и его крестная матка была всѣмъ извѣст-

ная въ молодости гулячка, и до сихъ поръ остается вѣдьмой, потому что никому на духу не кается, и не можетъ умереть, ибо въ писаніи сказано: «не хощетъ Богъ смерти грѣшника», но хочетъ, чтобъ онъ обратился. А она не обращается,—говѣетъ, а на духъ не ходитъ.

Это таки и было правда: старая Керасивна, давно оставившая всѣ свои слабости, хоть и жила честно и богобоязненно, но къ исповѣди не ходила. Ну и возродились опять толки, что она вѣдьма и что, можетъ-быть, и вправду панъ-отецъ Савва хорошъ «за ея помогой».

Сталъ такой говоръ, а тутъ къ дѣлу подоспѣлъ другой пустой случай: стало у коровъ молоко пропадать... Кто этому могъ быть виноватъ, какъ не вѣдьма? а кто еще бо̀льшая вѣдьма, какъ не старая Керасивна, которая, всѣмъ извѣстно, на цѣлое село мару напускала, мужа чортомъ оборачивала, и теперь пережила на селѣ всѣхъ своихъ сверстниковъ и ровесниковъ и все живетъ и ни исповѣдываться, ни умирать не хочетъ?

Надо было довести ее до того и до другого, и за это взялись нѣсколько добрыхъ людей, давшихъ себѣ слово: кто первый встрѣтитъ старую Керасивну въ темномъ мѣстѣ,—ударить ее,—какъ надлежитъ настоящему православному христіанину бить вѣдьму,—одинъ разъ чѣмъ попало *наотмашь* и сказать ей:

— Издыхай, а то еще бить буду.

И одному изъ тѣхъ богочтителей, которые взялись за такой подвигъ, посчастливилось: повстрѣчалъ онъ старую Керасивну въ безлюдномъ закоулкѣ и сподобился такъ угостить ее съ одного пріема, что она тутъ же кувыркнулась ничкомъ и простонала:

— Ой, умираю: зовите попа, исповѣдаться хочу.

Сразу вѣдьма узнала, за что ее ударили!

Но чуть перетащили ее домой и прибѣжалъ къ ней въ перепугѣ отецъ Савва, она опять передумала и начала оттягивать:

— Мнѣ у тебя,—говоритъ,—нельзя исповѣдываться,—твоя исповѣдь не пользуетъ, хочу другого попа!

Добрый отецъ Савва сейчасъ же на своей лошадкѣ послалъ въ Перегуды за своимъ порицателемъ — тамошнимъ священникомъ, и одного опасался, что тотъ закобенится и не пріѣдетъ; но опасеніе это было напрасно: перегудинскій попъ пріѣхалъ, вошелъ къ умирающей и оставался съ нею долго-долго; а потомъ вышелъ изъ хаты на крылечко, заложилъ дароносицу за пазуху и ну заливаться самымъ непристойнымъ смѣхомъ. Такъ смѣется, такъ смѣется, что и унять его нельзя, и люди смотрятъ на него и понять не могутъ: къ чему это статочно.

— Да ну бо, — годи вамъ, панъ-отче: что-то вы такъ сміетесь, що намъ ажъ страшно,—говорятъ ему люди.

А онъ отвѣчаетъ:

— О то же оно такъ и надлежитъ, щобы вамъ було страшно; да щобы всимъ страшно було,—на весь крещеный міръ, бо у васъ тутъ такое поганство завелось, якого отъ самаго перваго дня, отъ святаго князя Владиміра не було.

— О, да Богъ зъ вами, — не пужайте такъ страшно: идить, будьте ласковы швидче до отца Саввы, — съ нимъ поговорить: нехай винъ що добре вздумае, — якъ помогты хрыстіяньскимъ душамъ.

А перегудинскій попъ еще больше расхохотался, и вдругъ весь позеленѣлъ, глаза выпучилъ и отвѣчаетъ:

— Дурни вы вси, — темны и непросвѣщенные люди: школу себѣ вывели, а ничего не бачите.

— До того же мы васъ и просимъ: идите до нашего отца Саввы, винъ васъ у себя въ хатѣ дожида: сядьте съ нимъ поговорить: винъ все бачить.

— Бачить!—закричалъ перегудинскій попъ. — Ни; ничего винъ не бачить: винъ и того не зна, кто винъ самъ такій есть на свити!

— Се мы вси знаемо, що винъ нашъ панъ-отецъ, ниш.

— Пипъ!

— А вже жъ пипъ.

— А я вамъ кажу, що винъ совсимъ и не пипъ!

— Якъ не пипъ?

— А такъ, не пипъ, да и не христіанинъ.

— Якъ не христіанинъ! годи бо вамъ: що се вы брешете?

— А ни: не брешу,—онъ не христіанинъ.

— А що жъ винъ таке?

— Що винъ таке?

— Да!

— А бисяка его знае що винъ таке!

Люди даже отшатнулись и перекрестились, а перегудинскій попъ сѣлъ въ сани и говоритъ:

— Вотъ я прямо отъ васъ ѣду къ благочинному и везу ему такую вѣсть, що на весь міръ христіанскій будетъ срамъ велыкій, и тогда вы побачите, що и пипъ вашъ — не пипъ и не христіанинъ, и дитки ваши не христіане, и кого онъ изъ васъ вѣнчаетъ,—тѣ все равно, что не вѣнчаны, и тѣ, которыхъ схоронилъ, умерли яко псы, безъ отпущенія и мучатся тамъ въ пеклѣ, и будутъ викъ мучиться, и ни хто ихъ оттуда выратувать не можетъ. Да; и все это, что я говорю, есть великая правда, и съ тѣмъ я до благочиннаго ѣду, а вы, если мнѣ не вѣрите, идите всѣ за-разъ до Керасихи, и пока она еще дышитъ,—я приказалъ ей подъ страшнымъ заклятіемъ, чтобы она вамъ все разсказала: кто есть таковъ сей человикъ, що вы зовете своимъ попомъ Саввою. Да, годи уже ему людей портить: вонъ и сорока сѣла у него на крышѣ и кричить: «Савка, скинь кафтанъ!»—Ничего; скоро увидимся. Хлопче! погоняй до благочиннаго, а ты, сорочка, чекочи громче: «Савка, скинь кафтанъ!» А мы съ благочиннымъ сейчасъ назадъ будемъ.

Съ этимъ перегудинскій попъ ускакалъ, а люди, сколько ихъ тутъ было, хотѣли всѣ кучей валить въ хатку Керасивны, чтобы допытать ее: что такое она наговорила про

своего крестника, отца Савву; но, мало подумавши, рѣшили сдѣлать еще иначе, послать къ ней двухъ казаковъ, да чтобы съ ними третій былъ самъ попъ Савва.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Пришли казаки и отецъ Савва, и застали Керасивну, что она лежитъ подъ образами и сама горько-прегорько плачетъ.

— Прости меня, говоритъ, мое серденько, мое милое да несчастливое,—заговорила она до Саввы, — носила я въ своемъ сердцѣ твою тайную причину, а свою вину больше якъ тридцать лѣтъ и боялась не только на яву ее никому не сказать, но шчобъ и во снѣ не сбредила, и оттого столько лѣтъ и на духъ не шла, ну а теперь, когда Всевышнему предстать нужно—все открыла.

Отецъ Савва можетъ-быть и струсилъ немножко чего-нибудь, потому что вся эта тайна его слишкомъ сурово дотрогивалась, но виду не показалъ, а спокойно говоритъ:

— Да що таке за дило велыке?

— Грѣхъ велыкій я содѣяла, и именно надъ тобою.

— Надо мною?—переспросилъ отецъ Савва.

— Да, надъ тобою: я тебѣ все въ жизни испортила, потому что хотя ты и писанію наученъ и въ попы поставленъ, а ни къ чему ты къ этому не годишься, потому что ты самъ до сихъ поръ нехрещеный человикъ.

Не мудрено себѣ представить, что долженъ былъ почувствовать при такомъ открытіи кроткій отецъ Савва. Онъ сначала было-принялъ это за болѣзненный бредъ умирающей, даже улыбнулся на ея слова, и сказалъ:

— Полно, полно, крестнинькая: какъ же я некрещеный, когда ты моя крестная?

Но Керасивна обнаруживала полную ясность ума и послѣдовательность въ своемъ разсказѣ.

— Оставь про это,—сказала она.—Якая я тебѣ крестная? Никто тебя не крестилъ. И кто во всемъ этомъ ви-

новать,—я не знаю,—я не знаю и во всю жизнь не могла узнать: зробилось ли это отъ нашихъ грѣховъ или можетъ быть больше отъ Николиной, велыкой московьской хитрости. Но вотъ идетъ перегудинскій панъ-отецъ съ благочинным—сиди и ты здѣсь, я всѣмъ все разскажу.

Благочинный было не хотѣлъ, чтобы отецъ Савва и казаки слушали признанія Керасивны, но она настояла на своемъ, подъ угрозою, что иначе не будетъ разсказывать.

Вотъ ея исповѣдь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

«Попъ Савва, говоритъ, совсѣмъ и не попъ, и не Савва, а человѣкъ не хрещеный, и это дѣло я одна знаю на свѣтѣ. Пошло это все съ того, что его покойный отецъ, старый Дукачъ, былъ очень лютъ: всѣ его не любили и всѣ боялись, и когда у него родился сынъ, никто не хотѣлъ идти въ кумовья, чтобы хрестить это дытя. Звалъ старый Дукачъ и судейскаго паныча и дочку нашего покойнаго пана-отца, да никто не пошелъ. Тогда старый Дукачъ еще больше разлютовался на весь народъ и на самого пана-отца—и его самого не захотѣлъ крестить просить: «Обойдусь, говоритъ, безъ всего, безъ ихъ званія». Кликнулъ племянника Агапку, что у него по сиротству въ дурняхъ жилъ, да и велѣлъ пару коней запречь и меня кумою позвалъ: поѣзжай, говоритъ, Керасивна съ Агапомъ въ чужое село и нынче же окрестите мою дытину. И онъ мнѣ шубу подарилъ, только Богъ съ нею, я ее послѣ того случая и не надѣвала: вонъ она какъ и теперь черезъ всѣ тридцать лѣтъ цѣла виситъ. И наказалъ мнѣ Дукачъ одно, что смотри, говоритъ, якъ Агапъ человѣкъ глупый, онъ ничего сдѣлать не сумѣетъ, то ты гляди, добре съ попомъ уладьтесь, щобы онъ, чего Боже борони, по якой ни есть злобѣ не далъ хлопцу якого имени не христіанскаго, труднаго, або московьскаго. На двори у насъ Варваринъ день, а то очень опасно, бо тутъ коло Варвары сряду близко Никола

живетъ, а Никола и есть самый первый москаль и онъ намъ, казакамъ, ни въ чемъ не помогаетъ, а все на московьскую руку тянетъ. Що тамъ гдѣ ни случись, хоть и наша правда, — а онъ пойдетъ такъ-сякъ передъ Богомъ наговоритъ и все на московьскую руку сдѣлаетъ, и своихъ москалей выкрутитъ и оправитъ, а казачество обидитъ. Борони Богъ намъ и дѣтей въ его имя называть. А вотъ тутъ же рядомъ съ нимъ живетъ святый Савка. Этотъ изъ казаковъ и до насъ дуже добрый. Якый онъ тамъ ни есть, хоть и не важный, а своего казака не выдастъ.

Я говорю:

— Се такъ: да маломоченъ винъ, святый Савка!

А Дукачъ говоритъ:

— Ничего, что маломоченъ, зато винъ дуже штуковатый: гдѣ его сила не возьметъ, такъ на хитрость подымется и какъ-нибудь да отстоитъ казака. А мы ему въ силѣ сами помочь дадимъ: станемъ свѣчи ставить и молебенъ споемъ: Богъ побачитъ що и святого Савку люди добре почитаютъ и Самъ на его увагу поверне, а винъ тогда и подсилится.

Я все, что Дукачъ просилъ, ему обѣщала. И завернула малòго въ шубу, крестъ его себѣ на шею надѣла, а въ ноги барилочку съ сливянкой поставили, и поѣхали. Но только мы съ версту отъѣхали, какъ поднялась метель, просто ѣхать нельзя: зги никакой не видно.

Я говорю Агапу:

— Нельзя намъ ѣхать, воротимся!

А онъ дяди боялся и ни за что не хотѣлъ воротиться.

— Богъ дастъ, говоритъ, доѣдемъ. А мнѣ чи замерзнуть, чи меня дядько убьѐ, то все едыно.

И все коней погоняетъ, и какъ уперся, такъ на своемъ и стоитъ.

А тѣмъ временемъ стало темнѣть и сдѣлалось не видно и слѣда. Ѣдемъ мы ѣдемъ, и не знаемъ, куда ѣдемъ. Кони туда-сюда вертятъ, крутятся,—и никуда не пріѣдемъ. Перезябли мы страшно и чтобы не застыть, взяли и сами по-

тянули изъ той барилочки, что перегудинскому попу везли. А я на дитя посмотрѣла: думала — боронй Богъ, не задохло бы. Нѣтъ, тепленькое лежитъ и дышетъ такъ, что даже парокъ отъ него валитъ. Я ему дырочку надъ личикомъ прокопала,—пусть дышетъ, и опять поѣхали, и опять поѣхали и опять ѣздили-ѣздили, видимъ, что мы опять все крутимся, и нѣтъ намъ во тьмѣ никакого просвѣта, а кони куда знаютъ, туда и воротятъ. Теперь уже и домой вернуться, какъ раньше думали, чтобы переждать метель, и того нельзя, — нельзя уже стало и знать, куда ворочаться: гдѣ Парипсы, а гдѣ Перегуды. Я послала Агапа, чтобы всталъ, да коней въ поводу велъ, а онъ говоритъ: якая ты умная! мнѣ холодно. Обѣщаю ему, какъ домой вернемся, злоть ему дать, а онъ говоритъ:

— На що мени вашъ и злоть, якъ мы оба тутъ издохнемъ. А если хотите мнѣ что сдѣлать отъ доброй души, дайте мнѣ еще хорошенько потянуть изъ барила. Я говорю: пей, сколько хочешь,—онъ и попилъ. Попилъ и пошелъ впередъ, чтобы брать коней за узду, да замѣсто того сейчасъ же сразу назадъ: вернулся, и весь трясется.

— Что ты, говорю, что съ тобою такое?

А онъ отвѣчаетъ:

— Да ишь вы, говоритъ, якая умная: развѣ я могу противъ Николы перти?

— Что ты глупый человѣкъ говоришь: чего тебѣ противъ Николы перти?

— А кто его знаетъ, говоритъ: чего онъ тамъ стоитъ?

— Гдѣ, кто стоитъ?

— А вотъ тамъ, говоритъ, у самаго запряга, впереди коней.

— Да цуръ тобѣ, дурню, говорю: ты пьянъ!

— Эге, хорошо, отвѣчаетъ, что пьянъ, а вотъ же твой мужъ былъ не пьянъ, да мару видѣлъ, и я вижу.

— Ну вотъ, говорю, ты еще моего мужа вспомнилъ: что онъ видѣлъ — это я лучше тебя знаю, что онъ видѣлъ, а ты говори: что тебѣ показывается!

— А стоитъ що-сь таке совсѣмъ дуже велике въ московьской золотой шапци, ажь съ нее искры сыплятся.

— Это, говорю, у тебя у самаго изъ пьяныхъ глазъ сыпется.

— Нѣтъ, споритъ, это Никола въ московьской шапци. Онъ насъ и не пуска.

Я и вздумала, что это можетъ-быть неправда, а можетъ и вправду за то, что мы не хотѣли хлопца Николою писать, а Савкою, и говорю:

— Не хай же по его буде: не пуска и не надо, — мы ему теперь уступимъ, а завтра по-своему сдѣлаемъ. Пусти коней идти, куда хотятъ,—они насъ домой привезутъ; а ты теперь за то хоть всю барилочку выпей.

Смутила я Агапа.

— Ты, говорю, выпей побольше, и только знай помалчивай; а я такое брехать стану, что никому въ умъ не вступитъ, что мы брешемъ. Скажемъ, что дѣтину охрестили и назвали его, какъ Дукачъ хотѣлъ, добрымъ казачьимъ именемъ, — Савкою, — вотъ и крестикъ пока ему на шейку надѣнемъ; а въ недилю (воскресенье) скажемъ: панъ-отецъ велѣлъ дытину привезти, чтобы его причастить, и какъ повеземъ, тогда за разъ и окрестимъ, и причастимъ,— и все будетъ тогда, какъ слѣдуетъ по христіанскому.

И открыла опять дытиноча,—оно такое живеньке, спитъ, а само тепленьке, даже снѣжокъ у него на лобикѣ таетъ; я ему этой талой водицей на личикѣ крестъ обвела и проговорила: во имя Отца, Сына, и крестикъ надѣла, и пустились на Божію волю, куда кони вывезутъ.

Кони все шли да шли, — то идутъ, то остановятся, то опять пойдутъ, а погода все хуже да хуже, стыдь все лютѣе. Агапъ совсѣмъ опьянѣлъ, сначала бормоталъ что-то, а послѣ и голоса не сталъ подавать,—свалился въ сани и захрапѣлъ. А я все стыла, да стыла, и такъ и не пришла въ себя, пока меня у Дукача въ домѣ снѣгомъ стали оттирать. Тутъ я очнулась и вспомнила, что хотѣла сказать, и то самое и сказала, что дитя будто охрещено и что

будто дано ему имя Савва. Мнѣ и повѣрили, и я покойна была, потому что думала все это поправить, какъ сказано, въ первое же воскресенье. А того и не знала, что Агапъ былъ застрѣленный и скоро умеръ, а стараго Дукача въ острогъ берутъ; а когда узнала, я хотѣла во всемъ повиниться хоть старой Дукачихѣ, да никакъ не рѣшалася, потому что въ семьѣ тогда большое горе было. Думала, разскажу все это послѣ, да и послѣ тяжело было это открывать, и такъ все это день ото дня откладывалось. А время шло да шло, а хлопецъ все росъ; и все его Савкой звали, и въ науку его отдали, — я все не собралась открыть, тайну и все мучилась и все собиралась открыть, что онъ не крещеный, а тутъ, когда вдругъ услыхала, что его даже и въ попы ставятъ, побѣжала-было въ городъ, сказать, да меня не допустили и его поставили, и говорить стало не къ чему. Зато съ тѣхъ поръ я уже и минуты покоя не знаю,—мучусь, что черезъ меня все христіанство на моемъ родномъ мѣстѣ съ некрещенымъ попомъ въ посмѣхъ отдается. Потомъ, чѣмъ старѣе становилась и видѣла, что люди его все больше любятъ, тѣмъ хуже мучилась и боялась, что меня земля не приметъ. И вотъ только теперь, въ мой смертный случай насилу сказала. Пусть проститъ мнѣ все христіанство, чьи души я некрещенымъ попомъ сгубила, а меня хоть живую въ землю заройте, и я ту казнь приму съ радостью».

Благочинный и перегудинскій попъ все это выслушали, все записали и оба къ той записи подписались, прочитали отцу Саввѣ, а потомъ пошли въ церковь, положили вездѣ печати и уѣхали въ губернскій городъ къ архіерею и самого отца Савву съ собой увезли.

А народъ тутъ и зашумѣлъ, пошли переговоры: что это такое, надъ нашимъ панамъ-отцомъ, да откудова и съ какой стати? И можно ли тому быть, какъ говоритъ Кераснха? Статочное ли дѣло вѣдьмѣ вѣрить?

И сгромоздили такую комбинацію, что все это отъ Николы и что теперь надо какъ можно лучше «подсилить»

передъ Богомъ святого Савку и идти самимъ до архіерея. Отбили церковь, зажгли передъ святцами всѣ свѣчи, сколько было въ ящикѣ, и послали вслѣдъ за благочиннымъ шесть добрыхъ казаковъ къ архіерею просить, чтобы онъ отца Савву и думать не смѣлъ отъ нихъ трогать, «а то-де мы безъ сего пана-отца никого слухать не хочемъ и пойдемъ до иной вѣры, хоть если не до катылицкой, то до турецькой, а только безъ Саввы не останемся».

Вотъ тутъ-то архіерею и была загвоздка, почище того, что «дьяконъ ударилъ трепака, а трепакъ не проситъ: зачѣмъ же благочинный доноситъ?»

Керасивна умерла, подтвердивъ въ своемъ порывѣ покаянія всѣмъ то, что мы знаемъ, и выборные казаки пошли къ архіерею и всю ночь все думали о томъ, что̀ они сдѣлаютъ, если архіерей ихъ не послушаетъ и возьметъ у нитъ попа Савву?

И еще тверже рѣшили, что вернутся они тогда на село, — сразу выпьютъ во всѣхъ шинкахъ всю горѣлку, чтобы она никому не досталась, а потомъ возьметъ изъ нихъ каждый по три бабы, а кто богаче, тотъ четыре, и будутъ настоящими турками, но только другого попа не хотятъ, пока живъ ихъ добрый Савва. И какъ это можно допустить, что онъ не крещенъ, когда имъ крещено, исповѣдано, вѣнчано и схоронено такъ много людей по всему христіанству? Неужели теперь должны всѣ эти люди быть въ «поганьскомъ положеніи»? Одно, что казаки соглашались еще уступить архіерею,—это то, что если нельзя отцу Саввѣ попомъ оставаться, то пусть архіерей его у собя, гдѣ знаетъ, тихонько окреститъ, а только чтобы все-таки онъ его оставилъ... или иначе они... «удадутся до турецькой вѣры».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Это опять было зимою, и опять было подъ вечеръ, и какъ разъ около того же Николина или Саввина дня,

когда Красивна, тридцать пять лѣтъ тому назадъ, ѣздила изъ Парпсовъ въ Перегуды крестить маленькаго Дукачева сына.

Отъ Парпсъ до губернскаго города, гдѣ жилъ архіерей, было верстъ сорокъ. Отправившаяся на выручку отца Саввы громада считала, что она пройдетъ верстъ пятнадцать до большой корчмы жида Іоселя,—тамъ подкрѣпится, погрѣется и къ утру, какъ разъ, явится къ архіерею.

Вышло немножко не такъ. Обстоятельства, имѣющія прихоть повторяться, сыграли съ казаками ту самую исторію, какая тридцать пять лѣтъ тому назадъ была разыграна съ Агапомъ и Красивной: поднялась страшная метель, и казаки всею громадою начали плутать по степи, потеряли слѣдъ и, сбившись съ дороги, не знали, гдѣ они находятся, какъ вдругъ, можетъ-быть всего за часъ передъ разсвѣтомъ, видятъ стоитъ человѣкъ, и не на простомъ мѣстѣ, а на льду, надъ прорубью и говоритъ весело:

— Здорово, хлопцы!

Тѣ поздоровались.

— Чего, — говоритъ, — это васъ въ такую пору носитъ: видите, вы мало въ воду не попали.

— Такъ, — говорятъ, — горе у насъ большое, мы до архіерея спѣшимъ: хотимъ прежде своихъ враговъ его видѣть, щобы онъ на нашу руку сдѣлалъ.

— А что вамъ надо сдѣлать?

— А щобы онъ намъ нехрещенаго попа оставилъ, а то мы такіе несчастливые, що въ турки пидемо.

— Какъ въ турки пидете! Туркамъ нельзя горѣлки пить.

— А мы ее всю впередъ сразу выпьемъ.

— Ишь вы какіе лукавые.

— Да що же маемъ робить, при такой обидѣ — якъ добраго попа берутъ.

Незнакомый говоритъ:

— Ну, такъ разскажите-ка мнѣ все толкомъ.

Тѣ и разсказали. И такъ ни съ того, ни съ сего, стоя

у проруби, умно все по порядку сказали и опять дополнили: что если архіерей имъ не оставитъ того Савву, то они «всей вѣры рѣшатся».

Тутъ имъ этотъ незнакомый и говоритъ:

— Ну, не бойтесь, хлопцы, я надѣюсь, что архіерей хорошо разсудитъ.

— Да воно бъ такъ и намъ, — говорятъ, — сдается, що такій великій чинъ маючи надо добре разсудить, а Богъ его церьковный знае...

— Разсудитъ, разсудитъ, а не разсудитъ, такъ я помогу.

— Ты?.. а ты кто такой?

— Скажи: якъ тебя звать?

— Меня, говоритъ, звать Саввою.

Казаки другъ друга и толкнули въ бокъ.

— Чуете, се самъ Савва.

А тотъ Савва имъ потомъ: вотъ, говоритъ, вы пришли куда вамъ слѣдуетъ, — вонъ на горкѣ монастырь, тамъ и архіерей живетъ.

Смотрятъ и точно: виднѣть стало и передъ ними за рѣкою на горкѣ монастырь.

Очень казаки удивились, что подъ такою суровою непогодою, безъ отдыха, прошли сорокъ верстъ, и, взобравшись на горку, сѣли у монастыря, достали изъ сумочекъ у кого что было съѣдобнаго и стали подкрѣпляться, а сами ждутъ, когда къ утренѣ ударятъ и отопрутъ ворота.

Дождались, вошли, утреню отстояли, и потомъ явились на архіерейское крыльцо просить аудіенціи.

Хотя наши архипастыри и не очень охочи до бесѣдъ съ простецами, но этихъ казаковъ сразу пустили въ покои и поставили въ пріемную, гдѣ они долго-долго ждали, пока явились сюда и перегудинскій попъ, и благочинный, и попъ Савва, и много другихъ людей.

Вышелъ архіерей и со всѣми людьми переговорилъ, а съ благочиннымъ и съ казаками ни слова, пока всѣхъ другихъ изъ залы выпустилъ, а потомъ прямо говоритъ казакамъ:

— Ну, что, хлопцы, обидно вамъ? Некрещенаго попа себѣ очень желаете?

А тѣ отвѣчаютъ:

— Милуйте — жалуйте, ваше высокопреосвященство: якъ же не обида... такій бувъ попъ, такій попъ, що другого такого во всѣмъ хрыстіанствѣ нема...

Архіерей улыбнулся.

— Именно, говоритъ, такого другого нема, да съ этимъ оборачивается до благочиннаго и говоритъ:

— Поди-ка въ ризницу: возьми, тамъ тебѣ Савва книгу приготовилъ, принеси и читай, гдѣ раскрыта.

А самъ сѣлъ.

Благочинный принесъ книгу и началъ читать: «Не хощу же васъ не вѣдѣти, братіе, яко отцы наши *вси подъ облакомъ быша* и вси сквозь море проидоша и вси въ Моисея *крестишася во облацѣ и въ мори.* И вси тожде брашно духовное ядоша и вси тожде пиво духовное піяху, бо отъ духовнаго послѣдующаго камене: камень же бѣ Христосъ».

На этомъ мѣстѣ архіерей и перебилъ, говоритъ:

— Разумѣеши ли, яже чтеши?

Благочинный отвѣчаетъ:

— Разумѣю.

— И сейчасъ ли только ты это уразумѣлъ?

А благочинный и не знаетъ, что отвѣчать, и такъ наоболмашъ сказалъ:

— Слова сіи я и прежде челъ.

— А если челъ, такъ зачѣмъ же ты такую тревогу допустилъ и этихъ добрыхъ людей смутилъ, которымъ онъ добрымъ пастыремъ былъ?

Благочинный отвѣчалъ:

— По правиламъ святыхъ отецъ...

А архіерей перебилъ:

— Стой, говоритъ, стой: иди опять къ Саввѣ: онъ тебѣ дастъ правило.

Тотъ пошелъ и пришелъ съ новою книгою.

— Читай,—говоритъ архіерей.

— Читаемъ,—началъ благочинный,—у святаго Григорія Богослова писано про Василія Великаго, что онъ «былъ для христіанъ іереемъ до священства».

— Сіе къ чему?—говоритъ архіерей.

А благочинный отвѣчаетъ:

— Я только по долгу службы моей, какъ оказался онъ не крещеный въ такомъ санѣ...

Но тутъ архіерей какъ топнетъ:

— Еще, говоритъ, и теперь все свое повторяешь! Стало быть, по-твоему сквозь облако пройдя въ Моисея можно окреститься, а во Христа нельзя? Вѣдь тебѣ же сказано, что они, добиваясь крещенія и влажное облако со страхомъ смертнымъ проникали, и на челѣ расталою водою того облака крестъ младенцу на лицѣ написали во имя святой Троицы. Чего же тебѣ еще надо? Вздорный ты человѣкъ и не годишься къ дѣлу: я ставлю на твое мѣсто попа Савву; а вы, хлопцы, будьте безъ сомнѣнія: нашъ вашъ Савва, который вамъ хорошъ, и мнѣ хорошъ, и Богу пріятенъ, и идите домой безъ сомнѣнія.

Тѣ ему въ ноги.

— Довольны вы?

— Дуже довольны,— отвѣчаютъ хлопцы.

— Не пойдете теперь въ турки?

— Тпфу! не пидемо, батьку, не пидемо.

— И всю горѣлку сразу не выпьете?

— Не выпьемо отъ разу, не выпьемо, цуръ ій, пекъ!

— Идите же съ Богомъ и живите по-христіански.

И тѣ уже готовы были уходить, но одинъ изъ нихъ для бо́льшаго успокоенія кивнулъ архіерею пальцемъ и говоритъ:

— А будьте, ваша милость, ласковы, отойти со мною до куточка.

Архіерей улыбнулся и говоритъ:

— Ну хорошо, пойдемъ до куточка.

Тутъ казакъ его и спрашиваетъ:

— А звольте ваша милость: звиткиля вы все се узнали, допреже якъ мы вамъ сказали?

— А тебѣ, говоритъ, что за дѣло?

— Да намъ таке дило, чи се не Савва ли васъ всимъ надоумивъ?

Архіерей, которому все разсказалъ его келейникъ Савва, посмотрѣлъ на хохла и говоритъ:

— Ты отгадалъ,—мнѣ Савва все сказалъ.

А самъ съ этимъ и ушелъ изъ залы.

Ну, тутъ хлопцы и поняли все, какъ хотѣли. И съ той поры живетъ разсказъ, какъ маломочный Савва тихенько да гарненько оборудовалъ дѣло такъ, что московьскій Никола со всей своей силою ни при чемъ остался.

— Такій-то, говорятъ, нашъ Савкò штуковатый, якъ подсилился, то таке повыдумывалъ, что всѣхъ съ толку сбилъ: то отъ писанія покажетъ, то отъ святыхъ отецъ въ носъ сунетъ, такъ что ажь ничого понять не можно. Богъ его святый знае: чи онъ взаправду попа Савву у Красивны за пазухою перекрестилъ, чи только такъ ловко все закароголывъ, що и архіерею не разкрутить. А вышло все на добре. На томъ ему и спасыби.

О. Савва, говорятъ, и нынче живъ и вокругъ его села кругомъ штунда, а въ его малой церковкѣ все еще полно народу... И хоть неизвѣстно: «подсиливаютъ» ли тамъ нынче св. Савкà попрежнему, но утверждаютъ, что тамъ, попрежнему, во всемъ приходѣ никакіе Михалки и Потапки «*голые пузеня*» не показываютъ.

ВЛАДЫЧНЫЙ СУДЪ.

(быль).

(изъ недавнихъ воспоминаній).

Pendant къ разсказу „На краю свѣта“.

«Не судите по наружности, но судите судомъ праведнымъ». (*Іоан. 7, 24*).

«Судъ безъ милости — не оказавшему милости». (*Іак. 11, 13*).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ 1876 году я написалъ маленькій разсказъ, который называется «*На краю свѣта*» (изъ воспоминаній архіерея). Онъ имѣлъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторый успѣхъ. По крайней мѣрѣ я обязанъ такъ думать, судя и по довольно быстрой продажѣ книжечки, и по разнообразію вызванныхъ ею толковъ. Литературные органы, удостоившіе ее вниманія (не исключая и одного духовнаго изданія), отозвались о ней чрезвычайно сочувственно и милостиво, но зато частнымъ, негласнымъ путемъ мнѣ довелось слышать иное. Нѣкоторыя весьма почтенныя и довольно извѣстныя въ духовенствѣ лица отнеслись къ этому разсказу неодобрительно. То же самое высказано мнѣ и многими редстокистами. И тѣ, и другіе увидали въ поведеніи описаннаго мною архіерея и миссіонеровъ «*мирволенье невѣрію и даже нерадѣніе о спасеніи душъ святымъ крещеніемъ*».

И экзальтированнымъ мечтателямъ, и положительнымъ ортодоксаламъ одинаково не нравится, что описанный мною архіерей и миссіонеры не спѣшили крестить бродячихъ дикарей, которые нимало не усвоили истинъ христіанской вѣры и принимали крещеніе или страха ради, или изъ матеріальныхъ разсчетовъ.

Я не вижу никакой необходимости оправдываться въ томъ, что я написалъ, хотя и для оправданія моего, мнѣ, можетъ быть, стоило бы только отослать этихъ критиковъ къ двумъ небольшимъ сочиненіямъ блаженнаго Августина: «De fide et operibus» и «De catechisandis rudibus». Тамъ они могутъ найти у этого великаго христіанскаго философа готовые отвѣты на укоризны, дѣлаемыя ими мнѣ за моихъ «тенденціозно-вымышленныхъ героевъ». Но дѣло-то въ томъ, что въ упомянутомъ небольшомъ моемъ сочиненьицѣ совсѣмъ и нѣтъ никакой тенденціи и даже очень мало вымысла, а почти все—настоящее происшествіе, весьма немного развитое только въ нѣкоторыхъ деталяхъ, и то по готовой канвѣ.

Я не вижу болѣе надобности скрывать, что архіерей, изъ воспоминаній котораго составленъ этотъ разсказъ, есть не кто иной, какъ недавно скончавшійся архіепископъ ярославскій, высокопреосвященный Нилъ, который *самъ* разсказывалъ это *бывшее съ нимъ* происшествіе понынѣ здравствующему и живущему здѣсь въ Петербургѣ почтенному и всякаго довѣрія достойному лицу В. А. К—ву. В. А. К—въ сообщилъ этотъ случай мнѣ, какъ прекрасный матеріалъ для характеристики свѣтлаго и яснаго взгляда усопшаго автора «Буддизма», а я только воспользовался этимъ матеріаломъ. Но, можетъ быть, не безынтересно будетъ знать, что этотъ, разсказанный мною случай, въ которомъ всего замѣчательнѣе, конечно, взглядъ архіерея, далеко не единиченъ въ своемъ родѣ, и чтобы доказать это, я хочу теперь разсказать другое, близко мнѣ извѣстное происшествіе, всѣхъ участниковъ котораго я уже буду называть ихъ настоящими именами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Очень молодымъ человѣкомъ, почти мальчикомъ, я началъ мою службу въ Кіевѣ, подъ начальствомъ Алексѣя Кирилловича Ключарева, который впослѣдствіи служилъ директоромъ департамента государственнаго казначейства и былъ извѣстенъ какъ «службистъ» и «чиновникъ съ головы до пятокъ». Его боялись въ Житомірѣ, боялись въ Кіевѣ и только перестали бояться въ Петербургѣ, гдѣ этотъ суровый и сухой формалистъ почувствовалъ, что онъ тутъ не къ масти козырь, и вскорѣ по удаленіи отъ дѣлъ скончался. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, воспитывался въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и былъ въ натурѣ бурсакъ самаго крѣпкаго закала. Онъ былъ неутомимъ, дѣловитъ, логиченъ, сухъ, любилъ во всемъ точность и не обличалъ слабостей сострадательнаго сердца. Правда, онъ очень любилъ свою комнатную собачонку съ коричневыми ушами; цѣловалъ ее взасосъ въ самую морду; бывалъ въ тревогѣ, когда она казалась ему грустною, и даже собственноручно ставилъ ей промывательное; но я никогда не видалъ, чтобы въ его сухомъ, почти жестокомъ лицѣ дрогнулъ хотя одинъ мускулъ, когда онъ выгонялъ со службы многосемейнаго чиновника или стригъ въ рекруты малолѣтнихъ еврейчиковъ, которыхъ тогда брали на службу въ дѣтскомъ возрастѣ.

Эта пріемка жидовскихъ ребятишекъ, поистинѣ, была ужасная операція. Законъ дозволялъ приводить въ рекруты дѣтей не моложе двѣнадцатилѣтняго возраста, но «по наружному виду» и «на основаніи присяжныхъ розысканій» принимали дѣтей и гораздо моложе, такъ какъ въ этомъ для службы вреда не предвидѣлось, а оказывались даже кое-какія выгоды, — напримѣръ, существовало убѣжденіе, что маленькія дѣти скорѣе обвыкались и легче крестились.

Пользуясь такимъ взглядомъ, евреи-сдатчики вырывали маленькихъ жидочковъ изъ материнскихъ объятій почти

безъ разбора, и прямо съ теплыхъ постелей сажали ихъ въ холодные краковскіе брики и тащили къ сдачѣ.

Какими душу разрывающими ужасами все это сопровождалось, объ этомъ не дай Богъ и вспомнить. По всѣмъ еврейскимъ городамъ и мѣстечкамъ буквально возобновлялся «плачъ въ Рамѣ»: Рахиль громко рыдала о дѣтяхъ своихъ и не хотѣла утѣшиться.

Къ самой суровости требованій закона, нынѣ — слава Богу и Государю—уже отмѣненнаго, присоединилась еще къ угнетенію бѣдныхъ вся безпредѣльная жестокость жидовской неправды и плутовства, практиковавшихся на всѣ лады. Очередныхъ рекрутъ почти никогда нельзя было получить, а приводились подочередные, запасные и вовсе неочередные; а такъ какъ наборы были часты и производились съ замѣчательною строгостью, то разбирать было некогда, и неочередные принимались «во избѣжаніе недоимки», съ условіемъ перемѣны впослѣдствіи очередными; но условіе это, разумѣется, никогда почти не исполнялось. «Записано и съ рукъ долой». Принятое дитя засылали въ далекіе кантонистскіе батальоны, и бѣдные родители не знали, гдѣ его отыскивать, а къ тому же у рачительныхъ партіонныхъ командировъ, *по-своему* радѣвшихъ о христіанствѣ, и вѣроятно тоже *по-своему* его и понимавшихъ, значительная доля такихъ еврейчиковъ оказывалась окрещенными, прежде чѣмъ партія приходила на мѣсто, гдѣ крещеніе производилось еще успѣшнѣе. Словомъ, ребенокъ, разъ взятый отъ евреевъ-родителей, былъ для нихъ почти что навсегда потерянъ.

Очень многихъ изъ этихъ жидочковъ крестили еще и до выступленія партій изъ Кіева, чѣмъ особенно интересовалась и озабочивалась покойная супруга тогдашняго юго-западнаго генералъ-губернатора, княгиня Екатерина Алексѣевна Васильчикова (рожденная кн. Щербатова).

Самая вопіющая несправедливость при сдачѣ дѣтей заключалась въ томъ, что у нихъ почти у всѣхъ безъ исключенія никогда не бывало метрическихъ раввинскихъ выписей,

и лѣта приводимаго опредѣлялись, какъ я сказалъ, или наружнымъ видомъ, который можетъ быть обманчивъ, или такъ называемыми «присяжными розысканіями», которыя всегда были еще обманчивѣе. Что такое были эти присяжныя розысканія,—это весьма интересно и въ своемъ родѣ можетъ быть поучительно для нѣкоторыхъ мечтателей, имѣющихъ высокое понятіе о еврейской религіозности. Шесть или двѣнадцать жидковъ *присягали* гдѣ-то, что они «достаточно знаютъ, что такому-то Шмилику и Мордкѣ уже исполнилось двѣнадцать лѣтъ», и на основаніи этого документа принимались въ рекруты дѣти, которымъ было не болѣе семи или восьми лѣтъ. Случаевъ этихъ было бездна. Бывало и то, что одна дюжина сыновъ Израиля, нанятая присягать сдатчиками, присягала, что Мордкѣ двѣнадцать лѣтъ, а другая, нанятая для того же родителями ребенка, подъ такою же присягою удостовѣряла, что ему только семь лѣтъ. Бывало даже, что и одни и тѣ же люди присягали и за одно, и за другое. Это объяснялось возникновеніемъ при описываемыхъ мною обстоятельствахъ особаго промысла «присягателей»: изъ самаго мерзкаго отребья жидовскихъ кагаловъ, такъ хорошо описанныхъ принявшимъ христіанство раввиномъ Брафманомъ, составлялись банды безсовѣстныхъ и грубо деморализованныхъ людей, которые такъ и бродили шайками по двѣнадцати человѣкъ, ища работы, т.-е. пытая вездѣ: «чи нема чого присягать?»

И гдѣ было «чого присягать», тамъ, при продажномъ приставѣ и продажномъ «казенномъ раввинѣ», безтрепетно произносилось имя Еговы и Его святымъ именемъ какъ-бы покрывалась страшная неправда гнусной совѣсти человѣческой.

Вся кощунственная мерзость этого вопіющаго злоупотребленія именемъ Божіимъ была всѣмъ узрима до очевидности; но... дѣло обставленное съ его формальной стороны не останавливало теченія этого «*порядка*». Ни судить, ни рядить, ни заступиться за слабаго при самомъ очевидномъ

его угнетенiи не было ни времени, ни средствъ, ни охоты...

Да; я не обмолвился: не было уже и *охоты*, потому что въ этомъ морѣ стоновъ и слезъ, въ которомъ мнѣ въ моей юности пришлось провести столько тяжкихъ дней, отупѣвало чувство и если порою когда и шевелилось слабое состраданiе, то его тотчасъ же подавляло сознанiе полнѣйшаго безсилiя помочь этому ужаснѣйшему, раздирающему горю цѣлой толпы завывавшихъ у стѣнъ палаты матерей и рвавшихъ свои пейсы отцовъ.

Ужасныя картины, повторяясь изо дня въ день, притупляли впечатлительность даже и въ незломъ и въ доступномъ состраданiю сердцѣ.

«Привычка—чудовище».

Но какъ нѣтъ правилъ безъ исключенiя, то и тутъ, въ этой тягостной полосѣ моихъ раннихъ воспоминанiй есть одно исключенiе, съ которымъ для меня соединяется самое свѣтлое воспоминанiе о небольшомъ и конечно неважномъ, но, по моему мнѣнiю, въ высшей степени замѣчательномъ и оригинальномъ происшествiи, бросающемъ мягкiй и теплый лучъ свѣта на меркнущую въ людской памяти личность благодушнѣйшаго iерарха русской церкви, покойнаго митрополита кiевскаго Филарета Амфитеатрова.

Можетъ статься, что читатель будетъ немножко удивленъ: кое общенiе митрополиту съ жидовскимъ наборомъ?! И впрямь есть чему удивляться; но чѣмъ это кажется удивительнѣе, тѣмъ должно быть интереснѣе, и ради этого-то интереса я приглашаю читателя терпѣливо послѣдовать за мною до конца моего небольшого разсказа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

А. К. Ключаревъ, не взирая на мои юные годы, назначилъ меня къ производству набора. Дѣло это, не требующее никакихъ, такъ называемыхъ, «высшихъ соображенiй», требуетъ однако много усилiй. Цѣлые дни, иногда съ ранняго утра до самыхъ сумерекъ (при огнѣ рекрутъ не осматри-

вали), надо было безвыходно сидѣть въ присутствіи, чтобы разъяснять очередныя положенія приводимыхъ лицъ и представлять объясненія по безчисленнымъ жалобамъ, а также подводить законы, приличествующіе разрѣшенію того или другого случая. А чуть закрылось присутствіе, начиналась самая горячая подготовительная канцелярская работа къ слѣдующему дню. Надо было принять объявленія, сообразить ихъ съ учетами и очередными списками; отослать обмундировочныя и порціонныя деньги; выдать квитанціи и разсмотрѣть цѣлыя горы ежедневно въ великомъ множествѣ поступавшихъ запутаннѣйшихъ жалобъ и каверзнѣйшихъ доносовъ.

Канцелярія, состоящая изъ командированныхъ къ этому времени изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ чиновниковъ, исполняла только то, что составляло механическую работу,—т.-е. ея дѣло писать и записать, выдать,—все же требующее какой-нибудь сообразительности и знанія законовъ лежало на одномъ лицѣ — на дѣлопроизводителѣ. Поэтому, къ этой мучительной, трудной и отвѣтственной должности выбирались люди служилые и опытные; но А. К. Ключаревъ, по свойственной ему во многихъ отношеніяхъ непосредственности, выбралъ въ эту должность меня,—едва лишь начавшаго службу и имѣвшаго всего 21 годъ отъ роду.

Легко представить: какія усилія я долженъ былъ употреблять, чтобы вести въ порядкѣ такое суматошное и отвѣтственное дѣло при такомъ строгомъ начальникѣ, какъ А. К. Ключаревъ, котораго потомъ смѣнилъ благодушный Н. М. Кобылинъ, тоже удержавшій меня на этой должности. Мученія мои начались мѣсяца за полтора до начала набора по образованію участковъ, выбору очередей и проч., продолжались мѣсяца полтора-два во время самаго набора и оканчивались послѣ составленія о немъ отчета. Во все это время я не жилъ никакою человѣческою жизнью, кромѣ службы: я едва имѣлъ часъ, полтора на обѣдъ и не болѣе четырехъ часовъ въ ночь для сна.

Всякій вѣроятно легко пойметь, какъ при такой жизни у меня было мало времени для того, «чтобъ сердцемъ умилиться, о людяхъ плакать и молиться».

Въ это-то время, можетъ быть даже въ одинъ изъ самыхъ надоѣдныхъ дней, я сидѣлъ разъ вечеромъ за своимъ столикомъ въ присутственной комнатѣ и читалъ одну за другою набросанныя мнѣ жалобы. Ихъ по обыкновенію было очень много, и большинство ихъ—почти тождественнаго содержанія. Всѣ онѣ содержали одни и тѣ же сѣтованія и были написаны по одному очень грустному и очень пошлому шаблону. Но вдругъ мнѣ попалъ въ руки листокъ прескверной, скомканной бумаги, на которомъ невольно остановилось мое вниманіе. Отъ этой бумажонки такъ и несло самымъ безучастнымъ и самымъ непосредственнымъ горемъ, котораго нельзя было не замѣтить, какъ нельзя не замѣтить насквозь промерзшаго окна, потому что отъ него дышитъ холодомъ. Самый видъ этой бумажонки напоминалъ того нищаго, про котораго Гейне сказалъ, что у него:

глядѣла...
Бѣдность въ каждую прорѣху
И изъ очей глядѣла бѣдность.

Я чувствовалъ неотразимую потребность самымъ внимательнымъ образомъ вникнуть въ эту бумагу; но лишь только приступилъ къ ея чтенію, какъ сейчасъ же увидалъ, что это было почти что невозможно. Невозможно было понять, на какомъ это было писано языкѣ и даже какимъ алфавитомъ. Тутъ были буквы и польскія, и русскія, и вдругъ между ними цѣлое слово или одинъ знакъ по-еврейски. Самое написаніе было что-то въ родѣ написанія, какое сдѣлали гоголевскіе купцы въ жалобѣ, поданной «господину финансову» Хлестакову: тутъ были и слова изъ высочайшаго титула, и личное имя предсѣдателя, и упоминались «уси генералъ-губернатора и чины и ваши оберъ-преподобіе, увмѣстѣ съ флигерточаковъ *) и увси, кто въ Бога вируе».

*) «Флигерточаковъ» это должно было значить «флигель-адъютантъ Чертковъ».

Словомъ, было видно, что проситель жаловался всѣмъ властямъ въ мірѣ и все это устроилъ въ такой формѣ, что можно было принять, пожалуй, за шутку и за насмѣшку, и было полное основаніе все это произведеніе «оставить безъ послѣдствій» и бросить подъ столъ въ корзину. Но, опять повторяю, здѣсь «глядѣла бѣдность въ каждую прорѣху и изъ очей глядѣла бѣдность», и мнѣ ее стало очень жалко.

Вмѣсто того, чтобы отбросить бумажонку за ея неформенность, какъ «неподлежаще поданную», я ее началъ читать и «духомъ возмутился, зачѣмъ читать учился». Нелѣпость въ надписаніи была ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что содержалъ самый текстъ, но зато въ этой нелѣпости еще назойливѣе вопіяло отчаяніе.

Проситель въ малопонятныхъ выраженіяхъ, изъ коихъ трудно было добраться до смысла, разсказывалъ слѣдующее: онъ былъ «интролигаторъ», т.-е. переплетчикъ, и обращаясь по своему мастерству съ разными книгами, «посядалъ много науки въ премудрость Божаго слова пообширнаго разсужденія». Такое «обширное разсужденіе» привело его въ опалу и у кагала, который въ противность всѣхъ правилъ напалъ ночью на домишко «интролигатора» и съ его постели увлекъ его десятилѣтняго сына и привезъ его къ сдачѣ въ рекруты. «Интролигаторъ» дѣйствительно не былъ на очереди и представлялъ присяжное разысканіе, что взятый кагаломъ сынъ его имѣетъ всего семь лѣтъ; но очередь въ эти дни передъ концомъ набора не наблюдалась, а кагалъ въ свою очередь представлялъ другое присяжное разысканіе, что мальчику уже исполнилось двѣнадцать лѣтъ.

Интролигаторъ очевидно предчувствовалъ, что мірская кривда одолѣетъ его правду и, не надѣясь восторжествовать надъ этою кривдою, отчаянно молилъ подождать съ принятіемъ его сына «только день одинъ», потому что онъ нанялъ уже вмѣсто своего сына наемщика, двадцатилѣтняго еврея, и везетъ его къ сдачѣ, а просьбу эту посылаетъ «въ увпередъ по почтѣ».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

По обычаямъ, у насъ существовавшимъ, все это ничего не значило, — и такъ какъ самого интролигатора съ его наемщикомъ не было въ Кіевѣ, а его мальчикъ былъ уже привезенъ и завтра назначенъ къ осмотру, то было ясно, что если онъ окажется здоровъ и тѣльцемъ крѣпокъ, то мы его «по наружному виду» постримемъ и пустимъ въ ходъ.

Съ этимъ я и отложилъ просьбу интролигатора въ сторону съ подлежащею справкою и помѣтою. Болѣе я ничего не могъ сдѣлать; но прошелъ часъ, другой, а у меня ни съ того, ни съ сего изъ ума не выходилъ этотъ бѣдный начитанный переплетчикъ. Мнѣ все представлялось: какъ онъ прилетитъ завтра сюда съ его «обширнымъ разсужденіемъ», а его дитя будетъ уже въ солдатскихъ казармахъ, куда такъ легко попасть, но откуда выбраться трудно.

И все мнѣ становилось жалче и жалче этого бѣднаго жида, въ просьбѣ котораго такъ неожиданно встрѣчалось его «широкое образованіе», за которымъ мнѣ тутъ чувствовалась цѣлая старая исторія, которая вѣчно нова въ жестоковыйномъ еврействѣ. Не должно ли было это просто значить, что человѣкъ, имѣвшій отъ природы добрую совѣсть, немножко пораздвинулъ свой умственный кругозоръ и, не измѣняя вѣрѣ отцовъ своихъ, попытался имѣть свое мнѣніе о духѣ закона, сокрываемомъ буквою,—сталъ больше заботиться объ очищеніи своего сердца, чѣмъ объ умываніи рукъ и полосканіи скляницъ — и вотъ дѣло готово: онъ «опасный вольнодумецъ», котораго фарисейскій талмудизмъ стремится разорить, уничтожить и стереть съ лица земли. Если бы этотъ человѣкъ былъ богатъ, ѣлъ свиныя колбасы у исправника, совсѣмъ позабылъ Егову и не думалъ о Его заповѣдяхъ, но не вредилъ фарисейской лжеправедности,— это было бы ничего,—его бы терпѣли и даже уважали бы и защищали; но у него явилась какая-то *ширь*, какая-то свобода духа,—вотъ этого подзаконное жидовство стерпѣть не можетъ.

Восемнадцать столѣтій этой *старой исторіи* еще не измѣнили *); но я, впрочемъ, возвращаюсь къ своей исторіи.

Кому-нибудь, можетъ-быть, покажется страннымъ — почему я придавалъ такое значеніе словамъ интролигатора, который, будучи пристигнутъ бѣдою, очень могъ нарочно прикинуться гонимымъ за свободу мнѣній?

Я это понимаю, и конечно случись это теперь, — подозрѣніе, весьма вѣроятно, могло бы закрасться и въ мою голову; но въ ту пору, къ которой относится мой разсказъ, о такихъ вещахъ, какъ «свобода мнѣній», не думали даже люди, находившіеся въ положеніи гораздо болѣе благопріятномъ, чѣмъ бѣдный жидокъ, у котораго похитили съ постели его единственнаго ребенка. Ему не могло придти въ голову пощеголять либерализмомъ, который послужилъ бы ему скорѣе въ напасть, чѣмъ въ пользу, а это отнюдь не свойственно представителю разсчетливой еврейской породы. Слѣдовательно, я имѣлъ основаніе умозаключить, что слово о религіи тутъ употреблено самымъ искреннимъ образомъ.

Повторяю: мнѣ стало жаль бѣднаго интролигатора, и я вздумалъ ему немножко помочь. Я хотѣлъ, возвращаясь ночью домой, заѣхать въ Англійскую гостиницу, гдѣ квартировалъ, находившійся для набора, флигель-адъютантъ, и сказать ему: не пожелаетъ ли онъ вступиться за бѣднаго человѣка,—попросить, чтобы пріемъ рекрутъ этого участка былъ на одинъ день отложенъ.

Флигель-адъютанты, которыхъ присылали къ наборамъ, хотя прямо въ такіе распорядки не вмѣшивались, но ихъ ходатайства всегда болѣе или менѣе уважались. Однако и

---

*) Русское законодательство имѣло въ виду эту фарисейскую мстительность, и въ IV томѣ Свода Законовъ были положительныя статьи, которыми вмѣнялось въ обязанность, при разсмотрѣніи общественныхъ приговоровъ о сдачѣ евреевъ въ рекруты «за дурное поведеніе», обращать строгое вниманіе, чтобы подъ видомъ обвиненія въ «дурномъ поведеніи» не скрывались козни фанатическаго свойства, мстящія за неисполненіе тѣхъ или другихъ «еврейскихъ обрядовъ»; но евреи это отлично обходили и достигали чего хотѣли.

эта моя задача не годилась, потому что прежде, чѣмъ я привелъ свое намѣреніе въ исполненіе, несчастное дѣло бѣднаго интролигатора осложнилось такими роковыми случайностями, что спасти его сына могло уже развѣ только одно чудо. И что же? чудо для него совершилось, и притомъ совершилось свободно, просто и легко, наперекоръ всѣмъ видимымъ невозможностямъ, благодаря лишь одному тому кроткому «земному ангелу», за какового многіе въ Кіевѣ почитали митрополита Филарета, привлеченнаго сюда—къ этому жидовскому дѣлу—самымъ неожиданнымъ образомъ и перевершившаго всю жидовскую кривду и неподвижную буквенность закона своимъ живымъ и милостивымъ *владычнымъ судомъ*.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Часу въ двѣнадцатомъ ночи я услыхалъ какой-то сильный шумъ въ огромной канцелярской залѣ, смежной съ присутственною камерою, гдѣ я сидѣлъ одинъ за моимъ дѣлопроизводительскимъ столикомъ.

Подобные безпорядки, какъ шумъ, случались, потому что ко мнѣ, какъ къ слишкомъ молодому начальнику канцеляріи, подчиненные мои страха не питали и особой аттенціи не оказывали. Лучшими изъ нихъ относительно субординаціи были старые титулярные совѣтники, декорированные «безпорочными пряжками» и станиславами. Эти важные люди хотя и не жаловали меня, какъ «мальчишку», котораго, по всѣмъ ихъ соображеніямъ, «въ обиду посадили имъ на шею», но обряда ради солидничали, молодежь же, хотя и была исполнительна въ работѣ, а вела себя дурно. Они, случалось, и рѣзвились, и потѣшались насчетъ тѣхъ же «титулярныхъ», между которыми былъ одинъ, весьма вѣроятно, многимъ до сихъ поръ въ Кіевѣ памятный, Григорій Ивановичъ Салько,—величайшій чудакъ, обучавшійся у «дьяка» и начавшій службу «при дьякѣ» и необыкновенно тѣмъ гордившійся. Онъ имѣлъ совершенно свое-

образное пристрастіе къ старому канцелярскому режиму и давалъ всѣмъ оригинальные совѣты изъ дьяковской мудрости. Такъ, напримѣръ, я помню, какъ онъ, замѣтивъ однажды, что я едва преодолѣваю усталость и дремоту, сказалъ мнѣ:

— Сдѣлайте, какъ меня старый дьякъ училъ: возьмите у меня изъ табатерки щепоть табаку да бросьте себѣ въ глаза—сонъ сейчасъ пройдетъ. Мы, въ то время, когда еще настоящая служба была... это когда еще васъ на свѣтѣ не было,—все бывало такъ дѣлали.

Этого и другихъ ему подобныхъ стариковъ легкомысленная молодежь часто дразнила и выводила изъ терпѣнія, при чемъ нерѣдко дѣло отъ шутокъ доходило и до дракъ.

Пора относительно еще весьма не давняя, но ужъ совсѣмъ почти невѣроятная.

Такъ и въ этотъ разъ, разслышавъ шумъ, я полагалъ, что мои молодцы раздразнили кого-нибудь изъ титулярныхъ совѣтниковъ, и произошла обыкновенная свалка, которая должна сейчасъ же разрѣшиться дружнымъ хохотомъ. Но дѣло выходило не такъ: я слышалъ, что вся моя орава куда-то отхлынула и канцелярія какъ будто сразу опустѣла.

Я всталъ и вышелъ посмотрѣть, что̀ случилось. Зала дѣйствительно была пуста, свѣчи горѣли на незанятыхъ никѣмъ столахъ, и только въ одномъ углу неподвижно, какъ мумія, сидѣлъ старѣйшій изъ моихъ титулярныхъ совѣтниковъ,—Несторъ кіевскихъ канцелярій,—Платонъ Ивановичъ Долинскій, имѣвшій владимірскій крестъ за тридцатипятилѣтнюю службу.

Этотъ нашъ Несторъ былъ огромный, сухой, давно весь какъ лунь посѣдѣвшій престарѣлый хохолъ, державшій себя очень неприступно и важно.

Онъ обыкновенно никогда безъ крайней надобности не поднимался съ своего мѣста и не разговаривалъ, а если разговаривалъ, то ругался, и непремѣнно по-хохлацки.

Завидѣвъ меня, онъ немедленно взглянулъ сверхъ сво-

ихъ мѣдныхъ очковъ и сейчасъ же, сердито задвигавъ челюстями, началъ меня пробирать:

— Що же, хиба вы не бачите, що тутъ роблять: они уси побигли дывиться на скаженаго жидюгу. Це же вамъ стыдно: якій же вы старшій? Идыть-бо гоните ихъ подлецовъ назадъ до праци.

— Какой же, спрашиваю, тамъ взялся сумасшедшій?

— А чортяка его видае, звиткиля винъ взялся! Ось вонъ тамъ, гдѣсь на сходахъ крутиться.

Я взялъ съ одного изъ столовъ свѣчу и пошелъ къ выходу на лѣстницу.

Здѣсь, на просторной, очень тускло освѣщенной террасѣ были всѣ мои чиновники. Густо столпившись сплошною массою, они насѣдали на плечи другъ другу и смотрѣли въ средину образованнаго ими круга, откуда чей-то задыхающійся отчаянный голосъ вопилъ сквернымъ жидовскимъ языкомъ:

— Ай-вай! спустите мене, спустите... Уй, ай, ай, ай-вай, спустите! Ай спустите, бо часу нема, бо онъ вже... тамъ у лавру... утикъ... Ай гашпадинъ митрополитъ, гашпадинъ митрополитъ... ай-вай, гашпадинъ митрополитъ, когда жъ ви же старъ чоловикъ... ай-вай, когда жъ ви у Бога вируете... ай... што же это такой бу-у-детъ!.. Ай спустить мене ай... ай!

— Куда тебя парха пустить!—остепенялъ его знакомый голосъ солдата Алексѣева.

— Туда... гвальтъ... я не знаю куда... кто въ Богъ вируе... спустите... бо я несчастливый бидный жидокъ... що вамъ мине тримать... що мине мучить... я вже замучинъ... спустите ради Бога.

— Да куда тебя лѣшаго пустить: куда ты пойдешь? куда просишься?

— Ай, только спустите... я пиду... ей Богу пиду... бо я не знаю куда пиду... бо мине треба до самъ гашпадинъ митрополитъ...

— Да развѣ здѣсь, жидъ ты этакой, сидитъ господинъ митрополитъ!—резонировалъ сторожъ.

— Ахъ... кеды жъ... кеды жъ я не знаю, гдѣ сидитъ гашпадинъ митрополитъ, гдѣ къ ему стукать... Ай, мнѣ же его треба, мнѣ его гвальтъ треба!—отчаянно картавилъ и отчаянно бился еврей.

Мало чего тебѣ треба: такъ тебя парха и пустятъ до митрополита.

Жидъ еще лише завылъ.

— Ай мине нада митрополитъ... мине... мине не пустятъ до митрополитъ... Пропало, пропало мое дѣтко, мое несчастливое дѣтко!

И онъ вдругъ пустилъ такую ужасающую ноту вопля, что всѣ даже отшатнулись.

Солдатъ зажалъ ему рукою ротъ, но онъ высвободилъ лицо и снова завопилъ съ жидовскою школьною вибраціею.

— Ой Іешу! Іешу Ганоцри! Онъ Тебя обмануть хочетъ: не бери *его* лайдака, мишигинера, плута... Ой, Іешу, на що Тебѣ такой поганецъ.

Услыхавъ, что этотъ жидокъ зоветъ уже Іисуса Христа *), я раздвинулъ толпу. Передо мною было зрѣлище, которое могло напомнить группу съ бѣсноватымъ на рафаэлевской картинѣ «Преображенія», столь всѣмъ извѣстной по превосходной гравюрѣ г. Іордана. Пожилой, лохматый еврей, неопредѣленныхъ лѣтъ, весь мокрый, въ обмерзлыхъ лохмотьяхъ, но съ потнымъ лицомъ, къ которому прилипли его черныя космы, и съ глазами на выкатѣ, выражавшими и испугъ, и безнадежное отчаяніе, и страстную безграничную любовь, и самоотверженіе, незнающее никакихъ границъ.

Его держали за шиворотъ и за локти два здоровенные солдата, въ рукахъ которыхъ онъ корчился и бился, то весь сжимаясь, какъ улитка, то извиваясь ужомъ и всячески стараясь вырваться изъ оковавшихъ его желѣзныхъ объятій.

---

*) «Іешу Ганоцри» по еврейскому произношенію значитъ *Іисусъ Назарянинъ*.

Это ужасающее отчаяніе, и эта фраза: «кто въ Бога вируе», которую я только-что прочелъ въ оригинальной просьбѣ и которую теперь опять слышалъ отъ этого бѣснующагося несчастнаго, явились мнѣ въ общей связи. Мнѣ подумалось:

— Не онъ ли и есть этотъ интролигаторъ? Но только какъ онъ могъ такъ скоро поспѣть вслѣдъ за своимъ прошеніемъ и какъ онъ не замерзъ въ этомъ жалчайшемъ рубищѣ и, наконецъ, что ему надо, что такое онъ лепечетъ въ своемъ ужасномъ отчаяніи то про лавру, то про митрополита, то, наконецъ, про самого Іегошуа Ганоцри *)? И впрямь онъ не помѣшался ли?

И чтобы положить конецъ этой сценѣ, я махнулъ солдатамъ рукою и сказалъ: «пустите его». И лишь только тѣ отняли отъ него свои руки, «сумасшедшій жидъ» метнулся впередъ какъ кошка, которая была заперта въ темномъ шкафѣ и предъ которою вдругъ неожиданно раскрылись дверцы. Чиновники—кто со смѣхомъ, кто въ перепугѣ,—какъ разсыпанный горохъ шарахнулись въ стороны, а жидъ и пошелъ козлякать.

Онъ скакалъ изъ одной открытой двери въ другую, царапался въ закрытую дверь другого отдѣленія, и все это съ воплемъ, съ стонами, съ крикомъ «ай, вай», и все это такъ быстро, что прежде чѣмъ мы успѣли поспѣть за нимъ, онъ уже запрыгнулъ въ присутствіе и гдѣ-то тамъ притаился. Только слышна была откуда-то его дрожь и трепетное дыханіе, но самого его нигдѣ не было видно: словно онъ сквозь землю провалился; трясется и дышитъ и скребется подъ поломъ, какъ тѣнь Гамлета.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Черезъ минуту онъ былъ открытъ: мы нашли его скорачившимся, на полу у угла стола. Онъ сидѣлъ, крѣпко обхвативъ столовую ножку руками и ногами, а зубами дер-

*) Имя «Іисусъ» иногда произносится *Іешу*, иногда *Іегошуа*.

жался за край обшитаго галунами и бахромою краснаго сукна, которымъ былъ покрытъ этотъ столъ.

Можно было подумать, что жидъ считалъ себя здѣсь какъ «въ градѣ убѣжища» и держался за этотъ уголъ присутственнаго стола, какъ за рогъ жертвенника. Онъ укрѣпился очевидно съ такою рѣшительностью, что скорѣе можно было обрубить его судорожно замерзшіе пальцы, чѣмъ оторвать ихъ отъ этого стола. Солдатъ тормошилъ и тянулъ его совершенно напрасно: весь тяжелый длинный столъ дрожалъ и двигался, но жидъ отъ него не отдирался, и въ то же время оралъ немилосердно.

Мнѣ это стало отвратительно, и я велѣлъ его оставить, и послалъ за городовымъ докторомъ; но во врачебной помощи не оказалось никакой надобности. Чуть еврея оставили въ покоѣ, онъ тотчасъ стихъ и началъ копошиться и шарить у себя за пазухой и черезъ минуту, озираясь на всѣ стороны, какъ волкъ на садкѣ, подкрался ко мнѣ и положилъ на столикъ пачку бумагъ, плотно обернутыхъ въ толстой бибулѣ, насквозь пропитанной какою-то вонючею коричневатою, какъ бы сукровистою влагою, чрезвычайно противною.

Неловко признаться, а грѣхъ потаить, я не безъ гадли, вости развернулъ эти бумаги, которыя были не что иное-какъ документы найма, совершеннаго интролигаторомъ за своего сына.

И такъ, не оставалось никакого сомнѣнія, что сей «стеня и трясыйся» есть не кто иной, какъ тотъ самый «широко образованный» израелитъ, котораго просьба меня такъ заняла.

Значитъ, мы были уже немножко знакомы.

Не отсылая его отъ себя, я быстро пробѣжалъ привычнымъ глазомъ его вонючія бумаги, и увидалъ, что всѣ онѣ совершены въ должномъ порядкѣ и его наемщикъ, двадцати-двухъ-лѣтній еврей, по всѣмъ правиламъ непререкамо долженъ быть допущенъ къ пріему вмѣсто его маленькаго сына,—даже и деньги всѣ—сто рублей—этому наемщику сполна уплачены.

Но тогда въ чемъ же заключается бѣда этого человѣка и чего ради вся эта его страшная, мучительная тревога, доводящая его до такого подавляющаго, безумнаго отчаянія, похожаго на бѣшенство?

А бѣда была страшная и неотразимая, и интролигаторъ понималъ ее, но еще не во всемъ ея роковомъ и неодолимомъ значеніи.

Я долженъ разсказать: въ чемъ было дѣло.

Наемщикъ интролигатора, какъ выше уже сказано, молодой, но совершеннолѣтній еврей (наниматься дозволялось по закону только совершеннолѣтнимъ), былъ, какъ приходилось думать, большой плутъ. Онъ устроилъ съ бѣднымъ жидкомъ самую коварную, разорительную штуку, и притомъ такъ твердо и основательно разсчитанную и построенную на законѣ, что ее не могла разстроить *никакая законная власть на землѣ*. А разумѣется ни мнѣ, ни интролигатору въ эту пору на мысль не приходило подумать о власти добродѣтельнѣйшаго лица, которое могло изречь рѣшеніе не отъ міра сего,—рѣшеніе, послѣ котораго мірскимъ законовѣдамъ оставалось только исполнить правду, водворенную владычнымъ судомъ милосерднаго Филарета надъ каверзною жидовскою кривдою, пытавшеюся обратить въ игрушку и христіанскую купель и всѣ «предусмотрѣнія закона».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Надо знать, что, по закону, еврея въ рекрутствѣ могъ замѣтить *только еврей*, а ни въ какомъ случаѣ не христіанинъ. Этимъ конечно и объяснялось, что случаи замѣны одного еврейскаго рекрута по найму другимъ евреемъ были необыкновенно рѣдки.

Если военной службы боится и не любитъ всякій простолюдинъ, то еврей отбѣгаетъ ее сугубо, и доброю волею или наймомъ его въ солдатство не заманишь. И какой соблазнъ могла представить еврею сумма въ 300—400 рублей, когда каждый жидокъ, если онъ не совсѣмъ обиженъ при-

родою, всегда можетъ самъ добыть себѣ такую сумму безопаснымъ гешефтомъ? А обиженные природою не годились и въ службу.

Слѣдовательно, желающему отыскать наемщика оставалось только найти гдѣ-нибудь какого-нибудь забулдыгу, который бы, отъ некуда дѣться, согласился наняться въ военную службу. Но такіе экземпляры въ еврейской средѣ всегда рѣдки.

Однако интролигаторъ, на свое счастіе и несчастіе, нашелъ эту рѣдкость; но что это былъ за человѣкъ?—Это былъ въ своемъ родѣ замѣчательный традиціонный жидовскій гешефтистъ, который въ актѣ найма усмотрѣлъ превосходный способъ обдѣлывать дѣла, путемъ разоренія ближняго и профанаціи религіи и закона. И что всего интереснѣе, онъ хотѣлъ все это продѣлать у всѣхъ на глазахъ и, такъ-сказать, ввести въ употребленіе новый, до него еще неизвѣстный и чрезвычайно выгодный пріемъ—издѣваться надъ религіею и закономъ.

Этотъ штукарь былъ одинъ изъ подмастерьевъ дамскаго портного «кравца» Давыдки, бывшаго въ то время для Кіева тѣмъ самымъ, что нынѣ парижскій Вортъ для всего, такъ-называемаго, «образованнаго свѣта». Подмастерье этотъ былъ за какія-то художества прогнанъ съ мѣста и высланъ изъ Кіева. Шатаясь безъ занятій, изъ города въ городъ «золотой Украйны», онъ попался интролигатору въ ту горячую пору, когда этотъ послѣдній велъ отчаянную борьбу за взятаго у него ребенка, и наемъ состоялся; но состоялся не спроста, какъ это водилось у всѣхъ крещеныхъ людей, а съ хитрымъ подвохомъ и заднею мыслію, которую кравецъ, разумѣется, тщательно скрывалъ до тѣхъ поръ, пока ему настало время дѣйствовать. Онъ нанялся за интролигаторскаго сына цѣною за четыреста рублей, но съ тѣмъ, чтобы условіе было писано между ними всего только на сто рублей, а триста даны ему впередъ, безъ всякихъ формальностей. Это впрочемъ не заключало въ себѣ ничего необычайнаго, такъ какъ сдѣлки безъ законныхъ формаль-

ностей, или по крайней мѣрѣ съ нѣкоторымъ ихъ нарушеніемъ и обходомъ—въ натурѣ евреевъ.

Интролигаторъ, нужда котораго была такъ безотложна, не спорилъ съ наемщикомъ и сразу согласился на всѣ его условія. Онъ сейчасъ же продалъ за двѣсти рублей «*домъ* и всю худобу», — словомъ все, что имѣлъ, и за триста закабалился кабальною записью работать какому-то богатому еврею. Словомъ, какъ говорятъ, «обовязался» вокругъ, — и триста рублей «кравцу» были выданы. Затѣмъ наскоро были написаны всѣ бумаги, и интролигаторъ послалъ по почтѣ описанную мною въ началѣ моего разсказа просьбу, а потомъ и самъ поскакалъ вслѣдъ за нею въ Кіевъ со всѣми остальными бумагами и съ своимъ наемщикомъ. Тутъ его и сторожила бѣда: это былъ крайній моментъ, дальше котораго наемщикъ не могъ продолжать своихъ прямыхъ отношеній къ нанимателю и открылъ игру. Дорогою «на покормѣ» въ какомъ-то бѣлоцерковскомъ «заяздѣ», онъ *исчезнулъ со стодола.*

Дойдя до этой точки своего разсказа, мой жидокъ опять взвылъ и опять потерялъ даръ слова и насилу-насилу могъ досказать остальное, что впрочемъ было весьма коротко и просто. Улучивъ минуту когда наниматель торговался за какіе-то припасы, а сторожъ зазѣвался, кравецъ ударилъ на другой стодолъ къ знакомому «балагулѣ» *), взялъ, не торгуясь или посуливъ щедрую плату, четверку подчегарыхъ, легкихъ и быстрыхъ жидовскихъ коней и укатилъ въ Кіевъ — *креститься.*

Ужаснѣе этого для интролигатора ничего не могло быть, потому что съ этимъ рушилось все его дѣло: онъ былъ ограбленъ, одураченъ и, что называется, безъ ножа зарѣзанъ. У него пропадалъ сынъ и погибло все его состояніе, такъ какъ объявившій желаніе креститься кравецъ сразу квитовалъ этимъ свое обязательство служить за еврея, данное прежде намѣренія, о которомъ одно заявленіе уже

*) Извозчикъ, содержатель брикъ.

ставило его подъ особенное покровительство закона и христіанскихъ властей.

Самое безтолковое изложеніе этого обстоятельства для меня было вполнѣ достаточно, чтобы понять всю горечь отчаянія разсказчика и всю невозможность какой бы то ни было для него надежды на чье бы то ни было заступленіе и помощь. Но въ дѣлѣ этомъ были еще осложненія, силу и значеніе которыхъ могъ настоящимъ образомъ понимать только человѣкъ не совсѣмъ чуждый нѣкоторымъ общественнымъ комбинаціямъ.

Интролигаторъ, всхлипывая и раздирая свой «лапсардакъ» *), сообщилъ мнѣ, что онъ очень долго искалъ своего кравца по Бѣлой-Церкви. Путаясь изъ стодола въ стодолъ съ различными «мишурисами», которые умышленно давали ему фальшивыя свѣдѣнія и водили его изъ двора во дворъ, чтобы схватить «хабара» и проволочь время, онъ истратилъ на это безполезно почти цѣлый день, который у бѣглеца не пропалъ даромъ. Когда интролигаторъ, послѣ долгой суеты и бѣгства по Бѣлой-Церкви и потомъ по Кіеву напалъ на заметенный лисьимъ хвостомъ волчій слѣдъ своего бѣглеца, тотъ уже спокойно сидѣлъ за лаврской стѣною и готовился къ принятію св. крещенія.

Ясно было, что этотъ плутъ задумалъ разорить своего контрагента посредствомъ профанаціи христіанской купели; но какъ можно было обличить и доказать его неискренность и преступное кощунство? Кто за это возьмется, когда законъ на сторонѣ этого «оглашеннаго» и на его же сторонѣ были силы, которыя мнились тогда еще сильнѣе закона. Хитрый жидъ, проживая годъ тому назадъ у кіевскаго Ворта, усвоилъ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, какъ о слабостяхъ, такъ и о силѣ и значеніи нѣкоторыхъ лицъ, важныхъ не столько по ихъ собственному офиціальному положенію, сколько по ихъ вліянію на лицъ важнаго офиціаль-

*) Лапсардакъ, — коротенькая кофта съ установленнымъ числомъ завязокъ и бахромочекъ. Талмудисты носятъ этотъ «жидовскій мундиръ» подъ верхнимъ платьемъ.

наго положенія. Такимъ лицомъ тогда по преимуществу была супруга покойнаго генералъ-губернатора князя Иларіона Иларіоновича Васильчикова, княгиня Екатерина Алексѣевна (рожденная княжна Щербатова), о которой я уже упоминалъ выше. Она тогда была въ какомъ-то удивительно напряженномъ христіанскомъ настроеніи, которое было преисполнено благихъ намѣреній; но всѣмъ этимъ намѣреніямъ, какъ большинству всѣхъ благихъ намѣреній великосвѣтскихъ патронессъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ недоставало одного: серьезности и практичности, безъ коихъ всѣ эти намѣренія часто приносятъ болѣе вреда, чѣмъ пользы... Это что-то роковое, въ родѣ ироніи судебъ.

Религіозность княгини была совсѣмъ не въ жанрѣ нынѣшней великосвѣтской религіозности, заключающейся преимущественно въ погонѣ за «оправданіемъ вѣрою»; нѣтъ: княгиня Екатерина Алексѣевна искала оправданія «дѣлами» и надѣлала ихъ столько, что авторъ «Опыта изслѣдованія о доходахъ и имуществахъ нашихъ монастырей» долженъ былъ дать ей очень видное мѣсто. Послѣ княгини Анны Алексѣевны Орловой, княгиня Васильчикова оказывается самою крупною изъ титулованныхъ монастырскихъ строительницъ. Она была фундаторкою весьма нынѣ извѣстнаго общежительнаго близъ Кіева монастыря, который, по изслѣдованію г. Ростиславова, владѣетъ, благодаря щедрости княгини, тридцатью шестью верстами земли и угодьями, которыхъ не описалъ г. Ростиславовъ. Но прежде, чѣмъ оказывать такое благодѣяніе вновь устроивавшемуся монастырю «старца Іоны», княгиня была извѣстна въ Кіевѣ, какъ филантропка. Подъ ея покровительствомъ Кіевъ ознакомился со всѣми пріемами современной общественной благотворительности; при ней тамъ пошли въ ходъ лотереи, концерты, балы, маскарады и спектакли въ пользу бѣдныхъ. Словомъ, при ней и благодаря ей, «широко развилась» вся та sui generis «христіанская» благотворительность, которая во многихъ своихъ чертахъ въ наше время получила уже должную критическую оцѣнку, но однако и

до сихъ поръ практикуется обществомъ, потерявшимъ сознаніе о прямыхъ путяхъ истиннаго христіанскаго милосердія.

Одновременно съ заботами о благотвореніи посредствомъ учрежденія различныхъ общественныхъ забавъ, княгиня получила большое влеченіе къ улучшенію нравовъ и распространенію христіанской вѣры. Здѣсь она была даже, кажется, оригинальнѣе и смѣлѣе всѣхъ великосвѣтскихъ патронессъ Петербурга, что, можетъ быть, слѣдуетъ приписать ея первенствующему и въ нѣкоторомъ отношеніи полновластному значенію въ Кіевѣ, который съ любопытствомъ и съ нѣкотораго рода благоговѣйнымъ недоумѣніемъ смотрѣлъ на затѣи «своей княгини».

Послѣ целибата, царствовавшаго въ генералъ губенаторскомъ домѣ въ бибиковское время, появленіе тамъ женщины, не отказывавшей себѣ въ удовольствіи дать обществу почувствовать ея присутствіе, вліяніе ея было очень замѣтно, и прежде всего оно вызвало въ дамскомъ кругу довольно сильную ей подражательность.

Съ виду все это, пожалуй, какъ будто походило на что-то живое и даже очень полезное, но потомъ многіе начали понимать и толковать объ этомъ иначе; но не въ этомъ дѣло: благотворенія и морализація были такъ сильны, что даже изъ «магдалинскаго пріюта» для *кающихся* проституткъ одно время было признано полезнымъ выдавать «магдалинокъ» замужъ за солдатъ. Этимъ путемъ хотѣли «не дозволить псу возвратиться на свою блевотину». Княгиня принимала самое теплое участіе въ устройствѣ этихъ браковъ и даже давала *невѣстамъ* приданое, имѣвшее для солдатиковъ свою притягательную силу. Они женились на «магдалинкахъ», конечно, всего менѣе заботясь о глубинѣ и искренности ихъ раскаянія, «лишь бы получить сто рублей и кой-что изъ одежи». Затѣмъ, разумѣется, утѣшивъ княгиню актомъ своего бракосочетанія и воспользовавшись тѣмъ, чѣмъ каждый изъ супруговъ считалъ удобнымъ для себя воспользоваться, они се-

парировались и расходились «кійждо во свояси»... Анекдоты при этомъ случались самые курьезные. «Псы» опять возвращались на свою блевотину, но только саморазвратъ замѣнялся развратомъ «по согласу», съ мужняго позволенія. Словомъ, по проніи судьбы надъ аристократическою неумѣлостью и непониманіемъ, «послѣдняя быша горше первыхъ». Бывали случаи, что супругъ-солдатъ съ самаго своего свадебнаго пира самъ отпускалъ свою новобрачную супругу къ одному изъ шаферовъ, въ числѣ коихъ бывали «люди благородные», принимавшіе на себя шаферскія обязанности, чтобы «быть на виду», угождая княгинѣ участіемъ въ ея гуманныхъ затѣяхъ.

Женатыхъ такимъ образомъ солдатиковъ трудно строго и винить за то, что они такъ охотно сбывали съ рукъ полученныхъ ими избалованныхъ женъ. Куда ему, бѣдняку, въ его суровомъ положеніи, *такая жена*, съ ея отвычкою отъ всякаго тяжелаго труда и съ навыкомъ ко всякому «баловству»?

Солдатикъ, женившійся на проституткѣ всего чаще по иниціативѣ начальства, желавшаго доставить субъекта, нужнаго для предположенной княгинею «магдалининой свадьбы», подчинялся своему року и бралъ то, что ему на что-нибудь годилось: а жену, обвыкшую «ѣсть курку съ масломъ и пить сладкое вино», сидя на офицерскихъ колѣняхъ, пускалъ на всѣ четыре стороны, изъ которыхъ та и выбирала любую, т.-е. ту самую, съ которой она была больше освоена, и гдѣ она надѣялась легче зарабатывать сумму, какую обѣщала платить мужу, пустившему ее «по согласу».

Таковы были «ироническіе» результаты этой игрушечной затѣи сентиментальной и мечтательной морализаціи, которая, впрочемъ, довольно скоро надоѣла и съ нею покончили.

Гораздо упорнѣе были заботы о крестительствѣ, но, къ сожалѣнію, и тутъ тоже довольно часто выходили своего рода печальные курьезы. Ревностью княгини въ этомъ родѣ полнѣе всѣхъ злоупотребляли малосовѣстливые люди,

являвшіеся съ притворною жаждою крещенія изъ той низменной среды еврейскихъ обществъ, которая больше всѣхъ терпитъ и страдаетъ отъ ужасной кагальной неправды жидовскихъ обществъ. Нигдѣ не находя защиты отъ царящей здѣсь деморализаціи, эти люди сами деморализуются до того, что, по мѣстному выраженію, «мѣняютъ вѣру, якъ цыганъ коняку». Въ этомъ-то отребіи, къ которому принадлежалъ по своему положенію и наемщикъ нашего интролигатора, и выработалась особая практика для эксплоатаціи крестительскаго рвенія княгини, къ которой, по установившемуся у бѣдныхъ жидковъ повѣрью, «стоило только *удаться*», и уже тогда никто не смѣетъ тронуть, хоть бы «увесь законъ *пенькнулъ*« (треснулъ).

Въ такомъ мнѣніи, возникшемъ у смышленыхъ евреевъ, едва ли все было преувеличеніемъ. По крайней мѣрѣ не одни жидки, а и многіе изъ очень просвѣщенныхъ христіанъ такъ называемаго «высшаго» кіевскаго общества въ то время гораздо менѣе серьезно освѣдомлялись о томъ: какъ хочетъ князь, чѣмъ о томъ,—чего угодно княгинѣ?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Замотавшійся и потомъ попавшій въ рекруты подмастерье портного Давыдки, всеконечно, имѣлъ довольно вѣрныя понятія о генеральномъ положеніи дѣлъ въ Кіевѣ. И вотъ онъ задумалъ воспользоваться и безнаказанно разорить и погубить подвернувшагося ему интролигатора.

Взялся онъ за это превосходно: въ то самое время, когда его наниматель сочинялъ свою извѣстительную бумагу о наймѣ и просилъ подождать съ пріемомъ въ рекруты его ребенка, портной написалъ жалостное письмо къ одной изъ весьма извѣстныхъ тоже въ свое время кіевскихъ патронессъ. Это была баронесса Б., очень носившаяся съ своею внѣшнею религіозностью. Хитрый жидокъ изложилъ ей различныя невзгоды и гоненія отъ общества, терпя которыя онъ дошелъ до такой крайности, что даже рѣшился-

было самъ поступить въ рекруты, но тутъ его будто вдругъ внезапно озарилъ новый свѣтъ, онъ вспомнилъ о благодѣяніяхъ, какія являютъ *высокіе христіане* тѣмъ, которые идутъ къ истинной «крещеной вѣрѣ», и хочетъ креститься. А потому, если ему удастся бѣжать отъ сдатчика, то онъ скоро явится въ Кіевъ и проситъ немедленно скрыть его отъ гонителей,—помѣстить въ монастырь и какъ можно скорѣе окрестить. Если же ему не удастся бѣжать, то защитить его какимъ-нибудь другимъ образомъ и привести его «въ крещеную вѣру»,—о чемъ онъ и просилъ довести до свѣдѣнія ея сіятельства, княгини Екатерины Алексѣевны, на апостольскую ревность которой онъ возверзалъ всѣ свои надежды, и молилъ ее утолить его жажду христіанскаго просвѣщенія.

Этого было слишкомъ довольно: получивъ такое посланіе, дававшее баронессѣ поводъ побывать во многихъ мѣстахъ и у многихъ лицъ, къ которымъ она находила отрадное удовольствіе являться съ своими апостольскими хлопотами, она сразу же заручилась самымъ энергическимъ участіемъ княгини и могла дѣйствовать ея именемъ на всѣхъ тѣхъ особъ, которымъ нельзя было давать прямыхъ приказаній. О тѣхъ же, которымъ можно было приказывать, разумѣется нечего было и заботиться.

Словомъ, въ одно утро дѣло этого проходимца было улажено баронессою такъ, что жидку только стоило появиться къ кому-нибудь изъ многихъ лицъ, о немъ предупрежденныхъ—и онъ спасенъ.

Лучше этого положенія для него ничего нельзя было желать и придумать; а между тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, сами обстоятельства такъ благопріятствовали этому затѣйнику, что онъ преблагополучно исполнилъ и вторую часть своей программы, т.-е. самымъ удобнымъ образомъ сбѣжалъ отъ своего контрагента, заставивъ его напрасно провести цѣлый день въ тщетныхъ поискахъ его по разнымъ «заяздамъ» и другимъ угламъ Бѣлой-Церкви,—этого самаго безалабернаго послѣ Бердичева жидовскаго притона.

Пока совсѣмъ потерявшійся и обезумѣвшій интролигаторъ явился въ своихъ растрепанныхъ чувствахъ въ Кіевъ, гдѣ вдобавокъ не зналъ, къ кому обратиться и гдѣ искать своего наемщика, тотъ, подъ покровомъ самыхъ лучшихъ рекомендацій, уже кушалъ монастырскую рыбку и отдыхалъ отъ понесенныхъ треволненій въ теплой кельѣ у одного изъ иноковъ лавры, которому было поручено какъ можно неупустительнѣе приготовить его къ святому крещенію.

Интролигаторъ, сообщавшій мнѣ всю эту курьезную исторію, среди прерывавшихъ его воплей и стоновъ, разсказывалъ и о томъ: какъ онъ разузналъ, гдѣ теперь его «злодѣй»; разсказывалъ и о томъ: гдѣ онъ сколько роздалъ «грошей» мірянамъ и немірянамъ,—какъ онъ разъ «ледви не утопъ на Глыбочицѣ», разъ «ледви не сгорѣлъ» въ лаврской хлѣбопекарнѣ, въ которую проникъ Богъ вѣдаетъ какимъ способомъ. И все это было до крайности образно, живо, интересно и, въ одно и то же время, и невыразимо трогательно и уморительно смѣшно, и даже трудно сказать—болѣе смѣшно, или болѣе трогательно.

Однако, благодаря Бога, ни у меня, сидѣвшаго за столомъ, предъ которымъ жалостно вылъ, метался и рвалъ на себѣ свои лохмотья и волосы этотъ интролигаторъ, ни у глядѣвшихъ на него въ растворенныя двери чиновниковъ не было охоты надъ нимъ смѣяться.

Всѣ мы, при всемъ нашемъ несчастномъ навыкѣ къ подобнаго рода горестямъ и мукамъ, казалось, были поражены страшнымъ ужасомъ этого неистоваго страданія, вызвавшаго у этого бѣдняка *кровавый потъ*.

Да, эта вонючая сукровичная влага, которою была пропитана рыхлая обертка поданныхъ имъ мнѣ бумагъ, и которою смердѣли всѣ эти «документы», была не что иное, какъ *кровавый потъ*, который я въ этотъ единственный разъ въ моей жизни видѣлъ своими глазами на человѣкѣ. По мѣрѣ того, какъ этотъ «ледеви не утопшій и ледеви не сгорѣвшій» худой, изнеможенный жидъ размерзался

и размокалъ въ теплой комнатѣ, его лобъ, съ прилипшими къ нему мокрыми волосами, его скорченныя, какъ бы судорожно теребившія свои лохмотья, руки и особенно обнажившаяся изъ-подъ разорваннаго лапсардака грудь, — все это было точно покрыто тонкими ссадинами, изъ которыхъ, какъ клюквенный сокъ сквозь частую кисею, проступала и сочилась мелкими росистыми каплями красная влага... Это видѣть ужасно!

Кто никогда не видалъ этого *кроваваго пота*, а такихъ, я думаю, очень много, такъ какъ есть значительная доля людей, которые даже сомнѣваются въ самой возможности такого явленія,—тѣмъ я могу сказать, что я его *самъ* видѣлъ и что это невыразимо *страшно*.

По крайней мѣрѣ это росистое клюквенное пятно на предсердіи до сихъ поръ живо стоитъ въ моихъ глазахъ, и мнѣ кажется, будто я видѣлъ сквозь него отверстое человѣческое сердце, страдающее самою тяжкою мукою,—мукою отца, стремящагося спасти своего ребенка... О, еще разъ скажу: это ужасно!

Пышные бѣлокурые волосы послѣдней шотландской королевы, мгновенно посѣдѣвшіе въ короткое время, когда «джентельмены дѣлали ея туалетъ» и укладывали страдалицу на плаху въ большой залѣ Фодрайнгенскаго замка, не могли быть страшнѣе этого пота, которымъ потѣлъ этотъ отецъ, бившійся изъ-за спасенія своего ребенка.

Я невольно вспомнилъ кровавый потъ Того, Чья праведная кровь оброкомъ праотцевъ низведена на чадъ отверженнаго рода, и собственная кровь моя прилила къ моему сердцу и потомъ быстро отхлынула и зашумѣла въ ушахъ.

Всѣ мысли, всѣ чувства мои точно что-то понесли, что-то потерпѣли въ одно и то же время и мучительное, и сладкое. Передо мною, казалось, стоялъ не просто человѣкъ, а какой-то кровавый, историческій символъ.

Я тогда былъ не совсѣмъ чуждъ нѣкотораго мистицизма, въ которомъ, впрочемъ, не все склоненъ отвергать и по-

нынѣ (ибо. — да простятъ мнѣ ученые богословы, — я не знаю *вѣры*, совершенно свободной отъ своего рода мистицизма). И не знаю я, подъ вліяніемъ ли этого «вѣянія» или почему другому, но только въ эти минуты въ моей усталой головѣ, оторванной отъ лучшихъ мыслей, въ которыхъ я прожилъ мое отрочество, и теперь привлеченной къ занятіямъ, которыя были мнѣ не свойственны и противны, произошло что-то, почти могу сказать, таинственное или по крайней мѣрѣ мнѣ совсѣмъ непонятное. Эта исторія, въ которой мелкое и мошенническое такъ перемѣшивалось съ драматизмомъ родительской любви и вопросами религіи; эта суровая казенная обстановка огромной полутемной комнаты, каждый кирпичъ которой навѣрно можно было бы размочить въ пролившихся здѣсь родительскихъ и дѣтскихъ слезахъ; эти двѣ свѣчи, горѣвшія, какъ горѣли тамъ, въ томъ гнусномъ судѣ, гдѣ онѣ замѣняли свидѣтелей; этотъ ветхозавѣтный семитическій типъ искаженнаго муками лица, какъ бы напоминавшій все племя мучителей Праведника, и этотъ зовъ, этотъ вопль «Іешу! Іешу Ганоцри, отдай мнѣ его парха!» — все это потрясло меня до глубины души... Я, кажется, могъ бы сказать даже, — до своего рода отрѣшенія отъ дѣйствительности и потери сознанія... Вправду, сколько могу помнить, это было одно изъ тѣхъ неопредѣленныхъ состояній, которыя съ такою ясностью и мастерствомъ описываетъ епископъ Ѳеофанъ въ своихъ превосходныхъ «Письмахъ о духовной жизни». Самыя размышленія мои съ этихъ поръ стали чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ «предстояній ума въ сердцѣ», о которыхъ говоритъ приведенный мною достопочтенный авторъ. Отчаянный отецъ съ вырывающимся наружу окровавленнымъ сердцемъ — человѣкъ изъ племени, принявшаго на себя кровь Того, Котораго онъ зоветъ: «Іешу...» Кто его разберетъ, какой духъ въ немъ качествуетъ, заставляя его звать и жаловаться «Ганоцри?»

Мои наэлектризованные нервы такъ работали, что мнѣ стало казаться, будто въ этой казенной камерѣ дѣлается

что-то совсѣмъ не казенное. Уже не услыхалъ ли *Онъ* этотъ вопль сына Своихъ враговъ, не увидалъ ли *Онъ* его растерзанное сердце и... не идетъ ли *Онъ* взять на Свое святое рамо эту несчастную овцу, можетъ-быть невзначай проблеявшую Его имя?

И я вдругъ забылъ, что̀ мой плотской умъ надумалъ было сказать этому еврею; а я хотѣлъ сказать ему вотъ что: чтобы и онъ, и его сынъ сдѣлали то же самое, что сдѣлалъ ихъ коварный наемщикъ, т.-е. чтобы и они просили себѣ крещенія. Взаправду, что̀ имъ мѣшало къ этому обратиться, тѣмъ болѣе, что этотъ отецъ, призывающій и «Іешу Ганоцри», во всякомъ случаѣ ближе ходилъ отъ Сына Божія, чѣмъ тотъ проказникъ, который взялся на глазахъ у всѣхъ сплутовать вѣрою.

Что̀ бы изъ этого вышло, если бы еврей принялъ мою мысль? Какая задача явилась бы административной практикѣ, какой казусъ для законниковъ и... какой соблазнъ для искреннихъ чтителей святой вѣры!

А иного способа я не видѣлъ для ихъ спасенія, конечно потому, что забывалъ о Томъ, Чья мѣра шире вселенной и Чьи всѣ суды благи.

Мнѣ въ голову не приходило, что можетъ-быть послѣ словъ моихъ вышло бы совсѣмъ не то, чего могъ ждать я, — можетъ-быть этотъ жидъ, зовущій теперь «Ганоцри», услышавъ мое слово, ударился бы въ другую крайность отчаянія и сталъ бы порицать имя, теперь имъ призываемое, и издѣваться надъ тѣмъ приспособленіемъ, которое давало вѣрѣ мое ребяческое легкомысліе.

Да, ничего этого не было въ моей головѣ, но зато ее посѣтило забвеніе. Память вдругъ отяжелѣла, какъ окунутая въ воду птица, и не хотѣла летать ни по какимъ верхамъ, а спряталась въ какую-то густую тишь—и я не сказалъ опрометчиваго слова, которое уже шевелилось у меня на устахъ, и всегда радуюсь, что этого не сказалъ. Иначе я поступилъ бы дурно, и это вѣроятно лишило бы меня самаго отраднѣйшаго случая видѣть одно изъ удивитель-

ныхъ проявленій Промысла Божія, среди полнѣйшей немощи человѣческой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

«Умъ въ сердцѣ» велѣлъ мнѣ просто-напросто молчать и отойти отъ этого расщепленнаго грозою страданія пня, которому возвратить жизнь могъ развѣ только самъ Начальникъ жизни.

И какъ Онъ возвратилъ ему ее! Въ какомъ благоуханномъ цвѣту, съ какою дивной силой прелести христіанскаго бытія! Но это все было послѣ, — гораздо, гораздо послѣ, при обстоятельствахъ, о которыхъ и не воображалось въ эту минуту, которую я описываю. Тогда мнѣ стало только сдаваться, что все это, чѣмъ мы здѣсь волновались, будетъ совсѣмъ не такъ, какъ я думаю. «Умъ въ сердцѣ» успокоительно внушалъ, что это уже рѣшено какъ сдѣлать, и что для того, дабы рѣшенное свершилось, всего благопристойнѣе теперь ничего своего не установлять, а дѣлать то, что̀ будетъ указано. Всего болѣе нужно тишины и тишины; чтобы соблюсти эту потребность въ тишинѣ, которая безпрестанно угрожала снова разразиться стономъ, воплями и шумной расправой съ обезумѣвшимъ евреемъ, я, не говоря никому ни слова, всталъ, молча вышелъ въ переднюю, молча надѣлъ свою шубу и поскорѣе уѣхалъ.

Пожалуй, иному это можетъ показаться эгоистической уверткой, — лишь бы не видать расправы съ жидомъ, съ которымъ въ мое отсутствіе навѣрно станутъ расправляться еще безцеремоннѣе; но поистинѣ меня водили совсѣмъ не эти соображенія. Почему мнѣ казалось за наилучше поступить такимъ образомъ, — я не знаю; но вышло, что это дѣйствительно было самое наилучшее, что̀ только я могъ сдѣлать.

Помню, какъ сейчасъ, эту морозную и ясную ночь, съ высоко стоявшимъ на кіевскомъ небѣ мѣсяцемъ. Красивый и тогда еще довольно патріархальный городъ, не знавшій, до генералъ-губернаторства Н. Н. Анненкова, ни «шатоде-

флеровъ», ни другихъ всенощныхъ гульбищъ, уже затихъ и спалъ; съ высокой колокольни лавры гудѣлъ ея пріятный звонъ къ заутренѣ. Значитъ, была полночь. Моя прозябшая рыженькая лошадка неслась быстро, такъ что молодой кучеренокъ Матвѣй, изъ своихъ орловскихъ крѣпостныхъ, едва могъ держать озябшими руками туго-натянутыя возжи, и тутъ вдругъ на поворотѣ у «царскаго сада», что-то мелькнуло,—человѣкъ не человѣкъ, и собака, какъ будто не собака, а что-то такое, отъ чего моя немного пугливая лошадь шарахнулась въ сторону, и мы съ кучеромъ оба чуть не вылетѣли изъ санокъ.

И съ этихъ поръ, это «что-то» такъ и пошло мелькать и шмыгать то за мною, то передо мною: то исчезнетъ гдѣ-то въ тѣни, то опять неожиданно выскочитъ на поворотѣ, перебѣжитъ освѣщенную луною улицу и опять испугаетъ лошадь, которая уже начала бѣситься и еще нѣсколько разъ насъ чуть не выкинула. Понять нельзя, что это за нежить мечется, и въ заключеніе, только что я остановился у подъѣзда моей квартиры, близъ церкви св. Андрея,—это «*оно*», эта нежить опять словно тутъ и была... Но что же это такое? — А это былъ опять *онъ*, опять мой интролигаторъ, и въ томъ же самомъ растерзанномъ видѣ, и съ тѣмъ же кровавымъ потомъ на голой холодной груди... Ему вѣрно не было холодно, сердце насквозь горѣло.

Онъ теперь не кричалъ и не охалъ, а только не отставалъ отъ меня, точно моя тѣнь, и, какъ вы видите, не уступалъ даже для этого въ быстротѣ моей лошади.

Куда его было дѣть? — Прогнать — жестоко; пустить къ себѣ?.. Но какой въ этомъ смыслъ? Вѣдь уже сказано, что я ему ничего не могъ сдѣлать, а онъ только надоѣстъ... И притомъ я, къ стыду моему, былъ немножечко брезгливъ, а отъ него такъ противно пахло этимъ кровавымъ потомъ.

Я такъ и не рѣшилъ, что̀ сдѣлать,—вошелъ въ переднюю, а онъ за мною; я въ кабинетъ — а онъ сюда по пятамъ за мною... Видно сюда ему былъ указанъ путь, и я ему уже рѣшилъ не мѣшать: мнѣ вздумалось велѣть напоить

его чаемъ и потомъ отослать его спать на кухню; но прежде, чѣмъ я успѣлъ сказать объ этомъ моему человѣку, тотъ началъ мнѣ сообщать, что ко мнѣ заходилъ и оставилъ мнѣ записку Андрей Ивановичъ Друкартъ, одинъ изъ весьма почтенныхъ и дѣловыхъ людей генералъ-губернаторскаго управленія. Онъ состоялъ тогда чиновникомъ особыхъ порученій при князѣ Васильчиковѣ и очень недавно скончался въ должности сѣдлецкаго вице-губернатора, по которой принималъ участіе при окончательномъ уничтоженіи уніи.

Помимо служебной дѣловитости, Друкартъ въ тѣ годы нашей жизни былъ превосходный чтецъ въ драматическомъ родѣ и даровитѣйшій актеръ. Я не слыхалъ никого, кто бы читалъ шекспировскаго Гамлета лучше, какъ читывалъ его Друкартъ, а гоголевскаго городничаго въ Ревизорѣ онъ исполнялъ кажется не хуже покойнаго Ив. Ив. Сосницкаго въ наилучшую пору развитія сценическихъ силъ этого артиста.

Благодаря такого рода талантливости, покойный Друкартъ исполнялъ не только порученія князя, но имѣлъ временныя порученности и отъ всевластной у насъ княгини. А княгинѣ какъ разъ въ эту пору нужны были деньги для какихъ-то ея благотворительныхъ цѣлей, и она поручила Друкарту устроить въ городскомъ театрѣ спектакль въ пользу бѣдныхъ.

Я тоже всегда читалъ, по общему мнѣнію, довольно недурно и былъ удовлетворительнымъ актеромъ; а потому, при смѣтѣ сценическихъ силъ, которыя долженъ былъ сгруппировать и распредѣлить Друкартъ, явился и я на счету.

Друкартъ писалъ мнѣ, что такъ какъ я и, бывшій тогда въ Кіевѣ стряпчимъ, г. Юровъ—оба одного роста и другъ съ другомъ схожи, то мы «непремѣнно должны» играть въ предстоящемъ спектаклѣ Добчинскаго и Бобчинскаго.

При моей тогдашней усталости и недосугѣ это было просто напасть, и я, съ негодованіемъ отбросивъ письмо моего добраго пріятеля, рѣшилъ въ умѣ встать завтра какъ

можно пораньше и прежде присутствія заѣхать въ канцелярію генералъ-губернатора къ Друкарту, съ тѣмъ, чтобы урезонить его освободить меня отъ затѣвавшагося спектакля.

Въ этомъ размышленіи, хлебнувъ глотокъ изъ поданнаго мнѣ стакана горячаго чаю, я снова вспомнилъ о своемъ несчастномъ жидѣ, и очень удивился, что его уже не вижу. А онъ бѣднякъ тѣмъ временемъ уже спалъ, свернувшись кольцомъ на раскинутой между шкафомъ и дверью козьей шкурѣ, на которой обыкновенно спала моя охотничья собака. Они лежали оба рядомъ, и довольно строгій песъ, вообще не любившій жидовъ, на этотъ разъ какъ будто нашелъ нужнымъ измѣнить свои отношенія къ этому племени. Онъ какъ будто чувствовалъ своимъ инстинктомъ, что возлѣ него пріютилось самое горемычное горе, которое нельзя отгонять...

Я былъ доволенъ и жидомъ, и собакой, и оставилъ ихъ дѣлить до утра одну подстилку, а самъ легъ въ мою постель въ состояніи усталости отъ впечатлѣній, которыхъ было немилосердно много: жидъ наемщикъ, бѣлоцерковскій стодолъ, лавра, митрополитъ, дикіе стоны и вопли, имя Іешу, молчаливый князь и настойчивая княгиня съ ея всевластнымъ значеніемъ, мой двойникъ стряпчій Юровъ и Бобчинскій съ Добчинскимъ; необходимость и невозможность отъ всего этого отбиться, и вдругъ... какое-то тихое предсонное воспоминаніе о моей старой нянѣ, болгаркѣ Маринѣ, которую всѣ почему-то называли «туркинею»... И она всѣхъ пересиливаетъ: стоитъ надо мною, трясетъ старушечьимъ повойникомъ да ласково шепчетъ: «Спи дитя, спи:—Христосъ пристанетъ и пастыря приставитъ»... И вообразите себѣ, что вѣдь все это было кстати!—Да; все это, что̀ представляло такой пестрый и нескладный сборъ понятій, оказалось нужнымъ,—во всемъ этомъ будничномъ хаосѣ были всѣ необходимые элементы для того, чтобы устроился удивительно праздничный случай, который по его неожиданности и маловѣроятности мнѣ такъ и хочется назвать *чудеснымъ*.

Мы съ интролигаторомъ отсыпались передъ такою неравною и опасною битвою, отъ которой всякій разсудительный человѣкъ непремѣнно бы заранѣе отказался, если бы намъ не было даровано благодѣтельное невѣдѣніе грядущаго.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Утро, которое должно было показать себя мудренѣе вчерашняго вечера, взошло въ свои урочные часы, въ свѣтлости, достойной какого-нибудь болѣе торжественнаго событія. Это было одно изъ тѣхъ прекрасныхъ украинскихъ утръ, когда солнышко съ удивительною и почти неизвѣстною въ сѣверной полосѣ силою пробуетъ власть свою надъ морозцемъ. Ночь всю держитъ стужа и къ разсвѣту она даже еще болѣе злится и грозитъ днемъ самымъ суровымъ; но чуть лишь Фебъ выкатитъ на небо въ своей яркой колесницѣ,—всѣ страхи и никнутъ: небо горитъ розовыми тонами, въ воздухѣ такъ все и заливаетъ нѣжная, ласкающая мягкость, снѣгъ на освѣщенныхъ сторонахъ кровель подъ угрѣвомъ улетаетъ какъ паръ. Картина тогда напоминаетъ блѣдную двуличневую матерію съ яркимъ отливомъ. Въ то самое время, какъ тѣневая сторона улицъ и зданій вся покрыта оледенѣлою корою, другая, обогрѣтая солнцемъ—таетъ; кровли блестятъ и дымятся испаряющеюся влагою; звучно стучатъ, падая сверху и снова въ тѣни замерзая внизу капели; и воробьевъ, этихъ проворныхъ, живыхъ и до азарта страстныхъ къ заявленію своего жизнелюбія птичекъ, вдругъ появляется такая бездна, что можно удивляться: откуда они берутся? Еще вчера они совсѣмъ не были замѣтны и вдругъ, точно мошки въ погожій вечеръ, сразу явились повсюду. Ихъ веселымъ крикливымъ чириканьемъ полонъ весь воздухъ; они порхаютъ, гоняясь одинъ за другимъ по оттаявшимъ вѣтвямъ деревьевъ, и сыплютъ внизъ иней съ тѣхъ мерзлыхъ вѣтокъ, которыя остаются въ своемъ серебристомъ зимнемъ уборѣ.

Гдѣ ни проталина, тамъ цѣлый клубъ этой крикливой и шумной пернатой дребезги, но всего больше ихъ на обогрѣтыхъ сторонахъ золоченыхъ крышъ храмовъ и колоколенъ, гдѣ всего ярче горитъ и отражается солнце. Тутъ заводится цѣлое интернаціональное птичье собраніе: по карнизамъ, распушивъ хвосты и раскидывая попеременно то одно, то другое крылышко, полулежатъ въ пріятномъ farniente задумчивые голуби, расхаживаютъ степенныя галки и цѣлыми летучими отрядами порхаютъ и носятся съ мѣста на мѣсто воробьи.

Словомъ, оживленіе большое. Начинаясь въ высшихъ, въ воздушныхъ слояхъ, оно не оказывается безсильнымъ и ниже: и животныя, и люди—всѣ подъ этимъ оживляющимъ угрѣвомъ становятся веселѣе: легче дышатъ и вообще лучше себя чувствуютъ. Знаменитый оксфордскій бишовъ Жозефъ Галлъ, имѣвшій усердіе и досугъ выражать «внезапныя размышленія при воззрѣніи на всякій предметъ» и проповѣдывавшій даже «во время лаянія собаки» (изд. 1786 г., стр. 38), совершенно справедливо сказалъ (стр. 35): «прекрасная вещь свѣтъ, — любезная и свойственная душамъ человѣческимъ: въ немъ все принимаетъ новую жизнь и *мы сами въ немъ перемѣняемся*»,—и конечно къ лучшему.

Теплые лучи, освѣщая и согрѣвая тѣло, какъ будто снимаютъ суровость съ души, даютъ усиленную ясность уму и ту пріуготовительную теплоту сердцу, при которой человѣкъ становится чутче къ призывамъ добра. Согрѣтый и освѣщенный, онъ какъ бы гнушается темноты и холода сердца и самъ готовъ освѣтить и согрѣть въ сумрачной тѣни зимы цѣпенѣющаго брата.

Такихъ очаровательныхъ теплыхъ дней, совершенно неожиданно прорывающихся среди зимней стужи, я нигдѣ не видалъ, кромѣ нашей Украйны, и преимущественно въ самомъ Кіевѣ. Сѣвернѣе, надъ Окою, и вообще, такъ-сказать, въ черноземномъ клину русскаго поля, что-то подобное бываетъ ближе къ веснѣ, около Благовѣщенія, но это совсѣмъ иное.

То — естественное явленіе поворота солнца на лѣто; а это — почти что-то феноменальное, — это какой-то капризъ, шалость, заигрываніе, атмосферная шутка съ землею — и земля очень весело на нее улыбается: въ людяхъ больше мира и благоволенія.

Вставъ въ такое благопріятное утро, я прежде всего освѣдомился у моего слуги о жидѣ, и, къ немалому своему удивленію, узналъ, что его уже нѣтъ въ моей квартирѣ,— что онъ еще на самомъ разсвѣтѣ всталъ и началъ царапаться въ коридоръ, гдѣ мой человѣкъ разводилъ самоваръ. Изъ этого самовара онъ нацѣдилъ себѣ стаканъ горячей воды, выпилъ ее съ кусочкомъ сахару, который нашелъ у себя въ карманѣ, и побѣжалъ.

Куда онъ побѣжалъ? — объ этомъ мой слуга ничего не зналъ, а на вопросъ: въ какомъ этотъ бѣднякъ былъ состояніи, отвѣчалъ:

— Ничего, спокойнѣе, — только все потихоньку квохталъ, какъ пчелиная матка, да въ сердцѣ точно у него все нутро на резинѣ дергается.

Я напился чаю и, не теряя времени, поѣхалъ къ Друкарту, который жилъ тогда въ низенькихъ антресоляхъ надъ флигелемъ, гдѣ помѣщалась канцелярія генералъ-губернатора, въ Липкахъ, какъ разъ насупротивъ генералъ-губернаторскаго дома.

У меня и въ мысляхъ не было говорить съ Друкартомъ объ интролигаторѣ, потому что это, казалось, не имѣло никакого смысла и притомъ же покойный Андрей Ивановичъ хотя и отличался прямою добротою, но онъ былъ также человѣкъ очень осторожный и не любилъ вмѣшиваться въ дѣла ему постороннія. А притомъ же я, къ немалому стыду моему, въ это время уже почти позабылъ о жидѣ и больше думалъ о себѣ; но судьбѣ было угодно поправить мою эгоистическую разсѣянность и поставить на точку вида то, о чемъ всего пристойнѣе и всего нужнѣе было думать и заботиться.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Я долженъ былъ проѣхать по переулку, который идетъ къ генералъ-губернаторскому дому отъ городского, или «царскаго» сада»; здѣсь тогда былъ очень старый и весьма запущенный (не знаю, существующій ли теперь) домъ, принадлежавшій графамъ Браницкимъ. Домъ этотъ, одноэтажный, длинный, какъ фабрика, и приземистый, какъ старопольскій шляхетскій будинокъ, имѣлъ ту особенность, что онъ былъ выстроенъ по спуску, отчего одинъ его конецъ лежалъ чуть ли не на самой землѣ, тогда какъ другой, выравниваясь по горизонтальной линіи, высоко поднимался на какой-то насыпи, надъ которою было что-то въ родѣ карниза.

Все это, какъ сейчасъ увидимъ, имѣетъ свое мѣсто и значеніе въ нашей исторіи.

Изъ семейства графовъ никто въ этомъ домѣ не жилъ. Были, можетъ-быть, въ немъ какіе-нибудь апартаменты для ихъ пріѣзда, — я этого не знаю; но тамъ, въ одномъ изъ флигелей, жилъ постоянно какой-то «пленипотентъ» Браницкихъ, тоже, разумѣется, «панъ», у котораго была собака, кажется ублюдокъ изъ породы бульдоговъ. Этотъ песъ имѣлъ довольно необыкновенную — пеструю, совершенно тигровую рубашку, и любилъ въ погожіе дни лежать на гребнѣ той высокой завалины, по которой выравнялась надъ косогоромъ линія дома, и любоваться открывавшимся оттуда зрѣлищемъ. Этотъ наблюдатель былъ многимъ извѣстенъ, и кто, бывало, замѣтитъ его издали, тотъ почтительно перейдетъ поскорѣе на другую сторону, а кто идетъ прямо у самаго дома, тотъ этой собаки или вовсе не замѣтитъ, а если взглянетъ и увидитъ его надъ самою своею головою, то испугается и пошлетъ его владѣтелю болѣе или менѣе хорошо оснащенное крылатое слово.

Въ тотъ день, который я описываю, пленипотентовъ по-

лосатый песъ былъ на своемъ возвышенномъ мѣстѣ и любовался природою. Я его не замѣтилъ или не обратилъ на него вниманія, во-первыхъ, потому, что зналъ его, а во-вторыхъ, потому, что какъ разъ въ это самое время увидалъ на противуположномъ тротуарѣ Друкарта и сошелъ, чтобы поговорить съ нимъ о моихъ недосугахъ, мѣшавшихъ моему участію въ спектаклѣ.

Андрей Ивановичъ былъ сверхъ обыкновенія веселъ: онъ говорилъ, что обязанъ этимъ расположеніемъ духа необыкновенно хорошей погодѣ, и разсказалъ мнѣ при этомъ анекдотъ—какъ хорошо она дѣйствуетъ на душу.

— Я, говоритъ, спѣшу кончить слѣдствіе и нынче рано вызвалъ къ допросу убійцу и говорилъ съ нимъ, а самъ въ это время брился, и потомъ шутя спрашиваю его: отчего онъ столько человѣкъ порѣзалъ, а меня не хотѣлъ зарѣзать моею же бритвою?—А онъ отвѣчаетъ: «не знаю: нонче мнѣ что-то рукъ кровянить не хочется».

И только, что мы этакъ переболтнули, какъ вдругъ раздался ужасающій вопль: «Уй-уй... каркадыль!» — и въ ту же самую минуту на насъ бросился и началъ между нами тереться... опять *онъ* же,—мой интролигаторъ.

Откуда онъ несся и куда стремился, попавъ по пути подъ «крокодила», я тогда не зналъ, но видъ его, въ бореньѣ съ новымъ страхомъ, былъ еще жалостнѣе и еще смѣшнѣе. При всемъ большомъ жидовскомъ чинопочитаніи, онъ въ ужасѣ лѣзъ подъ старую, изношенную енотовую шубу Друкарта, которую тотъ самъ называлъ «шубою изъ енотовыхъ пятокъ», и, вертя ее за подолъ, точно игралъ въ кошку и мышку.

Мы оба расхохотались, а онъ все метался и кричалъ: «каркадыль! каркадыль!» и металъ отчаянные взоры на бульдога, который, нимало не безпокоясь, продолжалъ спокойно взирать на насъ съ своего возвышенія.

Успокоить жида было невозможно, но зато это дало мнѣ поводъ разсказать Друкарту, что̀ это за несчастное созданіе и въ чемъ состоитъ его горе.

Повторяю, Друкартъ былъ человѣкъ чрезвычайно добрый и чувствительный, хотя это очень многимъ казалось невѣроятнымъ, потому что Друкартъ былъ рыжеволосъ, а рыжеволосыхъ, какъ извѣстно, добрыми не считаютъ. (Это такъ же основательно и неоспоримо, какъ странная примѣта, будто бритвы съ бѣлыми черешками острѣе, чѣмъ съ черными; но возражать противъ этого все-таки напрасно). Притомъ же Друкартъ находился, какъ я сказалъ, въ необычайно хорошемъ расположеніи духа, которое еще усилилось происшествіемъ съ крокодиломъ и перешло въ совершенное благодушіе.

Живая сострадательность взяла верхъ надъ его осторожною системою невмѣшательства, и онъ сказалъ мнѣ потихоньку:

— Ишь какая мерзость устроена надъ этимъ каркадыломъ.

— Да, отвѣчаю: мерзость такая ужасная, что ему нельзя ничѣмъ и помочь.

Друкартъ задвигалъ своимъ умнымъ морщинистымъ лбомъ и говоритъ:

— А давайте попробуемъ.

— Да что же можно сдѣлать?

— А вотъ попробуемъ... Иди за нами, каркадыль!

— Но этого не надо было и говорить: интролигаторъ и такъ не отставалъ отъ насъ и все забѣгалъ впередъ, оглядываясь: не оставилъ ли крокодилъ своего забора и не идетъ ли его проглотить, чего жидъ, повидимому, страшно боялся, — не знаю болѣе за себя самого, или за сына, у котораго въ его особѣ крокодилъ могъ взять единственнаго защитника.

Говорятъ: «*чѣмъ* люди оказываются во время испуга, *то* они дѣйствительно и есть»,—испугъ—это *промежутокъ* между навыками человѣка, и въ этомъ промежуткѣ можно видѣть *натуру*, какою она есть. Судя такъ, интролигатора въ этотъ промежутокъ можно бы, пожалуй, почесть болѣе за жизнелюбца, чѣмъ за чадолюбца; но пока еще не изо-

брѣтенъ способъ утвержденія Момусова стекла въ человѣческой груди, до тѣхъ поръ всѣ подобныя рѣшенія, мнѣ кажется, могутъ быть очень ошибочными, и къ счастью они ни одному изъ насъ не приходили въ голову.

У Андрея Ивановича явился планъ дѣйствовать на князя Иларіона Иларіоновича,—планъ, въ которомъ я не видѣлъ никакой пользы и старался его отвергнуть, какъ совершенно неудобоисполнимый и безполезный.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Я держался такого взгляда на основаніи общеизвѣстной флегматической вялости характера князя, человѣка натуры весьма благородной и доброй, но, къ сожалѣнію многихъ, не являвшей той энергіи, которой отъ него порою очень хотѣлось. Но Друкартъ зналъ князя лучше и стоялъ на своемъ.

— Не думайте, — настаивалъ онъ: — князь—добрякъ, и ему только надо это какъ должно представить. Онъ не соколъ,—сразу окомъ не прожжетъ, зато и крыломъ не обрѣжетъ, а все начнетъ только у себя въ сердцѣ долбить и какъ разъ выковыряетъ оттуда то, что на потребу, и тогда своего «*добраго мальчика*» пуститъ.

Надо объяснить, что такое у насъ въ Кіевѣ и еще ранѣе здѣсь въ Петербургѣ называли «*добрымъ мальчикомъ*» добрѣйшаго изъ людей, князя Иларіона Иларіоновича, а для этого надо сказать кое-что о всей его физической и духовной природѣ.

Онъ былъ человѣкъ большого роста, съ наружностью сколько представительною, столько же и симпатичною. Преобладающею его чертою была доброта, но какая-то скорѣе пассивная, чѣмъ активная. Казалось, онъ очень бы желалъ, чтобы всѣмъ было хорошо, но только не зналъ, что для этого сдѣлать, и потому болѣе объ этомъ не безпокоился... до случая. Физіономія его хранила тихое спокойствіе его доброй совѣсти и пребывала въ постоянной

неподвижности; и эта неподвижность оставалась такою же и тогда, если его что-нибудь особенно брало за сердце, но только въ этихъ послѣднихъ случаяхъ *что-то* начинало поднимать вверхъ и оттопыривать его верхнюю губу и усы. Это *что-то* и называлось «*добрымъ мальчикомъ*», который будто бы являлся къ услугамъ князя, для того, чтобы не затруднять его нужными при разговорѣ движеніями.

Рѣчи князя были всегда сколь рѣдки, столь и не многословны, хотя при всемъ этомъ ихъ никакъ нельзя было назвать краткими и лаконическими. Въ нихъ именно почти всегда недоставало законченности и притомъ онѣ отличались совершенно своеобразнымъ построеніемъ. По способу ихъ изложенія, я могу имъ отыскать нѣкоторое подобіе только въ рѣчахъ, которыя произносилъ незнакомецъ, описанный Диккенсомъ въ «Запискахъ пиквикскаго клуба».

Оригинальный спутникъ нѣжнаго Топмена, какъ извѣстно, говорилъ такъ:

— Случилось... пять человѣкъ дѣтей... мать... высокая женщина... все ѣла селедки... забыла... три... дѣти глядятъ... она безъ головы... осиротѣли... очень жалко.

Какъ надо было имѣть особый навыкъ, чтобы понимать этого оратора, такъ была потребна сноровка, чтобы резюмировать и словесные выводы и заключенія князя. Но по самому характеру героя Диккенсова, надо полагать, что этотъ путешественникъ говорилъ часто и скороговоркою, между тѣмъ какъ нашъ неспѣшный добросердечный князь всегда говорилъ повадно, съ оттяжкой, такъ чтобы *добрый мальчикъ* успѣвалъ управляться подъ его молодецкими усами. Притомъ же онъ, говоря по-русски, какъ баричъ начала девятнадцатаго вѣка, оснащалъ свою рѣчь избраннымъ простонароднымъ словомъ, которое у него было «сталобыть» или иногда просто «стало». На этомъ «стало» порою все и становилось, но цѣлость впечатлѣнія отъ этого нимало не страдала, а напротивъ, къ всеобщему удивленію, даже какъ будто выигрывала. Это «стало» было въ своемъ

родѣ то же, что удивляющая теперь петербургскихъ меломановъ оборванная нота въ новой оперѣ «Маккавеи»: ея внезапный обрывъ красивѣе и понятнѣе, чѣмъ самая широкая законченность по всѣмъ правиламъ искусства.

— «Сдѣлайте... стало...», — говорилъ князь, отмахивая слегка рукою, и искусные въ разумѣніи его люди знали, что̀ имъ дѣлать, и выходило хорошо, хорошо потому, что всѣ знали, что онъ думалъ и чувствовалъ только *хорошо*.

Во множествѣ случаевъ это было прекрасно, но я не могъ себѣ представить—къ чему это поведетъ въ томъ казусномъ случаѣ, о которомъ идетъ дѣло? Противъ интролигатора и за его обидчика были, во-первыхъ, прямыя законныя постановленія, а во-вторыхъ—княгиня, значеніе которой было, къ сожалѣнію, слишкомъ неоспоримо. Что же постановитъ противъ этого княжеское «стало», да и что ему тутъ дѣлать?

Извѣстно, что, дабы чего-нибудь достичь, надо прежде всего ясно сознать, чего желаешь и какими путями хочешь стремиться къ осуществленію этого желанія. Но у насъ ни у одного изъ трехъ, кажется, не было никакого яснаго плана: чего именно мы хотѣли для спасенія нашего интролигатора и въ какой формѣ? Мы только чувствовали желаніе помочь ему, и одинъ изъ насъ двухъ расширилъ свои соображенія настолько, что видѣлъ полезнымъ разжалобить добросердечнаго князя, возлагая надежду на изобрѣтательность его сердца, которое начнетъ что-то «долбить» и что-то «выковыривать», какъ разъ то, что нужно.

Друкартъ былъ въ этомъ увѣренъ, а я нисколько, и зато впослѣдствіи имѣлъ радостный случай воскликнуть: «блаженъ кто вѣруетъ,—тепло ему на свѣтѣ!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Оставивъ моего многострадальнаго еврея подъ опекою его новаго покровителя, я отправился къ своему мѣсту и занялся своимъ дѣломъ.

Здѣсь не излишнимъ считаю сказать, что ни въ комъ изъ лицъ, о которыхъ мнѣ здѣсь приходится говорить (разумѣется кромѣ еврея), не было ни одного вѣроотступника или индифферента по отношенію къ вѣрѣ. Что касается князя Иларіона Иларіоновича, то его религіозныя убѣжденія мнѣ конечно близко неизвѣстны, но я думаю, что онъ былъ православенъ не меньше, чѣмъ всякій православный русскій сановникъ,—а можетъ быть даже немножко и больше нѣкоторыхъ. Простая, прямая и теплая душа его искала опоры въ вѣрѣ народной, народнѣе которой для русскаго человѣка нѣтъ, какъ наше родное православіе, во всей неприкосновенной чистотѣ и здравости его ученія. Друкартъ, *русскій уроженецъ* литовскихъ губерній, имѣлъ сугубую страстность къ православію, которое было для него не только вѣрою, но и своего рода духовнымъ знаменемъ русской народности. Я выросъ въ своей родной семьѣ въ г. Орлѣ, при отцѣ, человѣкѣ очень умномъ, много начитанномъ и знатокѣ богословія, и при матери очень богобоязненной и богомольной; научился я религіи у лучшаго и, въ свое время, извѣстнаго изъ законоучителей, о. Евѳимія Андреевича Остромысленскаго, за добрые уроки котораго всегда ему признателенъ. Шаткости религіозной въ кружкахъ, въ которыхъ я тогда въ Кіевѣ вращался, совсѣмъ не было, и я былъ такимъ, какимъ я былъ, обучаясь православно мыслить отъ моего родного отца и отъ моего превосходнаго законоучителя, который до сихъ поръ, слава Богу, живъ и здоровъ. (Да приметъ онъ издали отсюда мною посылаемый ему низкій поклонъ). Словомъ: никого изъ насъ нельзя было заподозрѣвать ни въ малѣйшемъ недоброжелательствѣ церкви, къ которой мы принадлежали, и по рожденію, и по убѣжденіямъ, и вѣроятно никто изъ насъ не нашелъ бы удовольствія отвести отъ церкви невѣра, который бы возжелалъ съ нею соединиться; а между тѣмъ всѣ мы это сдѣлали съ полнымъ спокойствіемъ, которое получило на себя санкцію отъ лица, авторитетъ котораго я, какъ православный, считаю непререкаемымъ въ этомъ дѣлѣ.

Теперь я буду продолжать разсказъ, какъ поступили въ этомъ случаѣ люди, имѣвшіе предо мною всѣ несравнимыя преимущества въ старшинствѣ лѣтъ, въ опытѣ, въ познаніяхъ и въ томъ превосходномъ *дерзновеніи вѣры*, которое сѣчетъ и рубитъ мелкій страхъ шаткости маловѣрнаго сомнѣнія.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Я буду кратокъ въ описаніи аудіенціи, которую злополучный интролигаторъ имѣлъ у князя, потому что я самъ тутъ не присутствовалъ и веду разсказъ съ чужихъ словъ.

Благодаря Друкарту, бѣднякъ, разумѣется, былъ поставленъ такъ удобно, что князь, выйдя къ пріему прошеній, могъ обратить на него вниманіе,—что и случилось.

— Что... это... стало... какой человѣкъ... зачѣмъ такъ плачетъ... Узнайте!—сказалъ князь Друкарту, который на этотъ разъ былъ съ нимъ у пріема.

Тотъ взялъ просьбу и разумѣется, зная уже дѣло, взглянулъ въ нее только для порядка. Въ ней впрочемъ и нечего было искать изложенія дѣла, потому что простая и никакой власти неподсудная суть его исчезла въ описаніи страданій самого интролигатора отъ людей, отъ стихій и наконецъ отъ крокодила, который тоже былъ занесенъ въ эту скорбную запись.

Оставалось свернуть это сочиненіе и изложить князю на словахъ, въ чемъ дѣло.

Друкартъ это и исполнилъ, и какъ человѣкъ очень теплый, умный и талантливый, сдѣлалъ вѣроятно такъ хорошо, что князь сразу тронулся: брови его слегка нахмурились и «*добрый мальчикъ*» подъ усами задвигалъ:

— Это что же... это стало-быть... плутовство,—заговорилъ князь.—Это... такъ э... нельзя позволять.

Чиновникъ кратко, но обстоятельно указалъ ему на законъ.

Князь еще болѣе нахмурился, и «*добрый мальчикъ*» было ушелъ, но потомъ снова вернулся.

— Да... законъ, такъ... стало-быть... нельзя.

Чиновникъ промолчалъ, — князь продолжалъ принимать другія просьбы,—жидъ вылъ, и когда ему кричали «тссъ!», онъ на минуту умолкалъ и продолжалъ вздрагивать, какъ продернутый на резинку, но черезъ минуту завывалъ заново безъ словъ, безъ просьбъ,—одними звуками.

Князя стало брать за душу.

— Велите... стало... ему молчать и... вывесть, — сказалъ онъ, какъ будто очень разсердясь, что у него всегда служило превосходнымъ признакомъ, потому что, давъ въ себѣ хотя малѣйшее движеніе гнѣву, онъ, по безподобной добротѣ своей души, непремѣнно сейчасъ же подчинялся реакціи и всемѣрно, какъ могъ, выискивалъ средства задобрить свое нетерпѣливое движеніе.

Здѣсь же этой реакціи надо было ожидать еще скорѣе, потому что и самое приказаніе «молчать и вывесть» онъ очевидно далъ отъ досады, что не видалъ возможности сдѣлать того, что хотѣлъ бы сдѣлать.

Надо было ожидать, что все это у него пока *надалбывается* въ сердцѣ и онъ бурлитъ, пока не досталъ, не добылъ еще того, что нужно; но зато чѣмъ онъ больше этимъ кипитъ и мучится въ превосходной добротѣ своей, тѣмъ скорѣе онъ разыщетъ тамъ у себя что нужно и рѣшится на то, что, можетъ-быть, самъ пока еще считаетъ совершенно невозможнымъ.

Это такъ и вышло: чуть жидъ отъ страха замолкъ и два жандарма повели его за локти изъ пріемной, «*мальчикъ*» подъ усами князя зашевелился.

— Тише... скажите... это...—заговорилъ онъ,—не надо...— Къ чему относилось это «не надо»—осталось неизвѣстнымъ, но понято было хорошо: жида вывели, но не прогнали, и онъ сѣлъ и продолжалъ дергаться на своей внутренней резинкѣ; а князь быстро окончилъ пріемъ и во все это время казался недоволенъ и огорченъ, и отпустивъ просителей, не пошелъ въ свой кабинетъ, который былъ прямо

противъ входныхъ дверей пріемнаго зала, а вышелъ въ маленькую боковую зеленую комнату, направо.

Комната эта выходила окнами на дворъ и служила князю для особыхъ объясненій съ тѣми лицами, съ которыми онъ считалъ нужнымъ поговорить наединѣ.

Онъ походилъ здѣсь одинъ нѣсколько минутъ и потребовалъ Друкарта.

— Жалко!..—произнесъ онъ, увидя чиновника.

— Очень жалко, ваше сіятельство,—отвѣчалъ, всегда съ отличнымъ спокойствіемъ и достоинствомъ державшій себя, Друкартъ.

— Пфу... какая штука!.. Совсѣмъ плутъ...

— Очевидно бездѣльникъ,—было отвѣтомъ человѣка, который понималъ къ кому это относится, т. е. къ интролигаторову наемщику, пожелавшему креститься.

— И въ законѣ этого... стало... нѣтъ?

— Нѣтъ, тамъ нѣтъ исключенія — въ какое время объявить желаніе: это все равно.

— Взялъ деньги... го плутъ... Это... стало... какая... тутъ вѣра!

— Вѣра—одинъ предлогъ.

— Разумѣется... но я... ничего... стало-быть... не могу... идите!

И онъ съ очевиднымъ томленіемъ духа выпустилъ Друкарта, но тотъ не успѣлъ еще дойти до передней, какъ князь достукался того, что ему было нужно, и, живо размахнувъ дверь, самъ крикнулъ повеселѣвшимъ голосомъ:

— А... Друкартъ!

Тотъ вернулся.

— Теперь... того... какъ оно... вотъ какъ: и этого жида взять... въ сани... и поѣзжайте... съ нимъ... сейчасъ прямо... къ митрополиту... Онъ добрый старикъ... пусть посмотритъ... все разскажите... И отъ меня... кланяйтесь... и скажите, что жалко... а ничего не могу... какъ законъ... Хорошенько... это понимаете.

— Слушаю-съ.

— Да... что не могу... Очень, стало-быть, хотѣлъ бы... да не могу... а онъ очень добрый... понимаете...

— Очень добрый, ваше сіятельство.

— Такъ ему... я это предоставляю... и самъ не вмѣшиваюсь, а... только очень его... прошу... потому... если ему тоже жаль... онъ какъ тамъ знаетъ... Можетъ-быть... просите и... потомъ мнѣ скажите.

Князь докончилъ свою рѣчь уже болѣе живымъ и веселымъ тономъ, сдѣлалъ рѣшительный взмахъ рукою, повернулся и, гораздо повеселѣвъ, пошелъ въ свои внутренніе покои, но навѣрно не затѣмъ, чтобы спѣшить разсказать о своемъ распоряженіи въ аппартаментахъ княгини.

Командированный княземъ чиновникъ взялъ жида и покатилъ съ нимъ въ лавру, а я получилъ съ разсыльнымъ клочокъ бумажки съ сдѣланною наскоро карандашомъ надписью: «задержите ставку,—ѣдемъ къ митрополиту».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Ставку на два, три часа задержать было возможно, и я это сдѣлалъ; но къ чему все это могло повести?

Наши іерархи и вообще люди «духовнаго чина», какъ называетъ ихъ въ своемъ замѣчательномъ «Словарѣ» покойный митрополитъ кіевскій Евгеній Болховитиновъ, къ несчастію для общества, почти совсѣмъ ему неизвѣстны съ ихъ самыхъ лучшихъ сторонъ. Долженствуя стоять на самомъ свѣту въ виду у всѣхъ, они между тѣмъ почти совершенно «проходятъ въ тѣняхъ»; извѣстные при жизни съ одной чисто офиціальной, служебной своей стороны, они не получаютъ болѣе полнаго и интереснаго освѣщенія даже и послѣ смерти. Ихъ некрологи, какъ недавно справедливо замѣчено по поводу кончины бывшаго архіепископа тобольскаго Варлаама, составляютъ или сухой и жалкій перифразъ ихъ формулярныхъ послужныхъ списковъ, или—что̀ еще хуже,—даютъ жалкій наборъ общихъ фразъ, въ которыхъ пожалуй можно замѣтить много усердія панегири-

стовъ, но зато и совершенное отсутствіе въ нихъ наблюдательности и пониманія того, что̀ въ жизни человѣка сотканной изъ ежедневныхъ мелочей, можетъ репрезентовать его умъ, характеръ, взглядъ и образъ мыслей, — словомъ, что̀ можетъ показать человѣка съ его интереснѣйшей, внутренней, духовной стороны, въ простыхъ житейскихъ проявленіяхъ. Насколько превосходятъ насъ въ этомъ протестанты и католики, объ этомъ и говорить стыдно: между тѣмъ какъ тамъ мало-мальски замѣчательнаго духовнаго лица, если не заживо, то тотчасъ послѣ смерти знаютъ во всѣхъ его замѣчательныхъ чертахъ,—мы до сихъ поръ не имѣемъ живого очерка даже такихъ лицъ, какъ митрополитъ Филаретъ Дроздовъ и архіепископъ Иннокентій Борисовъ.

Можетъ-быть, это такъ нужно,—не знаю; но не въ моей власти не сомнѣваться, чтобы это было для чего-нибудь такъ нужно, — развѣ кромѣ той обособленности пастырей отъ пасомыхъ, которая не служитъ и не можетъ служить въ пользу Церкви.

Если благочестивая мысль весьма видныхъ представителей богословской науки пришла къ сознанію необходимости—знакомить людей съ жизнью Самого нашего Господа Іисуса Христа со стороны *Его человѣчности*, которая такъ высока, поучительна и прекрасна, разсматриваемая въ связи съ Его Божествомъ, и если этому пути слѣдуютъ нынче уже и русскіе ученые (какъ наприм. покойный кіевскій профессоръ К. И. Скворцовъ), то не странно ли чуждаться ознакомленія общества съ его іерархами, какъ съ живыми людьми, имѣвшими свои добродѣтели и свои недостатки, свои подвиги и свои немощи и, въ общемъ, можетъ-быть, представляющими гораздо болѣе утѣшительнаго и хорошаго, чѣмъ распространяютъ о нихъ въ глухой молвѣ, а ей-то и внемлетъ толпа чрезъ свои Мидасовы уши»...

Одно духовное изданіе недавно откровенно изъяснилось, отчего это происходитъ, — «отъ совершеннаго неумѣнія

большинства людей изъ духовенства писать сколько-нибудь живо».

Я думаю, что это правда, и насколько во мнѣ можетъ быть допущено литературнаго пониманія,—я это утверждаю и весьма объ этомъ соболѣзную. Это *скрываетъ* отъ общества много хорошаго изъ нравовъ нашего клира.

Почти мимовольно вырвавшіяся выше строки, которыя я тѣмъ не менѣе желаю здѣсь оставить, потому что считаю ихъ сказанными нечаянно, но кстати, не должны однакоже быть истолкованы въ такомъ претензіонномъ смыслѣ, какъ будто я хочу или могу пополнить чѣмъ-нибудь замѣченный мною печальный пробѣлъ въ нашей духовной журналистикѣ, — доселѣ еще бѣдной живымъ элементомъ и терпящей вполнѣ достойное и заслуженное ею безучастіе общества за свой сухой, чисто отвлеченный тонъ и *неинтересный* характеръ.

Вышесказанной претензіи у меня нѣтъ, да и она, по правдѣ сказать, ни на что не нужна мнѣ. Слабому перу моему довольно работы и безъ этого; но доходя въ этомъ разсказѣ до встрѣчи съ покойнымъ митрополитомъ Филаретомъ Амфитеатровымъ, я долженъ сказать—какимъ онъ мнѣ представлялся со стороны *его общечеловѣчности*, до которой мнѣ собственно только и было теперь дѣло.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Еще ребенкомъ, у себя въ Орловской губерніи, откуда покойный митрополитъ былъ родомъ и потому въ болѣе тѣсномъ смыслѣ былъ моимъ «землякомъ», я слыхалъ о немъ, какъ о человѣкѣ доброты безконечной. Я зналъ напасти и гоненія, которыя онъ терпѣлъ до занятія митрополичьей каѳедры,—гоненія, которыя могли бы дать превосходнѣйшій матеріалъ для самой живой и интересной характеристики многихъ лицъ и ихъ времени.

Во всѣхъ этихъ разсказахъ митрополитъ Филаретъ являлся скромнымъ и терпѣливымъ, кроткимъ и миролюбивымъ человѣкомъ—не болѣе.

Активной доброты его, о которой говорили въ общихъ чертахъ, я не зналъ ни въ одномъ частномъ проявленіи.

О послѣднемъ выѣздѣ его изъ Петербурга, куда онъ болѣе уже не возвращался, носились слухи тоже самые общіе и то дававшіе во всемъ первое мѣсто и значеніе митрополиту московскому,—да это мнѣ и не нужно было для того, чтобы построить свою догадку о томъ, какъ онъ отнесется къ извѣстному казусу.

Въ Кіевѣ я услыхалъ ему первыя осужденія за его отношенія къ покойному о. Герасиму Павскому и раздѣлялъ мнѣнія осуждавшихъ.

Лично я его увидѣлъ въ первый разъ въ домѣ предсѣдателя казенной палаты Я. И. П., гдѣ онъ мнѣ показался очень страннымъ. Во-первыхъ, когда всѣ мы, хозяева и гости, встрѣтили его въ залѣ (въ домѣ П. на Михайловской улицѣ), онъ благословилъ всѣхъ насъ, подошедшихъ къ нему за благословеніемъ, и потомъ, замѣтивъ остававшуюся у стола молодую дѣвушку, бывшую въ этомъ домѣ гувернанткою, онъ посмотрѣлъ на нее и, не трогаясь ни шагу далѣе, проговорилъ:

— Ну, а вы что же?

Дѣвица сдѣлала ему почтительный глубокій реверансъ и тоже осталась на прежнемъ мѣстѣ.

— Что же... подойдите!—позвалъ митрополитъ.

Но въ это время къ нему подошелъ хозяинъ и тихо шепнулъ:

— Ваше высокопреосвященство,—она протестантка.

— А!.. ну что же такое, что протестантка: вѣдь не жидовка же (sic)?

— Нѣтъ, владыка,—протестантка.

— Ну, а протестантка, такъ поди сюда, дитя, поди, дѣвица, поди; вотъ такъ; Господь тебя благослови: во имя Отца, и Сына, и Св. Духа.

И онъ ее благословилъ, и когда она, видимо сильно растрогавшись, хотѣла, по нашему примѣру, поцѣловать его руку, онъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ:

— Умница!

Дѣвушка такъ растрогалась отъ этой, вѣроятно, совсѣмъ неожиданной ею ласки, что заплакала и убѣжала во внутренніе покои.

Впослѣдствіи она не разъ ходила къ митрополиту, получала отъ него благословенія, образки и книжечки, и кончила тѣмъ, что перешла въ православіе и, говорятъ, вела въ мірѣ чрезвычайно высокую подвижническую жизнь и всегда горячо любила и уважала Филарета. Но въ этотъ же самый визитъ его къ П. онъ показалъ себя намъ и въ иномъ свѣтѣ: едва онъ усѣлся въ почетномъ мѣстѣ на диванѣ, какъ къ нему подсосѣдилась свояченица хозяина, пожилая дѣвица, и пустилась его «занимать».

Вѣроятно желая блеснуть своею свѣтскостію, она заговорила съ сладкою улыбкою:

— Какъ, я думаю, вамъ, ваше высокопреосвященство, скучно здѣсь послѣ Петербурга?

Митрополитъ поглядѣлъ на нее и,— Богъ его знаетъ,— связалъ ли онъ этотъ вопросъ съ исторіею своего отбытія изъ Петербурга, или такъ просто,—отвѣтилъ ей:

— Что это такое?.. что мнѣ Петербургъ?..—и, отвернувшись, добавилъ:—глупая,—право глупая.

Тутъ я замѣтилъ всегда послѣ мною слышанную разницу въ его интонаціи: онъ то говорилъ немножко надтреснутымъ, слабымъ старческимъ голосомъ, какъ бы съ неудовольствіемъ, и потомъ мягко пускалъ добрымъ стариковскимъ баскомъ.

— «Что мнѣ Петербургъ?»—это было въ первой манерѣ, а «глупая»,—баскомъ.

Первое это впечатлѣніе, которое онъ на меня произвелъ, было странное: онъ мнѣ показался и очень добрымъ и грубоватымъ.

Впослѣдствіи первое все усиливалось, а второе ослабѣвало.

Потомъ, я помню, разъ рабочій-штукатуръ упалъ съ колокольни на плитяной помостъ и расшибся.

Митрополитъ остановился надъ нимъ, посмотрѣлъ ему въ лицо, вздохнулъ и проговорилъ ласково:

— Эхъ ты, глупый какой! — благословилъ его и прошелъ.

Былъ въ Кіевѣ священникъ о. Ботвиновскій,—человѣкъ не безъ обыкновенныхъ слабостей, но съ совершенно необыкновенною добротою. Онъ, напримѣръ, сдѣлалъ разъ такое дѣло: у казначея Т. недоставало что-то около 30,000 рублей и ему грозила тюрьма и погибель. Многіе богатые люди о немъ сожалѣли, но никто ничего не дѣлалъ для его спасенія. Тогда Ботвиновскій, *никогда до того времени не знавшій Т.*, продалъ все, что̀ имѣлъ цѣннаго, заложилъ домъ, бѣгалъ безъ устали, собирая гдѣ что могъ, и... выручилъ несчастную семью.

Владыка, узнавъ объ этомъ, промолвилъ:

— Ишь какой хорошій!

О. Ботвиновскому за это добро вскорѣ заплатили самою черною неблагодарностью и многими доносами, которые дошли до митрополита. Тотъ призвалъ его и спросилъ: правда ли, что̀ о немъ говорятъ?

— По неосторожности, виноватъ, владыка, — отвѣчалъ Ботвиновскій.

— А!.. зачѣмъ ты трубку изъ длиннаго чубука куришь, а?

— Виноватъ, владыка.

— Что виноватъ... тоже по неосторожности! А! какъ смѣешь! развѣ можно попу изъ длиннаго чубука!..—онъ на него покричалъ и будто сурово прогналъ, сказавъ:

— Не смѣй курить изъ длиннаго чубука!.. сейчасъ сломай свой длинный чубукъ!

О короткомъ—ничего сказано не было; а во всѣхъ другихъ частяхъ доносъ оставленъ безъ послѣдствій.

Тоже помню разъ лѣтомъ въ Кіевъ наѣхало изъ Орловской губерніи одно знакомое мнѣ дворянское семейство, состоявшее изъ матери, очень доброй пожилой женщины, и шести взрослыхъ дочерей, которыя всѣ были недурны

собою, изрядно, по-тогдашнему, воспитаны и имѣли состояньице, но ни одна изъ нихъ не выходила замужъ. Матери ихъ это обстоятельство было очень непріятно и представлялось верхомъ возмутительнѣйшей несправедливости со стороны всей мужской половины человѣческаго рода. Она сдѣлала по этому случаю такой обобщающій выводъ, что «всѣ мужчины подлецы, — обѣдать — обѣдаютъ, а жениться не женятся».

Высказавшись мнѣ объ этомъ со всею откровенностью, она добавила, что пріѣхала въ Кіевъ спеціально съ тою цѣлію, чтобы помолиться «насчетъ судьбы» дочерей и вопросить о ней жившаго тогда въ Китаевой пустыни старца, который Богъ вѣсть почему слылъ за прозорливца и пророка *).

Патріархальное орловское семейство расположилось въ нѣсколькихъ номерахъ въ лаврской гостиницѣ, гдѣ я получилъ обязанность ихъ навѣщать, а главная услуга, которой отъ меня требовала землячка, заключалась въ томъ, чтобы я сопутствовалъ имъ въ Китаевъ, гдѣ она пылала нетерпѣніемъ увидать прозорливца и вопросить его «о судьбѣ».

Отъ этого я никакъ не могъ отказаться, хотя, признаться, не имѣлъ никакой охоты безпокоить мудренаго анахорета, о прозорливости котораго слыхалъ только, что онъ на привѣтствіе: «*здравствуйте, батюшка*», — всегда, или въ большинствѣ случаевъ, отвѣчалъ: «*здравствуй, окаянный!*»

— Стоитъ ли, — говорю, — для этого его, божьяго старичка, безпокоить?

Но мои дамы встосковались:

— Какъ же это можно,—говорятъ,—такъ разсуждать? Развѣ это не грѣхъ такого случая лишиться? Вы тутъ все по-новому, — сомнѣваетесь, а мы просто вѣримъ и признаться затѣмъ только больше сюда и ѣхали, чтобы его

*) Это никакъ не должно быть относимо къ превосходному старцу Парѳенію, который жилъ въ Голосѣевѣ. *Н. Л.*

спросить. Молиться-то мы и дома могли бы, потому у насъ и у самихъ есть святыни: въ Мценскѣ—Николай угодникъ, а въ Орлѣ въ женскомъ монастырѣ — Божія Матерь прославилась, а намъ провидящаго старца-то о судьбѣ спросить дорого—что̀ онъ намъ скажетъ?

— Скажетъ,—говорю,—«здравствуйте, окаянныя!»

— Что же такое,—а можетъ-быть,—отвѣчаютъ,—онъ для насъ и еще что-нибудь прибавитъ?

«Что же»,—думаю,—«и впрямь, можетъ-быть, и «прибавитъ».

И онѣ не ошиблись: онъ имъ кое-что прибавилъ. Поѣхали мы въ густые голосѣевскіе и китаевскіе лѣса съ самоваромъ, съ сушеными карасями, арбузами и со всякой иной провизіей; отдохнули, помолились въ храмахъ и пошли искать прозорливца.

Но въ Китаевѣ его не нашли: сказали намъ, что онъ побрелъ лѣсомъ къ Голосѣеву, гдѣ о̀-ту пору жилъ въ лѣтнее время митрополитъ.

Шли мы, шли, отбирая языковъ у всякаго встрѣчнаго, и, наконецъ, попали въ какой-то садикъ, гдѣ намъ указано было искать провидца.

Нашли, и сразу всѣ мои дамы ему *въ ноги* и запищали:

— Здравствуйте, батюшка!

— Здравствуйте, окаянныя,—отвѣтилъ старецъ.

Дамы немножко опѣшили; но мать, видя, что старецъ повернулъ отъ нихъ и удаляется, подвигнулась отвагою и завопила ему вслѣдъ:

— А еще-то хоть что-нибудь, батюшка, скажите!

— Ладно,—говоритъ,—прощайте, окаянныя!

И съ этимъ онъ насъ оставилъ, а вмѣсто него тихо изъза кусточка показался другой старецъ, — небольшой, но ласковый, и говоритъ:

— Чего, дурочки, хотите? Э-эхъ, глупыя, ступайте въ свое мѣсто,—и тоже самъ ушелъ.

— Кто этотъ, что второй-то съ нами говорилъ? — спрашивали меня дамы.

— А это,—говорю,—митрополитъ.

— Не можетъ быть!

— Нѣтъ, именно онъ.

— Ахъ, Боже!.. вотъ счастья-то сподобились! будемъ разсказывать всѣмъ, кто въ Орлѣ,—не повѣрятъ! И какъ голубчикъ ласковъ-то.

— Да вѣдь онъ нашъ орловскій,—говорю.

— Ахъ, такъ онъ, вѣрно, насъ по разговору-то замѣтилъ и обласкалъ...

И ну плакать отъ полноты счастья...

Этотъ старецъ, дѣйствительно, былъ самъ митрополитъ, который въ сдѣланной моимъ попутчицамъ оцѣнкѣ, по моему убѣжденію, оказалъ гораздо болѣе прозорливости, чѣмъ первый провидѣцъ. «Окаянными» моихъ добрыхъ и наивныхъ землячекъ назвать было не за что, но глупыми—весьма можно.

Но со всѣми-то съ этими только данными для сужденія о характерѣ покойнаго митрополита—какія можно было вывести соображенія насчетъ того: что онъ сдѣлаетъ въ дѣлѣ интролигатора, гдѣ всѣ мы понемножечку милосердовали, но никто ничего не могъ сдѣлать,—не исключая даже такое, какъ нынѣ говорятъ, «высокопоставленное» и многовластное лицо, какъ главный начальникъ края?.. Какъ тамъ этого ни представляй, а все въ результатѣ выходило, что всѣ походили около печи, а никто оттуда горячаго каштана своими руками не выхватилъ, а трудъ вынуть этотъ каштанъ предоставили престарѣлому митрополиту, которому всего меньше было касательства къ злобѣ нашего дня.

Что же онъ въ самомъ дѣлѣ учинитъ?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Но въ нетерпѣливомъ ожиданіи результата, который долженъ былъ послѣдовать въ самомъ остромъ моментѣ этого чисто мірского, казеннаго дѣла отъ духовнаго владыки, мнѣ припомнился еще одинъ, довольно общеизвѣстный въ

свое время въ Кіевѣ случай, гдѣ митрополитъ Филаретъ своимъ милосердіемъ далъ неожиданный оборотъ одному деликатнѣйшему обстоятельству.

Въ одномъ дружественномъ домѣ Т. случилось ужасное несчастіе: чрезвычайно религіозная, превосходно образованная, возвышеннѣйшей души дама К. Ѳ. окончила жизнь самоубійствомъ и притомъ, какъ нарочно, распорядилась всѣмъ такъ, что не было никакой возможности отнести ея несчастную рѣшимость къ *умоповрежденію* или какому-нибудь иному мозговому разстройству.

Врачъ М—къ не давалъ такого свидѣтельства, а безъ того полиція не дозволяла погребенія съ церковнымъ обрядомъ и на христіанскомъ кладбищѣ.

Все это, разумѣется, еще болѣе увеличивало скорбь и безъ того пораженнаго событіемъ семейства, но дѣлать было нечего...

Тогда одному изъ родственниковъ покойной, Алфреду Юнгу, плохому редактору *Кіевскаго Телеграфа*, но прекраснаго сердца человѣку, пришла мысль броситься къ митрополиту и просить у него разрѣшенія похоронить покойницу какъ слѣдуетъ, по обрядамъ церкви, несмотря на врачебно-полицейскіе акты, которые исключали эту возможность.

Митрополитъ принялъ Юнга (хотя время уже было не урочное, — довольно поздно къ вечеру), выслушалъ о несчастіи Т., покачалъ головой и, вздохнувъ, заговорилъ:

— Ахъ, бѣдная, бѣдная, бѣдная... Зналъ ее, зналъ... бѣдная.

— Владыка! не дозволяютъ ее схоронить по обряду... это для семейства ужасно!

— Ну, зачѣмъ не схоронить? Кто смѣетъ не дозволить?

— Полиція не дозволяетъ.

— Ну, что тамъ полиція, — перебилъ съ милосердымъ нетерпѣніемъ Филаретъ.—Ишь что выдумали!

— Это потому, ваше высокопреосвященство, что врачъ находитъ, что она въ полномъ умѣ...

— Ну-у, что тамъ врачъ... много онъ знаетъ о полномъ умѣ! Я лучше его знаю... Женщина... слабая... немощный сосудъ,—скудельный: приказываю, чтобы ее схоронили по обряду, да, приказываю.

И какъ онъ приказалъ—разумѣется такъ и было. Могло то же самое или что-нибудь въ этомъ родѣ случиться и сейчасъ: онъ все вѣдь былъ тотъ же сегодня, какъ и тогда, и нынѣ онъ тоже могъ что-нибудь такое «*лучше*» всѣхъ насъ знать и рѣшить все такъ, чтобы милость и истина встрѣтились и правда и судъ облобызались. Что же дивнаго, когда дѣло пошло не на то, чѣмъ мы руководимся, а на то, что̀ онъ усмотритъ.

Скажетъ: «я лучше ихъ знаю», и конецъ!

И ни на минуту до сей поры не увѣренный въ возможности спасенія интролигатора, я вдругъ сталъ вѣрить, что неожиданное направленіе, данное дѣлу княземъ Васильчиковымъ, привело это дѣло какъ разъ къ такому судіи, который разрѣшитъ его самымъ наисовершеннѣйшимъ образомъ.

Я тогда не читалъ еще ни сочиненій блаженнаго Августина, о которыхъ упоминаю въ началѣ этого разсказа *), и не зналъ превосходнаго положенія Лаврентія Стерна **), но просто *по-сердцу* думалъ, что не можетъ быть, чтобы митрополитъ счелъ за благопріятное для церкви пріобрѣтеніе такого человѣка, который, по мѣткому выраженію Стерна, дѣлаетъ православію визитъ въ своемъ поганомъ халатѣ! Что̀ за прибыль въ новыхъ прозелитахъ, которые потомъ составляютъ въ христіанствѣ тотъ вредный, но, къ сожалѣнію, постоянный кадръ людей безъ вѣры, безъ чести,

---

*) «De fide et operibus» и «De catechisandis rudibus».

**) Извѣстный англійскій юмористъ, пасторъ суттонскаго прихода, Лаврентій Стернъ, прославившійся своимъ веселымъ остроуміемъ и нѣжною чувствительностью, говоритъ: «напрасно думаютъ быть христіанами тѣ, которые не постарались сдѣлаться добрыми людьми Идти ко Христу, имѣя недобрые замыслы противъ человѣка, болѣе несоотвѣтственно, чѣмъ дѣлать визитъ въ халатѣ». (Стернъ, ч. 2, стр. 6 и 7).

безъ убѣжденій, — людей, ради коихъ «имя Божіе хулится во языцѣхъ».

— Нѣтъ,—говорилъ я себѣ,—нѣтъ: митрополитъ рѣшитъ это правильно и прекрасно.

И я не ошибся, и теперь возвращаюсь къ моему разсказу, съ тѣмъ, чтобы на сей разъ уже заключить его концомъ, вѣнчающимъ дѣло.

Приглашаю теперь читателя возвратиться къ тому моменту, когда жидъ и чиновникъ поѣхали къ митрополиту въ лавру.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Жидъ съ утра въ этотъ день не представлялъ того ужасающаго отчаянія, съ какимъ онъ явился вчера вечеромъ. Правда, что онъ и теперь завывалъ, метался и дергался «на резинкѣ», но сравнительно со вчерашнимъ это было спокойнѣе. Это, можетъ-быть, до извѣстной степени объяснялось тѣмъ, что онъ утромъ сбѣгалъ на постоялый дворъ, гдѣ содержались рекруты, и издали посмотрѣлъ на сынишку. Но когда интролигатора посадили въ сани, приступы отчаянія съ нимъ опять возобновились и еще въ сугубомъ ожесточеніи. Онъ, говорятъ, походилъ на сумасшедшаго или на упившагося до безумія: онъ схватывался, вскакивалъ, голосилъ, размахивалъ въ воздухѣ руками и нѣсколько разъ порывался скатиться кубаремъ съ саней и убѣжать. Куда и зачѣмъ? — это онъ едва ли понималъ, но когда они проѣзжали подъ одною изъ арокъ крѣпостныхъ валовъ, ему это наконецъ удалось: онъ выпалъ въ снѣгъ и, вскочивъ, бросился къ стѣнѣ, заломилъ на нее вверхъ руки и завылъ:

— Ой Ісшу! Ісшу! що твій пипъ со мной зробыть?

Два услужливые солдатика, которые подоспѣли на этотъ случай, взяли его, погнули, какъ надо, чтобы усадить въ сани, и поѣздъ чрезъ пару секундъ остановился у святыхъ воротъ или, какъ въ Кіевѣ говорятъ, у *святой брамы*.

Тутъ не перомъ описать то, что́ начало дѣлаться съ

евреемъ, пока дошло до конца дѣло: онъ дѣлалъ поклоны и реверансы не только встрѣчнымъ живымъ инокамъ, но даже и стѣннымъ изображеніямъ, которыя, вѣроятно, производили на него свое впечатлѣніе, и все вздыхалъ.

Подслѣповатый инокъ, сидѣвшій подъ брамою съ кропиломъ за чашею святой воды, покропилъ его,—онъ обтерся и пошелъ за своимъ вождемъ далѣе.

Теперь надо было уже получить доступъ къ митрополиту, представиться ему и ждать, чѣмъ онъ обрадуетъ?

Друкартъ все, конечно, обдумалъ, какъ ему исполнить возложенное на него порученіе: онъ хотѣлъ оставить еврея гдѣ будетъ удобно внизу и велѣть доложить митрополиту объ одномъ себѣ и единолично, спокойно и послѣдовательно изложить все дѣло и, насколько возможно, склонить добраго старца къ состраданію несчастному интролигатору, а тамъ разумѣется,—что̀ будетъ, то будетъ.

Не знаю: вышло бы хорошо или худо, если бы дѣло пошло такимъ образомъ, по объясненному, разсчитанному плану; но все это никуда не годилось, потому что съ верховъ для развязки всей этой исторіи учрежденъ былъ другой планъ.

Напоминаю, что это было въ самый превосходный, погожій день. Покойный владыка Филаретъ тогда уже былъ близокъ къ закату дней и постоянно прихварывалъ, и даже очень мучительно и тяжко. Страданія его облегчалъ профессоръ Вл. Аф. Караваевъ, а еще чаще его помощникъ г. Заславскій, котораго покойный въ шутку звалъ: «отецъ Заславскій». Промежутки, когда онъ былъ здоровѣе и могъ обходиться безъ визитовъ «отца Заславскаго», были непродолжительны и нечасты, но однако бывали — и тогда онъ бодрился и даже выходилъ на воздухъ.

Жидъ и его предстатель какъ разъ попали на такой случай: не успѣли они, обогнувъ колокольню, завернуть вправо къ митрополитскимъ покоямъ, какъ увидали у дверей на помостѣ небольшую группу чернецовъ,—кажется, по разсказу, человѣка три или четыре, и между ними самъ владыка.

Выйдя на короткое, вѣроятно, время вздохнуть мягкимъ воздухомъ прекраснаго дня, митрополитъ былъ безъ клобука и всякихъ другихъ знаковъ своего сана,—по-домашнему, въ теплой шубкѣ и мякенькомъ колпачкѣ, но Друкартъ узналъ его издали и, поклонясь, подошелъ и началъ излагать цѣль своего посольства.

Митрополитъ слушалъ, не обнаруживая никакого вниманія и прищуривая прозрачныя, тогда уже потемнѣвшія вѣки своихъ глазъ, и все смотрѣлъ на крышу одного изъ куполовъ великой церкви, по которому на угрѣвѣ расположились голуби, галки и воробьи. Повидимому его, какъ будто, очень занимали птицы, но когда Друкартъ досказалъ ему исторію—какъ наемщикъ обманулъ своего нанимателя, онъ тихонько улыбнулся и проговорилъ:

— Ишь ты, воръ у вора дубинку укралъ,—и, покачавъ головою, опять продолжалъ смотрѣть на птичекъ.

— Владыка, — говорилъ ему между тѣмъ Друкартъ,— это дѣло теперь въ такомъ положеніи...—И онъ изложилъ все извѣстное намъ положеніе.

Митрополитъ молчалъ и попрежнему вдыхалъ въ себя воздухъ и смотрѣлъ на птицъ.

Положеніе посла становилось затруднительно,—онъ еще разсказалъ что-то, и умолкъ; владыка тоже молчалъ и смотрѣлъ на птичекъ.

— Что прикажете доложить князю, ваше высокопреосвященство,—снова попытался такъ Друкартъ.—Его сіятельство усердно васъ проситъ, такъ какъ законъ ставитъ его въ невозможность...

— Законъ... въ невозможность... меня проситъ!—какъ бы вслухъ подумалъ митрополитъ, и вдругъ неожиданно перевелъ глаза на интролигатора, который, страшно безпокоясь, стоялъ немного поодаль передъ нимъ въ согбенной позѣ...

Слабыя вѣки престарѣлаго владыки опустились и опять поднялись и нижняя челюсть задвигалась:

— А? что же мнѣ съ тобою дѣлать, жидъ! — протянулъ

онъ и добавилъ вопросительно: — а? Ишь ты какой дуракъ!

Дергавшійся на мѣстѣ интролигаторъ, заслышавъ обращенное къ нему слово, такъ и рухнулся на землю и пошелъ извиваться, рыдая и лепеча опять: «Ісшу! Ісшу! Ганоцри! Ганоцри!»

— Что ты, глупый, кричишь? — проговорилъ митрополитъ.

— Ой васе... ой васе... васе высокопреосвященство... коли же... коли же никто... никто... якъ ви...

— Неправда; никто, какъ Богъ, а не я,—глупый ты!

— Ой Богъ, ой Богъ... Ой Ісшу, Ісшу...

— Зачѣмъ говоришь Ісшу? — скажи: Господи Іисусе Христе!

— Ой, коли же... Господи ой, Сусе Хриште... Ой, ой, дай мине... дай мине, гошподинъ... гошподи... дай мое дѣтко!

— Ну, вотъ такъ!.. Глупый...

— Онъ до безумія измученъ, владыка, и... удивительно какъ онъ еще держится,—поддержалъ тутъ Друкартъ.

Митрополитъ вздохнулъ и, тихо протянувъ съ задушевностью въ голосѣ:

— Любы николи же ослабѣваетъ,—опять поднялъ глаза къ птичкамъ и вдругъ какъ бы имъ сказалъ:

— Недостоинъ онъ крещенія... отослать его въ пріемъ,— и съ этимъ онъ въ то же самое мгновеніе повернулся и ушелъ въ свои покои.

Апелляціи на этотъ *владычный судъ* не было, и всѣ были довольны, какъ истинно «смиреннѣйшій» первосвятитель сталъ вверху всѣхъ положеній. «Недостойнаго» крещенія хитреца привели въ пріемъ и забрили, а ребенка отдали его отцу. Ихъ счастьемъ и радостью любоваться было некогда; забритый же наемщикъ, сколько мнѣ помнится, послѣ пріема окрестился: онъ не захотѣлъ потерять хорошей крестной матери и тѣхъ тридцати рублей, которые тогда давались каждому новокрещенцу-еврею...

Значитъ и съ этой стороны потери не было, и я на этомъ могъ бы и окончить свой разсказъ, если бы къ нему не принадлежалъ особый, весьма замѣчательный эпилогъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

(Глава вмѣсто эпилога).

Съ прекращеніемъ крымской войны и возникновеніемъ гласности и новыхъ теченій въ литературѣ, не мало молодыхъ людей оставили службу и пустились искать занятій при частныхъ дѣлахъ, которыхъ тогда вдругъ развернулось довольно много. Этимъ движеніемъ былъ увлеченъ и я.

Мнѣ привелось примкнуть къ операціямъ одного англійскаго торговаго дома, по дѣламъ котораго я около трехъ лѣтъ былъ въ безпрестанныхъ разъѣздахъ.

Останавливаясь, какъ требовали дѣла, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, иногда довольно подолгу, я въ свободное время много читалъ и покупалъ интересовавшихъ меня старыхъ и новыхъ сочиненій. Такъ, купивъ разъ на ярмаркѣ у воротъ Троице-Сергіевской лавры сочиненія Вольтера, я заинтересовался нападками этого писателя на Библію. Что это въ самомъ дѣлѣ: какъ и *на чемъ* могло быть написано Моисеемъ Пятокнижіе, *какимъ способомъ* могъ быть истолченъ въ порошокъ золотой телецъ, когда золото въ порошокъ не толчется, и тому подобные вопросы меня и заставляли искать на нихъ удовлетворительнаго, резоннаго рѣшенія.

Мнѣ захотѣлось во что бы то ни стало достать и прочесть такъ-называемыя: *Іудейскія письма къ господину Вольтеру*, давно разошедшееся русское изданіе которыхъ составляетъ библіографическую рѣдкость.

За полученіемъ книгъ въ этомъ родѣ тогда обращались въ московскій магазинъ Кольчугина на Никольской, но тамъ на этотъ случай тоже не было этой книги, и мнѣ указали на другую лавку, приказчикъ которой мнѣ обѣ-

щалъ достать *Іудейскія письма* у какого-то знакомаго ему переплетчика.

Я ждалъ и навѣдывался, когда достанутъ, а книги все не доставали: говорили, что переплетчика этого нѣтъ, что онъ гдѣ-то въ отлучкѣ.

Такъ дотянулось время, что мнѣ надо было уже и уѣзжать изъ Москвы, и вотъ наканунѣ самаго отъѣзда я еще разъ зашелъ въ лавку и мнѣ говорятъ:

— Онъ пріѣхалъ, посидите: долженъ сейчасъ принести.

Я присѣлъ и пересматриваю кое-какое книжное старье, какъ вдругъ слышу говорятъ:

— Несетъ!

Съ этимъ, вижу, въ лавку входитъ *старикъ*, — сѣдой, очень смирнаго, покойнаго вида, но съ несомнѣнно еврейскимъ обличьемъ,—одѣтъ въ русскую мѣщанскую чуйку и въ русскомъ суконномъ картузѣ съ большимъ козыремъ, а въ рукахъ связка книгъ, въ синемъ бумажномъ платкѣ.

— Ишь какъ ты долго, Григорій Иванычъ, собирался,— говорятъ ему.

— Часу не было, — отвѣчаетъ онъ, спокойно кладя на прилавокъ и вывязывая изъ платка книги.

Ему, не говоря ни слова, заплатили сколько-то денегъ, а мнѣ сказали, что пришлютъ книги вечеромъ вмѣстѣ съ другими и со счетомъ.

Понятно, что это былъ торговый пріемъ, — да и не въ этомъ дѣло; а мнѣ нравился самъ переплетчикъ, и я съ нимъ разговорился. Предметомъ разговора были поначалу эти же принесенныя имъ книги: «Іудейскія письма къ господину Вольтеру».

— Интересныя,—говорю,—эти книги?

— Н...да,—отвѣчаетъ,—разумѣется... кто не читалъ, — интересныя.

— Какъ вамъ кажется: дѣйствительно ли онѣ писаны раввинами?

— Н...н., Богъ знаетъ,—отвѣчалъ онъ словно немножко нехотя, и вдругъ, привѣтно улыбнувшись, добавилъ:—чи-

тали, можетъ-быть, про Бубель (въ рѣчи его было много еврейскаго произношенія): она про що нѣмуетъ, якъ онѣмѣвшій Схарія, про що гугнитъ, якъ Моусей... Кто ее во всемъ допытать можетъ? Фай! ничего не разберешь!—вотъ Евангеліумъ—то книжка простая, ясная, а Бубель...

Онъ махнулъ рукою и добавилъ:

— Богъ знаетъ, що тамъ когда и якъ да еще и на чемъ писано?—съ того съ ума сходили!

Я выразилъ нѣкоторое удивленіе, что онъ знаетъ Евангеліе.

— А що тутъ за удивительно, якъ я христіанинъ?..

— И вы давно приняли христіанство?

— Нѣтъ, не очень давно...

— Кто же васъ убѣдилъ въ христіанствѣ?

— Ну, то же ясно есть и у Бубель: тамъ писано, що Мессія во второмъ храмѣ повиненъ придти, ну я и увидалъ, що Онъ пришелъ... Что же еще шукать али ждать, якъ Онъ уже съ нами?

— Однако евреи всѣ это мѣсто читали, а не вѣрятъ.

— Не вѣрятъ, бо они тѣхъ толмудовъ да еще чего-нибудь пустого начитались и Богъ знаетъ якіи себѣ вытребеньки повыдумляли: якій Онъ буде Мессія и якъ Онъ ни бы то никому не вѣдомо откуда явится и по земному царевать станетъ, а они станутъ понувать въ мірѣ... Але все то пустое: Онъ пришелъ въ нашемъ, въ рабскомъ тѣлѣ и намъ треба только держати Его учительство. Прощайте!

Онъ поклонился и вышелъ, а я разговорился о немъ съ лавочникомъ, который разсказалъ мнѣ, что это человѣкъ «очень умственный».

— Да какой,—говорю,—въ самомъ дѣлѣ онъ вѣры?

— Да истинно,—отвѣчаетъ,—онъ крещеный,—иные его даже въ родѣ подвижника понимаютъ.

— Онъ,—говорю,—и начитанный, кажется?

— Про это и говорить нечего, но только рѣдко съ кѣмъ о книгахъ говоритъ, и то словцо кинетъ, да рукой махнетъ; а своимъ, жидамъ, такъ толкуетъ и обращаетъ ихъ и много

отъ нихъ терпитъ: они его и били, и даже разъ удавить хотѣли, ну, онъ не робѣетъ: «приходилъ,—говоритъ,—Христосъ и другого не ждите,—не будетъ».

— Ну, а они что же?

— Ну, и они тоже руками махаютъ. Такъ и махаютъ: и онъ махнетъ, и они махаютъ, а сами все гыръ-гыръ, какъ звѣрье рычатъ, а потомъ и ничего,—образумятся.

— И семья у него вся христіане?

Купецъ засмѣялся.

— Какая же,—говоритъ,—у него можетъ быть семья, когда онъ этакой суевѣръ?

— Чѣмъ же суевѣръ?

— Да, а какъ его иначе понимать: никакого правила не держитъ и деньги тоже...

— Деньги любитъ?—перебиваю.

— Какой же любитъ, когда все, что заработаетъ—одною рукою возьметъ, а другою отдастъ.

— Кому же?

— Все равно.

— Только евреямъ или христіанамъ?

— Говорю вамъ: все равно. Онъ вѣдь помѣшанъ.

— Будто!

— Вѣрно вамъ говорю: съ нимъ случай былъ.

— Какой?

Тутъ и самъ этотъ мой собесѣдникъ рукою замахалъ.

— Давно,—говоритъ,—у него гдѣ то сына что ли въ наборъ было взяли, да что-то такое тонулъ онъ, да крокодилъ его кусалъ, а потомъ съ наемщикомъ у него вышло, что принять его не могли, пóка кіевскій Филаретъ благословилъ, чтобы ему лобъ забрить; ну, а сынишка-то самъ собою послѣ вскорѣ умеръ, заморили его, говорятъ, ставщики, и жена померла, а самъ онъ—этотъ человѣкъ—подъупавши былъ въ состояніи и... «надо,—говоритъ,—мнѣ больше не о земномъ думать, а о небесномъ, потому самое лучшее,—говоритъ,—разрѣшиться и со Христомъ быть...»

Ну, тутъ мнѣ и вспомнилось, гдѣ я этого человѣка ви-

дѣлъ, и вышло по присловію: «привелъ Богъ свидѣться да нечего дать»: онъ былъ уже слишкомъ много меня богаче.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

И еще два слова въ личное мое оправданіе.

Съ нѣкоторыхъ поръ въ Петербургѣ разсказываютъ странную исторію: одинъ извѣстнѣйшій «іерусалимскій баронъ» добивается, чтобы ему дали подрядъ на нашу армію. Опасаясь, что этотъ господинъ все дѣло поведетъ съ жидами и по-жидовски, ему не хотятъ дать этой операціи... И что же: седьмого или восьмого сего февраля читаю объ этомъ уже въ газетахъ, съ дополненіемъ, что «іерусалимскій баронъ» кинулся ко «всемогущимъ патронессамъ», которыя придумали самое благонадежное средство поправить дѣло *въ своемъ вкусѣ: онѣ крестятъ барона, и, кажется, со всею его подрядною свитою!!..*

Газеты называютъ это «новымъ миссіонерскимъ пріемомъ» и говорятъ («Нов. Время» № 340), что «люди, отъ которыхъ зависитъ отдача сукна, подметокъ, овса и сѣна, у насъ могутъ быть миссіонерами гораздо счастливѣе тѣхъ нашихъ миссіонеровъ, которые такъ неуспѣшно дѣйствуютъ на дальнемъ Востокѣ». Газета находитъ возможнымъ, что «наши великосвѣтскія старухи воспользуются счастливою мыслью обращать въ православіе за небольшую поставку сапожнаго товара».

Констатируя этотъ фактъ, какъ неоспоримое доказательство, что моя книжка «*На краю свѣта*» ничего въ воззрѣніи великосвѣтскихъ крестителей не измѣнила, я почтительно прошу моихъ высокопросвѣщенныхъ судей—вмѣнить мнѣ это въ облегчающее обстоятельство.

ЯЗВИТЕЛЬНЫЙ.

Изъ Гостомельскихъ воспоминаній.

Разсказъ чиновника особ. порученій.

Капля камень долбитъ.
Пословица.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

При прежнемъ губернаторѣ у насъ не позволялось курить въ канцеляріи. Старшіе чиновники обыкновенно куривали въ маленькой комнаткѣ, за правительскимъ кабинетомъ, а младшіе — въ сторожкѣ. Въ этомъ куреніи у нашихъ чиновниковъ уходила большая половина служебнаго времени. Я и мои товарищи, состоявшіе по особымъ порученіямъ, не обязаны были сидѣть въ канцеляріи и потому не нуждались вовсе въ канцелярскихъ курильныхъ закоулкахъ; но все-таки каждый изъ насъ считалъ своею обязанностью придти покоптить папироснымъ дымомъ стѣны комнаты, находившейся за правительскимъ кабинетомъ. Эта комната была для насъ сборнымъ мѣстомъ, въ которое всякій спѣшилъ поболтать, посплетничать, посмѣяться и посовѣтоваться. Засѣданія здѣсь длились иногда до тѣхъ поръ, пока сторожъ Кузмичъ, отворяя двери, возглашалъ. «правитель вышли, ваше высокоблагородіе».

Одинъ разъ, наработавшись вволю надъ пересмотромъ только что оконченнаго мною слѣдствія, я вышелъ прогу-

ляться. День былъ прекрасный, теплый, съ крышъ падали капельки и на перекресткахъ улицъ стояли лужи. Шагъ за шагомъ я дошелъ до Болховской улицы и вздумалъ зайти покурить въ канцелярію. Правитель былъ съ докладомъ у губернатора. Въ комнатѣ за правительскимъ кабинетомъ я засталъ двухъ помощниковъ правителя, полицмейстера и одного изъ моихъ товарищей, только что возвратившагося съ слѣдствія изъ дальняго уѣзда. Пожавъ поданныя мнѣ руки, я закурилъ папироску и сѣлъ на окно, ничѣмъ не прерывая бесѣды, начатой до моего прихода. Возвратившійся молодой чиновникъ особыхъ порученій съ жаромъ разсказывалъ объ открытыхъ имъ злоупотребленіяхъ по М—скому полицейскому управленію. Въ разсказѣ собственно не было ничего занимательнаго и имъ болѣе всѣхъ былъ заинтересованъ самъ разсказчикъ, вѣровавшій, что въ нашей административной организаціи обнаружить зло,— значитъ сдѣлать шагъ къ его искорененію. Изъ помощниковъ правителя одинъ таки слушалъ этотъ разсказъ, но другой безъ церемоніи барабанилъ по окнамъ пальцами, а полицмейстеръ, осѣдлавъ ногами свою кавалерійскую саблю, пускалъ изъ-подъ усовъ колечки изъ дыма и какъ бы собирался сказать: «глупъ еси ты, младый вьюношъ!»

Среди такихъ нашихъ занятій растворилась дверь, соединявшая комнатку съ правительскимъ кабинетомъ, и правитель проговорилъ кому-то:

— Вотъ нашъ клубъ. Прошу васъ здѣсь покурить; а я сейчасъ отдѣлаюсь и буду къ вашимъ услугамъ.

Въ двери показался высокій господинъ, лѣтъ сорока, въ очкахъ, съ небольшою лысиною и ласковымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Господинъ Денъ,—проговорилъ правитель, рекомендуя намъ введеннаго имъ господина. — Господинъ Денъ пріѣхалъ, господа, съ полномочіемъ князя К* на управленіе его имѣніями. Прошу васъ съ нимъ познакомиться. Это мои сотрудники N. X. I. Z.,—отрекомендовалъ насъ правитель господину Дену. Начались рукожатія и отрывочныя:

«очень радъ, весьма пріятно» и т. д. Правитель съ полицмейстеромъ вышли въ кабинетъ, а мы опять начали прерванный кейфъ.

— Вы давно въ нашихъ краяхъ?—спросилъ съ любезной улыбкой мой молодой товарищъ г. Дена.

— Я первый разъ въ О—ской губерніи, и только со вчерашняго дня,—отвѣчалъ г. Денъ, съ не менѣе любезной улыбкой.

— Да; я не то спросилъ. Я хотѣлъ сказать: вы уже знакомы съ нашей губерніей?

— Не знаю, какъ вамъ отвѣтить. И да, и нѣтъ. Я знакомъ съ имѣніями князя по отчетамъ, которые мнѣ предъявляли въ главной конторѣ, и по разсказамъ моего довѣрителя. Но... впрочемъ, я полагаю, что О—ская губернія то же самое, что и Воронежская и Полтавская, въ которыхъ я управлялъ уже княжескими имѣніями.

— Ну, не совсѣмъ, — отозвался одинъ помощникъ правителя канцеляріи, слывшій у насъ за политико-эконома.

— Въ чемъ же рѣзче всего проявляются особенности О—ской губерніи?—отнесся къ нему Денъ.—Я буду много обязанъ за ваши опытныя указанія.

— Да во многомъ.

— О, я не смѣю спорить; но мнѣ бы хотѣлось узнать, на чемъ именно я могу споткнуться, если буду держаться въ О—ской губерніи системы управленія, принятой мною съ моего пріѣзда въ Россію?

Политико-экономъ не отвѣтилъ на этотъ вопросъ Дену, потому что молодой чиновникъ перебилъ его вопросомъ:

— А вы давно въ Россіи?

— Седьмой годъ,—отвѣчалъ Денъ.

— Вы... если не ошибаюсь...

— Я англичанинъ.

— И такъ хорошо говорите по-русски?

— О, да. Я еще въ Англіи учился по-русски, и теперь опять седьмой годъ изо дня въ день съ крестьянами; что жъ тутъ удивительнаго!

— Вы свыклись и съ нашимъ народомъ, и съ нашими порядками?

— Кажется,—улыбаясь, отвѣтилъ Денъ.

— Имѣнія князя въ нашей губерніи не цвѣтутъ.

— Да, я это слышалъ.

— Вамъ будетъ много труда.

— Какъ вездѣ.

— Можетъ-быть, побольше, какъ въ другомъ мѣстѣ.

— Отчего же?

— Вы знаете, наша губернія по цѣлой Россіи извѣстна.

— Да. Но я ужъ имѣлъ дѣло съ здѣшнимъ народомъ. Я назадъ тому два года принялъ въ Нижнемъ двѣсти семей о—скихъ крестьянъ и сплылъ съ ними по Волгѣ до самой Сызрани и тамъ разселилъ ихъ на пожалованныхъ князю земляхъ. Ничего-съ. Нужна только система. Не нужно быть ни варваромъ, ни потатчикомъ, а вести дѣло систематически, твердо, настойчиво, но разумно. Во всемъ нужна система.

— Гдѣ же вы намѣрены основать свою резиденцію?— спросилъ политико-экономъ.

— Я думаю, въ Солтыковѣ?

— Отчего же не въ Жижкахъ? Тамъ покойная княгиня жила; тамъ есть и готовый домъ, и прислуга; въ Солтыковѣ, кажется, ничего нѣтъ,—замѣтилъ молодой чиновникъ.

— У меня на это есть нѣкоторыя соображенія.

— Своя система, — смѣясь, вставилъ помощникъ правителя.

— Именно.

Правитель съ шляпой на головѣ отворилъ двери и сказалъ Дену:—«ѣдемъ-съ!»

Мы пожали опять другъ другу руки и разстались.

Солтыки находятся въ сосѣдствѣ съ Гостомельскими хуторами. Между ними всего разстоянія считаютъ верстъ девять, не болѣе, и они всегда на-слуху другъ у друга. Заѣзжая по дѣламъ службы въ К—ской уѣздъ, я обыкновенно всегда заворачивалъ на хутора, чтобы повидаться

съ матушкой и взглянуть на ея утлое хозяйство. Мать моя познакомилась съ Стюартомъ Яковлевичемъ Деномъ и съ его женою, и при всякомъ свиданіи со мной все никакъ не могла нахвалиться своими новыми сосѣдями. Особенно она до небесъ превозносила самого Дена.—«Вотъ,—говорила она, — настоящій человѣкъ; умный, разсудительный, аккуратный. Во всемъ у него порядокъ; знаетъ онъ, сколько можно ему издержать, сколько оставить: однимъ словомъ, ужъ видно, что не нашего, дурацкаго, воспитанія. Если бъ наши господа умѣли понимать и цѣнить такихъ людей, такъ давно бы не то было».

Другіе сосѣди тоже были безъ ума отъ Дена. — Денъ говоритъ, такъ-то надо дѣлать; Денъ такъ-то не совѣтуетъ дѣлать; только и словъ. Разсказамъ конца нѣтъ. Повѣствуютъ, какъ все отмѣнилось въ княжескихъ имѣніяхъ съ пріѣзда Стюарта Яковлевича, все, говорятъ, на ноги поднялъ; даже отъявленныхъ воровъ, которыхъ въ нашемъ краѣ урожай, и тѣхъ опредѣлилъ въ дѣло. Да еще такъ: самыхъ извѣстныхъ лѣнтяевъ подѣлалъ надсмотрщиками по работамъ; а воровъ, по нѣскольку разъ бывшихъ въ острогѣ, назначилъ въ экономы, въ ключники, да въ ларечники, и все идетъ такъ, что цѣлый округъ завидуетъ.— «Вотъ, думаю себѣ,—дока-то на к—скихъ мужиковъ явился!»

Хотѣлось мнѣ самому посмотрѣть на солтыковскія диковины, да все какъ-то не приходилось. А тѣмъ временемъ годочка полтора прошло и опять наступила зима.

Вечеромъ 4-го декабря жандармъ принесъ мнѣ записку, въ которой дежурный чиновникъ звалъ меня вечеромъ въ одиннадцать часовъ къ губернатору.

— Вы, кажется, здѣшній уроженецъ? — спросилъ меня губернаторъ, когда я вошелъ къ нему вечеромъ.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Вы живали въ К—скомъ уѣздѣ?

— Я тамъ провелъ мое дѣтство.

— И у васъ тамъ много знакомыхъ?—продолжалъ спрашивать губернаторъ.

«Что же, — лихо!» подумалъ я, выдерживая этотъ допросъ, и отвѣчалъ, — что я хорошо знаю почти весь уѣздъ.

— У меня къ вамъ есть просьба, — началъ губернаторъ. — Пишетъ мнѣ изъ Парижа князь К*, что послалъ онъ въ свои здѣшнія имѣнія англичанина Дена, человѣка свѣдущаго и давно извѣстнаго князю съ отличной стороны, а между тѣмъ никакъ не огребется отъ жалобъ на него. Сдѣлайте милость,—не въ службу, а въ дружбу:—съѣздите вы въ К—ской уѣздъ, разузнайте это дѣло по-совѣсти и дайте мнѣ случай поступить по-совѣсти же.

Поѣхалъ я въ *К—мы* въ эту же ночь, а къ утреннему чаю былъ у моей матери. Тамъ о жалобахъ к—скихъ крестьянъ на Дена и слуху нѣтъ. Спрашиваю матушку: — не слыхала ли, какъ живутъ солтыковскіе мужики?

— Нѣтъ, мой другъ, не слыхала, — говоритъ. — А впрочемъ, что имъ при Стюартѣ Яковлевичѣ?

— Можетъ-быть, горячъ онъ.

— Въ порядкѣ, разумѣется, спрашиваетъ.

— Сѣчетъ, можетъ, много?

— Что ты! что ты! Да у него и розогъ въ поминѣ нѣтъ! Кого если сѣкутъ, такъ на сходкѣ: по мірской волѣ.

— Можетъ-быть, онъ...

— Что?

— Чужбинку любитъ?

— О, дуракъ! право дуракъ!—проговорила мать и плюнула.

— Да вы чего, матушка, сердитесь-то?

— Да что жъ ты глупости говоришь!

— Отчего же глупости? Вѣдь вы, чай, знаете, что это бываетъ.

— Подумай самъ: вѣдь онъ женатый!

— Да вѣдь и вашъ племянникъ Іосафъ Михайловичъ женатъ.

— Э! поди ты! — опять крикнула мать, плохо скрывая свою улыбку.

— Ну, чѣмъ же-нибудь онъ да не угодилъ на крестьянъ.

— Что, мой другъ, чѣмъ угождать-то! Они голманы были, голманы и есть. Баловство да воровство,—вотъ что имъ нужно.

Объѣхалъ два-три сосѣдніе дома,—то же самое. На Николинъ день въ селѣ ярмарка. Зашелъ на поповку, побесѣдовалъ съ духовными, стараясь между рѣчами узнать что-нибудь о причинахъ неудовольствія крестьянъ на Дена,—но отъ всѣхъ одинъ отвѣтъ, что Стюартъ Яковлевичъ такой управитель, какого и въ свѣтѣ нѣтъ.—«Просто,—говорятъ,—отецъ родной для мужика».—Что тутъ дѣлать? Вѣрно, думаю себѣ, въ самомъ дѣлѣ врутъ мужики. Такъ приходилось ни съ чѣмъ ѣхать въ губернскій городъ.

Въ К—махъ я заѣхалъ, безъ всякой цѣли, къ старому пріятелю моего покойнаго отца, купцу Рукавичникову. Я хотѣлъ только обогрѣться у старика чайкомъ, пока мнѣ приведутъ почтовыхъ лошадей, но онъ ни за что не хотѣлъ отпустить меня безъ обѣда.—«У меня,—говоритъ,—сегодня младшій сынокъ именинникъ; пирогъ въ печи сидитъ, а я тебя пущу! Нѣтъ, баринъ, и не думай. А то вотъ призову старуху съ невѣстками и велю кланяться». — Надо было оставаться.

— Тѣмъ часомъ, пойдемъ, чайку попьемъ,—сказалъ мнѣ Рукавичниковъ.

Намъ подали на мезонинъ брюхастый самоваръ, и мы съ хозяиномъ засѣли за чай.

— Ты, что, парень, былъ у насъ волей, неволей или своей охотой? спросилъ меня Рукавичниковъ, когда мы усѣлись и онъ запарилъ чай и покрылъ чайникъ бѣлымъ полотенцемъ.

— Да, и волей, и неволей, и своей охотой, Петръ Ананьичъ,—отвѣчалъ я.

— Небось, опять по расколу что затѣвастъ вашъ большакъ?

— Нѣтъ, слава Богу, не то.

— Какое жъ такое дѣло?

Я зналъ, что Петръ Ананьичъ ко мнѣ очень расположенъ и что онъ человѣкъ умный, скромный и весь уѣздъ знаетъ какъ свои пять пальцевъ.

— Вотъ,—говорю,—какое дѣло, и пустое, да и мудреное,—и разсказалъ ему свое порученіе.

Петръ Ананьичъ слушалъ меня внимательно и во время разсказа нѣсколько разъ улыбался; а когда я кончилъ, проговорилъ только:—«Это, парень, загвоздка».

— А вы знаете Дена?

— Какъ, сударь, не знать!—знаемъ.

— Ну, что вы о немъ скажете?

— Да, что жъ о немъ сказать?.. проговорилъ старикъ, разведя руками.

— Хорошій онъ человѣкъ?

— Надо быть хорошій.

— Честный?

— И въ этомъ покорить грѣхъ.

— Строгъ ужъ, что ли, очень?

— Ничего этого не слышно.

— Что жъ это, съ чего на него жалуются-то?

— А какъ тебѣ сказать.... не по нутру онъ мужикамъ, вотъ и жалобы.

— Да отчего не по нутру-то?

— Порядки, говорятъ, очень тяжелы.

— Работой, что ли, отягощаетъ?—все добиваюсь я у Рукавичникова.

— Ну, какое отягощеніе! Вдвое противъ прежняго имъ теперь легче... А! да вотъ постой! Филатъ! Филатъ!—крикнулъ въ форточку Рукавичниковъ. — Вотъ сейчасъ гусли заведемъ,—прибавилъ онъ, закрывъ окно и снова усѣвшись за столикъ.

Въ комнату влѣзъ маленькій подслѣповатый мужичокъ съ гноящимися глазками и началъ креститься на образа.

— Здравствуй, Филатъ Егорычъ!—сказалъ Рукавичниковъ, давъ мужичку окреститься.

— Здравствуйте, батюшка Петръ Ананьичъ.

— Какъ живешь-можешь?

— Ась?

— Какъ, молъ, живешь?

— А! Да все сла-тѣ Богу живемъ.

— Дома все ли здорово?

— Ничего будто.

— Всѣмъ, значитъ, довольны?

— Ась?

— Всѣмъ, молъ, довольны?

— И—и! Чѣмъ довольными-то намъ быть.

— Что жъ худо?

— Да все Богъ его знаетъ; будто какъ невольготно показывается.

— Управитель, что ль, опять

— Да, а то кто жъ!

— Аль чѣмъ изобидѣлъ?

— Да такъ будто.

— Что жъ такое?

— Вотъ заводъ затѣялъ строить.

— Ну?

— Ну и въ заработки на Украйну не пущаетъ.

— Никого?

— Ни одного плотника не пустилъ.

— Это не хорошо.

— Какое жъ хорошество! Барину жалились; два прошенія послали, да все никакой еще лизируціи нѣтъ.

— Поди жъ ты горе какое! — замѣтилъ Рукавичниковъ.

— Да. Такъ вотъ и маемся съ эстакимъ съ ворогомъ.

— Видите, какой мошенникъ вашъ Денъ!—сказалъ, обратясь ко мнѣ, Рукавичниковъ.

Мужикъ въ меня воззрился.

— А вотъ теперь я вамъ разскажу, — продолжалъ мой хозяинъ, — какой мошенникъ вотъ этотъ самый Филатъ Егорычъ.

Мужикъ не обнаружилъ никакого волненія.

— Господинъ Денъ, ихній управляющій, человѣкъ добрѣйшей души и честнѣйшихъ правилъ...

— Это точно, — встрѣлъ мужичокъ.

— Да. Но этотъ г. Денъ съ ними не умѣетъ ладить. Все какіе-то свои порядки тамъ заводитъ; а по-моему, не порядки онъ заводитъ, а просто слабый онъ человѣкъ.

— Это какъ есть слабый, — опять подсказалъ мужичокъ.

— Да. Онъ вотъ у нихъ другой годъ, а спросите: тронулъ ли онъ кого пальцемъ? Что, правду говорю или вру?

— Это такъ.

— Вотъ, изволите видѣть, имъ это не нравится. Наказанія у него все мягкія, да и то гдѣ-гдѣ соберется; работа урочная, но легкая: сдѣлай свое и иди куда хочешь.

— Ступай, значитъ.

— Что?

— Сдѣламши свое, — ступай, говорю, куда хочешь, — повторилъ мужичокъ.

— Да. Ну-съ, а они вотъ на него жалобы строчатъ.

Мужикъ молчалъ.

— Ну, а на заработки-то онъ ихъ зачѣмъ же не пускаетъ?—говорилъ я.

— Не пускаетъ-съ, не пускаетъ. А вы вотъ извольте разспросить Филата Егоровича, много ли ему его сыночекъ за два года изъ работы принесъ. Разскажи-ка, Филатъ Егорычъ.

Мужичокъ молчалъ.

— А принесъ ему, сударь мой, его сыночекъ украинскую сумку, а въ ней сломаную аглицкую рубанку, а молодой хозяйкѣ съ дѣтками французскій подарочекъ, отъ котораго чуть у цѣлой семьи носы не попровалились. Вру, что-ль? — опять обратился Рукавичниковъ къ мужичку.

— Нѣтъ, это было.

— Да, было. Ну-съ, а Стюартъ Яковлевичъ задумалъ заводъ винный построить. Я его за это хвалю, потому что онъ не махину какую заводитъ, а только для своего хлѣба, чтобъ перекурить свой хлѣбъ, а бардой скотинку воспитать. Приходили къ нему разные рядчики. Брали всю эту постройку на отрядъ за пять тысячъ, онъ не далъ. Зачѣмъ онъ не далъ?

— Мы этого знать не могимъ, — отвѣчалъ Филатъ Егорычъ.

— Нѣтъ, врешь, братъ,—знаешь. Онъ вамъ высчитывалъ, что съ него чужіе просятъ за постройку; выкладалъ, почемъ вамъ обходится мѣсяцъ платою у подрядчика, и далъ вамъ рублемъ на человѣка въ мѣсяцъ дороже, только чтобъ не болтались, а дома работали.

— Это такая говорка точно была.

— То-то, а не немогимъ знать. Ну, а они вотъ теперь, небось, настрочили, что на работу не пущаетъ, все на заводѣ моритъ; а насчетъ платы ни-ни-ни. Такъ, что-ль?

— Не знаю я этого.

— Да ужъ это какъ водится. Вотъ вамъ и Филатъ Егорычъ, старый мой другъ и пріятель! Любите-жалуйте его.

Мужичокъ осклабился.

— А вотъ меня бы вамъ въ управители!—шутливо продолжалъ Рукавичниковъ.—А! Приняли бъ вы меня?

— Да съ чего жъ?

— И не ссорились бы мы никогда; все бы у насъ по-любезному пошло. Потому что порядокъ бы у насъ душевный былъ. Ты, Филатъ Егорычъ, пробаловался — на клинъ тебя; молодой парень какой гдѣ проворовался или что другое — за виски его посмыкалъ; раздобылся чѣмъ такимъ на Украйнѣ, въ родѣ вотъ Филата Егорыча сынка, ну — въ больницу его, а потомъ покропилъ березовымъ кропильцемъ, да и опять пущай. Такъ, что ли, Филатъ Егорычъ?

— По-нашему, такъ.

— Ну вотъ! Вѣдь я знаю.

Мужичка отпустили.

— Что же это такое однако? — спрашивалъ я Рукавичникова, соображая, что̀ скажетъ о Денѣ.

— А вотъ видишь самъ, сударь мой. Господинъ Денъ человѣкъ хорошій, да не нашъ; мой бы ему совѣтъ уходить отсюда, а не то они ему подведутъ машину.

Разсказалъ я это дѣло губернатору во всей подробности. Губернаторъ просто на стѣну прыгаетъ: доволенъ, что въ его губерніи завелся такой сельскій администраторъ, какъ Стюартъ Яковлевичъ Денъ.

Въ пятницу на масленицѣ у губернатора были званые блины. Весь городъ почти собрался. За столомъ дежурный чиновникъ подалъ губернатору конвертъ. Губернаторъ сорвалъ печать, прочелъ бумагу и отпустилъ дежурнаго со словомъ: «хорошо!» Но видно было, что что-то совсѣмъ не хорошо. Вставши изъ-за стола, губернаторъ поговорилъ кое-съ-кѣмъ изъ гостей и незамѣтно вышелъ съ правителемъ въ кабинетъ, а черезъ четверть часа и меня туда позвали. Губернаторъ стоялъ, облокотясь на свою конторку, а правитель что-то писалъ за его письменнымъ столомъ.

— Скверное дѣло случилось,—сказалъ губернаторъ, обратясь ко мнѣ.—Въ Солтыковѣ бунтъ.

— Какъ бунтъ?

— Да вотъ читайте.

Губернаторъ подалъ мнѣ съ конторки бумагу, полученную имъ за обѣдомъ. Это было донесеніе к—скаго исправника, писавшаго, что вчера солтыковскіе мужики взбунтовались противъ своего управителя, сожгли его домъ, заводъ и мельницы, а самого управляющаго избили и выгнали вонъ.

— Я посылаю васъ въ Солтыково,—сказалъ губернаторъ, когда я пробѣжалъ донесеніе исправника. — Сейчасъ по-

лучите открытое предписаніе къ инвалидному начальнику; берите команду; дѣлайте, что нужно, но чтобъ бунта не было и чтобъ виновные были открыты. Собирайтесь скорѣе, чтобъ къ утру быть на мѣстѣ и идти по горячимъ слѣдамъ.

— Позвольте мнѣ не брать команды, — сказалъ я губернатору. — Я тамъ всѣхъ знаю и надѣюсь безъ команды исполнить ваше порученіе: команда мнѣ только помѣшаетъ.

— Это какъ знаете, но про всякій случай возьмите предписаніе къ инвалидному начальнику.

Я поклонился и вышелъ, а черезъ четыре часа уже пилъ чай у к—скаго исправника, съ которымъ долженъ былъ вмѣстѣ ѣхать въ Солтыково. Отъ К—мъ до Солтыкова всего верстъ пятнадцать, и мы пріѣхали туда ночью. Остановиться было негдѣ. Управительскій домъ, контора, людская, прачечная, мастерскія—все было сожжено вмѣстѣ съ заводомъ и мельницами, и по чернымъ грудамъ теплаго пепелища еще кое-гдѣ вились синія струйки дыма отъ тлѣющихъ головней. Помѣстились въ избѣ у старосты Лукьяна Мастакова и послали за становымъ. Утромъ ранехонько прибѣжалъ становой и привезъ съ собой солтыковскаго мужичка, Николая Данилова, взятаго имъ вчера подъ арестъ по подозрѣнію въ поджогѣ завода и въ возмущеніи крестьянъ къ бунту.

— Что жъ вы узнали?—спрашиваю я станового.

— Поджогъ былъ-съ.

— Отчего вы это думаете?

— Загорѣлись ночью нежилыя строенія и всѣ сразу.

— Кого же вы подозрѣваете въ поджогѣ?

Становой развелъ руками съ выраженіемъ полнѣйшаго недоумѣнія.

— По какому поводу вы арестовали этого мужика?

— Николая Данилова-то-съ?

— Да.

— Да такъ. Онъ былъ наказанъ въ этотъ день Деномъ,

грубилъ ему и къ тому же ночью оставался у завода, который почти прежде всего вспыхнулъ.

— И только?

— Да, только-съ. Другихъ указаній нѣтъ. Мужики всѣ запираются.

— Вы допрашивали кого-нибудь?

— Дѣлалъ дознаніе.

— И ничего не узнали?

— Ничего пока.

Вошелъ староста и остановился у порога.

— Что скажешь, Лукьянъ Митричъ?—спросилъ я.

— Къ твоей милости.

— То-то, почто къ моей милости?

— Мужики собрались.

— Кто жъ тебѣ приказывалъ ихъ собирать?

— Сами собрались; хотятъ съ тобой гуторить.

— Гдѣ жъ они?

— Да вотъ туточка.—Староста указалъ на окно. Противъ окна стояла огромная толпа крестьянъ. Были и старики, и молодые ребятки, и середовые мужики: всѣ стояли смирно, въ шапкахъ, у нѣкоторыхъ были палки.

— Ого! сколько ихъ, — сказалъ я, сохраняя все спокойствіе.

— Вся отчина,—замѣтилъ староста.

— Ну, поди, Митричъ, скажи имъ, что сейчасъ одѣнусь и выйду.

Староста ушелъ.

— Не ходите!—сказалъ мнѣ становой.

— Отчего?

— Долго ль до грѣха.

— Ну, ужъ теперь поздно. Избяная дверь не спасетъ: если пришли не даромъ, такъ и въ избѣ найдутъ.

Надѣлъ я шубу и вмѣстѣ съ исправникомъ и съ становымъ вышелъ на крылечко. Толпа зашаталась, шапки понемногу стали скидываться съ головъ, но нехотя, не ра-

зомъ, и нѣсколько человѣкъ въ заднихъ рядахъ вовсе не скинули шапокъ.

— Здравствуйте, ребятушки! — сказалъ я, снявъ шапку.

Мужики поклонились и прогудѣли:—«Добраго здоровья!»

— Накройтесь, ребята; холодно.

— Ничего,—опять прогудѣли мужики, и остальныя шапки съ головъ исчезли.

— Пожалуйста покройтесь.

— Мы и такъ постоимъ.

— Наше дѣло привычное.

— Ну, такъ я вамъ велю накрыться.

— Велишь, такое дѣло!

Одинъ-два мужика надѣли шапки, за ними надѣли и остальные.

Успокоился я. Вяжу, что не ошибся, не взявъ команды.

У самаго крыльца стояли сани парой и на нихъ сидѣлъ Николай Данловъ, съ ногами, забитыми въ березовую колодку. Онъ въ черной свитѣ, подпоясанъ и на головѣ мѣховая шапка. На видъ ему лѣтъ тридцать пять, волосы темнорусые, борода клинушкомъ, взглядъ тревожный и робкій. Вообще лицо выражаетъ какую-то задавленность, но спокойно и довольно благообразно, несмотря на разбитую губу и ссадину на лѣвой скулѣ. Онъ сидитъ безъ движенія и смотритъ то на меня, то на толпу.

— Что же вамъ, ребята, отъ меня желается?—спросилъ я сходку.

— Это ты будешь отъ губернатора-то?—спросилъ меня середовой мужикъ изъ передняго ряда.

— Я.

— Ты чиновникъ?

— Чиновникъ.

— Губернаторскій?

— Да.

— Ну-къ мы съ тобой хотимъ побалакать.

— Извольте. Я вотъ слушаю.

— Нѣтъ, ты сойди оттолева, съ крыльца-то. Мы съ тобой съ однимъ хотимъ погуторить.

Я, не задумываясь, вошелъ въ толпу, которая развернулась, приняла меня въ свои нѣдра и тотчасъ же опять замкнулась, отрѣзавъ меня, такимъ образомъ, отъ исправника и станового.

Середовый мужикъ, пригласившій меня сойти, стоялъ передо мною.

— Ну, о чемъ будемъ говорить?—спросилъ я.

— Ты вѣдь Марьи Петровны сынокъ, что-ль? — опять началъ допрашивать меня тотъ же мужикъ.

— Ну, да. Развѣ не знаете?

— Нѣтъ, мы знаемъ. Мы потому тебя сюда и истребовали, что ты нашъ, тутошній, притоманный.

— О чемъ же хотѣли говорить?

— Да вотъ по этому дѣлу-то.

Послышалось нѣсколько вздоховъ со всѣхъ сторонъ.

— Это вѣдь ваше дѣло, ребята?

— Божье, сударь, Божье, а не наше.

— Зачѣмъ вы выгнали управителя?

— Онъ самъ уѣхалъ.

— Еще бы! коли вы его мало что не убили.

Молчатъ.

— Что теперь будетъ-то?

— Вотъ то-то мы тебя и потребовали, чтобъ ты намъ разсказалъ: что намъ будетъ?

— Каторга будетъ.

— За управителя-то?

— Да, за управителя, за поджогъ, за бунтъ: за все разомъ.

Мужики повѣсили головы.

— Бунта никакого не было,—проговорилъ кто-то.

— Да это что, ребята! отпираться теперь нечего,—сказалъ я.—Дѣла налицо; сами за себя говорятъ. Будете запираться, пойдутъ допросы да переспросы, разовретесь и понесете такую штуку, что всѣ перепутаетесь. А вы бъ подумали, нельзя ли какъ этому дѣлу поумнѣй пособить.

— Это точно,—буркнули опять нѣсколько голосовъ.

— То-то и есть. А теперь прощайте! Говорить намъ, стало, ужъ не о чемъ.

Я тронулъ рукою одного мужика, онъ посторонился, а за нимъ и другіе дали мнѣ дорогу.

Начались допросы. Перваго стали спрашивать Николая Данилова. Передъ допросомъ я велѣлъ снять съ него колодку. Онъ сѣлъ на лавку и равнодушно смотрѣлъ, какъ расклиняли колодку, а потомъ такъ же равнодушно всталъ и подошелъ къ столу.

— Что, дядя Николай! Экое дѣло вы надъ собой сдѣлали!—сказалъ я арестанту.

Николай Даниловъ утеръ рукавомъ носъ и ни слова не отвѣтилъ.

— Что жъ ты за себя скажешь?

— Что, Михайла Иванычъ, говорить-то?—произнесъ онъ съ сильнымъ дрожаніемъ въ голосѣ.

— Да говори, братъ, какъ дѣло было?

— Я вѣдь этого дѣла не знаю, и ни въ чемъ тутъ непричиненъ.

— Врешь!—крикнулъ становой.—Я посмотрѣлъ на станового и, не перемѣняя тона, спросилъ снова:—«Ну, разскажи, что знаешь?»

— Я только не знаю, что со мной было.

— Ну, что съ тобой было?

— Озорничалъ надо мной управитель, да и только.

— Какъ же онъ озорничалъ?

— Да какъ ему хотѣлось.

— Билъ, что ль?

— Нѣтъ, не билъ.

— Что жъ онъ надъ тобой дѣлалъ?

— Срамилъ меня.

— Какъ такъ срамилъ онъ тебя?

— Онъ вѣдь на это документчикъ у насъ.

— Да ты говори, Николай, толкомъ, а то я и отступлюсь отъ тебя,—сказалъ я, махнувъ рукой.

Николай подумалъ, постоялъ и сказалъ: — Позвольте сѣсть. У меня ноги болятъ отъ колодки.

— Садись,—сказалъ я, и велѣлъ подать обвиняемому скамейку.

— Просился я въ работу,—началъ Николай Даниловъ.— Просился со всѣми ребятами еще осенью; ну, онъ насъ въ тѣ поры не пустилъ. А мнѣ безпремѣнно надыть было сходить въ Черниговскую губернію.

— Деньги, что ли, остались за кѣмъ тамъ?

— Нѣтъ.

— Что же?

— Такъ; другое дѣло было.

— Ну!

— Ну, не пустилъ. Заставилъ на заводѣ работать. Я поработалъ недѣлю, да и ушелъ.

— Куда?

— Да туда жъ, куда сказывалъ.

— Въ Черниговскую губернію?

— Ну, да.

— Что жъ у тебя за дѣло такое тамъ было?

— Водку дешевую пить,—подсказалъ становой.

Николай ничего не отвѣтилъ.

— Ну, что жъ дальше было?

— А дальше зариштовали меня въ Корилевцѣ, да пригнали по пересылкѣ въ нашъ городъ и, пригнамши, сдали управителю.

— Безъ наказанія?

— Нѣтъ, наказали, а опосля ему отдали. Онъ меня сичасъ опять на работу приставилъ, а я тутъ-то, дёнъ десять назадъ, опять ушелъ, да зашелъ въ свою деревню, въ Жогово. Ну, тамъ меня бурмистръ сцапалъ, да опять къ управителю назадъ.

— Что жъ онъ, какъ привезли тебя къ нему?

— Велѣлъ на углѣ сидѣть.

— Какъ на углѣ?

— А такъ. Ребята, значитъ, работаютъ, а я чтобъ на

углѣ, на срубѣ передъ всѣмъ міромъ, сложивши руки, сидѣлъ.

— Ну, ты и сидѣлъ?

— Я опять ушелъ.

— Зачѣмъ же?

— Да я ему молился; говорилъ:—«Позвольте стану работать». Не позволилъ.—«Сиди, говоритъ, всѣмъ на показъ. Это тебѣ наказаніе». — «Коли, говорю, хотите наказывать, такъ наказывайте чѣмъ вамъ угодно; высѣките, говорю, меня лучше, чѣмъ буду сидѣть всѣмъ на смѣхъ». Не уважилъ. Какъ зазвонили на обѣдъ, ребята пошли обѣдать, и я ушелъ, да за деревней меня нагнали.

— Ну?

— Ну, тутъ-то ужъ онъ меня и обидѣлъ больше.

— Чѣмъ же?

— На нитку привязалъ.

— Какъ на нитку?

— Такъ,—покраснѣвъ до ушей, нараспѣвъ проговорилъ Николай Даниловъ. — Привелъ къ заводу, велѣлъ лакею принести изъ хоромъ кресло, поставилъ это кресло противъ рабочихъ, посадилъ меня на него, а въ спинку булавку застремилъ да меня къ ней и привязалъ, какъ воробья, ниточкой.

Всѣ засмѣялись, да и нельзя было не смѣяться, глядя на рослаго, здороваго мужика, разсказывающаго, какъ его сажали на нитку.

— Ну, и долго ты сидѣлъ на ниткѣ?

Николай Даниловъ вздохнулъ и обтерся. У него даже потъ проступилъ при воспоминаніи о ниткѣ.

— Такъ цѣлый день въ родѣ воробья и сидѣлъ.

— А вечеромъ пожаръ сдѣлался?

— Ночью, а не вечеромъ. Въ третьи пѣтухи, должно, загорѣлось.

— А ты какъ узналъ о пожарѣ?

— Крикъ пошелъ по улицѣ, я услыхалъ; вотъ и все.

— А до тѣхъ поръ, пока крикъ-то пошелъ,—спрашиваю его,—ты гдѣ былъ?

— Дома, спалъ подъ сараемъ.

Говоритъ это покойно, а въ глаза не смотритъ.

— Ну, а управителя какъ выгнали?

— Я этого не знаю ничего.

— Да вѣдь, чай, видѣлъ, какъ передъ заводомъ на кулаки-то подняли!

Молчитъ.

— Вѣдь тутъ ужъ всѣ были?

— Всѣ.

— И всѣ, должно-быть, били?

— Должно, что такъ.

— И ты поукладилъ?

— Нѣтъ, я не билъ.

— Ну, а кто же билъ?

— Всѣ били.

— А ты никого не запримѣтилъ?

— Никого.

Взяли Николая Данилова въ сторону и начали допрашивать ночныхъ сторожей, десятниковъ, Миколаевыхъ семейныхъ, сосѣдей и разныхъ-разныхъ людей. Въ три дня показаній сто сняли. Если бъ это каждое показаніе записать, то стопу бы цѣлую исписалъ, да хорошо, что не зачѣмъ было ихъ записывать,—всѣ какъ одинъ человѣкъ. Что первый сказалъ, то и другіе. А первый объяснилъ, что причины пожара онъ не знаетъ; что, можетъ, это и заподлинно поджогъ, а можетъ и Господь про то только знаетъ; но что онъ самъ въ поджогѣ не участвовалъ и подозрѣнія ни на кого не имѣетъ, опричь какъ развѣ самого управителя, потому что онъ былъ человѣкъ язвительный, даже мужиковъ на нитку въ родѣ воробьевъ сталъ привязывать. Управителя же никто не выгонялъ, а онъ самъ по доброй волѣ выѣхалъ, такъ какъ непріятность ему была отъ мужиковъ: побили его на пожарѣ.

— Кто жъ билъ-то?

— Всѣ били.

— И ты билъ?

— Нѣтъ, я не билъ.

— Ну, запримѣтилъ кого-нибудь?

— Нѣтъ,—міромъ били.

— А ты, стало, отъ міра отсталъ?

Долгое молчаніе, а потомъ рѣшительный отвѣтъ:—«Я не билъ».

— Кто жъ билъ?

— Міромъ били.

— За что?

— Ужъ очень онъ насъ донялъ: даже на нитку, въ родѣ какъ воробьевъ, сталъ привязывать.

Слѣдующія девяносто девять показаній были дословнымъ повтореніемъ перваго и записывались словами: — «Иванъ Ивановъ Сушкинъ, 43 лѣтъ, женатъ, на исповѣди бываетъ, а подъ судомъ не былъ. Показалъ то же, что и Степанъ Тереховъ».

Вижу: разваляютъ изъ этого дѣло ужасное. Подумалъ-подумалъ, и велѣлъ Николая Данилова содержать подъ присмотромъ, а становому съ исправникомъ сказалъ, что на три дня ѣду въ О—лъ. Пріѣхалъ, повидался съ правителемъ и пошли вмѣстѣ къ губернатору. Тотъ вечерній чай пилъ и былъ въ духѣ. Я ему разсказалъ дѣло и, придавая всему, сколько могъ, наивный характеръ, я убѣдилъ его, что собственно никакого бунта не было и что если бы князь К. захотѣлъ простить своихъ мужиковъ, то дѣло о поджогѣ можно бы бросить и не было бы ни слѣдствія, ни экзекуціи, ни плетей, ни каторжной работы, а пошелъ бы старый порядокъ и тишина.

Слова: «порядокъ и тишина» такъ понравились губернатору, что онъ походилъ, подумалъ, потянулъ свою нижнюю губу къ носу и сочинилъ телеграмму въ шестьдесятъ словъ къ князю. Вечеромъ же эта телеграмма отправлена, а черезъ два дня пришелъ отвѣтъ изъ Парижа. Князь телеграфировалъ, что онъ даетъ мужикамъ амнистію, съ

тѣмъ, чтобы они всѣмъ обществомъ испросили у г. Дена прощенія и впередъ не смѣли на него ни за что жаловаться.

Пріѣхалъ я съ этой амнистіей въ Солтыково, собралъ сходку и говорю:—«Ребята! такъ и такъ, князь васъ прощаетъ. Я просилъ за васъ губернатора, а губернаторъ князя, и вотъ отъ князя вамъ прощеніе, съ тѣмъ, чтобы вы тоже выпросили себѣ прощеніе у управителя и впередъ на него не жаловались понапрасну.

Кланяются, благодарятъ.

— Ну, какъ же? Надо вамъ выбрать ходоковъ и послать въ городъ къ управителю съ повинной.

— Выберемъ.

— Нужно это скоро сдѣлать.

— Нынче пошлемъ.

— Да ужъ потомъ не дурачиться.

— Да мы нѣшъ сами рады? Мы ему ничего; только бы его отъ насъ прочь.

— Какъ же прочь! Князь разумѣетъ, что вы теперь будете жить съ Деномъ въ согласіи.

— Это опять его, значитъ, къ намъ?—спросили разомъ нѣсколько голосовъ.

— Да, а то что жъ я вамъ говорилъ?

— Таакъ-то! Нѣтъ; мы на это не согласны.

— Вы жъ сами хотѣли нынче же послать ходоковъ: просить у него прощенія.

— Да, мы прощенья попросимъ, а ужъ опять его къ себѣ принять не согласны.

— Такъ слѣдствіе будетъ.

— Ну, что будетъ, то нехай будетъ; а намъ съ нимъ никакъ нельзя обиходиться.

— Что вы врете! Одумайтесь: васъ половинку поссылаютъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! намъ съ нимъ никакъ невозможно. Намъ такого ворога некуда дѣвать.

— Да чѣмъ онъ вамъ ворогъ?

— Какъ же не ворогъ! Мужика, хозяина на нитку, какъ воробья, привязывалъ, да еще не ворогъ!

— Да забудьте вы эту дурацкую нитку! Эка штука большая! Небось лучше бывало при самомъ князѣ? Не издыхали, садовыя дорожки подчищавши; не глаживали, какъ вороные на конюшнѣ стоятъ?

— Ну, дарма. Онъ господинъ, его была и воля; а ужъ этого, какъ управитель, онъ все жъ не дѣлалъ. Господи помилуй!—на нитку въ родѣ воробья сажать... чего мы надъ собой съ роду родясь не видывали.

— Подумайте, ребята!

— Что думать? думано ужъ. Съ нимъ до грѣха еще хуже дождешься.

— Ну, онъ ужъ не будетъ васъ на нитку привязывать. Я вамъ ручаюсь.

— Онъ другое измыслитъ надъ нами не хуже этого.

— Что ему измыслять?

— Онъ язвительный человѣкъ такой.

— Полноте, ребята. Надо губернатору отвѣтъ дать.

Пауза.

— Что жъ! Мы прощенья просить готовы.

— А управителя примете?

— Этого нельзя сдѣлать.

— Да отчего нельзя-то?

— Онъ язвительный.

. . . . . .

. . . . . .

Ничего больше отъ солтыковскихъ мужиковъ не добились, и пошло уголовное дѣло.

ДОМАШНЯЯ ЧЕЛЯДЬ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СПРАВКИ ПО СОВРЕМЕННОМУ ВОПРОСУ.

«Въ приказѣ холопья суда бьютъ челомъ дворяне и дѣти боярскія на своихъ холопей». *Акты историч. II, 115.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ послѣднее время въ петербургскихъ газетахъ появилось много горячихъ заявленій о прислугѣ. Общій тонъ ихъ таковъ, что теперь прислуга у насъ совсѣмъ испортилась, а что прежде она, будто, была гораздо лучше. Всѣмъ, кажется, очень неудобно и даже не безопасно жить при нынѣшней распущенной прислугѣ, на которую нѣтъ надежной управы и которая день ото дня еще все болѣе и болѣе становится небрежнѣе, дерзче и безчестнѣе. Газеты замѣчаютъ, что служащіе люди не знаютъ своего мѣста и стремятся стать выше своего положенія. Мужчины и женщины проникаются такими новыми разорительными и дурными навыками, какихъ прежде не было. Кухарки, напримѣръ, пьютъ съ утра до ночи кофей и носятъ широчайшія драповыя тальмы; лакеи и повара расчесываютъ капуль а-ля дуракъ, а горничныя стригутъ чолки, посѣщаютъ театры и маскарады и выходятъ со двора не иначе, какъ въ шляпахъ фикъ-фокъ на одинъ бокъ. Чтобы позволять себѣ та-

кое щегольство и роскошь, имъ, разумѣется, недостаточно заслуженнаго жалованья и потому служащіе люди стремятся имѣть посторонніе доходы, а когда ихъ нѣтъ, — они безъ большой борьбы обращаются къ воровству или «расхищенію довѣреннаго ихъ усмотрѣнію хозяйскаго имущества». Судиться же съ ними непріятно, да и мало пользы, такъ какъ взять съ нихъ по бо̀льшей части нечего.

Очень понятно, что при такомъ положеніи долго жить невозможно, — а что положеніе это, дѣйствительно, таково, какъ его представляютъ газеты — въ томъ, къ сожалѣнію, невозможно сомнѣваться. Прислуга очень многимъ дѣлаетъ большія непріятности и всѣ дѣйствительно желаютъ, чтобы противъ безчинства «услуживающихъ людей» какъ можно скорѣе послѣдовали какія-нибудь сильныя правительственныя постановленія. И въ правительственной сферѣ жалобы на нестерпимое безчинство прислуги, говорятъ, будто, услышаны: газеты заявляютъ, что на это дѣло обратилъ вниманіе г. министръ юстиціи и къ удовлетворенію справедливыхъ желаній общества вскорѣ же воспослѣдуютъ цѣлесообразныя распоряженія, въ законодательномъ порядкѣ.

Вмѣшательство властей въ это дѣло вызывается настоятельною необходимостью, а какой отъ этого будетъ результатъ публикѣ, пока ничего неизвѣстно. Пишущему эти строки довелось только видѣть нѣкоторые предложенія и проекты, по поводу которыхъ, можетъ статься, не лишнимъ будетъ привести нѣкоторыя историческія справки.

Сочинители проектовъ, равно какъ и нѣкоторые газетные публицисты воздаютъ много похвалъ старинѣ. Всѣ они пишутъ, между прочимъ, будто русская прислуга только теперь испортилась, или что она теперь, по крайней мѣрѣ, «особенно испортилась», а что прежде когда-то она была, будто бы, прекрасна. А какъ въ публикѣ теперь тоже довольно развитъ вкусъ къ старинѣ, то и публика охотно вѣритъ этому указанію. Такимъ образомъ кажется, какъ будто средство поправить всѣ неудовольствія у насъ подъ

руками: «стòитъ только поворотить къ старому порядку», и опять у насъ будутъ эти «милыя пушкинскія няни», о которыхъ не разъ вспоминали Маркевичъ и кн. Мещерскій, а за нянями появятся и другіе преданные слуги, раньше Пушкина описанные въ старинныхъ русскихъ романахъ.

Публицисты въ этомъ направленіи достигли своей цѣли: мало начитанная русская публика имъ повѣрила; но если эти публицисты искренни, то о нихъ надо пожалѣть, ибо имъ самимъ, очевидно, недостаетъ знанія дѣла, о которомъ они разсуждаютъ. По счастью, это имъ возможно доказать литературною же справкою, и это сдѣлать необходимо.

Если знать старину и желать говорить правду, то нравы русской прислуги всегда были очень дурны. Пожалуй, встарь они были еще гораздо хуже, чѣмъ нынче.

Указывать на «старинныхъ преданныхъ людей», каковые попадались между «русскими няньками», «вѣрными ключницами» и преданными камердинерами», нечего. Безспорно, что такіе хорошіе люди, дѣйствительно, бывали, но они встрѣчались не постоянно и не на каждомъ шагу, какъ обыкновенное и заурядное явленіе, а какъ явленія особенныя, исключительныя или, по крайней мѣрѣ, довольно рѣдкія. Все особенно хорошее на свѣтѣ встрѣчалось не часто, но зато, къ счастью, никогда совсѣмъ и не переводится. И нынче тоже есть очень хорòшіе слуги и служанки, которые отличаются терпѣливостью, преданностью и даже благородствомъ и великодушіемъ. Есть люди, которые бѣдствуютъ съ своими хозяевами и иногда служатъ безъ платы и даже закладываютъ для хозяевъ свои собственныя вещи. Все это въ своемъ родѣ исключенія или, по крайней мѣрѣ, рѣдкость въ итогѣ случаевъ, характеризующихъ общее положеніе, на которомъ законодатель долженъ основывать свои соображенія и дѣлать выводъ.

Попытаемся принести выясненію этого дѣла посильную

пользу тѣмъ, что попробуемъ указать ошибочность ссылокъ на старину.

Мы не станемъ обращаться къ статистикѣ, хотя и она для насъ кое-что подготовила. Такъ, напримѣръ, огромное число побѣговъ дворовыхъ людей и частыя ссылки слугъ на поселеніе по волѣ владѣльцевъ, сѣченіе мужчинъ и женщинъ при съѣзжихъ домахъ и въ становыхъ квартирахъ, и — еще болѣе — убійство господъ ихъ слугами могли бы послужить доказательствами, что въ доброе старое время господа со своими слугами уживались не ладно. Но мы обратимся не къ статистическимъ сочиненіямъ, а къ литературному источнику въ другомъ родѣ. Обратимся къ такой книгѣ, гдѣ безъ всякой предвзятой цѣли, просто и ясно представлено: каковы были нравы прислуги сто шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Рѣчь идетъ о переводной книгѣ, въ которой обстоятельно изложено все тогдашнее жизневѣдѣніе и рядомъ съ тѣмъ преподаны необходимѣйшія правила и опытные совѣты. Универсальная книга эта называется: «Юности честное Зерцало». Она нынче составляетъ большую библіографическую рѣдкость, а потому, вѣроятно, извѣстна очень немногимъ изъ господъ публицистовъ. Большинству же публики она, конечно, и совсѣмъ не извѣстна, а между тѣмъ «Зерцало» прекрасно представляетъ навыки и нравы старинной прислуги и вполнѣ можетъ обличить невѣдѣніе тѣхъ, которые сами вѣрятъ и другихъ убѣждаютъ, будто когда-то прежде сего съ прислугой было прекрасно.

Книга «Юности честное Зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію» напечатана въ Петербургѣ въ 1719 г., въ то время, когда общество русское хранило еще старинные навыки, отъ которыхъ Петръ I-й желалъ отучить молодое поколѣніе въ благородномъ классѣ дворянства. «Зерцало» заботится о домашнемъ этикетѣ, а какъ невоспитанныя дѣти того времени были особенно досадительны и портили домъ и прислугу, то черезъ неумѣстное якшательство

съ нею, то чрезъ безмѣрную требовательность и грубую жестокость, которою и сами себя повреждали въ нравахъ своихъ, то «Зерцало» рядомъ трактуетъ и о нравахъ дѣтей, и о домашней прислугѣ. Съ первой страницы книга внушаетъ отрокамъ, «которые пріѣхали изъ чужестранныхъ краевъ и языковъ съ великимъ иждивеніемъ научились» или «которые въ иностранныхъ земляхъ не бывали, а изъ школы ко двору приняты», — чтобы они тщилися «носомъ не храпѣть и глазами не моргать и ниже шею и плечи изъ повадки не трясти, руками не хватать и не колобродить, отъ неравныхъ побратенствъ держаться и дурацкимъ шуткамъ не заобычиваться, и на свадьбы и танцы незвану не приходить, ибо хотя то жены и охотно видятъ, однакожъ свободные люди не всегда тому рады бываютъ». У себя дома воспитанные отроки должны — «отца и матерь въ великой чести содержать, и когда родители ихъ позовутъ, отвѣчать тотчасъ какъ голосъ послышатъ, и потомъ сказать: что изволите, государь батюшка или государыня матушка? а не дерзостно — што? какъ? чево? — и не съ смѣхомъ яко-бы ихъ презирая». — «Слушать ихъ словъ, что имъ приказано отъ родителей бываетъ, шляпу въ рукахъ держать, и предъ ними не вздѣвать и возлѣ нихъ не садиться, и при нихъ въ окно тѣломъ не выглядывать, но все потаеннымъ образомъ съ великимъ почтеніемъ дѣлать— не съ ними въ рядъ, а немножко уступя позади ихъ *стоять подобно яко пажъ нѣкоторый или слуга*».

Отсюда очевиденъ и ясенъ духъ книги — это духъ нравоучительный и хотя уже смягченный сравнительно съ Домостроемъ, но все еще довольно строгій. Отроки должны держаться «какъ слуги», но чтобы и сами они съ слугами были не крикливы и не дерзки. Теперь посмотримъ, каковы же тогда были слуги.

Книга, заступающаяся за слугъ, чтобы ихъ не обижали, свидѣтельствуетъ, что слуги тогда были лѣнивы, сварливы и безтолковы.

Отроки «должны отъ челядинцевъ *просительнымъ образомъ требовать*, развѣ что (кромѣ тѣхъ случаевъ, если) у кого (изъ дѣтей) особливые слуги (есть), которые одному ему подвержены бываютъ, для того, что *обычно челядинцы не двумъ господамъ и госпожамъ, но токмо одному господину охотно служатъ*». (Сколько дѣтей, столько бывало для нихъ и особыхъ челядинцевъ, — каждому по особому слугѣ). Отъ этого слугамъ было не трудно; но какъ ихъ зато было много, то «часто происходятъ ссоры и великіе бываютъ между ними мятежи въ домѣ такъ, что сами не опознаютъ, что̀ кому дѣлать надлежитъ».

Слѣдовательно, чтобы теперь подражать старинѣ, надо будетъ и въ нынѣшнее время дать каждому господскому отроку по особливому слугѣ, чтобы онъ, какъ говорилось, «за ними ходилъ» и ничего больше не дѣлалъ. Тогда только слуга хорошо уходитъ «за однимъ»; но возможно ли это теперь, когда по газетамъ ищутъ «одну прислугу со стиркою на малое семейство» изъ двухъ или трехъ душъ? А кромѣ того, какъ отъ приставленія ко всякому дѣлу особливаго слуги набиралось много слугъ, а отъ нихъ происходили ссоры и бывали великіе мятежи, то можетъ ли это быть желательно и будетъ ли это теперь удобно?

Черезъ сто шестьдесятъ лѣтъ всѣ положенія сильно измѣнились. Теперь за каждымъ отрокомъ по особливому слугѣ ходить не приставляютъ, и оттого каждому изъ служащихъ въ домѣ людей сдѣлалось больше работы, и стало труднѣе угождать за разъ нѣсколькимъ членамъ хозяйскаго семейства, между членами котораго есть разные характеры и не всегда удовлетворительная воспитанность. «Трудно служить двумъ господамъ». Полтораста лѣтъ назадъ господа входили въ это положеніе и судили о немъ «по писанію». Тогда въ это вѣрили и притомъ имѣли возможность поступать по вѣрѣ своей, а теперь люди утверждаются на иномъ и судятъ иначе. Теперь хозяева беруть приклады не отъ писанія, гдѣ сказано, что «неудобно слугѣ служить двумъ господамъ», а ссылаются на то, «какъ дѣлается за грани-

цей». Обыкновенно указываютъ, что тамъ «одинъ слуга двадцатерымъ служитъ». И безспорно, что за границею это, дѣйствительно, такъ; но тѣ, которые на это ссылаются, къ сожалѣнію, не вполнѣ объемлютъ все домашнее положеніе за границею. Такъ, напримѣръ, они видятъ, что «за границей одинъ двадцатерымъ служитъ»; но не хотятъ замѣчать или не хотятъ помнить, что всѣ двадцать заграничныхъ господъ дѣлаютъ сами для себя многое, что у насъ поручаютъ прислугѣ. Тамъ очень многіе, между людьми средняго достатка, нанимающими одну bonne pour tout faire, сами оправляютъ свои постели, убираютъ комнаты, сносятъ въ ящикъ свои письма, заправляютъ лампы и даже сами ходятъ за своею провизіею и многіе съ удовольствіемъ растапливаютъ зимою свои камины. Тогда bonne pour tout faire остается довольно время, чтобы сдѣлать все остальное въ домашнемъ обиходѣ; но мы такъ не поступаемъ, а, напротивъ, мы безпрестанно командуемъ: «подай, прими и унеси» то, и другое, и третье, и такимъ образомъ мы затрудняемъ прислугу тѣмъ, что вполнѣ легко было бы и самимъ сдѣлать. А оттого французская bonne pour tout faire и наша женщина, служащая въ соотвѣтственной должности «одной прислуги», находятся совсѣмъ не въ равномъ положеніи...

Не говоря о томъ, что наша женщина, конечно, неуклюжѣе и тяжелѣе француженки, — она и не можетъ успѣть сдѣлать такъ же хорошо и своевременно все то, что̀ дѣлаетъ bonne pour tout faire. Слѣдовательно, пока заграничное положеніе еще не подходитъ къ нашимъ лѣнивымъ привычкамъ, намъ нельзя и ожидать, чтобы у насъ была такая же сообразительная и много успѣвающая прислуга, какъ за границею. Чтобы достичь болѣе удобнаго заграничнаго положенія, надо нѣсколько иначе жить, а начать это могутъ только сами господа, отъ которыхъ зависитъ меньше бариться.

Десятое правило «Честнаго Зерцала» учитъ: оберегаться

слугъ, какъ людей дрянныхъ, грубыхъ, нечестныхъ и даже очень опасныхъ по ихъ склонности злословить и клеветать на хозяевъ. «Съ своими или посторонними слугами гораздо не сообщайся», т.-е. не фамильярничай. «Если они даже и хороши, то и тогда, все-таки, не во всемъ имъ вѣрь, для того, что *они грубы и невѣжи*, не разсудливы будучи, *не знаютъ держать мѣры*, но хотятъ, при случаѣ, выше своего господина вознестися, и на весь свѣтъ разглашаютъ, что имъ повѣрено было. Того ради, смотри прилежно, когда что хочешь о другихъ говорить, опасайся, чтобы при томъ слугъ и служанокъ не было. А именъ не упоминай, а обиняками говори, чтобы дознаться было не можно, потому что такіе люди много приложатъ и прибавить искусны».

Въ этомъ отношеніи наши современные слуги совершенно таковы же, какъ и тѣ, которые были за полтораста лѣтъ передъ сими, когда общество наше поучалось изъ «Честнаго Зерцала». И теперь тотъ очень неблагоразумно поступаетъ, кто ихъ выспрашиваетъ о господахъ, у которыхъ они служатъ. Это портитъ слугъ и всегда можетъ ввести распрашивающаго въ большое заблужденіе, ибо слуги наши и теперь еще «невѣжи», «неразсудливы», «не знаютъ мѣры держать» и, притомъ, «много приложатъ и прибавить искусны». Слѣдовательно, полагаться на ихъ сообщенія о хозяевахъ недостойно,—особенно въ вещахъ, превосходящихъ самыя простыя понятія. Между тѣмъ, это, къ сожалѣнію, имѣло большое мѣсто въ нашей жизни, особенно во времена тайной канцеляріи, которыя воспроизведены въ безыскусственныхъ, но интересныхъ разсказахъ Гр. Вас. Есипова.

Неосновательно также думаютъ многіе, что вредъ идетъ, будто, отъ того, что «служанки стали ходить въ тальмахъ и шляпкахъ», а лакеи начали зачесываться «à la дуракъ». Не въ платьѣ дѣло, и не слѣдуетъ забывать, что нынче уже нѣтъ ни шугаевъ, ни шушуновъ, ни тѣлогрѣекъ, и шляпка теперь стоитъ дешевле, чѣмъ порядочный платокъ на голову. А если усматривать въ шляпкахъ и въ таль-

махъ «незнаніе мѣры», то-есть желаніе походить на госпожу, то такое же «незнаніе мѣры» и въ старинѣ указано. И тогда было: «съ плечъ госпожи норовили шарфы подцѣплять и земчужинами зашпиляться», а мужчины «одѣвали господскіе штаны, съ прехитрымъ гульфикомъ».

Если читатель сравнитъ это съ тѣмъ, что нынѣ происходитъ съ тальмами и съ шляпками фикъ-фокъ на одинъ бокъ, то онъ, навѣрное, безъ труда убѣдится, что и встарь, и нынче это было совершенно одно и то же. Непристойный гульфикъ или капуль, тальма или фикъ-фокъ—это все равно: хрѣнъ рѣдьки не слаще. Но ужъ если выбирать между щегольствомъ и неряшествомъ, то фикъ-фокъ и капуль лучше Петрушкина «собственнаго» запаха или вѣчныхъ обновокъ, въ видѣ прорванныхъ локтей.

При семъ еще хвалителямъ старины, сѣтующимъ на несчастную современность, приходится указать, что пѣвецъ Капуль, съ котораго заимствована не одними русскими его прическа,—самъ заимствовалъ эту прическу *изъ Россіи*. По крайней мѣрѣ, помнится, будто г. Капуль разсказывалъ покойному русскому артисту Монахову, что онъ не выдумалъ своей удивительной прически, а взялъ ее съ *старинныхъ русскихъ пословъ*, изображенія которыхъ видѣлъ на старинныхъ гравюрахъ. Русскіе щеголи московскаго періода, дѣйствительно, чесались «съ челышкомъ», о чемъ упоминается съ укоризною въ Кормчей, и это же можно видѣть и на полныхъ изученія картинахъ К. Е. Маковскаго, и на живыхъ головахъ московскихъ банщиковъ и половыхъ. Г. Капуль только немножко изящнѣе уложилъ на своей головѣ это старинное русское «челышко»; ему стали подражать петербургскіе щеголи, — сначала изъ молодыхъ дипломатовъ и правовѣдовъ, а потомъ это усвоили и приказчики, и лакеи; послѣднимъ только удалось усовершенствовать эту прическу и довести ее до крайности во вкусѣ «à la дуракъ». Таково, собственно, историческое происхожденіе «капуля». А что касается женской лошадиной «чолки», то это тоже не новость. «Чолки или по-

стриженіе волосъ на лбу *для красы*» начесывали себѣ еще наши прабабушки и объ этихъ нескромностяхъ съ ихъ стороны тоже упоминается въ «Кормчей» (см. листъ 400, на оборотѣ).

Такъ, вся эта новина совсѣмъ и не выходитъ новиною, и отдаетъ тою самою стародавнею стариною, въ которой инымъ мнится отыскать наилучшее отъ всѣхъ бѣдъ избавленіе.

Старинные слуги были тоже большіе и очень опасные предатели.

Двадцать седьмое правило «Честнаго Зерцала» учитъ «всегда между собою говорить иностранными языками, дабы когда что тайное говорить случится, чтобы слуги и служанки дознаться не могли», ибо въ то время, какъ видно изъ разсказовъ Есипова, не пренебрегали, что «можно было отъ оныхъ болвановъ распознать».

Не слѣдуетъ забывать, что большому распространенію среди русскихъ обычая говоритъ по-французски въ своемъ собственномъ семействѣ въ значительной мѣрѣ содѣйствовало постоянное опасеніе «оныхъ болвановъ», черезъ которыхъ «многое было можно распознать».

Сороковое правило учитъ не подавать прислугѣ повода быть нехорошею, — для чего, между прочимъ, надо «не скупиться» и «самимъ не лгать при случаяхъ». «Зерцало» повѣствуетъ:

«Хотя въ нынѣшнее время (1719 годъ) безмѣрная скупость у многихъ за обычай принята и оные хотятъ ее за домодержавство почитать, токмо чтобы денегъ скопить, но такихъ люди не мало не почитаютъ». Представляемый въ «Зерцалѣ» слуга того времени любилъ въ господинѣ «барственную щедрость», а не мелкое «шляхецкое гоношенье». Прислуга «уважала пышность» и, имѣя роскошнаго господина, «сему служила охотнѣе». Далѣе, — тогдашній слуга «за честь ставилъ быть при именитомъ лицѣ и пріобрѣтать отъ него и отъ вхожихъ людей знатныя подачки».

Объ этомъ въ томъ же родѣ свидѣтельствуетъ на литов-

ской Руси Владиславъ Сырокомля (Кондратовичъ). «Кто жилъ по-шляхецки, и скромно, собирая зярко до зярка (зернышко къ зернышку), талярокъ до талярка (талеръ къ талеру) — такихъ домовитыхъ, но скромныхъ шляхтичей прислуга не любила и не уважала».

И на проѣздныхъ трактахъ и въ заѣздахъ прислуживающіе люди были такіе сребролюбцы и жадники, и имъ надо было давать деньги не «по-шляхетски и скромно», а удивлять ихъ подачками. «Зерцало» говоритъ въ 21 правилѣ: «Проѣзжій отрокъ имѣетъ *податливъ быть*, а особливо къ тѣмъ, которые ему служили». Если же онъ былъ «неподатливъ» къ услужающимъ, то могъ ожидать обидныхъ «издѣвокъ».

Тѣ, которые ему сначала льстили, — потомъ за неподатливость надъ нимъ же «издѣвались». Тогда доходило до расправы, и хотя «отрокъ долженъ быть не дерзокъ и не драчливъ» (22), но «когда кто чести его коснется или поректь учнетъ, то въ такомъ случаѣ уступки не бываетъ, но по нуждѣ премѣненіе закону дается» (23).

Любопытно бы знать: какой вѣсъ получало это примѣненіе закона для отрока, когда онъ по нуждѣ чинился передъ издѣвочниками драчливъ, но не превозмогалъ ихъ силою?.. Должно быть, ему иногда приходилось плохо...

Вообще, не видно, чтобы старые холопьи нравы отличались почтеніемъ къ скромности и бережливости людей высшаго сословія, а въ своемъ господинѣ, которому служили, холопы любили то, чѣмъ могли бы кичиться, — почему, вѣроятно, еще и теперешніе слуги почти всегда съ гордостью объявляютъ, что они «служили у генераловъ».

«Зерцало» внушаетъ тоже и другія очень хорошія и достойныя пріятія правила, — напр., оно совѣтуетъ «никакой лжи не говорить при прислугѣ», ибо чрезъ это слуги теряютъ къ хозяевамъ уваженіе. «И (какъ замѣтятъ, что господинъ лжетъ), то, конечно, крестьянина лучше по-

чтутъ, нежели дворянина, — отчего и нынѣ (1719 г.) случается, что охотнѣе мужику, нежели дворянину вѣрятъ».

Обученіе же служащихъ лжи и притворству, по замѣчанію извѣстнаго современнаго проповѣдника Берсье, начинается съ простого и мнимо невиннаго обычая приказывать своимъ слугамъ «говорить приходящимъ, что господъ дома нѣтъ, тогда какъ они сидятъ у себя въ покоѣ». Знаменитый проповѣдникъ думаетъ, что «лучше было бы говорить, что господинъ дѣлами занятъ и принять не можетъ, чѣмъ заставлять слугу лгать, а потомъ роптать на его лживость».

(49) «Слугамъ своимъ и челядинцамъ не должно давать злого прикладу, и предъ ними никакого соблазну не чинить (не напиваться и смѣховъ не распущать) и ниже допускать, чтобы они всякими глупостями хозяину подлещались, *какъ обычно таковые люди дѣлаютъ*, но держать ихъ въ страхѣ и больше двухъ кратъ вины ни которому не спущать, ибо *лукавая лисица нрава своего не перемѣнитъ*». (50) Вообще, «рабы по своему нраву *невѣжливы, упрямы, безстыдливы и горды* бываютъ, и того ради надо ихъ смирять, покорять и унижать» (51). «Не надлежитъ отъ слуги терпѣть, чтобы онъ переговаривалъ или, какъ песъ, не огрызался, ибо *слуги всегда хотятъ больше права имѣть, нежели господинъ*» (52). Это выходитъ то же самое, на что и теперь болѣе всего жалуются хозяева и въ чемъ жалобы ихъ поддерживаютъ газеты. Въ одномъ сатирическомъ журналѣ недавно была картинка, гдѣ служанка обижается, что ея госпожа «совсѣмъ ея нраву не потрафляетъ». «Когда кто межъ своими слугами присматриваетъ одного мятежника и заговорщика (противъ господъ въ то доброе время дѣйствовали и заговорами), то вскорѣ такого надо отослать, ибо отъ одной овцы паршивой все стадо пострадать можетъ». «Зерцало» кончаетъ о слугахъ съ негодованіемъ: «Нѣтъ того мерзостнѣе, какъ *убогій—гордый, нахальный и противный слуга*».

Приходилось, должно быть, господамъ за 150 лѣтъ не слаще нынѣшняго.

Эти выписки изъ книги, написанной съ «живыхъ прикладовъ» и опыта въ наученіе людямъ, начинающимъ свою жизнь, кажется, должны быть достаточно убѣдительны для того, чтобы измѣнить ложное понятіе о мнимо прекрасныхъ свойствахъ старинной прислуги. Сдѣланныя выписки могутъ возстановить истинную характеристику общаго челядинскаго типа, каковъ онъ былъ за сто-шестьдесятъ лѣтъ передъ симъ, когда прислугѣ «вы» не говорили. Узнать это теперь не будетъ излишнимъ при нынѣшнихъ желаніяхъ сравнивать новую прислугу со старинною и воскресить старинныя холопскія добродѣтели. Пусть ничего не знающіе суевѣры и пустохвалы старины, о которой они не имѣютъ нисколько вѣрныхъ понятій, — сообразятъ послѣ того: было ли въ дѣйствительности что-либо достожелательное и достолюбезное въ томъ прошломъ положеніи, о которомъ они тужатъ и къ которому считали бы за счастье вернуться.

Теперь обратимся къ проектамъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сколько неосновательны стремленія поправить дѣло во вкусѣ той старины, о которой люди, стремящіеся къ ней, не имѣютъ вѣрнаго понятія, столь же непрактичными представляются и нѣкоторые новые прожекты, предлагающіе различныя мѣропріятія въ самоновѣйшемъ стилѣ. Теперь большой урожай на прожекты, и прожекты новыхъ правилъ, какъ «обуздать прислугу», теперь сочиняются различными лицами «съ воли». Они предлагаютъ свои услуги настоящимъ дѣльцамъ или безъ всякихъ заднихъ мыслей,— собственно по влеченію сердца и по неутомимой жаждѣ принести свою лепту на алтарь отечества, или же съ желаніемъ быть замѣченными и «призванными къ сему дѣлу, съ соотвѣтственнымъ вознагражденіемъ».

Между прожектами, исходящими отъ такихъ лицъ, есть одинъ очень любопытный. Прожектъ отличается оригинальностью и съ перваго раза кажется, какъ будто онъ написанъ дѣльцомъ въ самомъ настоящемъ русскомъ вкусѣ; но, къ сожалѣнію, если его разобрать и обсудить, то онъ весь начинаетъ разваливаться и отъ него не остается ничего.

Извѣстный мнѣ прожектъ предлагаетъ «установить отношенія хозяевъ съ прислугою не на сомнительной почвѣ выгодъ, а на твердой основѣ страха Божія», при чемъ «страхъ Божій» понимается сочинителемъ не такъ, какъ его слѣдуетъ понимать въ широкомъ смыслѣ, а прямо въ смыслѣ устрашенія или запугиванія.

«Бѣднѣйшимъ классамъ общества, откуда берется прислуга, — говоритъ проектъ, — надо внушить такой страхъ земныхъ и загробныхъ наказаній, чтобы люди боялись и подумать поступать противъ выгодъ хозяина». Застращивать прислугъ совѣтуютъ Богомъ, Казанскою Его Матерью, огненными серафимами, также апостоломъ Павломъ, повелѣвшимъ слугамъ повиноваться своимъ господамъ, и Іоанномъ воиномъ, возвращавшимъ владѣльцамъ бѣжавшихъ отъ нихъ рабовъ, а «въ особенности пророкомъ Иліею, котораго простолюдины уважаютъ за грознаго и боятся его до такой степени, что нигдѣ и ни за что въ его день не работаютъ».

Прожектъ этотъ трактуетъ прислугу совершенно какъ дѣтей, которыхъ легко напугать и потомъ удерживать внушеннымъ имъ страхомъ въ опредѣленной рамкѣ. Быть-можетъ, это до извѣстной степени и справедливо: Казанскую и Илью пророка нѣкоторые простолюдины, дѣйствительно, боятся, но про Іоанна воина теперь уже мало знаютъ. Но возможная вещь, что если почаще и пострашнѣе объ этомъ говорить простолюдинамъ, то такія устрашенія не останутся безъ вліянія; только не слѣдуетъ ли опасаться, что прожектъ, написанный исключительно въ пользу хозяевъ, къ удивленію автора, болѣе всего будетъ неудобенъ для самихъ же хозяевъ?

Мы позволимъ себѣ указать, гдѣ намъ видится опасность.

Прожектъ исходитъ изъ того, не совсѣмъ безспорнаго положенія, будто «русскій простолюдинъ воздерживается отъ всего дурного *только* страхомъ Божьяго наказанія, которое ожидаетъ встрѣтить въ сей или въ будущей жизни,— иначе онъ сдѣлался бы страшно наглъ и дерзокъ и съ нимъ невозможно было бы управляться». Это не совсѣмъ вѣрно или, по крайней мѣрѣ, это невѣрно въ отношеніи всѣхъ сектантовъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ именемъ «спасеныхъ». Таковы молокане, штундисты и тѣ, которые пошли въ Россіи отъ лорда Редстока и В. А. Пашкова. Людей этихъ довольно много. Всѣ они вѣрятъ, что они «спасены чрезъ свою вѣру во Христа, искупившаго ихъ Своею кровію», и потому нимало не боятся ни ада, ни Ильи пророка. Они вѣрятъ, что Іисусъ Христосъ «ихъ спасъ», а Онъ «больше всѣхъ пророковъ». По этой вѣрѣ они живутъ совсѣмъ, «яко неимущіе страха», однакоже, они не только не впадаютъ въ худшіе пороки, чѣмъ другіе прочіе, но, по многимъ свидѣтельствамъ, отличаются примѣрнымъ поведеніемъ.

Сектантовъ этого духа есть довольно между рабочими и между домашнею прислугою, и хозяева дорожатъ ими, какъ хорошими людьми. Стало-быть, не напрасно ли такъ порочить весь русскій народъ, будто съ нимъ *только* и можно управляться не добромъ, а страхомъ?

Съ другой стороны, мы видимъ огромное число русскихъ простолюдиновъ, которые выросли подъ религіознымъ страхомъ и постоянно живутъ въ немъ: они соблюдаютъ все, что̀ имъ внушено, и твердо вѣрятъ и въ страшный судъ, и въ сатану, и въ хожденіе по мукамъ, гдѣ дьяволы будутъ предъявлять на нихъ «рукописанія», а между тѣмъ это не безусловно ограждаетъ ихъ отъ уклоненія отъ своихъ христіанскихъ обязанностей. Нерѣдко случается даже, что эти строго наставленные люди совершаютъ самыя гнусныя или самыя звѣрскія преступленія,—и хотя они потомъ въ этомъ каются, но нерѣдко опять скоро падаютъ.

Проектъ говоритъ: «Надо, чтобы церковь какъ можно чаще внушала черни строгія обузданія, — для чего и надлежитъ настоятельно требовать, чтобы хозяева посылали всѣхъ находящихся у нихъ въ услуженіи людей говѣть и исповѣдаться, по крайней мѣрѣ, по однажды въ годъ, и затѣмъ не только не возбраняли бы имъ ходить по церковнымъ службамъ, но даже сами бы о томъ напоминали и посылали, по крайней мѣрѣ, непремѣнно въ вечеръ субботній ко всенощной и въ день недѣльный къ литургіи, а за хозяевами другихъ исповѣданій, содержащихъ у себя людей православныхъ,—имѣть надзоръ».

Нѣтъ сомнѣнія, что люди, находящіеся въ услуженіи не откажутся пользоваться еженедѣльно такими отпусками въ субботній вечеръ и въ день недѣльный; но есть ли возможность ручаться, что всѣ слуги, выйдя со двора, придутъ въ церковь, а не пройдутъ мимо церкви, и не очутятся въ иныхъ мѣстахъ, не соотвѣтственныхъ для молитвенныхъ цѣлей?

Далѣе, приходится сомнѣваться въ томъ, что нынѣшніе хозяева, у которыхъ «скупость» или разсчетливость теперь гораздо больше, чѣмъ въ 1719 году, найдутъ возможность исполнить такое требованіе. Люди, у которыхъ всего на все одна прислуга и она служитъ на весь домъ и по всѣмъ должностямъ, безъ сомнѣнія, встрѣтятъ большое неудобство отпускать прислугу два раза въ недѣлю къ богослуженіямъ, ибо тогда хозяевамъ съ цѣлыми семьями, а иногда еще и съ гостями, останется самимъ быть своими слугами.

Не слѣдуетъ ли опасаться, что это всего болѣе не понравится самимъ нанимателямъ и породитъ новое, очень странное и неблагопріятное для русскихъ людей положеніе: слуга католикъ, и лютеранинъ, и магометанинъ (изъ татаръ), которыхъ не мало въ самомъ Петербургѣ, и которыхъ проектъ оставляетъ безъ усмотрѣнія,—не окажутся ли болѣе удобными, чѣмъ прислуга изъ людей православнаго исповѣданія, и тогда православныхъ станутъ избѣгать или, по крайней мѣрѣ, будутъ предпочитать имъ инослав-

ныхъ и иновѣрцевъ, — а отъ этого цѣна прислугѣ изъ иновѣрцевъ возвысится, а люди изъ православныхъ станутъ дешевле?

Вотъ вопросы, отъ которыхъ невозможно отбиться человѣку, знающему бытъ и нравы своей страны.

А потому-то упомянутый проектъ, кажется, надо считать неудачнымъ, потому что, хотя онъ и благочестивъ, но онъ не благоискусенъ и не благопримѣнителенъ.

СОШЕСТВІЕ ВО АДЪ.

(АПОКРИФИЧЕСКОЕ СКАЗАНІЕ.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Искусство сберегло намъ полное представленіе о томъ, что̀ *по свидѣтельству очевидцевъ*, назадъ тому 1860 лѣтъ происходило въ минувшую ночь въ раю и въ преисподней.

Памятникъ, который передаетъ это, есть икона «Воскресенія съ сошествіемъ», древняго, греческаго типа, точно воспроизводимая русскимъ «Строгановскимъ подлинникомъ», о которой лѣтомъ 1893 года писали друзья наши французы, обсуждая изображеніе со стороны «фантазіи жудожника». Эта икона совсѣмъ не похожа на «живописную» икону, «полагаемую» сегодня на аналои господствующей церкви. На новой иконѣ изображенъ гробъ, какого не знали въ Іудеѣ въ Христово время,—Христосъ представленъ взлетающимъ на воздухъ, съ знаменемъ въ рукѣ, а внизу два спящіе воина. Иногда прибавляется еще ангелъ, отваливающій «крышу» гроба, тогда какъ, держась синоптика, надо бы изображать, что ангелъ отваливаетъ «камень у двери гроба». Въ новой иконѣ нѣтъ никакой археологической вѣрности и никакого указанія на событія, сопровождавшія воскресеніе Христа на небѣ, на землѣ и въ преисподней.

Сюжетъ «полной» иконы очень интересенъ и много го

ворить воображенію: въ немъ мы наглядно видимъ, какъ представляли себѣ событія христіане раннихъ вѣковъ, имѣвшіе о воскресныхъ «дѣяніяхъ» много такихъ свѣдѣній, какихъ мы не имѣемъ и принять ихъ не желаемъ или не можемъ, потому что основательность ихъ не достовѣрна. Однако, по этимъ-то именно представленіямъ и сочиненъ рисунокъ иконъ «Воскресенія съ сошествіемъ во адъ», который и внесенъ въ «Подлинникъ» (установленный образецъ). Только одному невниманію русскихъ къ уясненію своихъ памятниковъ слѣдуетъ приписать то, что многіе до сихъ поръ видятъ въ «полной» иконѣ «Воскресенія съ сошествіемъ» «*фантазію*». Древній иконописецъ или изографъ не смѣлъ фантазировать, а онъ рабски воспроизводилъ только то, что установлено «Подлинникомъ». Что же такое могъ принимать въ соображеніе первый сочинитель рисунка? Вотъ тутъ и является огромное значеніе апокрифа, безъ котораго совсѣмъ нельзя понять (и никто не понимаетъ), откуда и на какомъ основаніи на многочтимую воскресную икону древне-греческаго типа нанесены такія «дѣянія» въ аду и въ раю, для которыхъ въ каноническихъ книгахъ нѣтъ указанія.

Прежде всего скажемъ вкратцѣ, что̀ представляется на почитаемой «полной иконѣ съ сошествіемъ».

Здѣсь не три лица (Христосъ и два спящіе воина), а тутъ всего изображено около ста тридцати лицъ, и всѣ эти лица въ «дѣяніяхъ», т.-е. они изображены дѣйствующими, при чемъ «дѣянія» идутъ сразу «въ трехъ планахъ»: а) посерединѣ—на землѣ, б) наверху—въ раю и в) внизу—въ преисподней у Сатаны. Христосъ «во единомъ часѣ» является во всѣхъ трехъ планахъ: онъ на землѣ воскресаетъ, во адѣ *) казнитъ Сатану и Смерть и въ Раю—

*) *Адъ* пишется со строчной буквы, гдѣ этимъ словомъ обозначается преисподняя, какъ мѣсто мученія, и съ прописной, гдѣ Адъ трактуется какъ лицо. Такъ же и смерть—какъ умираніе, и Смерть—какъ лицо.

вводитъ «содержавшихся связанными отъ Адама». Чтобы понять изображеніе, надо начинать смотрѣть его съ средняго плана, гдѣ Христосъ воскресъ и стоитъ весь «облистанный» лучами сіянія. Подъ ногами его уже упавшія крестъ-на-крестъ «врата адовы». Они сорвались съ петель отъ «сокрушенныхъ верей» (притолокъ) и съ грохотомъ летятъ внизъ въ зіяющую бездну. Преисподняя вся раскрыта и обнажена. Христосъ подаетъ руку Адаму, за которымъ слѣдуетъ Ева, а за ними весь «ликъ праотцевъ». Праотцы идутъ вереницею въ три оборота, и вереница не оканчивается, а теряется за «полями» изображенія. Въ «разверстомъ» аду уже нѣтъ людей, которые содержались здѣсь цѣлые вѣка въ великомъ множествѣ: всѣ они теперь выведены Христомъ на волю; а на всемъ видимомъ пространствѣ ада, начиная отъ открытаго входа, идетъ сраженіе и расправа надъ Сатаною, надъ Княземъ Тьмы, надъ Смертію и «аггелами Сатаны». Ангелы поражаютъ ихъ копьями, а самого Князя Тьмы заковываютъ молотами въ цѣпи. Движеніе огромное и живое. Христосъ тутъ же во второй разъ. Фигура Ада такъ велика, что отъ нея видна только одна большая голова—вся красная. Сатана—тоже красный, дородствомъ помельче и зато онъ виденъ по поясъ. При немъ неотлученъ Іуда съ его кошелькомъ, въ которомъ тридцать сребренниковъ. Смерть въ «зеленомъ тѣлѣ», Князь Тьмы—синій. У всѣхъ у нихъ волосы дыбомъ отъ страха, который производитъ «блистаніе божества». Въ третьемъ мѣстѣ Христосъ съ «благоразумнымъ разбойникомъ Рахомъ»,—даетъ ему красный крестъ и посылаетъ его въ рай. Это происходитъ между раемъ и адомъ. Рай наверху,—«въ огражденіи»—тамъ «древеса» и опять весь «ликъ» праведныхъ, уже вошедшихъ и привѣтствуемыхъ Ильею и Енохомъ, которые до сихъ поръ жили въ раю только вдвоемъ. Послѣднимъ входитъ Іоаннъ Предтеча «въ шерсти»,—у дверей «огненный серафимъ» хочетъ ударить «благоразумнаго разбойника», но тотъ ему показываетъ данный Христомъ красный крестъ, и серафимъ оставляетъ Раха у две-

рей, пока разберутся и станетъ видно, имѣетъ ли онъ право здѣсь оставаться. Представляется вопросъ: откуда все это взято? А взято все это ни больше, ни меньше какъ съ показанія «очевидцевъ», которые самолично были въ аду въ ту ночь, когда туда приходилъ воскресшій Христосъ...

Этого конечно нѣтъ въ каноническихъ книгахъ, и вѣрить этому ни для кого не обязательно, но все-таки это живетъ въ народѣ и сохраняется въ иконописи, и потому это интересно.

Начать надо съ того — «какъ старѣйшина жидовская» производили пристрастные допросы надъ своими же евреями, разсказывавшими, что они видѣли Христа послѣ Его смерти.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

«Видѣся же сотникъ еже Іисусъ предаде духъ, прослави Бога, глагола: «во истину человѣкъ сей праведенъ бѣ». И вси пришедшіе на позоръ сей видяще бываемое, бьюще перси своя, возвращахуся во Іерусалимъ. Воинъ же Логгинъ, пріемъ копіе, удари въ ребра Іисуса, и абіе изыде кровь и вода. (Въ каноническихъ евангеліяхъ сказано просто, что «сотникъ ударилъ», но не сказано, что этотъ сотникъ былъ Логгинъ). Тогда сотникъ, пришелъ къ Пилату, возвѣсти ему вся. И оскорбѣ Пилатъ зѣло, и призвавъ Іудеи, вопроси ихъ, еда зрѣша знаменія, яже въ солнцѣ, и иная бывшая о Іисусѣ умершемъ? («А что: видѣли ли вы знаменія на солнцѣ и другія, которыя явились при смерти Іисуса?»). Они же, слышавъ сіе, рекоша: яже омрачися солнце днесь, якоже и иногда (т.-е. «Что же такое? Солнце затмилось такъ, какъ это и въ другое время бывало»).

«И се Іосифъ, иже отъ Аримаѳеи, сый потаенъ ученикъ Іисусовъ, пріиди къ Игемону, моли его, да повелитъ сняти со креста тѣло Іисусово. И повелѣ Игемонъ ему. Пріяста же тѣло Іисусово и обвиста его ризами и ароматы, положиста Іисуса, и привалиша каменъ *надъ* (sic) двери гроба».

«Іудеи же слышавше, яко Іосифъ съ Никодимомъ испро-

ста тѣло Іисусово, помышляху какъ убити я (ихъ) и (съ ними) дванадесятихъ (апостоловъ), такожде и другихъ иже свидѣтельствоваху о Іисусѣ предъ Пилатомъ. Вси бо тогда быша вкупѣ, послѣди же скрышася страха ради Іудейска. Единъ Никодимъ токмо ста предъ Іуден, зане князь бѣ въ нихъ. (Былъ человѣкъ съ вѣсомъ и положеніемъ и могъ ихъ не бояться). Сей рече имъ: чесо ради пріидосте паки въ сонмище нынѣ? Они же рѣша ему: ты же что пришелъ и како вшелъ еси сѣмо причастникъ бо сый Іисусовъ и въ части Его будеши во вѣки. (А ты самъ для чего пришелъ? Да ты еще какъ смѣлъ и войти сюда — ты вѣдь его сообщникъ! Тебѣ и самому будетъ то самое, что и ему досталось)».

Никодимъ представленъ человѣкомъ горячимъ, простымъ и рѣшительнымъ. «И отвѣщавъ Никодимъ, рече: «ей! буди ми тако». (Т.-е. Что же за важность! Я и не боюсь: пусть будетъ, какъ вы говорите).

«По сихъ же пріиде Іосифъ (этотъ рисуется другого характера), онъ рече: «учителю, чесо ради оскорбистеся на мя, яко испросихъ тѣло Іисусово, и погребохъ въ новомъ своемъ гробѣ, и камень возложихъ нань. Мужіе Израильстіи, не добро дѣло сотвористе о праведницѣ семъ, но распясте того,—неповинна суща. И не раскаетеся еще о грѣхѣ своемъ, но и въ ребра прободосте его?»

Но вся эта ласковость и увѣтливость не помогла Іосифу... «Слышавъ сіе Іуден яша Іосифа и затворища въ темницу. (Объ этомъ въ канонич. книгахъ нѣтъ никакого упоминанія). Заутра же глаголаху ему: виждь яко днесь злыя пріидутъ на тя, смерти же не имаши вкусити нынѣ, зане суббота настоитъ: по сей же (т.-е. послѣ шабаша) умертвимъ тебя и тѣло твое звѣремъ предадимъ. Отвѣщавъ Іосифъ, глагола имъ: той, его же вы распясте на крестѣ, силенъ есть изъяти мя отъ рукъ вашихъ. Не бо, яко же Пилатъ буду вамъ. Той бо и безъ обрѣзанія плотскаго, но во обрѣзаніи сердца своего, очистися отъ грѣха, умыся прямо солнцу (передъ солнцемъ), глаголя: чистъ есмь отъ крови

праведника сего, вы узрите.» (Это объясненіе умыванія рукъ *передъ солнцемъ*, чтобы оно было свидѣтелемъ непричастности къ дѣлу, очень интересно, и достойно замѣчанія, что о немъ нигдѣ не упоминается съ такимъ истолкованіемъ).

«Слышавше же Іудеи словеса сія, исполнишася ярости зѣло и емше его, всадиша въ темницу, и затворивше утвердиша печатьми и стражу поставиша. На утрій же князи и старцы людстіи собрашеся въ сонмище, совѣтъ сотвориша, яко да лестію убіютъ Іосифа. И шедше, отверзоша темницу и не обрѣтоша Іосифа тамо, печатемъ же цѣлымъ и дверемъ затвореннымъ сущимъ. И уже къ тому не смѣяху на иныхъ возложити рукъ, бояхубося». (Боялись, чтобы такого чуда еще впередъ не повторялось).

Чудо это предшествовало первому извѣстію, которое принесли сторожа, приставленные къ пещерѣ, гдѣ было положено тѣло Іисусово. Но сейчасъ вслѣдъ за симъ приходитъ и это извѣстіе, изложенное опять значительно иначе, чѣмъ въ нашихъ книгахъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«Еще же сѣдящимъ имъ на сонмищи и судящимъ о Іосифѣ, се воини пріидоша отъ кустодіи, и глаголюще: яко стрегущимъ намъ гробъ, абіе *громъ бысть великъ*, и се ангелъ Господень сниде съ небесе и отвали камень отъ дверей гроба, и сѣде на немъ, бяше лице его яко же молнія и отъ страха его быхомъ яко мертви, и *слышахомъ его глаголюща женамъ*, яже пріидоша помазати тѣло Іисусово и стояху у гроба. (По этому описанію выходитъ, что когда прибѣжали жены, сторожа все еще спали, или дремали въ полуснѣ за пещеркою). Глагола имъ ангелъ: не ужасайтеся, Іисуса ищите Назорянина распятаго; нѣсть здѣ, но возста. Пріидите и видите мѣсто, идѣ же лежаша Господь и шедше рцыте ученикомъ Его и Петрови, отвергшемуся Его, да не въ горшую печаль прійдетъ, зане сей Петръ внегда отрещисяему отъ Него, плакавъ горько, *не ядый не піяй даже*

досл. Слышавъ же Петръ возрадовася зѣло, тече ко гробу и Іоаннъ съ нимъ. Іоаннъ же тече скорѣе (бѣжалъ рѣзвѣе) Петра. Пришедъ же и Петръ ко гробу и приникъ видѣ ризѣ едины лежаща и сударь».

Какъ только извѣстіе это дошло до іудейскихъ старшинъ, тѣ сейчасъ же распорядились узнать: что это были за женщины, съ которыми, по словамъ сторожей, разговаривалъ ангелъ?

«Рѣша же Іудее: кто суть жены, имъ же глаголаше ангелъ? отвѣща же воины, рѣша, не вѣмы. Глаголаху Іудее, чесо ради не ясте ихъ?» (Для чего вы ихъ не схватили!?)

Сторожа отвѣчаютъ старѣйшинамъ очень рѣзко: «толико знаменіе видѣвше о человѣцѣ семъ, еще ли не увѣроваете Ему? И паки слышахомъ яже о Іосифѣ, яко и того затвористе въ темницѣ и двери утвердисте утвержденіемъ крѣпцѣ, и се не обрѣтосте его въ темницѣ, дайте намъ Іосифа, и дамы вамъ Іисуса». Синедріонъ какъ бы оробѣлъ передъ сторожами и начинаетъ съ ними переторговываться.

«Глагола Іудее: дадите вы первѣе Іисуса намъ. Воины же отвѣщаша, глаголя: ни, но вамъ достоитъ первѣе дати намъ Іосифа, днесь бо истязуете ны о Іисусѣ недовѣдомѣмъ, сами же не вѣсте, како Іосифъ изведе изъ темницы: убо и мы не вѣмы, како Іисусъ воскресе, изыде изъ гроба и невидимъ бысть, такожде и жены невидимы быша: дайте убо Іосифа и дамы вамъ Іисуса».

Старѣйшины не могли сказать—какъ у нихъ ушелъ изъподъ печати Іосифъ, и они начинаютъ лгать сторожамъ: «Глаголаху Іудее, яко отъиде Іосифъ во свояси, во градъ Аримаѳейскій». Отвѣщаху же воины, глагола: «яко и Іисусъ, возставъ, отъиде въ Галилею, яко же ангелъ, отваливый камень отъ двери гроба, глагола женамъ».

«Тогда Іудее, слышавшіе сія (т.-е., услыхавъ, что упомянута снова Галилея), убояхуся зѣло и глаголаху: аще услышано будетъ слово сіе о Іисусѣ, яко возста отъ мертвыхъ, во всемъ мірѣ вси людіе имутъ вѣру ему и увѣ-

руютъ въ онь, и будемъ посрамлены отъ всѣхъ и поношеніе будетъ на насъ отъ сыновъ израилевыхъ во вѣки. И совѣтъ сотворше, собраша сребренники довольны, даша воиномъ и заповѣдаша имъ съ клятвою никому же рещи, яко воскресе Господь, но токмо глаголите: яко намъ, спящимъ, пріидоша ученики Іисусовы и украдоша тѣло его. *И аще услышано будетъ сіе у Исмона, яко мзду пріясте отъ насъ, мы умолимъ его и васъ безпечальны сотворимъ.* Они же вземше сребренники отъ Іудей, рекоша, яко же наущени быша отъ нихъ».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Но едва замолкаютъ сторожа, какъ появляются новые безпокойные разсказчики о новомъ чудѣ, если не больше, то во всякомъ случаѣ никакъ не меньше удивительномъ.

«*Священникъ* нѣкій именемъ *Финеесъ* и *Адда учитель*, и *Исаія Левитъ*, пріидоша отъ Галилеи во Іерусалимъ и повѣдоша архіереомъ и старцемъ и Левитомъ, яко *видѣши Іисуса на горѣ, нарицаемой Елеонъ*, и съ нимъ единадесятихъ учениковъ его, и учаше ихъ». «По сихъ же отступи Іисусъ отъ нихъ, благослови я и вознесся на небо. И се юноши два, свѣтомъ страшнымъ одѣяна, стали предъ народомъ, глаголюще: мужіе Галилейстіи, что стоите зряще на небо: имже образомъ видѣсте Его грядуща на небо, такожде паки пріидетъ судити міру».

Такимъ будто образомъ дошла въ Іерусалимъ первая вѣсть о вознесеніи, принесенная тремя поименованными еврейскими людьми, священникомъ Финеесомъ, учителемъ Аддою и Левитомъ Исаіею.

Сложилось цѣлое сказаніе, имѣющее начало и конецъ согласный съ началомъ! Іудеи встревожились и сейчасъ же принялись дѣйствовать съ усиленною энергіею. Надо скорѣе сбить или подкупить Адду, Финееса и Исаію Левита, чтобы они отреклись отъ своего разсказа.

«Тогда глаголаху архіерей и старцы: заклинаемъ вы

Богомъ живымъ рцыте: аще во истину тако бысть, якоже глаголете? Они же рѣша: живъ Господь Богъ, — яко же видѣхомъ, тако и возвѣстихомъ вамъ. Тогда архіереи и старцы, вземше писанія, закляша ни кому же возвѣстить сего и давше серебренники, повелѣша изыскати ихъ даже до Виѳлеема, въ Галилею (?). И отъидоша кійждо во свояси».

Имъ дали денегъ, пригрозили никому не разсказывать и выслали всѣхъ порознь изъ столицы.

Такъ сбыли съ рукъ эту вторую серію очевидцевъ; но стало безпокойно, что если ужъ священникъ, и левитъ, и учитель разносятъ вредныя синагогѣ вѣсти, да еще присягаютъ, что это правда, и всѣмъ имъ надо «давать серебренники довольны», то до чего же это можетъ дойти? Тратамъ и конца не будетъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

«Тогда совѣтъ сотвориша, архіереи Анна и Каіафа, утѣшающе ихъ, и глаголаша: что скорбите, сія вся глаголы лжа суть. Ученицы бо Его купиша отъ воинъ тѣло Его и наустиша я рещи: яко ангелъ съ небеси сниде и отвали камень отъ дверей гроба: и сотвориша тако».

«Но Никодимъ, ста посредѣ и рече имъ: право ли глаголете, николи слышаста людей сихъ, пришедшихъ отъ Галилеи и не помниста ли, еже они возвѣстиша намъ? азъ же повѣмъ вамъ, яко праведни мужіе тіи и возвѣстиша, еже видѣша о Іисусѣ, яко сущу Ему на горѣ Елеонстѣй со ученики своими, *вознесся на небо. Точію не вѣмы, тако ли, яко же и о Исаіи пишется? яко съ плотію взятъ бысть на небо, или духомъ взятся* Іисусъ и отнесенъ на гору тѣмъ же убо подобаетъ намъ послати и поискати о немъ по всей странѣ».

«Тогда послаша мужей отъ среды своея, и возвращаеся тіи глаголюще: яко нигдѣ же обрѣтохомъ Іисуса; бывшимъ намъ во Аримаѳеи, обрѣтохомъ Іосифа. Іудеи же, слышавше сія, возрадовахуся радостію велію».

Не разыскавъ Христа, о которомъ говорили чудо, они обрадовались, что могли отыскать Іосифа, освобожденіе котораго изъ темницы молва также представляла чудеснымъ. Теперь представлялась возможность вызвать его въ Іерусалимъ и лично отъ него узнать, какъ онъ ушелъ изъ-подъ камня и печати? Старѣйшины надѣялись, что онъ разъяснитъ это какъ-нибудь просто, и тогда опроверженіемъ одного чудеснаго слуха ослабится вѣроподобность и того, что сказываютъ объ Іисусѣ.

Надо только было вызвать Іосифа въ Іерусалимъ, но пойдетъ ли онъ сюда изъ Аримаѳеи, гдѣ онъ безопасенъ?

Старѣйшины обращаются къ политическимъ пріемамъ, которые очень характерны.

«Іудеи посланіе написаша (къ Іосифу) съ моленіемъ великимъ—глаголюще: миръ ти и дому твоему: согрѣшихомъ предъ Богомъ и предъ тобою, честнѣйшій Іосифе. Злѣ бо въ темницу всадихъ тя. И нынѣ молимтися: потщися и пріиди паки во Іерусалимъ. Се бо раскаяхомся о тебѣ». «Потомъ избравше отъ среды своея седмь мужей честнѣйшихъ, ихъ же и самъ Іосифъ любляше, послаша ихъ, глаголюще: идите днесь ко Іосифу, и аще пріемлетъ отъ васъ писаніе наше, вѣдите, яко паки пріидетъ сѣмо, аще ли же ни, вѣдите, яко озлобихъ на ны и уже не ктому возвратится во градъ нашъ. Вы же цѣловавше его возвратитеся съ миромъ, и благословивше отпустиша я въ путь ихъ». «Послы пріидоша ко Іосифу, поклонишася ему и рѣша: миръ ти и всему дому твоему буди во вѣки. И отвѣща Іосифъ, рече: вамъ миръ, пришедшимъ издалеча, и всѣмъ людемъ Израилевымъ».

«Вземшу же посланіе Іосифу и прочетшу е, облобыза написанное и благослови Бога, рече: благословенъ Господь Богъ мой, иже посла ангела Своего и покры мя крылами благости своея».

«Тогда уготова Іосифъ трапезу и ядоша, и пиша, и почиша даже до утра. Возставшимъ же имъ повелѣ Іосифъ уготовати въ путь осла и всѣдъ на не, отъиде въ путь

свой въ Іерусалимъ. И бысть, егда вхождаше во Іерусалимъ, изыдоша іудеи во стрѣтеніе его — глаголюще: миръ тебѣ господине Іосифе, Іосифъ же, цѣловавъ ихъ, рече имъ: буди и вамъ миръ». Тогда Іосифа «закляли на книгѣ закона» говорить правду: какъ онъ ушелъ изъ-подъ замка и печати.

«Глагола Іосифъ: мужіе братіе! вѣдомо вамъ буди, яко въ день той, внегда затвористе мя, пребыхъ тамо чрезъ всю нощь и день субботный, даже до другія нощи. О полунощи же (въ часъ воскресенія Христа), стоящи ми на молитвѣ, се верхъ темницы, въ ней же бѣхъ, взятся отъ мѣста своего, и отъятся отъ четырехъ углъ и видѣхъ свѣтъ предъ очима моима, и пристрашенъ быхъ азъ, и падохъ на землю, и воззрѣвъ, видѣхъ предъ собою стоящца мужа, и той взятъ мя за руку и постави на нозѣ моя, и изведе изъ темницы. Тогда облобызавъ мя, рече: не бойся Іосифе и возведи очи твоя и виждь, кто есть глаголяй съ тобою. И пристрашенъ быхъ азъ, мняще духъ видѣти, и рѣхъ ему: кто еси Господи; Илія ли, или единъ отъ пророкъ? И отвѣщя ми глаголя: нѣсмь Илія, ни пророкъ, но Іисусъ есмь Христосъ; его же испросилъ еси у Пилата на погребеніе».

Такимъ образомъ надежды старшинъ услыхать отъ Іосифа опроверженіе тревожныхъ для нихъ слуховъ были разрушены и вмѣсто опроверженія они получили новое свидѣтельство отъ уважаемаго человѣка, что и онъ самъ видѣлъ Іисуса воскресшаго.

Для іудеевъ дѣло принимало самый отчаянный оборотъ, потому что Іосифа Аримаѳейскаго подкупить было невозможно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

«Никодимъ и архіереи, и старцы», услыхавъ то, что сказалъ имъ Іосифъ, такъ испугались, что попадали ницъ, «и быша яко мертвіи, и не ядоша, не пиша даже до вечера». Первый поднялся Никодимъ, и «глаголя имъ: воз-

станите на нозѣ ваша, помолимся и вкусите отъ брашенъ и укрѣпитеся, яко суббота заутра есть». Старцы «возсташа и возмоша ясти», а перебывъ шабашъ, придумали вызвать изъ Галилеи тѣхъ трехъ человѣкъ, которые говорили, что они Христа видѣли, но однако позволили себя подкупить «взявше довольны сребренники». Разсадили ихъ порознь и стали сбивать на переспросахъ, а потомъ начали сводить вмѣстѣ на-очи.

«Они же исповѣдаша истину, яко же и первѣе свидѣтельствоваху о немъ».

Анна и Каіафа не хотятъ и слышать, но встаетъ Іосифъ и дѣлаетъ посылку на новыхъ лицъ, которыя со Христомъ ожили и встали изъ своихъ могилъ и *теперь живутъ снова.* Эти были уже въ аду и тамъ все видѣли.

«Внемлите, еже реку вамъ! говоритъ Іосифъ Аримаѳейскій: вѣсте Симеона, иже срѣте въ церкви и пріятъ Іисуса на руку свою, младенца суща. Сей имѣяше два сына, иже умроста уже (они уже умерли, а между тѣмъ), и видѣхомъ ихъ вси. Тецыте убо нынѣ и видите яко гробы его отворена суть, зане воскресоша (они уже ушли изъ гробовъ, и теперь) во Аримаѳеи суть въ молитвѣ и молчаніи пребывающе. Идемъ убо къ нима молящіе (и упросимъ ихъ), да пріидутъ сѣмо, и вопросимъ ихъ съ клятвою возвѣстите намъ, како воскресоста?» Іудее же, слышавше сія, возрадовашася зѣло и шедше Анна и Каіафа, Никодимъ, Іосифъ и Гамалиилъ ко гробу его (къ фамильной гробницѣ Симеона) и не обрѣтоша (не нашли тѣхъ двухъ его покойныхъ сыновей). Идоша же во Аримаѳей и обрѣтоша я колѣнопреклоненна молящася, и объемше и цѣловавше, ведоша въ Іерусалимъ въ Церковь. Затвориша же двери, пріемши скрижали Господни, возложиша на ня. и заклявше Господомъ Богомъ Адонаи и Богомъ Израилевымъ (подвели подъ присягу) и рѣша: рцыте нынѣ: аще вѣруете, яко Іисусъ воскреси вы отъ мертвыхъ, возвѣстите убо намъ: еже видѣста и како воскресоста? Карінъ же и Лектій (сыны Симеоновы), слышавше сія, трепетна быста, и воз-

дохнувъ и воззрѣвъ на небо, вообразиста персты своими знаменіе креста, на языку своего рекоста: дадите хартію нама и напишемъ еже вѣма. Они же даша има и возсѣдъ писаста».

Отсюда начинается разсказъ о происшествіяхъ во адѣ, списанный Каріиномъ и Лектіемъ, которые сами въ то время были въ аду и все сами, своими глазами видѣли, и своими ушами слышали, и оба собственными руками одно и то же слово въ слово на хартіи написали.

Вотъ это любопытное сказаніе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

«Сѣдящимъ намъ всѣмъ со отцы нашими въ преисподняхъ ада, во тмѣ кромѣшной, се внезапу свѣтъ, яко свѣтъ солнца и лучъ, яко лучъ огня облиста ны. Адамъ, отецъ земнородныхъ, и патріархи, и праотцы, трепетни быша, и рекоша: се лучъ отъ источника свѣта вѣчнаго. Всѣхъ прежде понялъ явленіе пророкъ Исаія. Онъ воскликнулъ: «сей есть свѣтъ Отца и Сына Божія, якоже предрекохъ, сый на земли въ животѣ моемъ».

Всѣ засуетились.

Приходитъ Сумеонъ и сказалъ «боящимся»: «прославимъ Іисуса Христа, Сына Божія, его же азъ пріяхъ младенца суща, на руку мою». Едва Сумеонъ кончилъ, — выходитъ «мужъ во образѣ пустынножителя, и вси сущіи въ преисподняхъ (бросились къ нему и) вопросиша его глаголюще: рцы намъ, кто еси ты?» Пустынножитель отвѣчалъ: «азъ есмь гласъ вопіющаго въ пустынѣ — Іоаннъ Креститель и пророкъ Вышняго. Азъ видѣхъ Іисуса грядуща ко мнѣ и рекохъ о немъ Духомъ Святымъ: се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, тѣмъ же и нынѣ предтекохъ Ему и снидохъ возвѣстити вамъ; яко въ славѣ Сынъ Божій снидетъ съ высоты своея сѣмо».

Тотчасъ началось въ аду чрезвычайное оживленіе, всѣ спѣшили сообщать дошедшую до нихъ радостную новость

другъ другу, и стали посылать одинъ другого далѣе по всѣмъ областямъ ада. Такъ радостная вѣсть быстро дошла до самого Адама и тотъ сейчасъ «призва Сиѳа сына своего и глаголя ему: шедъ возвести сыномъ твоимъ патріархомъ и пророкомъ вся, яже слышалъ еси отъ архангела (sic), всегда болящу ми, послахъ тя ко вратомъ рая испросити помазаніе на главу мою». Сиѳъ пошелъ исполнять волю отца, и «приступи къ патріархомъ и пророкомъ и глагола имъ: азъ есмь Сиѳъ. Егда молихся у вратъ Рая (просилъ отцу лѣкарства), се ангелъ Господень явися мнѣ, глаголя: Сиѳе, да не проліеши нынѣ слезъ предъ Господемъ, не дастся бо тебѣ елей милосердія, во еще помазати главу отца твоего, въ болѣзни суща: нѣсть бо возможно сіе, послѣди же имѣетъ быти, внегда скончаются лѣта пять тысячъ и пять сотъ. Тогда возлюбленный Сынъ Божій пріидетъ на землю возвести Адама и воскресити съ нимъ тѣлеса умершихъ».

Тутъ всѣ святые, дожидавшіеся въ аду, обрадовались и, ободрившись духомъ, стали уже наступать на Князя Тьмы и гнать его вонъ изъ ада, чтобы Христу было не скверно сюда спуститься въ его присутствіи.

Сатана однако не выходилъ. Пророкъ и царь Давидъ поддержалъ общее движеніе толпившихся въ адѣ, возгласивъ: «не предрекохъ ли въ животѣ моемъ, яко изведе я изъ тьмы и сѣни смертныя, и врата мѣдная сокруши и вереи желѣзныя сломи». Но Сатана и царя Давида не слушался, — тогда отозвался пророкъ Исаія, глаголя: «и азъ предрекохъ въ животѣ моемъ; воскреснутъ мертвыи, востанутъ сущіи во гробѣхъ, и вси земнороднін возрадуются!» Но Сатана и Исаію пророка не послушался.

Тогда въ аду сдѣлалось всеобщее движеніе и противъ Князя Тьмы раздался голосъ изъ иныхъ сферъ, откуда Князь Тьмы и самъ сообразить не можетъ.

«Се услышанъ бысть гласъ шуменъ — яко гласъ грома, глаголющъ: возьмите врата князя ваша и возмитеся врата вѣчныя, се бо входитъ Царь славы». Сатана впрочемъ и

тутъ все-таки еще продолжалъ упорствовать и обратился къ хитрости. «Князь адскій слышавъ сія, и творяй себѣ не разумѣти слышаннаго (притворился будто не понимаетъ) и рече: Кто есть сей царь славы?» — Давидъ отвѣща ему: — «Господь силенъ въ брани, той есть Царь Славы. Се Онъ пріиде съ высоты святыя своея: услышати воздыханіе окованныхъ и разрѣшити сыны умерщвленныхъ! Отверзай убо врата и внидетъ Царь Славы!»

Услыхавъ это, всѣ святые, патріархи и пророки еще болѣе обрадовались и заплескали въ восторгѣ ладошами. Шумъ радости и ликованія сдѣлался такъ великъ, что его услыхалъ самъ «Сатана — глава смерти», пришелъ самъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Сатана сталъ говорить съ ласкою: «Се азъ готовъ есмь пріяти Іисуса Назарянина иже непщева себѣ на земли Сыномъ Божіимъ быти». Онъ мнѣ не опасенъ. Онъ боялся смерти и говорилъ: «прискорбна есть душа моя даже до смерти». Правда, что онъ дѣлалъ мнѣ много непріятностей (сотвори пакости мнози) тѣмъ, что исцѣлялъ тѣхъ, кого я поражалъ недугами, и воскресилъ много мертвыхъ, но это еще не страшно. Выходитъ, что Сатана не понималъ Іисуса Христа и судилъ о немъ не высоко, почитая его за смертнаго, и притомъ еще за такого, который боялся смерти и говорилъ: «прискорбна есть душа моя». Но Князь Тьмы хоть и меньше значитъ въ аду, чѣмъ Сатана, однако онъ оказался благоразумнѣе и осторожнѣе.

«Князь же ада отвѣща сатанѣ, глаголя: како можетъ сей такову власть имѣти; аще бо человѣкъ простъ былъ? вси бо владыцы міра сего подъ державою моею суть, ихъ же поработилъ ми еси силою твоею; сей же во истину силенъ есть и не токмо за человѣчество, но и за Божество, и никто власти его противостати можетъ. Еда же и рече сей, яко убояся смерти, не ими вѣры ему (если онъ и сказалъ, что боится смерти—то ты ему не вѣрь), злѣ-бо будетъ намъ отселѣ (худо намъ будетъ)».

Сатана же остался легкомысленникомъ, и «слышавъ сіе, отвѣща: — Онъ не можетъ противостать намъ, — я уже его искусилъ, возмутивъ противъ него ревностію и гнѣвомъ народъ Іудейскій, и Смерть прикоснулась къ нему. Не бойтесь, — я его приведу къ вамъ покорнаго».

Князь Тьмы опять сдерживаетъ пылкость Сатаны.

«Глагола Князь Тьмы: не сей ли, иже Лазаря воздвиже четвородневна, его же азъ держахъ мертва? заклинаю тя силою нашею, да не приведеши его семо: яко се Богъ-Вседержитель есть, и можетъ творити вся яко же хощетъ».

А пока они между собою это переговорили, «се абіе слышанъ гласъ бысть, яко гласъ грома и бури: возмите врата князи ваша, се бо входитъ Царь славы».

Испуганный Князь Тьмы закричалъ Сатанѣ: «бѣжи скорѣй и удались отъ жилищъ адовыхъ, а если ты силенъ, то сразись съ нимъ!»

Но увидавъ, что Сатана все храбрится и хочетъ самъ ввести Христа въ адъ, Князь Тьмы разсердился «и изгна Сатану отъ жилищъ своихъ и глагола клевретомъ своимъ: заключите (заприте скорѣе) врата мѣдная и противостаните». И только что Князь Тьмы успѣлъ сдѣлать это распоряженіе, какъ «Господь въ велелѣпіи Божества и во образѣ человѣчествѣмъ вниде и осія тьму вѣчную и узы нерѣшимыя расторже».

«Тогда Смерть со клевреты своими объята бысть ужасомъ и возопи: побѣждени есьмы тобою, яко смятеніе вселилъ еси въ насъ!»

«Тогда Господь славы поверже смерть къ ногу своею, и Князя адова обезсили, и возведь отца земнородныхъ къ свѣту». Что собственно и изображается по «подлиннику» на иконѣ «Воскресенія съ сошествіемъ».

Обезсиленный Князь Тьмы не сопротивлялся, но «началъ укоряти Сатану: о сатано! Что восхотѣлъ еси распяти Царя славы! Не вѣси ли нынѣ, яко безуменъ еси! (узналъ ли теперь, что ты глупъ)».

Ссора и перекоръ у Князя Тьмы съ Сатаною вышли на

впду у всѣхъ, и самого Іисуса Христа, который въ это время отозвался съ словомъ къ Князю Тьмы.

«Глагола Вельзевулу: отнынѣ да будетъ Сатана во власти твоей во вѣкъ, и поработаетъ ти во Адама мѣсто и сыновъ его, иже кровію моею оправдишася».

Этимъ Спаситель кончаетъ съ Сатаною и обращается къ настрадавшимся въ аду праотцамъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

«Простеръ Іисусъ десницу свою, глаголя: пріидите ко мнѣ вси святіи, созданныя по образу моему, иже осуждени бывше преступленіемъ заповѣди, еже о древѣ — оживитеся нынѣ древомъ креста моего. Князь-бо міра сего осужденъ есть и смерть попрана».

«Тогда вси святіи собрашася подъ-руку Всевышняго: «Господь же держа десницу Адама, глагола ему: миръ ти и чадомъ твоимъ».—Этотъ и послѣдующіе эпизоды изображаются на истовыхъ иконахъ «Воскресенія съ сошествіемъ».

«И припаде Адамъ къ колѣнома Господа Іисуса Христа, моли его со слезами, глаголя: вознесу тя Господи, яко подъялъ мя еси и возвелъ еси отъ Ада».

«Такожде и вси святіи, припадше къ ногу Іисусову, Господь же простре десницу, сотвори знаменіе креста надъ Адамомъ и надъ родомъ его и вземъ за руку Адама, изведе отъ ада и вси святіи съ нимъ». Это и есть тотъ ходъ въ нѣсколько разъ обороченною вереницею, которая занимаетъ средній планъ иконы.

«Царь и пророкъ Давидъ» какъ только тронулись, запѣлъ: «Воспойте Господеви пѣснь нову». Святые отвѣчали антифонами: «Слава сія будетъ всѣмъ преподобнымъ Его». «По семъ же пророкъ Аввакумъ возопи: «исшелъ еси во спасеніи людей твоихъ, спасти помазанныя твоя». Святые на отвѣтъ Аввакуму запѣли: «Благословенъ грядый во имя Господне». И такъ: «вси святіи и пророцы» прослѣдовали изъ ада въ рай съ пѣніемъ «хвалу воздающе и идоша во слѣдъ Господа».

«Держай Господь руку Адама, введе его Архангелу Михаилу и вси идоша съ нимъ, и со славою введени быша въ рай».

Но и въ раю начинается то же недоумѣніе: тамъ тогда было всего только два обитателя, Енохъ и Илія, и они удивились, что это за огромное нашествіе и кто его ведетъ. «Два старца стаста предъ ними (пришельцами изъ ада) и вопросиша ихъ святіи: кто еста, не бо бѣста съ нами во Адѣ. Единъ же отъ нихъ отвѣщавъ: азъ есмь Енохъ, а сей Илія Θезвитянинъ».

«Егда же Енохъ и Илія глаголаста сія, пріиде мужъ нѣкій страненъ, носяй крестъ на рамѣ своей, и святіи вопросиша его: Кто сей? зракъ разбойника имый, и чесо ради носиши крестъ на рамѣ своей?»

«Онъ же отвѣща: во истинну разбойникъ есмь, много бо зла сотворихъ на земли, и со Іисусомъ распятъ бѣхъ, и даде ми крестъ свой—глагола: иди, и аще ангелъ, иже при вратѣхъ рая, воспретитъ ти входъ, яви ему крестъ и рцы: яко Іисусъ Христосъ, днесь распятый, присла мя къ тебѣ».

Этотъ «ст. Рахъ разбойникъ» или по неправильному обозначенію титла «Страхъ разбойникъ», или «Благоразумный разбойникъ» (котораго видимъ на картинѣ Ге) и у самыхъ воротъ рая дожидается съ крестомъ на ладони.

«Скончавшу же разбойнику глаголы сія, вси патріарси и пророци возопиша гласомъ веліимъ: Боже Вседержителю! устрой убо ему милость Твою въ рай, и постави его въ животѣ вѣчнемъ».

Этимъ оканчивается рукописаніе на хартіяхъ, на которыхъ писали сыновья Симеона, бывшіе очевидцами событій въ аду. Рукопись, которую они дали еврейскимъ архіереямъ, заключалась слѣдующимъ заявленіемъ:

«Сія убо суть священная и божественная таинства, яже мы, Каріинъ и Лектій и вси сущіи тамо видѣхомъ; прочее же возбрани намъ возвѣщати (прочаго же что еще видѣли, мы открыть не можемъ), якоже яви намъ архан-

гелъ Михаилъ, повелѣвый намо идти съ братіею нашею во Іерусалимъ». Егда же сконча кійждо писати сія, вдаде Каріи писанное Аннѣ, Каіафѣ и Гамаліи, Лектій же Никодиму и Іосифу, и внезапу преобразистася предъ ними, и бѣста бѣла яко снѣгъ, и невидима бѣста. Писаніе же обою равно бѣ, и *неразличествова ни въ единомъ словеси*. Тогда весь сонмъ Іудейскій, видѣвъ сіе, дивися, и глагола другъ ко другу: во истину Сынъ Божій есть, сотворивый сія. И изыдоша отъ сонмища, плачуще и біяще перси своя, и отъидоша во свояси. Іосифъ же и Никодимъ возвѣстиста Игемону вся бывшая и написа сія Пилать и положи въ кивотѣ».

Вотъ почему на нѣкоторыхъ старыхъ лубочныхъ изображеніяхъ «суда» вмѣстѣ съ «старѣйшинами іудейскими» сидитъ Пилатъ въ эпанчѣ, въ узкихъ штанцахъ въ обтяжку и въ шляпѣ съ перомъ въ родѣ атаманской. Тамъ же обозначается какой-то сундучокъ, въ которомъ повидимому нѣтъ никакого смысла, если не знать, что онъ спрятанъ въ «кивотѣ».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

«Вниде Пилатъ въ церковь и собравъ архіереи и книжники, повелѣ заключить двери и глагола: увидѣвъ, яко имаше книгохранительницу церковную, сего ради заклинаю вы Богомъ отецъ вашихъ, не сокройте правды отъ мене, рцыте ми, еда-ли въ писаніи обрѣтаете, яко Іисусъ, его же распясте, Сынъ Божій бѣ? Тогда повелѣста Анна и Каіафа изыти изъ церкве всѣмъ, и заключивше двери, рекоста Пилату: егда распяхомъ Іисуса, не вѣдѣхомъ его Сына Божія быти, мняще яко волхвованіи знаменія творяше. Таже по смерти его поискахомъ о еже содѣла; и обрѣтохомъ свидѣтелей мнозѣхъ отъ колѣна нашего, иже видѣша его жива по страданіи и смерти; и сами видѣхомъ двою свидѣтелю, ихъ-же воскреси Іисусъ отъ мертвыхъ. Тіи бо возвѣстиша намъ дивная чудеса, яко сотвори Іисусъ во адѣ; обычай-же имамы на всяко лѣто искати

отъ писаній свидѣтельства Божія, и обрѣтохомъ въ первой книзѣ толкованій, яко глагола архангелъ третьему сыну Адама, яко по пяти тысящахъ и пятистахъ лѣтѣхъ, имать прiити съ небесе взлюбленный сынъ Божій Христосъ; и разумѣхомъ, яко той есть Богъ Израилевъ».

Такимъ образомъ даже и для помѣщенія Пилата сидящимъ въ собраніи съ архіереями и старѣйшинами іудейскими есть письменное основаніе, къ которому первые компановщики иконы «суда» и «сошествія», конечно, отнеслись съ полнымъ довѣріемъ и критиковать его не могли, да вѣроятно, и не желали.

Сюжетъ этотъ какъ вошелъ въ иконописный «подлинникъ», такъ и сталъ воспроизводиться, и почитался до церковной реформы за «правильное». Послѣ реформы, когда старое стали почитать за неправильное, новые «фрязскіе мастера» начали писать икону «Воскресенья» иначе.

Апокрифъ же этотъ, изъ котораго сдѣланы выписки, объясняющія кажущуюся произвольность фантазіи русскихъ иконописцевъ, весьма многимъ изъ простолюдиновъ извѣстенъ, и вотъ что я напримѣръ помню о распространеніи его во время всеобщаго безграмотства среди самыхъ темныхъ, крѣпостныхъ крестьянъ въ Орловской губерніи.

Въ селѣ Добрыни, гдѣ я проводилъ дѣтство, былъ діаконъ на дьячковской вакансіи. Онъ получилъ свое скромное мѣсто въ приданое за женою, бывшею дочерью уніатскаго попа или распопа, по имени Фока. Отецъ Фока былъ «изъ непокорныхъ уніатовъ». Впрочемъ всѣ данныя для исторіи Фоки у насъ ограничивались тѣмъ, что онъ «съ митрополитомъ Сѣмашкой былъ въ школѣ товарищъ и вмѣстѣ съ нимъ на православіе подписался, но не захотѣлъ «долгихъ косъ носить», и такъ заспорилъ, что сказалъ: «я тебя переживу». Сѣмашко же будто отвѣчалъ Фокѣ: «а я тебя на высылъ представлю» Каждый и началъ доказывать другъ другу то, чѣмъ грозился. Сѣмашко удалилъ Фоку съ мѣста

и «представилъ на высылъ», а Фока пошелъ его «переживать». Высылъ Фокѣ вышелъ изъ Виленской губерніи въ Орловскую, гдѣ о ту пору былъ архіерей изъ южныхъ уроженцевъ,—нерасположенный къ Антонію Сѣмашкѣ. Это стеченіе обстоятельствъ послужило въ пользу Фокѣ: архіерей узналъ о бѣдственномъ положеніи голодавшаго «недовѣрка» — и «предоставилъ одной изъ его дочерей дьяческую ваканцію въ селѣ». Но этимъ еще владыка орловскій не окончилъ свою укоризну Сѣмашкѣ, а взялъ да и произвелъ Фокина зятя изъ дьячковъ въ дьяконы. Самъ же Фока какъ-то совсѣмъ отпалъ духовнаго чина, ходилъ въ «сурдутѣ» и обучалъ латинскому языку и другимъ наукамъ дѣтей у нашего предводителя, а потомъ оставался у него «вольнымъ секретаремъ». Что касается духовныхъ правъ отца Фоки, то никто не зналъ, какъ на этотъ счетъ располагать о немъ. Приходскіе батюшки не отчисляли Фоку ни къ приказнымъ, ни къ благороднымъ, но въ отличіе отъ себя называли его «распономъ», а мужики, слышавшіе, что онъ «уніатъ» — безъ дурной мысли именовали его «тунеядомъ».

У Фоки была изрядная библіотека, въ которой находилось много книгъ почаевской и гродненской славянскихъ типографій и нѣсколько рукописей,—извлеченій и переводовъ, сдѣланныхъ самимъ отцомъ Фокою.

Когда Фока умеръ и библіотека его перешла къ его зятю діакону на дьяческой вакансіи, — тотъ устроилъ литературное сокровище Фоки сообразно своему усмотрѣнію, и только одну рукопись оставилъ себѣ «для душевной пользы», а польза заключалась въ томъ, что въ пасхальную ночь, когда дворяне, ихъ дѣти, дворовые люди и мужики, боясь ночной темноты и распутицы, прибывали изъ деревень къ церкви съ вечера и въ ожиданіи заутрени размѣщались по домамъ на поповкѣ, — тогда каждый годъ въ ригѣ у діакона составлялось прелюбопытное чтеніе, за удовольствіе слушать которое всякій «слухачъ» долженъ былъ дать три копейки на свѣчку.

Тутъ мы и получали о предстоящемъ часѣ воскресенія Христова такія любопытныя свѣдѣнія, какихъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не получишь. И вотъ зато теперь намъ странно и смѣшно слышать, что чужестранцы толкуютъ, будто самая любимая икона русскаго народа «пишется по фантазіи художника», а бывшіе въ ту пору въ Парижѣ писатели наши не нашлись это поправить. Пусть однакоже хоть далѣе не думаютъ такъ ошибочно наши просвѣщенные люди, которымъ не пришлось раньше узнать объ этомъ.

Оглавленіе XII тома.

стр.

Зимній день. Пейзажъ и жанръ 1
Разсказы кстати. Изъ литературныхъ воспоминаній.
1) Дама и Фефёла 69
2) Загонъ. 120
Продуктъ природы. 157
Сибирскія картинки XVIII-го вѣка. Изъ дѣлъ сибирской старины. Разсказъ 176
Вдохновенные бродяги. Удалецкія «скаски». 239
Некрещеный попъ. Невѣроятное событіе. Легендарный случай. Разсказъ 280
Владычный судъ. Быль. Изъ недавнихъ воспоминаній. Pendant къ разсказу «На краю свѣта» 340
Язвительный. Изъ Гостомельскихъ воспоминаній. Разсказъ чиновника особ. порученій 407
Домашняя челядь. Историческія справки по современному вопросу 430
Сошествіе во адъ. Апокрифическое сказаніе 447

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

произведеній, напечатанныхъ во всѣхъ двѣнадцати томахъ «Полнаго собранія сочиненій Н. С. Лѣскова».

СТРАН.

А.

Александритъ. Разсказъ. Томъ VII 518
Антука. Разсказъ. Томъ V 417
Аскалонскій злодѣй. Происшествіе въ Иродовой темницѣ. Т. X. 221

Б.

Безстыдникъ. Разсказъ. Томъ VI. 323
Бѣлый орелъ. Фантаст. разсказъ. Томъ V 559

В.

Вдохновенные бродяги. Удалецкія «скаски». Томъ XII . . 239
Владычный судъ. Быль. Изъ недавнихъ воспоминаній. Pendant къ разсказу «На краю свѣта». Томъ XII 340
Вонтельница. Очеркъ. Томъ V. 221

Г.

Голосъ природы. Разсказъ. Томъ VII 565
Гора. Египетская повѣсть. Томъ X 1
Грабежъ. Разсказъ. Томъ V 368

Д.

Дама и Фефёла. Разсказъ. Томъ XII 69
Домашняя челядь. Историческія справки по современному вопросу. Томъ XII 430

СТРАН.

Дурачокъ. Разсказъ. Томъ XI 304
Духъ госпожи Жанлисъ. Случай. Томъ VII. 194

Ж.

Жемчужное ожерелье. Разсказъ. Томъ VII. 4
Жидовская кувырколегія. Разсказъ. Томъ VII. 160

З.

Загадочное происшествіе въ сумасшедшемъ домѣ. Т. VII. 534
Загадочный человѣкъ. Истинное событіе. Томъ VIII . . . 1
Загонъ. Разсказъ. Томъ XII. 120
Запечатлѣнный ангелъ. Разсказъ. Томъ I. 449
Захудалый родъ. Семейная хроника князей Протозановыхъ. Томъ VI 1
Звѣрь. Разсказъ. Томъ VII 33
Зимній день. Пейзажъ и жанръ. Томъ XII. 1

И.

Импровизаторы. Картинка съ натуры. Томъ XI. 269
Инженеры безсребренники. Разсказъ. Томъ II. 176
Интересные мужчины. Разсказъ. Томъ VII. 416

К.

Кадетскій монастырь. Разсказъ. Томъ II 59
Колыванскій мужъ. Разсказъ. Томъ V. 449
Котинъ доилецъ и Платонида. Разсказъ. Томъ VI. . . . 434

Л.

Левъ старца Герасима. Легенда. Томъ X. 211
Легенда о совѣстномъ Данилѣ. Томъ X. 103
Легендарные характеры. Опытъ систематическаго обозрѣнія. Томъ XI. 390
Леди Макбетъ Мценскаго уѣзда. Очеркъ. Томъ V. . . . 313
Лѣвша. Сказка. Томъ II. 243

М.

Маленькая ошибка. Разсказъ. Томъ VII 230

Н.

На краю свѣта. Разсказъ. Томъ I. 369
На ножахъ. Романъ (начало). Ч. I, II и III. Томъ VIII. . . 127

СТРАН.

На ножахъ. Романъ (окончаніе). Ч. IV, V, VI и эпилогъ. Томъ IX 1
Невинный Пруденцій. Легенда. Томъ XI. 313
Некрещеный попъ. Невѣроятное событіе. Разсказъ. Томъ XII. 280
Некуда. Романъ. Томъ IV. 1
Неразмѣнный рубль. Разсказъ. Томъ VII. 22
Несмертельный Голованъ. Разсказъ. Томъ II 121
Николай Семеновичъ Лѣсковъ. Біографическій очеркъ, составленный Р. Сементковскимъ. Томъ I. V

О.

Обманъ. Разсказъ. Томъ VII 104
Обойденные. Романъ. Томъ III. 1
Овцебыкъ. Разсказъ. Томъ VI 247
Однодумъ. Разсказъ. Томъ II 6
О квакереяхъ. Post-scriptum къ «Юдоли». Томъ XI 259
Островитяне. Повѣсть. Томъ III 347
Отборное зерно. Трилогія. Томъ VII. 74
Очарованный странникъ. Разсказъ. Томъ II 281

П.

Печерскіе антики. Воспоминаніе. Томъ II 318
Пигмей. Разсказъ. Томъ II 43
Пламенная патріотка. Разсказъ. Томъ V. 599
Повѣсть о богоугодномъ древоколѣ. Томъ X 124
Полунощники. Пейзажъ и жанръ. Томъ XI 32
Прекрасная Аза. Легенда. Томъ X 130
Прибавленіе о Бобровѣ. (Кадетскій монастырь). Томъ II . . 96
Привидѣніе въ Инженерномъ замкѣ. Томъ VII 57
Продуктъ природы. Разсказъ. Томъ XII 157
Пугало. Разсказъ. Томъ VII 239
Пустоплясы. Святочный разсказъ. Томъ XI. 290
Путешествіе съ нигилистомъ. Разсказъ. Томъ VII 221

Р.

Ракушанскій меламедъ. Разсказъ на бивуакѣ. Томъ V . . 518
Русскій демократъ въ Польшѣ. Разсказъ. Томъ II. . . . 101

С.

Сибирскія картинки XVIII-го вѣка. Разсказъ. Томъ XII . 176
Сказаніе о Ѳедорѣ-христіанинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жидовинѣ. Томъ X 289

СТРАН.

Скоморохъ Памфалонъ. Легенда. Томъ X 144
Смѣхъ и горе. Сатирическіе очерки. Томъ V 1
Соборяне. Хроника. Томъ I 1
Совмѣстители. Разсказъ. Томъ VII 327
Сошествіе во адъ. Апокрифическое сказаніе. Томъ XII. . . 447
Старинные психопаты. Разсказъ. Томъ VII. 365
Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ. Очерки. Томъ VI . . 338
Старый геній. Разсказъ. Томъ VII 210

Т.

Таинственныя предвѣстія. Разсказъ. Томъ VII 483
Томленье духа. Разсказъ. Томъ VI 506
Тупейный художникъ. Разсказъ на могилѣ. Томъ VI . . . 480

У.

Умершее сословіе. Воспоминаніе. Томъ VII 550

Ф.

Фигура. Разсказъ. Томъ VII 297

Ч.

Часъ воли Божіей. Сказка. Томъ XI 1
Человѣкъ на часахъ. Разсказъ. Томъ II 433
Чертогонъ. Разсказъ. Томъ II 584
Чортовы куклы. Главы изъ неоконченнаго романа. Томъ X . 418

Ш.

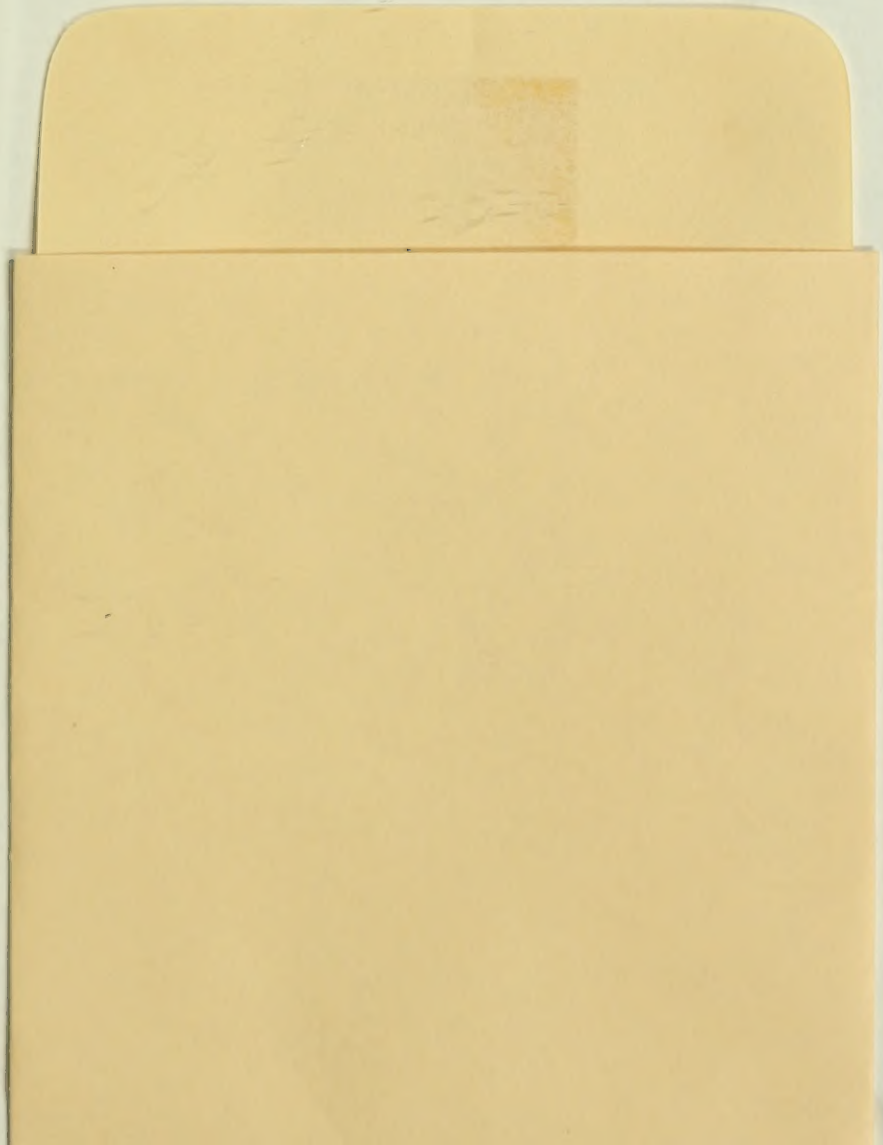
Шерамуръ. Разсказъ. Томъ II 455
Штопальщикъ. Разсказъ. Томъ VII 142

Ю.

Юдоль. Рапсодія. Томъ XI 149

Я.

Язвительный. Изъ Гостомельскихъ воспоминаній. Разсказъ. Томъ XII. 407

8696

SEP 2 2 1992